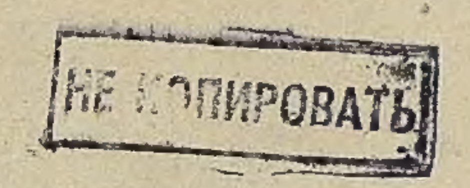
СЛАВЯНСКІЙ

СБОРНИКЪ

Н. В. Савельева-Ростиславича.

La rénovation de l'histoire, dont je signalais vivement le besoin, se présentait à moi sous deux faces, l'une scientifique et l'autre politique. J'invoquais à la fois une complète restauration de a vérité, altérée ou méconnue . . . . je demandais qu'on recueillît, avec un soin respectueux, les souvenirs d'honneur. . . en un mot, qu'à l'aide de la *science* unie au *patriotisme*, on fit sortir de nos vieilles chroniques des récits capables d'émouvoir la fibre populaire.

Тьерри. Dix ans d'études historiques, Préface.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Конрада Вингебера.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1-го Ноября 1844 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

ПАМЯТИ

ЛОМОНОСОВА И ВЕНЕЛИНА,

падшихъ въ борьбѣ за независимость Русской мысли.

Non ex vulgi opinione, sed judice rationis sanae.
Bacon.
«Но по общему мнѣнію, но по здравому смыслу.»
Бэконъ.

Украшенный двойнымъ вѣнцомъ, славы и страданія, краснорѣчивый слѣпецъ, которымъ по справедливости гордится новѣйшая историческая школа Франціи, Тьерри, высказавъ литературныя свои убѣжденія, въ Предисловіи къ Dix ans d' études historiques, такъ заключилъ изображеніе своихъ идей и трудовъ историческихъ: «il y a au monde quelque chose qui vaut mieux que les jouissances matérielles, mieux que la fortune, mieux que la santé elle-même, c'est *le dévouement à la science.*»

Да! любовь къ знанію, преданность наукѣ, можетъ заставить забыть многое, всѣ обольщенія юности, всѣ выгоды жизни промышленно-общественной, особенно, когда предметомъ вашихъ занятій будетъ родина, цѣлью вашихъ трудовъ—возстановленіе передъ потомствомъ славныхъ подвиговъ предковъ, блистательныхъ дѣлъ, умышленно прикрытыхъ завистію чужеплеменниковъ...

Великій преобразователь Россіи, безсмертный Петръ понималъ необходимость союза между *знаніемъ* и *народностію:* питая благоговѣніе къ отечественной Исторіи, онъ радовался, найдя Кенигсбергскій списокъ Несторовой лѣтописи, и первый возъимѣлъ мысль о собраніи и напечатаніи древнихъ нашихъ лѣтописей и грамматъ; задумывая объ Академіи, онъ приглашалъ къ намъ учёныхъ иноплеменниковъ, но при каждомъ иностранцѣ велѣлъ быть *двумъ Русскимъ,* которые могли бы въ послѣдствіи быть разсадниками наукъ въ отечествѣ. Между тѣмъ, заботясь о

Россіи, Петръ не забывалъ и нашихъ Славянскихъ братій. Великая мысль Все-Славянства, въ новомъ мірѣ Россіи, принадлежитъ—какъ справедливо замѣтилъ С. П. Шевыревъ—Петру Великому: Государь-геній, онъ первый постигъ важность *родственнаго* отношенія между нами и другими племенами Славянскими. Во второй половинѣ своего царствованія онъ выражаетъ къ нимъ глубокое сочувствіе: въ манифестѣ войны 1711 года противъ Турокъ обнаруживаетъ желаніе помочь нашимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, которые стенаютъ подъ игомъ Турецкимъ, Грекамъ, Волохамъ, *Болгарамъ, Сербамъ;* въ томъ же году входитъ въ сношенія съ Черногорскимъ митрополитомъ Даніиломъ, а въ 1715 году оказываетъ ему Царское гостепріимство и отправляетъ съ нимъ дружественную граммату къ *Черногорскимъ* Сербамъ (1716); въ 1720-мъ году пишетъ къ Рагузинскому въ Прагу, поручая нанять ему для театра людей умѣющихъ по-Словенски или по-Чешски; въ 1722 г. посылаетъ къ Сербамъ церковную утварь, Богослужебныя книги, учителей для языка Славянскаго и Латинскаго, а въ 1323 году приглашаетъ Сербовъ селиться на Русской границѣ, выразивъ ту замѣчательную мысль, что они конечно будутъ вѣрно служить Государю единовѣрному и единоплеменному ([1]). Такимъ образомъ, согрѣвая себя мыслію Все-Славянства, Петръ Великій постигъ важность Исторіи озаренной патріотизмомъ; желая возобновить передъ глазами обновленнаго славою народа *древнюю* славу могущаго племени Славянскаго, безсмертный Преобразователь велѣлъ перевестъ съ Италъянскаго сочиненіе Мавроурбина, которое представляло довольно полную и — не смотря на младенчество тогдашней исторической критики—довольно вѣрную картину прошедшаго бытія Славянъ. Въ 1722 году явилась наконецъ «Кніга Исторіограѳія почятія имене, славы и расширенія народа *Славянского*, и ихъ цареи и владѣтелеи *подъ многіми имянами,* и со многіми царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многіхъ кніга історіческіхъ, чрезъ господіна Мавроурбина, Архимандріта Рагужского. Переведена со Италіанского на Россіискои языкъ, и напечатана повелѣніемъ и во время счастліваго владѣ-

---

([1]) Москвитянинъ (1844), № 10, въ статьѣ «Академическія бесѣды въ 135 верстахъ отъ Москвы,» рѣчь С. П. Шевырева, стр. 346 — 352, также въ «Сынѣ Отечества» (1838 г.) статья Маклановича о Черногоріи, т. VI, отд. III, стр. 65—72.

нія Петра Великаго, Імператора и Самодержца Всероссійскаго, и протчая, и пр. и пр. въ Санктъпітербургской Типографіи, 1722 году, Агуста въ 20 день». И на первой же страницѣ Введенія, современники великаго Преобразователя читали: «Нікако же удівітелно есть, что слава народа Славянскаго, нынѣ *не такъ ясна*, *какъ онои довлѣло* разславітіся по вселеннѣй. Ежели бы сеи народъ, такъ достаточенъ былъ людьми *учеными* и *книжными*, какъ былъ доволенъ *военными* и превосходітелными оружіемъ, тобъ ни єдінъ другой народъ во вселеннѣи былъ въ примѣръ имени Славянскому. А что протчіе народы, которые *зѣло нижшие* его, нынѣ *велми* себя *прославляютъ*, то не ради чего иного, токмо чрезъ бывшихъ въ ихъ народѣ людей ученыхъ».

Путь прямой былъ указанъ—по нёмъ не пошли.

Къ несчастію, первые наши «люди ученые и книжные» были не-Русскіе, не-Славяне: могли-ль они сочувствовать патріотическимъ намѣреніямъ Петра Великаго?

Великій Преобразователь Россіи уважалъ тѣхъ благородныхъ иноплеменниковъ, которые съ усердіемъ посвящали свои труды Россіи, отрицались прежней народности и по *духу* становились истинно-Русскими; но видѣлъ онъ также и многихъ своекорыстниковъ, думавшихъ единственно о личныхъ выгодахъ. Очистить Россію отъ этихъ плевелъ, возросшихъ вмѣстѣ съ пшеницею, сдѣлалось любимою мыслію Петра Великаго. Изъ донесенія Кампредона Французскому Двору (отъ 30-го Января 1722 года) мы узнаемъ, что «Петръ Великій повелѣлъ всѣмъ дворянамъ явиться въ Петербургъ—подъ опасеніемъ конфискаціи имѣнія неявившихся, и лишенія благороднаго званія. Цѣль сего указа: узнать способныхъ на службу дворянъ и *замѣнить ими иностранцевъ*, коихъ Петръ хочетъ вскорѣ уволить отъ службы и отослать». (2)

Но Великій умеръ—и мысль его осталась безъ исполненія.

Люди, къ которымъ онъ питалъ глубочайшее презрѣніе, размножались. Въ благодарность Россіи, которая кормила ихъ и поила, они подарили Бироновщину (1730 ей—1740), тяготѣвшую надъ нашимъ отечествомъ до счастливаго воца-

---

(2) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1843), ч. XXXVII отд. II: *Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго*, извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній Французскихъ Посланниковъ и Агентовъ при Русскомъ Дворѣ. Статья II, стр. 169.

ренія дочери Петровой, кроткой Елизаветы, очистившей Русь отъ иноплеменниковъ и предуготовившей намъ вѣкъ Екатерины Великой. Въ этотъ несчастный для Россіи періодъ господствованія Бирона, въ угодность сильнымъ временщикамъ-иноземцамъ, явилась и система Скандинавскаго происхожденія Руси. Угрожаемые намѣреніемъ Петра Великаго, но жалѣя разстаться съ гостепріимною Россіею, чужеземцы осуществили планъ —присвоить себѣ воспитаніе Русскаго юношества и съ самаго дѣтства внушать ему ту мысль, что Россія всѣмъ обязана не себѣ а чужеземцамъ, что имъ слѣдственно (а не намъ) принадлежитъ во всемъ первенство, и что даже первое сѣмя государственной жизни брошено у насъ чужеземцами.

Современникомъ Великому Преобразователю Россіи явился человѣкъ знаменитый на литературномъ поприщѣ, безсмертный рыбакъ Холмогорскій, который геніемъ своимъ въ Естествованіи проникъ въ истины, раскрытыя только въ наше время соединенными усиліями Европейскихъ ученыхъ (³); котораго славный Эйлеръ равнялъ съ величайшими геніями (⁴); которому справедливо удивлялись лись Стокгольмская и Болонская Академію, почтившіе его званіемъ Члена; который преобразованіемъ Русскаго языка заслужилъ имя Отца нашей Словесности, и котораго заслуги не оцѣнены только на Историческомъ поприщѣ... Рожденный въ снѣгахъ сѣвера (1711), Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ провелъ всю жизнь въ борьбѣ съ судьбою и съ ненавистниками Россіянъ: «за то терплю», писалъ онъ въ памятной для себя запискѣ, «что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучи-

---

(³) Маякъ (1843, Январь) томъ VII, глава. III, статья Д. М. Перевощикова «Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія о явленіяхъ воздушныхъ,» стр. 53—67.

(⁴) Вотъ что писалъ о трудахъ Ломоносова Эйлеръ: Toutes ses pieces sont non seulement bonnes, mais *très excellentes*, car il traite les matières de la phisique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont *tout à fait inconues et inexplicables aux plus grands genies* avec tant de solidité que je suis tout a fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois *faire justice* à monsieur Lomonosoff qu'il possède *le plus heureux genie* pour decouvrir les phénomènes de la phisique et de chimie; et il seroit à souhaiter que toutes les autres académies fussent en état de produire des decouvertes semblables à celle que monsieur Lomonosoff vient de faire. (Очерки Россіи, изд. Вадимомъ Пассекомъ, кн. II, статья А. Ѳ. Вельтмана «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова», стр. 6).

лись *Россіяне*, чтобъ показали *свое достоинство*», — и какъ бы чувствуя приближеніе кончины, прибавилъ: «я не тужу о смерти — пожилъ, поторпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ» ([5]); а передъ кончиною (4 Апр. 1765 г) говорилъ своему другу, Штелину: «на смерть взираю равнодушно; сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить начатаго для пользы Отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Вижу теперь, что мои благія намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною» ([6]).

Къ Ломоносову можно вполнѣ примѣнить сказанное Французскимъ историкомъ Мишлѐ о трудахъ славнаго Вико: «его открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ потому, что они относились къ нашему вѣку». Современники рѣдко бываютъ благодарны къ человѣку, превышающему свой вѣкъ, особенно жь, когда тутъ вмѣшается ненависть... Ломоносовъ, благоговѣя къ памяти безсмертнаго Преобразователя Россіи, высоко цѣнилъ народность, и защищалъ дѣло Петра Великаго «чтобъ выучились *Россіяне*», поэтому долженъ были ежедневно выдерживать нападенія: его раздражали, выводили изъ терпѣнія, ему во всемъ препятствовали—не только чужеземцы, но даже свои, Русскіе поклонники иностранцевъ. Года за три или за четыре передъ кончиною, Ломоносовъ благородно раскрылъ свою душу въ письмѣ къ Теплову (1761) и откровенно объяснилъ причину медленнаго развитія наукъ въ Россіи и жалкаго состоянія нашей Академіи. Упомянувъ, что уже «неоднократно представлялъ, словесно и письменно, о исправленіи застарѣлыхъ непорядковъ», Ломоносовъ говоритъ: «однако, *не по мѣрѣ* Монаршей къ наукамъ щедроты, воспослѣдовали рѣшенія и *успѣхи*, затѣмъ, что не отнято *прежнее самовольство* недоброхотамъ приращенію наукъ *въ Россіи*. Нѣкогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы къ нему: L'Académie sans académiciens, la chancelerie sans membres, l'université sans étudiens, les regles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède. *Кто* же въ томъ виноватъ кромѣ *васъ* и *вашего непостоянства?* Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мнѣ. Въ томъ больше вы слѣдовали

(5) Очерки Россіи, кн. II, стр. 40.

(6) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, ч. III, біографія Ломоносова, стр. 197.

стремленію своей страсти, нежели общей Академической пользы, и чрезъ таковыя *повседневныя перемѣны* колебали какъ трость все Академическое зданіе: тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позорѣ и упадкѣ; тотъ, кто выслань съ безчестіемъ, съ честію назадъ призванъ.... Еще есть вамъ время обратиться на *правую* сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ *и добрыя* о пользѣ *Россійскихъ* наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять *недоброхотовъ Россійскимъ ученымъ*. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я симъ ничего иного не ищу, какъ только, чтобъ *закоренѣлое несчастіе Академіи* пресѣклось. Будежъ еще такъ все останется, и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали: за нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно, по моей возможности. *За общую пользу*, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, *и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю*. И такъ нынѣ изберите любое: или одобряйте явныхъ недоброхотовъ не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги; одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ *ихъ противоборство* никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и *роптанія* и *презрѣнія*; — или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте *Божія дѣла* для своихъ *пристрастій*, дайте возрастать свободно *насажденію Петра Великаго*. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу... Что до меня надлежитъ, то *я* къ сему себя *посвятилъ*, чтобъ *до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться*, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину» (7).

Голосъ человѣка благороднаго, возставшаго на защиту *народности*, не нашелъ отклика между современниками: они увлечены были пристрастіемъ къ направленію исключительно западному. Не таковъ былъ Ломоносовъ. Онъ постигалъ великое назначеніе Россіи; хотѣлъ, чтобы ея умствен-

(7) Очерки Россіи, кн. II, стр. 38 — 39.

ное возрастаніе было свободно отъ несвойственныхъ ей прививковъ, запечатлѣно народнымъ духомъ, проникнуто народнымъ характеромъ. Кичливые возгласы иноземцевъ о собственномъ достоинствѣ, неуваженіе къ имени Русскому и невѣріе ихъ въ способности Русскихъ, наполняли негодованіемъ пылкую душу патріота-ученаго, душевно преданнаго Отечеству.—Россіи предстояло геніемъ Ломоносова опередить Европу, въ половинѣ XVIII вѣка утвердить тѣ открытія, которыя составили славу нѣсколькихъ ученыхъ Естествоиспытателей конца XVIII и начала XIX вѣка: завистники генія не допустили Россію обнаружить самостоятельность воззрѣнія на Естествознаніе. Россія могла бы за полвѣка до Карамзина имѣть свою Исторію, произведеніе если не равное творенію славнаго Исторіографа, по крайней мѣрѣ несравненно лучшее всего того, что̀ предшествовало «Исторіи Государства Россійскаго»: не доброжелательство враговъ Русскаго генія лишило его средствъ совершить полезный трудъ. Кто же были эти враги Русскаго генія? Иноземные гости и даже (стыдно сказать) свои соотечественники ([9]). «Намъ Русскимъ», писалъ Артемій Петровичь Волынской князю Урусову, «не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ, и съ-того сыты бываемъ» ([8]). Пользуясь такимъ несогласіемъ, чужеземцы-ученые рѣшились возвышать только тѣхъ, кто былъ ниже ихъ, не могъ бы затмить ихъ; давали ходъ только такимъ людямъ, какъ знаменитый

([8]) Въ 1654 году Ломоносовъ просилъ Шувалова о переводѣ изъ Академіи въ Иностранную Коллегію, *гдѣ не менѣе могъ бы онъ принесть пользы и чести Отечеству.* Въ 1759 году онъ писалъ къ нему же: «мои *манускрипты* могутъ нынѣ больше служить, *нежели самъ я, не имѣя отъ моихъ недоброжелателей покоя.* Въ «Трудолюбивой» такъ называемой «Пчелѣ» напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того, Тредьяковскій, совокупилъ свое грубое незнаніе съ *подлою злостію,* чтобы *моему раченію* сдѣлать *помѣшательство.* Здѣсь можно видѣть *цѣлый комплотъ:* Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Тредьяковскій далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть Ваше Превосходительство можете, *сколько* сіи люди даютъ мнѣ покоя, не преставая *повреждать* мою *честь* и *благополучіе при всякомъ случаѣ.* Умилосердитель надо много, Милостивый Государь, *свободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе* въ полезныхъ и славныхъ моему отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія» и проч.

([9]) Энциклопедическій Лексиконъ, т. XI, въ статьѣ *Волынскій,* стр. 464. Сравните мнѣніе Панина о Волынскомъ въ *Запискахъ* С. А. Порошина, с. 74, 75.

Профессоръ Элоквенціи, преславный авторъ Тилемахиды, Василій Кирилловичь Тредьяковскій, типъ ученой бездарности, воловьяго трудолюбія, мертваго подражанія, равнодушія къ высокимъ началамъ нравственно-политической любви къ отечеству и народности (10). Такіе люди *прави-*

(10) Петръ Великій ударилъ Третьяковскаго по лбу и сказалъ: «вѣчный труженикъ!» Предсказаніе было вѣрно... Впрочемъ это бы еще не бѣда, если бъ Тредьяковскій по крайней мѣрѣ сохранилъ благородство характера, а то его низость передъ чужеземцами и недоброходство Русскимъ много вредили успѣху праваго дѣла. Завистникъ, онъ увѣрялъ, что Ломоносовъ *портитъ языкъ*, замѣняя иностранныя слова Русскими, *мужицкими и подлыми*, почему и называть себя профессоромъ не *Краснорѣчія*, какъ предлагалъ Ломоносовъ, но *Элоквенціи*... Въ отношеніи къ высшимъ, Тредьяковскій являлся совершенною противоположностью пылкому Ломоносову, которой смѣло писалъ своему начальнику, чтобы ожидалъ «отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія». Бездарность Секретаря Академіи, Тредьяковскаго, соединена была еще съ низостью, готовностью вытерпѣть все. Когда готовились къ шутовской сватьбѣ въ ледяномъ домѣ, Кабинетъ-министръ, Артемій Петровичь Волынскій послалъ кадета Криницына за Васильемъ Кирилловичемъ, которому хотѣли заказать стихи на свадьбу. Это было 4 Февраля. 1739 г. Дорогою, кадетъ поссорился съ Тредьяковскимъ и пожаловался на него Кабинетъ-министру. Что же сдѣлалъ Волынскій, пусть разскажетъ самъ Василій Кирилловичь (Москвит. 1845, № 2, гл. IV, стр. 43-46): «Его Превосходительство началъ бить меня по обѣимъ щекамъ, правое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что изволилъ чинить въ три или четыре пріема»; потомъ «велѣлъ и оному кадету бить меня по обѣимъ щекамъ публично». Василій Кирилловичь вытерпѣлъ все, и только на другой день поплелся къ Бирону «припасть къ ногамъ Его Свѣтлости». На бѣду несчастнаго стиходѣя, къ Бирону съ дѣлами явился тогда же и Волынскій. Онъ входитъ въ переднюю, а тамъ стоитъ «краснаго слога борзый писецъ»... Артемій Петровичь накормилъ друга плюхами, «вытолкалъ въ шею» и поручилъ одному сержанту отвесть злополучнаго піиту въ маскарадную коммиссію, а тамъ сняли съ него шпагу и приказалъ ввалить ему 70 палокъ по голой спинѣ; потомъ, неудовлетворенный какимъ-то отвѣтомъ Василья Кирилловича, велѣлъ закатить ему еще 30 палокъ. Секретарь Академіи ночевалъ подъ карауломъ, «твердя наизусть стихи, хотя уже и не до стиховъ было, чтобы оные прочесть въ потѣшной залѣ». Послѣ всего этого, уже на третій день, отпуская его изъ-подъ караула, Волынскій далъ ему на прощанье еще съ десятокъ ударовъ... Творецъ Тилемахиды» снесъ и это; уже въ Апрѣлѣ, герцогъ Биронъ сказалъ, между прочимъ, въ своей жалобной челобитной Императрицѣ, что Волынскій «не устыдился недавно *обругать побоями* нѣкотораго Секретаря Академіи Тредьяковскаго, *въ его герцогскихъ покояхъ* и тѣмъ оказалъ неуваженіе къ Государынѣ, а ему, владѣтельному Герцогу, нанесъ чувствительную обиду, уже извѣстную и при иностранныхъ дворахъ». И такъ Биронъ хлопоталъ совсѣмъ не о Тредьяковскомъ, а о

лись заморскимъ нашимъ учителямъ, потому что всегда оставались ихъ подражателями, учениками; а Ломоносовъ — эта душа пылкая, благородная, открытая, прототипъ Русскаго характера и Русской даровитости, способности ко всему и на все — Ломоносовъ, живое недовольство посредственностью и стремленіе къ лучшему, слѣдственно къ преобразованіямъ, къ новымъ опытамъ — разумѣется, сталъ предметомъ ненависти однихъ и зависти другихъ. «Не льзя оспоривать», пишетъ А. Ѳ. Вельтманъ, «что при началѣ учрежденія Академіи Наукъ въ Россіи необходимо было дать ученымъ людямъ, выписаннымъ изъ за границы, преимущества, выгоды и даже право распорядительности. Петръ Великій основалъ дѣятельность Академіи на людяхъ, которыхъ память чтитъ Россія. Но послѣ Петра Великаго, новый комплектъ занялъ Академію точно также, какъ Дидона землю туземцевъ Африканскихъ, и сталъ истреблять насажденія великаго образователя; слѣдовательно, постоянныя негодованія и жалобы Ломоносова на злоупотребленія — справедливы, и мы можемъ считать его Русскимъ отводомъ противъ тогдашнихъ иноземныхъ тучъ. За него, какъ за человѣка съ сильной душею, готовой ко самопожертвованію, загородились многіе. Одаренный могучею умственною дѣятельностью и проникнутый любовью къ Отечеству, онъ уважалъ всѣхъ истинно просвѣщенныхъ, но ненавидѣлъ ученыхъ педантовъ, арендаторовъ науки и ученаго званія; сталъ невольнымъ представителемъ борьбы за завѣтъ Петра и за самостоятельность Русскую . . . но повсюду видна (у него) главная цѣль: возстановленіе Академіи *для пользы Отечества и Русскаго юношества*, которую *предназначилъ Петръ Великій* (**)».

Дѣйствительно, когда состоялось Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи и исправленіи законовъ, и въ томъ

себѣ — «нѣкотораго секретаря» пожалуй можно и «обругать побоями», только не въ герцогскихъ покояхъ . . . Между тѣмъ, расположеніе Анны Іоанновны, поколебаленное Волынскимъ только на время, опять возвращено Бирону, когда онъ сталъ на колѣни передъ Императрицей, говоря: «либо ему жить, либо мнѣ» . . . Съ 12-го Апрѣля, Волынскій былъ уже подъ карауломъ; тогда и Тредьяковскій охрабрился и подалъ жалобу, прося удовлетворенія въ безчестьи и увѣчьи; послѣ казни несчастной жертвы Биронова властолюбія (27 Іюня), Тредьяковскій подалъ новую жалобу и получилъ удовлетвореніе — ему выдали изъ имущества казненнаго, деньгами двойной окладъ жалованья, именно 720 рублей!

(**) Очерки Россіи, кн. II, стр. 18 — 19.

числѣ Академическаго Регламента, Ломоносовъ написалъ проэктъ преобразованія Академіи, въ которомъ представилъ ея тогдашнее состояніе, показывалъ причины ея упадка и средства — привесть ее въ цвѣтущее положеніе. Въ «Приступленіи» онъ говорилъ: «всевожделѣнный случай къ исправленію бѣднаго состоянія Академіи! Однако вкоренившееся и застарѣлое въ ней злосчастіе чинитъ препоны и сему великому матернему и божественному попеченію и желанію Всемилостивѣйшія Монархини нашея. Ибо все оное разсмотрѣніе пресѣклось коварными происками и наглыми поступками, которыми самозванно сочинитель, а слѣдовательно и защититель онаго регламента, старался отъ него отвести Высочайшій указъ Ея Величества, данный изъ Правительствующаго Сената о исправленіи законовъ. Стоя за *пользу* и *важность* высокопомянутаго указа, принужденъ я былъ претерпѣть *неправедное и несносное огорченіе* ... Нынѣ въ разсужденіи Академіи предпріялъ я отдать отечеству *послѣднюю должность*; ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролюбія Великія нашея Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали *въ Отечествѣ*.—Симъ предпріятіемъ побуждаю на себя безъ сомнѣнія *нѣкоторыхъ* негодованія, которыхъ *по силѣ* доброжелательство прежнее чувствительно; однако *совѣсть и должность* онаго *несравнено сильнѣе*. Чѣмъ могу я предъ правосудіемъ извиниться? Оно уже заблаговременно мнѣ предвѣщаетъ и въ сердцѣ говоритъ, что имѣя во многихъ наукахъ знаніе, вѣдая *другихъ Академій* поведеніе, видя *великій упадокъ и бѣдное состояніе* здѣшней Академіи, многіе недостатки и неисправности въ Регламентѣ и *безполезную трату толикой казны*, не представлять по своей должности. Что отвѣтствовать? развѣ что я боялся руки сильныхъ? Но я и живота своего не жалѣть въ случаѣ—клятвою предъ Богомъ обѣщался. И такъ, ежели симъ истинной своей ревности не удовольствую, и можетъ быть *себя опасности подвергну*, однако *присяжную* должность исполню» ([12]).

Такимъ образомъ, гоненіе и преслѣдованіе съ одной стороны, чувство собственной правоты по безсилія — съ другой, разжигали волненіе умовъ. «Вражды, несогласія, взаимныя противорѣчія были ужасны», пишетъ А. Ѳ. Вельт-

---

([12]) Очерки Россіи, кн. II, стр. 23—24.

манъ: «призванные ученые Германцы хотѣли все зданіе построить сами, по своей мысли; а ученые Русскіе ломали ихъ начала и говорили: «не вамъ здѣсь жить, а намъ; »учите насъ, какъ чертить планъ, какъ выбирать и упо»треблять матеріалы, а строить будемъ сами, по своей »мысли». Это требованіе было истинно; а между тѣмъ иностранцы не могли ни постигать быстрыхъ Русскихъ понятій, ни вѣрить способности Русской учиться всему со взгляду: они считали это невѣжественной самонадѣянностью. . . . . Самопознаніе Русское еще только что возникало, и его легко было извести *односторонними* доказательствами, что Руссы отрасль Нѣмцевъ, а Русскій языкъ одно изъ нарѣчій Германскихъ». ([13])

Правительство Русское не щадило издержекъ для водворенія наукъ въ Россіи; какъ исполнялись предначертанія Петра Великаго, говорить не буду: это всѣмъ извѣстно. Въ 1726 году, по совѣту Гольдбаха, выписанъ изъ-заграницы другъ его, Байеръ. Этотъ ученый, (скончавшійся 1738 г). разсужденіемъ De Varagis (1735) положилъ начало школѣ, донынѣ еще существующей, хотя уже и значительно растерявшей своихъ поборниковъ. Призванный нашимъ Правительствомъ какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ филологовъ, для объясненія Русскихъ лѣтописей, Байеръ не хотѣлъ однакожъ выучиться Русскому языку. Шлёцеръ весьма основательно говоритъ о Байерѣ: «Непонятно, какъ этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много *потѣвшій* надъ . . . Китайскимъ, не учился по-Русски, почему и *зависѣлъ всегда* отъ *неискусныхъ переводчиковъ* и *надѣлалъ важныя ошибки*» ([14]). Не зная по-Русски, хотя и взявшись объяснять Русскія лѣтописи, Байеръ, разумѣется, не могъ понять Нестора, что Русскія племена (по-ученому, Восточные Славяне) издревле «ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь» ([15]); и вмѣсто того, чтобы, руководясь Несторомъ, слѣдить исторію древней Руси у *Грековъ* подъ именемъ *Великой Скиѳіи*, изо всѣхъ силъ старался раздѣлить то̀, что̀ бы должно оставаться недѣлимымъ, и *три названія* одного и того же народа превратилъ въ *три народа:* Греческое прозвище Русскаго народа (*Скиѳы*) обращено въ Татаръ и Финновъ, наше народное имя (*Русь*) въ Скандинавовъ, а книжное

([13]) Очерки Россіи, кн. II, стр. 40, 41.

([14]) Шлёцеровъ «Несторъ» (пер. Д. И. Языкова). Введеніе страниц. *рм.*

([15]) Лаврентьевскій списокъ, стр. 7. Сравните у меня, въ этой книгѣ, стр. 161 и прим. 142, на стр. 184 пр. 10, также стр. 275—278 (прим).

имя (*Славяне*) получило привиллегію быть Славянскимъ народомъ.

Незнакомый съ Славянскою Этнографіею, Байеръ не могъ замѣтить, что у Византійцевъ имя Sthlavi, Sclavi, Sclavini, равно какъ и у Іорнанда, означало *только однихъ Словенъ,* т. е. Словенцевъ и Словаковъ, донынѣ живущихъ почти въ тѣхъ же предѣлахъ, въ Дунайской странѣ. Не понявъ же этого, Байеръ вознамѣрился отыскивать нашу Исторію Руси въ извѣстіяхъ о Sclavin'ахъ, т. е. тамъ гдѣ ее и отыскать не льзя. Распространивъ на насъ *чуждое* намъ имя (Sclavi), Байеръ конечно не могъ найдти указанія, что Rhos и Varangi суть Sclavi, Sclavini, разумѣется по той простой причинѣ, что мы Русь (Rhos) всегда жили въ Руси а не въ Дунайской Словеніи, Varangi же населяли Балтійское Поморье, Кутъ Велето-Сербскій, а не землю Словенцевъ, хотя подобно намъ «были Славяне изъ Славянъ» по выраженію Арабовъ, или же прямо Ruticlii (Русскіе-Славяне) по свидѣтельству Птоломея (⁴). Не могши понимать Нестора, по незнанію Русскаго языка, а Византійцевъ по невѣденію Этнографіи Славянскаго міра, Байеръ упустилъ изъ виду, что Несторъ Варягамъ назначаетъ жилища на *западъ отъ Ляховъ и Пруссовъ,* то есть страну къ Одрѣ и Лабѣ (Эльбѣ), *до земли Англянской* (Англо-Саксовъ въ Шлезвигѣ) *и до Волошской* (Волоховъ Чехо-Моравскихъ, въ верховьяхъ Лабы и Вислы); что Византійцы, до 1120 года, строго отличали своихъ Варанговъ отъ Козаровъ, Агарянъ, Франковъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ и Англовъ, какъ народъ особенный, отдѣльный (17); что съ второй чертверти XII вѣка, когда Прибалтійскій Кутъ Славянскій, тѣснимый Нѣмецкими Императорами, не могъ уже высылать своихъ отважныхъ полковъ въ Византію, тамошній Варяжскій легіонъ началъ комплектоваться изъ разныхъ племенъ, почему съ 1120 годовъ между сѣкироносцами попадаются и Бретонцы Французскіе, и Нѣмцы, и Англичане. Смѣшавъ двѣ различныя эпохи, Байеръ отнесъ къ Варягамъ тѣ извѣстія, въ которыхъ упоминаются разноплеменные сѣкироносцы (*пе-*

---

(16) Сравните далѣе, ст. 215—217 и прим. 75; также стра. 282—302 и прим. 194, 203, 216.

(17) Подъ годомъ 935 у Константина Багрянороднаго (de Ceremon. Aul. Byz)., подъ годомъ 949-мъ, подъ г. 1050-мъ у Кедрина, подъ г. 1068 у Іоанна Скил. подъ г. 1071 у Никифора Вріеннія, подъ г. 1078 у Іоан. Скил. и Кедрина, подъ г. 1081 и 1107—1118 у Анны Комниной.

ду собою: такъ на пр. сказавъ «Словенскому языку» (народу) «училъ есть Павелъ», Никоновскій лѣтописецъ продолжаетъ: «отъ того же языка и *мы есмь* Русь», и часто повторяетъ: «а Славянскій языкъ и Русскій *единъ* есть»; Дунайскіе Болгаре пришли съ береговъ *Волги*, изъ Руси, и вотъ Болгарскій царь Владиміръ-Борисъ (крестившійся въ половинѣ IX вѣка) названъ у Бандури государемъ *Русскимъ;* переводчики Библіи, Кириллъ и Меѳодій составляютъ для него азбуку *Русскую или Славянскую;* а Римскіе Папы запрещаютъ совершать Богослуженіе «по Болгарскому обычаю на *Русскомъ или Славянскомъ* языкѣ» (40). Укажите-жь хотя одно свидѣтельство, русское или чужеземное, гдѣ бы Скандинавскій языкъ названъ былъ Русскимъ! Нигдѣ нѣтъ и нигдѣ не найдете такого свидѣтельства! — Послѣ того, что́ же мы дожны думать о тѣхъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, которыя объясняются языкомъ Скандинавскимъ? А вотъ что: наша Запорожская Сѣчь (по-гречески Томи) какъ въ среднихъ вѣкахъ, такъ и въ глубочайшей древности, давала убѣжище не однимъ Русскимъ удальцамъ Славянскимъ, но и тѣмъ, которые, будучи иноземцами, принимали нашъ языкъ, нашу вѣру, наши обычаи, становились Русскими, вступивъ къ намъ въ Русскую службу; Скандинавскіе витязи, какъ видимъ изъ сагъ, считали за *особенную честь*—служить при дворѣ и въ войскахъ Русскихъ государей: служивъ у насъ въ Сѣчи (Томи) и потомъ въ Греціи, они разсказывали про Днѣпровскіе сѣчевые пороги, называли ихъ разумѣется *по-своему*, и такимъ образомъ у Константина явились *двойныя* названія пороговъ. Константинъ, по отношеніямъ къ Дунайской Болгаріи, разумѣя немного по-Славяно-болгарски, одни имена понялъ и назвалъ Славянскими, а другія (непонятныя) назвалъ все-таки Русскими, потому что слышалъ отъ людей, бывшихъ въ Россіи.—Или же, наконецъ, эти, похожія на Скандинавскія, названія не *переиначены-ль Нѣмецкими* переписчиками Константинова сочиненія, ибо вѣдь и Шлёцеръ сознался, что объясненіе этихъ названій языками Тевтонскаго корня очень *натянуто?*

IX. «*Имена нѣкоторыхъ лицъ* напоминаютъ Скандинавскія.» Допустимъ на время, что эти имена объясняются не изъ Славянскаго, а изъ Скандинавскаго; но неужели

(40) Annalista Saxo, p. 311; Corpus Hist. med. aevi, Eccardi, t. I.

изъ того, что у насъ теперь въ употребленіи Греческія имена, можно вывесть слѣдствіе, что мы Греки? — Впрочемъ, объясненіе изъ Славянскаго языка ближе и естественнѣе, нежели изъ Скандинавскаго. Шлёцеръ предполагалъ, что имена Варяжскихъ князей «немного испорчены въ чужой землѣ» (Нест. I, 337), и что *Рюрикъ* есть Rörek или Rhrorekur, *Синеусъ* можетъ быть Snio, Sinniuter, Signiauter, Siniam, Snio, а *Труворъ* есть Truere, Trygye, Trygr.» Но зачѣмъ предполагать, что эти имена испорчены, когда у Древанскихъ Сербовъ, на Велетскомъ Балтійскомъ Поморьѣ, Ruric значитъ *Соколъ* (извѣстно, что Славяне часто брали себѣ имена отъ птицъ), въ Скандинавскомъ же это слово не имѣетъ никакого значенія, откуда и ясно, что Скандинавы сами заимствовали это имя отъ Поморскихъ Славянъ, нѣсколько поизмѣнивъ у себя Ruric въ Rörek, Rorekur, подобно какъ изъ Славянскаго *Владиміра* сдѣланъ Waldemar. Другое имя, Рюрикова брата, *Синеусъ* есть чистое Славянское, какъ Бѣлоусъ, Сивоусъ и проч. Третье *Труворъ* есть также Славянское Trubor.—И такъ, изъ Славянскаго языка имена первыхъ трехъ князей объясняются легко, безъ натяжки; да оно и естественно, потому что эти князья княжили, по словамъ Нестора, «на западъ отъ Ляховъ и Пруссовъ», слѣдственно на западъ отъ Вислы, «до земли Англянской», Англо-Саксонской (въ Шлезвигѣ), а на югъ «до земли Волошской», то есть до истоковъ Лабы (Эльбы) и Вислы, населяемыхъ Чехо-Моравскими Волохами; словомъ, ихъ владѣнія занимали Кутъ Велето-Сербскій между Лабой и Одрой до Вислы, т. е. Славянское Балтійское Поморье.—«Но разныя имена въ договорѣ Олега и Игоря?» Одни имена тамъ понятны, другія непонятны: первыя Славянскія, другія суть искаженныя переписчиками; когда издастся сводный Несторъ, тогда можетъ быть и остальныя прочтутся какъ слѣдуетъ. Но допустимъ, что въ мирныхъ договорахъ въ самомъ дѣлѣ окажутся и Скандинавскія имена: какъ ими доказывать, что Рюрикъ-то и его братья были Скандинавы? неужели здравомыслящій изыскатель можетъ допускать такой силлогизмъ: А) имена первыхъ Варяго-Русскихъ князей естественно объясняются только изъ языка Славянскаго; В.) но у этихъ князей было *въ службѣ* и нѣсколько человѣкъ Скандинавовъ; *слѣдственно:* эти князья *сами* были Скандинавы !!! силлогизмъ такой же правильный, какъ и «въ углу *палка,* слѣдственно на дворѣ *дождь идетъ.*»

X. «Струбе открылъ *сходство* между нѣкоторыми положеніями Русской Правды съ *Шведскими* и *Датскими законами.*» Но Эверсъ основательно замѣтилъ, что Шведское Шонское уложеніе позднѣе Ярославовой нашей Русской Правды цѣлою *сотней лѣтъ*, а Датскіе Ютскіе законы слишкомъ *двумя стами*, и потому не могли служить основаніемъ для Правды, которая издана раньше ихъ. Сходство же ихъ объяснялъ Эверсъ тѣмъ, что оба народа, Скандинавы и Россы-Новогородцы, *заимствовали* много *отъ одного* народа, именно отъ Балтійскихъ Поморскихъ Славянъ. Если бы даже было доказано,—замѣчаетъ Эверсъ,—что Правда Русская буквально заимствована изъ Скандинавскихъ источниковъ, то и тогда никакъ не льзя бы вывесть заключеніе, что Новгородцы за двѣсти лѣтъ до обнародованія ея призвали себѣ князя изъ Скандинавіи: Петръ Великій намѣренъ былъ взять за образецъ Шведское уложеніе; если бы онъ совершилъ это, то неужели мы имѣли бы право говорить, что предки Петра Великаго *вѣроятно* призваны изъ Швеціи? (41)—Такимъ образомъ сходство Русскихъ (древнѣйшихъ) законовъ съ Скандинавскими (позднѣйшими), если бы даже и оказалось на дѣлѣ, не могло бы еще служить доказательствомъ Скандинавскаго произхожденія нашихъ Князей и ихъ Руси. Ученый Баронъ Розенкампфъ справедливо сказалъ: «никто не споритъ о семъ *сходствѣ*, проистекающемъ изъ *разныхъ причинъ*, требующихъ изслѣдованія особеннаго; впрочемъ изъ сего сходства не льзя заключить, что Руссы пришли съ Упландскихъ береговъ, изъ roslagen'а: почему же не съ Датскихъ или Ютскихъ и *прочихъ береговъ Балтійскаго моря*? Струбе-де-Пирмонъ привелъ изъ Ютскихъ уложеній только *одну* статью, которая находится *во всѣхъ другихъ сѣверныхъ уложеніяхъ*, равно какъ и *въ Греческихъ правилахъ въ Кормчей книгѣ.* Къ тому же, онъ выписалъ изъ нѣмецкаго перевода Ютландскаго закона *только первыя строки* 54-й главы, содержащей въ себѣ *совсѣмъ другія подробности*, нежели статья нашей Русской Правды (стр. 34, въ Рус. Достопам.) Греческая статья ближе, но и она не есть подлинникъ, изъ коего заимствована статья въ Русской Правдѣ». (42)

---

(41) Предварительныя Критическія изслѣдованія Густава Эверса для Россійской Исторіи (пер. М. П. Погодина), стр. 97.

(42) Труды Общества Ист. и Древн. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 153, 154.

XI. Въ доказательство, что Варяго-Русскіе князья наши были Шведы и только со времени Рюрика наша земля прозвалась Русью, Шлёцеръ, — умышленно забывая свидѣтельство Герберштейна (въ нач. XVI вѣка), что первые наши князья призваны изъ воинственной земли при-Балтійскихъ Славянъ, изъ Велетской Руси, которую прочіе Славяне звали землею Вильковъ-Лютиковъ, по-Нѣмецки Wagr'овъ, — указываетъ на извѣстіе Шведскаго Историка Витекинда, будто бы Новгородскій архимандритъ Кипріанъ, убѣждая Московскихъ бояръ избрать Шведскаго принца, сказалъ, что и князь Рюрикъ былъ изъ Шведовъ: «слѣдственно», заключаетъ Шлёцеръ, «въ XVII столѣтіи даже сами Русскіе считали за рѣшеное дѣло, что призванные Варяги были Шведы.» (Нес. I, с. 326). *Говорилъ ли* что Кипріанъ, и *что̀ именно* говорилъ — никому неизвѣстно, потому что рѣчь его до насъ не дошла. Карамзинъ, выписавъ это мѣсто изъ Витекинда, спрашивалъ: «справедливо ли сіе обстоятельство? Витекиндъ могъ *выдумать* его.» (43) — Предположеніе Карамзина имѣетъ на своей сторонѣ всю вѣроподобность, тѣмъ болѣе, что Новгородъ, угрожаемый тогда Делагардіемъ, конечно долженъ былъ по крайней мѣрѣ показывать видъ, что благопріятствуетъ избранію Шведскаго принца; къ тому же, мнѣніе будто сами Русскіе въ XVII вѣкѣ считали за рѣшенное дѣло, что Варяго-Русскіе князья были Шведы, не можетъ быть подтверждено ни однимъ *Русскимъ* памятникомъ древности. Напротивъ, читая Русскіе памятники XVII вѣка, находимъ въ универсалѣ Богдана Хмѣльницкаго (18 Мая 1648 г.), что «древніе *предки наши*, воевавшіе Римъ, валечные *Руссы*, зъ Руссіи, отъ *Поморія Балтійскаго*,» пришли въ нашу землю. Точно также и въ XVI вѣкѣ Русскіе думали и разсказывали Барону Герберштейну, который потому и утвердительно пишетъ, что предокъ Русскихъ Государей былъ Славянинъ изъ той части Балтійскаго Поморья, которую Нѣмцы по-своему называли *Вагріей* (44). Слѣдственно, вопреки Шлёцеру, должно заключить, что Русскіе въ XVII и XVI вѣкѣ считали неоспоримымъ Славянское произхожденіе своихъ князей съ Балтійскаго поморья, а не изъ Скандинавіи. — Что же касается до мнѣнія, будто бы наша земли прозвалась Русью только

---

(43) Ист. Гос. Росс. Карамзина (изд. второе) т. I, прим. 108.

(44) Сравните у меня далѣе, стр. 91—96 прим. 34, также стр. 203 до 217 особенно прим. 75. и стр. 282—302.

въ половинѣ IX вѣка съ прибытія Рюрика въ Новгородъ, то и эта гипотеза рѣшительно низпровергнута изысканіями Эверса и другихъ изыскателей, открывшихъ слѣды Русскаго имени въ нашей Россіи *за сто лѣтъ до Рюрика*, когда 2000 Русскихъ судовъ предпринимали походъ на Византію, помогая Болгарамъ противъ Грековъ. Открыты и еще древнѣйшіе слѣды: Римскіе писатели временъ Діоклитіана свидѣтельствуютъ, что въ эту эпоху, (т. е. въ III вѣкѣ по Р. Х.) въ Персидскихъ междоусобіяхъ принимали участіе и *Руссы* (Russi), помогавшіе Принцу Ормусу оспоривать престолъ у брата (45), а Моисей Хоренскій, живя въ Арменіи, еще въ V вѣкѣ зналъ, что Русскій народъ примыкаетъ своими жилищами къ Дунаю. (46)

Замѣтимъ еще, что защитники Байера и Шлёцера противорѣчатъ другъ другу, какъ скоро приходится опредѣлительно сказать, *откуда* же призванъ Рюрикъ.—«Изъ Скандинавіи *вообще*», утверждаютъ Погодинъ и Устряловъ; «нѣтъ, именно изъ Швеціи», говорятъ Кругъ и Куникъ; «нѣтъ, изъ Финской Лапоніи или Ботники», пишутъ Струбе и Бутковъ; «нѣтъ изъ Ютландіи, гдѣ есть мѣстечко Розовая волость, Rosengau, *созвучная* съ именемъ *Руси*», думаетъ Крузе, но вспомнивъ что въ Норвежской Вермеландіи жилъ когда-то королекъ Hohni, котораго имя *похоже* на Русское *Каганъ*, гнъ Крузе передумалъ и, уже приведя Руссовъ изъ Ютландіи, закричалъ самъ себѣ: чуръ! и началъ утверждать, что Русь должно быть пришли изъ Норвегіи; «нѣтъ, съ Ферейскихъ острововъ», писалъ нѣкогда А. Ѳ. Вельтманъ, замѣтившій впослѣдствіи *односторонность* доказательствъ Шлёцеровой школы, которыми она «извела» здравый смыслъ Рускихъ ученыхъ (по счастливому выраженію ученаго нашего археолога-поэта), и потому благоразумно рѣшившійся перейдти на сторону зашитниковъ Славянскаго произхожденія Рюрика и его Руссовъ съ Балтійскаго Поморья. Крузе предполагалъ даже, что нашъ Рюрикъ есть Герекъ Датско-Голландскій, грабившій въ западной Европѣ въ первой половинѣ IX вѣка; но всѣ его предположенія опровергнуты весьма удачно Руссовымъ и Бутковымъ. — Датско-Голландскій былъ Христіанинъ, а нашъ Рюрикъ язычникъ; тотъ занимался грабежами, а нашъ призванъ въ Новгородъ для водворенія порядка и управленія по законамъ; тотъ былъ

---

(45) См. Гиббона и Эверса, Предв. Критич. Изслѣд. с. 201, пр. 14.

(46) Сравните у меня далѣе, стр. 277, 278, прим.

вассаломъ королей Франкскихъ, а нашъ самъ раздавалъ свои области въ управленіе мужамъ (вельможамъ).

Такимъ образомъ построенная на *ложномъ основаніи* созвучій и обставленная *односторонними* доказательствами, система Скандинавскаго производства Руси, не смотря на *ученые* софизмы, не могла обѣщать себя вѣковѣчности, но еще должна была видѣть постепенное удаленіе тѣхъ, кто одаренъ отъ природы здравымъ смысломъ. Непостижимо одно только: какъ можетъ простираться до такой степени упрямство иныхъ поклонниковъ Байеро-Шлёцеровскихъ, что и до сихъ поръ не могутъ убѣдиться *очевидностью* истины! Нѣмцамъ еще простительно: они хоть изъ патріотизма хотятъ онѣмечить древнюю Русь, по крайней мѣрѣ хоть на бумагѣ; а наши-то, нѣкоторые писатели, изъ-за чего хлопочутъ, стремясь поддержать явныя несообразности Нѣмецкихъ писателей? Изъ любви къ истинѣ? Но истина противъ нихъ! Изъ подражанія, изъ желанія угодить иностраннымъ ученымъ колонистамъ, основавшимъ свое мѣстопребываніе въ Россіи? Но сообразно ли это съ достоинствомъ государства, которое уже сбросило съ себя пеленки подражанія, вышло на путь самознанія и твердо стремится къ полному возсозданію своей славной народности.....? Изъ-за чего же, повторяю, наши-то Русскіе писатели возстаютъ противъ истинны?.. Опомнитесь, мм. гг! Есть Исторія Литературы: она запишетъ на своихъ скрижаляхъ и передастъ отдаленнѣйшему потомству имена тѣхъ, которые добровольно закрываютъ глаза предъ истиною, единственно изъ рабскаго поклоненія Байеру, не знавшему по-Русски и—объяснявшему Русскія лѣтописи, или Шлёцеру, утверждавшему, будто бы до призванія Рюрика нашъ народъ жилъ безъ законовъ, безъ правленія, кромѣ Древлянъ имѣвшихъ князей, не зналъ никакихъ искуствъ, скотоводства, звѣроловства, раздѣлялся на малыя орды, предводимыя кациками, и что въ цѣлой Россіи все было пусто отъ Кіева до Новгорода. «Ссылаемся на древнихъ писателей, начиная съ Геродота до Византійцевъ IX вѣка, что такія грубыя черты нисколько неприличны обитателямъ Европейской части Россіи,» говоритъ Бутковъ: «и если мы пристальнѣе всмотримся *въ намѣреніе Шлёцерово*, можемъ безошибочно угадать, что перомъ сего писателя управляло предъубѣжденіе, будто наши Славяне въ быту своемъ *ничѣмъ не одолжены самимъ себѣ, а всё только Шведскимъ родслагенцамъ*,

то есть *лодошникамъ,* отъ которыхъ онъ ведетъ къ намъ *морскихъ разбойниковъ,* Рюрика и Руссовъ, и дѣлаетъ ихъ *завоевателями* нашей страны, противъ яснаго сказанія Несторова, что Рюрикъ призванъ къ намъ *доброю волею* Новгородскаго союза (47).»—

Нѣмецкое направленіе Байеро-Шлёцеровой школы повредило нашей Исторіи, остановивъ ея правильное *развитіе* мнимымъ *объясненіемъ* Нестора, наперекоръ ему отвергши свидѣтельства Грековъ и Римлянъ о Скиѳахъ, наконецъ, отвлекши Русскихъ ученыхъ отъ изученія исторіи единоплеменныхъ съ нами Славянскихъ народовъ. Самые лучшіе умы болѣе или менѣе отдавали дань заблужденіямъ, хотя каждый высказывалъ какую нибудь истину, которая прямо шла противу софизмовъ, и которую можно было направить противу Скандинавоманіи:

I. Ученый переводчикъ Эймундовой Саги, г. Сенковскій справедливо удивлялся неизвѣстности имени Варяговъ Скандинавамъ: «Если гдѣ-либо, то въ этой сагѣ слово Варяги Vaeringar или Väringiar долженствовало бы встрѣчаться на каждой страницѣ, потому что повѣствователи сами служили здѣсь въ званіи *Варяговъ,* сами исполняли ихъ должность: къ удивленію, оно *нигдѣ не встрѣчается,* и кажется имъ вовсе неизвѣстнымъ!» пишетъ О. И. Сенковскій.—«До 1040 *года это слово не было извѣстно Скандинавамъ.* Шлёцеръ производилъ его отъ слова Waere (союзъ), и соображалъ это значеніе съ наименованіемъ иностранной стражи при дворѣ Византійскихъ императоровъ, foederati или союзники. Но слово waere употреблялось въ этомъ смыслѣ только въ Англо-Саксонскихъ нарѣчіяхъ; въ Скандинавскомъ языкѣ *союзъ* выражается словами skyldagi и mali. Названіе Варяговъ, *Варенги, Веринги*, есть слово *чуждое Скандинавскому языку* .... Не споримъ, что слово Варягъ, въ подраженіе Византійскому придворному обычаю, *въ концѣ XI вѣка* было уже общепринятое наименованіе для *иностранной* стражи и при дворахъ нашихъ князей, но не менѣе того ясно, что оно *не-Скандинавское*, и *не могло быть принесено на Русь ими, въ то время, когда сами они еще его не знали*» (48).

(47) П. Г. Буткова—«Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ,» стр. 5.

(48) Библіотека для чтенія (1834), т. II, отд. Наукъ и художествъ, стр. 50, прим. 4.—Замѣчу однакожъ, что производство имени *Варяговъ* отъ Англо-Саксонскаго слова *war, waere,* принадлежитъ не Шлёцеру, а Іре—Шлё-

II. Покойный академикъ нашъ, Кругъ, почитая Варяговъ Скандинавами, сознался однакожь, что «имя Vaeringiar получило право гражданства на сѣверѣ только чрезъ возвратившихся *изъ Греціи* Варяговъ» (49); а такъ какъ «сѣверные воины, ходившіе въ Грецію, тамъ служить наемниками, вѣроятно по большой части состояли прежде въ службѣ Князей *Русскихъ*, чрезъ земли коихъ они должны были проходить, то весьма вѣроятно, что они имя, подъ которымъ слыли въ *Россіи*, перенесли съ собою и въ Грецію». Такимъ образомъ происхожденіе «Варяги» Кругъ отыскивалъ въ Славяно-Русскомъ словѣ «варяю», которымъ переводятся въ Священномъ Писаніи глаголы: *φθάνω*, *προφθάνω*, *προάγω*, *προλαμβάνω*, *προκαταλαμβάνω*, *προέρχομαι*, *κατασπεύδω*, *ηγέομαι*, *ὑπερβαίνω*, заключающіе въ себѣ понятіе: предупредить, быть проворнѣе другаго, почему Славянское имя *Варяги*, полученное за ловкость и проворство на морѣ, означало *скорыхъ пловцовъ*, и переводилось у Византійцевъ чрезъ *Δρομῖται* (50).

III. Извѣстный оріенталистъ нашъ, академикъ Френъ, обозрѣвая восточныхъ писателей — въ надеждѣ найдти у нихъ подкрѣпленіе Скандинавскому произхожденію Руси, — нашелъ у Арабовъ прямое свидѣтельство, что «Варенги суть *Славяне* изъ *Славянъ*», то есть славнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ Славянскаго племени. (51)

IV. Трудолюбивый академикъ нашъ, П. Г. Бутковъ, признающій за истину *сочиненіе* Струбе о Скандинавской Руси будто бы населявшей Ботнику, добросовѣстно однакожъ сознался, что Варяго-Русскаго Князя Рюрика призывали въ землю *Русскую*, гдѣ были и южныя поколѣнія Руссовъ, Русацы, Роксоланы, извѣстные древнимъ и Моисею Хоренскому еще въ V вѣкѣ. (52)

церъ именно говорилъ (I, стр. 348), что сходство тутъ «только *случайное*», и что въ силу ясныхъ соображеній здравомыслящей критики «*уничтожается* Ирево произвожденіе слова Väring отъ Англо-Саксонскаго War, союзъ».

(49) Чтенія Императорской Академіи Наукъ въ Санкпетербургѣ за 1829 и 1830 годѣ. — Отдѣленіе Наукъ Историческихъ, Филологическихъ и Политическихъ, книжка I, стр. 10.

(50) Тамъ же стр. 12. и 13.

(51) См. далѣе у меня, стр. 288, 289; также Ф. И. Святнаго Историко-критическія изслѣдованія о Варяжской Руси, глава V, § 49.

(52) Сынъ Отечества (1836) 1, статья «о Руси и Рюсаландѣ»; сравните у меня прим. 179 на стр. 277, 278.

V. Юрьево-Ливонскій (Дерптскій) профессоръ, Крузе, защищавшій Скандинаво-Ютландское произхожденіе Варяго-Русскаго князя Рюрика, сознался, что *въ 774 году*, слѣдственно почти за сто лѣтъ до Рюрика, *Русскій флотъ*, состоявшій изъ 2000 небольшихъ судовъ, *нападалъ на Византію*, и былъ разбитъ Греческимъ императоромъ Константиномъ Копронимомъ, (*εις τα Ρ̍ϐσια χελανδια απεκίνησε*). Здѣсь Русскіе въ VIII вѣкѣ являются союзниками Болгаръ, съ которыми этотъ императоръ велъ до самой своей смерти (776) войну, по большой части весьма удачно ([53]).

VI. Адъюнктъ Академіи, гнъ Куникъ, тщетно усиливающійся защитить Байеро-Шлёцерову гипотезу о Шведскомъ происхожденіи Рюрика, сообщившаго будто бы имя Руси нашему отечеству, сознается однакожь, что Русинами на-

---

([53]) Это извѣстіе Ѳеофана о Русскихъ судахъ, *Ρϐσια χελανδια*, Russorum chelandia, въ-конецъ подрываетъ писателей, которые, — признавая Руссовъ за Скандинавское племя, а Рюрика за Скандинава,—увѣряютъ, будто до пришествія Рюрика Россія не была Россіей, а Русскій народъ не былъ Русскимъ. Не зная что̀ дѣлать съ извѣстіемъ Ѳеофана о Русскихъ судахъ, *Ρουσια χελάνδια*, они увѣряютъ, что Болгарамъ помогали не Русскіе корабли, но . . . какъ бы вы думали?. . . просто — суда расписанные *краснаго* краскою, rubea chelandia. Гдѣ видано въ свѣтѣ — называть флотъ не именемъ народа, которому онъ принадлежитъ, но придавать особое названіе по краскѣ, которою покрытъ корабль? Шлёцеръ утверждалъ: Скандинавы-Руссы пришли съ Рюрикомъ къ Славянамъ въ половинѣ IX вѣка; слѣдовательно, «только со времени пришествія ихъ въ Новгородъ, тамошняя страна прозвалась Русью, которое названіе однакоже *впослѣдствіе времени* распространилось также на Кіевъ и на прочія завоеванія Рюриковыхъ потомковъ» (Нест. I, стр. 344); а Ѳеофанъ разсказываетъ о Русскомъ флотѣ на Черномъ морѣ въ половинѣ VIII вѣка: не правда ли, какъ подрываютъ прежнюю историческую систему логика и факты?. . .Нашъ Юрьевскій (Дерптскій) профессоръ г-нъ Крузе, уже призналъ, что Ѳеофанъ говоритъ здѣсь именно о Русскихъ судахъ, о флотѣ Руссовъ, а не о караблях *неизвѣстнаго народа*, корабляхъ чермныхъ, корабляхъ расписанныхъ красною *краскою*. «Мнѣніе, что здѣсь должно разумѣть чермныя суда, не могу я раздѣлить,» пишетъ г-нъ Крузе. «Членъ *τα* предъ *Ρ̍ϐσια* означаетъ уже, что рѣчь идетъ о судахъ *извѣстной* націи. Напротивъ того, Византійцы *нигдѣ* ни упоминаютъ о непріятельскихъ судахъ по ихъ *цвѣту*: да и какъ могло бы послужить это къ особенному обозначенію ихъ? Первая гласная въ имени Руссовъ переходила еще въ самыя древнія времена изъ *у* въ *о*: это видно изъ того, что Византійское *Ρός* еще въ древнія времена означало у Русскихъ лѣтописцевъ *Русь*; притомъ же имена народовъ часто оканчиваются не только на

зываются православные обитатели Венгерской Славіи, кромѣ Сербовъ и Волоховъ: если же имя Руси было дано Славянамъ отъ Рюрика, то оно должно бы распространиться только на земли подвластныя Рюрикову потомству и не могло бы переходить за Карпаты, на страну, которая вѣдь *никогда не принадлежала* Рюриковымъ потомкамъ (54).

κος, но также и на *ος*. Такимъ образомъ, здѣсь вовсе не нужно измѣненія въ чтеніи.» Господинъ Крузе справедливо писалъ: «особенно должно замѣтить, что Исторія *кромѣ Русскихъ* не знаетъ *никакого другаго народа* по всѣмъ берегамъ Чернаго моря, который бы былъ столь же силенъ; и если упомянутые корабли были *не Русскіе*, то *кому же* они принадлежали?» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1838, ч. XVII, Науки, стр. 521 и 522).

(54) Впрочемъ, г. Куникъ старается перетолковать по-своему этотъ важный этнографическій фактъ, доказывающій, что и у Славянъ за-Карпатскихъ была своя Русь.—Приписывать это имя одной Религіи никакъ нельзя: не народъ получаетъ свое имя отъ религіи, но религія отъ народа, ее исповѣдующаго. Къ тому же, если бы въ самомъ дѣлѣ Закарпатскіе Славяне назывались Русью по той единственной причинѣ, что они Православные, то и Сербы и Волохи должны бы также усвоить себѣ Руси, чего мы совсѣмъ не видимъ: значитъ Русью называются не просто Славяне Православнаго исповѣданія, но потомки за-Карпатскихъ Славяно-Русиновъ, искони тутъ обитавшихъ.

Вообще сочиненіе гна Куника Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven (1844) обнаруживаетъ въ авторѣ начитанность и свѣденія, которыя съ пользою могутъ быть употреблены при разработкѣ нашей древней исторіи, если авторъ 1.) рѣшится устранить нѣмецкій патріотизмъ, 2.) не придавать филологіи слишкомъ большаго значенія, ограничиваясь не разборомъ цѣлой системы языка, а только десяткомъ-другимъ словечекъ, поставленныхъ (по выраженію Шлёцера) не этимологическую дыбу, и главное, 3). если рѣшится быть безпристрастнымъ изыскателемъ истины, отрекшись отъ всякаго увлеченія ничтожными авторитетами, и обращая вниманіе на Историческую Логику, которую онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду.

Искренно желая правильнѣйшаго направленія трудовъ иноземца, занимающагося изученіемъ Русской Исторіи, замѣчу для него слѣдующее: можно *быть* глубокомысленнымъ, даже не употребляя туманныхъ фразъ, ничего не выражающихъ, и можно *казаться* глубокомысленнымъ изъ-за ограды выраженій изысканныхъ, но ничего не доказывающихъ и ничѣмъ не доказанныхъ. Когда гнъ Куникъ, посвятивъ себя Россіи, рѣшится и писать по-Русски, тогда онъ самъ признаетъ истину словъ моихъ: геній Русскаго языка отвергаетъ тѣ извилистые, туманные обороты, за которыми прячется бѣдненькая мысль, и на Русскомъ языкѣ (какъ и Французскомъ) пустота содержанія и нелогичность построенія мысли—тотчасъ обнаружатся.

Сблизимъ теперь эти важныя признанія защитниковъ прежней школы:

I. Имя Warengi, Weringi, *Варяги*, до 1040 года было совсѣмъ неизвѣстно Скандинавамъ, и есть слово чуждое Скандинавскому языку (О. И. Сенковскій).

II. Это имя правильно объясняется только Славяно-Русскимъ языкомъ, и происходя отъ корня *варяю*, означаетъ скорыхъ пловцовъ (Ф. И. Кругъ).

III. Арабы сохранили намъ свидѣтельство, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ» (Френъ).

Господинъ Куникъ, усиливаясь глядѣть съ-высока, увѣряетъ, что не въ томъ сила, кто были Варяги: Славяне или Чухонцы, Нѣмцы или Азіятцы? а въ томъ: *чьего духа чада* они были? и *какія силы* приведены были въ движеніе основаніемъ Русскаго государства? «Es wird sich dann weniger um das verschrieene Thema handeln, ob die Waräger Slawen, oder Finnen, Germanen oder Asiaten waren, sonden darum wess Geistes Kind sie waren, welche Kräfte bei der Gründung des russishen Staates in Bewegung gesetzt wurden, wie er überchaupt gegründet wurde». (стр. XVIII).—Предложивъ такую задачу себѣ, господинъ Куникъ разумѣется долженъ бы заняться рѣшеніемъ вопроса: что составляетъ сущность жизни Русскаго народа? Но такой огромный вопросъ еще не подъ силу нынѣшнимъ ученымъ: онъ можетъ быть разрѣшенъ тогда только, когда историческая жизнь Руси будетъ изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ, то есть: когда мы узнаемъ критически не только политическія событія древней Руси, но и гражданскія, государственныя, религіозныя, торговыя и промышленныя ея установленія; словомъ, когда раскроемъ весь общественный бытъ ея, прослѣдимъ его по всѣмъ періодамъ существованія Россіи, изучимъ это Прошедшее нашей жизни въ живыхъ остаткахъ: въ пѣсняхъ, пословицахъ, преданіяхъ. Только послѣ такихъ частныхъ монографій возможно будетъ обнять умомъ всю минувшую жизнь нашего отечества, постигнуть идею, осуществляемую бытіемъ Россіи. Но и тогда, совершить подобный трудъ предоставлено будетъ природному Русаку, ибо не только чужеплеменникъ, даже не всякій Славянинъ можетъ подмѣтить и уловить характеристическіе оттѣнки Русскаго быта, Русскаго ума, Русскаго склада рѣчи.

Понятно, почему задавъ себѣ вопросъ о томъ, *чьего духа чада* были Варяги? и *какія силы* приведены въ *движеніе* основаніемъ Русскаго государства? гнъ Куникъ уклонился отъ прямаго пути, и возвратился на попятный дворъ, на старую колею изслѣдованій о томъ: кто Варяги? Конечно, при нынѣшнемъ состояніи пріуготовительныхъ трудовъ по нашимъ древностямъ, иностранцу нельзя и приниматься за разработку философіи древней нашей исторіи; но зачѣмъ же осуждать другихъ и обѣщать то, чего не даемъ и дать не въ состояніи? У насъ есть премудрая пословица: взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ!... Господинъ Куникъ старается увѣрить, что, молъ, Шведскаго духа чада были Варяго-Руссы; но для этого мало простаго увѣренія — нужно философско

IV. Въ призваніи Варяго-Русскаго Князя Рюрика участвовали племена Руссовъ; но и *на югѣ* по Днѣпру и *на востокѣ* по Волгѣ были также Руссы, извѣстные древнимъ подъ именемъ Роксоланов, Русацовъ (П. Г. Бутковъ).

V. За двѣстѣ лѣтъ до Рюрика, нашъ Русскій флотъ помогалъ на Черномъ морѣ Болгарамъ противу Грековъ (Крузе).

VI. Имя *Руси* встрѣчается въ *Славянской* землѣ и за предѣлами нашего Русскаго государства (Куникъ).

Присоединивъ сюда не менѣе важныя признанія Бай-

изслѣдованіе всѣхъ стихій общественной и частной жизни древней Руси и, точное, подробное сравненіе во всѣхъ отношеніяхъ древней Скандинавіи, а для этого нужны и подробное знаніе прежней и нынѣшней Руси и необыкновенная проницательность.

Возвратившись на старую дорогу, гнъ Куникъ оставилъ въ сторонѣ заданную себѣ задачу, и рѣшился ограничиться разсмотрѣніемъ вопроса: кто были Варяги? Такимъ образомъ гнъ Куникъ пошелъ по старому же и убитому пути, и принялъ основаніемъ систему Байеро-Шлёцерову, не обращая вниманія на возраженія противниковъ Скандинавоманіи. Вся книжечка его (XXVIII, 182 стр.) составляетъ развитіе тѣхъ доказательствъ, которыя были уже давнымъ-давно предлагаемы Байеромъ, Тунманомъ, Шлёцеромъ и другими Скандинавистами; *новаго* не могъ придумать гнъ Куникъ *ничего*, кромѣ гипотезы, будто имя Русь потому *вѣроятно* не-Славянское, что кончится на букву ь, какъ и названія *Финскихъ* племенъ: Ямь, Пермь, Сумь, Любь (Ливь); слѣдственно и это имя «Русь» Финскаго происхожденія и утвердилось у Славянъ конечно посредствомъ Финновъ. Но, при такомъ великодушномъ производствѣ нашего *народнаго* имени «*Русь*» — а не книжнаго, какъ «Славяне»— въ почетный чинъ прозвища Чухонскаго, забыта. . . бездѣлица. . . *Историческая Логика.* Посовѣтовавшись съ нею, гнъ Куникъ легко бы сообразилъ: I). что Новгородцы знали собственное имя Шведовъ, *Свеи*, и слѣдственно совсѣмъ не имѣли бы нужды употреблять Чухонское прозвище Русь, если бъ имя Русь въ самомъ дѣлѣ Финскаго происхожденія; — II.) неужели можно себѣ вообразить, чтобы Шведскіе князья (еслибы въ самомъ дѣлѣ Рюрикъ и его братья были Шведы) ни съ-того ни съ-сего вздумали свое настоящее, народное имя «Свеи», извѣстное и Новгородцамъ, перемѣнить на Чухонское прозвище? вѣдь они сѣли княжить не между Чухонцами, а между Сѣверными Славянами, которымъ была подвластна Чудь (какъ доказалъ Ходаковскій). . . Наконецъ, если гнъ Куникъ рѣшится оставить этимологическую дыбу, на которой онъ вынуждаетъ Славянскія имена взвизгивать по-Шведски и по-Чухонски, то я попрошу его вникнуть въ слѣдующія соображенія *здравой Филологіи:* I) Финскія или Чудскія поколѣнія вообще называютъ себя въ Лапоніи Same или Sahmalaiset, въ Финляндіи Suomalaiset, въ Эстоніи Somelassed: это *мѣстное* названіе которое значитъ по-русски *Низовскіе люди* (обитатели низменныхъ мѣстъ), у народовъ Тевтоно-Скандинавска-

ера и Тунмана, что Скандинавы никогда и не звали себя ни Варягами ни Руссами, всякій человѣкъ не лишенный здраваго смысла долженъ признать за неоспоримую истину, что Варяги-Русь были племя Славянское и пришли въ землю также Славяно-Русскую, которая всегда называлась Русью, Россіей, хотя иностранцы и назывались насъ по-своему: Rhos, Roxani, Rox-alani, Alan-orsi, Aorsi, Rossomani, — словомъ: что на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, отъ Чернаго моря до Ладожскаго озера, обитателями Руси всегда были Русскіе и призвали къ себѣ князей— единоплеменниковъ, Русскихъ же, съ южнаго Балтійскаго Поморья, искони заселеннаго Славянами.

го племени было *переведено* и образовало имя Финновъ (слово finn, finn= болотистое низкое мѣсто), а у насъ у Русскихъ Сѣверныхъ Славянъ, передѣланное на нашъ ладъ, измѣнено въ *Сумь*; посмотримъ на частныя имена: Hämälaiset (отъ häm, род. häme = сырой, влажный) передѣлано въ *Ямь* или *Емь*; другое племя, Cainulaiset (cainu = болотистая, низкая земля) названы у насъ Каянцы, а страна Cainu—Каяна; имя Loppu или Lappu (народъ отдаленный, пограничный) измѣнено въ *Лопь*, мѣстное имя Эстонцевъ, занявшихъ песчаное поморье, Liwamaa (liwa=песокъ, maa= земля), измѣнено въ *Ливь* и *Либь*. Если же *мы* такъ передѣлывали Чухонскія прозвища, то, разумѣется, *сообразно законамъ нашего, Славяно-Русскаго языка;* поэтому, возникаетъ вопросъ: II.) свойственно ли окончаніе *ь* нашему Русскому языку? Пусть съ этимъ вопросомъ гнъ Куникъ обратится къ любому природному Русаку, пусть возметъ любую Русскую грамматику — отъ каждаго Русака, изъ каждой Русской грамматики онъ узнаетъ, что окончаніе *ь* свойственно у насъ *женскому роду* для означенія предметовъ изъ міра физическихъ явленій (на прим. ночь), также нравственныхъ свойствъ человѣка (на пр. добродѣтель, доблесть, храбрость), наконецъ для означенія одушевленныхъ существъ и неодушевленныхъ предметовъ (на пр. мать, дочь; печь); далѣе, онъ узнаетъ, что окончаніе *ь* свойственно въ Русскомъ языкѣ также и *мужескому роду* какъ неодушевленныхъ предметовъ (на пр. корабль), такъ и одушевленныхъ (на пр. парень, дурень) и проч. Если же окончаніе *ь* весьма употребительно въ въ Русскомъ языкѣ, то III-й вопросъ: свойственно ли оно собственнымъ именамъ? разрѣшается самъ собою. Пусть гнъ Куникъ развернетъ «Славянскія Древности» Шафарика, въ котораго такъ тепло вѣруетъ; въ II-ой книгѣ Русскаго перевода, на стр. 32 и 33, онъ можетъ найти слѣдующее поучительное для себя мѣсто: «изъ обыкновеннаго слова *Нуръ* (мужескаго рода) т. е. *земля* произошло собственное имя Нурь (женскаго рода), *означающее страну и народъ*, точно такъ какъ Русь, Сербь, Чудь, Дань, Весь, Пермь, Ямь (Емь), Корсь, Либь (Ливь), Лопь, Сумь, Вадь или Водь, Сибирь, и т. п. Всѣ эти имена суть *сокращенныя*, въ коихъ знакъ' или буква *j* (церк. *ь*) замѣняетъ здѣсь церковное *и*, слѣд. Нурь то же что Нури (латинское Nuria, земля Нурская); сравн. мати, пани, сестри, нети, дщи (дци) и тому подобн. (объ этой формѣ см. Журн. Чешскаго Музея, 1835, № IV, стр. 376.) Человѣкъ изъ роду Нуровъ

Это ясно, просто и естественно; а умъ человѣческій рѣдко признаетъ съ перваго раза истиною то̀, что̀ ясно, просто, понятно каждому — обыкновенно ищетъ онъ чего нибудь позамысловатѣе, помудренѣе, понесообразнѣе, *поученѣе.* Но такъ какъ мы всегда мыслимъ по извѣстнымъ законамъ, и всегда, стремимся къ *правильному* мышленію, то зная результатъ, но отправляясь отъ ложнаго начала, мы уже по-неволѣ должны допускать *предположенія*, и такимъ образомъ изыскатель, желая какъ нибудь свести концы, строитъ гипотезу на гипотезѣ, помощію всесиль-

---

назывался Нуряпинъ, Нуринъ, какъ Славянинъ, Поляпинъ, Русинъ, Чудинъ и проч. *Сокращеніе* личныхъ и народныхъ именъ необходимо нужно для простаго народа, а потому оно *и у Славянъ*, какъ и у другихъ народовъ, *ежедневно.*» Голосъ перваго въ наше время Славяниста, надѣюсь, убѣдитъ гна Куника, что окончаніе ъ не только не можетъ служить доказательствомъ *Чухонскаго* происхожденія имени *Русъ*, но еще должно составлять филологическое доказательство *Славянскаго* происхожденія этого имени. И такъ, единственная гипотеза, принадлежащая господину Купику, не можетъ быть допущена критикою, какъ противурѣчущая условіямъ Исторической Логики и соображеніямъ здравой Филологіи.

Не смотря однакожъ на то, что гнъ Куникъ удалился отъ *цѣли*, которую въ началѣ предположилъ себѣ; не смотря на то, что ему собственно принадлежитъ въ книжкѣ *только одно мнѣніе*, да и то должно быть отвергнуто, какъ противное Исторической Логикѣ и Филологіи; не смотря на явное (хотя и тщетное) усиліе—софизмами поддержать падающую Скандинавоманію, — его книжка радуетъ меня въ томъ отношеніи, что явился еще *иностранецъ* занимающійся *Русскимъ* Языкомъ и Русскою Исторіею. Не надобно только ему обольщать себя, подобно Шлёцеру, котврый производилъ Русское Славянское слово *князь* отъ Нѣмецкаго кнехта (knecht = холопъ), а думалъ учить по-русски природнаго Русака, Ломоносова! Оставивъ на время въ покоѣ нашу Русскую Исторію, гнъ Куникъ могъ бы съ честію для себя и съ пользою для нашей исторической Литературы заняться переводомъ или полнымъ извлеченіемъ тѣхъ сочиненій, которыми объясняется минувшая жизнь нашихъ единоплеменниковъ, Германскихъ Славянъ. Нѣмецкая Литература богата подобными произведеніями; передавъ ихъ по-русски, гнъ Куникъ составилъ бы себе почетное имя, содѣйствуя аналогическому объясненію Русской жизни посредствомъ сличенія подобныхъ явленій изъ исторіи нашихъ единоплеменниковъ. Если же и самъ гнъ Куникъ изъ Германскихъ Славянъ утратившихъ политическую самостоятельныхъ между Тевтонами (Маяк. 1844, Авг. т. XVI, гл. IV, стр. 59), то я братски подаю руку ему, какъ Славянину, и—приглашая на трудъ и терпѣніе, на доброжелательство Россіи, на отреченіе отъ всего въ пользу *истины*,

наго «можетъ быть» и всемогущаго «вѣроятно». Новый изыскатель замѣчаетъ ошибку перваго, поправляетъ его; но, не обнимая предмета во всей обширности, принимая за исходную точку мнѣніе частное, которому произвольно даетъ значеніе общности, самъ впадаетъ въ ошибку— только другаго рода, и такимъ образомъ возникаетъ *новая гипотеза:* если угодно, и въ ней есть истина, только истина неполная, принятая за истину безусловную. «Мы не иначе можетъ заблуждаться»,—пишетъ профессоръ философіи въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра, гнъ Новицкій,—«какъ только подъ условіемъ *мышленія*, и слѣдовательно — подъ условіемъ *сознанія,* а сознаніе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда находится въ немъ хотя одинъ, необходимый для его проявленія, элементъ. Чтобъ состоялось *сознаніе* чего либо, хотя бы то *ошибочное*, надобно непремѣнно, чтобы въ немъ находилось усмотрѣніе какой нибудь реальной вещи, то есть какой нибудь *истины.* Слѣдовательно, заблужденіе наше никогда не есть заблужденіе цѣлое, совершенное: подлѣ заблужденія должна всегда находиться какая либо истина» (56). Таковъ ходъ всѣхъ научныхъ гипотезъ вообще, и въ частности — всѣхъ историческихъ системъ, порожденныхъ ученіемъ Байера, развитымъ и распространеннымъ у Шлёцера: подлѣ одной истины—тотчасъ гипотеза, не только не опирающаяся на прямой смыслъ Нестора, но часто противорѣчущая и лѣтописи и даже Исторической Логикѣ, основанной на законахъ здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ.

Не увидать заблужденій Байеро-Шлёцеровыхъ было не возможно, по рѣшительной противоположности ихъ ученія съ прямымъ смысломъ Русскихъ лѣтописей. Байера и Миллера отчасти уже выказалъ въ настоящемъ свѣтѣ самъ Шлецеръ, написавъ: «Байеръ, одинъ изъ величайшихъ эллинистовъ и латинистовъ своего времени, *не зналъ по-*

на забвеніе перваго крайне неудачнаго историческаго опыта—окончу словами, обращенными къ его лицу почтеннымъ издателемъ «Маяка», въ духѣ братской, Славянской любви и Славянскаго гостепріимства: «судьба привела васъ не въ Нѣмецкую, а въ Славянскую землю; не отнимайте же у насъ чести быть Славяно-Руссами! Будьте и сами Славяниномъ въ Славяно-Русскомъ царствѣ!»

(56) Журналъ Министерства Народ. Просвѣщенія, 1838, № 2 (Февраль): рѣчь профессора Новицкаго «Объ упрекахъ дѣлаемыхъ Философіи въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи», стр. 274 и слѣд.

Русски, не могъ даже отличить настоящаго Нестора отъ сомнительной Степенной Книги и *слишкомъ много вѣрилъ Исландскимъ сказкамъ* ([57]).» Какъ человѣкъ благоразумный, какъ знатокъ Исторіи, Шлецеръ немогъ не оцѣнить по достоинству — сказокъ о богатырскихъ подвигахъ мнимыхъ Скандинавскихъ героевъ, покорявшихъ будто бы древнюю Русь, и справедливо писалъ: «что́ теперь думать объ Исландскихъ разсказчикахъ, кои говорятъ намъ о короляхъ Финляндскихъ, Пермскихъ и Полоцкихъ, о царяхъ Гольмардскихъ и Острогардскихъ, съ которыми Датскіе и Шведскіе владѣтели вели кровавыя войны и заключали договоры о бракосочетаніяхъ, еще до Р. Х. и въ послѣдующія столѣтія? И заслуживали-ль *сіи глупости* того, чтобы *Байеръ* и *Миллеръ внесли ихъ въ Русскую Исторію*» (конечно нѣтъ) «*и разсказывали объ нихъ съ такою важностію, какъ будто объ истинныхъ произшествіяхъ*? Все это есть не иное что, какъ *глупыя выдумки.* Датчанинъ Саксо началъ первый; онъ умеръ въ 1204 году, слѣдственно почти сто лѣтъ былъ моложе Нестора; а настоящія Исландскія сказки (съ которыми не надобно смѣшивать Снорровой истинной Хроники) моложе и его. И сіи люди разсказываютъ намъ о произшествіяхъ такихъ земель, въ которыхъ до 1000 года никто не умѣлъ писать; о произшествіяхъ, случившихся до нихъ за 500, за 800, даже 1000 лѣтъ, и о которыхъ ничего не говоритъ тутошній житель, Несторъ, хотя онъ и всѣхъ ихъ старѣе» ([58]). Дѣйствительно: какъ отличить въ сказкѣ *истину* отъ *вымысла*, особенно, когда иныя только *выдаются* за древнія, а въ самомъ дѣлѣ сочинены въ *новѣйшее время?* Шлёцеръ основательно указывалъ на это защитникамъ сагъ, и говоря о невѣрныхъ изданіяхъ произведеній среднихъ вѣковъ, справедливо говорилъ: «Нѣмецкіе издатели времянниковъ *перепортили* ихъ по одной только *неосторожности и лѣности*, или *поправляли по высокоумію* ([59]);

([57]) Несторъ Шлёцера, т. I, стр. 49.

([58]) Тамъ же, ч. I, стр. 54 — 55.

([59]) Шлёцеровы эти слова достойны полнаго уваженія, какъ приговоръ истиннаго ученаго, не увлекавшагося тутъ Нѣмецкимъ патріотизмомъ: особенно важны они для Русскихъ изыскателей при разсужденіи о тѣхъ знаменитыхъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, которыя надѣлали столько шума и породили столько споровъ между историческими критиками. Не такъ ли *перепорчены* и эти названія какимъ нибудь *Нѣмцемъ* переписчикомъ, по *неосторожности* и *лѣности* разобрать подлинное

но издатели Исландскихъ сказокъ поступили *гораздо дурнѣе,* ибо *передѣлали* ихъ *съ злыхъ умысломъ.* Такъ на, примѣръ Петръ Клауссенъ, пасторъ въ Норвегіи (1599) первый издатель Сноррона, выпустилъ — не говоря ни слова — глупыя мѣста, которыя могли бы обезчеститъ его достойнаго лѣтописателя: Торфей Antiq. стр. 37. Такъ Вереліусъ перемѣнилъ въ Герваровой сказкѣ тѣ мѣста, которыя показывали, что сочинитель былъ Христіанинъ, слѣдственно и эта сказка не такъ стара, какъ издателю хотѣлось увѣрить: Цельс. Svea Rikes Kyrsko Historia, стр. 120. Такъ Up показывалъ мнѣ въ Упсалѣ 1756 года, въ Біернеровой Nordiska Kämpa-Dater (Стокгольмъ 1737) конецъ глупой Анеъ-Богсвейгеровой сказки стр. 35, гдѣ въ Шведскомъ и Латинскомъ переводѣ поставлены только слѣдующія слова: *hodie* etiam in Islandia sunt, qui genus originemque ad Hrafnistae viros referunt; а въ Исландскомъ текстѣ при словѣ hodie (по-Исландски nu enn) поставленъ 1683 годъ не цифирью, а словами! Слѣдственно, еще и въ 1683 году сплетали Исландскія сказки!» (60) И такъ, передѣланныя, измѣненныя или даже совершенно вновь сочиненныя въ новѣйшее время, Скандинавскія саги должны быть рѣшительно исключены изъ числа источниковъ Русской исторіи, и Шлёцеръ показалъ себя и человѣкомъ здравомыслящимъ и знатокомъ нашимъ древностей, когда рѣшился высказать слѣдующую истину: «надобно *отказаться отъ Исландскихъ сказокъ,* выключая которыхъ вся Скандинавская Исторія не имѣетъ почти ничего, да и ни одна изъ нихъ не сравнится древностію съ Несторомъ, не говоря уже о ихъ *внутреннемъ недостоинствѣ.*» (61) Такимъ-то образомъ природное благоразуміе, соединенное съ знаніемъ Русской и Всеобщей Исторіи, показали Шлёцеру въ настоящемъ свѣтѣ и Скандинавскія саги и отношеніе ихъ къ нашимъ отечественнымъ древностямъ.

Слѣдственно, Скандинавское сказко-любіе, внесенное къ намъ Байеромъ, Миллеромъ и Струбе, удержано логи-

---

значеніе написаннаго въ оригиналѣ? или же, не *поправлены* ль онѣ по *высокоумію,* умышленно, на Нѣмецкій ладъ?

(60) Шлёцеровъ Несторъ, 1, стр. 407—408.

(61) Тамъ же, стр. 426.— Желающему вполнѣ убѣдиться въ справедливости такого приговора сагамъ совѣтую вникнуть въ сочиненіе Сергія Скромненки (С. М. Строева) «Критическій взглядъ на Скандинавскія саги» (М. 1834), гдѣ разобрана Эймундова сага; о другихъ сагахъ см. у меня, выше, прим. 39.

кою Шлёцера, который далеко выше ихъ вознесся именно знаніемъ Русскаго языка. — Байеръ и Миллеръ, не зная по-Русски, должны были во всемъ полагаться на своихъ толмачей, которые не умѣли имъ порядочно перевести даже заглавіе Несторовой Хроники «Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Өеодосіева монастыря», въ слѣдствіе чего Преподобный Несторъ названъ Өеодосіемъ, и за границей, полагаясь на авторитетъ нашихъ академиковъ, долгое время толковали о лѣтописи Өеодосія, не подозрѣвая въ простотѣ сердца, что Св. Өеодосій никогда и не писалъ лѣтописи, а принадлежитъ она Пр. Нестору, жившему въ Өеодосіевой обители. Струбе имѣлъ переводчиковъ гораздо искуснѣе, но этого было еще недостаточно. По незнанію Русскаго языка, они всѣ трое не могли изучить Русской Исторія *по лѣтописямъ*, а потому и не могли даже замѣтить всѣхъ отступленій отъ *истины* въ Скандинавскихъ *сагахъ*: не видя же луча правды, они погрязли всѣ трое въ сказочномъ болотѣ сагъ . . . Такимъ образомъ, незнаніе Русскаго языка повлекло за собой неизбѣжное незнаніе Русской Исторіи; а невѣденіе истинныхъ событій, соединенное съ легковѣріемъ, при недостаткѣ основныхъ началъ исторической критики, заставило принять саги (т. е. сказки) за чистую истину! . . . Байеръ справедливо утверждалъ, что источники Русской исторію до-Рюриковскаго періода находятся у иноземцевъ; но, ища этихъ иноземныхъ источниковъ, по нечастію набрелъ на Скандинавскія (Исландскія) саги; затѣмъ, инстиктивно было наткнулся на Византійцевъ, но и тутъ не избѣжалъ ошибокъ: по незнанію Славянской Этнографіи, онъ отнесъ къ намъ извѣстія о Дунайскихъ Sclavin'ахъ (Словенцахъ), самовольно перестащилъ ихъ съ Дуная на Днѣпръ и на Волховъ, послѣ чего разумѣется не могъ понять *нашей* отдѣльности отъ *нихъ*, и въ тоже время единоплеменности съ ними; не могъ понять и Несторова указанія Варяжской земли (въ собственномъ смыслѣ) въ Прибалтійскомъ Кутѣ между Лабой и Одрой; а не зная, что нашъ народъ никогда самъ себя не называетъ *Славянами*, и что это имя только существуетъ въ книгахъ, что лишь одни книжники величаютъ насъ «Словенами» и «Славянами», Байеръ смѣшалъ понятіе *рода* и *вида*, не понялъ, что можно быть Славяниномъ не бывши Словенцемъ, и потому Русь, Варяги, Поляки, Болгаре, Сербы, всѣ хотя не Словенцы (Sclavi, Sclavini, Sthlavi), однакожь черезъ это

не лишаются права на имя Славянъ. Не принявъ же въ основаніе этнографіи, Байеръ основалъ всю свою критику на *созвучіяхъ*, и — вопреки Несторову свидѣтельству, что Славяно-Русскія племена у Грековъ назывались Скиѳами — почелъ непремѣнною обязанностью раздѣлить Русь, Славянъ и Скиѳовъ, какъ три будто бы разноплеменные народа, ибо-де звуки этихъ именъ между собою нисколько не сходны!.. *Новгородцы*— по *сходству въ звукахъ* превращены въ Кавказскихъ *Кабардинцевъ*, а Малороссійскіе *Бужане* въ Татарскую орду *Буджаковъ*. Все это казалось Байеру очень легко: Новгородцы, Ковгородцы, Кобгородцы, Кобородцы, Кабардинцы! Бужане, Бужани, Бужаки, Буджаки! . . . Тутъ не утерпѣлъ даже и Шлёцеръ. Собрался съ духомъ, и торжественно воскликнулъ: «какъ ошибся Байеръ *ὁ πανυ*, которой прежде всѣхъ взялся *изъяснить* (Commentar. t. X) Несторово исчисленіе народовъ! Въ дурныхъ рукописяхъ не могъ онъ различить *н* отъ *к*, почему вмѣсто *Бужане* читалъ *Бужаке* и заговорилъ о *Татарскихъ* Буджакахъ, вмѣсто *Новгородци* читалъ *Ковгородци* и забрелъ въ *Кабарду*. . . . Да почіетъ въ мирѣ прахъ его!» (Нест. I, стр. 192, 193). Впрочемъ, соблюдая справедливость, и произведя Малороссовъ - Бужанъ въ Татаръ, а Великороссовъ-Новгородскихъ въ Кавказскихъ Кабардинцевъ, Байеръ считалъ уже необходимымъ отнять у тѣхъ и другихъ настоящее ихъ *народное* имя Россіянъ, Россовъ или Руссовъ: премудрое рѣшеніе немедленно приведено въ исполненіе, и намъ пожаловано книжное имя Славянъ, а наше народное имя (Русь) превращено въ храбрыхъ *Свейскихъ и Датскихъ дворянчиковъ!* . . .

Что сказали бы Нѣмцы, если бы кто, разсуждая объ ихъ древностяхъ, началъ размышлять подобнымъ образомъ: «эти дѣйствія мы, *Тейтшеры*, приписываетъ себѣ; но Русскіе приписываютъ ихъ *Нѣмцамъ*, а Французы *Альманамъ* — имена эти нисколько не похожи одно на другое: звуки ихъ совершенно различны, а потому и должно строго отличать три эти разноплеменные народа, и узнать время: когда Альманы и Нѣмцы *могли быть* истреблены Тейтшерами? или же, когда они побѣждены ими и слились съ побѣдителями въ одинъ Тейтшерскій народъ?» . . . Здравомыслящіе Тейтшеры, — зная, что именно *ихъ* называютъ Русскіе Нѣмцами, а Французы Альманами, — конечно расхохотались бы надъ подобными гипотезами, какою бы ученостью ни были онѣ изукра-

шены: а Байеръ, Миллеръ и Струбе не тоже ли дѣлали съ нами, отдѣляя отъ насъ не только Скиѳовъ, *можетъ быть* Финновъ либо Татаръ либо Монголовъ, но и Русь, *вѣроятно* племя Скандинавское, въ подтвержденіе чего и призваны *саги*, то есть *сказки*, о храбрости и мужествѣ Скандинавскихъ воителей?

Природное здравомысліе, соединенное съ знаніемъ Русскаго языка и Русской Исторіи, спасло Шлёцера отъ увлеченія Скандинавскими сагами: прямодушно сталъ онъ ихъ называть ихъ настоящимъ именемъ — сказками, глупыми выдумками, бреднями Исландскихъ старухъ ([62]) и безсмысленныхъ разкащиковъ, подновленными или даже вновь сочиненными въ новѣйшія времена. Исключивъ Скандинавскія розсказни изъ числа источниковъ Русской Исторіи, Шлёцеръ доказалъ свой умъ и свои познанія въ нашей Исторіи; а сличеніемъ, буква въ букву, нѣсколькихъ списковъ Несторова Временника и первымъ опытомъ ученаго изданія лѣтописей Шлёцеръ воздвигъ себѣ несокрушимый памятникъ. Справедливо говоритъ Н. И. Надеждинъ: «кромѣ Библіи и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ классиковъ, ни одинъ писатель, древній или новый, не удостоивался такой тщательности, такой ученой почести, какъ смиренный Печерскій черноризецъ, котораго самое имя за нѣсколько десятковъ лѣтъ извѣстно было только въ Русскихъ святцахъ. Обширная и глубокая эрудиція принесла ему въ дань свидѣтельства всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, всѣхъ языковъ, чтобъ объяснить одно его слово, возстановить одну букву въ словѣ.» ([63]).

Но Шлёцеръ былъ человѣкъ не-Русскій, и потому-то Байерово мнѣніе объ основаніи Русскаго государства иностранцами крайне ему понравилось; отъ природы харак-

---

([62]) Шлёцеровъ Несторъ ч. I, стр. 420.

([63]) Библіотека для Чтенія, 1837, т. XX, Науки и Художества: «Объ историческихъ трудахъ въ Россіи», стр. 106. — Никто не оцѣнилъ такъ хорошо, какъ Н. И. Надеждинъ, заслугъ и недостатковъ Шлёцера по изданію лѣтописей (стр. 104 — 108); не становясь на колѣни передъ нимъ, но цѣня все по достоинству, онъ указалъ на *исключительно-экзегетическій* тонъ, сообщенный Шлёцеромъ нашей исторической критикѣ, которая съ того времени «начала производить свои работы съ такою же довѣренностью, какъ будто дѣло шло о каноническихъ книгахъ или объ опредѣленіяхъ Вселенскихъ соборовъ», равно и на *соблазнительный* примѣръ *произвольности*, съ которой толковалъ онъ и приписывалъ Нестору то или другое мнѣніе, а наконецъ и на многія частныя *ошибки, пропуски* и *недоразумѣнія*.

тера страстнаго, раздражительнаго, онъ пожертвовалъ истиннымъ смысломъ Несторовой лѣтописи любимой гипотезѣ, и подъ видомъ *объясненія* Русскихъ лѣтописей началъ рѣшительно *противорѣчить* имъ, въ надеждѣ — заставивъ Нестора говорить *совсѣмъ наизворотъ*, такимъ способомъ увѣрить всѣхъ, что Русскіе Славяне всѣмъ одолжены благотворному вліянію чужеплеменниковъ, а до того времени будто бы они были чуть не звѣри.

Отсюда у Шлёцера образовался взглядъ на нашу древность діаметрально противоположный Несторовскому. Несторъ, перечисливъ Славяно-Русскія племена, говорить напрямки, что они «ся зваху отъ Грекъ *Великая Скуѳь*» ([64]); справедливость этого показанія Несторова подтверждается тѣмъ, что у Геродота мы дѣйствительно находимъ въ Греческомъ *переводѣ* настоящія Русскія имена этихъ Скиѳовъ. Шлёцеръ перевелъ свидѣтельство Нестора: «все это (пространство) Греки называютъ Великою Скиѳіею» ([65]), но тотчасъ же воскликнулъ: чуръ! свалилъ все на переписчика: «теперь еще *нечего дѣлать* со всею этою главою; *кажется*, что она вся *вставлена*» ([66]), и думая, что такой отговоркой отдѣлался отъ Нестора, съ торжествомъ заключилъ: «прежде всего, должны Русскіе *отстать* отъ Скиѳовъ и Сарматовъ» ([67])! Почему же *должны отстать* когда изъ словъ Нестора именно слѣдуетъ, что исторію, до-Рюриковскаго нашего періода надо искать у Грековъ подъ именемъ Великой Скиѳіи? А вотъ почему: «Байеръ очень ясно доказалъ, что сіи названія хотя сначала и принадлежали извѣстнымъ народамъ, но послѣ, по незнанію древнихъ, распространились на безчисленное множество земель. Неужели такъ трудно понять различіе между гео-графическимъ и этно-графическимъ названіемъ?» ([68]).— Такъ, въ послѣдствіе времени имя Скиѳіи распространено древними не только на весь Русскій Сѣверъ, но и на земли Азіатскія; да въ этомъ-то и задача критики, чтобъ отдѣлить *истинныя* свѣденія древнихъ отъ извѣстій, порожденныхъ *незнаніемъ* древнихъ. На прим. зная изъ Нестора, что у насъ были въ Малороссіи Поляне, Древляне и проч., и встрѣчая эти имена Скиѳовъ у Геродота

(64) Лаврентьевскій списокъ, стр. 7
(65) Шлёцеровъ Несторъ, I. стр. 213.
(66) Тамъ же, стр. 214.
(67) Тамъ же, стр. 423.
(68) Тамъ же, стр. 423—424.

въ Греческомъ переводѣ (Georgi, Hylaei etc), находя наконецъ у Страбона на мѣстѣ Малой Россіи имя Малой Скиѳіи (parva Scythia), мы непремѣнно должны *воспользоваться* этими свѣдѣніями и *сравнительнымъ* изученіемъ *древности*, повѣренной извѣстіями временъ *вполнѣ достовѣрныхъ*, возсоздать настоящую географію древняго міра, а не пренебрегать разсказами древнихъ писателей о Скиѳахъ, какъ требуетъ Шлёцеръ, наперекоръ Нестору, которому на каждомъ шагу противорѣчитъ.—Несторъ говоритъ что «бѣ множество» Славяно-Русскихъ племенъ, которыя отъ Грековъ звались Скиѳами, что они «сѣдяху до моря» (Чернаго) и что «суть *гради* ихъ и до сего дне» (69); Шлёцеръ зналъ это, перевелъ самъ: «*города* ихъ существуютъ тутъ даже и до сего дня» (70), но тотчасъ же назвалъ это вставкою *поддѣльщика* (71) и, отстранивъ такимъ образомъ свидѣтельство Нестора, смѣло началъ утверждать, будто бы «на всемъ пространствѣ Русскаго сѣвера, даже до средины IX столѣтія, не было *ни одного города*» (72).—Несторъ пишетъ, что эти Славянскія племеплемена, извѣстныя у Грековъ подъ именемъ Скиѳовъ, «имяху *обычаи* свои, и *законъ* отецъ своихъ и *преданья*, кождо свои нравъ. Поляне бо своихъ отецъ *обычаи* имуть *кротокъ* и *тихъ* и *стыдѣнье* къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ» (73) и проч. Шлёцеръ передалъ это важное свидѣтельство Нестора такимъ образомъ: «у нихъ были свои *обычаи*, свои *законы* отъ отцевъ ихъ, свои *преданія*: каждый народъ имѣлъ свои (собственные) нравы. Поляне имѣли *обычаи* своихъ отцевъ: они были тихи и кротки, и оказывали *великое почтеніе* своимъ родителямъ и родственникамъ: своимъ снохамъ» и проч. Но, забывъ это, Шлёцеръ такъ *объясняетъ* Нестора, изображая состояніе Руси до призванія Рюрика: «конечно, люди тутъ были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда зашли; но люди *безъ правленія*, жившіе *подобно звѣрямъ и птицамъ*, которые наполняли ихъ лѣса, не отличавшіеся ничѣмъ» (74)—.Не-

---

(69) Лаврент. списокъ, стр. 7.

(70) Шлёцеровъ Несторъ, I, стр. 213.

(71) Тамъ же, стр. 214 и 216.

(72) Тамъ же, стр. 52.

(73) Лаврент. списокъ, стр. 7 — 8.

(74) Шлёцеровъ Несторъ, стр. 419 — 420.

сторъ пишетъ:» *бѣ путь* изъ *Грекъ* по Днѣпру ([75])ь Шлёцеръ зналъ это ([76]), перевелъ самъ, что «*былъ пут*; отъ *Грековъ* ко (?) Днѣпру» ([77]); но, увлекаясь мыслію, что Русскіе Славяне до призванія Шведа-разбойника были подобны звѣрямъ и птицамъ, увѣряетъ, будто бы изъ Несторовой лѣтописи слѣдуетъ заключить, что Русскіе Славяне «*не имѣли ни какого сношенія* съ *южными* народами, почему и *не могли быть* замѣчены и описаны *ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ Европейцемъ*» ([78]).— Несторъ пишетъ, что, для водворенія порядка нарушеннаго междоусобіемъ, сѣверные Славяне рѣшились «поискать себѣ *Князя*» ([79]); а Шлёцеръ, переведя это мѣсто ([80]), спрашиваетъ самъ отъ себя: «кому тутъ придетъ на умъ принцъ или Государь?» ([81]) и воображая, что уже совсѣмъ отдѣлался, прямо говоритъ, будто бы «Нестору извѣстны только военачальники, а *не* Короли или *Князья*» ([82]). — Несторъ объясняетъ причину призванія Рюрика, что Новгородцы «рѣша сами въ себѣ: *поищемъ* собѣ Князя, иже бы *володѣлъ* нами и *судилъ* по *праву*» ([83]); Шлёцеръ нашелъ въ Софійскомъ Новгородскомъ спискѣ, что Новгородцамъ хотѣлось «Князя, иже бы нами водилъ и *радѣлъ* и судилъ правду;» сообразивъ разные списки, онъ вывелъ, что Новгородцы «собравшись и поговоря между собою сказали: *поищемъ* сами для себя Князя, который бы нами владѣлъ, *держалъ порядокъ* и *судилъ по правдѣ*» ([84]). Но, не обращая вниманіе на этотъ собственный свой переводъ Нестора, Шлёцеръ, положившись на Миллера, смѣло утверждаетъ будто бы Новгородцы «*не искали* государя,» потому что были кажется «люди возращенные въ *дикой свободѣ* и можетъ быть подобно Далекарскимъ крестьянамъ, столь же мало знавшіе что такое значитъ Король, и не могли вдругъ добровольно перемѣнить гражданское свое право на монархическое» ([85]). — Умышленно

(75) Лаврент. списокъ, стр. 4.

(76) Шлёцеровъ Несторъ, I, 152.

(77) Тамъ же, стр. 154.

(78) Тамъ же, стр. 420.

(79) Лаврент. списокъ, стр. 12.

(80) Шлёцеровъ Несторъ I, стр. 301.

(81) Тамъ же, см. 308.

(82) Тамъ же, стр. 51.

(83) Лаврент. списокъ, см. 12.

(84) Нест. Шлёц. I, стр. 301.

(58) Тамъ же, см. 306.

бывъ Несторово свидѣтельство, что Новгородцамъ нуженъ былъ *Князь*, который *держалъ порядокъ* и *судилъ по правдѣ*, Шлёцеръ выдумываетъ самъ отъ себя, что «они искали *только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ*, въ случаѣ прихода новыхъ грабителей», почему будто бы и призвали Шведскихъ «*морскихъ разбойниковъ*», изъ той части Упландскаго берега, которая — лѣтъ черезъ 300 или 400 послѣ Рюрика — отъ набѣговъ нашей Новгородской Руси (частенько разорявшей Шведскіе берега, особенно Упландскіе) названа была пристанищемъ Россовъ, Рослагеномъ (85). Шлёцеръ и самъ видитъ, что у него дѣло не клеится — откровенно сознается, что «намѣреніе призвать защитниковъ отъ жестокихъ грабителей изъ сихъ же самыхъ *грабителей*, было *странно* и *опасно*» (86) но думаетъ вывернуться изъ такой несообразности тѣмъ только, что со стороны *грубыхъ* Новгородцевъ тутъ была *неосторожность* (87) . . . .

Для доказательства же *грубости* и дикости Новгородскихъ Славянъ, призвавшихъ себѣ въ князья *морскихъ разбойниковъ* и *грабителей*, Шлёцеръ прибѣгнулъ къ этимологической дыбѣ и началъ изъ Русскихъ словъ выжимать Нѣмецкіе звуки. Онъ самъ хвастался «Рудбековскимъ искуствомъ» находить сходство тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго сходства: «если дадутъ мнѣ сотню *Русскихъ* именъ, то съ помощію извѣстнаго Рудбековскаго искуства, *возьмусь я* отыскать столько же подобныхъ звуковъ въ *Малайскомъ Перуанскомъ* и *Японскомъ* языкахъ» (88). Какъ знатокъ этого искуства, онъ и сталъ нещадно мучить наши слова, до тѣхъ поръ, пока они отъ боли не зачали взвизгивать по-Нѣмецки. Новгородскіе Славяне, по мнѣнію Шлецера, были очень *дики* и *грубы*, а ихъ начальники, бояре, очень *глупы*, отчего будто бы и получили свое названіе, ибо слово *бояринъ* произошло отъ *барана*, принятаго въ смыслѣ *дурака* (89). Превративъ, такимъ обра-

---

(85) Тамъ же, стр. 430 и 317; сравните у меня выше, стр. XIII, XXIV.

(86) Шлёцеровъ Песторъ, I, стр. 305.

(87) Тамъ же, и далѣе стр. 356 — 357.

(88) Тамъ же, стр. 429.

(89) Россійская Грамматика Шлецера, стр. 58; — Очерки Россіи, кн. II, стр. 45. — Сличите съ этимъ анти-логическимъ и анти-филологическимъ производствомъ «Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго съ всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями и съ 24 иностранными языками,» покойнаго Ѳ. С. Шимкевича, ч. I, стр. 7 и 8.—Изъ его труда очевидно,

зомъ, почтное названіе древнихъ нашихъ витязей въ площадное ругательство глупцами, Шлёцеръ увѣряетъ, будто бы наши предки по дикости и грубости приняли Нѣмецкія презрительныя названія за высшій для себя идеалъ, и Нѣмецкій *kerl* (мужикъ) сдѣлался у насъ владѣтелемъ сѣвернаго края, *Кралемъ*, или по другому діалекту *Королемъ*, а Нѣмецкій Knecht (*холопъ*) Русскимъ *Княземъ* (90).

что имя *бояринъ* произошло слова *бой*, относящагося къ корню *би*, который далъ производныя: I) *бить*, по-Сербски *бити*, по-Чешски bjti, по-Славацки bit, по-Словенски у Кранцевъ biti, а въ Славоніи bitti; у Дубровничанъ (Рагузинцевъ), Далматовъ, Босняковъ и Кроатовъ также bitti; по-Литовско-русски *биць*, по-Польски bic; по-Сорабски въ Верхнее Лузаціи bicz, въ Нижней Лузаціи bisch, у Полабовъ въ Люнебургѣ bue, по-Болгарски *би*; — II) *бой* и *вой*-на, по-Чешски и Словацки wog (читай: бой, ибо у Германскихъ Славянъ наше *й* выражается иногда латинскою буквою g), wogna (война), по-Польски boy, woyna, по-Сорабски въ верхней и нижней Лузаціи wojna; по-Литовско-русски *вайна*; по-Словенски въ Крайнѣ и Славоніи woiska; по-Сербски въ Кроаціи и Далматіи boy, въ Босніи boj, въ Дубровникѣ (Рагузѣ) booj. — Отсюда произошли: старинное Чешское слово wojak, Словенское (Виндское) wojar, Кроатское woynik, boynik и наше *бояринъ*, одного корня и значенія съ западно-Славянскимъ *витязь*.

(90) О производствѣ слова *король* отъ *короля* (kerl) см. въ Шлёцеровой Россійской граматикѣ стр. 83; а слова *князь* отъ *кнехта* (knecht) стр. 89; — Очерки Россіи, кн. II, см. 46. — Возражать противу Шлёцерова мнѣнія считаю излишнимъ: безразсудство его корнесловнаго «Рудбсковскаго искуства» тутъ на высшей степени. — Проще и естественнѣе всѣхъ объяснено имя *краль* у М. Н. Макарова (Маякъ 1844, Сент. т. XVII) отъ кореннаго слова *край*. Онъ указываетъ на старую запись о Донцахъ (1623), гдѣ сказано: «напозадь Кошеваго статьи Наказу, а по немъ Наказномъ Сотнымъ и Десятнымъ, а по тѣхъ быть *Крайлимъ* сирѣчь *Краевымъ*;» и такъ, здѣсь слово *крайль* означаетъ фланговаго, крайняго воина, и произведено отъ кореннаго *край*. — Удивительно, что это коренное Славянское наше слово пропущенно въ «Корнесловѣ» Шимкевича. — Замѣчу здѣсь, что слово *крайль*, означая воина стоящаго па *краю* и защищающаго *край* (страну), въ то же время означаетъ и *правителя края*, держащаго край подъ своею властію и защитою; почему, западно-Славянское имя (употреблявшееся иногда и у насъ, хотя рѣдко) *Держикрай* совершенно соотвѣтствуетъ нашему имени *Владиміръ*. (См. Slownik jezyka Polskiego, przez Linde). Правильная форма, *крайль* (krayl), сохранилась на югѣ, у Крайнскихъ Словенцевъ (krail, krayl) а у Сербовъ въ Босніи (kragl) и Дубровникѣ или Рагузѣ (krâgl); у прочихъ Славянскихъ народовъ это слово сократилось въ *краль:* въ Словацкомъ языкѣ, въ Чешскомъ, Сорабскомъ (Лузацкомъ), Кроатскомъ, Далматскомъ, Виндскомъ (Славонскомъ). Отъ мужескаго *крайль*, сокращенно *краль*, произошло и женск *крайля*, *краля*; но такъ какъ звукъ *а* часто замѣняется *о* (напр. крава =

Доказавъ свое «Рудбековское искуство» превращеніемъ Владавца края (Краля) въ мужика, а Законодателя и начальника города въ холопа, Шлёцеръ пустился далѣе, увѣряя, будто бы наши дикіе предки, не понимая истинъ нравственныхъ, не цѣнили дѣвственности, цѣломудрія, и самое слово *дѣва* составили изъ Нѣмецкаго Dieb (дибъ = воръ) и употребляемаго въ нижней Саксоніи Tiffe (сука) (91)... Тутъ

корова, прахъ = порохъ, врагъ = ворогъ, прагъ = порогъ, влага = вологa) то вмѣсто *Краль*, явился намъ *Король* и еще сокращеніе Krol и даже Krul. Сравнивъ слово *король* съ прочими словами оканчивающимися на *язь*,—именемъ *крайлязь* (подобно конязь, князь), *королязь*, легко объяснимъ Несторовыхъ «Корлязей», варіантъ имени *Краинцевъ*, объясняемый различнымъ употребленіемъ слова *край* Славянскими племени: *крій*, *корай* (какъ у насъ въ Рязанской сторонѣ) и проч. — Отсюда же и производимый *крайлевство*, *королевство*, *крулевство* и т. дал.

Слово *князь* заключаетъ въ себѣ очень много значеній и существуетъ, у всѣхъ Славянскихъ племенъ: у Болгаръ — какъ выходцевъ изъ Волжской Руси — подобно намъ *князь*, у Сербовъ *кнезъ*, въ Кроаціи Дубровникѣ и Далматіи knez, у Сорабовъ въ Верхней и Нижней Лузаціи также knes; у Чеховъ (въ старину kniaz), а теперь knize, knez; у Словаковъ въ старину knaz, а нынѣ knize; у Поляковъ ksiądz. Корень этаго имени есть слово *конъ*, означавшее въ древности во первыхъ: всякій *законный актъ*, — откуда «кончати» = заключать законное условіе, «докончаніе» = договоръ, напр. «съ Великимъ Княземъ ни кончати, ни помиритись безъ моей воли» (Ист. Гос. Рос. V, пр. 364), или: «съ кѣмъ самъ буду въ докончаніи, и мнѣ того учинити въ докончаніи» (Древн. Росс. Вивліоѳ. IX, 20), — и во вторыхъ: *часть города, имѣющая особое вѣдомство*, какъ пять концевъ Новагорода, наприм. «оже кто познаетъ челядь свою украденную, и пойметъ й, то вести по конамъ» (Ист. Гос. Росс. II, пр. 88). Отъ слова *конъ* произошли: *конягъ* (законодатель и начальникъ города), сокращенно *князь*, жен. *княгиня*, и *княжь* (сынъ князя), жен. *княжна* (дочь князя). Женскій родъ сохранился въ правильной формѣ; а въ мужескомъ, по трудности произношенія, и *князь* и *княжь* измѣнились въ *князь*, тѣмъ удобнѣе, что въ именительномъ множественнаго числа уже говорилось «князи.»

(91) Шлецерова Россійская Грамматика, стр. 82;—Очерки Россіи, кн. II см. 46; нелѣпость такого словопроизводства очевидна. — Слова *дѣва* принадлежитъ не однимъ намъ, но всѣмъ вообще народамъ Славянскаго племени: у насъ въ Россіи *дѣва*, *дѣвка*, *дѣвица*, *дѣвчина*, *дзѣвка*; у Болгаръ также такъ у насъ *дѣва*; у Сербовъ *дева*, въ Дубровникѣ djeva, djevizza, въ Босніи djeva, djiva, djevica, divica, у Кроатовъ deva, devicza; у Словенцевъ въ Славоніи divica въ Крайнѣ diviza, у Словаковъ diwka; у Чеховъ въ старину dewa, dewice, нынѣ же, diwka, dewka; у Сорабовъ въ Верхней Лузаціи dzowka, въ Нижней zowka, въ Люнебургѣ dewa. — «Отъ слова *дѣва* происходитъ названіе такой добродѣтели, которая прилична лицамъ *обоего* пола, именно *дѣвство*,» замѣчаетъ Шим-

остается только поставить знакъ *удивленія* филологическимъ способностямъ и благонамѣренности Шлецера!

Такимъ образомъ возникла и утвердилась пресловутая Шлёцерова теорія Русской древней Исторія, опиравшаяся единственно лишь на *имя* Нестора, но въ сущности рѣшительно противоположная Несторовой лѣтописи, и подкрѣпленная только беззаконіемъ филологической инквизиціи, наперекоръ истиннымъ основаніямъ здравомыслящей этимологіи. Шлёцеръ, какъ человѣкъ умный, безъ сомнѣнія не могъ не видѣть всей несообразности своихъ гипотезъ; но, какъ фанатикъ, пожертвовалъ *истиною* любимой идеѣ, будто мы всѣмъ обязаны только вліянію чужеземцевъ, морскихъ Шведскихъ разбойниковъ, а до прибытія ихъ оставались почти на степени животныхъ.—Какимъ же способомъ удалось ему пустить въ ходъ эту гипотезу, которой противорѣчили и Временникъ Нестора и наблюденія Филологіи надъ Славянскими языками? Шлёцеръ и тутъ нашелся. Во время своего пребыванія въ Россіи (1761—1769) онъ замѣтилъ, что Русскіе ученые падки къ космополитизму, не любятъ хвастать любовью къ отечеству, и съ жаромъ ухватился за эту слабую струну. Ловкость его въ семъ случаѣ удивительна. Онъ сталъ жаловаться, что «*худо-понимаемая* любовь къ отечеству подавляетъ всякое критическое и *безпристрастное* обработываніе Исторіи» (92), какъ будто хорошо-понимаемая любовь къ отечеству ради *безпристрастія* заставляетъ *противорѣчить* ясному свидѣтельству и лѣтописному и филологическому. Но Шлёцеръ сталъ на своемъ и, прибавивъ, что эта худо-понимаемая любовь къ отечеству «дѣлается смѣшною» (93), восклицаетъ: «возможно ли, чтобы древнихъ Руссовъ не признали за Шведовъ *потому только*, что тогда были въ ссорѣ со Шведами?» (94).—Нѣтъ, слѣдовало бъ отвѣчать на это: совсѣмъ не потому: ссора сама по себѣ, а правда сама

кевичь. «Если мы ограничимся въ семъ случаѣ только Русскимъ языкомъ, то съ перваго взгляда представится несообразность понятій. Но эта несообразность отстраняется, когда обратимся къ Кроатскому нарѣчію, въ которомъ говорится о лицѣ женскаго пола до замужства deva и devicza; а о мужчинѣ, ведущемъ себя непорочно въ извѣстномъ отношеніи, и слѣд. находящемся какъ бы въ состоянія юношества: dev и devaez.» Корнесловъ Русс. языка I, стр. 72.

(92) Шлёцеровъ Несторъ, I, стр. 430.

(93) Тамъ же.

(94) Тамъ же.

по себѣ; но ваша теорія Шведскаго произхожденія Рюрика явно противорѣчитъ Времяннику Пр. Нестора, который утверждаетъ, что послы наши отправились не къ Свеямъ, не къ Урманамъ (Норвежцамъ), не къ Англянамъ (Англо-Саксамъ), а къ Руси, и указываетъ жилища этой Руси отнюдь не въ Швеціи, а на западѣ отъ Пруссовъ и Поляковъ до земли Англянской (Англо-Саксонской), то есть до низовья Лабы (Эльбы), къ югу же до земли Чехо-Моравскихъ Волоховъ, то есть до верховья этой рѣки и Вислы. Слѣдственно: не по ссорѣ со Шведами, а *по причинѣ явной несообразности съ указаніемъ Пр. Нестора* отвергается теорія о выходѣ Рюрика изъ Швеціи.—Но Шлёцеръ твердитъ свое: «возможно ли чтобы противъ неоспоримато положенія, что Варяги и Норманны суть одинъ и тотъ же народъ, возставали *потому только*, что Норманны были *морскіе разбойники*? Генгстъ и Горзъ были *одного* съ Рюрикомъ *ремесла*, а потомки ихъ, короли Англо-Саксонскіе, и во снѣ не думали сердиться на своихъ лѣтописателай за то, что они это говорили» (95). Но чтожъ прикажете дѣлать, если Рюрикъ и его братья *не были* морскими разбойниками? Новгородцы нуждались совсѣмъ не въ морскомъ разбойникѣ, а въ князѣ, который бы *держалъ порядокъ* и *судилъ по правдѣ* — способенъ ли на это *разбойникъ* изъ *жестокихъ грабителей, по выраженію Шлёцера? И такъ не изъ* худо-понимаемой любви къ отечеству, но по *по причинѣ* опять *явнаго противорѣчія Пр. Нестору* и даже простому здравому смыслу, Историческая Логика не можетъ допустить гипотезы, будто бы Рюрикъ и его братья были только разбойниками! (96)

---

(95) Тамъ же.

(96) Этотъ подробный разборъ основныхъ идей Байера и Шлёцера о древностяхъ нашей Руси лучше всего оправдываетъ мысль, высказанную мной въ *Предисловіи* къ Историко-Критическимъ изслѣдованіямъ О. Л. Морошкина, что «Нѣмецкое направленіе Байеро-Шлецеровой школы *повредило* нашей Исторіи и остановило ея успѣхи» (стр. 6). Профессоръ Морошкинъ начинаетъ свое *Вступленіе* слѣдующими словами: «мы до тѣхъ поръ *не будемъ имѣть Исторіи, достойной Русскаго народа докомѣ будемъ вѣрить Шлёцеру* и его продолжателямъ. Шлёцеръ не понималъ Нестора и вообще *заставлялъ* лѣтописцевъ говорить такъ, какъ *ему* было угодно, порицая *все что* было *противно* его системѣ... Изъ этого можно видѣть, какъ необходимо было критику *искажать* текстъ лѣтописей и какъ трудно ему было дойти до истины. Направленіе *удивительно ложное!*» (стр. 18) Такіе отзывы, хотя и основанные на сущности дѣла, пробудили фанатизмъ байеро-шлёцеріанъ, не при-

Проницательный Ломоносовъ съ перваго взгляда — какъ говорится — раскусилъ Шлецера: цѣня его познанія по достоинству, но видя въ немъ одинаковое съ Миллеромъ желаніе «высматривать *пятна* на одеждѣ Россійскаго тѣла, *проходя истинныя украшенія*», нашъ патріотъ-ученый сильно вооружился, оперся на Законъ и смѣло возсталъ противъ принятія Шлёцера въ Академію, утверждая и доказывая, передъ Правительствующимъ Сенатомъ и Президентомъ Академіи, «что Шлёцеръ принятъ въ Академію не токмо не въ силу Регламента, но и въ предосужденіе Россійскому народу.» Развивая мысль эту, Ломоносовъ пишетъ: «въ *Академическомъ Регламентѣ* въ 13 пунктѣ повелѣно стараться, чтобъ *адъюнкты* были всѣ *Россійскіе*.

выкшихъ отдавать себѣ *отчетъ* въ справедливости того или другаго мнѣнія. Авторъ книжки Die Berufung ужаснулся, что смерть Венелина не остановила возстаній противу Байеро-Шлёцеровъ ученія, и въ суевѣрномъ испугѣ воскликнулъ: «von diesen wurde nun nach seinem Tode ebenso entschieden der Stab über Männer wie Bayer, Müller und die ihnen unter den Schweden, Deutschen und Russen gefolgt sind, gebrochen. Sie sollen, hört man wiederholt sagen, der Russischen Geschichte durch ihre einseitige Behandlung derselben mehr geschadet als genützt haben. Далѣе (стр. VIII и X) слѣдуетъ переводъ моихъ словъ, что система Байера и Шлёцера отвлекла нашихъ ученыхъ отъ аналогическаго изученія Исторіи нашихъ Славянскихъ единоплеменниковъ, а потомъ переводъ вышеприведеннаго отзыва Морошкина о направленіи трудовъ Шлёцеровыхъ. Чѣмъ же насъ опровергаетъ юный фанатикъ прежней школы? А тѣмъ, что, молъ, Шлёцера *хвалили* все *важные люди:* епископъ Стратимировичъ, Копытарь и Михаилъ Петровичъ Погодинъ, однажды сказавшій «нашъ славный учитель Шлёцеръ!» (стр. XII). Ну такъ что же? *бездоказательная* похвала развѣ что-нибудь значитъ на вѣсахъ критики? Учтивость покойнаго Канцлера Румянцева, который написалъ Шлецеру: «je suis fier de vous avoir pour collègue,» развѣ можетъ доказывать истину и справедливость Шлёцерова ученія? Нисколько! Румянцевъ былъ человѣкъ удивительно *учтивый* и *добрый*: какъ истинный меценатъ, онъ оказывалъ денежныя пособія многимъ ученымъ, въ надеждѣ не будутъ ли они чѣмъ полезны Русской Исторіи. Лучшимъ доказательствомъ его доброты можетъ служить слѣдующее происшествіе, извѣстное всѣмъ, кто только былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Канцлеромъ. Отъ него шло постоянное жалованье, между прочимъ, и тому ученому, который прославился знаменитымъ производствомъ слова *отчій* не отъ *отца*, а отъ *очага*; однажды, читая книгу «Іоаннъ Экзархъ Болгарскій», Румянцевъ затруднился тамъ словомъ *спанъ* и отнесся къ преславному ученому, прося объяснить: что значитъ это слово? Велемудрый ученый отвѣчалъ по-французски и привелъ множество примѣровъ изъ Библіи, въ которыхъ употреблены слова *спаялъ*, *спаяли*, *спаявъ*, *спаять* и проч.

Сіе разумѣть не иначе должно, какъ что *иностранныхъ не принимать вновь* послѣ обьявленія онаго Регламента, а особливо гдѣ они не положены, какъ при исторіографѣ. Шлёцеръ принятъ — первое иностранной, второе — не къ мѣсту, сверхъ штата; и хотя по послѣднему пункту онаго Регламента позволено Президенту нѣчто прибавить или перемѣнить, однакожь для важныхъ причинъ, и чтобъ

(сплавить, соединить) откуда и заключилъ, что *вѣроятно* имя «спанъ» означаетъ человѣка *спаяннаго* съ Римскою Церковью, сирѣчь *Уніата!* Такимъ образомъ, отличная этимологія достигла того, чего не могли достигнуть всѣ Папы; и чего не произвела вся хитрая политика Римскаго Двора, то сдѣлалось очень легко, всемогущею волею знатока Русскихъ и Славянскихъ древностей, который, говорятъ, потому только не печаталъ такихъ драгоцѣнныхъ открытій, что *не хотѣлъ* «прервать свое надменное безмолвіе и испортить себѣ кровь» во время *ученой полемики,* на которую вызывали его, а то бы загромоздилъ всѣ книжныя лавки безсмертными произведеніями, ничуть неуступающими славному *огагу,* отъ него же выведенъ и *отчій,* подобно тому какъ въ *Болгарію* при Царѣ Симеонѣ введена *Унія,* въ исходѣ X вѣка! ... Румянцевъ хохоталъ отъ чистаго сердца. Онъ перевелъ это письмо на Русскій языкъ, и читая своимъ знакомымъ и близкимъ къ нему людямъ (въ томъ числѣ извѣстному нашему археографу, П. П. Г-чу), говорилъ: «а вѣдь переводъ для меня «очень полезенъ — прежде и я, подобно другимъ, почиталъ этого уче«наго *знатокомъ* Славянскихъ древностей; теперь вижу, что онъ пре«пустая голова: связи ни малѣйшей!» — «Такъ не прикажете ли, Ваше Сіятельство, прекратить ему выдачу жалованья?» спросили Канцлера.— «Нѣтъ,» отвѣчалъ добрый Графъ, «по нашимъ-то древностямъ онъ хоть «и ничего не смыслитъ, да за то его Византійская Хронологія книга «хорошая и для насъ полезная! Конечно, теперь его ужь ни за чѣмъ «безпокоить я не буду; впрочемъ, онъ человѣкъ не богатый: продолжать «ему посылать!» — Вотъ какой добрый человѣкъ былъ Канцлеръ Румянцевъ!... Диво ли, что онъ уважалъ Шлёцера за полезное для насъ *сличеніе* разныхъ списковъ Нестора, за *переводъ* лѣтописи и вообще за *рѣдкое трудолюбіе*; а недостатки: *искаженіе* прямаго смысла у Нестора и *противорѣчія* его Временнику, которыя Шлецеръ величалъ *объясненіемъ,* русскій меценатъ великодушно прощалъ ему, какъ иностранцу, увлеченному *своимъ* народнымъ патріотизмомъ.... Въ такихъ же точно отношеніяхъ должны и мы находиться къ труду Шлёцеру: оцѣнивая доброе, не скрывать и недостатковъ, искажающихъ внутренній смыслъ важнѣйшихъ событій нашей Исторіи. Шафарикъ справедливо говорилъ, что «нѣкогда, въ глубокую старину, въ странахъ между Понтомъ и Бельтомъ была *несравненно большая* и *населенность* и *образованность* и *дѣятельность,* нежели какъ намъ угодно было думать» (Слав. Древн. III, стр. 292), и писалъ М. П. Погодину: «Греками и Римлями наши предки не были, не ходили ни въ какой Аѳинской театръ и не читали никакого Платона; но и такими *дикими варварами и каннибалами,*

то суммы не превосходило. Въ принятіи Шлёцера не было никакой нужды, ни очевидной пользы; ибо принятъ онъ по прихотямъ Миллеровымъ для споможенія въ его дѣлахъ, который *долженъ* уже давно былъ — принять и пріучить кого къ своему дѣлу изъ *природныхъ Россіянъ*, коему не нужно бъ было обучаться — какъ Шлёцеру — Россійскаго языка, чтò и *нашему народу предосудительно*, яко бы не было изъ него способныхъ понять Миллерово знаніе, которое видно изъ самыхъ его лучшихъ дѣлъ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ. Наконецъ Шлёцеръ принятъ въ адьюнкты не токмо *безъ выбору*, но и безъ всякаго выбору и одобренія отъ профессорскаго собранія, но по представленію *одного* человѣка, который въ двухъ коммисіяхъ подозрительнымъ признанъ публично въ разсужденіи непозволенныхъ переписокъ и занозливыхъ мнѣній о Россіи. Да и самымъ дѣломъ оказалось, что Миллеръ пріискалъ *себѣ подобнаго*, чтò явствуетъ изъ печатающейся Шлёцеровой Грамматики Россійской на Нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ, *кромѣ множества несносныхъ погрѣшностей,* внесены досадительныя Россіянамъ мнѣнія» (97). Возставая на защиту Регламента и желая дать средства Русскимъ проникнуть въ Академію, Ломоносовъ нападалъ на принятіе Шлецера въ адьюнкты, но — умѣя цѣнить истинныя его достоинства: знаніе многихъ языковъ и отличныя свѣдѣнія во Всеобщей Исторіи, — полагалъ, что «можно дать ему *ректорство* въ *гимназіи*, и притомъ титулъ экстраординарнаго профессора, съ тѣмъ чтобъ въ университетѣ онъ читалъ *студентамъ лекціи Универсальной Исторіи*, на Латинскомъ языкѣ, съ жалованьемъ противъ Россійскихъ экстраординарныхъ» (98).

Пылкій, желчный характеръ Шлёцера вполнѣ выказался въ этой ссорѣ. Ломоносовъ былъ однакожъ правъ, возставая не изъ личной вражды, но единственно изъ желанія — проложить *Русскимъ* путь въ Академію, почему и предлагалъ употребить Шлёцера на то, къ чему онъ способенъ. Оправдывая свое мнѣніе о Миллеровскомъ на-

---

какими изображаютъ ихъ намъ нѣкоторые писатели, они также *не были.*» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, Май, отд. IV, стр. 283). А кто же возрастилъ эти мысли? кто былъ родоначальникомъ этихъ «нѣкоторыхъ» писателей?... Шлёцеръ!...

(97) Очерки Россіи, кн. V, вторая статья А. Ѳ. Вельтмана «Портфель Ломоносова,» стр. 58—59.

(98) Тамъ же, стр. 62.

правленіи Грамматика Шлецера, Ломоносовъ пишетъ: «больше всего оказывается не токмо *незнаніе*, но и *сумабродство*, въ произведеніи словъ Россійскихъ. Кромѣ множества, что развратно и здравому разсудку противно, внесены еще *ругательныя* чести и святости *разсужденія*», въ доказательство чего стоило только указать словопроизводство нашего *боярана* отъ *барана* или дурака, нашей *дѣвы* отъ Нѣмецкаго *вора* (Dieb) и Ниже-Саксонской *суки* (Tiff), нашего Славянскаго *краля*, *короля* отъ Нѣмецкаго *мужика*, (Kerl) Славянскаго, *князя* отъ Нѣмецкаго *холопа* (Knecht), и проч. тому под. Ломоносовъ такъ и сдѣлалъ, а въ заключеніе прибавилъ ([99]): «изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколоблюдитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина»... Рѣзко, а вѣдь справедливо; и Ломоносовъ имѣлъ право *такъ* говорить, какъ Русскій и какъ ученый, коротко знакомый съ отечественною исторіею, которой удѣлялъ часть своихъ занятій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Понимая, что взглядъ Байера и Миллера, усвоенный впослѣдствіи Шлёцеромъ, долженъ вести неизбѣжно къ превратному изображенію всей нашей древности — Ломоносовъ еще съ 1751 года вознамѣрился готовить матеріялы для составленія Русской Исторіи, и занимаясь ex officio Химіей и Физикой, посвящалъ часть времени Словеснымъ Наукамъ и Отечественной Исторіи. Въ 1751 году «читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: *Нестора*, за нимъ *Приславли*, большой лѣтописецъ *Татищева* первый томъ, *Крамера*, *Вейселя*, *Гельмольда*, *Арнольда* и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя ексцепты или выписки или примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ» ([100]). Въ 1752 году «для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи, читалъ *Кранца*, *Преторія*, *Мураторія*, *Іорнанда*, *Прокопія*, *Павла Дьякона*, *Зонара*, *Ѳеофана Исповѣдника*, *Леона Грамматика* и иныхъ; эксептовъ нужныхъ на 5 листахъ, во 161 статьѣ» ([101]). Въ 1753 году занимался по прежнему: «записки изъ упомянутыхъ авторовъ приводилъ подъ статьи

---

(99) Очерки Россіи, кн. II, стр. 45 — 46.

(100) Москов. Телеграфъ (1827), ч. XVIII. «Послужной списокъ М. В. Ломоносова съ 1751-го по 1757 годъ» (стр. 109 — 117). Жаль, что статья эта обезображена многими ошибками: Крамеръ названъ *Кримеромъ*, Арнольдъ *Арсольдомъ* и проч.

(101) Тамъ же, стр. 110.

числами; читалъ *Россійскіе* Академическіе *лѣтописцы* безъ записокъ, чтобы *общее понятіе* имѣть *пространно* о дѣяніяхъ Россійскихъ» ([102]); въ 1754 г. «сочиненъ *Опытъ* Исторіи Славянскаго народа до Рюрика» ([103]); въ 1755 году Ломоносовъ изслѣдовалъ вопросъ объ отношеніяхъ Варяго-Руссовъ къ нашимъ Новгородцами и къ южнымъ Славянскимъ народамъ, и дѣянія трехъ первыхъ князей нашихъ ([104]); въ 1756 году, пишетъ Ломоносовъ, «собранные мною въ нынѣшнемъ году *Россійскіе историческіе манускрипты* для моей библіотеки, *пятьнадцать книгъ,* сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ Россійскихъ» ([105]). Приготовивъ себя такимъ образомъ къ *ученому занятію* Исторіею,—уже знакомый съ великими образцами древности, а теперь познакомясь съ Исторіею нашихъ западныхъ и южныхъ Славянскихъ братій,— Ломоносовъ пріобрѣлъ самостоятельный взглядъ на древности, и съ горькимъ негодованіемъ смотрѣлъ на усилія чужеземцевъ—исказить истину и представить Славянъ до призванія Рюрика грубыми, бѣдными дикарями, лишенными всѣхъ понятій нравственнаго и общественнаго порядка.

Противникъ Ломоносова, послѣдователь Байера, Шлёцеръ сознался, что «нужда въ отечественной Исторіи была ощутительна.» Ломоносовъ желалъ удовлетворить вопіющей потребности своихъ современниковъ — и, какъ увидимъ далѣе, не безъ успѣха. Академія въ это время уже перемѣнила мысли о своемъ знаменитомъ членѣ, геніальномъ *Русскомъ* человѣкѣ, который сошелъ въ могилу . . . . Оцѣняя заслуги умершаго, Академія положила напечатать Русскую Исторію Ломоносова (хотя она была доведена имъ только до кончины Ярослава Перваго), и предисловіе къ этой книгѣ поручила написать Шлёцеру, находившемуся тогда при Академіи.

Шлёцеръ, фанатически преданный гипотезамъ Байера о Скандинавскомъ произхожденіи древней Руси и о дикости Славянъ до призванія ими по неосторожности (!) морскихъ Шведскихъ разбойниковъ, безъ сомнѣнія тогда еще не забылъ и рѣзкаго Ломоносовскаго отзыва объ авторѣ извѣстнаго *ученаго* опыта Русской Грамматики, произво-

([102]) Стр. 113.

([103]) Стр. 114. Ломоносовъ упоминаетъ тутъ *Дедикацію* или Посвященіе; оно утрачено—по крайней мѣрѣ не напечатано въ книгѣ.

([104]) Москов. Телеграфъ (1827), т. XVIII, стр. 115.

([105]) Тамъ же, стр. 117;—окончанія этою послужнаго списка нѣтъ.

дившей Русскія благородныя слова отъ Нѣмецкихъ ругательныхъ. Теперь, когда грозный противникъ *ученыхъ фантазій* лежалъ во гробѣ, Шлёцеръ могъ уже говорить обо всемъ безъ околичностей . . . Каково было предисловіе это, неизвѣстно, потому что Академики не согласились напечатать его въ томъ видѣ, какъ оно было написано; въ I-мъ же томѣ своего «Нестора», Шлёцеръ такимъ образомъ выразился объ историческихъ трудахъ Ломоносова: «Нужда въ отечественной Исторіи было ощушительна. Тутъ *сжалился* профессоръ химіи, Ломоносовъ, и написалъ «Краткій Россійской лѣтописецъ» (1760, въ 8-ую долю листа, 75 стр). Онъ принялся было и за бо́льшее сего сочиненіе, но довелъ его только до 1054 года; по смерти его, Академія напечатала этотъ отрывывокъ въ 1766 году (140 стр. въ 4 долю листа), съ моимъ (хотя передѣланнымъ) предисловіемъ... Такимъ образомъ вышло *довольно сносное* руководство къ Русской Исторіи» ([106]). Но такъ какъ, помнѣнію Шлёцера, «*ни одинъ ученый историкъ* не долженъ *сомнѣваться*, что Скандинавы основали Русскую Державу,» а этому предположенію Байера Ломоносовъ являлся ревностнымъ противникомъ, то Шлёцеръ и вывелъ, что «между всѣми Русскими, писавшими до сихъ поръ Русскую Исторію, *нѣтъ* ни одного *ученаго* историка», и въ эту категорію *неученыхъ историковъ*, включилъ Ломоносова ([107]). Однакожъ, благоразуміе Академіи заставило уничтожить слѣды ученой вражды и несправедливаго гнѣва, который невольно проглядывалъ сквозь видимое спокойствіе у Шлёцера. Оставлено только слѣдующее:

«*Къ читателю.* Сочинитель сея книги, покойный Статскій Совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, издалъ уже въ 1760 году Краткой Россійскій лѣтописецъ, который *принятъ* былъ здѣсь съ *немалымъ удовольствіемъ.*— Потомъ, положивъ намѣреніе сочинить пространную Исторію Россійскаго народа, собралъ съ *великимъ прилежаніемъ* изъ *иностранныхъ* писателей *все* что́ ему *полезно* казалось *ко познанію состоянія Россіи прежде* Рюрика, и при томъ описалъ житія осьми первыхъ Великихъ Князей, сидѣвшихъ на Россійскомъ престолѣ отъ 862 до 1054 года. — *Полезный* сей *трудъ* содержитъ въ себѣ древнія, темныя и самыя ко изъясненію трудныя Россійской Исторіи части. Сочинитель конечно не преминулъ бы оный

---

(106) Шлёцеровъ Несторъ, ч. I, страница *рмз.*

(107) Тамъ же, стр. 325.

далѣе продолжать, ежели бы преждевременная его смерть, приключившаяся ему 4 Апрѣля 1765 году, *добраго* сего *предпріятія* не пресѣкла; а между оставшимися послѣ его письмами продолженія не найдено.»

Приговоръ Академіи Наукъ былъ справедливъ. Обѣ книги Ломоносова «приняты съ немалымъ удовольствіемъ» и за границею: «Краткій лѣтописецъ», переведенный на Нѣмецкій языкъ Штелинымъ младшимъ (1766), весь разошелся и потребовалось даже второе изданіе, которое и было исправлено Шлёцеромъ (1771); «Древняя же Россійская «Исторія переведена была и на Нѣмецкій языкъ (Бакмейстеромъ) и на Французскій. Для иностранцевъ, чуждыхъ ученой нашей враждѣ, было все равно, кто бы ни писалъ — только бы умно и хорошо было написано; какое жь различіе мыслительности у Ломоносова и его современниковъ! какой взглядъ на древность, основательный и справедливый, хотя и не во всѣхъ частяхъ равно отчетливый! Коротко знакомый съ великими образцами Исторіи у Грековъ и Римлянъ, изучивъ иноземные памятники среднихъ вѣковъ и наши отечественные, Ломоносовъ такъ выразилъ свои мысли во *Вступленіи* къ своему труду:

Народъ Россійскій отъ временъ глубокою древностію сокровенныхъ до нынѣшняго вѣку *толь многія* видѣлъ въ счастіи своемъ *перемѣны*, что ежели кто междоусобныя и отвнѣ-нанесенныя войны разсудитъ, въ великое удивленіе придетъ, что по толь многихъ раздѣленіяхъ, утѣсненіяхъ и нестроеніяхъ не токмо *не расточился*; но и на *высочайшій степень величества, могущества и славы* достигнулъ. Извнѣ Угры, Печенѣги, Половцы, Татарскія орды, Поляки, Шведы, Турки, извнутрь домашнія несогласія — не могли такъ утомить Россіи, чтобы силъ своихъ не возобновила. Каждому несчастію послѣдовало *благополучіе бо́льшее прежняго*, каждому упадку *высшее возстановленіе*, и къ ободренію утомленнаго народа нѣкоторымъ *Божественнымъ промысломъ* воздвинуты были бодрые государи.

Толикія перемѣны въ дѣяніяхъ Россійскихъ, *соединеніе* разныхъ племенъ подъ *самодержавствомъ* первыхъ князей Варяжскихъ, *внутреннія* потомъ *несогласія*, ослабившія наше отечество, наконецъ *новое совокупленіе подъ единоначальство*, и *пріобщеніе сильныхъ народовъ на востокъ и на западъ* разсуждая, порядокъ оныхъ — подобенъ теченію великія рѣки представляю, которая отъ источниковъ своихъ по широкимъ полямъ распростираясь, иногда въ малые потоки раздѣляется, и между многими островами теряетъ глу-

бину и стремленіе; но паки соединясь въ одни береги, вящую быстрину и великость пріобрѣтаетъ; потомъ, присовокупивъ въ себя иныя великія отъ сторонъ рѣки, чѣмъ далѣе протекаетъ, тѣмъ обильнѣйшими водами разливается и теченіемъ умножаетъ свои силы.

Возрастая до толикаго величества Россія, и восходя чрезъ *сильныя* и *многообразныя препятствія*, коль многія дѣянія и приключенія дать могла писателямъ — о томъ удобно разсудить можно. Изъ великаго ихъ множества не мало, по общей судьбинѣ, во мракѣ забвенія покрыто. Однако, *противу мнѣнія и чаянія многихъ* (!), толь довольно предки наши оставили на память, что, примѣнясь къ лѣтописятелямъ *другихъ* народовъ, *на своихъ жаловаться не найдемъ причины.* Не мало имѣемъ свидѣтельствъ, что *въ Россіи толь великой тьмы невѣжества не было, какую представляютъ многіе внѣшніе писатели. Инако разсуждать принуждены будутъ,* сперва своихъ и нашихъ предковъ, и сличивъ *произхожденіе, поступки, обычаи и склонности народовъ* между собою.

Бо́льшая однихъ древность не отъемлетъ *славы* у другихъ, которыхъ *имя* позже въ свѣтѣ распространилось. Дѣянія древнихъ Грековъ не помрачаютъ Римскихъ, какъ Римскія не могутъ унизить тѣхъ, которыя по долгомъ времени приняли начало своея славы. Начинаются народы, когда другіе разсыпаются: одного разрушеніе даетъ произхожденіе другому. Не *время*, но *великія дѣла* приносятъ преимущество. Посему всякъ, кто увидитъ въ Россійскихъ преданіяхъ—*равныя дѣла* и *героевъ* Греческимъ и Римскимъ *подобныя*, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только *вину* полагать долженъ на бывшій нашъ *недостатокъ въ искусствѣ,* каковымъ Греческіе и Латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности.

Сіе уравненіе предлагаю по причинѣ нѣкотораго *общаго подобія въ порядкѣ дѣяній* Россійскихъ съ Римскими, гдѣ нахожу владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей — самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княжескія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство Кесарей представляю согласнымъ самодержавству государей Московскихъ. Одно примѣчаю *несходство*, что Римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвысилось, самодержавствомъ пришло въ упадокъ; напротивъ того, разномысленною вольностію Россія едва не дошла до крайняго разрушенія: самодержавствомъ какъ съ начала усилилась, такъ и послѣ несчастливыхъ временъ умножилась, укрѣпилась, прославилась. Благонадежное имѣемъ увѣреніе о благосостояніи на-

шего отечества, видя въ *единоначальномъ владѣніи* — залогъ нашего блаженства, доказаннаго толь многими и толь великими примѣрами. Едино сіе разсужденіе довольно являетъ, *коль полезныя къ сохраненію цѣлости государствъ правила* изъ примѣровъ Исторією преданныхъ — изыскать можно.

Велико есть дѣло — смертными и преходящими трудами дать *безсмертіе* множеству народа, соблюсти похвальныхъ дѣлъ *должную славу*, и перенося минувшія дѣянія въ потомство и въ глубокую вѣчность — *соединить* тѣхъ, которыхъ натура долготою времени раздѣлила. Мраморъ и металлъ, коими видъ и дѣла великихъ людей изображенныя всенародно возвышаются, стоятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно и ветхостію разрушаются; Исторія, повсюду распростираясь, и обращаясь въ рукахъ человѣческаго рода, стихіи строгость и грызеніе древности презираетъ. Наконецъ она даетъ Государямъ примѣры правленія, подданнымъ—повиновенія, воинамъ—мужества, судіямъ—правосудія, младымъ—старыхъ разумъ, престарѣлымъ—сугубую твердость въ совѣтахъ, каждому — незлобивое увеселеніе съ несказанною пользою соединенное. Когда *вымышленныя повѣствованія* производятъ движенія въ сердцахъ человѣческихъ, то *правдивая* ли *Исторія* побуждать къ похвальнымъ дѣламъ *не имѣетъ силы*, особливажь та, которая изображаетъ дѣла *праотцевъ нашихъ?*

Предпринимая тѣхъ описаніе, *твердо намѣрююсь* — держаться *истины* и употреблять на то цѣлую силъ возможность. *Великостію сего дѣла* закрыться должно все, что̀ отъ правды отвратить можетъ. Обстоятельства до особенныхъ людей надлежащія — не должны здѣсь ожидать похлѣбства, гдѣ весь разумъ повиненъ внимать и наблюдать *праведную славу цѣлаго отечества*: дабы пропущеніемъ надлежащія похвалы—*негодованія*, приписаніемъ ложныя—*презрѣнія не произвести* въ благоразсудномъ и справедливомъ читателѣ! (108)

Это *Вступленіе* лучше всего знакомитъ со взглядомъ Ломоносова на Русскую Исторію и на обязанности Историка. Если же онъ рѣшительно отказалъ въ *похлѣбствѣ* даже *особеннымъ*, сильнымъ политическимъ людямъ; то могли ль отъ него ожидать *похлѣбства* гипотезы тѣхъ «внѣшнихъ писателей», которые—вопреки истинѣ, вопреки настоящемъ смыслу Нестора—проповѣдывали теорію дикости Славянъ и образованія ихъ Шведскими «морскими разбойниками,» призванными въ князья «по неосторожности», а поддерживали эту гипотезу нещаднымъ искаженіемъ Русскихъ словъ, принужденныхъ этимологическою пыткой взвизгивать на Нѣмецкій ладъ. Много ль было пригото-

(108) Древняя Росс. Исторія М. В. Ломоносова, стр. 1—4.

влепо трудами Байера и Миллера для нашихъ древностей? Что̀ могъ бы заимствовать отъ нихъ умный Ломоносовъ, говоря о первыхъ вѣкахъ нашего бытія? Ужь не сказки ли о томъ, какъ разные Датскіе, Шведскіе и Норвежскіе *Короли*, современники Іисуса Христа и Апостоловъ (по увѣренію Торфея), завоевывали Россію, побѣждали Русскихъ Царей и женились на ихъ дочкахъ,—сказки, такъ справедливо осужденныя остракизмомъ Шлецера на изгнаніе изъ Русской Исторіи (109)? Или высшій взглядъ на историческую критику, какъ на ловлю *созвучій*, у Байера, превратившаго Французовъ-Бретонцевъ въ Англичанъ-Британцевъ, а этихъ въ Скандинавовъ, равно какъ и насъ Великороссіянъ-Новгородцевъ въ Кавказскихъ Кабардинцевъ, а Малороссійскихъ Бужанъ въ Татаръ Буджаковъ? Или, уже не слѣдовало-ль нашему Ломоносову пойдти въ науку созвучій къ защитнику «бредней Исландскихъ старухъ», автору диссертаціи о началѣ народа и имени Русскаго, Миллеру, который, прочитавъ нашу сказку о Бовѣ королевичѣ и слышавъ отъ дѣтей, что нянюшки потѣшали ихъ разсказами какъ «Царь Додонъ... накалалъ на ладонь», съ важностію воскликнулъ въ Академической рѣчи: «*имена* Боусъ (сынъ Одиновъ) и Бова, Одинъ и Додонъ — *сходны;* слѣдственно, *не должно* отвергать сказаній Саксона Грамматика» (110)? Но Ломоносовъ былъ такъ благоразуменъ, что его не льзя было поддѣть на созвучія—онъ искалъ другихъ основаній, болѣе твердыхъ, болѣе вѣрныхъ, для исторической критики. Умъ, привыкшій къ математической точности, требовалъ постепенности, послѣдовательности, и потому, приступая къ разсужденію «о старобытныхъ въ Россіи жителяхъ», Ломоносовъ начинаетъ со временъ чисто-историческихъ и отсюда уже углубляется въ древность:

Старобытные въ Россіи обитатели, *Славяне* и *Чудь*, по преданіямъ *достовѣрныхъ нашихъ лѣтописателей* извѣстны. Древніе

(109) Карамзинъ «для читателей любопытныхъ» выписалъ изъ Саксона Грамматика и Торфея «сіи *весьма недостовѣрныя извѣстія* о древней Россіи». Исторія Гос. Росс. I, прим. 96.

(110) См. сочиненіе Миллера «о народахъ въ Россіи обитавшихъ», гл. о Готоахъ; Карамзинъ (I, пр. 96) основательно смѣется, что «Миллеръ въ своей Академической рѣчи съ важностію повторилъ *сказки* сего Датчанина, который «дозволилъ себѣ *выдумать* всю начальную Исторію Скандинавіи, основываясь будто бы на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ, неизвѣстныхъ ни одному человѣку, кромѣ его».

внѣшніе авторы *Скиѳовъ* и *Сарматъ*, на разныя поколѣнія раздѣленныхъ, подъ разными именованіями въ ней полагаютъ. *Обои народы* одержали великое участіе въ обширномъ семъ земель пространствѣ (111).

Соединеніемъ двухъ этихъ племенъ, нашего Славяно-Русскаго и Чудскаго или Финнскаго, подъ властію князей Варяжскихъ начинается наша древнѣйшая отечественная лѣтопись, и потому Ломоносовъ сперва считаетъ необходимымъ читателю «пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе» о племенахъ, вошедшихъ въ составъ нашего государства, преимущественно о Славянахъ нашихъ и Западныхъ или Варяжскихъ. Сказавъ, что «*множество* разныхъ *земель* Славянскаго племени есть *неложное доказательство величества и древности* (112), Ломоносовъ исчисляетъ эти земли, показываетъ «не токмо по большей половинѣ Европы, но и по знатной части Азіи распространенныхъ Славянъ» (113); объясняетъ, что «таковое множество и могущество Славянскаго народа уже во дни первыхъ князей Россійскихъ *извѣстно* изъ Нестора и изъ другихъ нашихъ и иностранныхъ писателей», и отъ временъ *вполнѣ достовѣрныхъ* переходитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ о древности:

Сравнивъ *тогдашнее* состояніе могущества и величества Славенскаго съ *нынѣшнимъ*, едва чувствительное нахожу въ немъ приращеніе. Чрезъ покореніе Западныхъ и Южныхъ Славенъ въ подданство чужой власти и приведеніе въ Магометанство едва ли не послѣдовалъ бы *знатный уронъ сего племени* передъ прежнимъ, — если бы *приращенное могущество Россіи* съ другой стороны онаго умаленія съ избыткомъ не наполнило. Того ради безъ сомнѣнія заключить можно, что *величество Славенскихъ народовъ*, вообще считая, стоитъ *близъ тысячи лѣтъ почти на одной мѣрѣ*.

Но то̀ же еще усматриваю *много далѣе въ древности*. Въ началѣ VI столѣтія по Христѣ, Славенское имя весьма прославилось, и могущество сего народа не токмо во Ѳракіи, въ Македоніи, въ Истріи и въ Далмаціи было страшно, но и къ разрушенію Римской Имперіи способствовало весьма много. Венды и Анты, соединяясь со сродными себѣ Славенами, умножили ихъ силу. Единоплеменство сихъ народовъ не токмо нынѣшнее сходство въ языкахъ показываетъ, но и за тысячу двѣсти лѣтъ засвидѣтельствовалъ Іор-

---

(111) Древняя Росс. Исторія Ломоносова, стр. 5.

(112) Тамъ же стр 7.

(113) Тамъ же, стр. 9.

нандъ ... Прежде Іорнанда Птоломей, во второмъ столѣтіи по Христѣ, оставилъ въ память, что Сармацію одержалу превеликіе Вендскіе народы (³) .... и народъ Славено-Польскій по справедливости называетъ себя Сарматскимъ... Многочисленнаго Славянскаго народа доказываютъ тогдашнюю великость Болгаре, которыхъ единоплеменство по великому сходству языка, могущество и множество—изъ военныхъ дѣлъ неспоримо.... Въ сѣверныхъ Россійскихъ предѣлахъ Славянскіе жители умолчаны не столько за малолюдствомъ, сколько за незнаніемъ отъ внѣшнихъ писателей: старинныя развалины свидѣтельствуютъ...

Сіе разсуждая, не почитаю за легкомысленное любопытство, когда—примѣчая именованія мѣстъ у Птоломея, у Плинія и у другихъ—находимъ отъ Адріатическаго моря и Дуная до самыхъ береговъ Ледовитаго Океана *многія знаменованія съ языка Славенскаго*, чтó не за безсильное доказательство признавать должно, *когда на вышеписанныхъ свидѣтельствахъ имѣетъ опоръ и основаніе* (114).

Имя Славенское поздно достигло слуха внѣшнихъ писателей, и едва прежде царства Юстиніана Великаго; однако же *самъ народъ и языкъ* простирается въ глубокую древность. *Народы отъ именъ не начинаются, но имена народамъ даются*. Иные отъ самихъ себя и отъ сосѣдовъ *единымъ* называются; иные разумѣются у другихъ подъ *званіемъ* самому народу *не обыкновеннымъ*, или еще и *неизвѣстнымъ;* нерѣдко *новымъ* проименованіемъ *старинное* помрачается; или старинное, перешедъ домашніе предѣлы, за *новое* почитается у чужестранныхъ. Посему, имя Славенское, по вѣроятности, много давнѣе у самихъ народовъ употреблялось, нежели въ Грецію или въ Римъ достигло и вошло въ обычай. Но прежде докажемъ *древность*, потомъ поищемъ въ ней *имени*.

Во первыхъ о древности довольное и почти очевидное увѣреніе имѣемъ въ *величествѣ* и *могуществѣ* Славянскаго племени, которое больше полуторыхъ тысячь лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ: и для того помыслить невозможно, чтобы оное въ первомъ послѣ Христа столѣтіи *вдругъ расплодилось* до толь великаго многолюдства, чтó *естественному* бытія человѣческаго *теченію* и *примѣрамъ* возращенія великихъ народовъ противно. *Сему разсужденію* согласуютъ *многія свидѣтельства* великихъ *древнихъ писателей* (115)...

И такъ вотъ на чемъ хотѣлъ основать свою историческую критику Ломоносовъ: *сравненіе* тѣхъ временъ съ нынѣшними, *естественное теченіе бытія человѣческаго*, то есть естественность и логическая возможность собы-

---

(114) Древн. Рос. Ист. Ломоносова, стр. 10—11.
(115) Тамъ же. стр. 11—12.

тій, и наконецъ *примѣры* прошедшаго, послѣ чего и филологія составляетъ уже «не безсильное доказательство», но только тогда, когда опирается на *свидѣтельствѣ* древнихъ, согласна съ истинными *основаніями*, извлекаемыми изъ разсмотрѣнія временъ уже чисто-историческихъ, вполнѣ *извѣстныхъ*. Какое безмѣрное разстояніе отъ Байера Миллера и самого Шлёцера!

Сообразивъ разсказы древнихъ и указанія лѣтописателей среднихъ вѣковъ, Ломоносовъ вывелъ, что Славяне, въ глубочайшей древности, переселялись въ Европу двумя путями: изъ Малой Азіи моремъ на Балканскій полуостровъ подъ именемъ Венетовъ, и сухимъ путемъ изъ Мидіи черезъ Кавказъ подъ именемъ Сарматовъ въ предѣлы Россіи и Польши; тѣснимые въ Илиріи и вообще въ Дунайскихъ странахъ Римлянами, Славяне частію удалились къ намъ, своимъ сѣвернымъ братьямъ, и потомъ вмѣстѣ начали предпринимать походы на Римскую имперію (116). Въ походахъ Готовъ, Вандаловъ и Лангобардовъ «немалую часть воинствъ составляли Славяне и не токмо рядовые, но и главные предводители были Славянской породы» (117), почему въ этихъ войнахъ «великое сообщество и участіе геройскихъ дѣлъ приписывать должно Славянамъ» (118). Наша земля искони была Русью, хотя иноземцы въ среднихъ вѣкахъ и въ древности звали Россіянъ Роксанами (Россанами), Роксоланами, Аланорсами, Аорсами (119). Нѣкоторыя поколѣнія Славяно-Русскія отъ береговъ Волги двигались къ берегамъ Балтійскаго моря, разумѣется, «не въ одинъ разъ и не въ краткое время» (120). Новые всельники «восточное плечо рѣки Нѣмени проименовали Руссою» (121), и распространились по Литвѣ, Жмуди, Подляхіи, собственной Пруссіи и даже за островъ Рюгенъ, котораго жители назывались Россанами (122). Наше имя, *Русь*, «широко по восточно-южнымъ берегамъ Варяжскаго моря простиралось отъ лѣтъ давныхъ.» (123); отсюда они «съ Готами въ Италію ходили и назывались отъ историковъ Аланами, Сцирранами и

---

(116) Древн. Рос. Ист. Ломоносова, стр. 23—31.

(117) Стр. 11.

(118) Стр. 30; также, стр. 42 и 52.

(119) Стр. 48—49.

(120) Стр. 50.

(121) Тамъ же.

(122) Стр. 46—49.

(123) Стра. 46.

Ругіянами» (124). Занимая Балтійское Поморье, эти Варяжскіе Славяно-Руссы «издревле къ купечеству прилежали», имѣли торговые города, какъ Винета, раззоренная Датчанами, но такъ же славились и наѣздничествомъ, плавая (по свидѣтельству Константина Порфирогенита) даже до Египта (125). Они были въ сношеніяхъ съ Новгородцами, которые наконецъ и призвали себѣ на княженіе единоплеменныхъ государей Варяго-Русскихъ (126).

Такимъ образомъ, признавъ разноплеменность Варяговъ, но приписавъ Славянство Варяжской Руси, населявшей нынѣшнее Прусское Королевство, Ломоносовъ *первый* далъ этому *древнему* нашему повѣрью «ученый систематическій видъ, изыскивая Славенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на прибалтійскомъ западѣ по *указаніямъ Гельмольда и другихъ западныхъ писателей;* дополнилъ это мнѣніе *древне-Русскимъ*, Несторовскимъ понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ, и *учено-иноземнымъ* мнѣніемъ среднихъ вѣковъ о тожествѣ Руси съ Роксоланами, и *отрѣшилъ большую часть* тѣхъ *вымысловъ*, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII-мъ и четыредесятіе XVIII-го вѣка) потѣшалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о произхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*. Сего системою прекращается *первый*, длинный періодъ *Русской школы*, которая зачалась изъ живыхъ, своенародныхъ стихій историческихъ и вкоренилась еще на исходѣ XI вѣка, въ Кіевѣ, «Повѣстью» Несторовою, при вліяніи стихіи Византійской; потомъ — въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, при сумеркахъ Византійскаго свѣта и вѣяніи Западномъ — выросла въ родословное древо «Степенной книги,» покрывшееся широколиственною сѣнью «Никоновской лѣтописи;» во второй половинѣ XVII вѣка, въ Кіевѣ, явилась «Хроникою» Софоновича (1672) и умножилась Латино-Польскими прививками Гизелева «Синопсиса» (1674), почти цѣлое столѣтіе размножавшагося во всѣхъ Русскахъ школахъ. Ея полный разцвѣтъ, съ одной стороны, начался «Ядромъ Россійской Исторіи» Князя Хилкова (въ Шведскомъ заточеніи, въ Вестеросѣ, 1715); съ другой, въ Александро-Невской семинаріи изобразился сот-

(124) Стра. 42 и 52.
(125) Стр. 19 и 52.
(126) Стр. 52—56.

нями родословныхъ круговъ въ стихотворномъ «Зерцалѣ Историческомъ» (1748). Наконецъ Русская школа завершилась (1754) плодомъ *ученыхъ занятій*, Исторіей Ломоносова, его *историческою системою*, — и ею обновленная и возрожденная, явилась въ свѣтъ въ началѣ Историческаго вѣка Великой Екатерины (1766), уже по смерти Ломоносова (1765).» Потому-то, справедливо Максимовичь назвалъ Историческое произведеніе Ломоносова «*ученою представительницею старой-Русской школы* среди *новыхъ* школъ историческихъ, между которыми она — и какъ новая *система* XVIII вѣка — есть *старшая Русская* школа историческая» (127).

Разсматривая, безпристрастно и хладнокровно, эту старую Русскую систему, не льзя не удивляться проницательности ума Ломоносова, который—имѣя предшественниками только Байера съ Миллеромъ, игравшихъ созвучіями, и Татищева, чуждаго высшей исторической критикѣ, — силою собственнаго соображенія вознесся до такой высоты, что могъ построить такую замѣчательную теорію нашей и обще-Славянской Исторіи! Онъ еще не осмѣливался объявить восточныхъ Германовъ прямо-Славянами, но въ Готахъ, Лангобардахъ, Вандалахъ видѣлъ уже на-половину Славянъ; ошибался иногда въ этимологіи, но опираясь на здравую логику, все-таки выходилъ съ честію, если не съ окончательною побѣдою: ошибался въ производствѣ имени Пруссовъ (128), но справедливо признавалъ ихъ предковъ Славянами, которые отъ смѣшенія съ чужеплеменниками (особенно съ Ливонскою и Эстонскою Чудью) измѣнилась въ народѣ Литовскій (129);

---

(127) Откуда идетъ Русск. земл. (стр 26—127).

(128) Тогдашняя Берлинская Академія полагала, что имя *Пруссія* составлено изъ предлога *по* и имени *Русь*, и означаетъ страну сосѣдственную съ Россіею. Ломоносовъ справедливо былъ недоволенъ такимъ объясненіемъ: «посему равнымъ образомъ и прочіе древніе, Россійскіе сосѣды, какъ Ливонцы, Поляки и другіе, названы быть могли *Порусcами* или *Пруссами*» (стр. 45). По мнѣнію Ломоносова, имя *Порусcы* или *Пруссы* означаетъ, что они *по Руссахъ* остались, по удаленіи Руссовъ заняли ихъ земли (стр. 46), что также невѣроятно. Карамзинъ предложилъ догадку, что «имя *Пруссія* произошло отъ рѣки Руссы или Русны: такъ Поволжьемъ назывались окрестности Волги, поморьемъ окрестности моря» (Ист. Гос. Росс. томъ I, пр. 111). Шафарикъ же напротивъ утверждаетъ, что «имя Прусъ, Прусинъ, Прусакъ есть имя непроизводное, простое» (Слав. Древн. кн. III, стр. 150, пр. 52).

(129) Мнѣніе Ломоносова замѣчательнымъ образомъ совпало съ мыслями зна-

не зная что островъ, называемый у Нѣмцевъ Rügen, у Славянъ всегда назывался Руяной (Rujana), а рьяные обители потому-то у сосѣдей всегда и слыли Рьянами (Rani, Рьяны) или, по другому діалекту, Руйнымн (Rujani-Rugiane-Руяне) Ломоносовъ ошибся, думая, что имя Rani есть сокращеніе имени Руссиновъ (Rossani) съ береговъ Волги или Ра (Ra), но не ошибся въ томъ, что имъ, этимъ Рьянымъ или Руйнымъ островитянамъ, дѣйствительно принадлежало имя *Руси*, какъ племенное; ошибался, уже слишкомъ распространяя предѣлы міра Финнскаго, вслѣдъ за Байеромъ даже на Скиѳовъ, но правильно сознавъ въ скиѳскихъ Роксоланахъ и Аланорсахъ нашъ народъ Славяно-Русскій; ошибался, причисляя Гунновъ къ племени Чудскому, но правильно обявилъ Болгаръ Славянами Волжскими, послѣ чего ему было уже легко со-временемъ найти ключь къ тождеству Готовъ, Вандаловъ и Лангобардовъ съ Балтійскою Русью, Скиѳовъ съ Днѣпровскою Русью, Гунновъ съ Волжскою или Болгарскою Русью. Но мысль *о Старобытности Руси, нашей* и *Варяжской*, прямо и смѣло высказанная Ломоносовымъ, одна, сама по себѣ уже доказываетъ, какъ сильно было у него соображеніе и какъ глубоко проникалъ онъ въ сущность исторической критики, утверждая, что имя «Русь не должно производить и начинать отъ времени пришествія Рурикова къ Новгородцамъ» (130). Такимъ образомъ, будучи у насъ первымъ поэтомъ, первымъ наставникомъ краснорѣчія, первымъ химикомъ и однимъ изъ первыхъ Европейскихъ физиковъ своего вѣка, и въ Исторіи сдѣлался законодателемъ своихъ соотечественниковъ, «и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства, не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобемлющаго чело-

---

менитаго нашего современника, признаваемаго первымъ знатокомъ Славянскихъ древностей. Шафарикъ именно утверждаетъ, что «между Литовцами и Славянами касательно *языка*, *свойствъ* и *нравовъ* замѣчается гораздо бóльшее сродство, нежели между остальными племенами Европейскаго поколѣнія» (Слав. Древ. III, стр. 124); онъ почитаетъ народы Литовскій и Славянскій *двумя вѣтвями одного племени*, и *отдѣленіе* Литовскаго народа отъ Славянъ приписываетъ (какъ и Ломоносовъ) тому, что съ одной стороны «Литовцы не совершенно выгнали древнюю Чудь изъ ея жилищъ и смѣшались съ нею» а съ другой тому, что они весьма долго находились подъ властью Готовъ и прочихъ Нѣмцевъ.» (III. стр. 127, 128).

(130) Древняя Рос. Ист. Ломоносова, стр. 46.

вѣка», по счастливому выраженію М. А. Максимовича ([131]).

Здравомысліе такъ свойственно Русскому человѣку, что надо лишь *показать* ему *истину* — и онъ тотчасъ признаетъ ее. Мысли геніальнаго Ломоносова столько заключали въ себѣ истины, что онъ (по выраженію Шлёцера) сталъ *оракуломъ для своихъ единоземцевъ;* теорія Байеровой критики, разумѣется, предстала бы во всей своей нищетѣ, со всѣмъ противорѣчіемъ здравому смыслу, и потому, желая спасти ее—противники Ломоносова ополчились *всѣми* средствами. Они поступили такъ. Вопервыхъ причислили самаго Ломоносова къ *неученымъ историкамъ* за то, что не согласился съ Байеровой гипотезой о произхожденіи Руси изъ Скандинавіи; — вовторыхъ, начали увѣрять, что онъ уже отсталъ отъ успѣховъ нѣмецко-русской исторической критики, и потому повторяетъ ужаснѣйшія нелѣпицы. Такое обвиненіе слѣдовало подкрѣпить доказательствомъ; но какъ *искомыхъ* нелѣпицъ у здравомыслящаго Ломоносова найти было невозможно, то за неимѣніемъ дѣйствительныхъ обвиненій, поднялись на слѣдующую штуку. Баронъ Герберштейнъ, въ началѣ XVI вѣка писалъ, что Русскіе при Василіи Іоанновичѣ хвалятся съ произхожденіемъ своимъ князей отъ Римлянъ ([132]); изъ Петрея же видимъ, что царь Іоаннъ Грозный производилъ родъ свой отъ Прусса, будто бы брата Римскому Императору Августу ([133]), слѣдуя Степенной книгѣ, въ которую внесена была со всѣми подробностями эта сказка, принятая за чистую правду впослѣдствіи и Княземъ Хилковымъ въ «Ядро Россійской Исторіи», со множествомъ анекдотовъ о морскомъ путешествіи Его Римскаго Высочества, изъ Средиземнаго моря въ Балтійское. Ломоносовъ читалъ у Длугоша, Матвѣя Мѣховскаго и Кромера, что «нѣкоторое число Римлянъ, оставивъ Италію, на южныхъ берегахъ Варяжскихъ поселились и создали городъ Ромово» и такъ рѣшилъ дѣло о Прусѣ. Описавъ призваніе князей

([131]) Откуда идетъ Русск. земл. (стр. 158) — Мнѣніе, высказанное Ломоносовымъ о сообществѣ Славянъ съ Готами и проч. послужила основаніемъ сочиненію «Россія въ историческомъ отношеніи»; мысль о крещеніи Оскольда принята Митрополитомъ Платономъ, П. Г. Бутковымъ и А. Д. Чертковымъ.

([132]) Hosce fratres originem a *Romanis* traxisse grloriantur Rutheni, a quibus etiam praesens Moscoviae princeps se genus duxisse suum asserit.

([133]) Bericht von dem Grossfürstenthum Muschkov (Лейпцигъ, 1620) стр. 141.

Варяжскихъ, и признавъ ихъ Славяно-Руссами изъ предѣловъ нынѣшняго Прусскаго Королевства, онъ говоритъ:

«Заключая сіе, мнѣ должно *упомянуть* о произхожденіи Рюриковѣ отъ Августа Кесаря Римскаго, что въ нашихъ нѣкоторыхъ писателяхъ показано. Изъ вышеупомянутыхъ видно, что *многіе Римляне* переселились къ Руссамъ на Варяжскіе берега. Изъ нихъ по великой вѣроятности были сродники *коего-нибудь* Римскаго Кесаря, которые всѣ общимъ именемъ Августы, сирѣчь величественные или Самодержцы назывались. Такимъ образомъ, Рюрикъ могъ быть *коего-нибудь Августа,* сирѣчь *Римскаго Императора*, сродникъ. Вѣроятности отрещись не могу; *достовѣрности не вижу* ([134]).

И такъ, Ломоносовъ только *упоминаетъ* объ этомъ, по его же словомъ, *недостовѣрномъ* родствѣ Рюрика съ *какимъ-нибудь* изъ Римскихъ императоровъ. Шлёцеръ же, указавъ на эти слова Ломоносова, насильно ему навязываетъ разныя нелѣпицы и, торжествуя мнимую побѣду, въ полномъ удовольствіи отъ своей выдумки — восклицаетъ:

Миллеръ (въ Бюшинговомъ Magazin, XVI, стр. 341) смѣется надъ *сими* Ломоносовскими словами! — У какого *ученаго историка* достанетъ терпѣнья разсматривать *всю нелѣпость этой родословной*; на примѣр: Рюрикъ, потомокъ Пруссовъ въ 14 колѣнѣ, слѣдственно отъ 1—860 г. Сколь же стары должны быть всѣ прародители? и такъ далѣе. ([135])

Честно ли это?

Къ сожалѣнію, многіе, не читавъ Ломоносова — или читавъ невнимательно — на-слово повѣрили Шлёцеру, будто бы *эта нелѣпая родословная* въ самомъ дѣлѣ перенесена Ломоносовымъ изъ Степенной книги въ *ученую Исторію!* ([136]). И такъ всѣ были запуганы грознымъ приговоромъ Шлёцера, что совсѣмъ перестали читать Ломоносова. Даже незабвенный исторіографъ нашъ, Н. М. Карамзинъ, со словъ Гёттингенскаго ученаго, обвинилъ по-напрасну Ломоносова: «въ *Степенной книгѣ* сказано, что Рюрикъ вышелъ изъ Пруссіи; посему Ломоносовъ утверждалъ, что *Варяги Русь* были *Пруссы*, то есть *Латыши*» ([137]). Отсюда ясно, что даже и Карамзинъ зналъ Исторію Ломоносова только по искаженію Шлёцера; ибо Ломоносовъ, гово-

---

([134]) Древняя Росс. Ист. Ломоносова, стр. 50 и 56.

([135]) Шлёцеръ «Несторъ», ч. I, стр. 287.

([136]) Тамъ же, стр. 372.

([137]) Ист. Гос. Росс. Карамзина, I, пр. 105.

ря о Варяго-Руссахъ, отыскиваетъ ихъ старобытность на берегахъ Балтики по указанію не Степенной книги, а западныхъ писателей; землю этихъ Варяговъ - Руссовъ простираетъ далеко *за предѣлы Пруссовъ-Латышей*, «широко повосточноюжнымъ берегамъ Варяжскаго моря», причисляетъ къ этимъ Варяго-Руссамъ «*Ругенскихъ Славянъ* которые назывались Ранами и Россанами»; и, признавая *одноплеменность* Пруссовъ съ Варягами, строго *отдѣляетъ* однихъ отъ другихъ: «Варяго Россы былъ главный народъ и знатнѣе нежели Пруссы» (138); о произхожденіи жъ тѣхъ и другихъ пишетъ: «оба Славянскаго племени, и языкъ ихъ Славянскій же, токмо черезъ смѣшеніе съ другими не мало отдалился отъ своего корени»(139), и потомъ объясняетъ, что какъ Вендское нарѣчіе (Поморское, Варяго-Русское) измѣнилось отъ сосѣдства съ Нѣмцами, также точно испортилось и Летское (Латышское, Литовское): прибытіе Римлянъ на Балтійскій берегъ вмѣшало въ древне-Прусскій языкъ много словъ Латинскихъ, сообщество съ Скандинавами привнесло довольно словъ Тевтонскихъ, а наконецъ Ливонскія (Чудскія), заимствованныя по сосѣдству, произвели отмѣну въ нынѣшнемъ нарѣчіи въ собственной Пруссіи, Литвѣ, въ Курляндіи и на Жмуди (140). Предполагая, что Ломоносовъ повелъ ту Варяжскую Русь отъ Пруссовъ-Латышей, единоплеменныхъ Славянамъ, конечно для того только, чтобы «Новгородъ безъ великаго стыда могъ требовать себѣ отъ нихъ владѣтелей», ибо «гораздо оскорбительнѣе повиноваться князьямъ иноплеменнымъ»,—Карамзинъ возражаетъ противъ этой мнимо-Ломоносовской гипотезы тѣмъ, что «если мы захотимъ Исторію соображать съ пользою народнаго тщеславія, то она утратитъ главное свое достоинство, истину, и будетъ скучнымъ романомъ»; что «Несторъ весьма *ясно отличаетъ* Варяговъ отъ Пруссовъ говоря: Прусь и Чудь присѣдятъ къ морю Варяжскому, по сему же морю сѣдятъ Варязи» (141) и далѣе говоритъ, что хроника Луки Давида (41, 45, 53, 55) доказываетъ, что «Россіяне прежде Рюриковыхъ временъ жили гдѣ нибудь въ *ближнемъ сосѣдствѣ съ Пруссами*» (142). Но эти всѣ мнимыя возраженія служатъ лишь къ оправданію Ломо-

(138) Древняя Рос. Ист. Ломоносова, стр. 44—45.

(139) Тамъ жеѕ стр. 47.

(140) Тамъ же, стр. 50—51.

(141) Тамъ же.

(142) Тамъ же стр. 111.

носова, который самъ отличаетъ Варяговъ-Руссовъ отъ Пруссовъ, полагая однакожъ ихъ единоплеменными-сосѣдами; ведетъ же Рюрика и его братьевъ изъ земли Рюгенскихъ Славянъ и прочаго Балтійскаго Поморья, а не изъ Свейской земли, совсѣмъ не изъ пользы народнаго тщеславія, но потому, что и Несторъ говоритъ о призваніи не Свейскаго Конунга, но Варяго-Русскаго Князя, въ слѣдствіе чего правъ и Преторій, утверждавшій о Рюрикѣ и его братьяхъ, что «конечно они не изъ Даніи или изъ Швеціи были приняты, затѣмъ что *языка, обычаевъ и обрядовъ различіе* и мѣста разстояніе — сему не дозволяетъ вѣрить, но призваны изъ сосѣдовъ; думаю, изъ Пруссіи и съ ними *сообщенныхъ народовъ*» (143). Такимъ образомъ, думая опровергать Ломоносова, Карамзинъ подкрѣпилъ его мысли. Но такъ какъ и въ «Исторіи Государства Россійскаго» повторены слова Шлёцера, что съ Байеромъ относительно Скандинавскаго произхожденія Варяговъ «согласны *всѣ ученые историки*, кромѣ Татищева и Ломоносова» (144), то и М. П. Погодинъ уволилъ себя отъ чтенія трудовъ «неученаго историка», а въ своемъ Историко-Критическомъ разсужденіи «О произхожденіи Руси», въ 1825 году повторилъ Шлёцерову выдумку, будто-бы «Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ *Пруссіи*, положась на свидѣтельство *Степенной книгѣ* о *Пруссѣ*». Даже Венелинъ въ 1836 году, печатая въ «Московскомъ Наблюдателѣ» свое разсужденіе о Скандинавоманіи, зналъ Исторію Ломоносова только по искаженнымъ толкамъ Шлёцера, почему и повторилъ — но съ большею умѣренностью, нежели Погодинъ — будто «Ломоносовъ подалъ свое мнѣніе о выходѣ Рюрика изъ Пруссіи, мнѣніе, которому покровительствовалъ уже Іоаннъ Грозный» (145), не зная, что первый опытъ истинноученой критики исторической представилъ намъ нашъ первый поэтъ, первый витія, первый физикъ, первый химикъ, во всемъ *первый*.

Наконецъ, уже въ 1837 году, двое благомыслящихъ изыскателей рѣшились замолвить доброе слово правды за невиннаго — здѣсь Н. И. Надеждинъ, въ Кіевѣ — М. А. Максимовичъ. Первый, говоря объ Историческихъ трудахъ въ

---

(143) Свѣтъ Готическій Преторія, кн. II, гл. 2; — Древняя Росс. Ист. Ломоносова, стр. 55 и 45.

(144) Ист. Гос. Росс. Карамзина, I, пр. 105.

(145) Скандинавоманія и ея поклонники или столѣтнія изысканія о Варягахъ Историко-Критическое изслѣдованіе Юрія Венелина, изданное (по кончинѣ его) въ 1842 году, стр. 52.

Россіи, изложивъ свое мнѣніе о Байерѣ, Миллерѣ, Татищевѣ, Эминѣ, Щербатовѣ, Тредьяковскомъ, такъ высказалъ свои мысли о Михаилѣ Васильевичѣ: «*осторожнѣе* и *разсудительнѣе* былъ Ломоносовъ. Натуралистъ по обязанности, литтераторъ по призванію, онъ вышелъ на поле для него чуждое, но *необыкновенная оранизація головы* предохранила его и здѣсь отъ совершеннаго паденія: оба его историческіе опыта, изъ которыхъ одинъ (пространнѣйшій) только начатъ, отличаются по крайней мѣрѣ *воздержностью* и *здравомысліемъ сужденія*» (246). Максимовичъ же показавъ, что Ломоносову извѣстны были какъ Византійскіе такъ и Западные Латинскіе лѣтописцы, прибавилъ: «вотъ доказательство учености Ломоносова, — не выставленной имъ на показъ, какъ товаръ лицемъ, — вопреки Шлёцеру, который въ пылу своего неудовольствія за непризнаніе Байеровой системы,—отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ историкамъ въ *учености* и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазіи*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ патріотизма. Если Ломоносовъ и не нагромадилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлёцеръ подъ сводомъ Нестора,—то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе*, и не *сводъ Лѣтописей*, но основанную на нихъ *Исторію Русскую*; притомъ же онъ писалъ за *полвѣка* до Шлёцерова свода Нестора, когда не было еще для Русской Исторіи вѣка Екатерины Великой. Говорятъ: критика работаетъ для Историка; но много ли приготовили для Историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые критики: Татищевъ, Байеръ и Миллеръ? И для *учености* бываетъ разный таланъ: для иной — *свѣтлый лучъ мысли* изъ тмы свѣденій, хотя бы онъ казался *фантастическимъ*, какъ сѣверное сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой — *громада свѣденій*, подъ которою *умъ заходитъ за разумъ*, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли!» (247) Относительно же самой системы Ломоносова и взгляда его на Русскія Древности, не льзя не согласиться съ Максимовичемъ, что «Славяно-Русская школа, обновленная въ системѣ Ломоносова, прямо заняла самое выгодное мѣсто посреди новыхъ системъ, и будучи плодомъ предшедствовавшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною обоесторон-нею*. Это есть, такъ сказать, цѣльный компасъ, съ постоян-

(246) Библіотека для чтенія (1837), т. XX. Науки и худож. стр. 102.

(247) Откуда идетъ Рус. земля, стр. 130.

нымъ *наклоненіемъ* сѣвернаго конца и съ правильно-повременнымъ склоненіемъ обѣихъ къ западу и востоку: сѣвернаго отъ Одера къ Ильменю, южнаго отъ Волги. Новыя системы разломили этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на сѣверъ отъ Новгорода, другая совершенно наклонилась на югъ отъ Кіева. Потому Ломоносовская система способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, и сама отъ нихъ развиться въ историческую систему, болѣе другихъ полную и совершенную, между тѣмъ какъ другія, новыя системы, по необходимости должны отрицать открытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ—однѣ при объясненіи сѣверныхъ, другія при изъясненіи южныхъ событій древней Руси. Такой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы — Ломоносовское мнѣніе о Древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ только живой *зародышъ*, для развитія коего тогда недоставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ произхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлёцера и Эверса. Въ ученомъ мнѣніи Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Славянизмъ Руси, при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ *не такъ бы* конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума — мы судимъ не по совершенію и недостаткамъ, но по тому *чувству истины*, съ какимъ онъ прикасался къ ней, но по той *мысли* съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя бы принимался за нею и *между прочимъ*» (148) Ломоносовъ—скажу словами того же автора—«десятилѣтнимъ плодомъ ученыхъ своихъ занятій, Россійской Исторіей, имѣлъ ограниченное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской Исторіи вообще; однакоже она есть *первое* у насъ *явленіе*, первое *начало Исторіи Русской*: это былъ *новый годъ* ея, ровно черезъ IX вѣковъ послѣ того года, съ котораго нашъ *первый лѣтописецъ* ведетъ начало Русской земли (149), въ который началась историчеcкая жизнь Руси. Од-

(148) Тамъ же, стр. 136—137

(149) Максимовичь намекаетъ тутъ на слова Нестора что у Греческихъ лѣтописцевъ «въ лѣто 6360, индикта 15, начешу Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля». Годъ 6360 отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ 852 году отъ Х. Р. слѣдственно, у Грековъ настоящее наше имя, *Русь*, съ 852 года вошло въ употребленіе (вмѣсто прежняго Scythia

нако онъ былъ отличнымъ систематикомъ въ искомой нами истинѣ; а своимъ дѣловымъ поборствомъ за Славянизмъ Руси, онъ — въ лицѣ Миллера, но не изъ частной личности къ нему—разрядилъ у насъ первую тучу Байеровой школы, обративъ ее на свое поле Русской Исторіи, которое — съ первоcтками системы его, прозябавшими въ писаніяхъ Тредьяковскаго, обращеннаго Миллера, Князя Щербатова — было потоплено полноводнымъ разливомъ системы Татищевской и застужено сѣвернымъ вѣтромъ критики Шлёцеровской» (150).

Въ 1809 году явился на Русскомъ языкѣ Шлёцеровъ «Несторъ», переведенный Д. И. Языковымъ. Эта книга, имѣющая неотъемлемыя достоинства, какъ *первый опытъ ученаго изданія матеріаловъ* для Русской Исторіи, доставила автору обширное поле для распространенія любимыхъ мнѣній. Онъ такъ и сдѣлалъ. Прикрывшись именемъ Нестора, Шлёцеръ пустилъ въ ходъ всѣ Байеровы гипотезы, назвалъ *объясненіемъ* «Временника» свои *личныя* мнѣнія, діаметрально противоложныя Несторовскимъ, и началъ рѣшительно увѣрять, будто бы «Несторъ изображаетъ свою землю *до Рюрика* какъ *пустыню*, въ которой жили порознь небольшіе народы» (151) и будто бы «*первый шагъ къ образованію*, сдѣланный Новгородцами и сосѣдственною Чудью, состоялъ въ томъ, что тѣ и другіе, хотя и *противъ воли*, поставили у себя государя» (152), *по неосторожности* призвавъ *жестокихъ грабителей* (153) изъ Шведскихъ *морскихъ разбойниковъ* (154). Но такъ ловко, искусно и хитро поступилъ Шлёцеръ, такъ напугалъ всѣхъ своими рѣзкими, саркастическими приговорами, что всѣ безпрекословно согласились принять новыя мнѣнія, наперекоръ настоящему смыслу Нестора. Ломоносова совсѣмъ забыли, какъ *неученаго Историка*, и торжествовали, что уже не будутъ терпѣть укоровъ за *худо-понимаемую любовь къ отечеству*, которая будто бы «дѣлается смѣшною» если не вѣрить Шлёцеру, что родоначальникъ Русскихъ госу-

---

Sarmatia т. е. ровно за десять лѣтъ до призванія Рюрика въ Новгородъ; этимъ годомъ Несторъ и начинаетъ свою хронологію. Исторія же Ломоносова начата ровно чрезъ 900 лѣтъ, именно: 1751 года.

(150) Откуда идетъ Русс. земля (стр. 160).

(151) Шлёцеровъ Несторъ, Введеніе, ид. [illegible]

(152) Тамъ же, *пе.*

(153) Тамъ же, Вступленіе, гл. XVIII, стр. 305.

(154) Тамъ же: III Прибавленіе— общія слѣдствія, стр. 430.

дарей былъ морской разбойникъ, и не признаетъ такихъ геніальнихъ открытій, ссылаясь на самихъ Новгородцевъ IX вѣка, говорившихъ Рюрику съ братьями: *«вся* земля наша *велика* и *обильна,* а *наряда* (порядка) въ ней нѣтъ — да поидете *княжить* и *володѣти* нами» (155)... Но голосъ защитниковъ правды терялся среди шумныхъ восклицаній Шлёцеріанъ, отважно порицавшихъ именемъ «неученой фантазіи» все несогласное съ ихъ ученіемъ.—Торжество Шлёцера казалось навсегда упроченнымъ. Въ радости забывали, что Карамзинъ, хотя и сталъ подъ знамена Шлёцера относительно Варяговъ, однакожъ не отказалъ въ *вѣроятности* и противному мнѣнію (156); твердили только: «и Карамзинъ призналъ это справедливымъ»! наконецъ вышло въ 1825 году разсужденіе М. П. Погодина *«О происхожденіи Руси»* и шлёцеріане возгласили побѣду. Громче всѣхъ раздавались крики одного *ловкаго* Московскаго журналиста. Онъ увѣрялъ, что у Погодина «читатели найдутъ *изложеніе* всѣхъ мнѣній о томъ, кто были Варяги и *опроверженіе* ложныхъ мнѣній» (подобное изложенію и опроверженію мнѣній Ломоносова!), что послѣ такой драгоцѣнной книжки, въ которой «*лучше всего* собраны подробности по сему отношенію», уже «безполезно опровергать мнѣнія тѣхъ, кои *не хотятъ* признаетъ въ Варягахъ Скандинавовъ», ибо — сильное убѣжденіе—*онъ,* великій издатель «Московскаго Телеграфа» и сочинитель «Исторіи Русскаго народа» уже произнесъ окончательное свое рѣшеніе: «*полагаемъ* сей вопросъ *рѣшеннымъ*» (157); а профессоръ Погодинъ—о суета суетъ! — торжественно потомъ сознался, что его усердный хвалитель, «не учившись классически, имѣя особливое устройство умственнаго организма, *не знаетъ* и не можетъ сказать ничего въ порядкѣ, не можетъ передать даже чужихъ мыслей такъ, чтобы первая не ссорилась у него съ третьею, а вторая съ четвертою» (158)... Диво ли, что *такому* знаменитому историку, показались Шлёцеровы толки о дикости Славянъ и о выходѣ Руссовъ изъ Сканди-

(155) Лаврентьев. списокъ, стр. 12.

(156) Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. I, пр. 50.

(157) Ист. Русс. Народа, т. I, стр. 57.

(158) «Московскій Вѣстникъ» (1830), № 2, разборъ «Исторіи Русскаго Народа», стр. 165 — 190, особенно стр. 165, 189, 190. — Еще подробнѣе и дѣльнѣе разобрана Ист. Русс. Нар. въ «Маякѣ» (1842, Октяб. № 10 т. V, гл. IV, стр. 55 — 155: критикъ, С. О. Бурачекъ, дошелъ до тѣхъ же выводовъ, какъ и М. П. Погодинъ.

навіи — верхомъ человѣческой мудрости? Смѣтливый журналистъ, ради потѣхи почтеннѣйшей публики, особенно изъ недоучившихся купеческихъ сынковъ, придумалъ особое названіе *кваснаго патріотизма*, и подчивалъ имъ всѣхъ несогласныхъ съ Рейнскими идеями, перенесенными цѣликомъ въ Исторію Русскаго Народа, на первыхъ страницахъ которой красуются «толпы Скандинавскихъ завоевателей или, говоря точнѣе *морскихъ разбойниковъ*» (159), такихъ храбрыхъ, что «пріѣзжали *иногда десятками* и основывали *государства*» (160), между тѣмъ какъ Славяне были «народъ *дикій, варварскій*» (161), почему Скандинавскіе *хищники* начали собираться въ *притоны* Варяжскіе, *рѣшительно укрѣпились* около 862 года (162) и «наложили *иго* тяжкаго военнаго деспотизма» на туземцевъ, *безоружныхъ рабовъ*, *варваровъ* Славянскаго поколѣнія.» (163)—Теперь уже смѣшны всѣ эти выдумки, но въ двадцатыхъ годахъ онѣ выдавались въ посвященіи Нибуру (о ужасъ!) за «высокія помышленія, плоды философскихъ наблюденій, великія истины прошедшаго.» Теперь очень хорошо понятны всѣ эти порожденія исторической фантазіи, проникнутой идеями Шлёцера, и облитыя соусомъ высшаго взгляда на Скандинавскую стихію, «*дѣятельное начало духа*», и Славянскую стихію, «*тяжелую вещественность*»; но въ двадцатыхъ годахъ все это выдавалось сочинителемъ или, говоря точнѣе, выдумщикомъ — за «*вѣрную* и *справедливую* картину начала Русскаго государства» за произведеніе, изъ котораго уже изгнана худо-понимаемая любовь къ отечеству, за великій плодъ философіи Исторіи, гдѣ уже нѣтъ «любви къ отечеству и уваженія къ славѣ предковъ, ложно смѣшиваемыхъ съ желаніемъ славы и счастія отечеству въ настоящее время» (164)...

Профессоръ Погодинъ называя эту книгу «безобразною компиляціей», писалъ въ 1830 году: «пожалѣемъ, что дѣльная наша историческая литература обезображивается такимъ чудовищемъ, какъ Исторія Русскаго Народа» (165). Но

---

(159) Ист. Русс. Нар. I, стр. 59.

(160) Тамъ же, с. 69.

(161) Стр. 65.

(162) Стр. 55 и 82.

(163) Стр. 70, 73, 82, 97.

(164) Тамъ же, стр. 69, 81 и 82.

(165) Московскій Вѣстникъ (1830), № 2, стр. 165, 190.

Байеро-Шлёцерова система не могла породить ничего достойнѣе и вѣрнѣе своимъ *основнымъ началамъ*, какъ «Исторія Русскаго Народа.» Разсудите безпристрастно: не то же ли проповѣдывалъ Шлёцеръ, въ разбивку, порознь, въ разныхъ главахъ своего «Нестора»? Н. А. Полевой собралъ всѣ эти драгоцѣнности въ одно — и явилась «Исторія Русскаго Народа»... Согласенъ, въ ней нѣтъ учености — ну, это уже личный недостатокъ автора; правда, великій Нибуръ скончался вскорѣ послѣ чтенія первой части «Исторіи Русскаго Народа»; но вѣдь его смерть послѣдовала не отъ одного ужаса, произведеннаго удивительнымъ здравомысліемъ преславнаго послѣдователя Гёттингенскимъ идеямъ, но и отъ многихъ другихъ причинъ; правда, въ ней весь первый томъ состоитъ изъ выдумокъ, но эти выдумки въ первый разъ высказаны, со всею рѣзкостію, въ Шлёцеровомъ «Несторѣ»; правда, у Н. А. Полеваго наброшена тѣнь обвиненія на свѣтлые характеры Владиміра Мономаха, Александра Невскаго, Димитрія Донскаго, а прославляются Святополкъ-братоубійца, безсовѣстный Андрей Александровичь или свирѣпый Василій Косой съ Шемякою, но вѣдь сочинитель думалъ по-шлёцеровски, что можетъ быть современники прославляли Мономаха, Невскаго, Донскаго, безъ сомнѣнія изъ худо-понимаемой любви къ отечеству (166)... Словомъ, принявъ отъ чистаго сердца основные догматы Байеро-Шлёцеровскаго ученія, нельзя было *иначе* представить нашу древность, не возможно было не *противорѣчить истинѣ* и не *ломать фактовъ*, безъ всякой пощады. Обвиняя сочинителя «Исторіи Русскаго Народа», обвиняете и того, у кого онъ заимствовалъ взглядъ свой — Шлёцера.

Благоразумные люди съ самаго начала видѣли, до какихъ нелѣпостей окончательно должна довесть Шлёцерова система, и потому спѣшили придумать новыя гипотезы, помощію которыхъ надѣялись выйдти на путь истины, изъ Шлёцеровыхъ несообразностей —

I. Относительно Варяжской Руси.—Карамзинъ хотя и принялъ за истину Шлёцерово мнѣніе, будто Варяги-Русь были *Скандинавы*, именно Свеи, жители Рослагена, однакожь почелъ необходимымъ сообщить «*и другое* мнѣніе»,

(166) См. разборъ II и III томовъ «Исторіи Русскаго Народа» въ «Телескопѣ», основательно написанный М. П. Погодинымъ; отдѣльно изданные разборы, написанные С. В. Руссовымъ; и мое сочиненіе «Димитрій Іоанновичь Донской, Первоначальникъ Русской славы».

которому также не отказалъ въ *вѣроятности*: обратилъ вниманіе, что «Курскій заливъ издавна называли *Русною*, а сѣверный рукавъ Нѣмена *Руссою*, окрестности жъ ихъ *Порусьемъ*»; замѣтилъ также «свидѣтельство Равенскаго географа (VII вѣкѣ), что близь моря, гдѣ впадаетъ въ него Висла, есть отечество *Роксоланъ*», и вывелъ отсюда, что это были «наши Россы, коихъ владѣніе *могло* простираться *отъ Курскаго залива до устья Вислы*»; но желая согласить это мнѣніе съ Байеро-Шлёцеровымъ, допустилъ предположеніе, что эти «Варяги-Русь *могли* переселиться туда изъ *Скандинавіи*, изъ Швеціи, изъ самою Рослагена», что долго обитаявъ между *Латышами*, они *могли* разумѣть языкъ *Славянскій*, и *тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ Славянъ Новогородскихъ*». Остановясь на такомъ предположеніи, Карамзинъ сказалъ: «*вѣроятность* остается *вѣроятностію* (167), а въ примѣчаніи 111-мъ, изъ разсказа Луки Давида (Lucas Dav. Chr. 41, 45, 53, 55) о частыхъ войнахъ Россіянъ съ Пруссами въ VI-мъ столѣтіи, вывелъ между прочимъ, что «*Россіяне* прежде Рюриковыхъ временъ жили гдѣ нибудь въ *ближнемъ сосѣдствѣ* съ *Пруссами*». Карамзинъ не скрылъ возраженія, которое могутъ придумать шлёцеріане, и самъ же удачно устранилъ его: «Варяги-Русь, по словомъ Нестора, были *изъ-за моря*, а Пруссія съ Новогородскою и Чудскою землею на одной сторонѣ Балтійскаго; *сіе возраженіе не имѣетъ никакой силы:* что приходило моремъ, называлось всегда заморскимъ; такъ о Любекскихъ и другихъ Нѣмецкихъ корабляхъ говорится въ Новогор. Лѣтоп. что они приходили къ намъ *изъ-за моря*.» Устранивъ это единственное возраженіе шлёцеріанъ, *Карамзинъ*,—самъ не зная того,—*сблизился съ мнѣніемъ Ломоносова*, съ тѣмъ только различіемъ, что Ломоносовъ распространилъ имя Русь далеко за Вислу, «широко по юго-восточнымъ берегамъ Балтики», даже за Рюгенъ, котораго жителей также назвалъ Русью, Россанами, какъ въ самомъ дѣлѣ и было. Конечно, Историческая Логика не можетъ согласиться, чтобы *Шведы*, поживъ между *Латышами*, *могли* выучиться *по-Славянски* и *тѣмъ удобнѣе* примѣниться къ *обычаямъ* Славянъ Новогородскихъ; однакожь самое это предположеніе, возникшее изъ желанія Карамзина согласить свою гипотезу съ вѣрованіемъ Шлёцера, доказываетъ, что славный исто-

(167) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. I, стр. 50.

ріографъ былъ недоволенъ его ученіемъ, и гипотеза Карамзина во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ, нежели Шлёцерова. Признавъ же бытіе Прибалтійской Руси, сосѣдственной съ Пруссами, Карамзинъ легко бы могъ правильно рѣшить вопросъ о Еленѣ, которую лѣтописцы среднихъ вѣковъ называютъ regina Rugorum sive Russosum. Шлёцеръ, объявивъ Русь племенемъ Скандинавскимъ, по неволѣ долженъ былъ ту Елену изъ Прибалтійской Руси перетащить въ нашу Кіевскую Русь, и увѣрять, что та Елена (просившая епископа у Нѣмецкаго Императора Оттона) была наша Святая Ольга, уже крестившаяся въ Царьградѣ и во святомъ крещеніи нареченная Еленою. Сдѣлавъ изъ *двухъ* лицъ *одно* (168), Шлецеръ хотѣлъ какъ нибудь свести концы, и сталъ увѣрять, что размышлять объ несообразностяхъ перехода нашей Св. Ольги въ католичество дѣло совсѣмъ лишнее, ибо «тутъ можно только *догадываться*»; согласился, что «тогда уже Греческая Церковь отличалася отъ Латинской и сдѣлался совершенный расколъ, при которомъ каждая сторона проклинала другую»; но думалъ, что, не смотря на такую религіозную вражду, все-таки Ольга *могла* перейдти изъ Греческой Церкви въ Римскую, потому что «Патріархъ Ѳеофилъ тогда уже умеръ, *вѣроятно* и старая Императрица Елена, а *можетъ быть* и Императоръ Константинъ; *слѣдственно*, въ Византіи *не оставалось у нея* ни одного изъ ея *прежнихъ знакомыхъ*» (169) . . . Важная причина, основанная на «можетъ быть» и «вѣроятно»! . . . Карамзинъ, хотя и не зналъ, что Прибалтійскимъ Славянамъ, — преимущественно Руйнымъ островитянамъ,—принадлежало имя Руси, однакожь почелъ необходимымъ отдѣлить Прибалтійскую Елену отъ нашей, говоря: «вѣроятно ли, чтобы Ольга, принявъ вѣру Греческую, хотѣла имѣть духовныхъ пастырей Римской Церкви, уже несогласной съ первою? Раздѣленіе Церквей, западной и Восточной, произошло еще около 880 году». Слѣдственно, Карамзинъ, руководимый здравымъ смысломъ, рѣшилъ дѣло вѣрнѣе, чѣмъ Шлёцерова *ученая фантазія*, опершаяся на *догадкахъ*, основанныхъ на *можетъ быть* и *вѣроятно*, о желаніи Ольги перемѣнить вѣроисповѣданіе потому, что въ Византіи всѣ знакомые померли . . . Карамзинъ справедливо отнесъ путешествіе Адальберта, по-

---

(168) Шлёцер. Несторъ, I, примѣчаніе подъ стр. 59.

(169) Шлёцер. Несторъ, III, стр. 456, 457.

сланнаго Оттономъ во владѣнія Елены, къ событіямъ Исторіи Рюгенскихъ Славянъ, предположивъ, что Нѣмецкіе лѣтописцы *хотѣли назвать* Елену Царицей Руговъ (regina Rugorum), но *по ошибкѣ назвали* царицей Руссовъ (regina Russorum). (170)—Новѣйшія изысканія показали, что предпо-

---

(170) Ист. Гос. Рос. I, пр. 395.—Несторъ у Шлёцера пишетъ: «Афетово же колѣно и то: Варязи, Свеи, Нурмани, Готѣ, Русь, Агляне, Галичане, (Ляхове) Волохи, Римляне, Нѣмцы, Корлязи, Венедицы, Фрягове и прочіи» (Шлёцеръ, Несторъ I, стр. 37 и 104). Пунктуація здѣсь у Шлёцера неправильна; изъ соображенія прочихъ мѣстъ видно, что Несторъ распространяетъ имя Варяговъ на всѣ племена Западной Европы, а имя Варяжскаго моря въ *обширномъ* смыслѣ и на Нѣмецкое и на Атлантическое и даже Средиземное, почему и возможно было по Варяжскому море «идти до Рима, а отъ Рима придти по тому же морю къ Царюгороду, а отъ Царягорода придти въ Понтъ море... а Понетское море словетъ Русское» (Лавр. 4); вотъ почему и Арабы, указывая на Балтійскихъ нашихъ единоплеменниковъ, говорятъ, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ» и что «Русское море соединяется съ моремъ Варенговъ» (Ibn-Foszlan, 192—193; Mem. de l'Acad. Imp. des Scien. de Petersb. VI ser. II, 355, 375, 398). Слѣдственно у Нестора это мѣсто должно быть читаемо такъ: «Афетово же колѣно, —и то *Варязи*, — Свеи, Нурмани, Готѣ, Русь, Агляне, Галичане, Ляхове, Волохе, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Венедицы, Фрягове и прочіи». Начавъ со Шведовъ (Свеевъ), Норвежцевъ (Нурманъ), Готландцевъ (а не Ютландцевъ-Датчанъ, какъ перевелъ Шлёцеръ имя «Готѣ»), Несторъ переходитъ на материкъ Варяжскаго моря и начинаетъ исчислять Варяжскіе народы: *Русь* (Прибалтійская), рядомъ съ нею на Западъ *Англяне* или Шлезвигскіе Англо-Саксы, къ югу *Галичане*, а къ востоку *Ляхове:* ясно, что Русь Варяжская населяла Кутъ при-Балтійскій между Лабой и Одрой, землю Велетскихъ Сорабовъ, до истоковъ Вислы; восточныя земли, между Одрой и Вислой населены были частію Велетами, частію Поляками. Шлёцеръ сознался на основаніи Эделверда (950,-г.) что «главнымъ городомъ Англіи былъ Слезвикъ» (стр. 102); но перевелъ имя *Англяне* не именемъ Шлезвигскихъ Англовъ-Саксовъ, а именемъ *Англичанъ*, хотя у Нестора Англичане разумѣются подъ именемъ обитателей *Британніи*; видя же *Русь* отдѣленною отъ Свеевъ, въ сосѣдствѣ съ Англами, воскликнулъ: «этого *быть не можетъ:* Руссы здѣсь также *вставлены*» (Шлёц. Нест. I, 102). Точно таже боязнь увидать въ числѣ Варяжскихъ племенъ Славянскіе народы, заставила Шлёцера исключить Галичанъ или Хорватскую Русь и Ляховъ или Поляковъ изъ Несторова текста: «Галичане во *всѣхъ* спискахъ; но тутъ разумѣются Галиціяне то есть *Испанцы!*» (с. 103) «Ляхамъ *никакъ не льзя* здѣсь быть» (стр. 104) — почему же? Разумѣется потому, что они Славяне! и вся бѣда свалена Шлёцеромъ на переписчиковъ, которые *можетъ быть* «по сходству звуковъ: Ляхове и Волоси, *прибавили* первое имя *сами отъ себя!* Не зная, что подлѣ Галичанъ и Ляховъ донынѣ живутъ Чехо-Моравскіе *Влахи* или *Волохи*

лагать *ошибку*, въ титулѣ той Елены совсѣмъ не нужно, ибо Руйные островитяне, Руяне (Rugi, Rugi, Rugiane) дѣйствительно имѣли племенное имя *Русь* (Russi, Rutheni); слѣдственно, та Елена дѣйствительно была Царица *Руссовъ*, regina Russorum, только Руссовъ Прибалтійскихъ, а не

также *племя Славянское*, Шлёцеръ думалъ, что у Нестора подъ именемъ Волохове разумѣются *Итальянцы*, потому что Нѣмецкіе простолюдины иногда называли Итальянцевъ Wälsch (Шлёц. Нест. I, стр. 99); на бѣду такой ученой гёттингенской фантазіи, Итальянцы означены у Нестора далѣе, подъ именемъ *Римлянъ*, и составляютъ переходъ отъ Восточныхъ Варяговъ къ Западнымъ и Южнымъ Варягамъ. Начавъ За-Балтійскими племенами: Свеями и Нурманами (Норвежцами), Несторъ указываетъ на Балтикѣ обитателей Готланда, потомъ переходитъ въ собственно-Варяжскую землю или Русь, указываетъ ея сосѣдей на западѣ: Англянъ (Англо-Саксовъ), на югѣ: Галичанъ, на востокѣ: Ляховъ; затѣмъ показываетъ сосѣдей у Ляховъ и Галичанъ — именно Волоховъ Чехо-Моравскихъ, часть которыхъ удалилась на югъ, гдѣ и утвердила свое господство надъ Дунайскими Словенцами, бывшими подъ властію Римлянъ. Такимъ образомъ, Несторъ естественно перешелъ къ Итальянцамъ или *Римлянамъ*; на сѣверъ отъ нихъ показалъ по Рейну *Нѣмцевъ*, къ сѣверо-востоку *Краинцевъ* и *Венетянъ съ Венеціанами*, а къ сѣверо-западу *Французовъ* или *Фрягов*ъ. Исчисленіе оказывается географически-вѣрнымъ! Шлёцеръ не понималъ слова *Корлязе*, *Корлязи*, *Королязи* и откровенно объявилъ о томъ: «*одно только это слово* (?) во всемъ Несторѣ для меня такъ *непонятно*, что я не дѣлаю объ немъ никакого заключенія» (Шлец. Нест. I, с. 105). Аббатъ Іосифъ Добровскій думалъ, что Несторовы Корлязи суть *Фріульскіе Словене*, и Шлёцеръ согласился съ нимъ (Нест. III, с. 680); Кругъ полагалъ, что подъ именемъ Корлязей, должно быть, разумѣлись у Нестора *Каролинги, наслѣдники Карла Великаго*, потому что Нѣмцы звали ихъ Karlingen, Kerlingen, а Французское государство ихъ—terra Karolingorum, Karlensium, а изъ этого родительнаго падежа Нѣмецко-Латинскаго слова Несторъ и сдѣлалъ имя Корлязи, Королязи! (Собр. актовъ публич. засѣд. Академіи Наукъ, бывшаго 29 Дек. 1827 года). Но, во 1-хъ: Несторъ не зналъ по-латыни, и потому не могъ читать Нѣмецко-Латинскихъ лѣтописей, слѣдственно не могъ и узнать слова terra Karolingorum, Karlensium (земля Каролинговъ); во 2-хъ: Несторъ нигдѣ не называетъ землю именемъ Государей, и слѣдственно употребленіе, бывшее у Нѣмцевъ, ничего не доказываетъ относительно Россіи; въ 3-хъ: Французы упомянуты Несторомъ особо, слѣд. не-зачѣмъ было одинъ и тотъ же Французскій народъ упоминать подъ разными именами (Фряговъ и Корлязей), раздѣляя ихъ Венетами, и слѣдственно помѣщая однихъ у Италіи, другихъ же за Рейномъ; а что *Фряги* Несторовы суть дѣйствительно *Французы* (какъ утверждалъ и Шлёцеръ), доказывается Болгарскими и Русскими лѣтописными разсказами о сношеніяхъ Римскихъ Папъ съ Франками: такъ переводчикъ Манассіиной лѣтописи, разсуждая объ отторженіи Римскаго Папы Григорія II отъ единства съ Греческою

Кіевскихъ. Во всякомъ случаѣ, и тутъ Карамзинъ оказался гораздо проницательнѣе Геттингенскаго ученаго, равно какъ и —

II. Относительно нашей Руси, какъ Славянскаго племени, по Днѣпру и Волхову. — Шлёцеръ, повѣривъ Гаттереру, будто бы Славяне только въ VII вѣкѣ по Р. Х. населили Россію, бѣжавъ съ Дуная отъ угнѣтеній Кубрата Болгарскаго, началъ увѣрять, будто и Несторъ «полагаетъ Славянъ *поздними переселенцами*» (170); Карамзинъ опровергъ Гаттерера (171), и, на основаніи яснаго разсказа Несторова о хожденіи Св. Андрея Первозваннаго къ Днѣпровскимъ и Ильменскимъ Славянамъ, правильно заключилъ, что «они, *по собственному Несторову сказанію*, жили въ Россіи уже *въ первомъ столѣтіи*, и *гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи*» (172). Шлёцеръ старался увѣрить всѣхъ будто бы до пришествія Славянъ въ Россію въ VII вѣкѣ «старожилы ея были народы *двухъ* различныхъ *родовъ:* въ верху *Финны*, въ низу Летты» (173), и будто бы Несторъ «исчисляетъ здѣсь *одни только Финскія* и *Летскія* племена» (174), почему «все, что до сихъ поръ Татищевъ, Ломоносовъ и Щербатовъ собрали вообще о *Славянахъ*, съ

Имперіею и о дружбѣ его съ Франкскимъ Палатнымъ меромъ Карломъ Мартеломъ, говоритъ: «отвержеся Римъ къ *Фрягомъ* (Манас. лѣт. стр. 72 — 77), а наши лѣтописатели разсказываютъ, что Папа Левъ III «пріиде совѣтомъ ко *Фряжскому* князю ко Карулу» (Ипк. V, 180) Этотъ Фряжскій князь Карулъ есть Франкскій или Французскій Карлъ Великій; наконецъ въ 4-хъ: языкъ Русскаго нашего лѣтописателя надобно объяснять нашимъ же Русскимъ языкомъ, а у насъ на югѣ даже въ XVII вѣкѣ было слово *крайлязь*, *королязь*, и фланговые *крайніе* войны назывались *крайлязи*, *королязи;* слѣдственно и у Нестора *Корлязи*, стоящіе рядомъ съ *Венъдицами*, суть обитатели Украйны Словенской, *Краинцы*, сосѣди Словенскихъ *Венетянъ* (Veneti) и Итальянцевъ *Венеціанъ*.

Такимъ образомъ Славянская Этнографія и знаніе старинкаго языка Русскаго даютъ ключь къ правильному пониманію и объясненію лѣтописи преподобнаго Нестора, котораго не понимали и обвиняли въ ошибкахъ и недостаткѣ послѣдовательности единственно по той причинѣ, что, вмѣсто Русскаго языка и Славянской Этнографіи искали объясненій въ Нѣмецкомъ языкѣ и въ Латино-Нѣмецкихъ лѣтописяхъ.

(170) Шлецеръ Несторъ I, стр. 170.

(171) Ист. Гос. Рос. т. I, примѣч. 67.

(172) Тамъ же, стр. 30 — 31; сличите еще стр. 19—20.

(173) Шлецеръ Несторъ I, 47 — 48.

(174) Тамъ же, стр. 63.

прибавленіемъ *Скиѳовъ, Сарматовъ* и многихъ другихъ, *совсѣмъ непринадлежащихъ* къ нимъ народовъ, и поставили въ предисловіяхъ къ своимъ Русскимъ Исторіямъ, *совершенно безполезно* для настоящаго Историка», и хотя Несторъ самъ говорилъ о Славянскихъ племенахъ и городахъ, что—бѣ *множество ихъ*, что они *сѣдяху даже до Чернаго моря* и *звахусь отъ Грекъ Великая Скуѳь,* однакожъ Шлёцеръ стоитъ на своемъ, объявляетъ причисленіе Скиѳовъ и Сарматовъ къ Славянамъ—величайшимъ преступленіемъ, и въ гнѣвѣ изрекаетъ ужасный приговоръ: «всѣ трое отстали въ *ученой исторіи* цѣлыми 60 годами»! (176) Устрашаемый рѣзкими приговорами Шлёцера, Карамзинъ хотя объявилъ Скиѳовъ не-Славянами,—потому что *шесть* словечекъ, искаженныхъ Гердотомъ или (что вѣрнѣе) его переписчиками, «такъ мало подходятъ къ Славянскому, что ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ» (177),—однакожъ, руководимый чувствомъ истины, осмѣлился внести въ текстъ Исторіи слѣдующее: «можетъ быть, *еще за нѣсколько* вѣковъ до Р. Х. подъ именемъ Венедовъ извѣстные на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, *Славяне* въ то же время обитали *и внутри Россіи;* можетъ быть, *Андрофаги, Меланхлены, Невры* Геродотовы *принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ.* Самые древніе жители Дакіи, *Геты*, покоренные Трояномъ, могли быть *нашими предками:* сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Трояновыхъ въ Дакіи, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣточисленіе отъ временъ сего мужественнаго Императора; замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что *праотцы ихъ* имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Гетовъ» (178). Предположеніе Карамзина, какъ видите, не облечено въ ученую форму критическаго изслѣдованія; однакожъ теперь,—послѣ разысканій Шафарика, Эйхвальда, Морошкина и моего историко-этнографическаго объясненія Тацитовой Германіи и вопроса о Нип'ахъ, — мнѣніе Карамзина оказывается гораздо вѣрнѣе, чѣмъ самодовольная *ученая фантазія* Шлёцера.

III. Относительно нашего народнаго имени,—Шлёцеръ также впалъ въ ужаснѣйшую ошибку, упустивъ изъ виду,

(176) Тамъ же, с. 119 — 120.

(177) Ист. Гос. Рос. I, прим. 32.

(178) Ист. Гос. Рос. I, стр. 31.

что нашъ народъ только въ книгахъ называется Славянами, а самъ себя вездѣ зоветъ Русью. Послѣ того, Шлёцеръ не могъ или не хотѣлъ понять настоящаго смысла древнѣйшей нашей лѣтописи. Несторъ утверждаетъ, что начиная *отъ Понта* (Чернаго моря) *до полуночной страны* или до глубокаго сѣвера и *до Волги*, которая *идетъ на востокъ въ часть Симову*, издревле *сѣдитъ Русь*: Шлёцеръ соглашается, что «Несторъ исчисляетъ здѣсь *древнѣйшіе народы*, *начальныхъ жителей Россіи*» (179); но такъ какъ отсюда слѣдовало бъ заключить, что древнѣйшими, начальными жителями Россіи были Русскіе же, то Шлёцеръ и отдѣлывается отъ Несторова свидѣтельства о старобытности Руси въ предѣлахъ Россіи — предположеніемъ, что это мѣсто (NB. находящееся во *всѣхъ* спискахъ Несторовой лѣтописи) «*вставлено* сюда переписчикомъ» (180). Сваливъ такимъ образомъ свою бѣду на переписчика,—Шлёцеръ успокоиваетъ себя увѣреніемъ: «*не льзя оспорить* того, что Руссы пришли въ Россію *гораздо позже*» (181). Несторъ далѣе говоритъ, что въ царствованіе Михаила, съ 852 года (за десять лѣтъ до призванія Рюрика), послѣ нападенія Руси на Царьградъ, наша земля стала называться у Греческихъ лѣтописцевъ уже не Скиѳіей, а своимъ настоящимъ именемъ, Русью: «въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдохомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ» (182). Точно также и сѣверная наша Русь Новгородская, извѣстная Варягамъ подъ именемъ единоплеменниковъ, говорящихъ однимъ словомъ (языкомъ) съ ними, то есть подъ именемъ Словенъ, послѣ призванія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ, стала у Варяговъ называться также Русью: «отъ нихъ прозвася Русская земля Новугородци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣни» (183). Однакожь,—

(179) Шлец. Несторъ, 1, стр. 63.

(180) Тамъ же, с. 62.

(181) Тамъ же, стр. 63

(182) Лаврент. списокъ, стр. 11.

(183) Тамъ же, стр. 12.—Карамзинъ (т. I, пр. 278), на основаніи харатейнаго сокращенія Несторовой лѣтописи (XIII вѣка) и многихъ доводовъ историческихъ очень хорошо доказалъ, что Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ, а не въ Ладогу. Извѣстіе Радзивиловскаго и Ипатьевскаго списковъ, что по смерти братьевъ «прія всю власть Рюрикъ одинъ и при-

замѣчаетъ ученый Баронъ Розенкампфъ,—Русская земля и до сего происшествія *не была безъ имени*, и называлась *Россіею*, ибо Руссы *уже прежде находились въ семъ краѣ*, и подъ симъ названіемъ были извѣстны другимъ народамъ; сіе явствуетъ изъ самыхъ Византійцевъ и изъ прочихъ свидѣтельствъ» ([184]). Но Шлёцеръ, отнявъ у Великороссіянъ народное наше прозваніе *Русь*, и подаривъ это имя Шведскимъ морскимъ разбойникамъ, началъ увѣрять, будто бы «*только со времени пришествія ихъ* тамошняя страна *прозвалась* Русью» ([185]); а чтобъ намъ не было завидно, отнялъ Русское имя также и у Малороссовъ, сдѣлалъ изъ нашего имени особый народъ—только не Русскій (Славянскій, — и началъ увѣрять, будто бы Rhos, нападавшіе на Византію въ 866 году, были не наши Днѣпровскіе и Донскіе Россы, но «*особенный* народъ, *неизвѣстная* орда варваровъ; вѣроятно народъ прибрежный, *показавшійся* на западѣ и *изчезшій*; шедшій *съ востока*, или *неизвѣстно откуда* точно; названный въ Константинополѣ Россами *неизвѣстно почему;* прогнатый *опять въ свои пустыни* (?) не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но *случаемъ*, только *неизвѣстно куда*; не появлявшійся никогда послѣ въ Исторіи, по крайней мѣрѣ подъ именемъ Россовъ» ([186]). Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что Византійцы, — тѣ же самые, — описывая нашествіе Игоря изъ Кіева, его Русь точно также называютъ Rhos, почему и призналъ Rhos 866 года Днѣпровскою Русью Ас-

---

шедъ ко Ильмерю и сруби *городъ* надъ Волховомъ и прозва Новгородъ и сѣде ту» ознаетъ только то, что Рюрикъ въ Новгородѣ построилъ *новую крѣпость*, или перенесъ *прежнюю* на *новое* мѣсто (какъ догадывался Баронъ Розенкампфъ), ибо срубить *городъ* значило въ старину: построить *укрѣпленія* при *городѣ*, уже давно существовавшемъ. Такъ о построеніи крѣпостей въ Суздалѣ, въ Русѣ, въ Твери, въ Нижнемъ, — въ городахъ давнымъ давно существовавшихъ, — Воскресенской лѣтописецъ (II, 117, 130) говоритъ: «въ лѣто 6699 (1191) заложи князь великій Всеволодъ Суздаль; того же лѣта и *срубленъ*», въ 1201 году, также разсказываютъ, «и Русу *срубиша*»; Никоновскій (IV,23, 34,38) подъ годомъ 6877 (1369) «того же лѣта *градъ* Тверь *срубили* древянъ и глиною помазали», а подъ годомъ 6880 (1372): «того жь лѣта князь Дмитрей Константиновичь Суздальскій и Новагорода Нижнего *заложи* Новъ-*городъ* Нижній камѣнъ»; или (IV, 38): «князь Володимеръ Ондрѣевичь (двоюродный братъ Донскаго) *заложи градъ* Серпуховъ *дубовъ* во своей отчинѣ».

(184) Трубы Общества Ист. и Древн. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 139—141.

(185) Шлецеръ. Несторъ, I, стр. 344.

(186) Шлецеръ, Несторъ, II, стр. 109, 110.

кольда, говоря «гдѣ истина сама собою представляется глазамъ Историка, тамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ страннымъ гипотезамъ, и выдумывать еще *другихъ* Россовъ . . . . Народы не падаютъ съ неба, и не скрываются въ землю какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія» ([187]). Отсюда неизбѣжно произтекли величайшія заблужденія. Положивъ ложное основаніе, Шлецеръ вынужденъ былъ составить ложное понятіе

IV. Относительно характера всей нашей древности.— Утверждая все авторитетомъ Нестора, «которому противорѣчить въ лице, есть тó же, чтó признавать ложную Іоакимовскую лѣтопись за истинную ([188]), Шлёцеръ вознамѣрился, подъ видомъ объясненія Нестора, *дать ходъ любимымъ гипотезамъ:* въ основаніе всѣхъ трудовъ своихъ положилъ патріотическую мысль о превосходствѣ своихъ родичей передъ всѣми народами въ мірѣ, и *правду* принесъ въ жертву *похвалѣ своему народу.* Какъ человѣкъ и умный и ученый, онъ видѣлъ свѣтъ, даже указывалъ на него, но не хотѣлъ самъ идти къ нему, дабы не придти въ необходимость отказаться отъ любимыхъ идей. Утвердительно объявилъ, что «*восточная часть Германіи* давнѣйшихъ временъ, то есть сколько намъ извѣстно изъ Исторіи, была населена *Славянами»;* что «въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и проч. *никогда не было Нѣмцевъ* прежде Ободритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ»; и что «они суть *старожилы своихъ земель* въ разсудительномъ значеніи» ([189]): но вмѣсто того, чтобъ вывесть отсюда неизбѣжное слѣдствіе, что *Восточные Германы* были *Славянскіе старожилы* тѣхъ земель, и что имя Германовъ означало Нѣмцевъ только тогда, когда говорилось о Германахъ Западныхъ, Шлёцеръ вездѣ подразумѣваетъ— наперекоръ истинѣ и самому себѣ — только однихъ Нѣмцевъ. Благородно сознался онъ въ нелѣпости гипотезъ, придуманныхъ его соотечественниками о Славянскомъ народонаселеніи Германіи, и передъ цѣлымъ ученымъ міромъ провозгласилъ, что «великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славянскія Исторіи, *скоро совсѣмъ истребятъ* старинное всеобщее мнѣніе, *будто бы* сіи Германскіе Славяне пришли тогда, когда вышли настоящіе Нѣмцы, буд-

---

(187) Ист. Гос. Рос. I, прим. 283.

(188) Шлец. Нест. ч. I, Предувѣдомленіе, стр. XXVIII.

(189) Шлёц. Нест. II, стр. 423.

то бы жившіе до-того въ ихъ земляхъ» ([190]); но между тѣмъ нигдѣ не рѣшился отдать въ Исторіи принадлежащее Германскимъ Славянамъ ихъ латинское прозвище German'овъ. Сознался въ своей «Сѣверной Исторіи», что Франконія съ VIII вѣка извѣстна какъ страна Славянская; но между тѣмъ взялъ у Франконскихъ Славянъ ихъ народное имя (Franki), и отдалъ на подержаніе (до VIII вѣка) своимъ родичамъ, дабы назвать покорителей Галліи Нѣмцами! ([191]) Признаніемъ истины *истиною* отдавъ долгъ *исторической правдѣ*, Шлёцеръ очистилъ свою ученую совѣсть; но думая, что тѣмъ дѣло и должно все ограничься—смѣло провозгласилъ, что при-Рейнскіе Нѣмцы «назначены были *судьбою* разсѣять въ обширномъ сѣверо-западномъ мірѣ *первыя сѣмена просвѣщенія*»; что «они исполнили это предопредѣленіе, держа въ одной рукѣ *Франкскую военную сѣкиру*, а въ другой Евангеліе»; и что «самые даже Скандинавы, къ которымъ не заходилъ ни одинъ Нѣмецкій завоеватель, съ помощію ихъ начали мало по малу дѣлаться *людьми*» ([192]). Конечно, тутъ самый фактъ говоритъ противъ Шлёцера, ибо Рейнскіе Нѣмцы или Саксонцы насильно обращены въ Христіанство мечемъ Франко-Гальскихъ завоевателей послѣ 30-лѣтней рѣзни въ исходѣ VIII-го вѣка и въ началѣ IX-го (772—802), и если самъ же Шлёцеръ сознался, что Франконія уже съ VIII вѣка является и по лѣтописямъ и по грамматамъ страною чисто-Славянскою, то ясно, что Франконская военная сѣкира Карла Великаго и его дѣтей обращалась въ рукахъ олатиненнаго потомства Франконскихъ Славянъ, покорившихъ нѣкогда Галлію, и слѣдственно первыя сѣмена просвѣщенія *среди Нѣмцевъ* были разсѣяны *олатинившимися потомками Франконскихъ Славянъ*, распространившими истинную Вѣру между Саксонами; но Шлёцеръ преловко рѣшилъ дѣло въ пользу своихъ родичей, искусно покрививъ на свою сторону вѣсы историческаго правосудія, и даже Скандинавамъ позволилъ *сдѣлаться людьми* только съ помощію при-Рейнскихъ чистыхъ Нѣмцевъ. Въ восторгѣ отъ ловкости, съ какою его предки помогли

---

(190) Тамъ же.

(191) См. далѣе въ моей книгѣ, стр. 79 (прим. 17), также всю главу «Древняя Vindelicia, отчизна Франконскихъ Славянъ» (стр. 140 — 159), а въ Объясненіи Тацитовой Германіи стр. 196—197 и примѣчаніе 47-ое.

(192) Шлёц. Несторъ, II, стр. 178.

Скандинавамъ превратиться въ *людей*, Геттингенскій ученый вообразилъ, будто бы до половины IX вѣка «большая треть нашея земли», то есть (сказать по-проще) наша матушка Россія находилась въ такомъ положеніи, что вообразить страхъ: «эти страны, *кажется*, до тѣхъ поръ *были забыты отъ Отца человѣчества*» (193)—почему же такъ кажется вашей премудрости? Потому что «въ суровый сѣверо-восточный сѣверъ, по сію сторону Балтійскаго моря до Ледовитаго и до Урала, *за величайшею отдаленностью, не приходилъ* еще *ни одинъ Нѣмецъ*» (194).» Вотъ что! Теперь понимаемъ, *почему* Шлёцерово человѣколюбивое сердце такъ заботится о насъ, будто бы забытыхъ Отцемъ человѣчества, и такъ сострадательно посылаетъ къ намъ Скандинавскихъ *морскихъ разбойниковъ*, которые сдѣлались уже *людьми* при помощи Рейнскихъ Нѣмцевъ... До пришествія въ Россію шведскихъ *жестокихъ грабителей* (195), по увѣренію Шлёцера «люди тутъ *были*, можетъ быть уже за нѣсколько тысячь лѣтъ, но *очень въ маломъ числѣ;* они жили разсѣянно, на безмѣрномъ пространствѣ земли, *безъ всякаго сношенія между собою.* Кто знаетъ, сколь долго пробыли бы они еще въ этомъ состояніи, въ этой блаженной для *получеловѣка безчувственности*» (ого!), «ежели бы не были *возбуждены*.. Они страдали отъ нападенія *дерзкой шайки разбойниковъ*, ворвавшихся въ ихъ мирное жилище; и *тутъ* они стали *разсуждать*» (196). Вотъ что значатъ *Шведскіе* разбойники: правда, они *жестоко ограбятъ*, но за то *страданіемъ* тотчасъ и *возбудятъ* въ *безчувственныхъ* животныхъ или (учтивѣе) *полу-человѣкахъ* способность мыслить, *разсуждать*! Теперь послушайте Шлёцера о томъ, что послѣдовало послѣ того, какъ мы *по неосторожности* призвали къ себѣ изъ *жестокихъ грабителей* трехъ *морскихъ разбойниковъ:* «люди, до того разсѣянные по-одиночкѣ (!), теперь соединились вмѣстѣ, и изъ полудикихъ сдѣлались *нѣсколько похожими* на *людей.*» (197). До половины IX вѣка, эти, непохожія на людей, Русскія племена «жили между собою *безъ связи*, каждая *орда* отдѣльно отъ другой» (198),

(193) Шлёц. Несторъ, ч. II, стр. 178.
(194) тамъ же, II, 178—179.
(195) тамъ же, I, стр. 305.
(196) тамъ же, II, стр. 180.
(197) тамъ же, III, стр. 349.
(198) тамъ же, II, стр. 168.

но такъ какъ *страданіями* въ нихъ уже была возбуждена способность *размышлять*, то они, какъ люди умные, уже разсуждающіе, поняли какое счастіе имѣть Государями «дерзкую шайку разбойниковъ», и потому рѣшились призвать «*дикихъ* Норманновъ»; и вотъ, атаманы грабителей провозглашены *Ландманами* или *старшинами* (199). Хотя все это рѣшительно противорѣчитъ Несторову разсказу о призваніи Варяго-Русскихъ *князей* на столъ Новгородскій, но Гёттингенскому профессору лѣтопись не указъ: изъ Гёттингена онъ подсмотрѣлъ, своею особою лично, что «по новымъ обстоятельствамъ, избранный Ландманъ (Рюрикъ) принуждается соединить союзъ крѣпче, и демократическое правленіе превращается въ чистую монархію» (200); а это произошло такъ: «трехъ братьевъ призвали *только для того*, чтобы быть *предводителями*; грубые Славяне и Чудь вѣрно *не помышляли* о общественномъ условіи (pacta conventa); *дикіе* Норманны очень скоро начали брать на себя *видъ повелителей*. Это *удивило* Новгородцевъ» (201), а за удивленіемъ «даже дошло до *вторичнаго* возмущенія», но «три брата привели съ собою столько людей, что могли все преодолѣть». Этотъ небольшой историческій романъ, сочиненный Шлёцеромъ въ подражаніе Миллеру, заключается слѣдующими торжественными словами (то же на-половину Миллеровскими): «такимъ образомъ началось Русское царство, Русская монархія, какъ и многія другія, *насиліемъ* и *кровопролитіемъ*; такимъ образомъ Рурикъ наложилъ *узы* на свободную державу: онъ призванъ былъ для защищенія свободы, и онъ же *истребилъ* ее» (202). По смерти братьевъ, «Рюрикъ *укрѣпилъ* свою власть тѣмъ, что *перенесъ столицу* (изъ Ладоги) въ Новгородъ *и ввелъ родъ феодальнаго правленія*» (203). Видите-ль, какія умныя средства придумалъ Шлёцеръ для того, чтобы вывесть изъ безчувственнаго, полу-человѣческаго состоянія Русскій народъ, забытый Отцемъ человѣчества .... Можетъ быть спросятъ: да гдѣ же у насъ феодалы? гдѣ бароны? гдѣ слѣды феодальныхъ учрежденій? Ихъ нѣтъ — слѣдственно, и феодальнаго пра-

(199) Шлёцеровъ Несторъ, ч. II, стр. 180.
(200) тамъ же.
(201) тамъ же, ч. I, стр. 357.
(202) та же страница.
(203) тамъ же.

вленія также не было. Но у Шлёцера на все есть отговорка; вы думаете, что его уличили, а онъ вывернется и сочинитъ вамъ причину, почему не видно даже и малѣйшихъ слѣдовъ феодальнаго правленія: «оно здѣсь введено при *такихъ же обстоятельствахъ* и по *такой же необходимости*, какъ и во всей прочей Европѣ; только въ Россіи оно *отдѣлано* было *не такъ хорошо и искусно*, какъ въ другихъ земляхъ, почему скоро и поглотилось *пучиною монархическаго деспотизма.* Ярославъ *хитрымъ образомъ истребилъ* его совсѣмъ» (204). И такъ, видите, первое средство, придуманное Шлёцеромъ для просвѣщенія забытыхъ Отцемъ человѣчества, не удалось отъ *хитрости* Ярослава: будь Рюриковъ потомокъ немного попростоватѣе, и «пучина монархическаго деспотизма» не поглотила бы феодальной системы, которая очень способна *полу-человѣковъ* дѣлать *людьми*, разумѣется все же не безъ помощи чистыхъ при-Рейнскихъ Нѣмцевъ... Правда,—и нашъ чисто-Нѣмецкій ученый самъ же сознался,— феодальное «*кулачное* право содержало Германію *долгое* время въ варварствѣ» (205), между тѣмъ какъ подъ правленіемъ Владиміра Святаго «*Русское царство* съ 1000 годовъ *взошло на такую степень просвѣщенія, на которой очень немногіе изъ другихъ южныхъ и сѣверныхъ Европейскихъ народовъ* въ то время *находились*» (206) и «имѣло несчастіе упасть» именно оттого, что «кулачное право ворвалось также и въ Русскую землю, междоусобіями удѣльныхъ князей, и бѣдствіе еще болѣе увеличено въ Монгольскій періодъ» (207); но Шлёцеру что за дѣло до фактовъ, хотя бы имъ же самимъ провозглашенныхъ? Ему надобно только доказать, что «дерзкая шайка разбойниковъ и жестокихъ грабителей», которые сами «сдѣлались людьми» только съ пособіемъ по-Рейнскихъ родичей, были нашими истинными благодѣтелями, и «разсѣяли въ суровомъ сѣверѣ первыя сѣмена *просвѣщенія*». Правда,—и Шлёцеръ опять въ томъ согласенъ, — «*просвѣщеніе*, *занесенное* въ сіи пустыни *Норманнами*, было не лучше того, которое лѣтъ со 120 тому назадъ Европейскіе казаки принесли Камчадаламъ» (208), и хотя «люди сіи уже избрали Ландмана», который уже

(204) Шлёц. Несторъ, II, стр. 7.

(205) тамъ же, ч. I, Введеніе, стр. *ла*.

(206) тамъ же.

(207) тамъ же.

(208) тамъ же, ч. II, стр. 180—181.

«началъ Русское царство, насиліемъ и кровопролитіемъ, наложилъ узы на свободную державу и призванный для защищенія свободы, самъ же истребилъ ее», однакожъ «люди сіи, все еще отдѣленные отъ просвѣщенныхъ (южныхъ) народовъ, могли долго еще оставаться въ *глубокомъ невѣжествѣ»* (209). Но Шлёцеръ тотчасъ же спохватился, и народу «забытому отъ Отца человѣчества» далъ средство —поскорѣе выйдти изъ «Скандинавскаго просвѣщенія» или что̀ то́ же «глубокаго невѣжества»: любвеобильное сердце профессора сжалилось подъ нами и внушило Олегу мысль «*подвинуться* къ пріятному югу; тутъ *сильныя побужденія* возникли *отъ Царьграда,* и сильнѣйшее было *введеніе Христіанской Вѣры»* (210)...

Ученый и благоразумный Деліусъ, разсуждая объ источникахъ историческихъ заблужденій, говоритъ, что никакая Исторія не можетъ представить такого *бреда ученой фантазіи*, какъ Шведская (211); со временъ Байера, Миллера и Шлёцера, эти слова какъ не льзя лучше примѣняются и къ Русской древней Исторіи. Ученая фантазія Байера породнила *Новгородцевъ* съ *Кабардинцами*, и заставила перебраться съ береговъ Ильменя на Кавказскія горы, а *Малороссійскихъ Бужанъ* перетащила въ *Татарскую* орду *Буджакскую;* ученая фантазія Миллера переселила къ намъ Скандинавскаго бога *Одина* и его сынка *Бауса*, единственно по той уважительной причинѣ, что у насъ есть сказка о *Бовѣ* королевичѣ, а глупыя мамушки, иногда разговаривая съ дѣтьми о пустякахъ, и переливая изъ пустаго въ порожнее, смѣясь говорятъ, что Царь *Дадонъ* наклалъ (добра) на ладонь... Наконецъ «превосходительная ученостію» Рейнская фантазія Шлёцера, обвинивъ прежнихъ писателей въ томъ, что «составили цѣлую ложную систему о началѣ Русскаго государства» (212), воздвигла намъ цѣлое зданіе, населенное *призраками* полу-человѣковъ, забытыхъ Отцемъ человѣчества, которыхъ вывела изъ безчувственности и научила размышлять одна шайка дерзкихъ разбойниковъ жестокихъ Шведскихъ грабителей, превращенныхъ изъ звѣрей въ люди Рейнскими Нѣмцами... Кончивъ же такое, утѣшительное для насъ, построеніе Русскихъ древностей, ученая фантазія Шлёцера, прикрывавшаяся

---

(209) Шлёц. Несторъ, ч. II, стр. 180.
(210) тамъ *же,* с. 181.
(211) Allg. Litt. Anz. 1801, № 124 — 127; Шлёцеровъ Нест. I, стр. 429.
(212) Шлёц. Несторъ, ч. I: Общія предварительныя напоминанія, стр. 5.

дотого именемъ Нестора, уже безъ церемоніи отстраняетъ всѣ историческія свидѣтельства, Русскія и чужеземныя, которыми легко могла бы теперь быть изобличена во лжи, самопроизвольно даетъ себѣ громкое названіе *высшей критики* или *критики дѣлъ*, и напрямки утверждаетъ, что Преподобному Нестору «*теперь* можно сказать: ты обманываешься, ты слишкомъ простъ, ты разсказываешь сказку» (213)...

Человѣкъ, не лишенный здраваго смысла, не можетъ скрыть отъ самого себя умышленное надувательство: нѣтъ-нѣтъ, да и проговорится. Такъ и Шлёцеръ, занимаясь постройкою учено-фантастическаго зданія, вдругъ было остановился, готовый образумиться. Онъ уже объявилъ: «пять народовъ, или лучше народцевъ (Чудь, Славяне, Меря, Весь, Кривичи), разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ земли, и различающихся одинъ отъ другаго даже языкомъ, каждый добровольно, правда, понуждаясь необходимостію и опасностію, однакоже не какимъ нибудь Нимвродомъ, вступаютъ между собою въ союзъ», но «четыре изъ нихъ *какъ будто поглотились* пятымъ, и имя ихъ истребилось изъ чреды собственныхъ народовъ» (214). Если бы Шлёцеръ вникъ въ дѣло, какъ Ходаковскій, то легко заключилъ бы, что Весь и Мерю не льзя причислять

(213) Шлёцеровъ Несторъ, часть I, см. во второмъ прибавленіи: Критическое изданіе Нестора, стр. 387. — Очень жаль, что эти важныя мѣста, въ которыхъ такъ ясно выразился Рейнскій патріотизмъ Шлёцера, не обратили на себя вниманія почтеннего автора книги «Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта спектиковъ». Онъ сказалъ, что перомъ Шлёцера управляло *предъубѣжденіе* (см. выше, стр. XXXVIII); но тутъ слѣдовало взглянуть глубже: необходимо было, принявъ на себя защиту безсмертнаго труда, совершеннаго Преподобнымъ Несторомъ, развить во всей подробности, что Шлёцеръ употребилъ *имя* Нестора только для того, чтобъ дать ходъ *своимъ* идеямъ, и не *объяснялъ* но *противорѣчіями* ясному смыслу «Временника» *затемнялъ* нашего лѣтописца. Между тѣмъ, очень многіе не рѣшаются отстать отъ авторитета Шлёцерова потому только, что увѣрены, будто бы *такъ* разсказываетъ нашъ собственный древнѣйшій бытописатель. Какъ вредно подобное увлеченіе авторитетомъ, какъ оно препятствуетъ правильному объясненію нашихъ древностей, понятно для каждаго здравомыслящаго человѣка, и потому-то, ревнуя успѣхамъ отечественной Исторіи, и желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать ея развитію, я счелъ необходимымъ разоблачить и Рейнскій патріотизмъ Шлёцера и противорѣчіе его мнимыхъ *объясненій* прямому смыслу Временника Преподобнаго Нестора.

(214) Тамъ же, II, стр. 160, 167 и 171.

къ Финскому племени, а Кривичей къ Литовскому, какъ вздумалось Гёттингенскому профессору, наперекоръ Нестору, который *отдѣляетъ* Мерю и Весь отъ Чуди, а Кривичей отъ Литвы, хотя и не опредѣляетъ, *какого* же они племени. Нестору, какъ южанину, извинительно и не имѣть обо всемъ *точныхъ* свѣдений, когда ученые XIX вѣка, имѣя всѣ средства подъ руками, не хотятъ вникнуть въ дѣло. Дѣйствительно, въ землѣ Мери и Веси исторія не представляетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ финнизма, а филологическое изслѣдованіе нарѣчій Русскаго языка, которымъ занимался Ходаковскій, убѣждаетъ что Новгородскіе Славяне составляютъ сами часть Кривичей, и слѣдственно — Кривичи суть родъ (genus), Новгородскіе же Славяне ихъ видъ (species) ([215]); а потому и не льзя говорить, будто бы Кривичи, Весь и Меря *поглощены* Новгородскими Славянами—вышли только изъ употребленія мѣстныя областныя имена, и все тутъ! Чудь Эстонская остается донынѣ Чудью, попрежнему слыветъ у насъ у Русскихъ Чухнами или Чухонцами—слѣдственно и о Чуди не льзя сказать, будто бы она *поглощена,* когда чрезъ 1000 лѣтъ послѣ призванія Рюрика она удерживаетъ и языкъ и нравы и обычаи своихъ предковъ. Но Шлёцеръ, не принявъ къ соображенію этихъ обстоятельствъ, дозволилъ быть Славянами только Новгородскимъ Славенамъ, а прочимъ ихъ единоплеменникамъ приказалъ на время выдать себя за Финновъ (*Чудь*) и Литву, послѣ чего вдругъ и самъ изумился: «ничѣмъ не превышающіе четырехъ прочихъ, сіи самые Славене будутъ главнымъ народомъ Новаго Государства и *поглотятъ* не токмо четыре прочіе народа, но даже и своихъ побѣдителей—*все* сдѣлается *Славянскимъ!* явленіе, котораго и теперь еще совершенно объяснить не льзя» ([216])... Вольно же самому себѣ запутывать вопросы и жаловаться послѣ на то, что *совершенно объяснить не льзя!*... «Весь, Меря и Кривичи—исчезаютъ» ([217]): совсѣмъ нѣтъ—живутъ до сихъ поръ; исчезли не народы, а областныя названія ... «И даже отъ самихъ Варяговъ не осталось *ни малѣйшаго слѣда Скандинавскаго*» ([218]): да какъ же и оста-

([215]) См. статьи Ходаковскаго въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (Дек. 1838) и въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ».

([216]) Шлёц. Нест. II, стр. 171.

([217]) Тамъ же.

([218]) Тамъ же.

ваться отъ *Варяговъ* слѣдамъ *Скандинавскимъ*, когда сами-то Варяги были Славяне изъ Славянъ, по выраженію Арабовъ? .... «Славянскій языкъ *нимало не повреждается Норманскимъ*» (219). Опять по той же причинѣ: Славянскій нашъ Русскій языкъ, естественно, *и не могъ* повредиться отъ Славянскаго жъ языка Варяжскихъ Руссовъ .... Шлёцеръ надѣется однако жъ выпутаться примѣромъ Болгаръ, которыхъ Тунману и Энгелю угодно было пожаловать въ Татаръ: «въ Болгаріи Славянскіе жители *принудили* новыхъ своихъ *повелителей* совершенно *забыть* принесенный ими съ Волги языкъ» (220); но Болгаре, какъ жители Волги, были Русскіе Славяне—какъ именно свидѣтельствуютъ Арабы (221): вотъ почему языкъ Болгарскій не испортилъ татаризмомъ языка Иллирійскимъ или Балканскихъ Славянъ — иначе, будь Болгаре племенемъ Татарскимъ, побѣжденные Славяне Балканскіе, никакъ бы не могли принудить ихъ забыть свой отечественный языкъ. Самъ Шлёцеръ почти согласенъ, видя изъ живыхъ примѣровъ невозможность предполагаемаго событія: «Изнѣженные Китайцы не довели до этого своихъ Манджуровъ» (222): такъ точно не довели бы до этаго и Балканскіе Славяне Болгаръ, если бы тѣ не были также Славянскимъ же народомъ, именно Волжскою Русью.

Незабвенный Карамзинъ, хотя и не *сознавалъ* основной *причины* заблужденій Шлёцера, однакожъ, слѣдуя врожденному *чувству истины*, не обезчестилъ своего славнаго творенія усвоеніемъ *чудесныхъ* идей Рейнскаго патріотизма. Въ угодность тогдашнему большинству, Карамзинъ объявилъ Варяговъ Скандинавами, но тѣмъ все и ограничилось—рядомъ со Шлёцеровой гипотезой выставлено *и другое* мнѣніе, которому также не отказано въ *вѣроятности;* изъ Прусскихъ хроникъ выведено важное слѣдствіе, что Руссы жили въ *сосѣдствѣ* съ Пруссами; отвергнута нелѣпая гипотеза Миллеро-Шлёцерова объ основаніи Русскаго Царства насиліемъ шайки дерзкихъ разбойниковъ, которые, сами сдѣлавшись людьми только съ помощію Рейнскихъ Нѣмцевъ, въ свою очередь занесли въ наши пу-

---

(219) Шлёцер. Несторъ, II, стр. 172.

(220) Тамъ же.

(221) См. последнее отдѣленіе моей книги.

(222) Шлёц. Нест. II, 172.

стыни просвѣщеніе, да такое славное, что вѣкъ бы намъ оставаться «въ глубочайшемъ невѣжествѣ» если бы не Византія да не Христіанство . . . Правда, не утвердившись на одномъ постоянномъ вѣрованіи, Карамзинъ не могъ придать своему произведенію *твердости основанія и единства мнѣній;* но важна уже смѣлость, съ которою Карамзинъ *откровенно* объявилъ (хотя въ примѣчаніяхъ), что «Байеръ *излишне* уважалъ *сходство именъ,* недостойное замѣчанія, если оно не утверждено другими историческими доводами» что Байеръ «*худо зналъ Географію,* обративъ нашъ *Витичевъ,* стоявшій на берегу Днѣпра, ниже Кіева и Триполя, въ *Витебскъ*»; посмѣялся надъ Миллеромъ за то, что «онъ въ своей академической рѣчи съ важностію повторилъ сказки Датчанина о Россіи»; и далъ краткій, но глубоко-вѣрный урокъ Шлёцеру, что «народы не падаютъ съ неба и не скрываются въ землю, какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія» (223).

(223) Ист. Гос. Рос. 1, пр. 71 и 513, 96, 283.—Съ этими примѣчаніями необходимо сравнить мысли исторіографа о Варяжской Руси, о Славянскихъ обитателяхъ нашей страны и вообще относительно всей нашей древности (см. выше, LXXXVI и слѣд 1): тогда только раскроется *настоящій образъ мыслей* Карамзина о *степени* заслугъ Байера, Миллера и Шлёцера. — Къ сожалѣнію, эти мысли разсѣяны по *разнымъ* мѣстамъ «Исторіи Государства Россійскаго,» и потому донынѣ ускользали отъ вниманія людей не углубившихся въ *изученіе* славнаго труда Русскаго Историка. Не должно впрочемъ упускать изъ виду, что Карамзинъ даже *не могъ*, при самомъ *началѣ* своего историческаго поприща, явно и рѣзко отступить отъ мнѣній Шлёцера: если въ *наше время* ужасаются мысли—противорѣчить идеямъ Шлёцера; если въ 1840 году почтенный оборонитель Нестора едва осмѣлился только вскользь замѣтить «предъубѣжденіе» Шлёцера: то какіе же крики произвело бы въ ученомъ свѣтѣ возстаніе противу Геттенгенскаго изыскателя, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ самъ былъ живъ, когда слѣпые поклонники его изъ имени «Шлёцеръ» сотворили себѣ кумиръ и рабски поклонились ему! Припомнимъ наконецъ и *крикливость* раздражительнаго профессора, который готовъ былъ всякаго провозгласить *неученымъ* историкомъ, какъ скоро не видѣлъ въ немъ ученика Байерова; а голосъ Шлёцера много значилъ, особенно въ то время, въ ученой Европѣ. . . . Мало *истинныхъ* знатоковъ Русскихъ древностей, подобныхъ Канцлеру Румянцеву, который часто говаривалъ Карамзину: «право, Николай Михайловичъ, я всегда сожалѣлъ, что вы принуждены были, изъ уваженія къ Шлёцеру, посылать къ нему для разсмотрѣнія текстъ вашего перваго тома. Свободные отъ Байеро-Шлёцеровскихъ предъубѣжденій, вы сами, одни, лучше бы рѣшили дѣло: Байеръ да Шлёцеръ васъ по рукамъ связали. Согласенъ, Шлёцеръ оказалъ намъ безсмертную услугу сличеніемъ Несторовой лѣтописи и ученымъ ея изданіемъ; но онъ или

И если Карамзинъ успѣлъ столько совершить для нашей Исторіи, послѣ предварительныхъ *искаженій* Байера съ компаніею; если и тутъ онъ умѣлъ невредимо пройдти сквозь лабиринтъ несправедливыхъ гипотезъ, объяснить столько происшествій: то какое же твореніе оставилъ бы онъ Россіи, не бывъ принужденнымъ *очищать* наши древности, а идя по стезѣ, проложенной вѣрною критикою, аналогически дополняя и разъясняя наши древности исторіею нашихъ Славянскихъ единоплеменниковъ! какими удивительными страницами наслаждались бы Русскіе при чтеніи событій съ III-го вѣка до половины IX-го, когда бы этотъ героическій періодъ бытія Русскаго народа воскресъ въ полной, величественно-краснорѣчивой, карамзинской картинѣ, озаренный Русскою здравомыслящею критикою, а не сокрылся бы въ туманѣ призраковъ мнимо-исчезнувшихъ народовъ, порожденныхъ ученою фантазіею Рейнскаго патріотизма, сознававшаго иногда, въ минуты *здравомыслія*, что нарочно поретъ дичь вопреки здравому смыслу: «чтобы тѣ многочисленные народы *совсѣмъ пропали съ лица земли*, это кажется и безъ доказательства *очень невѣроятнымъ*» (224) . . . Этаго героическаго вѣка мы не видимъ въ «Исторіи Государства Россійскаго», но все-таки мы обязаны — воздать должную дань хвалы уму нашего Русскаго историка, за то что не обольстился Геттингенскими софизмами о Нѣмцахъ и Скандинавахъ. Варяжскому періоду въ «Исторіи Государства Россійскаго» приданъ характеръ *Славянскій:* Скандинавщины у Карамзина — видо̀мъ не видать, слыхо̀мъ не слыхать! И за то честь и слава природному здравомыслію исторіографа! хотя за это-именно и подвергся онъ порицаніямъ байеріанъ, миллеріанъ, шлёцеріанъ, вообще—историческихъ аріанъ, отступниковъ отъ нашего Древне-Русскаго, православнаго, Несторовскаго ученія о старобытности Славянской Руси въ предѣлахъ нашего отечества и на-

---

не понималъ или не хотѣлъ понимать нашей древности — онъ смѣшалъ съ грязью предковъ нашихъ, и какихъ то выдуманныхъ имъ въ Геттингенѣ уродовъ, полу-человѣковъ погрязшихъ въ скотской безчувственности велитъ признавать Русскими Славянами! Благодарны за честь!... Что бы ни говорили, а Шлёцеръ не понимаетъ насъ, не отдавал справедливости добрымъ нашимъ праотцамъ»!.. (Сообщено мнѣ почтеннымъ редакторомъ Археографической Коммиссіи, Отцемъ Протоіереемъ Іоанномъ Іоанновичемъ Григоровичемъ).

(224) Шлёц. Нест. ч. II, стр. 398.

южномъ Балтійскомъ поморьѣ на западъ отъ Ляховъ и Пруссовъ, до земли Англянской въ низовьѣ Лабы, а на югъ до земли Чехо-Моравскихъ Волоховъ при истокахъ Лабы и Вислы. Изъ всѣхъ этихъ противниковъ Карамзина, одинъ только О. И. Сенковскій возвысился до настоящаго понятія о степени гражданственности нашихъ предковъ, утверждая, что «Славяне, имѣли два великіе торговые города, Новгородъ и Кіевъ, извѣстные уже въ Азіи своимъ богатствомъ, и находились безъ сомнѣнія на гораздо высшей степени гражданской образованности, чѣмъ хищные воины Скандинавіи, которые не знали другой торговли, кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышленности, кромѣ безпрерывной войны въ сей жизни и въ будущей» (225); что «письменныя доказательства всѣ вообще служать въ пользу гражданственности Славянъ» (226). Прочіе же остались при Шлёцеро-Миллеровскихъ понятіяхъ, но всѣ отважно пустились ломать Несторовское зданіе Русской Исторіи и уничтожать Карамзина, истощая свои силы въ противорѣчіяхъ другъ другу, въ противорѣчіяхъ самому себѣ, въ противорѣчіяхъ фактамъ, въ нещадной ломкѣ созвучій при построеніи фантастическаго зданія Русской Исторіи наперекоръ всѣмъ условіямъ здравой филологіи и основательной критики.

Разсмотримъ же труды защитниковъ Скандинавскаго происхожденія Руси, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

I. *Противорѣчія другъ другу* неизбѣжно проистекли изъ *ложности основанія*. Если бы система Скандиноманіи заключила въ себѣ *истину*, то защитники ея должны бы во всемъ быть согласны, между ними должно бы явиться *единство;* ибо истина всегда едина и отличительный характеръ истины—единство мнѣній. Гдѣ же оно? Находимъ ли его у байеріанъ, миллеріанъ и шлёцеріанъ? Отчего же это? Полагая въ основаніе своихъ построеній ложное и превратное толкованіе лѣтописей, каждый принимаетъ за дѣйствительность *мечту*, созданіе своей фантазіи; а такъ какъ извѣстно, что у каждаго барона *своя* фантазія, то разумѣется ни одинъ и не хочетъ согласиться съ другимъ. Историческая Логика спрашиваетъ: какому народу принадлежитъ имя *Русь?* «Должно быть *Шведамъ*,» отвѣчаетъ Кругъ, вторя Шлёцеру.— «Нѣтъ,» восклицаетъ П. Г.

---

(225) Библ. для чтенія (1834) т. I, отд. Наук. и Худож. с. 24.

(226) Тамъ же, стр. 25.

Бутковъ: «кажется Ботническимъ *Финскимъ Скандинаваламъ*»—«Нѣтъ,» кричитъ Гольманъ, «должно быть *Фрисланцамъ*, потому что у нихъ было герцогство Hiustri, позднѣйшій Rustringen.»—«Совсѣмъ нѣтъ,» замѣчаетъ Нейманъ, «имя Руси принадлежало *Черноморцамъ*, которые конечно были Одиновы Свеоны».—«Нѣтъ, господа,» утверждаетъ Ѳ. В. Булгаринъ, «Руссы кажется были Прусскіе *Нѣманскіе Готы-Скандинавы*, между которыми была, *вѣроятно* одна фамилія, называвшаяся Лошадкиной или Коневской, а *Конь* по Нѣмецки Ross; это имя распространилось, въ слѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, на весь кланъ, на все колѣно, понравилось и всѣ захотѣли такъ называться» (227)—«Нѣтъ, а по-моему, такъ имя Руси принадлежитъ *Ютландіи*, гдѣ есть Розовая волость, Rosengau,» провозглашаетъ ученый Крузе, «а если не Ютландіи, такъ *Норвегіи*, гдѣ жилъ Вермеландскій Королекъ Гогни, котораго имя похоже на Русскихъ Кагановъ.»— «Нѣтъ», объявляетъ Баронъ Брамбеусъ, «имя Руссъ было кажется, общимъ названіемъ *всѣхъ* Нордмановъ» (228), но «оно *не было коренное*, а *выдуманное*, *поэтическое*, увѣнчанное, дорогое всѣмъ отраслямъ народа» (229) и конечно «Рюриковы сподвижники не имѣли права называться никакимъ частнымъ именемъ» (230)—«Надо сознаться,» возглашаетъ Полевой, «*ни имени Варяговъ ни имени Руси не находилось въ Скандинавіи*, и мы не знаемъ во всей Скандинавіи страны, гдѣ была бы область Варяжская или Русская» (Замѣтивъ общее изумленіе Скандинавомановъ, сочинитель «Исторіи Русскаго народа,» даетъ другой оборотъ рѣчи:) впрочемъ «безполезно будетъ опровергать мнѣніе тѣхъ, кои не хотятъ признать въ Варягахъ Скандинавовъ (231)». Историческая логика требуетъ отвѣта на вопросъ: гдѣ же была Русь? Историческій романистъ, смѣшавшись, отвѣчаетъ: «Скандинавскіе завоеватели дикихъ Славянъ называли себя Русь — именемъ не означавшимъ ни *страны* ни *народа*» (232) ... Историческая Логика опять спрашиваетъ: чтожь это за имя, которое не означаетъ ни страны ни

(227) Россія въ историческомъ отношеніи ч. III, стр. 24.

(228) Библіотека для чтенія (1838) т. XXIX, Наук. и Худож. стр. 46.

(229) Тамъ же, стр. 52.

(230) Тамъ же, стр. 53.

(231) Ист. Руск. Нар. I, стр. 57.

(232) Тамъ же, с. 59 и 60.

народа? Сочинитель отдѣлывается, по среди суматохи, догадкою:) «можетъ быть, оно означало ихъ *званіе:* морскіе воины»—«Такъ, но не совсѣмъ», раздается новый голосъ: «Славянскія племена по грубости неспособны къ порядку, и слѣдственно *Русскій духъ порядка* уже показываетъ, что Русскіе суть не Русскіе Славяне, а *Шведскаго духа сыны»*... Вдругъ со всѣхъ сторонъ крики: «такъ по вашему Руссы были Шведы?»—«Нѣтъ Фрисландцы»—«Нѣтъ Ютландцы»—«Нѣтъ, Прусскіе Готы» — «Такъ нѣтъ же, Вермеландскіе Норвежцы» — «Нѣтъ Ботнійцы — «Нѣтъ, Одиновскіе Черноморцы»... Во время этихъ споровъ, съ Французской каѳедры знаменитаго Гизо раздаются поражающія Скандинавоманію слова: «Le caractère essentiel de la vérité, Messieurs, c'est l'unité. *La vérité est une*, c'est pourquoi les hommes qui l'on reconnue et acceptée sont unis; union qui n'a rien d'accidental ni d'arbitraire, car la vérité ne dépend ni des accidens des choses, ni de l'incertitude des hommes .... Comme la vérité, *l'unité* sera donc *le caractère essentiel* de la société qui n'aura que de la vérité pour objet» ([253]).

II. *Противорѣчіе самому себѣ и фактамъ* есть неминуемое слѣдствіе ложности основанія. Когда полъ дрожитъ подъ ногами, устоишь ли прямо? во время землятрясенія можно-ль не качаться со стороны на другую? Такъ точно и тутъ: гдѣ все поддерживается софизмами, тамъ не льзя даже избѣгнуть противорѣчій. Подобными противорѣчіями особенную пріобрѣли извѣстность: сочинитель «Исторіи Русскаго Народа» и авторъ изслѣдованій о Рюрикѣ и его Руссахъ, перемѣщаемыхъ изъ Рослагена то въ Ютландскую Розовую волость, то въ Норвежскую Вермеландію. Истинная цѣна «Исторіи Русскаго Народа» показана давно, въ прекрасныхъ разборахъ, написанныхъ Академикомъ С. В. Руссовымъ, Профессоромъ М. П. Погодинымъ (въ «Московскомъ Вѣстникѣ» и «Телескопѣ»), наконецъ всѣхъ подробнѣе и очевиднѣе издателемъ «Маяка». С. О. Бурачкомъ; и потому, здѣсь буду говорить только объ изысканіяхъ почтеннаго Юрьевскаго (Дерптскаго) Профессора, и притомъ изъ многаго-множества представлю только нѣсколько примѣровъ его проницательности. Въ 1836 году г. Крузе старался увѣрить насъ, будто бы *«Норманны, ходя по Двинѣ* или *Невѣ*, а потомъ по Днѣпру *въ Царьградъ, основали Новгородъ*, подъ именемъ Гардари-

([253]) Histoire de la civilization en France, depuis la chute de l'empire Romain jusqu'en 1789, par Guizot. XII-ème leçon.

ка» (234); въ 1838 году, напротивъ, писалъ, что «въ *южной* Россіи была безъ сомнѣнія (??) Великая *Свеонія*, по которой протекалъ Донъ и которая была родиною Одина» (235), что идя изъ этой Свеоніи «*Одиновъ сынъ Сигурламъ* основалъ Holmgard или Gardariki, то есть Новгородъ» (236); но вдругъ «Скандинавскія владѣнія были заняты *Славянами, вытѣсненными съ Дуная* и сдѣлались республиками» (237); а черезъ восемь страницъ, населяетъ Новгородъ уже не Дунайскими, но Сальскими Славянами, слѣдовательно Германо-Сорабскими: «Славянскіе *народы*, которые *въ концѣ VIII столѣтія* перешли *отъ Салы* за Новгородъ или древній Скандинавскій Gardarike, *кажется* въ VII-мъ столѣтіи» (то есть, когда они еще не перешли) «и въ VIII-мъ, также въ первой половинѣ IX-го, удерживали верхъ надъ Скандинавскими и Готскими правителями» (238); а потомъ, еще черезъ четыре страницы, опять рѣшаетъ дѣло въ пользу при-Дунайскихъ Славянъ, и даже назначаетъ имъ время, когда удобнѣе овладѣть Новгородомъ, именно 610—641: такой добрый, тридцать одинъ годъ—срокъ очень таки препорядочный, можно «распространиться по сѣверу» (239). Но въ слѣдующемъ году, профессоръ, какъ видно, сжалился надъ позднимъ появленіемъ Славянъ въ Новгородѣ, и объявилъ, что время основанія Новгорода неизвѣстно, а Скандинавы только занимаютъ его: «*Датчане* являются въ Исторіи между V и VI столѣтіемъ, въ южной Россіи, гдѣ находилась Большая *Свеонія*, Magna Sujonia, отечество Одина», который, «предпринявъ походъ, *занялъ* на дорогѣ *Gardariki* и слѣдуя далѣе сухимъ путемъ, покорилъ Саксонцевъ, а послѣ уже основалъ Королевство Датское въ Одензе и Шведское въ Упсалѣ» (240); а черезъ нѣсколько страницъ, разсказавъ о Царѣ Анундѣ, жившемъ въ половинѣ IX вѣка, пишетъ: «*можетъ быть* Руссы, сблизившись съ Шведскимъ Царемъ Анундомъ (852), *заняли Упландскіе берега*, которые отъ нихъ и получили названіе *Рослагена*; впослѣдствіи, *по основаніи Новагорода и Кіева*, эти берега были потеряны» (241). Спрашивается: кто же

(234) Жур. Мин. Нар. Просв. (1836), ч. IX, Науки, стр. 48.
(235) Тамъ же (1838), ч. XVII, Науки, стр. 517—518.
(236) Тамъ же, стр. 519.
(237) Тамъ же.
(238) Тамъ же, стр. 526.
(239) Жур. Мин. Народн. Просвѣщ. 1838, ч. XVII, стр. 530.
(240) 1839, ч. XXI, Наук. стр. 24.
(241) 1838, ч. XXI, Наук. стр. 58—59.

въ самомъ дѣлѣ построилъ Новгородъ? Норманны, ѣхавшіе по Двинѣ либо Невѣ въ Царьградъ? или Одиновъ сынокъ, Сигурламъ? или же Датчане съ самимъ Одиномъ только заняли Новгородъ? или наконецъ онъ основанъ Ютландскими жителями Розовой Волости послѣ 852 года? . . . — Далѣе: въ Мартѣ 1838 года, почтенный профессоръ объявилъ нашихъ Славянъ пришельцами *изъ Германіи, отъ береговъ Салы*, въ Іюлѣ же 1833 года провозглашаетъ Славянъ туземцами Россіи, которымъ будто бы «Нѣмцы *уступили свое мѣсто* въ восточной Германіи при переселеніи народовъ»; а потомъ, чрезъ нѣсколько страницъ объявляетъ, что Славяне уже не добровольною уступкою Нѣмцевъ, но силою оружія пріобрѣли восточную Германію: «когда сѣверъ Германіи былъ завоеванъ Свевами и Готами, *вторглись* Славянскія *и* Вендскія племена и *завладѣли* въ Германіи всею землею *до Эльбы и Салы*» (242).—Въ 1836 году разсказываютъ намъ, что «*предводитель* Норманновъ 845 года, проникъ до Парижа, принудилъ Короля бѣжать въ Сен-Дени, разорилъ Парижъ», что «возникшая въ его войскѣ *болѣзнь*, удержала его отъ дальнѣйшихъ опустошеній», и наконецъ «самъ онъ *умеръ отъ заразы*», и что герой этотъ былъ *Рагнаръ* (243); въ 1839 году, этотъ же самый Французскій походъ приписывается уже не Рагнару, а *Рюрику*: «въ 845 году видимъ, что *Царь* (!) Рюрикъ предводительствуетъ языческою арміею, опустошавшею Францію, и что при появленіи моровой язвы, вспомнивъ, что онъ Христіанинъ, онъ постился въ теченіи четырнадцати дней, съ цѣлымъ войскомъ» (244). Слава этого Французскаго похода такъ прельстила воображеніе нашего мирнаго профессора, что ему казалось необходимо нужнымъ вторично разсказать все это, на слѣдующій мѣсяцъ, изъ опасенія, чтобы читатели не забыли Русскаго *Царя* подъ стѣнами Парижа въ 845 году (245). Вѣримъ почтенному профессору; но такъ какъ за три года мы слышали отъ него же, что предводитель Норманновъ сперва *умеръ* отъ заразы, то и должны заключить, что онъ уже *съ того свѣта* пожаловалъ въ Новгородъ «княжить и владѣть». Одно только тутъ возникаетъ затрудненіе: сами-ль Новгородцы послали за море звать Царя

(242) Жур. Мин. Нар. Просв. 1843, ч. XXXIX, Наук. стр. 54—56.
(243) 1836, ч. IX, Наук. стр. 62.
(244) 1839, т XXI, Наук. стр. 47.
(245) тамъ же стр. 164.

(умершаго отъ заразы) къ себѣ на княженіе, или этотъ Царь-мертвецъ силою покорилъ ихъ? и въ которомъ году это было? вопросы чрезвычайно любопытные, на которые гнъ Крузе даетъ также, смотря по обстоятельствамъ, различные отвѣты: не замѣтивъ, что у Нѣмецкихъ писателей среднихъ вѣковъ наша Россія никогда не называлась землею Славянъ, но всегда слыла Россіей, землею людей рослыхъ, по-Нѣмецки Hun'овъ (Hunigard), равно какъ и подъ Греческими старыми прозвищами Скиѳіи (Scythia) и Сарматіи (Sarmatia); не замѣтивъ, что у Эгингарда и прочихъ писателей, подъ именемъ Славянскихъ краевъ (fines Slavorum) постоянно разумѣются только Прибалтійскіе Славяне, или по-Нѣмецки Winden, Wenden, обитатели Велето-Сербскаго Кута (между Лабой и Одрой) и отчасти жители Польши (отъ Одры къ Вислѣ); не замѣтивъ, что на этихъ-то Прибалтійскихъ Славянъ напали Датскіе союзники Анунда, послѣ неудачнаго съ нимъ похода противу Бирки желавшіе хоть чѣмъ нибудь поживиться, и потому разорившіе какой-то городокъ Славянскій, по свидѣтельству Лангебека въ 850 году, по Мессенію въ 840 году, а по Далину въ 837 году; не принявъ ничего этаго въ разсчетъ, не желая помириться съ Несторомъ, свидѣтельствующимъ, что 852 года (за 10 лѣтъ до призванія Рюрика) «приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстемъ»,—почтенный профессоръ увѣряетъ, будто бы «подъ 852 годомъ упоминается въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ *первое вторжение* сихъ Норманновъ въ Россію» (246). Хотя у Ремберта, на котораго угодно ссылаться автору, нѣтъ ни полслова о вторженіи Рюрика и его Руссовъ въ Новгородъ, однакожь Крузе вѣроятно разсуждалъ такъ: если Датчане раззорили *какой-то* городъ въ 850 году или 840, или даже 837, то *могли* въ 852 году раззорить и Новгородъ; на это и мы также вправѣ отвѣчать: можетъ быть *могли* а можетъ и *не могли*... Да и почемужь предполагать, что они въ 852 году раззорили Новгородъ, когда объ этомъ никто въ цѣломъ-таки мірѣ не зналъ?... Но гнъ Крузе увѣреный, что ему всѣ повѣрятъ на-слово, когда сошлется на Франкскія лѣтописи (NB. въ которыхъ ничего о томъ не говорится), черезъ полгода съ торжествомъ воскликнулъ: «съ помощію Франкскихъ источниковъ *я доказалъ* (?!?!), что Норманны, къ коимъ

(246) Жур. Мин. Просв. 1836, ч. IX, Наук. стр. 63.

относится имя Рюрика, въ 852 году сдѣлали *первое* вторженіе въ землю Новгородскихъ Славянъ» ([247]), и не понявъ Несторова свидѣтельства, что у Греческихъ лѣтописцевъ вмѣсто прежнихъ названій Scythia или Sarmatia съ 852 г. начало понемногу входить въ употребленіе настоящее наше народное имя, Rhos, «начася прозывати Руска земля», почтенный изыскатель *сочиняетъ* еще происшествіе, также никому въ мірѣ неизвѣстное: «*кажется*, что по раззореніи (*какого-то*) Славянскаго города, вторгнувшіеся Руссы не всѣ возвратились назадъ, но *одна часть* ихъ *тогда же* отправилась къ *Константинополю*» ([248]); и мечтая, что уже порѣшилъ дѣло, съ радостью восклицаетъ: «такимъ образомъ *объясняется* теперь темное мѣсто Нестора, въ которомъ онъ упоминаетъ подъ 852 годомъ о происхожденіи имени *Русская земля*, не показывая, какимъ образомъ произошло это названіе, тогда какъ онъ излагаетъ десятью годами позже основанія Рюрикомъ Великаго Княжества Русскаго» ([249]). Да, при помощи всесильнаго *кажется* можно такія чудеса творить, что, пожалуй, соблазнишь всѣхъ будущихъ историковъ XXIX вѣка. А что если, разманенному примѣромъ, вздумается какому нибудь Мексиканскому изыскателю 2836 года, разсуждая по-крузевски, объявить во всеуслышаніе ученаго міра: «Наполеонъ былъ величайшій полководецъ XIX вѣка; разгромивъ почти всю Европу, онъ 1812 году воевалъ съ Русскими; извѣстно, что прежде онъ предпринималъ высадку въ Египетъ: почемужъ не *могъ* въ 1814 году воевать и съ Мексикой, по окончаніи Русской войны?» и въ подтвержденіе сошлется на сочиненія Генералъ-Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго; а когда почтенному изыскателю откровенно скажутъ: «да въ Описаніяхъ войнъ 1812 года, 1813-го и 1814-го, нѣтъ ни пол-слова объ экспедиціи Наполеона въ Мексику», премудрый изыскатель 2836 года замолчитъ, а черезъ полгода объявитъ: «съ помощію *Русскихъ* источниковъ я *доказалъ*, что Французы, по раззореніи Смоленска въ 1812 году, сдѣлали первое вторженіе въ Мексику; въ 1813-мъ же, или въ 1814 году, *кажется*, по истребленіи большой Наполеоновой арміи, не всѣ Фран-

---

([247]) Тамъ же, ч. X, Наук. стр. 514.

([248]) Тамъ же.

([249]) Жур. Мин. Нар. Просв. (1836) т. X, стр. 515.—Въ 1839 году (ч. XXI, Науки, стр. 57), почтенный профессоръ повторилъ это *повѣствованіе* уже безъ «кажется», какъ будто бы *фактъ* историческій.

цузы возвратились назадъ, но *одна часть* ихъ *тогда же* отправилась въ *Мексику*», и съ торжествомъ воскликнетъ «такимъ образомъ *объясняется* одно темное мѣсто въ Мексиканскихъ лѣтописяхъ, которыхъ я понять не могу»... Но какъ вы думаете: неужели Французскіе писатели XXIX вѣка согласятся включить въ исторію Наполеона Мексиканскій походъ 1813 или 1814 года, основанный только на словѣ «кажется»? Конечно, Французская учтивость заставитъ ихъ только поблагодарить ученаго Мексиканца и—улыбнуться его ученой фантазіи. Такъ точно и мы: поблагодаримъ нашего Нѣмецко-Русскаго профессора за то, что привелъ Русскаго *Царя* Рюрика въ 845 году подъ стѣны Парижа, но—помня, что предводитель Норманновъ тогда *умеръ отъ заразы* — будемъ наслаждаться *ученою фантазіею* нашего любезнаго профессора не какъ историческимъ произведеніемъ, а какъ *балладою* Жуковскаго, въ которой появляются мертвецы изъ гробовъ. Послѣ того намъ уже не будетъ казаться удивительнымъ, что г. Крузе намѣренъ повелѣть нашему *Царю* воскреснуть и изъ-подъ стѣнъ Парижа летѣть къ намъ, но не съ оливою, не съ вѣтвію мира, не для того, чтобъ водворить порядокъ и творить судъ правый по призыву Новгородцевъ (какъ повѣствуетъ Несторъ), а съ мечемъ въ рукѣ, по-Скандинавски: какъ истый герой волшебныхъ сказокъ, *Царь* встаетъ изъ гроба (въ которомъ году, изъ сочиненій профессора не видно) и «852 года, Норманны изъ южной Готландіи, подъ предводительствомъ Рюрика *предпринимаютъ экспедицію* въ Россію, и *съ этого времени* названіе Россія дѣлается извѣстнымъ *у Византійцевъ*» (250), тогда какъ самъ же Крузе разказывалъ *(десятью страницами выше)* «о борьбѣ Русскихъ съ Византійцами въ 774 году», и ту свою статью назвалъ изслѣдованіемъ *о древнѣйшемъ существованіи Русскихъ въ Россіи* (251). Далѣе онъ пишетъ: «862 года, по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, Варяго-Руссы вновь *призываются*, подъ предводительствомъ Рюрика, Синеуса и Трувора» (252); но въ слѣдующемъ году, сочинитель исторической баллады сообразилъ, что Царю-мертвецу, вставшему изъ гроба, неприлично бы явиться къ намъ въ Новгородъ мирнымъ гостемъ, и потому снова пускаетъ его на рыцарскіе подвиги: «могущественный владѣтель, от-

(250) Жур. Мин. Нар. Просв. (1838), ч. XVII, Науки, стр. 531.

(251) Тамъ же, стр. 521.

(252) Стр. 532.

крывъ свободный входъ въ Остзейское море, вскорѣ началъ *вторгаться* въ приморскія владѣнія Россіи; *первое вторженіе* послѣдовало ранѣе 859; *другое, болѣе значительное вторженіе* учинено въ 862 году; тогда самъ Рюрикъ съ братьями пошелъ въ Новгородъ, Изборскъ и Бѣлоозеръ, взявъ съ собою всѣхъ Руссовъ для водворенія ихъ и атѣхъ земляхъ» (253). Черезъ мѣсяцъ любезный профессоръ опять уже иначе разсказываетъ дѣло про Царямертвеца: «въ 862 году, онъ *призванъ* многими племенами нынѣшней Россіи, *кажется*, преимущественно *для защищенія отъ оборонительной или мирной платы*, Iocario, то есть *повинностей, состоящихъ въ разныхъ жизненныхъ припасахъ*»: кто наложилъ эту подать жизненными припасами, когда наложилъ, и какъ Рюрикъ отъ ней избавилъ Новгородцевъ, почтенный профессоръ ничего не говоритъ; но, проникая въ душу и сердце Рюрика, сообщаетъ намъ (по-секрету) самые тайные помыслы Царямертвеца, скончавшагося подъ стѣнами Парижа и потомъ сѣвшаго на престолъ Новгородскій: мы вдругъ узнаемъ, что «онъ *не имѣлъ намѣренія* укрѣпить тамъ навсегда мѣста своего жительства» (254). Оно и естественно: разъ побывалъ въ Парижѣ—хотѣлось и въ другой разъ полюбезничать съ Французами ... Французы народъ веселый, Француженки то же знатныя .... Ну, молодца-то, знаете, и разманило .... Къ тому же у него въ это время супруга забеременила сынкомъ-удальцомъ; и потомъ, кто самого Рюрика воскресилъ изъ умершихъ, конечно сообщилъ ему (хоть и подъ великой тайной), что сынокъ-то будетъ весь въ батюшку, и пожалуй еще удалѣе—ну такъ папинькѣ и захотѣлось, чтобъ сынокъ-то увидѣлъ свѣтъ Божій при блескѣ оружія, въ военномъ станѣ, при пылающемъ заревѣ непріятельскихъ городовъ .... Посудите жъ сами: усидится ль тутъ на мѣстѣ, когда почтенные люди сообщаютъ за вѣрное, что будущій сынокъ двухъ-лѣтнимъ дитятей уже будетъ водить свои полки къ побѣдамъ? А неужели ничего этого напередъ не сообщилъ всевѣдущій гнъ Крузе *Царю* Рюрику, котораго такъ нѣжно любилъ, котораго воскресилъ изъ умершихъ, которому продлилъ жизнь слишкомъ на 30 лѣтъ и позволилъ жить до 879 года, когда намъ—совсѣмъ таки чужимъ—почтенный Юрьевскій профессоръ сообщилъ извѣстіе неизвѣстное никому въ

(253) Жур. Мин. Нар. Просв. 1839, ч. XXI, Науки, стр. 49.

(254) Тамъ же, стр. 166.

мірѣ (и потому, конечно, полученное имъ прямо съ того свѣта), что «Игорь родился въ 864 *году*» (255) и другое открытіе, что «въ 866 году, при описаніи *экспедиціи* Норманновъ *въ Англію*, упоминаемый ***Царь*** Hingar былъ *вѣроятно* сынъ Рюрика ***Игорь***» (256), тогда какъ Несторъ даетъ намъ знать только то, что Рюрикъ при смерти (въ 879 году) поручилъ своему родственнику Олегу Княженіе и передалъ ему *на руцѣ* сына Игоря: «бысть бо *дѣтескъ вельми*» (257). Какъ же это Игорь, бывшій въ 873 году *дѣтескъ вельми*, начальствовалъ экспедиціею противъ Англіи въ 866 года?

Теперь спрашивается: откуда возникли такія многочисленно-страшныя противорѣчія самому себѣ, такія ужасно-разительныя противорѣчія фактамъ? Конечно оттого,— какъ уже замѣчено П. Г. Бутковымъ, — что нашъ профессоръ вздумалъ соединить *нѣсколькихъ* современниковъ въ одно лице (258), а это произошло оттого, что въ основаніе своихъ построеній клалъ одно только сходство звуковъ, не обращая вниманія ни на Историческую Логику ни на достовѣрность источниковъ. Это —

III. *Смѣшеніе настоящихъ историческихъ источниковъ съ богатырскими сказками* и возникшее отсюда желаніе помирить ихъ, наперекоръ фактамъ, единственно посредствомъ *насильственнаго сближенія случайныхъ созвучій*, — собственно говоря, — явилось господствующимъ среди приверженцевъ Скандинавоманіи только съ 1834-го года. Шлёцеръ очень хорошо понималъ это, совѣтовалъ

---

(255) Журн. Мин. Нар. Просв. (1836), ч. IX, Науки, стр. 71.

(256) Тамъ же, (1839), ч. XXI, Науки, стр. 49.

(257) Лаврент. списокъ, стр. 14.

(258) Въ одномъ лицѣ Датско-Ютландскаго Рюрика Гальфдановича профессоръ Крузе вознамѣрился было соединить дѣйствія *нѣсколькихъ* современныхъ ему Рюриковъ, которыхъ въ половинѣ IX вѣка было довольно много въ Европѣ. «Къ признанію нашимъ Рюрикомъ Рюрика Гальфдановича», основательно замѣчаетъ П. Г. Буткова, «содѣйствовало то обстоятельство, что лѣтописцы называли сего Датскаго Принца Hагес, Eric, Roruc, Roruch, Rorigus, и что они же бывшихъ тогда двухъ Королей Датскихъ Ориковъ или Эриковъ писали Horic, Oric, Orich, Roric, Ruoruc, Hroric, Rhoric, а потому авторъ нашъ, стараясь сближать дѣянія своего героя къ словамъ Несторовымъ (какъ понималъ тексты сего лѣтописца), показываетъ намъ въ лицѣ Рюрика — иногда Рюрика Гальфдановича, иногда Короля Датскаго Рорика, иногда же одного изъ прочихъ, существовавшихъ тогда Рюриковъ Норманскихъ; уклоняется толь-

«отказаться отъ Исландскихъ сказокъ» (259) и, въ предупрежденіе своихъ послѣдователей отъ явной напасти, писалъ имъ отеческое наставленіе: «сходство въ именахъ, страсть къ словопроизводству — двѣ плодовитѣйшія матери *догадокъ*, *системъ* и *глупостей*. Это относится ко всѣмъ лѣтописателямъ Греческимъ и Римскимъ, начиная съ древнѣйшаго; потомъ, въ особенности этимъ отличалось XIII столѣтіе, и этимъ же до сего еще дня *отлично наполнена сѣверная Исторія*. На Днѣпрѣ находятъ слово *нѣсколько похожее* на другое, употребляющееся въ Аравіи: вдругъ составляютъ оба вмѣстѣ, объясняютъ одно другимъ и выводятъ *дѣла*, какихъ *нѣтъ* ни въ одной современной книгѣ» (260). Какъ человѣкъ умный и знатокъ Исторіи, Шлёцеръ считалъ необходимымъ предостеречь своихъ приверженцевъ отъ *плодовитѣйшей матери догадокъ*, *системъ и глупостей*, какъ будто предчувствуя, что нашими древностями займутся люди съ такою *ученою фантазіею*, что даже слово *отчій* произведутъ отъ *очага* . . . . Шлёцеръ надѣялся, что «бредни и съумасбродство Исландскихъ или Скандинавскихъ сказокъ (сагъ) *должны* когда нибудь *прекратиться* въ Германіи и Россіи» (261);но мало ли что *должно бы* дѣлаться, да не дѣлается? Второй томъ Шлёцерова «Нестора» (съ отеческомъ предостороженіемъ отъ страсти къ словопроизводству) и первый (съ отеческимъ наставленіемъ объ удаленіи отъ бредней Исландскихъ старушекъ)—вышли въ Русскомъ переводѣ Д. И. Языкова въ 1809 году, и 25 лѣтъ послѣ того крѣпились Скандинавоманы, хотя, разумѣется, эти розсказни достопочтенныхъ Исландскихъ старушекъ приходились крѣпко по душѣ байеріанъ и

ко отъ Рюрика, упоминаемаго въ Голландіи въ томъ самомъ 862 году, въ которомъ Рюрикъ Русскій прибылъ въ наше государство . . . Рюрикъ Датскій не былъ Руссъ, не имѣлъ братьевъ Синеуса и Трувора, и представлялъ собою въ западной Европѣ не *Князя Гардарика* и *Острогарда*, но *викинга*, вассала государей Франкскихъ, плохо охранявшаго отъ Нордманскихъ грабежей и пожалованныя ему волости; притомъ, еслибъ подлинно Рюрикъ Гальфдановичь былъ Державецъ Новогородскій, нельзя чтобъ о томъ *ничего не знали соотечественники* его: современникъ, Рембертъ архіепископъ Гамбургскій (868 — 888), Король Датскій Свенъ (+ 1074) сообщавшій Адаму Бременскому извѣстія о Даніи, Саксо Грамматикъ (+ 1204) и Датскій Король Эрикъ VI (+ 1319)!» Оборона лѣтописи Русской, стр. 378 и 379.

(259) Шлёцеровъ Несторъ, ч. I, стр. 426.

(260) Тамъ же, ч. II, стр. 114; какъ мучили *несходныя* слова см. выше.

(261) Шлёцеровъ Несторъ, ч. I, общія предварительныя напоминанія, стр. 6

миллеріанъ, открывая самый широкій путь ученой фантазіи, которой сильно хотѣлось разгуляться у отступниковъ Несторовскаго православнаго ученія о старобытномъ Славянствѣ Руси, какъ нашей, такъ и Варяжской.

Какъ не удерживалъ Шлёцеръ своихъ учениковъ отъ ловли созвучій и отъ «бредней Исландскихъ», однакожь сѣвши на ледяную гору Скандинавоманіи, шлёцеріане уже никакъ не могли удержаться на половинѣ пути: вѣрованіемъ въ Байерову гипотезу получивъ отъ самаго Шлёцере сильнѣйшій толчекъ, они должны были неудержимо катиться внизъ, въ пропасть созвучій и словопроизводства, «двухъ плодовитѣйшихъ матерей догадокъ, системъ и глупостей». Совѣты были уже напрасны — шлёцеріане, безсознательно повторяютъ за умнымъ своимъ учителемъ, что «произхожденіе языка должно быть рѣшаемо *не созвучіями*, но грамматикою» ([262]) и что «древніе миѳы и *сказки* соединенные съ неумѣстнымъ желаніемъ *уличать*» надобно представить «историкамъ прошедшаго вѣка» ([263]); а сами такъ и глядятъ на-сторону, прельщаясь красотою «плодовитѣйшей матери»... Впрочемъ, Шлёцеръ самъ виноватъ: не онъ ли увѣрялъ ихъ, что «между всѣми Русскими нѣтъ не одного ученаго историка», что «ни одинъ ученый историкъ уже не сомнѣвается» въ Скандинавскомъ произхожденіи Варяговъ-Руси, доказанномъ у Байера такъ что «никто, *могущій* понять *ученое историческое доказательство* не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться» ([264])? Шлёцеріане и пошли къ Байеру испить живой водицы его *учености* и навостриться у него *ученымъ доказательствамъ*. Пришли, взглянули и ахнули отъ удивленія, когда Байеръ показалъ имъ цвѣтущее поле восхитительнѣйшихъ *догадокъ*, и позволилъ *превращать одно племя въ другое*, переселять Новгородцевъ въ Кабарду на Кавказъ, обитателей Буга въ Татарскую орду Буджаковъ, Французовъ изъ Бретани въ Англію или Британнію, а отсюда въ Скандинавію... Чудо! прелесть! восхищеніе!... Можно ль имъ было, послѣ того, хранить вѣрность суровому Шлёцеру, который старался держать въ уздѣ фантазію (тамъ, гдѣ этого не требовали извѣстныя Геттингенскія идеи)? Къ тому же, вѣдь не всякаго одарилъ Господь Богъ такимъ твердымъ разсуд-

---

([262]) Ист. Рус. Нар. стр. 78, прим. 56.

([263]) Тамъ же, предисловіе, стр. XXXII.

([264]) Шлёцеръ Несторъ, I, стр. 325, примѣчаніе второе.

комъ, какъ Шлёцера; не всякій пріобрѣлъ и такія свѣдѣнія въ Исторіи, какъ Шлёцеръ; а наконецъ и пылкость воображенія умѣряется у одного благоразуміемъ, у другаго же получаетъ неограниченную свободу и первенствуетъ надъ всѣми способностями души. Такіе люди, занявшись Исторіею, всегда увлекаются за предѣлы здраваго мысла: видится имъ одно—а мерещется другое, и «плодовитѣйшая мать» является тотчасъ на помощь, съ толпою «кажется», «вѣроятно», «можетъ быть» и проч. У Шлёцера они читаютъ: «Славянскій языкъ *ни мало не повреждается* Норманскимъ» (265), а сами говорятъ: «*полагаемъ*, что множество двойныхъ словъ въ Русскомъ языкѣ, особливо на выраженіе одного предмета, *введено было* Варягами-Скандинавами», и въ примѣръ представляютъ три пары словъ: *лобъ* и *чело*, *топоръ* и *сѣкира*, *хребетъ* и *спина* (266), давая намекъ, что которыя нибудь изъ нихъ вѣроятно *должны* быть Скандинавскія, хоть ихъ и нѣтъ у Скандинавовъ. У Шлёцера читаютъ: «имя *Святославъ* есть *чистое Славянское*» (267), а сами говорятъ: «слишкомъ рано являют- у насъ Святославы; не было ль это *испорченное* и *составное* Сфендъ-Олафъ? *вѣроятнѣе всего*, что Славяне *переводили* имена, и въ такомъ случаѣ окончаніе «славъ» *могло* замѣнить Скандинавскія wig и rik» (268). Такимъ образомъ переходя отъ одной догадки къ другой, насъ увѣряютъ, что «разность Скандинавскаго языка *могла исчезнуть* среди Славянъ, какъ и религіозныя идеи Скандинавовъ» (269), и подъ наговоръ «плодовитѣйшей матери» рождаютъ умную догадку что *можетъ быть*, «многіе города носили вмѣстѣ Славянское и Скандинавское имя», и хотя въ Исторіи не встрѣчается не только *многихъ*, но просто-таки *ни одного Русскаго города* съ Скандинавскимъ и Славянскимъ названіемъ, однакожъ они этотъ *сочиненный* фактъ — подтверждаютъ примѣромъ: «также какъ и нынѣ въ Славянскихъ земляхъ, подвластныхъ Германскимъ народамъ, города именуются двояко: по-Нѣмецки и по-Славянски» (270); а что религіозныя идеи и языкъ Скандинавовъ дѣйствительно *были принесены* къ намъ, это намъ доказываетъ уже то,

(265) Тамъ же, II, 172.
(266) Ист. Рус. Нар. I, стр. 79.
(267) Шлец. Нест. III, стр. 476.
(268) Ист. Рус. Нар. I, стр. 77, прим. 55.
(269) Тамъ же, I, стр. 76.
(270) Тамъ же, I, 76 и прим. 55.

что «*не видимъ слѣдовъ* Скандинавской религіи въ немногихъ преданіяхъ о Миѳологіи Руссовъ», слѣдственно Скандинавская религія у насъ *была*, но *вѣроятно* «Варяги *утратили* свои народныя отличительныя черты: религію, языкъ и обычаи» (271), такъ точно какъ и Кавказскіе Кабардины въ Новгородѣ, а Татарскіе Буджаки на Бугѣ . . . Ясно, что шлёцеріане зашли уже слишкомъ далеко, переправились черезъ Рубиконъ здраваго смысла, и хоть съ притворною застѣнчивостью повторяли съ голосу Шлёцера: «Скандинавскія лѣтописи исполнены *бредней* касательно Руси» (272), но въ душѣ носили уже измѣну и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ отложиться отъ своего учителя и начать историко-филологическую вакханалію. Случай этотъ какъ разъ подвернулся.

На радость — или (смотря съ другой точки зрѣнія) на бѣду — шлёцеріанъ, желавшихъ перейти къ байеріанству и миллеріанству, въ 1834-мъ году, въ «Библіотекѣ для Чтенія», выступилъ на историческое поприще извѣстный своимъ остроуміемъ, авторъ «Фантастическихъ Путешествій Барона Брамбеуса», О. И. Сенковскій. Саркастически осмѣявъ Шампольона и Кювье въ «Фантастическихъ Путешествіяхъ», любезный Баронъ захотѣлъ также посмѣяться надъ шлёцеріанами и увлечь ихъ на самое дно Скандинавоманіи, незамѣтно для нихъ самихъ (273). Это намѣреніе онъ исполнилъ чрезвычайно ловко: притворно взялъ сторону защитниковъ всѣхъ нелѣпицъ о Скандинавскомъ произхожденіи Руси, и, на смѣхъ этимъ героямъ нашего вре-

(271) Тамъ же, I, стр. 75.

(272) Ист. Рус. Нар. I, стр. 240, прим. 179.

(273) Можно быть увѣрену, что статья «Скандинавскія Саги» написана Барономъ единственно *для* испытанія : *крѣпка ли голова* у шлёцеріанъ? и *можно ль ее свернуть* у нихъ въ другую сторону *ловкимъ парадоксомъ?* Баронъ Брамбеусъ не достигъ бы своей цѣли, осмѣять шлёцеріанъ, еслибъ открыто сознался, что шутитъ; по этой причинѣ, онъ и сталъ говорить о Скандинавскихъ сагахъ съ приличною важностію; а Ѳ. В. Булгаринъ, шутя, объявилъ въ Сѣверной Пчелѣ (1833, № 300), что «статья О. И. Сенковскаго должна произвести переворотъ въ Исторіи Русской и въ Исторической критикѣ», на которую «онъ смотритъ съ высокой точки зрѣнія, ниспровергая историческія повѣрья», почему «эта статья всемірная будетъ переведена на всѣ языки: все въ ней ново, оригинально, умно, ясно, все связано логикой и извлечено изъ логики», и что «если О. И. Сенковскій пойдетъ путемъ исторической критики, то займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, это безспорно!» — Такой отзывъ

мени, написалъ статью «Скандинавскія Саги», въ которой началъ увѣрять благосклонныхъ слушателей, что *чистота фак-*

совсѣмъ сбилъ съ толку шлёцеріанъ, и они съ восторгомъ спѣшили привѣтствовать въ Баронѣ Брамбеусѣ своего защитника, не подозрѣвая, что Брамбеусъ ихъ мистифируетъ, за носъ водитъ, заставляетъ проигрывать въ *умственные шахматы*, заводитъ въ лѣсъ противорѣчій и несообразностей, въ намѣреніи — одурачивъ передъ всѣми, бросить, предавъ на жертву достойному посмѣянію слабоуміе людей величающихъ себя послѣдователями Шлёцера, законодателями исторической критики... А что Баронъ дѣйствительно только шутилъ, или (употребляя его выраженіе) только «изволилъ тѣсниться», такъ это каждому будетъ ясно, какъ скоро сообразитъ слѣдующія обстоятельства:

I. Любезный Баронъ самъ измѣнилъ себѣ въ одномъ мѣстѣ, именно на страницѣ 7-й: разсуждая о прошедшемъ столѣтіи, Баронъ проговорился, что оно «создало теорію исторической критики, которую не назовемъ мы *ложною*, напротивъ она столь же *полезна* какъ и *благородна*». Такъ о чемъ же и хлопотать?... Если *полезно* и *благородно* заниматься изысканіемъ чистой истины и отдѣленіемъ *фактовъ* отъ *бредней*, (какъ величалъ Шлёцеръ саги), такъ и конецъ дѣлу: споръ весь этимъ уничтожается.

II. Баронъ человѣкъ ученый, гораздо выше прочихъ защитниковъ Скандинавизма Руси, которые въ лицѣ Н. А. Полеваго, съ укоризною восклицали, въ укоризну Карамзину зачѣмъ не написалъ онъ, что «Исторія Русская начинается прибытіемъ *грозныхъ морскихъ разбойниковъ* къ племенамъ *полудикихъ Славянъ* и Финновъ; пришельцы-разбойники, страшные Норманны (Скандинавы) — *порабощаютъ* Славянъ и Финновъ: сіи два элемента борются, *измѣняются* въ Руссовъ. Свычка съ *деспотизмомъ* Азіи и Греціи, *патріархальное правленіе* покоренныхъ Славянъ и открывшійся для Варяжскихъ искателей приключеній *путь въ Царьградъ* — истребляютъ обыкновенный Нордманскій *Феодализмъ*, являя Феодализмъ совершенно особенный, Удѣльную систему» (Моск. Телеграфъ, 1829, ч. XXVII, стр. 488). — Баронъ же, напротивъ, писалъ, что «*письменныя доказательства* всѣ вообще служатъ въ *пользу Славянъ*», и что «*гражданственности* у нихъ было *несравненно болѣе*, чѣмъ у Норманновъ» (Библ. для Чт. I, Науки, ст. 25); что «феодальной системы *не было* въ Россіи: даже это понятіе никогда не проникало до нашего стараго сѣвера» (стр. 32); что «эти двѣ системы *различествуютъ* между собою не только своею цѣлію, но даже своимъ происхожденіемъ: удѣльная имѣетъ свое начало въ *родительской власти* Государя или *семейныхъ соображеніяхъ* его потомства; вторая можетъ быть *совершенно чуждою узамъ крови*» (стр. 33).—Понимая такъ хорошо нашу древность, могъ ли бъ онъ не въ шутку писать, будто бы «нравственное и политическое состояніе Россіи въ первой эпохѣ ея Исторіи было безъ всякаго сомнѣнія *полнымъ* и *яркимъ отраженіемъ Скандинавіи*»? будто «по прошествіи цѣлаго столѣтія отъ Рюрика, Норманскія (Скандинавскія) *воспоминанія* и *пристрастіе* Руссовъ къ законамъ *роман-*

товъ, и слѣдственно *истина*, вещь совсѣмъ лишняя въ Исторіи, ибо «историческая истина или достовѣрность *не ведетъ насъ равно ни къ чему*, и мы не будемъ ни умнѣе, ни опытнѣе, ни счастливѣе, зная однимъ древнимъ событіемъ менѣе» ([274]), что «Исторія въ полномъ смыслѣ слова *процвѣтаетъ* только тогда, когда находится въ періодѣ *Сагъ* (сказокъ) и живетъ у класса гусляровъ, скальдовъ, рапсодовъ, которые взялись *торговать поэзіею*» ([275]);

тической ихъ родины одерживали еще верхъ надъ истинными потребностями государства» (31)?

III. Баронъ человѣкъ здравомыслящій — такъ неужели бъ онъ сталъ, не шутя, насъ увѣрять: «*единодержавіе* добровольно было *разбиваемо* Владиміромъ на части, *чтобъ слѣдовать Забалтійскимъ обыкновеніямъ* (стр. 32)?» Римскій Императоръ Константинъ Великій, (какъ и нашъ Владиміръ Великій) раздѣлилъ государство между сыновьями въ началѣ IV вѣка: ясно, что Римляне (какъ Русскіе) суть Скандинавы, что Римская Имперія (какъ Россія) была раздѣлена потому, что Скандинавскія воспоминанія и пристрастіе Римлянъ (какъ и Русскихъ) къ законамъ романтической родины одерживали верхъ надъ истинными потребностями государства, и единодержавіе у Римлянъ (какъ и у насъ) было уничтожено раздробленіемъ на нѣсколько государствъ единственно изъ подражанія Скандинаво-Забалтійскимъ обыкновеніямъ; слѣдственно, и древній Римъ также былъ полнымъ и яркимъ отраженіемъ Скандинавіи... Могъ ли ученый Баронъ не въ шутку писать: «Княжескіе съѣзды и совѣты были то же Скандинавскимъ обыкновеніемъ» (см. 32)? неужели вы думаете, что ему неизвѣстно подобное обыкновеніе у Финикіянъ, рѣшавшихъ всѣ дѣла на общемъ союзномъ съѣздѣ, гдѣ первенствовалъ владѣтель Тирскій (какъ у насъ Кіевскій)? неужели, отсюда можно заключить, что и Финикіяне вѣроятно были Скандинавы?... Наконецъ, могъ ли не въ шутку онъ увѣрять, что «языкъ *Руссовъ* сохранился въ Исландіи» (с. 41)? а для доказательства присутствія *Скандинавской* стихіи въ Русскомъ языкѣ, неужели не въ шутку привелъ *десять* словъ, изъ которыхъ (какъ увидимъ) *девять* словъ *Славянскихъ;* а десятое слово, хотя и Нѣмецкаго корня, однакожь усвоено многими Славянскими народами? Неужели и тутъ онъ не шутитъ, онъ, знающій (по увѣренію Сѣверной Пчелы) всѣ языки Славянскаго корня?...

Сообразивъ же все это,—собственное признаніе автора статьи «Скандинавскія Саги», его ученость и здравомысліе,—легко убѣдиться, что веселый и остроумный Баронъ Брамбеусъ нарочно, съ умысломъ утверждаетъ подобныя несообразности, или (выражаясь его же словами) ставитъ *умственные шахматы*, и, какъ *ловкій діалектикъ*, принуждаетъ слабоумныхъ Скандинавомановъ *проигрывать* и *платить* ему, за всякій шахъ и матъ, *наличнымъ довѣріемъ*... Вотъ и все!

([274]) Библ. для Чтенія, 1834, т. I, Науки и Худож. стр. 3 и 75.
([275]) Тамъ же, стр. 4 и 5.

что «перо и письмо *убиваютъ* Исторію», какъ скоро исчезаетъ классъ разсказчиковъ, гусляровъ, ибо тогда «люди безъ энтузіазма собираются на *похороны исторіи* и, составивъ для пей *надгробную надпись* подъ именемъ *первой лѣтописи*, навсегда погребаютъ ее во тьмѣ забвенія» (276); что «книга основанная на *лѣтописяхъ* (а не на сагахъ) можетъ имѣть *безчисленныя достоинства*, только она *не Исторія*: это трупъ Исторіи; *трупъ*, почти истлѣвшій, вырытый изъ могилы, изрѣзанный тупымъ ножемъ критики при столь же трудномъ, какъ и безполезномъ вскрытіи» (277); что «прошедшее столѣтіе сообщило исторической критикѣ *совершенное ложное направленіе*», ибо «всѣ тогда стали доискиваться *въ Исторіи истины, достовѣрности, чистоты фактовъ*, не думая о томъ, что родъ человѣческій, что его польза и умственное наслажденіе скорѣе требуютъ *картины* общественнаго человѣка» т. е. романа (278); что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ уже нѣчего бояться «обременить свою совѣсть *грѣхомъ легковѣрности*» (279); ибо «неукротимые охотники до чистоты фактовъ, каллигулы на басни, суть *грабители невинныхъ потѣхъ рода человѣческаго*» (280); что «недовѣрчивость Нибура къ баснямъ уже *опоздала цѣлою четвертью столѣтія*, и въ *наше* время была *вопіющимъ анахронизмомъ*, котораго не могли прикрыть ни великій талантъ писателя ни безконечная ученость» (281); что «вкусъ къ чистымъ, безспорнымъ фактамъ *кончился*, оставивъ послѣ себя незавидную пословицу: c'est bête comme un fait!» (282), ибо нынѣшняя образованность со смѣхомъ отвергла въ Исторіи «холодный скептицизмъ и большіе торговые вѣсы, на которыхъ читатель долженъ былъ цѣлый день взвѣшивать съ авторомъ событія, чтобъ узнать, на фунты и золотники, сколько въ каждомъ изъ нихъ истины и басни» (283); наконецъ что «*истина* для древней Исторіи *не нужна*: для нея довольно *правдоподобія* (284), ибо «Исторія или Историческая

(276) Библ. для Чт. (1834), т. I, Науки и Худож. стр. 5.

(277) Тамъ же, стр. 7.

(278) Тамъ же.

(279) Тамъ же.

(280) Тамъ же, стр. 8. —

(281) Тамъ же.

(282) Тамъ же.—

(283) Стр. 9.

(284) Стр. 75.

критика суть, такъ сказать, *умственные шахматы* въ которой *проигрывающіе*, то есть читатели, за всякій сдѣланный имъ *ловкою діалектикою* шахъ и матъ, должны платить *наличнымъ довѣріемъ*» ([285]). Послѣ того, любезный Баронъ разставилъ шахматы исторической критики и, разумѣется, какъ ловкій діалектикъ, началъ объигрывать довѣрчивыхъ читателей, которые впрочемъ уже и не боялись обременить свою историческую совѣсть грѣхомъ легковѣрности . . .

Ловкій Баронъ умѣлъ найдти слабую струну шлёцеріанъ: онъ заговорилъ такъ, какъ имъ хотѣлось, успокоилъ ихъ совѣсть увѣреніемъ, что *истина* ровно-таки *ни къ чему не ведетъ»*, а въ древней исторіи даже совсѣмъ *не нужна* и можетъ быть замѣнена *правдоподобіемъ*, лишь были бъ тутъ *картины общественнаго человѣка;* настроилъ на свой ладъ пылкое воображеніе Скандинавомановъ, и послѣ того перешелъ къ Исландскимъ или Скандинавскимъ сагамъ (сказкамъ). Но такъ какъ шлёцеріане, страшно запуганные своимъ строгимъ учителемъ, все еще совѣстились приступить къ историческимъ *бреднямъ*, то сметливый Баронъ и ободрилъ нерѣшительныхъ, увѣривъ ихъ, что въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, нѣкоторые ученые, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ (а въ какихъ — знать не нужно) «взяли подъ новый разборъ обезславленныя критиками прошедшаго столѣтія Скандинавскія Саги,» и показали въ сагахъ удивленному Барону, во время его фантатическаго путешествія, «неоспоримую умственную связь сѣвернаго человѣка среднихъ вѣковъ съ человѣкомъ первоначальнаго классическаго міра» ([286]). Шлёцеріане, привыкши къ ясной рѣчи, сперва было задумались надъ *смысломъ* Бароновой апологіи сагамъ; но потомъ стали увѣрять себя, что *вѣроятно* тутъ скрывается бездна *ума*, когда и *они* ужь этого не понимаютъ. .. Ободренный ихъ догадливостью, веселый Баронъ пошелъ далѣе: «въ сагахъ открыли цѣлый міръ незнакомыхъ понятій, цѣлый рядъ *подлинныхъ картинъ* давно исчезнувшаго общественнаго быта» ([287]), и даже Несторова лѣтопись «*имѣетъ сродство* съ сагами» ([288]).—Нѣкоторые изъ шлёцеріанъ помор-

---

(285) Библ. для чт. (1834), т. I, Науки и Худож. стр. 75.
(286) Стр. 10.
(287) Тамъ же.
(288) Тамъ же, стр. 17.

щились-было, вспоминая отзывъ своего учителя, что «изъ безумныхъ Исландскихъ сказокъ нѣтъ ни одной старѣе самаго Саксона, жившаго сто лѣтъ спустя послѣ Нестора» [289]; и что «Несторъ въ сравненіи съ позднѣйшими Исландцами такъ превосходенъ, какъ *разсудокъ иногда затмѣвающійся*, въ сравненіи съ *безпрестанною глупостію*» [290]. Но Баронъ, какъ будто не замѣчая ихъ удивленія, приступаетъ къ разсказу своего фантастическаго путешествія въ область Русской Исторіи: взявъ за образецъ Гофмановы сказки, но стараясь по возможности сохранить важный видъ знатока, проглотившаго всю премудрость, веселый шутникъ начинаетъ разсказъ: «вмѣстѣ съ Скандинавами воинами переселилась къ намъ изъ *Норвегіи*, часть *священной касты*, Алфвовъ (Alfve), съ ихъ сѣверною Илліадою и Норманскимъ такъ сказать Апокалипсисомъ» [291]; и наши «Славянскіе *волхвы* суть Норвежскіе *Алфвы*, производившіе родъ свой отъ боговъ» [292]. Шлёцеріане тутъ уже разинули ротъ отъ удивленія, а Баронъ, стараясь удержаться отъ смѣха, продолжаетъ увѣрять съ подобающею важностію, что «вся *нравственная, политическая и гражданская Скандинавія* со всѣми своими учрежденіями, правами и преданіями, *поселилась на нашей землѣ*» [293]; что послѣ перехода Олега въ Кіевъ, мы Славяне «неминуемо *долженствовали утратить свою народность* и, вмѣстѣ съ принятіемъ имени Руссовъ, сдѣлаться *Скандинавами* въ образѣ *мыслей, нравахъ* и даже *занятіяхъ*» [294]; что «настоящій характеръ Варяжской эпохи былъ *Скандинавскій, а не Славянскій*» [295]; что «Скандинавскія *Саги* переходятъ вмѣстѣ съ *Одиновою вѣрою*, и духомъ побѣдителей на новую Русскую землю» [296]; что «князья хранятъ въ своихъ семействахъ *Скандинавскій* языкъ», и самъ Несторъ «какъ изъ всего видно (!), составилъ значительную часть своей книги изъ *Сагъ*» [297].—Зная слабую струну шлёцеріанъ, Баронъ старался только распалить ихъ *ученую фантазію*

---

(289) Шлёц. Несторъ, I, Введеніе, страница *ис.*

(290) Тамъ же, *кв.*

(291) Библ. для Чт. I, Науки и Худож. стр. 18.

(292) Тамъ же; сравните Шлецеровы слова (выше, стр. CXVI и XVIII).

(293) Библ. для чт. I, Науки: стр. 18.

(294) Тамъ же стр. 22.

(295) Стр. 27.

(296) Стр. 28.

(297) Стр. 30.

«романтическими картинами», и потому ничего не *доказывалъ:* во первыхъ потому, что наличныхъ доказательствъ по справкѣ не оказывалось; да и быть не могло; во вторыхъ потому, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ уже стыдно «взвѣшивать *истину* не фунты и золотники»; въ третьихъ потому, что «истина ровно ни къ чему не ведетъ», и въ четвертыхъ, потому что для древней Исторіи довольно и правдоподобія . . . Шлёцеріане и успокоились, увѣряя себя, что разсказъ Барона *кажется* можно назвать *правдоподобнымъ*, а Баронъ рѣшился пустить имъ и пыль въ глаза *ученымъ доказательствомъ*, что Русскій языкъ въ древности былъ не Русскимъ, а Скандинавскимъ: для этого онъ выбралъ девять *Славянскихъ словъ* да одно *Нѣмецкое усвоенное многими Славянами* и, безъ дальнихъ околичностей, назвалъ эти слова происшедшими изъ Скандинавскихъ ([298]).

([298]) Эти мнимо-Скандинавскія слова суть слѣдующія: I. *градъ, городъ*, передѣланный будто бы нами изъ Скандинавскаго gard; но и кромѣ насъ еще находящійся у нашихъ единоплеменниковъ: у Болгаръ *градъ,* у Поляковъ grod, у Чеховъ hrad, у Словаковъ hrad, у Словенцевъ grâd, у Краинцевъ grad, у Кроатовъ grad, у Далматовъ grad, у Дубровницкихъ и Боснійскихъ Сербовъ grad; у Сорабовъ въ Нижней Лузаціи grod, въ Верхней rod; — II. *молоть* (будто бы изъ Скандинавскаго melt), по Литовско-русски *молоць, малоць;* по Сербски *млети*, въ Дубровникѣ mljetti; у Словенцевъ въ Крайнѣ mleti; у Поляковъ mleć; у Сорабовъ въ Верхней Лузаціи mljecz, у Словаковъ mlec; у Чеховъ mljti, mleti у Словенцевъ въ Славоніи mliti; у Босняковъ mlitti; — III. *краль, король,*— передѣланный будто бы изъ имени Карла Великаго, сперва Скандинавами (karl), а отъ нихъ перенятый нами,—существуетъ кромѣ насъ у Поляковъ, Сорабовъ, Чеховъ, Словаковъ, Словенцевъ и Сербовъ, какъ показано выше, въ прим. 90;—IV. *борода, брада*, (будто бы изъ Скандинавскаго bard), у Болгаръ и Сербовъ *брåда*, въ Босніи и Дубровникѣ brada, у Словенцевъ въ Славоніи, въ Крайнѣ и у Кроатовъ brada; у Чеховъ и Словаковъ brada; у Сорабовъ въ Верхней и Нижней Лузаціи broda; у Поляковъ broda; — V. *князь* измѣненъ былъ нами изъ Скандинавскаго слова konung (конюнгъ), которое будто бы «сперва превратилось въ устахъ въ *кнюнгъ* или *кнингъ*, потомъ, смотря по духу нарѣчій (!), потеряло или удержало носовой звукъ» и превратилось изъ *кнингъ* въ *князнгъ, князгъ* и *князь!* Если бы веселый Баронъ не шутилъ, то неужели бъ могъ онъ утверждать все это, слывя знатокомъ филологіи? Слово konung (конюнгъ) не имѣетъ корня въ языкахъ Тевтоно-Скандинавскихъ; между тѣмъ наше слово *князь* находится у всѣхъ Славянскихъ народовъ, и происходя отъ корня *кон*, означало законодателя, защитника и начальника городовъ (концевъ городскихъ), какъ объяснено выше, въ прим. 90. Славный аббатъ Добровскій раньше всѣхъ филологовъ указалъ (Slovanka, 219), что Славянское наше

Шлёцеріане повѣрили, и торжествующей Баронъ за то наградилъ ихъ ученую фантазію слѣдующимъ глубокомысленнымъ выводомъ: «сжели Россійскимъ языкомъ сдѣлалось *вновь образовавшееся* Славянское нарѣчіе, это весьма пріятное для насъ событіе, *быть можетъ*, должны мы приписать *случаю*; если бы князья избрали себѣ *столицу* въ Финскомъ городѣ, посреди Финскаго племени, *Русскимъ* языкомъ *вѣроятно* назывался бы теперь *какой нибудь Чухонскій діалектъ*, который также на большомъ пространствѣ земель *поглотилъ бы* (??) языкъ Славянскаго корня». Шлёцеріане пришли въ восхищеніе этою 37-ю

слово *князь* происходитъ отъ слова *конъ* (въ смыслѣ *начала*), какъ и у Грековъ αρχων отъ αρχη; —VI. *Пенязь*, плата за купленную вещь и окупъ за судебную пеню или денежный штрафъ, передѣлано будто бы нами изъ Скандинавскаго pfenning; но слово пенязь не у насъ однихъ, а у всѣхъ народовъ Славянскихъ, въ томъ числѣ у такихъ, которые не имѣли сношеній ни съ Нѣмцами ни съ Скандинавами, напр. у Сербовъ въ Дубровникѣ pjenez, pinez, въ Босніи pjenez, въ Далматіи pinez, у Кроатовъ pënez; напротивъ, это слово не находится у Словенцевъ, среди которыхъ образовано Эрц-герцогство Австрійское; въ прочихъ же Славянскихъ языкахъ: въ Чешскомъ penijz, peniz, въ Словацкомъ peniz, въ Сорабскомъ-Лузацкомъ peneseck, въ Польскомъ pieniądz; VII. *шелягъ*, взятое будто бы нами отъ Скандинавскаго schelling, находится въ Польскомъ языкѣ szeląg, въ Словенскомъ (Виндскомъ) shileng, shkiln, почему гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что слово это заимствовано нами отъ Поляковъ, ими же чрезъ посредство Словаковъ отъ единоплеменныхъ Словенцевъ (Виндовъ), которые дѣйствительно могли заимствовать shileng, shkiln изъ Нѣмецкаго shilling; — VIII. *мосяжъ* будто бы передѣланный нами изъ Скандинавскаго messing, находится въ Польскомъ языкѣ mosiadz, въ Сорабско-Лузацкомъ moszacz, misznik, въ Чешскомъ mosaz, въ Словацкомъ mosazd, mosaz;—XI. *витязь*, передѣланный нами будто бы изъ Скандинавскаго wicking, существуетъ во всѣхъ Славянскихъ языкахъ: по-Польски vitez, по-Чешски witez; по-Словенски въ Славоніи vites, vitesh (витежъ), въ Крайнѣ wytez; по-Кроатски vitez; по-Сербски въ Далматіи vitez, въ Дубровникѣ vitez; отсюда понятно, что и *витяжество* не передѣлано у насъ изъ Скандинавскаго wickingum, но есть также Славянское, и донынѣ употребляется Дубровницкими Сербами (vitesctvo) въ смыслѣ Польскаго rycerstivo.—X. слово *вязь*, будто бы передѣланное изъ Скандинавскаго wink, существуетъ и у другихъ Славянъ: въ Польскомъ языкѣ więz, у Сорабовъ Люнебургскихъ wunze, wunzeice, въ Чешкомъ uz, usek, въ Кроатскомъ vuza, въ Сербскомъ по Дубровницкому нарѣчію uza, vez, по Боснійскому usge; всѣ эти слова относятся къ корню *уз* или *юз*, отъ котораго произошли: 1) узы, 2) вязать, 3) гужъ, 4) узда, 5) узкій, 6) обуза.—Шимкевичь справедливо обличилъ ошибку Рейфа, который *гужъ* и *обузу* отнесъ къ словами ино-

страницею «Библіотеки для Чтенія» и повторяли: «да, все случай! случай!» дивились одному только, какъ это при Петрѣ Великомъ, который новую Русскую столицу построилъ на Чухонскихъ болотищахъ, Русскимъ языкомъ не сталъ называться какой-нибудь Чухонскій діалектъ?...

Но пока они не могли образумиться отъ удивленія *случайному* обстоятельству: отчего же языкъ того Чухонскаго племени, среди котораго поставлена Петромъ наша столица, не *поглотилъ* на большомъ пространствѣ языка Славянскаго корня? Баронъ уже перешелъ къ главной своей задачѣ и началъ разсказывать, что «историческія *саги* состоятъ изъ любопытныхъ біографій знаменитыхъ людей, или заключаютъ въ себѣ описаніе отдѣльныхъ событій, изображенныхъ слогомъ простымъ, яснымъ, повѣствовательнымъ, безъ всякихъ украшеній и *опасныхъ для истины* успѣхій воображенія» (299). Баронъ остановился, боясь, чтобы шлёцеріанс не образумились; но тѣ уже преспокойно дремали, въ просонкахъ восхищаясь достоинствами сагъ, и повторяли, что Баронъ слишкомъ скромничаетъ, что съ ними теперь можетъ говорить уже откровенно, какъ съ людьми просвѣщенными, постигшими новый взглядъ на сказки, и въ слѣдствіе того понимающими, что истина для древней Исторіи не нужна, слѣдственно — нечего и опасаться имъ — усилій воображенія въ сагахъ; довольно, если они встрѣтятъ правдоподобіе... Замѣтивъ, что любезнѣйшіе слушатели все «люди книжные, зѣло мудрые и смысленые», ловкій Баронъ повелъ рѣчь о пе-

---

язычнымъ, *вязать* сдѣлалъ особымъ корнемъ, а *узкій* отнесъ къ корню *уголъ*· «сродство глагола *вязать*, по значенію, съ корнемъ *уза* такъ очевидно, что нѣтъ надобности въ доказательствахъ; но которое изъ этихъ словъ имѣетъ право на званіе первоначальнаго корня? Это право зависитъ отъ того, что мы признаемъ въ нихъ измѣненнымъ, букву ли *у* на слогъ *вя*, или наоборотъ. Взаимная смѣна буквъ *у* и *в* допущена въ Санкритскомъ языкѣ, и знаменитый Боппъ въ одномъ случаѣ отдаетъ преимущество буквѣ *в*, а въ другомъ не лишаетъ онаго и букву *у* (Kritische Gram. der Sanskr. Sprache, § 414 и 577, сн. 242 и 342); но въ Славянскомъ языкѣ буква *у* имѣетъ преимущество передъ слогомъ *вя*, это видно изъ того, что нѣкоторыя нарѣчія въ началѣ словъ прибавляютъ букву *в* къ буквамъ *о* и *у*... Слово же *узкій* находится въ близкомъ отношеніи къ корню *уза*: что *узко*, то смѣсняетъ или *вяжетъ* насъ»! — Вотъ какъ разсуждаютъ благоразумные и опытные филологи, знатоки Славянства: Шимкевичъ въ «Корнесловѣ Русскаго языкахъ» и Линде въ «Словникѣ языка Польскаго».

(299) Библ. для Чтенія, т. I, Науки и Худож. стр. 44.

нзчислимыхъ достоинствахъ сагъ (сказокъ): «всѣ они *чрезвычайно важны,* ибо всѣ *вѣрно изображаютъ* общественнаго человѣка, нося на себѣ *неподдѣльный отпечатокъ первобытной Исторіи»* (300). Тутъ Баронъ чуть было не измѣнилъ себѣ, сказавъ, что «саги описываютъ похожденія героевъ, *не заботясь* о лѣтосчисленіи» (301); въ счастію Барона, превращеніе Шлёцеріанъ въ Байеріанъ и Миллеріанъ уже совершилось — они ровно уже ничего не понимали, и, очарованные, безмолвно слушали краснорѣчиваго странника, возвратившагося изъ фантастическаго путешествія: «Эймундова сага, столь любопытная во всѣхъ своихъ частяхъ, *новымъ и прекраснымъ свѣтомъ* (!!) озаряетъ нашъ XI вѣкъ», и замѣчательна «по *историческому* ея *достоинству,* простотѣ и ясности слога, и неподражаемому чистосердечію *сочинителей»* (302) . . . Тутъ совѣсть опять-было зазрила у Барона, и онъ едва опять не измѣнилъ себѣ. Передѣлавъ Исторію Ярослава на свой ладъ для возможнаго соглашенія съ Эймундовой сказкою, Баронъ вдругъ чуть было во всемъ не признался: «весь этотъ періодъ долженъ быть *вновь разсмотрѣнъ* и, подъ перомъ критика *искуснѣе* и *проницательнѣе насъ,* онъ можетъ принять *совсѣмъ другую наружность;»* но тотчасъ поправился: «Эймундова сагъ есть памятникъ *чрезвычайно важный для Исторіи той эпохи,* и достоинъ вниманія любителей отечественной старины: *мы не побожимся,* что все сказанное въ ней есть *несомнѣнная истина;* но истина для древней Исторіи *не нужна* — для нея довольно *правдоподобія,* и оно столько же (?!) приноситъ пользы человѣству» (303). Тутъ-только сказалъ хитрый Баронъ, что игралъ съ шлёцеріанами въ *умственные шахматы,* что они *проиграли* и за всякій сдѣланный имъ *ловкою діалектикою* шахъ и матъ *должны заплатить* ему *наличнымъ довѣріемъ . . .* Разумѣется, дѣлать нечего — проиграли такъ и расплачивайся; плати да плачь, плачь да слушай, слушай да ушами похлопывай, какъ станутъ пѣть: «*драгоцѣнный* обломокъ Якимовой лѣтописи заключаетъ въ себѣ *всѣ условія и признаки подлинности и глубокой древности»* (303),—конеч-

---

(300) Библ. для Чт. I, Науки: стр. 45.
(301) Тамъ же, стр. 45.
(302) Стр. 48 и 49.
(303) Стр. 74 и 75.
(304) Стр. 36, прим. 10.

но потому, что никому въ мірѣ не былъ извѣстенъ до XVIII столѣтія;—или: «достойное поклоненія (по мнѣнію Шлёцерову) Несторово произведеніе *искони* было *извѣстно* у насъ какъ *неосновательное*, ибо отрывокъ Якимовой лѣтописи начинается словами: о князяхъ Русскихъ старобытныхъ Несторъ монахъ недобрѣ вѣдомъ бѣ» ([305]),—конечно потому, что современникъ Владиміровъ, епископъ Іоакимъ въ X вѣкѣ *именно такъ* и долженъ былъ начать свою лѣтопись: осужденіемъ Нестора, который жилъ въ XI-мъ вѣкѣ, и осужденіемъ его «Повѣсти временныхъ лѣтъ», которая въ X вѣкѣ еще не была написана! — или: «Эймундова Сага пріобрѣтаетъ *еще бо̀льшую* для насъ *важность* когда вспомнимъ, что она *послѣ Якимова Хронографа* есть *первый* доселѣ извѣстный *письменный памятникъ Русской Исторіи*, древность котораго восходитъ *по крайней мѣрѣ за* 50 *лѣтъ до Несторовой лѣтописи*» ([306]), конечно потому, что Несторъ писалъ свою лѣтопись *въ XI*-мъ *вѣкѣ*, а «древнѣйшій списокъ Эймундовой саги», по свидѣтельству пламеннаго ея приверженца, — «относится *къ XIII столѣтію*» ([307]);—или: «Несторова лѣтопись, которую должно принимать за *домашнюю сагу*, имѣетъ *сродство съ сагами* ([308]), конечно потому, что Несторъ пишетъ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, а саги знать ихъ не знаютъ; Несторъ пишетъ о походахъ Олега, Игоря и Святослава, а саги не говорятъ объ нихъ; Несторъ пишетъ о крещеніи Ольги, а саги и вѣдать о томъ не вѣдаютъ; Несторъ пишетъ, что Владиміръ крестился въ Херсонѣ и женился на *Аннѣ*, сестрѣ Греческихъ Императоровъ, а саги увѣряютъ, будто бы Владиміра обратилъ въ христіанство, при помощію супруги *Арлогіи*, Скандинавскій витязь *Олофъ*; Несторъ знаетъ у своего государя, Ярослава, *только сыновей*, саги знаютъ дочку, *Елизавету*, которая (будучи только двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ) умѣла вскружить голову Норвежскому герою Гаральду Храброму, такъ что онъ съ-горя пустился искать приключеній по бѣлому свѣту, и въ Царьградѣ выкололъ глазки Императору Константину Мономаху, который до конца жизни не былъ слѣпъ: точно, удивительное *сродство* съ сагами — или: «*позволительно думать*, что упоминаемый Несторомъ Якунъ Варяжскій

(305) Библ. для Чт. (1834), т. I, Науки: стр. 58, прим. 22.

(306) Тамъ же, стр. 75.

(307) Стр. 48.

(308) Стр. 17.

и есть Эймундъ Норвежскій; ибо въ этомъ словѣ буква *м* ошибочно превращена въ *к*, и вмѣсто *Якунъ* слѣдуетъ читать *Ямунъ, Ямундъ*, то есть *Эймундъ*» (309),—конечно по тому разительному сходству дѣяній, которое тотчасъ бросается въ глаза каждому, а именно: Якунъ Варяжскій прозванный Слѣпымъ, страдалъ глазами, едва могъ видѣть и носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ повязку, а Норвежскій витязь Эймундъ былъ совершенно зрячь, видѣлъ чудесно; Якунъ изгналъ изъ Варяжской земли своего племянника, князя Симона, великодушно принятаго Ярославомъ, а Эймундъ самъ былъ вытѣсненъ изъ Норвегіи Гаральдомъ Прекрасноволосымъ; Якунъ, любя войну, явился на помощь Ярославу уже послѣ 1023 года, а Эймундъ, лишенный своей земельки, пришелъ въ Россію искать приключеній, тотчасъ по смерти Владиміра, въ 1015 году; Якунъ сражался съ Мстиславомъ, какъ союзникъ Кіевскаго князя Ярослава, и побѣжденъ храбрымъ Тмутараканскимъ княземъ, а Эймундъ сражался съ Бурислейфомъ; но съ 1021 года былъ уже врагомъ Ярослава и дрался противъ него за Брячислава Полоцкаго; Якунъ «иде за море» и умеръ на родинѣ, а Эймундъ въ Россіи... Не правда ли, какое удивительное *сходство!* какъ *позволительно* сдѣлать маленькую перетасовочку звуковъ, и Якуна превратить въ Ямуна, а потомъ Ямуна въ Эймунда!...

Такимъ-то образомъ *проигравшіе* въ *умственные шахматы* ловкому Барону, шлёцеріане должны были заплатить *наличнымъ довѣріемъ*. Баронъ увѣрилъ ихъ, будто въ наше просвѣщенное время, «истинные знатоки Исторіи уже ищутъ въ ней не мнимой *несомнѣнности* событій, которой никогда доказать невозможно, но ихъ духа» (какъ будто духъ вѣка познается изъ событій не-истинныхъ или сомнительныхъ), «но ихъ связи съ общественнымъ человѣкомъ (!), и самаго человѣка (!), во всѣхъ его современныхъ

(309) Тамъ же, стр. 77.—Но замѣчанія О. И. Сенковскаго относительно Байеровой гипотезы касательно Якуна заслуживаютъ полнаго вниманія «Имени *Якунъ* нѣтъ въ Скандинавскихъ сказаніяхъ» (разумѣется потому, что Якунъ былъ не Скандинавъ, а единоплеменникъ нашъ, Славянинъ прибалтійскій) «и Байеръ напрасно потерялъ время, ища *въ нихъ* этого Якуна, и находя его въ Шведскомъ Королевичѣ Яковѣ, который, по несчастію для ученаго академика, не имѣлъ никакой нужды быть искателемъ приключеній, и *не видно, чтобъ когда либо бывалъ въ Россіи.* Сверхъ того, имя *Яковъ* было уже *слишкомъ* извѣстно Русскимъ христіанамъ, *чтобъ* могло въ ихъ устахъ превратиться въ *Якунъ*».

видахъ и оттѣнкахъ; Эймундова сага» для подобныхъ судей «еще важнѣе: они *конечно* не усомнятся отдать *внутреннему ея достоинству* предпочтеніе предъ достоинствомъ сочиненія Славянскаго витіи (Нестора) и *признаться по совѣсти*, что если бъ у насъ было двадцать такихъ сагъ, мы имѣли бы *гораздо точнѣйшее понятіе* о дѣяніяхъ, духѣ и обществѣ того времени, чѣмъ обладая десятью лѣтописями, подобными Несторовой» (510). Проигравшіеся шлецёріане заплатили Барону *личнымъ довѣріемъ*, приняли Эймундову сагу съ прочими ея товарками въ число историческихъ источниковъ, и волей-неволей, одинъ за другимъ, стали перебираться за Рубиконъ здраваго смысла, терзая Логику безпрерывными противорѣчіями новыхъ разысканій предшествующимъ. Унія шлецеріанъ съ байеріанами и миллеріанами совершилась; жесточайшій фанатизмъ овладѣлъ уніатами; на сагахъ, — какъ на Скандинавскомъ Апокалипсисѣ, — поклялись они не оставить ни одного факта безъ искаженія, ни одной статьи своей безъ противорѣчія здравой логикѣ. Тогда-то открылось ужаснѣйшее гоненіе на Русскую Исторію: незнаніе истинныхъ историческихъ источниковъ породило —

IV. *Желаніе сблизить саги съ лѣтописью*, сказки съ былью, а это *неминуемо увлекло изыскателей въ міръ догадокъ*, ничѣмъ не доказанныхъ, *и заставило нещадно ломать звуки* на этимологической дыбѣ. Но какъ начать вакханалію филологіи, когда на пути надобно было встрѣтить исполинскій трудъ Карамзина? Исторіографъ хорошо понималъ, что за звѣрь *сага*, и яснымъ разсудкомъ могъ вѣрно опредѣлить сколько въ ней *здраваго смысла* — это видно изъ слѣдующаго. Разсуждая о дѣтяхъ Владиміра, Карамзинъ пишетъ: «Стурлезонъ разсказываетъ, что какой-то Висивальдъ, князь Русскій, сватался за прекрасную вдовствующую королеву Шведскую, Сигриду Сторраду, которая велѣла умертвить его вмѣстѣ съ другимъ женихомъ своимъ, королемъ Вестфольдскимъ. Далинъ считаетъ сего князя Всеволодомъ, сыномъ Владиміра, изгнаннымъ изъ Россіи войною междоусобною, и *безъ всякаго хронологическаго соображенія* пишетъ, что жестокая Сигрида не хотѣла ни въ чемъ уступить славной Ольгѣ, *которая управляла тогда Россіею*. Ежели Сигрида въ 981 году вышла за-мужъ, какъ онъ говоритъ, то по смерти,

---

(510) Библ. для Чт. т. I, Науки, стр. 75.

Владимировой, — то есть когда Всеволодъ могъ пріѣхать въ Швеціи, — сей *красавицѣ* было по крайней мѣрѣ *лѣтъ пятьдесятъ*» (⁵¹¹). Карамзинъ также зналъ изъ Торфея Эймундову сагу, и на полстраничкѣ разсказалъ его похожденія, «достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти и баснословныя*» (⁵¹²). По этому-то Баронъ, какъ ловкій діалектикъ, и внушилъ историческимъ уніатамъ ту мысль, что имъ, какъ людямъ просвѣщеннымъ, надобно бросить «холодный скептицизмъ и большіе торговые вѣсы, на которыхъ цѣлый день взвѣшивали событія, чтобъ узнать, сколько въ каждомъ изъ нихъ *истины* и *басни*», что «недовѣрчивость къ баснямъ уже опоздала», что «вкусъ къ чистымъ, безспорнымъ фактамъ кончился», что «истина для древней Исторіи и не нужна», что «истинные знатоки Исторіи не усомнятся предпочесть Несторовой лѣтописи Эймундову сагу», которая даетъ «гораздо точнѣйшее понятіе о томъ времени» нежели Несторова лѣтопись, имѣющая впрочемъ «сродство съ сагами». Шлёцеріане и байеріане, въ простотѣ души, не поняли, что Баронъ только «изволитъ тѣшиться», приняли его *шутку* за правду и съ торжествомъ закричали: пора приняться за *дѣло* и дополнить *лѣтописныя* извѣстія *сагами!*

Возможно ли это, поясню современнымъ примѣромъ. Извѣстна жестокая судьба постигшая Наполеона: герой Маренго и Аустерлица не только осужденъ былъ на заточеніе въ пустынномъ островѣ подъ знойнымъ небомъ Африка; но и по смерти долженъ еще нести страданіе, отданный въ вѣчную крѣпостную собственность знаменитому автору «Леонида», помыкающему Императоромъ Франціи чуть не въ каждомъ романѣ, чуть не въ каждой повѣсти. Что́ же, если бы кто вздумалъ Наполеоновскую *Исторію* Жомини, Норвеня и Тьера—дополнить *сагами* Рафаила Михайловича Зотова?... Разница между разсказомъ французскихъ Историковъ и повѣстью чужестраннаго романиста о Наполеонѣ была бы отнюдь не болѣе, какъ и между разсказомъ древнѣйшаго Русскаго лѣтописца и повѣстью Норвежскихъ воиновъ о Владимірѣ и Ярославѣ:

Конунгъ Вальдамаръ, — разсказываютъ Норвежцы, — раздѣлилъ владѣніе свое между *тремя сыновьями*, едва ли поровну: *Бу-*

Бѣ у Владиміра, говори въ лѣтописи преподобный Несторъ,— сыновъ *двѣнадцать*: 1) Вышеславъ, 2) Изяславъ, 3) Ярославъ,

(⁵¹¹) Ист. Гос. Росс. т. II, прим. 32.

(⁵¹²) Тамъ же, т. II, стр. 20.

рислейфъ, получилъ Кенугардъ (Кіевъ), *Ярославъ* Гольмардъ (Новгородъ); а третій *Вартилафъ* Палтескъ (Полоцкъ) [313].

4) Святополкъ, 5) Всеволодъ, 6) Святославъ, 7) Мстиславъ, 8) Борисъ, 9) Глѣбъ, 10) Станиславъ, 11) Позвиздъ, 12) Судиславъ. И посади *Вышеслава* въ Новѣгородѣ, а *Изяслава* Полотьскѣ, а *Святополка* Туровѣ, а *Ярослава* Ростовѣ; умершу же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша *Ярослава* Новѣгородѣ, а *Бориса* Ростовѣ, а *Глѣба* Муромѣ, *Святослава* Деревѣхъ (Древлянской землѣ), *Всеволода* Володимери, *Мстислава* Тмутораками [314].

Тѣснимые конунгомъ Олафомъ изъ Норвегіи, Эймундъ и его друзья предпочли *покинуть родину*, нежели оставаться и терпѣть послѣднюю бѣду отъ конунга и своихъ враговъ; слыша, что наслѣдники Вальдамара живутъ въ несогласіи за свои владѣнія, прибыли на востокъ Эймундовцы и вступили въ службу къ Ярислейфу [316].

Эймундъ и его 600 *товарищей* сказали Ярислейфу: «мы намѣрены помогать тому изъ васъ, троихъ родныхъ, кто болѣе всѣхъ доставитъ намъ уваженія и почестей». Условились: пожаловать Норвежцамъ домъ, не отказывать ни въ какомъ добрѣ изъ лучшихъ запасовъ, каждому воину давать по унціи серебра, а начальникамъ еще по пол-унціи,— или же платить имъ бобрами и

Въ лѣто 6522 отъ сотворенія міра (1014 г. отъ Р. Х.) Новгородъ отказался платить Владиміру дань; въ слѣдующемъ году, 1015, хотящю Володимеру идти на Ярослава, Ярославъ, *пославъ за море приведе Варягы*, боялся отца своего. Но Богъ не вдасть дьяволу радости: Володимеру разболѣвшюся, умре на Берестовѣ... [315]

Призванные самимъ Ярославомъ, *Варязи бяху. мнози.*

---

[313] Библ. для Чтенія, т. II, Науки: Эймундова Сага, гл. 2.

[314] Лаврент. лѣтопись, стр. 85.

[315] Лаврент. стр. 92 и 101.

[316] Эймундова сага, гл. 2 и 3.

соболями...

Всякій день они проводили съ конунгомъ Ярислейфомъ и господыней, его супругой Ингигердой, *въ большой радости и потѣхѣ*...

Вдругъ конунгъ *Бурислейфъ* писменно *потребовалъ* у Ярислейфа *нѣсколькихъ деревень и торговъ, прилѣгающихъ къ его владѣнію, изъясняя, что они удобнѣ ему для сбора доходовъ*. По совѣту Эймунда, Ярислейфъ отвѣчалъ посламъ, что «*не хочетъ дѣлиться съ братомъ* ни малѣйшею частью своего владѣнія и *готовъ бороться, если тотъ прійдетъ въ его удѣлъ*», велѣлъ возить стрѣлу по всему своему владѣнію, и оба Конунга созвали своихъ людей [317].

Конунгъ *Бурислейфъ выступилъ изъ своего* владѣнія, противъ брата; а *тамъ*, гдѣ они встрѣтились, былъ *большой лѣсъ съ*

Служившіе у Ярослава Варяги *насилье* творяху Новгородцемъ и *женамъ* ихъ; вставше *Новгородцы избиша Варягы*.

Когда узнали о кончинѣ Владиміра, дружина его предложила *Ростовскому князю Борису*, находившемуся на югѣ для отраженія Печенѣговъ, сѣсть на престолъ отца; Борисъ отказался, говоря: «не буди мнѣ взняти (поднять) руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь (сей) ми буди въ отца мѣсто». Святополкъ, узнавъ объ этомъ, подослалъ къ нему убійцъ; потомъ, зная дружбу Бориса съ *Глѣбомъ*, подослалъ убійцъ и къ Муромскому князю; а наконецъ и къ *Святославу* Древлянскому. Сестра ихъ, Передслава изъ Кіева отправила гонцевъ къ Ярославу: «отецъ ти умеръ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; блюдися его по велику» ...И *собра* Ярославъ Варягъ *тысячю*, а прочихъ вой 40,000; онъ *выступилъ* на Святополка, говоря: «не я почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ *отместьникъ* Богъ *крове братья моея*, зане безъ вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведную» [318].

Въ лѣто 6524 (1016) *приде Ярославъ*, и сташа противу *оба полъ Днѣпра*, и не смѣху нися онѣхъ ни они сихъ начати и

[317] Эймундова. сага, гл. 4 и 5.
[318] Лаврентьевскій спис. 94-101.

рѣкою; ставки они расположили такъ, что посреди протекала рѣка . . . Простояли они *четыре ночи,* не отдавая приказа къ сраженію . . . *По совѣту Эймунда,* возвысили знамена, распредѣлили рать къ войнѣ. *Норвежцы зашли съ тылу:* направили на Конунга Бурислейфа сильный ударъ, напавъ на него по ту сторону щитовъ; Бурислейфъ потерпѣлъ совершенное пораженіе (319); разбитый, онъ *бѣжалъ въ Бярмію.*

стояша *мѣсяць три* противу собѣ. *Воевода Святополковъ,* ѣздя берегомъ, *началъ укорять Новгородцевъ:* «что придосте съ *хромьцемъ* симъ (Ярославомъ), о вы, плотницы суще! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ!» *Оскорбленные* Новгородцы, не смотря на заморозь, рѣшились на другой же день сразиться: переправились на тотъ берегъ и оттолкнули ладьи отъ берега. Войско Святополка было расположено *между двумя озерами:* Печенѣги отдѣленные озеромъ, не могли дать помощи Кіевлянамъ; Новгородцы же — *притиснуша Святополка съ дружиною къ озеру,* и вступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одалати (одолѣвать) нача Ярославъ; Святополкъ же бѣжа въ *Ляхы* (320).

Конунгъ *Бурислейфъ* вошелъ *съ Бярмійцами* въ Гардарикъ и устремился къ тому *городу,* гдѣ находился Ярислейфъ съ Эймундомъ. Эймундъ приказалъ напустить воды въ городской ровъ и настлать поверхъ бревнами, чтобъ ничего не было видно; а горожанкамъ стать, въ дорогихъ убранствахъ, на стѣнѣ. Жадные Бярмійцы кинулись къ нимъ и, не разглядѣвъ, попали въ ровъ. Въ городскихъ воротахъ, конунгъ Ярислейфъ тяжело *раненъ въ ногу;* но *Эймундъ поддержалъ* его. *Бярмійцы обратились въ бѣг-*

Тесть Святополка, Король Болеславъ (1018) *приде съ Ляхы;* Ярославъ, совокупивъ Русь (южную) и Варягы и Словене (Новгородцы), пойде противу Болеславу и Святополку, приде Волынію и сташа *оба полъ рѣки Буга.* Одинъ изъ воеводъ Ярослава сталъ насмѣхаться надъ толщиною Польскаго Короля: бѣ Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могый сѣдѣти, но бяше смысленъ. Пылкій Болеславъ бросился въ рѣку, Поляки за нимъ и напали на Ярослава, когда тотъ и не ожидалъ; *и побѣди Боле-*

---

(319) Эмундова Сага, главы 5 и 6.

(320) Лаврент. списокъ, стр. 101 и 102.

ство; Бурислейфъ бѣжалъ къ *Туркамъ* и *Бѣло-куманамъ* (³²¹).

Бурислейфъ провелъ зиму въ *Туркландіи*; набралъ *Турковъ*, *Бѣло-Кумановъ и многихъ другихъ злыхъ народовъ*; Эймундъ слышалъ и считалъ очень вѣроятнымъ, что конунгъ Бурислейфъ намѣренъ отступить отъ Христіанской вѣры и подѣлиться Гардарикомъ съ тѣми злыми народами. Съ огромною ратію, въ богатой колесницѣ, прибылъ Бурислейфъ въ *одинъ лѣсъ*; вокругъ его палатки расположилась вся рать. Эймундъ нарядился нищимъ, подвязалъ себѣ бороду изъ козьихъ волосъ и пошелъ на двухъ костыляхъ въ станъ Бурислейфа, осмотрѣлъ все, замѣтилъ мѣсто гдѣ конунгъ спитъ въ своей палаткѣ, *отрубилъ ему голову* и пустился бѣжать съ нею въ лѣсъ.

славъ Ярослава, *Ярославъ же убѣжа съ четырьми мужи Новугороду*. Онъ хотѣлъ было удалиться въ Варяжскую землю; Новгородцы изрубили его ладьи, начали сами готовиться къ новому походу, собрали деньги *и приведоша Варягы*; какъ же скоро, по тайному повелѣнію Святополка, начали по городамъ избивать Поляковъ, и Болеславъ поспѣшилъ оставить Кіевъ, — пойде Ярославъ на Святополка и бѣжа Святополкъ *въ Печенѣгы* (³²²)

Въ лѣто 6527 (1019) приде *Святополкъ* съ *Печенѣгы* въ силѣ тяжцѣ, и Ярославъ собра множьство вой, и взыде противу ему *на Льто* (рѣку Альту, Полтавской губерніи). Ярославъ ста на мѣстѣ, идѣ же убиша Бориса, вздѣвъ руцѣ на небо, рече: «кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко! мѣстѣ отъ крове праведнаго сего! положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье, тако положи и на семъ!» Помолився и рекъ: «брата моя! аще еста и тѣломъ (отшли) отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убійцю и гордаго».. Бѣ же пятокъ тогда; всходящю солнцу, и ступишася обои: бысть *сѣча зла*, *якаже не была въ Руси*, и за руки емлюче сѣцяхуся, и *ступишася трижды*, яко по удольемъ крови тещи; *къ вечеру же одолѣ Ярославъ*; а *Святополкъ бѣжа*.

(³²¹) Эймундова Сага, гл. 7 и 8.

(³²²) Это и прочее до кончины Святополка въ Лавр. 102-105.

Отрубленную голову Бурислейфа Эймундъ принесъ Ярислейфу, который велѣлъ имъ озаботиться погребенiемъ братнива тѣла. Возвратясь на прежнее мѣста, Эймундъ увидѣлъ, что Турки всѣ разошлись, перессорившись; отыскалъ трупъ Бурислейфа, и привезъ домой (въ Кiевъ). Тогда сдѣлалось *погребенiе* его *извѣстнымъ многимъ лицамъ*, и весь народъ присягнулъ Ярислейфу (525).

И *бѣжащю* ему, нападе на нь бѣсъ, и *разслабѣша кости* его: *не можаше сѣдѣти, и несяхутъ* й *на носилѣхъ;* принесоша й къ Берестью, бѣгающе съ нимъ; онъ же глаголаше: «побѣгнѣте со мною, женуть по насъ!» Отроци же его всылаху противу: «еда кто женеть по насъ?» И не бѣ никого же въ слѣдъ гонящаго и бѣжаху съ нимъ. Онъ же *въ немощи лежа*, всхопихся, глаголаше: «о се женуть, побѣгнѣте!» Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и *пробѣжа Лядьскую землю* (Польшу), гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, *испровержe злѣ животъ свой* . . . Посланая *пагубная рана* въ смерть немилостиво въгна . . . Есть же *могыла* его *въ пустыни* и до сего дне, исходитъ же отъ нея смрадъ золъ . . . Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

Теперь спрашивается: почему же этотъ сказочный Бурислейфъ долженъ быть Святополкъ? Бурислейфъ начинаетъ войну съ Ярислейфомъ за нѣсколько деревень и городовъ, удобныхъ для сбора податей, а Святополкъ принужденъ былъ самъ защищаться отъ Ярослава, отмщавшаго убiйство братьевъ; Бурислейфъ стоитъ четыре ночи, а Святополкъ три мѣсяца; Бурислейфъ разбитъ Норвежцами въ одномъ лѣсу близъ рѣки, а Святополкъ въ расплохъ заститутъ Новгородцами близъ Днѣпра, у двухъ озеръ; Бурислейфъ бѣжалъ въ Бярмiю (Пермь), а Святополкъ въ Ляхи (въ Польшу); Бурислейфъ съ Бярмiйцами осаждаетъ Ярислейфа въ Кiевѣ, а Святополкъ съ тестемъ своимъ Болеславомъ Польскимъ, встрѣчаютъ Ярослава на Бугѣ; Бурислейфъ разбитъ у Кiева Эймундомъ, а Святополкъ съ съ Болеславомъ разбили Ярослава на Бугѣ; Бурислейфъ бѣжитъ въ Туркландiю, а Святополкъ въ Печенѣги; Бури-

(525) Эймундова Сага, глава 8 и 9.

слейфъ павелъ на Ярислейфа Турковъ и Бѣло-Кумановъ, а Святополкъ Печенѣговъ; Бурислейфу отрубилъ въ лѣсу Эймундъ голову, а Святополкъ разбитъ Новгородцами на рѣкѣ Альтѣ, орошенной кровію святаго Бориса; Бурислейфа погребаютъ въ Кіевѣ и погребеніе его дѣлается извѣстно многимъ, а Святополкъ, не смѣя остановиться въ Польшѣ у раздраженнаго тестя, кончаетъ жизнь въ пустынѣ между Польскою землею и Чешскою. Что же тутъ сходнаго?

Не обративъ никакого вниманія на такое *разительное несходство* жизни и дѣйствій мнимаго Бурислейфа и нашего Святополка, защитники Эймундовой саги тотчасъ пускаются въ *догадки:* «извѣстно» *(кому же?)*, «что Варяжскіе князья имѣли по *нѣскольку* именъ, изъ которыхъ одними называлися они *дома*, другими въ *народѣ*, третьими въ *войскѣ*, и такъ далѣе, чтобъ *скрыть настоящее свое имя* и тѣмъ *предохранить себя отъ испорченія колдовствомъ*» (324). Исторія говоритъ совсѣмъ не то: родоначальникъ Варяжскаго Дома, Рюрикъ, назывался Рюрикомъ и дома и въ народѣ и въ войскѣ; братъ Рюриковъ Синеусъ также носилъ одно имя; Труворъ также одно; родственникъ ихъ Олегъ также, Игорь Рюриковичь также одно, Святославъ Игоревичь также; дѣти Святослава: Ярополкъ съ Олегомъ и Владиміромъ (до принятія крещенія) имѣли также по одному имени; въ 988 году Владиміръ получилъ другое имя, Греческое, *Василій*, потому что принялъ въ Херсонѣ святое крещеніе по обряду Восточной Православной церкви Греческаго исповѣданія, а совсѣмъ не потому, будто бы хотѣлъ «предохранить себя отъ испорченіа колдовствомъ», и съ того времени Русскіе князья носили по два имени: одно, *Христіанское, Греческое,* въ память какого либо Святаго, чтимаго Церковію и признаваемаго молитвенникомъ крещаемаго, а другое, *старинное Славяно-Русское,* въ честь кого либо изъ предковъ, *именно какъ болѣе извѣстное въ народѣ и войскѣ.* Вотъ причина двухъ именъ, съ 988 года! «*Быть можетъ*, что въ Новгородѣ это имя (Бураславъ) было даваемо Святополку *въ порицаніе*, ибо Бураславъ значитъ то же что разрушитель» (325), и недовольные одного догадкою, придумываютъ еще новую: «*многія* Польскія княжны носили

(324) Библ. для Чт. (1834) т. I, Науки. стр. 61, прим. 24.
(325) Тамъ же.

имя Буриславы; *ежели* супруга Святополка называлась Буриславою, то соперникъ Ярославовъ *могъ* принять это имя *въ угодность женѣ* или *своему тестю»* ([326]). Но какъ же таки до 1834 года, до появленія въ свѣтъ Б. для Ч., это обстоятельство никому въ мірѣ не было извѣстно? отчего же никто изъ Русскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ лѣтописателей не знаетъ, что была на свѣтѣ Польская княжна *Бурислава* Болеславовна, выданная за Святополка, который въ *угодность* супругѣ, кккъ нѣжный рыцарь, *могъ* перемѣнить свое имя и назваться Буриславомъ? отчего же въ Польшѣ никто таки не прозналъ, что родственникъ Польскаго короля, какъ дамскій угодникъ, назвалъ самъ себя Буриславомъ? отчего и въ Германіи звали тестя Болеславова не Буриславомъ, а Святополкомъ или Свентепулкомъ? ([327]) Отчего же все это?...

Точно такихъ же несообразностей исполненъ разсказъ о дальнѣйшихъ похожденіяхъ Эймунда, сравнительно съ Несторомъ, слышавшимъ обо всемъ отъ девяносто-лѣтняго старца Яна, современника Владимірова, Святополкова и и Ярославова:

Норманны Эймундовы, не получая исправно жалованья, грозятъ Ярислейфу уѣхать къ *брату* его, *Полоцкому Конунгу Вартилафу;* супруга Ярислейфа Ингигерда звала Эймунда на переговоры, въ намѣреніи — его убить: Эймундъ замѣтилъ условный знакъ и спасся; по прибытіи въ Полоцкъ, они были въ большой чести и почитаніи у Конунга Вартилафа ([328]).

Въ Полоцкѣ княжилъ, при Ярославѣ, его *родной племянникъ, Брячиславъ Изяславичъ*, внукъ Рогнѣды и Владиміра Равноапостольнаго ([329]).

Вслѣдъ за тѣмъ, въ Полоцкъ прибыли *послы отъ Конунга Ярислейфа* требовать *весей и городовъ, лежащихъ поблизости его владѣнія*, отъ Конунга Вартилафа;

Причиною войны былъ *племянникъ Ярославовъ*, Брячиславъ: сей юноша *хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость, взялъ Новгородъ* (1021), о-

---

(326) Библ. для Чт. I, Науки: стр. 61, пр. 24.

(327) Дитмара Мерзебургскаго Chron. VII;—Ист. Гос. Росс. II, прим. 1.

(328) Эймундова Сага, гл. 10

(329) Ист. Гос. Росс. II, стр. 19.

по совѣту Эймунда, *Вартилафъ отказалъ* и *назначилъ* брату *мѣсто*, гдѣ можно сойтись для сраженія (330).

Обѣ рати *сошлись* въ опредѣленномъ мѣстѣ, на границѣ той страны, и такъ *простояли семь ночей*; а между тѣмъ Эймундъ узналъ, что Господыня Ингигерда ѣдетъ въ станъ къ мужу, ночью засѣлъ съ Рагноромъ въ лѣсу на одной дорожкѣ; *Ингигерда* ѣхала только съ двумя всадниками, и была *похищена* удальцомъ Норвежскимъ (332).

Эймундъ привелъ *Ингигерду въ Полоцкій станъ* и *самъ Вартилафъ сторожилъ ее*; тогда, при посредничествѣ Норвежскаго храбреца, она изъявила желаніе примирить *братьевъ*: собрали людей и *Господыня* начала *творить миръ* (334).

Она сказала Конунгу *Ярислейфу*, что ему держать впередъ самую важную часть Гардарика, то есть *Гольмгардъ* (Новгородъ), а *Вартилафу* владѣть *Кунигардомъ* (Кіевомъ), другою лучшею частію всѣхъ владѣній, съ податями и сборами, *отчего онъ будетъ имѣть вдвое болѣе владѣній*, нежели какъ имѣлъ прежде; *Палтескъ* (Полоцкъ) и область, лежащую подлѣ, имѣть Конунгу *Эймунду* и быть ему тамъ *Конун-*

грабилъ жителей и множество Новгородцевъ повелъ въ плѣнъ (331).

И пришедшу ему (Брячиславу) къ Судомирѣ рѣцѣ (Псковской губерніи Порховскаго уѣзда) *Ярославъ (выйде) изъ Кыєва и въ седьмый день* (обратнаго похода Брячиславова) *постиже й тутъ* (333).

Брячиславъ на Судомъ потерпѣлъ пораженіе: *плѣнники Новгородскіе освобождены Ярославомъ*, а племянникъ его ушелъ въ Полоцкъ (335).

Желая прекратить вражду съ племянникомъ, *Великій князь Кіевскій* Ярославъ Владиміровичь, призва его и вда ему *два града*: Свячь (Усвять, Суражскаго уѣзда) и Вибдескъ (Витебскъ), и рече ему: «буди же со мною одинъ», то

(330) Эймундова Сага, гл. 11

(331) Ист. Государства Россійскаго, т. II, стр. 19.

(332) Эймундова Сага, гл. 11.

(333) Ист. Гос. Рос. т. II, прим. 21.

(334) Эймундова Сага, гл. 11.

(335) Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи, т. I, кн. II, стр. 15.

гомъ, пользуясь всѣми земскими сборами, какія тамъ положены ([336]).

есть: будемъ жить ладно, единодушно! ([337]).

Конунгъ Вартилафъ *жилъ въ Кіевѣ не болѣе трехъ зимъ*: тогда захворалъ онъ и *умеръ*; послѣ него, Кіевское владѣніе взялъ Конунгъ Ярислейфъ. По *Эймундѣ* владѣлъ *своею* Полоцкою областью, и *умеръ не старъ*; онъ скончался безъ наслѣдниковъ отъ тяжской болѣзни: смерть его была весьма прискорбна *всѣмъ жителямъ тѣхъ странъ* ибо изъ иностранцевъ никого не было умнѣе Конунга Эймунда въ Гардарикѣ ([339])

Племянникъ Великаго Князя Кіевскаго, Брячиславъ Изяславичь Полоцкій, прожилъ еще 23 *года* и скончался въ своихъ родовыхъ земляхъ въ 1044 году ([338]).

Будучи больнымъ, *Эймундъ* передалъ свою Полоцкую область *совоспитаннику своему*, *Рагнару*, считая его достойнѣйшимъ воспользоваться его: это состоялось *по соизволенію* Конунга *Ярислейфа* и Господыни *Ингигерды* ([340]).

Передъ смертію, *Брячиславъ* передалъ свое родовое Полоцкое княжество, сыну своему *Всеславу*, который и вступилъ въ 1044 году на Полоцкій престолъ *независимо* отъ дѣда, Великаго Князя Кіевскаго ([341]).

Что же нашли сходнаго между Скандинавскою *сагою* и разсказомъ *современниковъ* Ярослава, сохраненнымъ въ *лѣтописи* Преподобнаго Нестора? Почему же небывалый *братъ* Конунга Ярислейфа *Вартилафъ* долженъ быть признаваемъ за *племянника* Ярославова, *Брячислава?* Неужели и тутъ несчастное *сходство звуковъ* должно быть принято за верховное судилище истины, не смотря на разительное несходство *дѣйствій* того и другаго лица, *сказочнаго* Вартилафа и *дѣйствительно-бывшаго* Брячислава? Какимъ образомъ допустить княженіе Эймунда и его наслѣдника Рагнара въ Полоцкѣ, когда извѣстно, что Полоцкое княжество не выходило изъ подъ-владѣнія династіи Св. Владиміра? И какъ же это: герой, превосходившій всѣхъ иностранцевъ умомъ, надѣлавшій столько чу-

(336) Эймундова Сага, Гл. 11.
(337) Ист. Гос. Росс. II, прим. 21.
(338) Арцыб. II, стр. 21.
(339) Эймундова Сага, гл. 11.
(340) Тамъ же.
(341) Карамзинъ и Арцыбышевъ.

десъ въ Россіи, оплаканный всѣми жителями ея,— по увѣренію Исландцевъ, или даже хоть бы и самихъ Норвежцевъ,—неизвѣстенъ никому-таки изъ Русскихъ? . . . Тутъ, право, позадумаешся . . .

Но защитники сагъ въ то время охотники до *романическихъ оказій;* а въ Эймундовой сагѣ ихъ прельстило похищеніе Ингигерды (никому въ мірѣ неизвѣстное) и слѣдующее обстоятельство, которымъ достойно заключается эта сказка: «*Олафъ Святой Гаральдовичъ* былъ въ гостяхъ въ Гардарикѣ; всѣ знатные мужи весьма уважали Конунга Олафа во время пребыванія его въ томъ краю, но болѣе всѣхъ ярлъ Ронгвальдъ и Господыня Ингигерда, которая даже имѣла съ нимъ *тайную любовную связь.*» (342) Любители романическихъ похожденій *героевъ нашего времени* обрадовались этому *сказочному* эпизоду Эймундовой *сказки* и въ душевномъ восторгѣ пустились въ такія размышленія: «Сага сохранила, для потѣхи *безпристрастнаго* потомства, нѣсколько *придворныхъ сплетней* той глубокой древности, и мы находимъ въ ней даже *соблазнительную лѣтопись* Великаго Новагорода. Господа Исландцы намекаютъ, что *прекрасная Ингигерда*, кромѣ мужа, пошла въ своей жизни еще другаго *чувствительнаго друга*, Норвежскаго Короля Олафа, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Шведскимъ Королемъ Олафомъ (ея отцемъ), и который, посѣтивъ супруга ея въ Новѣгородѣ, пріобрѣлъ было *особенное ея благорасположеніе, но очень тайно и съ соблюденіемъ должныхъ приличій*» (343). Накинувъ, такимъ образомъ тѣнь подозрѣнія на супругу Ярослава, любители сагъ разсуждаютъ: «мы не совѣтуемъ никому вносить это въ Исторію. Почемъ знать, какъ это было?» но потомъ, какъ-бы опомнившись, продолжаютъ: «правда, что Ярославъ былъ скупъ, хромъ, нерѣшителенъ, слабъ до крайности . . .» (344) и тѣмъ опять даютъ намекъ, что— молъ—у такого мужа позволительно женѣ и разрѣшить себѣ «изволить тѣшиться», т. е. «слѣдуя Забалтійскимъ Скандинавскимъ обыкновеніямъ», завесть себѣ «кромѣ мужа, еще другаго *чувствительнаго друга*», только «очень тайно и съ соблюденіемъ должныхъ приличій». Если принять за истину, что *истина* для Исторіи *не нужна*, осо-

---

(342) Библ. для чт. (1836) т. II, Науки, стр. 46.

(343) Тамъ же т. I, Науки, стр. 71—72.

(344) Тамъ же, стр. 72.

бедно для древней, и что съ нея довольно *правдоподобія*, то пожалуй можно себѣ позволить тѣшиться размышленіями о любовной связи Ярославовой супруги съ Олафомъ Святымъ; но если припомнить мудрое изрѣченіе Цицерона ([345]), доказывающее, что и язычники ставили первымъ условіемъ Исторіи *истину*, то невольно придетъ на мысль: имѣемъли мы право, основываясь на *Исландской* сказкѣ, которая на каждомъ шагу противорѣчитъ историческої истинѣ, набрасывать тѣнь подозрѣнія на память *Русской* Великой Княгини, заслужившей почтеніе всѣхъ *Русскихъ* благочестивою безукоризненною жизнію, и за Христіанскія добродѣтели причтенной по смерти къ лику Святыхъ ([346])? Неужели развратницу, которая заводитъ себѣ хахалей или (выражаясь языкомъ Сагофиловъ) «находитъ себѣ чувствительныхъ друзей», Церковь причла бы къ лику Святыхъ?... Обратите-ко ваше вниманіе на это обстоятельство, господа скандинавоманы и сагофилы! обсудите-ко дѣло-то безпристрастно и хладнокровно, такъ и сознаетесь, что Шлёцеръ былъ правъ, называя саги бред-

([345]) Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae et nuntia vetustatis.

([346]) Память супруги Ярославовой, Анны, празднуется въ Софійскомъ Новгородскомъ Соборѣ 10-го Февраля и еще 4-го Октября, вмѣстѣ съ памятью сына ея, Владиміра Ярославича; второе празднество установлено въ началѣ XV столѣтія, какъ утверждаетъ Софійская лѣтопись подъ годомъ 6947 (1439)-мъ: «Архіепископъ Евфимій позлати гробъ Князя Владимера, внука Великаго Владимера и *подписа;* такожде и матери его Анны гробъ *подписа,* и покровы положи, и *память имъ* устави творити Октоврія въ 4-й день». — Гробъ Святой супруги Ярослава стоитъ внутри Новгородской Софійской церкви, на южной сторонѣ, съ надписью: «Святая Благовѣрная Княгиня Анна, мать Святаго Благовѣрнаго Князя Владиміра Ярославича, Королевна Шведская, Олафа перваго Шведскаго Короля дочь, называлася въ своей земли Ингегерда, которая прежде была невѣста Олафа, Короля Норвежскаго, потомъ супруга Ярослава Владиміровича Новгородскаго и Кіевскаго, преставилася въ лѣто отъ С. М. 6559, отъ Р. Х. 1051; положены мощи ея въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ». — По лѣтописямъ же, она скончалась 6558 (1050) года. — Татищевъ думалъ, что Ингигерда называлась, по принятіи Православія, Ириною, ибо Ярославъ (во Св. крещеніи Георгій или Юрій), построилъ вмѣстѣ съ монастыремъ Св. Георгія и монастырь Св. Ирины; однакожь на древнихъ ея иконахъ, которыя хранятся въ Новгородскомъ Архіерейскомъ домѣ изображено имя Анны; въ письменномъ Софійскомъ Уставѣ, она также называется *Анною* подъ 5-мъ числомъ Сентлбря и 4-мъ Октября.

нями, глупостью, сказками Исландскихъ старухъ, сумазбродствомъ, отъ котораго надобно отказаться изыскателямъ Русскихъ древностей.

А что Шлёцеръ былъ правъ, доказываютъ всѣ творенія шлёцеріанъ уніатовъ, соединившихъ его ученіе съ Байеровымъ и Миллеровымъ. Почтенный Юрьевскій профессоръ, гнъ Крузе принялъ шутку Барона Брамбеуса за правду и объявилъ, что теперь уже сами Русскіе писатели отдаютъ сагамъ (сказкамъ) преимущество передъ лѣтописью Нестора: «саги нынѣ *болѣе* и *болѣе* получаютъ *вѣроятія*, и *часто* самими Русскими писателями *предпочитаются Нестору* въ отношеніи первобытнаго времени» ([347]); Московскій профессоръ, М. П. Погодинъ помѣстилъ также въ число *Источниковъ Русской Исторіи* Скандинавскія *лѣтописи*, увѣряя, будто бы Эймундова Сага издана *для образца* ([348]). На помощь почтеннымъ профессорамъ, Юрьевскому и Московскому, явился гнъ Сабининъ, и тогда началось истинно-уніатское

V. *Наижесточайшее злоупотребленіе филологіи.* Увлекшись восхищеніемъ отъ филологической пытки, посредствомъ который изъ *Якуна Варяжскаго*, сражавшаго за Ярослава съ Мстиславомъ, сдѣланъ былъ *Эймундъ Норвежскій*, сражавшійся за Ярослава съ небывалымъ Бурислейфомъ, а потомъ противъ Ярослава за небывалаго брата его Вартилафа, — шлёцеріане, байеріане и миллеріане рѣшились выступить на защиту Скандинавоманіи противу здраваго смысла. Одаренные пылкимъ воображеніемъ, они во всемъ начали видѣть Скандинавщину. Ученому автору статей о произхожденіи наименованія Бояринъ, о Волосѣ и Купалѣ, природному Русскому, показалось даже, что еще въ деревнѣ, гдѣ всѣ говорили только по-русски, онъ уже умѣлъ правильно объясняться по-Исландски: «помню», пишетъ гнъ Сабининъ, «что въ дѣтствѣ моемъ, я, живши *въ деревнѣ*, спрягалъ глаголы болѣе *по Исландскимъ спряженіямъ* нежели по Гречевой *Русской* грамматикѣ» ([349]). Объявивъ себя урожденнымъ Исландцемъ, нашъ ученый сталъ утверждать, что наша Церковно-Славянская азбука (заимствованная, какъ извѣстно, отъ Грековъ) *вѣроятно* взята отъ Скандинавовъ, хотя форма и наименованіе Сла-

---

([347]) Жур. Мин. Нар. Просв. (1835), ч. IX, Науки, стр. 49.

([348]) Начертаніе Русской Исторіи, соч. профессора Погодина, стр. 392.

([349]) Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), ч. XVI, Науки: стр. 65.

вянскихъ буквъ совсѣмъ другія, нежели Скандинавскихъ рунъ; но это — разсуждалъ гнъ Сабининъ — произошло такимъ образомъ: Славяне, любя изящество, измѣнили форму Скандинавскихъ рунъ для *благообразія*; а имѣя нѣжный слухъ, дали всему другое названіе — для *благозвучія*: «въ названіи буквъ нашего алфавита обнаруживаются частію имена рунъ, частію имена Скандинавскія, и если *замѣтно* въ нихъ *преобразованіе*, то оно сдѣлано *кажется* только для благозвучія» (350). Господинъ Сабининъ признаѐтъ уже за истину, что съ незапамятной древности «нынѣшняя Россія была населяема Руссами» (351), но думаетъ, что эти Руссы были не Русскіе (Славяне), а Скандинавы. Это, по мнѣнію гна Сабинина, и доказать не трудно. Во первыхъ, сходствомъ личныхъ именъ: у Русскихъ въ Полоцкѣ былъ *Рогволодъ*, а у Скандинавовъ *Röngvaldr*; у Русскихъ былъ *Игорь*, а у Скандинавовъ *Ivar*; у Русскихъ *Олегъ*, а у Скандинавовъ *Oro* (352): не правда ли, какъ сходны? особенно послѣднее имя: у насъ начинается буквою *о*, и у Скандинавовъ также? такъ чего же болѣе! кричите же съ торжествомъ: ergo, Руссы были Скандинавы! и выслушайте второе доказательство, основанное на сходствѣ именъ городовъ, въ подтвержденіе чего указываютъ намъ только одно имя, но за то удивительно сходное: «настанетъ время и произведетъ то, что *Кіевъ* мы назовемъ *Скандинавскимъ* именемъ *Kaup* (Кёнпъ), то есть мѣстамъ торговли» (353): И такъ, мы должны, по мнѣнію автора ожидать, что настанетъ время торжества Скандинавоманіи надъ здравымъ смысломъ? Если это сбудется, тогда конечно Русскій народъ согласится перехуродовать нашъ родной Славянскій Кіевъ (354) въ Скандинавскій Kaup; но такъ,

---

(350) Журн. Мин. Нар. Просв. (1837). т. XVI, стр. 71.

(351) Тамъ же, стр. 75.

(352) Журн. Мин. Нар. Просв. (1841), ч. XXXI, Науки: стр. 21

(353) Жур. Мин. Нар. Пр. 1837, ч. XVI, стр. 73.

(354) Кромѣ нашего Кіева, извѣстны еще: въ при-Балтійской Руси *Кіева-Долина*, Kyow's Thal, деревня въ Помераніи въ ¼ мили отъ города Дамма при Одерѣ, въ округѣ Укермюндскомъ (Geograph. Fabri, t. II, B. 4, стр. 404); — *Кіево*; Kiewe, въ Мекленбургѣ (Erdbeschreibung von Gaspari, I Abtheil. 2 Bd. стр. 394; — *Кіевель*, Kiewel, при рѣчкѣ Обрѣ, въ Познанской области (Gaspari, t. 3, стр. 616); — *Кіёвъ*, Kigow (читай Kijow, ибо у Чеховъ $g = j$) въ Моравіи, тамъ же, ч. 5, стр. 616; — *Кіевы поля*, τά Κιв πεδία орошаемыя въ древней Панноніи (нынѣшней Венгріи) рѣкою Дравою, упоминаются историкомъ Зосимою (кн. 2,

какъ — слава Богу — еще нѣтъ печальной надежды, чтобы Господь Богъ лишилъ Русскихъ здраваго смысла, то и едва ли настанетъ вожделѣнное для Скандинавомановъ время, какъ бы ни хлопотали они, выискивая *самыя ученыя* доказательства тожества Руссовъ и Скандинавовъ. . . Это, третье доказательство, по мнѣнію гна Сабинина, заключается въ словахъ *болярин*ъ и *бояринъ*. Забывъ, что самые тѣ высшіе сановники, которые у Нестора названы Болрами, въ Сборникѣ Святослава (1073) два раза именуются Болярами ([355]), чѣмъ и доказывается древняя тождественность обоихъ названій, — забывъ, что санъ бояръ былъ почетнѣйшимъ въ Россіи, означая не только главныхъ начальниковъ въ *бою*, но и въ мирное время важнѣйшихъ особъ, которые окружали Государя и потому были *болѣе* всѣхъ, — нашъ Скандинаволюбецъ утверждаетъ что *болярин*ъ и *болринъ* слова совершенно различныя, хотя оба происходятъ *вѣроятно* отъ Скандинавскаго или Исландскаго; сознается, что «въ Исландскомъ языкѣ *нѣтъ* этой формы» ([356]), но все-таки думаетъ, что оба эти слова непремѣнно заимствованы отъ Скандинавовъ. Для доказательства жь такого различія и такого произхожденія, ученый авторъ беретъ въ пытку наше обще-Славянское слово *поле* ([357]), объявляетъ его иностраннымъ, которое *можетъ быть* произносилась *боле*, и потому есть дитя языка Скандинавскаго: «въ Исландскомъ языкѣ есть слова bol, откуда *конечно* (!) произошло наше Русское слово *поле*, означающее (!?) praedium, villa, *помѣстье въ деревнѣ*» ([358]). Такимъ образомъ, ученый толкователь превратилъ *болярина* въ простаго *помѣщика*, забывъ, что *не всѣ* помѣщики были у насъ въ древности болярами или боярами, но только высшіе, бо̀льшіе всѣхъ остальныхъ сановниковъ; что въ словѣ *поле* коренной слогъ *пол* находится во *всѣхъ* языкахъ Славянскихъ, у *всѣхъ* народовъ Славянскихъ, и

гл. 46; — *Кіевецъ* по увѣренію Целлярія (Древняя географія т. I, стр. 468), донынѣ существующій подъ тѣмъ же названіемъ; иностранцы называютъ его Cius.

(355) Ист. Гос. Рос. I, прим. 167.

(356) Журн. Мин. Нар. Просв. (1837), ч. XVI, Науки: стр. 73.

(357) У Русскихъ и Болгаръ *поле*; у Поляковъ pole; у Сорабовъ въ Верхней Лузаціи poljo, въ Нижней pohlo; у Чеховъ и Словаковъ pole; у Словенцевъ въ Славоніи и Крайнѣ, polje; у Кроатовъ polye; у Сербовъ въ Сербію *поље*, въ Босніи poglje, въ Далматіи polye.

(358) Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), XVI, стр. 74.

потому не можетъ почитаться за передѣланный нами Русскими Скандинавскій корень *bol*; наконецъ, что ни въ одномъ Славянскомъ языкѣ слово *поле* не означаетъ *помѣстья* (359). Превративъ же «болярина» въ Скандинава-помѣщика, гнъ Сабининъ призываетъ на филологическую расправу *боярина* и объявляетъ, что, онъ не болѣе какъ городской обыватель либо придворной слуга: «*бояринъ*, по моему *убѣжденію*, есть слово Скандинавское, или что то же Исландское Baearmen или Baejarmen, что значитъ cives urbani (граждане) и domestici (служащіе при какомъ либо дворѣ)», забывъ опять, что не всякій горожанинъ былъ бояринъ, даже не всякій придворный сановникъ (не только служитель) имѣлъ право называться бояриномъ (360). Низведя такимъ образомъ Русскаго боярина въ званіе мѣщанина или городскаго обывателя и придворнаго слуги, гнъ Сабининъ представляетъ четвертое ученое доказательство, что Русскіе были не Русскіе, а Скандинавы: «Религія въ древней Россіи была *Скандинавская*, а не Славянская» (361), а это видно изъ того, что Русскимъ были извѣстны боги Скандинавовъ: Бальдюръ и Одинъ. Правда, что Русская Миѳологія знать не знаетъ Бальдюра; но гнъ Сабининъ сей часъ докажетъ, что нашъ Славянскій *Купало* и есть Скандинавскій *Бальдюръ*. Саги толкуютъ, что Бальдюръ, бывъ сожженъ на кораблѣ, упалъ въ воду—ну, такъ, знаете, и по неволѣ, искупался въ морской соленой водицѣ; а просолившись порядкомъ въ морской купальнѣ, Скандинавъ-Бальдюръ и вышелъ изъ моря уже Славяниномъ-Купалой (362). Скандинавскія нимфы *Валькиріи*, «сестры войны и дѣвы сѣчь, посылаемыя Одиномъ раздѣлять побѣду и смерть между сражающимися,» также были извѣстны Русскимъ: «сравните», пишетъ г. Сабининъ, «Пѣсню о Во-

(359) Слово *поле* имѣетъ 9 значеній: 1) равнина внѣ селенія, которая поросла травою и не занята лѣсомъ; 2) пашня, нива; 3) мѣсто, на которомъ войско становится станомъ; 4) главный цвѣтъ, который на платкахъ, ситцахъ и т. п. составляетъ основу для узоровъ или полосъ разноцвѣтныхъ; 5) края чего, напр. шляпы; 6) бѣлая закраина на страницѣ писанной или печатной; 7) часть столпа между архитравомъ и карнизомъ; 8) стар: мѣсто, судебнаго поединка, рѣшавшаго тяжбу; 9) случай, предметъ, напр. для размышленія. — Корнесловъ Шимкевича, II, стр. 21.

(360) Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), XVI, стр. 44, 71;—сравните выше, у меня, прим. 89.

(361) Тамъ же, т. XVI, стр. 79.

(362) Тамъ же, 1841, ч. XXXI, стр. 21.

люндѣ, находящуюся въ старшей Эддѣ, съ *сказкою Жуковскаго* о Царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кащея безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кащеевой дочери, — и вы увидите въ *тридцати дочеряхъ Кащея* сходство съ *Валкиріями* Сѣверной Миѳологіи: онѣ *летаютъ*; оставляютъ на берегу *неосторожно* свои *платья*, какъ Валкиріи; одна изъ нихъ *помогаетъ* Ивану Царевичу продолѣть злость отца своего Кащея; Иванъ Царевичъ, подобно Волюнду, *женится* на ней» (363). Воспользовавшись такъ удачною сказкою, написанною *поэтомъ XIX вѣка*, и употребивъ ее для *ученаго* доказательства, будто бы у насъ *въ древности* была религія не Славянская, а Скандинавская, гнъ Сабининъ отдаетъ подъ судъ нашего Волоса и уличаетъ его, что онъ не Славянскій *Волосъ*, а Скандинавскій *Одинъ:* «имена ихъ *различны* (!) по звуку, а *въ сущности* своей (?) —*одно* и то же имя» (364). По мнѣнію гна Сабинина, «такъ какъ въ мірѣ существуютъ многіе діалекты языковъ, то *всѣ народы* считали *необходимымъ* для себя—измѣнивъ имя Одина, примѣнить его къ собственному нарѣчію, для должнаго поклоненія ему и для принесенія ему обѣтовъ о своемъ спасеніи; вотъ отчего изъ Водина или Воольда *могъ* сдѣлаться Волосъ: Одинъ, Водинъ, Водъ, Вольдъ Воольдъ, Володъ, Волотъ, Волосъ» (365). Заставивъ такимъ образомъ Славянскаго *Волоса* признать себя Скандинавомъ Одиномъ, гнъ Сабининъ ведетъ его опять въ этимологическую пытку, для доказательства, что и самъ *Одинъ* то́ же плутъ и только прикидывается Скандинавомъ, но въ самомъ дѣлѣ не Скандинавъ, а Индіецъ *Будда* либо Китаецъ *Фо*, словомъ, что все это «Будда, который перешелъ за границы Индіи, *можетъ быть,* вмѣстѣ съ народами вышедшими оттуда (366), распространился почти по всей Азіи и Европѣ, даже перешагнулъ въ Мексику» (367). Одно только затрудненіе встрѣтилъ нашъ ученый: Русскій

---

(363) Жур. Мин. Нар. Пр. 1843, ч. XL, Науки, стр. 32.

(364) тамъ же стр. 47.

(365) Стр. 49.

(366) Ученый авторъ статьи о Волосѣ повѣрилъ въ всемъ этомъ Финну Магнусену, не зная, какъ справедливо осмѣяна эта Индоманія *благоразумными* Русскими оріенталистами; см. мнѣніе О. И. Сенковскаго, приведенное въ моей книгѣ, подъ стр. 70 — 73, въ прим. 7.

(367) Жур. Мин. Нар. Просв. (1843), XL, стр. 49.

Волосъ, — извѣстный и прочимъ Слявянамъ (368), — былъ *скотій богъ*, то есть богъ скота, «Одинъ же въ сагахъ, называется богомъ не скота или домашнихъ животныхъ, а денегъ, и богатствъ скрытыхъ въ землѣ, въ горахъ и камняхъ» (369); желая уничтожить это *маленькое* различіе, гнъ Сабининъ допускаетъ догадку Арцыбышева, что *скотъ* означаетъ не *скотъ* а деньги, и передѣлано Русскими изъ Шведскаго skatt, слѣдственно «Волосъ, скотій богъ, есть просто богъ *богатства вообще*, а не домашнихъ животныхъ или *скота*, *котораго* у нашихъ предковъ *почти совсѣмъ не было*; но они закупали его у Печенеговъ» (370); такая *остроумная* догадка, — какъ нельзя болѣе сообразная съ мѣстностью нашей Русской земли, — очень понравилась ученому автору, и онъ два раза повторяетъ се въ концѣ статьи: «слово *скотій богъ*, выражающее свойство Волоса, должно истолковать такъ, а *отнюдь не иначе*, то есть: назвать его вообще богомъ богатства и сокровищъ, и *можетъ быть* богомъ скота или домашнихъ животныхъ, *если только* скотъ *былъ* въ первобытной Россіи» (371); а въ примѣчаніи говоритъ: «не знаю, *былъ ли* скотъ въ первобытной Россіи, *или нѣтъ*» (372)... Разумѣется это сомнѣніе изъявлено только для того, чтобы имѣть случай объявить *скотъ*, Шведскимъ словомъ skatt; но Историческая Логика навѣрное скажетъ почтенному изыскателю: «ахъ, милостивый государь! какъ вы ошибаетесь: оглянитесь вокругъ себя и скажите безпристрастно: переводились ли скоты у насъ? посмотрите, какъ много въ Россіи всякихъ животныхъ: отъ Чернаго моря и до Бѣлаго сколько пасется скотинокъ! И всѣхъ таки кормитъ наша матушка Россія!... Если же у насъ и теперь изобильно животныхъ, почему жь въ первобытной Россіи не могло быть рогатаго скота? Загляните въ «Исторію Государства Россійскаго», т. I, пр. 477: тамъ вы можете видѣть, что ученая догадка Арцыбышева, была уже давнымъ-давно пред-

---

(368) Чехамъ, которые по свидѣтельству Вацерада, чтили Велеса; Сербамъ, у которыхъ въ Босніи есть гора Велесова; Болгарамъ, построившимъ въ Греціи городъ Велесъ; у насъ также произносилась это имя двоякимъ образомъ, *Волосъ* и *Велесъ*, какъ видно изъ Слова о Полку Игоревѣ «Бояне, Велесовъ внуче».

(369) Жур. Мин. Нар. Просв. (1843), т. XL, стр. 50 и 30.

(370) Тамъ же, стр. 26, прим.

(371) Тамъ же, стр. 52.

(372) Тамъ же, прим.—

ложена и давнымъ-давно опровергнута. Арцыбышевъ только возобновилъ догадку Болтина, которому очень справедливо отвѣтствовалъ Карамзинъ: «когда Латинское слово pecunia (деньги, имѣніе, богатство) происходитъ отъ pecus (скотъ), то и древнее Русское имя *скотница*, въ смыслѣ казны, не можетъ ли имѣть такого же произхожденія? Домашній скотъ былъ первымъ богатствомъ людей»... Притомъ же, милостивый государь, увѣряя, будто бы скотъ не скотъ а Шведскія деньги, какъ вы поймете выраженія, подобныя слѣдующему: «изомре все: и кони и *скоти* и овцы» (375).

Увѣренный, что этими *учеными* доказательствами порѣшилъ дѣло, г-нъ Сабининъ оставляетъ въ покоѣ умъ читателя и хочетъ дѣйствовать на сердце, какъ повелѣваетъ Риторика; восклицаетъ: «*признаемъ* Руссовъ, разумѣется *кому угодно*, выходцами изъ Скандинавіи» (374); а такъ какъ читатели ему отвѣчаютъ: «рады бы радостью, да Историческая Логика не позволяетъ,» то ученый защитникъ Скандиваманіи начинаетъ стращать ихъ тѣмъ, что отдастъ предковъ въ рабство или по крайней мѣрѣ поставитъ въ подчиненность Скандинавамъ, и велитъ называться *Славянами* отъ Скандинавскаго Slav, Slaf, мн. Slaverne, что̀ значитъ *слабые, подчиненные, подручники* (375)... Но, видя, что угроза не оказываетъ ожидаемаго дѣйствія, смягчается и хочетъ испытать кроткія средства, изобрѣтя немедленно другую гипотезу. Позволивъ Славянамъ называться отъ *славы*, онъ останавливается, говоря, что это имя «слишкомъ учено»; однакожь, слѣдуя врожденной снисходительности своего сердца, приказываетъ Скандинавамъ *перевесть* это *слишкомъ ученое* имя: «*Рось* или *Русь* не есть ли только переводъ имени *слава* на Скандинавскіе діалекты, ибо Ros значитъ въ нихъ *слава*? Славяне и Русь не значатъ ли въ такомъ случаѣ одно и то̀ же? И не передано ль имя *Рось* или *Русь* Скандинавами при ихъ *торговыхъ* сношеніяхъ съ Востокомъ, жителямъ Востока» (376)? Такимъ образомъ Скандинавскіе хищники, — которые, по словамъ О. И. Сенковскаго, «не знали другой торговли кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышленности, кромѣ безпрерывной войны въ сей жизни и въ

---

(373) Ист. Гос. Рос. IV, прим. 175.

(374) Жур. Мин. Нар. Просв. (1837), т. XVI, Науки, стр. 84.

(375) тамъ же, стр. 77.

(376) тамъ же, стр. 79.

будущей,»—вдругъ измѣнились, по словамъ г-на Сабинина, выучились восточнымъ языкамъ и пустились торговать съ востокомъ; послѣ того, какъ люди ученые, перевели имя «Славяне» словомъ Ros, и стали называть насъ передъ жителями Востока именемъ Ros; мы подслушали этотъ переводъ и усвоили его себѣ, вмѣсто собственнаго имени... Не правда, ли какую честь автору приноситъ эта филологическая работца, и какъ она сообразна съ Историческою Логикою!

Блистательный примѣръ такой *ученой* и *удачной* операціи надъ Русскими словами побудилъ выйдти на поприще славы и того знаменитаго ученаго, который прославился не столько собственными произведеніями, сколько умѣньемъ—хранить «надменное безмолвіе,» почему и слылъ знатокомъ Русскихъ древностей. Принявъ твердое намѣреніе идти по слѣдамъ г-на Сабинина, почтенный изыскатель придумалъ новую гипотезу о происхожденіи имени *Русь:* по его мнѣнію, Греки *могли* называть Шведовъ *ἔϑνος πυϱϱον* (племя свѣтло-желтое) по цвѣту волосъ; имя *свѣтложелтый* въ мужескомъ родѣ *πυϱσος* (pyrsos) или *πυϱϱος* (pyrrhos); Шведы привыкли къ этому прозвищу въ Царьградѣ; но, *можетъ быть,* имъ *всѣмъ* слышалось *только одно окончаніе* этого слова *ϱος* (rhos), и вотъ всѣ они стали себя называть *кончикомъ* Греческаго словечка; на возвратномъ же пути изъ Греціи въ свое отечество чрезъ наши земли, эти Свейскіе витязи *можетъ быть* не только захотѣли, по какой-то неизвѣстной причинѣ, забыть свое настоящее имя (Свеи), но сами себя называли и всѣхъ просили называть ихъ уже не Свеями, но кончикомъ Греческаго слова; Славяне согласились, и такимъ образомъ произошло наше имя Русь ([377]): доказательно, ясно, остроумно, а пуще всего—учено! Какъ же не согласиться послѣ того съ біографомъ этого ученаго, что выдумка одной этой гипотезы «показываетъ твердое, безстрастное сужденіе, силу мышленія основательнаго и глубокаго, и проницательность, которыми одаренъ былъ». Сочинивъ такую славную гипотезу, онъ уже имѣлъ право погрузиться опять на нѣсколько лѣтъ въ надменное молчаніе и опочить на заслуженныхъ лаврахъ съ титломъ *знаменитаго историка*, который хотя и не написалъ никакой исторіи, но которому всѣ должны удивляться.

([377]) Bulletin Scientifique, t. IV, N 9 et 10, p. 141—142.

Но, между тѣмъ какъ всѣ *удивлялись* такимъ остроумнымъ походамъ нашихъ ученыхъ въ областъ Скандинавоманіи, возсталъ на защиту ея извѣстный Московскій профессоръ, М. П. Погодинъ и смѣлою рукою произвелъ —

V. *Фантастическо-ученое построеніе древней Русской Исторіи, наперекоръ Несторовой лѣтописи.* Нѣкогда, въ «Московскомъ Вѣстникѣ,» г-нъ Погодинъ писалъ объ Исторіи Государства Россійскаго: «Карамзинъ *великъ* какъ художникъ-живописецъ, хотя его картины часто похожи на картины того славнаго Итальянца, который *героевъ всѣхъ временъ* одѣвалъ въ платье *своего времени;* хотя въ его Олегахъ и Святославахъ мы видимъ часто Ахиллесовъ и Агамемноновъ Расиновскихъ. Какъ критикъ, Карамзинъ *только что могъ* воспользоваться тѣмъ, что *до него было сдѣлано,* особенно въ древнѣйшей Исторіи» ([578]): вотъ ужь, право, излишняя снисходительность! Слѣдовало сказать: Карамзинъ *не умѣлъ* воспользоваться открытіями Байера, что Новгородцы суть Кабардинцы, а Бужане—Татарскіе Буджаки, или что Витичевъ на Днѣпрѣ есть Витебскъ (на Двинѣ); *не умѣлъ* воспользоваться и тѣмъ, что сдѣлано для древнѣйшей Исторіи Миллеромъ, особенно касательно превращенія Царя Дадона въ скандинавскаго бога Одина, а Бовы королевича въ Бауса Оденовича; *не умѣлъ* воспользоваться и открытіями Струбе, что Перунъ славянскій именно есть скандинавскій Торъ; *не умѣлъ* воспользоваться и гипотезою Шлёцера, что у насъ на югѣ былъ особый Азіятскій народъ, Rhos, неизвѣстная орда варваровъ, которые показались на западѣ и исчезли; шли съ востока, но неизвѣстно откуда; названы Россами, но неизвѣстно почему; прогнаны опять въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростью, но случаемъ, только неизвѣстно куда; *не умѣлъ* воспользоваться геніальною мыслью Рейнскаго патріотизма о внутреннемъ бытѣ Славянъ и значеніи Русскаго Славянскаго племени, забытаго до IX вѣка Отцемъ человѣчества; *не умѣлъ* воспользоваться удивительно-высокою мыслію объ основаніи Русскаго Царства шайкою дерзкихъ разбойниковъ, жестокихъ Шведскихъ грабителей, призванныхъ по неосторожности грубыми Славянами въ ландманы; *не умѣлъ* воспользоваться превосходными соображеніями о томъ, какъ Елена перешла въ католичество потому, что въ Царьградѣ

([578]) Московскій Вѣстникъ, ч. XII, стр. 188—189.

всѣ знакомые померли; наконецъ, слѣдовало сказать: Карамзинъ не только не *умѣлъ* воспользоваться ни одною изъ этихъ *ученыхъ* идей, но даже осмѣлился замѣтить, что Байеръ уважалъ сходство именъ недостойное замѣчаніе, и худо зналъ географію; что Миллеръ повторялъ Датскія сказки, и что у Шлёцера народы падаютъ съ неба и скрываются въ землю какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія (379)... Въ самомъ дѣлѣ, какой же ограниченный человѣкъ былъ Карамзинъ, не постигавшій величія Байера, Миллера и Шлёцера!... Но послушаемъ Михаила Петровича: «Какъ *философъ*, онъ имѣетъ *еще меньше* достоинствъ, и *ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтятъ ланъ* изъ его Исторіи. Апофегмы Карамзина въ Исторіи суть большею частію общія мѣста. *Взглядъ* его *на Исторію,* какъ науку, *невѣрный,* и это ясно видно изъ Предисловія»(380). Въ чемъ состоитъ невѣрность взгляда Карамзина, несправедливость общихъ мѣстъ его Исторіи, и какіе философскіе вопросы занимали умъ почтеннаго професора — любители Исторіи не узнали, потому что и донынѣ еще не увидѣла свѣтъ Божій—обѣщанная професоромъ (1829) книга «Карамзинъ, собраніе статей, относящихся до Исторіи» (381). Вмѣсто ее, Михаилъ Петровичъ началъ упражнятся въ стихахъ и прозѣ: отъ професора Исторіи, такъ строго осудившаго славное твореніе исторіографа, всѣ Русскіе ждали *доказательствъ;* но вмѣсто разбора Карамзина—въ 1830 году явилась «*Марса, Посадница Новогородская*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ». Почтенный професоръ хотѣлъ испытать свои силы въ *историческомъ* родѣ, а именно: когда безсмертная Екатерина ввела при Дворѣ Русскій языкъ, то за каждое иностранное слово, употребленое въ разговорѣ, опредѣлялось въ видѣ наказанія — выучить 100 стиховъ изъ Тилемахиды; въ наше время, при славномъ Внукѣ Екатерины Великой, Русская народность опять воскресаетъ; но если бы, для введенія въ общество Русскаго языка, введено было подобное же наказаніе, то гдѣ современная

(379) Сравните у меня выше, стр. LXXXVI—CVI.

(380) Моск. Вѣстн. XII, 188—189.

(381) Въ этой книгѣ М. П. Погодинъ обѣщалъ помѣстить слѣдующія статьи: о системѣ сказокъ, которыми обезображенъ первый періодъ Россійской Исторіи; взглядъ на первый періодъ Росс. Исторіи; разборъ первой главы въ Ист. Гос. Россійскаго; за Святополка, и проч.—Объявленіе помѣщено въ Моск. Вѣст. 1829, ч. 3, стр. 203.

Тилемахида? Почтенный профессоръ Исторіи чувствовалъ этотъ важный недостатокъ и — удачно восполнилъ его знаменитою «Мареою Посадницею», написанною такими стихами, какіе уже не показывались со временъ Тилемахиды Василья Кирилловича. — Въ 1832 году, вышли «*Повѣсти Михаила Погодина*» (въ 3 частяхъ) написанныя почтеннымъ авторомъ въ *дидактическомъ* родѣ: ловкій и остроумный профессоръ Исторіи хотѣлъ представить *очевидное* доказательство, что у кого нѣтъ ни слога, ни воображенія, ни глубины мысли, тому не должно писать *повѣсти*. Убѣдивъ себя и читателей въ этой великой истинѣ, онъ рѣшился опять испытать свои силы стихахъ à-la-Trédiakowsky, и съ этою цѣлію написалъ драму *Петръ Великій*, которая донынѣ остается ненапечатанною, хотя отрывки и явились было къ Русскимъ читателямъ: почтенный профессоръ Исторіи убѣдился наконецъ на опытѣ, что пародія на стихи и на шекспировское созданіе изъ жизни безсмертнаго Императора была бы только оскорбленіемъ памяти Великаго человѣка, и потому, какъ Русскій патріотъ, обрекъ свою драму на вѣчное забвеніе. Въ благодарность за это, Русскіе почитатели г. Погодина уже терпѣливо стали ждать появленія давно обѣщаннаго историческаго творенія. Въ 1835 году, они съ радостью прочли объявленіе, что вышла «*Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ*, сочиненіе М. Погодина;» но почтенный профессоръ Исторіи на этотъ разъ вздумалъ пошутить: подъ именемъ «Исторіи въ лицахъ» онъ попотчивалъ своихъ читателей опять драмой, только въ прозѣ. Это сочиненіе, кажется, написано авторомъ съ благою цѣлію—рѣшительно и окончательно убѣдить всѣхъ своихъ друзей и почитателей въ совершенной неспособности писать драму, даже въ прозѣ. Успѣшно достигнувъ этой цѣли, почтенный авторъ принялся *отдѣлывать* Исторію, какъ философъ.

Пока издавался «Московскій Вѣстникъ», М. П. Погодинъ умѣлъ пріобрѣсть себѣ хорошую извѣстность, какъ знатокъ Русской и Всеобщей Исторіи, нѣсколькими умными и дѣльными критическими замѣтками на разныя историческія сочиненія; участіе, которое принималъ въ изданіи журнала Юрій Ивановичъ Венелинъ, оказалось въ самыхъ благотворныхъ слѣдствіяхъ относительно развитія мыслительности у Михаила Петровича. Но, по мѣрѣ ослабленія этаго вліянія, Скандинавоманія пріобрѣтала бóльшую и бóльшую силу надъ почтеннымъ авто-

ромъ «Мареы» и «Исторіи въ лицахъ», наконецъ возобладала имъ совершенно, и чѣмъ далѣе шелъ онъ, тѣмъ глубже погружался въ тинистое болото дикихъ мыслей и странныхъ выраженій. Въ 1835 году онъ писалъ уже: «Исторія *усматриваетъ* Славянъ въ Европейской Россіи въ половинѣ IX вѣка» (382);—«сіи племена стояли на *низкой степени общественнаго образованія*, но жили уже въ постоянныхъ жилищахъ и воздѣлывали землю» (383); «они *смирны* — это ихъ отличительное свойство» (384); «Новгородцы въ 862-мъ году *призываютъ* предводителя одного Варяжскаго племени, Рюрика, *княжити* и *владѣти* ими: вотъ начало Русской Исторіи» (385). Въ этихъ фразахъ видѣнъ ученикъ Шлёцера, старающійся *благоразуміемъ* смягчить жесткія выраженія своего наставника; но далѣе, онъ уже переходитъ за границу естественной, благоразумной умѣренности: «потомки Рюрика *мечутся* во *всѣ* стороны, плаваютъ по *всѣмъ* рѣкамъ, переправляются чрезъ *всѣ* моря, пристаютъ ко *всѣмъ* берегамъ и берутъ дань съ жителей» (386); и наперекоръ Несторову свидѣтельству, что Рюрикъ *обладаше тѣми всѣми* племенами Сѣверной Руси, утверждаетъ, будто бы долго они сами *не знаютъ* за собою *никакой поземельной собственности:* одинъ (Рюрикъ) *живетъ* въ Новгородѣ, другой (Олегъ) идетъ *наудачу* въ Кіевъ, третій хочетъ остаться въ Дунайскомъ Переясловцѣ» (387); что «Кіевъ, бывъ только *кладовою* добычи, утвердился мѣстомъ пребыванія *предводителей*» (388); что «Владиміръ *разослалъ* сыновей съ дружинами на *житье* по разнымъ племенамъ—вотъ удѣльныя княжества» (389); что въ удѣльный періодъ «*кажется* всѣ князья *перерѣжутся*, какъ вдругъ изъ средины Азіи *вырываются* Монголы» (390); что «Монголы посадили насъ на *оброкъ:* князья сдѣлались ихъ *прикащиками*» (391), что «Калита сдѣлавшись *главнымъ управителемъ* Ханскимъ,

(382) Моск. Наблюдатель, 1835, ч. I, стр. 89.

(383) Тамъ же.

(384) Тамъ же.

(385) Ст. 90.

(386) Тамъ же.

(387) Тамъ же.

(388) Тамъ же.

(389) Стр. 91.

(390) Стр. 92.

(391) Стр. 93.

разбогатѣлъ и накупилъ себѣ много селъ и городовъ у мелкопомѣстныхъ князей (392); что послѣ «удачнаго опыта на Куликовомъ полѣ» (393) и до Іоанна III-го «Москва беретъ все себѣ, *искупаетъ*, наслѣдуетъ, *оттягиваетъ въ казну*» (394) ... Вотъ образецъ философіи и критики! вотъ какъ бы долженъ писать Карамзинъ, дабы выйдти оправданнымъ на грозномъ судилищѣ ученаго профессора.

Прошло семь лѣтъ. Скандиновоманія усиливалась; на защиту ея ревностно ополчились историческіе уніаты шлёцеріанства съ байеріанствомъ; розысканія о Рюрикѣ, о Волосѣ, о Купалѣ, о Бояринѣ, о Греческомъ происхожденіи имени Русь, и проч., крайне понравились Московскому профессору-стихотворцу, и онъ рѣшился вступить въ состязаніе съ Юрьевскимъ профессоромъ, если не относительно противорѣчій самому себѣ (въ этомъ гнъ Крузе не имѣетъ себѣ соперниковъ), то по крайней мѣрѣ относительно противорѣчій Нестору, равно какъ и *самыхъ ученыхъ* мнѣній, касательно фактовъ уже вполнѣ достовѣрныхъ. Прежде всего онъ объявляетъ какихъ трудовъ и сколько времени стоило—дойти до высокихъ идей, какія онъ разскажетъ читателямъ: «*долго, долго, въ сильное увеличительное стекло* надо смотрѣть на безобразную, разнородную *кучу* земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ *человѣческій хаосъ*, чтобъ наконецъ поймать въ немъ *трепещущую точку*, punctum saliens, поймать, *вонзиться взорами*, и уже *не выпускать* потомъ *ни на минуту* изъ виду, съ *напряженнымъ вниманіемъ* подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ чрезъ много, много лѣтъ *точка* эта обозначится, *забьется жизнію*, установится на своемъ мѣстѣ, *приметъ лице, одѣнется плотію, укрѣпится костьми* и *начнетъ дѣйствовать*» (395). Чувствуете-ль дыханіе философіи и критики, которыхъ недоставало Карамзину! Почтенный профессоръ *вонзился* взоромъ въ *трепещущую* точку Русской Исторіи и покажетъ намъ, какъ эта *точка* забьется *жизнію* еще не имѣя тѣла, и сперва приметъ *лице*, а потомъ уже одѣнется *плотію*, укрѣпится *костями* и начнетъ *дѣйствовать*.

---

(392) Москв. Наблюд. 1835, т. 1 стр. 94.

(393) Тамъ же, стр 95.

(394) стр. 97.

(395) Москвитянинъ, 1842, № I, стр. 200.

Въ 1835 году, онъ увѣрялъ въ «Наблюдателѣ», что призваніе Рюрика есть «*начало* Русской Исторіи»; теперь, подражая почтенному Юрьевскому-профессору, Московскій профессоръ пишетъ: «это произшествіе принадлежитъ *одному Новгороду* и то *ненадолго*» и увѣряетъ, будто бы «оно *оторвалось* отъ послѣдующей Исторіи», будто бы послѣ Рюрика «Новгородцы стали *платить дань заморскимъ* Варягамъ», будто бы «Новгородъ не соединенъ уже былъ съ *текущею рѣкою* Русской Исторіи», будто бы «въ Новѣгородѣ *мы* усматриваемъ *только новое гражданское*, то есть Норманское *начало* (!?) при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, блеснуло и угасло, и слѣдовательно, такое отдѣльное происшествіе *никакъ нельзя назвать началомъ Русскаго Государства:* это только *временный военный постой Нормановъ* въ одномъ городѣ» (396). Послѣ того профессоръ ищетъ «какого нибудь *перешейка* либо *моста* между этимъ островомъ и твердою землею» (397); этотъ перешеекъ или мостъ заключается въ томъ, что «началось *преемство*, стало за *кѣмъ* слѣдовать, хотя еще *въ пустомъ пространствѣ:* вотъ *почему* это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи» (398), и почему должно «воздать честь Новугороду, *старшему* сыну *Россіи, рожденному впрочемъ прежде матери*» (399). Какой глубокій философскій взглядъ, достойный Байера, Миллера и Струбе, а изъ новыхъ — Круга, Крузе и Сабинина! Есть ли что нибудь подобное у Карамзина? . . .

Но послѣдуемъ далѣе за трепещущею точкою, перешейкомъ или мостомъ. «Младенецъ Рюриковъ Игорь съ его дружиною есть *единственный результатъ* Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный *ингредіентъ въ составленіи государства*, тонкая *нить*, которою оно соединяется съ послѣдующими произшествіями; все прочее *прешло, не оставивъ* слѣда» (400), хотя чрезъ 8 страницъ пишетъ, что «духъ Норманскій, духъ движенія стихнулъ только черезъ 120 лѣтъ, уже въ 4-мъ колѣнѣ» (401).

---

(396) Москвитянинъ, 1842, № 1, стр. 200—201.
(397) Стр. 201.
(398) Тамъ же.
(399) Тамъ же.
(400) Стр. 202.
(401) Стр. 209—210.

Но возвратимся къ младенцу Игорю, или единственному ингредіенту, или же тонкой нитѣ: «такимъ *непримѣтнымъ атомомъ*, относительно къ формаціи, началось государство, зародышемъ, который именно *едва поймать можно* микроскопомъ *историческихъ соображеній;* это, употребимъ сравненіе, *корень безсмысленный слова*, первый элементъ звука» (402). Будемъ же наслаждаться «безсмысленнымъ корнемъ» разсужденія о происхожденіи Русскаго государства: «Олегъ, удалый Норманнъ, *соскучился* въ Новѣгородѣ, *или принужденъ былъ* оставить его; *пошелъ* съ младенцемъ Игоремъ *куда глаза глядятъ*» (403). Послѣднее выраженіе очень понравилось почтенному философу историку: онъ сталъ доказывать свою мысль только повтореніемъ прежде-сказаннаго: «*случай, прихоть, нужда!* Олегъ пошелъ *точно куда глаза глядятъ*» (404)—и, довольный такою философіею, ученый профессоръ начинаетъ опять смотрѣть въ историческій микроскопъ и вонзается взорами въ трепещущую точку: «оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался *странствующимъ рыцаремъ* съ своей дружиной, *лишался мѣста;* въ эту минуту *какъ будто пропало*, скрылось изъ виду *зачавшееся* государство. Минута неизвѣстности! *сѣмя* предано *произволу вѣтровъ*» (405); а черезъ три же строчки говоритъ: «успокоимся! *Благопромыслительной Денницею*» (т. е. Провидѣніемъ, Богомъ) «*несется оно* именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія» (406). Успокоивъ читателя касательно «произвола вѣтровъ», профессоръ пускается въ философско-математическое размышленіе: «Олегъ пошелъ, *точка двинулась*, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ *линія*, и какая линія? полъ-экватора, треть меридіана» (407), забывъ, что изъ полъ-экватора долготы и трети меридіана широты выходитъ *площадь*, а не *линія*, въ слѣдствіе чего необъятая площадь древней, еще до-Рюриковской Руси и показалась ему точкою, ничтожною точкою (408). «Олегу

(402) Москвитянинъ, 1842, № 1, Стр. 202.

(403) Тамъ же.

(404) Тамъ же.

(405) Стр. 203.

(406) Тамъ же.

(407) Стр. 204.

(408) См. Письма А. В. Александрова къ издателю «Маяка» (1845, № 2 и 3), отдѣльно напечатанныя; конецъ письма 2-го, стр. 92.

посчастливилось овладать Кіевомъ; онъ *остановился* здѣсь, и потомъ *рѣшился* (!) кажется, *остаться*, по крайней мѣрѣ *съ своей стороны*, въ этомъ городѣ, гдѣ *такъ хорошо было* его *товарищамъ* Аскольду и Диру; впрочемъ», говоритъ гнъ Погодинъ, «*гдѣ нибудь надо жить, лишь бы жить*, и *всякая минута* могла *перемѣнить (!) его намѣреніе*» (409). Какая бездна философіи!

Сказавъ, что «Олегъ *умертвилъ* Князей Кіевскихъ», а черезъ 9 строчекъ написавъ: «поселеніе Олега въ Кіевѣ было также *мирно*, какъ и Рюриково въ Новгородѣ (410), почтенный профессоръ восклицаетъ: «Кіевъ съ выраженіемъ Олега: се буди мати градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ, вотъ состояніе *зародыша, форма* государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика» (411). Игорь, по мнѣнію профессора, былъ *лѣнивъ* (412), какъ будто недостатокъ свѣденій о какомъ-либо государѣ означаетъ непремѣнно его лѣнь: объ Рюрикѣ Несторъ гововитъ еще менѣе; слѣдственно и Новгородскій «военный постоялецъ» былъ также лѣнивъ (по силлогизму гна Погодина)? Но послушаемъ далѣе: при Игорѣ «*привычка* къ осѣдлости и *какому-то* порядку вещей—*укоренялась*. Таково было *пріобрѣтеніе* почти *невещественное*, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя *не развилося*, но нѣсколько *укрѣпилось*, приготовилось для *развитія*; подъ конецъ своей жизни, Игорь захотѣлъ было *притѣснить* сосѣднихъ Древлянъ, и *погибъ* за то отъ руки ихъ. Новая опасность, *по крайней мѣрѣ опасность* Рюрикову роду» (413). Сказавъ, что «Ольга имѣла характеръ мужескій и привела *Древлянскую* землю въ *большую зависимость*» (414), профессоръ переходитъ къ ея сыну: «Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, *взялъ*, и стѣдовательно—*сталъ брать*, дань съ *новыхъ племенъ* и смирилъ *прежнія*, которыя *безпрестанно* пытались откладываться (?!). Но все онъ владѣлъ собственно *однимъ Кіевомъ*. Такъ и думалъ, *если о чемъ нибудь думалъ*. (!?). Еще болѣе: самый Кіевъ онъ считалъ *постоемъ*, и рѣшился оставить его, *переѣхать на другую квартиру*, переселиться къ

---

(409) Москвитянинъ, 1842, № 1, стр. 204.

(410) Тамъ же.

(411) Тамъ же.

(412) Стр. 205.

(413) Стр. 263.

(414) Тамъ же.

другому Славянскому племени и *перенести сѣмя въ другую почву!*» (⁴¹⁵) И все это потому, что, удаляясь на Дунай, Святославъ *оставилъ на Руси* умную мать свою, бывшую правительницу и троихъ дѣтей! Какое же *сѣмя* переносилъ Святославъ въ Болгарію?... Но выслушаемъ это философствованіе о сѣмени: «оно *такъ слабо* привязано было въ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда *оторвать* его. Зародышъ выкинутъ! Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлаться Русью, *Нормандіей* (!?). Наша почва оставалась для *другаго* сѣмени, и всего прежняго *какъ будто не бывало!* Ясное ли доказательство, что *понятіе объ осѣдлости*, наслѣдственности, поземельной собственности было *ничтожно!* и *одной черты* въ Норманскомъ характерѣ достаточно было, *чтобъ* уничтожить, *изгладить* слабые *плоды ста лѣтъ*. Святославъ пошелъ, и сѣмя опять предано произволу вѣтровъ» (⁴¹⁶). Какой дивный микроскопъ историческихъ ссображеній!...

Могутъ спросить: а что же значатъ слова Несторовой лѣтописи, что Святославъ передъ вторымъ Болгарскимъ походомъ *посади* Ярополка на княженье въ Кіевѣ, Олега на княженье Древлянское, а Новгородцы *придоша* къ Святославу *просяще Князя себѣ* изъ старшихъ сыновей его, а когда Ярополкъ отказался, и Олегъ также, тогда *рѣша Ноугородьци Святовлаву: вдай ны Володимера* (⁴¹⁷)? Что же значитъ этотъ раздѣлъ Руси между тремя сыновьями, если Святославъ намѣревался перенести сѣмя свое въ другую почву? Да такъ, просто, ничего: «Святославъ *не* раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія; но другаго сына (Олега) послалъ въ *дикое поле*, а третьяго сына, Владиміра, *вытребовали* себѣ сами Новогородцы, почти *противъ воли Святослава*» (⁴¹⁸). Объяснивъ такимъ образомъ раздѣлъ Руси между правнуками Рюрика и отправивъ самого Святослава на *новую квартиру*, почтенный профессоръ опять пускается въ размышленія о томъ, *чѣмъ* владѣлъ Святославъ. Для этого стоило только развернуть Несторову лѣтопись, въ которой сказано очень ясно, что въ малолѣтство Святослава Ольга, смиривъ Древлянъ, ходила «по *Деревстѣй* землѣ

(⁴¹⁵) Москвитянинъ, 1842, 1, № Стр. 206.

(⁴¹⁶) Тамъ же.

(⁴¹⁷) Лаврентьевскій списокъ стр. 39.

(⁴¹⁸) Москв. 1842, № 1, стр. 207.

съ сыномъ и съ дружиною, уставляюще уставы и уроки», потомъ ходила къ *Новугороду* и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани», ходила на родину и вообще, по свидѣтельству Нестора, оставила по себѣ слѣды *по всей земли* Русской: въ *Плесковѣ* (Псковѣ), и по *Днѣпру* и *по Деснѣ*» ([419]): и такъ, вотъ чѣмъ владѣлъ Святославъ еще въ малолѣтствѣ. Возмужавъ, *иде на Оку и на Волгу*, спустился оттуда въ *Донскую землю* и«одолѣ Козаромъ», потомъ двинулся на *погорье Кавказское*: «Ясы побѣди и Касогы» то есть Ясовъ или Осетинцевъ по-Донскихъ (обитавшихъ тамъ до нашествія Монголовъ), а *на Кубани* Абазанцевъ Алты-Казоковъ, и основалъ такимъ образомъ Русское Тмутораканское княжество на мѣстѣ древняго царства Воспорскаго (Босфорскаго),—почему Левъ Калойскій и называетъ Воспоръ Киммерійскій областію Святослава ([420]). Слѣдственно, Святославъ владѣлъ, по свидѣтельству Нестора и Византійцевъ: почти всею Европейскою Россіею и частію нашихъ Кавказскихъ земель. Но авторъ «Мароы Посадницы», «Исторіи въ лицахъ» и «Повѣстей», — думая, конечно, что пишетъ новую *повѣсть*, только историческую,—восклицаетъ: «Святославъ владѣлъ *однимъ Кіевомъ*, гдѣ жилъ, гдѣ жилъ и отецъ его; Святославъ *не владѣлъ* Древлянами, которые *платили ему* только *дань;* тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ

([419]) Лаврент. списокъ, стр. 31.

([420]) Тамъ же стр. 35;—Левъ Калойскій, стр. 63,65;—Оборона лѣтописи, с. 45 и прим. 106.—Несторовы *Касоги*, *Касаги* Багрянороднаго, не Черкесы, какъ обыкновенно думали, но Алты-*Казоки*, или шестиродные Абазинцы; они составляютъ часть того народа, который самъ себя называетъ *Апсашвы*, занимаетъ берега Чернаго моря въ сосѣдствѣ Мингреліи и Черкесовъ Абезиховъ (Абазихейцевъ), и у Византійцевъ съ Арабами извѣстенъ подъ именемъ *Апхасовъ*, *Абхазовъ*, *Абказовъ* и *Кошаковъ* а у нашихъ лѣтописцевъ подъ именемъ *Обезовъ* и *Касоговъ*.—Козарская столица *Бѣлая вѣжа*, по мнѣнію П. Г. Буткова, есть Баланжаръ или Итиль; а *Саркелъ* стоялъ при сліяніи Донца съ Дономъ, у нынѣшней Раздорской станицы; названіе его объясняется Осетинскими словами *сарь* (глава) и *калаки* (городъ); имя же *Тмутораканскаго* княжества произошло отъ искаженнаго Русскими названія Таманскаго города *Таматаржа* или *Томе-тархани*, который мы передѣлали на свой ладъ въ *Тмуторикань*. — Сравните еще замѣтки П. Г. Буткова (въ Ноябрьской книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ, 1844, стр. 252—253) о мѣрѣ поперечника Босфорскаго пролива на Тмутараканскомъ камнѣ.—Желательно, чтобы почтенный авторъ «Обороны» *подробно* развилъ, въ отдѣльной статьѣ, свои заключенія о мѣстоположеніи и предѣлахъ Тмутораканскаго княжества.

дальнихъ племенахъ и *всего вѣрнѣе и точнѣе о Новогородцахъ.* Но *если бъ даже и владѣлъ,* все *только Кіевомъ и ближнею Волынью!*» (⁴²¹) Не правда ли, какой смѣлый оборотъ мысли: если бъ даже и владѣлъ, то не владѣлъ! А дальше еще лучше: «Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его *могли* слѣдовать за нимъ туда же — *по его смерти,* въ помощь (?!), для участія въ его походахъ и предпріятіяхъ» (на томъ свѣтѣ?.. Видно по всему, что *правнуки* Норманскаго царя-мертвеца, скончавшагося подъ стѣнами Парижа 845 года и пришедшаго, также по смерти, княжить въ Новгородъ, 862 года...) «а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Нормановъ богатый Константинополь и Малая Азія! и между Славянскими племенами возникли бъ опять прежнія отношенія и надлежало бъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ государей для *готовыхъ элементовъ* государства! какъ все *зыбко!*» (⁴²²) — Вотъ ужь подлинно образецъ *зыбкой* философіи! Куда Карамзину до автора новой «Мареы» и «Исторіи въ лицахъ»!

Но философъ-историкъ продолжаетъ размышлять о трепещущей точкѣ Русской Исторіи: «*случился же* въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимисхій; онъ принудилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и *сложилъ буйную свою голову* съ остальными своими мужами... Сѣмя *переслано* опять къ намъ, или лучше, *укрѣпилось,* глубже *опустилось* въ нашей землѣ» (⁴²³). Странное дѣло: если сѣмя заключалось въ лицѣ Святослава; то мгновеніе, когда онъ сложилъ свою буйную голову, было эпохою гибели сѣмени: слѣдственно, оно не переслано къ намъ, и потому не укрѣпилось, не опустилось поглубже въ нашей землѣ. Если же сѣмя заключалось въ дѣтяхъ Святослава, то не должно забывать, что они и не удалялись изъ своихъ удѣловъ при жизни Святослава!

Почтенный сочинитель «повѣстей» пишетъ, что «дани между братьями *едва ли* были раздѣлены» и думаетъ, что «*вѣроятно,* сначала каждому предоставлялось ходить въ *свою сторону, какъ далеко сможетъ*» (⁴²⁴); объясняетъ меж-

---

(⁴²¹) Москвитянинъ, 1842. № 1, стр. 207.

(⁴²²) тамъ же.

(⁴²³) тамъ же стр. 208.

(⁴²⁴) тамъ же.

доусобія Святославичей тѣмъ, что «Ярополкъ, какъ прежде Рюрикъ (?!), *схватился* такъ сказать *за оставшійся концы*»(425), а торжество Владиміра тѣмъ что «время имѣетъ *свою* силу, *особую* отъ происшествій (?) и лицъ» (426), почему Владиміръ и «сдѣлался первый Княземъ-*Государемъ* въ *настоящемъ* значеніи этого слова, хотя еще *слабо*, то есть *только Владѣтелемъ*» (427). Слабость видна изъ слѣдующихъ же за тѣмъ словъ сочинителя: «ему *не была уже нужна* помощь чуждая, и онъ *спровадилъ* отъ себя *главную ватагу:* такъ былъ онъ *силенъ* своими собственными домашними силами»(428). На слѣдующей страницѣ, г. Погодинъ пишетъ: «первый Христіанскій князь (Владиміръ) былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-*Владѣтелемъ* чуть ли и не *Правителемъ*» (429); указываетъ «слѣды *письменнаго законодательства*, вѣроятно по примѣру Церкви, сперва разумѣется (?!) по Норманскимъ обычаямъ (?!) для дружины, а потомъ и для народа» (430); говоритъ, что Владиміръ «разослалъ все сыновей *по племенамъ*» (431); что «каждый сынъ жилъ въ *своемъ* городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ» (432); что сыновья и отецъ *должны были* считать города уже своею *собственностію* и даже какъ средствами для прокормленія» (433); что «Ярославу *принадлежали:* Кіевъ, Волынь, Подолія, Галиція, Литва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверская страна» (434), и что «границами его владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга, Заволочье» (435). Почтенный профессоръ пишетъ: «всѣ сіи страны *принадлежали точно*, ибо города мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ *отчины;* и на оборотъ, при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны, потому что всѣ дѣйствія ихъ *извѣстны* намъ по лѣтописямъ»

(425) Москвитянинъ, 1842, № 1, стр. 209.
(426) тамъ же.
(427) тамъ же.
(428) тамъ же.
(429) стр. 210.
(430) тамъ же.
(431) тамъ же.
(432) стр. 211
(433) тамъ же.
(434) тамъ же.
(435) стр. 212.

(436). Изключите же отсюда немногія пріобрѣтенія самого Ярослава — остальное будетъ *отчина* Владиміра Святославича, который въ самомъ дѣлѣ видно былъ *очень слабъ*, получивъ отъ *отца*, Святослава, столько земель! который спокойно разсылалъ дѣтей своихъ ко *всѣмъ племенамъ Русскимъ*, считая ихъ своею собственностію! который оставилъ даже слѣды *письменнаго законодательства!* Слабъ, очень слабъ! Люди, не постигающіе красотъ Скандинавоманіи, называютъ подобныя вѣщанія исторической философіи *противорѣчіемъ самому себѣ*; но за то, кто уже окунулся въ Скандинавоманію, тотъ не въ состояніи оторваться отъ подобныхъ афоризмовъ, отъ которыхъ такъ и вѣетъ духомъ «Мареы Посадницы» и «Повѣстей»... И такъ понюхаемъ этого духа еще: «Владиміръ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ,—такъ сказать *водворился, установился*; а духъ Норманскій, *духъ движенія*, черезъ 120 лѣтъ, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси, стихнулъ и самъ по себѣ» (437)! Послѣ того разсуждаетъ, какъ «супруга Владиміра, Анна, съ коею вступивъ въ супружество онъ принялъ Христіанскую вѣру» (то есть, наоборотъ, сперва принялъ Христіанскую вѣру, а потомъ вступилъ въ супружество: за язычника Анну не выдавали) «содѣйствовала мысли о *постоянномъ мѣстопребываніи*, сохраненіи владѣнія и оставленіи въ наслѣдство дѣтямъ» (438). Въ заключеніе представленъ удивительный образецъ *высокаго*, примѣръ философскаго краснорѣчія (а не общихъ мѣстъ карамзинскихъ): «такъ удалые Норманны, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ *раскинули планъ* будущаго государства, *намѣтили* его предѣлы, *нарѣзали ему земли* безъ циркуля, безъ астролябіи, съ плеча, *куда хватила размашистая рука*... словомъ, это было *государство въ нѣкоторомъ смыслѣ*, цѣлое, хотя и *сметанное на живую нитку*» (439).

---

(436) Москвитянинъ, 1842, № I, тамъ же.

(437) стр. 209—210.

(438) стр. 210.

(439) стр. 212.—Впрочемъ, утверждая, что М. П. Погодинъ не можетъ имѣть диктаторскаго голоса въ области древней Русской Исторіи, я не уничтожаю другихъ его заслугъ, какъ *переводчика* Эверсовыхъ Изслѣдованій и Добровскаго Славянской Грамматики, какъ *издателя* двухъ очень хорошихъ журналовъ: «Московскаго Вѣстника» и «Москвитянина», а болѣе всего, какъ издателя разысканій Венелина о Болгарахъ. Но, — не представивъ никакихъ замѣчательныхъ *своихъ* трудовъ относительно собственно-

Вотъ до чего довели Русскихъ писателей *Скандинавскія Саги*, или, по выраженію умнаго Шлёцера, «бредни Исландскихъ старухъ,» наполненныя «нестерпимыми глупостями и сумасбродствомъ», не видными только для людей, обдѣленныхъ отъ природы здравымъ смысломъ!... Какъ ни спорьте, какъ ни горячитесь, а наконецъ придется повторить за Шлёцеромъ: «надобно отказаться отъ бредней (сагъ) и отъ словопроизводства слишкомъ презрительнаго для нашихъ ясныхъ историческихъ дней! надобно отказаться отъ бреда и ученой и неученой фантазіи!» (440) потому что *истина* всегда останется истиною, а *бредъ* бредомъ.

Умныя рѣчи человѣка здравомыслящаго всегда понятны только людямъ умнымъ; для людей не такъ умныхъ, онѣ понятны только въ половину; прочіе, обдѣланные здравымъ смысломъ, почти ничего изъ нихъ не понимаютъ, а если иногда неумышленно повторятъ одно умное слово, то вслѣдъ же за тѣмъ и заплатятъ жидовскіе проценты «плодовитѣйшей матери». Такимъ образомъ олицетворяется на дѣлѣ Русская сказка о трехъ сыновьяхъ одного отца: «старшій — умный былъ дѣтина, средній— былъ и такъ и сякъ, младшій—вовсе былъ дуракъ». Къ несчастію, ученыя системы иногда собою оправдываютъ разумное оказаніе Русскаго умнаго народа.

Изъ всѣхъ учениковъ Байера наиболѣе замѣчательный умомъ и ученостію были, конечно, Шлёцеръ и Карамзинъ. Они составляютъ первое, *старшее* поколѣніе, порожденное системою Байера, хотя оба — какъ люди здравомыслящіе — отступили во многомъ (особенно Карамзинъ) отъ мнѣній своего наставника. Славный исторіографъ справедливо далъ періоду Варяжскому (отъ Рюрика до Ярослава) *характеръ чисто-Славянскій*; Шлёцеръ же явился ревностнымъ защитникомъ *истины исторической* и гонителемъ сагъ или сказокъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видна проницательность и добросо-

---

Русской Исторіи, кромѣ небольшой книжки о Несторѣ, которая хотя имѣетъ свои достоинства, однакожь много уступаетъ «Оборонѣ»,—М. П. Погодинъ много трудился для Всеобщей Исторіи: напечаталъ хорошо составленныя «Лекціи по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ Древняго міра» (въ 2 книжкахъ) и могъ бы издать, съ честію для себя, I періодъ Новой Исторіи Европы (отъ открытія Америки до конца Тридцатилѣтней войны), которымъ успѣшно занимался, читавъ его долгое время въ Московскомъ университетѣ.

(440) Шлёцеровъ Несторъ, ч. I, третье прибавленіе, стр. 426—429.

вѣстность, хотя какъ ученый, и онъ платилъ дань слабости человѣческой, какъ скоро приходилось говорить о Ломоносовѣ, или разсуждать о Русскихъ Славянахъ до половины IX вѣка: въ первомъ случаѣ онъ мстилъ за «скотину» всѣми позволенными и непозволенными средствами; во второмъ онъ считалъ обязанностью, какъ обитатель при-Рейнской Германіи, выставлять своихъ родичей первымъ народомъ въ цѣломъ мірѣ, хотя бы и съ нарушеніемъ истины при явномъ противорѣчіи Нестору. Но тамъ, гдѣ Шлёцеру не приходилось касаться этихъ коньковъ своего *личнаго* и *народнаго* самолюбія, онъ обнаружилъ себя человѣкомъ весьма здравомыслящимъ: какъ умно судитъ онъ о событіяхъ съ половины IX столѣтія! «Въ IX вѣкѣ по нашему лѣтосчисленію, на сѣверѣ возникаютъ вдругъ, и вскорѣ одна за другою, *совершенно по различнымъ причинамъ*, четыре *настоящія правильныя державы:* Польша при Пястѣ около 860 года, *Россія при Рюрикѣ* послѣ 860 года, Данія при Гормѣ Старомъ около 860 года, Норвегія при Гаральдѣ Пригожеволосомъ, 875 года. *Великія, важныя* произшествія для *всего* нашего Европейскаго міра!» (441) Назначая предѣломъ перваго періода кончину Ярослава, то есть половину XI вѣка, Шлёцеръ пишетъ: «Въ первомъ періодѣ Русской Исторіи являются *четыре человѣка*, имѣвшіе на участь Русскаго народа *важнѣйшее и благотворительнѣйшее вліяніе:* Рюрикъ, Олегъ, Ольга и Владиміръ» (442), и начиная писать «исторію сихъ четырехъ *славныхъ* людей», называетъ ихъ *Великими*, а Ольгу «уваженія достойною» (443) и жалуется, что у всѣхъ писателей «*величіе* ихъ завалено множествомъ мелочей, постороннихъ вставокъ, *неосновательныхъ разсужденій, явныхъ натяжекъ*, даже глупыхъ народныхъ сказокъ» (444) . . . Все это умно и основательно: то ли пишутъ и такъ ли пишутъ наши господа ученые разсуждатели о Варяжскомъ періодѣ, называющіе Шлецера своимъ учителемъ?

Но Шлёцеръ былъ *первый* истинно-ученый *историческій критикъ* нашихъ лѣтописей, какъ Ломоносовъ *первый* нашъ *ученый историкъ*, хотя оба имѣли предшественниковъ: Шлёцеръ—Байера, Ломоносовъ—Татищева. Выступивъ первый на поприще ученой исторической крити-

(441) Шлёцеровъ Несторъ, ч. III, стр. 252 и 253.

(442) Тамъ же, ч. II, стр. 143.

(443) Тамъ же, Ч. II, стр. 146 и ч. III, стр. 349.

(444) Тамъ же, Ч. II, стр. 137—138.

ки, Шлёцеръ оказалъ намъ очень много услугъ, тамъ, гдѣ не увлекался желаніемъ только противорѣчить Ломоносову и унижать древнихъ Славянъ до признанія по неосторожности Шведскихъ морскихъ разбойниковъ изъ жестокихъ грабителей, въ ландманы или старшины, дабы съ ихъ помощью сдѣлаться нѣсколько похожими на людей . . . Но и кромѣ ошибокъ, неизбѣжныхъ при Нѣмецко-Рейнскомъ патріотизмѣ, у Шлёцера, какъ *перваго*, разумѣется должно было вкрасться много неосновательнаго. Онъ самъ въ томъ признавался: «иное можетъ быть я объяснилъ *не такъ*,—что очень легко станется,—и я не стыжусь признаться въ этомъ: всякій, *кто кладетъ* въ какомъ бы то ни было дѣлѣ *первое начало*, или (по-просту) пролагаетъ путь, имѣетъ неоспоримое право ошибаться, то есть: ни одинъ здравомыслящій человѣкъ *не поставитъ* ему этого въ *большую вину*, но *поблагодаритъ* за то, что онъ выдастъ *настояще - полезнаго»*. Какъ истинно ученый, которому дорогá истина, Шлёцеръ самъ вызывалъ критику: «одно содержаніе сея книги показываетъ уже, сколь много на семъ пути открылось *новыхъ* видовъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ . . . . но я не забываю, что *новое* не всегда бываетъ *справедливымъ*. Пусть критика исполняетъ и надо мнѣ почтенную свою должность; я облегчилъ ее въ этомъ. Ни одного положенія не дѣлаю я безъ доказательства; я привожу слова часто, однако точно; показанія мои вѣрны и надежны: но *вѣрны ли* всѣ заключенія, выводимыя мною изъ разныхъ происшествій? можетъ ли *выдержать опытъ* то, что я выдаю только предположительно? пусть читатель смотритъ *самъ*, пусть дѣлатъ опытъ всякій, кто имѣетъ способность, время и охоту къ испытанію. Въ царствѣ *истины* ни на чье увѣреніе *полагаться* не должно!» (445) Какъ человѣкъ, которому не чуждо благородное чувство признательности, Шлёцеръ, даже выѣхавъ изъ Россіи, посвятилъ намъ 40 лѣтъ ученой дѣятельности и представилъ передъ всѣми гигантскій плодъ неутомимаго трудолюбія и критической проницательности, по крайней мѣрѣ большею частію, — не такъ какъ тѣ корыстолюбцы, которые шага не дѣлаютъ безъ копѣйки, и получивъ отъ Россіи въ-сотеро болѣе, чѣмъ Шлёцеръ, дѣлаютъ въ-сотеро менѣе, оправдывая свою лѣнь тѣмъ, что еще *не намѣрены* прервать свое надменное

(445) Шлёцеровъ Нест. II, стр. 136—138

безмолвіе, тщательно избѣгая всего, того, что моглобы возбудить досаду, испортить кровь, во время неизбѣжной ученой полемики. Сознавая свои достоинства и не стыдясь признаться въ ошибкахъ, Шлёцеръ всего себя отдалъ на поприще критикѣ, напечатавъ исполинскій памятникъ своей учености и своихъ критическихъ способностей, посвященный Нестору и нашей древней Исторіи: «я много долженъ Россіи, такъ много, что и потомкамъ моимъ останется за меня выплачивать—неважное сочиненіе мое да приметъ она благосклонно нѣкоторою уплатою» (446). И мы, Русскіе, помня завѣтъ предковъ «не поминать зла лихомъ», уважая чувство признательности и благодарности къ Россіи, усердіе къ пользѣ Русской Исторіи, неутомимость и безкорыстное трудолюбіе, сами съ равною признательностію вспоминаемъ Шлёцеровы великія заслуги и—уничтоживъ ложное направленіе, сообщенное нашей Исторіи Рейнскимъ патріотизмомъ, уничтоживъ противорѣчущій Нестору Рейнскій взглядъ на древности Руси—не ставимъ Нѣмецкому профессору въ большую вину его Нѣмецко-Рейнскій патріотизмъ, предаемъ забвенію оскорбительныя для насъ Рейнскія идеи о мнимой дикости нашихъ предковъ, по примѣру отцевъ нашихъ великодушно извиняемъ все чужеземцу, за *любовь* его къ Россіи, и любовью покрывая заблужденія, говоримъ отъ Русскаго чувства: «прощаемъ и разрѣшаемъ - Богъ тебя проститъ!»

Второе поколѣніе систематиковъ, отчасти современниковъ отчасти преемниковъ Шлёцера, преимущественно стало разработывать внѣшніе источники нашей древней Исторіи, болѣе или менѣе успѣшно. Кругъ выступилъ съ объясненіемъ Византійской Хронологіи, и хотя не удовлетворилъ ожиданіямъ Шлёцера, относительно разработанія собственно-Русской Исторіи (447), однакожъ, устремивъ

(446) Шлёц. Нест. ч. II, стр. 139—140.

(447) Шлёцеръ указалъ Кругу на Византійскую Хронологію, желая видѣть оправданными или опровергнутыми свои сомнѣнія, относительно этого предмета, и до изданія трудовъ его былъ весьма высокаго мнѣнія о критическихъ способностяхъ и проницательности нашего ученаго. Когда же появились въ свѣтъ разысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ (zur Münzkunde Russlands), Шлёцеръ высказалъ настоящее мнѣніе въ сравненіи Круга съ Щербатовымъ, Стриттеромъ, Елагинымъ и Чеботаревымъ, котораго выборки изъ лѣтописей послужили основою для «Записокъ касательно Россійской Исторіи», Екатерины Великой. Въ этомъ сравненіи Шлёцеръ безпристрастно отдалъ преимущество Елагину

полное вниманіе на Византійцевъ, по отношенію къ нимъ, старался опредѣлить лѣтосчисленіе нѣкоторыхъ событій, принадлежащихъ равно объимъ народамъ, Греческому и Русскому; Лербергъ и Шегренъ точнѣе обозначили и объяснили міръ Финскій или Чудскій; Френъ открылъ важныя Арабскія извѣстія о древней Руси и сношеніяхъ Руссовъ съ Восточными народами, а тѣмъ возбудилъ къ дѣятельности Эрдмана и Шармуа. Въ то же время благоразумный Эверсъ замѣтилъ парадоксы Байера и Шлёцера относительно мнимаго скандинавизма Руси, открывъ, что и въ древности на Волгѣ, на Дону и на Днѣпрѣ была Русь; но не зная, что имя Славянъ или Словенъ приписывается намъ только въ книгахъ, впалъ въ прежнюю

и Чеботареву.—Вотъ собственныя слова Шлёцера. Посмѣявшись надъ Щербатовымъ, который «заставляетъ Ольгу смотрѣть въ окошко» какъ Древлянскихъ пословъ несутъ въ лодкѣ, бросаютъ въ яму и убиваютъ, Шлёцеръ переходитъ къ Елагину:

«Елагинъ пишетъ (249): «если не вымышленное сказаніе сіе, то втуне именуютъ писатели княгиню Ольгу *премудрою*; премудрость бо не «вселяетъ ни въ кого таковыя жестокости, ниже терпитъ страданіе человѣ«ческое, паче мѣръ и самыхъ варварскихъ нравовъ превосходящее. Такое «мщеніе есть мерзость любомудрію, и славу блаженныя Ольги затмѣваетъ; «потому сомнѣваюсь я въ истинѣ сего сказанія, и лучше почитаю его ложнымъ дѣеписателями вѣщаніемъ, и дерзаю приписать его ихъ невѣжеству «или собственному чувству. Часто бываетъ, что писатель удѣляетъ природный свой характеръ лицу, въ повѣствованіи его дѣйствующему, особливо «когда недостатокъ прямыхъ свѣденій хощетъ иногда своимъ наполнить «умствованіемъ». — *Ничего нѣтъ благоразумнѣе!* Въ «Запискахъ» (69) сомнѣваются даже и о сватовствѣ по *основательной* причинѣ, что тогда Ольгѣ было уже 60 лѣтъ отъ роду; а о ямѣ и засыпаніи землею не говорится ни слова. Но Стриттеръ всю эту *глупую сказку* разсказываетъ за Исторію! — Представьте, какъ все это *смѣшно*: 20 взрослыхъ человѣкъ, усѣвшихся въ лодьѣ, несутъ люди, — на головахъ, плечахъ или рукахъ, въ этомъ господа толкователи несогласны—на правый, очень крутой берегъ Днѣпра.—Кругъ въ Критическихъ разысканіяхъ о древнихъ Русскихъ монетахъ (с. 107) *защищаетъ* и Олеговы суда и «тѣ лодки» (но во всѣхъ спискахъ говорится *только объ одной*) «въ коихъ принесли къ Ольгѣ Древлянскихъ пословъ». При этомъ замѣчаетъ онъ, что въ 1497-мъ году одинъ Русскій князь употреблялъ печать, на которой изображены два человѣка, несущіе на головѣ лодку, въ которой *кажется* сидятъ люди, а изъ этого и заключаетъ что *сія мысль* (сказка?) была, по крайней мѣрѣ тогда, *не совсѣмъ странна* (то есть *уже выдумана*).»

Это мѣсто Шлёцерова «Нестора» (ч. III, стр. 304—306), особенно курзивныя слова, даютъ настоящее понятіе, какъ вѣрно постигалъ и цѣнилъ людей умный и разсудительный Шлёцеръ.

ошибку, отдѣливъ Русь отъ Славянъ; справедливо указали на тожество Козаръ съ Донскими и Днѣпровскими Руссамъ, но раздѣливъ Славяно-Руссовъ на два народа, неизбѣжно увлеченъ былъ въ дальнѣйшую ошибку и, не зная, что *Запорожскіе и прочіе Малороссійскіе козаки* до XVIII вѣка *сами себя* называли Козарами (448), началъ отыскивать ихъ происхожденіе въ *Азіятскомъ* племени Каджаровъ, и такимъ образомъ, переходя отъ одного заблужденія къ другому, превратилъ Русь въ Турковъ Эта мысль впрочемъ была уже не новая. Московскій профессоръ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, — котораго Шлёцеръ называлъ своимъ *руководителемъ Русской Исторіи*, человѣкъ ученый, извлекавшій изъ лѣтописи матеріялы для Екатериненскихъ «Записокъ, касательно Россійской Исторіи», и оставшій по себѣ память, какъ основатель Московскаго Истрическаго Общества,—давно уже пришелъ къ убѣжденію, что у насъ па Днѣпрѣ и на Дону была Русь; но, подобно Эверсу, раздѣливъ два имени одного народа на два парода, впалъ (какъ и тотъ,) въ одинаковую ошибку, и сталъ смотрѣть на *Руссовъ* какъ на отдѣльный отъ *Славянъ*, особый, вѣроятно *Азіятскій* народъ. Мнѣніе Чеботарева, котораго Русская Исторія осталась не напечатанною, явилась въ Шлёцеровомъ Несторѣ, съ тѣмъ различіемъ, что Шлёцеръ предполагалъ, будто эти мнимоАзіятскіе Россы, жившіе на югѣ, *исчезли* при появленіи мнимо-Скандинавскихъ Руссовъ (449), тогда какъ Чеботаревъ полагалъ, что при походѣ Аскольда, эти Руссы *соединились* съ Славянами и Варягами, а Эверсъ началъ доказывать, что и Рюрикъ призванъ съ юга. Нейманъ хотѣлъ помирить Байеровскія мнѣнія и Эверсовы, новою догадкой, что была Русь на *югѣ*, какъ думалъ Эверсъ, но не Азіятскаго, а *Скандинавскаго* племени, какъ предполагалъ о ней Байеръ... Такъ строилась гипотеза на гипотезѣ, предположеніе на предположеніи, и догадки неосновательныя смѣнялись другими еще болѣе неосновательными... Но, сознавая ошибочность направленія и неизбѣжныя послѣ того ошибки, мы должны также признавать и полезную сторону этихъ системъ. Шлёцеръ правду говорилъ: «можно всегда по-

---

(449) См. Изустныя преданія о Новороссійскомъ краѣ, А. А. Скальковскаго, въ Журн. Мин. Народ. Просв. (1838), т. XVIII, стр. 492.

(450) Шлёцеръ главнѣе всего упирался, что одно имя пишется чрезъ *о*, другое чрезъ *у*, въ слѣдствіе чего и утверждавъ, что *Русь* и *Рось* два на-

честь за *услугу,* если основательно докажется, что *давно и всѣми вообще принятое* число *невѣрно,* даже и тогда, когда отбрасываемое показаніе не льзя замѣнить вѣрнымъ» ([450]). Тѣмъ большую благодарность заслуживаетъ изыскатель, когда разсуждаетъ не о хронологическихъ бездѣлкахъ, но о цѣлой системѣ, обезображивающей Исторію: смотря съ этой точки зрѣнія, не льзя отказать въ искреннемъ уваженіи Эверсу, который такъ ясно сознавалъ всю ложность Байеро-Шлёцеровскихъ гипотезъ о началѣ Руси, и справедливо указывалъ бытіе южной Руси, хотя самъ и не нашелъ прямаго пути къ вѣрному рѣшенію предположенной задачи.

Тогда выступили на историческое поприще Баронъ Розенкампфъ и Юрій Ивановичъ Венелинъ: одинъ юристъ, другой медикъ.

Странная участь Русской Исторіи: движеніе ея всегда совершалась помощію людей постороннихъ, а совсѣмъ не тѣхъ, которымъ должно бы двигать Науку. Что сдѣлали для нашей *древности* Байеръ, Миллеръ и Струбе? Ничего: они забавлялись ловлею созвучій! Много ли удалось объяснить нашу древнюю Исторію тѣмъ лицамъ, которые, казалось бы, призваны на то, обезпеченные во всѣхъ нуждахъ матеріальной жизни щедрымъ Правительствомъ? Сколько у насъ профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ—кажется, древняя Исторія должна бы уже давнымъ давно быть освѣщена критикою, а между тѣмъ, за исключеніемъ одного Эверса (оказавшагося больше отрицательную услугу, опроверженіемъ системы Скандинавскаго произхожденія Руси), Наука Исторіи не находитъ своихъ ревнителей между тѣми, которые величаютъ себя оффиціальными жрецами Науки .... Первый архитектонической о-

---

рода различные: первые должно быть Шведы, а вторые Азіятцы.... О звуки, звуки! даже и великій Шлецеръ не спасся отъ васъ: ему неизвѣстно было, что въ *Славянскихъ языкахъ* эти буквы взаимно мѣняются. Такъ Хорваты иногда употребляютъ *и* вмѣсто *о,* и говорятъ kuliko, tuliko; Поляки: gura, skura; Верхне-Лужичане: dvur, pul; Древанскіе Сербы при-Балтійскіе: rodust (радость) и проч. См. «Славянское народописаніе» Шафарика, стр. 61, 76, 98, 103.— Какъ одни Славянскія племена произносятъ *Богъ,* а другіе *Бугъ,* одни говорятъ *ножъ,* а другіе *нужъ,* также точно и наше собственное имя, сообразно кореннымъ законамъ Славянской философіи, у однихъ образовалось въ *Русь,* между тѣмъ какъ у другихъ въ *Рось.*

([450]) Шлёц. Нест. ч. II, стр. 156.

пытъ учено-систематическаго взгляда на древнѣйшую Рускую Исторію въ связи съ обще-Славянскою представилъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, *профессоръ Химіи*, «сжалившійся надъ Отечественною Исторіею» (по выраженію славнаго его противника)! Первый опытъ критическаго ученаго изданія лѣтописей, далъ намъ Автустъ Людвигъ Шлёцеръ, *Геттингенскій ученый*, или по собственному его выраженію «екс-профессоръ Рускія Исторіи, потерявшій все терпѣніе, съ которымъ смотрѣлъ издали на этотъ плачевный упадокъ»! (451) Первый опытъ ученаго и краснорѣчиваго изложенія нашей Исторіи съ половины IX вѣка до 1611 года представилъ Николай Михайловичъ Карамзинъ, *литераторъ*, издатель Московскаго Журнала и Вѣстника Европы, нашедшій подпору и ободреніе своей любви къ Исторіи среди Августѣйшаго семейства своихъ Вѣнценосцевъ! Первый опытъ ученаго изданія своихъ и чужеземныхъ актовъ, представилъ намъ *Протоіерей Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка*, Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ, напечатавшій переписку Папъ и Бѣлорусскій Архивъ. Первый опытъ истинно-ученой критики, основанной на законахъ исторической логики, представили намъ—въ области Древняго Права Церковнаго: Баронъ Розенкампфъ, *чиновникъ* II-го Отделенія Собственной Канцеляріи Его Величества, ученымъ и умнымъ объясненіемъ Кормчей Книги и нѣкоторыхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи, и въ одно съ нимъ время, въ области собственно политической Исторіи Славянистъ-*медикъ*, Юрій Ивановичъ Венелинъ, раскрытіемъ древности Болгаръ по отношенію къ судьбамъ Русскаго народа и разборомъ Байеровой диссертаціи о Варягахъ. Вопросъ объ источникахъ Несторовой лѣтописи, неразрѣшенный Шлёцеромъ, разрѣшенъ *юношею, только что оставившимъ университетъ* и обратившимъ на себя вниманіе Карамзина, который могъ понять важность открытія Павла Михайловича Строева, нашедшаго въ 1819 году Болгарскій періодъ «Временника Георгія грѣшнаго монаха», и справедливо указалъ на юнаго археографа Канцлеру Румянцову. Да и въ настоящее время кто наиболѣе содѣйствовалъ защитѣ Нестора и его лѣтописи противу скептиковъ? Авторъ «Обороны лѣтописи Русской», Петръ Григорьевичъ Бутковъ, *Членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. Кто создалъ ученую

---

(451) Шлёц. Нест. ч. I, Введеніе, отд. V, *рое*.

Русскую Нумизматику? Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, *Московскій Предводитель Дворянства.* Кто первый коснулся историко-юридическаго объясненія Русскихъ пословицъ и различныхъ обрядовъ? Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, бывшій *Профессоръ Латинскаго языка* въ Московскомъ Университетѣ. Кто занялся семейною и частною жизнію нашихъ предковъ, собралъ путешествія Русскихъ людей и напечаталъ уже два тома гигантскихъ «Сказаній Русскаго народа?» Иванъ Петровичъ Сахаровъ, *Лекарь Почтоваго вѣдомства.* Кто намъ объяснилъ одежды и вооруженія доблестныхъ нашихъ предковъ? Александръ Васильевичъ Висковатовъ, *Старшій Адъютантъ Дежурнаго Генерала* Главнаго Штаба Его Величества. Кто истинно-ученымъ образомъ взялся за Литву и объясняетъ наши къ ней отношенія? Иванъ Петровичъ Боричевскій, *Столоначальникъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.* Кто намъ доказалъ несомнѣнность ярлыковъ, полученныхъ Русскимъ духовенствомъ отъ Хановъ? Василій Васильевичъ Григорьевъ, екс-профессоръ Восточныхъ языковъ при Одесскомъ Лицеѣ, *чиновникъ Редакціи Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ?* Кто раскрываетъ древность нашихъ торговыхъ сношеній съ Азіею? оріенталистъ Павелъ Степановичъ Савельевъ, *Секретарь Комитета Иностранной Цензуры.* Не упоминая уже объ извѣстныхъ трудахъ археографахъ нашихъ: Я. И. Бередникова, П. И. Иванова, и критическихъ изыскателей: Дмитрія Павловича Голохвастова, (автора изслѣдованій объ осадѣ Троицкой Лавры), Александра Ѳомича Вельтмана, Ѳедора Лукича Морошкина, Михаила Николаевича Макарова, Филимона Никитича Святнаго, Николая Васильевича Елагина, наконецъ и автора этой книги, посвятившаго восемь лѣтъ лучшей поры жизни разработыванію Русскихъ древностей въ связи съ обще-Славянскими, довольно сказать: всѣ эти особы не принадлежатъ къ почтенному сословію профессоровъ Русской Исторіи въ нашихъ университетахъ. Изъ лицъ, для которыхъ Исторія нашего отечества была занятіемъ ex officio, кромѣ Эверса, можно упомянуть развѣ только о Кругѣ, который пріобрѣлъ извѣстность объясненіемъ, болѣе или менѣе удачнымъ, Византійской Хронологіи (452); о Николаѣ

(452) Проницательный Шлёцеръ сравнивалъ Круга съ Щербатовымъ, Стриттеромъ, Чеботаревымъ и Елагинымъ, отдавая преимущество двумъ послѣднимъ (см. Шлёцер. Нест. ч. III, стр. 304—306). Важнѣйшія его произведенія: Zur Münzkunde Russlands и Chronologie der Byzantier

Герасимовичѣ Устряловѣ, который принесъ столько пользы изданіемъ разныхъ переводовъ (своего брата и другихъ лицъ), что изъ уваженія къ его полезной дѣятельности какъ издателя, справедливость требуетъ—покрыть снисходительнымъ молчаніемъ его собственныя произведенія (453); и наконецъ о Михайлѣ Петровичѣ Погодинѣ, который также хотя не ознаменовалъ своего историческаго поприща никакимъ собственнымъ трудомъ, важнымъ и обширнымъ (454), однакожъ всегда останется памятенъ въ нашей

послужили исторіографу матеріаломъ для *семи* примѣчаній къ I тому Исторіи Государства Россійскаго (310, 317, 322, 348, 350, 379, 381), или, пожалуй, для *девяти*, если причислить сюда примѣчаніе 308-ое, въ которомъ исторіографъ хотя и отдалъ *кажущееся* предпочтеніе мнѣнію Круга, но выставилъ сперва *свое* объясненіе, гораздо вѣроятнѣйшее, и во II-мъ томѣ примѣчаніе 84-ое, въ которомъ счелъ необходимымъ откровенно выказать настоящую степень свѣденій Круга въ Русскомъ языкѣ и Русскихъ древностяхъ... Но вспоминая объ этихъ семи или, пожалуй, девяти примѣчаніяхъ, не должно упускать изъ виду, что всѣхъ примѣчаній у Карамзина, въ XII томахъ, 6547; слѣдственно, за исключеніемъ семи или девяти (неполныхъ), на долю Карамзина все-таки останется 6540 или, пожалуй, 6538 ученыхъ примѣчаній: трудъ истинно гигантскій, въ сравненіи съ подвигами иныхъ ученыхъ... Что же касается до открытія, которое академикъ Кругъ сообщилъ Академіи въ 1827 году, — что первоначальнымъ источникомъ лѣтописи Преподобнаго Нестора былъ Греческій неизданный Временникъ Георгія Амартола (грѣшнаго),—то не должно забывать, что П. М. Строевъ открылъ въ 1819 году Славянскій (Болгарскій) переводъ рукописи одного Византійца, которая называлась *Временникомъ Георгія грѣшнаго монаха*, и въ 1822 году напечаталъ семь мѣстъ буквально сходныхъ съ Несторомъ (Труды Москов. Общества Истор. и Древ. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 169—174.)

(453) См. въ *Письмахъ А. В. Александрова къ издателю Малка*,— изданныхъ (1843) и отдѣльно подъ названіемъ: «Современные Историческіе Труды въ Россіи», — начало втораго письма, стр. 2—4.

(454) Amicus Plato, sed magis amica veritas, «друженъ съ Платономъ, но болѣе—съ истиной», и потому выражусь откровенно: собственныя пропроизведенія Михаила Петровича по Русской Исторіи и необширны и неважны; языкъ у него и слогъ не завидные, а мысли — какъ бы сказать—очень афористичны и слѣдуютъ одна за другою безъ всякой послѣдовательности; есть идеи вѣрныя, но какъ скоро приходится разсуждать о Варягахъ, всѣ выраженія облекаются въ какую-то натянутость, вычурность, и часъ отъ часу становятся страннѣе. А между тѣмъ прекрасные разборы нѣкоторыхъ историческихъ книгъ доказываютъ, что М. П. Погодинъ могъ бы очень придать гораздо высшую цѣнность историческимъ своимъ статейкамъ о древностяхъ Руси, если бъ рѣшился *бросить* Скандинаво-манію: какъ хорошо и вѣрно

исторической литературѣ, какъ переводчикъ Эверса и — еще болѣе — какъ издатель перваго тома книги Венелина «Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ» (1829 года, 256 и VIII страницъ въ 8-ю долю листа).

Подобно Венелину, Баронъ Розенкампфъ утверждалъ, что «названіе *Руси* и *Руссовъ*, обитающихъ въ нынѣшней *Россіи*, Грекамъ извѣстны были еще до Царя Михаила, до Рюрика и до завладѣнія Варяговъ Новгородомъ и Кіевомъ» (455); что съ 852 года «Русская земля и Русскій народъ начали быть извѣстными Грекамъ (писателямъ), а Новгородъ Варягамъ, отъ которыхъ онъ построенъ былъ вновь на мѣстѣ стараго, или токмо названъ симъ именемъ: однакожъ», — заключалъ Баронъ, — «Русская земля и до сего происшествія не была *безъ имени* и называлась *Россіею*, ибо Руссы уже прежде находились въ семъ краѣ» (456). Привыкши опираться на Логику, на здравый смыслъ, нашъ благоразумный ученый справедливо замѣтилъ, что «сіе обстоятельство не зависитъ *единственно* отъ *свидѣтельства Нестора*» (457), и такимъ образомъ уклонилъ всякій произволъ въ *перетолкованіи* этаго мѣста лѣтописи, которое выворачиваютъ наизнанку приверженцы Шлёцера. Но вступая въ борьбу съ ними, Розенкампфъ дѣйствовалъ уклончиво, и приступая къ опреверженію его мнѣній объ Рослагенѣ и объ Чухонскомъ прозвищѣ Шведовъ Ruotsi, смягчаетъ рѣзкій тонъ и пишетъ: «*не хочу спорить* противъ мнѣнія, принятаго важными писателями; впрочемъ *не могу* также *не замѣтить*, что слова Roslagen и Rodhsi, Ruotsi, *по видимому* не доказываютъ ни *происхожденія* ни *отечества* Руссовъ» (458). Опровергнувъ Шлёцера, онъ заключилъ: 1.) изъ соображенія всѣхъ историческихъ данныхъ «не слѣдуетъ, что вооруженные Упландскіе гребцы (rodsi) сообщили свое имя Россіи»; 2.) «свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей не представляетъ полнаго историческаго доказательства о происхож-

---

оцѣнилъ онъ Полеваго и Венелина! какъ понялъ онъ ложность основной мысли профессора Устрялова объ именитыхъ людяхъ Строгоновыхъ!

(455) Труды Общ. Ист. и Др. Росс. (ч. IV, кн. I. стр. 166).

(456) Тамъ же, стр. 140—141.

(457) Стр. 142.

(458) Стр 143—145.

денія Руссовъ изъ Швеціи»;—3.) «сходство древнихъ Русскихъ законовъ съ Скандинавскими проистекаетъ изъ разныхъ причинъ, требующихъ изслѣдованія особаго»;—4.) «изъ сего сходства не льзя заключить, что Руссы пришли съ Упландскихъ Шведскихъ береговъ, изъ Рослагена», (459) и 5.) «мы *въ правѣ* ожидать *обѣщанныхъ объясненій* Круга (Chronorogie der Byzantiner, 218) о томъ, что Rhos при Михаилѣ не были народъ sui generis (своего племени), но настоящіе Норманны» (460). Баронъ Розенкампфъ справедливо требовалъ отъ Круга *доказательствъ*, а не голословнаго авторитета, и просилъ *объяснить:* «въ какомъ краѣ сіи Rhos-Норманны имѣли свои первобытныя жилища? когда и изъ какихъ мѣстъ они пришли въ Россію? ибо безъ того мы опять нашлись бы принужденными отыскивать ихъ по *разнымъ предположеніямъ* въ *разныхъ сѣверныхъ* странахъ, обитаемыхъ Nodmann'ами начиная съ береговъ Шведскихъ до Прусскихъ и отъ оныхъ далѣе до областей Датскихъ» (461).

Баронъ Розенкампфъ писалъ довольно уклончиво, опасаясь накликать на себя гоненія отъ тогдашнихъ знаменитостей или, точнѣе и справедливѣе, знаменитыхъ ничтожностей; Венелинъ пошелъ открыто на проломъ и— палъ въ борьбѣ съ завистниками, которые даже и въ гробѣ не хотятъ дать успокоиться праху мученика Истины, страдальца изъ любви къ Наукѣ, увѣнчаннаго признательностью Болгарскаго народа, въ лицѣ благородно-мыслящихъ Болгаръ Одесскихъ (462):

---

(459) Труды Общ. Ист. и Древн. IV. кн. I Стр. 153—154.

(460) Стр. 164.

(461) Тамъ же.

(462) Одесскіе Болгаре, собравъ подписку на сооруженіе памятника Юрія Ивановичу Венелину, обратились ко мнѣ съ просьбою: написать надгробіе этому незабвенному ученому. Памятникъ, заказанный въ Италіи, присланъ изъ Одессы въ Москву и поставленъ на могилѣ Венелина, въ Даниловскомъ монастырѣ. «Пусть хотя хладный мраморъ послужитъ выраженіемъ пламенной признательности ихъ къ покойнику, и доказательствомъ, что Болгаре умѣютъ цѣнить услуги, оказанныя ихъ отечеству,»— пишетъ благородный представитель ихъ, В. Е. Априловъ. Изящная простота и строгая соразмѣрность частей памятника обличаютъ художественную землю, гдѣ онъ былъ изваянъ; мраморная, легкая и стройная колонна, осѣненная крестомъ, возносится къ небу, а на красивомъ пьедесталѣ слѣдующая надпись золотыми буквами:

На первой сторонѣ:

Когда не стало Венелина, одинъ почтенный Москвичь, коротко знавшій этого славнаго Карпато-Росса, между прочимъ писалъ объ немъ: «онъ пришелъ къ намъ отъ нашихъ Русскихъ западныхъ братій, одинъ, на чужую для себя сторону, не какъ иноземецъ ищущій хлѣба, но какъ безкорыстный дѣятель на поприщѣ Русской науки; пришелъ, полный своей Славянской родной жизни, и воспоминанія о ней никогда его не оставляли . . . . Въ Москву пріѣхалъ Венелинъ для вступленія въ нашъ университетъ, уже окончивъ курсъ въ университетѣ Львовскомъ. Когда онъ прибылъ сюда, у него было только 5 рублей въ карманѣ. Онъ отнесся къ Лодеру и былъ принятъ въ Медицинскій факультетъ. Въ этотъ факультетѣ вступилъ онъ болѣе по желанію дяди, извѣстнаго врача Орлая; самому же ему хотѣлось идти по филологическому факультету, ибо онъ принесъ уже съ собою *хорошее знаніе Греческаго языка* и *отличныя свѣденія въ Латинскомъ;* онъ былъ у насъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Латинской словесности. Вообще свѣденія его въ языкахъ были *очень замѣчательны:* кромѣ *Французскаго* и *Нѣмецкаго*, понималъ онъ хорошо *Англійскій*, *Италіянскій* и *Испанскій* языки; о знаніи *всѣхъ безъ исключенія Славянскихъ нарѣчій* говорить нечего: это всѣмъ извѣстно. Кромѣ того, говорилъ онъ *по-Мадярски* (Венгерски), *по-Волошски*, понималъ *по-Турецки* и зналъ грамматическое строеніе сего языка: что бы могъ сдѣлать Венелинъ для

Юрію Ивановичу Венелину
Одесскіе Болгаре.
1841.
На другой сторонѣ:
Родился 1802, скончался 1839 года.
На третьей:

Напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ, могущественномъ племени Болгаръ, и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе.

На четвертой:

Боже Всемогущій! Услыши молитву раба твоего!

Въ Академическихъ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1842 (22 Февраля, № 33) исчислены имена почтенныхъ Одесскихъ Болгаръ, которые участвовали въ подпискѣ для сооруженія памятника Ю. И. Венелину. Открытіе памятника происходило 20 Декабря 1842 года. Трогательно высказалъ свои чувства одинъ изъ присутствовавшихъ (Маякъ, 1843, Май, смѣсь, стр. 56—58.) Да, *не безплодна* мысль ученаго, проникнутая любовію къ Славянству, когда могла пробудить народное чувство въ сердцахъ потомковъ благородной Болгаріи!

филологіи, въ которой былъ онъ не менѣе опытенъ, какъ и въ исторической критикѣ? И можно ли послѣ *такого познанія* его *въ языкахъ*, нападать на его словопроизводства? . . . Кромѣ языковъ, *зналъ* Венелинъ *Древнюю и Новую Географію, какъ мало знаютъ*, и Статистику вполнѣ. Всѣмъ извѣстно, что въ своихъ изслѣдованіяхъ о Русскомъ народѣ онъ приходилъ въ соприкосновеніе со *всею* Исторіею, и у него много было блестящихъ мыслей относительно Общей Исторіи. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ есть мысль о Реформаціи, начало которой онъ выводилъ отъ секты Богумилистовъ. Другая знаменитая мысль его о значеніи Карла Великаго, Юлія Цезаря и Атилы въ Исторіи Человѣчества: «первые два приводятъ всю Исторію къ Риму—Цезарь окончательнымъ покореніемъ Древняго міра, Карлъ Великій распространеніемъ Латинской образованности во всей Исторіи міра Новаго; имъ противоборствуетъ Атила, дѣйствующій въ лицѣ міра Русскаго . . . . Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій повернулъ великую машину, дѣйствовавшую на западѣ, къ Россіи—тѣмъ, что покорился Алексѣю Михайловичу; это дало новое направленіе дѣламъ всего Славянскаго міра, и даже всей Европы» . . . . Но возвратясь изъ путешествія по Болгаріи—съ обильнымъ запасомъ для дѣятельности, Венелинъ не имѣлъ большой возможности дѣйствовать: онъ не могъ получить каѳедры въ Московскомъ университетѣ, на которую надѣялся. Нуждаясь, давалъ онъ уроки и все ждалъ какого-либо постояннаго мѣста, для продолженія своего многообразнаго труда — оно не открывалось. Въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ не могъ онъ издавать ничего большаго. Въ это время, люди еще недовольные первыми его изысканіями—ждали *новыхъ* подтвержденій; многіе насмѣхались надъ нимъ, иные подрывали даже его положенія, еще *вполовину* для свѣта доказанныя. Такое недовѣріе было для него слишкомъ невыгодно; оно довело до того, что безсознательно стали всѣ уже въ немъ сомнѣваться. И это сильно на него подѣйствовало, даже доводило его до унынія . . . Но Венелинъ былъ слишкомъ твердъ для того, чтобы предаваться бездѣйствію даже и въ *такихъ* обстоятельствахъ. До сихъ поръ еще помнятъ Троицкіе монахи того труженика, который по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ сидѣлъ въ ихъ библіотекѣ, дѣлая выписки изъ книгъ. Не имѣя возможности издавать отдѣльными частями цѣлые труды, издавалъ онъ отдѣльными бро-

шюрками свои мелкія сочиненія, назначенныя для помѣщенія въ журналы; тутъ хотѣлось ему сообщить читателю всѣ свои любимыя мысли, которыя не имѣлъ онъ возможности отдѣльно обработать: оттого и печаталъ онъ эти сочиненія съ оригинальною надписью «набросано». Еще болѣе возстали на него послѣ сихъ изданій за безпорядочность въ сочиненіяхъ его, не подозрѣвая мысли, его руководившей... Во все это время живалъ онъ какъ семьянинъ у людей, которыхъ считалъ себѣ по сердцу близкими, почти потерявъ изъ виду публичную дѣятельность. Кто зналъ Венелина въ этой жизни, тотъ *никогда не забудетъ его*! Въ своей семьѣ всякій любилъ его, всякій ему сочувствовалъ, и вмѣстѣ съ нимъ сочувствовалъ и его мысли, которые передавалъ онъ то повѣстью, то разсказомъ, даже пѣснею... Его постигла смерть 25 Марта 1839, въ самую почти въ заутреню праздника Воскресенія Христова». (463) Почтенный Москвичь-біографъ изъявляетъ надежду, что люди которые взялись разобрать бумаги Венелина, «не замедлятъ *вѣроятно* извѣстить публику объ томъ, что̀ осталось отъ нашего знаменитаго ученаго, которымъ можетъ истинно гордиться Русская народная Исторія, какъ въ наше время, такъ и во всякое время, когда будетъ существовать Русскій народъ и Русское народное чувство».

Ожиданія не исполнились: третій томъ изслѣдованій о Болгарахъ еще не изданъ, Болгарская Граматика (результатъ путешествія, совершеннаго по Болгаріи на счетъ бывшей Россійской Академіи) еще не издана; вообще говоря, *въ шесть* лѣтъ почтенные благопріятели знаменитаго Русскаго ученаго не только не напечатали ничего, даже не сообщили публикѣ *списка* оставшихся послѣ покойнаго рукописей (464). Между тѣмъ литературное гоненіе не кончилось, завистъ шипитъ на память славнаго человѣка, и Тредьяковскіе девятнадцатаго вѣка выдумками и тупыми остротами стараются удержать юное поколѣніе на пути къ истинѣ исторической.

Бездарность всегда завистлива къ талантамъ, и нисколько не измѣнилась со *временъ оныхъ,* только въ наше время

---

(463) Московскія Вѣдомости 1839 года, стр. 271.—А. В. Александровъ сообщилъ мнѣ слышанное имъ прошлою осенью въ Московскомъ университетѣ, что біографія эта написана С. П. Шевыревымъ.

(464) Объ участи бумагъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ слѣдую-

приняла видъ поблагообразнѣе. Прежде ее кормили плюхами и добродушно всѣмъ она то̀ разсказывала, въ надеждѣ выместить все на человѣкѣ талантливомъ, и въ его лицѣ наругаться надъ дарованіемъ, низпосланнымъ свыше. «Нѣкоторый Секретарь» (по выраженію Бирона), переводчикъ Рол-

щихъ словъ почтеннаго В. Е. Априлова, въ «Дополненіи» къ «Денницѣ Ново-Болгарскаго образованія» (С П Б, 1842) на стран. 22—23:

«Какъ жаль, что бумаги Ю. И. Венелина, оставшіяся послѣ его кончины, до сего времени (1842) еще не напечатаны. Вотъ уже четвертый годъ наступилъ, а между тѣмъ *еще ничего* не издано! Юрій Ивановичъ передъ смертію началъ печатать второй томъ «Древнихъ и нынѣшнихъ Болгаръ» и разсужденіе о «Скандинавоманіи или столѣтнихъ изысканіяхъ о Варягахъ;» перваго сочиненія онъ успѣлъ напечатать 15 листовъ, а втораго 7 листовъ—только и выпущено въ теченіе *трехъ лѣтъ*: изъ бумагъ же, оставшихся послѣ его смерти, не напечатано не одной. Что причиной тому?.... Почтенный господинъ Докторъ Медицины, *Иванъ Ивановичъ Молнаръ*, у котораго скончался Юрій Ивановичъ Венелинъ, и у котораго теперь находятся бумаги его, хотѣлъ было въ 1839 году *передать всѣ труды своего двоюроднаго брата Н. В. Савельеву-Ростиславичу*, для изданія въ свѣтъ. Хотя покойный Юрій Ивановичъ самъ говорилъ, что «изъ всѣхъ нынѣшнихъ изыскателей, одинъ только Н. В. Савельевъ можетъ продолжать начатое имъ преобразованіе Исторіи»; хотя и господинъ Савельевъ съ удовольствіемъ принималъ на себя изданіе трудовъ своего друга: однакожъ, неизвѣстно почему, *бумаги Ю. И. Венелина, не присланы къ нему въ Петербургъ*, какъ первоначально *обѣщано было ему господиномъ Молнаромъ*. Прошелъ еще годъ. Выпуская изъ типографіи недоконченную вторую часть изслѣдованій о Болгарахъ, господинъ профессоръ М. П. Погодинъ (отъ имени И. И. Молнара) писалъ въ предисловіи: «Матеріалы для продолженія *пошлются* къ до-«стойнымъ ревнителямъ славы Болгарской, господамъ Априлову, Мутьеву «и Палаузову, которые не пощадятъ ни трудовъ, ни издержекъ, гдѣ «идетъ дѣло о пользѣ соотечественниковъ.» Это печатное обѣщаніе М. П. Погодина (отъ имени И. И. Молнара) *переслать бумаги покойнаго въ Одессу*, дано 1841 года 28 Марта, но по сіе время, (1842) также *не приведено въ исполненіе*. Между тѣмъ, по видимому, оно связало господина Молнара, который отвѣчалъ Н. В. Савельеву, что не могъ исполнить даннаго ему обѣщанія по причинѣ неизвѣстности: *согласны ли* Одесскіе Болгаре на эту передачу? Для разрѣшенія этой неизвѣстности отправлено (чрезъ г-на Савельева) слѣдующее письмо къ почтеннѣйшему родственнику Ю. И. Венелина, г-ну Молнару: «Милостивый государь, «Иванъ Ивановичъ!.... Я напоминалъ Вамъ о бумагахъ покойнаго. Ва-«силій Васильевичъ Григорьевъ, пріѣхавъ обратно въ Одессу, тоже об-«надежилъ меня, что бумаги будутъ намъ доставлены; но, по сей день, «это неисполнилось. Николай Васильевичъ Савельевъ, которому Юрій «Ивановичъ завѣщалъ свои бумаги, берется трудится въ пользу Болгаръ. «Покойному лучше всѣхъ могли быть извѣстны дарованія и способно-

леневой Исторіи, краснаго слога борзый писе̂цъ, профессоръ Элоквенціи, придворный піита, авторъ Тилемахиды, Василій Кирилловичь Тредьяковскій, однажды пришелъ жаловаться на Сумарокова Шувалову: «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Петровичь такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.»—«Какъ же братецъ?» отвѣчалъ ему Шуваловъ, «у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую.» — «Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ,» отвѣчалъ секретарь и перенесъ руку на другую сторону (465). Въ другой разъ ода не была готова у придворнаго піиты: «почему жъ ты ее не изготовилъ?» закричалъ пылкій Артемій Петровичь Волынскій и тростью наказалъ оплошнаго стихотворца (466). Профессоръ Элоквенціи все терпѣлъ отъ Сумарокова — «понеже Александръ Петровичь зѣло дерзокъ на-руку, и паки не преминетъ заушить, буде въ гнѣвъ придетъ»; отъ Волынскаго — «понеже сильный человѣкъ,

---

«сти того и другаго, касательно продолженія нашей Исторіи. Сколько «я могу судить, то Николай Васильевичъ исполнитъ исправно препо«рученное ему его другомъ и вполнѣ удовлетворитъ желанію Болгаръ. «Посему если данное Вами намъ обѣщаніе—прислать намъ въ Одессу «бумаги покойнаго—можетъ служить препятствіемъ къ отдачѣ ихъ, по «завѣщанію покойника, Николаю Васильевичу Савельеву, то симъ по«корно Васъ прошу, Милостивый Государь, нимало въ томъ не колебать«ся и препоручить ихъ господину Савельеву. Это есть желаніе Болгаръ, «которые не только не будутъ за то въ претензіи, но даже останутся «Вамъ благодарными, что Вы, исполняя завѣщаніе покойнаго, содѣй«ствуете имъ издать въ свѣтъ труды Вашего брата, чтобы кромѣ об«щей пользы, увѣковѣчить его память.

«Въ увѣреніи на Ваше расположеніе, имѣю честь быть Вашъ, Милостивый Государь, покорный слуга Василій Априловъ.»

«Это письмо къ почтенному П. И. Молнару отправлено 20 Мая 1842 года изъ Одессы сперва въ Петербургъ, Н. В. Савельеву, который и отослалъ оное въ Москву при собственномъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы *нерѣшительность* господина Молнара кончилась, а бумаги Н. Ю. Венелина не были бъ обречены на забвеніе, и не погибли-бъ, подобно многимъ и очень многимъ трудамъ. Все зависитъ единственно отъ господина Молнара, который исполненіемъ *нашей просьбы*, а вмѣстѣ и *собственнаго обѣщанія* (нѣсколько разъ имъ повтореннаго Н. В. Савельеву· можетъ содѣйствовать распространенію не только полезныхъ для науки открытій, но и славы своего незабвеннаго брата.»

Это было писано В. Е. Априловымъ въ 1842 году; но съ тѣхъ поръ дѣло все еще не подвинулось ни на шагъ.

(465) Сѣверные цвѣты на 1828 годъ, стр. 212.

(466) тамъ же.

также предъ весьма дерзостный, и по вся дни готовый глазъ подбить и ухо оглушить, при всѣхъ публично бія по щекамъ въ три или четыре пріема». Но за то, съ какою любовію отыскивалъ «нѣкоторый Секретарь» случай гдѣ можно бы хоть чѣмъ нибудь напакостить Ломоносову! прямодушно сознался передъ потомствомъ, что рѣчь Миллерова «найдена всѣми членами Академіи исполненною неправости въ разумѣ»: однакожъ — въ намѣреніи чѣмъ нибудь уколоть Ломоносова—подалъ мнѣніе, что «оная диссертація есть вѣроятная»; и на позоръ подлаго человѣка позорившаго Русское имя — низкимъ угодничествомъ передъ чужестранцами, благородные иноземцы сами тогда присоединились къ Русскимъ. . . . Въ наше *учтивое* время, нашихъ Тредьяковскихъ уже не «ругаютъ побоями», и — смѣло хвалятся бездарные тунеядцы небывалымъ уваженіемъ Шлёцера, самозванствуютъ именемъ составителей ученыхъ примѣчаній къ Исторіи Карамзина, присвоиваютъ себѣ честь мнимаго открытія Временника Амартолова; или же— напечатавъ подъ именемъ Исторіи кучу фактовъ несправедливыхъ, сужденій неосновательныхъ и противорѣчій самому себѣ, восклицаютъ своимъ слушателямъ: «намъ-де съ товарищемъ и Карамзинъ въ подметки не годится». . . Конечно, терпѣніе слушателей не безъ границъ же—можетъ и лопнуть, и за оскорбленіе памяти исторіографа—какой нибудь «дней новѣйшихъ Тредьяковскій» (по выраженію Пушкина) или (выражаясь историческимъ слогомъ) Тредьяковскій II легко можетъ подвергнуться участи Тредьяковскаго I-го; но пока оставимъ нашихъ Тредьяковскихъ и обратимся къ Венелину и его противникамъ.

Они поступили съ Венелинымъ какъ истинные *герои нашего времени*, хуже чѣмъ Шлёцеръ съ Ломоносовымъ. По крайней мѣрѣ Шлёцеръ былъ личный врагъ Ломоносову, и личная непримиримая вражда, ослѣпившая умъ Шлёцера, въ соединеніи съ Рейнскимъ патріотизмомъ, нѣсколько извиняетъ низкій поступокъ Гёттингенскаго профессора; а наши-то славные Тредьяковскіе развѣ имѣли какой нибудь поводъ враждовать противъ знаменитаго ученаго? Повода у нихъ конечно не было и нѣтъ; а зависть-то? а собственное литературное ничтожество? а личная бездарность, которой ненавистенъ каждый малѣйшій успѣхъ другаго? Мало развѣ такихъ *уважительныхъ* причинъ клеветать на умершаго? И вотъ ему выдумываютъ

небывалое родословіе ([467]), и приписываютъ такія нелѣпости, что уши вянутъ. Рецензентъ «Москвитянина», напереноръ истинѣ, увѣряетъ будтобы Венелинъ превратилъ имя *Ουηγισος* (Онегисіосъ) въ *Пигмея*, — тогда какъ Венелинъ только разложилъ это слово на членъ ὁ и имя *Νηγισιος*, утверждая, что послѣднее (Nigisos, Negisius) есть чистое Болгарское *Нигишъ*, или ваше *Нѣгишъ*;—авторъ книжки Die Berufung ссылается на мнѣніе добросовѣстнаго рецензента ([468]) и съ удовольствіемъ провозглашаетъ: Wenelin baute sein angebliches System auf die Künsten, den Grundgesetzen jeder Grammatik Hohn sprechenden Etymologien. Ausser wissensenschaftlichen Sprachkentnissen entging ihm auch die nöthige Kenntniss der allgemeinen slavischen und europäischen Geschichte—слѣдственно, по мнѣнію этого господина, Венелинъ не болѣе какъ безумный Этимологъ, основавшій все на безразсудномъ словопроизводствѣ, и не изучившій ни Славянской ни обще-Европейской Исторіи. Но *кто* же самъ-то *оный знатокъ* Славянской Исторіи? Ни болѣе ни менѣе какъ сочинитель филологическаго софизма о Чухонскомъ происхожденіи имени *Русь*; тотъ самый изслѣдователь, который всю книжечку свою выбралъ изъ Шлёцера, Тунмана и прочихъ скандинавомановъ; тотъ самый ученый, который ужаснулся даже мысли, какъ не признаютъ ни заслугъ Байера, превратившаго Новгородцевъ въ Кабардинцовъ, Малороссовъ-Бужанъ въ Татаръ Буджакскихъ, Днѣпровскій Витичевъ въ по-Двинскій Витебскъ; ни геніальныхъ открытій Миллера, что царь Дадонъ есть Скандинавскій богъ Одинъ, а Бова Королевичъ сынъ Одиновъ Баусъ. Разумѣется, что для *такого* знатока Славянской и обще-Европейской Исторіи Венелинъ долженъ былъ показаться *неученымъ историкомъ*, лишеннымъ *ученой фантазіи* и *ученаго* запаса филологическо-историческихъ гипотезъ.... Такъ какъ *оный знатокъ* рѣшилъ участь самаго Шлёцера непогрѣшительнымъ авторитетомъ Михаила Петровича Погодина, изрекшаго въ Москвитянинѣ «нашъ славный учитель», то и зѣлоправдивому приговору о безуміи Венелина можно бы противупоставить слѣдующее признаніе того же самаго непогрѣшительнаго М. П. Погодина:

Кто прочелъ хоть одну лѣтопись среднихъ вѣковъ, хоть даже только первую главу Исторіи Карамзина, тожъ вѣрно *удивлялся* множе-

([467]) Die Berufung, стр. VII.

([468]) стран. VIII.

ству народовъ, которые безпрестанно рождались и вымирали въ среднія времена. Что за фантасмагорія?

Кому также казалось *понятнымъ* внезапное разселеніе въ VI вѣкѣ Славянскихъ племенъ, о коихъ прежде и не слышно было по всей средней и восточной Европѣ, отъ Адріатическаго моря до Балтійскаго. Откуда взялось ихъ вдругъ такое множество?

Наконецъ, при первомъ взглядѣ на *Статистическую таблицу*, по прочтеніи Дюнеля, не льзя быть не быть пораженну числомъ Славянъ въ *сравненіи* съ числомъ всѣхъ прочихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Убѣдительное доказательство ихъ относительной древности!

Сіи три замѣчанія вѣроятно занимали многихъ; но никто, воспитанный въ строгомъ правилѣ Шлёцеровой критики—не думать о народѣ до появленія его въ лѣтописи, не смѣлъ отъ VI вѣка оглядываться назадъ и искать Славянъ ранѣе.

Венелинъ предлагаетъ мысль, новую и смѣлую, что Славяне прежде VI-го вѣка жили подъ *другими именами*, и, руководимый *свидѣтельствами*, старается снять съ нихъ опыя.

Хорошо, если бъ онъ могъ примѣнить къ себѣ слова Шлёцера: «первый, кто изгналъ изъ Французскія Исторіи — Пріама, изъ «Британскія — Брута, изъ Нѣмецкія—Ашкеназа Саксо и Франка, «вѣрно отъ современниковъ своихъ былъ почтенъ за невѣрующаго, «и даже нажилъ враговъ; второе поколѣніе само уже начало сом-«нѣваться; а третье совершено примирилось съ первымъ невѣрую-«щимъ, и даже сдѣлались ему благодарнымъ.» (Нест. I, стр. XXXII.)

Пусть *ученые* произнесутъ ему судъ, и если *даже они* утвердятъ, что молодой авторъ слишкомъ иногда увлекается своею мыслію, то по крайней мѣрѣ не откажутъ ему въ *разнообразныхъ познаніяхъ, отличныхъ способностяхъ, діалектическомъ искуствѣ, многихъ открытіяхъ.* Смѣяться очень легко надъ подобнымъ новымъ историческимъ мнѣніемъ, особливо *безъ доказательствъ*, но такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь(469).

Можно бы напомнить *оному знатоку* еще статью о Венелинѣ, написанную тѣмъ же непогрѣшительнымъ М. П. Погодинымъ, который въ подробномъ критическомъ обозрѣніи книги Венелина, между прочимъ пишетъ:

Во II главѣ у автора находится много любопытныхъ и дѣльныхъ замѣчаній вообще о собственныхъ именахъ у Европейскихъ народовъ, и преимуществено у Славянскихъ(470).

Доказательства Тунмана и Энгеля о *Татаризмѣ* Болгаръ *очень*

---

(469) Московскій Вѣстникъ (1829), ч. IV, стр. 165—167.

(470) Тамъ же, ч. VI, стр. 132—133.

слабы и могли быть приняты въ ученомъ свѣтѣ развѣ только на первый разъ(471).

Въ IV главѣ находится *очень много* частныхъ любопытныхъ замѣчаній, на пр. объ именахъ Савроматовъ (ящероглазыхъ), Меланхленовъ (черноризцовъ), Дромитовъ (скороходовъ),—о разныхъ именахъ, подъ коими и нынѣ одинъ народъ извѣстенъ у разныхъ сосѣдей и проч.(472)

Въ VI и IX главѣ описано царствованіе Атилы, о которомъ вообще у насъ было очень мало извѣстно; *тѣмъ бо́льшую признательность* заслуживаетъ авторъ даже и отъ тѣхъ, которые не примутъ его мнѣнія о происхожденіи знаменитаго исполина среднихъ вѣковъ. Смотря на многообразныя *Наполеоновскія* дѣйствія Атилы *на всѣхъ концахъ Европы*, съ Восточною и Западною Имперіями, съ Вандалами въ Африкѣ, на его союзы, переговоры, сношенія,—*невольно отвращается отъ мысли, будто онъ былъ вождемъ какого-то кочеваго Азіятскаго племени*, какъ историки утверждаютъ обыкновенно, описывая намъ только его кровопролитныя войны языкомъ пристрастныхъ лѣтописателей среднихъ временъ: такія *политическія соображенія* не получаются вдохновеніемъ, а бываютъ только плодомъ *долговѣчной гражданской жизни.* Вспомнимъ, что Атила имѣлъ дѣло съ образованными Греками и Римлянами, а не съ ордами, какъ Чингисханъ, и между тѣмъ побѣждалъ ихъ не только силою оружія, но и дипломатическими ударами (473).

Знакомясь еще короче (въ VII главѣ) съ домашнею и гражданскою жизнію Гунновъ, *удостовѣряемся*, что многія обычаи ихъ ни какъ неприличны народу кочевому, Татарскому (474).

Въ прибавленіяхъ къ сей главѣ *убѣдительно опровергается неосновательное мнѣніе*, будто Гунны пришли въ Европу: объ этомъ нѣтъ *ни малѣйшаго намека* ни у Византійцевъ ни у Китайцевъ, и только Дегинь,—приведенный въ забвеніе сходствомъ именъ и ложными толкованіями Венгерцевъ,—пустилъ въ оборотъ эту *странную* мысль, которая всѣми историками принята безъ разсмотрѣнія. Могли ли слабые бѣглецы покорить себѣ почти всю Европу? (475).

---

(471) Моск. Вѣст. 1829, ч. VI, стр. 136.

(472) тамъ же, стр. 139.

(473) стр. 140—141. Тутъ же, въ примѣчаніи гнъ Погодинъ выписываетъ замѣчательныя слова историка Швейцаріи, Миллера, изъ письма его къ Бонстеттену. Занимаясь пространнѣйшими извлеченіями изъ лѣтописателей среднихъ вѣковъ, Миллеръ говоритъ: Jordanes de rebus Gothorum ist vollendet. Atilae grab ist auch vortrefflich. *Ueberhaupt erkennt man an Atila die Politik der heutigen Könige.*

(474) стр. 142.

(475) стр. 143.

Вообще Славяне столь же древни въ Европѣ, какъ Греки и Римляне: это *доказывается* древнею земледѣльческою ихъ жизнію, чертами лица, устройствомъ и цвѣтомъ глазъ, цвѣтомъ волосъ, видомъ бороды, одеждою, народочисленіемъ, Византійскими писателями, кототорые не переставали употреблять имена Скиѳовъ, Сарматовъ и проч. до позднѣйшихъ временъ, когда собственное имя народа *Русь* записалось уже въ Исторіи(476).

Венелинъ принесъ ужь *незабвенную услугу Исторіи* даже и тѣмъ только, что обратилъ вниманіе на смѣшеніе народовъ, которое понять не легче древняго Вавилонскаго; что указалъ новый путь, разставилъ по немъ вѣхи, далъ собственную нить для изслѣдователей, и самъ самъ сдѣлалъ опытъ—пройдти съ нею по всему лабиринту. Не говорю уже о частныхъ, *дѣльныхъ* и *важныхъ*, его замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ по всему сочиненію (477).

И такъ, авторитето-любивый знатокъ Славянской и общей Европейской Исторіи, рѣшившій участь Шлёцера приговоромъ Московскаго Профессора, dessen Verdienste um die russische Geschichte beneidet, aber nicht vergessen gemacht werden können, вотъ вамъ и непогрѣшительный авторитетъ того же самаго Московскаго Профессора М. П. Погодина, назвавшаго Шлёцера славнымъ учителемъ! Теперь, конечно, для васъ уже все кончено—«Михаилъ Петровичъ рече сіе», *αυτὸς ἔφη*, воскликнется вы, привыкши убѣждаться не самою *истиною*, а чужими словами, завѣреніемъ другаго лица... Но для меня, признаюсь, *истина* важнѣе всякаго *авторитета* («даже и Погодинскаго?» даже и его!); самый авторитетъ, по-моему, тогда только пріобрѣтаетъ убѣждающую силу, когда опирается на истину: каждый писатель не чужимъ завѣреніемъ, а собственными произведеніями—«отъ дѣлъ и словъ своихъ» —оправдится или осудится! И потому, судъ о Венелинѣ долженъ быть произнесенъ не съ голосу М. П. Погодина (хотя отзывъ его совершенно справедливъ); не съ голосу рецензента-*пигмея*, заратившагося въ «Москвитянинѣ»; не съ голосу и *онаго знатока*, опершагося въ сужденіи о Шлёцерѣ—на авторитетъ М. П. Погодина, а въ сужденіи о Венелинѣ—на авторитетъ толико-добросовѣстной пигмейной статейки: значеніе Венелина въ Русской исторической литературѣ должно быть опредѣлено *внутреннею цѣнностью* его идей объ исторической критикѣ во-

(476) Моск. Вѣстникъ 1829, т. VI, стр. 144.

(477) Тамъ же стр. 143,—146,

обще и взглядомъ на древность Руси въ частности: *степень истины*, заключающейся въ его мысляхъ, опредѣлитъ *его мѣсто* въ ряду историческихъ писателей.

Русская Историческая критика началась въ первой половинѣ XVIII вѣка твореніями Байера, не знавшаго по-Русски и потому-то «съ толикою славою» *объяснявшаго* Русскія лѣтописи. Байеръ первый бросилъ *высшій взглядъ* на историческую критику, какъ на *ловлю созвучій:* для доказательства такой *высокости* взгляда, онъ превратилъ Новгородцевъ въ Кабардинцевъ, Бужанъ-Малороссовъ въ Татаръ Буджакскихъ, Днѣпровскій Витичевъ въ по-Двинскій Витебскъ, Французовъ-Бретонцевъ въ Англичанъ-Британцевъ, которыхъ объявилъ Скандинавами, а Скандинавскимъ (Свейскимъ и Датскимъ) дворянчикамъ за храбрые подвиги (въ Снорровыхъ сказкахъ) пожаловалъ имя Варяго-Руссовъ; Миллеръ удержалъ такую *высокость*, и царя Дадона превратилъ въ Одина, а Бову Королевича въ Бауса Одиновича; Струбе также плѣнился этою *высокостію*, и нашего Перуна превратилъ въ Скандинавскаго Тора. Въ противоположность этому *высокому* взгляду на историческую критику образовался-было *Русскій* взглядъ, простой, здравомыслящій: Ломоносовъ потребовалъ *сравненія* древнихъ временъ съ нынѣшними, разсужденія о *естественномъ теченіи бытія человѣческаго*, т. е. о естественности и логической возможности, и наконецъ *примѣровъ прошедшаго*, послѣ чего призывалъ уже и *филологію*, которую признавалъ *не безсильнымъ* доказательствомъ тогда только, когда опирается на *свидѣтельствѣ древнихъ* и согласна съ результатами, извлекаемыми изъ разсмотрѣнія временъ чисто-историческихъ, вполнѣ *извѣстныхъ*. Но такъ какъ эти основанія исторической критики изгоняли произволъ писателя и на мѣсто *ученой фантазіи* вводили *математическую послѣдовательность выводовъ*,—а къ тому же Ломоносовъ назвалъ «скотиною» автора ученой Грамматики, производившей Русскихъ бояръ отъ барановъ (въ смыслѣ глупцовъ), Русскихъ князей отъ Нѣмецкихъ холоповъ (knecht'овъ), Славянскихъ Королей отъ Нѣмецкихъ мужиковъ (kerl'евъ), Славянскую дѣву отъ Нижне-Саксонской суки (tiffe),—то, въ отмщеніе за имя «скотины», Шлёцеръ назвалъ Ломоносова *неученымъ историкомъ*, приписалъ ему мнѣніе Степенной книги, и первый истинно-ученый Русскій историкъ прослылъ за неученаго, по милости благородной штучки Рейнскаго патріотизма. И

такъ всѣ были увѣрены въ честности Шлёцера, что ни кому изъ Русскихъ и въ голову не приходило заглянуть въ Ломоносова и повѣрить на дѣлѣ: правду ли говоритъ объ своемъ соперникѣ пылкій авторъ опыта Русской Грамматики? Съ голосу Шлёцера, всѣ воображали и увѣряли другъ друга, что Ломоносовъ слѣдуетъ Степенней книгѣ и ведетъ Варяго-Руссовъ отъ Пруссовъ; слѣдственно, такого неученаго историка и читать уже нечего. . . Цѣль Шлёцера была достигнута: Ломоносовъ, всѣми оставленный, даже и Карамзину,—безпорно уже; почитаннѣйшему изъ Русскихъ писателей,—былъ извѣстенъ только по выпискамъ Шлёцера; Венелину также. Но Руское врожденное здравомысліе вывело его на путь *истины*, и онъ положилъ въ основаніе, своей исторической критикѣ слѣдующія положенія:

Начало Исторіи всякаго народа болѣе или менѣе темно; тому доказательствомъ служатъ разныя историческія изслѣдованія ученыхъ. . . .

Но взоръ изыскателя-критика обыкновенно простирается почти только до перваго лѣтописателя. . . . Свѣдѣнія лѣтописца, касательно давнопрошедшихъ до него временъ, суть бо́льшею частію *предполагательныя*, которыхъ отнюдь не льзя принимать за *истину*, не *повѣривъ* прежде *критикой*. Посему, всякъ согласится, что и взоръ первыхъ лѣтописателей былъ ограниченъ, и могъ простираться *только на извѣстное пространство*, почему: 1) отвергаются отклики тѣхъ, кои, по своей легковѣрности, или игривости воображенія, говорятъ о тѣхъ временахъ, до коихъ они не могли проникнуть; 2) отдаленнѣйшую точку, до коей проникало зрѣніе перваго правдолюбиваго *лѣтописателя*, нельзя признавать за первою эпоху *бытія какого-либо народа*, напримѣръ, Русскаго, съ 862 года.—Вообще, въ объясненіи начала Исторіи того или другаго народа, надлежитъ поступать съ отмѣнною строгостію и осмотрительностію не только къ источникамъ, но и къ самому себѣ: ибо *ошибки лѣтописцевъ*, неправильное или *педантическое толкованіе* ихъ изреченій, *недоумѣніе между ими и нами*, весьма легко могутъ подать поводъ къ заблужденіямъ. Главное правило: ни *я*, ни ты, ни онъ — не смѣй выдавать себя за пробирную палатку, въ коей должна быть признаваема истина, или опредѣляемы степени вѣроятностей; эта честь принадлежитъ *здравому разсудку* и *естественности*(478).

Такимъ образомъ верховный судъ отданъ Венелинымъ Исторической Логикѣ, о которой до него и помину сов-

(478) Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I, стр. 18—19.

сѣмъ не было (исключая Ломоносова, уже забытаго помилости Шлёцера); а великіе «оные знатоки» увѣряютъ, будто бы Венелинъ основывалъ все только на созвучіяхъ! то есть: приписываютъ ему, врагу байеровщины, изобрѣтеніе ловли созвучій... Вотъ ужь, по Русской пословицѣ: съ больной головы да на здоровую! Впрочемъ, вѣдь недаромъ же говоритъ другая пословица: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ...

Какъ *пользовался* Венелинъ филологіею, лучше всего показываетъ разборъ слова *конъ*. Это уже совсѣмъ не то̀, что филогической розыскъ о чухонствѣ слово *Русь!* Выслушай те и судите безпристрастно:

Въ грамматѣ *Млада*, Князя Бассарабскаго, отъ 1472 года, говорится: „и господству ми дадоше *конъ* добръ" т. е. и господству моему представили о томъ *доброе* свидѣтельство: посему, *конъ* здѣсь означаетъ подлинный, вѣрный или законный актъ или документъ о сдѣлкѣ. Замѣчательно здѣсь употребленіе сего Славянскаго слова, которое, по мнѣнію лучшихъ Славянскихъ языковѣдовъ, значитъ *начало*. Это справедливо: ибо тоже показываютъ и производныя отъ него слова. Такъ и въ текстѣ древле-Болгарскаго нарѣчія: «*изъкони* бѣ Слово» и проч. Уменьшительное *конецъ* противуположно своему корню. Впрочемъ все равно, и то и другое въ понятіи человѣческомъ равно означаетъ *крайность* (*край*), и едвали кто изъ смертныхъ возмется доказывать, который изъ краевъ нитки должно называть *началомъ* и которой *концомъ;* оба они концы и оба начала; Славяне имѣютъ нѣсколько словъ для изображенія сего понятія: межа, предѣлъ, край, грань (граница); и производное отъ *чинъ* т. е. рядъ и порядокъ—(*чиню* въ порядокъ привожу, поправляю, начинаю)—*начало*. Самое отвлеченное изъ нихъ *конъ* и *начало* (у другихъ народовъ меньше этихъ словъ). Изъ этихъ словъ произошло понятіе власти: *начальникъ*, т. е. дѣлающій, сохраняющій *чинъ* или порядокъ; такой человѣкъ бываетъ *началомъ* того, что̀ называемъ порядкомъ. Правда, что и спутанныя нитки и запутанное дѣло равно приводятъ въ порядокъ съ концовъ (ordior начинаю, ordo порядокъ). И такъ *конъ* или начало, принадлежащее къ понятію о *пространствѣ и времени,* такъ тѣсно и неразрывно соединено съ идеею порядка, что нельзя не высказать великой истины—(скажу по-Болгарски): *из-кони бѣ порядокъ, и порядокъ бѣ начало, и начало бѣ у Бога* (479). Вотъ какимъ образомъ слово перешло съ *конца* въ судопроизводство.

---

(479) Нельзя не замѣтить здѣсь, что простыя и, такъ сказать, голыя слова, смотря по происхожденію, нерѣдко вполнѣ выражаютъ мысль или ученіе народа. Такъ приведенный здѣсь примѣръ содержитъ въ себѣ ту истину,

Разныя слова и глаголы произошли отъ *конъ,* сохранившіеся въ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. У Сербовъ *конацъ* нитка, *концы* нитки, и тоже *конецъ*, но не часто употребляется: развѣ въ слѣдующемъ выраженіи: *то ме нема ни края ни конца;* это ни имѣетъ ни начала ни конца. У Карпато-Россовъ: *конаю* издыхаю, *конанье* послѣднее издыханіе. Поляки: doskonały совершенный, Русскіе (Сѣверяне): *доконать* довести до крайности физически или доказательствами, т. е. убѣдить совершенно. У Чеховъ ukon, konánj и kon дѣйствіе, совершеніе чего-либо, исполненіе (должности) actus, functio, отсюда konawy и wykonny опытный, практическій (480). Въ Россіи въ игрѣ въ *городки* или *чужки*, тотъ называется *конъ,* кто начинаетъ. Сверхъ сего *кониться* съ кѣмъ-либо, т. е. мѣряя съ кѣмъ либо палку отъ конца до конца, узнать, кто схватитъ послѣдній или верхній кончикъ. Замѣчательно, что тотъ *начинаетъ,* кто послѣдній кончитъ.

Итакъ *конъ* по-Болгарскому понятію (въ грамматѣ) значитъ *постановленіе, сдѣлка,* или какъ говорится *законъ.* Однако *конъ* и *законъ* не есть одно и тоже. Очевидно былъ прежде употребляемъ и глаголъ сложнопроизводный *законаю, законяю* (только отсюда *законъ). За* въ сложныхъ глаголахъ имѣетъ особенную силу. Поелику *конъ* (начало) есть черта ultra quam non, то *законаю* значитъ отчеркиваю, отстраняю, исключаю; слѣдственно, *за* имѣетъ исключительную, воспретительную силу: на пр. *повѣдаю* говорю, велю, *заповѣдаю,* отрицательно велю, или *не* велю; *прещу*—запрещаю. Посему очень естественно десять Божіихъ запрещеній названы *заповѣдями,* ибо почти всѣ состоятъ въ *«не».* И такъ *Заповѣдь* и *Законъ* одно и тоже.

Всякой пойметъ, что вообще постановленія, какъ условія общественнаго существованія, должны быть двухъ противоположныхъ категорій или родовъ, положительнаго и отрицательнаго; положеній *«да»* и *«да не»*,—положеній требующихъ существованія или осуществленія, и требующихъ уничтоженія, несуществованія.

Такимъ образомъ на двойственномъ своемъ понятіи *добра* и *зла* Славяне, сообразно съ двойственнымъ характеромъ ихъ миѳологіи,

---

которой нерѣдко и долго добивался умъ человѣческій и которую мы знаемъ изъ Откровенія. Много можетъ быть быть примѣровъ въ подтвержденіе сему.

(480) См. Logika nebo Umnice. Wydaná od *Antonjna Marka,* farára na Teyně, audda Cesko-Slovenske Spolecnosti w Uhrish. *W. Praze.* 1820; т. е. *Логика или Умница.* Издалъ Ант. Марекъ, *Пасторъ на Тейнѣ, Членъ Чешско-Словенскаго Общества въ Венгріи.* Въ Прагѣ 1820.

основали два источника своего правовѣдѣнія, своего кодекса, положительный и запретительный. Отсюда ихъ *коны* и *законы*.

Конечно ни одинъ народъ не дѣлалъ подобнаго различія въ постановленіяхъ; у нихъ lex, Gesetz, loi, на все; и кажется, въ самомъ дѣлѣ, можно одну и туже вещь выразить и положительно и запретительно, напр. *старыхъ почитать* и *старымъ не оказывать неуваженія*. Нѣтъ; и то и другое будетъ положительно: но сверхъ сего не все можно изъ человѣческихъ постановленій высказать и положительно и запретительно. Много постановленій касаются только одного запрещенія, напр. *не убей*. Все раздѣляется на *повелѣнія* и *запрещенія*.

Запрещенія, отстраняя зло, дѣлаютъ всѣхъ и всякаго безопаснымъ; *повелѣнія* указываютъ порядокъ, въ коемъ всѣ и всякій долженъ пользоваться, и можетъ быть, еще наслаждатся жизнію. Не тотъ великій наставникъ, кто наговоритъ своему воспитаннику кучу поучительныхъ наставленій (*повелѣній*), но тотъ, кто умно, хотя и вкратцѣ, умѣлъ *запретить*. Творецъ нашъ небесный далъ намъ одни *запретительные* законы (leges divinae), и оставилъ намъ (что̀ непостижимо мудро) на волю уладить между собою свои положительные, и даже измѣнять сообразно характеру, климату, обстоятельствамъ, всякому народу порознь (leges humanae). Онъ ими отвратилъ отъ насъ зло, и этого довольно, чтобы мы были счастливы.

Итакъ leges humanae, *коны*—были собственно внутреннія, правительственныя *постановленія*, а наконецъ и *частныя сдѣлки*, такъ какъ и въ сей грамматѣ сдѣлка купчей называется *кономъ*.

Можетъ быть кто-либо скажетъ: почему же нынѣ Славяне одно слово *законъ* употребляютъ въ обоихъ смыслахъ, и если одно изъ сихъ двухъ словъ должно было остаться въ употребленіи, то почему не сохранилось *конъ*?—Что *конъ* буквально сохранилось, мы уже это видѣли; но что слово *законъ* употребительнѣе, причина тому та, что *запрещеніе* простолюдію, да и всякому человѣку ощутительнѣе, нежели *позволеніе*, или какая-либо сдѣлка. Такова природа человѣческая. Впрочемъ *конъ* есть основаніе тому, что̀ и мы и другіе народы называютъ *правомъ*. Собраніе *коновъ* составляетъ *правду*. И постановленіе наказанія за нарушеніе закона есть *конъ*; и *конъ* и *законъ* есть дѣло *правды* (*даянія права*) т. е. суда.

Посему всякое поссановленіе называлось *конига* или короче *книга*. А отсюда простолюдіемъ названъ *конигою* или *книгою* и всякій исписанный лоскутокъ кожи (пергамина), доски, или бумаги; а наконецъ и матеріалъ. Это тоже, что̀ и у Римлянъ tabula, tabella доска, дощечка, и tabella писмо, tabellarius письмоводитель, письмоносецъ, почталіонъ.

И нынѣ Болгаре письмо, и даже всякую исписанную бумажку называютъ *книгою;* а наконецъ слово перешло и на бумагу, которую означаетъ: *чиста книга* и собраніе исписанныхъ листовъ *книга.*

Разумѣется, что съ симъ вмѣстѣ связано неразрывно и лицо законодателя; это слово *Конязь* или *Князь*, производное прилагательное притяжательнаго смысла, по свойствамъ языка Славянскаго произшедшее отъ имени кончавшагося на *гъ:* посему *Конягъ*; теперь вижу, что оно было самое прямое нарицательное названіе верховнаго повелителя, или лучше сказать, *законодателя;* ибо по смыслу слово *Конягъ* или *Коняга* (отвага, бродяга, скряга, плутяга, очагъ, врагъ) значитъ законодателя. Сеперь можно рѣшительно сказать, что König, (какъ и *Шелягъ* schilling, Варягъ wering) и *Koning*, употребляемое Нѣмцами, есть Славянское слово. Отсюда—то *Конязь*, *Князь*, сынъ *Коняга.*

А вотъ какъ понималъ Венелинъ *филологію* и *языкъ* вообще (тамъ же, въ примѣч.):

Полный словарь народнаго языка есть система его *философіи.* Это и названо *Философій Языка.* Конечно у насъ, Славянъ, нѣтъ поименованныхъ Аристотелей, Платоновъ, Зиноновъ, Эмпедокловъ; но что за нужда, у насъ есть огромный Словарь: раскрываю его и назидаюсь.

Не всякій языкъ въ равной степени можно назвать *философическимъ.* Въ этомъ отношеніи можно назвать таковымъ только тотъ, въ которомъ *богаче* и *разнообразнѣе* словопроизводство; словопроизводнѣе же тотъ языкъ, въ которомъ *меньше всѣхъ* корней. Безсмертный Аббатъ *Добровскій* сосчиталъ всѣ корни Славянскаго языка и нашлось съ небольшимъ 1,600. Очень мало! И, не смотря на то, всякаго слова источникъ въ числѣ ихъ. Въ Нѣмецкомъ, столь богатомъ словами, несравненно болѣе корней. Въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ великое множество словъ безъ корней, т. е. одни обломки, или же ихъ корни въ Славянскомъ. Ближе подходитъ къ Славянскому словопроизводность Греческаго. О Французскомъ и Англійскомъ нечего и говорить; все собрано, откуда можно было взять. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Славянскій долженъ быть *философичнѣе* всѣхъ прочихъ, ибо только полное его и обширное словопроизводство можетъ показать ходъ мыслей Древнихъ. Мнѣ часто приходила въ голову дерзкая мысль, что можно въ трехъ или въ четырехъ томахъ составить, по словарю, *Философскую Систему древнихъ Славянъ.*

(48[x]) Телескопъ, 1832, т. X стр. 394—412.

Если я приписываю древнимъ Славянамъ *высшую мыслительность*, то это оправдывается тѣмъ, что они необходимо должны были быть мыслителями по свойству своего *языка;* или даже можно сказать на оборотъ: языкъ ихъ сдѣлался гибкимъ отъ того, что *народъ* былъ мыслителенъ.

Доказательствомъ мыслительности служатъ мудрыя изреченія, взятыя изъ общежитія. Эти изрѣченія суть *пословицы. Я* не знаю ничего о мыслительности Греческаго и Латинскаго народа: *Corpus Adagiorum* или *Sententiae Virorum Clarorum* есть извлеченіе изъ сочиненій ex professo. Англійскія, Нѣмецкія и Французскія пословицы не многочисленны и далеко уступаютъ Славянскимъ. Но за то прошу взглянуть на многочисленность и силу сихъ послѣднихъ. Пословица есть результатъ длиннаго размышленія; и не одна Русская пословица иногда на меня дѣйствуетъ сильнѣе сентенціи Аристотеля или Цицерона.

Но это о цѣлыхъ рѣченіяхъ; а я говорилъ что *даже и одно слово* оттѣняетъ нравственную мысль народа. Высоко и справедливо понятіе въ словѣ *начало* (отъ *чинъ*), велико слово *Князь* (не отъ *коня*, а отъ *кона*): но такъ ли высоко и благородно выразятся Нѣмецъ и Латинецъ? Anfang (отъ fangen схватываю) схватка или principium (или primum *cipium* отъ capio) *первая схватка!* princeps т. е. *первый схватившій!* или у Нѣмцовъ древнихъ *first* т. е. первый или rex (отъ rego править,) понятъ правитель?—

Да не подумаетъ кто-либо, что я говорю это изъ безотчетливой привязанности къ своему племени; я хотѣлъ только обратить на это вниманіе Славянъ, порицателей Славянскаго же племени, которымъ свои *предки* кажутся грубѣйшими варварами потому только, что *сами* очень недальновидны.

Спрашиваю всѣхъ безпристрастныхъ изыскателей: *кто* такъ основательно разсуждалъ объ языкѣ вообще и такъ глубокомысленно разбиралъ слова этимологически? На Русскомъ языкѣ до Венелина и подобнаго ничего не было.

Слѣдственно: только люди не читавшіе Венелина могутъ писать, будто бы онъ не понималъ ученой филологіи и все основывалъ единственно на сходствѣ звуковъ!

Посмотримъ теперь, какими средствами надѣялся Венелинъ уничтожить противорѣчія и споры историковъ между собою:

Если въ познаніяхъ человѣческихъ есть понятія или *физически* или-же *логически* положительныя, то въ такихъ познаніяхъ нѣтъ мѣста *мнѣніямъ*, слѣдовательно нѣтъ мѣста и *противорѣчіямъ*. Вотъ почему не было *разныхъ* мнѣній о томъ, что *дважды два четыре.*

Есть однако не только *математическія*, но и *логическія* аксіомы или истины, недопускающія никакихъ *мнѣній*, разсужденій. Такъ напр. изъ правила, что *уголъ отраженія происходитъ подъ угломъ паденія*, откроете существованіе невиданнаго и невидимаго вами предмета. Если укажете мнѣ на потолкѣ сосѣдней комнаты солнечное пятно, и скажете мнѣ, что въ той комнатѣ на извѣстномъ мѣстѣ стоитъ кусокъ зеркала, *повѣрю* вамъ. Если вы, сообразивши направленіе луча, откроете и наклоненіе, въ которомъ находится зеркало въ отношеніи къ солнцу, *повѣрю* вамъ. Если я самъ буду въ состояніи сообразить и понять это, то тогда уже перестану *вѣрить*, потому что стану *знать*. Стану знать не только *существованіе* заркальца, но и его *мѣсто* и его *наклоненіе*, не смотря на то, что я всего этого не вижу. Можно открыть еще больше, если лучевое пятно на потолкѣ движется, или даже бѣгаетъ; тогда я открою, что зеркало находится въ движущей рукѣ *человѣка*, или *играющаго ребенка*. Такимъ образомъ открыто существованіе и человѣка или ребенка въ сосѣдней комнатѣ, о которомъ однако молчали всѣ *лѣтописи!*

Совершенно тоже правило *общей логики* должно управлять и Историческимъ *вѣрованіемъ* и *знаніемъ*. Древніе писатели оставили намъ тысячи этихъ лучевыхъ пятенъ, по которымъ очень можно было открыть и знать о существованіи *тысячи* предметовъ и отношеній, о которыхъ не упоминали, *молчали* Древніе. Тогда только логическая критика возвратила бы Исторіи ея истинное достоинство: сдѣлала бы изъ нея *догматъ*, то есть: знаніе, сдѣлала бы ее *наукою*, свѣдѣніемъ для человѣка! тогда не было бы *разныхъ* мнѣній, т. е. противорѣчій! *Разныя* мнѣнія, т. е. противорѣчія, ясно и неопровержимо доказываютъ, что Историко-Критическая логика находится еще въ своей *глиняной* эпохѣ. (482)

Руководимый этими началами, Венелинъ скоро замѣтилъ основную ошибку прежнихъ изслѣдователей, которые не знали, что Словенами называетъ себя одинъ только народъ въ цѣломъ мірѣ, именно Словенцы и Словаки, живущіе отъ Адріатическаго моря до истоковъ Вислы; что этотъ одинъ народъ собственно и назывался Sclavi, Sclavini, Sthlavi, хотя впослѣдствіи чужеземцы распространили это имя и на прочіе единоплеменные съ Слованцами народы; и слѣдственно подъ именемъ Sclavin'овъ, Словенъ, Славянъ, можно отыскивать исторію только нашихъ Дунайскихъ братьевъ, а не нашу, не Польскую, не Чешскую, не Сербскую, не Болгарскую, откуда неизбѣж-

(482) Скандиновоманія, стр. 81 — 82.

по вытекало другое слѣдствіе, что Болгаре, Сербы, Русь, Чехи, *Ляхи*, Поморяне покрывались у Греческихъ писателей не именемъ Sclav'овъ, а *иными*, которыя и должна сънихъ снять *Историческая критика.*

Въ I томѣ изслѣдованій о Болгарахъ Венелинъ уже очень ясно высказалъ мысль эту:

Имя Словенъ (*Словене*, *Словенцы*, *Словаки* одно и то же, какъ и Россіяне, Русскіе, Русаки) принадлежало всегда исключительно *одному* Славянскому племени, а именно: Паннонцамъ и Итало-Украинцамъ; прочія же имъ никогда не назывались. Иноплеменники произносили сіе имя *Ζϑλαβι*, Sclavi, Slavini; довольно страннымъ образомъ они распространили оное, въ своемъ воображеніи, и на прочія сродныя съ Словенами племена, такъ что *Словене, имя собственно видовое*, стало дѣлаться и *родовымъ*. Въ Европѣ и по сію пору пишутъ сіе названіе только по Латинскому правописанію: die Slaven, les Slavons или Slaves, и никогда не означаютъ, о чемъ говорятъ: о *видѣ* ли? или о цѣломъ *родѣ*? Сія неопредѣленность понятій причинила вообще въ Европейской исторіи чрезвычайную путаницу: употребленіе видоваго имени вмѣсто родоваго подало многимъ поводъ думать, будто издревле дѣйствительно *всѣ* виды сего обширнаго рода назывались симъ именемъ, что́ однако несправедливо. Сія-то ошибка породила и многія другія; между прочимъ покровительствовала понятію о *татарствѣ* Болгаръ, о *скандинавствѣ* Россіянъ и проч. Однако Русскія лѣтописи не подражали Грекамъ и Римлянамъ, а писали (какъ надлежитъ) *Словене*, чего не поняли всѣ наши толкователи. Съ нѣкотораго времени и въ Россіи иные писатели, между прочими и Карамзинъ, ввели *Славянъ* въ Русскій языкъ, такъ однако, чтъ и по сію пору иные пишутъ «Словене,» а другіе «Славяне,» но и тѣ и другіе въ одномъ значеніи, т. е. подобно иностранцамъ, сами не знаютъ: въ какомъ? Но пора говорить внятнѣе: пора имя *Словене* возвратить племени, коему оно принадлежитъ исключительно, въ *видовомъ* значеніи; но какъ *общаго* имени *всѣхъ* племенъ никто не знаетъ, то вмѣсто онаго можно допустить введенное уже: *Славяне*. (483).

Это чрезвычайно важное наблюденіе совсѣмъ было упущено изъ виду прежними критиками и породило сотни разсужденій о томъ, *когда Словене* (NB. доднынѣ живущіе на среднемъ Дунаѣ) *удались съ Дуная* и заселили Чехію, Балтійское поморье, Польшу, Россію, Болгарію, Сербію? И начали спорить, доказывая, что *вѣроятно* это

---

(483) Древн. и нын. Болгаре, т. I, стр. 65—66.

было въ VII вѣкѣ по Р. Х. при Кубратѣ Болгарскомъ, въ доказательство чего стали ссылаться на лѣтопись Пр. Нестора, забывъ, что Пр. Несторъ, излагая свои мысли о древнѣйшей нашей исторіи, говоритъ, что это расселеніе Славянъ совершилось «по разрушеньи столпа (Вавилонскаго) и по раздѣленьи языкъ по мнозѣхъ временѣхъ»(484); слѣдственно, относитъ это событіе къ временамъ предъ-историческимъ и благоразумно не назначаетъ опредѣленнаго времени; старобытными же обитателями *полунощной страны*, на сѣверъ отъ Понта или Чернаго моря, ставитъ *Русь*, а за нею *Чудь*(485), и прямо говоритъ что *въ Руси языкъ* (народъ) *Словенескъ*(486). Новѣйшіе же изыскатели, пріурочивъ это *предполагаемое* расселеніе Словенъ къ VII вѣку Христіанской эры, заключили такъ: если Словене появились въ нашей землѣ только въ VII вѣкѣ, то Скиѳы, Сарматы и прочіе упоминаемые тутъ до VII вѣка народы, какъ не-Словене, *вѣроятно* были Татары, Монголы, Финны, *можетъ быть* исчезшіе при переселеніи Словенъ, которые черезъ двѣстѣ лѣтъ призвали Скандинавовъ, причемъ и помѣнялись именемъ: Свеи подарили Словенамъ свое Чухонское прозвище Ruotsi, передѣленное Словенами въ *Русь;* а Словене подарили Свеямъ свой языкъ, забыли настоящее имя своихъ князей, перестали помнить что они Свеи, и начали звать ихъ по-Чухонски!...

Венелинъ, открывъ *причину* заблужденій, снялъ завѣсу, скрывавшую Болгаръ подъ именемъ Гунновъ; обличилъ софизмы Тунмана и Энгеля, относительно ихъ мнимо-Татарскаго происхожденія; указалъ, что сами Болгаре составляли только восточную отрасль Русскаго народа, и вывелъ отсюда, что Русскій народъ всегда жилъ въ Руси, хотя Греки называли насъ не-Русью, а Скиѳами (Чужаками), Савроматами (Ящероглазыми—голубоглазыми, по цвѣту глазъ), Меланхленами (Чернозипунниками), Макрокефалами (Длинноголовыми, отъ обритыхъ бородъ, въ слѣдствіе чего лице кажется длиннѣе) и проч. Изложивъ свои соображенія объ этомъ предметѣ, Венелинъ смѣло провозгласилъ:

Русь или Руссы, какъ народъ Норманскій, Скандинавскій, никогда не существовалъ, и есть только плодъ *жалкаго толкованія*, или *фантастическое произведеніе* нѣкоторыхъ изыскателей. *Не по-*

(484) Лаврент. списокъ, стр. 2.

(485) тамъ же стр. 2.

(486) тамъ же стр. 6.

няли Нестора: *да еще какъ не поняли!* Байеро-Шлёцеровское ученіе о происхожденіи Россіянъ (и Варяговъ) почти слово въ слово походитъ на Тунмано-Энгелевское о происхожденіи Болгаръ ([487]).

Венелинъ только *указывалъ:* смѣтливые, конечно, могли его понять; прочіе возопили отъ ужаса, прочтя эти положенія, и не видя тутъ же передъ глазами доказательства сказанному. Соображать самому, знаете, трудновато, да и умственная машина давнымъ-давно заржавѣла послѣ Байеровой ловли созвучій; такъ и выводы Венелина для людей *не привыкшихъ размышлять* показались невѣроятными, даже нелѣпыми, потому что «съ Байеромъ согласны всѣ *учёные*», по мнѣнію шлёцеріанъ. Венелинъ самъ сознавался, что «развитіе этихъ положеній требуетъ распространиться *еще на три* или *на четыре тома*»; что «по недостатку мѣста надобно было придерживаться возможной краткости, и потому-то книга состоитъ *почти изъ однѣхъ темъ* или задачъ для разсужденій съ краткими наставленіями»; что «книга эта далека отъ совершенства, и довольно съ нея и того, если она могла указать *возможность* анти-сектическаго, *православнаго* историческаго вѣрованія ([488])».

Разсматривая событія преимущественно со стороны *логической возможности,* Венелинъ касается только общаго, снимаетъ съ Русскаго народа только главныя названія, подъ которыми онъ слылъ у иноземцевъ, и на каждомъ шагу твердитъ, что это еще только начало, что доказательствъ много еще и кромѣ логическихъ соображеній, но что эти прочія доказательства онъ предоставляетъ себѣ развить въ слѣдующихъ томахъ, вызывая на этотъ трудъ всѣхъ любителей исторіи. Показавъ на прим. что именами Гунновъ, Акатзировъ (Казаровъ), Гетовъ или Даковъ, Алановъ, Раксалановъ (Росс-алановъ) покрывался именно Русскій народъ, Венелинъ пишетъ: «вотъ *вкратцѣ* о разныхъ именахъ нарицательныхъ, коими покрываемы были Россы; надѣюсь, что историки, при описаніи разныхъ событій, опишутъ это *обстоятельнѣе*; впрочемъ сія статейка, обработанная обстоятельнѣе, можетъ представить весьма важное и обширное историко-критическое разсужденіе» ([489]); или: «я показалъ выше *только* подъ *какими* именами должно искать подробныхъ свѣденій о Руси; над-

(487) Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I. стр. 175.
(488) Скандиновоманія, стр. 102.
(489) Древніе и нын. Болгаре, т. I, стр. 197.

лежитъ собрать оныя и объяснить: это *не входило* въ кругъ моихъ изысканій, касающихся только до главныхъ положеній историческихъ» ([490]). Изложивъ главныя черты исторіи той стороны, которая по-гречески называлась *Скиѳіей*, а по-скиѳски *Русью*, Венелинъ пишетъ: «*продолженіе* объясненій по *сему* направленію (къ чему я осмѣливаюсь *пригласить* всякаго отечественнаго любителя исторіи), со-временемъ можетъ довершить то, въ чемъ еще недостаточны наши свѣденія касательно первобытной Руси или Скиѳіи» ([491]). Относительно же племенъ между Вислою и Рейномъ, Венелинъ сказалъ только, что имъ «досталось другое вздорное же общее названіе: Братовщина или Germania» ([492]); что «слишкомъ половину Братовщины населяли Славяне» ([493]); что «чрезмѣрное пристрастіе Нѣмецкихъ изыскателей къ своему племени заставило видѣть во всей Германіи только однихъ Нѣмцевъ, и смотрѣть сквозь пальцы и зажмуренные глаза на величайшіе и важнѣйшіе вопросы древней сѣверной исторіи, а именно: въ какихъ отношеніяхъ находились заграничныя владѣнія Вандаліи къ своей метрополіи? были ль правители сихъ большихъ частей настоящими королями (reges), какъ воображали себѣ и именовали ихъ Итальянцы? или феодальными правителями, feudales? или просто чиновными верховными начальниками, намѣстниками, locumtenentes reges? *когда* и *какъ* завоеванія Вандаловъ отпали отъ старой Вандаліи: подобно сѣверо-Американскимъ штатамъ, Мексикѣ, или подобно Бразиліи?» ([494]) и объявилъ: «я далекъ отъ того, чтобы, подобно симъ ученымъ, на-оборотъ приписывать *все* Славянамъ; признаюсь, что въ сей Готской или общей Германской кутермѣ скрывается и *значительная часть Дайчерскихъ племенъ*, только надобно попотѣть въ изысканіяхъ, чтобы *опредѣлить* имъ надлежащее мѣсто и въ *Исторіи* и въ *Германіи*. Я здѣсь изложилъ *только общія черты*, или главное основаніе; прочія же подробности объяснитъ дальнѣйшее изслѣдованіе» ([495]). Въ 1835 году Венелинъ приступилъ къ изданію II-го тома своей книги, въ которомъ надѣялся обработать древно-

---

([490]) Древніе и нын. Болгаре, т. I, стр. 210.
([491]) тамъ же, стр. 218.
([492]) стр. 179.
([493]) стр. 188.
([494]) стр. 228—229.
([495]) стр. 229.

сти Словенъ, по отношенію къ Исторіи Болгаръ ([496]); не смотря на крайне-стѣсненныя обстоятельства въ слѣдующемъ году (1836) началъ онъ печатать еще другое сочиненіе подъ названіемъ «Скандинавоманія и ея поклонники», въ которомъ хотѣлъ подробно разобрать Байера и все ученіе его послѣдователей... Смерть постигла неутомимаго изыскателя, когда перваго сочиненія было отпечатано только 15 листовъ, а другаго 7; только и было выдано, въ шесть лѣтъ...

Не имѣя возможности довести до конца любимый трудъ свой, Венелинъ старался въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ, *между прочимъ,* обратить вниманіе читателя на *объясненіе* того или другаго явленія. Какъ много важныхъ замѣтокъ разбросано у Венелина въ этихъ произведеніяхъ, можетъ служить доказательствомъ одно мѣсто изъ разсужденія *О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ* ([497]). Тутъ онъ разсуждаетъ объ *ожесточеніи,* на которое до сихъ поръ не обращали вниманія, говоря о причинахъ паденія Рима. Сказавъ о впечатлѣніи, произведенномъ Рейнско-Дунайской военною линіею Римлянъ на сосѣднія племена,—Венелинъ пишетъ:

Наконецъ Провидѣніе наслало *бичъ* свой, Атилу, который разорвалъ эту пагубную желѣзную Дунае-Рейнскую цѣнь, такъ жестоко тяготившую всю Европу. Послѣ сраженія при Шалонѣ и кроваваго взятія Аквилеи, Италію вогналъ онъ въ ея древніе предѣлы, и Европа отдохнула. Атила *далъ ей свободу* и пошли кодификаціи! Появилась тотчасъ lex Salica, lex Frisonum, lex Ripuariorum, lex Burgundionum, lex Alemannorum, lex Frisonum. Если Юлій Цезарь началъ и установилъ *черкешествованіе,* Атила установилъ *кодификаціи* и *свободу* Европы.— На смерть этаго необыкновеннаго человѣка, говоритъ современный писатель, съѣхались въ Сочаву, что въ Буковинѣ, владѣтели всѣхъ народовъ освобожденной Европы, и *Сочавскій* этотъ *конгрессъ* навѣки останется великою эпохою въ судьбахъ Европейскихъ племенъ. ([498])

Но болѣе всего вооружали противъ Венелина безпощадныя насмѣшки, которыми преслѣдовалъ онъ защитниковъ исторической безсмыслицы. Посмѣявшись надъ писателями, ко-

---

([496]) Московскій Наблюдатель (1835), ч. II, стр. 151.

([497]) Оно помѣщено въ «Телескопѣ» (1835) и потомъ напечатано отдѣльною книжкой.

([498]) О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ, стр. 63.— Какъ вѣренъ былъ взглядъ Венелина и какъ справедливо это его замѣчаніе о значеніи Атилы—докажетъ подробное разысканіе о той эпохѣ, помѣщенное въ трактатѣ моемъ о Гуннахъ.

торые не хотятъ разобрать дѣла и повторяютъ одни за другими, что Римскую Имперію разрушили les barbares Nord, — не трудясь надъ разрѣшеніемъ вопроса, кто же были эти «сѣверные варвары»,— Венелинъ разсказываетъ анекдотъ объ одномъ мудромъ просвѣтителѣ, который на разныя вопросы, естественно тутъ возникавшіе, «дѣлалъ такую же глупую рожу, какую только можетъ сдѣлать своему ребенку незамужняя Маменька на вопросъ Папенькѣ.» Насмѣшку-разсужденіе, о томъ какъ иногда *ребячествуютъ* великіе даже писатели, онъ заключилъ словами: «вообще всѣ произведенія Скандиновоманіи представляютъ немало примѣровъ веселаго *буфонства*, которое однако *нѣкоторые Русскіе мараки* довели до nec plus ultra, такъ что уже остается только сожалѣть о такой *мыслительной мизерабельности.* Сами Шведы надъ ними смѣются, потому, что нынѣ именно въ Скандинавіи *менѣе* всѣхъ Скандинавоманія и *больше* здраваго смысла». — Это и внушило ему мысль разоблачить Скандинавоманію во всей наготѣ, выставить все ея противорѣчіе здравому смыслу; къ сожалѣнію, онъ успѣлъ подробно разобрать одного только Байера, котораго твореніе de Varagis и прослѣдилъ со страницы на страницу; прочіе писатели очеркнуты весьма кратко, за исключеніемъ одного Шафарика, о взглядѣ котораго на Славянскія древности высказано много правды: (499)

Чѣмъ больше *запутывали* и затемняли Исторію всякаго Славянскаго племени—гипотезами, тѣмъ болѣе дѣлается она загадочною въ глазахъ Теоремановъ, Монголомановъ, Тевтомановъ, Скандинавомановъ. *Leider!* вопіютъ они, *die Geschichte der slawischen Völker ist bis jetzt noch ein Problem!* Malheureusement l'histoire des Slaves est encore un problème! Воскликнемъ-же и мы въ свою очередь: *увы!* донынѣ остается тайною *ключъ* къ Исторической Силлогистикѣ Славянскихъ Теоремановъ, Скандинавомановъ, Тевтомановъ, Монголомановъ! и донынѣ мѣсто Iорнандово о *Словеніи* служитъ единственнымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ этихъ *сектъ!*....

Замѣчательнѣе всего то, что ни одинъ изъ Европейскихъ Не-Славянскихъ народовъ не задавалъ себѣ вопроса о *происхожденіи* своего племени: по крайней мѣрѣ не помню диссертацій *Ueber die Abkunft der Deutschen*, или *Sur l'origine des Français, о происхожденіяхъ, прихожденіяхъ* и *перехожденіяхъ* Нѣмецкаго или Французскаго народа.

---

(499) Скандинавоманія, стр. 94, 96—99, 103—110.

По Славяне, или же любители Славянъ, помѣшались на *происхожденіяхъ*, на *началѣ*. Задавать себѣ на разрѣшеніе задачу *неразрѣшимую* — есть высокая *нелѣпость* (une haute absurdité). Да и кто можетъ угадать начало гигантскаго народа, заселившаго *двѣ трети* Европы! Само собою разумѣется, что на *нелѣпую задачу* слѣдуютъ *нелѣпые доводы*. Вотъ и начало фантасмагоріи въ Исторіи Славянскихъ племенъ, которыхъ теоремапы заставляютъ являться подобно Китайскимъ тѣнямъ!

Нынѣ Нѣмцы заставляютъ Славянъ происходить всячески, а Славяне обижаются, преимущественно въ *Варшавѣ*, въ *Прагѣ* — столицѣ Богеміи, и въ *Будинѣ* столицѣ Венгріи. *Суровецкій* (скончавшійся 1827 г.) рѣшился изслѣдовать начало всѣхъ Славянскихъ племенъ, исписалъ 300 листовъ, и всячески перевертѣлъ слова Іорнанда о границахъ Штиро-Венгерскихъ Словаковъ. *Суровецкій* придумалъ новый *треугольничекъ* для *всѣхъ* Славянскихъ племенъ! Сокращеніе этихъ изысканій читалъ онъ, 24 Январа 1824 года, въ собраніи Варшавскаго Общества *пріятелей наукъ*, и помѣстилъ въ XVII томѣ трудовъ этого Общества подъ заглавіемъ: *Sledzenie poczatku Narodow Slowianskich. (Warszawa.* 1824)

Другой патріотъ, въ Венгріи, *Павелъ Шафарикъ*, родомъ изъ Венгерскихъ *Словаковъ*, полюбилъ выгоды Варшавца: пожелавъ сообщить ихъ Нѣмецкой публикѣ, перевелъ, прибавилъ много своихъ собственныхъ соображеній и подкрѣпленій, и въ 1828 году напечаталъ въ *Будинѣ* подъ заглавіемъ: *Uber die Abkunft der Slawen. Ofen.* 1828. стр. 212. (О *происхожденіи* Славянъ.)

Г-нъ Шафарикъ тоже принялся за *Словенцію* Іорнандову, какъ и всѣ предшествовавшіе ему теоремапы. Однако *треугольникъ* Суровецкаго показался ему маловатымъ для *столькихъ* Славянскихъ племенъ. Для того онъ *lacus Mursianus* Іорнанда изъ Панноніи пересадилъ на берега Чернаго моря! и притомъ самымъ натянутымъ словопроизводствомъ. *Mursianus* онъ превращаетъ сперва въ *Musianus*, а послѣ *Mysianus*, отъ слова Mysia, Maesia, и силится доказать, что Mursianus (происходящее собственно отъ *Mursa* въ Панноніи) значитъ *Бабадагское* озеро у устья Дуная! озеро, которое тамошніе жители по-Турецки называютъ *Рамзинъ*! Перековерковъ Mursianus въ Mysianus, Шафарикъ продолжалъ дальше, изъ Mysianus дѣлая *misin*, *m'sin*. Осталось *Ра*, которое Шафарикъ отъ корня *рс* производитъ вмѣстѣ со словами *роса*, *рѣю* и названіями Славянскихъ рѣкъ,—и вышло *Ра-мзинъ*! — Не знаю однако, по Шафариковову ль словопроизводству (т: е: изъ слова-ли *Moesia* и Славянскаго корня *рс*) образовали Турки свое *Рамзинъ!*—Такимъ обра-

зомъ Шафариковы Славяне, набродившись до-сыта по разнымъ треугольникамъ господъ изыскателей, наконецъ могли напиться водицы изъ Бабадагскаго озера!

Вообще въ изысканіяхъ *Шафарика* есть и *хорошія нѣкоторыя соображенія,* но ни одной логически-основной *управляющей* мысли. Въ немъ отразились всѣ секты: онъ Теореманъ въ своей Слованціи; Скандинавоманъ относительно Русскаго и Варяжскаго племенъ: тутъ его выводы зависятъ отъ выводовъ Байера или Струбе; онъ Монголоманъ относительно Руси и Болгаръ; онъ Тевтоманъ касательно древности Славянъ Германскихъ, не смотря на то, что силится доказать старобытность Славянскихъ племенъ въ Европѣ.

Но, послѣ вѣчныхъ возгласовъ о *загадочности* древностей Славянскихъ племенъ, можно было изслѣдовать причины этой мнимой загадочности: понемногу открылись бы Теореманія, Скандиновоманія, Монголоманія, Татароманія....

Въ одно время съ его сочиненіемъ «О *происхожденіи Славянъ»*, вышло сочиненіе *Паррота «Uber Liwen, Letten und Esten»* (1828), въ которомъ авторъ утверждаетъ, что Славяне народъ *восточный* и рѣшительно *новый*, явившійся въ первый разъ въ Европѣ въ концѣ V вѣка—только неизвѣстно откуда и какъ, и что языкъ этаго народа въ филологическомъ отношеніи не стоитъ ни малѣйшаго вниманія. Въ Вѣнскихъ *Jahrbücher der Litteratur*, говоритъ Шафарикъ, очень недавно одинъ доказывалъ, что Славяне Монгольскаго племени!... *Halling*, помѣстилъ въ *Wiener Jahrb. der Litt.* (1833) разборъ изслѣдованій Шафариковыхъ, въ которомъ отвергаетъ древность Славянъ въ Европѣ «безъ всякихъ доказательствъ», восклицаетъ Шафарикъ.

Въ негодованіи, П. І. Шафарикъ написалъ, на Чешскомъ языкѣ, свои «*Мысли о старобытности Славянъ съ Европѣ»*, и помѣстилъ въ Casopis Ceskeho Museum (1834 г. N 1. стр. 23 — 57). Мысли эти помѣщены были въ VIII-й части Московскаго Наблюдателя (1826 года, стр. 50—84,) гдѣ между прочимъ такъ *плачутъ:*

«Исторія древнихъ Славянъ, не смотря на то, что многіе уже «о ней писали, и свои и иностранцы, по сію пору не достигла еще «той степени свѣтлости и очевидности, на которой каждый истинный Славянинъ желалъ бы ее видѣть. Главною причиною тому «съ одной стороны запутанность и трудность *самаго предмета,*» (ужь не незапутанность ли въ *головѣ* причиною тому?) «съ другой не«достаточность, чтобъ несказать ничтожность нашей Исторіогра«фіи.» Да развѣ древніе больше писали о Нѣмецкихъ племенахъ, нежели о Славянскихъ? И отъ того-ли Исторіографія Славянъ *бѣдна*, что Шафарикъ *не такъ* понимаетъ Приска, Прокопія, Эннодія,

Іорнанда, Нестора!) «Древніе Славяне были люди кроткіе (?), спо-«койные, любившіе заниматься торговлею и ремеслами, и потому «древніе Историки, обращавшіе свое вниманіе только на гулъ «битвъ, мало заботились о нашихъ Славянахъ». Что на резонъ! Развѣ Шафарикъ не видитъ, что потомки Цесаревыхъ Аллемановъ, то есть Баденцы, Виртемберцы, Тирольцы, въ тѣхъ же мѣстахъ и доселѣ, какъ и Цесаревы; что Цесаревы Нѣмцы (Nemetes) и доселѣ въ той-же Эльзаси и Швабіи, и что его Тейштеры (Teuchteri чит. *Тейштеры*) и доселѣ остались по Саксоніи кромѣ перехода вынужденнаго въ Британію. Ужели Шафарикъ въ погромителяхъ Восточной Римской Имперіи, Ост-Готѳахъ и Гуннахъ, не видитъ двух-Славянскихъ племенъ, если на оборотъ не хочетъ видѣть ихъ потомковъ въ нынѣшнихъ Задунайскихъ Славянахъ—*Болгарахъ* и *Сербахъ!* заселившихъ всю нижнюю Паннонію, Далмацію, обѣ Мизіи, Ѳракію, Македонію, и Елладу до самой Спарты! Не значитъ-ли это *ложную* или *выдуманную* характеристику Славянскихъ племенъ стараться доказывать явнымъ *противорѣчіемъ* дѣйствительно Исторіи? Ужели Шафарикъ не замѣтилъ, что со временъ Карла Великаго, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ Теоремапія прекращается въ Исторіи, Славянскія племена всегда были бойчѣе и буянистѣе Тевтонскихъ, и что съ тѣхъ поръ уже слова *кроткіе, спокойные, любившіе заниматься торговлею и ремеслами* именно принадлежатъ Нѣмецкому характеру. Но увы! Шафарикъ начиталъ это мнѣніе у Гердера, и продолжаетъ дальше *такъ:* «А мы *непризнательные* потомки къ своимъ «предкамъ, *измѣнившіе* своему роду» (вотъ какъ, теперь-де мы нехотимъ быть *кроткими* пахарями, *спокойными* дяурами, и сапожниками Татаръ, какъ это дѣлали Шафариковы Славяне!) «мы пустились искать «*происхожденія* своего» (мы уже видѣли какъ г. Шафарикъ отыскивалъ происхожденія своего!) «между Скиѳами, Сарматами, Рокс-«аланами, Языгами, Гуннами, Аварами, Болгарами, и другими «*врагами отцавъ нашихъ*». А въ выноскѣ прибавляетъ: «Въ недав-«нее время *побраталъ* (?) ихъ съ Турецкими (??) Булгарами *Юрій* «*Венелинъ,* въ сочиненіи—*Древніе и нынѣшніе Болгаре*. Москва 1829.» Это показываетъ, что Шафарикъ не читалъ со вниманіемъ моего сочиненія, гдѣ я строго отличаю *Болгаръ* отъ *Словенцевъ*, согласно съ тѣмъ, что Византійцы говорятъ о подданствѣ *Slavenorum* отъ Обровъ, съ тѣмъ, что Несторъ сказалъ: *Болгаре насильницы Словеномъ быша;* или: *Обры насильницы Дулебамъ быша.* Если Шафарикъ въ слѣдствіе этого называетъ Болгаръ или Обровъ *врагами отцовъ нашихъ;* то Россіянинъ, Болгаринъ, Сербъ это выраженіе должны такъ переводить: *врагами отцовъ его* (Шафарика),—потому что Шафарикъ родомъ не Сербъ, не Русакъ, а

Словакъ; тогда онъ былъ бы правъ; но имѣлъ-ли онъ право называть жителей Руси или Болгаріи Татарами отъ того только, что они дѣйствительно были не *Словаки*, а Болгаре, а Русаки! Вотъ основная мысль Шафарика: *кто не Штиріецъ, тотъ не Славянинъ!* Далѣе:

«Иноземцы ни чуть не виноваты въ томъ, что, мы» (кто? всѣ Славяне, или одни только *Слованцы?)* «погрязли въ этомъ Сармато-«Скиѳскомъ болотѣ.» Конечно, *иноземцы* (но кто: Прокопіи, Іорнанды и Страбоны? или Байеры и Шлёцеры?) не виноваты, если у *насъ самихъ* недоставало логики, чему доказательствомъ служитъ результатъ всѣхъ изслѣдованій о *произхожденіи* Славянскихъ племенъ! Далѣе: «Горе Исторіи того народа, которой ищетъ объяс-«ненія своего мраку и жизни своихъ предковъ у иноземцевъ, гля-«дитъ изъ рукъ ихъ.» Это уже новый парадоксъ,и вмѣстѣ *двусмысліе*: если подразумѣваетъ *древнихъ* иноземцевъ, то, напротивъ ими только и можно пояснить Исторію жителей Руси IX,VIII, VII, VI вѣковъ, эпоху, которую Несторъ не могъ обнять. Если-же намѣкаетъ на *новыхъ* (нынѣшнихъ) иноземныхъ изыскателей, то ужели они могутъ мѣшать намъ пояснить свои древности!

«Намъ самимъ должно запяться своей Исторіей тщательно, не-«усыпно, разсудительно, и тогда отворятся и для насъ врата во «градъ древностей нашихъ, точно такъ-же, какъ отворились они «другимъ Древне-Европейскимъ народамъ: Грекамъ, Римлянамъ, «Нѣмцамъ.» — Греки и Римляне никогда не входили во врата своихъ древностей, которыя затемнены какъ *народными*, такъ и миѳологическими сказками, и которыя они передали намъ неочищенныя отъ сказокъ. Древніе Аѳинскіе и Спартанскіе Цари вошли въ Исторію изъ простонародныхъ сказокъ, собранныхъ въ одно цѣлое подъ названіемъ *Иліады.* Равно и Ливій взялъ своихъ Римскихъ Царей изъ сказочныхъ источниковъ. Древности Грековъ и Римлянъ стали *систематически* очищать и пояснить Европѣйцы только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Нѣмцы въ первой разъ хватились за свои древности, и притомъ довольно вяло, только около половины XVIII вѣка; нынѣ-же въ XIX вѣкѣ, стала у нихъ проявляться любовь къ народной Археологіи, чему доказательствомъ служитъ образованіе Археологическихъ обществъ. Не смотря на это, весь результатъ этихъ трудовъ относительно древностей Нѣмецкаго народа подлежатъ еще *суду новой критики* потому, что Нѣмецкіе новѣйшіе ученые слишкомъ вдались въ Тевтономанію (о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться.)

Шафарикъ, кажется, забылъ, что Славянскіе ученые гораздо опередили если не всѣхъ Европейскихъ, то по крайней мѣрѣ Нѣм-

цевъ, вопросами *о своей древности, о своей старости.* Первый предложилъ этотъ вопросъ—Преподобный Несторъ. Руководствуясь двумя-тремя Византійцами относительно періода до-Рюриковскаго, и при ихъ недостаточности теряясь въ догадкахъ, онъ излагалъ свои мнѣнія въ *введеніи* къ своей лѣтописи, оканчивающемся *изгнаніемъ* Варяговъ изъ Новагорода. Это вступленіе есть именно *диссертація* Нестора, которая на всякій случай *несравненно лучше Байеровой,* не смотря на то, что критика не можетъ допустить ея положеній.

И такъ, изслѣдованія въ Славянскомъ мірѣ началъ *Несторъ-диссертантъ,* продолжала же ихъ цѣлая вереница Славянскихъ изыскателей до нынѣшняго дня. Къ какой же стати г-нъ Шафарикъ находитъ, что Славяне ничего не дѣлали, и заставляетъ ихъ *самихъ* дѣлать, не позволяя имъ имѣть никакого сообщенія съ иноземцами, какъ будто между *иноземцами* не можетъ родиться *логическая голова!* Вѣдь доселѣ работали же *сами* Славяне, и *сами* они отдали 40 милліоновъ Славянъ *(Русаковъ)* Скандинавамъ и Монголамъ, *Великую Сербію* (въ Германіи) и *Сербію* Задунайскую *(новую).* Нѣмцамъ, *Болгаръ* Татарамъ! И еще сами жалуются на *загадочность* Исторіи Славянскихъ племенъ!! Не *любви,* не *любителей* ожидаетъ Исторія Славянскихъ племенъ, а *логики.*

«Чего не сдѣлаемъ мы,» продолжаетъ Шафарикъ, «не доразумѣемъ, «то, дастъ Богъ, сдѣлаютъ, доразумѣютъ—не сегодня, завтра,—наши «потомки; но для того, чтобы что нибудь могло быть сдѣлано, на«добно, чтобы оно было уже начато.»

Осмѣливаюсь увѣрить гна Шафарика, что если наше Славянскіе потомки станутъ дѣлать свое дѣло по той-же силлогистикѣ, какъ и *ученые* ихъ предки, то *во вѣки вѣковъ* ничего нездѣлаютъ, какъ и отъ Нестора до нынѣшняго дня ничего не сдѣлано относительно періода предшествовавшаго *Рюрику* и *Карлу Великому,*—если не отстанутъ отъ Шафариковой *Словенціи,* которую онъ подымаетъ и натягиваетъ уже въ *тысяча и первый* разъ. Въ противномъ случаѣ они, наши потомки, наконецъ схоронятъ свои древности, и тогда всякій Китайскій Мандаринъ на этотъ случай можетъ написать Элегію подъ названіемъ: *Плачъ Славянъ надъ гробомъ своей старины!*

И дѣйствительно, если будущіе изыскатели древности всякаго Славянскаго племени не отстанутъ отъ Іорнандовой и Прокопіевой Словенціи, то не избавится отъ *безвѣрія* въ Историко-логическую догматику, пристекающую изъ *согласія* между *правильнымъ пониманіемъ древнихъ* и *общею естественностью дѣлъ человѣческихъ,* и постоянно будетъ валяться въ грубомъ историческомъ *суевѣріи,* ко-

торое одно можетъ воображать себѣ непонятныя *исчезанія* съ лица земли цѣлыхъ народовъ, или ихъ мнимыя *превращенія* изъ народа въ народъ: Шведовъ въ Славянъ (т. е. *Русскихъ* въ *Русскихъ)*, Татаръ въ Славянъ (т. е. *Болгаръ* въ *Болгаръ)*, Ост-Готѳовъ Нѣмцевъ въ Славянъ *(т: е: Сербовъ* въ *Сербовъ)*, и потому подобныя.

Заключу свою мысль словами Цицерона. «Я не понимаю, по-«чему эти *суевѣрные* и почти *фанатическіе* философы во все вѣ-«рятъ охотнѣе, нежели въ свою нелѣпость! Охотнѣе рѣшаются вѣ-«рить въ *исчезаніе* и *истребленіе* того, что̀, если бы существовало, «неперестало бы существовать, — нежели невѣрить въ то, во что «не должно вѣрить.» De Divinat. L. II. cap. 57. (500).

Какъ многознаменательны слова Венелина, что не запутанность предмета, а *запутанность въ головѣ* причиною жалкаго состоянія древней Исторіи Славянъ! Какъ бы ни горячились защитники Шафарика, а здравый смыслъ по-неволѣ заставитъ повторить за Венелинымъ: «иноземцы не виноваты, если *у насъ самихъ* недоставало *логики*, чему доказательствомъ служитъ результатъ всѣхъ изслѣдованій о произхожденіи Слсвянскихъ племенъ». Дѣйствительно «не любви, не *любителей* ожидаетъ Исторія Славянскихъ племенъ, а *Логики*!» Любителей было *много*, а толку *очень мало!* Одни повели къ намъ Славянъ изъ Германіи, съ береговъ Салы и Эльбы въ VIII-мъ вѣкѣ, забывъ что сами же Восточную Германію населили выходцами изъ Россіи! постройку Новгорода возложили на Скандинавовъ, плывшихъ по Двинѣ или Невѣ въ Царьградъ, потомъ на Одинова сыночка Сигурлама въ первыхъ вѣкахъ нашей эры, наконецъ на Датчанъ, помогавшихъ Шведскому Царю Анунду въ половинѣ IX вѣка! Рюрика изъ-подъ стѣнъ Парижа заставили прибыть въ Новгородъ, забывъ, что умершему отъ заразы не льзя уже воротиться съ того свѣта.... Другіе стали увѣрять, что Греки *можетъ быть* звали Шведовъ *πυρρον 'ἔθνος* (племя свѣтло-желтаго цвѣта), а это слово въ мужескомъ родѣ *πυρρος* (pyrrhos) *вслѣдъ* Шведамъ послышалось худо, и *всѣ* они стали себя называть только *кончикомъ* этого Греческаго слова *ρος*, *ρως*, rhos; кончикъ Греческаго слова понравился Славянамъ; они забыли, что ихъ князья

---

(500) Sed nescio, quomodo isti philosophi *superstitiosi* et paene *fanatici*, quidvis malle videntur, quam se non ineptos! *Evanuisse* mavultis et extinctum esse id quod, si unquam fuisset, certe aeternum esset; quam ea, quae non sunt credenda, non credere.» *Cicero*. De Divinat. L. II cap. 57.

Свеи, и начали ихъ (да и самихъ себя) звать Россами или Руссами!... Третьи, въ память Байера и Миллера, стали по прежнему забавляться ловлею созвучій, превращая Кіевъ въ Кейпъ, Олега въ Ого, Игоря въ Ivar, Купалу въ Балдюра, упавшаго въ море и тамъ покупавшагося въ солененькой водицѣ, дочерей Кащея въ Валкирій Оденовыхъ (въ подкрѣпленіе чего приводятъ поэтическую сказку Жуковскаго о царѣ Берендеѣ), а Волоса въ Одина, что будто бы доказывается удивительнымъ сходствомъ того и другаго имени: Одинъ, Водинъ, Водъ, Волдъ, Володъ, Волосъ!... Четвертые пустились бросать высшіе взгляды на Варяжскій періодъ, увѣряя, что Рюрикъ былъ только военный постоялецъ, Олегъ—движущаяся точка, Игорь—ингредіентъ или тонкая нить, или сѣмя, которое не развилось, но нѣсколько укрѣпилось; переходъ Олега въ Кіевъ объясняютъ тѣмъ, что удалой Норманнъ соскучился, либо лишился мѣста, и пошелъ съ Игоремъ куда глаза глядятъ; Святославъ не раздѣлилъ государство, но только послалъ сыновей въ дикое поле; а война съ Греками за Болгарію происходила потому, что Святославу хотѣлось перемѣнить квартиру; сущность же всѣхъ событій отъ Рюрика до Ярослава заключается въ томъ, что удалые Норманны раскидывали планъ Государства, смѣтаннаго на живую ничку, намѣчали его предѣлы, нарѣзывали ему земли, безъ циркуля, безъ линейки, безъ астролябіи, куда хватила размашистая рука.... Видите сами, любителей Русской Исторіи много, а толку очень мало— нѣтъ, не любителей она ожидаетъ, а логики, здраваго смысла! Право́, съ горя, ужь лучше читать Шлёцера!— развертываю 100-ую страницу II тома: «глупое словопроизводство надѣлало очень много зла въ Русской Исторіи»; развертываю 261-ую страницу: «какъ жалко отдѣлали это важное отдѣленіе новѣйшіе Русскіе историки, превосходитъ всякое вѣроятіе! Глупѣйшія дѣтскія сказки принимаютъ они за чистую истину; темныя мѣста переводятъ какъ хотятъ; цѣлыя страницы наполняютъ прикрасами; безстыдно выдумываютъ происшествія, о которыхъ нѣтъ ни словечка, ни малѣйшаго слѣда въ древнихъ исторіяхъ, а часто даже явно противное»... Умный человѣкъ былъ Шлёцеръ, хотя и увлекался Рейнскимъ патріотизмомъ, говоря о событіяхъ до IX вѣка!

Высказавъ откровенно свои мысли о трудахъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, прежнихъ и нынѣшнихъ, я

долженъ также предоставить *имъ* право — съ такою же откровенностью высказать *ихъ* мнѣніе о моихъ трудахъ, съ самаго перваго моего шага на литературномъ поприщѣ. Переберемъ эти отзывы, въ хронологическомъ порядкѣ, съ нѣкоторыми замѣтками.

Авторъ этой книги, выступилъ на литературное поприще съ 1837 года, окончивъ курсъ въ Московской университетѣ по факультету Нравственно-Политическихъ Наукъ, преобразованному въ Юридическій, но посѣщая также лекціи и Словесныя (нынѣ Филологическія). Особенное вниманіе его обращали: лекціи Богословіи, П. М Терновскаго, одного изъ ученѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ Өеологовъ, къ которому добровольно приходили многіе студенты изъ лютеранъ и католиковъ; лекціи Римскаго Права, Ө. Л. Морошкина, восторженнаго своимъ предметомъ, юриста-мыслителя, которому даже враги не могутъ отказать въ учености, и глубокомыслiи; лекціи Всеобщей Исторіи, М. П. Погодина; лекціи Русской Исторіи и Статистики, покойнаго М. Т. Каченовскаго; а изъ постороннихъ предметовъ: изящныя лекціи Исторіи Литературы, С. П. Шевырева, къ которому, особенно въ первый годъ, стекалось множество студентовъ всѣхъ факультетовъ; и краснорѣчивыя лекціи Физики, покойнаго М. Г. Павлова, бывшаго любимцемъ всѣхъ своихъ слушателей различія: медиковъ, математиковъ, филологовъ и юристовъ. Съ признательностью воспоминая о своемъ студенческомъ времени (1833—1836), авторъ долженъ сказать, что особенною благодарностью онъ обязанъ П. М. Терновскому, Ө. Л. Морошкину и М. Г. Павлову, которыхъ удивительная логичность системы, строгая послѣдовательность выводовъ и многостороннее изслѣдованіе разсматриваемыхъ вопросовъ — очень сильно дѣйствовали на умы слушателей, и много содѣйствовали раскрытію мыслительности студентовъ. Особенно важно было то̀, что въ Московскомъ Университетѣ господствовалъ тогда духъ свободнаго изслѣдованія, не стѣсняемаго никакимъ авторитетомъ и склонявшагося только передъ вѣчными истинами Откровенія и непреложными законами Разума. Борьба между школою Каченовскаго и ученіемъ Байеро-Шлёцеровымъ, защиту котораго принялъ на себя М. П. Погодинъ, поддерживала духъ любознательности и любоиспытательности между юношами, и авторъ этой книги, оставивъ университетъ, рѣшился посвятить всѣ способности разработанію Отечественной Исторіи, въ

память *единственнаго* нашего Русскаго исторіографа, Николая Михайловича Карамзина, который прислалъ ему, новорожденному, безсмертный трудъ свой, съ надписью: «маленькому тескѣ, можетъ быть также будущему историку»...

Отсюда объясняется критическое направленіе первыхъ трудовъ автора этой книги; три года по выходѣ изъ Университета не хотѣлъ онъ принимать на себя никакой опредѣленной гражданской должности, посвящая все время изученію нашей исторической литературы, прежней и современной; три года онъ выступалъ только съ критическими разборами важнѣйшихъ историческихъ произведеній. Первымъ печатнымъ его трудомъ былъ разборъ книги: «*Начертаніе Русской Исторіи для училищъ, Сочиненіе Профессора Погодина*» (Москва, 1835)», напечатанный въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (ч. X). Въ этой критической статьѣ, написанной со всею юношескою, скромностію замѣченъ у почтеннаго профессора недостатокъ общихъ обозрѣній каждаго періода, безъ которыхъ не возможно уразумѣть послѣдовательность, необходимость и значеніе событій, а равно указаны многіе важнѣйшіе частные недостатки, пропуски и невѣрности. Большей части своихъ мнѣній критикъ представилъ доказательства, но прибавилъ: «однакожъ, я всегда готовъ отказаться отъ всякаго своего мнѣнія, какъ скоро *докажутъ* его ошибочность — *истина* должна почитаться выше всѣхъ мнѣній, выше всѣхъ личностей». Эта книжка «Московскаго Наблюдателя», какъ видно изъ подписи цензора, выпущена 21 Февраля 1837 года; а черезъ два мѣсяца, М. П. Погодинъ приступилъ къ печатанію втораго изданія «Начертанія», въ которомъ большая часть недостатковъ, указанныхъ юнымъ критикомъ бывшему своему профессору, была уже исправлена. Въ предисловіи ко второму изданію этой книги, которая только поступила въ цензуру 27 Апрѣля 1837 года, М. П. Погодинъ пишетъ: «я получилъ нѣсколько отмѣтокъ отъ покойнаго Митро-«полита Евгенія и г-на Арцыбышева, потомъ отъ гг. Мо-«рошкина и Бодянскаго; наконецъ, *уже поздно*, прочелъ я «рецензію г-на Савельева, передъ концемъ печатанія. Меж-«ду тѣмъ, *самъ я* увидѣлъ важные недостатки; я поста-«рался исправить ихъ при этомъ второмъ изданіи» ([501]).— Можетъ быть!

([501]) Начертаніе Русской Исторіи, для гимназій. Сочиненіе Профессора Погодина. Изданіе второе, 1837 (Предисловіе, стр. VII).

Послѣ того, критикъ обратился къ книгѣ другаго профессора, именно къ «Русской Исторіи» Н. Г. Устрялова (Спб. 1837). Разборъ первыхъ двухъ томовъ этой Исторіи помѣщенъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» которыя издавались Плюшаромъ подъ редакціею А. А. Краевскаго, и заняль три огромныхъ статьи (Лит. Приб. 1837, №№ 29, 30 и 31, стр. 283, — 285, 290 — 295, 300 — 301, въ листъ). Въ этомъ разборѣ *доказано*, что въ сочиненіи почтеннаго профессора: 1) многое, чрезвычайно важное, вовсе опущено; 2) многіе вопросы, очень любопытные, не разрѣшены нисколько; 3) нѣкоторыя изъ прежнихъ несправедливыхъ мнѣній приняты безъ сильныхъ доказательствъ; 4) иные факты представлены невѣрно, иные совсѣмъ превратно; встрѣчаются по мѣстамъ 5) несправедливыя сужденія о событіяхъ и характерахъ дѣйствующихъ лицъ и 6.) противорѣчія однѣхъ страницъ книги другимъ; наконецъ, 7) слогъ во многихъ мѣстахъ неправиленъ, языкъ же преисполненъ неологизмами; а эти новыя слова, принадлежащія нашей эпохѣ, бывъ перенесены въ древность, даютъ о ней совершенно ложное понятіе. Впрочемъ критикъ утверждалъ—и теперь утверждаетъ, что если бы почтенный Н. Г. Устряловъ возвратился на *прежній* путь свой, подаривъ публику *изданіемъ* давно обѣщанной рукописи о Никонѣ, тогда любители старины Отечественной не поминали бы лихомъ этой исторіи, и примирились бы съ г-мъ *издателемъ* сказаній Князя Курбскаго и другихъ сочиненій, важныхъ и полезныхъ для Русской Исторіи»... Три обширныхъ статьи объ Исторіи профессора Устрялова, напечатанныя (сообразно условіямъ редакціи) безъ подписи имени критика, доставили ему однакожь громкую извѣстность; а съ другой стороны, возбудили противъ него тѣхъ, кому хотѣлось видѣть въ этой Исторіи что-то великое. Почтенный сочинитель этой «Русской Исторіи», сознавая свои силы, писалъ въ предисловіи: «знаю, что въ издаваемой мною книгѣ *гораздо болѣе недостатковъ*, чѣмъ достоинствъ» (502); скромный и справедливый этотъ отзывъ Н. Г. Устрялова о самомъ себѣ—вполнѣ оправдался, и критикъ только представилъ тому *очевидныя доказательства*, противъ которыхъ защитники этой «исторіи» не нашли сказать въ оправданіе книги ни слова.

---

(502) Русская Исторія (Н. Г. Устрялова), изданіе 1837 года ч. I, Предисловіе, стр. 2.

Въ концѣ 1837 года критикъ Погодина и Устрялова напечаталъ въ Москвѣ разсужденіе: «*Димитрій Іоанновичъ Донской, Первоначальникъ Русской славы*». Побудительною причиною изданія этой диссертаціи (157 стр. въ 8) было желаніе—смыть пятно, несправедливо наложенное на одного изъ тѣхъ благородныхъ государей, которые составляютъ гордость и честь древней Руси: 1) показать, какими несправедливыми обвиненіями старались помрачить славу героя, которая сдѣлалась священнымъ достояніемъ цѣлаго народа; наконецъ 2) обнаружить неосновательность другой мысли, высказанной въ «Исторіи Русскаго народа», относительно Московскихъ Митрополитовъ, и доказать, что Св. Алексій Митрополитъ никогда самъ собою (какъ Римскіе Первосвященники на западѣ) не вмѣшивался въ дѣла политики, слѣд. несправедливыя (хотя и полезныя для Московскихъ князей) мѣры Боярскаго Совѣта не должны быть приписываемы смиренному и кроткому Святителю, который никогда не поступалъ вопреки своему сану. — Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, Его Высокопревосходительство, С. С. Уваровъ, читавшій это сочиненіе въ рукописи, сообщилъ отрывокъ изъ него въ «Журналъ Мин. Нар. Просв.» (1837, № 6), а по напечатаніи всего разсужденія вполнѣ, поднесъ эту книгу Великому Князю Михаилу Павловичу, отъ котораго авторъ имѣлъ честь получить благодарность; славный поэтъ нашъ, В. А. Жуковскій изъявилъ автору благоволеніе Государя Наслѣдника Цесаревича; а Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ удостоило автора званіемъ Соревнователя. — Но въ тоже время Историко-критическое изслѣдованіе о временахъ «Первоначальника Русской славы» возбудило совершенно различные толки въ журналахъ: «Библіотека для Чтенія» рѣшила дѣло такъ: Россія, которой посвящено изслѣдованіе о Донскомъ, «*чувствительно благодаритъ* автора: она *не охотница* до «первыхъ плодовъ»; авторъ же, по мнѣнію Б. для Ч. «поступилъ *довольно неучтиво* въ отношеніи къ представительницѣ міра Славянскаго», посвятивъ *ей* всѣ труды свои, начиная съ перваго: «ему слѣдовало посвятить ей по крайней мѣрѣ десятый или одинадцатый плодъ, потому что «первые плоды остаются *на кухню*, гдѣ изъ нихъ дѣлаютъ «*компоты*». Окончательный приговоръ Библіотеки: «авторъ «*прекрасно* и съ большими пробѣлами (?!) *хлопочетъ* о возвращеніи *чести* оклеветанному Димитрію Донскому и ста-

«рается отнять позоръ у могилы, мимо которой проходимъ «съ укоризной; къ *сожальнію*, онъ повторяетъ *напыщен-«ныль* языкомъ *давно избитыя вещи*» ([503]). Доказательствъ *къ сожалънію* не представлено ни одного; а потому и всѣ читатели остаются въ недоумѣніи, *отчего же* «прекрасную защиту оклеветаннаго и возвращеніе чести» герою древней Руси—должно считать *избитыми вещами.*—Сѣверная Пчела рѣшила тѣмъ, что «*если* авторъ дѣйствительно *правъ*, а «Полевой виноватъ, то онъ *неправъ* въ томъ, *что* онъ го-«воритъ о Полевомъ»; что «при ученомъ спорѣ надо гово-«рить о дѣлѣ, но не должно трогать честь своего против-«ника» ([504]). Отвѣтъ на эту рецензію, помѣщенный въ «Сынѣ Отечествѣ» (Февр. 1838, Смѣсь, 24—31) заключаетъ въ себѣ развитіе мысли, что авторъ, не принадлежа ни къ одной изъ партій, раздѣляющихъ или точнѣе раздирающихъ Русскую Литературу, совершенно чуждъ всѣхъ литературныхъ предразсудковъ и—слѣдственно — безпристрастенъ къ сочинителю Исторіи Русскаго Народа; что излишнее увлеченіе заставляло г. Полеваго—быть слишкомъ пристрастнымъ относительно однихъ лицъ и несправедливымъ относительно другихъ; приговоръ же *цѣлаго народа* Донскому не можетъ бы несправедливъ, потому что въ своей общности, цѣлостности, онъ всегда разумно-сознателенъ, и оспоривать этотъ приговоръ всегда безполезно, потому что цѣлый народъ всегда умнѣе одного лица, и сужденіе цѣлаго народа, который не можетъ увлекаться пристрастіемъ, всегда истиннѣе и справедливѣе сужденія одного лица. — Въ заключеніе было сказано: «отказаться отъ своего *мнѣнія* въ пользу *истины*—ни для кого и никогда не стыдно!» — Вызванный на открытый бой, сочинитель «Исторіи Русскаго Народа» не защитилъ своего мнѣнія, но не хотѣлъ и отказаться отъ него во славу *истины*; онъ ограничился только слѣдующимъ отзывомъ: «мы готовы отдавать спра-«ведливость труду, если бы видѣли въ немъ что нибудь «противъ *насъ самихъ* и противъ трудовъ *нашихъ*» (— все несчастное, эгоистическое *Я*, а гдѣ же *истина*-то? Объ ней-то, бѣдняжкѣ, и помину совсѣмъ нѣтъ!) «Вотъ, на при-«мѣръ, мы съ удовольствіемъ упомянемъ о небольшой по-«лемической брошюркѣ г-на Савельева: Димитрій Іоанно-«вичь Донской. Онъ не соглашается съ нами, даже бранитъ

([503]) Библ. для Чт. (1838, Янв.) т. XXVI, отд. VI, стр. 12.

([504]) Сѣв. Пч. (Янв. 1838, № 6), стр. 22.

«насъ» (— помилуйте, гдѣ же?), «но въ изысканіяхъ своихъ «показываетъ тщательность, усердіе, начитанность — мы «въ сторонѣ, а труду автора почетъ, *если бы намъ взду-«малось* даже и *поспорить съ нимъ*» ([505]). Разумѣется, *поспорить* сочинителю *не вздумалось*, по той же самой причинѣ, по которой никому никогда не вздумается поспорить съ математической истиной: дважды два четыре, а не пять.—Другой нашъ критикъ, князь Д. А. Кропоткинъ, посвятилъ обширную статью этому предмету, въ которой пишетъ: «авторъ, только что распростившійся съ универ-«ситетскими аудиторіями, какъ юноша, смотрѣлъ на ве-«щи иногда слишкомъ восторженно, иногда нѣсколько по-«верхностно, иногда даже, не въ обиду сказать, *можетъ «быть* немного опрометчиво» (охъ ужъ это *можетъ быть!*), но соглашается, что «авторъ *основывается* на *огромномъ «запасѣ историческихъ источниковъ*» *(!)*, что «разсказъ при «всей краткости полонъ, въ той мѣрѣ, какъ требовалъ са-«мый предметъ сочиненія, легокъ, одушевленъ и соразмѣ-«ренъ въ частяхъ», что «слогъ историко-критическаго изслѣ-«дованія прекрасенъ, истинно достоинъ своего предмета», и въ заключеніе выписываетъ походъ Димитрія на Новгородъ, «событіе чрезвычайно важное, и до сихъ поръ еще «ни у кого такъ хорошо и подробно не разсказанное». — Издатель «Маяка» (1840), помѣстивъ на страницахъ своего журнала (кн. 9) ученый разборъ Димитрія Донскаго, написанный княземъ Д. А. Кропоткинымъ, прибавилъ отъ себя пояснительныя замѣчанія, въ которыхъ оправдалъ автора книги во *всемъ*, кромѣ двухъ *частныхъ* ошибокъ. Въ одной (относительно состава Димитріева ополченія), за пропускъ нѣкоторыхъ князей, авторъ книги приноситъ повинную, и за указаніе благодаритъ критика; въ другой ошибкѣ надѣется оправдаться совершенно, довольствуясь теперь только ссылкою на II-й томъ «Повѣствованія о Россіи» (кн. III, стр. 127), гдѣ критикъ самъ увидитъ *свою* ошибку.

Не упоминая о многихъ другихъ, не такъ обширныхъ, статьяхъ своихъ, въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» (1837 1838, 1839) и въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1839), — двухъ журналахъ, въ которыхъ авторъ Димитрія почти исключительно помѣщалъ въ то время свои критическіе разборы,—онъ ограничится указаніемъ здѣсь только на подроб-

---

([505]) Сынъ Отеч. 1837, т. I, критика, стр. 148.

ное разысканіе о *Несторѣ*, его лѣтописи и о книгахъ: профессора Погодина о Несторѣ и Арцыбышева о древней Исторіи Россіи; оно помѣщено въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1839, № 4). Критикъ показалъ, что «если смотрѣть на трудъ г-на Арцыбышева, какъ твореніе противупоставленное Исторіи Государства Россійскаго, то оно не выдерживаетъ никакого сравненія съ великимъ твореніемъ Карамзина»; но «если смотрѣть на эту книгу, какъ на приготовительный матеріалъ для будущаго свода лѣтописей, то «Повѣствованіе о Россіи» представляетъ много замѣчательнаго, и нѣкоторыми сличеніями разныхъ мѣстъ лѣтописныхъ съ благодарностью должны будутъ воспользоваться редакторы свода лѣтописей»; что въ книгѣ Арцыбышева «встрѣчаются многія вѣрныя поправки лѣтописей», хотя въ то же время иныя мнѣнія «поражаютъ своего странностію, доказывая, что гнъ Арцыбышевъ остановился на тѣхъ понятіяхъ, какія господствовали въ 1802 году, когда онъ приступилъ къ труду своему». Относительно жь книги своего бывшаго профессора, юный критикъ объяснился также откровенно и прямодушно, указавъ на два существенные недостатка сочиненія М. П. Погодина о Несторѣ: «первый и общій недостатокъ — гнъ Погодинъ не составилъ себѣ ясной идеи о томъ, *что̀* и *какъ* должно было защищать противу нападеній скептиковъ», а это произошло отъ того, что почтенный авторъ только исправилъ свои статьи помѣщенныя въ Библ. для Чтенія, гдѣ, разумѣется, и не было мѣста ни для *подробнаго* развитія предмета, ни для опроверженія *всѣхъ* противныхъ мнѣній,— перваго необходимаго условія ученой книги. Потомъ указанъ «второй общій недостатокъ — отсутствіе *логической послѣдовательности*, другаго условія ученыхъ твореній: профессоръ Погодинъ любитъ все писать афористически — у него часто предложенія никакъ не вяжутся одни съ другими, и оттого во всѣхъ его сочиненіяхъ замѣчается отсутствіе связи внутренней и наружной. Такъ точно и въ Несторѣ: вы прочли нѣсколько предложеній, ожидаете продолженія — его нѣтъ: вмѣсто его, глаза ваши видятъ: точку, потомъ черту посрединѣ страницы, и новую строку, новую мысль; послѣ, можетъ быть, черезъ нѣсколько страницъ, видите опять новыя черты, новыя строки, и вдругъ продолженіе мысли прежней. Такое разъединеніе мыслей, внутреннее и наружное, очень много вредитъ сочиненію». Затѣмъ указаны многіе частные недо-

статки, и наконецъ достоинства: хорошо обработанныя двѣ главы: VII-ая «О договорахъ Русскихъ князей», и X-ая «О достовѣрности извѣстій Несторовыхъ».—Въ заключеніе же, критикъ обратился къ гну Погодину «съ просьбою представить намъ книгу свою въ *новомъ*, совершеннѣйшемъ видѣ: пусть почтенный авторъ придаетъ ей видъ истинно-ученый, расположитъ доказательства въ строгой послѣдовательности, разсмотритъ критически и опровергнетъ мнѣнія своихъ противниковъ, наконецъ — предположенія силою ученыхъ доказательствъ возведетъ на степень положеній, аксіомъ, и *тогда* ученая литература наша пріобрѣтетъ сочиненіе истинно-прекрасное, которое займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду важнѣйшихъ произведеній Русской Литературы.»— Журналъ Министер. Народнаго Просвѣщенія такъ отозвался объ этомъ изслѣдованіи: «критическій разборъ Нестора долженъ быть отнесенъ къ «числу *самыхъ замѣчательныхъ* разборовъ, явившихся въ «нынѣшнемъ году, тѣмъ болѣе, что самый предметъ разби-«раемой книги вполнѣ близокъ къ сердцу всякаго люби-«теля отечественной Исторіи» (506).

Въ 1840 году, онъ издалъ краткое обозрѣніе современныхъ трудовъ Европейскихъ ученыхъ, относительно познанія Славянъ, подъ названіемъ: «*Исторія, Географія и Археологія древне-Славянскаго міра*». Журналъ Минист. Нар. Просв. извлекъ на свои страницы важнѣйшіе результаты автора, «желая представить краткое, но полное обо-«зрѣніе древняго быта Славянскихъ народовъ» (507). Авторъ книги: «Россія въ историческ. отношеніи», Ѳ. В. Булгаринъ написалъ объ этомъ изслѣдованіи: «статья Н. В. Савель-«ева-Ростиславича доказываетъ, что авторъ серіозно зани-«мается предметомъ, и имѣетъ въ Исторіи отличныя свѣ-«дѣнія; мы съ удовольствіемъ видимъ, что онъ съ величай-«шею осторожностью принимаетъ показанія древнихъ... «Вообще это прекрасная статья, дѣлающая честь авто-«ру, и мы просимъ его продолжать свой прекрасный «трудъ». (508)

Въ томъ же году напечаталъ онъ въ «Маякѣ» *Очерки Всеобщей Исторіи*, о которыхъ Журналъ Минист. Народ. Просв. тогда же объявилъ, что «взглядъ автора на свой

---

(506) Жур. Мин. Нар. Просв. (1839), ч. XXII, отд. VI, стр. 262.
(507) Тамъ же (1840) XXVII, отд. VI, стр. 245.
(508) Сѣв. Пчела, 1840, Апрѣля 23-го, № 89.

«предметъ оригиналенъ и достоинъ вниманія ученыхъ» (509).

Въ 1841 и 1842 г. онъ издалъ книгу «*Римскіе Папы, ихъ церковь и Государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ*», помѣщенную по частямъ въ Академическихъ вѣдомостяхъ. Журналъ Минист. Народ. Просв. согласился съ редакціей Академическихъ вѣдомостей, что Авторъ оказалъ Русскимъ читателямъ «двойную услугу: познакомилъ ихъ съ тво-«реніемъ Берлинскаго ученаго Ранке, и представилъ но-«вый взглядъ на событія, предшествовавшія Реформаціи «и бывшія дѣйствительною ея причиною»; что «говоря о «Реформаціи, у насъ имѣли въ виду одну западную Евро-«пу; нашъ авторъ проникъ гораздо глубже: читая его, вся-«кій безпристрастный и мыслящій человѣкъ согласится, «что Реформація принадлежитъ не однимъ Тевтонскимъ «племенамъ, и что судъ историческій о Реформаціи, судъ «всесторонній, многообъемлющій, окончательный принад-«лежитъ не Римскимъ Католикамъ—приверженцамъ Папъ «и врагамъ Лютера, не Протестантамъ — приверженцамъ «Лютера и врагамъ Папъ, но той Церкви, которая до нашихъ «временъ одна хранитъ во всей чистотѣ ученіе Христіан-«ское» (510). Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичь Ольденбургскій, прочитавъ эту книгу, удостоилъ автора — письмомъ, выразивъ такимъ образомъ Свою любовь къ Русской Словесности, наслѣдственную въ Семействѣ Безсмертныхъ Петра и Екатерины (511).

---

(509) Журн. Минист. Нар. Просв. XXVIII, отд. VI, стр. 238.

(510) Тамъ же, ч. XXX, отд. 258.

(511) Русскіе никогда не забудутъ, что покровительницей безсмертнаго нашего Исторіографа была Великая Княгиня Екатерина Павловна, Принцесса Ольденбургская, имѣвшая мѣстопребываніе въ Твери. Въ 1810 году, Она представила Карамзина Императору Александру, обозрѣвавшему вмѣстѣ съ нею Московскую Оружейную Палату; въ 1811 году, Великая Княгиня — черезъ заслуженнаго вельможу-поэта, Ивана Ивановича Дмитріева, пригласила его друга, Николая Михайловича Карамзина—пріѣхать въ Тверь, куда ожидала къ себѣ Августѣйшаго Брата. Тамъ-то, во дворцѣ Екатерины Павловны, въ присутствіи Императора Александра, Карамзинъ читалъ отрывки изъ своей «Исторіи Государства Россійскаго.» Выслушавъ краснорѣчивое повѣствованіе о нашествіи Татаръ и о подвигахъ героя Донскаго, Императоръ Александръ сказалъ: «*Русскій народъ достоинъ имѣть свою Исторію!*»—Исторія, написанная Карамзинымъ, *достойна Русскаго Народа*, справедливо сказалъ Августѣйшій Цѣнитель дарованій, нынѣ благополучно Царствующій **ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Карамзина

Въ 1842 году напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» (№ 1) «О необходимости критическаго изданія Исторіи Карамзина». Въ этомъ изслѣдованіи о двоюродномъ братѣ Іоанна Грознаго, Владимірѣ Андреевичѣ, — показано, что многія жестокости, приписанныя Іоанну его врагами, выдуманы ими и опровергаются новѣйшими матеріалами Исторіи того времени; что Владиміръ Андреевичъ казненъ уже за третью измѣну, а страдальческая кончина всѣхъ членовъ его семейства (столь краснорѣчиво описанная въ «Исторіи Государства Россійскаго») есть выдумка измѣнниковъ: Курбскаго и другихъ: ибо сынъ и дочери Владиміра Андреевича являются въ живыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мнимой своей кончины. — Это изслѣдованіе возбудило жаркіе споры въ «Москвитянинѣ,» въ «Сынѣ Отечества» и въ «Маякѣ»: въ первыхъ двухъ журналахъ возсталъ противъ этого мнѣнія извѣстный знатокъ Русскихъ древностей, И. П. Сахаровъ, назвавшій однако разсужденіе о Владимірѣ Андреевичѣ *остроумнымъ;* въ третьемъ журналѣ ополчился кто-то неизвѣстный, основавшій однакожъ свое опроверженіе только на «можетъ быть» и «вѣроятно». Наконецъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ,» (1842) Н. А. Полевой провозгласилъ: «это разысканіе статья дѣльная, и *мы* порадовались, «что, бросся свои прежніе *вздорные толки объ Исторіи,* гнъ «Савельевъ принимается за *дѣльныя* занятія»; критикъ объявилъ, что онъ и самъ *точно также* разсуждалъ въ «Исторіи Русскаго Народа» — конечно въ *невыданныхъ* томахъ, ибо въ VI-мъ (послѣ котораго не выходило ни одного съ 1834-го года) разсказъ оканчивается смертію Анастасіи, а это куда еще далеко до смерти Владиміра Андреевича... Что же касается до возраженій въ «Москвитянинѣ», въ «Сынѣ Отечества» и въ «Маякѣ», то замѣчу здѣсь одно: оба критика, И. П. Сахаровъ и неизвѣстный, не рѣшили спорнаго дѣла, ибо не доказали своихъ *предположеній* по правиламъ фактической Исторической Логики, — и авторъ надѣется убѣдить со временемъ какъ того, такъ и другаго, что розысканіе это не только *остроумно* (какъ отозвался почтенный археографъ нашъ, И. П. Сахаровъ), но еще заключаетъ въ себѣ гораздо высшее достоинство — истину.

Въ томъ же году, онъ помѣстилъ въ Сынѣ жь Отечества (№ 3) разсужденіе *О важности изученія Исторіи*

---

13 Мая 1826 года. — Къ сожалѣнію, Карамзинъ остановился на 1611 годѣ, дойдя только до временъ Минина и Пожарскаго...

особенно въ настоящее время.— Журналъ Минист. Народ. Просв. отдалъ полную справедливость искуству, съ которымъ авторъ «изложилъ необходимость исторіи для пол«наго человѣчественнаго образованія и вліянія ея на раз«витіе нравственныхъ силъ человѣка». Въ примѣръ глубокаго Христіанскаго воззрѣнія автора на предметъ — приведены изъ этого сочиненія обширныя выписки (512).

Между тѣмъ еще въ 1841-мъ году издатель «Маяка» предложилъ ему критически оцѣнить сочиненіе Ѳ. В. Булгарина «Россія въ Историческомъ отношеніи». Авторъ Димитрія Донскаго — охотно изъявилъ свое согласіе, и помѣстилъ въ концѣ 1841 года первое отдѣленіе, а въ началѣ 1842 года второе отдѣленіе своего отчета объ этой книгѣ. Высказавъ безпристрастно свое искреннее мнѣніе о трудѣ Булгарина, во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательномъ, особенно для Русскихъ читателей (513),—онъ воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы развить свой взглядъ на Русскія древности, объясняемыя обще-Славянскими; такимъ образомъ составились двѣ диссертаціи, напечатанныя потомъ и особо, подъ названіемъ: «*Исторія Сѣверо-Восточной Европы и мнимаго переселенія народовъ*». Въ этомъ сочиненіи раскрыта мысль, что переселеніе народовъ будто бы изъ Азіи—происходило только въ головахъ новѣйшихъ историковъ, а не въ дѣйствительности, и на основаніи современныхъ лѣтописцевъ, критически объясненныхъ, доказывалось, что наша Русь, до призванія Рюрика соединенная съ Болгаріею, составляла съ нею одно Государство, которое съ IV вѣка до половины IX-го владычествовало отъ Бѣлаго моря до Балкановъ и Адріатическаго моря. Авторъ этихъ изслѣдованій желалъ представить только общій очеркъ своей системы и показать, какъ удивительно ею разъясняется весь хаосъ начала среднихъ вѣковъ; но такъ какъ изысканіе это облечено въ форму разбора книги гна Булгарина, то и естественно, что *внѣшній* порядокъ тутъ прерывается отступленіями, частыми возраженіями противъ разбираемой книги, и многими повтореніями; впрочемъ, не смотря на все это, внутренняя

(512) Жур. Мин. Нар. Просв. ч. XXXV, отд. VI, стр. 61.

(513) Остаюсь и теперь при прежнемъ мнѣніи (не смотря на Пчелиныя выходки 1844 года противъ меня) въ книгѣ Ѳ. Б. гораздо болѣе здравыхъ мыслей относительно древности и гражданственности Славянъ, нежели во всѣхъ изслѣдованіяхъ господъ Крузе, Погодина и Сабинина.

связь и твердость всѣхъ мнѣній (хотя и *не вездѣ* доказанныхъ) таковы, что и теперь, по прошествіи почти четырехъ лѣтъ, авторъ не только не отказывается отъ основныхъ положеній, но еще болѣе утвердился послѣдующими розысканіями въ истинѣ прежнихъ своихъ мнѣній. Возраженія противниковъ послужили только къ бо́льшему утвержденію новой системы. Одинъ изъ противниковъ, Польскій ученый Игнатовичъ, много лѣтъ изучавшій Римское право въ связи съ Исторіею послѣднихъ вѣковъ Рима, и появленія новыхъ государствъ на западѣ, такъ выразилъ окончательное свое мнѣніе объ этой книгѣ: «Розысканія Н. В. Савельева оставили во мнѣ такое глубокое и пріятное впечатлѣніе, какого давно не удавалось мнѣ ощущать въ бесѣдѣ съ книгами. Немного найдется произведеній ума положительнаго, не только въ Русской, но и въ Европейской литературѣ, соединяющихъ въ себѣ такую бездну учености съ живымъ, почти изящнымъ и вмѣстѣ строго-отчетливымъ изложеніемъ. Постепенно возрастающая занимательность изслѣдуемыхъ и развиваемыхъ событій держитъ въ безпрерывномъ напряженіи вниманіе читателя, отрѣшаетъ духъ его отъ всего настоящаго, и увлекаетъ въ очаровательное былое, кипѣвшее нѣкогда столь разгульною жизнію Славянскихъ племенъ». Относительно жь основной мысли, разъясняющей нашу До-Рюриковскую Русь, ученый критикъ сказалъ: «теорія объ Азіятскомъ и Нѣмецкомъ произхожденіи всѣхъ безъ изъятія воинственныхъ дружинъ, разрушившихъ Западную Римскую Исторію, такъ сильно потрясена розысканіями Н. В. Савельева, что еще одинъ толчекъ, и она рушится безвозвратно». Журналъ Министер. Народ. Просвѣщ. согласился въ 1844 году, что «новыя извѣстія только служатъ поясненіемъ и подкрѣпленіемъ той мысли, что Гунны среднихъ вѣковъ и Геродотовы Скиѳы — одинъ и тотъ же народъ Русскій; мнѣніе о выходѣ Гунновъ (будто бы изъ Азіи, въ концѣ IV вѣка) противорѣчитъ современнымъ свидѣтелямъ». — Для полнаго торжества новыхъ мнѣній не доставало одного только: послѣ ученыхъ преній, бездоказательнаго ожесточеннаго порицанія со стороны приверженцевъ прежней, падающей школы. Наконецъ и оно явилось, благодаря усердію гна Полеваго, провозгласившаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ,» что величайшее преступленіе автора изслѣдованій о временахъ мнимаго переселенія народовъ заключается въ слѣдующемъ: «хвалилъ *бредни* (?) Венелина, *раз-*

глагольствія (?) Шафарика, *возгласы* другихъ Славянофиловъ передѣлывалъ Всеобщую Исторію, и спорилъ объ Атилѣ ([5*4])». Назвавъ это «*вздорными толками, данію* слабостямъ человѣческимъ», сочинитель Исторіи Русскаго Народа воскликнулъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ: «какъ не жаль ему «тратить время, *трудъ* и *дарованіе* на такой вздоръ» ([5*5])! Доказательствъ, что это *вздоръ*, по обычаю гна Полеваго, никакихъ — ни хорошихъ, ни худыхъ!

Въ томъ же году авторъ Димитрія Донскаго написалъ *Предисловіе* къ историко-критическимъ изслѣдованіямъ Московскаго профессора Морошкина, гдѣ кратко разобралъ основанія системы Скандинавскаго происхожденія Рюрика, показалъ ея неосновательность, и объяснилъ, что Рюриковы Руссы были наши единоплеменники, при-Балтійскіе Славяне. Объ этомъ произведеніи, Дѣйствительный Членъ Императорскаго Московскаго Историческаго Общества, Макаровъ, печатно сказалъ: «истина возметъ свое, и «историческая правда, за которую возстали Ѳ. Л. Морош-«кинъ и Н. В. Савельевъ, рано или поздно, восторжествуетъ «и воцарится на обломкахъ нелѣпой въ основаніи системы «Скандинавскаго происхожденія Рюрика и его Руси».

Въ концѣ 1842 году, по просьбѣ И. П. Глазунова, предпринявшаго новое изданіе Сочиненій Державина, авторъ Димитрія Донскаго» занялся *Жизнеописаніемъ* пѣвца Бога, Фелицы и Водопада. Не входя въ эстетическій разборъ произведеній Державина, новый біографъ поставилъ себѣ цѣлію — жизнію автора объяснить его произведенія, и твореніями пояснить отношенія поэта къ вѣку безсмертной Екатерины: въ такомъ духѣ составлено «Жизнеописаніе Державина». Въ началѣ 1843 года оно сдѣлалось предметомъ распрей между журналами: приговоръ Библіотеки для Чтенія, Отечественныхъ Записокъ, Маяка и Сѣверной Пчелы (Ѳ. Б.), былъ въ пользу этой біографіи, которую всѣ они признали полнѣйшею и основательною; но потомъ въ «Пчелѣ» же (Z. Z.) и въ «Литературной Газетѣ» (кѣмъ-то неизвѣстнымъ) сдѣланы были вылазки противъ новаго Жизнеописанія. Какъ обширны историческія свѣденія господъ критиковъ, можно видѣть изъ одного примѣра Въ Жизнеописаніи» Державина говорится: «и по родной странѣ своей, Екатерина Великая *не совсѣмъ чужда намъ:* Ангальтъ-

---

([5*4]) Русскій Вѣстникъ, 1842, № 2, Смѣсь, стр. 39.
([5*5]) Тамъ же, № 4, Смѣсь, стр. 46.

Цербтское княжество, вмѣстѣ съ *другими Нѣмецкими* владѣніями, основано на развалинахъ *древней Сорабіи* или Германской Сербіи, покоренной въ среднихъ вѣкахъ Тевтонскимъ племенемъ Саксоновъ: *земля нашихъ единоплеменниковъ* дала нашему Сѣверу безсмертную Царицу» (526). Это и многія другія мнѣнія привели въ ужасъ нашихъ мудрецовъ: какъ? родина Великой Екатерины, Ангальтъ-Цербстъ, есть страна Славянская — только онѣмеченная? а какъ же всѣ привыкли считать Екатерину чистою Нѣмкою? и притомъ гдѣ же сходство звуковъ: Ангальтъ-Цербстъ и Сербія? нѣтъ! біографъ *вѣроятно* все это выдумалъ самъ! И на основаніи подобныхъ размышленій, авторъ обвиненъ учеными критиками въ незнаніи Исторіи. А вѣдь стоило только развернуть I-й томъ Шлёцерова «Нестора» (въ Русскомъ переводѣ Д. И. Языкова)—тамъ, па стр. 138 и 139, можно было прочитать: «Сербы, сами себя называющіе *Србы* и *Србсти*, раздѣляются на *южныхъ* (Дунайскихъ) и *сѣверныхъ* (Германскихъ); послѣдніе, сосѣды Богемцевъ, называются также *Бѣлыми* и *Великими* Сербами. Они очень распространились между Эльбою и Салою подъ названіемъ Сорабовъ. Венды, живущіе въ Верхнемъ и Нижнемъ Лаузицѣ, и теперь еще называютъ себя Сербами; Мейссенъ назывался Zyrbia; городъ *Цербстъ*, Serbesta, получилъ отъ *нихъ* свое названіе».—А если бы наши ученые критики знали «Славянское Народописаніе», составленное по новѣйшимъ свѣденіямъ трудолюбивымъ Шафарикомъ и переведенное по-Русски О. М. Бодянскимъ; то заглянувъ на стр. 174-ую, увидѣли бъ, что Славяне и донынѣ зовутъ эту землю настоящимъ ея Славянскимъ именемъ: *Србище* или *Србиште;* а узнавъ это, легко бы сообразили, что Нѣмцы сдѣлали изъ *Сербище* Serbst или Zerbst *по неимѣнію въ Латинскомъ алфавитѣ буквъ,* которыми можно было выразить Славянскіе звуки *ш* или *щ*. — Видите-ли теперь, какую бездну историческихъ свѣденій Русская Литература пріобрѣла въ твореніяхъ Z. Z. и вполнѣ неизвѣстнаго рецензента Литературной Газеты! По неволѣ воскликнешь съ Грибоѣдовымъ: «вотъ наши строгіе цѣнители и судьи»! . . .

Въ 1843 году онъ составилъ обозрѣніе *Исторіи военнаго искуства Славянскихъ народовъ до половины XVII вѣка,* вошедшее въ составъ извѣстнаго сочиненія Гене-

---

(526) Жизнеоп. Державина, стр. XIX, въ примѣчаніи.

ралъ-Лейтенанта Барона Л. И. Зедделера, который въ началѣ второй части объяснилъ, что причиною ея позднято появленія (послѣ первой) были, между прочимъ и «затрудненія, встрѣтившіяся при самомъ составленіи исторіи «военнаго искуства вообще, и въ особенности у Славянскихъ народовъ, недостатокъ или неудовлетворительность «нужныхъ къ тому извѣстій»; но, что «наконецъ препятствія преодолѣны, усерднымъ содѣйствіемъ Н. В. Савельева, «извѣстнаго уже въ Россіи глубокими своими познаніями «въ Исторіи Славянскихъ народовъ».

Въ 1843-мъ же году, онъ представилъ, по желанію Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, критическое обозрѣніе четырехъ томовъ «Исторіи Малороссіи» Маркевича, разсматривая это важное твореніе въ *археографическомъ отношеніи.* Разборъ этотъ помѣщенъ въ томъ же году въ Жур. Мин. Нар. Просв. Разсмотрѣніе же труда гна Маркевича собственно въ *политическомъ отношеніи* помѣщено авторомъ Димитрія Донскаго въ «Сынѣ Отечества».

Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (1840—1845) жизнеописаніе завоевателя Сибири *Ермака* и послѣдняго царя Сибирскаго *Кучума*, единственнаго въ исторіи Ливонскаго короля *Магнуса*, гетмана *Жолкѣвскаго*, возымѣвшаго въ XVII вѣкѣ великую мысль о вѣчно-неразрывномъ союзѣ и дружбѣ Польскаго и Русскаго народовъ; незабвенныхъ героевъ междуцарствія: *Ляпунова*, *Минина* и другихъ достопамятныхъ лицъ; изъ новѣйшихъ—жизнь: *Мазепы*, *Кочубея*, и др. *Дорохова*, *Дохтурова*, *Мадатова* и проч., исторческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ областей: *Кіева*, *Казани*, *Запорожья*, *Малороссіи*, *Ливоніи* и проч. По древности нашихъ единоплеменниковъ, жизнь *Льва Армянина*, при которомъ Болгаре едва не овладѣли Константинополемъ; по исторіи прочихъ народовъ: жизнь *Льва Иконоборца*, при которомъ Италія отдѣлилась отъ Греціи и положено основаніе могуществу Папъ и проч. — Всѣ эти статьи заслужили единогласное одобреніе всѣхъ нашихъ журналовъ безъ различія партій: Библіотеки для Чтенія, Отечественныхъ Записокъ, Маяка, Сѣверной Пчелы, Русскаго Инвалида и пр.

Въ 1844 году, онъ помѣстилъ въ Маякѣ «Сводъ новѣйшихъ розысканій о старобытности Славянъ въ Восточной Германіи,» а потомъ отрывки изъ подробнаго объясненія *Тацитовой Германіи*, доказывая, что имя Germa-

нія въ древности и до половины IX вѣка обнимало какъ Нѣмцевъ, такъ и Славянъ, означая только землю независимыхъ отъ Рима Европейскихъ народовъ, а отнюдь не однихъ Нѣмцевъ; что западные Германы суть Рейнскіе Нѣмцы, занявшіе кромѣ того Ютландскій и Скандинавскій полуостровы; восточные же Германы, начиная отъ береговъ Лабы до Вислы (а по другимъ до самаго Дона)—суть Славяне, искони жившіе на своихъ мѣстахъ: въ Польшѣ, Богеміи, Моравіи и до Адріатическаго моря. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія такъ выразилъ свое мнѣніе объ этихъ розысканіяхъ: «авторъ оказываетъ *услугу* изученію Славянщины «въ Россіи. Имѣя предъ собою множество изслѣдованій «знаменитыхъ Славянистовъ о древней Исторіи Славянъ, «онъ смотритъ на эти изысканія съ *Русской точки зрѣнія*, «оцѣниваетъ ихъ *безпристрастно*, и сличивъ противорѣчущія, выводитъ *ясные результаты*, которые должны служить *основаніемъ* для нашихъ будущихъ изыскателей. «Въ особенности онъ пользовался трудами Венелина и Шафарика, но далъ ихъ изслѣдованіямъ *новое направленіе*, «во многихъ мѣстахъ оправдалъ догадки ихъ *новыми открытіями*» (527).—Ученый и трудолюбивый переводчикъ Мацѣевскаго и Нарушевича, Л. А. Кавелинъ такъ выразилъ свое мнѣніе о «Сводѣ», сравнительно съ трудомъ извѣстнаго Польскаго юриста-изыскателя: «великій юристъ, Мацѣевскій, «не такъ счастливъ на поприщѣ критическихъ изысканій глу«бокой древности . . . Сколько предположеній, ничѣмъ не до«казанныхъ, сколько догадокъ, совсѣмъ ни на чемъ не осно«ванныхъ, и придуманныхъ единственно потому, что преж«няя историческая теорія не знала, какъ связать концы. А «причиною всему *слѣпая довѣренность* къ Шафарику, ко«торый заслуживаетъ уваженія по необъятной учености; «но требуетъ *строжайшей повѣрки*, и во многомъ *уже «опровергнутъ* новыми соображеніями исторической кри«тики. Истинная цѣна всѣхъ вещей познается изъ сравне«нія: вотъ передъ вами произведеніе ученаго, стяжавшаго «Европейскую славу; присоедините сюда и самаго Шафа«рика, и перечтите-жь послѣ того изслѣдованія, Н. В. Са«вельева — взвѣсьте логичность, послѣдовательность выво«довъ, и окончательный приговоръ вашъ, безъ всякаго со«мнѣнія, будетъ и въ честь и въ славу вашему земляку, «которому *иные* изъ нашихъ, такъ-называемыхъ, ученыхъ

(527) Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, Августъ, отд. VI, стр. 178 — 179.

«не хотятъ отдать заслуженной справедливости потому «только, что... онъ Русскій, свой братъ! А будь онъ ино-«странецъ—о, мы умѣли бъ разщумѣться ([518])!»—Начало объясненій Тацитовой Германіи служило *оправданіемъ* какъ мнѣній Венелина, такъ и продолженіемъ, ученымъ дальнѣйшимъ раскрытіемъ системы автора изслѣдованій о временахъ мнимаго переселенія народовъ. Разумѣется, приверженцы школы созвучій не замедлили ополчиться. Въ Сѣверной Пчелѣ предприняли отчаянную вылазку: Ѳ. Б. выворотилъ *на-изнанку* всѣ *мысли* автора, придалъ его словамъ *другой смыслъ* и началъ истощать свое остроуміе... надъ собственными своими выдумками, какъ обнаружилъ А. В. Александровъ, въ Письмахъ къ издателю Маяка ([519]).

Въ томъ же году помѣщено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1844, № 6) объясненіе Генеологіи и Хронологіи Болгарскихъ Царей IX вѣка, по новымъ матеріаламъ; тутъ возстановлено правильное родословіе этихъ знаменитыхъ нашихъ единоплеменниковъ, которое было совсѣмъ перепутано у Стриттера.

Въ томъ же году напечатано «*Паденіе Пскова*».—Эта историческая характеристика, помѣщенная въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1844, № 3) заслужила единогласное одобреніе всѣхъ знатоковъ Исторіи. Одинъ изъ нихъ напечаталъ, что «Паденіе Пскова—живой отголосокъ простодуш-«ныхъ лѣтописцевъ нашихъ, въ изящной формѣ нашего вре-«мени, произведеніе, которое принесло бы честь самому «Тьерри, еслибъ онъ писалъ по-русски» ([520]). Журналъ Мин. Нар. Просв. согласился, что это «одно изъ самыхъ замѣчатель-«ныхъ эпизодовъ нашей Исторіи» ([521]); объ отрывкѣ же изъ Исторіи Россіи въ XVII вѣкѣ, которою тотъ же авторъ нѣсколько лѣтъ занимается, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ отозвался: «*Царь Василій Шуйскій*, «помѣщенный въ Сынѣ Отечества (1843, года № 5)-«есть *полнѣйшій на Русскомъ языкѣ* сводъ извѣстій о цар, «ствованіи этого Государя. Тотъ же авторъ сообщилъ уже «въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ (т. IX) статью о Царѣ «Василіи Шуйскомъ; нынѣшняя является въ болѣе пол-

---

([518]) Маякъ (1844), т. XV, гл. III, стр. 33.

([519]) 1845, т. XX, гл. IV, стр. 10—49; въ отдѣльно-напечатанной книгѣ гна Александрова «современ. Истор. труды въ Россіи,» письмо 2, стр. 10-50.

([520]) Тамъ же стр. 91.

([521]) Жур. Мин. Нар. Просв. ч. XLIII, отд. VI, стр. 175.

«номъ и обработанномъ видѣ, по причинѣ накопленія «*новыхъ* и *важныхъ* матеріаловъ» ([522]).

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, напечатано въ Академическихъ Вѣдомостяхъ (7 Апрѣля 1845, № 79) *Письмо къ любителю отечественныхъ древностей о Ханскихъ ярлыкахъ*, данныхъ Русскому духовенству. Послѣ разысканій ученаго и проницательнаго оріенталиста нашего, В. В. Григорьева, уже не остается и сомнѣнія въ подлинности ярлыковъ; но ему было неизвѣстно: откуда ихъ досталъ Новиковъ? и нѣтъ ли гдѣ еще какихъ слѣдовъ? Въ «Письмѣ» показано, что Новиковъ получилъ всѣ ярлыки отъ самой Государыни Екатерины Великой, чѣмъ и устраняется всякое подозрѣніе о подлогѣ; а слѣды существованія другихъ ярлыковъ, — или по крайней мѣрѣ другихъ списковъ, — видны изъ разныхъ каталоговъ нѣкоторыхъ книгохранилищъ ([523]). *Письмо* это писано 22-го Марта 1844 года; Археографическая Коммиссія, въ отвѣтѣ своемъ (отъ 16 Мая 1844, за № 4462), изъявила автору Письма свою признательность за эти указанія, которыя положила принять въ соображеніе впослѣдствіи, при изданіи ярлыковъ; одинъ же изъ редакторовъ, Отецъ Протоіерей Іоаннъ Іоанновичь Григоровичь сообщилъ автору, что Коммиссіею открыты слѣды Ханскихъ ярлыковъ даже въ Литвѣ.

Такимъ образомъ, въ продолженіи 8-лѣтней литературной дѣятельности, три мысли руководили моими историческими трудами:

I. Воспользоваться вновь изданными отъ правительства Археографическими актами, и дополнить нашу Исторію нѣкоторыми фактами, неизвѣстными Карамзину (Кучумъ, Владиміръ Андреевичь, Царь Василій Шуйскій, и проч.); испытать свои силы въ разсказѣ событій, уже описанныхъ исторіографомъ, но не съ должною подробностью и простотою (Паденіе Пскова); наконецъ опредѣлить истинную цѣну писателей, которыхъ вздумали было

([522]) Жур. Мин. Нар. Просв. X, отд. VI, стр. 3.

([523]) Император. Публичной Библіотеки Отд. 2, № 7 и 341; Румянцевскаго Музеума № 371; Московской Синодальной Библіотеки, Сборники подъ № 344, 473, 549, 556; Библіотеки Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, № 25 (по печатному каталогу Каченовскаго); Библіотеки Царскаго, отд. 3, № 76; Успенскаго Собора Макарьевской Четн-Минеи мѣсяцъ Августъ; Воскресенскаго монастыря № 116 (по печат.) изъ Библіотеки Кирилловской № 680 и 64.

сравнивать съ Карамзинымъ (разборы сочиненій Полеваго, Погодина, Устрялова);

II. Въ періодѣ времени, до котораго не коснулась животворная кисть исторіографа, приготовлять матеріалы къ продолженію Русской Исторіи, начиная со временъ Междуцарствія (524); что же касается до періода, предшествующаго Рюрику, то —

III. Разъяснить, сколько возможно, древностями обще-Славянскими древности наши собственныя, періодъ едва только очеркнутый Карамзинымъ въ «Исторіи государства Россійскаго», и не обработанный Исторіографомъ именно по причинѣ господствовавшихъ тогда теорій (525), а Венелинымъ — по причинѣ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Осуществленію этой мысли посвящается «Славянскій Сборникъ».

Въ 1835 году, по случаю спора между М. П. Погодинымъ и Скромненкою (С. М. Строевымъ) о нашихъ лѣтописяхъ,—редакторъ «Библіотеки для Чтенія», О. И. Сенковскій писалъ:

Жаль, что въ этомъ важномъ дѣлѣ обѣ воюющія стороны стрѣляются только *брошюрками* да *статьями*. Не лучше ли приступить прямо къ дѣлу, взяться за *основный вопросъ*, и разрѣшить его на *жизнь* или *смерть* той или другой школы? До тѣхъ поръ, пока будутъ осмѣивать частности, страницы, строчки, никто не убѣдится въ непогрѣшимости нововводителей. Нападите, господа, разомъ, дружно, на историческую критику Шлёцера, на историческія понятія Карамзина; выставьте всю ихъ ложность, неосновательность, разорите впрахъ непріятельскую землю, и на мѣстѣ памятника, воздвигнутаго трудами Карамзина, соорудите другой, вашъ собственный, котораго подножіе было бы столь же *незыблемо* и *непоколебимо*, — тогда карамзинисты сами откажутся отъ своихъ притязаній, бросятъ Шлёцера и пойдутъ подъ вашими знаменами. Но для этого *труднаго*, *важнаго*, *великаго* предпріятія юная историческая школа, кажется, еще слишкомъ юна. Желаемъ ей

---

(524) Біографія *Минина* и *Пожарскаго* будетъ издана въ концѣ нынѣшняго года.

(525) «Въ Исторіи Государства Россійскаго» всѣ древнѣйшія событія въ землѣ Славянъ (Русскихъ или Восточныхъ, Германскихъ или Западныхъ, и Балканскихъ или Южныхъ) до 862 года, — или до призванія Рюрика, занимаетъ только 53 страницы (по изданію Сленина, 1818), и 120 примѣчаній.

рости не по днямъ, а по часамъ: ея будущность занимаетъ *всѣхъ* любителей Отечественной Исторіи (526).

Прошло 10 лѣтъ, и вотъ юная историческая школа представляетъ шлёцеріанамъ уже не брошюрку, не статью, а цѣлый томъ въ семь-сотъ страницъ съ 1500 примѣчаній — основный вопросъ разрѣшенъ на жизнь и смерть, ибо *доказывается:*

1) что система Скандинавскаго производства Варяжской Руси, возникшая въ вѣкъ Бирона, была плодомъ обстоятельствъ *своего* времени, а не *древнимъ вѣрованіемъ* Русскаго народа;

2) что Байеръ основалъ ее, по незнанію Русскаго языка, наперекоръ ясному свидѣтельству Преп. Нестора, только на *созвучіяхъ* и на *превратномъ толкованіи Византійцевъ*, которыхъ не понималъ, по незнанію Этнографіи Славянскаго міра, — въ слѣдствіе чего и всѣ байеріане были вынуждены поддерживать гипотезу своего учителя также *односторонними* доказательствами, въ основаніи которыхъ лежало то же самое *сходство созвучій*, а не прямой смыслъ Несторовой лѣтописи (527);

---

(526) Библ. для Чт. (1835), т. X, Литер. лѣтопись, за Апрѣль, стр. 20—21.

(527) Благоразумный Эверсъ раньше всѣхъ понялъ, что Байеро-Шлецерова система держится только на *отсутствіи логическихъ доказательствъ* и на *сходствѣ звуковъ*, часто совершенно случайномъ. Вотъ что писалъ разсудительный Эверсъ:

«Чего вообще недостаетъ *Нѣмцамъ* въ силѣ *доказательной*, того ищутъ они въ *собственныхъ именахъ* братьевъ. Но изъ всѣхъ путей, кои ведутъ къ открытію историческихъ истинъ, скорѣе всего можно заблудиться на *производствѣ* словъ и именъ *порознь*. Не смотря на сіе, безпрестанно являются на ономъ отважные искатели, и поелику Байеръ представился здѣсь вожатымъ, то самъ недовѣрчивый Шлёцеръ рѣшился ему сопутствовать и очень обрадовался, найдя съ нимъ вмѣстѣ у Снорри, у Саксона и др. множество Скандинавскихъ героевъ, кои назывались *такъ* или *почти такъ*, какъ *Рюрикъ* и *Труворъ*, на примѣръ: *Грорекуръ*, *Рорекъ*, *Рорикръ*, *Рурикъ*; *Труваръ*, *Труере*. Съ третьимъ, *Синеусомъ*, ему не посчастливилось; но онъ утѣшился въ неудачѣ, *предположивъ*, что сіе имя *испорчено* Русскими, и напомнилъ у Саксона объ одномъ Царѣ *Cnio*, ab isto nomine non abhorrens. Шлёцеръ умножаетъ число, прибавляя: *Родерикъ*; — *Труве*, *Тригіе*, *Тригръ*; — *Синіутеръ*, *Сигніаутеръ*, *Синіамъ* и *Суне*. Байеръ почиталъ *Игоря*, и даже *Святослава* съ *Владиміромъ*, Скандинавскими именами.

«Сходство звуковъ въ двухъ первыхъ именахъ съ приведенными въ примѣръ не льзя не признать, и потому онѣ могутъ *подкрѣплять* Историческое положеніе, но *не могутъ доказывать* онаго. Шлёцеръ самъ хотѣлъ прежде, по строгимъ законамъ критики, исключить совершенно

3) что Миллеръ и Струбе, хотя и остались учениками Байера относительно Скандинавскаго произхожденія Руссовъ, однакожь считали необходимымъ *измѣнить* Байерово мнѣніе, пересадкою ихъ въ Пруссію на устье Вислы или въ Ботническую Лапонію, и тѣмъ безмолвно признали *неосновательность* системы своего учителя;

4) что Шлёцеръ принялъ (въ молодости) и поддерживалъ Байерову систему единственно по *малому знакомству* съ древнею Русью и Славянщиною вообще, а еще болѣе — по *Рейнскому патріотизму*, усиленному *враждою* съ Ломоносовымъ; но не считалъ этой гипотезы *истинною неопровержимою*. Онъ писалъ только: «хотя многіе счи-

---

собственныя имена изъ всякаго Историческаго изслѣдованія, когда сіи въ подобномъ случаѣ подали поводъ къ важнымъ заключеніямъ

«А именно — обыкновенное окончаніе Халдейскихъ именъ на *Царь* навело (проницательнаго впрочемъ) изслѣдователя Михаелиса на мысль, что Вавилонскіе Халдеи были *может быть* Славяне. Великій знатокъ языковъ, Бютнеръ, коему сообщилъ онъ свою догадку, не только подкрѣпилъ его въ оной, но и объяснилъ даже имя Nebucadnezar (Навуходоносоръ), чрезъ Nebje-cadzenui-tzar, небомъ поставленный Царь; старшій Форстеръ пошелъ еще далѣе, и хотѣлъ всѣ Халдейскія имена производить изъ Славянскаго языка: въ Nebukadnezar читалъ онъ: Небуугодный-Царь.—Шлёцеръ наконецъ настоящимъ Историческимъ изслѣдованіемъ кончилъ сіи этимологическія забавы.

«Мы видимъ *только сходство звука*, но самое величайшее сходство не предохраняетъ отъ *заблужденія*. Въ самыхъ далекихъ между собою странахъ звуки по одному случаю часто бываютъ разительно сходны:— кто не почелъ бы именъ *Лохмана* и *Свенванга* за Германскія или Скандинавскія, если бы сіи имена не были ему извѣстны прежде? И между тѣмъ, то принадлежитъ Арабу, а сіе Китайцу. Черкеской Князь *Иналъ* и Скандинавъ *Иніальдъ, Ингіальдъ*, сходствуютъ именами много.—Русскій *Игорь* у Константина Багрянороднаго называется, извѣстно, Ιγγορ, *Ингоръ*, и никакъ не сомнѣваются, чтобъ сіе имя не было одно съ Скандинавскимъ именемъ *Ингварь*. Это кажется очень вѣроятнымъ; но бабку сего вѣнчаннаго писателя, супругу Василія Македонянина, Евдокію, всѣ Византійцы называютъ дочерью благороднаго *Ингера* (Ιγγερος). Не ужели этотъ Ингеръ,—который, по сказанію Кедрина происходилъ изъ *Мартинакскаго* рода (Μαρτινακίων),—былъ также Скандинавъ?—По такому праву можно бы и Римскаго полководца Руриція Помпейяна, которой въ 312 году сражался съ Константиномъ за Максентія, завербовать въ Норманны!

«Еще менѣе рѣшаютъ имена Русскихъ посланниковъ, которые при Игорѣ и Олегѣ заключили миръ съ Греками. По причинѣ великихъ разнорѣчій, не рѣшено еще, какъ они назывались собственно; ибо кто знаетъ, какое чтеніе правильнѣе: *Каларъ* или *Карла, Фарлова* или *Вархова, Веллудръ* или *Веллида, Фуевастъ* или *Ибуехатъ*? Если бы

тают *отлично вѣроятнымъ*, что Руссы означаютъ Шведовъ, но если они и *обманываются*, то не-за-что еще считать ихъ государственными преступниками (528);

5) что впослѣдствіи, когда поутихъ пылъ самолюбія, раздраженнаго ссорою съ Ломоносовымъ, Шлёцеръ совсѣмъ уже *иначе* судилъ о дѣлахъ Славянщины; изучивъ предметъ основательнѣе, онъ далъ слѣдующія важныя признанія: I. «восточная часть Германіи, *съ давнѣйшихъ временъ*, то есть сколько намъ извѣстно изъ Исторіи, была населена *Славянами*»; II. «въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и проч. *никогда не было Нѣмцевъ* прежде Ободритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ, слѣд. старожиловъ своей земли»; III. «*великіе успѣхи*, дѣлаемые теперь *изученіемъ* Славянскія Исторіи, скоро совсѣмъ истребятъ всеобщее мнѣніе будто бы сіи Германскіе *Славяне пришли* тогда, когда *вышли* настоящіе *Нѣмцы*, будто бы жившіе до-того въ ихъ земляхъ! (529) IV. «Руссія при Рюрикѣ является на сѣверѣ *настоящею правильною державою* (530), V. «Рюрикъ, Олегъ, Ольга и Владиміръ заслуживаютъ названія *славныхъ*, имѣвъ на участь нашей земли важнѣйшее и благотворнѣйшее вліяніе» (531);

Скандинавское происхожденіе Руссовъ было доказано *другими доказательствами*, то слѣдовало бы признать правильнѣйшими тѣ, кои звучатъ навяснѣе по-Скандинавски. Если же станемъ разсматривать сіи имена въ самихъ себѣ, независимо отъ всего прочаго, то намъ покажется вѣроятнымъ, что иной Скандинавской звукъ произошелъ отъ *описки* или *недоразумѣнія*, отъ коихъ дѣйствительно происходитъ иногда очень странное. Такъ Пахимеръ называетъ предводителя Сицилійскихъ воиновъ, кои въ 1281 году стояли въ крѣпости Бѣлградѣ, Ῥως Σολυμας, котораго легко могли бы мы принять за Русскаго или Турка, если бы мы отъ другихъ не знали, что то былъ храбрый Французскій рыцарь *Руссо де Соли*.

«Впрочемъ я не хочу отвергать, что между послами Олега и Игоря къ Грекамъ были дѣйствительно Скандинавы: они, какъ Варяги, служили симъ Князьямъ, и при семъ сношеніи были ими уполномочены и отправлены; — такъ какъ и другія важныя дѣла внѣ Государства иногда препоручались въ семъ періодѣ Русскими Государями чуждымъ наемникамъ. Такъ на примѣръ Владиміръ послалъ Сигурда, Ерикова сына, къ Эстамъ для собранія Княжеской подати. И Греческіе Императоры равномѣрно употребляли иногда Варанговъ въ политическихъ дѣлахъ».

(Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для Россійской исторіи, пер. М. П. Погодина. кн. I, стр. 70 — 73.)

(528) Шлёц. Несторъ, ч. I, предувѣдомленіе, стр. XXVIII.

(529) Тамъ же, ч. II, стр. 423.

(530) Тамъ же, III, стр. 252.

(531) Тамъ же, II стр. 145.

6) что этими положеніями низпровергаются всѣ софизмы, порожденные теоріею Байеро-Шлёцеровской школы; если Русь при Рюрикѣ была уже *правильною державою*, то ясно, что Русскіе Славяне не были *и до Рюрика* дикарями, полу-человѣками, забытыми отъ Отца человѣчества; если Нѣмцы *никогда не жили въ Восточной Германіи прежде Славянъ*, которые обитали тамъ *съ отдаленнѣйшей древности*, то ясно, что Восточные Германы разрушители Рима, были не кто другіе, какъ Германскіе Славяне, исконные обитатели Восточной Германіи; если же, самъ Шлёцеръ находилъ *очень невѣроятнымъ*, чтобы *многочисленные народы пропали съ лица земли* (532), то ясно, что и Туимано-Энгелевская теорія Нѣмецкаго, Татарскаго и Финскаго происхожденія разныхъ народовъ, разрушившихъ Римъ, но вслѣдъ за тѣмъ исчезнувшихъ будто бы съ лица земли — для того, чтобы уступить свое мѣсто Славянамъ, основывается на какомъ нибудь взаимномъ недоумѣніи между нами и писателями среднихъ вѣковъ;

7) что Карамзинъ, хотя и уступилъ большинству, хотя и объявилъ Варяговъ Скандинавами, однакожь не отказалъ въ вѣроятности *и другому* мнѣнію, о выходѣ ихъ изъ Пруссіи. Стараясь сблизить обѣ гипотезы, онъ составилъ *свою*, — и во всякомъ случаѣ, мнѣнія Карамзина относительно Варяжской Руси, относительно старобытности Славянъ по Днѣпру и Волхову, относительно нашего народнаго имени, и вообще относительно характера всей нашей древности, *гораздо основательнѣе* мнѣній Байеровыхъ и Шлёцеровыхъ;

8) что согласіе съ Байеромъ Карамзина было вынуждено *обстоятельствами* и *необходимостью* посылать тексты I-го тома «Исторіи Государства Россійскаго» на просмотръ къ Шлёцеру, почитавшемуся немерцающимъ свѣтиломъ Русскихъ Древностей: но, между тѣмъ, личныя мнѣнія Карамзина сближались съ Ломоносовскими;

9) что Карамзинъ былъ правъ, укоряя Байера въ томъ, что «уважалъ сходство именъ *недостойное замѣчанія* и *худо* зналъ *Географію*» (533), Миллера—въ томъ, что «съ важностію повторилъ въ академической рѣчи *сказки*» (534), а

---

(532) Шлёцер. Несторъ, ч. II, стр. 398.
(533) Ист. Гос. Рос. I, пр. 71 и 513.
(534) Тамъ же, прим. 96.

Шлёцера въ томъ, что у него «народы падаютъ съ неба и скрываются въ землю какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія» ([535]);

10) что Карамзинъ, однакожь, зналъ Исторію Ломоносова только по выпискамъ Шлёцеровымъ; Шлёцеръ же по личной враждѣ умышленно соединилъ *въ одно* и мнѣніе Степенной книги и Ломоносовское, а тѣмъ ввелъ въ ошибку славнаго Исторіографа, который—думая опровергать мнѣніе Ломоносова—своими возраженіями только поддержалъ и подкрѣпилъ его гипотезу;

11) что и всѣ послѣдующіе писатели, толкуя о Ломоносовѣ и его мнѣніяхъ, знали ихъ только по выпискамъ Шлёцера же, и потому такъ неуважительно отзывались о безсмертномъ Русскомъ писателѣ, которому принадлежитъ по праву имя не только перваго Русскаго Витіи, перваго Русскаго Поэта, перваго Русскаго Физика, перваго Русскаго Химика, но и перваго Русскаго *ученаго Историка,* раньше всѣхъ постигшаго *истинныя начала исторической критики*;

12) что эти раціональныя начала Исторической критики сами собою проявились у Венелина, *непонятаго* и *неоцѣненнаго* современниками, котораго заслуги начинаетъ сознавать только уже нынѣшнее поколѣніе. И хотя Венелинъ не успѣлъ совершить преобразованія Исторіи, однако важно и начало, именно: во 1-хъ обнаруженіе основной ошибки прежнихъ писателей, которые не знали, что у Византійцевъ подъ именемъ Sclavi, Sclavini разумѣлись только одни Словенцы, донынѣ живущіе на Дунаѣ, а отнюдь не всѣ племена Славянскія, и потому смѣшали понятіе *рода* и *вида,* принявши *часть* за *цѣлое*; во вторыхъ—раскрытіе ложности гипотезы Дегиня о Гуннахъ, и объясненіе ихъ исторіи въ періодъ непобѣдимаго Атилы; наконецъ въ третьихъ—подробный разборъ диссертаціи Байера о Варягахъ;

13) что благоразумнѣйшіе изъ противниковъ уже старались *сблизить* систему Венелина съ своими личными мнѣніями, на примѣръ—покойный Михаилъ Трофимовичь Каченовскій, который отказался отъ мысли о Турецкомъ произхожденіи Руссовъ, и призналъ ихъ племенемъ Славянскимъ, разселившимся изъ-за Карпатовъ ([536]), хотя и

([535]) Ист. Гос. Рос. I, прим. 283.

([536]) Эту гипотезу принялъ и окончательно утвердилъ М. Т. Каченовскій въ послѣдній академическій годъ (1835—1836) своихъ чтеній о Русской

не могшій рѣшиться признать Славянами древнихъ обитателей Руси, извѣстныхъ у Грековъ подъ именемъ Скиѳовъ Гунновъ и проч;—П. Г. Бутковъ, который призналъ Славянство Болгаръ и древнюю гражданственность нашихъ предковъ, старобытность Славянъ въ западной и южной Руси, и старобытность Руссовъ на Днѣпрѣ, хотя еще выдаетъ этихъ Руссовъ за Финновъ или Чудь, а Варяжскихъ Руссовъ за Лапонскихъ Скандинавовъ;—А. Д. Чертковъ, который признаетъ древнюю гражданственность Славянъ, хотя и вѣруетъ въ Скандинавизмъ Варяговъ;—О. И. Сенковскій, который отрекся отъ Азіатскаго происхожденія Гунновъ, хотя и придаетъ имъ (очень неудачно) произхожденіе Финское, признаетъ у Славянъ развитіе гражданственности въ VIII вѣкѣ, и проч.

14) что историческіе труды писателей, возставшихъ на защиту Скандинавоманіи, заключаютъ въ себѣ только безчисленныя противорѣчія другъ другу, противорѣчія самому себѣ, противорѣчіе здравомыслящей Филологіи противорѣчія всѣмъ условіямъ Исторической Логики и Критической Догматики, въ слѣдствіе смѣшенія настоящихъ источниковъ историческихъ съ баснями, или выражаясь пошлёцеровски—Скандинавскими бреднями (сагами);

15) что укоризны ихъ Карамзину, зачѣмъ онъ придалъ Варяжскому періоду характеръ Славянскій а не Скандинавскій, проистекаютъ отъ *незнанія дѣла*, да и большая часть ихъ обвиненій основывается на умышленномъ *искаженіи* словъ и мнѣній исторіографа (534), который потому отсту-

исторіи и статистикѣ. Мнѣ поручено было имъ—составить (говоря поуниверситетски) журналъ этой лекціи; я исполнилъ это, и въ бумагахъ покойнаго профессора должна находиться эта его лекція, въ которой, разсуждая статистически о племенахъ Русской Имперіи —онъ касается произхожденія Русскаго народа.—О Каченовскомъ много дѣльнаго высказалъ А. В. Александровъ, см. «Современные историческіе труды въ Россіи», I письмо, стр. 4 и 5.

(534) Защитники сагъ пишутъ: «Карамзинъ хотѣлъ производить слово *князь* отъ *коня* (*конь—азъ*, то есть: *я лошадь*); надобно полагать, что онъ хотѣлъ только *пошутить* надъ корнесловами» (Библ. для Чт. томъ I, статья о Сагахъ, стр. 60, прим. 23). Справляюсь у Карамзина, и что же оказывается? что самъ критикъ вѣрно хотѣлъ пошутить надъ довѣренностію читателей, ибо у Карамзина сказано: «слово *князь* родилось *едва ли* «не отъ коня: въ Славянскихъ земляхъ кони были *драгоцѣннѣйшею собственностію*; у Поморянъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли «великое богатство, и всякій *хозяинъ коня* назывался княземъ, nobilis «capitaneus et princeps» (Ист. Гос. Рос. I, стр. 75). Спрашивается: виноватъ ли Карамзинъ въ томъ, чего не говорилъ?—Защитники сагъ

пилъ отъ гипотезъ Байера, Миллера и Шлёцера, что былъ несравненно умнѣе, разсудительнѣе и ученѣе всѣхъ Скандинавомановъ;

16) что Байеро-Шлёцерово ученіе о Скандинавскомъ произхожденіи Руссовъ и позднемъ населеніи нашей страны Славянами, и Тунмано-Энгелевское ученіе о татарскомъ произхожденіи Болгаръ и прочихъ обитателей древней Руси — нѣтъ никакой возможности согласить съ здравымъ смысломъ, развѣ допустить *множество произвольныхъ гипотезъ*, свидѣтельствомъ чему служатъ «Славянскія древности» Шафарика, могшаго сдѣлать въ-десятеро болѣе, если бъ не вдался въ теоре-манію, Скандинаво-манію, Тевтоно-манію, Финно-манію и Татаро-манію, а потому, не смотря на частныя достоинства и удачныя объясненія иныхъ

пишутъ: «Карамзинъ серіозно повторилъ *неумѣстную шутку* (?!) Несторовой лѣтописи объ испугѣ Ярослава и отчаянномъ его желаніи бѣжать изъ Новгорода за море отъ непріятеля, *пирующаго за-горами залѣсами* въ 1200 верстахъ оттуда; но вмѣсто варварскаго слова *за море* онъ выразился гораздо ученѣе: *въ Норвегію*» (Б. для Чт. I, науки, с. 59); смотрю въ «Исторіи Государства Россійскаго» описаніе 1018 года, и опять укоризна Карамзину оказывается *неумѣстною шуткою* критика. У Карамзина совсѣмъ нѣтъ ни пол-слова объ испугѣ отъ пировъ за-горами за-лѣсами, и объ отчаянномъ желаніи бѣжать въ Норвегію. Исторіографъ писалъ: «Ярославъ, устрашенный *могуществомъ* короля «Польскаго и *злобою* брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать «*за море къ Варягамъ*; но великодушіе Новгородцевъ спасло его отъ «сего несчастія и стыда» (Ист. Гос. Рос. II, стр. 15)—Защитники сагъ пишутъ: «Карамзинъ, представивъ себѣ Якуна *совершенно слѣпымъ*, сказалъ, что онъ носилъ на глазахъ шитую золотомъ луду или повязку. И такъ слѣпой Норманнскій витязь сражался еще, *завязавъ себѣ глаза? Странныя времена!*» (Б. для Чт.I, Науки стр. 76, пр. 34). Странная привычка укорять Карамзина въ томъ, чего тотъ и не думалъ! Въ Ист. Гос. Росс. II, стр. 23 читаемъ: «Якунъ едва могъ видѣть, но еще любить войну и битвы»; а въ дополненіи къ 23 страницѣ II-го тома (помѣщенномъ въ VIII т. 144 стр). говорится еще яснѣе: «слѣпой витязь «Якунъ, какъ славный Богемецъ Зиска», (т. е. Жижка), «могъ носить повязку *на больныхъ* глазахъ, чтобы *закрывать* ихъ *отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и воздуха.*» Защитники Эймундовой Саги, желая согласить се съ Несторомъ, увѣряютъ, будто бы «луда носилась *на груди и на спинѣ*, а не на глазахъ; это родъ стариннаго Польскаго панцыря, брони, кольчуги подбитой подъ платье»; но вотъ небольшое затрудненіе: Якунъ, бѣжавъ съ поля сраженія, оставилъ на мѣстѣ битвы свою луду, которая «бѣ золотомъ *исткана*»; неужели онъ раздѣвался и скидавалъ *броню изъ подъ платья?* Повязку, истканную золотомъ, обронить Якунъ очень могъ во время бѣгства; а потерять кольчугу *изъ подъ платья* — не было никакой возможности.

частныхъ вопросовъ, не объяснившаго *цѣлаго* Славянскихъ древностей—именно оттого, что хотѣлъ помирить помощію *гипотезъ* Байеро-Шлёцерово и Тунмано-Энгелево ученіе съ *противоположными свидѣтельствами* Греческихъ и Римскихъ писателей;

17) что, слѣдственно, пора уже *сообразить* всѣ мнѣнія въ горнилѣ исторической критики, и — не полагая ни одного изъ прежнихъ *одностороннихъ ученій* въ основаніе—воспользоваться однакожь всѣмъ, что есть *истиннаго* въ каждомъ изъ нихъ: у Шлёцера, у Тунмана, даже у гна Крузе; съ другой стороны—у Эверса и его послѣдователей, учениковъ скептической школы Каченовскаго; съ третьей—у писателей, составляющихъ переходъ къ нынѣшнему ученію, именно—у Карамзина, Руссова, Буткова, Черткова, Шафарика; и наконецъ—съ четвертой, у писателей, хотя и прямо возставшихъ на защиту Славянства, но увлекшихся частными своими гипотезами: Вельтмана, Макарова, Морошкина, Максимовича, Кирѣевскаго (538);

18) но, чтобы узнать и отличить *истину*, необходимо бросить прежнюю систему, основанную только на сходствѣ созвучій, и вывесть *новыя основанія* исторической критики, призвавъ на помощь *здравую логику*, принимая въ разсчетъ логическую *возможность* событій, *естественность* основанную на *примѣрахъ прошедшаго*, и возникающія отсюда *неизмѣнныя отношенія между историческими* явленіями, давними и недавними; *путь* же изслѣдованій, разумѣется, долженъ былъ *математическій*, объясняющій неизвѣстное *извѣстнымъ:* тогда и выводы будутъ математически вѣрны. Послѣ того, когда выводъ исторической логики уже оправдается *свидѣтельствами древнихъ*, для большей полноты призвать и *филологію*, которая такимъ образомъ должна занять третье-степенное мѣсто,—потому что «сходство звуковъ можетъ *подкрѣплять* историческія положенія, но *не можетъ доказывать* ихъ», какъ утверждалъ благоразумный Эверсъ;

19) что необходимо, послѣ того, *заново* переизслѣдовать всѣ свидѣтельства, оставленныя древними, обративъ особенное вниманіе на древность нашихъ единоплеменниковъ, Германскихъ Славянъ и Балканскихъ; тогда рас-

(538) См. у меня далѣе, стр. 70 (прим. 7), стр. 191 — 164 (прим. 142) и многія другія; любопытныя разысканія гна Кирѣевскаго появились въ «Москвитянинѣ» (1845) во время окончанія моей книги: въ нихъ очень много дѣльнаго, не смотря на пристрастіе автора къ Шафарику.

кроется, что древніе знали большую часть ихъ названій: *мѣстныхъ, племенныхъ* и *прозвищныхъ*; одни изъ этихъ названій сохранены въ *настоящемъ* видѣ, передѣланныя на иностранный ладъ очень немного, другія же—имѣющія смыслъ — *переведены* и уцѣлѣли въ переводахъ на Греческій языкъ, Латинскій, древне-Нѣмецкій, Кельтскій, смотря потому, *среди какого* племени жилъ писатель, или *чрезъ посредство кого* получалъ свѣденія;

20) что, послѣ того, явится возможность *возсоздать* всю *Древнюю Географію* Тевтонскаго и Славянскаго міра; но для этого необходимо приложить къ Географіи новыя основанія Исторической Критики обративъ особенное вниманіе не на *Политическія* государственныя границы, а на *Этнографическіе предѣлы* племенъ, принимаемые за величину почти-постоянную. Дѣйствительно, въ слѣдствіе нашествій иноплеменниковъ и поселенія ихъ на покоренной землѣ, Политическая граница измѣняется, а Этнографическая остается почти-та же; переходя подъ власть чуждаго правительства, область получаетъ новыхъ жителей, но прежніе (если только осѣдлы) остаются на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ измѣненіе Этнографическаго предѣла происходитъ лишь на границѣ, которая отъ сильнаго прилива чужеплеменниковъ можетъ иногда утратить *свою* народность; но это вліяніе чуждой власти постепенно ослабѣваетъ, по мѣрѣ удаленія отъ центра;

21) что, слѣдственно, тутъ уже надобно главнѣе всего надо—принять въ соображеніе *мѣстность*, разсужденіе о которой должно зависѣть отъ математической истины: двѣ величины, равныя порознь одной третьей, равны между собою.—Если, напримѣръ, страну A занимаетъ племя B, между тѣмъ какъ по другому лѣтописцу тамъ живетъ племя C, по третьему D, по четвертому E, то ясно, что A=B, A=C, A=D, A=E, или A=B=C=D=E, откуда критическій географъ вправѣ заключить: B, или C, или D, или E, не смотря на все *различіе звуковъ*, есть *одно и тоже племя*, живущее на землѣ A; или еще точнѣе: все это *разныя названія* одного и того же племени. Примѣняя все это къ древней географіи, относительно Славянскаго міра, найдемъ:

I. въ сосѣдствѣ съ Литвою и нашею Русью, начиная отъ Вислы и къ Одрѣ, всегда жили *Поляки* подъ разными мѣстными именами: *Полянъ* Bulanes, Georgi, *Вартинцевъ* Wartones, *Обровъ* Ombri, *Олѣсинцевъ* Olysii, Elysii, *Слезо-*

цовъ или *Силезцевъ* Silingae, *Нурянъ* или *Нураловъ* Nurali, Naharvali, и проч. По сходству значенія и звуковъ, этихъ Полянъ *Ляховъ*, занимавшихъ обширныя *луга* (поля), иноземцы часто покрывали именемъ *Лугарей*, *Луговъ* (Lugii Lygii), принадлежавшимъ собственно ихъ сосѣдамъ, Прибалтійскимъ Сербамъ;

II. великій Кутъ (уголъ), образуемый Лабою и Одрою или Рудою, всегда занимали племена Великихъ или Бѣлыхъ Сербовъ, Прибалтійская *Сербь*, также подъ многими мѣстными именами: *Велеты* Weltae, *Древяне* или *Боряне* Borii, Burii, *Варны* Warini, *Пѣняне* Pien-gitae *Яболочане* Havelconii (по выговору Нѣмцевъ, у которыхъ, Ябола, Habola, названа Havel), *Луги* Lygii, Lugii, *Рудины* Rudigni, а при извивистомъ устьѣ Руды или Звивы—*Звивяне* Svevi; общее для всѣхъ мѣстное имя *Кутинцы* Gutones, Kotensii, позднѣе Gothi, и *Поморяне* въ Нѣм. пер. Wandali, Wenedi; общее племенное: *Сербы* Servi, Servitii, Cervetii, Chervsci; частныя племенныя: *Яры*, Arii, или *Руйи* Rugii, иначе *Руяне* Rugiani, *Варяги* Wargiones, *Рудинскіе Варяги* Var-rudeni, *Славяне-Русь* въ перев. Ruti-clii. Прозвищныя имена этой прибалтійской Велетской Серби: у сосѣднихъ Англо-Саксовъ *Бородачи* или *Длиннобородые* Lang-bardi,—а у сосѣднихъ Славянъ: Франконскихъ за-Лабою, Чехо-Волоховъ на югѣ и у Поляковъ на востокѣ, *Вильки-Лютики*, Vilzi-Lutici, то есть: волки лютые, въ Нѣмецкомъ переводѣ Англо-Саксовъ Wagri;

III. на югъ отъ этой Велетской Серби искони жили *Чехи* Zigi, Sigi, Ziginni, Siginni; ихъ народныя мѣстныя имена также извѣстны были древнимъ, какъ-то: *Моравы* въ Нѣмецкомъ переводѣ Marcomanni, *Гораки* въ Нѣм. пер. Hermunduri, *Полѣсяне* въ Кельтскомъ Quadi, равно и прозвищное названіе этого боеваго народа, *Бойи*, Boii, распространенное потомъ на Сербовъ, на Франковъ и на западныхъ иноплеменниковъ Тевтонскихъ или Швабовъ;

IV. на юго-западъ отъ Чехохъ, всегда обитали *Словене*, раздѣлившіеся (по переходѣ за-Дунай) на *Словаковъ* (въ сосѣдствѣ Чешскаго племени) и *Словенцевъ* (между Адріатикой и Дунаемъ). Общее ихъ племенное названіе *Словене*, по греческому выговору Sclavini, Sclavi, въ греческомъ переводѣ Rheti; мѣстныя имена: *Норійцы* Norici, *Краинцы* Carni, Cranci, *Жупаняры* Paniari, иначе *Жупанцы* Pannones, *Истряне* или *Истрійцы* Istrii, *Бенетяне* Veneti, *Далматы*, Dalmatae; частныя мѣстныя названія: *Колпинцы*

Colapini, *Брайцы* Breuci, *Савацы* Savaci, *Варадчане* Varciani, *Озеряты* Oseriates, *Подравляне* Ambidravi, *Горяне, Горенцы, Горутанцы,* Hercuniates, *Салійцы* Sali, Zali, Asali-*Оравцы* Aravici, иначе *Оравскій Языкъ* (народъ) переселенный, въ полу-греческомъ переводѣ Jazyges-Metanastae. Собственно Горскую Словенію (Rhetia) населяли въ Альпахъ слѣдующія племена: *Липинцы* Lepontii, *Вининцы, Винонцы,* Vennones, *Агновцы,* Genavni, *Древтяне* или *Тревтяне,* Trventini, Trientini, Tridentini, *Зàренцы,* Sarventes, *Бревненцы,* Brevni, *Бросквинцы* Brescvintes, Brexintes. Общее мѣстное ихъ названіе *Головиты,* по другому нарѣчію *Гелевиты, Гельвиты* (подобно какъ *Волоты* и *Велеты)* измѣнено Римскими писателями въ Helvetii, а въ насмѣшку Galli (пѣтухи).—Это имя, распространенное какъ на собственно-Кельтовъ, такъ и на Словенскихъ обитателей *голъ* (высокихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ) ([539]) покрывало у Римскихъ писателей и землю ближайшихъ къ Италіи Словенъ, которую звали Итальянцы Gallia cis-Alpina (пѣтушья земля Предъ-Алпійская), въ отличіе отъ Кельтики, которую называли Gallia trans-Alpina (пѣтушья земля За-Альпійская). Предъ-Альпійская же Словенія, въ сочиненіяхъ Римскихъ географовъ, раздѣлялась рѣкою Падомъ на Пред-Паданскую (cis-padana) и За-Паданскую (transpadana): тутъ жили отчасти между Славянами Кельты, такъ точно какъ въ самòй Кельтикѣ обитали многіе Славянскіе поселенцы.—По свидѣтельству древнихъ, эти Rheti (Словене) извѣстны были у Латинскихъ племенъ подъ именемъ Etrusci, а у Грековъ сохранилось даже частное племенное имя этой Словенской Руси: *Резіяне,* Rhasenae;

V. на западъ отъ Велетскаго Кута Сербовъ, земли Чеховъ и до страны Словенской, по границѣ Тевтонскихъ или Нѣмецкихъ племенъ (Nemetes, Teutones, Teutcheri) простиралась *Франконская Славія,* Windelicia, какъ ее называли Римляне и Нѣмцы (донынѣ еще называющіе именемъ Winden только однихъ Славянъ); тутъ являются *Бреганцы* Brigantii, *Лехиты* Licates, *Бойи* Boii и проч.

([539]) Славянскіе потомки *головитовъ* или *гельвитовъ* донынѣ уцѣлѣли въ Швейцаріи, въ Валлійскомъ кантонѣ; у Нѣмцевъ эти Славяне извѣстны подъ именемъ Hun'овъ (Malten's Bibl. d. Weltk. 1834, B. I, S. 28-50; —Чешская Пчела 1834, № 9;—Славян. Древности Шафарика, въ Русскомъ переводѣ, кн. II, стр. 259; Путешествіе Коллара, какъ у насъ привыкли писать, или, правильнѣе: Коларя).

VI. на Балканскомъ полуостровѣ сосѣди черноволосыхъ Өракійцевъ, голубоглазые и русоволосые Өракійцы суть Иллирійскіе Славяне: *Бѣссы* Bessi, *Кровичи* или *Кривичи, (Κρόβυζοι, Κρίβιζοι)*, *Мызы* Moesi, Mysii, *Волыняне* Wulini, *Котореницы* Katarensi, *Дѣвитеницы* Divitenses, *Новеницы* Novenses, *Рязанцы* Risinites, и проч.

VII. если же всѣ наши единоплеменники искони жили на своихъ мѣстахъ, то ясно, что начиная отъ Дунайской Буковины и Русскаго Хребта (превращеннаго иноземцами въ «Карпаты») до Ладожскаго озера, Волги и Кавказа, также искони обиталъ нашъ Русскій народъ, хотя чужеплеменники называли насъ въ древности не *Росъ* или *Русь*, но Aorsi, Alan-orsi, Rox-alani, Roxani, Rossomanni, — или давали *прозвища*: Scythae, *Чужаки*, Sauromatae (ящероглазые = голубоглазые) и проч., — или же переводили на свой языкъ наши названія: *Полляне* (Georgi), *Древляне* (Hylaei), обитатели *Конскихъ* водъ (Kalippidi) и проч.,—или наконецъ, употребляли настоящія названія, немного искаженныя: *Козаре* (*Ακατξιροι, Κατξαροι, Χαξαροι*), *Буковинцы* (*Πευκινοι, Πευκινοι*), *Быстряне* Bastarnae, Basternae, и проч. Собственное имя *Хорватской* Руси (или, по-ученому, Карпато-Россовъ) иноземцы употребляли въ переводѣ: *Даки*=горцы) уравнявъ это общее названіе горской или хребтовой Руси частному имени *Угличей* или *Кутичей*, Getae, распространенному потомъ на весь Русскій сѣверъ, землю исполиновъ нравственнаго и физическаго міра, по-Нѣмецки Hun'овъ, по Германо-Славянски Obr'овъ.

Вотъ въ какомъ объемѣ, послѣ новѣйшихъ разысканій, является взорамъ Исторіи нашъ *общій* міръ Славянскій, боровшійся съ Римомъ и избавившій Европу отъ оковъ Римскаго деспотизма! Паденіемъ Рима и освобожденіемъ цѣлаго міра отъ ига развращенныхъ Цезарей заключается первый періодъ обще-Славянской Исторіи, теряющій свое начало въ глубочайшей древности. Потеря народности среди покоренныхъ племенъ Латинскаго происхожденія, но за-то обновленіе Запада свѣжею, нерастлѣнною жизнію, а на Востокѣ образованіе Государства Болгаро-Русскаго, составляютъ второй періодъ, оканчивающійся повсюднымъ введеніемъ Христіанства у Славянскихъ народовъ. Междоусобія, и въ слѣдствіе того покореніе Франконской Славіи, Балтійской Сербіи и части Словеніи Нѣмцами, завоеваніе Руси Татарами, а Болгаръ Турками, представляютъ третій періодъ обще-Славянской Исторіи. Обновленіе Россіи Единодержаві-

емъ и Самодержавіемъ, паденіе Чехіи и начало упадка Польши отъ ослабленія власти Правительства — составляютъ четвертый періодъ жизни Все-Славянской.

Но Исторія Славянства еще не дописана: «племя Славянское», — справедливо сказалъ нашъ юристъ-мыслитель ([540]), — «живетъ *будущностію*, надеждою, что вновь возстанетъ великій Царь Волги, и воззоветъ ихъ къ единому великому знамени, къ знамени не́ разрушенія, а общаго успокоенія въ нѣдрахъ *семейственнаго Христіанскаго быта*, который, кажется, предоставлено развить Славянскимъ народамъ. Царство *мира* и *любви* имѣетъ *семейственную* форму, — форму, данную отъ природы и духа, а не изысканную, не созданную преходящими вѣками Исторіи. Когда настанетъ судъ Исторіи, Тевтонскій міръ отдастъ Славянамъ все, что́ взято у нихъ. Не своими Козарскими саблями Славянскій міръ грозитъ Тевтонамъ, а *Славянскою цивилизацiей*, первородными формами человѣческаго быта, грозитъ ему преемничествомъ, званіемъ наслѣдника во Всемірной Исторіи».—Да, внутреннее скрѣпленіе Русскаго Славянскаго племени *Православіемъ* Истины Христіанства, а потомъ освобожденіе отъ ига, и обновленіе *Православнаго Царства* Русскаго *Самодержавнымъ* единствомъ Воли Царя и *Народностію*, сосредоточенною въ *любви* къ *Россіи*—«Дому Пресвятой Богородицы», и къ Царю—*Отцу* своихъ подданныхъ, есть великій урокъ для нашихъ Славянскихъ братій и для всего міра: «возставитъ Богъ Небесный Царство, еже *во вѣки не разсыплется*. И Царство Его людемъ инѣмъ *не достанется* — истнитъ и развѣетъ вся Царства: тое же *станетъ во вѣки*»([541])!

то читаетъ Исторію, долженъ *изслѣдовать* бытописанія; проникнетъ древнее и настоящее, какъ бы собственными очами. Устами читай, *мыслію* вникай!

Санъ-цзы-цзынъ (пер. съ Кит. О. Іакинѳа, стр. 20).

СПБ.
15 Апрѣля 1845 года.

([540]) Историко-Критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ, Московскаго профессора Ѳ. Л. Морошкина, стр. 118-119.

([541]) Даніилъ, II, 44.

		Напечатано:	*Должно бы быть:*
I стр. —	6 строка въ эпиграфѣ	a vérité —	la vérité
V —	3 стр.	Но по общему	Не по общему
VIII —	12 стр.	брошено, у насъ	брошено у насъ
—	21 стр.	Академію	Академіи
—	3 стр. съ низу	Lomonosoff; vient	Lomonosoff vient
IX —	3 стр.	поторпѣлъ	потерпѣлъ
XI —	6 стр.	преданнаго. Отечеству	преданнаго Отечеству.
—	20	Артемій. Петровичь	Артемій Петровичь
XII —	12	называть	называлъ
XIII —	9 съ низу	поколебаленное	поколебленное
—	4 съ низу	Биропопова	Биронова
XVIII —	3 съ низу	перемѣшано	перемѣшаны
—	1 съ низу	О древностяхъ. Россіи	О древностяхъ Россіи
XXII —	9 съ низу	прыкрыла	прикрыла
XXIII —	23	на произхожденія	ни произхожденія
XXIV —	9	друнахъ	другихъ
—	11	гома	сама
XXVI —	2	неопровержено	неопровержимо
XXXVI —	3 съ низу	наша земли	наша земля
XXXVIII	6	обѣщать себя	обѣщать себѣ
XLI —	9	умператоръ	императоръ
—	6 съ низу	ни упоминаютъ	не упоминаютъ
XLII —	20	себѣ Руси	себѣ имя Руси
—	30	не этимологическую дыбу	на этимологическую дыбу
XLV —	6	назывались	называли
XLVI —	4 съ низу	самостоятельныхъ	самостоятельность
—	7 съ низу	себе	себѣ
—	15 съ низу	котврый	который
XLVII —	9	можетъ	можемъ
XLIX —	2	Такъ на, примѣръ	Такъ на примѣръ
—	11	Up	Пре
—	23	Русской исторію	Русской исторіи
—	4 съ низу	вшинуть	вникнуть
L —	21	соединенное	соединенное
—	24	Русской исторію	Русской исторіи
LI —	12 съ низу	приписываетъ	приписываемъ
LVI	1	бывъ	Забывъ
—	2	который	который бы
LVII —	12	Верхнее	Верхней
LXI —	4 съ низу	отрессл	отнесся
LXII —	23 съ низу	важу	вижу
	9 съ низу	труду Шлёцеру	труду Шлёцера
—	3 съ низу	Римлями	Римлянами
LXIV	13	наколоблюдить	наколобродить
LXXIV	25	Сего системою	Сею системою
LXXV	16 съ низу	въ народѣ Литовскій	въ народъ Литовскій

		Напечатано:	*Должно бы быть:*
LXV —	6	Новгородцами	Новгородцамъ
LXXVI	3 съ низу	подъ властвъ	подъ власть
LXXVII	4	зеніальнаго	геніальнаго
—	22	съ произхожденіемъ	произхожденіемъ
—	5 съ низу	ирипята	принята
LXXIX	2 съ низу	тамъ же	Ист. Гос. Росс. I, прим. 105.
LXXXI	6	оранизація	организація
LXXXIV	22	мнѣніл	мнѣнія
	23	признаеть	признать
XCI —	13	сназанію	сказанію
XCIV	17	означеть	означаетъ
	3 съ низу	Трубы	Труды
CI —	11 съ низу	затемнялъ	затемнялъ
	12 съ низу	не объяснялъ но	не объяснялъ, но
CIV	11 съ низу	префессора	профессора
	16 съ низу	Геттенгенскаго	Геттингенскаго
CXIII	15 съ низу	Круз-	Крузе
CXIV	6	Бѣлоозеръ	Бѣлоозеро
	23	Француженки	Француженки
CXV —	17	основаніи	основаніе
—	9 съ низу	П. Г. Буткова	П. Г. Бутковъ
CXVI	22 съ низу	съ отеческомъ	съ отеческимъ
—	16 съ низу	по душѣ	по душѣ
CXVII	5	Какъ не удерживалъ	Какъ ни удерживалъ
—	9	самаго Шлёцере	самаго Шлёцера
CXVIII	6	мысла	смысла
CXX —	11	тѣснится	тѣшится
—	30	Нордманнскій	Нордманскій
CXXI	9	еше	еще
CXXII	3	энтузіазма	энтузіазма
CXXIII	1	шахматы	шахматы,
—	21	перѣшительныхъ,	перѣшительныхъ,
CXXIV	14	Иніадою	Иліадою
CXXVI	1	торжествующей	торжествующій
CXXVII	16	успѣній воображенія	усилій воображенія
	5 съ низу	смѣсняетъ	стѣсняетъ
CXXXII	3 съ низу	ыновьями,	сыновьями,
	6 съ низу	говори	говоритъ
	18 съ низу	Африка	Африки
CXXXVII	2	коети его	кости его
	9 съ низу	наститутъ	настигнутъ
CXXXVIII	13 съ низу	отъ испорченія	отъ испорченія
CXL	12	отъ будетъ	онъ будетъ
CXLI	2	сборами, какія	сборами, какіе
CXLII	5	въ то время	въ то же время

				Напечатано:	Должно бы быть:
CXLII	—	18		сплетней	сплетней
	—	22		ношла	нашла
CXLIV	—	21		который	которой
CXLVI	—	20	съ низу	произновилась	произносилось
CXLVIII	—	10		такъ удачною	такъ удачно
CXLIX	—	23		объявить *скотъ*,	объявить—*скотъ*
CLIII	—	4		замѣчаніе	замѣчанія
	—	20		свѣтъ Божій	свѣта Божьяго
	—	23		Вмѣсто ее,	Вмѣсто ея,
CLVII	—	14		Руссаго	Русскаго
CLVIII	—	17		смотреть	смотрѣть
	—	10	съ низу	необъятая	необъятная
CLX	—	7		Къ землѣ	къ землѣ
CLXII	—	2		Новогороднахъ.	Новгородцахъ.
CLXVI	—	1	съ низу	ч. II, стр. 137-138	ч. II, стр. 145-146
	—	3	съ низу	ч. II, стр. 143	ч. II, стр. 145.
CLXVII	—	2		желаніямъ	желаніемъ
	—	3		признанія	призванія
	—	22		справвдливымъ	справедливымъ
	—	23		надо мнѣ	надо мною
	—	30		дѣлатъ	дѣлаетъ
CLXIX		3		объимъ	обоимъ
CLXX		2		Руссамъ,	Руссами,
CLXXII		10		плечевный	плачевный
	—	23		Отделенія	Отдѣленія
CLXXIII		15		Столоначальныкъ	Столоначальникъ
	—	25		археографахъ	археографовъ
	—	27		изслѣоованій	изслѣдованій
	—	29		Морошкинъ	Морошкина
CLXXIV		16		настощуюь степен	настоящую степень
	—			въ Рруccкомъ	въ Русскомъ
CLXXV		12		извѣстнымъ	извѣстны
	—	10	съ низу	сообщили	сообщили
CLXXIX		20		званенитаго	знаменитаго
CLXXXIII		4		лѣтпись	лѣтопись
CLXXXII	—	1		предъ	весьма пре-весьма
CLXXXIV		6		Балтійскаго	Балтійскаго.
	—	8		не льзя быть	не льзя
	—	24		сдѣлались	сдѣлалось
CLXXXV		15		отвращается	отвращаешься
	—	18		лѣтописателей	лѣтописателей
	—	15	съ низу	пустиловъ	пустилъ въ
CLXXXVI		23		восклицается—	восклицаете
CLXXXVII		24		человеческаго	человѣческаго
		10		безспорно уже;	безспорно уже

		Напечатано:	*Должно бы быть:*
CLXXXVIII	14 съ низу —	за первою эпоху —	за первую эпоху
CLXXXIX	12	выслушай те	выслушайте
CXCII	—19	Философій языка—	Философіей языка
CXCV	4 съ низу	удались	удалились
CXCVI	— 21—	передѣленное—	передѣланное
CXCVII	5	могла	могла
CXCVIII	9	объяснить	объяснитъ
CXCIX	15 съ низу	необыкновеного	необыкновеннаго
CC	3	Nord	du Nord
	6	на вопросъ Папенькѣ—	на вопросъ о Папенькѣ
CCI	18	poczatku	początku
	21	выгоды	выводы
	7 съ низу	Перековерковъ	Перековерковавъ
CCIII	4	Что на резонъ	Что за резонъ
	11	двух —	двухъ
	17	дѣйствительно	дѣйствительной
	12 съ низу	отцавъ	отцевъ
CCIV	5 съ низу	подлежатъ	подлежитъ
	8 съ низу	саужитъ	служитъ
	12 съ низу	Европѣйцы	Европейцы
	23 съ низу	терятъся	теряться
CCV	11 —	Славянскихъ	Славянскихъ
	— 1 съ низу	будетъ	будутъ
	— 4 съ низу	не нязбавится	не избавятся
	— 15 съ низу	нездѣлаютъ	не сдѣлаютъ
	— 17 съ низу		наше наши
CCVI	19	Славснскихъ	Славянскихъ
CCVIII	17	Всеобщей Исторію	Всеобщей Исторіи
	— 24	различія	безъ различія
CCIX	— 16	юношескою, скромностію	юношескою скромностію,
CCXVIII	— 3 съ низу	выходки 1844 года	выходки, 1844 года,
CCXXIV	— 15	Генеологіи	Генеалогіи

Принесу ли пользу Исторіи, если опишу дѣянія Римскаго народа отъ основанія города Рима—не знаю; да если бы и зналъ, то не смѣлъ бы сказать: сколько стара, столько же и обыкновенна всегдашняя увѣренность новыхъ писателей, что они или событія изложатъ вѣрнѣе, или искуствомъ разсказа превзойдутъ старинныхъ необразованныхъ писателей. Какъ бы ни было, но мнѣ будетъ пріятно, что и я, по мѣрѣ силъ, содѣйствовалъ сохраненію памяти о дѣяніяхъ перваго народа въ мірѣ; если же моя слава и померкнетъ въ толпѣ писателей,—по крайней мѣрѣ я буду утѣшаться благородствомъ и величіемъ тѣхъ, которые превзойдутъ меня.

Титъ Ливій, Истор. Предисловіе.

Facturusne operae praetium sim, si a primordio Urbis res populi Romani perscripserim, nec satis scio; nec si sciam, dicere ausim: quippe qui cum veterem, tum vulgatam esse rem videam, dum novi semper scriptores, aut in rebus certius aliquid allaturos se, aut scribendi arte rudem vetustatem superaturos credunt. Utcunque erit, juvabit tamen, rerum gestarum memoriae principis terrarum populi pro virili parte et me ipsum consuluisse; et si in tanta scriptorum turba — mea fama in obsuro sit, nobilitate ac magnitudine eorum, qui meo nomini officient, me consoler.

Titi Livii Histor. Praefatio.

I.

СЛАВЯНСКОЕ НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ

ВЪ

ЕВРОПѢ.

Новѣйшія свѣденія, собранныя трудолюбивымъ Шафарикомъ изъ возможно-достовѣрныхъ источниковъ, по 1842 годъ, о народонаселеніи Славянскихъ племенъ, чрезвычайно любопытны и важны, не только для географа, статистика, этнографа, но и для историка: безъ этихъ таблицъ не возможно составить правильнаго, вѣрнаго понятія о *древности* нашего племени въ Европѣ; вникнувъ въ эти таблицы и перенесясь въ прошедшее, *всякій легко убѣдится* (и безъ прочихъ, многочисленныхъ доказательствъ), *что подъ именемъ Скиѳовъ, Гунновъ, Обровъ, Аваровъ, Аорсовъ и множествомъ другихъ названій* для сѣверо-восточныхъ племенъ Европы, *разумѣлись не кто иные, какъ наши предки, Русь и другіе соплеменники*, которыхъ привыкли называть *общимъ* именемъ Славянъ. — По исчисленію Шафарика, въ настоящее время находится:

1.	Русскаго племени въ Европѣ.	51.184,000
2.	Болгаръ	3.587,000
3.	Сербовъ	7.246,000
4.	Поляковъ	9.365,000
5.	Чеховъ и Словаковъ . . .	7.167,000
6	Лужичанъ (Сорабовъ). . .	142,000
	Итого	78.691,000

Въ-отношеніи къ *политическому распредѣленію по государствамъ, Славянскіе народы*, въ нынѣшнемъ состояніи, *изображаются слѣдующими цифрами:*

Поколѣнія.	Росс. Имп.	Авст. Имп.	Пруссія.	Турція.	Саксонія.	Краков.	Итого.
1. Русское:							
Велико-Руссы.	35.314,000	—	—	—	—	—	35.314,000
Мало-Руссы.	10.370,000	2.774,000	—	—	—	—	13.144,000
Бѣло-Руссы.	2.726,000	—	—	—	—	—	2.726,000
2. Болгаре	80,000	7,000	—	3.500,000	—	—	3.587,000
3. Сербское:							
Иллиры.	100,000	2.594,000	—	2.600,000	—	—	5.294,000
Хорваты.	—	801,000	—	—	—	—	801,000
Корутане.	—	1.151,000	—	—	—	—	1.151,000
4. Поляки.	4.912,000	2.341,000	1.982,000	—	—	130,000	9.365,000
5. Чехи.	—	4.370,000	44,000	—	—	—	4.414,000
Словаки.	—	2.753,000	—	—	—	—	2.753,000
6. Лужичане:							
Верхніе	—	—	38,000	—	60,000	—	98,000
Нижніе.	—	—	44,000	—	—	—	44,000
Всѣхъ Славянъ	53.502,000	16.791,000	2.108,000	6.100,000	60,000	130,000	78.691,00

Слѣдственно: *большая часть Славянъ*, болѣе $\frac{2}{3}$, *свободны, составляя Русское государство*; остальная треть находится подъ властію иноплеменниковъ: около $\frac{1}{5}$ этихъ зависимыхъ Славянъ находится въ Австрійскихъ владѣніяхъ, за тѣмъ слѣдуетъ Турція, а за нею Пруссія; менѣе всѣхъ, въ Саксонскомъ королевствѣ.

Различіе Славянъ *по вѣроисповѣданію* представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

Поколѣнія.	Православные.	Уніаты.	Католики.	Протестанты.	Магометане.
1. Русское:					
Велико-Руссы.	35.314,000	—	—	—	—
Мало-Руссы.	10.154,000	2.990,000	—	—	—
Бѣло-Руссы.	2.376,000	—	350,000	—	—
2. Болгаре.	3.287,000	—	50,000	—	250,000
3. Сербы:					
Сербо-Иллиры.	2.880,000	—	1.864,000	—	550,000
Хорваты.	—	—	801.000	—	—
Корутане.	—	—	1.138,000	13,000	—
4. Поляки.	—	—	8.923,000	442,000	—
5. Чехи.	—	—	4.270,000	144,000	—
Словаки.	—	—	1.953,000	800,000	—
6. Лужичане:					
Верхніе.	—	—	10,000	88,000	—
Нижніе.	—	—	—	64,000	—
Итого.	54.011,000	2.990,000	19.359,000	1.551,000	800,000

Отсюда проистекаютъ два очень важныхъ вывода: во первыхъ, что *племя Русское*, одно, *составляетъ* болѣе *двухъ третей всего обширнаго семейства Славянъ*; прочія же племена Славянскія относятся къ нему въ слѣдующемъ порядкѣ:

Поляки.	1: 5, 4
Сербы	1: 7, 0
Чехи съ Словаками . . .	1: 7, 1
Болгаре.	1: 14, 2.
Лужичане (Сорабы) . . .	1: 359, 3

Двадцатая доля нашего племени Русскаго находится внѣ предѣловъ Россійской Имперіи, подъ властію Австрійцевъ: въ Венгріи и Галиціи; тамъ Русскихъ называютъ Русинами и Руснаками.

Второй выводъ, что *Православіе можетъ* быть *названо господствующего религіею всего Славянскаго народонаселенія въ Европѣ*, а именно:

Православныхъ болѣе. . . $\frac{2}{3}$

Уніатовъ остается около $\frac{1}{27}$

Католиковъ, около. . . . . $\frac{1}{4}$

Протестантовъ, съ небольшимъ $\frac{1}{51}$

Магометанъ, около. . . . . $\frac{1}{99}$

Познакомимся ближе съ землями нашихъ единоплеменниковъ на юго-западѣ — съ племенами Болгаръ и Сербовъ, на сѣверо-западѣ—съ племенами Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ и Лужичанъ или Сорабовъ, принявъ къ соображенію прекрасное обозрѣніе Шафариковой Народописи (*), помѣщенное г-мъ Срезневскимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (**).

Болгарскія земли, примыкая съ востока къ Черному морю, съ сѣвера омываются Дунаемъ, который отдѣляетъ Болгаръ отъ Волоховъ; съ запада простираются до земель Сербскихъ, отдѣляясь отъ нихъ Тимокомъ, Болгарскою Моравой и Шорскими горами, и до земли Албанской, т. е. до горъ между бассейнами Дрима и другихъ рѣкъ Адріатическаго моря и бассейномъ Вардара, впадающаго въ Архипелагъ, на югъ примыкаютъ къ землѣ Греческой по чертѣ отъ Костури черезъ Солунь (Θессалоника) и Дринополь (Адріанополь) къ Актсополю, только у Солуня достигая берега Архипелага. Вся эта земля принадлежитъ къ владѣніямъ Турецкаго Султана и управляется двѣнадцатью Пашами, которые живутъ (въ собственно-Болгаріи:) въ Силистрѣ, Русчукѣ, Виддинѣ, (въ Мизіи:) въ Софіи, Нишѣ (Nis-

(*) Шафарикова Slovanský Narodopis вполнѣ переведена О. М. Бодянскимъ и помѣщена въ «Москвитянинѣ» 1843 года.

(**) Ж. М. Н. Пр. 1843., № 4, часть XXXVIII, отдѣленіе VI, стр. 1—50. Этотъ писатель лично узналъ тѣ земли, во время своего путешествія, и голосъ его въ семъ случаѣ имѣетъ авторитетъ. Г-нъ Срезневскій очень справедливо оцѣнилъ историческіе труды Шафарика, не увлекся ими, и потому-то именно Русская Литтература должна многаго ожидать отъ самостоятельнаго взгляда г. Срезневскаго, если онъ будетъ заниматься разработкою Исторіи Славянскихъ племенъ, слѣдуя тѣмъ логическимъ путемъ, который указанъ незабвеннымъ Венелинымъ.

sa), *Лесковцѣ*, Врани, (въ Македоніи:) въ Толи—монастырѣ, Скопьи (Ускубѣ), Солуни, Серѣ (Seres), (во Ѳракіи:) въ Дринополѣ. Жителей, кромѣ Турокъ, Грековъ и пр., которые живутъ большею частію въ городахъ и около нихъ, А. Буе считаетъ до 4,500.000, а Шафарикъ, полагая это число преувеличеннымъ, уменьшаетъ до 3,500,000. Кромѣ того Болгаре живутъ въ небольшемъ числѣ въ другихъ областяхъ Турецкихъ: въ Албаніи, у Царяграда, въ Малой Азіи, въ Валахіи, Сербіи, Греціи, Венгріи (*) и Россіи (особенно въ Бессарабіи по лѣвую сторону Дуная на югъ отъ Кагальника, и на востокъ отъ Прута): всего около 100,000, или, какъ полагаетъ Шафарикъ, около 87,000.

Земли Сербскія, на востокѣ примыкая къ землѣ Волошской по чертѣ отъ Арада и Темешвара къ Бѣлой Церкви (Weisskirchen) и Дунаю у того мѣста, гдѣ съ юга впадаетъ въ него рѣчка Пекъ, а потомъ Дунаемъ до Тимока, отдѣляются отъ Болгарскихъ земель вышеозначенной границею, и отъ земли Албанской — рѣчкою Бѣлымъ Дримомъ, горами изъ которыхъ она вытекаетъ, озеромъ Скадрскимъ (lago di Scutari) и р. Бояной; на югѣ-западѣ омываются Адріатическимъ моремъ и доходятъ (?) до Сени; на сѣверо-западѣ отдѣляются отъ земель Хорватскихъ по излучистой чертѣ отъ Сени къ Карловцу и р. Колпѣ-Купѣ, потомъ по этой рѣкѣ и р. Лони, далѣе къ Бѣловару и за Драву; на Сѣверѣ примыкаютъ къ землѣ Мадярской по чертѣ отъ вел. Сигета къ Печугу (Fünfkirchen), Мугачу (Mohatsch) и р. Тисѣ, а далѣе, р. Марошью до Арада. Часть этихъ земель принадлежитъ къ владѣніямъ Турецкаго Султана, часть къ владѣніямъ Австрійскаго Императора, а часть пользуется нѣкоторою независимостью подъ вліяніемъ и покровительствомъ другихъ властей.—Часть, принадлежащая Турецкому Султану, управляется пашами, живущими (въ Мизіи:) въ Приштинѣ, (въ Албаніи:) въ Пекѣ, Призренѣ и Скадрѣ (Scutari), (въ Герцеговинѣ:) въ Мостарѣ, и визиремъ Боснійскимъ, живущимъ (въ Боснѣ) въ Травникѣ и начальствующимъ надъ пашами (въ Боснѣ) Новобазарскимъ и Зворницкимъ; границы между Турціей и Австрійскими владѣніями извѣстны.—Княжество Сербія граничитъ съ сѣвера Дунаемъ и Савой, съ запада Дриной до Вышеграда, съ юга, горами идущими между Вышеградомъ, Новымъ Базаромъ и Нишемъ, а съ востока Тимокомъ.—Черногорье, простирается отъ горъ Кома на югъ съ востока къ Спужу, озеру Скадрскому и до приморскихъ горъ у Ластвы, а съ запада къ полю Грахову и горамъ,

---

(*) По статистикѣ Венгріи, изданной г-мъ Феньешомъ (Fényes), который пользовался оффиціальными актами, Болгаръ въ Венгріи 12,000.

возвышающимся надъ Которомъ (Cattaro), такъ что берегъ моря между Которомъ и Ластвой не принадлежитъ Черногорью. — Все остальное пространство, на югъ отъ Черногорья, Герцеговины и Босны, на западъ отъ Босны, на сѣверъ отъ Босны и Сербіи, до Савы и Дуная, принадлежитъ къ владѣніямъ Австрійскаго Императора, составляя Королевство Далмацію, военную границу Хорвато-Славонскую, Королевство Славонію и южные края Королевства Венгерскаго (столицы Бараняискую, Бачскую, Торонтальскую, Темешварскую), и военную границу Банатскую (частью). Тутъ надобно замѣтить ошибку Шафарика: напрасно онъ причисляетъ Истріянъ, Венгерскихъ Поморянъ, сѣверныхъ островитянъ Адріатическихъ, равно какъ и Бѣлыхъ Краинцевъ, Чакавцевъ къ Сербамъ. Все это Хорваты, что уже отчасти и самимъ Шафарикомъ замѣчено въ «Славянскихъ Древностяхъ» (стр. 664 — 665): вотъ почему г. Срезневскій западную границу Сербскихъ земель обозначилъ (едва ли впрочемъ совершенно точно) иначе, нежели какъ стоитъ у Шафарика. Счетъ жителей долженъ тоже измѣниться: въ части Турецкой Шафарикъ считаетъ 1.550,000 Сербовъ, въ Сербіи 950,000, въ Черногорьи 100,000 (по Срезневскому 90,000), въ Австрійскихъ владѣніяхъ (вычитая 294,000 Хорватовъ) 2.400,000. Итого 5.000,000. Въ этомъ числѣ находятся и тѣ немногія тысячи Сербовъ, которые живутъ въ Венгріи, на сѣверъ отъ означенной границы, въ Хорватскомъ Королевствѣ, въ Турціи. Въ Ново-Россійскомъ же краѣ (прежней Ново-Сербіи) по Шафарику 100,000 (кажется, менѣе).

Земли *Хорватскія*, находясь во владѣніяхъ Австрійскаго Императора, отдѣляются на Востокъ отъ земель Сербскихъ по вышеозначенной границѣ, за которою остаются Сѣверные острова Адріатическіе, т. е. Кварнерскій Архипелагъ съ половиною острова Пага и другими малыми; на западъ идутъ до границъ земель Хорутанскихъ, по чертѣ горъ Чичскихъ къ р. Колпѣ-Купѣ, и далѣе по границѣ Краины и Штиріи до р. Мура, и за нее. Такимъ образомъ онѣ занимаютъ Королевства Кроацію, западную часть Хорватской границы, Венгерское поморье (Litorale) и Истрію, и кромѣ того кое-какія части Венгріи (въ столицахъ Саладской, Шомодской, Желѣзной (Eisenburger), Шопронской (Oedenburger) и пр.) на границѣ Штиріи и Австріи. Всего, по счету Шафарика, Хорватовъ 801,000; а прибавя вычтенныхъ изъ числа Сербовъ 294,000, выйдетъ около 1.100,000 (1.095,000). Между Хорватами, какъ и между Австрійскими Сербами, живутъ Нѣмцы, Италіянцы, Венгры (Мадяры), но они не включены въ это число, да и количество ихъ незначительно.

Хорутанскія земли простираются на западъ отъ земель Хор-

ватскихъ, по Крайнѣ, Горицкой землѣ (Görz, Gorizia), восточному краю Фріуля, т. е. на востокъ отъ рѣки Тая (Tajo, Tajamento) и Бѣлой (Fela), южной Каринтіи за р. Зилю и Драву, по чертѣ отъ Бѣляка къ Радгони, и за Муромъ въ Венгріи па границѣ Штиріи (въ столицахъ Желѣзной, Саладской и пр.). Жителей, кромѣ Нѣмцевъ, Италіянцевъ и пр., по Шафарику, около 1.150,000 (1.151,000).

Такимъ образомъ земли Славянъ юго-западныхъ, Задунайскихъ, примыкая къ морямъ Адріатическому и Черному, съ юга граничатъ съ землями Албанцевъ и Грековъ, а съ сѣвера съ землями Италіянцевъ, Нѣмцевъ, Мадяровъ и Волоховъ. Славянскаго народонаселенія въ нихъ, по счету Шафарика, округленнымъ числомъ около 11.000,000. На сѣверъ, за Нѣмцами Австрійскими, Мадярами и Волохами, живутъ опять Славяне, простираясь на югъ до южныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ и до Шумавы (Böhmer Wald), на западъ до Рудныхъ горъ и Исполиновыхъ, по верхней Одрѣ, верхней Вартѣ и до Балтійскаго моря за Гданскъ (Danzig), гранича съ одной стороны съ Нѣмцами, съ другой съ Литовцами, и ничѣмъ не отдѣляясь отъ Русскихъ. Въ этомъ пространствѣ Шафарикъ полагаетъ Славянъ болѣе 16.500,000; всѣ они принадлежатъ къ племенамъ Словаковъ, Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ.

Словацкія земли, находясь во владѣніяхъ Австрійскаго Императора, простираются по при-Карпатской части Венгріи и Моравіи. Дунай и Ипель были бы южной границей ихъ, если бы и по лѣвую сторону Дуная (въ столицахъ Прешпурской, Комарнской и Гонтанской) не было Мадяровъ, такъ что и острова Чалкöзъ и понизовья Грона (Gran) исключительно заселены ими. На Западѣ за Прешпуркомъ граница идетъ по рѣкѣ Моравѣ до границы Моравской, отдѣляющей Словаковъ отъ Нѣмцевъ, и далѣе по лѣвой сторонѣ Моравы къ Градищу и Австрійской Силезіи, гдѣ Словаки граничатъ съ Моравскими Чехами. На Сѣверѣ Татры (Западные Карпаты) отдѣляютъ Венгрію отъ Галиціи и Словаковъ отъ Поляковъ. На востокѣ доходитъ до р. Лаборцы (Laboriza) и верховій Ондавы, оставляя впрочемъ верховья обѣихъ рѣкъ за Малоруссами, съ которыми тутъ Словаки граничатъ; въ столицѣ Унгварской Словаковъ очень мало, а въ столицѣ Землинской (Zempliner) не очень много Малоруссовъ. На этомъ пространствѣ, — занимающемъ столицы Нитранскую, Тренчинскую, Турчатскую (Turoczer), Оравскую (Arvaer), Липтовскую, Зволенскую (Sohler), Спишскую (Zipser), Шаришскую, и части Землинской, Гöмöрской, Гонтанской, Гевешской, Прешпурской и др., — исключая Нѣмцевъ, населившихъ пространство на югъ отъ собственно-Татръ около Кежмарка, Левочи (Leutschau) и Смольника (Schmölnitz) къ Кошицамъ (Kaschau), и въ другихъ

мѣстахъ колоніями, живутъ Словаки. Кромѣ того они живутъ и на югъ отъ означенной границы къ Пешти и еще далѣе, окруженные Мадярами. Границы Словацкихъ земель означены у Шафарика не совсѣмъ такъ, — именно: онъ исключилъ восточный край Моравіи (часть Градищскаго и Преровскаго уѣздовъ) на западѣ, гдѣ живутъ Словаки и Волохи, такіе же какъ и далѣе на востокъ; а на востокѣ выключилъ изъ числа Словаковъ — Уніатовъ Пряшовской (Eperieser) епархіи (въ столицахъ Спишской, Шаришской и Землинской), между тѣмъ какъ они почти всѣ только по Вѣрѣ называются Русинами, а по нарѣчію принадлежатъ къ Словакамъ. Словаковъ, по счисленію Шафарика, 2.753,000; прибавимъ къ тому 47,000 Моравскихъ и около 200,000 Словаковъ-Уніатовъ, выйдетъ общимъ числомъ 3.000,000. Изъ этого числа въ вышеозначенныхъ границахъ можно считать, по мнѣнію г. Срезневскаго, около 2.700,000.

Чешскія земли простираются на западъ отъ Словацкихъ; окруженныя съ другихъ сторонъ землями Нѣмецкими и только угломъ примыкая къ Польскимъ, онѣ заключаютъ въ себѣ: 1) Моравію, исключая восточный край, занятый Словаками, а выше (въ уѣздѣ Тѣшинскомъ Австрійской Силезіи) Поляками, также сѣверный край (въ уѣздахъ Опавскомъ и Оломуцкомъ, однако жъ не сполна) и южный (въ уѣздѣ Знаимскомъ), занятые Нѣмцами (которые впрочемъ разселились и въ другихъ мѣстахъ Моравіи); 2) Богемію или Чехію, исключая на сѣверѣ погорье Исполиновыхъ горъ (части уѣздовъ Кралевоградецкаго (Königgratzer), Быджовское (Bidschower), Болеславское (Bunzlauer) и Лютомѣрицкое (Leitmeritzer, почти всего) и погорье Рудныхъ горъ (всего Жатецкаго (Saatzer) и Локотскаго (Ellbogner) уѣздовъ), а на западѣ и югѣ погорье Шумавы (въ уѣздахъ Пълзенскомъ (Pilsener), Клатовскомъ, Прахинскомъ и Будѣёвицкомъ (Budweiser), гдѣ также разселились Нѣмцы. Только очень небольшой уголъ Силезіи Прусской, принадлежащей къ владѣніямъ Прусскаго Короля, у границъ Австрійской Силезіи, долженъ быть отчисленъ сюда же. Въ другихъ мѣстахъ Австріи и Пруссіи Чехи живутъ колоніями въ небольшомъ количествѣ. Въ вышеозначенныхъ границахъ, за исключеніемъ Нѣмцевъ, Шафарикъ считаетъ 4.370,000 Чеховъ, принадлежащихъ Австрійской коронѣ, и 44,000 коронѣ Прусской; всего около 4.400,000 (4.414,000).

Лужицкія земли находятся во владѣніяхъ Королей: Прусскаго (Сѣверная часть: въ Бранденбургѣ и Силезіи) и Саксонскаго (южная часть: въ Восточной Саксоніи), и окружены со всѣхъ сторонъ Нѣмцами. На сѣверѣ Лужицы (Lausitz) Славянскія начинаются у Шпревскихъ болотъ (Spreewald) южнѣе Франкфурта на Оде-

рѣ; на западѣ не доходятъ до р. Ольстры и Дрездена, на югѣ не доходятъ до Исполиновыхъ горъ и Житавы (Zittau); на западѣ простираются до р. Нисы, не доходя впрочемъ Сгорѣльца (Görlitz) и Прибуса. Жителей Славянъ (Сорабовъ) считаетъ Шафарикъ менѣе 150,000 (142,000).

Земли *Польскія*, — которыхъ главнѣйшая часть составляетъ Царство Польское, остальное же находится во владѣніяхъ Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго, и въ области Краковской, состоящей подъ покровительствомъ трехъ Государей, — простираются на сѣверъ отъ земель Словацкихъ и Чешскихъ. Изъ Австрійскихъ владѣній сюда принадлежатъ: восточная Галиція и восточная часть Австрійской Силезіи (Тѣшинскій уѣздъ); изъ Прусскихъ — юговосточный уголъ Прусской Силезіи до р. Нисы и Стобравы, и потомъ Познанское Герцогство, большая часть собственно-Пруссіи, гдѣ западная граница Польскихъ земель идетъ по чертѣ возвышенностей, отдѣляющихъ бассейнъ Вислы отъ бассейна Слупы (Stolpe) и доходитъ подъ 35° до берега Балтійскаго моря, которымъ и идетъ до самаго Гданска и Вислы. Далѣе, восточный, даже частію и западный берегъ Вислы до Торна и поморье за Королевецъ (Кенигсбергъ) на югъ къ болотамъ, изъ которыхъ выходятъ рѣчки, текущія тамъ въ море, заняты Нѣмцами; за ними, по чертѣ отъ Королевца до Гродна на сѣверъ, простираются Литовцы. Остальная южная часть Пруссіи занята Поляками. Въ Царствѣ Польскомъ живутъ Поляки, исключая губернію Августовскую на сѣверѣ, гдѣ земля занята Литовцами, и губерніи Подлясскую и Люблинскую, занятыя Малороссами. На востокѣ Поляки живутъ до черты, идущей отъ Гродна къ Бѣлостоку, Бѣльску, р. Бугу, на западъ отъ Немирова, р. Вепрю, Сану, Ярославлю Галицкому, Саноку и до горъ Карпатскихъ. Поляки разселились и внѣ этихъ границъ, какъ между Нѣмцами, такъ еще болѣе между Литовцами и Русскими, и особенно въ восточной Галиціи и западныхъ губерніяхъ Россіи. Шафарикъ считаетъ Поляковъ 9.365,000; но это число весьма преувеличено, какъ думаетъ г. Срезневскій: если и оставить во владѣніяхъ Австрійскихъ 2.340,000 (2.341,000) и въ Прусскихъ 1.980,000 (1.982,000); то все же не льзя считать въ западныхъ Русскихъ губерніяхъ 1.184,000, и едвали даже 800,000, — тѣмъ болѣе, что никакъ не льзя называть Поляками тѣхъ, кои приняли Польскій языкъ и Римскокатолическую вѣру, но коихъ предки жили тутъ же, говорили языкомъ Русскимъ и исповѣдывали вѣру Православную. Прибавивъ къ этому 3.730,000 въ царствѣ Польскомъ, и 130,000 въ Краковской Области, выйдетъ всего менѣе 9.000,000 (8.980,000), изъ которыхъ въ вышеозначенныхъ границахъ можно положить около 8.000,000.

На востокъ отъ земель Польскихъ и Словацкихъ простираются земли народа Русскаго, котораго число Шафарикъ считаетъ болѣе 51.000,000 (51.184,000), между тѣмъ какъ всѣхъ другихъ Славянъ не насчитываетъ и 28.000,000. Всего же около 80.000,000.

Во сколько же времени могъ возрасти этотъ 80-милліонный гигантъ, если 25-милліонное Итальянское племя (*) простираетъ свою древность по меньшей мѣрѣ за 753 года до Р. Х. (**) и считаетъ почти 2600 лѣтъ своей жизни? если даже небольшое племя Греческое (Эллинское), — составляющее въ Греческомъ Королевствѣ, въ Турецкихъ владѣніяхъ и въ Россіи, всего только до 3.000.000 народонаселенія, — возводитъ свою древность слишкомъ за тысячу лѣтъ до Христіанской эры? На сколько же лѣтъ жизни имѣетъ право 80-милліонный исполинъ Славянскій — подумайте, господа историки!

(*) Итальянцевъ во Франціи полагаютъ до 200,000; въ Астрійскихъ владѣніяхъ до 4,800,000; въ собственной, независимой Италіи съ небольшимъ 21,000,000; всего 25 милліоновъ.

(**) По мнѣнію Нибура, гораздо древнѣе.

II.

НОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ

О

СКИѲАХЪ, САРМАТАХЪ, ГУННАХЪ

И

СЛѢДЫ ДРЕВНѢЙШАГО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РУССКОЙ ЗЕМЛѢ.

Въ началѣ предыдущей статьи я сказалъ, что одинъ взглядъ на таблицы Славянскаго народонаселенія въ Европѣ достаточно можетъ убѣдить каждаго, что подъ именемъ Скиѳовъ (чужаковъ), Савроматовъ (ящероглазыхъ), Гуновъ или Обровъ (великановъ) и проч. разумѣлись у Греческихъ и Римскихъ писателей не кто иные, какъ наши предки, Русь и ихъ Славянскіе единоплеменники. Кромѣ множества доказательствъ, предложенныхъ Венелинымъ, Морошкинымъ, Эйхвальдомъ, и въ моихъ изслѣдованіяхъ о временахъ мнимаго переселенія народовъ, вотъ еще нѣсколько новыхъ извѣстій, служащихъ поясненіемъ и подкрѣпленіемъ прежнихъ.

Припомнимъ свидѣтельства о проповѣди Евангелія въ нашей Русской Скиѳіи. Оригенъ [1], Евсевій [2], Аѳанасій Великій [3], Іоаннъ Златоустъ [4], Іеронимъ [5], Августинъ [6], и другіе писатели Восточной Церкви свидѣтельствуютъ, что св. Апостолъ Андрей проповѣдывалъ ученіе Христово въ Скиѳіи. Никита Пафлагонъ [7] въ похвальномъ словѣ св. Апостолу Андрею опредѣлительно говоритъ: «ты, святый Андрей, получивъ по жребію востокъ, обошелъ Иверовъ, *Савроматовъ*, *Тавровъ*, *Скиѳовъ* и всѣ страны и города, прилежащіе Понту Эвксинскому съ востока и юга.» То же самое подтверждаетъ Никифоръ Каллистъ [8]: «Апостолу Андрею по жребію

---

(1) Orig. lib. III, in Genes.
(2) Evsebii Pamphil. Histor. Eccles. lib. III, cap. 3.
(3) Athanas. Oper. t. II, p. 87.
(4) Sermo in Sanct. XII Apostol. t. VI, p. 270.
(5) Jeron. Epistol. 58, ad Marcel.
(6) Augustin. de Fide, c. XXVIII.
(7) Maxim. Biblioth. Patr. veter. t. XXVII, orat. II, p. 588.
(8) Niceph. Histor. Eccles. t. I, lib. II, p. 199 — 200.

досталось проповѣдывать въ Каппадокіи, Галатіи и Виѳиніи, откуда онъ перенесъ Евангельскую проповѣдь въ поселенія Антропофаговъ, а отсюда *въ Скиѳскія степи* и былъ какъ въ южныхъ, такъ и *въ сѣверныхъ предѣлахъ Понта Эвксинскаго.»* Церковное преданіе о проповѣди Андрея Первозваннаго Русскимъ Славянамъ было извѣстно и нашему лѣтописцу, преподобному Нестору. Байеръ, Шлёцеръ и Добровскій, направляя всѣ усилія къ тому, чтобы поколебать вѣру въ справедливость преданій нашей Церкви, предполагали, что разсказъ Нестора есть *повѣсть,* вставленная въ его лѣтопись, *вѣроятно,* какимъ нибудь *позднѣйшимъ* переписчикомъ. Ученый Шафарикъ въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» ([1]) очень удачно опровергъ эти предположенія: «Шлёцеръ и Добровскій имѣли ту слабость», пишетъ онъ, «что *все, что въ Несторовой лѣтописи не соотвѣтствовало системѣ ихъ мнѣній,* считали или вымыслами и легендами, или же подозрительнымъ и прибавленнымъ въ послѣдствіи. Оба эти иперъ-критики хотѣли имѣть Несторову лѣтопись такою, какую бы они сами написали въ свое время, почему, какъ это сказаніе о св. Андреѣ, такъ и слѣдующія за нимъ о Меѳодіи, и многія другія, старались исключить изъ Нестора, утверждая въ одномъ мѣстѣ, что они суть просто выдумки, а въ другомъ, что не старѣе XV вѣка, и что если бы можно было сыскать рукопись XIV вѣка, то безъ сомнѣнія ихъ не нашли бы въ ней. Но *обстоятельства изобличили ихъ пустые вымыслы,* потому что рукопись Троицкая, принадлежавшая XIV столѣтію (къ сожалѣнію сгорѣла въ 1812 году) и Лаврентьевская (писанная 1377 года) содержатъ въ себѣ всѣ эти мнимыя вставки; а рукопись 1377 года списана «изъ книгъ ветшаныхъ», что̀ подтверждаютъ и пробѣлы, т. е. мѣста недописанныя. Не лучше ли будетъ думать такъ: Несторъ не былъ такимъ иперъ-критикомъ, какъ Шлёцеръ или Добровскій; напротивъ онъ былъ простосердечнымъ Христіанскимъ монахомъ XI вѣка, вѣрившимъ, вмѣстѣ съ Русскимъ народомъ, въ то, что святый Андрей дѣйствительно приходилъ на Русь.» Шафарикъ, какъ лютеранинъ, отсюда выводитъ только то, что «Славяне если не старожилы на сѣверѣ, то по крайней мѣрѣ *весьма древній* народъ» ([2]), и «сказаніе о св. Андреѣ далѣе не простирается» ([3]), предполагая, будто бы «этого извѣстія, о пребываніи Апостоловъ Павла (въ Иллирикѣ) и Андрея (на Руси) между Славянами, не льзя

([1]) Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика. Переводъ Чешскаго О. М. Бодянскаго, кн. II, стр. 81 — 82.

([2]) Тамъ же, кн. II, стр. 80.

([3]) Тамъ же, стр. 82.

доказать и утвердить никакими историческими доводами» (¹). Но этому противорѣчатъ не только выше-приведенныя мною свидѣтельства писателей Восточной Церкви, но и преданія Западной Церкви. Посланіе Папы Іоанна X (914 — 929) къ Томиславу Хорватскому и Михаилу Захлумскому, извѣстное и самому Шафарику, невольно ввело его въ противорѣчіе. Папа Іоаннъ X пишетъ: «кто въ самомъ дѣлѣ сомнѣвается о томъ, что *Славянскія государства* числятся *между первоначатками Апостоловъ и Вселенской Церкви*, пріявши *еще въ колыбели*, какъ въ пищу, *проповѣдь Апостольской Церкви* съ млекомъ вѣры, подобно какъ Саксонцы въ новѣйшее время отъ предшественника нашего блаженной память Папы Григорія (²)». Указавъ на посланіе Іоанна X-го, Шафарикъ говоритъ: «то, на что здѣсь Папа только намекаетъ, *прекрасно подтверждаютъ извѣстія Нестора*, древнѣйшаго Русскаго лѣтописца, о первобытныхъ жилищахъ Славянъ на Дунаѣ и въ древнемъ Иллирикѣ, о проповѣданіи Апостоловъ Павла и Андрея между Славянами въ Иллирикѣ и *на Руси»* (³). Если извѣстія Нестора, по сознанію Шафарика, прекрасно подтверждаютъ свидѣтельство Іоанна X-го, то и обратно; слѣдовательно, преданіе Восточной Церкви о ранней проповѣди Евангелія въ нашей Русской Скиѳіи, подтверждаемое свидѣтельствомъ и Западной Церкви, пріобрѣтаетъ еще бо́льшую достовѣрность на вѣсахъ справедливой и безпристрастной исторической критики (⁴).

Выслушаемъ еще нѣсколькихъ свидѣтелей, которые могутъ также служить важнымъ подкрѣпленіемъ той истины, что Евангеліе у насъ было проповѣдуемо еще съ первыхъ вѣковъ Христіанской эры.

Тертулліанъ, писатель Западной же Церкви, свидѣтельствуетъ, что Христіанство распространилось между Скиѳами или сѣверными народами весьма въ отдаленное время (⁵). Это свидѣтельство подтверждается точнымъ извѣстіемъ, почерпнутымъ въ источникахъ Римскаго до-Юстиніановскаго Права, о существованіи Скиѳскаго

(¹) Тамъ же, кн. I, стр. 112.

(²) Farlati Illyr. Sacr. t. III, p. 94 — 95. Katancsich de Istro, p. 205.

(³) Славян. Древн. кн. I, стр. 112.

(⁴) Для безпрестрастныхъ изыскателей истины, думаю, и сказаннаго мною уже довольно; разобрать всѣ возраженія и придирки Байера и его послѣдователей предоставляю достопочтенному сотруднику «Маяка», занимающемуся древностями нашей Церкви и указавшему намъ творенія Ѳеофилакта Болгарскаго, важный историческій матеріалъ, которымъ далѣе я воспользуюсь для объясненія генеалогіи Болгарскихъ государей IX-го вѣка.

(⁵) Tertul. Opera (Parisiis, 1598), Adversus Judeos, p. 164.

епископства, въ 381 году, въ сѣверо-восточной части Греческой Имперіи (¹). Замѣчательно также, что одно изъ нашихъ Русскихъ племенъ, Rhos, находилось по рѣкѣ Араксу и имѣло своего епископа уже въ IV вѣкѣ по Р. Х. (²).

CLV-ое *письмо Василія Великаго* (³), — относящееся къ разряду тѣхъ его писемъ, которыя онъ писалъ, будучи епископомъ, а именно къ 373 г. по Р. Х., — служитъ доказательствомъ постепеннаго распространенія Евангельскаго ученія въ нашемъ отечествѣ, съ древнѣйшихъ временъ. Изъ надписанія не видно, къ кому это письмо было писано; но изъ жизни Василія Великаго собиратели его сочиненій справедливо заключаютъ, что онъ писалъ къ Сорану, Скиоскому полководцу.

«Въ первомъ и единственномъ *письмѣ твоемъ*, котораго удостоила насъ твоя свѣтлость, много находится обвиненій, на которыя я не знаю что̀ и отвѣчать; впрочемъ не по недостатку уважительныхъ оправданій, а потому, что при такомъ множествѣ обвиненій, трудно выбрать главныя. Буду отвѣчать по порядку взносимыхъ на меня въ твоемъ письмѣ обвиненій, въ надеждѣ, что ни одно не останется безъ объясненія. — *Я* доселѣ не зналъ объ *отправляющихся въ Скиоію*, и объ *отправленыхъ тобою изъ твоего отечества* не былъ извѣщенъ, почему и не могъ чрезъ нихъ привѣтствовать тебя, хоть всегда стараюсь посылать привѣтствіе тебѣ при всякомъ встрѣчающемся случаѣ. Да и возможно ли, чтобы я забылъ тебя въ молитвахъ? Это значило бы — забыть то великое наше служеніе, къ которому призвалъ насъ Господь; ибо ты, будучи *вѣрнымъ* по благодати Божіей, конечно, *помнишь церковныя призыванія*, въ которыхъ мы молимся и за странствующую братію, за воинство, за благовѣстниковъ слова Божія и *духовныхъ подвижниковъ*, а *въ числѣ*

(¹) Jacobi Godofredi Commentar. ad Codicem Theodosionum. Примѣч. къ cap. 5 C. Th. de fide Cathol. XVI. 1.

(²) Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ, Мацѣевскаго, переводъ Ореста Евецкаго (Варшава, 1840) стр. 133. — Шафариковы Starožitnosti Slowanske, I, 506. — Впрочемъ Шафарикъ и Мацѣевскій, — вѣруя въ прежнюю гипотезу, будто Русь были Скандинавы, и слѣдственно, до Рюрика будто бы въ нашей землѣ не было Славяно-Русскихъ племенъ, — выдаютъ Кавказскую Русь за Армянъ, хотя ничѣмъ нельзя доказать, будто бы Армяне назывались Русью. А что на Кавказѣ въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. жили многія племена Славянъ, порукою изысканія П. Г. Буткова въ Сынѣ Отечества, 1839, т. X, № 8, отд. IV стр. 85 — 87, 89, 101 — 107; въ Оборонѣ Лѣтописи, стр. 271, 280.

(³) Basilii Magni opera omnia, studio Monachorum ordinis s. Benedicti e congregatione s. Mauri. T. III. p. 244. Paris. typis et sumptibus I. Baptistae Coignard. MDCCXXX.

ихъ, безъ сомнѣнія, мы молимся также и *за твою свѣтлость*. Впрочемъ я не могу забыть о тебѣ и особенно. Есть много предметовъ возбуждающихъ во мнѣ напоминанія о тебѣ: такая добрая сестра, такія дѣти сестры, такое знаменитое родство (¹) столь расположенное къ намъ, домъ, домочадцы, друзья, — все это противъ воли нашей напоминаетъ намъ о твоемъ къ намъ благорасположеніи. Что же касается до другаго, то ни братъ тотъ» (о которомъ, вѣроятно, писалъ Василію Великому Соранъ) «не причинилъ мнѣ никакаго оскорбленія; ни нами не было произнесено никакой обидной мысли, которою бы мы могли оскорбить его. Итакъ да обратится болѣзнь эта на главу тѣхъ, которые выдумали ложь, а насъ съ хореепископомъ освободи отъ ней своимъ милостивымъ прощеніемъ. Если схоластикъ тотъ» (о которомъ тоже, вѣроятно, писалъ Соранъ) «затѣетъ тяжбу, то онъ имѣетъ для того судебныя мѣста и законы. Итакъ прошу тебя не безпокоиться ни о чемъ. Чтоже касается до тебя, то, дѣлая добро, ты собираешь его себѣ самому, и облегчая участь тѣхъ, кои терпятъ преслѣдованіе ради имени Божія, ты въ день общей награды уготовляешь себѣ въ награду — помилованіе. Хорошо также сдѣлаешь, если и *мощи мучениковъ* вышлешь изъ отечества, въ которомъ, какъ ты писалъ намъ, *преслѣдованіе* еще и доселѣ уготовляетъ Господу мучениковъ.»

Вотъ еще любопытный отрывокъ изъ письма Блаженнаго Іеронима (по сборнику. Каталани въ II-й кн. XV), *къ Летѣ*, родственницѣ знаменитыхъ Римлянъ-Гракховъ, *о воспитаніи дочери*; изъ него также видно проповѣдываніе Евангелія между обитателями древней Руси: « . . . Боги народовъ нѣкогда останутся на пустыхъ высотахъ съ одними совами и ночными птицами: знамена воинскія суть знаменія креста; царскія багряницы и блестящіе драгоцѣнные камни діадимъ украшаетъ изображеніе спасительнаго орудія смерти Христовой; уже Египетскаго Сераписа замѣняетъ Богъ Христіанскій. *Марнасъ*, заключенный въ Газѣ, плачетъ и постоянно трепещетъ за цѣлость храма своего. Изъ Индіи, Персіи и Еѳіопіи ежедневно приходятъ къ намъ цѣлыя сонмища монаховъ. Армяне бросили свои колчаны; *Гунны изучаютъ Псалтирь; хладная Скиѳія согрѣвается огнемъ истинной Вѣры*; войско рыжихъ и бѣлокурыхъ *Гетовъ* (²) или Даковъ *всюду носитъ съ собою походныя церкви:* и можетъ быть, потому они воюютъ противъ насъ съ рав-

---

(¹) Парижскіе издатели твореній Василія Великаго держатся того мнѣнія, что Василій Великій былъ родственникъ Сорану, но не опредѣляютъ степени родства.

(²) Getarum rutilus et flavus exercitus.

нымъ успѣхомъ, что *исповѣдуютъ одну съ нами Вѣру*. Но я уклонился къ постороннему предмету . . . . . мое намѣреніе, возбужденное просьбами набожной Маркеллы и твоими, было—направить рѣчь къ матери, т. е. къ тебѣ, и научить—какимъ образомъ ты должна воспитывать нашу Павлу, которая, прежде нежели родилась, посвящена Христу,—которую ты обѣтами зачала прежде, нежели чревомъ.»

Значеніе именъ *Гетовъ* или *Даковъ* объяснено И. Г. Бутковымъ. «Изслѣдователю древностей Славянскихъ,» — говоритъ онъ, въ Сынѣ Отеч. 1839, № 8, с. 107, — «представятся не чуждыми Славянамъ Европейскимъ какъ *Даки* и *Геты*, такъ и тѣ *Трибаллы*, которыхъ Шафарикъ причисляетъ къ иноплеменнымъ Ѳракійскимъ народамъ (1). Имя *Даковъ* произошло, по мнѣнію Страбона, отъ *Даговъ* Кавказскихъ (2); оно на Персидскомъ языкѣ означаетъ *горцовъ*, какъ и имя *Халдовъ*, составленное изъ персидскихъ же словъ: халхъ *люди*, дагъ, *гора*, и тожественно Славянскому имени *Гр-ватовъ*, или *Горватовъ*, просто *Хорватовъ*, т. е. *горовитателей*, обитателей Карпата; и Армянскому имени *Сарматъ*, Кавказскому *Аланъ*. Нашъ Несторъ не безъ причины переноситъ на Карпатъ имя Кавказа, говоря: «Кавкасійскія горы рекше Угорскія,» (3) оно также состоитъ изъ словъ: *ку* (*гора*), *хаза* (*поясъ*, *хребетъ*), находимыхъ въ родныхъ между собою языкахъ Персидскомъ, Ассирійскомъ Курдскомъ (4). *Геты* составляли одинъ народъ съ *Даками*. Въ Геродотовы времена *Геты* жили между Дунаемъ, Чернымъ моремъ и горами Гемскими, т. е. Седмиградскими (5). Поелику Геты, занимавшіе рѣку Тирасъ или Днѣстръ, и называвшіеся по ней Тири-Гетами, имѣли водвореніе свое въ той части Бессарабіи, которая — сообразно положенію своему при морѣ, между рѣками Днѣстромъ, Прутомъ и Ботною — носитъ Турецкое имя *Буджака*, означающее *уголъ*, то слѣдуетъ допустить, что имя *Гетовъ* происходитъ отъ Сербскаго и Русскаго слова *кутъ*, которое равномѣрно знаменуетъ *уголъ*, и что по этой причинѣ Несторъ называетъ тамошнихъ Славянъ *Улучами*, т. е. Угличами (6). *Трибаллы*, знакомые Геродоту, населяли Нижнюю Мизію, гдѣ въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х, по сказанію Паппа Александрійскаго, обитало 25 племенъ

(1) Славян. Древн. III, 165.

(2) Страб. кн. VII, гл. 3, XI, 9; Плин. кн. IV, гл. 25.

(3) Лаврент. Лѣт. с. 2; Кенигсберг. Лѣт. с. 4; Радзивилов. рукопись.

(4) Сравн. Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій,

(5) Геродотъ, кн. IV. гл. 49, 93, 96, 98.

(6) Лаврентьев. Лѣт. с. 7, — Мальтъ-Брюнъ признаетъ Геродотовыхъ Гетовъ за Славянъ, въ своей сокращенной Исторіи Географіи.

Славянъ, извѣстныхъ при Дунаѣ тогда же и Кесарію ([1]). Страбонъ говоритъ, что *Трибаллы* былъ народъ нѣкогда *могущественный и сильный*, а Халкондила называетъ *Трибалловъ народомъ древнѣйшимъ во вселенной и величайшимъ*; онъ признаетъ ихъ прямо за *Славянъ*, и къ тому присовокупляетъ, что *Трибалламъ* принадлежитъ также и имя *Браховъ* ([2]), т. е. тѣхъ же Прокопіевыхъ сѣверо-Саппрскихъ *Бруховъ*, Споровъ, Нориковъ; ибо названіе *Трибалліи*, какъ и Далматской *Тарбуніи*, есть географическое, заключающее въ себѣ Виндо-Славянскія слова: *тербухъ*, *требухъ*, *утроба*, *чрево*, *брюхо*, съ присловіемъ *вели* — *веліи*, *великіе* ([3]).» Въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи «Оборона Лѣтописи Русской, Несторовой» (с. 259) П. Г. Бутковъ повторилъ это же самое. Несторовыхъ Тиверцевъ онъ признаетъ именно за Тиритовъ или Тиригетовъ (Тюрагетовъ), обитателей Тюраса (Тура, Днѣстра).

Имя Гунновъ, смутившее Дегиня, объяснено мною въ Предисловіи къ Историко-Критическимъ изслѣдованіямъ Ѳ. Л. Морошкина. Повторю прежде сказанное. А. Ѳ. Вельтманъ давно уже замѣтилъ, что нашъ Русскій народъ, по свидѣтельству Арабовъ, всегда отличался необыкновенно большимъ ростомъ, въ сравненіи съ другими народами; почему имя Руси, Rise, перешло у Скандинавовъ въ значеніе *великановъ*. Венелинъ объяснилъ, что имя Obr'овъ, obrin, obr, на западно-Славянскихъ нарѣчіяхъ значитъ *великанъ*; разбирая Исторію сѣверо-восточной Европы я показалъ значеніе имени Hun'овъ, согласно съ мнѣніемъ знаменитаго Гримма, что hun, hune, на древне-сѣверномъ Нѣмецкомъ нарѣчіи значитъ *великанъ*. Не ясно ли теперь, отчего Скандинавы звали нашу Россію, какъ землю людей рослыхъ по преимуществу, Rise-land и Chuni-gard? Удивляться ли послѣ того, что жителей нашей Руси южные Европейцы звали Hun'ами и Obr'ами? Они получали свѣденія о нашей сторонѣ двумя путями, Дунайскимъ и Рейнскимъ: первымъ отъ Славянъ — и вотъ вамъ Obri, вторымъ отъ Нѣмцовъ, Скандинавовъ —

([1]) Maxima Bibliotheca Patrum, V, 775, Моисей Хоренскій, въ Географ. с. 337, 340, 347; Лаврент. Лѣт. с. 5; Шлёцеръ въ «Несторѣ,» т. I. с. 226, 229. — Авторъ «Славянскихъ Древностей» (II, 264), ссылаясь на Моисея Хоренскаго, насчиталъ вмѣсто 25, только 7 Славянскихъ племенъ. Ему памятно было число сіе по случаю поступленія Славянъ, въ 678 году, въ составъ Болгарскаго государства.

([2]) Страб. кн. VII, гл. 5; Memor. popul, II, 339, 339, — Имя *Трибалліи* и теперь существуетъ въ Сербіи, между рѣками Савою и Дриною.

([3]) Статья «О Спорахъ и Норикахъ» въ Вѣстникѣ Европы, 1820, № 8, с. 283, — Memor. popul. I, 756, — II, 114, 160, — III, 114, 115, 172

и вотъ вамъ Huni: и то и другое равно значатъ исполины, великаны, рослые, т. е. просто Россіяне.

Монгольскіе Хіонъ-ну, по свидѣтельству Китайцевъ, никогда не оставлявшіе Монголіи, не имѣютъ никакого отношенія къ Европейскимъ Великанамъ (по западно-славянски Obr'амъ, по-нѣмецки Hun' амъ), то есть обитателямъ древней Россіи. Дегиня обмануло *случайное созвучіе* двухъ словъ, принадлежащихъ къ двумъ совершенно различнымъ языкамъ. Знаменитый соотечественникъ нашъ, О. Іакинѳъ Бичуринъ еще въ 1828 году указалъ *источникъ всей кутерьмы* Дегиня, потащившаго Монгольскихъ Хіонъ-ну въ Азію, и своевольно превратившаго одни племена въ другія. Въ отвѣтъ г. Клапроту, помѣстившему свои замѣчанія къ Французскому переводу «Путешествія Тимковскаго въ Китай чрезъ Монголію», О. Іакинѳъ пишетъ: «Дегинь опустилъ изъ виду *важную истину*, что Монголія, извѣстная въ продолженіи XX вѣковъ подъ *разными названіями*, заимствовала оныя *не отъ народовъ*, а отъ Домовъ, обладавшихъ сю» (¹). Ученый хинезистъ нашъ, котораго авторитетъ признанъ былъ въ Парижѣ необходимымъ для рѣшенія спора между Французскими оріенталистами (²), совѣтуетъ «съ крайнею осторожностію пользоваться не токмо твореніями г. Клапрота, но сочиненіями и другихъ оріенталистовъ, послѣдователей его, и особенно Дегиня, который *положилъ основаніе ложной системѣ о различныхъ народахъ обитавшихъ въ Монголіи*, ибо сія система *производитъ безпорядокъ во Всеобщей Исторіи народовъ* и замѣшательство въ согласованіи самихъ историковъ между собою» (³). Прислушайте еще, господа: «Дегинь *темно понималъ* Китайскую Исторію, изъ которой почерпалъ матеріалы для своего творенія; оттого *показались ему* прерывчивости въ цѣпи происшествій. Желая связать ихъ своими *догадками*, онъ, *безъ дальнихъ соображеній*, поставилъ Гунновъ, Турковъ и Монголовъ главными народами въ Монголіи, отъ которыхъ произвелъ множество другихъ отраслей въ Азіи, и даже нашихъ Донскихъ Казаковъ. Абель-Ремюза и Клапротъ *нашли недостатки* въ Дегиневомъ расположеніи народовъ Монголіи; но вмѣсто того, чтобъ обратиться къ Китайской Исторіи, какъ единственному источнику свѣдѣній о Монгольскомъ народѣ, сами пустились въ *догадки*» (⁴), а каковы эти догадки, можете судить уже изъ одного того, что «въ исторіи Монгольскаго народа цѣпь происшествій противоположна ихъ несвязной системѣ (⁵).» Помѣщенная

(¹) Московскій Телеграфъ, 1828, часть XXI, стр 474.

(²) Потье и С. Жюльеномъ, см. Маякъ, 1842, № 11.

(³) Москов. Телегр. 1831, ч. XXIX, с. 229—130.

(⁴) Тамъ же, с. 82. (⁵) Тамъ же с. 83.

въ *Запискахъ о Монголіи,* О. Іакинѳомъ, «краткая исторія Монгольскаго народа, будучи буквально извлечена изъ лѣтописей Китайскихъ, совершенно раскрываетъ *нелѣпость* парадоксовъ, на которыхъ Клапротъ предпринялъ основать (въ Tableaux historiques de l'Asie) *сумазбродную свою систему* о различныхъ народахъ, обитавшихъ въ Монголіи. Монголы, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ, имѣли непосредственныя сношенія съ Китаемъ, и Китайцы писали Исторію сего народа въ связи съ своею, не по запискамъ частныхъ людей а съ фактовъ правительства (1).» Показавъ, что Монголы всегда жили постоянно въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и нынѣ, О. Іакинѳъ продолжаетъ: «Парадоксы, какъ бы они ни были прикрашены, всегда останутся парадоксами, такъ какъ и *различные народы, которыми* г. Клапротъ *населилъ* Монголію, *останутся навсегда въ области мечтаній* (2)». Рѣшительный тонъ, съ какимъ Клапротъ разсказывалъ объ Азіи, о Кавказѣ и нѣкоторыхъ племенахъ въ приволжскихъ странахъ, сильно подѣйствовалъ на многихъ ученыхъ; но время его авторитета уже прошло, особенно, когда нашъ славный хинезистъ обнаружилъ степень свѣдѣній Клапрота въ языкахъ Восточной Азіи: «Клапротъ довольно свѣдущъ въ языкѣ Китайскомъ, и переводитъ изрядно, а особенно статьи, переведенныя *прежде его* другими; въ Маньчжурскомъ языкѣ имѣетъ онъ свѣдѣния весьма поверхностныя; чтожь касается до языковъ Монгольскаго, Тибетскаго и Турецкаго, всё его свѣдѣніе въ сихъ языкахъ состоитъ въ томъ, что онъ можетъ по складамъ разбирать нѣкоторыя слова, дабы, при случаѣ, прицѣпиться къ какому либо выраженію, употребленному ученымъ оріенталистомъ и опровергать его своими пустыми возраженіями (3)». Точно такому же приговору подверглись свѣдѣнія Клапрота о Кавказскихъ странахъ (4). Профессоръ Нордманъ, путешествуя по Абхазіи и Мингреліи, надѣялся воспользоваться словаремъ Клапрота; но словарь этотъ такъ вѣренъ, что никто изъ туземцевъ ничего не понялъ у Нордмана (5).

Очень жаль, что всѣ эти обличенія Клапротовыхъ неосновательныхъ разсказовъ о средней Азіи, о Кавказѣ и Уралѣ были неизвѣстны ученому Шафарику, который во многихъ случаяхъ без-

---

(1) Моск. Телегр.-1831, ч. XXIX, ст. 85.

(2) Тамъ же, с. 87.

(3) Тамъ же, с. 87.

(4) Шегренъ, въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 1838, № 99 и 1839 г. № 135; П. Г. Бутковъ въ Сынѣ Отечества 1839 года, т. X, № 8, отд. III, стр. 75, 76, 124; въ Оборонѣ Лѣтописи Русской, с. 331, 332, 336.

(5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1838 года, Ноябрь, стр. 425.

условно повѣрилъ Клапроту, почитая его «глубокомысленнымъ изслѣдователемъ исторіи и языковъ народовъ» [1] (увы!), а его пустыя догадки и предположенія «подробными и основательными розысканіями» [2] (увы! увы!)

Естественнымъ слѣдствіемъ такого неосновательнаго мнѣнія Шафарика о мнимой важности трудовъ Клапрота было то̀, что всѣ ошибки послѣдняго повторились у автора «Славянскихъ Древностей» и воспрепятствовали ему разгадать многіе вопросы, на которые накинуто Изидино покрывало единственно лѣнью ученыхъ, идущихъ не по прямой логической дорогѣ, а слѣдующихъ невѣрнымъ указаніямъ прежнихъ писателей. Обличитель Клапрота, П. Г. Бутковъ удачно обнаружилъ нѣсколько такихъ ошибокъ Шафарика, проистекшихъ главнѣйшимъ образомъ отъ его вѣры въ непогрѣшимость Клапрота (³). Такъ на прим. «въ доказательство, что Сарматы были не Славяне, Шафарикъ привелъ нѣсколько личныхъ именъ, *якобы* Алано-Осетинскихъ. Онъ заимствовалъ оныя у Клапрота, который взялъ ихъ у Гюльденштета; Гюльденштетъ же, признавъ Осетинцевъ за остатки Половцевъ, *произвольно присвоилъ Осетинцамъ* (!) выписанныя *изъ лѣтописей Русскихъ* (!) Половецкія имена: Итлара, Китана, Уруссобы, Кочія, Кунама, Яславопа, Чанегрена, Сурбара, Белгука (⁴)». Точно та же вѣра въ мнимо-основательныя догадки мнимо-глубокомысленнаго изыскателя Исторіи и языковъ, заставила Шафарика выдать Гуновъ за . . . Чухонцевъ, и написать: *»весьма вѣроятнымъ* (???) *можно полагать* (???), что Гуны были народъ *вѣтви Уральской* (!!!), племени *восточно-Чудскаго* (!!!) и еще въ своей родинѣ *перемѣшались съ Турками* (!!!) (⁵).» И до такой степени, отъ слѣпаго вѣрованія въ Клапротовскія гипотезы, *перемѣшались понятія* у трудолюбиваго и ученаго Шафарика, что свидѣтельства Прокопія, Ѳеофана, Кедрина, Беды и Гельмольда, «ясно называющихъ Гунами *Славянскія племена»* (⁶), онъ старается *перетолковать* помощію придуманныхъ догадокъ; самъ сознается, что «въ Эддѣ Гунами называются Славяне» (⁷), именно Прибалтійская Русь Варяжская; что «Славянѣ, въ Валлійскомъ кантонѣ въ Швейцаріи, и теперь еще тамошніе Нѣмцы называютъ Гунами» (⁸),

(¹) Славянскія Древности, кн. II, стр. 241.

(²) Тамъ же, стр. 250, примѣч. 24.

(³) Сынъ Отечества 1839, т. X, отд. III, стр. 75, 76.

(⁴) Тамъ же, стр. 124,

(⁵) Славянскія Древности, кн. II. стр. 250.

(⁶) Тамъ же, стр. 257, и въ I кн. стр. 111.

(⁷) Тамъ же, стр. 258.

(⁸) Тамъ же, стр. 259.

и что *ихъ же* называли Аварами Константинъ Багрянородный и другіе писатели (¹); однакожъ, не смотря на все это, не можетъ отстать отъ Клапрота, и все-таки превращаетъ Гуновъ сперва въ Чухонцевъ, а потомъ велитъ имъ еще перемѣшаться съ Турками !!! П. Г. Бутковъ справедливо замѣтилъ, что «съ тѣхъ поръ Шлёцеръ *отатарилъ* Башкировъ, принятыхъ имъ за *Финское* племя, для удобнѣйшаго изведенія Угро-Кабаровъ, то есть Славяно-Печенеговъ, теперешнихъ Венгровъ, отъ сибирскихъ Югровъ и Вуголовъ (Несторъ II, 339—343), многіе другіе писатели *позволили себѣ* подобнымъ *легкимъ способомъ—измѣнять человѣческія породы, по требованіямъ своей системы»* (²). Это замѣчаніе П. Г. Буткова прилагается очень ко многимъ страницамъ Шафарика.

Заставивъ Гуновъ изъ Русскихъ Славянъ (именно, изъ Великороссіянъ и Болгаръ) превратиться въ Чухонцевъ Уральскихъ, и потомъ въ качествѣ Чухновъ, перемѣшаться съ Турками,—Шафарикъ, подобно прежнимъ писателямъ, приказываетъ другимъ народамъ во второй половинѣ V-го вѣка истребить и послѣдніе «слабые остатки Гуновъ» (³); въ удостовѣреніе-жь этого (небывалаго) истребленія приводитъ Клапротовы Tableaux de l'Asie и Тунмановы Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Конечно, вольному — воля вѣрить чему-угодно, пожалуй хоть Бовѣ королевичу; но всякій *безпристрастный* изслѣдователь Исторіи можетъ съ полною основательностью предложить такого рода вопросы: Тунманъ, жившій въ XVIII вѣкѣ, и Клапротъ, писатель XIX вѣка, могутъ ли быть признаны за свидѣтелей происшествія, которое будто бы случилось за 1300 слишкомъ лѣтъ до нихъ, и однакожъ было неизвѣстно никому изъ современниковъ? Притомъ, какъ вѣрить этому мнимому истребленію Гуновъ во второй половинѣ V-го вѣка, когда Егингардъ, секретарь Карла Великаго, подробно описываетъ войну своего государя, въ послѣднихъ годахъ VIII столѣтія (!), съ Гунами, владѣвшими тогда Панноніею (⁴); когда лѣтописецъ Салисбургскій, въ IX вѣкѣ, также говоритъ о войнѣ Карла Великаго съ Гунами (⁵); когда изъ Византійцевъ мы узнаемъ, какъ повелители Панноніи, цари Гуновъ, принимали крещеніе: одинъ при Юстиніанѣ, въ половинѣ VI вѣка (⁶); другой при Иракліи, въ началѣ VII (⁷);

(¹) Славянскія Древности, кн. II, стр. 260, 261.

(²) Сынъ Отеч. 1839, т. X, отд. III, стр. 79.

(³) Слав. Древн. кн. II, стр. 254.

(⁴) Eginhardus in Vita Caroli Magni, an. 799.

(⁵) Anonymus Salisburgensis, an. 796.—Glagol. Glozian. p. 73.

(⁶) Anastas. Bibliothecarius, Malala, in Script. Histor. Bizant. XIX, XXIII, p. 56.

(⁷) Nicephor, in Scriptor. Hist. Bizant. VII, VIII, 8.

а князья Гуновъ, даже до начала IX-го вѣка ([1]) постепенно принимали св. крещеніе, и нѣкоторые для сей цѣли сами пріѣзжали въ Константинополь.

Говорю все это не изъ желанія унизить огромный трудъ Шафарика, имѣющій много положительныхъ достоинствъ въ разработкѣ частныхъ вопросовъ ([2]); но для того, чтобы предостеречь безусловныхъ поклонниковъ автора «Славянскихъ Древностей», безусловно принимающихъ всѣ его выводы; для того, чтобы показать, какъ иногда заблуждаются самые ученые люди, если въ основаніе своихъ изслѣдованій принимаютъ не памятники среднихъ вѣковъ, а писателей новѣйшихъ, подобныхъ Клапроту.

Обратимся опять къ извѣстіямъ современниковъ.

—

([1]) Script. Histor. Bizant. XIV, p. 337;—Monumenta Germaniae Historica, изданные Пертцемъ (Pertz) въ Ганноверѣ (1826 — 1835): Annales Laurissenses, an. 796, I, p. 182;—Ann. Laurisch I, p. 34;—въ изданныхъ Пецемъ (Pez), Rerum Austriacum Scriptores см. Chronicon monasterii Admontensis, I, p. 172.

([2]) Вполнѣ соглашаюсь съ г. Срезневскимъ, который говоритъ о «Славянскихъ Древностяхъ» Шафарика: «кто скажетъ, что въ этой книгѣ нѣтъ *ошибокъ*, или кое гдѣ *пристрастій къ принятому мнѣнію*? но что значатъ всѣ эти недостатки въ сравненіи съ ученостью, которая поражаетъ читателя на каждой страницѣ; съ отчетливостью въ разборѣ даже мелочей; съ богатствомъ новыхъ фактовъ, въ первый разъ употребляемыхъ тутъ въ дѣло; со всеобъемлемостію(?) взгляда; съ умѣньемъ пользоваться всѣмъ (?), чѣмъ могла сочинителю помочь современная наука, съ умѣньемъ побѣдить тысячу трудностей, сообразить несчетное множество извѣстій и распорядиться имъ. *Поправляй*, ученый, ту или эту страницу въ сей книгѣ; но ее не отложишь въ сторону, всегда будешь въ ней нуждаться. Это *не созданіе генія*, но за то и *плодъ дивнаго терпѣнія*, къ которому способны только десятки изъ десятковъ милліоновъ.» Слѣдовательно, кто желаетъ успѣха Наукѣ, тотъ долженъ отрѣшиться отъ обожанія «Славянскихъ Древностей» Шафарика, и, отдавая справедливость *учености* автора, въ тоже время поправлять его *ошибки*, происшедшія отъ *пристрастія* къ однажды принятымъ мнѣніямъ, которое заставило его пойдти по логическому пути въ области Исторіи, указанному Венелинымъ. Надъ Славянскими учеными, и надъ самимъ Шафарикомъ, къ сожалѣнію, сбылось тó, чтó сказано имъ въ политическомъ отношеніи о причинѣ паденія Славянскихъ государствъ: «Славяне, ненавидя взаимно другъ друга, жили въ безпрестанномъ между собою разъединеніи и *несогласіи;* они не могли вознестись къ высшему политическому духу, къ согласію *личныхъ интересовъ* и *страстей*, для собственнаго блага и противодѣйствія преобладанію чужеземцовъ. Они считали лучше призывать себѣ властителей и начальниковъ *изъ*

Въ письмѣ LXXIV-мъ, къ Мартиніану, св. Василій Великій показываетъ невыгоды, происходящія отъ раздѣленія Каппадокіи, и сравниваетъ невѣжество и нестроеніе своихъ соотечественниковъ съ грубостію Скиѳовъ, называя сихъ послѣднихъ также именемъ *Массагетовъ* (*Σκύθαι Μασσαγέται*, Scythae aut Massagetae). (1) — При этомъ случаѣ надо вспомнить, что имя Гетовъ Греческіе писатели распространили на всю нашу древнюю Русь, называя жителей по рѣкамъ: обитателей Тура или Днѣстра Тюрагетами, Борисѳена или Днѣпра — Борисѳенитами, Танаиса или Дона — Танаитами, Волги — Массагетами. По извѣстію Геродота (2), Массагеты уже во времена Кира, при своей царицѣ Томирисѣ, были народомъ сильнымъ, богатымъ, украшали золотомъ шлемы, поясы, конскую сбрую, и проч.

—

Св. Василій Великій (3) въ изъясненіи на слова Псалма VII, 9: *Господь судилъ людемъ* — говоритъ: «иначе будетъ судить Господь Іудея, иначе Скиѳа. Ибо Іудей покоится на Законѣ и имѣетъ возможность стремиться къ лучшему: посему, если онъ, воспитанный въ Законѣ, станетъ извращать писанія Закона и Пророковъ и выдумывать свое, то это вмѣнится ему во тягчайшую вину. Напротивъ же того, если кочующіе Скиѳы, воспитанные въ нравахъ и обычаяхъ дикихъ и жестокихъ, привыкшіе ко взаимнымъ между собою хищеніямъ и грабежамъ, неукротимые въ гнѣвѣ и склонные къ взаимнымъ обидамъ, наученные *всѣ тяжбы свои рѣшать оружіемъ* и пренія — кровію, если Скиѳы окажутъ какое либо дѣло человѣколюбія и милосердія, то этимъ они готовятъ намъ еще тягчайшую казнь.» — Сравните разсказъ Геродота, что Скиѳы поклонялют-

———

чужбины, нежели, *примирясь*, покориться одинъ другому.» Такимъ образомъ и Шафарикъ, разъ несправедливо отозвавшись о Венелинѣ, не хотѣлъ уже идти съ нимъ по одной дорогѣ и общими силами разработывать общія наши Древности, но усвоилъ себѣ многія нынѣ опровергаемыя мнѣнія иноземцовъ-изыскателей, для того лишь, чтобы не слѣдовать однимъ путемъ съ единоплеменникомъ-противникомъ (литературнымъ) и удержаться при своемъ мнѣніи. Читайте, для доказательства, разборъ нѣкоторыхъ основныхъ мыслей Шафарика въ двухъ книжкахъ Венелина: «О характерѣ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ» (М. 1835), стр. 114 — 117 (въ примѣчаніи), и «Скандинавоманія и ея поклонники» (М. 1842), § 6, стр. 94 — 99, 103 — 110.

(1) Парижскаго изданія. стр. 169. —

(2) Герод. кн. I.

(3) S. Basilii M. Opera omnia T. I. p. 143. Paris. apud Mich. Sonn., via Iacobaea, sub scuto Basiliensi, CIƆIƆCXVIII.

ся въ образѣ меча богу войны, и Амміана Марцеллина, который пишетъ тоже объ Аланахъ (Донцахъ).

—

Евагрій схоластикъ (¹) въ своей Церковной Исторіи, описывая несчастное царствованіе Императора Зенона (въ концѣ V вѣка), говоритъ, что «подданные его терпѣли ужаснѣйшія бѣдствія, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ: здѣсь Сарацины опустошаютъ все; тамъ *Гуны, которые въ древности назывались Массагетами*, врываются во Ѳракію и переходятъ рѣку Истръ (Дунай), не встрѣчая никакого препятствія; а оставшееся отъ варваровъ варварски похищаетъ и опустошаетъ самъ Зенонъ.» Сравнивъ извѣстіе Св. Василія Великаго, что Скиѳы и Массагеты — одно и тоже, и зная, что имя Массагетовъ падало на жителей Волги (Болгаръ), должно будетъ заключить, что подъ именемъ Гуновъ (великановъ) одни писатели разумѣли Болгаръ или Волжскую Русь (о чемъ яснѣе всѣхъ выразился Патріархъ Никифоръ, cap. 44, назвавъ Гуновъ прямо Болгарами, *Ουννοι Βουλγαροι*), а другіе (какъ увидимъ сейчасъ) разумѣли подъ этимъ именемъ и Великоросіянъ.

—

«Скиѳы,» пишетъ въ своей Церковной Исторіи Филосторгій (²), «расположенные по ту сторону Истра, послѣ войны съ Гунами бывъ ими изгнаны изъ своихъ жилищъ, перешли въ Римскія владѣнія въ видѣ союзниковъ.» Этихъ самыхъ Скиѳовъ, изгнанныхъ Гунами изъ Днѣпровской и Дунайской стороны, другіе историки называютъ *Готѳами*; а *кто* были эти Готѳы, разсмотримъ подробно въ особой главѣ. — Далѣе: «Гуны (*Οὖννοι*, Hunni), *которыхъ древніе называли Невралии* (*Νεβροι*, Neuri), расположились при горахъ Рифейскихъ, изъ коихъ принимаетъ начало свое рѣка *Танаисъ*, (Донъ), низвергающая воды свои въ болото Меотійское (*Μαιωτις* — Maeotis (³). Скиѳы, перешедшіе во владѣнія Римской Имперіи, сначала вели себя умѣренно въ отношеніи къ Римлянамъ, а потомъ обратились къ разбоямъ, и наконецъ начали войну съ ними, не дѣлая впрочемъ никакого объявленія о войнѣ чрезъ своихъ пословъ. Валенсъ, узнавши объ этомъ, тотчасъ отправился изъ Антіохіи и чрезъ Кон-

(¹) Theodoriti Episc. Cyri et Evagrii schol. Hist. Eccl., item Excerpta ex Histor. Philostorgii et Theodori Lectoris, a Henrico Valesio emendata. Lib. III p. 302. Avgustae Tavrinorum MDCCXLIII.

(²) ibid. Philostorgii lib. IX. p. 479.

(³) Меотійскимъ болотомъ (иногда Меотійскимъ озеромъ) называли Греки Азовское море.

стантинополь прибылъ во Ѳракію. Потерявъ много войска въ сраженіи съ варварами, онъ поспѣшно бѣжалъ и скрылся съ немногими своими спутниками въ одномъ шалашѣ, въ которомъ складено было сѣно; но преслѣдовавшіе его варвары, зажигая все встрѣчающееся имъ на пути, зажгли и шалашъ тотъ, нимало не подозрѣвая, чтобы тамъ скрывался Императоръ. Такъ пострадалъ Валенсъ, потерявъ безчисленную и сильнѣйшую часть Имперіи Римской. А варвары, подъ предводительствомъ Фритигерна, опустошили потомъ всю Ѳракію. Граціанъ, оплакавъ печальную смерть дяди своего (по отцѣ) и бѣдствіе Римлянъ, объявилъ Ѳеодосія Императоромъ и послалъ его для управленія Имперіею дяди своего», и проч.

Сравнимъ это извѣстіе Филосторгія о *Гунахъ*, которыхъ въ древности называли *Неврами*, съ извѣстіями другихъ писателей, упоминающихъ о Неврахъ. Плиній Натуралистъ (кн. IV, гл. 26), описывая Алаунскую возвышенность, говоритъ, что Борисѳенъ (Днѣпръ) начинается въ землѣ Невровъ; въ географическомъ отрывкѣ Скимна Хіоса, принадлежащемъ къ первому вѣку нашей эры, сказано, что за Кіевскими Полянами (Аротерами) къ сѣверу занимаютъ всю страну Неврυты. Слѣдовательно подъ именемъ Невровъ разумѣлись Велико-Руссы; слѣдственно и Гуны-(Невры) означали не однихъ Болгаръ (какъ мы видѣли выше), но также и Велико-Россіянъ.—Подъ именемъ Рифейскихъ горъ, изъ которыхъ вытекаетъ Донъ, у Филосторгія разумѣется здѣсь Алаунская возвышенность.

—

«*Гуны*, которые прежде заняли и опустошили Скиѳію по ту сторону Истра (т. е. землю при-Дунайскую), послѣ того перешли черезъ рѣку, вторглись во владѣнія Римлянъ и, распространившись по всей Ѳракіи, опустошали всю Европу. Восточные же Гуны, перешедши рѣку *Танаисъ* (Донъ), напали на провинціи восточныя и чрезъ большую Арменію ворвались въ область такъ называемую *Мелитскую* (*Μελιτινη*). Оттуда чрезъ Евфратисію (*Ευφρατησια*) проникли до Целесиріи и Киликіи, производя невѣроятныя убійства и грабежи. Сверхъ того *Мазики* (*Μαζικες*) и *Авзоріане* (*Αυξωριανοι*), обитающіе между Африкою и Ливіею, съ востока опустошали Ливію и немалую часть Египта, а съ запада поражали *Афровъ* (*Αφροι*, Afri). Кромѣ всѣхъ сихъ варваровъ явился также *Тригвильдъ* (*Τριγιβιλδος*) изъ рода тѣхъ *Скиѳовъ, которые нынѣ называются Готѳами, ибо поколѣнія Скиѳовъ многочисленны и различны* [1]. Онъ собралъ вокругъ себя толпы варваровъ, остановился въ Наколіи (Να-

(1) Socr. lib VI. c. 6. Soz. lib. VIII. c. 4.

πόλεια) что́ во Фригіи, и, бывъ удостоенъ почести полководца, изъ друга внезапно сталъ врагомъ Римлянъ. Начиная съ самой Наколіи, онъ занялъ многіе города Фригійскіе и производилъ ужасныя убійства. Посланный противъ него, Гайна (*Γαΐνα*, Gaina) полководецъ, также родомъ варваръ, продалъ побѣду, замышляя и самъ нѣчто подобное противъ Римлянъ. Тригивильдъ же, будто убѣгая отъ Гайны, вошелъ въ Писидію и Памфилію, опустошилъ эти области; потомъ, изнуренный трудностію частыхъ переходовъ и Исаврійскими сраженіями, ушелъ въ Геллеспонтъ, откуда, перебравшись во Ѳракію, въ скоромъ времени умеръ. Гайна, послѣ измѣны своей, въ качествѣ полководца отправился противъ Константинополя, рѣшившись занять сей городъ; однакожь нѣкое воинство небесное, усмотрѣнное тѣми воинами, которымъ велѣно было приступить къ сраженію, устрашило ихъ, и такимъ образомъ городъ спасло отъ опасности завоеванія, а ихъ, устрашенныхъ и смущенныхъ, сдѣлало жертвою мщенія Константинопольскаго войска. Убійство было ужасное. Гайна пораженъ былъ такимъ страхомъ, что, при наступленіи ночи, — собравъ кого только могъ, и перерѣзавъ сторожей городскихъ, — ушелъ изъ города.... Спустя нѣсколько времени, Гунны умертвили его, во время одного изъ своихъ набѣговъ, въ верхней Ѳракіи». Ibid. lib. XI. p. 488,489.

Имя *Гайна* не искаженіе ли коренныхъ Славянскихъ *Гайо, Гаи, Гойко?*

—

Слѣдующій отрывокъ изъ письма Блаженнаго Іеронима къ Океану (X-го въ III-й книгѣ по сборнику Іосифа Каталани (*) можетъ показать, какой ужасъ наведенъ былъ Скиѳами-Массагетами-Гуннами,— или просто жителями древней Руси,—на дряхлѣвшую Римскую Имперію: «Въ то время, какъ мы пріискивали приличное обиталище для такой женщины (т. е. умной и благочестивой Фабіолы), сообразуясь съ ея сильною любовію къ уединенію, по которой ей не хотѣлось оставить обители Пресвятой Дѣвы Маріи; въ то время, вдругъ весь Востокъ затрепеталъ отъ разнесшейся вѣсти, что изъ отдаленныхъ *при-Азовскихъ странъ* (ab ultima Maeotide), между ледовитымъ Дономъ (Tanais) и свирѣпыми *Массагетами*, тамъ, гдѣ укрѣпленія Александра не позволяютъ дикимъ народамъ выходить за предѣлы Кавказскихъ скалъ,—прорвались толпы

(*) Въ этомъ письмѣ Блаженный Іеронимъ похваляетъ одну благородную Римлянку, по имени Фабіолу, за истинное (послѣ соблазнительной жизни) покаяніе и обращеніе ко Христу.

Гуновъ, которые, носясь туда и сюда на быстрыхъ коняхъ, вездѣ производятъ убійства и все наполняютъ ужасомъ. Тогда Римское войско было занято междоусобными войнами въ Италіи. Геродотъ повѣствуетъ, что *этотъ народъ*, при Даріи царѣ Мидійскомъ, *двадцать лѣтъ владѣлъ завоеваннымъ Востокомъ, и бралъ ежегодную дань съ Египтянъ и Еѳіоплянъ.* Впредь да отвратитъ Іисусъ отъ Римской Имперіи такихъ звѣрей!

«Они вездѣ набѣгали неожиданно, быстротою предупреждая самую молву; не щадили ни вѣры, ни званій, ни возраста, не трогались и плачемъ невинныхъ младенцевъ. Принуждены были умирать тѣ, которые еще не начинали жить; младенцы, не зная своего несчастія, среди враговъ и подъ оружіемъ смѣялись. Между всѣми былъ одинъ слухъ, что варвары домогаются быть въ Іерусалимѣ, и, по чрезмѣрной жадности къ золоту, быстро идутъ къ этому городу. Стѣны, оставленныя въ мирное время безъ всякаго присмотра, теперь починялись. Антіохія содержалась въ осадѣ. Жители приморскаго города Тира, желая удалиться отъ суши, убѣгали на прежній свой островъ. Тогда и мы, заботясь не столько о собственной безопасности, сколько о чистотѣ дѣвственницъ, принуждены были готовить корабли, быть на берегу, брать предосторожности отъ непріятельскаго набѣга и страшиться болѣе варваровъ, нежели кораблекрушенія отъ бурныхъ вѣтровъ. Въ то время между нашими было нѣкоторое несогласіе, и междоусобныя войны свирѣпствовали болѣе варварскихъ битвъ; однакожъ насъ удерживали на Востокѣ и прочная уже осѣдлость и вкоренившаяся привязанность къ Святымъ мѣстамъ»...

Изъ словъ блаженнаго Іеронима, что Гуны были тотъ самый народъ, котораго войско, по свидѣтельству Геродота, перешло черезъ Кавказскія горы и, покоривъ переднюю Азію, двадцать лѣтъ владѣло завоеваннымъ Востокомъ, собирая ежегодную дань съ Египта и Еѳіопіи, очевидно слѣдуетъ, что Гуны писателей среднихъ вѣковъ и геродотовы Скиѳы — одинъ и тотъ же народъ (Русскій), и слѣдственно—мнѣніе о выходѣ Гуновъ *будто бы* изъ средней Азіи, *будто бы* въ концѣ IV вѣка, противорѣчитъ современнымъ свидѣтелямъ. Другія соображенія относительно этого предмета см. въ I части книги «Древніе и нынѣшніе Болгаре», Ю. И. Венелина, въ его же историко-критическомъ разсужденіи: «Скандинавоманія и ея поклонники», и далѣе, въ этомъ Сборникѣ, главу о старобытности Славянъ въ Восточной Германіи и въ Россіи.

═

III.

НОВЫЙ ИСТОЧНИКЪ

для

БОЛГАРСКОЙ ИСТОРІИ IX ВѢКА.

МНѢНІЕ ВЕНЕЦІАНСКАГО ИЗДАТЕЛЯ

ТВОРЕНІЙ ѲЕОФИЛАКТА О ЖИТІИ ТИВЕРІОПОЛЬСКИХЪ МУЧЕНИКОВЪ.

Это сочиненіе доселѣ не было извѣстно ученымъ, и никто изъ писавшихъ о сочиненіяхъ Ѳеофилакта не упоминалъ о любопытномъ, важномъ для Исторіи, Житіи Тиверіопольскихъ мучениковъ, пострадавшихъ при Императорѣ Юліанѣ. Оно хранилось въ Оксфордѣ (Oxonii) въ знаменитѣйшей библіотекѣ Бодлеянской (Bodlejana) между манускриптами Бароцціянскими (Baroccianos), вмѣстѣ съ другими сочиненіями разныхъ писателей. Оно и осталось бы неизвѣстнымъ, если бъ мы, при этомъ изданіи сочиненій Ѳеофилакта, не пересмотрѣли списка рукописныхъ книгъ Англіи и Ирландіи, изданнаго въ Оксфордѣ, 1697 года. Тамъ на стран. 28-ой, перваго тома, подъ числомъ 197, встрѣтили мы слѣдующее заглавіе: «Мученичество XV мучениковъ при Императорѣ Юліанѣ, соч. Ѳеофилакта.» Рукопись тотчасъ была выписана изъ Англіи, при помощи Англійскаго Короля и доставлена мнѣ для перевода на Латинскій языкъ. Я весьма обрадовался, узнавъ изъ содержанія важность и пользу этого сочиненія.

Оно содержитъ: исторію мученичества XV мучениковъ, пострадавшихъ за Христа при Юліанѣ; перенесеніе ихъ мощей по повелѣнію *Михаила*, перваго Христіанскаго Государя *Болгарскаго*; различныя чудеса, совершенныя Богомъ по ходатайству мучениковъ, прежде и послѣ перенесенія мощей. Этому повѣствованію предшествуетъ сказаніе о торжествѣ Христіанской Вѣры при Константинѣ и при трехъ его сынахъ, но гораздо больше говорится о страданіяхъ Христіянъ за Вѣру отъ Юліана. Сверхъ того помѣщено повѣствованіе, довольно пространное, о непобѣдимой твердости въ вѣрѣ нѣкоего *Кинамона* (*Κινάμων*, Cinamon), Адріанополитанца, взятаго *Болгарами* въ плѣнъ, и о братѣ Князя Болгарскаго *Енработѣ* (*Ενραβωτᾶς*, Enrabota), или *Боянѣ* (*Βοϊνος*, Boinus), который обра-

щенъ въ Христіанство Кинамономъ, и скончался мученическою смертію за Вѣру. И такъ въ семъ сочиненіи содержится немногое, но *важное* сколько *для Церковной Исторіи*, столько же *и для Политической;* ибо въ немъ найдешь о Болгарскихъ Государяхъ такія извѣстія, какихъ напрасно будешь искать у другихъ писателей.

Нельзя сомнѣваться ни въ подлинности этого сочиненія, ни въ истинѣ того, что̀ въ немъ разсказывается.

Подлинность этого сочиненія доказывается самымъ кодексомъ, изъ котораго оно заимствовано, и въ которомъ оно приписывается прямо Ѳеофилакту, архіепископу Болгарскому; это не опровергается никакими другими кодексами. Равнымъ образомъ, тутъ нѣтъ ничего что̀ бы не приличествовало Ѳеофилакту: событія разсказываемыя точно случились до его вѣка; слогъ совершенно сходенъ съ слогомъ другихъ сочиненій Ѳеофилакта.

Въ изъясненіяхъ Св. Писанія у Болгарскаго архіепископа слогъ простой, ясный, ровный, или потому, что именно такой родъ слога онъ почиталъ приличнымъ сему роду писаній; или потому, что въ составленіи изъясненій онъ употреблялъ слова и выраженія другихъ толковниковъ, изъ коихъ заимствовалъ, особливо же Златоуста. И такъ, по моему мнѣнію, изъ этихъ сочиненій нельзя узнать подлиннаго слога Ѳеофилактова. Въ другихъ же сочиненіяхъ, въ коихъ онъ пишетъ отъ себя собственно — въ письмахъ, словахъ, рѣчахъ—онъ употребляетъ слогъ возвышенный, изысканный и менѣе понятный, совершенно сходный съ слогомъ всѣхъ Грековъ Ѳеофилактова вѣка: здѣсь у Ѳеофилакта много переносныхъ выраженій, аллегорій и проч.; часто приводятся мѣста Св. Писанія не только для того, что бы ими подтвердить свои мысли, но и для того, чтобы яснѣе выразить собственное мнѣніе. Такой точно слогъ находимъ и въ сочиненіи Ѳеофилакта о Тиверіопольскихъ мученикахъ — только здѣсь слогъ яснѣе и ровнѣе, потому что самое содержаніе чисто историческое. Сверхъ того въ семъ сочиненіи встрѣчаются выраженія, свойственныя *одному* Ѳеофилакту и находящіяся въ другихъ его произведеніяхъ.—Кромѣ слога, подлинность подтверждается многими мнѣніями и изреченіями, которыя показываютъ въ сочинителѣ *жителя Болгаріи*: такъ 15 мучениковъ Болгарскихъ онъ называетъ *нашими святыми, ἁγίȣς τȣ̀ς καθ' ἡμᾶς*—sanctos nostros, или qui apud nos sunt; обнаруживаетъ себя Болгариномъ, или по крайней мѣрѣ *жителемъ Болгаріи*, когда приходитъ въ необыкновенную радость по причинѣ обращенія Болгаръ къ Вѣрѣ, и превозноситъ ихъ необыкновенными похвалами за присоединеніе къ обществу вѣрующихъ; — онъ сообщаетъ точныя свѣденія о частныхъ обычаяхъ Болгаръ: напримѣръ разсказываетъ, что *Болгаре обыкновенно дѣлаютъ*

хлѣбы такой величины, что одного хлѣба достаточно для насыщенія десяти человѣкъ. — Хотя все это не неприлично и всякому другому писателю въ Болгаріи; но, поелику нигдѣ не указывается ни на кого другаго, то, мнѣ кажется, по всей справедливости разсматриваемое сочиненіе должно приписать Ѳеофилакту.

Нѣтъ никакого повода, ни причины сомнѣваться и въ истинѣ событія, о которомъ разсказывается въ этомъ сочиненіи. Невозможно предположить, чтобы сей высокій и образованный мужъ повѣрилъ какой либо баснѣ и захотѣлъ бы ею обманывать другихъ. Разсказъ, имъ передаваемый, могъ быть заимствованъ или изъ какого либо памятника, хранившагося въ архивахъ Болгарскихъ, или изъ непрерывнаго устнаго преданія тамошнихъ жителей. Хотя страданіе сихъ мучениковъ случилось гораздо прежде вѣка Ѳеофилактова, — при Юліанѣ, слѣдовательно въ IV вѣкѣ; но перенесеніе ихъ мощей не такъ отдалено было отъ вѣка Ѳеофилактова, чтобы не дошло до него какого либо памятника: — оно было за два вѣка прежде архіепископства Ѳеофилактова въ Болгаріи. Изъ сего видно, что, еслибъ и не осталось никакого памятника письменнаго, воспоминаніе о столь важномъ событіи могло сохраниться и дойти до Ѳеофилакта. Что касается до мучениковъ, то въ Ѳеофилактово время (какъ видно изъ самаго сочиненія,) стоялъ храмъ, сооруженный въ ихъ честь, — существовали раки, хранившія ихъ останки, и наконецъ мраморныя доски, прикрывавшія прежде ихъ урны; на этихъ доскахъ были написаны: имена мучениковъ, родъ жизни, достоинство, званіе ихъ. Явно, что нѣтъ достаточной причины сомнѣваться въ истинѣ того, что̀ разсказывается о XV мученикахъ. Молчаніе другихъ писателей, равно и печатныхъ Миней Греческихъ и Московскихъ, ничего не доказываетъ само по себѣ: ибо тамъ еще многаго нѣтъ. И мало ли исторій основывается только на свидѣтельствѣ *одного* писателя? Иногда самое имя этого свидѣтеля неизвѣстно. А въ настоящемъ случаѣ, такое молчаніе весьма удобно объясняется историческими обстоятельствами: мученики пострадали въ то время, когда все Христіанское было въ презрѣніи, подвергалось страшному гоненію, и большая часть Христіанъ проводили жизнь свою въ ссылкѣ, или въ пустыняхъ и горахъ. Мѣсто, гдѣ почивали мученики, было очень малоизвѣстное — небольшой городокъ на вершинѣ горъ Гемуса (Haemus): таковъ былъ въ то время Тиверіополь, какъ увидимъ ниже. Отсюда и понятно молчаніе писателей Греческихъ и Русскихъ.

Списокъ, доставленный мнѣ для перевода на Латинскій, былъ чрезвычайно неисправенъ и безграмотенъ; а потому, прежде перевода, я долженъ былъ возстановить подлинное чтеніе: трудъ самый

тяжелый!—Многое исправилъ я безъ оговорокъ; а гдѣ сомнѣвался въ вѣрности моихъ предположеній, тамъ дѣлалъ подстрочныя примѣчанія.

Кто были пострадавшіе мученики? гдѣ и когда пострадали? и когда случилось перенесеніе мощей ихъ?

О мѣстѣ и времени ихъ мученичества почти никакого нѣтъ сомнѣнія. Случилось оно, по указанію самого сочинителя, въ *Тиверіополѣ*, въ царствованіе *Юліана* Отступника. Писатель даже опредѣляетъ мѣстоположеніе Тиверіополя: ad septentrionalem plagam Thessalonices, in principio Illirici—*κατ' ἀρχὰς τῆς χώρας 'Ιλλύριδος*. Въ заглавіи сочиненія пишется, что онъ по Болгарски называется *Струмица*, Strumitza. Но это, думаю, есть прибавленіе какого либо переписчика, какъ потому, что въ самомъ сочиненіи городъ вездѣ называется Тиверіополемъ, и нигдѣ не называется *Струмицею*, такъ и потому, что эти слова написаны въ нѣкоторой отдаленности отъ собственнаго заглавія, и не соединены непосредственно съ словомъ «Тиверіополь,» какъ бы слѣдовало, но поставлены послѣ слова—«пострадали.» Должно замѣтить еще и то, что въ спискѣ неправильное словосочиненіе, которое мною исправлено въ семъ изданіи: *Τιβεριεπόλει* положено въ дательномъ падежѣ, а потомъ слѣдовалъ, послѣ оставленнаго слова *μαρτυρησάντων*, родительный *ἐπονομαζομένης Στρεμίτζης*. Но кто бы ни прибавилъ эти слова, а прибавилъ, думаю, для того, чтобы въ самомъ началѣ отличить Тиверіополь — мѣсто страданія XV мучениковъ — отъ другихъ городовъ того же имени: ибо есть Тиверіополь въ той части Большой Фригіи, которая называется *Пакаціанскою;* — есть на островѣ *Кипрѣ;* есть въ Европѣ при *Евксинскомъ Понтѣ;*—многіе думаютъ, что даже городъ, нынѣ называемый *Варною* (Варна, Uarna), въ древности назывался Тиверіополемъ. Впрочемъ другіе полагаютъ, что Варна одно и то же съ древнимъ *Діонисіополемъ,* а по инымъ, съ *Одессомъ* (Odyssus, или Odessus). Отъ всѣхъ сихъ городовъ тотъ *Тиверіополь* должно отличать, хотя, можетъ быть, его и смѣшивали съ другими городами того же имени. Впрочемъ дѣло очевидное, что смѣшивающіе *Варну* съ Тиверіополемъ — Струмицею ошибаются: ибо изъ предъидущаго видно, на сколько отстоитъ Тиверіополь — Струмица отъ Понта Евксинскаго. Развѣ только совершенный невѣжда въ Географіи скажетъ, что Варна ad septentrionalem plagam Tessalonices in principio Jlliridis,—какъ говоритъ Өеофилактъ о Тиверіополѣ. Изъ сего описанія далѣе видно то, что сей Тиверіополь лежалъ внутри предѣловъ Македоніи—въ той ея части, которая граничитъ съ Верхнею Мизіею (Moesia), которая нынѣ называется *Сербіею* (Servia); а эта часть Македоніи нѣсколько времени принадлежала къ

къ царству Болгарскому, простиравшемуся, въ царствованіе *Круба* (*Κρȣ̃βος*, Crubus), до самой Ѳессалоники, какъ объ этомъ говоритъ Ѳеофилактъ въ Житіи XV-ти мучениковъ. Такое положеніе Тиверіополя совершенно сходно съ положеніемъ *Струмицы*, какъ можно заключать изъ *Никифора Грегора*, который былъ въ ней въ то время, когда изъ Византіи вмѣстѣ съ послами къ Королю (Cralem) или Царю Сербскому (Serviae) отправился въ городъ Scupi. Нѣкоторыя мѣста въ его описаніи этого путешествія подтверждаютъ сказанное выше о положеніи и незначительности Тиверіополя» — Струмицы. Вотъ его слова: «Posteram a transitu Strymonis fluvii diem in itenere totam consumpsimus, et ad oppidulum (*πολίχνιον, parvulam civitatem*) venimus, quod pene supra nubes eminet (*Strumitza ab incolis vocatur*) adeo praerupto, et excelso monti impositum, ut homines in propugnaculis sedentes è valle suspitientibus avicularum similes viderentur. . . . Tertio inde die ad oppidulum (*πολύχνιον*) Scopiorum divertimus, ipsos jam Triballorum fines ingressi, ac praeterlabentem vidimus Axium fluvium» etc. (Histor. Bizant. lib. VIII. cap. 14. num. 6). Изъ этихъ словъ видно: 1) что *Струмица* находилась между рѣками Strymon и Axium, и отъ первой отстояла около одного дня пути, а отъ другой — именно отъ того мѣста, гдѣ она протекаетъ подлѣ города Scupi, а слѣдовательно, и отъ сего города, — отстояла на три дня пути;—2) что она въ отношеніи къ Ѳессалоникѣ лежала на *сѣверъ*, какъ и Тиверіополь, упоминаемый Ѳеофилактомъ; — 3) что городъ сей былъ чрезвычайно малъ и находился на одной изъ высочайшихъ вершинъ *Гемуса*, отдѣляющаго Македонію отъ обѣихъ Мизій. (*)

Представится затрудненіе въ томъ, какимъ образомъ Ѳеофи-

(*) Со всѣмъ этимъ согласно описаніе сего города, составленное *Мелетіемъ* епископомъ Аѳинскимъ въ его «Древней и Новой Географіи,» изданной въ Венеціи, на Греческомъ языкѣ, 1728 года. Вотъ его слова: *Στρȣμίτξα πόλις τῶν Τριβαλλῶν εἰς τὰ πέρατα τῆς Μακεδονίας μεταξὺ τȣ̃ Στρυμονος, καὶ τȣ̃ 'Αξίȣ ποταμῶν ἑυρισκομένη εἰς κρημνῶδες καὶ ἀπότομον ὄρος ἀπέχον ἀπὸ τȣ Σκȣ̃πι τριων ἡμερῶν δρόμον. . . αὕτη ἡ Στρυμίτξα ἐκαλεῖτο τὸ πρῶτον Τιβεριȣ̀πολις.* — Strumitza urbs Triballorum inter fluvios Strimonem et Axium ad fines Macedoniae reperitur, in praecipiti, et abrupto monte: distatque Scupiis trium dierum itinere. Haec urbs primum vocabatur Tiberiopolis.—И Грегора и Мелетій говорятъ о древней *Струмицѣ*, въ которой пострадали 15 мучениковъ. — Я слышалъ отъ одного человѣка, знакомаго съ тѣми мѣстами, что нынѣшняя Струмица, которая можетъ назваться *новою*, находится при подошвѣ той же горы, и что отъ древней остались однѣ развалины. — *Примѣчаніе издателя сочиненій Ѳеофилакта.*

лактъ утверждаетъ, что сей *Тиверіополь - Струмица* находится *κατ' ἀρχὰς τῆς χώρας 'Ιλλύριδος* — proxime in principio regionis Illiridis, seu Illyrici,—когда онъ отъ *Иллиріи* (ab Illiride) въ собственномъ смыслѣ, которую отдѣляетъ отъ Македоніи рѣка Drinus, отстоялъ на большое разстояніе — на нѣсколько дней пути, и находился почти въ срединѣ *Иллирика въ обширномъ смыслѣ*, котораго восточная часть (или такъ называемый *Восточный Иллирикъ*) обнимала Македонію вмѣстѣ съ *Дакіею* и *Мизею* (cum Daciis ac Moesiis).

Но это затрудненіе уничтожится, если мы будемъ разумѣть слова Өеофилакта такъ, какъ, по моему, должно понимать. То есть, подъ именемъ *Ιλλύριδος χώρας* — Illiridis должно здѣсь разумѣть все пространство (tractum) земель, какое занимали Болгаре, говорящіе *Иллирійскимъ* или *Славянскимъ* языкомъ (коимъ и нынѣ говорятъ), и покорили своей власти; пространство, которое они населяли и тогда, когда подчинились Императору Константинопольскому, слѣдовательно и при Өеофилактѣ. Если такъ будемъ понимать *Иллирію*, то первый городъ, встрѣчаемый идущимъ изъ Греціи, и особливо изъ Өессалоники, есть именно тотъ, о коемъ мы говоримъ, то есть *Струмица*. И это видно изъ того, что (какъ замѣтили мы въ другомъ мѣстѣ) Болгаре простерли свое государство до предѣловъ Өессалоники; также изъ свидѣтельства *Никифора Грегора*, что праздникъ Пасхи, въ коемъ и онъ участвовалъ, отправляемъ былъ на *Болгарскомъ* или *Славянскомъ языкѣ*. Привожу самыя слова Никифора, какъ онъ описываетъ пѣніе Болгаръ — жителей Струмицы, (см. вышеупомянутое мѣсто). Ibi Pascha moleste, et praeter veterem nostram consuetudinem, sed tamen celebravimus. Ibi enim omnis doctrina, rythmi, et sacrae hymnodiae musica pro nugis habentur: quippe oppidani barbara fere lingua utantur, et iis sint moribus, qui aratrum et ligonem in primis deceant. Neque enim eum sonum edebant, qui, etsi semibarbarus, tamen modulatus foret, et aliquis ipse quoque esse censeretur, ut semilydius, et si fas dicere, semiphrygius; sed beluinum plane, et montanum sonabant: quo ritu nomades ipsi canerent gregibus suis praeeuntes ad juga, et syluas vere nouo, cum cymbia lacte exundant. Такое преувеличенное описаніе можно простить *Греку* и жителю столицы. Между тѣмъ изъ него видно, что жители *Струмицы* не были Греки и не употребляли Греческаго языка при богослуженіи, слѣд. они были или *Болгаре* или *Сербы*, или принадлежали къ другому какому народу Иллирійскому; ибо языкъ, на которомъ Болгаре отправляли свое богослуженіе, не иной какъ *Славянскій* (Schlauonica). Это самое подтверждаетъ самъ Никифоръ подъ предыдущимъ числомъ, говоря, что

жители того мѣста (отъ коего Струмица отстояла почти на одинъ день пути) были, большею частью, *coloni Mysorum*. Я принимаю за вѣрное, что здѣсь подъ именемъ Mysorum разумѣются Славянскія племена *Болгаръ* или *Сербовъ*, которыми населены были обѣ Мизіи; а этимъ, если не ошибаюсь, достаточно доказано, что Өеофилактъ по всей справедливости могъ выразится: Strumitza proxime in principio regionis Illyricae.

Возникнуть, пожалуй, еще нѣкоторыя сомнѣнія, однако они не могутъ опровергнуть моего мнѣнія. Несомнѣнно то, что при жизни Өеофилакта въ *Струмицѣ* былъ епископъ: ибо онъ говоритъ (въ письмѣ XXXII, по изданію Meursii), что писалъ къ епископу *Σρομβίτζης*, Malesobae и Пелагоніи. Что *Стромвица* и *Струмица*—одно и тоже, это доказывается сходствомъ самыхъ словъ, а равно и тѣмъ, что *Струмица* находилась недалеко отъ *Пелагоніи* и, какъ думаю, отъ *Malesoba:* кажется, Өеофилактъ писалъ самъ тремъ епископамъ вмѣстѣ, какъ смежнымъ. И не одинъ Өеофилактъ немного перемѣнилъ названіе: и *Кедринъ* называетъ ее *Στρούμπιτζαν* и *Σπρούπιτζαν* — Strumpitzan и Sprupitzan (а можетъ быть то и другое — ошибка типографская); но, что Кедринъ здѣсь разумѣетъ *Струмицу*, о которой мы говоримъ, видно изъ его же описанія путешествія Василія императора въ городъ Scupi, гдѣ онъ передаетъ намъ о мѣстоположеніи *Струмицы* тоже самое, что мы нашли у Никифора. Другіе называютъ ее *Струмница*; такъ Ананія, епископъ сего города, на Константинопольскомъ соборѣ, MDLXV года, подписался: «Ego humilis Episcopus Strumnitzae Ananias volens meo consilio subscripsi», какъ видно изъ Церковной исторіи Emanuelis Malaxi Peloponesii, изданной на Латинскомъ языкѣ Тюбингенскимъ профессоромъ *Мартиномъ Крузіемъ*. Отсюда слѣдуетъ, что Струмица имѣла епископовъ даже въ XVI вѣкѣ, не только въ XI, когда жилъ Өеофилактъ. Тамъ и доселѣ есть епископія, даже *митрополія*, какъ свидѣтельствуетъ прибывшій сюда, Iacobus Nicolai, іеромонахъ монастыря Олимпійскаго, прожившій въ Струмицѣ почти цѣлый мѣсяцъ. Онъ же мнѣ пересказывалъ, что тамъ сохранилась память о 15 мученикахъ; что священники тамъ совершаютъ память объ нихъ ежедневно, а кромѣ того разъ въ годъ совершается праздество въ честь ихъ что есть жизнеописаніе ихъ, напечатанное Moscopoli въ Македоніи; что содержащееся въ сочиненіи Өеофилакта ему (іеромонаху) извѣстно изъ тамошняго жизнеописанія. Только того онъ не помнитъ хорошо, точно ли при Императорѣ Юліанѣ пострадали мученики.

Время страданія опредѣлить весьма легко. Несомнѣнно, что—при Юліанѣ; весьма даже вѣроятно, что за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти

Императора, слѣдовательно около начала 363 года, или по крайней мѣрѣ подъ конецъ 362 года. Въ сочиненіи Ѳеофилакта указывается даже день мученичества — 28 Ноября.

Нельзя съ точностію опредѣлить время перенесенія мощей мучениковъ; постараюсь опредѣлить, по крайней мѣрѣ, приблизительно. Для этого, сперва должно знать время, въ какое народъ Болгарскій принялъ Христіанскую вѣру: ибо Ѳеофилактъ ясно говоритъ, что перенесеніе случилось при первомъ Христіянскомъ Царѣ Болгарскаго народа. Обращеніе Болгаръ къ Христіанству всѣ писатели согласно относятъ къ половинѣ IX вѣка, съ нѣкоторымъ различіемъ въ годахъ: изъ біографіи папы Николая I, составленной Анастасіемъ-библіотекаремъ, можно заключить, что Болгаре не принимали Христіянской вѣры до 66-го года IX вѣка; также и въ томъ всѣ согласны, что первый изъ Князей Болгарскихъ принялъ Хр. вѣру *Bogoris* (Ѳеофилактъ въ семъ сочиненіи пишетъ *Borisis*) въ крещеніи *Михаилъ.* Но писатели различно думаютъ о томъ, что̀ было побудительною причиною къ принятію вѣры: по однимъ, Михаилъ былъ убѣжденъ сестрою, увѣровавшею во время пребыванія ея въ Константинополѣ; по другимъ, въ слѣдствіе войнъ и бѣдствій; по инымъ, въ слѣдствіе чрезвычайнаго дѣйствія на его душу изображенія будущихъ мученій. Впрочемъ для меня довольно знать то, что *Борисъ* обратился въ Христіанскую вѣру около половины IX вѣка, по какому бы то ни было побужденію; отсюда заключаю, что перенесеніе мощей Тиверіопольскихъ мучениковъ случилось во второй половинѣ IX вѣка, и предшествовало времени Ѳеофилактову двумя вѣками.

Куда перенесены тѣла мучениковъ? — Сочинитель часто упоминаетъ это мѣсто и называетъ *Брагалиницею* (Bragalinitza, *Βραγαληνιτζα*, или Uragalinitza), называетъ также оное *πόλιν*, *ἐπαρχίαν*— provinciam seu metropolim. Но что это за мѣсто, и гдѣ оно именно, совершенно невозможно отыскать въ книгахъ историческихъ и географическихъ. Это слово Болгарское (а Болгарскій языкъ есть нарѣчіе Славянскаго, Slavicae, Slavonicae): почему отбросивъ окончаніе itza, nitza, тотчасъ я началъ изслѣдовать, нѣтъ ли въ Болгаріи такого города или похожаго на него, или въ другой странѣ, жители коей говорятъ Болгарскимъ языкомъ; но я нашелъ только одинъ городъ Bargala, принадлежащій къ Македоніи — второй части Восточнаго Иллирика, и, кажется, не далеко отстоящій отъ Тиверіополя. Въ это самое время вышеупомянутый монахъ сообщилъ мнѣ, что въ Македоніи точно есть городъ Bragalinitza, или какъ онъ произноситъ, Bragarinitza, но изъ большаго города сдѣлался дерев-

нею; что живутъ въ ней Турки съ примѣсью немногихъ Христіанъ, и отстоитъ она отъ *Струмицы* около пяти часовъ пути; что тамъ доселѣ сохранилось воспоминаніе о перенесеніи 15 мучениковъ, и что онъ самъ видѣлъ фундаментъ храма, сооруженнаго нѣкогда во имя ихъ. ([1])

═

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ЖИТІЯ

ПЯТНАДЦАТИ ЗНАМЕНИТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ, ПОСТРАДАВШИХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЮЛІАНА ОТСТУПНИКА, ВЪ ТИВЕРІОПОЛѢ, ПО БОЛГАРСКИ STRUMITZA. ([2])

Когда Императоръ Юліанъ издалъ строгое повелѣніе повсюду преслѣдовать Христіянъ; то одни изъ нихъ скрылись въ горахъ и пустыняхъ, а другіе разсѣялись по различнымъ мѣстамъ, оставивъ свое отечество, родныхъ, друзей и все имущество, изъ любви ко Христу.

17. Изъ числа сихъ послѣдникъ были *Тимоѳей Комазій* ([3]) (онъ же и Етимазій), *Евсевій* и *Ѳеодоръ*. Они не могли равнодушно смотрѣть ни на почитаніе идоловъ и отступничество нѣкоторыхъ изъ Христіянъ, ни на бѣдствія и мученія своихъ братій: оставили Никею и переселились въ Ѳессалонику. Когдаже, послѣ долговременнаго пребыванія ихъ этомъ городѣ, и тутъ воздвигли гоненіе на Христіанъ; тогда они, оставивъ Ѳессалонику, перешли въ *Тиверіополь*, лежащій въ сѣверной сторонѣ отъ Ѳессалоники, при началѣ земли Иллирійской. Здѣсь, получивъ нѣсколько свободы, они сѣяли сѣмя Слова Божія съ успѣхомъ. Этому очень много способствовала ихъ святая жизнь, за которую *Тимоѳей* поставленъ былъ въ епископы Церкви Тиверіополитанской; *Комазій* же, служившій прежде въ воинскомъ званіи, отвергъ всѣ мірскія почести, посвятилъ себя монашескому званію и проповѣдывалъ слово Божіе въ мѣстахъ, лежащихъ около Тиверіополя; также и *Евсевій*, принявъ на себя санъ монашескій, какъ проповѣдію такъ и святостію сво-

---

([1]) Не сообщитъ ли какихъ подробностей о мѣстности упоминаемыхъ здѣсь городовъ почтенный Одесскій Болгаринъ, В. Е. Априловъ?

([2]) Полное собраніе сочиненій Ѳеофилакта на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. Томъ III. стр. 477—512. Венец. издан. 1758 г.

([3]) Въ подлинникѣ стоитъ только начальная буква этого имени: *Κο . . . κα Ετιμασιος*. Вѣроятно, въ рукописи написано было такъ: *Κομασιος, ος και Ετιμασιος*. т. е. что мученикъ имѣлъ два имени. Нельзя думать, чтобы въ словахъ *κο . . . κα Ετιμασοις* названія двухъ лицъ, съ одной стороны потому, что, въ такомъ случаѣ, вмѣсто 15-ти вышло бы 16-ть мучениковъ, а съ другой потому, что объ Етимазіи, какъ объ особенномъ лицѣ, ничего больше не упоминается. *Примѣчаніе Венеціан. Издат.*

ей жизни привлекалъ многихъ ко Господу, отвращаясь сребролюбія, какъ корня всѣхъ золъ, и раздѣляя съ бѣдными послѣднюю кроху хлѣба, съ радушіемъ и въ простотѣ сердца, такъ, что названъ былъ отцемъ вдовъ и сиротъ: онъ былъ кротокъ и привѣтливъ, однимъ словомъ, истинный рабъ Божій; *Θеодоръ* же былъ одинъ изъ 318-ти Отцевъ, присутствовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, епископъ, исполненный благодати Божіей. Онъ-то и былъ свѣтильникомъ Православной Вѣры въ Церкви Тиверіополитанской.

18. Но не напрасно сказано въ Евангеліи: *не можетъ укрытися градъ верху горы стоя. (Мат. V, 14.)* Чѣмъ болѣе старались скрываться подвижники, тѣмъ болѣе стекались къ нимъ любители благочестія и добродѣтели. Таковы были: *Петръ, Іоаннъ* и *Сергій, Θеодоръ* и *Никифоръ, на сѣдалищи старецъ хвалящіе Господа* (псал. 106, 32), *Василій* и *Θома* изъ сана діаконскаго; *Іероѳей, Даніилъ* и *Харитонъ* монахи, и *Сократъ*, который находясь прежде въ воинскомъ званіи, пріобрѣлъ себѣ много богатства и славы, но отвергши все это, присоединился къ обществу сихъ Отцевъ. Итакъ когда они соединялись вмѣстѣ, то проводили жизнь равноангельскую, *поучаясь въ законѣ Господни день и нощь* (псал. 1, 2), просвѣщали всѣхъ жителей страны той свѣтомъ истиннаго познанія и, врачуя недуги душевные, не оставляли безъ попеченія и болѣзни тѣлесныя, не требуя себѣ никакой другой награды, кромѣ Вѣры въ Іисуса Христа. Слово Божіе тѣмъ охотнѣе принимаемо было всѣми, что чудеса служили ему вмѣсто крыльевъ.

19. Слава объ этихъ подвижникахъ благочестія далеко распространилась, и очень часто шла рѣчь объ нихъ въ Θессалоникіи. Валенсъ и Филиппъ, ревностные исполнители повелѣній Юліана въ Θессалоникѣ, слыша о ихъ равноангельской жизни и могуществѣ проповѣди, не видѣли ни въ Тиверіополѣ ни въ близь лежащихъ мѣстахъ ни одного защитника язычества, могущаго состязаться съ ними, а между тѣмъ узнали, что всѣ почти дѣлаются учениками и послѣдователями Христовыми. Валенсъ и Филиппъ, воспылавъ сильнымъ гнѣвомъ за нарушеніе отеческихъ обрядовъ и презрѣніе указовъ Юліана, приступили къ разсужденію о томъ, что должно дѣлать: сперва опредѣлили-было послать въ Тиверіополь свирѣпыхъ приставовъ, съ тѣмъ, чтобы они убѣждали ихъ принесть жертвы богамъ, а непокорныхъ, послѣ долгихъ мученій, предавали бы мечу; но, спустя нѣсколько времени, имъ показалось лучше не возлагать этого дѣла на другихъ, а принять на себя.

20. Прибывши въ Тиверіополь, они потребовали къ себѣ святыхъ мужей, и сперва лестію и угрозами, потомъ самыми жестокими мученіями хотѣли принудить ихъ къ отреченію отъ Христа; на-

конецъ, видя всю тщету своихъ усилій, повелѣли ихъ умертвить, 28 Ноября. Христіане долго не могли погребсти ихъ, боясь гнѣва Валенса и Филиппа, и совершили сіе уже по отъѣздѣ ихъ въ Өессалонику. Смерть мучениковъ не осталась безъ плода; ибо чудеса отъ ихъ мощей въ скоромъ времени обратили къ Христу весь Тиверіополь и другіе западные города, такъ что Тиверіополь для прочихъ западныхъ городовъ служилъ какъ бы маякомъ Вѣры.

21 — 27. Спустя нѣсколько времени, нѣкоторые варвары, именемъ *Обры* (*Ουμβροι*, Ombri (¹), изъ полуденной стороны, ворвались въ области Тиверіопольскія, разрушили многіе города, разорили вмѣстѣ и самый Тиверіополь, а въ немъ и св. храмы мучениковъ, такъ что мощи ихъ остались неизвѣстными.

28. По удаленіи Обровъ, такъ называемые *Болгаре* (²) изъ областей Скиѳіи перешли черезъ рѣку Истръ (Дунай), и явились какъ бы тяжкимъ бичемъ, посланнымъ отъ Бога на западныя области. Они не знали даже имени Христова, но, по Скиѳскому безумію, служили солнцу, лунѣ и звѣздамъ; были изъ нихъ даже и такіе, кои приносили жертвы собакамъ (?): дотого помрачились сердца ихъ, что почитали тварь паче Творца. Когда они *покорили подъ свою власть всю Иллирію и древнюю Македонію даже до Өессалоники*, т. е. ту часть древней Өракіи, которая лежитъ около Вереи (*Βεροη*, Beroea), *Филиппополь и также верхнія области*, то обладали этими странами, какъ сильные повелители; прежнихъ же обитателей той и другой части перемѣстили т. е. тѣхъ, кто жили въ нижнихъ городахъ, перевели въ верхніе, а изъ послѣднихъ въ нижніе. Язычники на всѣхъ смотрѣли, какъ на рабовъ и плѣнныхъ, будучи сами рабами праздности и отступниками истиннаго Бога. Но *Христіяне*,

---

(¹) При наслѣдникахъ Юліана, въ концѣ IV вѣка, на Римскую Имперію напали такъ называемые Hunni или Obri (иначе Avari), Өеофилакту *Ουμβροι*. — Греки, не имѣя буквы для выраженія славянскаго звука *б*, употребляли иногда *β*, а иногда *μπ*, даже и *μβ*, отчего герой Миссолонгскій, славный Болгаринъ *Марко Бочаръ* (родившійся въ мѣстечкѣ Воднѣ въ Македоніи, и переселившійся въ молодости вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ горы Сули) именовался на лубочныхъ картинкахъ греческими буквами *Воцарисъ*, *Мпоцарисъ*, и даже въ наши Энциклопедическіе Лексиконы внесенъ подъ *чуждыми* прозвищами *Боцари* и *Воцарисъ!!* — Подъ именемъ Гуновъ или Обровъ разумѣлись, какъ показано выше (стр. 32, 33, 34, 35), Болгаре и Великороссіяне; разборъ гипотезъ о происхожденіи Болгаръ (которыхъ объявляли то за Чухновъ то за Турковъ, то за Монголовъ) см. далѣе, въ главѣ *о старобытности Славянъ въ Россіи*, сравните стр. 28—30.

(²) Въ первое нашествіе, войско такъ называемыхъ Гуновъ или Обровъ состояло изъ Великороссіянъ и Болгаръ; во второе же нашествіе, въ ис-

подчиненные имъ, твердо сохраняя въ чистотѣ отеческую Вѣру, *во всѣхъ разговорахъ съ ними, безбоязненно проповѣдывали ученіе Христово и, сколько могли, разливали свѣтъ Евангелія.*

29 30. Когдаже *Крубошъ* (*Κρȣβος*, Crubus (¹), повелитель Болгарскій, напалъ на многіе города Римскіе (²) и взялъ славный Адріанополь, то жителей его старался переселить въ самые отдаленные города своего владѣнія. Между ними находился нѣкто *Кинамонъ*, прекрасный по наружности, еще прекраснѣе по душѣ. При раздѣлѣ плѣнныхъ по жребію, достался онъ Обритагу (³), сыну Крубову, который, какъ и многіе другіе, весьма полюбилъ его за покорность и послушаніе. Одно только огорчало ихъ, что онъ разнился отъ нихъ религіею, почему варваръ тотъ перепыталъ всѣ средства отвлечь его отъ Христа. И сперва онъ подвергнулъ его слѣдующему испытанію. По совершеніи торжественной жертвы и уготовленіи трапезы, онъ велѣлъ пригласить и Кинамона также участвовать въ пиршествѣ съ другими начальниками; но Кинамонъ совершенно отвергъ приглашеніе, помня слова Апостола: *кое общеніе Христови съ Веліаромъ?* (2 Кор. VI, 15.), и что рабамъ Христовымъ нельзя *пить чашу Господню и чашу бѣсовскую.* (1 Кор. X, 20.) Но, не смотря на то, онъ приведенъ былъ насильно, и здѣсь, — послѣ самыхъ благоразумныхъ отвѣтовъ и разсужденій о высокихъ предметахъ своей

ходѣ V и началѣ VI вѣка, преимущественно дѣйствовали послѣдніе, утвердившіеся силою меча на Балканскомъ полуостровѣ, почему Византійцы и начали ихъ называть именемъ преобладающаго поколѣнія, т. е. Болгарами.

(¹) Этотъ *Крубошъ* у Греческихъ писателей называется *Κρȣβος* или *Κρȣμος*, а въ лѣтописяхъ Франкскихъ *Crumas*; онъ началъ владычествовать надъ Болгарами около 807 г. по крайней мѣрѣ въ этомъ году въ первый разъ упоминаетъ объ немъ Зигебертъ. У насъ обыкновенно пишутъ имя этого Болгарскаго Владѣтеля *Крумъ*, откидывая греческое окончаніе *ος*, но забывая, что Греки окончаніями *ας*, *ις*, *ος*, старались выразить наши Славянскія окончанія *ашъ* (на прим. Гордашъ), *ышъ* (Черньшъ), *онъ* (Драгонъ, Милонъ); слѣдственно, *Κρȣβος* есть Крувошъ или Крубошъ (Грубошъ), а *Κρȣμος* — Крумошъ (Грумошъ, Громошъ): какое изношеніе правильнѣе, предоставляю рѣшить Болгарамъ. Нѣтъ ли у нихъ и теперь такого или подобнаго имени?

(²) т. е. Греческіе, ибо Византійская Имперія иначе называлось Восточною Римскою, а Византія (Константинополь) Новымъ Римомъ.

(³) Омвритагъ или Обритагъ (Обритой?) есть тотъ Мортагонъ (Mortagon), котораго Егингардъ называетъ *Омортагомъ*, Константинъ Багрянородный *Мутрагономъ*, а иные *Крутогономъ* (*Μȣτραγων*, *Κρȣταγων*); послѣднее имя, кажется, вѣрнѣе. — До сихъ поръ было неизвѣстно, что государь этотъ былъ сынъ Крубоша; онъ умеръ въ 826 году, по увѣренію Венеціан. издат. твореній Θеофилакта.

вѣры и ничтожности боговъ языческихъ, со стороны одного, и безумной ярости со стороны другаго, — его сперва подвергли безщадными побоямъ, а потомъ ввергли въ желѣзную темницу, въ которой онъ пробылъ до самой смерти Обритага.

31-33. По смерти его остались три сына: имя большаго *Енработа* (*Ενραβωτας*), иначе Боянъ (Boinus, *Βοινος* [1]), втораго — *Звиничъ* (*Ζβηνιτζις*, Svinitzes), третьяго — *Маломиръ* (*Μαλλωμηρος*), онъ-то и наслѣдовалъ отцовскую власть [2]. *Боянъ* (*Βοΐνος*, Boinus) вспомнилъ о Кинамонѣ и отправилъ къ брату своему Маломіру гонца, прося отыскать его и прислать къ нему. Маломіръ отыскалъ его въ темницѣ, истомленнаго голодомъ, тощаго и блѣднаго, чистый скелетъ; вывелъ его оттуда, снабдилъ всѣмъ нужнымъ и послалъ къ Бояну, который, видя его въ такомъ положеніи, спрашивалъ о причинѣ столь ужаснаго измѣненія. Кинамонъ, раскрывъ предъ нимъ страданія темничныя, отъ истощанія тѣла перешелъ въ разговорѣ своемъ къ легкости души, которая гораздо важнѣе тѣла, и долго бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ. На вопросъ Бояна — за что претерпѣлъ онъ такія страданія? Кинамонъ отвѣчалъ: «вѣра во Христа есть единственная причина всѣхъ моихъ бѣдствій», и объяснилъ ему высокую мысль и плоды мученичества. Боянъ, глубоко тронутый проповѣдію, полюбилъ мудраго Кинамона, и его бесѣды о высокихъ предметахъ Христіанской вѣры; а изучивъ ихъ, отложилъ суевѣріе и нечестія Болгарскія и принялъ *крещеніе*. Съ того времени онъ посвятилъ всю жизнь свою постамъ, молитвамъ и другимъ Богоугоднымъ дѣламъ. Когда братъ его Маломіръ узналъ объ этомъ, то призвалъ его къ себѣ и, подъ угрозою смерти, потребовалъ отреченія отъ Христа. Но Боянъ избралъ лучше смерть, говоря: «ни-«что не отлучитъ меня отъ любви Христовой, ни огонь, ни мечъ, «ни бичъ, ни другое какое-либо орудіе мученія. Лучше мнѣ при-«нять смерть за имя Христово, нежели съ нечестивыми жить гнус-«но и студно. . . Но къ чему много говорить? . . Однимъ словомъ:

(1) Что за странное имя *Ен-работа* (по латинскому выговору) или *Е-нрвота* (по греческому произношенію)! Хотя въ этомъ словѣ и слышатся родные звуки, однакожъ точно-такого имени у Славянъ не встрѣчается, почему и должно заключить, что оно дошло до насъ испорченное, тѣмъ болѣе, что другое имя того же самаго лица чисто-Славянское, *Боянъ* (Boinus) или *Воинъ* (*Βοΐνος*) — См. «Имесловъ или Рѣчникъ личны имена разны народа Славенски. Скупіо Іоаннъ Пачичъ, а умножіо, с'латінскомъ ортографіомъ изразіо и примѣчаніе додао Іоаннъ Колларъ.» Издао Іосифъ Миловукъ, у Будиму, 1828.

(2) Этого Маломіра иные называютъ Валдиміромъ, то есть Владиміромъ (см. Дюфреня, который правильно говорилъ, что онъ былъ внукъ отъ сына Крубона: свидѣтельство Болгарскаго архіепископа здѣсь очень важно).

«я отвергаю и отрицаюсь идоловъ языческихъ и ихъ почитанія; а «Христа признаю истиннымъ Богомъ, Его почитаю и Ему воздаю «должное поклоненіе.» Услышавъ эти слова, нечестивый братъ тотчасъ осудилъ его на посѣченіе мечемъ. Когда же веденъ былъ мученикъ на мѣсто казни, то, исполненный Духа Божія, такъ началъ пророчествовать: «Вѣра, за которую я нынѣ стражду, распространится по всей странѣ Болгарской, хотя убіеніемъ меня вы думаете остановить Христіанство; на всякомъ мѣстѣ воздвигнется знаменіе Креста и чистые священники будутъ чисто служить Чистѣйшему Богу, принося Ему жертву хвалы и исповѣданіе Живоначальной Троицы; идолы же, ихъ жертвенники и языческіе храмы «совершенно исчезнутъ и уничтожатся, такъ, какъ будто бы ихъ «не было; и ты самъ, спустя немного лѣтъ, не получивъ никакого плода отъ своего ожесточенія, несчастнымъ образомъ кончишь «бѣдственную жизнь свою.» Сказавъ сіе, онъ преклонилъ главу свою подъ мечъ и предалъ Богу духъ свой; а Маломіръ, спустя три года, несвоевременно скончался, и престолъ Болгарскій занялъ сынъ *Звинича, Борисъ* (¹).

34. Когда Борисъ принялъ владычество, то облако Франковъ облегло всю Болгарію (²); къ этому присоединился еще ужасный голодъ, такъ что Болгаре находились въ самомъ несчастномъ положеніи. Но Борисъ, хотя былъ еще юношею, призналъ бичъ Божій, посланный отъ карающаго Отца и Господа, да приведетъ ихъ къ познанію истины. Итакъ жъ посылаетъ посольство къ Римскому (Греческому) Императору и Сенату (тогда управлялъ Римскою Имперіею Михаилъ сынъ Θеофила), прося мира и братскаго союза и, въ подтвержденіе сего, изъявляя желаніе принять Христіанскую вѣру, для

(¹) Преемникомъ Маломіра или Владиміра, первымъ Христіанскимъ царемъ въ Болгаріи, у греческихъ и латинскихъ писателей названъ *Богорисъ, Ворисъ, Товорисъ,* даже *Богорилъ,* Βωγωρις, Βωρις, Τοβορις. Но Θеофилактъ называетъ его Борисомъ, не только здѣсь, но и въ письмѣ *ad Sebastocratoris Filium.*

(²) «Можетъ быть отсюда можно изъяснить то, что остается какъ бы неизвѣстнымъ, говоритъ Дюканжъ, т. е. что не Владиміръ, а Богоримъ (Борисъ) былъ тотъ Царь, на котораго поднялъ оружіе извѣстный Лотарій» См. Anonymus in lib. de miraculis s. Fasonis. — Помоему, дѣло рѣшается гораздо проще: Борисъ (названный во св. крещеніи Михаиломъ) имѣлъ, подобно дядѣ своему (Маломіру — Владиміру), два языческихъ имени и назывался *Владиміръ — Борисъ,* что видно даже изъ Стриттеровыхъ Memor. populorum, t. II, p. II, Bulgarica, § 73 — 78. И слѣдовательно, правы какъ тѣ хронографы, которые говорятъ, что Лотарій воевалъ съ Владиміромъ, такъ и другіе, утверждающіе, что съ Борисомъ, ибо это были два имени одного и того же лица.

какой цѣли онъ и просилъ прислать къ нему священниковъ, которые бы наставили ихъ въ истинахъ Христіанства. Римляне (т. е. Греки) охотно согласились на сіе, тѣмъ болѣе, что подобнаго никогда не ожидали отъ Болгаръ, и такимъ образомъ Борисъ принимаетъ крещеніе ([1]) и имя Михаила, въ честь Римскаго (Греческаго) — Императора, который былъ его воспріемникомъ, хотя и не присутствовалъ лично. Вмѣстѣ съ Государемъ крестились многіе сановники, благородные и богатые, а за ними почти всѣ ([2]), исключая немногихъ, но и тѣхъ принудилъ онъ къ принятію св. крещенія, собравъ противъ нихъ небольшое войско.

35. Съ того времени учреждены епископы и священники, начали строиться храмы и размножались весьма быстро; потому что съ большимъ усердіемъ возобновляли всѣ храмы, разрушенные прежде Обрами и Болгарами до обращенія ихъ въ Христіянство.

36. Борисъ царствовалъ мирно и покорилъ подъ власть свою многіе народы. Послѣ 36-ти лѣтняго своего царствованія, онъ впалъ въ жестокую болѣзнь; будучи при смерти, передалъ престолъ перворожденному сыну своему *Владиміру* ([3]) и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ монашескомъ званіи, отошелъ ко Господу.

37. Во время царствованія Бориса, явился въ Болгаріи Св. *Германъ,* явились и тѣ святые, о коихъ мы говорили выше; чудесныя же явленія ихъ происходили въ городѣ Тиверіополѣ: тамъ видѣли ихъ то стоящихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они были погребены, то ночью, ходящихъ по стѣнѣ храма; и такъ какъ они всѣмъ просящимъ подавали исцѣленіе, то и были всѣми прославляемы. Когда слухъ о семъ дошелъ до Болгарскаго Царя Михаила — Бориса, то онъ, какъ ревнитель благочестія, велѣлъ воздвигнуть имъ храмъ въ епархіи *Брагалиницкой* (Βϱαγαληνιτζα, Bragalinitza) и туда перенести мощи святыхъ;

([1]) Согласно съ этимъ повѣствуетъ также и Левъ Грамматикъ, p. 462. ed. Regiae.

([2]) Обращеніе Болгаръ къ Христіанству многіе историки относятъ къ 846-му году, а нѣкоторые къ 866-му. Можетъ быть, въ одно время начатое, въ другое оно было докончано; или, на нѣсколько времени остановленное какими нибудь препятствіями, послѣ было возобновлено. — Также различныя выставляются причины, побудившія Болгарскаго Царя Бориса принять Христіянскую вѣру; но вѣроятнѣе всего, что такихъ причинъ соединилось много вмѣстѣ.

([3]) Этого Владиміра греческіе писатели называли исковерканнымъ именемъ *Пресіамъ* (?!) Πϱεσιαμ: такъ варварски искажались у Грековъ Славянскіе звуки! Сдѣлавшись отступникомъ отъ Христіанства, преданный пьянству, онъ старался преклонить подданныхъ своихъ къ язычеству; тогда отецъ, снявъ съ себя санъ монашескій и принявъ опять кормило правленія, лишилъ глазъ и заключилъ въ темницу недостойнаго своего наслѣдника.

что и было скоро исполнено дѣятельнымъ Таридиномъ, областеначальникомъ. Послѣ того, въ сопровожденіи епископовъ, священниковъ, свѣтскихъ сановниковъ и множества народа входятъ въ Тиверіополь и, по принесеніи молитвы на томъ мѣстѣ, гдѣ они являлись, начинаютъ копать землю и находятъ мощи святыхъ, закрытыя мраморными досками; на нихъ надписаны имя каждаго, образъ, родъ жизни и достоинство; отославъ впередъ эти покрышки въ епископскій домъ въ Брагалиничѣ, чтобы они и тамъ служили для ихъ мощей покрышками, духовные и свѣтскіе сановники сами понесли мощи святыхъ, на своихъ плечахъ.

38—40. Во время сего шествія, одинъ изъ чтецовъ, по несчастному случаю, лишившійся совершенно употребленія языка, едва приблизился къ мощамъ святыхъ — вдругъ началъ говорить и славословить Господа. Видя это, весь народъ началъ припадать къ мощамъ Святыхъ и лобызать ихъ, такъ что несущіе не могли пробиться сквозь толпу. Тогда Тиверіополитане приняли намѣреніе воспротивиться перенесенію мощей Святыхъ и стали удерживать ихъ; Таридинъ не могъ убѣдить жителей ни ласкою ни просьбами, ни угрозами, и потому наконецъ, рѣшились взять только трехъ славнѣйшихъ святыхъ: Тимоѳея, Комазія и Евсевія, а прочихъ оставить въ Тиверіополѣ.

41—43. Такимъ образомъ они отправились; но, не доходя до Брагалинича около 20 стадій, встрѣтили человѣка съ вывихнутыми ногами, взывающаго громко о помощи. По приближеніи къ нему, раки сами собою остановились, и хромой, получивъ тогда возможность прикоснуться къ нимъ, вдругъ сдѣлался здоровымъ. По принесеніи молитвы священниками, они опять взяли мощи, сдѣлавшіяся легкими и подвижными, достигли Брагалинича и положили ихъ въ правой сторонѣ храма; поставленъ былъ также и клиръ, знающій Болгарскій языкъ, для отправленія на немъ священнослуженія. Но исцѣленный хромой не долго пользовался благодѣяніемъ: возвратившись въ домъ, онъ обольстилъ законную супругу другаго и переселился съ преступницею въ иную область; недолго терпѣла и благость Божія, и виновный пораженъ опять тоюже болѣзнію. И чтоже? онъ созналъ грѣхъ свой, возвратилъ жену первому мужу и, по молитвѣ Святыхъ, Господь опять исцѣлилъ его. Чувствуя благодѣяніе Божіе, онъ возблагодарилъ Его предъ лицемъ всѣхъ и, удалившись на Св. Гору, въ монашескомъ званіи посвятилъ всего себя Господу.

44. Другой человѣкъ былъ одержимъ такимъ злымъ духомъ, что его принуждены были всегда держать въ оковахъ. Когда привели его ко храму Святыхъ, то привязали къ большому дереву и поста-

вили стражей. Во время сна ихъ, бѣснуемый расторгнулъ цѣпи, ворвался въ храмъ и хотѣлъ разрушить раку Св. Евсевія; но ему вдругъ явился изъ раки мужъ страшный, весь огненный, повелѣвая духу тотчасъ оставить бѣсноватаго, что̀ и совершилось, къ изумленію всѣхъ.

45, 46 Одинъ разслабленный, принесенный родственниками къ ракѣ Св. Евсевія, какъ будто воскресъ отъ одного прикосновенія къ его ракѣ. Для полнаго же его исцѣленія, Святый являлся ему въ продолженіи трехъ ночей, помазуя все его тѣло масломъ, и наконецъ сказалъ ему: «се здравъ еси, иди и прославь Господа». Такимъ же образомъ исцѣленъ былъ и другой бѣсноватый, мучимый бѣсомъ только по временамъ.

47 — 55. *Владиміръ*, старшій сынъ Бориса, какъ сказано выше, принялъ было управленіе царствомъ ([1]); по прошествіи 4-хъ лѣтъ, вступилъ на престолъ младшій братъ его, *Симеонъ* ([2]). По приказанію сего послѣдняго, областеначальникъ Дистръ перенесъ также и мощи святыхъ Сократа и Ѳеодора изъ Тиверіополя въ Брагалиничъ, и гдѣ положилъ ихъ подлѣ показанныхъ святыхъ. И отъ нихъ также совершались многія чудеса, а именно: исцѣленъ семилѣтній отрокъ, глухой и нѣмой отъ природы; — женщина, одержимая злымъ духомъ; — нищій хромой; — прокаженный; — слѣпая женщина, и наконецъ одинъ человѣкъ, который одержимъ былъ болѣзнію прожорливости, употребляя въ день по 8-ми Болгарскихъ хлѣбовъ ([3]) и никогда не насыщаясь.

—

([1]) См. предшествующее примѣчаніе.

([2]) Дюканжъ (изъ Константина Богрянороднаго de Administr. imp. c. 32.) выводилъ, что «Симеонъ былъ сынъ Владиміра; который царствовалъ *прежде* Богорима,» тогда какъ онъ приходился тому Владиміру — Маломіру внукомъ (см. стр. 58). Теперь на основаніи яснаго свидѣтельства Болгарскаго Архипастыря можно исправить генеалогію Болгарскихъ Государей. Симеонъ былъ тотъ младшій сынъ Бориса, котораго онъ поставилъ на царство, лишивъ глазъ и заключивъ въ темницу старшаго сына; слѣдственно, тотъ Михаилъ Борисъ, Μιχαὴλ Βώρισς, который, по сказанію Дюканжа, царствовалъ послѣ Пресіама, предъ Симеономъ, есть не другой кто либо, какъ самъ отецъ ихъ, Михаилъ Борисъ, который, взявъ опять бразды правленія, снова царствовалъ нѣсколько времени, до тѣхъ поръ, пока не успокоилъ своего государства. Смотрите далѣе мои Историко-критическія поясненія и родословную таблицу Болгарскихъ Государей IX-го вѣка.

([3]) Извѣстно, что Болгаре пекутъ для себя такіе хлѣбы, что однимъ можно накормить досыта 10 и болѣе взрослыхъ людей. *Замѣчаніе Ѳеофилакта.*

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ПОЯСНЕНІЯ.

Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ, объясняющее Исторію и Генеалогію Болгарскихъ Государей IX вѣка, написано Болгарскимъ Архіепископомъ Ѳеофилактомъ, и потому, какъ произведеніе если не туземнаго урожденца, то по крайней мѣрѣ жителя Болгаріи, заслуживаетъ полную достовѣрность относительно всего чтò говорится о Болгаріи, преимущественно предъ разсказами Византійцевъ, писавшихъ по слухамъ и невѣрнымъ преданіямъ.

Это важное и любопытное для Исторіи сочиненіе напечатано въ III томѣ Венеціанскаго изданія твореній того Ѳеофилакта, который жилъ въ царствованіе Византійскаго Императора Алексѣя Комнина, писалъ разныя сочиненія противъ Латиновъ и считается обыкновенно 14-мъ Архіепископомъ Болгарскимъ. Такимъ онъ означенъ и въ «Обозрѣніи Кормчей книги» у Барона Розенкампфа (1) который заимствовалъ эти свѣденія у Дюканжа (2) и Ассемани (3); однакожъ не смотря на труды всѣхъ этихъ писателей, Исторія Болгарской Іерархіи далеко еще не полна: критика тогда только будетъ въ состояніи рѣшить многіе нынѣ загадочные вопросы, когда приведутся въ извѣстность всѣ матеріалы. Такъ на примѣръ, послѣ открытій Мацѣевскаго, Ѳеофилактъ, современникъ Алексѣя Комнина (1081—1118), долженъ быть почитаемъ *вторымъ* Архіепископомъ этого имени. Трудолюбивый и ученый авторъ «Исторіи Славянскихъ законодательствъ» представивъ доказательства, что *первоначально у всѣхъ Славянскихъ племенъ Христіанство было распространено по ученію и обрядамъ Восточнаго Православія*, и раскрывъ постепенныя усилія Папъ подчинить Славянъ Римской Церкви, обнаружилъ слѣдующія любопытныя обстоятельства раздора Византійскихъ Патріарховъ съ Римскихъ дворомъ за Болгарію, при чемъ является здѣсь, въ половинѣ IX вѣка, присланный изъ Константинополя Архіепископъ Ѳеофилактъ I. «Смотря на Болгаръ, какъ на средство къ приведенію въ исполненіе покушеній своихъ противъ Славянъ (что особенно видно въ войнахъ, веденныхъ Нѣмцами съ Ростиславомъ и Святополкомъ Моравскимъ),» — говоритъ г. Мацѣевскій, — «Франки и Нѣмцы сильно заботились о подчиненіи ихъ своей власти. Въ 864 году Императоръ Людовикъ пошелъ противъ Болгаръ и вынудилъ у нихъ обѣщаніе быть Христіанами, т. е. какъ я думаю, Римско-Католическаго

---

(1) Обозрѣніе Кормчей Книжкѣ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа (Москва, 1829). Введеніе, примѣчаніе 73, стр. 66.

(2) Du Cange, Familiae Byzant. cap. XXVIII, p. 174. Editio Regia.

(3) Assemani Calendaria Ecclesiae universae, въ III томѣ гл. IV, стр. 42 и проч; въ V томѣ гл. IV, стр 161.

исповѣданія (4), потому что они давно уже исповѣдывали Христіанскую вѣру по ученію Восточной Церкви. Эти усилія едва было не увѣнчались успѣхомъ. Болгаре, въ отмщеніе за претерпѣнныя отъ Грековъ притѣсненія, отправили въ 866 году (а не въ 861-мъ, какъ ошибочно утверждаетъ Паги) пословъ къ Германскому Императору Карлу II, съ извѣстіемъ, что они хотятъ перейдти въ нѣдра Римско-Католической Церкви, и къ Папѣ съ просьбою о разрѣшеніи 106 пунктовъ недоразумѣній ихъ въ вѣрѣ; обоихъ просили прислать имъ священниковъ. Дѣйствительно, Императоръ отправилъ къ нимъ съ своей стороны священниковъ; но ихъ предупредили священники посланные Папою, который такимъ образомъ хотѣлъ подчинить Болгаръ непосредственной своей епархіальной власти (5). Между тѣмъ пробудился Цареградскій Императоръ Михаилъ III и успѣлъ удалить изъ Болгаріи присланнаго сюда Римско-Католическаго епископа Гримоальда, удовольствовавши его денежнымъ подаркомъ. Послѣ того онъ успокоилъ Болгаръ и не допустилъ ихъ отдѣлиться отъ Восточной Церкви, назначивъ имъ въ архіепископы Θеофилакта и предоставивъ ему на церковныхъ совещаніяхъ второе мѣсто по Цареградскомъ Патріархѣ (6) Происшествіе это имѣло ужасныя послѣдствія: неприязнь, которую давно уже питали взаимно обѣ Церкви, наконецъ вспыхнула, и онѣ раздѣлились, хотя еще несовершенно.» Такъ говоритъ о Θеофилактѣ I-мъ ученый авторъ Исторіи Славянскихъ Законодательствъ (7).

Которому жь изъ этихъ двухъ одноименныхъ архипастырей должно приписать Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ: Θеофилакту I-му, жившему въ концѣ девятаго вѣка, или же Θеофилакту II-му, жившему въ исходѣ одиннадцатаго вѣка?

Венеціанскій издатель полнаго собранія сочиненій Θеофилакта II-го, не зная о существованіи одноименнаго архіепископа въ IX вѣкѣ, приписалъ Житіе своему автору, но замѣтилъ что « въ письмахъ, словахъ, рѣчахъ слогъ Θеофилакта *изысканный, менѣе понятный, совершенно сходный съ слогомъ всѣхъ Грековъ XI вѣка* (8),» а въ Житіи—напротивъ—«слогъ яснѣе и ровнѣе (9)»; но такъ какъ «*нигдѣ*

(4) Hincmari Remnensis Annales, у Пертца, I, стр. 465.

(5) Подъ годами 866 и 867-мъ Annal. Fuldens. Hincmari Remnens. Annal. у Пертца I, 379, 380, 474.

(6) Fessler, Geschichte der Ungarn und ihrer Landsassen, I, стр. 150 и другія.

(7) Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ. Изъ Мацѣевскаго перевелъ Орестъ Евецкій (Варшава, 1840), стр 43 и 44.

(8) См. выше, Мнѣніе Венеціанскаго издателя Твореній Θеофилакта о Житіи Тиверіопольскихъ Мучениковъ, стр. 40.

(9) Тамъ же, стр. 40.

не указывалось *ни на кого другаго*,» то ему и казалось справедливымъ отнесть Житіе къ сочиненіямъ этого писателя XI столѣтія ([10]). Такимъ образомъ оно провозглашено произведеніемъ XI вѣка. Но, съ другой стороны, принявъ къ соображенію, во первыхъ — отличіе слога Житія отъ прочихъ твореній Θеофилакта XI вѣка, во вторыхъ—прекращеніе разсказа о чудотвореніяхъ отъ мощей правленіемъ Симеона Борисовича, царствовавшаго надъ Болгарами въ исходѣ IX вѣка; въ третьихъ — узнавъ бытіе другаго Θеофилакта, жившаго въ исходѣ IX вѣка, можемъ съ равною основательностью приписывать Житіе Тиверіопольскихъ мучениковъ Θеофилакту I, современнику Болгарскихъ Царей Бориса и Симеона; и слѣдственно, какъ произведеніе IX вѣка, оно выиграетъ еще болѣе въ достовѣрности повѣствуемыхъ событій.

Родословіе Болгарскихъ Государей до сихъ поръ никѣмъ не было критически разсмотрѣно, по недостатку источниковъ Болгарскихъ; извѣстія же Византійскихъ хронографовъ, по чрезвычайной краткости, весьма недостаточны. Θеофилактъ, какъ Архипастырь Болгарскій, является важнымъ и вѣрнымъ руководителемъ въ этомъ лабиринтѣ. Сравнивъ его указанія съ отрывочными намёками Византійцевъ, легко разрѣшить всѣ недоумѣнія и возстановить правильную генеалогію и хронологію въ исторіи Болгаръ IX вѣка. Вотъ въ какомъ видѣ послѣ того представляется

ДИНАСТІЯ БОЛГАРСКИХЪ ЦАРЕЙ IX ВѢКА.

Крубошъ (Грубошъ).
809 — 820

Обритагъ (Крутогонъ).
820 — 826

Боянъ (Енработа). Звиничъ. Маломіръ (Владимръ).
827 — 830

Михаилъ — Борисъ
830 — 866,
вторично еще до 870 г.
скончался въ монашествѣ, 906 г.

Владиміръ (Пресіамъ). Симеонъ.
866 — 870 870 — 927

Вѣрность генеалого-хронологической таблицы, составленной мною, доказывается слѣдующимъ любопытнымъ сказаніемъ, на которое

([10]) Тамъ же, стр. 41.

давно уже обращалъ вниманіе Калайдовичь, хотя и не видѣлъ никакой возможной согласить свидѣтельства Болгаръ, очевидцевъ и современниковъ, съ таблицами Стриттера. Въ концѣ IV Аѳанасіева слова (л. 208 на оборотѣ) предъ его *посланіемъ о праздницѣ*, Калайдовичь прочелъ слѣдующее важное для Исторіи *Послѣсловіе*: «сіа книги благочестныя, наричемыя Аѳанасій, повелѣніем *Княза нашего Болгарскаго, именем Симеона*, преложи их епископ Константин въ Словенскъ язык отъ Греческа, въ лѣто отъ начяла міра ҂ѕуі҃д (6414) инд. і҃ (10), ученик сый Меѳодовъ, архіепископа Моравы; написа же ихъ Тудоръ (11) черноризец Доксовъ (12), тѣмжде Князем повелѣлъ, на устіи Тычя (13), *въ лѣто* ҂ѕуі҃е (6415) *индикта* і҃д (14), идѣже святаа златаа церкви новаа сътворена есть тѣмжде князем. Въ *се* убо *лѣто успе раб Божій*, *сего Княвя отецъ*, въ блазѣ Вѣрѣ живый, въ добрѣ исповѣданіи Господа нашего І. Х. *великій и честный и благовѣрный Господ нашъ Княз Болгарскъ, именем Борисъ, Христіанское же имя ему Михаилъ, мѣсяца Маіа въ* в҃ (2) *день, въ суботный вечер. Сей же Борисъ Болгары крестилъ есть* въ лѣто етхъ бехти (14), въ имя Отца

---

(11) Ѳеодоръ.

(12) Вмѣсто *Доксовъ* надобно, по мнѣнію Калайдовича, читать *Доуксовъ* (Дуксъ); онъ полагалъ, что *Дуксъ* (съ Латинскаго dux, вождь) должно быть прозвище, а не имя, котораго нѣтъ въ мѣсяцословѣ нашей церкви. — Извѣстно, что Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, въ началѣ X вѣка, посѣтивъ черноризца Дукса, по его настоятельной просьбѣ рѣшился перевесть Богословіе Дамаскина; не этого ли жъ замѣчательнаго человѣка былъ приближеннымъ и Ѳеодоръ (Тудоръ), переводчикъ четырехъ словъ на Аріанъ?

(13) Рѣка Тычь (на иностранныхъ картахъ Tiza) впадаетъ въ Варну (Urana), близь нынѣшняго Преслава, древняго Болгарскаго Переяславца, котораго другое имя Великій-градъ было переведено Византійцами (Мегалополь), и который также былъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Переяславца (Мегали Перолава), а въ древности назывался Марціанополь (въ часть Марціаны, сестры Траяновой); рѣка Варна (Urana) впадаетъ въ Черное море.

(14) Слова *етхъ бехти* явная ошибка: Калайдовичь, повидимому, не разобралъ хорошенько буквъ, которыми былъ обозначенъ годъ крещенія Болгаръ, и поставилъ наугадъ какія-то непонятныя слова; а многіе не-оріенталисты, выставляя эти слова какъ образецъ *древняго языка* Болгаръ, объявили въ слѣдъ за Энгелемъ, отатарившимъ Волжскихъ переселенцевъ на Дунай, что этими двумя рѣченіями доказывается *Азіатское* происхожденіе ихъ. Напротивъ, оріенталисты, которымъ это дѣло должно быть извѣстнѣе, утверждаютъ совершенно противное: по свидѣтельству члена Парижскаго Азіятскаго общества, П. С. Савельева, и, нѣсколько лѣтъ прожившаго въ Персіи, С. И. Черняева, такихъ словъ нѣтъ ни въ Араб-

и Сына и Святаго Духа, амин.» ([15]) — У Калайдовича приведена еще другая выписка, въ которой Симеонъ также названъ сыномъ Бориса: «книгы Завѣта Божія Ветхаго, сказающе образы Новаго Завѣта, истинну сущу, преложеныя отъ Греческаго языка въ Словеньскый при Князи Блъгарьстѣмъ *Симеонѣ, сынѣ Бориши*, Григоріемъ Презвитеромъ, мнихомъ, всѣхъ церковникъ Блъгарскыхъ церквій, повелѣніемъ того книголюбца Князя Семіона, истинѣ же рещи Боголюбца.»([16]) — Обѣ эти замѣтки современниковъ служатъ лучшимъ подтвержденіемъ и свидѣтельству Ѳеофилакта и вѣрности родословно-хронологической моей таблицы Болгарскихъ Государей IX вѣка.

Изъ любопытства совѣтую взглянуть на родословную Болгарскихъ Царей, составленную Стриттеромъ: Богорисъ (Борисъ), сынъ *неизвѣстнаго*, царствуетъ съ 843 до 860 года, какъ *братъ* Владиміра (т. е. Маломіра), царствовавшаго будто съ 829 до 842 года; Симеонъ выдается *сыномъ* этого Владиміра (Маломіра) и царствуетъ въ продолженіи 888 — 942 лѣтъ; сыномъ *неизвѣстнаго* является Пресіамъ (867), и *племянникомъ Симеона*, какъ сынъ то же *неизвѣстнаго*, показывается отецъ его Михаилъ — Борисъ (870). Вотъ въ какомъ хаосѣ представлялись генеалогія и хронологія Болгарскихъ государей IX вѣка!

═

скомъ языкѣ, ни въ Турецкомъ, ни въ Персидскомъ, чѣмъ и разрушаются историческія мечты не-оріенталистовъ о какомъ-то Азіатскомъ языкѣ Болгаръ.

([15]) Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, Калайдовича, стр. 98, примѣч. 40. — Замѣчу здѣсь, что началомъ года считался тогда Мартъ мѣсяцъ; желая перевесть тогдашнее лѣтосчисленіе на нынѣшнее, должно изъ лѣтъ отъ Сотворенія міра вычитать 5508 лѣтъ, если событіе происходило въ Январѣ или Февралѣ, — и 5509 лѣтъ, если говорится о Мартѣ, Апрѣлѣ, Маѣ, Іюнѣ, Іюлѣ, Августѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ. Такимъ образомъ, изъ 6415 лѣтъ отъ Сотв. міра вычтя 5509 лѣтъ (ибо Михаилъ-Борисъ скончался 2-го Мая), получимъ 906 годъ отъ Р. Х.

([16]) Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, Калайдовича, стр. 99, прим. 42. — относительно же года кончины Симеона Борисовича я согласенъ съ мнѣніемъ г. Круга, что Симеонъ скончался 927 года, 27 Мая, 15 индикт. Krug, Byzant. Chronolog. S. 165.

СВОДЪ НОВѢЙШИХЪ РАЗЫСКАНІЙ

О

СТАРОБЫТНОСТИ СЛАВЯНЪ

ВЪ ВОСТОЧНОЙ ИЛИ ВЕЛИКОЙ ГЕРМАНІИ.

Самыя великія истины въ тоже время и самыя простыя. Что можетъ быть проще истины: каждый народъ имѣетъ множество именъ собственныхъ, изъ которыхъ большая часть *мѣстныя* (географическія), и только одно *племенное*, между тѣмъ какъ сосѣди зовутъ этотъ же самый народъ совершенно *другими именами*, въ которыхъ и тѣни сходства нѣтъ. Сочтите, напримѣръ, сколько тысячъ мѣстныхъ именъ носитъ *одинъ* Русскій народъ, даже хоть въ одной Европейской Россіи. Сообразите сколько у насъ губерній, уѣздовъ, деревень! Что же, если бы какому нибудь ученому вздумалось утверждать, будто бы все это *разные народы*. Представьте себѣ черезъ тысячу лѣтъ ученаго, который вздумалъ бы читать Японскую географію, и нашелъ бы *Форонитсу* вмѣсто Польши, *Контофюрія* вмѣсто Россіи ([1]). А что, если бы съ нынѣшняго жь времени Японцы оставили эти выдуманныя имена и начали употреблять настоящія? Премудрый ученый вѣрно рѣшилъ бы такъ: «въ сѣверо-восточной Европѣ жили, въ началѣ XIX вѣка, два сильные народа, Форонитсу и Контофюри, *вѣроятно* Турецкаго или Монгольскаго происхожденія, ибо между Европейскими племенами нѣтъ ни одного, которое называло бы себя Foronitsou или Kontofuri; но такъ какъ съ половины XIX вѣка на мѣсто двухъ этихъ именъ появляются новыя имена, Россія и Польша, то *ясно*, что Монгольскіе Форонитсу и Турецкіе Контофюри *истреблены* Поляками и Русскими въ половинѣ XIX вѣка». Вы конечно расхохотались бы надъ такими невѣроятными *вѣроятно* премудраго ученаго; а мы сами, не тоже ли дѣлаемъ, съ важностію толкуя о безчи-

([1]) Mémoires relatifs à l'Asie, par M. J. Klaproth, p. 478: Foronitsou ou la Pologne...Un grand pays nommé Kontofuria — la Russie de l'Europe.

сленныхъ народахъ и ихъ истребленіи во времена такъ называемаго переселенія народовъ будто бы изъ Азіи въ Европу, тогда какъ *съ незапамятныхъ временъ до нашей эпохи* коренные Европейскіе *народы жили на своихъ мѣстахъ.*

Эта великая истина, съ каждымъ днемъ получающая новыя доказательства, должна теперь дать совершенно другой видъ Исторіи среднихъ вѣковъ, разъясняя темную загадочную эпоху временъ такъ называемаго великаго переселенія народовъ ([2]).

Сбивчивыя, невѣрныя понятія по большой части происходятъ отъ односторонняго взгляда на предметы; можно ль знать частное, когда неизвѣстно цѣлое? можно ль знать цѣлое, когда неизвѣстны всѣ части, изъ которыхъ оно состоитъ? Россія, наше отечество, страна Славянская; Славянское племя составляетъ важнѣйшую часть народонаселенія Европы; и такъ исторія Россіи необходимо должна быть объяснена исторіею прочихъ Славянскихъ народовъ, а ихъ исторія должна быть объяснена общею Европейскою: это единственный способъ для разъясненія древнѣйшихъ событій. Узнавъ *общность* Европейской исторіи, яснѣе видишь значеніе и Славянскихъ племенъ. Извѣстный французскій писатель Сисмонди ([3]) справедливо говоритъ: « надобно сознаться, что народъ почти никогда не существуетъ *отдѣльно*, слѣдовательно и исторія каждаго народа не можетъ быть *отдѣлена* отъ исторіи другихъ народовъ. Всѣ эпохи связуются, всѣ причины соединяются между собою и всѣ народы дѣйствуютъ взаимно другъ на друга».

([2]) Французская Академія Надписей, постигая всю важность этого вопроса, нѣсколько разъ вызывала ученыхъ заняться подробнымъ изслѣдованіемъ времени съ III вѣка до исхода XI-го, обративъ особенное вниманіе на опредѣленіе географическаго положенія народовъ, упоминаемыхъ Древними и этнографическаго отношенія этихъ племенъ къ нынѣ существующимъ. Вотъ что напечатано было въ *L'Institut* № 85 (p 16), janvier (1843): «L'Académie des Inscription et Belles Lettres de l'Institut de France, ayant indépendamment du jujement annuel sur le prix Gobert, quatre prix à décerner, s'il y a lieu, dans l'année 1843, on croit utile de rappeller aux concurrents, d'une manière sommaire, les sujets de ces prix: (пропускаю первыя три задачи). . . 4-ая: «Origine et émigrations des peuples qui ont habité au nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, depuis le III-e siècle de l'ère chrétienne jusqu'à la fin du XI-e siècle.» Voir pour les développements sur ce sujet de prix le programme de l'Académie de 1841, et pour son double rappel les programmes de 1839, de 1840 et de 1841. Академія требуетъ: déterminer le plus précisement qu'il sera possible l'étendue des contrées que chacun d'eux a occupées à différentes époques; examiner s'ils peuvent se rattacher en tout ou en partie à quelques-unes des nations actuellement existantes; fixer la serie chronologique des diverses invasions que ces nations ont faites en Europe.

([3]) Histoire de la chute de l'Empire Romaine, par Simonde de Sismondi.

ЛГДѢ И КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ДОЛЖНО ИЗУЧАТЬ СТАРОБЫТНОСТЬ СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ.

Изъ 240-хъ миліоновъ жителей, населяющихъ Европу, около 80-ти (4) принадлежатъ Славянскому племени, которое такимъ образомъ составляетъ почти ⅓ всего Европейскаго народонаселенія; слѣдственно, по многочисленности, Славяне значительно превышаютъ каждое изъ прочихъ Европейскихъ племенъ отдѣльно взятое: Тевтонское или Нѣмецкое (къ которому причисляется и Скандинавское), Романо-Латинское (занимающее Италію, Пиринейскій полуостровъ, Францію, Молдавію, Валахію), Литовское или Латышское, Скипетарское или Албанское, Эллинское или Греческое, Иберійское племя Басковъ и проч. Жилищами Славяне занимаютъ почти ⅖ Европы, отъ Бѣлаго моря до Адріатическаго; въ лицѣ же могущей представительницы своей, Россіи, Славянское племя повелѣваетъ сѣверною Азіею (Сибирью) и частію сѣверо-западной Америки. Въ эти части свѣта оно проникло уже на памяти Исторіи; и такъ, *въ Европѣ должно отыскивать коренное обиталище Славянскаго племени* (5).

Основа и грамматическое строеніе языка доказываютъ родство Славянъ съ другими коренными обитателями Европы: Греками, Латинами, Тевтонами и Литовцами; сравненіе жъ Азіятскихъ языковъ показало, что Славянскій языкъ имѣетъ наибольшее сродство съ Санкритскимъ (6). Правда, есть нѣсколько созвучныхъ съ

---

(4) По исчисленію Шафарика 78,691,000; сравните выше, гл. I, замѣчанія г. Срезневскаго.

(5) Разумѣю здѣсь времена, до которыхъ проникаетъ взоръ Исторіи; а вопросъ о временахъ до-историческихъ, *когда* и *какъ* разселялись люди послѣ потопа, *кто* изъ нихъ былъ родоначальникомъ нашего племени, при нынѣшнихъ данныхъ ни какъ не можетъ быть рѣшенъ здравой логической критикою: *время и обстоятельства* разселенія человѣческихъ племенъ по земному шару остались навсегда неизвѣстными для любознательнаго потомства.

(6) Начало Сравнительной Филологіи Славянской положилъ Чехъ *Геленій* въ половинѣ XVI столѣтія: *Λεξικὸν σύμφωνον* (Sig. Gelenii, Basileae, 1544) есть первое извѣстное произведеніе въ этомъ родѣ; въ Лексиконѣ Геленія содержится 8 сравнительныхъ таблицъ, въ которыхъ съ Греческими, Латинскими и Нѣмецкими словами сравнены около 450 Славянскихъ (большею частію Чешскихъ). Въ исходѣ XVII вѣка, *Абрамъ Френцель* сравнивалъ Сорабскій Лузацкій языкъ съ Греческимъ, Латинскимъ и Еврейскимъ (Frencelii de originibus linguae Sorabicae, lib. I et II, Budissae, 1693—1695); онъ даже географическія имена въ Лузаціи объяснялъ Еврейскимъ. *Поповичъ* въ Untersuchungen vom Meere (Leipzig, 1750) полагалъ, что въ Словенскомъ (Вендскомъ) языкѣ со-

Славянскими словъ и между прочими языками Азійскими, Симитическаго корня, какъ на примѣръ, въ Армянскомъ, даже Еврейскомъ, и нѣкоторыхъ другихъ; но такихъ словъ очень мало, и сходство между ними весьма отдаленное; напротивъ, коренныя слова языковъ Славянскаго, Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Литовскаго, по наблюденіямъ филологовъ, удивительно сходны и легко сравниваются одни съ другими: образованіе и производство словъ, ихъ соединеніе, склоненіе существительныхъ, степени сравненія прилагательныхъ, спряженіе глаголовъ,—все это, сравниваемое въ древнѣйшихъ формахъ, показываетъ удивительную близость этихъ

храняются корни многихъ Греческихъ словъ. *Фришъ*, родомъ Нѣмецъ, въ Исторіи Славянскаго языка, а *Ире* въ предисловіи къ своему Шведскому Глоссарію, также замѣтили сродство Славянскаго языка съ Греческимъ. Сравнительный Словарь нашего *Палласа* и другіе труды нашей Академіи въ царствованіе Екатерины Великой оказали важное пособіе филологамъ: Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, и Аделунговы: Catharinens der Grossen Verdinste um die vergleichenden Sprachen etc. (von Friedrich Adelung, СПБ. 1815) и его же Catalogue des langues etc. (СПБ. 1820). *Левекъ*, въ первомъ изданіи своей Histoire de Russie (1782) въ предисловіи сравнивалъ Славянскій языкъ съ Латинскимъ, и призналъ первый корнемъ втораго; а въ примѣчаніяхъ къ Французскому переводу Ѳукидида (1795) Левекъ привелъ около 80 словъ въ доказательство сродства Славянскаго и Греческаго языковъ; при новомъ же изданіи Histoire de Russie (Hambourg et Brunswick, 1800), Levesque помѣстилъ Essai sur les rapports de la langue des Slaves avec les langues Grecque et Latine. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, ученые различныхъ странъ Европы обратили особенное вниманіе на сродство Славянскаго и другихъ Европейскихъ языковъ. Такъ *Denina* въ 1794 году напечаталъ въ Запискахъ Берлинской Академіи Sur l'origine commune des langues Allemande, Esclavonne et Latine (Mémoires de l'Académie de Berlin), а въ 1820 г. La clef des langues de l'Europe; одинъ Миланскій ученый въ 1817 г. издалъ Observations sur la rassemblance frappante entre la langue Latine et celle des Russes; Нѣмецкій ученый Theod. *Bernd* разсматривалъ сродство Нѣмецкихъ нарѣчій въ отношеніи къ предлогамъ сравнительно съ Славянскими, присоединивъ къ тому не мало глаголовъ и именъ Латинскихъ и Греческихъ, въ сочиненіи: die Verwandschaft der Germanischen und Slavischen Sprachen (Bonn, 1822). Труды славныхъ трехъ нашихъ соотечественниковъ, Граматика Церковно-Славянскаго языка *Добровскаго*, равно Польскій Словарь *Линде* и Чешско-Нѣмецкій *Юнгмана* представляютъ богатѣйшіе матеріялы для сравнительной филологіи Славянской. Въ сочиненіи Варшавскаго ученаго, *Маевскаго* (o Slavianach Warszawa, 1816) доказывалось сродство Славянъ съ Индійцами сравненіемъ Славянскихъ словъ съ Санкритскими. На сродство же Славянъ съ Латышами и Литовцами указывали *Thunmann* въ Untersuchungen über nord. Völker, *Аделунгъ* въ Mithrid. *Линде* въ сочиненіи o jez. dawn.

языковъ и ихъ взаимное сродство, такъ что нѣкоторые объявили даже Греческій языкъ вѣтвію Славянскаго, другіе Латинскій (на пр. Соларичъ), третьи Литовскій (Тунманъ), а четвертые производили Славянскій языкъ отъ котораго либо изъ нихъ. Все это заблужденія, происшедшія отъ односторонняго взгляда на предметъ, но между тѣмъ основная мысль о тѣсной взаимной связи этихъ языковъ, о взаимномъ сродствѣ ихъ, совершенно справедлива и доказываетъ въ тоже время, что Славянскіе народы развились въ сосѣдствѣ Грековъ, Латиновъ, Тевтоновъ, Литовцевъ, когда ихъ языки развивались хотя самобытно, однакожь съ сильнымъ вліяніемъ одного на другой. Такое сродство Славянскаго языка съ ко-

---

Prusaków, *Ватсонъ* Ueber den lett. Völkerstamm въ Jahrverz. der Kurl. Ges. и другіе. — У насъ въ Россіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, *Карамзинъ* въ Исторіи Государства Россійскаго (т. I, прим. 245, 246) обратилъ вниманіе на сродство Славянскаго, Нѣмецкаго, Греческаго и Латинскаго языковъ; Академикъ Фридрихъ *Грефе* издалъ Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Russorum lingua et usibus illustrata и Commentatio qua lingua Graeca et Latina cum Slavicis dialectis in re Grammatica comparatur (СПБ. 1827). Но самый огромнѣйшій трудъ въ этомъ родѣ есть Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ, (СПБ. 1829); отецъ пресвитеръ *Экономидъ* этими тремя томами полнѣе и убѣдительнѣе всѣхъ доказалъ, что Греки и Славяне по языку ближайшіе братья между собою. *А. Ѳ. Вельтманъ* (въ Очеркахъ Россіи, кн. 3, стр. 41 — 45) доказывалъ, что Славянскій языкъ имѣетъ бо́льшее сродство съ Санкритскимъ, нежели Греческій, Латинскій и Нѣмецкій; труды *Шишкова*, Грамматика Н. И. *Греча* и А. Х. *Востокова* и Русско-Французскій Словарь *Рейфа* также замѣчательны для сравнительной филологіи; еще важнѣе Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками, составленный покойнымъ *Ѳ. С. Шимкевичемъ* (СПБ. 1842), и Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка, превосходный трудъ Протоіерея *Павскаго*, которому всѣ наши грамматики должны отдать пальму первенства. — Кромѣ исчисленныхъ выше сочиненій, Славянскій филологъ найдетъ для себя полезные матеріялы въ трудахъ и другихъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ сродства языковъ: въ превосходномъ Нѣмецкомъ Словарѣ *Аделунга* и Греко-Нѣмецкомъ *Римера* многія рѣченія Славянскія сравнены съ Нѣмецкими, Греческими и Латинскими; у Гримма въ Deutsche Grammatik многія грамматическія свойства Славянскаго языка сравнены съ Нѣмецкимъ, Греческимъ и другими, сходствующими между собою. Сочиненія *Раска* Vergleichungstafeln der europäischen Stammsprachen (Halle, 1822), *Мальтебрюна* Précis de la Géographie universelle (t. I — VI) и *Арида* Origine et affinité des langues de l'Europe (1818) доказываютъ несомнѣнное сродство Славянскаго языка съ прочими Европейскими.

решными Европейскими языками есть живое свидѣтельство старобытности нашего племени въ Европѣ (7).

(7) Нѣкоторые писатели, видя сродство Славянскаго языка съ Санскритскимъ, догадывались, что Славяне вышли изъ Индіи: это мнѣніе принято Маевскимъ, Шафарикомъ, Ѳ. Л. Морошкинымъ, М. П. Макаровымъ и А. Ѳ. Вельтманомъ, который даже пытался опредѣлить время выхода. По его мнѣнію, «Славянское племя принадлежитъ неоспоримо къ коренному Индійскому племени и отдѣлилось отъ него во время религіозныхъ войнъ, возникшихъ, *кажется*, отъ распространенія сивизма *задолго до Р. Х.*» а сивизмъ, по изъясненію А. Ѳ. Вельтмана, есть гражданство, civitas: секту Сивантовъ составляетъ отпаденіе Сивы или Шивы отъ Тримурти, въ Греціи Сива — Зевсъ у Римлянъ Шива Питаръ, Jevo, Jovis pater, сокращенно Jupiter, отецъ Сива. (Очерки Россіи, кн. 3, стр. 33. 41, 42, 43, 44, 45). Многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ, увлекшись этимъ сродствомъ Санкритскаго языка съ прочими Европейскими, вздумали всю Европу населить выходцами изъ Индіи и создали Индо-Германское племя, которое и повели отъ Гималайскаго хребта въ нашу часть свѣта; впрочемъ это мнѣніе съ самаго начала встрѣтило сильныхъ противниковъ. «Что языкъ Санскритскій, сохранившійся въ древнихъ книгахъ Брахмановъ,» замѣчаетъ Экономидъ, «есть древнѣйшій и *сроденъ съ древнимъ Мидійскимъ*, называемымъ иначе Зороастровымъ или Зендскимъ, то есть *живымъ* по значенію слова zend (по-гречески ζωντ) *и съ древними языками Европы*, — въ томъ *нѣтъ уже никакого сомнѣнія:* но что Индійскій языкъ есть *корень* сродныхъ ему языковъ, это есть мнѣніе *совершенно невѣроятное* и уже отвергнуто критиками, которые умѣютъ различать, по возможности, древнія каждаго изъ нихъ черты, кои познаются въ особенности по древнему соединенію буквъ, употребляемыхъ при составленіи и образованіи словъ. Такимъ образомъ, вопреки тѣмъ, которые почитають Санскритскій языкъ корнемъ Европейскихъ, и вопреки нѣкоторымъ пристрастнымъ любителямъ онаго, принимающимъ его за первый изъ всѣхъ языковъ міра, гораздо благоразумнѣе и вѣрнѣе разсуждаетъ Аделунгъ, доказывая въ своемъ Митридатѣ, что онъ есть языкъ древній, но не первобытный; Раскъ не безъ причины почитаетъ его даже за языкъ новѣйшій и заимствованный изъ Зендскаго (Rask, über das Alter und die Echtheit der Send sprachen, von Fr. H. von der Hagen Berlin, 1826); о новости его характеровъ писали Клапротъ въ Asia polyglotta и Franc въ книгѣ De affinitate qua lingua Sanscridamica cum ea Persarum ita conjuncta est.» Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ, Экономида, т. I, стр. XXIX — XXXI).

Для правильнаго рѣшенія, необходимо обнять вопросъ со всѣхъ сторонъ, принявъ къ соображенію не только лексикографію, но еще логику языковъ (или порядокъ словъ въ предложеніи, почитаемый въ той семьѣ за естественный) и самое даже физическое устройство поверхности нашего материка; все это исполнено извѣстнымъ нашимъ оріенталистомъ О. И. Сенковскимъ въ превосходной статьѣ его *Азія*, помѣщенной въ I томѣ Энциклопедическаго Лексикона. «Протянемъ,» говоритъ онъ, «черту отъ горнаго центра Азіи до сѣверной оконечности Ботническаго Залива, и другую отъ того же центра до Кореи: въ этомъ огромномъ углу, объемлющемъ весь сѣверъ Азіи и Европы, живутъ языки, различные по названіямъ, но обнаруживающіе своимъ строеніемъ и духомъ, что

Въ этой части свѣта, коренномъ обиталищѣ Славянскихъ племенъ, лежатъ Россія и Польша; въ Германіи живутъ они, пере-

одна и таже основная мысль, одна и таже логика руководствовали ихъ образованіемъ: они развились всѣ изъ одного зародыша, какой бы онъ ни былъ, на различныхъ террасахъ сѣверной оконечности восточной плоской возвышенности; они всѣ сродны между собою, отличаются одинаковою и весьма рѣзкою физіономіею, и образуютъ одну семью, раздѣленную на четыре главнѣйшія отрасли: Маньджурскую, Монгольскую, Турецкую и Финскую, — семью, которую мы назовемъ общимъ именемъ, Монгольскою, или точнѣе семьею языковъ Монгольскаго племени.

«Паралельно чертѣ, проложенной отъ центра Азіи къ верху Ботническаго Залива, проведемъ другую, отъ сѣвернаго угла Персидскаго Залива къ южной оконечности Англіи. На этой обширной полосѣ обитала прежде другая семья языковъ, раздѣленныхъ на двѣ главныя отрасли и тоже сродныхъ между собою; но замѣтьте, — совсѣмъ другая основная мысль проявляется въ устройствѣ и расположеніи ихъ звуковъ; слова ихъ дѣйствуютъ и движутся совершенно по другой логикѣ, и, что важнѣе, послѣдняя діаметрально противоположна логикѣ языковъ семьи Монгольской. Полоса эта заключаетъ въ себѣ всю Персію, Малую Азію, юговосточную и среднюю Европу: на ней процвѣтали — въ Азіи разные языки Персидской отрасли, Зендъ, Пеглеви Парси, Мидійскій, Курдскій и мн. другіе, между которыми находился гдѣ-то къ югу и Санскритскій, а въ Европѣ — языки Европейской отрасли, Греческій, Латинскій, Нѣмецкій, Славянскій, Гальскій и прочіе. Нынѣ не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ эти отрасли имѣютъ общее начало и, такъ сказать, составляютъ *природное слово Кавказскаго племени*, распространеннаго по всей полосѣ; но *никакъ нельзя допустить, чтобы это слово первоначально вышло изъ Индіи*, какъ того хочется ученымъ Индо-Германцамъ потому только, что одинъ изъ языковъ этой семьи, именно Санскритскій, отысканъ недавно въ Индостанѣ. Изображеніе физическаго устройства Азійскаго материка освѣщаетъ особенно одинъ важный пунктъ, — *преграды, поставленныя самою природою* выходу племенъ изъ Китая и Индіи, на которую предпріимчивые завоеватели могутъ нагрянуть съ сѣвера, но изъ которой нельзя выходить массамъ. Да сверхъ того, подвижныя поколѣнія всегда стремятся сами на полуострова: *нѣтъ ни какихъ причинъ, которыя бы вытѣсняли оттуда туземцевъ*. По этому можно заключить съ нѣкоторою увѣренностью, что древнѣйшая и естественная граница языковъ Персо-Европейскихъ съ юга суть Гималайскія Горы; что *Санскритскій языкъ занесенъ въ Индію съ сѣвера*, и что онъ нѣкогда господствовалъ въ ней посредствомъ правительства и вѣры только такъ, какъ потомъ языкъ ново-Персидскій, введенный туда Магометанскими завоевателями. Это предположеніе, о которомъ намекалъ уже Абель-Ремюза, тѣмъ правдоподобнѣе, что *коренные туземные языки Индійскаго полуострова по-сю-пору не имѣютъ никакого сродства съ Санскритскимъ*, хотя и начинялись его словами. Въ Европу перешли безъ-сомнѣнія нѣкоторыя Персскія нарѣчія, имѣвшія большое сходство съ Санскритскимъ: да и тутъ должно допустить *многія ограниченія*. Между Малою Азіею и юго-восточной Европою нѣтъ такого перешейка для удобнаго прохода народовъ, какъ между Ураломъ и Каспійскимъ Моремъ, и два пролива, которые въ

мѣшиваясь съ Нѣмцами и Мадярами (Венграми); на Балканскомъ полуостровѣ, перемѣшиваясь съ Албанцами или Скипетара-

---

этой сторонѣ раздѣляютъ оба материка, во всякомъ случаѣ дѣлали переселенія массъ весьма затруднительными. Не должно ли скорѣе Перскіе языки признать *Европейскими?* Многія весьма убѣдительныя доказательства можно привести въ пользу того, что въ глубокой древности разныя Перскія поколѣнія обитали на западныхъ берегахъ Чернаго Моря, въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ краю и во Ѳракіи; знаменитая Имперія Скиѳовъ состояла изъ нихъ преимущественно (?); они окружали Эвксинъ съ запада и съ юга и въ Азіи первоначально сперты были, кажется, въ сѣверной части Анатоліи, Мидіи и Парѳіи, откуда уже завоеваніями и вѣрою разнесли свои языки по всей полосѣ до Персидскаго Залива и Гималайскихъ горъ, и бросили одинъ изъ нихъ въ Индію. Не смотря на обще-принятое мнѣніе о пришествіи всѣхъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ изъ Азіи, *переселенія племенъ* этимъ путемъ *изъ Европы* въ ту часть Свѣта *были*, повидимому, *чаще и значительнѣе*, нежели обратно. Любопытныя открытія въ гробницахъ и чертогахъ Египетскихъ обнаружили фактъ, котораго никто не подозрѣвалъ доселѣ, именно, что *Египетъ былъ покоряемъ въ древности племенами Европейской крови*, людьми съ *бѣлымъ лицемъ, голубыми глазами, орлинымъ носомъ* и желтыми, или, какъ Восточные говорятъ, *красными* волосами. Такъ называемые пастушескіе цари Египта, то есть, кочевые его побѣдители, пришедшіе отъ южныхъ береговъ Чернаго и Каспійскаго Моря, принадлежали къ такому поколѣнію, и при изображеніяхъ этихъ людей открыты надписи, въ которыхъ именуютъ ихъ *Скиѳами*. Все это и многія другія обстоятельства достаточно доказываютъ, что древнѣйшія Перскія поколѣнія, окружавшія Черное Море отъ устья Дона до южныхъ береговъ Каспія, были *болѣе Европейскаго племени, чѣмъ Азіятскаго*, и что причина сходства нашихъ языковъ со старымъ и новѣйшимъ Персидскимъ и съ Санскритскимъ, которой искали въ Индіи, лежитъ гораздо ближе, на землѣ собственнаго нашего материка.

«Возвратимся къ большой чертѣ, протянутой отъ верхняго угла Персидскаго Залива къ южной оконечности Англіи, и проложимъ отъ этой точки другую черту къ югу, по западному берегу того жъ залива. Часть Азіи, заключенная въ этомъ широкомъ углу, будетъ содержать въ себѣ древнюю Халдею, Месопотамію, Сирію и Аравію. Это отечество народовъ и языковъ Арабскаго колѣна, или такъ называемыхъ Симитическихъ. И здѣсь повторяется тотъ самый удивительный феноменъ, который мы уже отмѣтили въ семьяхъ языковъ Монгольскихъ и Персо-Европейскихъ, на который укажемъ еще въ семьѣ языковъ Китайскихъ, и который неоспоримо доказываетъ, что ихъ основатели, разшедшись послѣ столпотворенія въ четыре различныя стороны Свѣта, создали себѣ каждый порознь слово, по особому плану и по другимъ понятіямъ о дѣлѣ; что каждый изъ этихъ первобытныхъ языковъ, отцевъ будущихъ семей, образовался очень далеко другъ отъ друга и безъ сообщенія съ другими, — одинъ у подножія Алтая, другой между Чернымъ и Адріатическими Моремъ, третій за Ливанскими Горами, четвертый около нынѣшняго Кантона Система расположенія звуковъ въ рѣченіяхъ, способовъ употребленія органовъ голоса и основная мысль языка въ Симитической семьѣ

ми, Эллинами или Греками, Ромунами (потомками Гетовъ и Римлянъ въ Валахіи и Молдавіи) и Оттоманами или Турками: *станемъ снимать со всего этого пространства позднѣйшіе слои народонаселенія*, тогда мало по малу откроется для насъ, какіе народы должно признать *туземцами*, и какіе *пришельцами*, позднѣйшими поселенцами.

Въ Европейской Россіи, кромѣ Славянскаго народонаселенія, очень значительно народонаселеніе Финское на сѣверѣ и Татарское въ странахъ примыкающихъ къ Волгѣ и ниже къ Каспійскому морю. Татаре (которые сами себя называютъ Турками) заняли Волжскую сторону большею частію во время страшнаго своего нашествія на Россію, въ XIII вѣкѣ, подъ предводительствомъ Монгольской ди-

---

такъ различны съ тѣмъ, что̀ мы видимъ въ другихъ семьяхъ, что кажутся какъ-бы нарочнымъ усиліемъ ума сдѣлать что-нибудь отнюдь непохожее на на все существующее. Но тутъ должно замѣтить другое еще любопытнѣйшее явленіе: Симитическіе народы, по образованію своихъ череповъ и по чертамъ лицъ своихъ, принадлежатъ вмѣстѣ съ нами къ Кавказскому племени, — и логика ихъ языковъ та же, какъ и Персо-Европейскихъ!

«Перейдемъ теперь за линію, которую мы провели отъ центра восточной нагорной страны къ Кореѣ. Другая линія, выходящая изъ того жь центра къ устьямъ Ганга, составитъ съ нею уголъ, въ которомъ заключаются полуостровъ поту сторону этой знаменитой рѣки и области собственнаго Китая, занятыя народомъ, принадлежащимъ по сложенію головы къ Монгольскому племени. Опять новый, совсѣмъ различный способъ употребленія органовъ голоса! опять совершенно другая система расположенія звуковъ и движенія ихъ словъ! и опять, — удивительное дѣло! — логика языковъ цѣлой семьи столь разнообразныхъ, та же, или почти та же, какъ и языковъ Монгольской семьи! Кажется, какъ-будто тотъ или другой порядокъ мыслей составляетъ вопросъ племенной!

«Весьма достойно примѣчанія, что почти на всѣхъ второстепенныхъ плоскихъ возвышенностяхъ, или на высотахъ, стоящихъ отдѣльно отъ двухъ главныхъ нагорныхъ странъ Азіи, образовались языки, не имѣющіе никакого лексикографическаго сходства съ четырьмя большими семьями, но все-таки слѣдующіе логикѣ того племени, къ которому относятся сами народы, или представляющіе смѣсь двухъ логикъ, если народъ происшелъ отъ помѣси двухъ племенъ. Плоская возвышенность Декана кажется гнѣздомъ коренныхъ языковъ Индіи по-сю сторону Ганга, и отличается именно этимъ страннымъ смѣшеніемъ двухъ противныхъ порядковъ мыслей, изъ которыхъ каждый называется естественнымъ у своего племени. Впрочемъ *то самое существуетъ* отчасти въ языкѣ Санскритскомъ, и еще болѣе въ нарѣчіяхъ, происходящихъ отъ него». — (Энцикл. Лексик. т. I, въ статьѣ *Азія,* отдѣленіе VII-ое *Азійскій человѣкъ.*) Очень жаль, что Лексиконъ не дошелъ до конца, ибо теперь мы уже не увидимъ обѣщанной О. И. Сенковскимъ статьи *Языкознаніе*, въ которой хотѣлъ онъ подробно развить мысль свою; но любители исторіи и филологіи были-бъ крайне обязаны ему, еслибъ онъ рѣшился дать мѣсто этой важной статьѣ въ своей «Библіотекѣ для чтенія».

пастіи Чингиса; до того времени Турецкое народонаселеніе по Волгѣ было не слишкомъ значительно и находилось подъ властію Болгарскаго Владавца, котораго Арабскіе писатели называли царемъ Славянъ (Малекъ-эль-Саклабъ, rex Sclabinorum). Финны искони обитали на сѣверѣ: въ отдаленнѣйшей древности они были извѣстны Римлянамъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ обитаютъ и нынѣ; ученый Лербергъ показалъ, что ниже Ладожскаго озера Финское племя никогда не жило. Выходцевъ изъ нашей Руси, Мадяровъ или Угровъ (иначе Венгровъ) напрасно вздумали было нѣкоторые писатели причислять къ Финскому племени: языкъ ихъ доказываетъ противное. Професоръ Пожонской (Пресбургской) Римско-Католической Академіи, Григорій Данковскій (Gregor Dankowszky), разбирая составъ Мадярскаго языка, показалъ, что въ немъ коренныхъ словъ: 4668, а изъ нихъ Славянскихъ 1898, Мадярскихъ (сродныхъ съ Турецкими) 962, Греческихъ 889, Латинскихъ 534, Нѣмецкихъ 228, Итальянскихъ 268, Французскихъ 25, Еврейскихъ 4, Финскихъ же ни одного ([8]), чѣмъ и опровергаются всѣ неосновательныя предположенія о Финскомъ происхожденіи Мадяровъ. Откинувъ позднѣйшіе наплывы, Греческій, Латинскій, Нѣмецкій, и проч. останется масса первобытнаго языка Мадяровъ, Славянская и Турецкая; грамматическое жъ строеніе Венгерскаго языка доказываетъ, что онъ принадлежитъ къ семейству Турецкихъ нарѣчій ([9]), почему Византійцы постоянно и называли Венгровъ Турками. Это кочевое Турецкое племя, бывшее подъ властію Донскихъ Козаровъ, по предложенію Императора Арнульфа удалилось въ Паннонію въ концѣ IX вѣка; но родственныя Мадярамъ поколѣнія Кумановъ или Половцевъ (которыхъ часто смѣшивали съ Печенегами) удалились за Карпаты только уже послѣ Батыева нашествія, въ концѣ первой половины XIII вѣка. Кочевья этихъ Турецко-Мадярскихъ поколѣній извѣстны были Геродоту ([10]); слѣдственно за исключеніемъ ихъ, все остальное *пространство*

([8]) Словарь Мадярскаго языка, составленный Данковскимъ, Magiaricae linguae Lexicon (Posonii, 1833), заслужилъ вниманіе Австрійскаго Императора, который наградилъ трудъ автора золотою медалью.

([9]) Любопытное, хотя краткое, грамматическое сравненіе частей рѣчи Мадярскаго и Турецкаго языковъ можно читать въ книгѣ Венелина «Древніе и нынѣшніе Болгаре,» ч. I, стр. 98—202.

([10]) Ученый нашъ соплеменникъ, графъ Потоцкій, первый началъ утверждать, что вмѣсто Іуrкае у Геродота должно читать Тугкае. Эйхвальдъ принялъ это чтеніе, доказывая справедливость его Плиніемъ и Мелою, опредѣлительно упоминающими о Туркахъ; онъ думаетъ, что и у Страбона слѣдуетъ читать не Ουργοι, Urgi, но Θυργοι, *Өюрги*, *Тюрги*, тѣмъ болѣе, что есть примѣры такого произвольнаго превращенія Т въ

между Ладожскимъ озеромъ, Волгою и Чернымъ моремъ (т. е. весь Велико-Россійскій, Мало-Россійскій и нынѣшній Ново-Россійскій край) *населяли Русскіе Славяне*, какъ бы ихъ не величали Греки: Чужаками (Скиѳы), Ящероглазыми (Савроматы), Чернокафтанниками (Меланхлены), Длинноголовыми (Макрокефалы), Собачьими-головами (Кинокефалы) и другими подобн. именами, въ числѣ которыхъ однакожь попадаются и настоящія, переведенныя съ Русскаго на Греческій, и сохраненныя Геродотомъ, какъ на пр. названія Полянъ (Георги), Древлянъ (Гилеи), обитателей Конскихъ-водъ (Каллиппиды), жителей Ахиллова Бѣга (Дромиты) ([11]) и проч. Этотъ

О (въ имени Тюрагетовъ, прозванныхъ Ѳюссагетами). Эйхвальдъ замѣчаетъ, что выговаривая *Тюрки*, вмѣсто «Турки», Страбонъ болѣе приближался къ настоящему произношенію этого слова.—Н. Г. Бутковъ (Оборона Лѣт. Рус. 42,—43, 279—280) полагаетъ, что народъ Мадьярскій составился изъ соединенія *Турецкаго поколѣнія Кабаровъ* или Башкиро-Печенеговъ (почему Якутъ, Касвини, Аланеддинъ и другіе называли Венгерское Государство Башкардіею; а Карпини и Рубруквисъ, говоря о Башкиріи, называютъ ее Великою Венгріею, по отношенію къ Венгріи Дунайской) *и родственнаго намъ племени Угровъ Черныхъ* или Славянъ Кавказскихъ, «которыхъ слабые остатки извѣстны и теперь въ Кабардѣ, подъ именемъ Чегемовъ и Балкаръ, или Чеховъ и Болгаръ, *потерявшихъ уже языкъ Славянскій*, также какъ Маріупольскіе Греки между Татарами.» Это послѣднее обстоятельство и должно сильно потрясти систему г. Буткова, ведущаго всѣхъ Славянъ съ Кавказа: только *совершенно отчужденныя отъ единоплеменниковъ* поселенія могутъ сливаться съ иноязычными туземцами и забывать свой природный языкъ. Слѣдственно, если бъ Кавказъ былъ коренпымъ обиталищемъ всѣхъ Славянъ, то и Славянскій языкъ не могъ бы тамъ быть заглушенъ другими, небольшими нарѣчіями. Такъ точно, въ Германіи, не смотря на постоянное стремленіе Тевтонскихъ государей онѣмечить страну ту, Славянскій языкъ все же сохранился.

([11]) Ахиллъ, по ясному свидѣтельству древнихъ, былъ не Грекъ, но Скиѳъ, нашъ соотечественникъ. Вотъ подлинныя слова Льва Діякона (кн. IX, гл. 6): «Арріанъ въ своемъ Периплѣ говоритъ, что Ахиллъ, сынъ Пелея, былъ родомъ Скиѳъ и родился въ Мирмекіонѣ, небольшомъ городкѣ на берегу Азовскаго моря; за властолюбіе и жестокость изгнанный Скиѳами изъ своей родины, онъ переселился въ Ѳессалію. Покрой его одежды, его русые волосы и голубые глаза ясно подтверждаютъ это извѣстіе объ его происхожденіи».—Авторъ Естественной Исторіи человѣческихъ поколѣній, Histoire Naturelle des races humaines (Paris, 1816) Демулень, руководимый свидѣтельствомъ Арріана и Льва Діякона, говоритъ «Скиѳское происхожденіе Ахилла объясняетъ какимъ образомъ произошли названія: *Ахиллова острова* близь устья Днѣпра, *Ахилловой гробницы* въ 120,000 шагахъ отъ этого острова, и *Ахиллова бѣга* (Dromos Achilli — отсюда Dromitae), берега отъ устья Днѣпра до залива Карцинитскаго (Carcinitis) или Перекопскаго.»—

выводъ исторической логики вполнѣ подтвердится далѣе и другими соображеніями здравой критики.

На Балканскомъ полуостровѣ владычествующее народонаселеніе, хотя самое немногочисленное, составляютъ Османскіе Турки; имъ подвластны: Ромуны (Волохи, часть которыхъ отъ рѣки Молдавы приняла мѣстное названіе Молдаванъ), Славяне (Болгаре и Сербы) Скипетары или Албанцы (Арнауты), Эллины или Греки.—Османскіе Турки начали утверждаться въ Европѣ съ половины XIV вѣка и окончательно завоевали страну ту въ половинѣ XV столѣтія; слѣдовательно, до XIV вѣка на Балканскомъ полуостровѣ находились: по обѣ стороны горъ Гемуса Славяне (Болгарскія и Сербскія поколѣнія); за Дунаемъ Ромуны, на юго-западѣ къ Адріатическому морю Скипетары, на югѣ Эллины; послѣднія два племени, Эллинское (Греческое) и Скипетарское (Албанское, древне-Македонское) всегда были туземцами этого полуострова. Племя Латино-Романское (Волохи, Молдаване) начало составляться отъ соединенія Латино-Римскихъ поселенцевъ съ Славянскими туземцами (Гетами, Даками) со втораго вѣка по Р. Х. Когда же появилось племя Болгаръ, занявшихъ почти всю восточную часть Греческой Имперіи отъ Дуная до Солуня включительно, и Сербовъ, занявшихъ Сербію, Боснію, Иллирію, Черногорію и Герцеговину? Александрійскій математикъ Паппъ, жившій въ концѣ IV вѣка, пишетъ, что одну изъ шести Ѳракійскихъ областей, самую обширнѣйшую, уже населяли 25 поколѣній Славянскихъ ([12]); но, если и признать—какъ думаетъ г. Чертковъ ([13])—Ѳракійцевъ за племя Славянское, то все же возникаетъ вопросъ: по какой причинѣ народъ даже въ Солунѣ называетъ себя Болгарами, когда властъ Болгарскихъ государей не простиралась на тѣ области? Если же Болгаре тамъ поселились, соединясь съ туземными Славянскими обитателями, то когда это воспослѣдовало? Въ VIII, VII, VI столѣтіяхъ Византійцы ничего не говорятъ о вторженіи въ тѣ страны Болгарскаго народо-населенія; слѣдовательно, появленіе Болгаръ въ юго-восточныхъ предѣлахъ Византійской имперіи должно отнести по крайней мѣрѣ къ IV-му и V-му вѣкамъ, т. е. именно къ тому времени, когда бушевалъ въ тѣхъ странахъ народъ, извѣстный у Грековъ подъ именемъ Гуновъ и Обровъ или Аваровъ ([14]).

([12]) Maxima Bibliotheca veterum patrum. t. IV, 773.

([13]) О переводѣ Манассіиной лѣтописи на Словенскій языкъ, по двумъ спискамъ, Ватиканскому и Патріаршей библіотеки, съ очеркомъ Исторіи Болгаръ. Изслѣдованіе А. Черткова. Москва, 1842.—Стр. 44 и прим. 75, 91 и 99.

([14]) Этотъ выводъ исторической логики вполнѣ оправдывается согласнымъ

II. ГЕРМАНІЯ ЗАПАДНАЯ И ВОСТОЧНАЯ; ВДВИЖЕНІЕ ТЕВТОНОВЪ ВЪ ЗЕМЛЮ СЛАВЯНЪ, И ОТСЮДА ОПРЕДѢЛЕНІЕ КОРЕННЫХЪ ОБИТАЛИЩЪ ТОГО И ДРУГАГО ПЛЕМЕНИ.

Въ Германіи, — странѣ между Вислою и Рейномъ, по опредѣленію Тацита, — все народонаселеніе принадлежитъ тремъ племенамъ: на западѣ Тевтонскому или Нѣмецкому; на востокѣ Тевтонскому и Славянскому, на юго-востокѣ Тевтонскому, Славянскому и Мадярскому или Венгерскому.—Турецкое племя Мадяровъ утвердилось на берегахъ Дуная и Тисы во второй половинѣ IX вѣка, послѣ покоренія Закарпатской Руси и Словенъ съ Словаками; слѣдовательно, до половины IX вѣка, или до прихода Мадяровъ въ юговосточную Германію, въ ней находились только два собственно Европейскихъ народа: *Славяне и Нѣмцы*, и оба должны быть признаны *туземцами Германіи.* Западная Германія, или Рейнская, сплошь заселена несмѣшанными племенами Нѣмецкими; восточная Германія,—куда относимъ Австрійскую имперію, Саксонское королевство и Прусское государство, — заселена двумя главными племенами, Славянскимъ и Нѣмецкимъ, сосѣдя у Вислы съ Литовскимъ племенемъ, занимающимъ юго-восточный берегъ Балтики. Часть земли Словенъ, покоренная Карломъ Великимъ, заселена была съ того времени южнымъ Нѣмецкимъ племенемъ, которое съ IX вѣка стало совершенно искоренять туземцевъ; кромѣ этого собственно эрцгерцогства Австрійскаго, во всѣхъ прочихъ частяхъ Австрійской имперіи Славянское народонаселеніе (Словене, Чехи, Моравы, Русины, Хорваты и проч.) значительно превышаетъ Нѣмцовъ. Въ странахъ по Эльбѣ (Лабѣ) когда появились Тевтоны, исторія знаетъ несомнѣнно: тамошнія Славянскія племена Сорабовъ (Сербовъ), со временъ Тевтонскихъ наслѣдниковъ Карла Великаго, особенно же съ X вѣка, постепенно были покоряемы Нѣмцами — Саксонами ([15]) и въ нѣкоторыхъ областяхъ

свидѣтельствомъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Византійскихъ писателей. Здѣсь укажемъ, для примѣра, на Ѳеофана и Кедрина, которые положительно говорятъ, что Славянъ въ Греціи называютъ Гуннами, οἱ Οὖννοι οἱ καὶ Σκλαβενοι, а Патріархъ Никифоръ скажетъ опредѣлительно, *какое* изъ Славянскихъ племенъ называютъ Гуннами, указывая на Болгаръ, Οὖννοι Βουλγαροι. Подробности см. далѣе.

([15]) Отчего страна та и получила названіе Саксоніи. Послѣ Вердюнскаго договора, въ половинѣ IX вѣка, границею Нѣмецкихъ маркграфствъ были рѣки Сала и Эльба; въ странахъ по сю сторону Эльбы Нѣмцы стали утверждаться по немногу только съ половины X вѣка, съ основаніемъ маркграфствъ: Мейсенскаго въ Миснѣ, Саксонскаго въ землѣ Сорабовъ и Шлезвигскаго въ странахъ Поморскихъ Славянъ.

въ теченіи восьмивѣковаго рабства совсѣмъ онѣмечены. Подвигаясь далѣе, Саксоны завоевали къ концу среднихъ вѣковъ все южное Балтійское поморье; Велетское (Полабское) и Сорабское славянское народонаселеніе мало по малу было истребляемо, и теперь, — уже въ *нѣмецкихъ* владѣніяхъ, Бранденбургѣ, Помераніи, Мекленбургѣ, Люнебургѣ, Голштиніи и Ганноверѣ—всѣ говорятъ по-Нѣмецки ([16]). И такъ до появленія южныхъ Нѣмцовъ или Швабовъ въ землѣ Словаковъ въ IX вѣкѣ, и Сѣверныхъ Нѣмцевъ или Саксоновъ въ Великой Сербіи и Поморьѣ въ X вѣкѣ, *вся Восточная Германія была заселена племенами Славянскими;* ясно, что Нѣмцы, начавшіе здѣсь утверждаться съ IX и X вѣковъ, были племенемъ пришлымъ, а *Славянскія племена Поморянъ, Сорабовъ, Чеховъ, Закарпатскихъ Русиновъ, Словенъ были туземцы въ Великой Германіи,* какими бы именами ихъ ни называли чужестранцы; слѣдственно войска, набиравшіяся между народами Великой Германіи и выходившія отсюда въ южную Европу въ VIII, VII, VI, V, IV, III, II и I вѣкахъ по Р. X, принадлежали къ которымъ нибудь изъ этихъ Славянскихъ племенъ, хотя бы иноплеменники называли ихъ не Велетами а Weltae, не Сорабами а Servetii, не Ляхами а Ligi, не Чехами а Цигами, Ziginni, не Краинцами а Carni и проч. Такъ заставляетъ принять историческая логика, и выводъ ея въ полнѣ подтвердится соображеніемъ свидѣтельствъ древнихъ и среднихъ вѣковъ.

Нѣмецкія племена, которыя сами себя зовутъ Тейтшерами, какъ уже сказано, заселяютъ сплошь страну при-Рейнскую, и не смотря на множество мѣстныхъ названій, могутъ быть раздѣлены на два поколѣнія: сѣверное или Саксонское и южное или Швабское; кромѣ того значительная отрасль Нѣмецкаго племени, съ незапамятныхъ для исторіи временъ, занимаетъ Датскій полуостровъ съ ближними островами, и Скандинавскій полуостровъ т. е. Швецію съ Норвегіею. Съ неизвѣстныхъ временъ отдѣлясь отъ родичей, Датско-Скандинавское племя понынѣ остается въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ бы особое цѣлое. Саксоны, съ X вѣка начавшіе утверждаться въ

---

(16) Въ странѣ Славянскаго племени Линовъ, въ Люнебургскихъ областяхъ, долѣе всего держалось Славянство; въ первой половинѣ прошедшаго вѣка въ нѣкоторыхъ деревняхъ можно было еще встрѣтить Славянскій языкъ и Славянскіе нравы; въ 1751-мъ году, *въ послѣдній разъ*, тамъ проповѣдывали на Славянскомъ языкѣ. Линоны принуждены были принять Нѣмецкихъ учителей и проповѣдниковъ: 1751 wurde hier zum letztenmal slavisch gepredigt, dann bekamen die Linonen deutsche Schulmeister und Prediger. Смотри замѣчательную статью Die slavisch-germanische Völkermischung въ Allgemeine Zeitung, 1841, No 141, мая 21.

Великой Германіи, въ V вѣкѣ слѣдственно заселяли только свою коренную отчизну; и въ самомъ дѣлѣ, Орозій свидѣтельствуетъ, что Саксонское племя занимаетъ только низовья Рейна до устья Везера, т. е. ту страну, въ которой, по свидѣтельству Римлянъ, обитали Тевтоны, Teutoni, Teuchteri (Tenchteri) т. е. Teutscher' ы, какъ они сами себя называютъ. Швабское племя, занимающее часть Швейцаріи, Баденъ, Виртембергъ, Баварію ([17]), находится на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ, по свидѣтельству Римлянъ, жили Alamanni и Nemetes. Слѣдственно, тотъ народъ, который самъ себя зоветъ Тейтшерами, тогда какъ жители Галліи называютъ его насмѣшливымъ именемъ Аламанами ([18]), а Славяне Нѣмцами, искони вѣковъ

([17]) По Восточная часть Баваріи, или Франконія, — по свидѣтельству Шлёцера, — въ половинѣ среднихъ вѣковъ была еще заселена Славянами, равно какъ и эрцгерцогство Австрійское; эти земли начали получать Нѣмецкое народонаселеніе только со временъ Карла Великаго. Франконскихъ Славянъ Римляне называли Vindelici.—«Есть еще отрасль южныхъ Сла«вянъ, а именно во Франконіи», пишетъ Шлёцеръ въ своей Сѣверной Исторіи. «Что Франконію въ VIII вѣкѣ населяли Славяне, то извѣстно «отчасти изъ граммать и лѣтописей среднихъ вѣковъ, отчасти же изъ су«ществующихъ донынѣ Славянскихъ слѣдовъ и остатковъ». Nordische Geschichte, 234. — Сравните съ мнѣніемъ Шлёцера небольшое, но замѣчательное разсужденіе о странѣ Vindelicia (древней Франконіи) во второмъ томѣ книги Венелина «Древніе и нынѣшніе Болгаре», стр. 46—71. Имена Vindelicia, Venedus, Vindelicus появляются у древнихъ писателей только со времени завоеванія Галліи, гдѣ Римляне первый разъ услышали отъ Рейнскихъ Нѣмцевъ слово Winden, Wenden. Изъ Нѣмецкаго языка оно перешло къ Грекамъ и Римлянамъ, у которыхъ употреблялось въ двухъ формахъ. 1 форма у древнѣйшихъ писателей, Юлія Цезаря Veneti, у Плинія Veneti, у Тацита Venedi, Балтійское море Sinus Venedicus; изъ писателей болѣе новыхъ, у Іорнанда Venedi, Vinidae. 2 форма заключается въ прилагательномъ на icus; буква I въ словѣ Vindelicus вставлена по слѣдующей причинѣ: заимствовавъ имя Venedus отъ Нѣмцевъ, которые донынѣ зовутъ Славянъ Виндами и Вендами, Римляне слѣдовали и выговору Нѣмецкому; а извѣстно, что въ южно-Нѣмецкомъ просторѣчіи (jargon populaire) къ существительному имени придается буква *l*, или *el*, *rle*, въ значеніи уменьшенія, на пр. Jürge (Юрій, Георгій), Jurg' l; Magd (дѣвушка) Magd'l; такимъ образомъ вмѣсто Winde произошло Wind'l, во множественномъ же вмѣсто Wenden явилось Wende'ln, вмѣсто Winden явилось Winde'ln, откуда и прилагательное Нѣмецкое Windelisch: изъ этого же слова Римляне образовали свое Vindelicus, имя одного корня и значенія съ Venedus.

([18]) Нынѣшнее Французское Allemand происходитъ отъ древняго Alamannus, а это слово à-la-man обязано своимъ происхожденіемъ слѣдующей причинѣ: древнимъ обитателямъ Галліи странно было слышать отъ своихъ Рейнскихъ сосѣдей безпрерывное употребленіе слова man, (на

занималъ страны при-Рейнскія или Западную Германію; а такъ какъ великое вдвиженіе Нѣмецкаго племени въ Восточную Германію совершилось только въ теченіи IX—XIV вѣковъ, то ясно, что разсуждать о Нѣмецкихъ племенахъ, жившихъ будто бы въ Восточной Германіи въ VIII-мъ вѣкѣ, или VII, VI, V, IV, когда они еще не переселялись туда, противно здравой исторической логикѣ.

III. ДВОЯКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ИМЕНИ GERMANIA, ДРЕВНЕЕ И НОВОЕ.

Надо, наконецъ, положить твердое основаніе исторической критикѣ. Какъ въ математикѣ неизвѣстное получается помощію извѣстныхъ, данныхъ, чрезъ посредство опредѣленныхъ *отношеній* между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ; такъ точно и въ исторіи критика должна сперва хорошо узнать: 1. время чисто-историческое, о которомъ уже нѣтъ споровъ; 2. неизмѣнныя *отношенія* между историческими явленіями, давними и недавними; при чемъ необходима 3. здравая логика. Такимъ образомъ, въ основаніе всему положится *фактъ*, *дѣйствительное событіе*, а не произвольное мечтаніе. Далѣе, узнавъ собственное имя народа, которымъ онъ зоветъ самъ себя, и всѣ тѣ прозвища, подъ которыми онъ извѣстенъ у другихъ народовъ, станемъ искать исторію этого народа подъ всѣми этими именами, (напр. Тейтисеры, Аламаны, Нѣмцы), то есть не станемъ различныя имена одного и того же народа признавать за разные народы. Наконецъ, въ объясненіи именъ должно быть чрезвычайно осторожнымъ, внимательно изслѣдуя: какой народъ употреблялъ такое-то имя? и черезъ уста какихъ народовъ оно проходило? — Прежніе историческіе изыскатели не обращали на это должнаго вниманія, и на одномъ только *сходствѣ звуковъ* (часто совершенно случайномъ) строили отважнѣйшія гипотезы, не замѣчая, какъ непрочно такое основаніе. Слово Германія, напримѣръ, утверждали они, происходитъ отъ Нѣмецкихъ Heer (войско) и Mann (человѣкъ), слѣдовательно Germani значитъ войсковые люди, и слѣдственно всѣ древніе Германцы были Нѣмцы. Конечно звуки *Нѣмецкихъ* словъ Heer и Mann похожи на *Латинское* слово Germani, и не смотря на то, подобное объясненіе несправедливо: во первыхъ потому, что нельзя объяснять Латинское слово языкомъ Нѣмецкимъ, и во вторыхъ потому, что выводъ отсюда, будто бы *всѣ* Германцы были Нѣмцы, противорѣчитъ исторіи, которая *событіями говоритъ*, что Нѣмецкія племена заселяли до IX вѣка только при-Рейнскія страны Германіи, а Восточная Германія была до IX вѣка занята Славянами. Вотъ къ какимъ неправильнымъ заключеніямъ можетъ приводить исканіе созвучій! Безспорно, что корнесловіе можетъ

прим. man kann, man will), почему они и прозвали Нѣмцевъ *манами*.

служитъ *важнымъ*, но *не единственнымъ* основаніемъ исторической критики: есть ли, что общаго въ звукахъ *Контофюри* и *Россіяне*? а между тѣмъ эти два совершенно разнозвучныя имена означаютъ одинъ и тотъ же народъ. Именемъ Германовъ никогда Нѣмцы, *сами себя* не называли: ихъ народное названіе Тейтшеры (Teutscher) извѣстно было и Римлянамъ, которые звали ихъ настоящимъ именемъ, только съ латинскимъ окончаніемъ Teut-oni. Имя, которымъ Славяне зовутъ Тейтшеровъ, *Нѣмцы*, также было извѣстно Римскимъ писателямъ: и у Цезаря и у Тацита вы найдете имя Nemetes. Имя, которымъ жители Франціи или Галліи зовутъ Тейтшеровъ или Нѣмцовъ, *Аламаны*, также встрѣчается у Римлянъ: слѣдственно и это имя нельзя объяснить Нѣмецкимъ словомъ Alle-männer, «всѣ мужи»; нельзя потому, что Нѣмцы сами такъ никогда себя не называли и не называютъ. И такъ Нѣмцы всегда были извѣстны своимъ сосѣдямъ подъ тѣми же именами, какія въ употребленіи и нынѣ. Какое же имя Германія? чисто Латинское; пусть только вспомнятъ Латинскіе слова: germen, и производныя germinatio, germanus, germanitas и др. А что это въ самомъ дѣлѣ такъ, свидѣтелями за меня будутъ такіе люди, *которыхъ нельзя отвергать*: Тацитъ, Страбонъ, Птоломей и Плиній. Тацитъ сохранилъ для насъ, въ своей *Германіи* (гл. II) чрезвычайно важное свидѣтельство, что имена Свевовъ, Вандаловъ и нѣкоторыя другія дѣйствительно суть названія племенъ, подъ которыми они были извѣстны издревле; а имя Германіи *новое, недавно составленное*: Suevos, Vandalios affirmant vera et antiqua nomina, ceterum Germaniae vocabulum recens et nuper additum ([19]), говоритъ онъ. Не явно ли теперь, что имя *Германія* есть чисто географическое? а такъ какъ Нѣмцы, или Аламаны, или Тейтшеры, были и въ древности извѣстны подъ этими же именами, и разселеніе ихъ отъ Рейна къ востоку началось только со временъ Карла Великаго и совершалось постепенно, по мѣрѣ покоренія *туземцевъ*, — племенъ Славянскихъ: то не явно ли, что подъ именемъ Восточныхъ Германовъ должно именно разумѣть Славянъ. Вотъ почему, класическіе писатели древности всегда отличали *Тевтонскую или Рейнскую* Германію отъ *Славянской или Великой* Германіи. Страбонъ, жившій въ I вѣкѣ по Р. Х. (между годами 20 - 60) именно дѣлитъ Германію на двѣ части: на *Рейнскую*, коренное обиталище Тевтонскихъ племенъ, и за *Альпійскую*, на сѣверовостокъ отъ Альповъ, коренное обиталище Славянскихъ племенъ. Птоломей, жившій въ половинѣ II вѣка по Р. Х. точно также намекаетъ на это различіе племенъ, раздѣляя Германію на *Рейнскую*, верхнюю и нижнюю, искони вѣковъ оби-

([19]) German. c. II.

таемую Тевтонами, и на *Великую*, на востокъ отъ Рейна до Германскаго (Балтійскаго или Варяжскаго) моря ([20]), давне жилище Славянскихъ племенъ. Въ Славянствѣ Венедовъ или Поморянъ теперь уже никто не сомнѣвается: но читатели увидятъ далѣе, что эти же самые Венеды были извѣстны у другихъ племенъ подъ именами Вандаловъ, Готѳовъ; увидятъ, что и Богемцы, которые сами себя зовутъ Чехами, извѣстны были на своемъ мѣстѣ еще Геродоту (Цыги), а часть Чеховъ, принявшая *мѣстное* названіе Моравовъ, извѣстна была всегда подъ тѣмъ же именемъ; что самое дальнее Славянское племя, Краинцы, также обитаютъ съ незапамятныхъ временъ на своихъ мѣстахъ, будучи извѣстны Римлянамъ подъ собственнымъ именемъ (Carni). Послѣ того, нисколько уже не будетъ казаться страннымъ, почему этихъ нашихъ единоплеменниковъ, жителей Великой Германіи, древніе звали тѣмъ же именемъ, подъ которымъ извѣстны были у нихъ и мы Русскіе. Извѣстно, что XV, XIV, XIII, XII и такъ далѣе, въ глубь вѣковъ, насъ, *голубоглазыхъ* Русиновъ, черноглазые Греки звали въ насмѣшку (по сходству цвѣта глазъ съ глазами ящерицъ) *Ящероглазыми* (Савроматами), также *Скиѳами* и *Тавро-Скиѳами*; но такъ какъ жители Восточной или Великой Германіи были нашими единоплеменниками, то и на нихъ перешло имя Скиѳовъ. Плиній положительно говоритъ: Scitharum nomen usque transit in Sarmatos atque Germanos.

Римляне сами же и объяснили, по какой причинѣ вздумалось имъ прозвать землю сѣверо-восточныхъ сосѣдей *Братовщиной* (Germania). Познакомившись съ Адріатическими Славянскими Венетами, и проникнувъ въ Галлію, они изумились сходству многихъ племенъ. Исторически достовѣрно, что въ Галліи было много Венедскихъ колоній: тамъ было и свое Поморье (Aquitania), какъ будто снимокъ съ Поморья Балтійскаго, не говоря уже, что имя Венедовъ до нашихъ временъ сохранилось

([20]) Не смотря на ревностное желаніе новыхъ изслѣдователей, со временъ Байера, онѣмечить Варяжскую Русь, мы болѣе должны вѣрить Византійцамъ, которые положительно говорятъ, что Варяги приходили къ нимъ съ острова Волина и изъ Поморія, ἐκ τῆς χορας τῆς πλησίον ωκεάνου. Ложность силлогистики послѣдователей Байера, хотя кратко, но достаточно обнаружена въ моемъ *Предисловіи* къ историко-критическимъ изслѣдованіямъ Ѳ. Л. Морошкина о Руссахъ и Славянахъ, а подробный разборъ Байеровой гипотезы и обличеніе всѣхъ его ошибокъ, можно читать въ историко-критическомъ разсужденіи Ю. И. Венелина: «Скандинавоманія и ея поклонники, или столѣтнія изысканія о Варягахъ». Очень жаль, что это важное изслѣдованіе одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ нашей древности осталось недоконченнымъ за смертію автора.

неизмѣнно въ названіи области Vendée. Какъ въ Поморіи Балтійскомъ была Варяжская Русь (Rugi, Russi, Ruzi, Rutheni ([21]), такъ точно и въ Галльскомъ Поморьи или Аквитаніи были также свои Руссы (Rutheni), которыхъ Цезарь строго отличаетъ отъ настоящихъ, собственныхъ Галловъ. Тамъ были рѣки: *Сула*, *Дубъ*, *Русса*, тамъ былъ городъ *Альсія* (Залѣсье, Полѣсье), тамошнія области назывались: *Таруcса*, *Петрогорія*, *Валахія*; слѣды долговременнаго пребыванія Славянскихъ колоній въ Галліи остались даже въ названіи *Русской епархіи*. — А какъ назывались тамошніе епископы? въ числѣ именъ чисто Христіянскихъ вы съ изумленіемъ встрѣчаете *Богдановъ* и *Юрiевъ*: въ концѣ VII вѣка является Богданъ I (Deus dedit), въ 923 г. Богданъ II, въ 933 г. Jurius, въ концѣ этого вѣка опять Богданъ III ([22]). Эти Венедскія племена, жившія въ Галліи, и потому называвшіяся также Галлами, не могли не поразить Римлянъ сходствомъ своей народности съ племенами, которыя занимали всю страну на сѣверо-востокъ отъ Альповъ. И пораженный этимъ сходствомъ, Римлянинъ очень естественно назвалъ ихъ *братьями* (по латинѣ germani) Галловъ. Страбонъ, высказавъ мысль эту, прибавляетъ: Itaque recte mihi videntur, Romani hoc nomen (*Germani*) eis indidisse, cum eos *fratres* esse Gallorum ostendere: «справедливымъ мнѣ кажется, что *Римляне* придали имъ это имя (Germani, по русски: *Братья*) для показанія ихъ *братства* съ Галлами». Вотъ голосъ Римлянина, предъ которымъ должны умолкнуть всѣ новѣйшія объясненія *Латинскаго* слова *Нѣмецкимъ языкомъ*, изъясненія несообразныя съ логикою.

Малая Германія, или Рейнская, была искони отечествомъ Тевтоновъ или Нѣмцевъ. Къ востоку, ихъ поселенія простирались далѣе за рѣку Везеръ: ближайшія земли къ Везеру принадлежали Тевтонамъ; ближайшія къ рѣкѣ Лабѣ (нынѣ Эльбѣ) — Славянамъ Полабамъ и Сорабамъ. Отрасль Тевтоновъ же, Скандинавское племя, занимало Ютландію и Скандинавію. Сѣверо-тевтонскія племена или Саксонскія, обитавшія въ низовьяхъ Рейна, и южно-тевтонскія племена или Баварскія (иначе Швабскія), занимавшія верхнія страны Рейна, хотѣли остановить возрастающее могущество Франковъ; но дѣйствовали раздѣльно, и не могли воспротивиться геніяльному королю Франкскому, Карлу Великому, который принялъ твердое намѣреніе покорить Саксоновъ, достигъ этой цѣли и своими дѣйствіями утвердилъ тѣ отношенія, которыя должны были

([21]) О Варяжской Руси въ низовьяхъ Одера и Лабы см. выше примѣчаніе 20-е, и далѣе примѣчаніе 34-ое.

([22]) Gallia Christiana, Парижъ 1705.

окончиться взаимнымъ ослабленіемъ Славянскихъ племенъ ([23]). Онъ далъ направленіе политикѣ, въ слѣдствіе которой возникло, при его наслѣдникахъ, политическое бытіе Нѣмецкаго или Тевтонскаго государства, когда, по Вердюнскому договору (843), внукъ Карловъ, Лудовикъ, получилъ по раздѣлу земли Тевтонскія, подъ именемъ Баваріи. Лудовикъ принялъ титулъ Германскаго. Съ этого-то времени названіе Germania, бывшее прежде только географическимъ, сдѣлалось оффиціальнымъ, войдя въ титулъ Нѣмецкихъ государей. Такимъ образомъ *съ половины IX вѣка уничтожилось древнее географическое, Римское значеніе имени Germania* (*Братовщина*) ([24]), и это имя получило *новый смыслъ, въ слѣдствіе притязаній Тевтонскихъ государей на Великую Германію, заселенную племенами Славянъ.* Западные Латинскіе писатели начали называть Германіею только владѣнія Тевтоновъ, которыя въ половинѣ IX вѣка доходили не далѣе Салы и Эльбы. Восточная же Германія (по понятію Римлянъ) простиравшаяся отъ Эльбы до Вислы, получила названіе Балтійской Славіи. Эта обширная страна Венедовъ, составлявшая по Тациту восточную часть Германіи, и заключавшая въ своихъ предѣлахъ землю Ляховъ, Поморянъ, Сорабовъ, Чеховъ и Словенъ, писателями западной Европы уже была отдѣляема отъ *Германіи по ихъ понятіямъ.* Но Византійскіе писатели еще слѣдовали прежней сис-

---

([23]) Любопытное развитіе этого предмета можно читать въ занимательной статьѣ М. П. Касторскаго« Вліяніе Каролингской династіи на Славянскія племена», помѣщенной въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. 1839, октяб. N 10, от. 1, стр. 17-60

([24]) Одинъ изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей, Zeuss, въ книгѣ « Die Deutschen und Nachbarstämme «(München, 1837) слово Germania объясняетъ языкомъ Кельтовъ, и выводитъ, что оно значитъ *страна горно-лѣсистая*; онъ полагаетъ, что Кельты, называвъ прежде однихъ обитателей Арденскаго лѣса Оремановъ, или Германами, перенесли потомъ это имя и на Тевтонскихъ своихъ сосѣдей по Рейну. О. Л. Морошкинъ производитъ слово Germania отъ ερημος, eremus (пустыня), объясняя, что въ Азіи слово *пустыня* означало *степь*, а въ Европѣ вообще страну *лѣсистую*, и старается оправдать свое словопроизводство разсмотрѣніемъ мѣстности Германіи. (Историко - критич. изслѣдованія, отд. II, гл. II, ст. 100—107). Объясненія этихъ писателей, сближаются между собою; важно то, что оба они принимаютъ имя Germania за географическое, означавшее первоначально не однихъ Тевтоновъ. Между тѣмъ объясненіе Страбона такъ согласно съ исторической *вѣроятностію*, что безъ важныхъ причинъ никто не въ состояніи опровергнуть свидѣтельство Страбоново.—Венелинъ первый у насъ перевелъ имя Germania словомъ *Братовщина*; онъ не указалъ *причины*, но Страбоново объясненіе (справедливость котораго доказана мною), надѣюсь, оправдаетъ Венелина.

темъ Римскихъ Географовъ, называя эти Славянскія племена Германами; и такъ какъ вся Восточная или Великая Германія въ половинѣ среднихъ вѣковъ населена была одними Славянскими племенами (Тевтоны и Мадяры только что еще начинали тамъ утверждаться), то Византійцы подъ именемъ *Германовъ* разумѣли *преимущественно Славянъ*, а Тевтоновъ или Нѣмцевъ болѣе называли Аламанами. Такъ наприм. Киннамъ, говоря о Славянскихъ и Тевтонскихъ дружинахъ втораго Крестоваго похода, называетъ первыхъ Германами и противополагаетъ ихъ Нѣмцамъ, Аламанамъ: Alamannis et Germanis non eadem dimicandi ratio, говоритъ онъ. Germani quidem equum expedite conscendere, cum hasta irruere maxime periti; eorum equitatus celeritate et cursu Alamannis longe praepollet. Alamanni autem pedestri acie et ensium usu praestant Germanis (25). По этой причинѣ и Нѣмецкій Императоръ, еще не владѣвшій Великою Германіею, названъ не Germanicus, но Alamannicus.—И такъ, въ исторіи значенія имени Germania должно различать двѣ эпохи: Римскую *древнюю*, до временъ Карла Великаго, *и новую*, наступившую съ половины IX вѣка. Отъ смѣшенія понятій произошла та запутанность, которою отличаются вообще всѣ сочиненія объ исторіи среднихъ вѣковъ.

IV. УПОТРЕБЛЕНІЕ КНИЖНАГО ИМЕНИ SLAVI, СЛАВЯНЕ, И ОБЩІЯ СООБРАЖЕНІЯ ПРИ ИЗСЛѢДОВАНІИ СТАРОБЫТНОСТИ ГЕРМАНСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Прежніе историческіе писатели, не зная ни Паппа Александрійскаго ни Кесарія, жившихъ въ IV вѣкѣ, и говорившихъ о Славянахъ, полагали, что Іорнадъ первый началъ употреблять *имя* Славянъ; а такъ какъ онъ жилъ въ половинѣ VI столѣтія, то Парротъ, въ своемъ сочиненіи Ueber Liven, Letten und Esten, и объявилъ, что народъ Славянскій рѣшительно *новый* и появился въ Европѣ только въ концѣ V вѣка. По мнѣнію прежнихъ господъ историческихъ критиковъ, коли нѣтъ *имени*, то нѣтъ и *народа*: употребленіе имени равно существованію народа. Какъ будто бы народъ не можетъ существовать подъ другимъ именемъ! какъ будто изъ того, что мы, сосѣди Тейтшеровъ, употребляемъ не собственное ихъ имя, а выдуманное нами, *Нѣмцы*, слѣдуетъ, что Тейтшеры не существуютъ въ Европѣ! а такъ какъ первый разъ имя ихъ упомянуто въ 1836 г. въ «Московскомъ Наблюдателѣ» Венелинымъ, то неужели слѣдуетъ заключить, что «Тейтшеры народъ рѣшительно новый и появились въ Европѣ только въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX вѣка!...» Логика совершенно одинаковая.

(25) Johannis Cinnami, Imperat. Grammat. l. II, cap. XVIII.

На бѣду господъ, преважно толкующихъ о появленіи въ Европѣ 80-миліоннаго народа Славянскаго въ концѣ V вѣка или въ началѣ VI, до насъ дошли три писателя, свидѣтельства которыхъ опровергаютъ эти «рѣшительно новыя» бредни, противныя всѣмъ соображеніямъ исторической логики.—О Папѣ Александрійскомъ мы уже говорили (26). Кесарій, жившій въ половинѣ IV вѣка, преясно употребляетъ имя того народа, который, по мнѣнію Паррота, появился только въ концѣ V или въ началѣ VI вѣка: Sclaveni et Phisonitae, qui et Danubiani appellantur: «Словене и Физониты (Сочавцы (27) также называются Дунайцами (28). Амміанъ Марцеллинъ этихъ же самыхъ *Словенъ* называетъ Rheti: не ясно ли, что Греки переводили съ точностію это имя *Словенъ*? Если же Іорнандъ не первый употребилъ имя Sclavini; если это самое имя употреблялось и за два вѣка до Іорнанда, въ половинѣ IV столѣтія, настоящее и переводное: то какъ прикажете думать о знаменитомъ «рѣшительно новомъ» выводѣ г-на Паррота?—Впрочемъ, далѣе мы увидимъ, что Іорнандъ говорилъ только о Словенцахъ и Словакахъ, а не обо *всѣхъ* племенахъ Славянскихъ, и потому напрасно прилагаютъ къ симъ послѣднимъ извѣстія объ Іорнандовыхъ Sclaven'ахъ. Если бы прежніе писатели вникли хорошенько въ ту мысль, что *не смотря на политическія измѣненія, этнографическія границы племенъ всегда остаются почти тѣ же*, и сравнили бы нынѣшнее мѣстопребываніе Словенцовъ съ описаніемъ Іорнанда, то ясно увидѣли бъ, что Іорнандъ говоритъ не обо всемъ *родѣ*, но только объ *видѣ*, и давнымъ бы давно отказались отъ мечты — отыскивать исторію Болгаръ, Сербовъ, Руси, Чеховъ, Поляковъ въ исторіи Sclavin'овъ. Отъ правильнаго пониманія этого чрезвычайно важнаго обстоятельства, зависитъ разъясненіе исторіи всѣхъ Славянскихъ племенъ. Вникнувъ въ это, убѣдятся, что Русь хотя и не Sclavini (Словаки), а Сарматы (ящероглазые), все таки Славяне; что Болгаре, хотя и не Sclavini (Словаки) также Славяне; что Сербы, хотя и не Sclavini (Словаки) а Gothi (какъ ихъ звали Греки) точно также Славяне; что Поляки, хотя и не Sclavini (Словаки) а Ligi (какъ ихъ звали Римляне), также Славяне. Всѣ эти народы одного происхожденія, и на всѣхъ на нихъ распространено *писателями* общее родовое названіе, *Славяне*.

Имя Славянъ есть *ученое*, а *не народное*, и распространилось *ученымъ*, книжнымъ *образомъ*. Есть ли хотя одинъ народъ на свѣ-

---

(26) См. выше, стр. 78.

(27) Подъ именемъ Sontius или Jsontius у Римлянъ была извѣстна Краинская рѣка *Соча*. Итальянцы и до сихъ поръ зовутъ ее *Изонца*.

(28) Bibliotheca patrum, t. V p. 775.

тѣ, который называлъ бы себя *Славянами*? Нѣтъ и не бывало. Есть Словаки, Словенцы, сосѣди Грековъ и Латинъ, и ихъ-то имя Sclavi, Sclavini, распространено Греками и Римлянами на отдаленные народы, которые хотя никогда не называли и не называютъ себя ни Словенами, ни Словаками, однакожъ говорятъ языкомъ, довольно близкимъ къ языку Словаковъ или Словенъ. Арабы заимствовали имя Славянъ отъ Грековъ; а Франкскіе лѣтописцы, писавшіе по латинѣ, отъ Латиновъ. Какъ Тейтшеръ, говоря съ Русскимъ по-русски, всегда будетъ называть себя не Тейтшеромъ, а Нѣмцомъ: такъ точно, познакомясь съ Греками и Латинами, Чехи, Поморяне, Поляки, Русь, говоря по гречески и по латинѣ, естественно должны были называть себя тѣмъ именемъ, подъ которымъ извѣстны были у Грековъ и Латиновъ, т. е. Sclavi, Sclavini, которое, перенеся къ себѣ, преобразовали въ *Славяне.* Вотъ почему, имя Славянъ и до сихъ поръ осталось только книжнымъ, и простой народъ нигдѣ не зоветъ себя Славянами. Безъ сомнѣнія, у Руси, Болгаръ, Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ, Поморянъ, *нѣкогда* было какое нибудь общее имя, но *какое*? никому неизвѣстно, потому что не осталось писателей, ни своихъ ни чужеземныхъ, отъ временъ столь отдаленной древности; и такъ, оставляя всѣ споры объ этомъ *общемъ* имени, которымъ звало себя наше племя, какъ о предметѣ, который никогда не можетъ быть рѣшенъ съ полною достовѣрностію, ограничимся только временами уже историческими, и станемъ употреблять имя *Словене*, говоря о Словакахъ и Словенцахъ; *Славяне*, говоря о всей общности племенъ, родственныхъ по языку со Словаками. Когда будемъ строго отличать эти два различныя имени, тогда только разъяснится какъ должно частная исторія каждаго Славянскаго племени, потому что каждому имени тогда возвратится подлинное значеніе, и каждый народъ Славянскій явится подъ своимъ собственнымъ отличительнымъ именемъ.

Великая Германія, или страна между Вислою и Везеромъ, Балтійскимъ моремъ и Адріатическимъ, въ VIII вѣкѣ по Р. Х., слѣдственно во времена чисто историческія, занята была слѣдующими Славянскими народами: 1.) Ляшскія племена, *Ляхи — Поляне* обитали въ земляхъ надъ Вислою. На западъ отъ нихъ, жили 2.) *Поморяне*, раздѣлявшіеся на множество поколѣній, которыхъ *общее племенное* имя осталось теперь для насъ неизвѣстнымъ; сильнѣйшими изъ нихъ были *Велеты*, иначе *Вильцы Лютичи.* На югъ отъ нихъ 3.) *Сорабы* или Сербы, Сирбы, Сорбы, населявшіе нынѣшнее Саксонское королевство, Прусскую Саксонію и Бранниборъ (превращенный Нѣмцами въ Бранденбургъ). На югъ отъ нихъ видимъ 4.) *Чешское* племя, часть котораго удержала родовое названіе

Чеховъ, а другая приняла мѣстное названіе Моравовъ, Моравитянъ, отъ рѣки Моравы. На югѣ отъ Чешскаго племени находимъ 5.) *Словенъ* (Словаковъ и Словенцовъ), раздѣлявшихся также на многія поколѣнія, которыя приняли мѣстныя, географическія имена. Наконецъ, на самомъ юго-западѣ, во Франконіи, или восточной Баваріи, встрѣчаемъ еще 6.) отрасль Славянъ, которые извѣстны были подъ именемъ Vindelicorum (29); вопросъ, какъ называли сами себя эти Vindelici, оставленъ Шлецеромъ безъ разрѣшенія.

Посмотримъ теперь, какіе народы жили въ этихъ же странахъ, начиная съ глубочайшей древности. Разсудительный Геренъ давно уже замѣтилъ, что «при древней географіи должно отличать *баснословную* отъ *истинной*, и отъ послѣдней никакъ не льзя ожидать длинныхъ списковъ мѣстечекъ, потому что *истинная географія образуется постепенно, сообразно успѣхамъ образованности и распиренію круга знаній*». Если въ наше время, при всѣхъ средствахъ узнать Славянскія земли, чужестранцы искажаютъ названія до того, что узнать не льзя; то судите жъ сами, чего должно ожидать отъ Римлянъ или Грековъ, въ тѣ времена, когда въ Европѣ не было и тысячной доли тѣхъ удобствъ, которыя представляются путешественникамъ XIX вѣка. Кто, напримѣръ, узнаетъ, что *Аграмъ* есть искаженное Нѣмцами названіе *Загреба*, или же *Лайбахъ* искаженное названіе *Любляны*, а *Лембергъ* искаженіе *Львова*? Между тѣмъ подобныхъ именъ бездна. Умный, наблюдательный, образованный маршалъ Мармонъ, путешествуя по южной Россіи, собралъ въ своей книгѣ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ; но между тѣмъ, въ иныхъ мѣстахъ его путешествія даже и догадаться нельзя, что должно разумѣть подъ нѣкоторыми названіями, напримѣръ: Lipkaut, гдѣ замокъ Графини Hisca, или же имя Blogolalnava (?); названіе полковъ: le régiment de Dobrenka (?); le régiment Baradobneff (?); рѣка Liguel (?) другая рѣка близь Севастополя Tchomnaja - Teschak (?); адмиралъ Starepwosky (?) и проч. Подобныхъ названій мы не слыхивали; ихъ и нѣтъ и не бывало: но не ужели отсюда можно заключить что либо другое, кромѣ того, что авторъ здѣсь ошибся, и потому, оставивъ въ покоѣ эти необъяснимыя названія, не надлежало ль бы воспользоваться только тѣми извѣстіями Мармона, которыя сообразны съ истиною и здравымъ смысломъ. А какъ бы назвали теперь чудака, который бы началъ прибирать Монгольскія, Турецкія, Нѣмецкія слова, хотя нѣсколько созвучныя съ тѣми, какія сейчасъ указаны у Мармона, и потомъ съ важностію рѣшился бы утверждать,

(29) См. выше 17 примѣчаніе; тамъ объяснено ихъ имя.

что въ XIX вѣкѣ въ Южной Россіи жили не Русскіе, но разныя кочующія орды Монголовъ, Турковъ и Нѣмцовъ, и въ подтвержденіе этой нелѣпости привелъ бы названія, встрѣчающіяся у Мармона? Но такъ поступаютъ всѣ господа изслѣдователи съ Константиномъ Багрянороднымъ и другими свидѣтелями древнихъ и среднихъ вѣковъ, объявляя, что изъ Россіи выходили не Русскіе, а какіе-то неизвѣстные народы, *вѣроятно*, Монгольскаго и Турецкаго происхожденія; изъ Великой Германіи или Славянской Братовщины не Славяне, а Нѣмцы, въ то время, когда тамъ еще не было Нѣмцовъ. Перенеситесь же мыслями въ отдаленнѣйшую древность, въ міръ Грековъ и Римлянъ; припомните затруднительность тогдашнихъ сношеній, сообразите потомъ порчу именъ отъ невѣжества переписчиковъ, и тогда уже подумайте хладнокровно: можно ль требовать полнаго объясненія *всѣхъ* извѣстій, оставленныхъ древними? Разумѣется, нѣтъ; но и тутъ еще не должно отчаяваться найти истину, если только—важное условіе, conditio sine qua non — въ изслѣдованіяхъ будемъ слѣдовать по прямому пути, какъ учитъ математика. Послѣдуемъ ея наставленіямъ, узнаемъ сперва данныя, извѣстныя, и по нимъ уже опредѣлимъ неизвѣстное искомое: это единственный способъ открыть истину.

V. ДРЕВНОСТЬ ЛЯХОВЪ, ВЕЛЕТОВЪ И СОРАБОВЪ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ, КОГО РАЗУМѢЛИ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ВЕНЕДОВЪ, ВАНДАЛОВЪ, СВЕВОВЪ И ПРОЧИХЪ ВОСТОЧНЫХЪ ГЕРМАНОВЪ.

Первая страна Велико-Германская, идя отъ Вислы, есть земля Полянъ-Ляховъ. Одно изъ этихъ двухъ именъ мѣстное, географическое; другое племенное или собственно народное. Географическое мѣстное названіе этого Славянскаго племени, *Поляне*, *Поляки* (30) было извѣстно еще Геродоту, и переведено имъ на Греческій языкъ Georgi, *Γεωργοι;* племенное жъ названіе, *Ляхи*, было извѣстно Римлянамъ: изъ Тацитова описанія Германіи видимъ, что всю землю отъ истока Одера до Вислы занимаютъ *Лиги*. Не ясно ли отсюда, что эти Лиги, заселяющіе (говоря по нынѣшнему) Силезію и Великую Польшу, суть не кто иные, какъ тѣ же Ляхи? Но когда, въ слѣдствіе войнъ южныхъ Руссовъ съ ихъ Вислинскими единоплеменниками, древнее единство происхожденія Русскихъ Полянъ и Ляшскихъ Полянъ, среди междоусобій было забыто, и наша южная Русь начала употреблять имя Ляхъ въ

---

(30) *Поле* первоначально значило *пашня*, страна удобная для земледѣлія; у Далматовъ и Босняковъ донынѣ слова *поляне*, *поляки* значатъ *земледѣльцы*.

бранномъ смыслѣ, то оно совершенно вышло изъ употребленія у самихъ *Ляховъ*, бывъ замѣнено другимъ, именемъ Поляковъ, которое такъ хорошо характиризуетъ мѣстность, обширныя равнины, плодоносныя поля Вислинскія, занятыя этимъ Славянскимъ племенемъ. По сей-то причинѣ, имя *Польши, Полянiи,* иноземцы и переводили словомъ: *страна полей,* Polonia, sic dicta in eorum idiomate quasi Campania, пишетъ Гервасій ([31]). Жители Силезіи, получившей это прозваніе отъ рѣки Слензы, (Sleza, по-нѣмецки die kleine Lohe, подлѣ горы Соботки, Zobten, близь города Нѣмца, Nimpstch), и обитатели рѣки Варты были также извѣстны: на мѣстѣ нынѣшней Силезіи Птоломей помѣщалъ племя Silingae, а на берегахъ Варты Тацитъ помѣщалъ племя Vartones ([32]). И такъ *страны Вислинскія и Вартинскія съ незапамятныхъ временъ заселены были Славянскимъ племенемъ Ляховъ-Полянъ или Поляковъ.*

На юго-западъ отъ Силезіи, и Великой Польши (Познаніи) донынѣ живутъ небольшія племена Сорабовъ, Сорбовъ, Сирбовъ, т. е. Германскихъ Сербовъ. Въ X вѣкѣ они были покорены Нѣмецкими маркграфами Саксонскаго племени, которые мало по малу утвердились въ этой Сорабіи (Великой Сербіи), и съ тѣхъ поръ она получила названіе Саксоніи (нынѣ Саксонское королевство и прусская Саксонія). Римляне знали, что берега Эльбы (по-славянски Лабы) населены Славянскимъ племенемъ Сербовъ, и Птоломей, живущій во второй половинѣ II вѣка, сохранилъ для насъ названіе Serbium ([33]), которое у него и поставлено въ срединѣ Германіи. Вибій Секвестръ, Vibius Sequester, писавшій краткую географію около 300 года, также упомянулъ ихъ имя, сказавъ, что рѣка Лаба (Эльба) отдѣляетъ Свевовъ отъ Сербовъ; Albis Germaniae Svevos a Servetiis dividit. Въ другихъ спискахъ вмѣсто Servetii стоитъ Cervitii, Cervsci, Chervsci (изъ чего можно заключить, что Римляне иногда произносили ch какъ французское ch, или какъ нашу букву ш). Къ этому Сорабскому племени принадлежали и жители Бранибора (нынѣ Брандебурга), *Лужичане,* обитатели нынѣшняго нижняго Лаузица, Мильчане (въ нынѣшнемъ Верхнемъ Лаузицѣ вдоль Чехо-Богемскихъ горъ до Мейсена), *Далеминцы* (иначе Гломачи) на лѣвомъ берегу Эльбы близь Мейсена, и нѣкоторыя другія поколѣнія.—Одно изъ мѣстныхъ именъ Сербскихъ *Луги, Лузаціи,* было также извѣстно Римлянамъ, которые ставили на этомъ мѣстѣ племя Lugii, Lugiones.

([31]) Gervasii, Descriptio totius orbis въ Лейбницевомъ собраніи Scriptor. rer. Brunsw. II, 765.

([32]) Въ печатныхъ изданіяхъ, вмѣсто Wartones, ошибкою Svartones.

([33]) Въ печатномъ ошибкою Urbium.

Обширное Балтійское южное поморье населено было въ VIII вѣкѣ многочисленными Славянскими племенами, которыя называли сами себя разными мѣстными именами. *Велеты* или Велетове, Weltae Птоломея, Veletabi Эгингарда, извѣстные у Франковъ подъ именемъ Вильцовъ (Vilzi), иначе Вильковъ Лютичей, (34) жили на западъ отъ Одера и на сѣверъ отъ Сорабовъ, подраздѣляясь на слѣдующія поколѣнія: Раны или Руги, иначе Руссы, жители острова Рюгена; Волынцы отъ острова Волина, Долинцы отъ озера Долень,

---

(34) Велеты, страшные сосѣдямъ своею воинственностію, получили прозвище *Вильковъ-Лютиковъ,* волковъ лютыхъ. Нѣмецкія племена перевели это прозвище Велетовъ на свой языкъ и такимъ образомъ отъ древне-нѣмецкаго wargr (*волкъ,* также *изгнанникъ скитающійся въ лѣсу, разбойникъ*) произошли названія собственно-Нѣмецкое Warggang (подобно Wolfgang) и Скандинавское Waeringyar, какъ доказываетъ Mone въ Anzeigen für Kunde der teutschen Vorzeit (vierter Jahrgang, 1835, t. I, 4 — 7); слѣдовательно имя Wagria есть переводъ названія *Земля Вильковъ-Лютичей.* Но такъ какъ Славянскія поселенія простирались за Эльбу (см. выше, прим. 16-е), то и понятно, почему Птоломей поставилъ Vargiones между Эльбою и Рейномъ. Въ этой землѣ Вильковъ-Лютичей, по-нѣмецки Wagr'овъ, по Скандинавски Waeringyar'овъ, по-Русски Варяговъ, были города: Варенъ (Waren) на озерѣ Меря, Варинъ на озерѣ того же имени, почему жители тѣхъ мѣстъ назывались также Warni (какъ и Руги); у нихъ находимъ селеніе Rossow, городъ Русь, Rasseburg (Ratzeburg), лѣсъ Русскій, Rossewald (Herzwald близь Гамбурга); сравните Кривовъ и Мерю этой Варяжской Руси съ нашими Кривичами и Мерею Великой Россіи. — Страна въ низовьяхъ Эльбы преимущественно извѣстна была подъ именемъ Вагріи, и составляла послѣднюю крайнюю область Балтійскихъ Славянъ, по увѣренію Гельмольда (terminus Slaviae); но имя Руси этотъ писатель присвоиваетъ преимущественно тѣмъ изъ Поморскихъ Славянъ, которые были первыми отъ Пруссовъ-Латышей: Littus australe Slavorum incolunt nationes, quorum ab oriente primi sunt Ruzi, т. е. «западный берегъ Балтики населяютъ племена Славянъ, изъ которыхъ первые къ востоку Руссы» (гл. I.) Это важное свидѣтельство Гельмольда о пребываніи *собственно-Руси* (Варяжской) *въ тѣсномъ смыслѣ* въ Восточной Помераніи, относили къ Новогородскимъ Славянамъ, но совершенно несправедливо: во первыхъ потому, что наши Новогородцы называются у Гельмода не Славянами, а жителями Острогарда, такъ какъ и наша южная Русь извѣстна у него то же не подъ именемъ Славянъ, но подъ названіемъ жителей Хунигарда; во вторыхъ потому, что Новгородцы обитали далеко отъ Балтійскихъ береговъ; и въ третьихъ потому, что мѣстность, ясно обозначенная Гельмольдомъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія,—что онъ разумѣлъ собственно Поморскихъ Славянъ, которые между Вислою и Одеромъ дѣйствительно были первыми къ востоку между своими единоплеменниками, Поморянами въ обширномъ смыслѣ.—Изъ которой же Руси призванъ Рюрикъ, изъ Вислинско-Одерской или Полабской?

Укряне отъ рѣки Укры, Чрезпѣняне (Circipani, Zerzipani, Zerezpani) отъ рѣки Пѣны (Panis, Peanis, нынѣ Peene), Riezane, (Рязанцы или Рѣчане, по мнѣнію другихъ), Рарожане отъ города Рарога, Глиняне (иначе *Линоны*) недалеко отъ Эльбы и далѣе на востокъ къ Люнебургу, Вѣтицы близъ Мейсена, Ободриты, названные такъ отъ рѣки Одера (Ob-Odriti), Древане (Holzati) и другія. Всѣ эти племена были у иностранцевъ извѣстны подъ общимъ именемъ Венетовъ, Венедовъ, Винуловъ, Wenedi, Winithi, Winedi, Winidi, Winuli, Vandali. Король Альфредъ называетъ вообще все южное Балтійское поморье Winedulaнd; другіе даютъ имени Winethi, Wenedi, Vandali гораздо тѣснѣйшее значеніе. Настоящаго *племеннаго*, *родоваго* имени этихъ Велетовъ или *Славянъ Поморскихъ* (которые, также, можетъ быть, принадлежали къ племени Сорабовъ), мы не знаемъ, и потому, говоря о нихъ, станемъ употреблять имя Венедовъ, или Винетовъ, заимствованное чужеплеменниками отъ названія столицы: цвѣтущая Винета дала свое имя не только своимъ обитателямъ, Винетянамъ, но и всѣмъ окружнымъ Славянскимъ племенамъ, подобно какъ въ послѣдствіи имя Москвы распространено чужеплеменниками на всѣхъ обитателей Великой Россіи (Москали, Moscovites). — Римляне и Греки знали этихъ же самыхъ Венедовъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Шлёцеръ, Маннертъ, Буле, Вильгельмъ, Луденъ, Фойгтъ считаютъ уже безразсуднымъ всякое сомнѣніе о тожественности этихъ двухъ народовъ, древнихъ Венедовъ и новѣйшихъ Виндовъ, касательно происхожденія, языка и нравовъ.

Пребываніе Венедовъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря есть яркій лучъ свѣта изъ мрака отдаленной древности, лучъ свѣта, уничтожающій *призраки* Тевтонскихъ народовъ на Балтійскомъ Поморьѣ, созданные фантазіею новѣйшихъ писателей, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ древнихъ. Только человѣку лишенному здраваго смысла, можно сомнѣваться въ той истинѣ, что подъ именемъ Восточныхъ Германовъ разумѣлись у Грековъ и Римлянъ Славяне Вислинскіе, Одерскіе, Сорабскіе, Велетскіе или Полабскіе, когда по Вислѣ указываютъ на *Ляховъ* (Ligi); по Одеру, который по Славянски назывался иначе *Руда*, помѣщаютъ племя Ob-Odriti, иначе Reudingi или Rudingi, въ землѣ Сорабовъ Servetii, въ странѣ Велетовъ Weltae. Проницательнѣйшій изъ нѣмецкихъ критиковъ, знаменитый Шлёцеръ предугадалъ это, говоря: «Восточная часть Германіи *съ давнѣйшихъ временъ*, т. е. сколько извѣстно намъ изъ Исторіи, *была населена Славянами*. Великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славянской Исторіи, скоро совсѣмъ истребятъ *старинное всеобщее мнѣніе*, будто сіи Германскіе Славяне пришли только тогда, когда будто бы вышли настоящіе Нѣмцы, жившіе до того въ ихъ земляхъ.

Въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и проч. никогда не было Нѣмцевъ прежде Ободритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ: они суть старожилы своихъ земель въ разсудительномъ значеніи ([35]).» Вотъ голосъ истиннаго знатока исторіи, и не забудьте — Нѣмца!

Обратите вниманіе и на торгово-воинственный духъ этихъ Поморскихъ Славянъ въ среднихъ вѣкахъ и Венедовъ въ древности, и вы не задумаетесь уже сказать: это одинъ и тотъ же народъ. Въ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи возникла Ганза, Славянскія племена отличались въ среднихъ вѣкахъ торговлею и морскими разбоями: Руги, жители острова Рюгена, называемые также Руссами, имѣли въ 844 г. гавань полную кораблей, а въ началѣ X вѣкѣ производили обширную торговлю съ Батавіею и другими странами на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ поморьѣ; и они же славились морскими разбоями ([36]). Читайте Космографію Себастіяна Мунстера ([37]): «Славянскій гордъ Юлинъ на Балтійскомъ поморьѣ не уступитъ знаменитостію ни одному городу; славенъ онъ и богатствомъ и зданіями, благородное торжище Вандаловъ: нѣтъ города подобнаго ему, исключая Константинополя. У Руссовъ, Датчанъ, Сербовъ, Саксонцевъ и Вандаловъ тамъ улицы и базары.» Давидъ Хитрей, въ книгѣ о Вандаліи, подтверждаетъ любопытное свидѣтельство Себастіяна Мунстера: «портъ Юлина—первый послѣ Константинополя.» И въ то же время, этотъ народъ преданъ былъ войнѣ, морскому разбойничеству, не слишкомъ заботился объ удобствахъ спокойной жизни въ мирной хижинѣ, и при первомъ звукѣ военной трубы пускался въ море, въ набѣги, зарывая въ землю весь хлѣбъ, золото, серебро, драгоцѣнности, отсылая женъ и дѣтей въ крѣпости и лѣса, и оставляя врагу одни бѣдныя хижины. Разсказъ Гельмольда объ этомъ: latrocinalis haec consuetudo, recenti adhuc aetati, ideo apud eos invaluit, ut omissis penitus agriculturae commodis, ad navales excursos expeditas semper intenderint manus, unicam spem et divitiarum summam in navibus habentes sitam. Sed nec in construendis aedificiis operosi sunt, quin potius casas de virgultis contexunt, necessitati tantum consulentes adversus tempestates et pluvias. Quoties autem bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam palleis excussam, aurum atque argentum, et praetiosa quaeque fossis abdunt, uxores et parvulos munitionibus vel certis silvis constutant. Nec quicquam hostili patet direptioni, nisi tuguria tantum, quorum amissionem facillimam iudicant ([38]), невольно напоминаетъ слова

([35]) Несторъ (пер. Д. И. Языкова), т. II, стр. 423.

([36]) Грам. Корб. монастыря; таможен. грам. Франкскихъ Государей въ Collect. Constit. Imp. p. 210.

([37]) Lib. III, p. 771.

([38]) Helmol. II, 15.

Тацита о Восточныхъ Германахъ, и любопытное повѣствованіе Юлія Цезаря о Венетахъ, поселявшихся на Нѣмецкомъ морѣ, которыхъ онъ называетъ Veneti и Morini (Моряне, Поморяне). По свидѣтельству этого величайшаго полководца древности, Венеды были отличные мореходы, имѣли большой флотъ, превосходили всѣхъ другихъ народовъ въ искуствѣ мореплаванія, и часто посѣщали Британнію, гдѣ въ самомъ дѣлѣ находилось много мѣстъ, въ названіи которыхъ очевидно звучитъ имя Венедовъ, какъ наприм. три Венты, Виндобела, Виндогладія, Виндолана, Виндомисъ, Виндавія, и прочія, упоминаемыя въ Дорожникѣ Антонина, у Птоломея и Равенскаго географа, равно какъ и названіе Руси, Россіи, доселѣ сохраняющееся въ приморскихъ мѣстахъ. Вотъ собственныя слова Юлія Цезаря о Венедахъ: Hujus civitatis est longe amplissima auctoritas omnis orae maritimae regionum earum; quod et *naves habent Veneti plurimas* quibus in *Britanniam navigare* consueverunt et *scientia atque usu nauticarum rerum ceteros antecedunt;* et in magno impetu maris atque aperto, paucis portubus interjectis, quos tenet ipsi, omnes fere, qui eodem mari uti consueverunt, habent vectigales. (59) Главный портъ

(59) Commentar. de bello Gallico, lib. III, 8. — Юлій Цезарь называетъ этихъ Венетовъ и Антами или Андами (Com. de bello Gall. III, 7): и то и другое имя означаетъ Славянъ. Іорнандъ именно говоритъ: ab una stirpe exorti tria nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Slavi, т. е. «Венеты, Анты и Славяне суть три имени народа, происходящаго отъ одного корня». Фредегарій (около 650) говоритъ, что Венедами прозывались не иные же кто, какъ Славяне, Sclavi cognomendo Winidi. Итальянскій аббатъ Іона, въ VII вѣкѣ, описывая жизнь Колумбана, говоритъ, что «ему пришла мысль идти въ предѣлы Венетовъ, которые еще называются Славянами»: ei cogitatio ruit, ut Veneticorum, qui et Slavi dicebantur, terminos adirat. У Майнскаго епископа Бонифація, умершаго въ 755 году, Славяне между Эльбою (Лабою) и Салою называются не иначе какъ Wenedi; равно и въ грамматѣ короля Людовика 846 года: Slavi vel Vinedes. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ ясно, что Поморяне (Morini), жившіе въ сосѣдствѣ съ Белгами и называвшіеся также Венетами и Антами, Славянскаго происхожденія. Такъ Славянскія поколѣнія при Черномъ морѣ, названныя у Геродота *Будинами* или *Вудинами*, у Аммiана Марцеллина *Виднны*, именуются у другихъ лѣтописателей среднихъ вѣковъ *Анты* или *Анды*, а у Нестора *Славяно-Руссами*. С. Г. фонъ Арндтъ, въ сочиненіи своемъ Ueber den Ursprung und die Verwandschaft der europäischen Sprachen, Шафарикъ и другіе новѣйшіе изыскатели признали Будиновъ или Вудиновъ за Венедовъ или Славянъ. «За недостаткомъ двухъ знаковъ для звуковъ *б* и *в* въ языкѣ своемъ, Греки въ чужестранныхъ словахъ постоянно употребляли одну и ту же букву», говоритъ г-нъ Эйхвальдъ. «Поэтому вмѣсто *Будины* можно читать *Вудины*. Польскій носовый звукъ

этихъ Венедовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Белгами, назывался Езерякъ (Jeseriak, отъ стариннаго Славянскаго слова *езеро*, озеро, въ западныхъ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ iesioro). Юлій Цезарь повелъ на нихъ Римскіе легіоны, и упорная продолжительная борьба кончилась побѣдою Римлянъ: старѣйшины Венедовъ, по приказанію Цезаря, умерщвлены; остальное народонаселеніе распродано въ рабство, и слѣдъ Венедскихъ поселеній исчезъ на этомъ берегу Нѣмецкаго моря, и памятникомъ нѣкогда бывшаго здѣсь Славянства сохранилось для потомства *одно* слово, названіе столицы (40).

выражается въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ какъ и по-Русски чрезъ *у*, и такимъ образомъ изъ слова Вендины выходитъ Будины (Kadlubek, издан. Линде). Подобные примѣры превращенія *у* въ *ен* представляютъ Польскія *венгелъ* (уголъ), *венгоржъ* (угорь), *вензелъ* (узелъ) и цѣлыя тысячи другихъ; мы сами прежнихъ нашихъ *Угровъ* называемъ нынче на польскій ладъ *Венграми*. Надобно еще замѣтить, что звукъ *в* есть часто приставная буква, какъ въ словѣ *воссмь* вмѣсто *осемь*, *вотчина* вмѣсто *отчина*. Такимъ образомъ изъ *Венды* или *Венеды* имѣете вы другое произношеніе *Энты* или *Энеты*. Греческая дигамма (Ϝ) тоже приставная буква: оттого Будины, Венды, Венеды, Энды или Энеты называются по гречески то Генетами, то Энетами, а у Византійцевъ и Антами. Византійцы произносили и нынѣшніе Греки произносятъ букву *τ* (*т*) послѣ *н*, всегда безъ всякаго изъятія, какъ *д*, и слѣдовательно византійское *Анты* должно произносить непремѣнно *Анды*, а не *Анты*; тѣ, которые читаютъ это слово такъ, какъ оно написано, дѣлаютъ ошибку противъ кореннаго правила Греческой орѳографіи. Такъ, во всѣхъ этихъ названіяхъ видимъ мы одно и то же имя Вендовъ въ различномъ произношеніи его у разныхъ народовъ. Въ древнемъ краѣ Вендовъ есть въ прочемъ и теперь города Будиссинъ, или Бауценъ, Budинъ (Буда) или Офенъ, и Budинъ, близь Праги, которыхъ имена напоминаютъ Геродотовыхъ Будиновъ.»

(40) Юлія Цезаря Commentar. de bello Gallico, lib. III, IV, VII; также Страбона, I, 4; Плинія IV, гл. 16, 18, 19; Птоломея II, гл. 9; Тацита Annal. II. Удивительно, какъ не пришли на память эти мѣста изъ Гельмольда и Юлія Цезаря прежнимъ изыскателямъ, толковавшимъ о Балтійской Славянщинѣ, и вообразившимъ, будто Венеды были народъ миролюбивый, не знавшій оружія. Добрый, благородный Гердеръ, умѣвшій цѣнить нравственныя достоинства нашего племени, самъ однакожъ ошибся и другихъ вовлекъ въ ошибку мнѣніемъ о тихомъ, спокойномъ характерѣ этихъ племенъ, представляемыхъ вездѣ какими-то Аркадскими пастушками, вопреки всѣмъ событіямъ достовѣрныхъ временъ Балтійской Славіи. — «Въ Германіи,» пишетъ Гердеръ, «Славяне занимались земледѣліемъ, плавленіемъ металловъ, добываніемъ соли, приготовленіемъ полотна, варили медъ, сажали растенія, и вели жизнь *мирную* (?!) музыкальную. Они были *кротки* (?!) гостепріимны до расточительности; несчастіе и порабощеніе Славянъ произошли отъ того, что они не умѣли дать себѣ прочнаго военнаго

Эти же самыя племена Поморскихъ Славянъ или Венедовъ извѣстны были у Греческихъ и Латинскихъ писателей подъ *перевод-*

устройства, хотя и *не имѣли недостатка въ оборонительной храбрости.* Нѣмцы много передъ ними виноваты, «заключаетъ Гердеръ. Ideen zur Geschichte der Menschheit. Этотъ благородно-мыслящій *Нѣмецкій* писатель не старался, вопреки исторіи, представить Славянъ варварами; но вполнѣ раздѣлять его мнѣнія не дозволяетъ логика, соображающая такое *описаніе съ событіями*, засвидѣтельствованными исторіею среднихъ вѣковъ и съ разсказомъ Цезаря. Славный исторіографъ нашъ, увлеченный тѣми же понятіями, писалъ: «*миролюбивое свойство* Балтійскихъ Славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляетъ мыслямъ *картину счастія, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи* » (Ист. Гос. Росс. I, стр. 27, изд. второе). — И вотъ, наконецъ, въ наше время, одинъ бросатель *высшихъ взглядовъ* на исторію Русскаго народа, въ порывѣ краснорѣчія, разсыпаетъ цвѣты поэзіи, изображая Славянъ, «какъ народъ дикій, варварскій», и въ заключеніе вѣщаетъ сице: «Венеды встрѣчаются въ Исторіи Европы съ *VI вѣка* (по Р. Х.) — чудесно! видно что знаетъ Тацита! Далѣе: «Венеды, *вышедъ изъ Азіи* (?!), расселились около береговъ Балтійскаго моря, отъ Эльбы до Немана; отличались отъ Германцевъ патріархальнымъ образомъ правленія, особенно своимъ религіознымъ образованіемъ и *ѳеократическою конституціею* (?!). Они *никогда не были* народомъ воинственнымъ (?!); ихъ увлекало только стремленіе сосѣдей (?!); Венеды всегда *старались удаляться* отъ мѣста битвъ и кровопролитій. *Геніяльная* мысль Гердера: она *объясняетъ* (ужасно!) Исторію Венедовъ.» — Кандидатъ въ вибуры утверждаетъ, будтобы Венеды встрѣчаются въ Исторіи Европы только *съ VI вѣка* по Р. Х. и будтобы они вышли изъ *Азіи*; а Тацитъ, знавшій Венедовъ на *Балтійскомъ поморьѣ*, жилъ не въ *первомъ* ли столѣтіи по Р. Х? а Юлій Цезарь, самъ сражавшійся съ Венедскими поселенцами на берегахъ Нѣмецкаго моря, жилъ не въ первомъ ли вѣкѣ *до* Р. Х? Сколько же мысль Гердера объясняетъ исторію Венедовъ, вотъ сей часъ увидимъ, повѣривъ фактами. Можно ль не вѣрить очевидцу? не льзя! Юлій Цезарь говоритъ, что Венеды были первыми мореходами въ его время, имѣли огромный флотъ и были повелителями морей: это значитъ, по изъясненію толковниковъ, что «они *никогда не были* народомъ воинственнымъ». Венеды завели свои поселенія на берегахъ Белгіи, Галліи, Британніи и мужественно дрались съ первымъ полководцемъ древняго міра, Юліемъ Цезаремъ: это значитъ, по изъясненію толковниковъ, что « Венеды только *увлекались стремленіемъ сосѣдей* и всегда *старались удаляться* отъ мѣста битвъ и кровопролитій». Чудесно же объясняетъ исторію Венедовъ эта *геніяльная* мысль, принадлежащая Нѣмецкому писателю XVIII вѣка, но противорѣчущая свидѣтельству Римлянъ-очевидцовъ. — Авторъ «Россіи» (ч. II, стр. 145) справедливо замѣтилъ: «весьма странно, что наши историки приписываютъ Славянамъ исключительное занятіе земледѣліемъ и какую-то страсть къ нему или врожденную склонность! это свойство всѣхъ Европейскихъ туземцевъ, а не однихъ Славянъ. Положеніе обитаемой страны опредѣляетъ занятія народа.»

нылъ именемъ Вандаловъ. Такъ напримѣръ, Идацій (Idatius) свидѣтельствуетъ, что Вандалами называли жителей Силезіи (Silingae), и обитателей береговъ рѣки Свены или Свевы т. е. нижняго Одера, одинъ рукавъ котораго до сего времени называется Свине, отчего племя то извѣстно также подъ *мѣстнымъ* именемъ Свевовъ или Свеновъ (41). Вейсбрунская рукопись VIII вѣка, хранящаяся въ Мюнхенѣ, полагаетъ тождественными именами Sclavus et Avarus, Huni et Winidi, Wandali aut Wandoli (42) Легенды о святомъ Рупертѣ, о св. Маринѣ и Апіанѣ, точно также называютъ Славянъ Вандалами (43). Соломоновъ словарь, еще въ концѣ IX вѣка, объяснилъ, что имя Wandali тождественно именемъ Windi; а Вецерадъ, Плацель Петрекъ и Велеславинъ объясняли древнее имя Wandali словами: Србй (Сербы), Словане (Славяне (44). Адамъ Бременскій приписываетъ Славянамъ имя Вандаловъ, прибавляя, что это имя самое древнѣйшее (45). Chron. August. разсказывая о разбитіи Саксонцевъ Славянами-Лютичами (1056), ясно на-

(41) Idat. Chron. ad. an. 411, 418.—Основываясь на сходствѣ звуковъ, нѣкоторые мечтатели выдавали это по-Одерское Славянское племя Свевовъ за Нѣмцовъ Швабовъ и Свеевъ (Скандинавовъ). О соблазнительныя созвучія!!! Отъ васъ не могъ спастись даже ученый Шафарикъ! Увлекаясь сходствомъ звуковъ, *Славянской* рѣки Свевы или Свены и названіемъ *Нѣмецкаго* племени Швабовъ и *Скандинавскаго* Свеевъ (Шведовъ), онъ сказалъ въ своихъ Слав. Древн: «Нѣмецкіе писатели *стараются* доказать, что Вандалы были Нѣмецкаго происхожденія и говорили Нѣмецкимъ языкомъ; въ этомъ мы съ ними, какъ въ событіи подтверждаемомъ Исторіею (?!?) *охотно соглашаемся*» (кн. III, 78). Въ чемъ же заключается подтвержденіе Исторіи, будто Свевы были Нѣмцы *слившіеся* съ Венедами, а не чистые по-Одерскіе Славяне? — «Въ этомъ, *кажется*, увѣряетъ насъ ихъ *подлый характеръ*» (кн. III, 79). И такъ основаніемъ историческаго сужденія должно быть во первыхъ сходство звуковъ, а во вторыхъ идиллическое миролюбіе: кто *кажется* Аркадскимъ пастушкомъ, тотъ Славянинъ, въ противномъ случаѣ иноземецъ!—Въ прочемъ въ утѣшеніе историкамъ-идиллистамъ можно замѣтить, что и просвѣщенные Римляне того вѣка отличались не меньшими жестокостями и низостью; за что же Шафарикъ взваливаетъ вину въ жестокости на однихъ Вандаловъ?

(42) Hormayer, Herzog Luipolt. стр. 23 24. Аделунгъ объяснилъ (Mithrid) что имя Вандалы происходитъ отъ слова wanda (вода) и слѣдственно значитъ *Поморяне*. Основываясь на этомъ, нѣкоторые чрезъ-чуръ проницательные критики спрашивали: «если бъ Вандалы были Славяне, то зачѣмъ бы имъ называть себя Нѣмецкимъ именемъ?» Да они и не называли себя Вандалами — звали ихъ такъ иноземцы, какъ именемъ, вполнѣ выражающимъ настоящее значеніе ихъ Славянскаго имени, *Поморяне*.

(43) Тамъ же стр. 20; — Koch-Sternfeld. I, 189; — Linharts, Geschichte von Krain, ч. II, 146 — 147.

(44) Cod. Mus. Bohem. p. 359, 3. col.

(45) Ad. Bremens. ed. Lindebrog. стр. 18.

зываетъ послѣднихъ Вандалами: exercitus Saxonum a Wandalis trucidatur (46). Взглянемъ на народное употребленіе, увидимъ то же самое. Славянскіе обитатели Баварскаго лѣса назывались Вандалами. Кохъ-Штернфельдъ именно пишетъ: im baierschen Wald werden *die slawischen colonisten* als *Wandalen* bezeichnet (47). Тунское озеро называлось въ VII вѣкѣ Вандальскимъ и Венедскимъ: die Thunersee im Hasliland hiess im 7-ten jahrh. *lacus Wandalicus* und noch später *Wendensee*. (48) Князья Мекленбургскіе, короли Польскіе, Шведскіе и Датскіе пока владѣли Вендами, назывались въ древнихъ граматахъ князьями Вандальскими и королями Вандальскими, а Болеславъ храбрый вмѣсто rex Wandalorum назывался королемъ Готскимъ, rex Gothorum (49).

Разбирая изслѣдованія М. П. Погодина о Несторѣ (50), я сказалъ, что «надъ древними со временъ Шлецера, у насъ привыкли смѣяться, упрекать ихъ въ невѣжествѣ, въ незнаніи нашего сѣвера; но не лучше ли было бы изучить: *въ какомъ значеніи* принимались эти слова у древнихъ, и *нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ истины* въ ихъ описаніяхъ». Такъ напримѣръ, всѣ почти критики, принимая Германовъ вообще за Нѣмцовъ, а Сарматовъ (по русски: ящероглазыхъ) за какой-то Азіятскій народъ,—удивлялись почему Тацитъ не зналъ куда причислить Венедовъ (поморскихъ Славянъ) къ Германамъ или къ Сарматамъ (т. е. къ Нѣмцамъ или Азіятцамъ, по мнѣнію господъ ученыхъ.) Но вникните въ дѣло. Подъ именемъ Венедовъ разумѣлись Славяне Поморскіе, въ обширномъ смыслѣ; подъ именемъ Германовъ Восточныхъ, какъ мы видѣли, разумѣлись по преимуществу тѣ Славянскія племена, которыя у насъ Русскихъ извѣстны подъ именемъ Западныхъ Славянъ; подъ греческимъ ругательнымъ именемъ Ящероглазыхъ (Сарматовъ) разумѣлись мы, Восточные или Русскіе Славяне. Прочтите въ любопытныхъ *Запискахъ Артиллериста*, г-на Радажицкаго (50) описаніе земель по-Одерскихъ, т. е. страны древнихъ Поморянъ, древнихъ Венедовъ. Что же найдете вы? не смотря на онѣмеченіе тамошнихъ жителей, вы удивитесь сходству ихъ въ образѣ жизни и въ одеждѣ съ Великороссіянами. А Тацитъ подтверждаетъ именно это, говоря, что Венеды (т. е. по-Одерскіе Славяне) въ слѣдствіе частныхъ сношеній и родственныхъ союзовъ съ Ящероглазыми (Сарматами, или просто: Русскими Славянами) заимствовали отъ нихъ много обычаевъ, хотя по языку и принадлежатъ къ

(46) Chr. August. a Freher. I, 497

(47) Koch Sternfeld' Beitrage, I, 212.

(48) Ersch-Grub Encycloped.

(49) Вопросъ о Готахъ подробно разсмотрѣнъ въ особенной главѣ.

(50) Отеч. записки 1839 г.

Германамъ Восточнымъ, т. е. говоря по нынѣшнему, къ западнымъ Славянамъ. Такимъ образомъ, *понявъ* Тацита и принимая его слова въ настоящемъ смыслѣ, увидимъ, что славный писатель древности совершенно правъ; а не правы новѣйшіе писатели, которые не довольно вникаютъ въ настоящій смыслъ древнихъ; не правъ, слѣдственно, авторъ «Россіи» утверждающій будто бы «на слова Тацита въ этомъ случаѣ нельзя полагаться» (51) : напротивъ, можно и должно, потому, что они совершенно справедливы; только принимайте ихъ въ настоящемъ смыслѣ. Не правъ слѣдовательно и ученый П. Г. Бутковъ, говоря: «не вѣримъ Тациту, чтобы по-Балтійскіе Венеды принадлежали къ народамъ Германскимъ», (52) не правъ, ибо слово Германскій не синонимъ слову Нѣмецкій, Тевтонскій, Тейшерскій, развѣ бы говорилось о Западной или Малой Германіи; но Венды жили въ восточной (иначе Великой) Германіи слѣд. были Германо-Славяне, а не Германо-Тевтоны.

VI. ДРЕВНОСТЬ ЧЕХОВЪ И МОРАВОВЪ РѢШАЕТЪ ВОПРОСЪ: КТО БЫЛИ СИГИННИ И МАРКОМАННЫ?

На юго-западъ отъ Великой Балтійской Сорабіи находимъ племя Чеховъ;—подъ этимъ же, собственнымъ именемъ станемъ отыскивать ихъ и въ древности. Византійцы среднихъ вѣковъ писали имя это *Цихи*, *Циги*, *Сиги*, ибо въ Греческой азбукѣ нѣтъ буквы для выраженія Славянскаго звука *ч*. Припомнивъ эти обстоятельства, легко поймемъ, *кого* должно разумѣть у Геродота подъ именемъ Цигинн, Сигинн. Шафарикъ, основываясь на сходствѣ звуковъ, признаетъ этотъ народъ за Цыганъ, которыхъ относитъ къ племени Индійскому, и назначаетъ имъ жилище «близь Адріатическаго въ сосѣдствѣ Венетовъ», ссылаясь въ томъ на Геродота (53). Это несправедливо: кромѣ случайнаго сходства звуковъ, между геродотовскими Цигинни, и нынѣшними Цыганами нѣтъ ничего общаго. Профессоръ Даниловичь удовлетворительно доказалъ, что кочевыя общества Цыганъ появились въ Европѣ не ранѣе конца XIV-го или въ началѣ XV вѣка (54). Гораздо основательнѣе разсуждаетъ объ

(51) Россія, ч. II, с. 395; впрочемъ, г. Булгаринъ «принимаетъ за историческую истину, что многія племена, причисленныя къ Германамъ, были Славяне» (ч. I, с. 67). Послѣ этаго, слѣдовало только дать слову Germania не нынѣшнее Нѣмецкое значеніе, но древнее Римское, и все разъяснилось бы: мнимыя противорѣчія древнихъ писателей исчезли бы сами собою.

(52) Сынъ Отеч. 1839 № 8, стр. III, стран. 100.

(53) Славянскія Древности, пер. съ Чешскаго О. М. Бодянскимъ. кн. I. 52.

(54) Сѣверн. Архивъ, 1826, кн. 1 — 6; Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за

этомъ предметѣ П. Г. Бутковъ. Вотъ его мнѣніе: «Геродотъ, знавъ все теченіе Дуная, означивъ Кельтовъ при его вершинахъ, а Агаѳирсовъ при источникахъ *вливающейся въ Дунай* рѣки *Мариса,* теперешней Моравской Моравы, и указывая изъ Ѳракіи на Дунай, объявляетъ: «какіе народы живутъ къ сѣверу отъ этой страны (Ѳракіи), никто подлинно сказать не можетъ, но кажется, что *за Истромъ* лежитъ уже страна пустая, предѣлы коей не извѣстны. Я могу сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ однихъ людяхъ, живущихъ *за Истромъ.* Они называются *Цигинни* и одежду носятъ *Мидійскую.* Народъ сей смеженъ съ Енетами, обитающими при Адріатическомъ морѣ, и почитаетъ себя переселенцами *Мидійскими.*»(55) Гдѣ же Иродотъ говоритъ, что Сигинни, въ его время, имѣли водвореніе свое при Адріатическомъ заливѣ? Развѣ они не могли граничить съ Енетами въ другомъ мѣстѣ, со стороны Дуная? Весьма ясно, что Иродотъ ставитъ *Цигинновъ* на лѣвомъ берегу Дуная, въ Венгріи, Моравіи, Богеміи, и что онъ подъ *Цигиннами* (въ единственн. числѣ *Цигъ*) разумѣетъ Славянъ *Чеховъ,* тотъ же народъ, который оставилъ слѣды своего древнѣйшаго пребыванія, какъ въ *Сика-Зенъ* Закавказской, такъ *Зингіи, Зихіи, Зекхіи,* Кубано-Кавказской и Таврической (56). Чехи и по самому знаменованію имени своего не чужды Прокопіевымъ *Спорамъ,* Несторовымъ *Норикамъ:* слова *чехъ* на языкѣ Лезгинскомъ, *сикъ* на Курдскомъ и *шекелъ* на Персидскомъ, означая *утробу,* сообщаютъ намъ то же самое понятіе о видѣ *горныхъ дебрей,* какое даютъ географическія имена древнихъ *Сираковъ* Кав-

---

Кавказомъ. III, стр. 75, 276; ч. IV стр. 124, 214, 270. Въ Персіи, Грузіи и Арменіи, Цыганъ зовутъ *Боша.*

(55). Геродотъ кн. II, гл. 33, 34, IV, 49, 102, 104, V, 9. Шафарикъ говоритъ (Славян. Древн. II, 112), будто бы Иродотъ ничего не зналъ о Кельтахъ въ Норикѣ; онъ же Геродотову рѣку Марисъ, текущую въ Дунай, признаетъ за Марошъ, не смотря, что Марошъ вливается не въ Дунай, а въ Тиссу.

(56). Страб. кн. XI, гл. 2, Плин. кн. VI. гл. 7; Птол. кн. V, гл. 9; Аммїанъ Марцеллинъ кн. XXII, гл. 8; Memor popul IV, 247, 252; Стефанъ Визант. въ словахъ *Zygi* и *Sindi.*—Въ имени *Сика-зена,* слово *зена* есть Персидское *зао,* земля; въ имени *Син-дики,* слово *дикъ* есть Персидское же *диніа, страна.* По учрежденію Императора Льва Любомудраго (887—911 г.), *Зихія* раздѣлена была на три епархіи: одна имѣла каѳедру въ Херсонесѣ (Севастополѣ), другая въ Босфорѣ (Керчи), третья на Кубани въ Никопсѣ, т. е. у рѣки Шакупсы. Замѣтимъ, что главныя рѣки Чехіи Европейской: Лаба (Ельба), Малпка, Упа, отвѣчаютъ именами своими Кавказскимъ рѣкамъ: Лабѣ, Малкѣ, Убину, о которыхъ однакожь не имѣлъ никакого свѣдѣнія авторъ статьи «Опытъ Исторической Географіи Русскаго міра», напечатанной въ Библ. для чт. 1837 г. № 6.

каза южнаго и сѣвернаго, и *Сираковъ* же, обитавшихъ, по Плинію, между Днѣпромъ и Днѣстромъ (57), заимствованныя отъ старо-Персидскихъ словъ: *серахъ, сурань, дыра, щель.* Греческое реченіе *сирагсъ* равномѣрно означаетъ *ущелистую землю.*—Сознаніе въ Чехахъ, т. е. въ нынѣшнихъ Богемцахъ и Моравцахъ, Геродотовыхъ *Циговъ*, можетъ указать ясный слѣдъ и къ раскрытію въ *Бояхъ* породы Славянской, согласно мнѣнію Энея Сильвія, Кранція, Странскаго, Маринголы, Дубравія, Лаубе, Суровецкаго и другихъ, если только не станемъ безусловно полагаться на сказаніе древнихъ, будто бы *Бои* были *Галлы*, какъ уже не вѣримъ Тациту, чтобы по-Балтійскіе Венды принадлежали къ народамъ Германскимъ (58). Слово *бой* чисто Славянское; знаменуя народъ *бранный*, оно искони постоянно держится на странахъ *Боемской* и *Бойарской*, просто Баварской. Въ числѣ народовъ, обитавшихъ по Истру, въ 434 г. по Р. Х., упоминаются *Боиски.* Сербы, жившіе на лѣвой сторонѣ Дуная, сопредѣльно съ Хорватами, занимавшими *Вагиварію*, т. е. *берегъ* рѣки *Ваги*, втекающей съ лѣва въ Дунай, сами въ VII вѣкѣ называли *Боикою* свою отчизну. (59) По свидѣтельству Страбона, *Бои* поселились нѣкогда въ лѣсахъ *Герциніи*, и оттуда распространились до Истра, въ сосѣдство Панноніи Нижней; читая же у сего писателя, что *Бои* былъ народъ *воинолюбивый, храбрый, великій,* прежде нежели *унизили его Галлы*, должно полагать, что униженіе сіе нанесъ *Боямъ* не сродникъ ихъ, а иноплеменникъ, Галлъ Сиговезъ, когда онъ, какъ говоритъ Титъ Ливій, проникъ изъ-за Рейна за пять съ половиною вѣковъ до Р. Х. въ *Герцинскіе* лѣса, такъ названные отъ Славяно-Иллирійскаго реченія *герсъ, рожъ, по плодородію окружающихъ оные полей* (60). Въ тѣ времена часть *Боевъ* увлечена была Галлами въ Ита-

---

(57) Страб. кн. XI, гл. 2 и 5; Помпоній Мела, кн. I, гл. 19; Плин. кн. VI, 26, Тацитъ въ Лѣтоп. XII гл. 15; Птоломей (кн. V, гл. 9) Сираковъ пишетъ *Ciraceni.*

(58) Тацитъ о Герман. § 46. Сравните выше, стр. 99.

(59) Memor popul I, 479, II, 21, 151, 1031, Іорнандъ De reb. Get. гл. 24. —Мы не слѣдуемъ Бандурію, который *Вагиварію* превратилъ въ Птолемеевы *Bebii montes*, стоящія въ Верхней Панноніи, на правой сторонѣ Дуная.

(60) Страб. кн. VI, гл. 5, VII, 1, 2, 5; Титъ Ливій, кн. V, гл. 34 и 35. Шафарикъ II, 109) говоритъ, что это движеніе Галловъ происходило за 588 л. передъ Р. Х. Но мы вѣримъ охотнѣе древнимъ писателямъ, ближайшимъ къ событіямъ, нежели произвольному умствованію новыхъ. Онъ же, согласно съ Гримомъ, полагаетъ (III, 17, 193 и 194), якобы имя *Герциніи* заимствовано отъ Скандинавскаго слова *harka*, *крѣпость, твердость, жестокость.*

лію и осталась подъ ихъ знаменами; прочіе удержались въ *Богеміи*, и являются въ ней за полвѣка передъ Р. Х. и въ началѣ эры Христіянской (61). Птоломей зналъ *Боевъ* подъ именемъ *Богмовъ*; онъ находилъ ихъ при Дунаѣ въ теперешней Моравіи, и называлъ ихъ одинаково съ Страбономъ *народомъ великимъ*, *Bohi gens magna* (62). Слѣдовательно, *Бои*, обитавшіе между Галлами и Германцами, не могли бы сохранять на себѣ титла *великаго народа*, еслибы оно искони имъ не принадлежало. *Бои* столько же Галлы и Германцы, сколько Финны, Нѣмцы, Татаре и прочіе иноплеменники имѣютъ право сроднять себя съ Славяно-Руссами, единственно потому, что живутъ въ предѣлахъ и въ подданствѣ имперіи Россійской. (63)»

Отдѣлите въ этомъ разсужденіи *догадку* о пребываніи Чеховъ на Кавказѣ и путешествіи ихъ оттуда къ Дунаю и верховьямъ Эльбы, отдѣлите догадку отъ *логическаго сравненія Геродотовыхъ извѣстій съ настоящею этнографіею*, и вы убѣдитесь, что Славянское племя Чеховъ, извѣстное у иноплеменниковъ подъ именемъ Богемцевъ, искони обитало на своей землѣ, и было извѣстно даже Геродоту подъ своимъ собственнымъ именемъ (Sigi, Zigi, Siginni, Ziginni) между тѣмъ какъ Римляне эту Чехію называли Богеміей, страною Бойевъ или Квадовъ. Правда, Римскіе писатели называли ихъ Галлами, но имя Галловъ было распространяемо у Римлянъ на весь Европейскій западъ, даже на Адріатическихъ Венетовъ съ Краинцами, въ славянствѣ которыхъ уже нѣтъ никакого сомнѣнія. Помпоній Мела, указывая на Адріатическое море, именно говоритъ, что Краинцы и Венеты населяютъ Галлію Тогату, sinistra parte Adriatici maris Carni et Veneti colunt Togatam Galliam (64) тогда какъ Полибій опредѣлительно говоритъ, что Венеты отличаются отъ Галловъ языкомъ (65). Ясно, что имя Галловъ употреблялось древними слишкомъ въ обширномъ значеніи, распространяясь на всю Западную Европу, и потому не всегда можетъ служить указаніемъ на *племенное* отношеніе, какъ и въ этомъ случаѣ, когда видимъ, что Чехія, страна Бойевъ, — подобно Франконіи или восточной Баваріи, также странѣ Бойевъ (66), — во времена чисто-историчес-

(61) Страб. кн. VI, гл. 2—5, VII, гл. 5; Записки Юлія Цесаря кн. I, 18, VII, 25; Тацитъ въ Лѣтоп. кн II, 62, 63, XII, 29, и о Германцахъ 28 и 30.

(62) Птол. кн. II, гл. 11.

(63) Сынъ Отеч. 1839, № 8, отд. VI, стр. 99-101.

(64) Помпоній Мела, Lib II, cap. 4.

(65) Polyp. l. II, cap. 17,

(66) Сравните выше примѣч. 17.

кія населена однимъ *Славянскимъ* именемъ Чеховъ, хотя иноземцы называли и до нынѣ ихъ называютъ Богемцами: фактъ здѣсь лучшее опровержение всѣхъ догадокъ и предположеній.

Знаменитый Маннертъ (67), разбирая сказанія Геродота о Сигиннахъ (Цигиннахъ, Чехахъ), хотя и не догадывался, что въ этомъ имени скрывается названіе Чеховъ, однакожъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: «Сигинны суть вѣтвь Славянъ; мнимое ихъ происхожденіе отъ Мидянъ содержитъ въ себѣ гораздо больше истины, нежели сколько могъ предполагать Геродотъ: мы теперь знаемъ, что языки Персидскій и Нѣмецкій точно сродственны съ Славянскимъ. Не безъ вѣроятія также можно допустить, что въ глубокой древности толпы Славянскихъ народовъ спускались съ отдаленнѣйшихъ краевъ Польши внизъ, на югъ, даже къ Венетамъ въ Италіи. Только отсюда можно понять, отчего эти Венеты могли такъ долго удерживать за собой выгодную торговлю янтаремъ, что и самые Греки думали, что родина янтаря находилась у нихъ на рѣкѣ Эриданѣ. Между тѣмъ однородцы и единоплеменники ихъ доставляли имъ изъ отдаленнаго края это столь рѣдкое и выгодное произведеніе, отправляя его, по причинѣ перевозки сухимъ путемъ, исключительно въ большихъ кускахъ. Эта торговля сухимъ путемъ долго продолжалаеь еще и въ позднѣйшее время, не смотря на то, что связь между Славянскими народами давно уже прекратилась; отсюда также очень вѣроятно, что извѣстный Римскій всадникъ, отправившійся въ царствованіе императора Нерона съ Дуная къ Балтійскому морю, рѣшился на этотъ путь, слѣдуя примѣру древнихъ Венетовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это сказаніе о Сигиннахъ досталось Геродоту отъ Венетовъ, потому что онъ темныя свои свѣдѣнія объ этомъ народѣ получилъ не отъ очевидныхъ свидѣтелей, но по наслышкѣ; торговля этого народа осталась для него тайною.... онъ узналъ только то, что этотъ неизвѣстный народъ былъ близкимъ сосѣдомъ Венетовъ: прочіе предѣлы его владѣній оставались для него совершенно недоступными.« —Видите ли: проницательному Маннерту оставался только одинъ шагъ, и онъ узналъ бы опредѣлительно, *какое* изъ Славянскихъ племенъ извѣстно было Геродоту подъ именемъ Ziginni или Siginni, если бъ сравнилъ его извѣстіе съ нынѣшнею этнографіею Чеховъ, и вспомнилъ, что въ греческомъ языкѣ нѣтъ буквы для выраженія Славянскаго звука *ч*. Но, увлеченный прежними теоріями объ исчезаніи и переселеніи народовъ, Маннертъ тоже пустился въ догадки: «*разумѣется*,» говоритъ онъ, «народъ этотъ *выгнанъ* былъ оттуда нашествіемъ Кельтовъ.» А гдѣ

---

(67) Mannert, Germanien §. 499-501.

же доказательства этому *разумѣется?* гдѣ свидѣтельства современниковъ или ближайшихъ потомковъ объ изгнаніи Сигиновъ или Цигиновъ (Чеховъ) изъ Чехіи или Богеміи?—Но, допустивъ предположеніе, будто бы этотъ народъ былъ выгнанъ Кельтами, Маннертъ уже поставленъ былъ въ необходимость назначить имъ дорогу въ этомъ небываломъ путешествіи, и онъ спрашиваетъ о Чешкомъ народѣ: «куда же онъ пошелъ: воротился ли на Сѣверъ чрезъ Дунай, или же устремился на Западъ въ Ретійскія горы.?» А на дѣлѣ оказывается, что Чехи *никуда* не ходили, не отправлялись на сѣверъ черезъ Дунай и не устремлялись на Западъ въ Ретійскія горы, но преспокойно жили и живутъ на своей родинѣ, тамъ, гдѣ обитали и во времена Геродота, бывъ извѣстны отцу Исторіи подъ своимъ собственнымъ именемъ, только немного огреченнымъ. Впрочемъ дѣло не въ *звукахъ,* даже не въ *значеніи имени,* а въ фактѣ, и что́ бы ни значили имена: *Чехи, Богемцы,* дѣло въ томъ, что этими двумя именами означается одинъ и тотъ же народъ. (68)

(68) Изслѣдуя, *что значитъ* имя народа, мы только удовлетворяемъ археологическому любопытству, но рѣшеніе этого вопроса нисколько не должно мѣшать правильному заключенію о *фактической* сторонѣ вопроса, о тождествѣ (хотя бы и разнозначащихъ) двухъ именъ одного народа, на пр. *Чехи* и *Бойи,* будемъ ли объяснять послѣднее имя Славянскимъ словомъ *бой,* какъ П. Г. Бутковъ, или Кельтскимъ словомъ bois (лѣсъ), какъ Ѳ. Л. Морошкинъ. Приведя свидѣтельства среднихъ вѣковъ, что Богемія называлась Hyrcynia, (ορκος,) Sylvia, Drevonia, Ditivonia, г. Морошкинъ переходитъ къ древности и говоритъ: «Тацитъ сильно поддерживаетъ мысль, что Богемія получила имя отъ лѣсовъ: manet adhuc Boihemi nomen significatque *loci veterem memoriam,* quamvis mutatis cultoribus т. е. хотя Галло-Боги и выгнаны отсюда Даками, однакожъ имя Богеміи данное ей Галлами, осталось при ней, ибо оно хорошо характеризуетъ мѣстность страны. Почему же? Именно потому, что на Кельтскомъ (франко-гальскомъ) языкѣ *bois значитъ лѣсъ;* отсюда народъ Boii, Bojari, бояринъ, панъ, лѣхъ (владѣлецъ лѣсовъ). Слово *bois* съ нѣкоторыми измѣненіями есть слово обще-Европейское: Славянская форма его есть *Букъ, Бокхъ, Богъ, Бугъ;* даже святѣйшее имя Бога (Deus) взято отъ дерева, отъ лѣса (букъ), ибо Славяне-язычники въ глубокой древности покланялись дереву, дубу, рощенью, столбу, почему они въ Пруссіи и названы Ruticlii, т. е. древопоклонники. Отъ слова Богъ произошло слово *богатый,* т. е. обладатель лѣсовъ, и названія народовъ: Толсто-боги (Tolisto-bogi) или Толсто-фалы (Tai-fali) Толсто-деревцы; Cisto-bogi, casto-bogi, Часто-деревцы; Sa-boci, Залѣсцы, за-Буковинцы, Трансильванцы, Межибожье—междулѣсье. У Тевтоновъ совершенно то̀ же словопроизводство: слову *Богъ* соотвѣтствуетъ Gutt, Got, das Gut —лѣсъ, gutig —богатый. Названія народовъ: Gauti, Gutti, Guttones, Gothi, Гольтва, Голяды, Галинды, Гуды имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ что́ Руссъ и Богемъ т. е. лѣсной народъ; вотъ почему Лит-

Другая часть того же Славянскаго племени Чеховъ приняла отъ рѣки Моравы *мѣстное* имя Моравовъ или Моравитянъ; по извѣстіямъ Римскихъ писателей, которые много заимствовали отъ Рейнскихъ Нѣмецкихъ своихъ сосѣдей ([69]), тутъ жили Marahanui (Maravanni), иначе Marcomanni: стóитъ только вспомнить, что Нѣмцы до сихъ поръ называютъ рѣку Мораву Маркомъ, и тотчасъ объясняется, что *Marcomanni* есть нѣмецкій переводъ имени Моравовъ, *Моравскихъ людей;* послѣ чего само собой уничтожается *предположеніе* историковъ-мечтателей (къ сожалѣнію раздѣляемое и П. Г. Бутковымъ) о вторженіи «*Нѣмецкаго племени* Маркомановъ въ началѣ эры Христіянской въ Моравію, объ утвержденіи ихъ тамъ на постоянное жилище», ([70]) и наконецъ, о *истребленіи* ихъ *Славянскимъ* племенемъ Моравовъ, которымъ послѣ того дозволяется занять свою землю, какъ скоро мнимые Нѣмцы будто сквозь землю проваливаются. Видя, какимъ образомъ изъ Славянскаго *имени*, Моравы, переведеннаго на Нѣмецкій языкъ (Marcomanni), историки выкроили особый *народъ* Нѣмецкаго племени (хотя никто изъ Римскихъ писателей не говоритъ, что Marcomanni принадлежатъ Тевтонскому племени), благоразумный изыскатель самъ уже опредѣлитъ цѣну и всѣхъ дальнѣйшихъ гипотезъ, придуманныхъ историками, чтобы какъ нибудь связать концы и выпутаться изъ лабиринта предположеній, неминуемо родившихся изъ одного, произвольно допущеннаго. Создавъ *Нѣмцевъ* Маркомановъ, а въ эпоху вполнѣ достовѣрную, находя тутъ однихъ *Славянъ*-Моравовъ, историки по неволѣ должны были *сочинить* новое предположеніе объ *истребленіи* Marcomann'овъ, то есть Моравскихъ людей, Моравами-же!!! Твердите какóе угодно предположеніе — мало по малу забудутъ, что вы говорите лишь догадку, требующую однакожъ подтвержденій, и наконецъ, пожалуй, станутъ уже выдавать гипотезу какъ бы за доказанную истину. Привычка слышать и безъ критической повѣрки повторять сказанное другими довела историковъ до того, что уже не стыдятся съ важностію разсказывать о томъ, какъ Marcomanni, т. е. Моравы донынѣ живущіе на своей родинѣ, *исчезли* при водвореніи Моравовъ, по мнѣнію однихъ въ V вѣкѣ, по догадкамъ же другихъ въ VI-мъ столѣтіи, или даже VII-мъ: такимъ образомъ *предположеніе* недогадливыхъ историковъ, не имѣющее

ва называетъ Руссовъ Гудами, Тевтоническая Русалка называется Гудилкою (отъ Gud, Gut), а рѣка Гутталъ Древанцемъ. И такъ, ясно, что Богемія происходитъ отъ слова *Богъ* и значитъ Древлянскую землю.» Историко-критич. изслѣдованія Ѳ. Л. Морошкина стр. 108-109.

([69]) Смотрите выше, примѣчаніе 17-ое.

([70]) Сынъ Отеч. 1839. № 8, Отд. III, стр. 104.

никакого фактическаго основанія, уже выдается за *произшествіе*, за дѣйствительное *событіе*, которое будто бы *когда-то* совершилось. Такъ-то легко строить воздушные замки при помощи волшебныхъ словъ: *кажется, можетъ быть, вѣроятно,* по большой части, нисколько невѣроятныхъ; но всѣ подобные разсказы до тѣхъ только поръ не считаются ложными, пока не явятся безпристрастные изыскатели, которые смѣло призовутъ на помощь исторіи здравую критику: лишь она одна въ состояніи разоблачить пустые вымыслы историковъ, основанные на догадкахъ и предположеніяхъ.

VII ДРЕВНОСТЬ СЛОВЕНЪ, И РАЗБОРЪ ДОГАДОКЪ О ПЕРЕСЕЛЕНІИ ИХЪ БУДТО БЫ ВЪ РОССІЮ.

Убѣдившись, что Богемія или Чехія съ незапамятныхъ историческихъ временъ была населена Славянскими своими обитателями, взглянемъ на самыхъ дальнихъ единоплеменниковъ нашихъ, Словенцевъ и Словаковъ: первые живутъ въ нижней Штиріи, нижней Каринтіи, въ Крайнѣ и двухъ смѣжныхъ Венгерскихъ графствахъ; вторые сплошь заселяютъ сѣверо-западную Венгрію. Этимъ-то Словенцамъ и Словакамъ принадлежитъ собственное имя Sclavi, Sclavini, Slavini, распространенное потомъ на всѣхъ ихъ единоплеменниковъ: Чеховъ, Сорабовъ или Германскихъ Сербовъ, Ляховъ, Руссовъ, Болгаръ, и Сербовъ Дунайскихъ или Мизійскихъ. Шлёцеръ чуть-чуть не угадалъ истины. Онъ уже указалъ правильнѣйшее чтеніе Іорнанда (Mursianus вмѣсто Musianus); къ сожалѣнію, этотъ проницательный критикъ не зналъ нынѣшняго этнографическаго положенія Словенцовъ и Словаковъ; не понявъ настоящаго смысла въ Іорнандѣ, говорящемъ объ одиныхъ Словенахъ, Шлёцеръ ошибочно отнесъ его слова ко *всѣмъ* племенамъ Славянскимъ и — смѣшалъ, затемнилъ, перепуталъ всю древнюю исторію Руси, Болгаръ, Чеховъ, Ляховъ, Сербовъ, насильно и своевольно отведя имъ квартиры въ жилищахъ Словенцевъ и Словаковъ. Рѣзкій тонъ Шлёцера имѣлъ неотразимое на всѣхъ вліяніе; къ этому присоединилось педантическое толкованіе *догадки* Нестора — и пошли писать о разселеніи всего огромнаго 80-милліоннаго народонаселенія изъ Дунайскаго уголка, отмежеваннаго впрочемъ у Іорнанда только одинимъ Словенцамъ и Словакамъ.

Мнѣніе человѣка, рожденнаго въ тѣхъ странахъ и знакомаго положительно съ этнографіею Дунайскихъ земель, должно рѣшить споръ этотъ, навсегда, окончательно. Выслушаемъ теперь Венелина, голосъ котораго — какъ уроженца тамошнихъ краевъ — имѣетъ въ этомъ дѣлѣ авторитетъ неопровержимый! Онъ превосходно объясняетъ настоящій смыслъ Іорнанда, въ слѣдствіе чего опредѣляется

уже само собою достоинство догадки Нестора о разселеніи Славянъ съ Дуная — такъ по крайней мѣрѣ хотятъ увѣрить — въ VI или вѣроятно VII вѣкѣ. Выслушаемъ, что говоритъ Венелинъ:

«Ежели есть что либо слабое и произвольное у Нестора, то это именно мѣсто о разселеніи Славянскихъ племенъ изъ одного фокуса. Несторъ объ этомъ могъ только догадываться какъ и мы. Несторъ не имѣлъ ни малѣйшихъ источниковъ, ни малѣйшихъ преданій о такомъ событіи (разселеніи Славянъ), о которомъ всѣ писатели, отъ него до Р. Х., совершенно ничего не знаютъ—о событіи, современнымъ свидѣтелемъ коего могла быть развѣ одна *луна!* Объ этомъ событіи Несторъ не судья; слѣдовательно, брать на себя трудъ рѣшать эту задачу по Нестору, значило бы пускаться въ несбыточныя мечты или теоріи.

«*Теоремантію* какъ Славянскихъ ученыхъ, такъ и иноплеменныхъ любителей Славянской исторіи, породила *ошибка*, или *антилогическій* силлогизмъ. —Правда, въ риторикѣ приняли фигуру, въ которой *часть* употребляется вмѣсто *цѣлаго*, и на оборотъ, *цѣлое* вмѣсто *части*, напр. чужой *деньги* не желаю вм. *добра*. Конечно есть цѣлыя, которыхъ составныя части *всѣ однообразны, одинаковы;* но есть напротивъ и цѣлыя, коихъ составныя части *разновидны, разнообразны;* такія цѣлыя принадлежатъ къ царству животныхъ. Но цѣлыя этихъ двухъ царствъ уже не *цѣлыя*, а *роды;* ихъ части не *части*, а *виды*. Если между *частями* рубля (копѣйками) существуетъ *однообразіе* и *равенство*, то между *видами* какого либо *рода* животныхъ или растеній находится ощутительное *разнообразіе* и *неравенство*, точно такое, какъ между *дубомъ* и *тополемъ*, *сосною* и *березою*. Вотъ почему логика не допускаетъ, подобно риторикѣ, въ цѣлыхъ употреблять *видъ* вмѣсто *рода*, *родъ* вмѣсто *вида*. — Такіе точно *роды* и *виды* существуютъ и во *всеобщей народописи* или познаніи народовъ. Россіянинъ, Полякъ, Чехъ, Сербъ, Словенинъ или Словенецъ, Болгаринъ, составляютъ *виды* или племена одного *рода*. Всѣ эти виды Славянскаго рода разнятся между собою и именемъ, и одѣяніемъ, и обрядами, и исторіею и формами своего языка, точно такъ-же какъ и растеніе отъ растенія. Изъ числа *видовъ* Славянскаго *рода* были жители Штиріи, Иллирійскаго королевства и Венеціянской области, которые всегда, да и нынѣ ещё отличали себя отъ прочихъ Славянскихъ племенъ именемъ *Словенъ:* ихъ называли именемъ провинцій, въ которыхъ жили, *Rheti, Pannones, Carni, Venetae*.

«Надобно замѣтить, что изыскатели древностей Славянскихъ племенъ приняли за правило караулить то время, съ котораго Греки или Римляне станутъ именовать Славянскія племена ихъ націо-

нальными именами. Но, увы! ни у Геродота, ни у Страбона, ни у Тацита не встрѣчается слово *Slovenciones!* Между нами будь сказано, Римлянамъ нужды не было называть простой народъ Паннонiи, Ретiи, Норика такъ, какъ онъ себя называлъ; да и кто принудитъ Россiянъ называть Курляндскихъ и *Лифляндскихъ* Нѣмцевъ такъ, какъ сами они себя называютъ, т. е. *Тейчерами?* Наконецъ только 80 или 100 лѣтъ спустя послѣ освобожденiя этого племени *Аттилою* отъ ига Италiянцевъ, т. е. около 540 года, когда уже исчезла память Римскихъ губернiяльныхъ названiй, и когда это племя составило свое особенное княжество, вздумалось тогдашнимъ писателямъ *Прокопiю* и *Iорнанду* употребить племенное ихъ названiе *Σκλαβηνοι, Slavini* (71).

«Если же Теоремяны, то есть, изслѣдователи Славянскихъ древностей, не могли понять, что Прокопiй и Iорнандъ своимъ номенклатурнымъ нововведенiемъ не перечили *прежнему* существованiю *Словенцевъ* въ Ретiи и Норикѣ, точно такъ-же какъ и я не противорѣчу существованiю Нѣмецкаго народа въ Европѣ отъ того, что первый употребилъ слово Тейчеры; то они также должны были не забыть, что древнiе Греки *буквально* переводили на свой языкъ *собственное* названiе этого Славянскаго племени. Греческое слово *το ρητον* (*rheton*) значитъ *слово;* отсюда *ρητος* (rhetus) *словесный, Словенецъ; ρητωρ* (rhetor) *словесникъ, ρητορικη* rhetorica, la rhetorique, *словесность:* что же другое можетъ значить древнее *Rheti, Rhetia*, а по нашему *Ретiя* или *Рецiя?* другаго корня и значенiя нѣтъ этому слову.

«Хотя первое появленiе у Прокопiя и Iорнанда имени *Σκλαβηνοι, Slavini*, вмѣсто *Rheti* или *Pannones*, столько же мѣшаетъ историческому *существованiю этого племени* искони въ тѣхъ странахъ, сколько и первое появленiе въ Русской книгѣ слова *Тейчеры*, вмѣсто Нѣмцевъ; однако теоремяны наши заключили: «слѣдовательно Словене первый разъ явились въ Европѣ или тамъ около 520 или 540 года!» и пошли толковать не только объ ихъ *прихожденiи*.

«Это племя присоединенокъ Италiи въ царствованiе императора *Августа* въ слѣдствiе походовъ Тиберiя и Друза въ *Rheti*-ю и Паннонiю. Съ тѣхъ поръ, до нынѣшняго дня, *Словенцы* имѣли *постоянное* несчастiе зависѣть отъ другихъ народовъ. Римляне наводнили

---

(71) Писано въ 1836 году; тогда еще не попадалось Венелину свидѣтельство Кесарiя, жившаго въ IV вѣкѣ, см. выше, стр. 86. Въ то время Словене были подъ властiю Римлянъ; Кесарiй употреблялъ имя Sclaveni только въ отношенiи къ однимъ Дунайскимъ Словенамъ, а не ко *всѣмъ* Славянскимъ племенамъ.

всю Италію плѣнными изъ Ретіи, въ которой на оборотъ заводили свои колоніи; со времени Карла Великаго, *Rheti*-ю стали заселять Нѣмецкими колоніями Нѣмецкіе императоры: кто не выбылъ изъ страны, тотъ дома могъ олатиниться или онѣмечиться. Зная историческое положеніе, что Словенцы терпѣли потери отъ постоянной *убыли* изъ своей массы въ массу Латинскую и Нѣмецкую, непонятно, какимъ образомъ теоремалы, которые ищутъ развитія всѣхъ Славянскихъ племенъ изъ одного имени этихъ Рето-Порійцевъ, въ этой *уменьшающейся прогрессіи* ихъ народонаселенія объяснятъ такое ихъ *возвышающееся плодородіе*, что въ немъ находятъ источникъ и Ляховъ, и Чеховъ, и Сербовъ, и Померанцевъ, и Болгаръ, и 50-милліоннаго Русскаго народа! Искать физическое, народное и языкописное развитіе лехизма, сербизма въ словенизмѣ, не одно-ли и тоже, что искать въ *березѣ* развитіе *дуба*, *тополя* или *сосны*!!!

«Впрочемъ если уже теоремалы рѣшились искать у древнихъ только древнѣйшее появленіе собственнаго имени какого либо изъ Славянскихъ видовъ, то имена *Сербовъ* и *Болгаръ* гораздо прежде встрѣчаются у древнихъ, нежели имя *Словенъ*. Такъ напр. *Vibius Sequester*, писавшій свою краткую географію около 300 года, говоритъ о *Великой Сербіи* (въ Германіи): Albis Germaniae Svevos a *Cervetiis* dividit. Иные очень справедливо замѣчаютъ, что у Птоломея въ описаніи странъ Германіи, поставлена ошибкою, т. е. опечаткою при изданіи, страна *Urbium* вмѣсто *Serbium*. Самъ *Юлій Цезарь* сохранилъ въ своихъ запискахъ національное имя Сербовъ, которое однако доселѣ читаютъ *Херуски*, подобно одному семинаристу, который французское слово cheveaux прочелъ *хеваукс* вмѣсто *шево*. Да и что можетъ быть другое Цесаревы CHERVSCI кромѣ *Шервски*. Наконецъ, римское *servus* (а отъ него *servio*, *servitus*, *servitudo*, плѣнъ, рабство), въ латинскомъ словопроизводствѣ, рѣшительно не имѣетъ другаго корня, или источника, кромѣ случая, по которому *собственныя* имена народовъ могутъ сдѣлаться и нарицательными. Такимъ образомъ и *Еннодій*, епископъ Павійскій (умеръ въ 521 году) въ своемъ похвальномъ словѣ Ѳеодорику Великому, уже подъ 470-ми годами упоминаетъ о другомъ Славянскомъ видѣ, о *Болгарахъ* (Bulgares), съ которыми Готѳы сражались въ Мизіи за границы своихъ владеніи. Тоже и *Marcellinus* Comes Illyrici упоминаетъ оныхъ *гораздо ранѣе*, нежели Прокопій о Словенцахъ, ихъ сосѣдяхъ.

«Не стану упоминать здѣсь о множествѣ другихъ историко-критическихъ обстоятельствъ, которыя теоремановъ ввели бы въ большія затрудненія; довольствуюсь указаніемъ еще на одну ихъ замашку. *Іорнандъ* оставилъ намъ множество любопытныхъ геогра-

фическихъ свѣдѣній VI вѣка, разсѣянныхъ въ его историческихъ сочиненіяхъ о Готоахъ. О *Словенцахъ* говоритъ онъ слѣдующее: «*Sclavini* a civitate Nova (Novietunense) et lacu, qui appllatur *Mur*-«*sianus* usque ad *Danastrum*, et in borcam *Visla* tenut commoran-«tur.» т. е. *Словенцы*, съ юга отъ города *Новы* (что въ южной Пап-«ноніи) и озера *Мурзскаго*, простираются къ *Днѣстру*, а прямо «къ сѣверу до *Вислы*.» Jornand. de Got. orig. cap. 5. Какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ географіи, умъ человѣческій никогда не начиналъ съ *родовъ*, а съ *видовъ*, потому что понятіе о родѣ раждается только послѣ изученія и сравненія разныхъ видовъ, такъ, что понятіе о *родѣ* наконецъ пріобрѣтается какъ результатъ занятій, какъ открытіе. Кто хотя нѣсколько знаетъ жителей Австрійской имперіи и жилища разныхъ ея Славянскихъ племенъ, тому и въ голову не придетъ думать, что Іорнандъ въ этомъ мѣстѣ, какъ географъ, говоритъ обо *всѣхъ* Славянскихъ племенахъ тогда, когда онъ говоритъ только объ однихъ *Словенцахъ*. Теоремапы и охотники до переселеній и разселеній, можетъ быть удивятся, что эти Іорнадовы *Sclavini* VI *вѣка въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ обитаютъ и нынѣ* въ 1836 *году*, и что *исторія не представляетъ ни малѣйшаго намѣка объ ихъ переселеніи или разселеніи съ* 550 *по* 1836 *годъ*; въ противномъ случаѣ, какъ же бы могли Словенцы нынѣ обитать въ тѣхъ же Іорнандовыхъ границахъ 550 года! Нынѣшній этнографъ, при описаніи племенъ Австрійской имперіи, по исчисленіи жилищъ (въ Венгріи) Руси, Сербовъ и Кротоатовъ—назначилъ бы *Словенцамъ* тѣже самыя границы какъ Іорнандъ въ 550 году, исключая небольшія измѣненія, происшедшія отъ поселенія Венгровъ (Мадяровъ) и Нѣмецкихъ колоній. До Карла великаго Словенцы населяли и все Австрійское эрц-герцогство, такъ что Іорнандъ, говоря: Sclaveni простираются *на сѣверъ къ Вислѣ* т. е. къ источникамъ Вислы, довольно вѣрно выразилъ настоящее, хотя впрочемъ, говоря буквально, Словенцы никогда къ Вислѣ не примыкали.—Что касается до его выраженія: *простираются къ Днѣстру*, то это принять можно только за указаніе ихъ направленія; да и точно, *Словаки* и теперь еще, начиная отъ Песта, простираются къ сѣверо-востоку до Карпатовъ и ограничиваются въ Карпатахъ Русью, очень близко отъ тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ вытекаетъ *Днѣстръ*. — Если принять слово *ad Danastrum*, за опечатку вмѣсто *ad Danubium*, что очень легко могло статься, то указаніе Іорнанда было бы еще опредѣлительнѣе, потому, что Словенцы *къ востоку* отъ Штиріи жили точно только до Дуная. Если подразумѣвать *Днѣстръ*, тогда онъ указывалъ бы *два* раза на сѣверъ, и забылъ бы востокъ.

«Современникъ Іорнанда, *Прокопій Кесарійскій*, въ исторіи войны съ Готоами (Bell. Goth. III. 14.) говорилъ о Словенцахъ почти тоже самое: «*населяютъ значительную часть той стороны Дуная*», онъ подразумѣвалъ задунайскую Венгрію и Австрію: иначе Прокопія растолковать нельзя.

«Вотъ два древнѣйшихъ писателя, кои первые употребили паціональное имя Rhet'ійскаго Славянскаго вида ([72]). Дѣло шло *о значеніи* слова Slavini (Словене)! Точно въ этомъ только смыслѣ упоминали объ нихъ и всѣ послѣдовавшіе Византійскіе писатели до XV столѣтія. Нигдѣ нѣтъ у нихъ ни малѣйшаго признака, чтобы они подъ словами *Σϑλαβοι, Σϑλαβῆνοι, Σκλαβινοι* подразумѣвали то, что мы теперь вообще понимаемъ подъ словомъ *Славянинъ, Славяне* (т. е. *всѣ* Славянскія племена). Византійцы имя *Σκλαβηνοι* употребляли тогда только, когда хотѣли говорить или о жителяхъ Далмаціи, Славоніи и Истріи, или задунайской Венгріи и Штиріи. Имя *Slavi* стали принимать съ XI вѣка, въ *общемъ* смыслѣ Арабскіе географы, Адамъ Бременскій и другіе Саксонскіе, Датскіе и Франкскіе писатели, если писали по латинѣ, и наконецъ преподобный Несторъ. Эти писатели слово *Slavi* прибавляли къ имени всякаго племени, напр. *Slavi Sorabi*, Slavi *Vinidi*, Slavi *Pomerani*, Slavi *Bohemanni* (Чехи), Slavi *Moravani* (Моравцы), даже Slavi *Rutiae*, *Razziae*.—И такъ ни греческое *Σκλοβηνοι* (т. е. Словенцы), ни *Slavi* ничего незначущее у западныхъ хронистовъ, не представляетъ никакой важности для поясненія старины *всякаго* Славянскаго племени порознь, потому что у Грековъ оно значитъ только Штирійцы, а у западныхъ только *намѣкъ* западнымъ народамъ, что Померанцы *съ-родни* Русскимъ, Ляхамъ, или Сорабамъ. Больше ничего! Слѣдовательно греческіе *Σκλαβηνοι* рѣшительно ни къ чему нейдутъ въ соображеніяхъ древности прочихъ Славянскихъ племенъ, *Руси*, *Ляховъ* и пр. Можетъ быть, теоремaны сложатъ свою вину на Нестора, утверждая, что они руководствовались свидѣтельствомъ Русской лѣтописи. Но ужели они не поняли Грековъ и Іорнанда! во вторыхъ, ужели они повѣрили, что Несторъ могъ быть свидѣтелемъ такого событія, каково разселеніе Славянскихъ племенъ, — о которомъ онъ выразился впрочемъ только *a priori*, относя это къ началу, которое тоже принимаетъ только *à priori* же!

«Двоякая сильная причина побудила Нестора высказать свою

([72]) Сравните выше стр. 86 и 76, также прим. 71. Впослѣдствіи времени, печатая II-й томъ своей книги «Древніе и нынѣшніе Болгарае», Венелинъ обратилъ вниманіе и на Кесарія; но Паппъ Александрійскій, писатель то же IV вѣка, оставался ему неизвѣстнымъ.

догадку о событіи, котораго онъ не могъ быть свидѣтелемъ. 1) Его источниками для изученія Всеобщей (древней) исторіи были Библейскіе и Греческіе хронографы, которые обыкновенно начинаются космографіею, т. е. краткимъ описаніемъ разселенія Ноева потомства. Но этого никакъ не льзя было прилагать къ началу Русской лѣтописи, начинающейся съ половины IX вѣка. Напитавшись мыслію о разселеніи, Несторъ примѣнилъ это и къ Русскому народу! 2) При этомъ внутреннемъ своемъ расположеніи объяснить *(никогда необъяснимое)* направленіе въ разселеніи Славянскихъ племенъ, Несторъ увлекся случайнымъ созвучіемъ. Извѣстно, что одинъ изъ концовъ или частей Новагорода Великаго назывался *Славенскимъ*, потому что главная улица этого конца тянулась по дорогѣ, ведущей къ рѣчкѣ *Славенкѣ* (Петерб. губерніи) или къ какому либо мѣсту, носившему названіе *Славль*, точно такъ-же какъ и нынѣ часть и улица Троицко-Сергіева посада, ведущая къ *Переславлю* называется *Переславскою* или *Переславенскою*. — Несторъ, интересовавшись Новгородомъ, дѣйствительно не могъ не слышать, что въ Новгородѣ есть *Сла́вeнцы* т. е. жители *Сла́венскаго* конца. Считая необходимостью дать какое либо направленіе мнимому движенію Славянскихъ племенъ, и не зная, отчего произошло названіе *Славенской* заставы въ Новгородѣ, онъ могъ принять это *уличное* названіе за племенное! — И такъ вотъ почему Штирійцы направили-де стопы своя на сѣверъ къ озеру Ильменю, чтобы промѣнять виноградники и персики своей страны на песчаные Новгородскіе лѣса и на тамошнія топи! Непонятнымъ однако остается навсегда, какимъ образомъ Римское или Гунское правительство дозволило этимъ фантастамъ — вояжорамъ, своимъ данникамъ, покинуть свои дома и угодья, и пуститься въ такія страны, о которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Однако скандинавоманы и теоремапы утверждаютъ, будто бы это *случилось въ VII или въ VIII вѣкѣ!*

«Несторъ, вообразивши себѣ *Словенцевъ* въ новгородскихъ *Русскихъ* Сла́венцахъ, передѣлалъ ихъ имя и удареніе въ *Словѣни*, которое онъ нерѣдко употребляетъ вмѣсто слова *Новгородцы!* Слово *Новгородъ* показалось ему чѣмъ-то *новѣйшимъ*, потому-то онъ приписываетъ Рюрику его построеніе, не смотря на то, что Іорнандъ, исчисляя жителей сѣверной Руси въ половинѣ VI вѣка: Чудь (Thuidos), *Мерю* (Merens), *Мордву* (Mordenzimnis) etc, между прочими упоминаетъ и о *Новгородѣ* (Novago) ... Положивъ однажды, что Славенскіе Руссы Новагорода были когда-то Штирійцы, и назывались *Словенами*, уже не только Новгородъ, но и слово *Русь* показалось Нестору *новымъ*. Слѣдовало обозначить его начало, которое онъ ставитъ съ прибытія къ Сла́венцамъ въ Новгородъ

Рюриковой *Руси* изъ земли Варяжской, не смотря на то, что у Византійцевъ слово *Русь* встрѣчается почти десяткомъ лѣтъ раньше, а въ Бертиніанской лѣтописи даже 30 годами!

«Обмануться Нестору легко было, если онъ не имѣлъ предъ собою ни Іорнанда, ни *Annales Bertinianos*; вотъ почему изъ недоумѣнія черезъ недоумѣніе, онъ перешелъ къ вопросу: *когда же Русская земля стала называться Русью?* Однако этотъ вопросъ похожъ на слѣдующій: *когда же сосна прозвалась сосною* и *береза березою?* Мысль Нестора *«и отъ тѣхъ Руси* (пришедшихъ съ Рюрикомъ) *начася прозывати Русская земля»* совершенно несправедлива.

«Мы не должны забывать правила исторической логики, что: 1) *всякой лѣтописецъ, подобно всякому сочинителю, подвергается критикѣ.* 2) Лѣтописецъ можетъ быть свидѣтелемъ только въ предѣлахъ своей современности. 3) Длина времени, составляющаго современность лѣтописца, простирается отъ 250 до 300 лѣтъ. 4) Объ эпохѣ, предшествующей этой современности, лѣтописецъ обязанъ писать со *свидѣтельствъ* предшествовавшихъ ему хронистовъ.

«Слѣдовательно, какъ Скандинавоманы такъ и Славянскіе теоремани не имѣли права прикрывать себя Несторомъ въ такихъ отношеніяхъ, *въ которыхъ онъ и себя оправдать не можетъ.*

«Критика, какъ бы строга ни была, не можетъ позволить себѣ ни малѣйшаго упрека Нестору за его *догадку*, потому, что онъ, не имѣвши подъ руками ни Іорнанда, или *Annales Bertinianos*, подвергся вліянію нѣсколькихъ совпадавшихъ обстоятельствъ, и излагая это *какъ догадку только*, не навязывалъ ее никому. Но тѣмъ непростительнѣе теореманамъ, которые, при всѣхъ возможныхъ средствахъ подъ руками, при сочиненіяхъ всѣхъ Грековъ, Римлянъ и западныхъ Европейцевъ, притязая на ученостъ и критицизмъ, довели исторію до настоящей фантасмагаріи!» ([73])

— Правильное пониманіе Іорнандова извѣстія о Slavin'ахъ (Словенцахъ) влечетъ за собою столько важныхъ слѣдствій, что я рѣшаюсь остановить вниманіе читателей на этомъ предметѣ и сказать еще нѣсколько словъ въ дополненіе къ превосходному изслѣдованію Венелина, возвращающему подлинный смыслъ повѣствованію Іорнанда.

([73]) *Скандинавоманія и ея поклонники* или *столѣтнія изысканія о Варягахъ*, историко-критическое разсужденіе Ю. И. Венелина. стр. 60—72; я пропустилъ только извѣстіе о числѣ жителей Словенской страны, и и на стр. 106, — вмѣсто сорока-миліоннаго назвалъ Русь пятидесяти-милліоннымъ народомъ, сообразно новѣйшимъ извѣстіямъ (см. таблицу Славянскаго народонаселенія въ Европѣ, составленную по Шафарику).

Прежде всего замѣтимъ, что текстъ Іорнанда напечатанъ по спискамъ весьма дурнымъ, отчего не возможно понять множества собственныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ сочиненіи этого Равенискаго епископа. Въ изданіи Муратори, извѣстіе о Словенцахъ читается такъ: Sclaveni a civitate Nova et Sclavino Rumunense et lacu, qui appellatur *Musianus*, usque ad Danastum et in Boream Viscla tenus; другіе читаютъ *Musianus*, и полагаютъ, что здѣсь разумѣется Волошскій округъ Romunazzi на западномъ берегу Алуты ([74]); третьи говорятъ, что въ древней рукописи находилось только: Sclaveni a civitate *Novietunense* et lacu qui appellatur *Mursianus*, для объясненія жь города Noviodunm (Вѣденъ на рѣкѣ Савѣ ([75]) прибавлено было вверху Sclavinorum, а переписчики вставили это слово между Noviet и unense, отчего и произошло выраженіе a civitate Nova et (Sclavino-Rum) unense: мнѣніе о третьемъ чтеніи высказанное двумя знаменитыми филологами Дурихомъ и Добровскимъ ([76]) заслуживаетъ тѣмъ большую вѣроятность, что городъ Mursa дѣйствительно существовалъ въ землѣ Словенской, а между тѣмъ города *Склавина Румунскаго* никогда и нигдѣ не было. Слѣдовательно, варіантъ Амвросіянской рукописи *Mursianus* заслуживаетъ предпочтеніе, и слѣдственно переводъ Карамзина не возстановляетъ подлиннаго смысла Іорнандова, а толкованія П. Г. Буткова еще далѣе отклоняются отъ истины ([77]).

Почтенный оборонитель лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ, задалъ себѣ задачу — согласить несогласимое: ясное Іорнандово указаніе Дунайскихъ Словенцовъ и Несторову догадку о Новгородцахъ Слàвенскаго конца; съ этою цѣлію, онъ, по слѣдамъ Біэрнера и Миллера, старается пріурочить извѣстіе о *Дунайскомъ* городѣ Novae или Noviodunum къ нашему *Волховскому* Новгороду; перенеся же мѣстность юга къ намъ на сѣверъ, онъ разумѣется, долженъ былъ и lacus Mursianus (озеро Мурзское)

([74]) Іорданъ De originibus Slavicis, t. II, p. 157 — 158; его мнѣніе принято Карамзинымъ, Ист. Гос. Росс. т. I, прим. 43, и С. В. Руссовымъ въ Разборѣ новыхъ толковъ о древностяхъ Россіи, стр. 28, 32.

([75]) По мнѣнію Венелина, Древн. и нын. Болг. т. II, стр. 206.

([76]) Дуриха Bibl. Slav. II, Добровскаго Slavin. 194.—297 Очевидно, что ихъ мнѣнію слѣдовалъ и Венелинъ въ своемъ переводѣ (см. выше, стр. 110 хотя и не говоритъ объ этомъ; Венелинъ поступилъ какъ слѣдуетъ, избравъ *правильнѣйшее* чтеніе, а не своевольно пропустилъ слова эти, какъ думаетъ почтенный П. Г. Бутковъ.

([77]) О Новгородѣ VI вѣка, статья П. Г. Буткова въ Сынѣ Отечества 1836 года, № 23; ч. CLXXVII, отвѣтъ г. Руссову въ Сынѣ Отеч. 1838, т. V, отд. III; то же самое повторено имъ въ «Оборонѣ Лѣтописи Русской», какъ будто доказанная истина.

изъ Задунайской Венгріи перетащить въ Россію, а для того принялъ чтеніе Musianus, чтобы потомъ удобнѣе измѣнить это имя въ Ильмень или *Мойско*, которое будто бы происходитъ отъ Чухонскаго *моизіо* (главное селеніе), хотя *озеро* никакъ не можетъ названо *селеніемъ*. Затѣмъ, на основаніи догадокъ и предположеній, изыскатель строитъ городъ Склавинъ Румунскій (NB. никогда и нигдѣ на земномъ шарѣ не существовавшій): Славенскій конецъ въ Новгородѣ назывался иногда Славно, «*вѣроятно* по городу Славину» (78)—вотъ вамъ и Склавинъ Румунскій, явившійся изъ небытія помощію всесильнаго слова «вѣроятно». Послѣ того начинается ловля созвучій: берется Финно-Карельское слово *чанта* (проливъ), но лучшимъ признается Богемское *чит*, (обломки камней отъ развалинъ); къ этому Славяно-Чешскому слову придается Латинское окончаніе (!) и составляется прилагательное Rumu — nensis, подобно Латинскому прилагательному Roma-nensis, отъ Roma, Римъ. Впрочемъ, этотъ городъ, построенный П. Г. Бутковымъ въ статьѣ о Новгородѣ, вскорѣ и уничтоженъ самимъ же основателемъ, увѣряющимъ, будто бы «Ильменскій Славинъ *подвергся разрушенію*» (79), когда «страну, Ильменскую раззорили Угры, то есть Он-угуры или Он-гуры, какъ Византійцы называли иногда Гунновъ» (80); въ подкрѣпленіе же догадки объ истребленіи Гунами Склавина (NB. никогда на Ильменѣ не существовавшаго), авторъ указываетъ на Агаѳію, писавшаго около 594 года (Mem. pop. I, 575), но у Агаѳія ниже пол-слова не говорится о нашествіи Гуновъ на Ильменскую страну. Почтенный изыскатель безъ сомнѣнія разсуждалъ такъ: Гунны были народъ воинственный — почему жъ имъ не разрушить Склавина Ильменскаго? Оно конечно, и могли бы разрушить, да чтожъ дѣлать, когда имъ не привелось туда и ногой ступить? Не бывавъ же на Ильменѣ, они, еслибъ и хотѣли, не могли «подвергнуть разрушенію» знаменитый Склавинъ Румунскій, еслибъ даже онъ и существовалъ. Тогда, по мнѣнію изыскателя, Славяне Ильменскіе съ горя убѣжали на Дунай, но тамъ Гунны «съ женами, дѣтьми и стадами своими сѣли на земляхъ Славянъ и разными насиліями принудили Славянъ искать себѣ для водворенія новыхъ мѣстъ», послѣ чего, вѣроятно вспомнивъ о разрушенномъ (въ изысканіяхъ почтеннаго оборонителя) городѣ, «Славяне пришедшіе отъ Дуная въ Ильменскую страну, возстановили ее» (да развѣ она была уничтожена?), «соорудили въ ней Новгородъ и под-

---

(78) Статья о Новгородѣ, стр. 30.

(79) Тамъ же стр. 31.

(80) Тамъ же стр. 32.

чинились Гостомыслу, избранному ими изъ среды себя въ старѣйшины или князи; этому Гостомыслу можно *по справедливости* придать эпитетъ I-го, для отличія отъ II-го, по совѣту коего Новгородцы призвали къ себѣ Рюрика» ([81]). Авторъ ссылается въ этомъ на Карамзина; правда, исторіографу было все это извѣстно и даже включено имъ въ 70-е примѣчаніе къ I тому Исторіи Государства Россійскаго, но съ слѣдующею оговоркою: «*древній* лѣтописецъ *не сообщаетъ никакихъ обстоятельныхъ извѣстій* о построеніи Новагорода; за то находимъ ихъ множество *въ сказкахъ, сочиненныхъ большею частію въ XVII вѣкѣ*, и внесенныхъ невѣждами въ лѣтописи». Выписавъ сказку о правнукѣ Іафетовомъ, Скиоѣ, и похожденіяхъ его потомства, о постройкѣ города Словенска княземъ Словеномъ, о раззореніи Словенска Уграми, о возвращеніи Славянъ съ Чернаго моря, основаніи ими Новгорода близъ стараго Словенска и избраніи Гостомысла, Карамзинъ восклицаетъ: «и многіе вѣрили симъ *нелѣпостямъ!* Не только въ древней Несторовой лѣтописи, но и въ самой Никоновской, въ самыхъ хронографахъ и въ Степенной Книгѣ XVI вѣка не упоминается еще о Словенскѣ: сей *вымыселъ* принадлежитъ, кажется, XVII столѣтію.»— Но близъ Новагорода есть мѣсто именуемое *городище*, замѣчаетъ Миллеръ: «оно доказываетъ только, что тамъ былъ застроенъ *сей* городъ, названный *Новымъ*, когда его перенесли на другое мѣсто» по справедливому замѣчанію Карамзина ([82]), и отнюдь не доказываетъ (можно бы еще добавить), что старый городъ назывался Словенскомъ, какъ увѣряли сказочники, или Славиномъ Румунскимъ, какъ увѣряетъ въ наше время почтенный И. Г. Бутковъ, забывающій слѣдующее важное обстоятельство: рѣка Висла течетъ не на сѣверъ отъ Новгорода Волховскаго, а на *юго-западъ*, и потому, еслибъ Іорнандъ началъ не съ Дунайскаго, а Волховскаго басейна, то не могъ бы сказать: «жилища Sclavin'овъ простираются отъ города Novae (или Noviodunum) и озера Мурзскаго (въ юго-западной Венгріи) до самаго Днѣстра, а *на сѣверъ* по *Вислу»*. Тутъ уже никакого не можетъ быть сомнѣнія для людей знакомыхъ съ этнографіею Дунайскихъ странъ, что Іорнандъ именно разумѣлъ однихъ Словенъ (Словенцевъ и Словаковъ), которыхъ жилища и нынѣ почти въ тѣхъ же предѣлахъ, хотя и стѣснены Тевтонскими и Мадярскими поселеніями, утвердившимися въ этихъ странахъ съ IX вѣка.

([81]) Статья о Новгородѣ, стр. 32.
([82]) Ист. Госуд. Росс. т. I, примѣч. 70 (на страницахъ 35—38).

VII. ОБЪЯСНЕНІЕ МѢСТНЫХЪ НАЗВАНІЙ СЛОВЕНСКОЙ ЗЕМЛИ: PANNONIA, RHETIA, NORICUM, VENETIAE И ПРОЧ.

Отчизна Словенскаго племени, нѣкогда весьма многочисленнаго, теперь значительно стѣсненнаго Тевтонами и Мадярами, по географическому положенію носила много мѣстныхъ именъ: степная, безлѣсная и болотистая Жупанія при-Дунайская называлась Pannonia, а жители ея Краницами-Жупанярями, Cranci — Paniari; гористо-Дунайское княжество Норійское, Noricum, отъ города Норен; Альпійская Словенія въ переводѣ на Греческій языкъ называлась Rhetia; наконецъ Поморской Словеніи или Украйнѣ принадлежали разныя мѣстныя названія Venetiae, Istria, Carnia и проч. Разберемъ эти названія.

О жупаніи при-Дунайской оставилъ весьма важныя свѣдѣнія тамошній Римскій правитель Діонъ-Кассій, бывшій губераторомъ Далмаціи и верхней Панноніи (227-229 г). Опредѣливъ географическую мѣстность этой земли «отъ Норика по Дунаю къ югу по границѣ Далмаціи и Мизіи Европейской,» Діонъ-Кассій говоритъ: «тамошніе жители, Pannones, *Παννόνιοι*, живутъ весьма скудно; не имѣя ни плодородной земли, ни благораствореннаго воздуха, не воздѣлываютъ ни оливковыхъ деревьевъ, ни винограда, кромѣ самаго малаго количества, ибо значительную часть года у нихъ жестокая зима; пищу и напитокъ они приготовляютъ изъ ячменя и проса»—вотъ древнѣйшее извѣстіе объ изобрѣтеніи *пива*. Далѣе: «они мужественнѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ народовъ, и, какъ еще не знаютъ пріятностей хорошей жизни, то весьма вспыльчивы и скоры на убійство.» Сказавъ, что пишетъ «не по слухамъ или по чужимъ описаніямъ», какъ какъ другіе географы, «а по собственному опыту, съ точностію, по собственнымъ свѣденіямъ,» Діонъ Кассій объясняетъ, что Pannones получили свое названіе отъ одежды, *жупана*. Греки и Римляне, носившіе платье безъ рукавовъ, pallia (мантіи), обратили особенное вниманіе на покрой Словенскаго платья, почему Діонъ Кассій и говоритъ: «Pannones, *Παννόνιοι*, получили свое названіе отъ туземнаго обычая—шить себѣ (*συρράπτουσι*) верхнее платье съ рукавами (*τους χιτῶνας τους χειριδωτοὺς*), которое выкраиваютъ (*κατατέμοντες*) изъ нѣсколькихъ полотнищъ (*ἐξ ιματίων τινῶν*) и называютъ *паномъ* (*παννους — προσαγορέοντες*)»—то есть, просто, жупаномъ; это очевидно, вопреки мнѣнію знаменитаго Катанчича, который полагалъ, будто бы у Діона Кассія намѣкается на Латинское слово pannus (сукно, полотно), и потому возразилъ, что «Словене не могли называться Pannones отъ Латинскаго слова, какъ неизвѣстнаго имъ»,—правда, но тутъ ясно, что Діонъ Кассій разумѣетъ не Латинское, а наше Славянское слово *жу-*

панъ, и слѣдовательно, Словене могли быть названы Жупанярами. послѣ чего дѣлается совершенно понятымъ имя Kranci Paniari, (85) т. е. Kraincі *Жу*-Paniari, ибо нашего Славянскаго звука *жу* и выразить нельзя Латинскими буквами. Собственное мнѣніе Катанчича, — что Словенцы сами себя назвали *панами* (господами), отчего будто бы и произведено Римлянами слово Pannones,— едва ли можетъ быть принято: не ужели и всѣ простолюдины назвали себя господами? Вѣроятнѣе предположеніе Венелина, что Римляне назвали страну по имени правителей повѣтовыхъ, какъ такихъ людей, съ коими имѣли дѣло преимущественно, слѣдственно по имени существовавшему — Pannones, вмѣсто Supannones; если же принять, что Словене вмѣсто *жупанъ* употребляли слово *панъ*, тогда объясненіе Венелина сблизится съ Катанчичивымъ. Вопросъ: какимъ образомъ слово это, означавшее *владѣтеля*, перешло въ значеніе *одежды*, разрѣшенъ славнымъ единоплеменникомъ нашимъ Линде: жалованье платья было символомъ почета и милости Государя къ вѣрнымъ слугамъ, во всѣхъ Славянскихъ странахъ; при введеніи чиновника въ должность, на него торжественно надѣвали почетное платье, отчего и произошло выраженіе «одѣть въ жупана», вмѣсто «быть облеченнымъ въ санъ жупана».— Надо замѣтить однакожъ, что Діонъ Кассій, какъ человѣкъ просвѣщенный, очень хорошо понималъ, что этимологія еще не самое важное и не самое твердое ручательство истины въ разысканіяхъ этнографическихъ; и потому сказавъ, что имя Pannones произошло отъ ихъ платья съ рукавами (жупана), онъ прибавилъ: «впрочемъ *отъ этого ли* они прозвались, или *отъ чего другаго,* но нѣкоторые изъ Грековъ, не зная настоящаго имени, называли ихъ Пеонами, названіемъ древ-

---

(85) Въ Specimen Philologiae Катанчича (профессора нумизматики въ Пестскомъ Университетѣ) собраны и объяснены всѣ извѣстныя надписи, относящіяся къ Славяно-Дунайскому міру.—Kranci Paniari Катанчичъ переводитъ confines, limitrophi Pannonii, пограничные Паннонцы (Istri accolar. Geographia Vetus, t. I, p. 465, 467.) Ближе къ истинѣ мнѣніе Венелина, что Kranci Paniari есть *жупные* или *жупанярскіе Краинцы* ибо: 1) Kranci по свойству языка не прилагательное, а существительное, и потому не можетъ означать *пограничный* или *крайній*; 2) часть Словенъ, называемая Краинцами, населяла мѣста и гористыя и плоскія; а тѣ и другія, для отличія, носили особыя мѣстныя имена изъ числа коихъ были и *жупные* или *жупаняры*, paniari: поэтому въ Kranci собственно должно усматривать названіе племенное, а не въ Paniari, т. е. Pannones. Это не противорѣчитъ свидѣтельству Діона Кассія, что сами Краинцы называли себя панарями, ибо дѣйствительно должны были называть себя частно и относительно къ мѣсту.

нимъ, принадлежащимъ не той странѣ, а Родопу и приморской Македоніи, почему я и стану Пеонами, *Παίονας*, называть жителей сихъ послѣднихъ земель, а первыхъ Раппоп'ами, *Παννονίους*, ибо такъ они и *сами себя* и *Римляне* ихъ называютъ (*καὶ αυτοὶ εαυτούς καὶ 'οι Ρομαῖοι καλοῦσι*)». Сами же себя туземцы не могли называть такъ ни отъ начальниковъ (пановъ, жупановъ), ни отъ платья (жупана): Римляне могли ихъ назвать такъ; а если они сами себя называли этимъ именемъ—по свидѣтельству своего правителя и надписей,—то, значитъ, въ этомъ названіи скрывается и еще другое значеніе. Разобравъ всѣ слова, происшедшія отъ корня *жуп*, выражающаго идею ясности, теплоты, сухости (84), Венелинъ объяснилъ и названіе придунайской Словеніи мѣстнымъ ея положеніемъ. «Если собразить топографическое положеніи всей Словеніи, то вся восточная ея половина, между Штирійскими горами и Дунаемъ состоитъ изъ равнинъ, большею частію безлѣсныхъ. Эта степная часть Словеніи находилась въ поразительномъ контрастѣ (противорѣчіи) съ ея гористою, лѣсистою и тѣнистою частью по Норику и Ретіи: подобный топографическій контрастъ между половинами Словеніи неминуемо долженъ былъ произвесть особыя ихъ *подназванія*. Такъ какъ *степная* часть Словеніи была и безлѣснѣе и яснѣе гористой, а равно и по климату несравненно теплѣе (ибо снѣгъ въ первой лежалъ не болѣе мѣсяца, а въ гористой нѣсколько мѣсяцевъ), то весьма хорошо она и названа *жупою*, или *жупною*, именемъ характеризующимъ это противорѣчіе въ мѣстностяхъ; такимъ образомъ Словенскіе степняки назывались Жупанцами (Shùpanez, shupanz) или *жупаньярами*, именемъ необходимымъ въ домашнемъ обиходѣ Словенскаго племени. Это уже есть фактъ,

---

84) Рейфъ причислилъ слово *жупанъ* къ иностраннымъ, не зная, что во всѣхъ языкахъ Славянскихъ существуетъ множество производныхъ отъ корня *жуп;* ученый Ѳ. С. Шимкевичъ справедливо далъ мѣсто *жупану* въ своемъ «Корнесловѣ Русскаго языка» (I. стр. 82). У Карпато-Россовъ *жупа* — соломенная вѣха; у Сербовъ *жупа*—мѣсто сухое, неплодородное, безснѣжное, ясное, подвергающееся солнечному свѣту, теплотѣ; прилагательное *жупанъ, пна, пно*, ясный, теплый, солнечный; у Поляковъ и Словаковъ: *жупа* и *шопа*—сѣнной сарай, строеніе для складки сѣна, хлѣба, каменной соли, изба для сбора податей; въ старо-Болгарскомъ (нашемъ церковномъ) языкѣ *жупелъ*, правильнѣе *жупело*, сѣра, названная такъ по причинѣ ея изгараемости и свѣтлости. *Жупанъ* означаетъ не только достоинство, санъ, но и платье: у Словаковъ Zupan (жупанъ)—короткій фалдистый сертукъ съ рукавами, zupice (жупица) нижнее платье; у Венгерской Руси *жупанъ*—суконное платье въ видѣ короткаго Русскаго кафтана, съ тѣмъ различіемъ, что концы рукавовъ и края всего кафтана украшены мѣхомъ.

который подтверждаетъ Cranci Paniari въ современной Словенской надписи; впрочемъ фактъ не нуждается уже въ подтвержденіи тамъ, гдѣ онъ есть слѣдствіе необходимости, какъ въ этомъ случаѣ. Но еще поразительнѣе то, что и по понятію Римлянъ, Pannonia простиралась къ западу и югу до тѣхъ только мѣстъ, до которыхъ тянулась и жупная (степная) часть Словеніи!» ([85])

Въ землѣ поморскихъ Словенъ Адріатическихъ находились слѣдующія области: Venetiae, Carnia, Istria, Dalmatia, Illyricum. Группу мѣлкихъ островковъ прибрежныхъ Словене называли *Бенетки*; Греки, не имѣя буквы для выраженія Славянскаго звука *б*, писали это имя *Βενετιαι* (Бенетіе), а Итальянцы Venetiae (также во множ. числѣ); Словенъ, жившихъ на Бенетцѣхъ, т. е. Бенетянъ, иноземцы называли *Βενετοι*, Veneti. Во время Атилина похода на Италію, приморскіе Словене, убѣжавшіе отъ него на Бенетки, застроили эту группу 60-ти слишкомъ островковъ, соединили ихъ мостами, и такимъ образомъ возникъ тотъ знаменитый городъ, который Словене называютъ Бенетками, Чехи Бенатками, а Итальянцы Венеціею ([86]); Венеціане извѣстны у Чеховъ подъ именемъ Бенетчанъ (Benetcane). Если же имя Бенетянъ означало географически только *часть Словенскаго племени*, то надежда Шафарика отыскать *всѣхъ* Германскихъ Славянъ подъ именемъ Veneti, совершенно подобна желанію открыть весь 50-милліонный народъ Русскій въ однихъ, на примѣръ, Псковичахъ. — Обитателей даль-

---

([85]) Древніе и нынѣшніе Болгаре Ю. И. Венелина, т. II, стр. 28; въ этой же главѣ у него собраны всѣ слова, происходящія отъ корня *жуп*, (стран. 16, 17, 18, 19, 20, 26). Разборъ его можетъ назваться образцемъ филологическихъ наблюденій надъ языкомъ. «Плодовитость Славянскаго словопроизводства», основательно замѣтилъ Венелинъ, «всегда будетъ причинять изыскателямъ не мало хлопотъ, именно по причинѣ своей многосложности. Петръ произведетъ удобно отъ кафтана, а Павелъ отъ сарая: кто ихъ послѣ примиритъ? Тогда оба будутъ неправы оттого только, что одинъ другому послужитъ противникомъ. Славянское словопроизводство доселѣ мало было приглашаемо въ помощь исторической критикѣ, которой оно, при здравомъ употребленіи, можетъ быть весьма полезнымъ; но, для избѣжанія противорѣчій, которыя могутъ произойти отъ *неполнаго* изложенія производныхъ словъ, необходимость заставляетъ соображать *всю* этимологическую семью съ ея аналогіями. Впрочемъ нерѣдко можно сдѣлать самое краткое и достаточное объясненіе, имѣя въ виду корень.»

([86]) Откуда происходитъ Сербское и Краинское названіе этого города, *Млетки*?

нѣйшаго поморья, нынѣшнихъ Краинцевъ, Римляне называли (87), въ надписяхъ, Кranci; въ историческихъ и географическихъ сочиненіяхъ Karni или Carni, а страну ихъ Carnia; слѣдственно Carniola будетъ значить: Малая Крайна. Нѣмцы называютъ Крайну Kärnten, откуда произошло ново-латинское Carinthia. Шлёцеръ, показавшій во многихъ случаяхъ рѣдкую проницательность, справедливо обратилъ вниманіе на древность Краинцевъ, какъ важнѣйшее свидѣтельство старобытности Словенъ въ Германіи, вопреки мнѣнію Гаттерера, полагавшаго, будто бы Славянскія племена всего только въ VI вѣкѣ по Р. Х. явились въ Германіи: «слово Кraina чистое Славянское и содержитъ въ себѣ значеніе, отмѣнно сходное съ географическимъ положеніемъ страны и племени; очень вѣроятно, что оно одно и тоже съ Carnia, подъ которымъ страна эта слыла уже во время Римлянъ; слѣдовательно, эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, не дѣлаютъ ли чрезвычайно вѣроятнымъ, что уже во времена Римлянъ въ этой странѣ говорили по Славянски, и что потому Словенцы не послѣ 548-хъ годовъ поселились въ сей странѣ, но были тѣ же самые Carni временъ Римскихъ? Притомъ же, эта страна очень гориста; а извѣстно, что древніе языки лучше всего сохранилась въ горахъ, на прим. Кимрскій въ Валлисѣ, Арнаутскій въ Албаніи (88)». — Словенское имя *craina* собственно значитъ *земля, страна;* во вторыхъ, это названіе (Крайна, Украйна) присвоивалось у всѣхъ Славянскихъ племенъ странамъ пограничнымъ. Словене, сосѣдя съ Латинами и Скипетрами, Мизянами и при-Дунайскою Русью, въ такомъ смыслѣ дали своимъ крайнимъ областямъ это имя. Слѣдовательно, *краинцы* значитъ: *старожилы*, *туземцы*, и вторыхъ *жители пограничный страны*, отсюда объясняется то имя, которымъ Прокопій называетъ жителей Крайны въ отличіе отъ пришельцевъ, такъ называемыхъ Goth'овъ и Hun'овъ. Это слово есть *γηπαιδες* отъ *γη, земля страна,* по-словенски kraina, и *παιδες, сыны, дѣти*; то есть *сыны страны* или *старожилы*; сообразивъ это, каждый безпристрастный изыскатель согласится съ мнѣніемъ Венелина, что «*γηπαιδες* есть буквальный греческій переводъ Словенскаго слова *краинцы*, слѣдовательно Римскаго Carni, Carnioli. Это слово, которое слѣдовало переводить, превращено людьми, которымъ дѣла не было до исторической логики, въ таинственный народъ Gepides, die Gepiden, les Gepedes! Sic! Не стану указывать ни на какую книгу, но возьмите любую, и вы во всякой сыщете болѣе или менѣе мудрованій о происхожденіи, перехожденіи, хожденіи, переселеніи этихъ *старожиловъ* своей роди-

(87) См. выше стр. 118 и прим. 83.

(88) Nord. Geschichte, 251.

ны (жепедовъ или гепидовъ). Одни скажутъ вамъ: «пришли съ Дона», другіе: «пѣтъ, съ Вислы», третіе: «пѣтъ, изъ Скандинавіи» и проч. Вотъ какъ люди, подъ видомъ учености, сдѣлали для себя фантомъ, за которымъ гоняются, подобно ребятишкамъ бѣгающимъ за своею бумажною змѣею! И удивительно ли послѣ этого, что Краинцы, по понятіямъ этихъ людей, вторгаются, какъ *старожилы*, въ свое ископное отечество (in Pannoniam Saviam, Venetias et Histriam) только въ половинѣ VI вѣка, избиваютъ *гепедовъ*, и навѣки поселяются въ ихъ (т. е. своей) странѣ!!! Эти люди не въ состояніи понять критерію, что имена Греческія или нарицательныя должно переводить (89)». — Это мнѣніе Шлёцера и Венелина о старобытности Краинцевъ можетъ быть подверждено неопровержимымъ свидѣтельствомъ Тита-Ливія, который говоритъ, что въ 584 году отъ построенія Рима (или 168 году предъ Р. Х.) Римскому Сенату принесли жалобу на военнаго трибуна послы Краинцевъ, Истрійцевъ и прочихъ туземцевъ (Carnorum, Istrorum et japidum). (90) — Истріею назывался уголъ между Фіумомъ и Тріестомъ; иноземцы писали это имя: Histria, Istria; по мнѣнію Катанчича оно произошло отъ слова ostrow или oistrow; по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Истры, которой однакожь теперь не находимъ въ Истріи. Впрочемъ это названіе встрѣчается въ Славянскихъ земляхъ, на прим. у насъ въ Московской губерніи; извѣстно также, что и Дунай у нѣкоторыхъ своихъ обитателей назывался Истромъ, Ἴστρος у Геродота, Ister, Istrus, Hister, Histrus у Римскихъ писателей.

---

(89) Древн. и нынѣшніе Болгаре, т. II, стр. 210.

(90) Слово japidum есть явная ошибка писцевъ мѣсто gepaedum или gepidum, по-русски туземцевъ, старожиловъ. — Шафарикъ уже сознался (кн. III, 100, 101), что «Іорнандъ разсказываетъ *много баснословнаго* объ ихъ *выходѣ изъ Скандинавіи*, равно какъ и объ ихъ *имени*», и не смотря на это важное сознаніе, не занявшись изслѣдованіемъ этого вопроса, объявилъ Словено-Дунайскихъ *гепедовъ* (*старожиловъ*) Нѣмецкими пришельцами въ III вѣкѣ, полагая, что «они, *быть можетъ*, тѣснимые Остроготами и Лонгобардами, *удалились* къ другимъ Нѣмецкимъ народамъ (куда же?) и *вскорѣ потомъ исчезли* съ поля Исторіи» — именно такъ: исчезли со страницъ Исторіи, а на дѣлѣ и понынѣ остаются гепедами. т. е. старожилами Дунайскихъ странъ. Шафарикъ увѣренъ, будтобы при такомъ исчезаніи эти загодочные *старожилы* (гепеды, гепиды) оставили двѣ буквы *пи* на память историкамъ — въ имени города *Спишь*, по нѣмецки Zips, который будто получилъ свое имя отъ *Гепидовъ*!!! — Другой изыскатель, П. Г. Бутковъ никакъ не можетъ разстаться съ производствомъ этого греческаго имени, означающаго *туземцевъ*, *старожиловъ*, отъ Скандинавскаго слова: Gepanta, означающаго *медленныхъ*, *лѣнивыхъ*» (Оборон. Лѣтоп. Русской, стр. 344): онъ ссылается на Іорнанда;—а критика-то на что же?

Отъ одного же корня съ этимъ словомъ происходятъ слова: быстрина, Быстрица и проч. ([91]) — Поморье отъ Истріи къ берегамъ Албаніи называется Dalmatia; названіе это произошло отъ имени города Delminum, котораго жители, подъ защитою горъ и моря, безнаказанно производили морскіе и сухопутные разбои. Отъ имени Delminum произошло названіе Делминецъ, по гречески Delminiota или Dalminiota (по образцу Acrapolita, Metropolita, Suliota), сокращенно Delmata или Dalmata (какъ изъ Sauromatae Римляне сократили Sarmatae). Въ послѣдствіи, къ Делминцамъ-Словенамъ вошли племена Сербовъ и Кроатовъ; это обстоятельство объясняетъ, почему нынѣ Далматское нарѣчіе носитъ отпечатокъ Сербскаго и Кроатскаго; не смотря на то, Дубровничане (Рагузинцы) и теперь любятъ называть языкъ свой Словинскимъ, а филологи замѣчаютъ, что въ Кроатскомъ, пограничномъ съ Краинцами, есть много словенизма. Это Делминское или Далматское Словенское поморье, у Римлянъ раздѣлялось на двѣ части, изъ которыхъ ближайшее къ Истріи называлось Liburnia, а дальнѣйшее собственно Dalmatia. Обѣ эти области составляли одну префектуру Иллирійскую, иначе Illyricum (regnum); послѣднее прилагательное заимствовано отъ греческаго названія поморской Словеніи Illyris, *Ἰλλυρίς*, откуда произошли: *Ἰλλυριος*, Illyrius, Иллиріецъ, *Ἰλλυρικος*, Illyricus, Иллирійскій. По Страбону и Аппіану такъ назывались Дунайскія страны до предѣловъ Мизіи, Македоніи, Эпира, Адріатическаго моря, Италіи и Галліи, то есть вся Словенія. Впрочемъ, иногда имя Иллирика было распространяемо на большую часть земель Дунайскаго бассейна: во II вѣкѣ Иллирикомъ назвали Римляне Норикумъ, Паннонію, Далматію, Дакію, Мизію и Ѳракію; въ исходѣ IV вѣка, Императоръ Константинъ Великій, отдѣливъ отъ Иллирика нижнюю Мизію и Ѳракію, присоединилъ къ нему Македонію, Ѳессалію, Ахаію, Эпиръ, Превалисъ и Критъ: тогда Иллирикъ получилъ самое обширное значеніе и заключалъ въ себѣ 17 различныхъ областей и земель. Наконецъ, въ наше время Наполеонъ, присоединивъ къ Французской Имперіи Каринтію, Крайну, Венетское побережье, назвалъ эту страну Илліріею, Illyrie; съ 1815 года эта *новая* Иллирія перешла обратно къ Австрійскому Дому подъ именемъ Королевства, das Königreich Illyrien, которое однакожь нынѣ заключаетъ въ себѣ однихъ Словенъ-Краинцевъ: такимъ образомъ офиціальное названіе Illyricum хотя и возобновлено, однакожъ *сдвинуто съ мѣста* и перенесено на *другую* страну. И такъ, возвращая имени Иллиріи древнѣйшее значеніе (въ тѣсномъ смыслѣ), не должно забывать, что имя Illyris было собственно географичес-

([91]) Славян. Древн. кн. III, стр. 228.

кое, а не племенное, и означало ту часть Словенскаго Поморья, въ которой поселились потомъ Кроаты и Черногорскіе Сербы.

Горская Словенія у Римскихъ географовъ была раздѣляема на двѣ части: сѣверная часть, прилежащая къ Дунаю, называлась Noricum, а Сѣверо-западная часть съ Тиролемъ Rhetia. — Названіе Noricum (regnum) заимствовано отъ города Noreia, *Норея*, извѣстнаго Юлію Цезарю, Страбону и Плинію, который прибавляетъ, что онъ назывался Тавріискимъ (Туровскимъ), самымъ окончаніемъ на *скій* засвидѣтельствовавъ Славянство этой южной единоплеменницы нашей сѣверной Нарвы [92]. Изъ существительнаго Noreia (Норея) образовалось прилагательное на icus (какъ Vindelicus) *Noricus Norica*, *Noricum*, Норійскій или Норіецъ, Норійская или Норійка, Норійское. Имя страны вошло въ употребленіе въ среднемъ родѣ, Noricum (regnum), Норійское (царство); справедливость этого доказывается надписями [93], равно какъ Патеркуломъ [94] и Светоніемъ [95], у которыхъ находимъ Regnum Noricum [96]. Венелинъ объяснилъ это обстоятельство такимъ образомъ: «изъ Цезаря видно, что въ его время Горская часть Словеніи имѣла своего владѣтеля (regem), коего власть, можетъ быть, простиралась и на такъ-называемую Паннонію; и какъ Римляне начали завоеваніе Словеніи

---

(92) Юлій Цезарь Comment de bello Gallico (I, cap. V) говоритъ, что за-Рейнскіе Бойи пришли на землю Норійскую, in agrum Noricum, и осадили городъ Норею (Noreiam,) но были отозваны Гельветами, въ 55 году предъ Р. Х. По свидѣтельству Страбона (I. V) еще до Юлія Цезаря консулъ Карбонъ сражался съ Кимврами при городѣ Нореѣ. Плиній (I. III, cap. 23, 24) называетъ Норею Тавріискою (Туровскою), прибавляя, что Норійцы прежде назывались Тавріискими (Туровскими), Taurici. Страбонъ также называетъ Норійцевъ Тавріискими (ἐν τοῦς Ταυρισκοις τοῖς Νορικοῖς); сравните имя Tauro-Scythae, которымъ называли Греки насъ.— Цезаревъ противникъ, Яровитъ (Ariovistus) имѣлъ жену изъ города Нореи (uxorem Noricam).

(93) Катанчичъ приводитъ надпись: Basseus Rufus, Procurator Regni Norici, у Мураторн (въ Каринтіи): Diadumenus, Dispensator Regni Norici.

(94) Lib II, cap. 109.

(95) Cap. 19.

(96) Знаменитый Катанчичъ, не сообразивъ этихъ всѣхъ обстоятельствъ, полагалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми, что Noricum *вѣроятно* произошло изъ Кельтскаго языка, на которомъ *безъ сомнѣнія* означало Nord ryk (сѣверное царство); но ученый авторъ выпустилъ изъ вида, что *ryk* есть слово не Кельтское, а Тевтонское. Тевтоновъ же совсѣмъ не было южнѣе Словенъ, которые показались бы имъ *Сѣверянами;* слѣдственно, Тевтонскія племена могли назвать эту землю, въ отношеніи къ своимъ жилищамъ, *южнымъ* царствомъ, а не *сѣвернымъ*.

съ Паннонiи, какъ болѣе открытой части оной, а въ горы, въ управительномъ отношенiи, проникали только постепенно, то они и болѣе щадили сiю гористую страну, и оставили за нею нѣкоторыя ея домашнiя права и названiе Королевства, Regnum. Само-собою разумѣется, что по завоеванiи сей страны и по прекращенiи власти династiи, жившей въ Нореѣ, страна перестала быть Норiйскою и должна была слыть или Карнунтскою или Лавреакскою, потому что dispensator или procurator такъ называемаго Regni Norici сталъ жить или въ Carnuntum или Laureacum, или гдѣ бы то ни было. Очевидно, что слово Noricum сохранила намъ отъ забвенiя Римская канцелярiя, а посему и нѣкоторые знакомые съ нею писатели и надписи; но мы не должны забывать, что номенклатурная надобность канцелярiи нейдетъ наровнѣ съ природными названiями народовъ (97)». Такимъ образомъ это *мѣстное* названiе Горскихъ Словенъ, Norici (подразумѣвая populi), постепенно и вышло изъ употребленiя, сбивъ однакоже съ толку писателей; нѣкоторые немедленно пустились въ догадки: куда дѣвался народъ Norici? и какимъ образомъ въ началѣ достовѣрныхъ временъ тутъ являются Словене? тогда какъ логическое рѣшенiе этого вопроса очень не трудно: мѣстное названiе, Норiйцы, по прекращенiи политическаго преобладанiя города Нореи, *должно было* выйдти изъ употребленiя и замѣниться настоящимъ, племеннымъ названiемъ народа.

Это настоящее имя южныхъ нашихъ единоплеменниковъ, въ *греческомъ* только переводѣ, было въ употребленiи у самыхъ Римлянъ: Rheti есть настоящiй переводъ имени *Словене* (98). Можетъ быть

---

(97) Древнiе и нынѣшнiе Болгаре, II, 30.

(98) Это слово писалось различно: Rheti, или же Rhoeti, Rhaeti, Raiti, Reti, смотря по тому, грамотенъ или безграмотенъ былъ писецъ, зналъ по-гречески или нѣтъ. Катанчичъ, разсуждая о Мунатiевой надписи, замѣтилъ, что «слово Rhetus или Rhaetus произошло изъ Греческаго языка». Это справедливо: придыхательное *h* послѣ *r* свойственно только Греческому языку. Нашъ ученый, П. Г. Бутковъ, основываясь на *различномъ* правописанiи этого имени, не хочетъ писать Rheti, и потому отвергаетъ греческое происхожденiе этого имени, хотя оно есть точный греческiй переводъ имени Словене. Относительно всего этого просимъ ученаго нашего соотечественника выслушать мнѣнiя знатоковъ Греческаго языка. Правописанiе собственныхъ именъ у древнихъ писателей, и преимущественно у географовъ, всегда затрудняло издателей и коментаторовъ: собственныя рукописи географовъ того времени до насъ не дошли, и всѣ соображенiя исправителя текста часто должны были ограничиваться просто выборомъ одного изъ двухъ или трехъ правописанiй. Само собою разумѣется, что *выборъ* не есть *исправленiе*, если онъ сдѣланъ не въ слѣдствiе сличенiя съ подлинникомъ. А ничто такъ

спросятъ: почему Римляне, которые сами владѣли Словенiею и коротко знали Словенъ, вздумали именовать этотъ народъ не его *собственнымъ* названiемъ (Словене), а *греческимъ* (Rheti), которое даже приняла Римская канцелярiя? Вопросъ этотъ, предложенный Венелинымъ, разрѣшенъ имъ же самимъ: «По той же самой причинѣ,— отвѣчаетъ онъ,—по которой и Россiяне принялись называть свои собственныя даже области Нѣмецкими именами; такъ на примѣръ, *Западное* Русское *Поморье* или западныя поморскiя губернiи мы привыкли называть по-нѣмецки *Остзейскими*, но всякiй ли знаетъ, что *остзейскiя* провинцiи, Ostsee-Provinzen, значитъ области *Восточнаго моря*. Положимъ, что Датчанину или Шведу Балтiйское море ловко называть *Восточнымъ*; но куда какъ оно восточно и Россiянамъ!! Или,

---

не пострадало отъ переписчиковъ, какъ собственныя имена: переписываемая въ продолженiе 14 столѣтiй, рукопись Страбона необходимо измѣнилась въ правописанiи; но *какъ писалъ Страбонъ* наше слово, не извѣстно. Хотя Казавбонъ и встрѣчалъ въ старыхъ изданiяхъ Ρετοι (Rheti), но Амстердамскiй издатель предпочелъ вездѣ поставить Ραιτοι (Rhaeti), потому что въ другомъ-де мѣстѣ такъ (?) писалъ Страбонъ, scripsisse Strabonem; лучше бы ему слѣдовало сказать: потому что въ другомъ мѣстѣ изданiя, которымъ я пользовался, я такъ нахожу. Часто одна ошибка перваго издателя повторяется и послѣдующими; а изданiй Страбона было довольно много. Чѣмъ же руководствовался тотъ, кто первый сталъ печатать Rhaeti? Кажется только одною догадкою, или, какъ видно, тѣмъ, что въ *надписяхъ* Римскихъ чаще встрѣчается Raeti. Правда, что надписи суть древнѣйшiе и современные Римлянамъ памятники; но въ *правильности ихъ правописанiя*, въ особенности *относительно иностранныхъ именъ*, рѣшительно *нельзя поручиться*. И дѣйствительно, какое можетъ быть сравненiе между *ученымъ Страбономъ*, или *Плинiемъ*, и Римскими *каменьщиками*, или *полковыми ихъ кирпичниками?* Такъ какъ и сами надписи *разногласятъ* между собою (Rhaeti, Rhoeti, Raeti, Raiti, Rheti), то это самое доказываетъ недоумѣнiе самихъ каменьщиковъ; къ несчастью, на правописанiе надписей нельзя сослаться съ безопасностью и потому еще, что и чаще всѣхъ употребляемое правописанiе не можетъ служить само себѣ доказательствомъ правильности. Настоящее правописанiе слова этого должно искать собственно *въ Греческомъ* языкѣ, а не у Латиновъ, и не на камняхъ Римскихъ, ибо и ихъ должно бы исправлять по Греческому. У Страбона и Дiона Кассiя, двухъ лучшихъ представителей Греческихъ, Rhaeti поставлено издателями на-обумъ, и единственно въ подражанiе Римскимъ надписямъ, не смотря на то, что въ спискахъ *болѣе старыхъ* Казавбонъ находилъ Rheti. Впрочемъ такъ какъ Географiя Страбона была въ употребленiи и у Римлянъ, то могло быть довольно старыхъ его списковъ съ разностью въ правописанiи, которая невольно вкрадывается при перепискѣ; такимъ образомъ *правописанiе самого*

столица Червенской Руси, *Львовъ*, извѣстна въ Россіи только подъ именемъ *Лемберга* и проч. Причина этому недостатокъ въ сносной даже географической книгѣ, и что вообще образованные Русскіе Славяне пользуются Нѣмецкими географическими сочиненіями. Въ такомъ точно отношеніи находились и Римляне къ Грекамъ: въ то время всѣ сочиненія, относившіяся къ географіи, были на Греческомъ языкѣ; такихъ сочиненій было великое множество, какъ мож-

---

Страбона и Діона сдѣлалось *неизвѣстнымъ* по причинѣ *разногласія*. Разрѣшить наше недоумѣніе въ этомъ случаѣ должны другіе, *современные* Страбону, *Латинскіе писатели*, каковы: Ливій, Виргилій, Патеркулъ, Овидій, Горацій, Плиній. Эти образованные Римляне болѣе заслуживаютъ вѣры, нежели каменьщики или полковые кирпичники (которые обыкновенно торговали памятными камнями); ибо всѣ, *зная хорошо Греческій языкъ и его литтературу*, непремѣнно должны были сохранить *настоящее правописаніе Греческаго слова: они* писали такъ, какъ должны были (и не могли иначе) писать оное и Греческіе писатели, каковы Страбонъ и Діонъ. И дѣйствительно, во всѣхъ древнѣйшихъ изданіяхъ упомянутыхъ Латинскихъ писателей постоянно пишется Rheti, Rhetia; такъ на пр. по Парижскому изданію (1516) Плиній писалъ: *Rhetis* junguntur Norici (III, 24); но езуитъ Ioann. Harduinus въ своемъ изданіи (1741 года) измѣнилъ въ *Rhaetis*, не говоря однако почему. Очевидно, что въ болѣе новыхъ изданіяхъ Латинскихъ класиковъ поставили *ae* вмѣсто *e*, единственно по примѣру надписей. Лексикографы ставятъ однако вмѣстѣ оба правописанія, на пр. Math. Gesnerus въ Nov. Thes. Latinit: «*Rheti* seu *Rhaeti* quod melius,» не смотря на то, что послѣдняго рѣшительно нельзя оправдать. Это очевидно доказывается еще тѣмъ, что *Пеаній* (въ своемъ древнемъ переводѣ Евтропія (VII, 5.) пишетъ Ρητιαι, Rhetiae. Итакъ, отдавъ преимущество правописанію Римскихъ образованныхъ писателей, сохраненному въ спискахъ ихъ сочиненій и въ первыхъ ихъ изданіяхъ, мы видимъ, что Rheti по Гречески писалось чрезъ η: то есть Ρητοι; извѣстно, что Римляне это η въ Греческихъ словахъ выражали своимъ E, напр. ηθικη, ethice, μαθηματικη, mathematice и проч. Такимъ же образомъ, по установленному правилу, Римскіе писатели очень справедливо Ρητοι выражали чрезъ Rheti. Вотъ какъ должны были писать Страбонъ и Діонъ Кассій, и вообще Греки, согласно съ образованными Римлянами, а не съ кирпичниками; и притомъ писали такъ согласно съ собственнымъ своимъ языкомъ—ибо нѣтъ Греческаго слова ϱαιτος (rhaetos); но есть ϱητον (rheton), рѣчь, выраженіе, *слово*, ϱητοϱεια (rhetoria) рѣчь, *слово*, oratio, *словесность*; ϱητηϱ или ϱητωϱ (rhetor) *словесникъ*, ораторъ; ϱητοϱικος (rhetoricus), *словесническій*, принадлежащій къ *словесности*; ϱητοϱικη (rhetorica) *словесная* наука, Реторика; ϱητος (rhetus) сказанный, *словный*, *словесный*, СЛОВЕНЕЦЪ, СЛОВЕНИНЪ — во множ. ϱητοι словесные, СЛОВЕНЦЫ, СЛОВЕНЕ.

но видѣть изъ ссылокъ Страбона и Плинія. Изъ Римлянъ писалъ по латыни одинъ Плиній, да и то его Historia Naturalis есть просто компиляція изъ Греческихъ сочиненій. Такая скудость въ географическихъ писателяхъ у Римлянъ показываетъ: 1) высокое ихъ нерадѣніе въ подобномъ занятіи, 2) удобность имѣть и читать Греческія сочиненія. Такъ какъ Греческій языкъ тогда былъ общимъ языкомъ въ сношеніяхъ между всѣми окружными народами Средиземнаго моря, то естественно и Греческая географическая номенклатура была самою общеупотребительною. Такимъ образомъ если Римскій писатель хотѣлъ быть понятнымъ, то непремѣнно долженъ былъ употребить слово Rheti какъ общепонимаемое, точно какъ и мы нынѣ употребляемъ Lemberg, Lemberg, а не *Львовъ*, Ofen, Ofen, а не *Будинъ*, потому только, чтобы насъ поняли.—Почему же Грекамъ переводить было *Словене* въ *Ρητοι*? Вопервыхъ потому, что буквы *С* и *Л* никогда не находясь вмѣстѣ въ Греческихъ словахъ, дѣлали *Словенинъ* затруднительнымъ въ произношеніи; впрочемъ Греческіе писатели послѣдующихъ столѣтій (начиная съ Прокопія, т. е. 550 годовъ) стали употреблять собственное имя народа, а не переводъ онаго, съ тѣмъ однако, что между *С* и *Л* постоянно вставляли или *Θ* или *К*. Во вторыхъ: у древнихъ писателей болѣе замѣтенъ инстинктъ къ словопроизводству, или къ объясненію происхожденія словъ: Цицеронъ, Сенека любили порой указывать на этимологію слова; такъ напримѣръ, Плиній объясняетъ происхожденіе слова Sauromata, или исковерканное Sarmata отъ *σαυρος*, ящерица, и *ομμα, ομματος*, глазъ; такъ и Діонъ Кассій своихъ Pannones—отъ платья (жупанъ). Вообще древніе болѣе любили этимологію, нежели въ средніе вѣка, потому что болѣе занимались языкомъ. Правда, большая часть собственныхъ именъ народовъ необъяснима, посему и не представляетъ важной пищи для этимологовъ; къ несчастію, имя *Словенъ* именно такого рода, что значеніе его съ перваго раза бросается въ глаза. И дѣйствительно, какъ Греку, привыкшему объяснять имя всякаго Греческаго племени, привыкшему говорить, что-де Еллины названы отъ *Еллина* такого-то, Пелазги отъ *Пелазга* такого-то, и проч. какъ Греку, говорю я, не дознаться было, почему сѣверные единоплеменники *Краинцевъ* и *Бенетянъ* называются *Словенами*, и что *слово* значитъ *τὸ ρητον*, rheton? Переводъ имени *Словенинъ* на Греческій языкъ былъ тѣмъ естественнѣе, что *Греки были коротко и непосредственно знакомы со Словенами:* ибо Словенія до своего паденія имѣла много пристаней, посѣщаемыхъ Греками, единственными морскими монополистами въ тогдашнее время. По свидѣтельству Страбона (кн. V) во время Юлія Цесаря 500 Грековъ поселилось въ пограничномъ

Словенскомъ городѣ *Комъ*, занятомъ Итальянцами. Названіе Греческихъ Альповъ (Alpes Graiae, или Graecae), принадлежавшихъ отчасти къ Словеніи, указываетъ на колоніяльную, можетъ быть, экспедицію Грековъ чрезъ эти страны. Во время Плинія носилось объ этомъ преданіе. «*Катонъ полагаетъ*,» говоритъ онъ, «*что Лепонтцы и Саласцы принадлежатъ къ Туровцамъ; но другіе думаютъ, что* Лепонтцы суть потомки Геркулесовыхъ товарищей, и что, согласно съ его *Греческимъ именемъ, Греки тамъ были поселены при переходѣ, отъ чего и жители такъ называемыхъ Греческихъ Альповъ и благородные* Евганеи *получили свое названіе. Главное ихъ жилище* Stonos; Веннонскіе *же и* Сарунецкіе Словене *обитаютъ при истокѣ Рейна* (99).» Если Греки не упоминали о *Sclavinis* съ VI столѣтія, то самая достаточная причина сему была въ томъ, что Словенія имѣла свои названія, *узаконенныя* Римскою канцеляріею; посему названіе *Словене* и было излишнее, ибо Rheti, по понятію древнихъ, означало тотъ же самый народъ; во время императоровъ, Греки, въ свою очередь, изучать географію имперіи могли не иначе, какъ уже по политическому раздѣленію оной и подъ узаконенными названіями. Рухни Имперія, и собственное названіе Rhetorum непремѣнно всплыветъ. Такъ и случилось! Аттила отнялъ у Италіи Словенію, и родившіеся послѣ него 30-ю съ небольшимъ годами, Прокопій и Іорнандъ, первые упомянули *de Sthlavinis, de Sclavinis.* (100)»

Знаменитый Катанчичъ, разсматривая Каетанскую надпись въ честь Мунатію Планку (Munatius Plancus), который получилъ тріумфъ за побѣду надъ Rhet'ами въ 710 году отъ построенія Рима (въ 41 году предъ Р. Х.), удивляется, почему «имя Rheti, столь славное у древнихъ, не встрѣчается въ надписяхъ до временъ Октавіяна», и почему «въ трофеѣ Тиберія (Tiberii Caesaris), при подробномъ исчисленіи мѣлкихъ горскихъ общинъ, о Rhet'ахъ ни слова», въ слѣдствіе чего и наводитъ подозрѣніе, не прибавлено ли это слово потомками Мунатія Планка въ честь своему предку, потому что въ фастахъ, in fastis antiquis, тріумфъ Мунатія Планка означенъ ex Gallia (101). Но самъ же Катанчичъ говоритъ, что «Rheti

---

(99) Plin. III—20. Lepontios et Salassos Tauriscae gentis idem Cato arbitratur. Caeteri fere Lepontios relictos ex comitatu Herculis interpretatione Graeci nominis credunt, praeustis intra sinus Alpium nive membris, ejusdem, et Grajos fuisse positos in transitu: Grajarum Alpium incolas, praestantesque genere Euganeos inde tracto nomine. Caput eorum Stonos *Rhetorum* Vennones Sarunetesque ortus Rheni amnis accolunt.

(100) Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. II, стр. 40—43.

(101) Катанчичъ, Istri accolarum geographia Vetus, p. 139.

по свидѣтельству Діона Кассія, до завоеванія ихъ Римлянами, дѣлали частые набѣги на Италію, Галлію, и Планкъ, находясь въ Рауракѣ, дѣйствительно *могъ* ихъ поразить». Относительно жь разнорѣчія фастовъ (ex Gallia) съ надписью (ex Rhetis), должно замѣтить, что имена Gallia (пѣтушья земля), Galli (жители пѣтушьей страны) были распространяемы у Римлянъ на всю западную Европу, даже на Адріатическихъ Словенъ, поморскихъ Бенетянъ [102]. Затрудненіе, почему имя Rheti не встрѣчается *до* временъ Октавіяна, разрѣшается самымъ простымъ соображеніемъ: потому, что только въ это время Rheti были завоеваны. При исчисленіи побѣдъ Друза надобно было указать на настоящія имена горскихъ общинъ Словенскихъ, а такъ какъ имя Rheti есть Греческое, то слово это и не встрѣчается въ подробномъ исчисленіи разныхъ общинъ на Друзовомъ трофеѣ, ибо такъ не называла сама себя ни одна изъ побѣжденныхъ общинъ. Напрасно также Катанчичъ подозрѣваетъ памятникъ Мунатія Планка, предполагая, будто Rheti вошло въ употребленіе позже его, и Діонъ Кассій можетъ быть имя *своего* времени ототнесъ ко временамъ Друзова и Тиберіева похода: это имя встрѣчаемъ у Патеркула, сподвижника Друзова и Тиберіева, и у другихъ писателей современныхъ. *Горацій* (Carm. 4. 4, 171): Videre Rhetis bella sub Alpibus Drusum gerentem Vindelici, или онъ же (Carm. 4. 14, 15) Immanes Rheti.—*Клавдіанъ* (de' bello Getico 330): Prominet Hercyniae confinis Rhetia silvae.—*Виргилій* (Georg. 2. 961): Et quo te carmine dicam Rhetica. — *Овидій* (Trist. 2, 226): Arma Rhetica.—*Плиній* (14. 2.): Rheticae vites.—*Страбонъ*, писавшій свою всеобщую географію въ 17 книгахъ около 40 года послѣ Р. X, слѣдственно почти современникъ Друзу, пишетъ: «*Рейнъ* (Рипъ, *Ρηνος*, Rhenus) *разливается на большія болотища и великое озеро, до котораго простираются* Словене *и* Франки, *живущіе отчасти на Альпахъ, а отчасти за Альпами.*» Латинскій переводчикъ справедливо поставилъ *Rhaeti et Vindelici* вмѣсто Kerheti et Vindologi, подразумѣвая *καὶ Ρητοι καὶ Ουινδελικοὶ* [103]. Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ говоритъ: «*повыше города* Кома, *лежащаго у подошвы Альповъ, живутъ къ востоку* Реты *и* Веноны, *Ρητοὶ καὶ Ουενονες*»; а немного ниже, послѣ извѣстія о Салассахъ, по его описанію жившихъ отъ Ретовъ нѣсколько западно-сѣвернѣе: «оттуда далѣе *всѣ гористыя мѣста, лежащія къ востоку и югу, населяютъ Реты и Винделики, (Ρτοι καὶ Ουινδολικοι) по предѣлы Гелветовъ и Бойевъ* (Bojorum), *съ землею коихъ они граничатъ. Реты прос-*

---

(102) См. выше, стр. 102.

(103) Страб. кн. IV.

тираются въ Италію до самой Вероны и Кома; у подошвы горъ, гдѣ они живутъ, растетъ Ретское вино, которое не уступаетъ лучшимъ Италіанскимъ. *Ретьі тоже съ другой стороны простираются до тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя протекаетъ Рейнъ. Къ ихъ же племени принадлежатъ и Липонтцы и Камунцы* (Lepontii Camunique.)» Разсказывая въ V книгѣ о городѣ *Комѣ*, Страбонъ прибавляетъ, что «Помпей Страбонъ (или Косой), отецъ Помпея Великаго, возобновилъ и населилъ этотъ *разрушенный и опустошенный* Ретами *городъ*». Вотъ еще нѣсколько извѣстій, указывающихъ на обширность земель Словенскаго племени. Предѣлами его полагаетъ Страбонъ *Боденское* озеро, которое, какъ извѣстно, образовалось отъ разлива Рейна, равно и Люцернское: «между источниками этихъ двухъ рѣкъ» (Рейна и Дуная) «озеро» (Луцернское) и озерища, излившіяся изъ Рейна» (Боденское озеро). «Озеро имѣетъ въ окружности болѣе 300 *стадій* (Римскихъ верстъ), а въ длину около 200. *Словенцы* (*Ρητοι*) примыкаютъ отчасти къ озеру, упираются въ него, но больше Гельветы и *Франки*, *Ελουητιοι καὶ Ουινδολικοι*. Оттуда простирается пустыня Боевъ къ предѣламъ Панноніи. Изъ нихъ больше всѣхъ Гельветы и *Франки* населяютъ равнины за-Альпійскія (Баварію). Горскіе же и Норійскіе *Словенцы* (*Ρητοι δὲ καὶ Νωρικοὶ*) *простираются* (на югъ отъ Боденскаго озера) *чрезъ всѣ Альпы до самой Италіи*, такъ что одни изъ нихъ примыкаютъ къ *Инсубріи*, а другіе къ Краинцамъ (*Κάρνοις*) и къ окрестностямъ *Аквилеи*» ([104]). Точно такъ же опредѣляетъ жилища Словенцевъ и Плиній: juxtaque Carnos quondam Taurisci appellati nunc Norici, his contermini Rheti et Vindelici, omnes in multas civitates divisi, т. е. «Возлѣ Краинцевъ (къ сѣверу) обитаютъ Норійцы, которыхъ нѣкогда называли Туровцами; съ ними граничатъ Франки и Словене, тѣ и другіе состоящіе, изъ многихъ общинъ». ([105])

Сравнивъ это свидѣтельство Плинія съ словами Страбона, который полагаетъ южнымъ предѣломъ *Ретовъ* Верону, а сѣвернымъ Рейнъ, всякій легко убѣдится, что племя это было многочисленно. Діонъ Кассій, который Ретовъ зналъ довольно коротко, также свидѣтельствуетъ объ ихъ многочисленности (*επειδητε επολυανδρουν, καὶ ἐδόκουν τι νεωτεριειν* и проч.) Почему же имя Rheti преимуществено стало означать горскихъ Словенъ? Извѣстно, что горы всегда служатъ надежнѣйшимъ оплотомъ независимости народовъ; поморскіе Словене, какъ ближайшіе къ Италіи, ранѣе под-

---

([104]) Ibid. lib. VII.

([105]) Plin. Hist. Natur. l. III. c. 20.

верглись Римскому игу: Истрійцы и Венетяне (Istrii et Veneti) пали почти за полтора вѣка предъ Р. Х: полуостровъ Истрійскій въ 174 году, а поморье Венетское 7 лѣтъ спустя. Подунайскіе же и Горскіе Словене сохраняли свою самостоятельность до времени Августа: Горскіе покорены Друзомъ и Тиверіемъ только въ 12 году предъ Р. Х; а жупанцы Дунайскіе, послѣ войны 6—9 г. по Р. Х. Но эта война была отчаянная и, по свидѣтельству Веллея Патеркула, требовала усилій необычайныхъ; Светоній называетъ ее самою кровопролитнѣйшею послѣ Пуническихъ. Такимъ образомъ становится понятно, что Римляне, покоривъ Истрію и Венетянъ, оставили за ними ихъ мѣстныя прозвища, а общее имя *Словене* (Rheti) присвоивали только тѣмъ Словенцамъ, которые были отъ нихъ независимы. Но такъ какъ Дунайская Жупанія и Крайна имѣли уже свое мѣстное имя, а горскіе единоплеменники Жупанцевъ и Краинцевъ, какъ видно, называли себя только племеннымъ названіемъ, то Римляне и стали различать многочисленное Словенъ племя различными мѣстными названіями, для большей опредѣлительности, а общее родовое имя приписали той части горскихъ Словенцевъ, которая не отличала себя никакимъ мѣстнымъ названіемъ.

Сосѣдя къ сѣверу съ Франконскими Славянами (Vindelici), къ югу съ Латинами, Словене (Rheti), по свидѣтельству самихъ Римлянъ, нѣкогда углублялись далеко въ Италію; но имя Rheti заимствовано Римлянами отъ Грековъ только передъ временами Августа или не задолго передъ Р. Х. Слѣдственно, тутъ возникаетъ вопросъ: какимъ именемъ называли Словенъ въ древности?

Выслушаемъ древнихъ, начиная съ Ливія, который родился въ Падуѣ, на землѣ Словенской, и которому, по сей причинѣ, нельзя не отдать преимущества передъ всѣми, писавшими о сѣверной Италіи. Этотъ славный историкъ древняго Рима говоритъ (105) Tuscorum (106) ante Romanum imperium late terra marique opes patuere. Mari supero inferoque, quibus Italia insulae modo cingitur, quantum potuerint, nomina sunt argumento, quod alterum *Tuscum* communi vocabulo gentis, alterum *Hadriaticum* mare, ab *Hadria* Tuscorum colonia, vocavere

---

(105) T. Livii Patavini Histor. l. V, стр. 33.

(106) Римляне называли Этрусковъ Etrusci (или Hetrusci), иногда Tusci (у иныхъ Thusci), а землю ихъ Etruria. Греки же именовали ихъ постоянно Τυρρηνοι, Tyrrheni. —Странная участь досталась именамъ этого народа: въ древности, греческое прозваніе Tyrrheni изъ собственнаго имени обратилось въ нарицательное и стало означать утѣснителя (тирана); а черезъ нѣсколько столѣтій, когда Словене подпали подъ Римское иго, собственное имя ихъ обратилось у Римлянъ въ нарицательное и стало означать раба (sclavus).

Italicae gentes, Graeci eadem *Tyrrhenum* atque *Hadriaticum* vocant. Ii in utrumque mare vergentes incoluere urbibus duodenis terras. Prius cis Apenninum ad inferum mare, postea trans Apenninum, totidem, quot capita originis erant, coloniis missis; quae trans Padum omnia loca, excepto Venetorum angulo, qui sinum circumcolunt maris, usque ad Alpes tenuere. Alpinis quoque ea gentibus haud dubie origo est, maxime *Rhetis*, quos loca ipsa efferarunt, ne quid ex antiquo, praeter sonum linguae, nec eum incorruptum, retinerent. т .е «Владычество Этрусковъ, до покоренія ихъ Римлянами, далеко простиралось и на морѣ, и на сушѣ. Это доказываютъ названія морей, окружающихъ Италію, изъ которыхъ одно Италійскія племена называютъ *Этрускимъ* (Tuscum) по названію народа, а другое Hadriaticum отъ *Ядры*, Этрусской колоніи (107). Греки первое называютъ *Тирскимъ* (Tyrrhenum), а послѣднее *Адріатическимъ* (Hadriaticum). Этруски жили между обоими морями въ 12 городахъ, поселивъ прежде по сю сторону Апенниновъ по Адріатическому морю, а послѣ и за Апеннинами, столько же колоній, сколько было у нихъ и городовъ; эти колоніи населяли по ту сторону рѣки *Пада* «(нынѣ По)» всѣ мѣста до самыхъ Альповъ» (т. е. Каринтійскихъ и Тирольскихъ), «исключая уголъ Венетянъ, живших по заливу до самыхъ Альповъ. Безъ сомнѣнія и Альпійскихъ народовъ, преимущественно *Словенъ* (Rhetis), то же *происхожденіе;* но въ горахъ они такъ огрубѣли, что изъ всего прежняго *сохранили* доселѣ одинъ только *языкъ свой*, и то не безъ искаженія.»—И такъ, вотъ подъ какимъ именемъ извѣстны были Словене (Rheti) въ древности! Свидѣтельство Тита-Ливія, писателя рожденнаго на Словенской зем-

---

(107) *Ядра* (Hadria, Adria), нынѣ незначительное мѣсто на рѣчкѣ Tartaro, недалеко отъ моря и рѣки *По*, въ Ломбардо-Венеціянскомъ Королевствѣ; находясь по сю сторону рѣки По, этотъ городъ лежалъ въ землѣ Словенской, а именно Венетской. Есть и другой городъ *Ядра* (Jadora, *Jara*) въ Кроаціи. Hadria есть только Греческій способъ правописанія, какъ и *Hieroslaus* вмѣсто *Ярославъ*. Греческое окончаніе ατικὸς, принятое Латинами (aticus), соотвѣтствуетъ нашему окончанію *скій*, почему Венелинъ вмѣсто *Адріатическій* пишетъ *Ядрійскій*. —Прежде *Ядра* (Hadria) стояла ближе къ морю, у устья рѣки. Этотъ городъ взятъ Римлянами, и въ 283 г. до Р. Х. поселены въ немъ отчасти и Латины. Обстоятельство, что море названо его именемъ, показываетъ, что *Ядра* въ древности, до паденія своего, была однимъ изъ величайшихъ приморскихъ городовъ. Море по его имени могло быть названо только мореходцами Греческими, подобно тому какъ въ новѣйшее время Турки, и вообще Архипелажцы называютъ Адріатику *Венеціанскимъ* моремъ (Венедикъ-денисъ), по имени преобладавшей Венеціи, между тѣмъ какъ Славянскія племени называютъ Адріатику *Синимъ моремъ*.

лѣ, что Этруски и Словене, по-гречески Rheti, одного происхожденія, ничѣмъ не можетъ быть опровергнуто; мнѣніе нѣкоторыхъ изъ древнихъ, *предполагавшихъ*, будто бы Этруски были пришельцы изъ Меоніи, прибывшіе моремъ и покорившіе туземцевъ Сикульскаго происхожденія, опровергнуто современникомъ Тита Ливія, Діонисіемъ Галикарнасскимъ, ученымъ Грекомъ, посвятившимъ много лѣтъ на изученіе древностей Италіи (108). Въ дополненіе къ его доказательствамъ можно еще прибавить: какимъ бы образомъ небольшой флотъ Меонійскій могъ поработить сильныхъ туземцевъ, даже измѣнить языкъ ихъ? несоразмѣрнаго превосходства умственныхъ и физическихъ силъ на сторонѣ пришельцевъ (какъ въ Мексикѣ и Перу) тутъ не было. Притомъ, сами Этруски рѣшительно утверждали, что предки ихъ были туземцами Италіи, старожилами, а не пришельцами; собственноежь свидѣтельство народа есть лучшее опроверженіе всѣхъ предположеній. Титъ-Ливій, утверждая, что *Этруски* и *Словене*, населявшіе сѣверную Италію, *одного происхожденія*, тѣмъ самымъ подтверждаетъ доказательства Діонисія о ихъ старобытности. Этотъ любознательный Грекъ, имѣвшій всѣ средства узнать и раскрыть истину, сохранилъ для потомства важное извѣстіе, что Этруски сами себя называли Rasena, или правильнѣе *Русины*: почти въ каждой Славянской землѣ находимъ Русь, Россію; по всей вѣроятности, и въ землѣ Словенцевъ была своя Русь, Россія, которую иностранцы (а можетъ быть позднѣйшіе переписчики) назвали Rasena; по крайней мѣрѣ, теперь не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что эти Русины, Rasenae, по-латынѣ Etrusci, Hetrusci, или Tusci, по-гречески Tyrrheni, были туземцы сѣверной Италіи и принадлежали къ племени Словенцевъ, по-гречески Rhet'овъ. Но древніе любили каждому народу выдумывать родоначальника, и Греки, щедрые на сказки, сотворили вождя Словена (Рета), отъ котораго народъ Этрускій, изгнанный Галлами, будто бы получилъ свое имя *Словене*, по гречески Rheti: *Rhetos*, Tuscorum prolem, arbitrantur a Gallis pulsos *duce Rheto*, говоритъ Плиній; самое слово arbitrantur показываетъ, что это лишь одно *мнѣніе*, а сущность дѣла тутъ въ прямомъ удостовѣреніи, что Словене *потомки Этрусковъ*, (Rhetos Tuscorum prolem. Почтенный П. Г. Бутковъ, напоминая о вож-

---

(108) Этотъ любознательный Карійскій урожденецъ прибылъ въ столицу древняго міра въ 725 году отъ основанія Рима или за 36 лѣтъ предъ Р. Х. и прожилъ тамъ 22 года, занимаясь Римскими Древностями. Но изъ 20 книгъ его Археологіи дошли до насъ только первыя четыре; въ 11-ой многое пропущено; отрывки же изъ 12-ой и прочихъ сохранились въ выпискахъ, сдѣланныхъ по приказанію Византійскаго Императора Константина Багрянороднаго, въ X вѣкѣ.

дѣ Словенѣ (Ретѣ) не можетъ однакожъ сообщить ему *историческаго бытія*, равно какъ и Чеху, Леху, Руссу, принадлежащимъ къ одной категоріи съ Словеномъ или (Ретомъ) (109). — Юстинъ подъ 783 годомъ до Р. Х. пишетъ: His autem Gallis causa in Italiam veniendi, sedesque novas quaerendi intestina discordia et assiduae domi dissensiones fuere; quarum taedio cum in Italiam venissent, sedibus *Tuscos* expulerunt, et *Mediolaum, Comum, Brixiam, Veronam, Bergamum, Tridentum, Vicentiam* condiderut. *Tusci* quoque, duce *Rheto,* avitis sedibus amissis, *Alpes occupavere,* et ex nomine ducis, gentes *Rhetorum* condiderunt. «Домашніе раздоры заставили Галловъ искать новыхъ жилищъ и прибыть въ Италію; изгнавъ оттуда Этрусковъ, они построили Миланъ, Комъ, Бресчію, Верону, Бергамъ, Триентъ, Виченцу. *Этруски* же, подъ начальствомъ *Словена,* оставивъ эти прежнія свои жилища, *удалились въ Альпы,* гдѣ и распространились они, подъ названіемъ *Словенскихъ* народовъ, отъ имени вождя (110).» Вождь Словенъ (Ретъ) пускай себѣ остается въ миѳологіи, а Исторія должна воспользоваться свидѣтельствомъ что Этруски (Tusci) и Словенскіе народы (Rhetorum gentes) означаютъ одно и то же племя, какъ подтверждаетъ и *Стефанъ Византійскій* въ своемъ Географическомъ Словарѣ, говоря: *Ῥῆτοὶ Τυῤῥηκὸν ἔθνος*, т. е. «*Словене племя Этрусское.*» Тутъ болѣе уже не остается никакого сомнѣнія, и слѣдовательно—пора уже бросить элегическія воздыханія объ *исчезаніи* столь славнаго и могущественнаго народа какъ Hetrusci или Rhet'ійскіе (Словенскіе) Rasenae (Русины); они совсѣмъ *не исчезли*: изгнанные изъ сѣверной Италіи нашествіемъ Галловъ въ IV вѣкѣ предъ Р. Х, они удалились въ горы (Альпійскія) съ своимъ Словенскимъ единоплеменникамъ (Rhet'амъ). Положительныя свидѣтельства древнихъ объ этомъ событіи должны уничтожить всѣ догадки новѣйшихъ о томъ, откуда явилось и куда дѣвалось это славное племя.

И такъ, на вопросъ: *подъ какимъ именемъ извѣстенъ былъ* Словенскій *народъ, до введенія въ географію, во времена Августа, Греческаго слова Rheti?* я имѣлъ полное право отвѣчать: *подъ именемъ Этрусковъ.* И это не есть мое «собственное гаданіе», какъ показалось почтенному П. Г. Буткову, но ясное свидѣтельство древнихъ, которое ничѣмъ не можетъ быть опровергнуто, ни какими предположеніями новѣйшихъ писателей (111). Слѣдовательно, правъ и

---

(109) Плин. Histor. Natur. III, 24.

(110) Hist. Epit. l. XX, c. 5.

(111) Мысль о племенномъ родствѣ Hetrusc'овъ съ Rhet'ами (по русски Словенами), высказанная мною въ разборѣ Сербской Исторіи г-на Мо-

Ю. И. Венелинъ, который на вопросъ: чѣмъ слыли въ древности Словене (по гречески Rheti)? далъ слѣдующее рѣшеніе:

«На этотъ вопросъ положительно отвѣчаютъ: *Ливій, Плиній, Іустинъ* и *Стефанъ Византійскій.* Современникъ Ливія, *Діодоръ Сицилійскій*, описываетъ *остатки* Этрусковъ, ихъ образъ жизни, и домашнее устройство. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ знакомился въ Римѣ. Но гораздо лучше зналъ ихъ *Ливій*, родившійся въ *Падуѣ*, на землѣ *Словенской*; онъ зналъ посему и Словенцевъ (Rheti). Если же Ливій, какъ очевидецъ, утверждаетъ, что *Горскіе Словене ничего не удержали изъ прежняго Этрусскаго величія кромѣ своего языка*, то онъ увержадетъ, что *Этруски были Словенцы же.*— Боюсь впасть въ Славяно-манію, но съ другой стороны еще опаснѣе не вѣрить *свидѣтелю-очевидцу!* Страбонъ утверждаетъ, что въ его время, около половины I столѣтія, Rheti простирались къ югу, къ рѣкѣ По, сплошь до *Вероны* и *Lago di Como* по направленію къ Милану; но другіе прибавляютъ, что *Rheti* нѣкогда далеко простирались за рѣку По, къ югу по Италіи, и извѣстны были тогда подъ именемъ *Этрусковъ*, но постепенно истребились, будучи порабощены Латинами. И дѣйствительно, Латинскій народъ Сѣверную Италію долгое время, по вос-

мировича (Отечествен. Записк. 1839, № 10) встрѣтила противника въ ученомъ П. Г. Бутковѣ. Обороняя лѣтопись Русскую, Несторову, отъ навѣта скептиковъ, на стран. 341-342, онъ повторяетъ прежнюю мысль свою, будто бы «имя Ретійцевъ вовсе не вяжется съ Греческими реченіями rheton, rhetos, ибо Ретію писали Римляне и Rhaetia и Rhetia и Raetia,» но если писали *различно*, то на критикѣ лежитъ обязанность разыскать: *какое* жь изъ *различныхъ* правописаній должно быть истинное (см. выше прим. 98). Почтенному моему противнику показалось, будто «на переводъ имени Словенцевъ въ Rhet'овъ указала Венелину путь, *вѣроятно*, фраза Кранціева, что имя Словенъ означаетъ многословныхъ, говорливыхъ, Sclavoni id est verbosi»—нѣтъ, не фраза Кранціева (хотя мысль его совершенно вѣрна), но соображеніе многоразличныхъ обстоятельствъ, какъ изложено выше. Затѣмъ, г. Бутковъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «мнѣнію Венелина не доставляетъ ни малѣйшей подпоры присовокупленное къ оному его поклонниками *собственное гаданіе*, будто бы Италійскіе Тиррены, Этруски, Туски были Славяне»; но это, какъ объяснено выше, не *мое* гаданіе, а подлинныя слова Тита-Ливія, Плинія, Юстина, Стефана Византійскаго; если же имя Rheti въ переводѣ съ Греческаго языка на нашъ значитъ *Словене*, то въ этомъ не виноватъ ни я, ни Венелинъ; идя логическимъ путемъ, относительно Этрусковъ онъ пришелъ къ тому самому же выводу, какъ обнаружилъ изданный въ 1841 году второй томъ его изслѣдованій о Болгарахъ. Наконецъ, въ довершеніе мнимой побѣды, почтенный оборонитель утверждаетъ, будто «Ретія, занимая вершины Рейна и Дуная, не обнимала собою всего Дунайскаго потока;» — такъ, потому что по Дунаю жили и живутъ не

поминанію, называлъ *Этруріей* (Etruria, или terra Tuscana), име-немъ, которое нынѣ ограничено однимъ *Тосканскимъ* герцог-ствомъ (112).»

Знаменитый авторъ критической Исторіи древняго Рима, Бартольдъ Георгъ Нибуръ, въ первомъ томѣ (3-го изданія) безсмертнаго своего творенія, посвятилъ 40 страницъ изслѣдованію о такъ называемыхъ Этрускахъ (113). Этотъ славный изыскатель призналъ ихъ Ретами и сдѣлалъ важный шагъ къ рѣшенію вопроса, хотя принявъ ороографію Raeti вмѣсто Rheti, не могъ дойти до *окончательнаго* результата. Нибуръ, какъ и слѣдовало ожидать, въ последнемъ изданіи своей исторіи, рѣшительно отвергнулъ гипотезу о Лидійскомъ происхожденіи Этрусковъ и очень удовлетворительно объяснилъ причину заблужденія Геродота. Греки называли Тирренами какъ Альпійскихъ пришельцевъ въ Италію, утвердившихся въ Этруріи, такъ и совершенно другой народъ, населявшій часть Малой Азіи и сѣверные острова Эгейскаго моря или Архипелага: одинаковость имени, распространеннаго на два различные народа, была причиною *догадки* о переселеніи Азійскихъ Тирреновъ (Лидянъ, Меонянъ, Карянъ) въ Европейскую Тиррению (Етрурію); и какъ

одни Словенцы (Rheti); но между тѣмъ не льзя ограничивать Ретію одними верщинами Рейна и Дуная, ибо Страбонъ свидѣтельствуетъ, что Rheti простирались далеко на югъ, и вмѣстѣ съ Діономъ говоритъ, что они составляли племя многочисленное: какъ же бы могли они жаться въ уголку при верьховьяхъ Рейна и Дуная? А почему Римляне отнесли названіе Rheti преимущественно къ известной части горскихъ Словенцовъ, отвѣтъ предложенъ мною выше, на стр. 131—132.

(112) «Свидѣтельства этихъ весьма важныхъ авторитетовъ», основательно замѣтилъ Венелинъ, «придаютъ Словенскому народу, котораго потомки и доселѣ еще отчасти уцѣлѣли въ своихъ *Словенскихъ* горахъ (*Rheticae* alpes), довольно глубокую древность въ имени *Этруски* или *Туски*. Согласно съ выписками изъ древнихъ, сдѣланными *Діонисіемъ Галликарнасскимъ* и *Діодоромъ Сицилійскимъ*, такъ называемые Этруски уже во время Пелопонесской войны сражались съ Аѳинянами на морѣ за владѣніе Сициліею. Дѣло (историко-народописное) объ Этрускахъ находится еще подъ спудомъ.» (Древ. и нын. Болгаре, т. II, с. 79, 80.) — Венелинъ говоритъ, что составилъ цѣлый трактатъ объ Этрускахъ, но такъ какъ статья эта вышла очень огромна и составляла отступленіе отъ главнаго предмета, то исключилъ ее изъ своей книги; онъ хотѣлъ напечатать о нихъ особое разсужденіе. Гдѣ теперь это любопытное изслѣдованіе? Скоро ли оно будетъ напечатано? Когда г. Молнаръ подѣлится съ ученымъ свѣтомъ бумагами своего родственника?

(113) Römische Geschichte von Niebuhr. Erster Theil. Dritte, vermehrte und verbesserte Ausgabe (послѣднее при жизни автора). Berlin, 1828.—Въ главѣ *Das alte Italien*, статья *Die Tusker oder Etrusker*, стр. 121-160.

всѣхъ Пеласговъ Греческіе писатели выселяли изъ Греціи, выдумавъ басню о изъ выходѣ ихъ Ѳессаліи, такъ же точно и Европейскихъ Тирреновъ (которые сами себя называли Rasenae) повели изъ Лидіи (Азійской Тирреніи), хотя предположеніе это *не опиралось ни на какомъ преданіи Лидійскомъ;* но еслибъ даже гипотеза эта и основана была на преданіи, заключаетъ Нибуръ, то различіе языка, нравовъ, обычаевъ и религіи, должно лишить всякаго вѣроятія догадку о происхожденіи Rasen'овъ отъ Меонянъ и Лидянъ. «Въ цвѣтущее время своего бытія, Этруски, побѣдители древнихъ Тирреновъ и Умбровъ, населяли собственную Этрурію и страну около рѣки Пада,» пишетъ Нибуръ. «Этрусскаго же происхожденія были Реты и другіе Альпійскіе народы, какъ именно увѣряетъ Титъ-Ливій (V, 33), а по Страбону (I. IV) и Лепонцы съ Камунцами; можетъ быть, также и Евганеи, обитавшіе въ Венетской землѣ предъ основаніемъ Падуи. Не безъ основанія можно смотрѣть на языкъ Тирольскихъ Гроднеровь какъ на остатокъ Этрусскаго нарѣчія, который хотя очень измѣненъ, однакожь кажется единственнымъ, если обратимъ вниманіе на корни словъ. Гора Бреннеръ была сѣверною границею Ретовъ, слѣдственно и Этрусскаго поколѣнія (114).» Далѣе, Нибуръ убѣждаетъ, что «Ретія (по-русски: Словенія) была исконною родиною Этрусковъ, откуда они распространились сперва по верхней Италіи, а потомъ къ Аппенинамъ»; но, что при этомъ переселеніи большая часть народа оставалась по прежнему въ своихъ Ретійскихъ Альпахъ (115). Во всемъ этомъ нельзя не согласиться съ великимъ историкомъ Рима. (116)

Указавъ на Діонисія (I, 30, 24), что Этруски сами себя назы-

(114) In den Zeiten ihrer Blüthe bewohnten die Tusker, als Sieger der ältern Tyrrhener und der Umbrer, das eigentliche Etrurien und das Land um den Padus. Tuskischen Geschlechts waren auch die Räter und andre Alpenvölker, wie Livius ausdrücklich versichert: nach Strabo die Lepontier und Camuner: vielleicht auch die Euganeer, vor der Stiftung Pataviums die Bewohner von Venetien: und die, wie sehr auch vermischte, doch in eigenthümlichen Wurzeln wie es scheint einzige Sprache der Grödener in Tyrol, mag nicht mit Unrecht als ein Rest des Tuskischen angesehen werden. Der Brenner machte die Nordgränze der Räter, also des—etruskischen Stamms. — Нибурова Römische Geschichte, стр. 125.

(115) Тамъ же, стр. 127: .... Rätien eine ursprüngliche Heimath des etruskischen Volks war, von der es sich zuerst in Oberitalien und dann auch über die Apenninen ausgebreitet hatte, so ist es sehr begreiflich, dass bei dieser Fortwanderung ein grosser Theil der Nation zurückblieb...

(116) См. далѣе въ примѣч. 121-мъ указаніе слѣдовъ Славянства, донынѣ уцѣлѣвшихъ въ Швейцарскомъ Валлійскомъ кантонѣ; объ имени *Гуновъ,* которымъ, по свидѣтельству Шафарика, тамошніе Нѣмцы называютъ Славянъ, см. выше стр. 25 — 30.

вали Rasena, Нибуръ пишетъ: die Endung *ena* enspricht im etruskischen, wie es sich an den Gentilnamen zeigt, dem lateinischen *ius*; als Stamm bleibt also *Ras* (117), т. е. «окончаніе *ena* въ Этрусскомъ языкѣ, какъ видно изъ личныхъ именъ, отвѣчаетъ Латинскому *ius*, почему корнемъ остается *Ras*». Это племенное имя Ras Нибуру хотѣлось, повидимому, сблизить съ именемъ горской ихъ родины, *Ретіи*, и потому-то онъ пишетъ Raeti, отдѣлавшись отъ изысканія о *правильномъ* употребленіи этого слова двумя строчками, что «не должно писать Rhaeti вмѣсто Raeti, ибо сіе противно *хорошимъ авторитетамъ* (118)». Такъ-то опасно полагаться даже на *хорошіе* авторитеты безъ собственнаго изслѣдованія! Великій историческій критикъ не занялся самъ, положился на другихъ — и ошибся, увлеченный желаніемъ сблизить два имени, хотя и одного народа, но принадлежавшія двумъ различнымъ языкамъ. Еслибъ этотъ проницательный изыскатель, не полагаясь на «хорошіе авторитеты», далъ волю собственному размышленію, то безъ сомнѣнія тотчасъ же увидѣлъ бы, подобно Катанчичу, что имя *Ретьі* заимствовано Римлянами отъ *Греческихъ* писателей, и слѣдственно, равно ошибаются: и тотъ, кто пишетъ Rhaeti, и тотъ, кто пишетъ Raeti; филологическое-жъ соображеніе свойствъ Греческаго языка заставилобъ Нибура изъ всѣхъ варіантовъ этого имени признать правильнымъ одно чтеніе, именно Rheti (119), а Rheti и есть точный переводъ имени *Словене*; еслибъ къ тому великій историкъ Рима сообразилъ, что Словенцы дѣйствительно были исконни сосѣдами Италіи и населяли горскіе *грады* на Альпахъ, гдѣ послѣ Карловой эпохи постепенно были онѣмечиваемы и составили такъ называемыхъ Grödener in Tyrol (120); то конечно уже не сталъ бы сближать *греческій* переводъ имени Словенцевъ (Rheti) съ ихъ *собственнымъ* племеннымъ, въ кото-

---

(117) Нибуръ, Römische Gesch. I, примѣч. 344.

(118) Тамъ же, ч. I, прим. 345.

(119) См. выше прим. 98.

(120) Это имя онѣмеченныхъ уже и по языку Словенъ Тирольскихъ, есть искаженное Славянское *граднирь*: коренное слово *градъ* или *городъ*. Въ Великороссійскомъ языкѣ *городъ*, въ Болгарскомъ и въ Сербскомъ (у Сербовъ, Босняковъ, Рагузинцевъ, Далматинцевъ) *градъ*, въ Словенскомъ (у Словенцевъ, Краинцевъ, Кроатовъ) *grad*, въ Чешскомъ (у Богемцовъ, Моравовъ и у Словаковъ) *hrad*, въ Польскомъ и Нижне-Лузацкомъ *grod*, въ Верхне-Лузацкомъ *rod*; — отъ кореннаго слова *градъ, городъ* произошли прилагательныя: *град-скій, град-ный, городскій, городный*; а отсюда *граднарь* и *градарь* (какъ господ-арь, глав-арь, врат-арь, ключ-арь).

ромъ окончаніе *ena* (какъ писалъ Карійскій Грекъ Діонисій) есть наше Славянское *инъ*, а корень имени Ras (по орѳографіи Діонисія) есть или *Русь* или же *Рось* ([121]), тѣмъ болѣе, что въ *произношеніи*, звукъ *о* смягчается въ *а*, и мы говоримъ: ***Рассія;*** Сербская же Боснійская Россія, которую нашъ Несторъ называлъ *Басанси-Русія*, у туземцевъ называлась именно: ***Рáссія.***

IX. ДРЕВНЯЯ VINDELICIA, ОТЧИЗНА ФРАНКОНСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Самое названіе Vindelicia уже показываетъ, что страна эта была населена не инымъ какимъ племенемъ, какъ Славянскимъ; ибо *Виндалы* (Wenden, Winden, уменьшительно Wendeln, Windeln) Тевтонскіе народы называютъ *Славянъ* ([122]). Въ началѣ среднихъ вѣковъ Vindelicia извѣстна была подъ именемъ Франконіи. «Что *Франконію* въ VIII вѣкъ *населяли Славяне*,—пишетъ знаменитый Шлёцеръ въ своей Сѣверной Исторіи,—тó *извѣстно отчасти изъ граммать и лѣтописей среднихъ вѣковъ, а отчасти изъ сохранившихся понынѣ слѣдовъ и остатковъ Славянства*. Но я не могу рѣшить: старожилы-ль они Франконіи? принадлежатъ ли по нарѣчію къ Словенамъ (Rheti, Norici) или къ Сорабамъ (Германскимъ Сербамъ), которые обитали отъ нихъ сѣвернѣе? и посему, Нирембергъ не Славянскому ли племени одолженъ своимъ основаніемъ? Или: не поселились ли во Франконіи Славяне позднѣе, какъ побѣдители, либо поселены какъ побѣжденные? Равно *не могу опредѣлить* и время этого переселенія» ([123]). Дадимъ отвѣтъ на всѣ эти вопросы Шлёцера, который отказался отъ рѣшенія ихъ для того, чтобы имѣть

([121]) Замѣчательно, сколькимъ измѣненіямъ подвергалось наше имя *Руси*, *Россіи* въ устахъ иностранцевъ: древнюю Русь нашу называли Rutheni, Russi, Rhos, Ros, Aorsi, Alan-Orsi, Rox-Alani, Roxani, Rossomanni (въ Амвросіянскомъ манускриптѣ Іорнанда); Мадяры или Венгры называютъ насъ донынѣ *Оросъ*. (См. Историко-критическія изслѣдованія *О. Л. Морошкина* о Руссахъ и Славянахъ, отд. II, гл. I и 3; также любопытную рѣчь *Н. И. Надеждина* О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго края, преимущественно въ отношеніи къ исторіи и древностямъ Русскимъ). — И какъ насъ Русскихъ иноземцы называли Гунами, точно также и нашихъ Альпійскихъ единоплеменниковъ Нѣмцы называютъ Гунами же (Huni); эти Альпійскіе остатки Словенъ находятся еще въ Швейцаріи, въ Валійскомъ кантонѣ, близъ города Granges (Градецъ по мнѣнію Шафарика), въ деревняхъ Crimenza (Кременица), Luc (Лука), Visoye, Grona и другихъ. Чешская пчела 1834, № 9; Славян. Древн. II, с, 256, и выше стр. 25—35.

([122]) См. выше, примѣч. 17.

([123]) Nord. Geschichte, 234.

удовольствіе присвоить имя Франковъ южнымъ Тевтонскимъ племенамъ или Швабамъ (124).

Отрицая мечтательныя догадки господъ историковъ о времени и порядкѣ разселенія человѣческихъ поколѣній изъ Индіи по всему земному шару (125), историческая логика должна ограничить себя только тѣми временами, до которыхъ проникаютъ первыя письменныя извѣстія, библейскія и языческія; поэтому она застаетъ всѣ племена разселившимися по землѣ и если не знаетъ, *когда* поселилось такое-то племя, то безпрекословно должна признать его старожиломъ той страны. По свидѣтельству лѣтописей, граммать и сохранявшихся еще во времена Шлёцера слѣдовъ Славянства, Франконія или Vindelicia съ VIII вѣка уже наполнена была Славянами: *когда* явились они въ странѣ этой, не извѣстно; Шлёцеръ сознался, что *не могъ* опредѣлить по лѣтописямъ «время переселенія Славянъ», которые по сей причинѣ и должны быть признаны старожилами, туземцами своей родины. Исторія не находитъ никакихъ древнѣйшихъ племенъ во Франконіи кромѣ Славянъ, и такъ какъ самъ Шлёцеръ соглашается, что всѣ производныя отъ Wend, Wind означаютъ Западныхъ Славянъ (126),

(124) Шлецеръ, писавъ свою Сѣверную исторію, еще не могъ отказаться отъ прежнихъ заблужденій; въ послѣдствіи, въ своемъ знаменитомъ «Несторѣ» онъ сознался, что въ Восточной Германіи не было Нѣмцовъ прежде Славянъ (см. выше, с. 92—93) а такъ какъ по понятію Римскихъ тогдашнихъ писателей, Германія начиналась отъ рѣки Вислы, то ясно, что въ странахъ по Одеру и Лабѣ (Эльбѣ) подъ именемъ Германцевъ разумѣлись Славяне. Но въ своей Nordische Geschicte (334 - 338) подъ именемъ Германскихъ племенъ Шлёцеръ исчислялъ только Нѣмецкія или Тевтонскія племена, и раздѣлилъ ихъ на три отрасли: къ первой онъ отнесъ *Саксонскія* или сѣверно-Нѣмецкія племена; ко второй, названной *Франкскою*, онъ отнесъ Нѣмцевъ Гессенскихъ, Верхне-Рейнскихъ, *Франконскихъ*, Баварскихъ, Швабскихъ, *Австрійскихъ*, Эльзасскихъ и Швейцарскихъ, забывъ то важное обстоятельство, что Нѣмцы заняли Франконію и составили эрц-герцогство Австрійское не прежде Карловой эпохи, слѣдственно, не живя во Франконіи, не могли называть себя Франками; третью отрасль Нѣмецкаго племени Шлёцеръ назвалъ *Готскою*, опять забывъ очень важное обстоятельство, что во времена чисто-историческія, Готоами называли не Нѣмцевъ, а Славянъ Померскихъ, Балтійскихъ и Адріатико-Балканскихъ. И такъ, ни третье ни второе названіе не принадлежатъ Тевтонскимъ или Нѣмецкимъ племенамъ. Вмѣсто же *Франкской* приличнѣе назвать вторую отрасль Нѣмецкихъ племенъ *Швабскою*, какъ именемъ народнымъ, дѣйствительно существующимъ, а имя Франковъ уступить Баварскимъ Славянамъ, которые съ VIII вѣка являются въ исторіи подъ своимъ именемъ.

(125) См. выше, прим. 7.

(126) Nordische Geschichte, 326 — 327

то самое названіе Франконіи, Vindelicia, служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ, что Римляне и Нѣмцы признавали ея обитателей Славянами; въ слѣдствіе чего, на вопросъ Шлёцера о времени переселенія Франконскихъ Славянъ, историческая логика даетъ такой отвѣтъ: *исконные туземцы* не могутъ быть названы ни *пришельцами* побѣдителями, ни побѣжденными *переселенцами*, и потому о жителяхъ Vindeliciae или Франконскихъ Славянахъ, кромѣ которыхъ и древнѣе которыхъ не находимъ тамъ никакихъ другихъ Славянъ, излишне спрашивать, не пришли ль они туда (т. е. къ себѣ на родину) какъ побѣдители, или не поселены-ль они тамъ (т. е. въ собственномъ отечествѣ) какъ побѣжденные. Если кромѣ Франкскихъ Славянъ Исторія не видитъ въ VIII вѣкѣ во Франконіи ни Нѣмцевъ и никакихъ другихъ Славянъ, то ясно, что эти Франконскіе Славяне и были туземцами, искони вѣковъ жили тамъ, а не пришли позднѣе.

Напрасно также отказался Шлёцеръ отъ рѣшенія вопроса: принадлежатъ ли Франкскіе Славяне по языку къ Словенцамъ (Rhet'амъ, Noric'амъ), или къ Сербамъ, которые обитали отъ нихъ сѣвернѣе? У него былъ Страбонъ, въ сочиненіяхъ котораго Франки (по латинѣ Vindelici] и Словенцы [по гречески Rheti] вездѣ отличены другъ отъ друга (127); у него было довольно значительное—собраніе *надгробныхъ надписей* (128), въ которыхъ воины происхожденія Словен-

(127) Смотри выше, стра. 130—131.

(128) Собранія надписей находятся у *Vaillant*, Numism. Imp. Rom. praestantiora, 1674, in 4, въ 2 томахъ;—*Gruteri* Inscript. ant. totius orbis Roman. Amstelod. 1707. in fol. въ 4 томахъ; — *Fabretti* Inscript. ant. Romae 1. томъ in fol. — *Muratori* Novus Thesaur. veter. inscript. Mediolan. 1739—42. in fol. 4 тома; — *Eckel* Doctr. num. vet. Vindob. 1792, in 4. — Въ новѣйшее время ученый Кроатъ, *Катанчичъ*, профессоръ нумизматики въ Пестѣ, собралъ и объяснилъ надписи, относящіяся къ Дунайскимъ странамъ, въ превосходномъ твореніи Istri accolarum Geographia vetus e monumentis epigraphicis, marmoribus, numis, tabellis eruta et illustrata. (Когда мы дождемся подобнаго свода надписей нашего южно-Русскаго міра? на Историческихъ Обществахъ, Московскомъ и Одесскомъ, лежитъ обязанность собрать и объяснить классическіе памятники южной Руси, бывшей въ соприкосновеніи съ Эллинами и Римомъ.) Въ I части этого сочиненія Катанчича, на страницахъ 100 и другихъ, можно видѣть много надписей, различающихъ Словенъ (Rheti) отъ Франковъ (Vindelici). Въ Русской литературѣ надписями Дунайскаго міра занимался только одинъ покойный *Венелинъ*: во II-мъ томѣ его «Древнихъ и нынѣшнихъ Болгаръ» (стр. 58-62) представлено нѣсколько надписей. Весьма основательно судилъ онъ о важности ихъ для исторіи. «Когда Италія, выступивъ изъ своихъ предѣловъ, захватила Европейскую и Азійскую Турцію, Сирію и Египетъ, Галлію и Испанію, и нако-

скаго (natione Rheti) отличены отъ воиновъ Франкскаго происхожденія (natione Vindelici). Сообразивъ это, всякій согласится, что еслибы Франконскіе Славяне говорили по-Словенски, или по-Сораб-

---

нецъ Словенію и часть Франкскихъ Славянъ, то не была уже въ состояніи выставлять столько *Италійскихъ полковъ* (legiones), сколько требовалось для удержанія въ повиновеніи стольких народовъ, и обереженія такъ далеко растянутыхъ кордоновъ. Съ осторожностью Сенатъ приступилъ къ набору съ разныхъ *племенъ и языковъ.* Одною изъ мѣръ предосторожности было постановленіе, что составлять полкъ (legio) имѣетъ право только Римъ (или Италія въ послѣдствіи), а *языцы* могутъ служить только *ротами* (cohors): рота обыкновенно состояла изъ 500 до 600 человѣкъ; этотъ наборъ съ *языковъ* назывался *auxilia,* т. е. подмогою легіонамъ. Всякій *языкъ,* соразмѣрно съ величиною своего народонаселенія, выставлялъ извѣстное количество ротъ, которыя носили названіе своего *языка,* и номеръ I, II, III и т. д. Такъ напр. если рота состояла изъ Албанцевъ или Скипетаровъ, то командиръ назывался PRAEF. COH. I. THRAC. читай: Praefectus Cohortis primae Thracum, т. е. командиръ Скипетарской роты No I. или CENT. COH. III. MAC. читай: Centurio Cohortis tertiae Macedonum, т. е. сотникъ Албанской роты No III. Такъ и роты всѣхъ другихъ языковъ. Къ чему тотъ или другой языкъ былъ способнѣе, къ тому его употребляли: такъ напр. изъ Галловъ, изъ Африканскихъ кочующихъ Бедуиновъ набирали конницу, которую тоже номеровали, напр. AL. II. EQU. NUM. читай: Ala Secunda Equitum Numidarum, т. е. Бедуинскій эскадронъ No II, или второй Б. Э. и проч. Правда, и *легіоны* иногда назывались именами языковъ, напр. Legio Pannonica, Macedonica но эти имена означали только то, что полкъ расположенъ по Паннонія или Македоніи. Если же Римляне хотѣли означить языкъ или племя, то употребляли его имя во множ. родит. пад. cohors *Pannoniorum, Macedonum,* т. е. когорта *изъ Паннонцевъ, Македонцевъ.*

Если бы въ то время издавались Allgemeine Zeitung, Journal des Débats, или the Times и the Morning-Chronicle, то навѣрное предсказали бы Римскому Сенату, что Имперіи не существовать болѣе 50 лѣтъ, если она вооружила всѣ *языцы.* Однако Сенатъ принялъ свои мѣры, о которыхъ, можетъ быть, не догадались бы и издатели Allgemeine Zeitung или the Morning-Post. До Императора Августа, т. е. до завоеванія Словеніи, система Римской политики была *завоевательная;* съ Августа же исключительно *охранительная,* защитительная, sistème conservatif. Римъ вооружилъ *языцы* не на себя, а *на языцы* же. Такъ напр. *Бедуины* должны были укрощать Испанцевъ, или Евреевъ, *Галлы* Ѳракійцевъ, *Словенцы* Сицилію, Арменію, или Морею, или Испанію и пр. *И вооружися языкъ на языкъ.*

Ко всякому легіону отраженъ былъ какой либо языкъ, но, для обезпеченія самаго легіона, въ малой пропорціи: обыкновенно къ 10 ротамъ *одну* или *двѣ* изъ *языка.* Эту ариѳметическую пропорцію по Русски можно выговорить словами: *языцы! покоряйтеся, съ вами легіонъ.*

ски, то, воздвигая памятники своимъ друзьямъ или родственникамъ, не стали бы отрицать свою народность (національность), утверждая, что они *natione* Vindelici и отличая тѣмъ себя отъ урожденныхъ Словенцевъ, natione Rhetorum. Но такъ какъ имя Vindelici употреблялось только Нѣмцами и Римлянами, которые заимствовали его отъ первыхъ, хотя оно было чуждо самимъ Франконскимъ Славянамъ; такъ какъ имя Slavi, *Славяне*, вошло въ употребленіе у *писателей*, и то позднѣйшихъ, для показанія этнографическаго отношенія, а первоначально принадлежало только однимъ Словенцамъ, и уже впослѣдствіи было распространено на единоплеменные съ ними народы: то какое уже было настоящее *народное* имя этихъ Баварскихъ или Франконскихъ Славянъ (по-латинѣ Vindelicorum)? Послѣ паденія Римской Имперіи, большая часть узаконенныхъ Римскою канцеляріею названій исчезла и была замѣнена подлинными народными названіями: такъ напримѣръ, на мѣстѣ, которое занимали Rheti, явились Sclavini, Словене; на мѣстѣ, гдѣ показывались Vandali, явились Поморяне, и проч. на мѣстѣ же, гдѣ Римскими

Такимъ образомъ по всѣмъ предѣламъ Имперіи лежатъ разсѣянныя кости разныхъ языковъ. — До костей намъ дѣла нѣтъ; но для насъ важны разсѣянныя по всей Имперіи *надгробныя надписи*. Къ обрядамъ похоронъ воина Римской службы принадлежала надпись съ означеніемъ *имени, чина, номера* полка или роты, или эскадрона, и имени *языка*, въ которомъ родился. Если офицеръ умеръ въ отставкѣ и на родинѣ, то памятникъ воздвигали родные; если въ дальней сторонѣ, то этимъ занимались пріятели или сослуживцы; если умеръ на дорогѣ, то это было дѣло служителя или деньщика. И такъ, если мысленно вдругъ обхватить эти стоящіе, наклонившіеся, или лежащіе бѣлые камни всей Имперіи, то эта Имперія, это *всемірное кладбище языковъ*, представляетъ обширное *Царство Надписей* (Regnum Epigraphicum), въ которое, въ суботу поминовеній, вольны входить всѣ народы для возліяній на гробахъ своихъ родныхъ.

Такъ какъ Римская Имперія чрезвычайно бѣдна не только историками и географами, но и статистиками, то Царство Надписей представляетъ богатое поле для пополненія того и другаго. Равномѣрно оно можетъ разсѣять недоумѣніе *теоремановъ*, то есть охотниковъ мечтать: откуда, когда и какъ происходили, приходили тѣ или другіе языцы.— Если бы *все* это царство было отрыто и поднято и обнародовано, тогда оно доставило бы намъ вѣрную статистику не только силъ внутренней стражи Имперіи, но и ея *поборнаго* отношенія къ языкамъ. На пр. если Царство Надписей откроетъ намъ надпись съ No X-ой когорты какого-либо языка, и больше номера не имѣетъ, то этотъ открытый No X есть *живое* свидѣтельство, что этотъ языкъ доставлялъ Риму отъ 5 до 6,000 рекрутъ своего племени, считая, что когорта была не менѣе 500 человѣкъ.»

географами показывались Vindelici (то есть Баварскіе Славяне), явились Franki: не ясно ли, что это и было настоящее *народное* имя Баварскихъ Славянъ, которые, не принадлежа ни къ Словенцамъ ни къ Сорабамъ, должны же были имѣть какое нибудь племенное названіе, составляя особую, отдѣльную отрасль великаго Славянскаго семейства народовъ.

Такимъ образомъ, принявъ къ соображенію всѣ вышеизложенныя обстоятельства, Шлёцеръ къ словамъ своимъ, что *во Франконіи*, (прежнемъ Circulo Franconico Jmperii Romano-Germanici, или нынѣшней восточной Баваріи,) *есть отрасль южныхъ Славянъ*, долженъ бы прибавить: *именно—Франки*; тогда бы понятно было, какимъ образомъ съ VIII вѣка до конца прошедшаго столѣтія (по свидѣтельству самого Шлёцера) Славянство держалось въ этой отчизнѣ Франковъ, не смотря на всѣ усилія Тевтонскихъ государей уничтожить Славянскую народность.

Но Шлецеръ, признавъ, что Франки VIII-го и всѣхъ послѣдующихъ столѣтій, жившіе во Франконіи, были Славяне, когда дѣло дошло до Франковъ, покорившихъ Галлію въ V вѣкѣ, взялъ это имя у Баварскихъ Славянъ и отдалъ на прокатъ Нѣмцамъ, Швабамъ, которые никогда Франками не назывались — и все это въ угоду нѣкоторымъ писателямъ, допускающимъ такой силлогизмъ: A). во времена чисто-историческія Франконія населена была Славянами, что засвидѣтельствовано и латинскимъ ея названіемъ Vindelicia; B). но Франки были народъ храбрый, отважно дрались съ Римлянами, C.) а кто храбръ и отваженъ, тотъ непремѣнно долженъ быть Нѣмцемъ, Тейтшеромъ, Тевтономъ, D). слѣдовательно, Франки, сражавшіеся съ Римлянами, были Нѣмцы! — Въ силу такой логики, пожалуй, и Чингиса и Батыя и Тимура вы превратите въ Дейчеровъ! А когда возразятъ: Монголы теперь не Нѣмцы, слѣдовательно и ихъ предки не были Нѣмцами; то вы, для убѣжденія противниковъ, скажете: «конечно есть въ средней Азіи племя Монголовъ, но я не могу рѣшить: старожилы-ль они Монголіи? Не пришли ли они позднѣе, какъ побѣдители? или не поселены-ль въ Монголіи впослѣдствіи, какъ побѣжденные?» Послѣ сдѣлаете скачекъ, и откровенно объявите: «я не могу опредѣлить время этого *переселенія* Монголовъ въ Монголію»; и въ слѣдъ за симъ говорите смѣло: «слѣдственно—Монголы новѣйшіе суть Монголы, а Монголы древніе—Нѣмцы, потому что были народъ храбрый.» Не такъ ли точно разсуждалъ и Шлецеръ, превращая древнихъ Франковъ изъ Франконскихъ Славянъ въ Швабскихъ Нѣмцевъ, единственно въ угоду нѣмецкимъ патріотамъ, желающимъ всякое храброе племя преобразовать (на бумагѣ) въ Нѣмецкое.

Отнявъ у Франконскихъ Славянъ ихъ народное имя, Franki, отданное на время (до VIII столѣтія) Швабамъ,— Шлёцеръ сдѣлалъ Баварскихъ Славянъ совершенно безъимянными! Венелинъ возвратилъ имъ народное имя ихъ, и правильно рѣшилъ вопросъ о Франкахъ, хотя еще не зналъ, что слѣды Франкскаго Славянскаго языка сохранились, какъ далѣе у меня показано, въ граматахъ завоевателей Галліи ([129]). Венелинъ для рѣшенія задачи обратился къ Іерониму, Орозію, Страбону и авторитету надписей, которымъ отдаетъ преимущество предъ всѣми возможными свидѣтельствами посторонних, потому что въ надписяхъ воздвигатели памятниковъ *сами* свидѣтельствуютъ о своемъ племени. «Еслибы Франкъ или житель Франконіи, Vindelicus, говорилъ дѣйствительно на нарѣчіи Штирійскомъ, если бы онъ притомъ носилъ еще и названіе *Словенецъ*, которое, какъ ему должно быть извѣстно, Греки и Римляне въ буквальномъ переводѣ выражали словомъ *Rheti*; то онъ никакъ не рѣшился бы *отрицать свою національность* (natione Rhetus); но здѣсь, напротивъ, *отрицаніе* есть *собственное признаніе подсудимаго, гласъ вопіющаго изъ гроба.* Этотъ отрицательный гласъ могъ уничтожить недоумѣніе знаменитаго Геттингенскаго профессора! Такъ какъ Франконскіе Славяне сами себя *Винделиками* не называли, такъ какъ не называли себя и *Словенцами*, и тѣмъ менѣе Славянами, какъ именемъ существующимъ только въ книгахъ этнографическихъ, — и наконецъ, такъ какъ Шлецеръ отнялъ у нихъ ихъ имя *Franki*, и отдалъ Швабамъ (Аламаннамъ), гдѣ оно совсѣмъ лишнее; то эти Славяне дѣлаются по милости Шлецера *совершенно безъименными*! И такъ, *волею неволею* логика заставитъ насъ возвратить бывшимъ Баварскимъ Славянамъ ихъ народно-племенное имя.

«Говоря о *Франкахъ*, не надобно думать, что *Франкія* простиралась до той линіи, до которой и *Vindelicia* Римлянъ ([130]). Такъ какъ Дунай былъ пограничною линіею Римскихъ владѣній, то изъ этого не слѣдуетъ, что то же самое племя Vindelicorum или Франковъ не простиралось отъ Дуная далеко къ сѣверу, къ устьямъ Лабы (то есть Эльбы). Но доселѣ никто еще не писалъ *строго-разсудительнымъ* образомъ ни о *племени* Франковъ, ни о предѣлахъ ихъ *при-*

([129]) Dictionnaire du *vieux langage François*, par La Combe, 1762, извлеченный изъ древнихъ манускриптовъ, публичныхъ актовъ и королевскихъ граммать, заключаетъ въ себѣ Франкскія слова, попадающіяся въ этихъ грамматахъ, и всѣ они происхожденія Славянскаго, а не Нѣмецкаго. Такимъ образомъ вопросъ о Франкахъ рѣшается окончательно.

([130]) Подъ именемъ *Франкіи*, — пишетъ Венелинъ, — я разумѣю предѣлы, заключавшіе въ себѣ Франкскую *націю*; за-Рейнская *Francia* не представляетъ намъ этой идеи *настоящей* Франкіи.

родныхъ жилищъ. Однако никто не сомнѣвался, даже и самъ Шлецеръ, что они простирались къ сѣверу къ устью Эльбы и къ берегамъ Везера, т. е. къ предѣламъ древней Саксоніи; въ этомъ Шлецеръ ссылается на Групена ([131]), по которому утверждаетъ, что Франки обитали и въ Вестфаліи около Падерборна. Обратимся къ свидѣтельствамъ древнихъ. Экхардъ говоритъ: «Франки нѣкогда обитали у Балтійскаго моря, гдѣ нынѣ *Вагрія»* ([132]). Можетъ быть Экхардъ правъ, если этимъ хочетъ намекнуть на происхожденіе или сродство Франковъ съ Балтійскими Славянами; но заключать жилища этой могущей націи физически не возможно въ одной Вагріи. Лучшее понятіе о природныхъ жилищахъ Франковъ даетъ намъ Блаженный Іеронимъ въ жизнеописаніи св. Иларіона, говоря: «*Между Саксонцами и Алеманами обитаетъ народъ не столько обширный, сколько многочисленный и храбрый*, который у историковъ слылъ Германіею, а нынѣ называемъ *Франкіею* ([133]). Послушаемъ *Орозія*, (жившаго въ V вѣкѣ): «Валентиніянъ Саксонцевъ, народъ живущій между болотъ у береговъ Океана, но храбрый и бодрый, поразилъ у самыхъ границъ *Франковъ.*» Valentinianus Saxones, gentem in Oceani littoribus et paludibus inviis sitam, virtute atque agilitate terribilem, in ipsis *Francorum* finibus oppressit. ([134])

«Чтобы понять, что Блаж. Іеронимъ дѣйствительно правъ, если *Germani*-ю древнихъ *отличаетъ отъ Нѣметчины*, то необходимо припомнить себѣ слѣдующія обстоятельства: *Саксонцы*, по Орозію населяли Поморье отъ устья Везера до устья Рейна, и въ глубь самой Фландріи. Алеманны или *Швабы* населяли Западную часть Швейцаріи, Баденское великое герцогство и Виртемберскаго значительную часть. Alemanni не есть національное названіе этой южной отрасли Нѣмецкаго народа. Слово это выдумали иностранцы, и именно, можно сказать, тогдашніе жители Піемонта и Прованса: ихъ поразило то, что Швабы, почти всякую фразу, начинали словомъ *man*, напримѣръ man kann, man wird и проч. и проч. по этой причинѣ и прозвали они ихъ *маннами* (*à-la-man*, *Alamannus*); точно такимъ образомъ Мадяры, въ Венгріи, наскучивши слушать постоянно указательное *ten-to*, *ta-to*, *to-*

([131]) Grupen Obs. *de primis Francorum sedibus originariis.* Hannoverae, 1756. in 4-to.

([132]) J. G. Eckardus: *De rebus Franciae Orientalis* Lib. I. cap. 5: Franci olim ad mare Balthicum, ubi nunc est *Vagria*, sedes suas habebant.

([133]) *S. Hieronymus* in Vita S. Hilarionis: inter Saxones quippe et Alemmannos nos gens non tam lata quam valida, apud historicos *Germania*, nunc vero *Francia* vocatur.

([134]) Lib. VII, cap. 32.

to (сей, сія, сіе) въ языкѣ Словаковъ, прозвали ихъ *Тотами*, *Tótok*, а въ нынѣшнее время *Тотами* же называютъ и всѣ Славянскія племена, въ числѣ коихъ и Россію *Tót nemzetek*. И такъ народное имя этого племени собственно есть *Швабы*, *Svevi*, которое однако не должно смѣшивать со *Svenones* у Балтійскаго моря. Вотъ *два* родовыхъ названія *двухъ* колыбелей сѣверныхъ и южныхъ Нѣмцевъ: прочія же названія выражаютъ только подраздѣленіе этихъ двухъ племенъ. — Разселеніе (колонизація) *Швабовъ* и *Саксонцевъ*, то есть Нѣмцевъ, къ востоку по странамъ Славянскимъ, начинается съ Карла Великаго или съ IX вѣка. Такъ какъ *фактически* извѣстно время заселенія *Швабами* земли Франковъ, Словеніи (Австрійскаго эрц-герцогства, Тироля, Штиріи, Каринтіи) и краевыхъ мѣстъ въ Богеміи,—равно и время заселенія *Саксонцами* земель тоже Франкскихъ, Сорабскихъ, Балтійской Славянщины и земли Пруссовъ: то Нѣмецкихъ коренныхъ племенъ, кромѣ Швабовъ и Саксонцевъ, больше не оказывается. И такъ, возвращая мысленно эти колоніи обратно въ предѣлы ихъ древней колыбели, въ границы *Старой Швабіи* и *Старой Саксоніи*, Славянскія земли (Germania), въ числѣ коихъ находилась и земля Франковъ, окажутся въ своихъ этнографическихъ предѣлахъ. Слѣдовательно, такъ какъ *всѣ нынѣшніе* Нѣмцы (не принимая въ разсчетъ вынужденнаго онѣмеченія множества Славянъ) заключались въ IV вѣкѣ въ предѣлахъ Швабіи и древней Саксоніи, и какъ блаженный Іеронимъ отъ этой *Тевтоніи* своего времени отличаетъ *Франковъ*, или какъ онъ говоритъ *Германію*, то этимъ самымъ убѣждаетъ насъ въ двухъ понятіяхъ: а.) что Франковъ онъ называетъ Славянскимъ племенемъ, б.) что у Юлія Цезаря, Тацита, Плинія, Страбона, Славянскія племена между Рейномъ и Вислою, Балтійскимъ моремъ и Дунаемъ (за исключеніемъ Тевтоніи) носили общее названіе Германіи, и что это Римское слово отринуто современниками блаженнаго Іеронима. ([155])

«Впрочемъ не только Блаженный Іеронимъ и Орозій отличали Франковъ отъ Алеманновъ и Саксонцевъ, какъ языкъ и племя отдѣльное, но и всѣ анналисты V, VI, VII и VIII столѣтій. Удержимся отъ множества тому примѣровъ, и въ замѣнъ вспомнимъ только о постоянной *народной антипатіи* и ненависти между Франками и Алеманнами съ одной стороны, а съ другой между Франками и Саксонцами.

«Но поразительнѣе еще то, что *Франкскія личныя имена въ отыщете и въ лѣтописяхъ Сорабіи, Силезіи, Богеміи, Польши, Сербіи, Кроаціи, Болгаріи!* (Давно бы надобно было сличить ихъ). — Тьерри пытался, по указанію Гримма, произвести эти имена изъ

([155]) Сравните выше мое мнѣніе объ этомъ предметѣ, стр. 80 — 85.

Соксонскаго языка, совершенно на томъ же филологическомъ основаніи, на которомъ одинъ Нѣмецкій изыскатель имя *Навуходоносора* производилъ изъ Славянскаго: держась Нѣмецкаго правописанія этого имени *Nebukadnezar*, этимологъ сей тотчасъ догадался, что это прямо есть Славянское *Небу-угодный Царь!!* и объявилъ Славянъ Халдеями. См. *A. Thierry.* Lettres sur l'histoire de France.

«Кромѣ сего, свидѣтельство Бл. Іеронима, что Франки *не говорили* по-нѣмецки, подтверждается историческимъ обстоятельствомъ: въ Исторіи распространенія *Христіанской* религіи *языки* играли важнѣйшую роль; знаніе языка облегчало ходъ Евангельскому ученію, то есть: стоило только ученіе привить людямъ извѣстнаго языка, то оно тотчасъ могло открыть себѣ дорогу во всѣ концы, заселенные этимъ же самымъ языкомъ. Этому живой примѣръ Европа, Азія и Африка. Стоило только креститься *Болгарамъ*, какъ немного спустя, добровольно, по собственному убѣжденію, крестилась вся *Русская* Славянщина по самый Новгородъ. Но тутъ то ученіе остановилось, нашедши на сильную *таможню для мыслей* на предѣлахъ *Чухонскаго*, *Зырянскаго* языка и прочихъ *Чувашей*.— Такимъ же образомъ возстаніе Болгарскаго еретика *Богумила*, противъ Новаго и Стараго Рима, вскорѣ разнеслось между Славянами Венгріи, Моравіи, Богеміи и Сорабіи (въ нынѣшней Саксоніи); но оно слишкимъ 350 лѣтъ таилось въ этихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не смотря на то, что проявлялось въ Гуситскихъ войнахъ. Въ вольнодумной *Сорабіи*, владѣемой Саксонскимъ домомъ, и не признававшей болѣе Папы, нашелъ убѣжище, по сосѣдству, Мартинъ Лютеръ; набравшись душку оппозиціоннаго, онъ сообщилъ его, въ своихъ формахъ, Нѣмецкому языку, и глядь, менѣе, нежели въ 50 лѣтъ, весь огромный сѣверъ Европы, т. е. во всѣхъ языкахъ Тевтоническаго корня, передался въ оппозицію. Какъ бы то ни было, но языкъ много значитъ. И такъ сдѣлаемъ выводъ: Франки въ V вѣкѣ были уже Христіанами, сосѣдами Саксонцевъ; какимъ же образомъ, это ученіе 400 лѣтъ хранилось между Франками и не перешло къ Саксонцамъ, которыхъ только Карлъ Великій насильно принудилъ принять Евангеліе, — если Франки говорили на Нѣмецкомъ нарѣчіи??!» (136)

Этому мнѣнію о Франкскихъ Славянахъ явился противникъ — Московскій профессоръ, Ѳ. Л. Морошкинъ. Разбирая труды Ю. И. Венелина по Славянской Исторіи (137), почтенный профессоръ соглашается, что «Венелинъ заставляетъ насъ требовать у са-

---

(136) Древн. и нын. Болгаре, т. II, стр. 63-71.

(137) Отечеств. Записки, 1840, и Маякъ, 1842, № 12.

мнхъ себя отчета, *на какомъ основаніи* мы признаемъ Франковъ единоплеменниками Саксонцевъ. Приведенное Венелинымъ свидѣтельство изъ Іеронима и Орозія нельзя отложить въ сторону, и нельзя не поискать въ лѣтописяхъ рѣшенія на сію задачу! По мнѣ кажется,- пишетъ ученый авторъ Историко-критическихъ изслѣдованій о Руссахъ и Славянахъ, — мнѣніе, противоположное мнѣнію Венелина, будетъ гораздо справедливѣе. Что за народъ были Саксонцы при Карлѣ Великомъ и до Карла Великаго? *Если* они въ эти времена жили въ низовьѣ Эльбы и за Эльбой до Одера, въ Трансальбингіи, то безъ всякаго сомнѣнія они были Славяне: ибо коренное населеніе сихъ земель было Славянское, а не Тевтонское. Эта храбрость въ оборонѣ, это упорство въ принятіи Христіянской вѣры, этотъ буйный и непокорный духъ Саксонцевъ Карла Великаго, не повторяется ли непрерывно въ исторіи Вильцевъ и Вагровъ до XIII вѣка, въ ихъ отступничествѣ и грозныхъ возстаніяхъ противъ Нѣмецкихъ императоровъ и противъ Римскаго духовенства? Да и все Полабіе, гдѣ былъ театръ Саксонской войны при Карлѣ Великомъ, какимъ племенемъ было занято, какъ не Славянскимъ? — И такъ, весьма вѣроятно, что Саксонцы временъ Карла Великаго, были, по крайней мѣрѣ большею частію, Славяне, и слѣдовательно должны говорить языкомъ отличнымъ отъ Франкскаго. Здѣсь кстати сдѣлать замѣчаніе для Германскихъ критиковъ, что они напрасно привязываются къ народнымъ именамъ варваровъ до Х-го вѣка: это корень всѣхъ заблужденій въ исторіи среднихъ вѣковъ. Должно помнить, что древнія названія: Германія, Вандалія, Сорабія, Саксонія и т. д., ни сколько не означаютъ народныхъ племенъ, а просто выражаютъ отличительные признаки странъ, и суть названія географическія.»

Въ оправданіе мнѣній Венелина я могу сказать слѣдующее: есть имена книжныя и есть имена народныя; то́ имя только и принадлежитъ народу, которымъ онъ самъ себя называетъ — прочія всѣ книжныя: писатель ошибочно можетъ распространять и сокращать предѣлы, занимаемыя какимъ либо племенемъ, но это будетъ ошибка писателя, не болѣе. Согласенъ, что низовье Лабы (Эльбы) и далѣе вся страна до Одера занята была Славянами, именно Поморянами (въ обширномъ смыслѣ); согласенъ, что коренное населеніе сихъ земель было Славянское, а не Тевтонское; но не должно также забывать, что 1). Сорабы, вторгавшіеся въ 780 году, дѣйствовали какъ союзники побѣжденнаго Карломъ Витекинда *Саксонскаго*, который, по родственнымъ связамъ съ Германскими Славянскими Домами, долго скрывался въ странахъ по-Лабскихъ и за-Лабскихъ. По усмиреніи Сорабовъ выступаютъ 2). Велеты, какъ союзники опять

Витекинда, и послѣ 885 года Карлъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Велетскаго Короля Драговита, который, видя опустошеніе своей земли, раззоренной Карломъ въ 889 году, принужденъ былъ просить мира, обязавшись платить ежегодную дань ([138]); такимъ образомъ, по-лабскіе и за-лабскіе Славяне (Сорабы и Велеты), обративъ на себя оружіе Карла, *какъ союзника Саксоновъ*, были смѣшиваемы въ понятіи лѣтописцевъ съ сими послѣдними, разумѣется несправедливо, потому что 3) въ эпоху чисто-историческую мы не находимъ ни одного Славянскаго племени, которое само себя называло бы Саксами, Саксонами, тогда какъ съ древнѣйшихъ временъ донынѣ, именемъ Саксоновъ называютъ себя Тевтоны, Тейтштеры, Нѣмцы. Хотя это *племенное* имя сѣвернаго нѣмецкаго народа замѣнилось повсюду *мѣстными* названіями: Голландія (Hochland, Holland), Нидерланды (Nieder-land, Низовье), Вестфалія, Ганноверъ и проч. и удержалось только на Сорабіи, которая, бывъ окончательно завоевана Тевтонскими преемниками Карла Великаго, могла считаться прочнымъ владѣніемъ ихъ лишь со временъ Генриха Саксонскаго, наполнившаго ее Нѣмецко-Саксонскими поселенцами въ укрѣпленныхъ бургахъ ([139]); однакожь это было уже въ первой половинѣ X вѣка, да и тутъ Саксонами назывались все-таки не Сорабы, а Нѣмецкіе ихъ завоеватели и онѣмечившіеся ихъ друзья и подданные. И такъ, народное употребленіе лучше всего

([138]) Einh. Ann. apud. Pertz. Chronic. Mocss. 16. 1. 298.

([139]) Такимъ образомъ совершено было онѣмеченіе того края; многіе благородные Сорабы принуждены были перемѣнить свое имя на Нѣмецкое, другіе приняли Нѣмецкія прозвища отъ имени своихъ вотчинъ; родоначальники древнѣйшихъ Нѣмецкихъ фамилій въ Сорабіи, Лузаціи, Западной Прусской Силезіи и Мекленбургѣ, были Славяне, волею и неволею онѣмечившіеся. Славянское окончаніе *цъ* замѣнили Нѣмецкимъ *tz*, Славянское *овъ* нѣмецкимъ *au*, Славянскія *инъ* или *ы* нѣмецкимъ *y*; такъ изъ Славянскихъ именъ и прозвищъ явились онѣмеченные Kokeritz, Konneretz, Nostitz, Miltitz, Nesemuschl и проч. Смотри Geschichte des Kurstaates und Konigr. Sachsen, von E. W. Böttiger, t. I, стр. 154 и другія. Въ Лейпцигѣ (Липецкѣ) еще въ 1327 году говорили по-Славянски, но въ концѣ XIV вѣка въ Сорабіи уже запрещено было судебное употребленіе Славянскаго языка. Впрочемъ только въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, именно съ 1725 года совершился окончательный переходъ всѣхъ Славянскихъ элементовъ въ Нѣмецкіе, слѣды чего замѣтны какъ въ Славянскомъ оттѣнкѣ Нѣмецкой одежды Саксонскаго крестьянина, такъ и въ Славянской мягкости и нѣжности верхне-Саксонскаго нарѣчія возникшаго на Славянской почвѣ. Въ Галлѣ потомки Сорабовъ, соловары, хотя говорятъ по нѣмецки, однако по старой ненависти къ Нѣмцамъ, не принимаютъ къ себѣ въ товарищество ни одного Нѣмца, хотя не запрещаютъ жениться на Нѣмкахъ; Allgem. Zeit. 1841. № 141.

обнаруживаетъ, какъ заблужденіе тѣхъ лѣтописцевъ, которые Полабскихъ Славянъ называли Саксонами, такъ и ошибку почтеннаго Московскаго профессора, которой увлекся созвучіями между Saxones, (Sac—sones) и Sac—labi, Sc—lavini, хотя между всѣми этими именами сходство звуковъ совершенно случайное. (140)

Поэтому, историческая логика, сообразивъ все выше изложенное, заставляетъ признать Саксоновъ VIII и IX столѣтій Сѣверно-Нѣмецкими племенами, не смотря на то, что имя ихъ ошибочно было распространяемо на ихъ Славянскихъ союзниковъ, Велетовъ и Сорабовъ. Если же Франки IV, V, VI, и VII столѣтій не принадлежали ни къ Аллеманамъ (Швабамъ) или южнымъ Нѣмецкимъ племенамъ, ни къ Саксонамъ или сѣвернымъ Нѣмецкимъ племенамъ; а между тѣмъ, по сознанію Шлёцера, жители Франконіи съ VIII вѣка являются Славянами: то ясно, что Франки, выходившіе въ Галлію въ IV-мъ и V-мъ вѣкахъ, должны имѣть народное сродство не съ Нѣмцами, между которыми не видимъ никакого племени Франковъ, но съ тѣми Франками, которые искони жили во Франконіи, и съ VIII вѣка извѣстны какъ племя Славянское.

Франки, поселившіеся въ Галліи, составляли войско; отдѣленные отъ родины Нѣмецкими племенами, Саксонами и Швабами (Аламанами), разсѣянные по значительному пространству, Франки съ принятіемъ Христіанства приняли и Латинскій языкъ, какъ религіозный, и притомъ общій для всѣхъ обитателей страны: такимъ образомъ между Гальскими Франками утратилась Славянская народность (141). Всѣ грамматы Франко-Гальскихъ Королей и всѣ публичные акты писаны по-Латынѣ; но между тѣмъ въ нихъ иногда

---

(140) Смотри выше стр. 128.

(141) Это обстоятельство очень хорошо пояснили Du Cange du Fresne, въ своемъ Glossar. mediae et infimae Latinitatis, и Венелинъ въ 4-мъ примѣчаніи къ 64 страницѣ II тома своихъ изслѣдованій о Болгарахъ. «Въ эпоху Меровинговъ и Карловинговъ, — пишетъ Дюканжъ, — когда владычество Франковъ уже распространилось и надъ другими народами, то всѣ они принимали названіе Франковъ; а это сдѣлалось оттого, что правители этихъ пріобрѣтенныхъ областей, происходя отъ Франковъ (настоящихъ), и управляя отъ ихъ имени, титуловали себя *повелителями Франковъ* (Reges Francorum), а не тѣхъ странъ, или племенъ, которыми управляли, какъ это уже давно замѣтилъ *Otto Frisingensis* Lib. 6. cap. 17. и *Sirmondus* ad Capit. Caroli. C. tit. I. Дѣйствительно, между тѣмъ какъ настоящая родина Франковъ, бывъ занята Нѣмцами, постепенно утратила народное имя, — страна не-Франкская, по ту сторону Рейна, удержала и доселѣ названіе Франціи, не смотря на то, что *Франки* составляли въ ней только военное сословіе или гарнизонъ. Не довѣряя жителямъ, состоявшимъ большею частью изъ Латинскихъ

попадаются Франкскія слова, которыми долженъ воспользоваться историкъ для рѣшенія вопроса: къ какому племени принадлежали Франки? Прислушивась къ этимъ обломкамъ языка покорителей Галліи, съ удивленіемъ распознаешь все родные, понятные звуки; почти каждое слово обличаетъ свое Славянское происхожденіе. Лакомбовъ словарь du vieux langage François (1762), извлеченный изъ древнихъ манускриптовъ, необходимъ для положительнаго рѣшенія о языкѣ древнихъ Франковъ.

Вотъ нѣкоторыя слова Франкскія, объясненныя Лакомбомъ по французски, и понятныя почти безъ объясненія для Славянъ. *Aga!* (т. I, стр. 13) voie! сравните наши *ага! аа!*—*Acesmes*, *achesmes* (I. 6.), habillement de femme, у насъ также *азямъ*, названіе одеж-

колоній, исповѣдавшихъ Христіанскую вѣру, Франки не принимали ихъ въ военную службу, и обращались съ ними какъ съ *дяурами*, которымъ не позволяется носить оружіе. За военную службу Франкамъ розданы были *участки* точно такъ же, какъ и при нашихъ Царяхъ раздавались *помѣстья* дворянамъ; по *Салическому* закону, этимъ помѣстьемъ не наслѣдовали дочери потому, что не садились на-конь для службы. Вообще всѣ эти земли военнослужащихъ были свободны отъ всякаго взноса или десятины, и назывались посему *terra Salica*, или *terra Franca*: вотъ почему въ языкѣ за-Рейнскихъ дяуровъ вошло въ употребленіе все *свободное* называть *franc*, и *affranchir* стало значить *освободить*, parler *franchement* говорить *свободно*. Для удержанія завоеванныхъ жителей въ страхѣ и повиновеніи, Франки обыкновенно заселяли крѣпости или укрѣпленные города, откуда они повелѣвали окружающими ихъ Галлами и многочисленнымъ потомствомъ Итальянскихъ колоній; чтобы Франка защитить на-полѣ, въ дорогѣ, въ деревняхъ и открытыхъ мѣстечкахъ, Франкскіе законы постановили, чтобы жители (Romani) наказываемы были *вдвое*, т. е. если Франкъ за обиду жителю платилъ 20 solidos, то житель (Romanus) за *ту же* обиду, нанесенную имъ Франку, платилъ 40. (Законы эти съ Франкскаго переведены для жителей на Латинской языкъ, на которомъ и до насъ дошли подъ названіемъ lex Salica, и lex Ripuariorum, lex Burgundiorum.) Кромѣ этого униженнаго отношенія передъ Франками, жители обложены были еще разными налогами съ своихъ имуществъ; а другіе, бравшіе участки салическіе для обработыванія, *закабаливались* въ податное состояніе частнымъ Франкамъ, точно такъ же, какъ и нынѣ Болгаре въ Македоніи и Ѳракіи закабаливаются Тимаріотамъ, обязаннымъ военною службою.

«И такъ, послѣ Римскаго *муниципальнаго* и *колоніальнаго* права, ничѣмъ нельзя такъ выразить это новое положеніе обитателей Галліи, какъ названіемъ *дяуризма*. И дѣйствительно, Франки находились въ въ Галліи въ такихъ же отношеніяхъ къ жителямъ, какъ и Турки въ Болгаріи, Македоніи и Ѳракіи къ Болгарамъ, гдѣ, населяя только укрѣпленныя мѣста и ихъ околицы, представляютъ только гарнизонъ; по-

ды, но только мужской, а не женской.—*Accement* (II, 5), parures, ornemens, atours, у насъ также *аксамитъ.* — *Embarra* (I, 68), enfermer, serrer quelque chose, сравните нашъ *амбаръ,* куда запираютъ на сохраненіе. — *Arer* (I, 37), labourer, *арать* (пахать).— *Ahid* (*I,* 345), malade, *ахающій, охающій*, или Малороссійское *гидкій*, безобразный, противный. — *Baer* (*I,* 53), ouvrir la bouche, можетъ быть сравнено съ нашимъ простонароднымъ *баить.* — *Bagouler* (II, 49) parler beaucoup, babiller, *балагурить.* — *Baldaguine* (II, 104), tente, *балдахинъ.* — *Bailo* (II, 47), une nourrice d'enfant, баюкальщица, *баюла* —*Banqueter* (I, 36,) festiner, *банкетъ* (панкетъ) дѣлать, пировать.—*Baraban* (II, 49), bassin de cuivre, sur lequel on frappe pour annoncer quelqne chose, *бара-*

тому-то естественнымъ образомъ Султанъ титулуется только *Повелителемъ Османлѣевъ* (повелителемъ самихъ повелителей), а не повелителемъ Болгаръ. Такъ и въ Галліи нужно было говорить только *Rex Francorum,* а не *Romanorum.* Слѣдовательно *Francia* за Рейномъ выражаетъ только идею *гарнизона*, только *владѣнія* Франковъ; *Francia* по сю сторону Рейна,—граничившая къ востоку съ Словенцами, Моравцами Чехами, Сорабами, а къ сѣверу и юго-западу, какъ говоритъ Блаженный Іеронимъ, съ Саксонцами и съ Алеманнами, — представляетъ идею *націи* Франкской, не смѣшанной ни съ какими другими языками.

«Первыя завоеванія Франковъ за Рейномъ происходили между Сейною и Маасомъ, около 438 года, подъ начальствомъ *Хлодіона.* Младшій его сынъ, *Меровей,* послѣ его смерти, принявъ начальство надъ *гарнизонными* Франками въ Белгіи и Галліи, побывавши въ Римѣ, рѣшился вступить въ вассальство Римское, чтобъ не повиноваться старшему своему брату и своей родимой Франкіи. Безъ сильной войны нельзя было обойтись, и Франки обратились къ Аттилѣ: это было причиною его страшнаго похода въ Бельгію въ 452 году, въ слѣдствіе котораго *Меровей* примирился съ своимъ отечествомъ, которымъ тоже управлялъ послѣ смерти своего брата.

«Извѣстно, что онъ сдѣлался родоначальникомъ *Меровингской* династіи Франковъ. Частыя войны съ сосѣдними владѣтелями, необходимость въ бдительности надъ покоренными, привлекательность страны, побудили (со времени Меровея) династію повелителей *всея старыя и новыя Франкіи* поселиться за Рейномъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на династію Султановъ, которые тоже постепенно подвигали свою столицу въ слѣдъ за завоеваніями, и нынѣ еще управляютъ своею родиною изъ дальней чужой стороны. Однако эти завоеванія *были гибелью для Франкской національности.* — Со времени Атилы въ восточной Европѣ образовалась сильная держава, извѣстная подъ именемъ Гунновъ или Обровъ: походы и побѣды Атилы пріобрѣли этой державѣ непосредственное вліяніе на Моравію, Чехію (Богемію), Сорабію (что нынѣ

банъ.—***Piard*** (II, 413), coignée, *бердышъ* въ родѣ топора. — ***Barnes, barnages*** (158), les nobles, les grands de la cour d'un roi, *боляринъ*, сокращенно *баринъ*, бояре, *боярство.*—***Basma***, beaum, сохранилось въ лѣтописяхъ, но въ значеніи не бальзама, а изображенія, портрета, изваянія. — ***Bolos***, (II, 62), limites d'un champ (?), *болонье.*—***Balat*** (II, 48), une fossé, сравните наши *болото, блато.*—***Braime*** (I, 78) une femme stérile, женщина чуждая *бремени*, не-*беремен-*

Саксонія); по сей причинѣ Старая Франкія подвергалась вмѣшательствамъ со стороны этой великой державы въ пользу Чеховъ и Сорабовъ. Меровинги, въ продолженіе своей династіи, не разъ принуждены были по берегамъ рѣки Салы, Эльбы и въ Тюрингенѣ, отстаивать свое старое отечество: иногда, по трактату, цѣлые участки Старой Франкіи переходили къ Сорабамъ, или къ Балтійскимъ Славянамъ. — Съ другой стороны, Меровинги, по мѣрѣ своихъ завоеваній въ Галліи, постоянно нуждались въ новыхъ наборахъ изъ Старой Франкіи для укрѣпленія своего владычества въ Галліи. Такъ какъ тогда не было постановлено, чтобы воины, подобно инокамъ, не были женаты, и какъ всякій отецъ семейства былъ обязанъ службою, то за этими воинами отъ предѣловъ Богеміи, Сорабіи и береговъ Эльбы, уходили за Рейнъ цѣлыя колоніи семействъ, которыя послѣ разсыпались по гарнизонамъ между разныхъ языковъ и нарѣчій Галліи. — Надобно замѣтить прежде, что сама Галлія не представляла ни малѣйшей національности: она была испещрена Италіянскими колоніями *разныхъ нарѣчій*, но *одного* языка или корня. Эти *простонародныя* Италіянскія нарѣчія не совсѣмъ понимали другъ друга (точно также, какъ и нынѣ еще). Для *всеобщаго* уразумѣнія Хр. Вѣра употребила *старый* языкъ Цицерона. Такъ какъ Франки за Рейномъ не составляли націи, а только дворянъ, помѣщиковъ, или же гарнизонныхъ, то дѣти ихъ, смотря по тому, гдѣ селились, принимали *жаргонъ* той области. Слѣдовательно, при этихъ отношеніяхъ, Франкамъ весьма трудно было сохранить свой языкъ.

«Но, можетъ быть, кто либо сдѣлаетъ возраженіе: если Франки находились въ такихъ же отношеніяхъ къ жителямъ Галліи, какъ и Турки къ жителямъ Христіанскихъ странъ въ Европѣ, и если эти послѣдніе сохранили свой языкъ, то почему и Франкамъ не сохранить было своего? На это скажемъ: Турковъ всегда поддерживали своя религія, свои особенныя письмена; Франки, напротивъ, сдѣлавшись Христіанами, гуртомъ бросились на изученіе Латинскаго языка и его литературы. Кромѣ сего, Турки, живя гарнизономъ въ Европѣ, непосредственно граничатъ съ массою своего народа, между тѣмъ какъ *настоящую* Франкію отъ за-Рейнской, *искуственной*, отдѣлили послѣ Нѣмецкія племена, такъ что за-Рейнскіе Франки должны были разлучиться со своею народностью. Не смотря на это, еще въ VI и VII столѣтіяхъ замѣтно весьма большое *народное* сочувствіе между за-Рейнскими Франками и Чехами.»

пая. — *Bourrac* (II, 77), une outre à huile, *буракъ для* масла. — *Vilandouia* (II, 548), tournoyer par la ville, *валандать* (въ смыслѣ: кружиться) по городу. — *Vdric* (I, 557), cruche, vase de liqueurs, *ведро*, кружка. — *Vireuite* (II, 556), juridiction pour la taxe des amandes (II, 556), точно такъ и у насъ *вира* (бира, сборъ), денежное наказаніе, опредѣляемое закономъ за преступленія. — *Vcz* (I, 486), ecce, *вишъ*, сокращеніе слова «видишь.» — *Vitz* (I, 486), vieil, *вичъ*, прибавляемое къ личнымъ именамъ въ знакъ уваженія къ старости или заслугамъ. — *Vaurien* (I, 315), voleur, *воръ*.— *Votaqui* (II, 546), ecce, *вотъ-таки*. — *Glas* (II, 106), son ou coup de cloche, *гласъ*, звонъ колокола. — *Nisado* (II, 375), la nicheé d' une oiseau, *гнѣздо*. — *Holos*, I, 271, qui va la? *голосъ*, окликъ: кто идетъ? — *Gorros*, II, 277, livrées d' une épousée, présens de noce, *горные* (свита родителей, пріѣхавшихъ къ новобрачнымъ на другой день свадьбы).—*Gorgioises*, I, 240, grosses bouteilles de verre, сравните наши *горшки*.—*Grabeujze* (I, 253) bruit, querelle, сопровождаемый смятеніемъ и крикомъ *грабежъ*. — *Greve*, I, 253, cheveur longs et partagés sur la tête, волосы подобные *гривѣ*.—*Grieter* (I, 255), chagriner, *огорчать*, наводить *грусть*.—*Deur*, I, 161, la porte d' une maison, *дверь*.—*Deriga*, II, 143, enlever à force, *дергать*, отнимать силою.—*Dndan, deindan*, son de cloche pour les morts, и у насъ звонъ колокола выражается звуками *динь-донъ, динь-динь*.—*Dolie*, une plaine, *долина*.—*Domesne*, II, 142, propre, собственный, *домашній*.— *Thum*, I, 460, maison, *домъ*.—*Drue*, II, 163), ami, amie, *другъ, подруга*. — *Dougan*, II, 159, bois propre à faire les douves, деревья годныя для *дугъ* и обручей.— *Thuse*, I, 163, ami, amant, *душа, душечка*.—*Dosaine*, I, 118, payement de douse deniers, *дюжина* денаріевъ.—*Doucinus, doujenou*, II, 159, douze, *дюжина*.—*Uiouche*, I, 489, qui vivra longtemps, *живущъ*. —*Zithy*, I, 598, le pain, *жито*.—*Aras*, I, 36, maintenant, *заразъ!*— *Gipan*, I, 247, pourpoint, *зипунъ, жупанъ*.— *Assuch*, II, 167, sec, altéré, desseché, *изсохшій*.—*Casaque*, I, 37, surtout de toile grossière, *кожухъ*.— *Casaquin*, I 95, camisol, petit casaque à l'usage de femmes, *казакинъ*. —*Caca*, I, 86, faire «caca», ne mangez pas de cela, точно также и у насъ говорятъ дѣтямъ: *кака*, чтобъ они не ѣли.—*Coquerico*, I, 124, chant du coq, и у насъ пѣніе пѣтуха выражается словомъ *кукареку*.—*Camoca*, II, 86) sorte d' étoffe, *калика*.—*Canaou* (II, 24), canal, *канава*.—*Couénaille* (I, 127), canaille, *каналья*.—*Canabe* (I, 91), chanvre, *коноплл*.—*Capus* (II, 92), chou, капуста.—*Cargie* (I, 94), charge, oneratus, обремененный лѣтами, старая *карга*.—*Ki* (I, 194), qui, *кій*, кой,

(который).—*Cleda* (II, 106), fermer, одного корня съ нашимъ словомъ *клѣть*;—*Cluca*, II, 108, fermer les yeux, у насъ *клюка*, посохъ, съ которымъ ходятъ *слѣпые*.—*Clipet* (II, 107,) battant de cloche, *клапъ*, языкъ у колокола.—*Cauvou* (II, 93), affaire, chose, cause, *ковун*.—*Conque*, I, 119, sorte de vase à boire, *конка* (кружка для питья.)—*Cop* I, 123, un coup de baton, ictus, *копье, копейный* ударъ.—*Corme*, fruit, *кормъ*.—*Cort*, I, 125, petit, *кортикъ, короткій*. —*Carestie*, I, 86, chiche, avare, *корыстный, корысто*-любецъ.—*Cosmie*, I, 126, chevelure, *космы*.—*Caut*, I, 16, plein d'artifice et de fourberie, экій *котъ* (въ смыслѣ: лукавое и хитрое животное).—*Costement* I, 126, ce qui coute, *кошть*, стоимость, цѣнность.—*Creselle*, I, 131, oiseau de proie, espèce de faucon, *кречелъ, кречетъ*.—*Cri*, I, 112, voix haute et poussée avec effort, grand élévation de voix, *крикъ*.—*Creute*, II, 126, habitation creusée sous terre, и *Crot*, I, 134, fossula, *кротъ*, обитающій въ подземныхъ норахъ.—*Croupe* (II, 128), épais, *крупный*.—*Cruchi*, cruza, II, 128, rompre, batonner, *крушить*, сокрушать, (ломать). *Croucho* II, 117, un quingnon de pain, *краюха, укругъ* (ломоть) хлѣба.—*Craquer* produire le bruit que font les corps durs et secs, quand on frotte les uns contre les antre, ou qu ils éclatent, *крякать*.—*Conniou*, II, 120, lapin, *куna* (кроликъ). — *Cute*, II, 135, lieu secret, *кутъ*. — *Levado*, II, 323, levée de terre, *левада*. — *Limon*, II, 326, citron, *лимонъ*.—*Laper*, *лопать*.— *Lube*, *lubie*, I, 305, vitiosa libido, *любовь*.—*Les*, *lez*, I, 229, branches, *лѣсъ*, лѣсныя вѣтви. — *Leude*, I, 229, wassal, sujet, fidele, *людъ*, людинъ, люди. — *Magalez* II, 337, compagnie, *магарычъ*.— *Mainz* I, 109, minus, *меньше*. — *Mords*, mettre un frain ou un mords à un cheval, *намордникъ*, узда надѣваемая на морду.—*Mete*, 323, bout, limite, *мѣта*. — *Nacaire*, I, 335, timballe, *накры* (литавры) встрѣчается въ лѣтописяхъ.—*Norois*, II, 377, fier, hautain, своенравный, отъ стариннаго *норовъ*.—*Deglavier*, I, 143, faire mourir par le glaive, *обезглавить*.—*Embertoulla*, II, 168, envellopper, affubler *обернуть*, *обертѣть*. — *Osoron*, I, 351, misantrope, homme bourru et dur, *озорникъ*.—*Arometis*, II. 32, subito, *опрометью*.—*Eycion*, I, 166, II, 251, un essieu de voiture, *ось*.—*Palcho* II, 389, épée (?) просто *палка*.—*Balinge*, II, 48, langes, *пеленка*.—*Pic*, coup du tranchan d' un épée ou d' un autre instrument. *Pique* II, 275, lance, *пика*.—*Bosoche*, II, 63, bêche, houe, pioche, *посохъ*.—*Aprivada* II, 29, accoutumer quelqu'un à faire une chose difficile, *привадить*, пріучить къ чему.—*Pertisane*, I, 259 comme une lance, *протазанъ*.—*Pusso* II, 434, teton (вѣрно ли?) *пузо* не соски, а брюхо.—*Poiné*, II, 424, peine, amande, *пеня* (наказаніе).—*Piado* II, 413, pas, vestige, piste, *пядь*.— *Riado* II 476, riseé, *радость*, радостный смѣхъ.—*Ray*, II, 457, rayon, *рай*, райскій лучь.— *Rebras*, I, 398,

les plis d'unhabit, *ребра*, сгибы на платьѣ.—*Resse* II, 473, scie, *ръзецъ*, пила. —*Requeer*, I, 409 avouer, confesser, у насъ только въ прошедшемъ: *рекъ*.—*Chable*, II, 95, maschine de guerre, просто *шабля, сабля.* —*Shavanou* II, 99, nymbus (?) эта принадлежность мертвеца, по всей вѣроятности, *саванъ*.—*Sad*, I, 242, II, 412, agréable, doux, *садъ*, садовый.—*Sendal*, I, 434, bois rouge des Indes, *сандалъ*. *San*, II, 489, foin, *сѣно*.—*Sairer*, II, 410, se mettre en fureur, *серчать, сердиться*.—*Escudelle*, I, 192 scutela, *скудель*, скудельная (глиняная) посуда.—*Chuc*, II, 104, suc de quelque chose, *сокъ*.—*Escata*, II, 194, aller en bas, *скатить*, скатиться въ низъ.—*Son*, I, 144, II, 304, sommeil, *сонъ*.—*Sudart*, II, 445, gentil homme, notable de province, *сударь*, судья.—*Souco*, II, 505, souche de vigne, *сукъ* винограда.—*Tarier* I, 454, presser, fatiguer, solliciter vivement, *тарить*.—*Treba* II, 530, rebattre, diminuer, *теребить*.—*Tin* I, 462, II, 461, lieu où l'on rend lajustice, *тынъ* (за̀мокъ), гдѣ производится судъ, *тiунъ* судья. — *Tri* I, 470, trois, *три*. — *Trac* I, 467, chemin, *трактъ* (доро̀га).—*Trepus* (danser, sauter) и *trepi* (pietiner, fouler avec les pieds, напоминаетъ нашъ малороссiйскiй *трепакъ*.—*Treuque* II, 471, cessation de combat, *трёкнуть*.—*Trobe* I, 473, trou, foramen, *труба*.—*Touca* I, 465, toucher, *тюкать*. — *Teches* I, 356, les bonnes graces, faveur d'une femme, *утѣха*, *утѣшенье*.—*Hujou*, *hujau*, I, 276, sort de serpent, *ужъ*.—*Flascou* II, 247, flacon, *фляшка*.—*Agafa* II, 14, prendre, enlever de force, или еще точнѣе, *happa*, II, 289, se procurer, obtenir, *хапать*.—*Care*, I, 94, visage, *харя*.—*Chep*, I, 100, les fers qu' on met aux prisonniers, *цѣпь*.—*Sagane*, II, 244, sorcière, *цыганъ* (колдунъ).—*Charai*, II, 97, sortilége, *чары*.—*Chaie* II, 100, compagnie, *шайка*.—*Chalitz*, I, 102, bois de lit, *шалашъ*.—*Chalonge*, I, 102, tromperie, *шалость*.—*Chapin*, I, 103, chapeau, petassus, *шапка, шляпа*. —*Chelmie*, I, 106, rebelle, *шельма*.—*Chita*, II, 102, parler bas, *шептать*.—*Chik*, II, 101, petit morceau, parcelle, *chiche* II, 87, маленькiй съ *шишъ*.—*Courion*, II, 120, de cuir, *кора̀*.—*Chuchoter*, parler à l'oreille, *шушукать*.—*Eivos* II, 167, voici, ecce, *эво!*—*Jugn* II, 310 jeune, *юный*.

Замѣтимъ, наконецъ, употребленiе нѣкоторыхъ собственныхъ Христiанскихъ именъ, свойственное только Славянскимъ народамъ, напр. *Janiko*, II, 312, petit Jean, *Янъ*, Яникъ, *Ванька*;—*Matoun*, II, 347 Mathieu, *Матюнъ*, Матюша.—*Micoulau*, II, 357, *Микулай*, Николо;—*Michat*, dimin. de Michel, *Миша*;—*Juers* II, 310, *Jurius*, Georgius, *Юрiй* и проч.

Такимъ образомъ, самый *языкъ* Франковъ, вмѣстѣ съ прочими соображенiями историческiй логики представляетъ очевидное свидѣтельство той истины, что Франки дѣйствительно принадлежали къ

семейству Славянъ, составляли самое западное Славянское племя и говорили однимъ изъ Славянскихъ нарѣчій.

—

Сообразивъ всѣ *ясныя сказанія древнихъ писателей о* племенахъ, населявшихъ Восточную Германію, съ *ясными же указаніями писателей среднихъ вѣковъ*, и повѣривъ ихъ настоящею *этнографіею* тѣхъ странъ, мы должны вывесть слѣдующее

ЗАКЛЮЧЕНІЕ:

1.) Страны Вислинскія издревле заняты были племенемъ *Поляковъ* (въ греческомъ переводѣ Georgi), иначе *Ляховъ*, *Леховъ* (Ligi, Lygii); часть ихъ, *Слезацы* или *Слезоцы* (*Силезцы*), получившіе *мѣстное* названіе отъ рѣки Слезы (Sleza), также искони жили на своихъ мѣстахъ (Silingaue), равно какъ и обитатели рѣки Варты (Wartones).

2.) *Поморяне* (въ датскомъ переводѣ Vandali) искони также населяли страну отъ *Одера* (Ob-Odriti) или *Руды* (Rudingi, Reudingi) даже за Эльбу; отъ имени столицы, Винеты, ихъ называли Venedi, Veneti, Winithi, Winuli, Wani; а отъ Нижнеодерскаго рукава, рѣки *Свине* или *Свевы*, называли Svenones, Svevi; по свидѣтельству Павла Діакона (de Gestis Langob I, 3) этихъ Полабскихъ и по-Одерскихъ жителей, Winil'овъ, Нѣмцы прозвали *Длиннобородыми* (Lang-bart), откуда и родилось имя Langobardi; а отъ множества крѣпостей или замковъ (burg) на ихъ границахъ, *Крѣпостниками*, Burgundiones, Borgundii, какъ свидѣтельствуетъ Орозій (Paul. Oros. VII 32). Сильнѣйшее племя, *Велеты* (Weltae), извѣстные подъ именемъ Вилковъ-Лютичей (волковъ лютыхъ), по нѣмецки Wagr'овъ, простиралось за Лабу (Эльбу) и было извѣстно древнимъ подъ именемъ *Варяговъ* (Wargiones) или *Варновъ* (Warni, Varini). *Руги*, жители Рюгена, носили еще имя Руссовъ (Ruzzi, Russi). Впрочемъ это имя *Руси* принадлежало не только странѣ по-Одерской, но и по-Лабской. Старый Любекъ (Буковецъ) до 1100 годовъ былъ мѣстопребываніемъ Славянскихъ князей; по вліяніе Нѣмецкихъ государей начало сильно стѣснять Славянскую народность: Гамбургъ (Богборы), Ростокъ, Шверинъ (Звѣринъ), Штетинъ (Щетинъ) мало по малу совершенно онѣмечены: въ XIV вѣкѣ онѣмеченіе разлилось почти на все Поморье; въ 1404 году умеръ послѣдній Ругъ-Славянинъ. Въ Мекленбургѣ Славянскіе владѣтели, вассалы Нѣмецкаго императора, въ угодность ему приняли Нѣмецкій языкъ, Нѣмецкіе нравы и обычаи. Но въ странѣ за-Лабской еще въ 1751 году Линоны отправляли Богослуженіе на Славянскомъ языкѣ...

3.) *Сорабы*, Германскіе Сербы, также обитали издревле въ верховьяхъ Эльбы и были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ Serbi, Servi, Cervetii, Chervsci, а страна ихъ подъ именемъ Serbium (Urbium).—Послѣ

покоренія Сорабіи Саксонами, она получила названіе Саксоніи. Города прежде всего испытали на себѣ вліяніе Нѣмцевъ: въ Лейпцигѣ (Липецкѣ, Lindenstadt, какъ переводятъ Нѣмцы) еще въ 1327 году говорили по-Славянски, но въ исходѣ XIV вѣка уже запрещено употреблять Славянскій языкъ. Однакожь онѣмеченіе Сорабіи совершилось окончательно только съ 1723 года.

4.) *Чехи* или *Бойи* были извѣстны на своей землѣ въ Богеміи (Bojen-heim, жилище Бойевъ) еще Геродоту, который называлъ ихъ Siginni; отъ гористаго и лѣсистаго мѣстоположенія Чехіи, Нѣмцы звали Чеховъ *Нагорными*, жителями, Hermindurі (отъ her высокій, и mund, человѣкъ, D. Wilhelms Germ. S. 209.), а Кельты прозвали ихъ *Древлянами, Лесовиками*, Quadi. (cold, coad, лѣсъ). Чехи, принявшіе мѣстное имя отъ рѣки *Моравы*, которую Нѣмцы называютъ Маркомъ, были извѣстны у Нѣмцевъ и Римлянъ подъ именемъ Marcomanni.

5.) *Словене*, занимавшіе страну отъ Дуная до Адріатическаго моря, извѣстны были частію подъ своихъ родовымъ названіемъ, въ греческомъ переводѣ (Rheti), частію подъ мѣстными именами: *Норійцы* (Norici), *Краинцы* (Carni, Cranci), *Жупаняры* или *жупные* (Раniari, Pannones), *Венетяне* (Veneti), *Истрійцы* (Istrii), *Деллинцы* или *Далматы* (Dalmatae); греческій переводъ собственнаго имени Словенъ, Rheti, вошелъ у Римлянъ въ употребленіе во время Августа, не прежде перваго вѣка до Р. Х. а до тѣхъ поръ Итальянцы называли Словенъ Hetrusci, Etrusci, Tyrrheni, Tusci. Къ сѣверо-западу съ ними сосѣдили

6.) *Франконскіе Славяне*, которыхъ Нѣмцы въ среднихъ вѣкахъ называли Winden, Windeln, а Римляне Vindelici; слѣды Славянства Франконіи удерживались, по свидѣтельству Шлёцера, даже до конца прошедшаго столѣтія.

Слѣдственно: древность каждаго изъ этихъ племенъ должна быть изучаема подъ его *собственнымъ* племеннымъ именемъ; книжное имя *Slavi, Славяне*, которое первоначально принадлежало однимъ Словенцамъ и уже впослѣдствіи распространено на всѣхъ ихъ единоплеменниковъ, не можетъ ничего объяснить относительно древности *каждаго* изъ нихъ. Оно только сбивало съ прямаго пути прежнихъ изыскателей, и потому, — какъ произведеніе новѣйшей ученой фабрикаціи,—должно быть оставлено при разсужденіи о древности. Такимъ образомъ прекратятся и всѣ споры о происхожденіи и распространеніи Славянъ изъ одного угла во всѣ страны. Тѣмъ, которые производили Славянъ отъ Балтійскихъ Венедовъ, мы скажемъ: «вы правы — и неправы, потому что Венедами назывались только одни Балтійскіе Поморяне; а гдѣ же ихъ равно-древніе единоплеменники?» Тѣмъ, которые вели Славянъ отъ Словенъ Дунайскихъ,

мы скажемъ: «вы правы — и тоже неправы: Словене суть племя Славянское, но они сами составляютъ только часть цѣлаго; гдѣ же прочіе ихъ единоплеменники?» — Тѣмъ, которые ведутъ Славянъ отъ Адріатическихъ Венетянъ (Veneti) мы скажемъ: «вы правы: Венетяне принадлежатъ къ племенамъ Славянскимъ, но вы заблуждаетесь еще болѣе, мечтая въ нихъ найдти *родъ*, тогда какъ они составляютъ только часть *вида*, ибо они сами суть только часть Словенъ.» — Тѣмъ, которые ведутъ Славянъ отъ Бойевъ, мы скажемъ: «вы правы и тоже неправы: Бойи, населявшіе Франконію и Чехію, дѣйствительно Славяне, но эти оба народа вмѣщаютъ въ себѣ не всѣ, а только двѣ отрасли великаго Славянскаго племени». Словомъ: въ каждой изъ прежнихъ одностороннихъ системъ отличимъ удѣльную долю истины, — то̀ что̀ справедливо, и что̀ составляетъ неминуемой шагъ къ уклоненію отъ дѣйствительности; признаемъ Славянами и Ляховъ-Полянъ, и Поморянъ, и Сорабовъ, и Чеховъ (Бойевъ), и Франковъ, и Словенъ, но не будемъ *производить* одно племя отъ другаго: всѣ они суть племена Славянскія, братья произшедшіе отъ одного общаго родоначальника, который заселилъ своими потомками Восточную Германію, Россію и Балканскій полуостровъ, но котораго древнѣйшее общее имя осталось за предѣлами историческаго горизонта (142).

---

(142) Отсюда понятна коренная ошибка тѣхъ писателей, которые, принявъ *часть* за *цѣлое*, догадывались, что нѣкогда общимъ именемъ для всѣхъ народовъ нашего племени было *Словене*, по мнѣнію другихъ *Венеды*, по мнѣнію третьихъ *Споры*, по мнѣнію четвертыхъ *Норики*, по мнѣнію пятыхъ *Иллирійцы*, по мнѣнію шестыхъ *Бойи*, — смотря по тому, откуда кто разселялъ наше племя. Добровскій полагалъ, что Прокопіевы *Споры* есть искаженіе имени *Сербовъ*. Напротивъ, П. Г. Бутковъ утверждалъ, что имя *Спори* есть Армяно-Грузинское, тожественное съ Славянскимъ *Норики*, и означало Славянъ *Кавказскихъ*, занимавшихъ мрачныя горныя дебри (норы) между Мидіею и Колхидою, и извѣстныхъ у Геродота подъ именемъ Саспири, Сапиры, у Ксенофонта-Геспериты, у Аполонія Родосскаго Сапири, у Страбона Сиспири, а у позднѣйшихъ Византійцевъ подъ именемъ Сабировъ и Кабаровъ, подвластныхъ Гуннамъ. Шафарикъ, руководимый Добровскимъ, призналъ «два «первоначальныя и древнѣйшія имени: *Виниды*, неизвѣстное самимъ «Славянамъ, но употреблявшееся только чужеплеменниками, и *Сербы*, «домашнее, природное, обыкновенное имя самихъ Славянъ» (кн. I, с. 165); онъ увѣренъ, что если соберемъ разсѣянныя извѣстія о Сербахъ и Венедахъ, то «положимъ *твердое основаніе* для созданія Славянскихъ древностей» (кн. I, 174). Напротивъ, здравая логика должна сказать трудолюбивому изыскателю: собравъ древнѣйшія извѣстія о Сербахъ, ты положишь твердое основаніе *Сербскимъ* древностямъ, но *не общимъ* Славянскимъ; утверждая, будто Русь + Ляхи + Чехи + Поморяне + Сербы + Болгаре = Сербы, ты примешь *часть* за *цѣлое*, и уже еще

Доказавъ старобытность Германскихъ Славянъ, мы теперь можемъ оправдать мысль А. Ѳ. Вельтмана о стѣсненіи и искорененіи отчинныхъ Славянскихъ племенъ въ западной Европѣ, объ олатиненіи ихъ колоній въ Галліи и онѣмеченіи въ Германіи: «главное основаніе населенія и на западѣ Европы составляли Славянскія

когда не дойдешь до правильнаго рѣшенія историческихъ уравненій, развѣ допустишь множество произвольныхъ *предположеній*, которыми будешь стараться связать извѣстія древности съ достовѣрными фактами Исторіи; но эти предположенія, *сочиненныя* тобою, не устоятъ на судѣ здравой исторической критики. Принимая часть за цѣлое, *одно* Сербское племя за *всѣ* Славянскія племена, Шафарикъ понялъ ограниченность своего воззрѣнія, но утѣшалъ себя и читателей мыслію: «отыскать «новый, правда болѣе ограниченный, за то *прямой* и *безошибочный* путь». (I, 177), какъ будто рѣшеніе задачи, начинающейся положеніемъ, что часть равна цѣлому, можетъ быть когда нибудь безошибочнымъ! Чувствуя шаткость своей системы, Шафарикъ говоритъ: «*не отвергаемъ*, «что имена: Славяне, Хорваты, Ляхи, Чехи и. т. д. не менѣе славны, пре«красны» (да помилуйте, рѣчь идетъ не о славѣ и красотѣ), «и если угодно, «*столько же древни*, какъ и имена Винды и Сербы» (вотъ это дѣло другое); «*не хотимъ также настоятельно оспоривать*, чтобы имя Сер«бы *гораздо прежде* употреблялось *всѣми вообще* народами племени Сла«вянскаго и было обыкновеннѣе, нежели имя Славяне; *согласны* даже, что «предки Славянъ въ древней Европѣ могли скрываться *и подъ другими име«нами*, кромѣ Виндовъ и Сербовъ». Согласны — такъ смотрите же на времена чисто-историческія, узнайте всѣ эти *другія* названія, которыми покрывали Русь, Польшу, Поморію, Сорабію, Чехію, Моравію и прочія славянскія страны, и тогда смѣло отыскивайте ихъ древность подъ тѣми же именами, какъ своими народными, такъ и чужеплеменными, хотя бы разнозвучными: дѣло не въ звукахъ имени, но въ фактѣ, что народъ былъ извѣстенъ подъ такимъ-то именемъ, на прим. *Русь* Святослава подъ именемъ *Скиѳовъ* и *Тавроскиѳовъ;* и если находите, что и во времена Геродота Скиѳы обитаютъ на тѣхъ же земляхъ, то ясно, что они были не Американцы, не Африканцы, не Японцы, но предки той же Святославовой Руси.—«Но», продолжаетъ Шафарикъ, «мы особенно и болѣе всего настаиваемъ на то, что мы «*не въ силахъ доказать* историческимъ путемъ изъ чистыхъ источниковъ «и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, ни старобытности народныхъ именъ — «Славяне» (да, но это имя не народное, а книжное), «Хорваты, Лехи, Чехи и проч.» (извините, имена Хорватѣвъ, Поляковъ, Чеховъ были извѣстны древнимъ, см. выше стр 24, 89, 90, 99 — 104) «ни Славян«скаго происхожденія Скиѳовъ, Сарматовъ «(да кто же были Скиѳы Святослава Игоревича и Владиміра Святославича? не ужели различіе *звуковъ* значитъ болѣе, нежели *фактъ* историческій?) «а потому и не можемъ «ни одному изъ нихъ предъ другими отдать *первенства* и поставить во «главу своей системы». (кн. I, стр. 175.) Да развѣ дѣло идетъ о первенствѣ? возвратите каждому народу его имя, и не думайте, будто бы часть равна цѣлому—вотъ главное! «Вѣроятно, *не одному* покажется *очень*

племена, и отчинные владѣтели были Славяне; языкъ Славянскій былъ повсюду въ неизбѣжномъ употребленіи, и искоренялся постепено болѣе и болѣе отъ Запада къ Востоку. Карлъ Великій положилъ прочную основу и могуществу Тевтоновъ, и водворенію языка Тевтонскаго. Гальскихъ владѣтелей рода Меровинговъ должно считать еще Славянами, но уже подъ вліяніемъ *Латыни* и *Франкской войсковой общины*, составившейся изъ разноплеменцевъ, *освобождавшихся*, по праву званія воина, отъ податей; почти всѣ име-

«*страннымъ*, отчего мы, предоставляя въ историческомъ обзорѣ первенство имени Виндовъ и Сербовъ, и полагая ихъ въ основаніе всей своей «системы, *не только не обратили никакого вниманія* въ началѣ своихъ изслѣдованій на теперешнее всеобщее, самое *почтенное* имя, *Славяне*» (нѣтъ, нисколько не странно—ибо въ древности оно означало только однихъ Словенъ и Словаковъ, слѣдственно то же не цѣлое, а часть), «а за нимъ и на прочія, въ нашей исторіи не менѣе важныя и *древнія* «*названія*, какъ-то *Хорваты*, *Лехи*, *Чехи* и такъ далѣе» (а вотъ это уже въ самомъ дѣлѣ очень странно), «но даже исключили изъ семейства «Славянъ многіе иные *древніе Европейскіе* народы, именно: Скиѳовъ, Сарматовъ» и такъ далѣе. Опасеніе Шафарика совершенно основательно: если Византійцы въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ называли Скиѳіею нашу Русь; если и нашъ лѣтописецъ, Несторъ, увѣрялъ, что Славяно-Русскія племена «ся зваху отъ Грекъ *Великая Скуѳь*» (Лаврен. спис. стр. 7); то ясно, что исторія древней Руси должа быть изучаема подъ именемъ Скиѳіи. Исключеніе изъ семейства Славянъ того народа, который, по словамъ Нестора, *не самъ себя* называлъ, но *отъ Грековъ* звался *Скиѳами*, для каждаго здравомыслящаго человѣка должно казаться *очень, очень страннымъ*, такъ точно, какъ если бы кто изъ-за различія звуковъ сталъ утверждать, что Контофюри и Форонитсу должны быть исключены изъ семейства Славянъ, хотя географія представляетъ намъ неоспоримый фактъ, что подъ именемъ Contofuri у Японскихъ ученыхъ разумѣются Русскіе, а подъ именемъ Foronitsou Поляки.

Въ недавнее время явилась еще система, составленная извѣстнымъ нашимъ юристомъ, почтеннымъ Московскимъ профессоромъ О. Л. Морошкинымъ: основываясь на томъ, что въ каждой Славянской странѣ являются слѣды имени *Русь*, *Россія*, онъ полагаетъ, что имена *Руссъ* и *Славянинъ* суть синонимы (стр. 51); что византійское Σκλαβινοι и Арабское Sac-labi составлены изъ двухъ словъ *сакъ* (сѣча, sacare, шашка) и *лабъ* (лава, лавка, доска), слѣдовательно значатъ: *дровосѣкъ*, *древодѣля*, *плотникъ* (90); названіе *Сакъ* было обще настоящимъ Туркамъ и Славянамъ: и Турки и Славяне потомъ *забыли*, что назывались нѣкогда Саками, но Арабы по старому Персидскому обычаю должны были называть новыхъ Европейскихъ Скиѳовъ Саками, что̀ и обозначилось въ словѣ Саклабъ (Славянинъ); а *слава*, δοξα, по догадкѣ автора все равно что̀ *доска*, δοκις, sorabus, срубъ, брусъ, огромное, мачтовое дерево, почему названія *Славянинъ* или *Сербъ* значатъ: съ лѣсомъ равный, великанъ (114, 115), то̀ же что̀ *Руссъ*, *Таврискъ*, *Турсъ*, *Туркъ* (стр. 58—60, 83—85, 88—89, 134).

на Гальскаго владѣтельнаго рода Мировоя (Merovée) чисто Славяно-Сербскія. Лѣтописи Европы наполнены Славянскими именами владѣтелей и вельможъ ([143]): многіе изъ Императоровъ Восточной и Западной Имперіи, изъ Папъ и церковныхъ учителей были Славяне по происхожденію; большая часть изъ Франкскихъ и Германскихъ Королей женаты были на Славянкахъ. *Витикиндъ* женатъ былъ сперва на дочери Шлезвигскаго Князя Сиварда (Всерада) *Гевѣ* (Gewa), или (произнося g какъ *ж*) *Живѣ*, потомъ на дочери Чешскаго (Богемскаго) Короля *Свѣтанѣ* (Svatana). Въ началѣ XIV-го столѣтія, *Карлъ* IV, Императоръ Германскій, *предписалъ употреблять при дворѣ Славянскій*

Помощію такой этимологіи, г. Морошкинъ объясняетъ, отчего иногда именемъ Турковъ покрывались восточные края Россіи, хотя обитатели ихъ были Славяне, а не настоящіе Турки (Татаре). Не смотря на смѣлость и странность многихъ словопроизводствъ, въ изслѣдованіяхъ г. Морошкина есть довольно такихъ объясненій, которыхъ не отвергнетъ самый строгій историческій критикъ; особенно важны открытыя имъ указанія граматъ о бытіи Славянской Руси при-Балтійской и разысканія о геродотовой Гилеи (Древлянской землѣ), объ Аорсахъ или Россахъ, и о древностяхъ Козаковъ. Основная мысль этой системы: имя Руси (что бы оно ни значило) было нѣкогда общимъ для всѣхъ Славянъ, имѣетъ въ пользу свою болѣе вѣроятности, нежели всѣ другія гипотезы: и теперь оно покрываетъ слишкомъ 51 милліонъ Славянъ, а въ земляхъ остальныхъ единоплеменниковъ нашихъ есть урочища, названіе которыхъ напоминаетъ имя Руси. Эта мысль г. Морошкина представляетъ Славянскій міръ гораздо въ обширнѣйшемъ объемѣ, нежели Шафарикова система, и соединяетъ новый Русскій міръ съ Геродотовскимъ непрерывною связію; но справедливость требуетъ замѣтить неясность границы обиталищъ Руссовъ-Славянъ отъ жилищъ Финновъ и Турковъ, которые (по мнѣнію автора) также назывались Русью, и отсутствіе опредѣлительной черты для *каждаго* Славянскаго племени *порознь*, равно какъ излишнее увлеченіе въ пользу своей этимологіи, которая въ историческихъ изысканіяхъ должна занимать второстепенное мѣсто: таковы, по моему мнѣнію, существенные недостатки смѣлой системы Московскаго ученаго юриста, выступившаго на поле исторической критики съ замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ успѣхомъ.

Но такъ какъ періодъ безразличнаго единства *всѣхъ* Славянскихъ племенъ находится за предѣлами исторіи; а при первыхъ лучахъ ея, *каждое* Славянское племя является подъ своимъ собственнымъ отличительнымъ именемъ; то я и слѣжу древность каждаго племени порознь: такимъ образомъ открывается старобытность Ляховъ, Поморянъ, Сорабовъ, Чеховъ, Моравовъ, Словенъ, Франковъ, однимъ словомъ—старобытность всѣхъ Германскихъ Славянъ между Вислою, Лабою (Эльбою) до Везера и къ югу до Синяго (Адріатическаго) моря.

([143]) См. въ «Очеркахъ Россіи» таблицу Славянскихъ личныхъ именъ, составленную А. Ѳ. Вельтманомъ.

языкъ. «Какую причину имѣлъ Карлъ IV»—восклицаетъ Iohann Peter Ludwig въ Vollständige Erläuterung der güldenen Bulle—«повелѣть «употреблять Владѣтельнымъ Князьямъ (Churfürstlichen Prinzen) «Вендскій или Славянскій языкъ?»—Ему можно предложить въ отвѣтъ очень важныя причины: большую часть населенія Имперіи составляли Славяне; въ то время усилилась уже ненависть къ папамъ, и проявилась въ Чехіи или Богеміи въ лицѣ Гуса. Отклоняясь отъ Римскаго исповѣданія, послѣдователи Греческаго и Евангелическаго ученія не хотѣли знать ни папы, ни противорѣчій Римскихъ съ ученіемъ истиннымъ, и слѣдовательно не хотѣли и Латинскаго языка въ священнодѣйствіи. Славянскій же языкъ былъ уже церковнымъ языкомъ и имѣлъ переводъ всего священнаго Писанія; а Нѣмцы до XVI-го столѣтія, то есть до Лютера, не имѣли ни служенія на своемъ языкѣ, ни священныхъ книгъ. Безъ сомнѣнія, Императоръ Карлъ IV, *сынъ Короля Богемскаго*, имѣлъ намѣреніе *водворить въ Германіи Славянское священнодѣйствіе.* Удивительно ли бъ было послѣ этого, еслибъ Славянскій языкъ и въ Германіи взялъ верхъ надъ Нѣмецкимъ? Это зависѣло отъ случая; тѣмъ болѣе, что противоборство Папѣ возникло *посреди Славянъ* и самъ Гусъ былъ Славяниnъ.»(144)

Славяне Германскіе сами себя сгубили взаимною ненавистью, пристрастіемъ къ чужеплеменникамъ и недостатками прочнаго государственнаго устройства, хотя при единодушіи и сильномъ развитіи чувства своей народности могли бы донынѣ удерживать свою политическую самобытность. Ихъ отважность, мужество и храбрость истощились во взаимныхъ междоусобіяхъ, которыми воспользовались чужеплеменники, и Германскіе Славяне сдѣлались вассалами Нѣмецкой Имперіи. Могуществомъ своимъ она одолжена столько своему собственному Саксонскому племени, столько же и вассальнымъ племенамъ Славянскимъ: Чехи, Сорабы, Поморяне (Veneti) и по-Одерская Русь (Ob-Odriti, Ab-Roditi, Reudingi, Rutheni) не мало оказали пользы Нѣмецкой Имперіи, и Фридрихъ I съ гордостію говорилъ Султану Саладину: quid Saxonia in gladio ludens, quid Rotonia (Ruthenia), quid Venetus pirata, quid Bohemia suis

(144) Взглядъ на VIII-е столѣтіе и историческія поясненія къ драмѣ *Ратиборъ Холмоградскій,* А. Ѳ. Вельтмана, стр. 221-222. Авторъ весьма удачно уловилъ многія черты Славянскихъ обычаевъ Франковъ; читайте, для доказательства, стр. 218, 219, 226, 238, 230. Это сочиненіе, замѣчательное какъ произведеніе изящной словесности, должно обратить на себя вниманіе по вѣрности историческаго колорита и многимъ мѣткимъ сближеніямъ автора. Но историческая логика не позволяетъ согласиться съ его мнѣніемъ о языкѣ Тусковъ: сравните главу о Rhet'ахъ, стр. 132 — 140 и прим. 98.

feris ferior? (145) Родословное древо множества Саксонскихъ дворянскихъ домовъ возрасло на Славянской почвѣ, какъ сознаются новѣйшіе безпристрастные Нѣмецкіе писатели (146)

Славянское племя наше, какъ основательно замѣтилъ краснорѣчивый юристъ-изыскатель (147) «составляетъ нижній слой Сѣверной Европы почти до Рейна и образуетъ какъ бы острова во Франціи и Испаніи; но къ востоку, въ сосѣдствѣ Тевтонской Европы, оно лежитъ на поверхности земли, распростертое безъ внѣшней связи и безъ возбужденія единой гражданственной жизнью. Оно живетъ будущностію, надеждою, что вновь возстанетъ великій царь Волги и воззоветъ ихъ къ единому великому знамени, къ знамени не разрушенія, а общаго успокоенія въ нѣдрахъ семейственнаго Христіанскаго быта, который, кажется, предоставлено развить Славянскимъ народамъ. Царство мира и любви имѣетъ семейственную форму,—форму, данную отъ природы и духа, а не изысканную, не созданную преходящими вѣками исторіи. Когда настанетъ судъ исторіи, Тевтонскій міръ отдастъ Славянамъ все, что́ имъ взято у нихъ въ теченіи 1500 лѣтней его жизни. Не своими Козарскими саблями Славянскій міръ грозитъ Тевтонамъ, а Славянскою цивилизаціею, первородными формами человѣческаго быта, грозитъ ему преемничествомъ, званіемъ наслѣдника во Всемірной Исторіи. Славянскій духъ, по волѣ Провидѣнія, возлюбилъ себѣ мѣсто въ предѣлахъ Россіи: ибо имя *Россіи* есть старѣйшее, общее имя для всѣхъ Славянскихъ народовъ; здѣсь родина и колыбель всѣхъ славянскихъ народовъ: здѣсь только Славянскій духъ можетъ развернуть свои орлиныя крылья и принять выспренный полетъ. Имперія Карла Великаго совершилась; настанетъ новый міръ и новая жизнь, жизнь, возвращающаяся отъ запада къ востоку. Тамъ на востокѣ еще не исчезли лагери *Аорсовъ*, оставленныхъ ими на пути изъ Азіи въ Европу, не исчезли воен-

---

(145) Reichs-Archiv, Continuatio, II, p. 139.

(146) Alle—im strengsten Sinne dieses Worts, jedoch erst seit 1723—slavischen Elemente gingen in das deutsche Element über.... Als ausserdem jetzt noch auffalende, an die alten verschwundenen Urbewohner erinnernde slavische Ueberreste kann man die slavischen Benennungen der meisten sächsischen Orte, *die Namen der meisten adeligen Geschlechter Sachsens, alle itz, ik, nik, ow,* die Dallwitz, die Nostiz, Maltitz, die Terzky, deren *Geschlechtsbäume auf slavischen Grund und Boden wurzeln,* und manche slavische Worte anführen, die der Sprache des gemeinen Obersachsen eigen blieben (von den vielen Beispielen, die wir anführen könnten, nur eins: in der Nähe von Leipzig nennen die Leute einen kleinen Fluss «ein kleines *Retschke*», ein ächt slavisches Wort, das so viel als Flüsschen, Bach bedeutet). Allg. Zeit. 1841, № 141.

(147) Историко-критич. изслѣд. о Руссахъ и Славянахъ, стр. 118 — 121.

ныя дороги Аланъ и Козаровъ, ходившихъ строить и обновлять въ Азіи государства. О, какую великую судьбу готовитъ Провидѣніе для Россіи! Мы не доживемъ до тѣхъ временъ, когда раскроется вполнѣ Славянская жизнь, но потомки наши вспомянутъ насъ, что мы приготовили имъ великую судьбу въ Исторіи. Настоящее время сѣетъ сѣмена великой будущности Славянскаго міра. . .

«Славяне, говоря вообще, отстали отъ Тевтоновъ именно потому, что они имѣли слишкомъ рьяный духъ, и къ большей невыгодѣ, духъ односторонне развитый. Не было ни одного народа среди Славянскихъ племенъ, въ коемъ бы *всѣ* стихіи гражданственной жизни соединились для построенія быта прочнаго, способнаго къ дальнѣйшему развитію. Въ каждомъ Славянскомъ народѣ было только одно народное сословіе дѣйствующимъ; всѣ же другія были мертвыми, страдательными. Что́ можетъ быть отважнѣе, храбрѣе дружины Аваровъ? но изъ нея ничего не вышло, кромѣ храбраго поколѣнія Сербовъ. Болгаре были дворянство и больше ничего: мы знаемъ скоропреходящую славу сего народа. Богемія (Чехія) скоро увлечена была звѣздою Тевтонскаго міра. Надежда оставалась на Польшу и Россію. Польша никогда не была государствомъ: она была тевтонизованная козацкая община, — энергическая, но сиротствующая стихія государственная! Поляки, по рожденію своему, будучи храбрымъ Славянскимъ козачествомъ, отреклись отъ своихъ родичей, и, унижаясь предъ Тевтонами и Римомъ, погребли навсегда городскій и сельскій бытъ своего простонародія: никогда и нигдѣ человѣчество не было столько презираемо и утѣсняемо, какъ въ Польшѣ; съ нимъ погибла здѣсь основная стихія государственная. Европа никогда искренно не усыновила Поляковъ: Императоръ, раздавая титулы, считалъ ихъ вассалами; новорожденная Пруссія — будущею военною добычею; а Папа погубилъ ихъ навсегда, неумѣстною ревностію о своемъ владычествѣ. Польское дворянство осталось безъ народа, но съ изящными формами европейскаго вассала. Какой славный урокъ для Славянскихъ племенъ. О духъ подражанія! О пагубное самозабвеніе!

«Чѣмъ болѣе порицаютъ насъ Тевтоны, тѣмъ болѣе мы должны гордиться собою: это значитъ, что мы не *тевтонизованное ничто.* Русская земля имѣетъ всѣ стихіи для образованія великаго государства и великаго народа. Первоначально, эти стихіи были разбросаны по всему пространству Русской земли, и ни одна изъ нихъ сама по себѣ не была достаточна для основанія государства. *Вѣра* соединила ихъ, и возникла великая имперія. Весь югъ Россіи наполненъ самыми энергическими стихіями дворянства. Что можетъ быть воинственнѣе Алановъ, Козаровъ и Козаковъ? Чистое *марціальное* на-

чало Русской земли; но это еще *не государство.* Кіевская Россія начинаетъ соединять стихіи разнородныя: здѣсь является козакъ и селянинъ. Но козакъ забилъ бы селянина въ Россіи, еслибъ Кіевъ остался навсегда столицею государства. Кіевское государство одного сложенія съ Польскимъ, съ тою разницею, что Польское еще испорчено тевтонизмомъ: слѣдственно еще менѣе могло сдѣлаться истиннымъ государствомъ. Не легче было бы, еслибъ Рязанцы, опираясь на Донъ и Кавказъ, одержали верхъ надъ прочими племенами: это гордое племя въ конецъ запустошило бы Русскія села и города. Діаметрально противуположенъ Козачеству юга Великій Новгородъ съ его колоніями и факторіями: народъ смердъ, торгашъ и плотникъ; народъ упорный, закоснѣлый въ сознаніи своей личности и въ любви къ отечеству. И здѣсь тоже не могло образоваться государство: не доставало благороднѣйшихъ стихій народныхъ. Искони разумный Новгородъ нуждался въ воинскихъ дружинахъ Варяговъ и Кіевскихъ князей; искони дружины Русскія нуждались въ жалованьѣ Новгорода. Изъ этого образовался союзъ Русской земли, сперва по условію, а потомъ вѣчный, безусловный: Новгородъ поддался Москвѣ. Москва основана въ землѣ Рязанскихъ Вятичей, на безразличномъ пунктѣ *всея Россіи:* въ ней пресѣкаются всѣ стихіи Русской земли; здѣсь граница Кіева, Новагорода и Рязани; здѣсь лагери, базары и деревни. Трудно сказать: какая стихія сильнѣе въ Московской Россіи, Новогородская или Рязанско-Кіевская? Здѣсь, на огромномъ пьедесталѣ мужественнѣйшаго, несокрушимаго простонародія, возвышается колоссальный бюстъ военной дружины. Никакая Европа не въ состояніи сдвинуть съ мѣста этого дивнаго созданія вѣковъ. Москва есть *Кремль всего Славянскаго міра.* Напрасно думаютъ утвердить гдѣ нибудь Славянскую національность безъ покровительства Московіи. Судьба на выборъ Славянамъ отдала одно изъ двухъ: быть Русскими, или быть Славянами Европы, т. е. страдниками, захребетниками Европы подъ властію чужеплеменниковъ; третіе невозможно... Но да не чуждается сердце Славянъ имени Русскаго: имя Россовъ есть древнѣйшее общее имя всѣхъ Славянъ въ Европѣ», или, по крайней мѣрѣ, бóльшей половины Славянскаго народонаселенія.

ЭТНОГРАФИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБЪЯСНЕНІЕ ТАЦИТОВОЙ ГЕРМАНИИ

И

РѢШЕНІЕ ВОПРОСА:

КОГО НАЗЫВАЛИ ГОТѲАМИ ИЛИ ГУТОНАМИ?

Старобытность единоплеменныхъ съ нами народовъ въ предѣлахъ Германіи: Ляховъ, Поморянъ, Сорабовъ, Чеховъ, Франковъ, Словенъ,— доказанная согласнымъ свидѣтельствомъ древнихъ,—должна убѣдить всѣхъ, что Восточные Германы и были такъ называемые по-*ученому* Славяне: это имя, первоначально принадлежавшее однимъ Словенцамъ, распространено потомъ и на всѣхъ ихъ единоплеменниковъ; вотъ почему въ сочиненіяхъ древнихъ и не говорится нигдѣ о племенахъ *Славянскихъ*, хотя послѣдніе искони жили въ Восточной Германіи. Въ наше время, это истина уже не подлежащая сомнѣнію. Новѣйшій Нѣмецкій писатель, Генрихъ Шульце справедливо говоритъ: «Славяне не пришли съ востока на западъ; напротивъ, они жили въ глубокой древности въ краяхъ Восточной Германіи и на нижнемъ Дунаѣ; но воинственные Нѣмецкіе народы, послѣ продолжительныхъ кровавыхъ войнъ съ Славянами, наконецъ отняли у нихъ восточную Германію и поселились между ними ([1])». Впрочемъ, задолго до Шульце, мысль эта, въ большей или меньшей степени, проявлялась у историковъ-мыслителей; яснѣе и положительнѣе всѣхъ выражено это мнѣніе у знаменитаго Шлёцера. Вотъ какъ судилъ онъ объ этомъ предметѣ:

«*Восточная часть Германіи съ давнѣйшихъ временъ*, т. е. *сколько извѣстно намъ изъ Исторіи, была населена Славянами.* Великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славянскія Исторіи, *скоро совсѣмъ истребятъ старинное всеобщее мнѣніе, будто сіи Германскіе Славяне пришли только тогда, когда будтобы вышли насто-*

([1]) Schulze, Urgesch. d. deutsch. Volkes. Ham. 1826. Напрасно только думаетъ онъ, будто бы это совершилось «въ *незапамятное* для насъ время»: кому хорошо извѣстна исторія Германскихъ Славянъ, тотъ знаетъ, *когда* Нѣмецкое племя поселилось между ними; сравните выше стр. 77-85, примѣчаніе 139 и стр. 159 — 168.

ящіе Нѣмцы, жившіе до-того въ ихъ земляхъ. Въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и пр. *никогда не было Нѣмцевъ прежде Оботритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ: они суть старожилы своихъ земель* въ разсудительномъ значеніи.

«Даже и въ то время, когда большая часть западныхъ и южныхъ Германцевъ на Рейнѣ сдѣлалась добычею Римлянъ, послѣдніе не имѣли еще никакого понятія о Славянахъ; ибо они заслонялись народами настоящаго Нѣмецкаго происхожденія, жившими въ срединѣ между ими и Римлянами. Не прежде какъ по разрушеніи Западной Римской имперіи, на развалинахъ которой возвысились Франки, появляются *Германскіе Славяне...* Но настоящее *открытіе Германо-Славянскаго міра собственно предоставлено было только вѣку Карла Великаго,* ровно за 1000 лѣтъ до сего. Онъ, покоривъ Саксовъ, узналъ сперва *за Лабою (Эльбою) и по берегамъ Балтійскаго моря Оботритовъ* (въ Мекленбургіи) *и Вильцевъ* (въ Помераніи и Бранденбургской мархіи); завладѣвъ Тюрингцами, сдѣлался онъ сосѣдомъ *Сорбовъ (въ Лаузицѣ и верхней Саксоніи),* а побѣдя Аваровъ и Баваровъ, потребовалъ покорности отъ близъ живущихъ *Чеховъ (Богемовъ), Моравовъ и Паннонскихъ Словенъ.*

«Сіи *милліоны Славянъ, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго,* раздѣлялись на множество большихъ и малыхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло особенное названіе. Долгое время *географы и писатели времянниковъ* называли ихъ только общимъ именемъ, Венеды, Винды, Винулы, Склавы, Склавины, Склаваны и пр. Только при Карлѣ Великомъ выходятъ мало по малу сіи отдѣльные народы изъ *Славянскаго хаоса* и дѣлаются извѣстными подъ особенными названіями (²). Но Моравія и Моравы появляются съ достовѣрностію только по смерти сего государя: Ейнгардъ, сколько мнѣ извѣстно, первый упоминаетъ подъ 828 годомъ о Моравскихъ послахъ (Marvanorum legationes), приходившихъ къ Императору во Франкфуртъ. Добн. II, 478. Моравы, вѣроятно такъ названные отъ рѣки Моравы, называются въ Латинскихъ времянникахъ: Sclaui Marakenses, Marhanenses, Marauani, Margenses, позднѣе только Moraui; одинъ изъ ихъ князей называется Rastitius Winidus (³). Но такъ зовутъ ихъ одни

(²) Разъяснить этотъ Славянскій Хаосъ возможно именно подъ условіемъ слѣдить каждое племя подъ *особеннымъ* названіемъ; вотъ почему я и разыскивалъ *порознь* древность Ляховъ (стр. 89, 90), Поморянъ и Сорабовъ (90 — 99), Чеховъ и Моравовъ (92—106), Словенъ (106 — 140) и Франковъ (140 — 158).

(³) Это былъ тотъ знаменитый Ростиславъ, который призвалъ къ себѣ Кирилла и Меѳодія изъ Царьграда.

только чужестранцы: сами же себя называютъ они Чехами, ибо дѣйствительно составляютъ только часть Чеховъ и говорятъ съ ними однимъ языкомъ.

«Всѣ сіи Славяне или Венды имѣли верховныхъ начальниковъ, которыхъ они называли *князьями*. Тогдашніе писатели временниковъ переводятъ это слово различнымъ образомъ: rex, *regulus*, *dux*, *princeps* (а одинъ папа назвалъ однажды одного изъ сильнѣйшихъ Моравскихъ князей только *comes*), смотря потому, большое или малое войско могъ такой князь выставить противъ своихъ непріятелей. Сихъ Славянскихъ князей было отмѣнно много: *подвергаясь нападеніямъ по-одиночкѣ, должны они были упадать по-очереди. Если бы у нихъ было столько разсудка и великости духа, чтобы тѣснѣе соединиться другъ съ другомъ, какъ легко могли бы они избѣжать поноснаго ига.... Именно въ то время*, когда Рюрикъ и Олегъ основали независимое Русское царство, *возникло бы* также *Германское Славянское царство; и Германія*, навѣрное къ своему счастію, *осталась бы въ естественномъ и первоначальномъ своемъ состояніи*: два народа, совершенно различные въ языкѣ, правахъ, и во всемъ, раздѣлили бы ее на двѣ независимыя и равносильныя державы: *налѣво — собственно-Нѣмцы, направо — Германскіе Славяне* или Венды. Что послѣдніе Германскіе Славяне *должны* и *могли бы* сдѣлать, то сдѣлали около того же времяни *Поляки*. Услышавъ о несчастіи, постигшемъ ихъ соплеменниковъ, жившихъ по ту сторону Одера, и ожидая, что завоеватели скоро съ мечемъ и огнемъ приближатся также и къ ихъ границамъ, жители четырехъ обширныхъ округовъ, сдѣлавшихся послѣ извѣстными подъ названіемъ Великія и Малыя Польши, Силезіи и Мазовіи, вступили между собою въ *тѣсный союзъ*, и, около 840 года, слѣдственно точно въ этотъ критическій періодъ, покорились *одному общему начальнику*, самими ими избранному; ибо, посмотря на все тогдашнее теченіе дѣлъ въ свѣтѣ, очень вѣроятно покажется, что Польское государство составилось такъ, только въ это время не было еще ни одного лѣтописателя, который могъ бы это занесть въ свои книги. Такимъ-то образомъ Польскіе Славяне на Вартѣ и Вислѣ удержались въ гордой независимости, и ни одинъ Нѣмецкій комитъ, миссусъ, преторъ, паша, не смѣлъ ступить ногою на ихъ свободную землю.» (4)

Вотъ замѣчательное сужденіе *славнаго Нѣмецкаго изыскателя*, на которое давнобъ слѣдовало историкамъ обратить вниманіе! Тогда бы легко рѣшить вопросъ о томъ, *кого* разумѣли Греки подъ именемъ Готѳовъ или Гутоновъ.

---

(4) Шлецеровъ «Несторъ» (перев. Д. И. Языкова) т. II, стр. 423 и слѣд.

Важную помощь намъ въ этомъ дѣлѣ окажетъ Шведскій ученый, извѣстный и на дипломатическомъ поприщѣ, *Іаковъ Гробергъ*, членъ королевскаго Французскаго Института, бывшій секретарь Шведскаго посольства въ Тангерѣ. Занимаясь изслѣдованіемъ древностей своего отечества, онъ написалъ превосходное разсужденіе «О ложности мнѣнія, будто бы такъ называемые варварскіе народы, разрушители Римской имперіи, вышли изъ Скандинавіи,» Su la falsita dell'origine Scandinava data ai popoli detti barbari che distrussero l'impero di Roma. Это небольшое сочиненіе, написанное авторомъ по-итальянски и напечатанное въ Пизѣ, 1815 года, чрезвычайно важно для исторіи сѣверо-восточной Европы, какъ превосходное опроверженіе сказки Іорнанда (5) о мнимо-Скандинавскомъ происхожденіи Готовъ. Гробергъ съ необыкновенною ясностью показываетъ противорѣчіе Іордана съ древнѣйшими писателями, которые знали Готовъ туземцами южнаго Балтійскаго поморья, за нѣсколько столѣтій до Р. Х. Обнаруживъ такимъ образомъ ложность показаній Іордана, Гробергъ изслѣдовалъ этотъ вопросъ съ другой, *логической* стороны: разсмотрѣлъ велико ли было народонаселеніе Скандинавіи въ достовѣрно-извѣстныя эпохи? слѣдственно: *могла ли* Скандинавія высылать полчища народовъ, разрушившихъ Римскую Имперію? и, оперши́сь на выводы исторической логики, опровергъ предположеніе Маллета и Негри-ди-Равенна, будто бы народонаселеніе Скандинавіи *могло* быть несравненно болье до Норманнскихъ экспедицій. —Это образцовое сочиненіе два раза переведено на Русскій языкъ (6); послѣднимъ, прекраснымъ переводомъ мы обязаны А. В. Александрову, который совершенно согласился съ новымъ мнѣніемъ о Готѳахъ, и основательно построилъ слѣдующій силлогизмъ: «изъ разсужденій Гроберга очевидно, что Готы не выходили изъ Скандинавіи, а были туземцами южнаго Балтійскаго поморья; но страны эти завоеваны у *Славянъ* Тевтонскими или Нѣмецкими племенами только къ *концу* среднихъ вѣковъ; слѣдственно, Готы, вышедшіе въ Имперію съ южнаго Балтійскаго поморья *въ началѣ* среднихъ вѣковъ, необходимо должны принадлежать къ племенамъ Славянскимъ». Умно и логически справедливо.

---

(5) Іорнандъ или Іорданъ, Равеннскій епископъ VI вѣка, былъ родомъ изъ Готѳовъ, а по мнѣнію другихъ изъ Аланъ; послѣднее, — думаетъ Гробергъ, — вѣроятнѣе.

(6) Вѣстникъ Европы М. Т. Каченовскаго, 1829 г. № 1, 2; Сынъ Отечества 1842 г. № 8. Заимствую изъ послѣдняго перевода, какъ болѣе изящнаго; пропуски обозначены нѣсколькими точками.

Выслушаемъ теперь это важное для насъ I. разсуждение Гроберга о ложности мнѣнія, будтобы Готы вышли изъ Скандинавіи.

«Ошибка, — стоитъ ей разъ войдти въ Исторію, — надолго остается неприкосновенною. Полу - ученые, партіи, люди пристрастные къ своей націи, весьма часто затмѣвали несправедливыми сужденіями своими историческія проблеммы, даже такія, которыя легко бы могли быть рѣшены людьми весьма съ небольшими дарованіями, съ небольшою разборчивостію и проницательностію. Такова судьба Исторіи! Причиною того, по моему мнѣнію, врожденное людямъ *нерадѣніе, по которому они охотнѣе блуждаютъ за путеводителемъ, чтобы самимъ не пробивать себѣ прямаго, но труднаго пути*; а между тѣмъ *въ Исторіи*, какъ въ Географіи, *всякій, кто сознаетъ въ себѣ способность судить здраво*, смѣло *долженъ полагаться болѣе на свои собственныя свѣдѣнія, нежели на мнѣнія другихъ*.

«Цѣль моего разсужденія — доказать, во-первыхъ, что *Іорнандъ* (правильнѣе *Іорданъ*) Равенскій епископъ VI вѣка, *или лгалъ, или бредилъ тогда, какъ писалъ*, будто бы *Готы вышли изъ Скандинавіи*, которую онъ именуетъ Сканціею; во-вторыхъ, что *новѣйшіе ученые разстроили основаніе Европейской Исторіи, повторяя слова Равенскаго епископа, увѣряющаго насъ, будто бы онъ взялъ это у какихъ-то авторовъ, по счастію никогда не существовавшихъ*. Іорданъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ одной только строкѣ своихъ сочиненій, отзывающейся догадкою, очевидно основанною на refert antiquitas; *лѣнивые же историки* послѣдующихъ временъ, *привыкши повторять бредни другихъ*, безъ разбора *списывать все*, что *могло уполновѣсить ихъ творенія*, приняли за истину подобное свидѣтельство, — внесли въ историческія книги, усиливали и проповѣдывали какъ древнюю аксіому, какъ догматъ. И этотъ мнимый догматъ освященъ уже вѣками до такой степени, что теперь, осмѣливаясь представить опроверженіе, навѣрное я вызову на распрю всѣхъ ученыхъ Европейцевъ, въ особенности сѣверныхъ: они все еще, кажется, почитаютъ грѣхомъ и большимъ безчестіемъ отклонить отъ своего отечества очень незавидную славу, что было (по выраженію Іордана) officina gentium et vagina nationum.

«Можетъ-быть удивятся, что уроженецъ Скандинавіи, даже именно Готисканціи Іордановой, первый рѣшается сказать правду, что *Европа нисколько не одолжена его отечеству нынѣ живущими*

въ ней народами. Но истина священна для каждаго. Три сѣверные государства имѣютъ столько другихъ правъ на почтеніе, удивленіе и признательность образованной Европы, что не нуждаются въ знаменитости, которую во всякомъ случаѣ слишкомъ помрачило бы варварство небывалыхъ сыновъ Скандинавіи. Кромѣ того, *Скандинавское происхожденіе Готовъ и другихъ можно бы утверждать не иначе, какъ вопреки всѣмъ доказательствамъ болѣе достовѣрнымъ, вопреки всей Исторіи.* Вѣрно каждый согласится со мною, что подобнаго рода слава — самая ничтожная.

«По сказанію Іордана, Готы вышли изъ Готисканціи, то есть нынѣшняго острова Готланда. Здѣсь, прежде всего должно разсмотрѣть вопросъ съ двухъ главныхъ сторонъ: 1) *могла ли* Сканція въ тѣ времена высылать многочисленныя полчища воинственныхъ народовъ? и, слѣдственно, могли ли Готы выйти изъ Сканціи? или же 2) они пришли въ нее *изъ другихъ земель*, такъ же какъ и въ полуденную Европу? Сблизимъ рѣшенія двухъ этихъ вопросовъ, и выведенныя оттуда слѣдствія, безъ сомнѣнія, объяснятъ истинное происхожденіе тѣхъ народовъ. . . .

«Шлёцеръ за свою всеобщую Сѣверную Исторію заслуживаетъ справедливой похвалы, но и онъ послѣ розысковъ и соображеній въ теченіи пятидесяти лѣтъ, принужденъ былъ наконецъ признаться, что вѣрнаго *ничего не знаетъ* объ истинныхъ туземцахъ Сѣвера, первобытныхъ жителяхъ Скандинавіи. . . .

«Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о сѣверѣ Европы не старѣе двухъ тысячь лѣтъ. Въ южной Европѣ краснорѣчіе, исторія, образованность возникли и распространились гораздо прежде; однакожъ и здѣсь происхожденіе всѣхъ народовъ покрыто *баснями и непроницаемымъ мракомъ.* И такъ, что̀ мы должны думать о тѣхъ писателяхъ, которые и теперь еще (съ потерею времени) разселяютъ сыновъ Ноевыхъ; ведутъ ихъ перомъ своимъ отъ ковчега праотца нашего и отъ Вавилона ко льдамъ сѣвернымъ; заставляютъ ихъ циркулемъ своимъ идти каждое столѣтіе ровно по сту миль, всегда правильно, по одному и тому же направленію? Какъ же послѣ того назвать сочиненіе Герарда Шенинга, на 40 печатныхъ листахъ, испещренное глубокою ученостію, въ которомъ разсказываются событія *за* XVII *вѣковъ* до нашего лѣтосчисленія, по сагамъ — то есть *сказкамъ* — Скандинавскимъ.

«Іоаннъ Магнусъ, архіепископъ Упсальскій, собралъ въ одну книгу все, что до него было написано и сказано, хорошаго и худаго, о Готахъ. Онъ считаетъ Готисканціею Іордана нынѣшній островъ Готландъ, который, по сѣвернымъ хроникамъ, былъ открытъ и населенъ за *нѣсколько лѣтъ до Р. Х.* какимъ-то Тіальверомъ, сы-

номъ Гуды. Упсальскій прелатъ не ограничился тѣмъ: недовольный избитымъ путемъ прелата Равенскаго, Іоаннъ Магнусъ утвердительно назначаетъ еще эпохою перехода Готовъ на этотъ островъ — 875 годъ *послѣ потопа*, что соотвѣтствуетъ у него, неизвѣстно почему, 1430 году до христіанской эры. Братъ его, Олай Магнусъ, блистательно описывая островъ Готландъ, также полагаетъ, что Готы пришли сюда изъ Скандинавіи .... Нѣтъ сомнѣнія, что Гутоны или Готоны, видѣнные Пиѳасомъ въ Пруссіи, суть Готы; Тацитъ нашелъ ихъ уже отчасти переправившимися въ Швецію, гдѣ помѣщаютъ ихъ Плиній и Птоломей. Это и доказываетъ, что они съ твердой земли перешли въ Скандинавію, а не на оборотъ....

«Павелъ Варнефридъ, руководствуясь писателями, болѣе достовѣрными нежели тѣ, на которыхъ ссылается Іорданъ, высадилъ Виннуловъ или Лангобардовъ на островъ Готландъ, называемый имъ Galanda. Периплы Вульфстана и Отера, сохраненные въ драгоцѣнной географіи Алфреда, короля Англійскаго, жившаго въ IX вѣкѣ, описывая этотъ островъ, называютъ его нынѣшнимъ именемъ Готландомъ. Но *никакой авторъ, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ*, а что еще болѣе, *никакая хроника, или сага Исландская, не оставили ни малѣйшаго признака, который бы доказывалъ, что Готландъ былъ отечествомъ Готовъ* или другихъ народовъ, разрушившихъ Римскую монархію.

«Гуты или Гуттоны, жившіе во времена Пиѳеасовы на берегахъ Балтійскаго Моря въ Пруссіи и нынѣшней Курляндіи, тутъ же находились во-времена Тацита; они были изъ племени Бастарновъ, какъ бы ни говорили объ этомъ Клуверіи, Целляріи, д' Анвиль, и другіе. Они перешли въ Швецію, можетъ-быть чрезъ островъ Готландъ и случайно дали ему то имя, которое сами получили отъ Германцевъ, по превосходству въ конницѣ, ибо слово gaute, gote, gute дѣйствительно значитъ: *конь, всадникъ*. Птоломей помѣщаетъ ихъ въ Швеціи, въ странѣ, нынѣ именуемой Остергилленъ, которую Шведскіе баснословы считаютъ *Остроготіею* древнихъ, равно какъ и Вестергилленъ принимаютъ они за *Визиготію*, не смотря на оракула своего Іордана, который рѣшительно утверждаетъ, что имена эти происходятъ отъ мѣстопребыванія Готовъ *на берегахъ Понта Евксинскаго и Борисоена*. Писатели среднихъ вѣковъ, преимущественно монахи, тогда главныя дѣйствующія лица въ литературѣ, обыкновенно сближали древнія имена съ новыми, такъ, что едва начала сіять въ Скандинавіи заря Христіанства, едва внесены туда вмѣстѣ съ нею нѣкоторыя историческія свѣдѣнія южныхъ народовъ, какъ уже Шведы названы Suevi, Датчане Daci, Норвегія Noricum, Сканія Scythia. Они простерли умничанье свое до-того, что

Bergos Помпонія Мелы и Плинія приняли за Норвежскій городъ Бергенъ, основанный въ 1069 году по Рождествѣ Христовѣ. — И такъ не мудрено, что Клуверій, какъ уроженецъ Данцига, средоточія земли Готоновъ, для чести соотечественниковъ своихъ, имѣвшій нужду въ лучезарной славѣ Готовъ, вздумалъ выдать первыхъ за *тѣхъ* истинныхъ Готовъ (7), которые напали на Гетовъ и ихъ истребили (8). Целларій, зажмуривъ глаза, согласился на его мнѣніе; а проницательный д'Анвиль, повѣрившій всему, что ни говорили о своемъ отечествѣ двое этихъ изобрѣтателей, присоединилъ къ тому доказательство истинно *ребяческое*, называя Готовъ Германцами потому только, что имена ихъ начальниковъ походятъ на имена Германцевъ, а не Готовъ.

«Повторяю: такая знаменитость не нужна и *не принадлежитъ ни Скандинавіи, ни острову Готланду*. Этому послѣднему доставляютъ другаго рода безсмертную славу его мудрые морскіе законы и морскія карты, которыхъ первые образцы явились въ городѣ Висби, столицѣ Готланда. Для меня, какъ части цѣлаго, то есть моего отечества, гораздо кажется почетнѣе родиться и получить воспитаніе въ такой странѣ, которой одолжена Европа лучшими постановленіями своими, нежели въ такой, которая могла бы высылать отряды свирѣпыхъ опустошителей. И такъ, да позволено мнѣ будетъ повторить здѣсь, сказанное уже за 300 лѣтъ до меня Сигизмундомъ Герберштейномъ въ его прекрасныхъ Запискахъ о Московіи, изданныхъ прежде на латинскомъ, а послѣ на италіянскомъ языкахъ: *нелѣпо и смѣшно* вѣрить, *будто бы Готы вышли изъ такого маленькаго острова, каковъ Готландъ.*

«Іорданъ первый писалъ монашескую исторію своего народа, въ то время, когда весь міръ объятъ былъ мракомъ заблужденій и невѣжества. Іорданъ выдавалъ себя за образецъ, опираясь на *мнимый авторитетъ какого-то* Аблавія, кажется, *никогда и никому* кромѣ его *неизвѣстнаго*, и сдѣлался оракуломъ для всѣхъ жившихъ послѣ него компиляторовъ басней и разсказовъ историческихъ. Іорданова выдумка, *льстя самолюбію* сѣверныхъ, особенно Скандинавскихъ народовъ, съ восхищеніемъ была принята писателями, которые послѣ возрожденія наукъ принялись за объясненіе Сѣверной Исторіи. Не заботясь ни о *вѣроятности* ни о *здравомъ смыслѣ*, они признали за непреложную истину мнѣніе, будто изъ Скандинавіи вышли не только Скиѳы или Готы, но также Аланы,

---

(7) Здѣсь, какъ видно, Гробергъ отдѣляетъ Готовъ, жившихъ въ древней Руси и напавшихъ на Римскую Имперію, отъ Готовъ при-Балтійскихъ.

(8) Слѣдовало сказать: *покорили*, а не *истребили*.

Гепиды, Герулы, Вандалы, Скирры, Квады, Маркоманны, Гунны, Франки, Лангобарды, и, Богъ знаетъ, какіе еще толпы варваровъ, вторгнувшихся въ Италію черезъ Альпы.

«Небольшое сочиненіе Іорданово De rebus Geticis есть простое, наскоро сдѣланное сокращеніе пространной исторіи Готской, написанной Кассіодоромъ. Это видно изъ самаго предисловія сократителя, гдѣ онъ говоритъ, что позволилъ себѣ заимствовать разныя *прибавленія* изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ: «initium finemque et plura in medio *mea dictione* permiscens.» Послѣ такого сознанія, можно сказать навѣрное, что *Іорданово мнѣніе о Скандинавскомъ выходѣ Скиоовъ или Готовъ,* — которыхъ впрочемъ онъ не безъ причины считаетъ за одинъ и тотъ же народъ, равно какъ это же утверждали прежде его, не говоря о многихъ другихъ, Юлій Капитолинъ, Спарціанъ, Пруденцій, Святой Іеронимъ и Клавдіанъ, — *принадлежитъ къ числу этихъ замысловатыхъ прибавленій;* ибо, какою сверхъ-естественною силою онъ могъ открыть пунктъ, не только невидимый всѣмъ древнимъ историкамъ, но и совершенно противоположный столь многимъ сказаніямъ ихъ, до насъ дошедшимъ? Гроцій, желая почтить Швецію и польстить ученой Христинѣ, принялъ и распространилъ сказаніе Іорданово; однакожъ *не доказалъ*, хотя и ссылается на Амміана Марцеллина, чтобы Аблавій, упоминаемый епископомъ Равенскимъ, могъ писать, — *если бъ* онъ и существовалъ, — до царствованія Константина Втораго, около 430 года: слѣдственно, и его по времени должно отнести къ *новымъ* авторамъ; а Пинкертонъ даже догадывается, что *Аблавій былъ современникъ Іордана, столько же несвѣдующій о происшествіяхъ Сѣвера Европейскаго.* И такъ Прокопій, Агаоія, Григорій Турскій, Фредегарій, географъ Равенскій, Беда достопочтенный, Павелъ Варнефридъ и всѣ писатели среднихъ вѣковъ, одною только фразою Іордана *разрушили*, какъ я сказалъ, *основаніе всей Европейской Исторіи!* Но Пинкертонъ несправедливо обвиняетъ въ этой же самой ошибкѣ ученѣйшаго автора испанской литургіи, святаго Исидора Севильскаго. Вотъ слова послѣдняго: «Gothorum antiquissimum esse regnum certum est, quod ex regno Scytharum est exortum; isti enim sunt quos Alexander evitandos pronuntiavit, Pyrrhus pertimuit, Caesar exhorruit; permulta quippe secula et regno et regibus usi sunt, sed quia in chronicis adnotati non sunt, ideo ignorantur.» Здѣсь нѣтъ *ни малѣйшаго признака* о томъ *будто бы Готы вышли изъ Скандинавіи* .... Монтескіё, Дю-Буатъ, Гиббонъ, Вольтеръ и другіе историки увѣнчали ни съ чѣмъ несообразное сказаніе Іорданово, такъ что въ наше время необходима уже смѣ-

лость тому, кто предпринимаетъ обнаружить *глупость основанія*, на которомъ воздвигнуты знаменитыя зданія этихъ писателей.

«Нынѣ всякій начинающій изучать Исторію долженъ *смѣяться* надъ показаніемъ, будто бы Скандинавія въ древнія времена была такъ наполнена жителями, что изъ ней выходили войска, гораздо многочисленнѣйшія всѣхъ, представляемыхъ намъ исторіею древнею и новою, почему она достойна блистательнаго имени officina gentium и vagina nationum. Отъ тѣхъ вѣковъ остались еще памятники, которые достаточно могутъ доказать, что, люди, *вѣрующіе въ подобные разсказы*, не имѣютъ *ни малѣйшаго понятія о положеніи и свойствѣ той земли*, большею частію наполненной каменистыми горами, многими обширными озерами, безчисленными лѣсами, занимающими неизмѣримое пространство; здѣсь грунтъ земли совершенно безплодный, а въ странахъ плодоносныхъ, особенно близъ городовъ и селъ, донынѣ ростутъ лѣса, сберегаемые по всегдашней нуждѣ въ дровахъ для топленія, для постройки домовъ и даже цѣлыхъ городовъ, равно для горновъ и другихъ заведеній. Словомъ, нѣтъ ни одного просвѣщеннаго человѣка, способнаго *размышлять*, привыкшаго доискиваться истины прямою дорогой, который не зналъ бы, что есть и нынѣ да и всегда была здѣсь часть земли обработанная, удобная для воздѣлыванія, слѣдовательно и для житья, но эта часть слишкомъ мала въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ полуострова.

«Защитники Іордана, пожалуй, тотчасъ сочинятъ *предположеніе*, что дикія тѣ страны въ отдаленные вѣки, *можетъ быть*, были населены и обработаны болѣе, а признаки обиталищъ *могли* изгладиться. Для опроверженія подобныхъ мечтаній мы приведемъ въ доказательство перипы Отера и Вульфстана, Адама Бременскаго, жизнь святаго Ансгарія и всѣ древнія сѣверныя хроники; они удостовѣрятъ, что около тысячи лѣтъ по Р. Х. ничего этого и быть не могло. Адамъ совершилъ около 1076 года и описалъ свое путешествіе въ Данію, гдѣ отъ самаго короля получилъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія объ тѣхъ странахъ. Вотъ достовѣрный свидѣтель. Что же говоритъ Адамъ? Онъ свидѣтельствуетъ, что даже и это государство, — самая южная часть Скандинавіи, или Сканія, не столь холодная и болѣе плодоносная, — населена была только по берегамъ приморскимъ, а внутренность страны покрыта неизмѣримымъ и непроходимымъ лѣсомъ. Вермландія, хотя и не сѣверная провинція Швеціи, въ осьмомъ столѣтіи была еще пустынею, въ которой не селился ни одинъ человѣкъ до того времени, какъ Олофъ третій, истребляя лѣса, основалъ въ ней малое государство; а дѣдъ его, король Амундъ, по достовѣрнѣйшей исторіи, былъ первый король

Шведскій, начавшій обработывать мѣста дикія, покрытыя лѣсами, кустарниками, и пролагать пути въ разныя стороны своего государства, почему и названъ почетнымъ именемъ Браута-Амунда т. е. Амунда-воздѣлывателя . . . .

«Если въ это время находились въ такомъ состояніи провинціи южной Скандинавіи; то разсудите же: что мы должны думать о состояніи странъ, которыя ближе къ полюсу и менѣе удобны къ воздѣланію? Кромѣ того, Скандинавскій полуостровъ всюду покрытъ горами; а въ государствахъ не слишкомъ образованныхъ, гдѣ мало занимаются промышленностію, горы почти всегда бываютъ необитаемы.

«Прибавимъ, что въ тѣ времена земледѣліе или совсѣмъ находилось въ небреженіи, или мало было благопріятствуемо; можетъ быть, объ немъ и понятія не имѣли. Жители невольно предавались гибельнымъ воинственнымъ поискамъ, или праздности, еще болѣе вредной; безпрерывно тревожимые подвигами личнаго мщенія, всегда на стражѣ противъ внезапныхъ нападеній отъ безпокойныхъ своихъ сосѣдей, они не имѣли возможности доставить себѣ пропитаніе другимъ способомъ, кромѣ грабежей или морскихъ разбоевъ. Кто же теперь повѣритъ, чтобы всѣ *эти обстоятельства* могли споспѣшествовать распространенію рода человѣческаго болѣе, нежели *благоустройство* въ государствѣ, въ которомъ народъ наслаждается совершенною безопасностію, поля покрыты земледѣльцами; города процвѣтаютъ, богатые и спокойные; самая война пагубна только одному классу обитателей; торговля, мануфактуры, искусства доставляютъ многія средства жить, не отдаляясь отъ своего крова? Но весь Скандинавскій полуостровъ, который славится *въ наше время время такими выгодами*, и теперь имѣетъ *не болѣе* трехъ съ половиною милліоновъ жителей.»

Послѣ такого логическаго разсмотрѣнія дѣла, Гробергъ обнаруживаетъ ложность предположеній Маллета и Негри-ди-Равенна, которые «хотятъ согласить *басню* Іорданову съ *исторіею*, приписывая предпріятія Готовъ народамъ, вышедшимъ изъ Скандинавіи. Они *предполагаютъ*, что военачальники Готовъ съ отборными дружинами выходили, если не съ береговъ отечественныхъ, то по-крайней-мѣрѣ изъ *поселеній*, заведенныхъ этими народами въ другихъ мѣстахъ; что за ними въ слѣдъ пошли Виннулы или Венделы, названные послѣ Лангобардами, оттого что соединились съ этими послѣдними и составили одинъ народъ; что *вышедъ изъ страны своей въ маломъ числѣ*, они посредствомъ войны и союзныхъ трактатовъ *чрезвычайно размножились, соединяясь съ обитателями тѣхъ земель, чрезъ которыя проходили*, а послѣдніе, имѣя въ виду корысть, грабитель-

ство и жизнь веселую въ странѣ изобильнѣйшей нежели ихъ отечество, легко соглашались покидать свои жилища. Такимъ образомъ Маллетъ утверждаетъ, что древніе Скандинавы, всѣ вообще воины храбрые, могли наполнять Европу шумомъ своего оружія и долго раззорять многія земли, хотя жителей въ трехъ сѣверныхъ государствахъ тогда было гораздо менѣе, чѣмъ нынѣ. Онъ самъ признается въ большой трудности *согласить допускаемое многолюдство Скандинавіи со всѣмъ тѣмъ, что Исторія говоритъ объ ея древнихъ жителяхъ* (!), равно и съ *истинными политическими причинами умножающагося народонаселенія* (!). Но для чего *затемнять* ясную истину? Если скажутъ: «въ началѣ среднихъ временъ, при «послѣднихъ Карловингахъ во Франціи, Сѣверныя страны долженствовали имѣть народонаселеніе многочисленное, когда они могли «высылать разбойниковъ, грабившихъ, подъ именемъ Норманновъ, «морскіе и рѣчные берега Франціи, Испаніи, Италіи»; — я буду отвѣчать вмѣстѣ со всѣми историками Французскими и Латинскими тѣхъ временъ, что разбойники эти, съ шестаго вѣка извѣстные подъ именемъ Саксонцевъ, потомъ Датчанъ, а наконецъ Норманновъ, сначала были *не только малочислены*, но и *совершенно различнаго происхожденія*. Ихъ лютость, отчаянная храбрость, количество судовъ, изъ которыхъ каждое вмѣщало въ себѣ *не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ*; ихъ внезапныя появленія, которымъ всюду предшествовалъ ужасъ, тщетное имъ сопротивленіе, конечно долженствовали увеличивать въ глазахъ жителей, на которыхъ они нападали, и число и силу грабителей. Всѣ памятники современные удостовѣряютъ, что нѣсколько толпищъ ихъ разсыпались по Франціи уже послѣ половины десятаго вѣка. Гаддингъ, внезапно явившійся въ 857 году, при Луни въ Лигуріи, думая, что тутъ столица Христіанства, едва имѣлъ съ собою триста человѣкъ; не смѣя дѣйствовать явною силою, онъ успѣлъ разграбить и сжечь городъ только помощью коварной хитрости. Измѣна Генриха, герцога Саксонскаго, который, въ 885 году, подъ предлогомъ переговоровъ, совсѣмъ неожиданно умертвилъ Годфреда, крещеннаго Норманна, тогдашняго герцога Фризіи, произвела высадку во Францію первой многолюдной арміи Норманновъ; семь-сотъ лодокъ, въ 886 году, осадили Парижъ. Самое многочисленное войско ихъ было то, тоторое составилось въ Швеціи, Даніи, Норвегіи, Англіи, въ *Поморской Славіи* и въ нижней Германіи, числомъ болѣе 90 тысячъ, вошло, въ 890 году, въ устье Мааса (Mosa) и разбито императоромъ Арнольдомъ. Но это войско состояло *не изъ одиихъ жителей Скандинавіи* или съ сѣвера; сами историки Французскіе того времени увѣряютъ, что онъ составлялось большею частію изъ *Французскихъ*

преступниковъ, ссылочныхъ, злодѣевъ, которые присоединялись къ Норманамъ. Мезерай и другіе писатели сами себѣ противорѣчатъ. По ихъ мнѣнію, Скандинавія въ древнія времена была весьма многолюдна, но опустѣла будто-бы по двумъ причинамъ: 1) со времени достопамятнаго истребленія Норманновъ, повсюду разбитыхъ тогда во Франціи; 2) отъ переселенія ихъ въ Нейстрію, которое однакожъ произошло *гораздо позже*; такъ, будто-бы, Испанія, нѣкогда обильная народопаселеніемъ, теперь, когда жители ея вышли за богатствами Новаго Міра, стала очень малолюдна. Господа писатели *забыли* однакожъ, что Рольфъ или Робертъ, сдѣлавшійся въ 912 году герцогомъ Норманскимъ и зятемъ Карла Простаго, привелъ во Францію *очень немного* Норманновъ. Согласимся впрочемъ на-время съ писателями, наиболѣе *щедрыми*, положимъ во *сто-тысячъ* число всѣхъ тѣхъ, которые въ продолженіи девятаго и десятаго вѣковъ или убиты, или водворились во Франціи; признайтесь же, что подобнымъ числомъ конечно нѣтъ никакой возможности ни *доказать несмѣтнаго количества жителей* тѣхъ странъ, откуда они выходили, ниже *уменьшить народопаселеніе Скандинавіи, Англіи, сѣверной и нижней Германіи, такъ чтобы это могло быть ощутительно для нихъ* почти *на десять вѣковъ*. Важное слѣдствіе, новое убѣдительное доказательство справедливости моихъ мнѣній.

«Соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ ясно показываетъ, что *Скандинавія до Рождества Христова не имѣла такого несмѣтнаго народонаселенія, какое ей приписываютъ, и* слѣдственно *не могла высылать тѣхъ ужасныхъ полчищъ*, которыя давали законы Византіи, Риму и Карѳагену. Если и этого мало, пусть еще заглянутъ въ Страбона, Тацита, Птоломея, во всѣхъ авторовъ исторіи Августова вѣка, въ самаго Орозія, довольно хорошо знавшихъ дѣла Готовъ и сѣверныя происшествія; увидятъ, что *ни у кого изъ нихъ* нѣтъ ни слова въ пользу Іордана . . . .

«Всѣ первыя *нападенія варваровъ на Римскую имперію* происходили *съ востока Европы, изъ окрестностей Понта Евксинскаго* (9). Итакъ, на чемъ же основывали Іорданъ и его Аблавій любимую мысль свою? Какъ могли они предполагать, что всѣ народы европейскіе вышли изъ страны *отдаленной, бѣдной, въ которой число*

(9) А *Восточная Европа*, на сѣверъ отъ Понта Евксинскаго (Чернаго моря) до Волги и Ладожскаго Озера *искони была заселена Славяно-Русскимъ племенемъ*, ибо Татарскія племена появились на Волгѣ въ XIII вѣкѣ, а Финскія даже при Тацитѣ занимали нынѣшнія жъ свои жилища на отдаленномъ сѣверѣ. (Сравн. стр. 73—76 и на с. 184 прим. 10). Слѣдовательно, *кто* же былъ главнымъ виновникомъ паденія Римской Имперіи? . . . Рѣшить весьма нетрудно: Гробергу оставался только одинъ шагъ къ правильному заключенію.

жителей было и всегда будетъ весьма невелико; и между-тѣмъ не сказать ни слова о земляхъ, которыхъ народонаселеніе простиралось даже до излишества, о Германіи, Гетіи, Малой Скиѳіи, особенно о странахъ Черноморскихъ ([10]). Изслѣдованіе объ этомъ и безполезно и трудно: разумъ человѣческій не можетъ объяснить собственныхъ заблужденій. Быстрое вторженіе въ Римскую имперію варваровъ, шедшихъ отъ сѣвера на югъ, подало мысль съ вѣроятностію принять за точку ихъ отправленія отдаленнѣйшія полярныя страны, едва извѣстныя тогда по имени. Любовь къ чудесному и склонность къ баснямъ, врожденныя въ извѣстной степени всѣмъ народамъ, произвели изъ этого *вымыселъ, несообразный ни съ здравымъ смысломъ, ни со свидѣтельствомъ всѣхъ древнихъ авторовъ,* но выданный Іорданомъ и Прокопіемъ за истину, тѣмъ удобнѣе, что отдаленность Скандинавіи, почти невѣдомой въ тѣ времена, благопріятствовала ихъ вздорной мысли и не могла обнаружить ея нелѣпости.

«Пора вывести изъ заблужденія *обманутое сказками* потомство! Я уже *не первый* возстаю противъ распространителей басенъ: Пинкертонъ отчасти предупредилъ меня въ своихъ весьма ученыхъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи Готовъ. Но этотъ ученый оскорбляетъ всѣхъ сѣверныхъ антикваріевъ, говоря, будто-бы между ними нѣтъ ни одного, который осмѣлился бы изобличить ложь Равенскаго епископа.... Можно бы послѣ того думать, что еще не достигъ до очей Шотландскаго географа свѣтъ разлитый щедрою рукою на Скандинавскія лѣтописи новыми историками, каковы Штіерманъ, Ботинъ, Ире, Цельсій, Лагербрингъ, Штрандъ, Елерсъ, Фантъ, Шерингъ, Розенганъ, Портанъ, Адлербетъ, Галленбергъ, Сумъ, Торлацій, Мунтеръ, Ведель-Симонсенъ, Верлауфъ, Ніерупъ, Енгелштофтъ, Шлёцеръ, Рюсъ и прочіе. Эти остроумные и про-

---

([10]) Здѣсь Гробергъ могъ бы вспомнить своего знаменитаго соотечественника, Линнея, который еще въ 1764 году отнялъ у Швеціи титулъ vagina gentium et officina nationum, и отдалъ его нашей южной Россіи: inde sequitur, ut, dum cessaret diluvium, prima et aptissima continens fuerit in praedictis hisce regionibus, quam deberent necessario quaerere mortales superstites multiplicandi. Ut in hisce se sustentarent, ille qui praevidit omnia seruit frumenta, frequenissimum mortalium alimentum extra tropicos, quae, quantum botanicis notum, nonnisi in hisce *Russicis* spontanea inveniantur oris.— А нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, ясно и опредѣлительно говоритъ, что Славяно-Русскія племена *«Поляне и Деревляне, Сѣверь, и Радимичь, и Вятичи, и Хрвате, Дулеби* (живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне) и *Улучи* (Углячи), *Тиверцы* сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви — бѣ множество ихъ, сѣдя-

ницательные изыскатели уже не первые и не последніе критики, которые *ни во что вмѣняютъ сказки Іордана и его послѣдователей. . . .*

«Кончу нѣкоторыми замѣчаніями, которыя предлагаю на судъ всѣхъ истинно-ученыхъ, въ твердой надеждѣ, что они признаютъ ихъ справедливость. Іорданъ утверждаетъ, что Готы, вышедши изъ Скандинавіи съ государемъ своимъ Берикомъ, *только на трехъ судахъ,* пристали прежде къ острову Готисканціи, а потомъ къ странѣ Ульмеруговъ, побѣдили ихъ и выгнали изъ жилищъ, такъ же какъ и сосѣдовъ ихъ, Вандаловъ. И такъ, безъ всякаго сомнѣнія, этихъ первыхъ товарищей Берика было весьма немного, если они могли переплыть море на трехъ лодкахъ, изъ коихъ *каждая* въ то время помѣщала въ себѣ *не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ*, что̀ *доказывается древними хрониками:* по увѣренію Стурлезона, Гаральдъ, сынъ Мадуата, славный морской разбойникъ, имѣлъ съ собою на тридцати судахъ только восемьдесятъ человѣкъ. Если же, судя по вѣроятности, принять Берика и малочисленныхъ его товарищей за бѣглецовъ, или изгнанныхъ изъ своего отечества, подобныхъ тѣмъ, которые послѣ открыли Исландію, Гренландію и овладѣли Нейстріею; то гдѣ же доказательство, будто-бы Скандинавія была officina gentium и vagina nationum, какъ увѣряли Аблавій и Іорданъ?—Прибавлю: Готы, мало-по-малу сдѣлавшись, по сказанію Іордана, народомъ многочисленнымъ, отправились въ Скиѳію при,

ху бо по Днѣстру или до моря; суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ *Великая Скуѳь.*» (Лѣт. *Лавр. с. 7.*) Вотъ вамъ и Скиѳы!— Свидѣтельство Преподобнаго Нестора есть *фактъ*, которымъ должна воспользоваться историческая критика при рѣшеніи вопроса: какъ же *сами себя* называли племена, которыя отъ Грековъ назывались Скиѳами? Разумѣется не Ящероглазыми (Савроматами), не Черкокафтанниками (Меланхленами), не Длинноголовыми (Макрокефалами), не Собачаими головами (Кинокефалами) — все это употреблялось только Греками, и оставалось въ Греческихъ книгахъ; имя «Славяне» существуетъ въ нашихъ книгахъ, но всегда было чуждо у насъ народному употребленію, равно какъ и въ наши времена Русское простонародье не знаетъ, что его *по-книжному* называютъ Славянами; имена Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Хорватовъ, Угличей и проч. суть мѣстныя, географическія: какое же было племенное названіе огромной массы Русскаго народа? Ясно, не другое, какъ то̀, которымъ народъ самъ себя называетъ, то есть: *Русь...* Впрочемъ о старобытности Славянской Руси въ предѣлахъ нашего отечества еще рѣчь впереди; здѣсь довольно припомнить для гг. Скандинавомановъ важное сознаніе Байера, что у Шведовъ даже имя Варяговъ было неизвѣстно, inauditum apud hos piratas nomen Varagarum, и признаніе ученаго Шведа Тунмана, что Шведы *никогда не называли себя* Руссами. . . .

пятомъ государѣ своемъ. И такъ, первыхъ выходцевъ Скандинавскихъ вѣрно, уже не было на свѣтѣ; а если кто-либо изъ нихъ достигъ береговъ Понта Евксинскаго, гдѣ находилась тогда Скиѳія, то это случилось точно такъ же, какъ въ послѣдствіи времени Норманы достигли Гренландіи и Сициліи, или какъ Шведы во времена Карла XII очутились въ Сибири.

«Правда, Тацитъ упоминаетъ о Шведскихъ флотахъ; однако *ни откуда неизвѣстно, даже изъ преданій, чтобы они выходили изъ-за Балтійскаго моря* до того вѣка, въ который писалъ Іорданъ. Снорро Стурлезонъ, очень хорошо знавшій дѣла Скандинавскія, разсказываетъ о разныхъ экспедиціяхъ въ Россію, Финляндію, Рейдготію, то есть нынѣшнюю Пруссію, и въ страну Вендовъ; но онѣ всегда предпринимаемы были единственно по духу войны и мщенія, а *вовсе не для переселеній*, совсѣмъ *не для уменьшенія многолюдства.* Этотъ писатель преподробно разсказываетъ о самыхъ даже мелочныхъ предметахъ, если они могутъ относиться къ чести Скандинавовъ; такъ неужели онъ умолчалъ бы о происшествіи столь громкомъ, какимъ хотѣлъ его представить епископъ Равенскій?

«Для меня довольно, если предложенныя мною здѣсь доказательства поставятъ *сказку Іордана* наряду съ баснею тѣхъ, которые заставили было и Лангобардовъ выселиться въ IV или VI вѣкѣ изъ Скандинавіи, когда Страбонъ, Веллей Патеркулъ и Тацитъ говорятъ объ нихъ, во времена Августа, какъ о древнемъ народѣ средней Германіи; наряду съ баснями тѣхъ, которые смѣшивали Цыганъ съ Чехами (Богемцами). Въ исторіи Европы остается еще *много извѣстій, почитаемыхъ за доказанную истину*, тогда какъ объ нихъ можно и должно сказать съ Ювеналомъ:

Nec pueri credunt, nisi qui nondum aëre lavantur.»

Разрѣшивъ такъ удовлетворительно для *мыслящихъ* историковъ задачу о томъ, *гдѣ* было истинное отечество Готовъ или Гутоновъ; опровергнувъ какъ не льзя удачнѣе сказку Іорнанда о Скандинавскомъ ихъ происхожденіи, Гробергъ долженъ былъ естественно придти къ другому вопросу: если Готы или Гутоны были жителями Балтійскаго поморья, то къ какому же племени принадлежали они? Нѣтъ сомнѣнія, что проницательный изыскатель также удачно разрѣшилъ бы и этотъ вопросъ, еслибъ не увлекся *авторитетомъ* Пинкертона, вслѣдъ за которымъ все-таки объявилъ Готовъ племенемъ Тевтонскимъ, и за XXI вѣка предъ Р. Х. повелъ этихъ Скиѳовъ (въ качествѣ Нѣмцевъ, предковъ Скандинавовъ) изъ Азіи въ Европу, на Черноморье, откуда заставилъ ихъ подъ именемъ Пеласговъ проникнуть въ Италію и Лигурію въ X столѣтіи, и наконецъ за V вѣковъ предъ Р. Х. заселилъ ими Германію, Скандинавію и часть Галліи. У насъ так-

же явилось было мнѣніе, будто бы Готы были Азійскіе выходцы «поклонники Адонаи, принесшіе съ собою на сѣверъ Европы язычество и гражданственность Ассирійцевъ» (11). Но строгая историческая критика не должна допускать извѣстій, не имѣющихъ *историческаго основанія.* Оставимъ же всѣ гипотезы, и—благодаря Скандинавскаго ученаго за прекрасное рѣшеніе первой части задачи и мудрый его совѣтъ «полагаться болѣе на собственныя свѣденія, нежели на мнѣнія другихъ», — сами приступимъ къ рѣшенію второй части, на основаніи извѣстій, оставленныхъ древними.

II. КАКЪ ОБШИРНЫ БЫЛИ СВѢДЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О ПЛЕМЕНАХЪ ЗА-РЕЙНСКИХЪ И ЗА-ЛАБСКИХЪ. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТАЦИТОВОЙ ГЕРМАНІИ.

Изысканія Гроберга должны убѣдить каждаго безпристрастнаго человѣка, что не Скандинавія, а *Восточная Германія была отчизною* такъ называемыхъ *Готовъ*, или *Гутоновъ.* И такъ необходимо теперь обратиться къ древнимъ и отъ нихъ узнать: какое племя покрывали они именемъ Готоовъ или Гутоновъ? Но тутъ встрѣтится большое затрудненіе: древній міръ доселѣ еще не имѣетъ полной, *разсудительной* и, слѣдственно, вѣрной этнографической Географіи. Шафарикъ справедливо говорилъ: «кто обратится къ самимъ источникамъ и внимательно сравнитъ ихъ между собою, тотъ увидитъ, что *путаница* дѣйствительно находится въ извѣстіяхъ Грековъ и Римлянъ. Плиній (IV, 14) называетъ Бургундовъ, Вариновъ, Гутоновъ или Готоовъ Вандалами; Тацитъ (Germ. 2,43) только мимоходомъ говоритъ о Вандалахъ, и называетъ упомянутые народы, такъ равно Марсиговъ и Буровъ, Свевами; Лугійскими народами онъ почитаетъ Аріевъ, Гельвеконовъ, Манимовъ, Элизіевъ, Нагарваловъ; напротивъ того, Страбонъ (VIII) вмѣстѣ съ Лугіями говоритъ и о Зумахъ, Бутонахъ, Мугилонахъ и Сабинахъ; Птоломей (II, 11) помѣщаетъ Буровъ въ ряду Лугійскихъ народовъ, между тѣмъ какъ Тацитъ причисляетъ ихъ къ Свевамъ» (12). Причиною такой путаницы было по общему мнѣнію (которое раздѣляетъ и Шафарикъ) *вѣроятно* принествіе Нѣмецкихъ племенъ въ Славянскую землю по Вислѣ, послѣ чего во время суматохи всѣ имена перемѣшались и названія, принадлежавшія Нѣмцамъ, усвоены Славянамъ: «*допустивъ* это, — чего самая истина требуетъ (?!?), — мы вполнѣ *выразумѣемъ* смѣсь именъ» (13).

---

(11) Такъ думаетъ А. О. Вельтманъ, см. Москвитянинъ, 1841, № 11.

(12) Славян. Древн. кн. III, стр. 63. примѣч. 20.

(13) Тамъ же, стр. 62.

Но мнѣ кажется, что истина совсѣмъ этого не требуетъ, а историческая логика и не позволитъ допустить это предположеніе, ибо нѣтъ факта, которымъ бы оно подтверждалось, и самъ Шафарикъ сознался, что «не льзя опредѣлительно сказать, *въ какое время* случилось это распространеніе Нѣмцевъ между Одеромъ и Вислой ([14]).» По-моему, дѣло рѣшается гораздо проще: причиною путаницы древнихъ было совсѣмъ не перемѣщеніе племенъ, а недостатокъ ясныхъ и опредѣлительныхъ свѣденій. Шафарикъ самъ въ другомъ мѣстѣ пришелъ къ тому же заключенію, что на древнихъ не всегда можно полагаться: «тогдашніе писатели, не имѣя основательныхъ пріобрѣтенныхъ собственнымъ опытомъ, свѣденій о положеніи земли между Одеромъ и Вислой, и разселеніи въ ней разныхъ народовъ.... мало заботились о точнѣйшемъ распредѣленіи народовъ по ихъ племенному сродству» ([15]). Вотъ истинная причина всѣхъ противорѣчущихъ извѣстій древности о Германскомъ народонаселеніи.

Опасность со стороны Рима и воинственность собственныхъ обитателей Германіи имѣли то важное слѣдствіе, что сношенія Итальянскихъ племенъ съ Германскими совершенно пресѣклись; рѣки, горы и взаимный страхъ (по выраженію Тацита) отдѣляли однихъ отъ другихъ ([16]): страны по Лабѣ нѣкогда были Римлянамъ хорошо извѣстны, разумѣется потому, что ихъ посѣщали жители Италіи; а во времена Августа онѣ были уже едва знакомы по имени, такъ что Тацитъ нашелся принужденнымъ написать: in Hermundu-

---

([14]) Славян. Древн. кн. III, стр. 65.

([15]) Тамъ же, стр. 64.

([16]) Germania.... Rheno et Danubio fluminibus.... mutuo metu aut montibus separatur, говоритъ Тацитъ (Germ. cap. I). Земли Словенцевъ, покоренныя Римлянами, не причислялись къ Германіи, которая, по понятію Тацита, обнимала *только свободныя племена*; это видно изъ соображенія его описанія съ словами поэта: libertas ultra Tanaim Rhenumque recessit, «свобода лишь за Дономъ и за Рейномъ», и подверждается источниками среднихъ вѣковъ: universa illa regio Tanaitenus usque ad occiduum generali vocabulo Germania vocitatur (Paul. Diac. I, 1), или: vom Flusse Don links bis zum Rhein alles das heisst Germania. (Alfred in Dahlman. Forsch. I, 419). И такъ, неоспоримо, что въ обширномъ смыслѣ именемъ Germania называлось все пространство между Рейномъ и Дономъ, какъ *свободная Братовщина*, не подклонившаяся подъ Римское иго, а совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, будтобы всѣ эти земли были населены одними Нѣмцами, ибо Тацитъ прямо говоритъ, что жители Германіи *различнаго происхожденія* (nationilus discreti). И дѣйствителвно, Тевтонскія племена, издревле занимавшія Рейнскую землю, Ютландскій полуостровъ и Скандинавію, сосѣдили съ племенами Славянъ, которые также издревле жили отъ истоковъ Дуная и Рейна до Вислы (предѣла Литвы) и потомъ до Волги и Дона; ср. выше, 73 — 85.

ris Albis oritur, flumen *inclitum et notum olim*; nunc tamen auditur, «изъ земли (Чешскихъ) Горaковъ вытекаетъ Лаба, рѣка славная нѣкогда, а теперь только извѣстная по слуху ([17]).» И такъ Римскіе писатели должны были ограничиваться *только слухами*: разсказы воиновъ, которые бывали въ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ во внутреннюю Германію, служили поэтому единственнымъ источникомъ для описанія тѣхъ земель; о внутреннемъ положеніи страны и племенныхъ отношеніяхъ ея обитателей, Римляне получали точно такія же свѣденія, какія получаются нами о народахъ Кавказскихъ, или Французами объ Африканскихъ ихъ сосѣдяхъ въ Алжиріи. Можно-ль послѣ того даже и надѣяться почерпнуть у древнихъ точное и подробное описаніе всѣхъ мелкихъ племенъ, населявшихъ Германію? Довольно, если они могутъ намъ сообщить главныя, основныя черты; подробности, само само собою разумѣется, *не могутъ* быть вѣрны. Страны при-Рейнскія были извѣстнѣе Римлянамъ; тамошніе Тевтонскіе жители, по естественному порядку дѣлъ, сообщали свѣденія своимъ Гальско-Римскимъ сосѣдамъ о своихъ восточныхъ сосѣдахъ, и вотъ причина, почему народы Восточной Германіи являются у Римскихъ писателей частію подъ собственными Славянскими именами, а частію подъ тѣми прозвищами, подъ которыми они были извѣстны у Нѣмецкихъ племенъ, сосѣдившихъ съ Славянами въ странѣ между Аллеромъ, Везеромъ и Лабою, а съ Римлянами за Рейномъ на предѣлахъ Галліи.

Узнавъ *степень достовѣрности* свѣдeній, которыя получались въ Римѣ о племенахъ Восточной Германіи, будемъ ли удивляться ихъ частымъ противорѣчіямъ? будемъ ли удивляться, когда одно и тò же племя является подъ разными названіями, хотя самая мѣстность обнаруживаетъ ошибки писателя?... Раскроемъ славнаго Тацита, и, по указанію этого безсмертнаго живописца древности, посмотримъ на различныя имена, которыми усѣяна поверхность Германіи.

Обитателей ея онъ почитаетъ — и справедливо — за туземцевъ, не смѣшанныхъ ни съ какими пришлыми и чужеземными народами: ipsos Germanos indigenas crediderim, minimeque aliarum gentium adventibus et hospitiis credo ([18]), говоритъ онъ, прибавляя слѣдующее важное замѣчаніе, которое не худо бы затвердить всѣмъ охотникамъ до переселеній народовъ: «кто, презирая опасности на свирѣпомъ незнаемомъ морѣ, оставитъ Азію, Африку, или Италію, и пойдетъ въ Германію, страну дикую, подъ небомъ всегда суровымъ, печальную видомъ, если кому она не отечество?» Quis porro, praeter periculum horridi et ignoti maris, Asia aut Africa aut Italia re-

---

([17]) German. XLI.

([18]) German. cap. II.

licta, Germaniam peteret, informem terris, asperam coelo, tristem cultu aspectuque, nisi si patria sit? — Ближайшія къ Нѣмецкому морю племена у Тацита называются *Ingaevones*, *приморскіе жители* (отъ Eigion, Aigen, Aigenn, море, и Vones отъ vohnen, жить); обитающіе внутри Германіи *Hermiones*, *Высокоживущіе* или *Нагорные жители* (отъ Her или Hehr, высокій, и miones отъ vones, wonende, живущіе); а всѣ прочіе *Istaevones*, *Западные* (отъ Ist или West, Западъ, и vones): proximi oceano Ingaevones, medii Hermiones, ceteri Istaevones vocentur ([19]); слѣдственно, первое названіе и третье принадлежали такъ называемой Малой Братовщинѣ (Тевтонской Германіи), а вторымъ названіемъ покрывалась Великая Братовщина (Славянская Германія). Впрочемъ изъ соображенія дальнѣйшихъ словъ Тацита ясно видно, что все это были только *прозвища*, а не *подлинныя* и *древнія* имена, каковы: *Marsi*, *жители Низовья*, синонимъ Нидерландъ (отъ marsh, лощина, низменность), *Gambrivii* или *Sigambri* (по Птоломею), *Sicambri* (по Светонію, in Aug.), *жители береговъ Сига* (отъ рѣки Sygus въ Нижне-Рейнскомъ Великомъ Герцогствѣ, и Gaum или Gam, человѣкъ), *Svevi*, *жители Свевы* (то есть рукава Нижне-Одерскаго), *Vandali*, *Поморяне* (отъ wanda, вода): licentia vetustatis, plures deos ortos, pluresque gentis appellationes, Marsos, Gambrivios, Svevos, Vandalios affirmant, eaque *vera* et antiqua nomina ([20]). Такимъ образомъ мы получили удостовѣреніе отъ самого Тацита, что не всѣ имена обитателей Германіи суть *истинныя*, *подлинныя* (vera) и древнія, — слѣдственно, было много выдуманныхъ произвольно; а послѣ того очевидно, съ какою же сильною критическою осторож-

---

([19]) Объясненіе этихъ именъ см. у Аделунга, Вильгелма и Барта (*Adelung* Aelt. Geschichte d. Deutsch. V, 89; *Wilgelm*, Germanien, V, 89; *Barth*, Urgesch. Teutschl. V, 10) — Славный Яковъ Гриммъ въ своей Deutsche Mythologie (стр. 205 — 217, и XXVI — XXIX), для объясненія имени Ingaevones указываетъ на древнія пѣсни, въ которыхъ какой-то Ing или Ing представляется разъѣзжающимъ на колесницѣ, принадлежности только боговъ да героевъ (!); вмѣсто Istaevones Гриммъ предлагаетъ читать Iscaevones, послѣ чего онъ сближаетъ—хотя и съ натяжкою—слово это съ именемъ Askr, Asc, Oesc, Esc, Isc, потому что имени *Истъ*, Ist, онъ нигдѣ не встрѣчалъ; для объясненія жъ имени Hermiones, Гриммъ напоминаетъ, что Карломъ Великимъ низвергнутъ кумиръ Ирмина, Irminsula, откуда и выводитъ, что было божество, называвшееся Irmin. Впрочемъ, не увлекаясь авторитетомъ знаменатаго изыскателя-миѳолога, скажемъ откровенно, что обыкновенное толкованіе имени Ingaevones точнѣе объясняетъ Тацитовы слова: proximi oceano; а имя Istaevones явно *мѣстное* названіе ближайшихъ къ Рейну (Plin IV, 28) слѣв. *Западныхъ* жителей Германіи.

([20]) Tacit. German. c. II.

ностью должно пользоваться извѣстіями древности, и какъ необходимо ихъ переплавить въ горнилѣ здравомыслящей логики.

По берегамъ Рейна,—слѣдовательно въ Малой Германіи, отчизнѣ Тевтоновъ или Нѣмцевъ, —у Тацита показываются *Vangiones*, *Triboci*, *Nemetes*, *Ubii* или *Agrippinenses* (отъ Римской колоніи въ честь Агриппины): ipsam Rheni ripam colunt Vangiones, Triboci, Nemetes; . . . Ubii. . . . libentius Agrippinenses conditoris sui nomine vocentur, въ той же XXVIII главѣ упоминаются, но безъ означенія мѣстопребыванія, Treveri и Nervii. Изъ всѣхъ этихъ названій только *одно* подлинное: *Nemetes*, *Нѣмцы*, имя, подъ которымъ извѣстны всѣ Тевтонскія племена у своихъ Славянскихъ сосѣдей. У Тацита оно придано только одному Рейнскому племени; такъ называли Рейнскихъ Тейтшеровъ Словенскіе подданные Римлянъ: Rheti, Норійцы, Жупанцы (Pannonii, Paniari), Истрійцы, Венетяне (Veneti); слыша отъ нихъ имя *Нѣмцы*, Римляне вообразили, что такъ называется одно племя, и сотворили народъ *Nemetes*. Но эти же самые Нѣмцы, Nemetes, *сами себя* называютъ Тейтшеры (Teut-scher), или съ Латинскимъ окончаніемъ Teut-oni: Римляне, слыша это названіе тѣхъ же при-Рейнскихъ жителей, вообразили, что, кромѣ Nemet'овъ, тамъ еще живутъ *два племени* Teutoni и Teutcheri, или по другому правописанію Teutscheri, ибо, есть причины думать, что буквами ch Римляне *иногда* могли выражать тотъ же самый нашъ звукъ *ш*, или нѣмецкій ſch, который донынѣ Гальскіе потомки Римлянъ (Французы) выражаютъ сочетаніемъ буквъ *ch*: не сообразивъ этого, и положивъ въ основаніе опечатку (Tenchteri вм. Teuchteri), издатели классиковъ совершенно затемнили ясную истину; наконецъ, выпускомъ буквы h уничтоживъ послѣдній слѣдъ правильнаго произношенія, сотворили небывалый народъ Тенктерскій, Tencteri! (21)

Послѣдуемъ за Тацитомъ. Упомянувъ о при-Рейнскихъ *Нѣмцахъ* (Nemetes etc.) онъ обращается на сѣверъ и говоритъ: «всѣхъ этихъ народовъ храбростію превышаютъ *Батавы* (Batavi); они за-

(21) Надобно замѣтить, что греческими буквами невозможно выразить звуковъ *Тейтшеры:* самое разнообразіе орѳографіе Τιγγρι (Тингри), Τιγγεροι (Тингери), Ταγχεραι (Танхере), Ταιχτεροι (Техтери), показываетъ, что писцы не понимали, какіе звуки по настоящему выражаются этими буквами; сообразивъ вышесказанное, легко понять, что предпочтеніе должно отдать варіанту Ταιχτεροι или Τεχτεροι (Техтери), либо Τεστεροι (Тестери), ибо звукъ *ш* не можетъ быть изображенъ никакими греческими буквами, и Грекъ поневолѣ долженъ произносить *Техтери* либо *Тестери*. Изъ неправильнаго варіанта Τιγγροι (Тингри) и Τυγγροι (Тунгры) родились и въ Латинскомъ Tungri, упоминаемые у Тацита, German. cap. II.

нимаютъ не великое пространство по берегу, но весь островъ, образуемый устьемъ Рейна, и составляли нѣкогда часть народа Каттовъ»: omnium harum gentium virtute praecipui *Batavi*, non multum ex ripa, sed insulam Rheni amnis colunt, Cattorum quondam populus (22). Слѣдовательно, Батавія (Bat-au, Низовская земля, иначе Нидерланды) должна была покрываться именемъ Marsi, которое означало, какъ мы видѣли, жителей Рейнской Низменной страны (23). Часть этого племени получила мѣстное прозвище *Маттіаковъ* или *владѣтелей луговыхъ источниковъ* (Mattiaci, отъ Matte лугъ, Wiese, и Ach, источникъ, теплица, Quelle, Bad); изъ сравненія лѣтописей Тацита (24) видно, что страна эта полагалась между Маасомъ и Рейномъ (inter Mosam Rhenumque), слѣд. также въ Нидерландахъ.

Далѣе, по разсказамъ Тацита, слѣдуетъ земля *Каттовъ* (Catti) или *Хаттовъ* (Chatti, *Χαττοι, Χατται*), то есть *Звѣролововъ* (отъ стариннаго нѣмецкаго слова catten, хватать (ловить), haschen, jagen). Эта часть Рейнской страны, заселенная народомъ свирѣпымъ, была почти неизвѣстна Римлянамъ (25), и слѣдственно разсказы о ней основаны на слухахъ. Жилища этихъ Nemet'скихъ или Teutcher'скихъ Звѣролововъ начинались отъ Герцинскаго лѣса (26), который проходилъ вдоль всей земли ихъ, и они же оставались сзади его, по словамъ Тацита: ultra hos Catti initium sedis ab Hercynio saltu inchoant.... Cattos suos saltus Hercynius prosequitur simul atque deponit (27). Хребетъ горъ, называемый Герцинскимъ лѣсомъ, по свидѣтельству самого Тацита (28), Юлія Цезаря и другихъ писателей начинался на границѣ Гельветовъ и Неметовъ (29); слѣдовательно, если говорятъ, что жилища Звѣролововъ начинаются отъ Герцинскаго лѣса и остаются позади его, то ясно, что эти Звѣроловы (Catti) и суть Nemet'скіе Рейнскіе жители, называющіе себя Teutscher'ами. Дѣйствительно, самъ Тацитъ проговаривается въ этомъ, написавъ, что «подлѣ Звѣролововъ, тамъ, гдѣ Рейнъ въ теченіи своемъ становится извѣстнѣе (!), живутъ Узы» (Usipii, Usipitae, отъ рѣчки Use въ Веттеравѣ, и bieten, жить, Anwohner der Use)» и

---

(22) German. XXIX.

(23) Сравните выше, стр. 190.

(24) Tac. Annal. l. XI, cap. 21.

(25) Какъ видно изъ начала XXXII главы Тацитовой Германіи.

(26) Сравните выше стр. 101.

(27) Tacit. German. XXX.

(28) Тамъ же, гл. XXVIII.

(29) De bello Gallico, VI, 24, 25; также Pomp. Mela, III, 3; Plin, IV, 25, 28; XVI, 1; Strab. VII, 1; V, 3. объ имени Гельветовъ см. далѣе.

Тейтшеры (Tenchteri, то есть Teutcheri),» а того видно и не зналъ, что названіе Тейтшеровъ и было племеннымъ именемъ Рейнскихъ Звѣролововъ, граничившихъ съ Гельветами и Герцинскимъ лѣсомъ: proximi Cattis certum jam alveo Rhenum.... Usipii ac Tenchteri (Tencteri) colunt ([30]). Тештеры славились конницею, а Звѣроловы пѣхотою, почему и составляли два племени,—думалъ Тацитъ,—какъ будто одинъ и тотъ же народъ не можетъ въ одной области имѣть болѣе средствъ, по условіямъ мѣстности, содержать преимущественно конницу, а въ другой области, сообразно другимъ условіямъ мѣстнаго положенія, имѣть болѣе способовъ для содержанія пѣшаго войска: тутъ все зависитъ отъ удобства мѣстности, а не отъ племеннаго различія. Если же земля Звѣролововъ тянулась отъ Гельвеціи до Нидерландовъ, то ясно, что ихъ страна совпадаетъ съ землею Nemet'скихъ племенъ или Teutcher-скихъ. И такъ, имена *Звѣролововъ*, Catti, которымъ покрывали Швабскихъ или южныхъ Нѣмцевъ, и Teutcher'овъ, суть два названія одного и того же народа; и притомъ, первое есть только *прозвище*, второе же настоящее *собственное имя* ([31]): Звѣроловами (Catti) прозвано было вообще все Швабское племя, занимавшее тогда западную Баварію, Виртембергъ, Баденъ, Нассау и Гессенскія земли; собственное же имя Тейтшеровъ усвоено было той части Саксонскаго племени, которая занимаетъ нынѣшнія великое герцогство Нижне-Рейнское, Юлихъ-Клеве-Бергъ и Вестфалію.

Обозначивъ Узовъ (Usipii), Саксонскихъ Тейтшеровъ (Teuschteri, Tenchteri) и Швабскихъ Nemet'скихъ Звѣролововъ (Catti), Тацитъ опять переходитъ къ сѣверу и говоритъ: »подлѣ Тейтшеровъ *нѣкогда* обитали *Bructeri*, *Болотняки* (отъ нижне-саксонскаго Brook, Bruch, болото); а теперь, *говорятъ*, переселились туда *Hamavi*, *Лѣсовики* (отъ Ham, лѣсъ) и *Angrivarii*, *Луговики* (отъ Angern Engern, обширные луга), вытѣснили оттуда Болотняковъ и совсѣмъ искоренили ихъ, съ дозволенія сосѣднихъ племенъ» ([32]). Тацитъ очень радуется слухамъ объ искорененіи гордыхъ Болотняковъ, Bructer'овъ, и благодаритъ боговъ за эту милость къ Римлянамъ, а между тѣмъ всѣ росказни объ истребленіи этого племени, какъ видимъ, оказываются несправедливыми: ибо черезъ триста слишкомъ

([30]) Tacit. Germ. XXXII.

([31]) Такъ на пр. *кацапы* (козлы) есть прозвище, усвоенное *Великороссіянамъ* ихъ Малорусскими единоплеменниками; а *хохлы*—прозвище *Малороссіянъ* подъ которымъ они слывутъ у Великоруссовъ.

([32]) Juxta Teuschteros (Tenchteros) Bructeri olim occurrebant; nunc Chamavos et Angrivarios immigrasse *narratur*, pulsis Bructeris ac penitus excisis, vicinarum consensu nationum. Tacit. Germ. XXXIII.

лѣтъ, въ IV вѣкѣ, эти самые Болотняки являются на Рейнѣ какъ союзники Франковъ противъ Константина Великаго, который въ отмщеніе за то, предалъ огню и мечу ихъ собственныя селенія (33). Изъ сравненія Страбона, Птоломея и Плинія (34) видно, что Болотняки занимали берега Эмса, даже до Везера, слѣдственно западную часть Ганновера и Ольденбургъ; въ исходѣ жъ VII вѣка на мѣсто Болотняковъ (Bructeri), Лѣсовиковъ (Hamavi) и Луговиковъ (Angrivarii) являются Саксоны, Saxones (35), изъ-чего и заключили, что первые были въ концѣ VII вѣка *истреблены* (уже вторично), тогда какъ слѣдовало бъ сказать, что *мѣстныя* названія сѣвернаго или Саксонскаго племени Тейтшеровъ замѣнились *собственнымъ* его *племеннымъ* именемъ, потому что Орозій, жившій въ V вѣкѣ, прямо называетъ этихъ Болотняковъ Саксонами. (36)

Нарадовавшись мнимому искорененію Саксонскихъ Болотняковъ, Тацитъ продолжаетъ: Angrivarios et Hamavos a tergo Dulgibini et Chasuari cludunt aliaeque gentes *haud* perinde memoratae; a fronte Frisii excipiunt (37) то есть: «Луговиковъ и Лѣсовиковъ сзади окружаютъ *Dulgibini*» (жители мѣстъ, гдѣ Римляне претерпѣли *пораженіе*, какъ показываетъ и самое имя, заимствованное отъ фризонскаго слова Dolg, пораженіе, Bini жители) «и Chasuarii» (отъ рѣ-

(33) Eumenius Paneg. Constant. dict. XII; Tabul. Peutinger. Segm. I, 11.

(34) Strab. VII, 1; Ptolem. II, 11; Plin. Hist. Natur. II, 7.

(35) Это имя, Saxones, есть народное, ибо его усвоили себѣ сѣверныя племена Тевтоновъ; по мнѣнію Барта, оно происходитъ отъ Англо-Саксонскаго слова Seax — Seat, *земля, жилище*, и означаетъ *осѣдлыхъ жителей*; другіе жъ производятъ имя Saxones отъ Sax, *короткій мечь*.

(36) Lib. VII, cad. 32: Valentinianus *Saxones, gentem in oceani littoribus et paludibus inviis sitam,* virtute atque agilitate terribilem, in ipsis Francorum finibus oppressit. Соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ заставляетъ признать Bructer'овъ частію Сѣвернаго Нѣмецкаго племени Саксоновъ, вопреки мнѣнію Ѳ. Л. Морошкина, который полагаетъ ихъ на правомъ берегу Одера, и думаетъ, что Bruchteri и Breuci значитъ *Брустеры* и *Брусья* (Историко-Крит. изслѣдов. о Руссахъ и Славянахъ, с. 114). Можетъ быть, въ защиту мнѣнія почтеннаго профессора приведутъ одно мѣсто изъ Тацита (Hist. IV, 61), что прорицательница этого племени называлась Veleda; но Славянское имя могло быть въ употребленіи у Саксонскихъ Болотняковъ въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ Славянскимъ племенемъ Франковъ, которое тянулось отъ Восточной Баваріи до Балтійской Вагріи. Пріуроченію Болотняковъ къ берегамъ Одера противорѣчитъ самая мѣстность, ибо рѣка Эмсъ (Amisia) раздѣляла Болотняковъ на Великихъ и Малыхъ, Bructeri majores et minores. — Отъ рѣки же Эмса (Amisia) произошло названіе Amsivarii, Ansivarii, Ansibarii, Αμψανοι, Καμψιανοι.

(37) Tacit. Germ. XXXIV; сравните Страбона VII, 1 — 4.

ки Chasua, впадающей въ Эмсъ), «и другіе *не очень извѣстные* народы (!); спереди съ ними смѣжны *Фризіи»* (Frisii, Frisones, Fresones.) Далѣе Тацитъ разсказываетъ, что Большіе и Малые Фризы живутъ поворотясь отъ Рейна къ морю около превеликихъ озеръ (usque ad oceanum Rheno praetexuntur, ambiuntque immensos insuper lacus); слѣдовательно эти Саксоны, принявшіе *мѣстное* названіе (Frisi, Fresones, жители топкихъ мѣстъ, болотъ, отъ fresen, колебаться, дрожать, beben, zittern), занимали нынѣшнюю Голландію; слѣд. составляли часть племени извѣстнаго подъ именами Batavi, Marsi, Mattiaci (38); поэтому, восточные сосѣди Голландцевъ-Фризовъ, Dulgibini или Dulgumnii,-должны были занимать страну около рѣки Липы, покрываясь иногда именемъ Tubantes, *союзники* (отъ словъ: tu, zu, *къ*, и Bund, Bunt *союзъ* (39), потому что дѣйствовали въ союзѣ съ Франками противъ Римлянъ.

Окончивъ описаніе Западной Германіи, коренной отчизны Тевтонскаго или Нѣмецкаго племени, Тацитъ переходитъ къ Восточной половинѣ Германіи, исконной родинѣ, такъ называемыхъ поученому, Славянскихъ племенъ. Если въ Западной Германіи, ближайшей къ Римскимъ владѣніямъ, многое, по собственнымъ словамъ Тацита, было *не очень извѣстно;* если тамъ онъ принималъ разныя названія одного племени за разные народы: то въ странахъ при-Лабскихъ и за-Лабскихъ, съ которыми всѣ сношенія пресѣклись, такъ что самая Лаба (Эльба) едва стала извѣстною только по имени (40), много ли даже *могло быть* извѣстно Тациту? Если въ Западной Германіи не всѣ имена, употреблявшіяся Римскими писателями, были подлинныя и древнія, какъ сознался Тацитъ (41), то много ли же такихъ истинныхъ и древнихъ именъ могло быть извѣстно древнимъ относительно Восточной Германіи? Присоедините сюда ужаснѣйшую порчу собственныхъ названій невѣждами переписчиками среднихъ вѣковъ, и тогда для каждаго здравомыслящаго изыскателя будетъ очевидно, что разсказы Тацита и другихъ писателей должны быть объясняемы этнографіею временъ чисто-историческихъ: только тогда возможно будетъ возсоздать подлинную этнографію древности, а для того одинъ путь—приложеніе исторической критики къ древней географіи.

Принявъ это за основную точку исхода, послѣдуемъ за Тацитомъ, который съ западной стороны переходитъ къ сѣверу: hacte-

---

(38) Смотр. выше, стр. 190, 191, 192.

(39) Tacit. Annal. I, 51; XIII, 55, 56.

(40) Albis flumen inclitum et *notum olim,* nunc *tamen auditur,* говоритъ Тацитъ (Germ. XLI).

(41) См. выше, стр. 190, 193.

nus in occidentem Germaniam novimus; in septentrionem ingenti flexu redit. Ac primo statim Caucorum gens ([42]), quanquam incipiat a Frisiis ac partem littoris occupet, omnium quas exposui gentium lateribus obtenditur, donec in Cattos usque sinuetur: tam immensum terrarum spatium non tenent tantum Cauci, sed et implent; то есть: «доселѣ мы разсматривали Германію съ запада; къ сѣверу она склоняется превеликою кривизною. И прежде всего встрѣчаются тутъ *Зыбняки (Cauci, жители топкихъ мѣстъ, зыбей);* хотя племя это, начинаясь отъ Фризовъ, занимаетъ часть морскаго берега, однакожъ сзади окружено всѣми народами, о которыхъ я говорилъ, и простирается до предѣловъ (южно-Nemet'скихъ) Звѣролововъ. Это безмѣрное пространство Зыбняки не только занимаютъ, но и заселяютъ» ([43]). Чтобы понять, *какому племени* принадлежали эти зыби или топи, надобно вспомнить мѣстоположеніе тѣхъ народовъ о которыхъ выше говорилъ Тацитъ: Teuschteri (т. е. Тейтшеры-Саксоны) занимали, говоря по нынѣшнему, нижне-Рейнскія владѣнія Прусскаго Короля; Bructeri (Болотняки), Hamavi (Лѣсовики), Angrivarii (Луговики), Союзные (Tubantes), Поразители (Dulgibini), Chasuarii и Frisi занимали Низовье (Нидерланды), западную часть Ганноверскаго королевства и Ольденбургское великое герцогство, составляя сѣверную отрасль того же сѣвернаго или Саксонскаго Тейтшерскаго племени, которая только приняла мѣстныя названія, какъ мы видѣли изъ Павла Орозія; слѣдственно, то племя, которое отъ своихъ Тейтшерскихъ союзниковъ прозвано было Cauci, то есть Зыбняки, занимало часть Вестфаліи при истокахъ рѣки Липы и, поднимаясь на сѣверъ до Лабы, на югѣ сосѣдило съ Звѣроловами, Catt-ами, какъ называли южную отрасль Тевтонскаго или Nemetскаго племени, прозваннаго отъ Галльскихъ своихъ сосѣдей A-la-man'ами; а въ этихъ предѣлахъ Блаженный Іеронимъ именно помѣщаетъ Франконскихъ Славянъ: *inter Saxones* quippe *et Alamannos* gens non tam lata, quam valida, apud historicos Germania, nunc vero Francia vocatur, говоритъ Блаженный Іеронимъ ([44]). Что сѣверные предѣлы Франковъ точно граничили съ владѣніями Саксоновъ, подтверждается свидѣтельствомъ Павла Орозія ([45]); а что владѣнія Франковъ доходили до Балтійской Славіи, видно изъ Экхарда, ко-

---

([42]) Имя это пишется *Chauci* и *Cauci*: второй варіантъ, по моему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе, во первыхъ потому, что у Птоломея пишется *Καῦχοι*, у Страбона же *Καυκοι*, и во вторыхъ потому, что гораздо ближе къ Англо-Саксонскому Caucian, зыбь, топь, Fliess und Bedeboden: Аделунгъ, Aelt. Gesch. der Deutsch. 259.

([43]) Tacit. German. XXXV.

([44]) S Hieronumus in Vita S. Hilarionis, см. выше, стр.

([45]) Lib. VII, cap. 32, см. выше стр. 194, прим. 36.

торый прямо говоритъ: Franci olim *ad mare Balthicum, ubi nunc est Vagria,* sedes suas habebant (46). Впрочемъ, такъ какъ у Тацита сказано, что Caucorum gens in Cattos usque sinuetur, «народъ Зыбняковъ (иначе Франковъ) изгибается даже по предѣламъ Звѣролововъ,» а эти Nemet'скіе Звѣроловы (Catti) занимали Гессенскія, Баденскія, Виртембергскія и западно-Баварскія земли; то ясно, что владѣнія Зыбняковъ должны склоняться по сѣверо-восточнымъ предѣламъ Баваріи. И дѣйствительно, идя отъ рѣки Липы къ Вѣрѣ и Салѣ, текущей *въ Лабу,* и спускаясь отсюду на юго-западъ, по Дунаю и впадающимъ въ него Леху и Стыри, Styr, встрѣчаемъ здѣсь въ средніе вѣки рядъ Славянскихъ городовъ, которые подъ владычествомъ Нѣмцовъ измѣнили свои названія: Vojmir (Воймиръ) изуродованъ въ Веймаръ, Borut (Боруть) въ Байрейтъ, Resno (Ржѣзно) въ Регенбургъ, Mnichov (Мниховъ) въ Мюнхенъ, Радградъ въ Радштадтъ и проч. (47)

---

(46) Eckardus de rebus Franciae orientalis, l. I, c. 5.

(47) Таково было отечество *Маркоміра,* родоначальника Меровингской династіи, покорившей Галлію. Marcomir имя чисто-Славянское, равно какъ и всѣхъ его потомковъ. Краснорѣчивый авторъ «Исторіи завоеванія Англіи Норманнами», Тьерри, не зная Славянскихъ языковъ, объяснялъ имена потомковъ Маркоміра *Саксонскими* словами, и потому впалъ въ натяжки и принужденъ былъ часто обвинять лѣтописцевъ въ неумѣньѣ выразить *настоящую Нѣмецкую* форму, тогда какъ они рѣшительно ни въ чемъ не виноваты: Франки были не Саксонцы, а Баварскіе Славяне (какъ доказано выше, на стр. 140—158), а потому и лѣтописцы ни сколько не могутъ быть обвиняемы, что *настоящая* форма именъ Франковъ совсѣмъ не-Нѣмецкая, а Славянская. Сынъ Маркоміровъ былъ *Вяромундъ* [1] (Pharomund); за нимъ слѣдовалъ *Хлодіонъ* (Clodion) и его младшій сынъ *Міробой* или *Міровой* [2] (Meroweus); у него братъ *Людовладъ* или *Кладовладъ* [3] (Cladovaldus, Cladobaldus); сынъ Мировоя *Хлод-ерикъ* [4] (Childericus), а

---

1. Вяро-мундъ иначе *Вѣро-мундъ,* ибо *вяра* по болгарски и польски значитъ *вѣра*; сравните Бери-*мундъ,* Жиги-*мундъ, Мундо-яга, Мындъ, Мында* у Карпато-Россовъ, *Мандъ-*духъ, *Мандушевичъ* у Болгаръ и Сербовъ, на примѣръ: въ IV части Собранія Сербскихъ пѣсенъ (изданныхъ въ 1833 году въ Вѣнѣ почтеннымъ ревнителемъ Славянской народности, Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ) въ пѣснѣ Шеовичь Османъ:« Али не гледа *Мандушичу* Вуче» и проч.

2. Славянское *міръ, миръ,* въ устахъ иностранцевъ превращался въ *mar, mer,* на прим. Влади-*міръ* Walde*mar,* Веле-миръ Woli*mer,* Fili*mer,* Роте-*миръ* (рота = клятва) Rote*mer,* Richo*mer,* Rici*mer,* и проч. На слово *миръ* начинались у Славянъ многія имена: *Миро*-боръ, *Миро*-даръ, *Миро*-нѣга, *Миро*-славъ; у насъ въ Россіи фамилія *Мировичъ.*

3. Франконскіе Славяне сосѣдили по Лабѣ съ Сорабами; слѣдовательно и языки ихъ должны были во многомъ сходствовать, а у Лужицкихъ Сора-

За Франками, или (какъ ихъ прозвали Саксонскіе ихъ союзники) Зыбняками, Саис'ами, Тацитъ поластъ жилища племени, которое именуется у Римскихъ писателей Chervsci: а что значитъ это имя

внукъ *Хлодовикъ* (Chlodovechus, Clodoveus); его дѣти: *Өеодорикъ* (уменьшительное христіанское Өеодоръ, Theodericus), *Клодоміръ* или *Хладоміръ*, либо *Людомиръ* (Hlodomirus, Clodomarus), *Хладоборъ* или *Хладобратъ* (Hildebertus), *Клотарь* или *Лютарь* (Clotaire, Lotharius, Hlotharius, Chlotacarius); дѣти Лютаря: *Боговладъ* (Thedewald, Theodebald), *Караборъ* или *Карабратъ* [5] (Caribert), *Гундъ-Туръ* [6] (Gontran), *Жигобратъ* [7] (Sigebert), *Люберикъ* (Chilperic), сынъ его *Лютарь* II или *Клотарь* II (Clotarius, Lotharius) и внукъ, родоначальникъ послѣднихъ государей этой династіи, *Дугоборъ* или *Дугобратъ* (Dagobert). [8]

бовъ буква *х* иногда произносится за *к:* наше слово *холодъ* въ Верхней Лузаціи klotk; слѣдственно, Клодіонъ=Хлодіонъ, Клодовладъ = Хладовладъ. Славянское *владъ* чужеплеменники превращали въ wald, wold, ald, old, на прим. *Влади*-міръ *Walde*mar, Бого-*владъ* (сынъ Стефана Молдавскаго) Theodewald, Брато-*владъ* Bertoald, Все-*володъ* или Все-*владъ* Wisiwald, Годо-*владъ* Chodo*wald*, Громо-*владъ* Grim*wald*, Grim*oald*, Ermeno*ald*, Домо-*владъ*, Dom*aldus*, Изо-*владъ*, Os*wald*, Людо-*владъ* Leudo*wald*, Leut*balt*, Радо-*владъ* Radwald, Rado*ald*.

4. Имя *Ерикъ* есть не иноземное, какъ думали нѣкоторые писатели, но Славянское уменьшительное отъ *ерый*, какъ произносится у Германскихъ Славянъ наше слово *ярый*, у Сербовъ въ Лузаціи *jery*. Поляки произносятъ не *Юрій*, но *Jerzey*.—У насъ въ Россіи слово *ерикъ* донынѣ въ по-Волжскихъ Губерніяхъ значитъ протокъ между рукавами рѣки, образуемый яростнымъ ея стремленіемъ. — Отсюда же объясняются сложныя: Ер-макъ, Ери-сталь и проч.—*Жар* и *Зар* суть видоизмѣненія того же корня *Яр* или *Ер*.

5. Съ словомъ *Кара*-братъ сравните имена *Кара*-міръ, *Кара*-видъ, Гунду *Каръ* (Словенскій князь въ половинѣ IX вѣка).

6. Съ словомъ *Гундъ*-Туръ сравните Словенскаго *Гунду*-кара и нашихъ Русскихъ князей, дѣтей Өедора Давидовича Пестраго Стародубскаго, у котораго всѣ три сына: Иванъ Большой, Андрей Большой и Андрей Меньшой, названы почему-то *Гундурами* или *Гундорами*; родъ ихъ существовалъ еще въ исходѣ XVI вѣка (см. статью Д. И. Языкова въ Энциклоп. Лексик. т. XV, стр. 243); въ землѣ Донскихъ Козаковъ есть *Гундоровская* станица, на лѣвомъ берегу Донца, противъ рѣчки Каменки. — Названіе *Туръ* и у насъ прибавлялось въ похвалу молодечеству, на примѣръ, въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «и рече ему буй-*туръ* Всеволодъ», или въ пѣсняхъ: «ой *туръ*, молодецъ удалый.» См. Сказанія Русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ (изданіе третье, 1841), т. I, кн. IV, с. 37 и кн. III, с. 261.

7. Сравните *Жиги*-мундъ, *Жига*, *Жегота*, *Жигарь*, *Жигаревъ* и проч. Въ Латинской азбукѣ нѣтъ буквы *ж*, и потому наши Славянскіе звуки *Жиги* выражались чрезъ *Sige*, и Жигимундъ писался Sigismundus.

8. Сравните *Дуганъ* (Dugan), *Дугошъ* (Dugos, Dlugos), и сложныя: Годо-*братъ*, Драго-*братъ*, Любо-*братъ*, Люто-*братъ*, Яро-*братъ*. Славянское

объясняется различными варіянтами Вибія Секвестра, за сохраненіе которыхъ мы обязаны Оберлину: тамъ, гдѣ въ однихъ руко-

Его правнука, дочь Лютаря или Клотаря III, вышла замужъ за одного знатнагоФранка, Онобрата [9] (Анеберта) и была родоначальницею Дома Карловинговъ: сынъ ея Арнульфъ, прозванный святымъ, въ первой половинѣ VII-го вѣка, получилъ должность мера двора; внукъ Арнульфа былъ Pépin d' Hérisial (Еристаль, Яросталь), а правнукъ — побѣдитель Арабовъ, Карлъ прозванный *Молотомъ* (Мартелъ), ибо молотъ, по понятіямъ древнихъ народовъ, былъ символомъ власти. Вотъ почему народные судьи и полководцы носили молотъ: «notre seigneur de Mayence s'avancera à cheval dans la fleuve, aussi loin qu'il pourra lancer dans le Rhin *un marteau de maréchal*, aussi loin s'etendra sa juridiction». Michelet, Orig. du Dr. Franc.—А. О. Вельтманъ удачно объяснилъ это сравненіемъ словъ: «въ рукахъ вождей народныхъ была *казнь* (кузнь, maréchale полководецъ и maréchal кузнецъ), *указъ* — указаніе пути, marche; отъ сего древніе *жезлы, булавы* имѣли подобіе молотовъ и бывали каменные; можетъ быть, дѣлались и изъ аэролитовъ.»

Пользуясь, по древнимъ правамъ Славянскимъ, верховною властію за малолѣтствомъ своихъ родственниковъ и будучи сами *женскою отраслію той же самой династіи*, Франконскіе конюшіе (палатные меры) естественно пріобрѣли себя уваженіе народа при короляхъ Тунеядцахъ или Дармоѣдахъ (Rois Fainéans), и Пепинъ Карло (малорослый) легко пріобрѣлъ Королевскую корону въ половинѣ VIII вѣка. Братъ Пепина Карла назывался *Карломанъ:* чистая Славянская форма, подобная именамъ: Божеманъ, Любоманъ, Радоманъ (Славянское *мана* донынѣ означаетъ у насъ то же что Французкое mirage). Карломаномъ же назывался и знаменитый сынъ Пепина Карла, Карлъ Великій.

У Франковъ, какъ и у насъ, по Славянскому обычаю, старѣйшій родственникъ Царскій по женской линіи управлялъ царствомъ малолѣтняго наслѣдника, какъ его *опекунъ* и *дядька:* Варяжская Русь, сосѣдка Франковъ на предѣлахъ Вагріи, держалась того же обычая, и нашъ Рюрикъ передъ смертію «предасть княженье свое *Ольгови, отъ рода ему суща*, вдавъ ему сынъ свой *на руцѣ*, Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми» (Лаврен. лѣт. с. 14.); слѣдственно, Олегъ былъ *дядькою* Игоря какъ дядя по женской линіи. У Франковъ какъ и у насъ, старшій родственникъ государя былъ первый совѣтникъ, соправитель раздѣляющій труды правленія, *конюшій* держащій бразды правленія: отъ Славянскаго слова *конюшій*, искаженнаго Нѣмцами въ *конунигъ*, произошелъ *конунгъ*, какъ объяснилъ А. О. Вельтманъ.—Соправительство дяди введено, безъ сомнѣнія, въ ограж-

братъ и *брадъ* (на пр. Бѣлобрадъ) лѣтописцы среднихъ вѣковъ писали *bart, bert, braht, brand* и *prand*; иногда и нашъ *боръ* превращался въ *bart, bert,* на пр. Рати-боръ Ratbart, Вои-боръ, Woibert, Коча-боръ, Стрежи-боръ; сравните съ этими: Борой, Борое, Боринъ, Боричь, Борисъ, Боришъ, Борита, Борута, Борко, Бори-вой, Бор-бой, Бори-міръ, Берміръ, Бори-славъ и другія.

9. Сравните Славянскія *Онешь* (Ones, uny), *Оно* — мыслъ (Onomysl), *Онуславъ* (Onuslav) и проч.

писяхъ стоитъ Servitii или Cervitii, въ другихъ Chervsci; и такъ именами Chervsci (Шервски), Servitii, Cervetii (Сервиціи, Перверцін) Римскіе писатели покрывали то племя, которое само себя называетъ Сербы, Сирбы, Сорбы; собственное имя этой страны

деніе правъ жены и наслѣдника, а также для предупрежденія раздоровъ, когда пресѣкалась Царствующая династія: ибо, по смерти государя, за малолѣтствомъ Наслѣдника, державствовала его мать, а правительствовалъ дядя и опекунъ, Конюшій, который даже избирался на царство въ случаѣ прекращенія царствующей линіи. У насъ только во времена Царя Алексѣя Михайловича уничтоженъ санъ Конюшаго, хотя на дѣлѣ (de facto) ихъ уже не было со временъ Шуйскаго, по свидѣтельству Кошихина: «а кто бываетъ *Конюшимъ*, и тотъ первый бояринъ чиномъ и честью; и когда у Царя послѣ его смерти не останется наслѣдія кому быть Царемъ, кромѣ того Конюшаго иному царемъ быти некому: учинили бы его Царемъ и безъ обиранія. А при царѣ Василіѣ Ивановичѣ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Конюшихъ не было, и при нынѣшнемъ (Ал. Мих.) нѣтъ, потому что . . . . . прежъ сего конюшій бояринъ Годуновъ, что̀ былъ царемъ, умыслилъ себѣ достать царство чрезъ убіеніе Царевича Димитрія.» О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Кошихина.

Покоривъ Галлію, Франки утвердили въ завоеванной странѣ владѣльческое, *володѣльное* правленіе (помѣстное и отчинное): отсюда раскрывается значеніе словъ *феодальный*, *аллодіальный*, всегда составлявшихъ камень преткновенія для историковъ, незнакомыхъ съ міромъ Славянскимъ. Извѣстный лингвистическими познаніями филологъ нашъ, О. И. Сенковскій, какъ не льзя лучше разъяснилъ вопросъ этотъ, сравнивъ западные обычаи и юридическіе термины съ нашими. «У Франковъ»—пишетъ Сенковскій,—«участокъ земли, полученный во владѣніе, назывался allodium: слово *неизвѣстнаго* происхожденія, которое объясняли тысячею различныхъ натянутыхъ этимологій, и которое объясняется только изъ Русскаго языка: въ этомъ словѣ очевидно пропущена сначала буква W, которая пропускалась и во множествѣ другихъ словъ: allodium, allod, явственно произошло отъ Латинскаго сокращенія нашего слова wallod, walod, и слѣдственно есть не что иное, какъ Несторова *волость*, володарство, по Польски wloda. Такой участокъ земли побѣдители считали въ полномъ смыслѣ своею собственностью, которая послѣ смерти владѣльца могла наслѣдственнымъ порядкомъ переходить къ его дѣтямъ, или, если ихъ не было, къ ближайшимъ его родственникамъ... По старинному Германскому обыкновенію, обязаннымъ службою гражданамъ отдавались участки недвижимаго имѣнія во временную собственность (*помѣстье*). . . . Для вознагражденія дѣйствительныхъ заслугъ своихъ приверженцевъ, короли дарили участки казенныхъ или фискальныхъ земель со всѣми строеніями, людьми, скотомъ, полями и лѣсами, въ вѣчное потомственное владѣніе (*вотчины*). Помѣстья, называемыя въ тогдашнемъ юридическомъ нарѣчіи *бенефиціями* (милостями), были освобождены отъ всѣхъ податей. Каждый изъ поступившихъ въ число *людей*, leodi,

Сербище или *Србиште* (Srbište) изуродовано въ Ангальтъ-Цербстъ, Сербскій *Бранибор* въ Бранденбургъ, и вообще на всю Сорабію, покоренную Саксонами, распространено имя побѣдителей: вмѣсто древней Сорабіи или Германской Сербіи мы видимъ теперь Саксон-

ljudi, leudes или въ *дружину* (cumpaney, compagnie) короля, обязанъ былъ военной службой со всѣми домашними своими войсками. Получавшіе на такихъ условіяхъ недвижимое имѣніе, для того чтобы (какъ говорилось у насъ на Руси) *кормиться*, feed, feod,—отъ чего явственно и происходитъ feodum или feudum, *кормъ*, *кормовое имѣніе*, и феодальная т. е. *кормовая* система, — принадлежали къ «королевскимъ людямъ» и именовались его *вѣрными* (fideles), *вассами*, *менестрелями*. Свободные аллодіальные или волостные владѣльцы вступали по-этому въ службу (in verbum) господина (dominus, senior). Часто такимъ кормовымъ имѣніямъ, feod, — которыя также назывались *ленами*, lehn, т. е. землями *наградными*, *жалованными*, — присвоены были доходы съ другихъ королевскихъ земель, мелкой торговли, и нѣкоторыя особенныя права. Но еще чаще, короли, даря землю, жаловали вмѣстѣ и какой нибудь придворный чинъ; принявъ его, *люди* ихъ или вассы, входили нѣкоторымъ образомъ въ частную подчиненность. Читатели, изъ немногихъ сближеній, введенныхъ здѣсь нами, могли уже замѣтить *какъ важно*, для правильнаго уразумѣнія дѣлъ древней Руси, изученіе среднихъ вѣковъ въ политическихъ и военныхъ отношеніяхъ: *все* здѣсь состоитъ въ *тѣсной связи*, такъ что, по мнѣнію нашему, *еслибы Германскіе и Французскіе писатели объ этой эпохѣ знали Русскія лѣтописи, они избѣгнули бы многихъ странныхъ предположеній и этимологій, которыми часто стараются объяснить непонятное для себя въ лѣтописяхъ прежняго Запада*. Такъ, мы здѣсь показали, что значеніе словъ allodium и feodum, измучившихъ проницательность этимологовъ, могутъ быть *естественно* и *безъ всякой натяжки* объяснены *только Славянскими словами* или *формами* тѣхъ словъ, встрѣчающимися въ Русскихъ лѣтописяхъ: allodium и *волость* суть только двѣ различныя формы одного слова—walod Германо-Латинская, а *володѣніе* и *волость* чистая Славянская; feodum въ Славянскомъ переводѣ выражается словомъ *кормъ*, и слѣдственно происходитъ просто отъ глагола fed, feed, feod, food, *кормиться*, а не отъ двухъ словъ fee и od, которыя грамматически не вяжутся другъ съ другомъ, и не представляютъ логическаго смысла. Feod, feud, какъ и leod, leud, не могутъ быть сложными словами: *eo* и *eu* замѣняютъ здѣсь гласную *u* другихъ нарѣчій, и поэтому какъ leod возникло изъ lud (люди), такъ feod могло только образоваться изъ fud (кормъ, англійское food). Точно такимъ же образомъ, мы видимъ, что Славянская *дружина* и Латино-Франкское cumpaney, compagnie, суть слова соотвѣтственныя и однозначущія.» Библ. для Чтен. 1839, № 1 (отд. критики).—Послѣднее мнѣніе не развито у г-на Сенковскаго, но оно совершенно справедливо: каждый Славянинъ легко догадается, что слово *cumpaney* происходитъ отъ Латинскаго *cum* (съ) и Франконскаго *pan* (панъ, государь), слѣдственно, означаетъ людей нахо-

ское королевство и Прусскую Саксонію! И такъ, этнографико-филологическая критика заставляетъ признать правильнѣйшимъ такое чтеніе XXXVI главы Тацитовой Германіи: in latere Cattorum Caucorumque, Chervsi правильнѣе Servitii (48), то есть «подлѣ Звѣро-

---

дящихся въ службѣ *съ Паномъ*, Королемъ, то же что у насъ въ Варяжскомъ періодѣ *дружина* Великаго Князя, а впослѣдствіи *Окольничіе* Государевы.

Обратите вниманіе на главныя черты народнаго характера Французовъ: любезность и обходительность ихъ напоминаютъ наше Славянское *радушіе* къ странникамъ и чужеземцамъ, отвага и безстрашіе живой отпечатокъ Славянской *удали*, ихъ остроуміе отпечатокъ Славянской *находчивости*; наконецъ, историкъ не долженъ выпускать изъ вида *народнаго сочувствія* между Славянами и Французами, тогда какъ, не смотря на дружелюбное принятіе всѣхъ вообще чужеплеменниковъ Славянами, народная пословица Польская говоритъ: «пуки святъ святемъ, Полякъ Нѣмцови не бендзѣ братемъ». т. е. «пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ, Полякъ Нѣмцу не будетъ братомъ». — Вообще, лихой удалецъ Славянинъ имѣетъ гораздо болѣе сходства по характеру и пріемамъ съ отважнымъ Французомъ, нежели съ добродушными, по слишкомъ погруженными въ собственную личность суровыми потомками Тевтоновъ.

Если Франки не Баварскіе Славяне, жители Франконіи и дальнѣйшей страны къ Лабѣ; то, скажите на милость, *отчего* весь политическій бытъ ихъ такъ сходенъ съ *нашимъ* Славянскимъ? отчего языкъ наполненъ словами *нашими* Славянскими? отчего имена ихъ объясняются подобными *нашими*, Славянскими? — Весь нравственно-политическій и филологическій обликъ Франковъ обнаруживаетъ въ нихъ вѣтвь обширнаго семейства Славянъ; этнографія подтверждаетъ то же самое; а господа историки, привыкшіе переписывать другъ друга, не стыдятся по прежнему кричать: Франки были отличные Дейчеры!...

(48) По гречески это имя печаталось различно: Χηρουσκοι, Χαιρουσκοι, Χερουσκοι, Χερβσκοι; соображеніе вышеприведенныхъ обстоятельствъ заставляетъ предполагать, что въ рукописяхъ было Σερβσκοι (Сервски) или Σερβστοι (Сервсти): издатели, не разобравъ поставили Χ вмѣсто Σ, в вмѣсто β, отчего составились *варіанты*, а господа историки изъ двухъ варіантовъ одного собственнаго имени сотворили два народа: Херусковъ и Сербовъ! Героемъ племени Chervscorum или Servetiorum является, по Римскимъ писателямъ, Arminius: это имя, какъ *для* всякаго будетъ очевидно, есть романизированное Сербское *Ярманъ* (Jarman, Harman), женское *Ярменка*; отъ того же корня произошли: Ярославъ, Яромиръ, Яровладъ, Ровитъ, Ярополкъ и проч. окончаніе *манъ* свойственно многимъ славянскимъ именамъ: Божеманъ, Вузманъ, Вукманъ, Любоманъ, Радоманъ и проч. Языческое имя *Ярманъ* прировняли впослѣдствіи къ христіанскому *Германъ*,—точно такъ же, какъ языческаго *Юрія* къ христіанскому *Георгію*. — Сынъ Ярмана, по свидѣтельству Тацита (Annal I, 57)называлея Segimundus: это явно *Жиги-*

ловов и Зыбняков-Франков Сербы,» и далѣе: Caucis victoribus или Cattis et Caucis victoribus (вм. обыкновеннаго Cattis victoribus), ибо одни Catti не могли безъ пособія храбрыхъ сосѣдей проникнуть черезъ ихъ страну въ землю Велетскихъ Сербовъ. Рядомъ съ ними по сосѣдству Тацитъ указываетъ племя *Фузянъ* (Fosi contermina gens): это мѣстное имя заимствовано отъ рѣки Фузы (въ нынѣшнемъ епископствѣ Гильдесгейскомъ)

Отъ Германскихъ Сербовъ Тацитъ переходитъ къ Датскому или Ютланскому полуострову: eundem Germaniae sinum proximi oceano *Cimbri* tenent, parva nunc civitas, sed gloria ingens, то есть: «въ той же части Германіи по близости къ океану живутъ *Цимбры*, народъ небольшой, но знаменитый (49)». Имя это, по мнѣнію Аделунга, состоитъ изъ двухъ словъ: cyn (*древній*) и bro (*обитатель*), слѣдствано, значитъ *туземецъ, старожилъ;* но у сосѣдей, враждовавшихъ съ ними, оно приняло значеніе *хищника*, какъ видно изъ Плутарха (in Mario, 11.) Эта часть Саксонскаго или сѣверо-Тевтонскаго племени, въ незапамятной древности отдѣлясь отъ своихъ родичей, составила особое цѣлое, которое по мѣстамъ приняло различныя названія, и между прочимъ *Jutae* (*Юты*), отчего и весь полуостровъ получилъ названіе Ютландскаго. Въ союзѣ съ Тевтонскими своими единоплеменниками, Цимбры или Юты навели было ужасъ на Римъ, пока не были укрощены Маріемъ, «не безъ потери однакожь», какъ замѣчаетъ Тацитъ (nec impune).

Цимбры или Юты, навели страхъ на Римъ *внезапнымъ нашествіемъ* точно также, какъ потомъ въ среднихъ вѣкахъ Датскіе Норманны грабежами страшили Францію; но былъ въ Германіи другой народъ, который долго и упорно сражался съ Римлянами за *обладаніе* Галліею. Тамъ, въ Гальской Поморіи (Аквитаніи) издавна жили поселенцы Венедскіе, слѣдственно пришельцы съ береговъ Балтійскаго поморья. Римляне, желая подчинить себѣ Галлію, старались пріобрѣсть тамъ себѣ союзниковъ, раздорами возбудить междоусобія и тогда уже воспользоваться общимъ ослабленіемъ: они успѣли склонить на свою сторону Кельтское племя Эдуевъ; но противники этого племени, Секваны, сосѣдственные съ Аквитанскими Венедами, призвали себѣ на помощь ихъ Балтійскаго еди-

---

мундъ (Сигизмундъ); дядя *Ярмана* у Тацита (An. 1, 60, 68, II, 17 45) названъ Ingiomer, правильнѣе *Igniomer, Игньомиръ* или *Огнемиръ*, отъ кореннаго имени *Огнянъ*, Ohnjan: у Германскихъ Сербовъ въ Древанкомъ нарѣчіи вмѣсто *o* ставили иногда *i*, на прим. rizan (рожонъ), niz (ножъ), slivi (слово), virja (орелъ), см. Славян. Народопис. Шафарика, стр. 103.

(49) Tacit. Germ. XXXVII.

соплеменника, короля-героя, *Яровита* ([50]). Страна, омываемая рукавомъ Нижняго Одера, *Свевою* или *Свиною*, была отечествомъ племени, среди котораго родился этотъ славный противникъ Юлія Цезаря. Впрочемъ, надобно полагáть, что если не вся восточная Германія, то бóльшая часть ея покорствовала счастливому герою, потому что Цезарь въ комментаріяхъ раздѣлилъ всѣ Германскія племена Белговъ или Германцевъ по лѣвому берегу Рейна, на свободныхъ и подвластныхъ Яровиту Свевскому, или Не-Свевовъ и Свевовъ ([51]). Хотя, по смерти героя Поморской Славіи, Яровита, первенство перешло отъ Свевовъ къ другимъ ихъ единоплеменникамъ, однакожъ Цезарево дѣленіе сохранялось даже до временъ Тацита, который на всю Балтійскую Славію распространилъ имя Свевовъ, причисливъ къ нимъ даже и Англовъ съ Скандинавами, племена совершенно чуждыя Балтійскимъ Славяно-Сербамъ.

Причиною такого раздѣленія Тацитъ полагаетъ — моду носить хохолъ или чубъ! Nunc de *Svevis* dicendum est, quorum *non una*, ut Cattorum Teuschterumque, *gens*: majorem enim Germaniae partem obtinent, *propriis* adhuc *nationibus nominibusque* discreti, quanquam in commune Suevi vocentur. Insigne gentis obliquare crinem nodóque substringere: sic Svevi a ceteris Germanis, sic Svevorum ingenui a servorum separantur. In aliis gentibus, seu cognatione aliqua Svevorum, seu (quod saepe accidit) imitatione, rarum et intra juventae spatium; apud Svevos, usque ad canitiem, horrentem capillum retro sequuntur ac saepe in ipso solo vertice religant ([52]). То есть: «теперь о *Свевахъ*, которые *не одного происхожденія*, какъ Звѣроловы и Тенктеры: ибо Свевы занимаютъ бóльшую часть Германіи, различаясь *происхожденіемъ* и *именами*, хотя вообще называются (у Римскихъ писателей) Свевами. Отличительный признакъ Свевовъ — обычай закручивать и пучкомъ связывать себѣ волосы ([54]): этимъ отличаются Свевы отъ прочихъ Германовъ, а у Свевовъ благородные отъ рабовъ. У другихъ народовъ это встрѣчается рѣдко, и то между юношествомъ, или вслѣдствіе родственныхъ сношеній со Свевами или (какъ часто случается) изъ под-

---

([50]) Для имени Ariovistus Нѣмецкіе ученые сковали подобозвучное (хоть не совсѣмъ) Ehrenfest; но такъ какъ на самомъ дѣлѣ у Нѣмцевъ этого имени никогда не бывало, а между тѣмъ извѣстно, что Славянское имя Яро-міръ писалось по латинѣ Aramirus, Ariomerus, Яро-владъ Ariovald, Arioald: то ясно, что сочетаніемъ буквъ *Ario* постоянно выражалось наше славянское *яро*; слѣдственно, Ario-vistus есть Славянскій Яро-видъ.

([51]) См. выше стр. 97 прим. 41

([52]) Tacit. German. XXXVIII.

([54]) Другими словами: *носить чубъ*, какъ наши Запорожскіе козаки.

ражанія; но у Свевовъ даже старики носятъ этотъ страшенный чубъ и часто завязываютъ его на самой макушкѣ». И такъ, послѣ политическаго преобладанія Свевовъ, *мода*, перенятая отъ нихъ прочими народами была причиною, что Римляне, не только на всю Балтійскую Славію, но даже на Ютландію и на Скандинавскій сѣверъ распространили имя Свевовъ, въ смыслѣ *чубоносцевъ*, *хохловъ*.

I. Vetustissimos se nobilissimosque Svevorum *Svenones* memorant.... centum pagis habitant, magnoque corpore efficitur ut se Svevorum caput credant (55). «Благороднѣйшими и древнѣйшими изъ Свевовъ почитаютъ себя *Свеноны*... они занимаютъ сто селеній, и по такому многолюдству и силѣ почитаютъ себя главою Свевовъ». Другими словами: Svenones и были настоящіе Svevi, во первыхъ потому, что во времена Яровита получили политическое первенство надъ другими племенами, которыя только по причинѣ подданства получили имя Свевовъ; а во вторыхъ потому, что Svine и Sveva суть два названія одного и того же предмета; слѣдственно, принявъ мѣстное имя Svenones, они должны были также именоваться и Svevi.

II-ое хохлацкое племя *Langobardi*, которые «славны своимъ малолюдствомъ; окруженные многими и сильными народами, они обезопасили себя не битвами и угожденіемъ имъ, а неуступчивостью». Langobardos paucitas nobilitat, quod, plurimis ac valentissimis nationibus cuncti, non per obsequium, sed praeliis et periclitando tuti (56). Чтобы узнать мѣстоположеніе этого народа, посмотримъ, какими народами окружено это племя: Рудичами (Rudigni)—Одръ или Рудѣ, Вартинцами (Wartones) и жителями Habol'ы, по нѣмецки Гавеля (Helveconae) съ одной стороны, а съ другой Ильменовцами (Aviones) и Англо-Саксами (Angli)—въ Шлезвигскомъ герцогствѣ; слѣдственно, Langobardi занимали нынѣшніе: Мекленбургъ, Голштинію и часть Бранденбурга, или по старинному, землю Вильковъ-Лютичей,

---

(55) Tacit. German. XXXIX. Вмѣсто Svenones въ другихъ кодексахъ читается это имя Semnones: первое чтеніе правильнѣе, ибо рукавъ нижней Одра дѣйствительно назывался Свиною или *Свевою* (какъ бы *овѣваемою*).

(56) Tacit. Germ. XL. Свидѣтельство этого писателя, жившаго въ I мъ-вѣкѣ Христіанской эры, есть лучшее опроверженіе нелѣпыхъ басней Проспера Аквитанскаго и Павла Діакона о происхожденіи Langobard'овъ: первый тащитъ ихъ изъ *великаго острова* Скандинавіи *въ IV вѣкѣ*, и велитъ имъ, ища *новыхъ жилищъ*, покорить Вандалію (Prosper. Aquit. Chronic. подъ годомъ 379), то есть: приводитъ ихъ въ Германію через триста лѣтъ послѣ Тацита, который зналъ ихъ тамъ уже со временъ Августа; а другой тащитъ ихъ изъ *небывалой* земли Mauringa, откуда будто бы они пристали въ Голландію, либо Прусскую Галиндію, либо на Готландъ,

Вагрію а что земли эти были Славянскія—въ томъ уже согласны всѣ новѣйшіе безпристрастные Нѣмецкіе писатели ([57]).

Этому-то небольшому, но воинственному племени Сербскихъ Поморянъ, получившему отъ прочихъ Славянскихъ единоплеменниковъ прозвище волковъ лютыхъ (Wiltzi Lutici), Тевтонскія племена Ютовъ и Саксовъ придали имя Langobardi. Одни ученые полагають, что Винуловъ или Виниловъ (то есть Полабскихъ Славянъ) прозвали *Длиннобородыми*, (*Lang*=длинный, *Bart* = борода) за то, что они отпускали длинныя бороды, тогда какъ сосѣднія племена подстригали себѣ бороду; другіе писатели, опираясь на то, что Винулы или Полабы жили по *берегу* Лабы, производять имя Langobardi отъ

а потомъ въ Антаибъ, Бантаибъ, Вургонтаибъ и проч. (Paul. Diac. I, cap. 1—19). Это явное вранье Проспера Аквитанскаго и Павла Діакона (Варнефрида) о небываломъ прохожденіи Лангобардо́въ, къ сожалѣнію, породило споръ между П. Г. Бутковымъ и авторомъ Славянскихъ Древностей. Вздумавъ объяснять «замѣчательныя извѣстія» Проспера и Павла Діакона, Шафарикъ дошелъ до заключенія, что «Лангобарды въ томъ своемъ *переходѣ*, желая, по примѣру другихъ Германскихъ народовъ, *искавшихъ приключеній*, и сами *отвѣдать воинскаго счастія*, прежде всего пошли *на востокъ*, и *пробрались* къ Славянской вѣтви Антамъ, *въ окрестностяхъ Чернаго моря* и даже *за Донъ* въ землю *Болгаръ*; но тѣснимые со всѣхъ сторонъ *Уральскими* выходцами, *скоро оттуда воротились* въ страну Rugiland, находящуюся въ нынѣшней *Моравіи*, 487 года, по другимъ, 491 года» (сл. Др. I, стр. 231, 232); но въ III книгѣ Слав. Древн. на стр. 88, Лангобарды за Дономъ «*столкнувшись* съ Болгарами *были или прогнаны*, и потому удалились въ *Ругію, въ то время никѣмъ не занятую*, 487 или 481 года».—Эту прогулку *къ Болгарамъ за Донъ* приказано совершить Лангобардамъ по мысли Тунмана и Клапрота, которыхъ вездѣ старается защитить Шафарикъ; напротивъ, П. Г. Бутковъ находитъ основательною мысль Біернера, что Wurgonthaib есть нынѣшній островъ *Борнгольмъ*, и спрашиваетъ: «Павлу Діакону не́-для-чего было называть Вургонтаибами Болгаръ, весьма ему знакомыхъ (Мурат. I, 484); притомъ, когда Гунны уже съ 376 года господствовали на западъ до Дуная и на сѣверъ до океана, тогда *какимъ бы образомъ Лангобарды успѣли пробраться за Донъ* и *по-здорову возвратиться* оттуда на *Балтійскій островъ Рюгенъ?*» (Сынъ Отеч. 1839, № 8, отд. III, стр. 120.) — А я скажу: сто́итъ ли спорить изъ-за явныхъ *сказокъ*, опровергаемыхъ Тацитомъ?

([57]) Wenn wir von den ächten, reinen, uralten deutschen Sitzen am Rhein und an den Weser (!) ausgehen und uns nach Nordosten wenden, treffen wir *im Konigreich Hannover und in den Herzogthümern Holstein und Mecklenburg auf ehemals slavisches Land. Es war der wendische oder sorbische Stamm der Obotriten, der durch diese Gegenden verbreitet war.* Sie wohnten als eigentliche Obotriten in *Mecklenburg-Schwerin*, als Redarier oder Retharier *in Mecklenburg-Strelitz*, als

слова Bord, Bort (берегъ) и полагаютъ, что оно означаетъ *береговыхъ жителей;* третьи, отъ длинной плодоносной по-Лабской *равнины* (Börde); четвертые отъ длинныхъ копій и сѣкиръ (langen Barten, Schlachtbeilen); пятые думаютъ,—и это мнѣніе раздѣляетъ г. Вельтманъ,—что имя Langobardi значитъ *пограничные воины*, если производить это имя отъ словъ: Lagg (измѣненное въ Lang) *граница*, и Bard, воинъ, выставляемый по наряду или *поряду* съ каждаго округа, ибо, когда общая опасность со стороны державнаго Рима сблизила воинственныя племена Германіи, то каждая отчина выставляла по сту молодцовъ по наряду, и каждый такой воинъ назывался *поряженнымъ,* paratus, berad, bard, bardissan. — Въ пользу перваго мнѣнія, говоритъ прямое о томъ свидѣтельство Павла Діакона: certum tamen est Fangobardos, *ab intractae ferro barbae longitudine*, cum primitus Winili dicti fuerint, ita postmodum appellatos ([58]), и то важное обстоятельство, что Langobardi дѣйствительно носили длинныя бороды: при переходѣ въ католичество, имъ обрѣзывали волосы и бороду; когда Карлъ покорилъ Лангобардовъ, то многіе обрились и остригли себѣ волосы, чтобы казаться похожими на Римлянъ, и тѣмъ избѣгнуть преслѣдованій Франковъ. Какъ бы то ни было, всѣ согласны, что названіе Langobardi первоначально принадлежало Винуламъ: а такъ звали Нѣмцы обитателей Лабы, тѣхъ Велетовъ, которые по рѣкѣ называли себя По-Лабами; въ послѣдствіи же имя Langobardi исключительно усвоено тѣмъ изъ нихъ, которые поселились въ Панноніи, а оттуда перешли въ Италію подъ начальствомъ Албоина: имя это, сохраненное лѣтописями запада въ романизированной формѣ, (Alboin) есть западно Славянское Лбина, Lbina; прочія имена Langobard'овъ также Славянскія: начиная съ древнѣйшихъ вождей: Ibor или Ivor (Яворъ) и Ago (Яго или Якъ отъ древняго jaky = silny, smely, откуда и Якешъ, Якшичь, Яцимиръ или Яко-

---

Wagrier *um Lübeck herum* und *in Holstein*, als Polaben (Anwohner der Laba, d. i. Elbe) und als Linonen (Anwohner der Leine) *in Lauenburg, um Hamburg herum* und *westwärts der Elbe im Lüneburgischen.* In den Kriegen, welche die deutschen und namentlich die sächsischen Herzoge, die hier auf *slawischem Gebiet* die Markgrafschaft, Stade gründeten, und die holsteinischen Grafen gegen diese Völker führten, wurden sie zum Theil ausgerottet, zum Theil unter deutsche Botmässigkeit gebracht. Die Deutschen gründeten hier *auf slawischem Boden* ihre blühenden Städte: Neu-Lübeck (Alt-Lübeck, von den Slaven Bukowitze genannt, war bis 1100 eine Residenz slawischer Knäse), Hamburg (bei den Slaven früher Bochbory genannt), Rostock, Schwerin und andere, meistens an Orten, wo *schon früher slawische Städte* standen. — Allg. Zeit. 1841. № 141, Beilage (21 мая, стр. 1121).

([58]) Paul. Diac. l. I, cap. 9.

міръ), Agilmundus (Ягайло-мундъ), Lamissiso Ломишь, Ломанъ, жен. Ломанка), Lech (Лехъ) иначе Leth (Лютъ), Clapho, Cleph (Глѣбъ), Tato (Тато), Wacho (Вахъ) и братъ его Zachilo (Захилъ Waltar (Владарь), Audoin (Удо, Удонъ), Ratchi (Рашо), Chilpor, Colpor (Колборъ, ср. Коловратъ), Zaban (Забинъ), Rodanus (Радунъ, Радепъ, Радонъ) Ragilo (Рогулъ, Рогалъ), Autar (Ударь), Agilulf (Ягайло), Ariulf (Ярило), Radoald (Радовладъ), Grimoald (Гримвладъ=Громовладъ, ибо узападныхъ Славянъ слово *громъ* какъ у насъ на Украйнѣ *гримъ*) Aripertus или Heribert (Яроборъ, Яробратъ), Godebert (Годоборъ, Годобратъ), Ariovald, Gariwaldus (Яровладъ), Wicitar (Вѣчедарь), Cunibert (Конеборъ, ибо у Марлаковъ и Чеховъ конь = *кунь*), Liutbrandus (Лютоборъ, Лютобрадъ), Trasemundus Страшимудъ Mailput (Милобудъ), Jugobrand (Югобратъ), Landemer (Людоміръ), Gaidoaldus (Годовладъ), Rotaris (Ротарь), Vacin (Вучень, Вучанъ), Wisegarda, (Вышеграда), Albsvinta дочь Албоина, (Лабо-Свѣнта́, свѣтило Лабы) Messana (Мечана) Walderada (Владорада) и проч. Имя послѣдняго Короля, Жа̀достивъ (то́ же что у насъ Жданъ) перевели по латинѣ Desiderius; а сложное имя его сына, Уда́лъ-Гоіешь или Удалъ-Гойза превращено въ Адалгизъ.

При переходѣ въ Италію Длиннобородые Полабскіе Сербы пригласили къ участію въ предпріятіи болѣе 20,000 союзныхъ Саксоновъ (59). Соединившись съ Тевтонами, Славянское ополченіе завоевало Италію; но самое это соединеніе и водвореніе въ Италіи было пагубно для народности Длиннобородыхъ: отдѣленные отъ родины, они постепенно утрачивали свою Славянскую народность, и наконецъ въ VIII вѣкѣ пали подъ мечемъ *старинныхъ* своихъ враговъ, Франковъ, отъ которыхъ нѣкогда обороняли свое Полабье (60), и которыхъ теперь навела на Италію политика Рима (61).

---

(59) Alboin vero ad Italiam cum Langobardis profecturus, ab amicis suis vetulis *Saxonibus* auxilium petit, quatenus spatiosam Italiam cum pluribus possessurus intraret. Saxones *plusquam viginti millia* virorum cum uxoribus simul et parvulis, ut cum eo ad Italiam pergerent, juxta ejus voluntatem venerunt. — Paul Diac: l. II, c. 6; также и въ III книгѣ.— Впослѣдствіи присоединился къ нимъ Болгарскій князь Алчекъ (Paul. Diac. lib. v.); Болгарами основаны Sepino, Bojano, Isernia.

(60) Срав. выше, стр. 205. При Карлѣ Великомъ Франки составляли въ Галліи еще отдѣльное отъ народа войско и дворъ; завоеванная ими страна попрежнему называлась *Галлією*; на медали въ память свиданія Папы Адріана III съ Карломъ и ихъ дружелюбныхъ отношеній выбита надпись: Tecum sicut cum Petro, tecum sicut cum Gallia.

(61) «Осьмое столѣтіе новой эры», — пишетъ ученый нашъ поэтъ-археологъ, А. Ѳ. Вельтманъ, объясняя (въ своемъ *Ратиборѣ*, стр. 215-220) судьбу Langobard'овъ въ Италіи, — «заключало въ себѣ ту эпоху, въ которую совершился бѣдственный переломъ, раздѣлившій Европу на поклон

По мнѣнію г. Вельтмана «у Лангобардовъ языкомъ гражданскимъ придворнымъ былъ древне-Нѣмецкій, языкомъ письменнымъ Латинскій, а простонароднымъ и войсковымъ Славянскій; онъ легко изсякъ

никовъ истины святой и истины житейской. Тогда, какъ должно было бы ожидать, что всѣ Христіяне, безъ бурь и тревогъ, признаютъ Константинополь царемъ градовъ, столицею Православія и державы, вліяніе первосвященниковъ Римскихъ рушило единство, и на цѣлые вѣки поселило между распавшимися вражду мнѣній.

«Константинъ Великій, первый способникъ Христіянства, не рѣшился созидать храма, въ честь возникающей святой религіи, на могилѣ языческаго Рима: онъ избралъ для этого чистое, неоскверненное *человѣческими кровьми* ? мѣсто, Византію. — «La ville de Byzance eut cela de singulier, qu'on n'y voyoit aucune marque du paganisme.» (Moreri: Le grand Dict. Hist. *Constantin le Grand.* — Очень естественно, что *старый Римъ* возненавидѣлъ *Римъ новый*: нравы, понятія, языкъ, все между ними были различны; но историческихъ Римлянъ уже не существовало; и слѣдовательно представителемъ возникшей ненависти было *Римское духовенство*, которое искони привыкло къ властному вліянію на народъ и правленіе. Самолюбіе его не могло сносить власти Константинопольскаго патріарха, и оно всѣми мѣрами старалось отторгнуться отъ этой зависимости, и возсоздать Западную Имперію изъ силъ враждебныхъ Восточной.

«Императоръ Юстинъ младшій, вѣроятно, предвидѣлъ это: чтобы сохранить Италію подъ державой Константинопольской, и оградить ее отъ привычнаго властолюбія Рима и отъ набѣговъ Галловъ и Готовъ, онъ основалъ, въ 567—568 году, вдоль границъ, *военное поселеніе* Лангобардовъ, и облекъ ихъ предводителей въ званіе гражданскихъ патриціевъ или правителей Италіи. Кромѣ того въ Равеннѣ водворилъ Экзарха, какъ патриція или *главу духовнаго правленія* Италіи: Экзархъ имѣлъ вліяніе на выборъ Папы, и назначеніе Экзарха доказываетъ недовѣрчивость Императоровъ къ Папамъ.

«Постоянная цѣль Рима, отдѣлиться отъ Византіи, никогда не исполнилась бы, еслибъ ересь иконоборства не заразила Императоровъ Леона и Константина Копронима, и патріарховъ: Анастасія, Константина, Никиту и Ѳеодора. Иконоборство было причиною паденія того могущества Византіи, которое завѣщалъ ей Константинъ Великій! Папы воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ стать въ главѣ не только *католичества* Римскаго, но и *власти гражданской*. Когда Императоръ Леонъ издалъ въ 728 году, по всей Имперіи указъ объ истребленіи иконъ, Папа Григорій II воспротивился этому повелѣнію и хотѣлъ склонить Лангобардовъ, Венетовъ и Галловъ на свою сторону; но успѣлъ склонить только Франковъ въ лицѣ Карла Мартелля, *конюшаго*, или предводителя Франкскихъ войскъ Гальскаго владѣтеля Хильдерика. Эта помощь была однако же неудачна; Григорій принужденъ былъ идти съ покорностію на встрѣчу Лютбранду (Лютбрату), Королю Лангобардовъ, подступившему уже съ войскомъ къ Риму, и едва умолилъ его не исполнять воли Императора Леона, который повелѣлъ представить главу

въ Ламбардіи, потому что войско поселено было на квартирахъ народа, говорящаго Латинскимъ нарѣчіемъ; однакожъ во время Карла Великаго еще сохранялись въ войскѣ обычаи Славянскіе, кото-

Рима живаго или мертваго въ Константинополь. Новыя интриги Папъ были причиною втораго похода Лангобардовъ на Римъ, подъ предводительствомъ Астольфа. Папѣ не оставалось бы никакого спасенія; но въ это время ковы были устроены.

«При Хилдерикѣ III, Пепинъ *Короткій*, или вѣрнѣе *Карло*, сынъ Карла Мартела, наслѣдовалъ власть *мера* или *конюшаго*, и начальствовалъ надъ *Франками*, то есть войскомъ царей Гальскихъ: Папа Захарій, какъ и предмѣстникъ его Григорій, не найдя послѣдователей себѣ въ Царяхъ Галліи, нашелъ ихъ въ правителяхъ, въ войскѣ, а можетъ быть, и въ большей части народа. Хильдерика свергли съ престола, постригли и заключили въ монастырь; сына его Тьерри также; а Пепинъ, съ наслѣдниками своими, помазанъ на царство, присланнымъ отъ Папы легатомъ. Вскорѣ Стефанъ III, видя, что въ Римѣ нѣтъ уже ему спасенія отъ Лангобардовъ, отправился въ Галлію къ Пепину, снялъ съ него грѣхъ хищенія престола, помазалъ вторично на царство, и нашелъ въ немъ вѣрнаго поборника, нашелъ въ немъ то, чего даже не могъ ожидать: Пепинъ поднялся войною на Лангобардовъ, и покорилъ Италію, не для себя, а для Папъ. Разбивъ Астольфа, и завоевавъ всѣ города Лангобардскіе, кромѣ столицы Тычина, онъ сложилъ ключи отъ городовъ Экзархата на гробъ Апостола Петра. Императоръ Константинъ Копронимъ, занятый возстаніемъ Болгаръ и общими волненіями и мятежами Имперіи по случаю иконоборства, не могъ поддержать Лангобардовъ и воспротивиться явному отпаденію Рима отъ единства Церкви, а Западной Имперіи отъ Восточной. Тщетно желалъ онъ склонить Пепина на свою сторону дарами и предложеніемъ союза своего сына Леона съ его дочерью,— Пепинъ отозвался обычаемъ Галловъ: не выдавать дочерей за *иновѣрцевъ*. Великій конюшій Дезидерій, Дидье или Дидрихъ, избранный въ предводители Лангобардовъ, по смерти смирившагося предъ Франками и Папой Астольфа, долго не смѣлъ поднять оружія на Римъ, для возвращенія Экзархата; но по смерти Пепина, во время возникшихъ смутъ въ Галліи за право наслѣдія, Дезидерій ополчился, возвратилъ большую часть городовъ Экзархата, и въ тоже время принялъ подъ свое покровительство дѣтей Карломана, лишенныхъ Карломъ отцовскаго наслѣдія; а равно Гунольда, владѣтеля Аквитанскаго, и всѣхъ вообще недовольныхъ Карломъ, почитавшихъ его хищникомъ братскаго наслѣдія, Австразіи, или восточной части Галліи. Въ это-то время, чрезъ посредство Берты, матери Карла, старавшейся примирить его съ племянниками, совершился, неожиданный и противный политикѣ Папъ, союзъ Карла съ дочерью Дезидерія Эрменгардой, и готовился новый союзъ Адальгиса, сына Дезидерія, съ сестрой Карла Гейзлой. Этотъ союзъ рѣшалъ судьбу Рима, Церкви и всей Европы; но онъ разорванъ тайнымъ вліяніемъ: Карлъ, который пренебрегъ Папскими увѣщаніями и заклятіями не жениться на еретичкѣ, вдругъ разводится съ Эрменгардой, и становится поборникомъ Папы, способствуетъ

рые не легко искореняются; а равно и всѣ собственныя имена Лангобардовъ Славянскія. Въ древности войско состояло изъ полковъ, но каждый полкъ состоялъ изъ воиновъ одного племени (Volk). Такъ полки Лангобардскіе, пришедшіе въ Италію съ Албоиномъ, состояли изъ Гепидовъ (Краинцевъ) Болгаръ, Сарматовъ, (ящероглазыхъ Русиновъ), Паноицевъ Жупанцевъ Нориковъ (64) и другихъ племенъ, которыя, расположась по южной сторонѣ Альповъ, составляли и во время Варнефрида округи или вѣчи. Если полки Лангобардскіе состояли преимущественно изъ *народовъ Славянскихъ*, имѣю ли я право ввести Славянизмъ въ Лангобардію?» спрашивалъ Вельтманъ, и всякій *безпристрастный* изслѣдователь навѣрное дастъ ему отвѣтъ утвердительный. — Противникъ нашего поэта-археолога, С. П. Шевыревъ замѣтилъ ему, что Лангобарды находились во враждѣ съ Sclav'-ами; въ особенности онъ почитаетъ непонятнымъ для себя, что, въ слѣдствіе временно-благопріятныхъ отношеній къ Франкамъ, Langobardi hostiliter in Sclavos pertexerunt (65). Но изъ этихъ обстоятельствъ видно только то, что Длиннобородые враждовали съ Словенцами, и отнюдь нельзя заключать, будто бы Лангобарды были Не-Славяне; въ защиту мнѣній А. Ѳ. Вельтмана, я напомню гну Шевыреву слѣдующее:

1) Sclav'ами и Sclavin'ами называли первоначально только однихъ Словенцовъ, а Варнефридъ усвоиваетъ имя Sclavi даже не всему Словенскому племени, а только Краинцамъ: Carniola Sclavorum patria, Крайна отечество Словенцевъ,» говоритъ онъ (66) слѣд. хотя по-Лабскіе Бородачи Langobardi) не были ни Словенцами ни Краинцами; однакожъ это не мѣшаетъ имъ быть Славянами; такъ Россіяне, Поляки, Сербы, Чехи, Болгаре хотя всѣ не-Словенцы, однакожъ всѣ они суть Славяне; точно такимъ образомъ и Лангобарды, не будучи Словенцами, могли быть Славянами. Почтенный возражатель смѣшалъ понятіе *рода* съ понятіемъ *вида*, и оттого впалъ въ ошибку.

2). Лангобарское ополченіе въ Италіи совсѣмъ — другое дѣло: въ составъ его вошли 20,000 Нѣмцевъ Саксовъ и *различныя* племена Славянъ; охотники изъ Словенцевъ не могли препятствовать ополченію сражаться съ главнымъ племенемъ Словенцевъ, въ слѣдствіе союза

ему изъ духовнаго владыки преобразоваться въ верховнаго преобладателя Запада, покоряетъ Лангобардію, лишаетъ Греческаго Императора господства надъ Италіей, и — за все это получаетъ въ награду титло Кесаря новой феодальной монархіи, очерченной его мечемъ.»

(64) Сличите стр. 73—75, 117—120, 121, 122. 124, 125.

(65) Gesta Dagoberti regis, гл. 28; Acta Litteraria ex manuscriptis eruta atque collecta, cura Struvii, —Jenae, 1703.

(66) Paul. diac. VI c. 52; — сравните выше, стр. 106-132.

съ Имперею. Въ нашихъ войскахъ, напримѣръ, служатъ многіе изъ Кавказскихъ горцевъ; но препятствуетъ ли это намъ покорять тѣхъ горцевъ, которые не хотятъ признавать нашей власти. Нисколько! Тѣ изъ Горцевъ, которые служатъ у насъ, ведутъ войну съ своими единоземцами подъ нашими знаменами. Такъ точно, кто изъ Словенцевъ хотѣлъ вступать въ дружину Лангобардкую, тотъ уже дѣлался союзникомъ Императорскимъ и врагомъ всякаго непріятеля Византійской Имперіи, хотя бы этотъ непріятель былъ его соплеменникъ.

Такимъ образомъ возраженія г-на Шевырева нисколько не могутъ поколебать основныхъ положеній новаго мнѣнія о Лангобардахъ; относительно же развитія гражданскаго быта ихъ, прежнія гипотезы, представлявшія ихъ грубыми, варварами, должны также уступить мѣсто новымъ соображеніямъ, основаннымъ не на произвольныхъ догадкахъ новѣйшихъ писателей, а на прямомъ свидѣтельствѣ Варнефрида. «Лангобарды были преобладателями просвѣщенной Италіи, были сосѣдами торговыхъ Греческихъ городовъ, имѣли близкія сношенія съ Константинополемъ. Въ 640-мъ году они уже имѣли писаные законы; Ротарь, Гримвладъ, Лютобратъ, Астольфъ были основателями гражданскаго ихъ порядка, которому удивляется самъ историкъ ихъ, Варнефридъ. «Удивительно, что въ королевствѣ Лангобардскомъ не боялись ни насилія, ни предательства. Никто не «зналъ ни обидъ, ни грабежа; воровство было тамъ неизвѣстно, и «каждый могъ путешествовать безбоязненно». Гражданское же существованіе Галліи началось съ Карла Великаго,» замѣчаетъ г. Вельтманъ, и на основаніи Варнефрида доказываетъ, что Лангобарды были для возстановителя Западной Римской Имперіи образцемъ военно-гражданскаго управленія (67). Французскіе писатели приписываютъ начало военныхъ игръ Карлу Великому, но это мнѣніе должно относиться только ко Франціи, а не ко всей Европѣ: Карлъ при дворѣ своемъ вводилъ обычаи и торжественность Италіи, а въ Италіи образцемъ правленія, великолѣпія и вообще военно-гражданской жизни была Лангобардія. Сами Итальянцы приписываютъ начало турнировъ Лангобардамъ, которые уже во времена Тацита превосходили воинственностію прочія племена Германіи, на своей полабской родинѣ.

III-IX. Семь сосѣднихъ хохлацкихъ племенъ только названы у Тацита по имени, а мѣстоположеніе страны, которую занимало каждое, совсѣмъ не обозначено. Сказавъ о малочисленности Длиннобородыхъ Велстовъ, Тацитъ продолжаетъ: «потомъ слѣдуютъ *Reudig*-

(67) Москвитянинъ 1841, № 11.

ni, и *Aviones* и *Angli* и *Varini* и *Evdoses* (?) и *Wartones* и *Nuithones*, защищаемые рѣками или же лѣсами» (68). Объяснимъ каждое изъ этихъ названій.

Ш хохлацкое племя *Reudigni* или *Rudigni*, какъ можно заключать изъ Тацита, получили это имя отъ рѣки, на берегахъ которой жили. Воинственные Бородачи (Langobardi) занимали устье Лабы, т. е. Слезовикъ, Звѣринъ и Стрѣлицъ (69), а потому и должны быть признаны тѣми войнолюбивыми Велетами, которые у сосѣдей получили прозвище Вильковъ Лютичей или Wagr'овъ; на востокъ же отъ нихъ, между Пѣною и Одрою, въ среднихъ вѣкахъ было извѣстно племя Reudari или Rudarii, а имя *Рудари* явно заимствованно отъ рѣки Руды, какъ называли иногда Одру или Одеръ. Вообще по-Одерская земля, на всемъ протяженіи этой рѣки, называлась въ среднихъ вѣкахъ *Руденскою*, какъ доказываютъ Силезскія граматы, въ которыхъ Опольское княжество (Opoliensis ducatus) подъ годомъ 856-мъ называется Ruderia marcus или Runderia; подъ годомъ 973-мъ упоминается Rodenfordi locus, а подъ годомъ 1251-мъ ducatus Rudensis sive Vielunensis, княжество Руденское или Волынское; въ 1252 году Владиславъ Опольскій выкупалъ приданое своей племянницы въ Ратиборскихъ владѣніяхъ, terram Rudensem sive Vielunensem землю Руденскую или Волынскую (70); въ 1258 году находимъ жалованную граммату новопостроенной обители super fliviuni qui dicitur Ruda, «на рѣкѣ называемой Рудою» (71). Это имя встрѣчается даже въ XV вѣкѣ и въ XVI-мъ: такъ въ одной Силезской граммотѣ 1407 года встрѣчается мѣсто Великая Руда, Magna Ruda; въ 1521 и 1538 годахъ этотъ же, или другой одноименный городъ, названный сперва Raudena, потомъ Rauden, а нынѣ извѣстный подъименемъ Raudten, недалеко отъ Лигница и Золотой горы или Гольдберга. Названіе Руденской земли было такъ обще всей по-Одерской странѣ, что въ 1309 году, оторванная бурею часть острова Рюгена, получила также названіе Руды (Ruda, Ruden), и была даже въ концѣ XVI вѣка извѣстна подъ этимъ же именемъ (72). От-

---

(68) Tacit. Germ. XL: «Reudigni deinde et Aviones, et Angli, et Varini, et Eudoses, et Svardones et Nuithones, fluminibus aut silvis muniuntur.» Думаю, что, вмѣсто Svardones, должно читать Wartones (Вартинцы), ибо рѣка Варта есть важнѣйшая послѣ Руды или Одры.

(69) См. выше, стр. 205.

(70) Rerum Silesicarum Scriptores (Lipsiae, 1729), auct. Fr. Wil. de Sommersberg стр. 664 677, Specil. Ecclesias. Магдебург. грам. въ Reichs-Archiv.

(71) Rer. Silesiac. Script. 879.

(72) Крамера Pommerische Kirchen-Chronik. Хитрея Saxon. l. I. Wandalia Подъ годомъ 1596-мъ, слѣдственно въ исходѣ XVI вѣка, читаемъ: по-

сюда объясняется мѣстное названіе Ad-Roditi, *Ad-Ruditi, Об-рудичи По-Рудичи* (73). И такъ Славянская рѣка Odra или Ruda сообщила свое имя туземнымъ обитателямъ: отъ имени *Одра* произошло названіе *Об-Одричи* или *По-Одричи,* Ob-Odriti, Ob-otriti; отъ имени *Руда* произведены имена: *Рудари, Об-рудичи, По-рудичи,* Rudarii Reudigni, Rudigni, Ab-Ruditi. — Ученый исторіографъ Богеміи, *Палацкій,* и авторъ Славянскихъ Древностей, *Шафарикъ,* думали, что имя Obodriti есть искаженіе Славянскаго названія *Бодричи;* это мнѣніе, принятое и у насъ нѣкоторыми Славянистами, не выдержитъ натиска исторической логики, потому что основано единственно лишь на созвучіи, которое можетъ легко вводить въ ошибку, если не подкрѣпляется другими соображеніями критики. Во первыхъ: нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы Славянскія при-Балтійскія племена сами себя называли Бодричами; слѣдственно, это имя не существовало въ дѣйствительности, а создано лишь учеными, и потому есть книжное, а не народное. Во вторыхъ: соображеніе словъ Тацита «Rudigni etc. fluminibus muniuntur» съ положительными свидѣтельствами официяльныхъ граммать, что рѣка Odra называлась также Ruda, очевидно доказываетъ, что и Тацитовы Rudigni, и Ab-Ruditi граматъ, и Ob-Odriti лѣтописцевъ, заимствованы изъ одного источника — всѣ произведены отъ имени рѣки Одры или Руды. (74)

---

vum Perni ostium inter Rugiam orientalem et *Rudam* insulam olim tempestatibus inde avulsam e regione Grypswaldi et Wuolgasti.

(73) Vollständige Einleitung zu der deutschen Staats und Reichs-kaisergeschichte von S F. Gahns (Halle und Leipzig, 1721), t. II, стр. 144.

(74) И такъ Svenones или Svevi, какъ жители нижней Одры, составляли только часть Рударей или Рудичей (Rudariorum, Rudignorum), которыхъ имя было распространено даже за Лабу, на Турингію, въ слѣдствіе ли переселенія туда нѣкоторыхъ племенъ Рударей, или же въ слѣдствіе обширнаго политическаго и религіознаго вліянія сихъ послѣднихъ на сосѣдственныя племена. Городъ Ретра, куда стекались на поклоненіе *Радогостю* (*Радегасту*), былъ центромъ идолослуженія балтійскихъ Славянъ, по выраженію Адама Бременскаго (sedes idolatriae); соперницею Ретры впослѣдствіи явилась Аркона, столица Рюгена, гдѣ первенствовало поклоненіе *Свѣтовиду*, praepollet Zwantewith, какъ пишетъ Гельмольдъ. Борьба этихъ двухъ религіозныхъ метрополій хорошо изложена въ «Славянской Миѳологіи» М. И. Касторскаго (Спб. 1841), стр. 78 и слѣд. — Московскій профессоръ Ѳ. Л. Морошкинъ думаетъ, что имя Rudigni, по догадкѣ нѣмецкихъ антикваріевъ прошлаго вѣка, передѣлано въ Teuringi, Turingi, что въ словахъ Ruda, Ruden, Raudten, заключается имя Ruthenia, и что Тацитовы Rudigni означали Туринскихъ Славянъ; но съ этимъ не возможно согласиться потому, что у Тацита Rudigni пріурочены къ Балтійскому морю въ сосѣдство длиннобородыхъ Веле-

IV хохлацкое племя *Aviones*: жилищами ихъ обыкновенно полагаютъ нынѣшнія Люнебургскія земли, по которымъ протекаетъ Варяжскій или Велетскій Ильмень, у Нѣмцевъ называемый Ильменъ-Ау, Ilmen-Au, отчего и произошло имя *Ильменовцы*, Ilmen-Aviones или сокращенно Aviones.—Пятое чубоносное племя *Angli*, родичи Ютовъ, или Цимбровъ, отрасль великаго племени Саксовъ, жили въ области Ангельнъ, то есть въ приморской *равнинѣ* (отъ слова Aenge) между Шлезвигомъ и Флепсбургомъ взади Цимбровъ, по свидѣтельству Птоломея: supra dorsum Cimbricae Chersonesi Saxones; онъ полагаетъ, что жилища этихъ Англо-Саксовъ простирались до рѣки Халуза или Травы въ Голштиніи.—Шестое чубоносное племя *Varini*: это Вары или Варяги, въ собственномъ смыслѣ. Оба названія суть одно имя, только съ различными окончаніями: *Вар-инъ* (какъ Русинъ, Полянинъ) и *Вар-ягъ* (какъ Русакъ, Полякъ). Птоломей употребляетъ вторую форму Vargiones; а первую форму соединяетъ съ именемъ Рудичей (Pharodeni, то есть Var-Rudini). Ихъ имя напоминаетъ Мекленбургскіе городъ Waren на озерѣ Мерѣ, мѣстечко Warin и озеро того же имени ([75]); слѣдственно они составляли так-

---

товъ,—слѣдственно прямо указаны по теченію Одры или Руды;—впрочемъ я совершенно согласенъ съ ученымъ нашимъ юристомъ, что «въ древней Турингіи, по всей достовѣрности, были Славяне; они были жесточайшими врагами Саксовъ, побѣждены ими, и имя Рудинговъ, подобно имени Словенъ, сдѣлалось нарицательнымъ именемъ черни. Саксонскій законъ (Lex Saxonum), составленный по всей вѣроятности при Карлѣ Великомъ, когда онъ покорилъ Саксонское племя Французской монархіи, содержитъ весьма важное извѣстіе для исторіи: въ первомъ пунктѣ, гл. II, содержится различіе виры за убіеніе адалинга (дворянина) и простолюдина, который назывался Ruda: qui nobilem occiderit ICCCXL sol. componat, Ruda quod dicitur apud Saxones CXL sol. et interpremium CCL sol. Германскіе ученые подъ именемъ *Руды* разумѣютъ не раба, а свободнаго человѣка, по простолюдина. Будучи поселены на земляхъ адалинговъ, Руды или покоренные Саксами Турингскіе Славяне, по Тациту Reudigni (?), не могли быть свободными; ихъ-то имя сдѣлалось нарицательнымъ именемъ мужицкаго класса людей въ монархіи Франковъ (roturiers.)» Историко-критич. изслѣд. о Руссахъ и Славян. с. 26, 27, 30).—Эти Славяне Туринскіе, Teuringi или Turingi суть древніе Турольцы или Туровцы (Taurisci, Turisci) называвшіеся также и Норійцами (Norici) отъ главнаго города Нореи (Noreia); сравните выше стр. 124, 125 и примѣч. 92.

([75]) Имя *Мекленбургъ* есть искаженный переводъ Славянскаго имени *Великій городъ*: изъ греческаго перевода, Megalopolis, Нѣмцы удержали первую половину, передѣлавъ ее въ Meklen; а вторую половину названія (polis, городъ) замѣнили своимъ словомъ *burg*. Этотъ *Великій городъ* носилъ и другое имя, какъ видно изъ сравненія параллельныхъ извѣстій

же часть Длиннобородыхъ Велетовъ. Это неопровержимо доказывается сравненіемъ параллельнаго мѣста географіи Птоломея: «post Saxones vero a Chaluso fluvio usque ad Svevum fluvium tenent

---

Адама Бременскаго, Фульденскихъ лѣтописей и Гельмольда: Obodriti, qui altero nomine *Reregi* vocantur, et civitas eorum *Magnopolis* (Ad. Brem. Hist. p. 19), то есть: «Поодерцы называются другимъ именемъ Reregi, и столица ихъ Magnopolis (Великій городъ)»; Фульденскій же лѣтописецъ прямо говоритъ: *Rerich* civitas Obodritorum (Ann. Fuld. ad an. 809): «Rerich столица Поодерцевъ»; а Гельмольдъ такъ описываетъ положеніе этого города, по случаю разсказа объ умерщвленіи Страшика: Trasico in oppido *Rorich* ad mare sito, per siccarios a Dano submissis, occisus est (Helm. p. 36) «Страшикъ въ городѣ Rorick, лежащемъ у моря, умерщвленъ убійцами, подосланными отъ Датчанъ.» — И такъ второе туземное имя Великаго города Поодерцевъ было *Рарогъ*, то есть *Соколъ* (Raroch, Rarog, у Чеховъ, Поляковъ и Босняковъ означаетъ синяго, голубаго сокола, modry sokol, strecawy gestrab, accipiter stellaris, falco cyanopus, Blaufuss, Sternhabicht, Sprintz, — см. Словарь Палковича, ч. II, с. 1967; Слов. Берполаковъ, ч. IV, с. 2618; Слов. Линде, ч. III, с. 14). Другое сходное имя есть *Рорикъ*, что значитъ *Ласточка* (Roreyk, Roric, по Нѣмецки Spierschwalbe, по Латинѣ hirundo apus, см. Палков. 1989, Бернол. 2738). Въ Древанскомъ нарѣчіи, замѣнявшемъ *о* буквою *u*, имя *Roric* произносилось *Ruric*. Такимъ образомъ раскрывается значеніе имени родоначальника нашихъ князей, Варяго-Русскаго *яснаго сокола*, который, на призваніе Новгородской нашей Руси, *перелетной ласточкой* явился къ единоплеменникамъ княжить и владѣть по правамъ, ибо Новгородцы (по свидѣтельству Нестора) искали себѣ *Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву*. (Лаврент. спис. с. 12) Знать же права и обычаи наши могъ только соплеменникъ, которому Славянская народность и Славянскіе законы съ-издѣства знакомы, а это и было первымъ условіемъ для водворенія порядка, — единственная цѣль, для которой призывали его въ Новгородъ «вся земля наша», говорили ему послы «велика и обильна, а *наряда* въ ней нѣтъ: да пойдете княжить и володѣти нами». (Лавр. спис. 12). Отчизну же Варяжской Руси Пр. Несторъ указываетъ на южномъ Балтійскомъ поморьѣ за Ляхами и Пруссами: «Ляхове и Пруси, Чудь (Эстонцы) присѣдятъ къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдятъ Варязи къ западу до землѣ Агнянски и до Волошски.» (Лавр. спис. стр. 2); а между Литовцами-Пруссами и Ляхами съ одной стороны, Англо-Саксами (въ Шлезвигѣ) съ другой стороны (сѣверо-западной), и землею Чехо-Влаховъ или Волоховъ (съ юга), лежитъ именно Кутъ Велето-Сербскій; и такъ, Несторъ самъ утверждаетъ, что Варяго-Руссы были наши единоплеменники, когда показываетъ Варяжскую Русь на Балтійскомъ Славяно-Сербскомъ Поморьѣ. Указанія *западныхъ писателей* и самой *мѣстности* подтверждаютъ свидѣтельство Преподобнаго Нестора (см. выше стр. 91; прим. 34). Если же Варяго-Русскій Князь призванъ былъ Новгородцами, какъ единоплеменникъ, съ Балтійскаго Поморья, то ясно, что онъ по происхожденію былъ Велето-Сербъ, по Нѣмецки Wagr, ибо все южное Балтійское Поморье, начиная

Pharodeni (Var-rudini), то есть: «за Саксонами живутъ *Варны-Рудины* отъ Любецкой Травы до Свевы», то есть рукава нижней Одры; и тотчасъ же показываетъ онъ ихъ подъ другимъ именемъ какъ бы другое племя: «post Sideni usque ad Viadrum fluvium (76), «потомъ *Сидены* до самой Одры»; въ среднихъ вѣкахъ дѣйствительно было извѣстно это прозвище Sideni, какъ названіе Славянскаго племени приморскихъ Одричей, по обѣимъ берегамъ рѣки Одры, почти до самой Варты.

VII хохлацкое племя *Eudoses*: это какое-то искаженное на Эллинскій ладъ прозвище, а не подлинное названіе.—VIII хохлацкое племя *Wartones*, *Вартинцы*, заимствовали себѣ имя отъ рѣки Варты и были сосѣдами Сиденовъ. — Девятое чубоносное племя *Nuit-*

съ Вильковъ-Лютичей до южныхъ Лютичей или Лужичанъ включительно, населено было однимъ Сорабскимъ или Германо-Сербскимъ народомъ, котораго племена отличались только мѣстными прозвищами; слѣдственно и самое имя нашей Варяжской *перелетной ласточки* по всей вѣроятности было Славянское, какъ уже догадывался О. М. Бодянскій (О народной поэзіи Славянскихъ племенъ, М. 1837, примѣч. подъ стр. 141 и 142). «Не отъ *Рарога* ли, *Рорика*, и имя нашего Рюрика?» спрашивалъ Московскій ученый. «Тутъ только одна буква измѣнена нами по свойству «нашего южно-Русскаго языка, въ которомъ *о* часто переходитъ въ *у* «(Рурикъ), *ю* (Рюрикъ); а извѣстно, что Славяне не рѣдко брали себѣ «имена и прозвища отъ птицъ.» Напомню съ своей стороны почтенному профессору-славянисту, что въ Древанскомъ и Верхне-Лужицкомъ нарѣчіяхъ, Сербы употребляли часто *у* вмѣсто *о*: вмѣсто радость, дворъ говорили rodust, dwur, pul (Славян. Народопис. Шафар. въ русск. перев. стр. 98, 105); слѣдственно, гдѣ прочіе Славяне говорили Roric (ласточка), Древанскіе и Лужицкіе Сербы *по свойству своего языка* должны были говорить Ruric. — Равнымъ образомъ имена братьевъ Рюриковыхъ тоже Славянскія. Имя *Синавъ* или *Синеусъ*, по мнѣнію г. Бодянскаго, есть не что иное какъ *Синевъ* или *Знѣвъ*, или какъ Длугошъ (Hist. Polon. t. I, p. 49) пишетъ Scyniew, а Нарушевичъ Zyniew, отъ *знити*, *звинѣти* (звѣнѣть); оттуда имена Зни, Зніовъ, Знислав, Звониславъ, Звонимірь и т. п. Но и другая форма этого имени, *Синеусъ*, мнѣ кажется, легко объясняется сравненіемъ съ именами: Бѣлоусъ, Сивоусъ, Прудыусъ и т. д. Имя третьяго брата Рюрикова, *Труворъ*, по мнѣнію г. Бодянскаго, также чисто Славянское, которому соотвѣтствуетъ краинское *Труборъ*, Труберь; извѣстный переводчикъ Краинской Библіи (въ XVI вѣкѣ) назывался Примошъ Трубетъ; у Чеховъ къ именамъ Труборъ, Треборъ иногда прибавлялась буква *c*, на пр. «и каже кнѣзь на Стрѣбора»; отсюда же имена Требата, Трибота, Требанъ, Требова, Требенъ, Требонь, Требошь, Требомысль, Требдрадъ, Требиславъ и проч. Rozprawy o gmenach narodu Slawskeho, od Jana Kollara (Буд. 1830), стр. 358, 59, 60; а что буква б-в, см. далѣе, стр. 121.

(76) Птолом. кн. II, гл. II.

hones получило это мѣстное имя отъ рѣки Nuthe въ нынѣшнемъ Ангальтъ-Цербскомъ княжествѣ.

Тацитъ увѣряетъ, что мода носить чубъ или хохолъ распространилась по всей внутренней Германіи, haec quidem pars Svevorum in secretiora Germaniae porrigitur ([77]), и подчинивъ своему владычеству Свейскія или Шведскія племена (Suionum et Sitonum gentes), остановилась на предѣлахъ неопрятныхъ Чухонцевъ или Финновъ: hoc Sueviae finis! «тутъ уже конецъ Хохлатчинѣ ([77])!» восклицаетъ великій историкъ древности.

Послѣдуемъ, по его указанію, за чубоносцами внутренней Германіи. Прежде всего являются намъ Бойи-Чехи которыхъ за-Дунайскія жилища были извѣстны еще Геродоту (Sigi, Siginni). Это воинственное племя Чеховъ на западѣ отдѣлялось отъ Франконскихъ Славянъ горами Богемскимъ Лѣсомъ; съ сѣвера и сѣверо-востока такой же хребетъ горъ Кърконошскихъ (Исполинскихъ) отдѣлялъ Чеховъ отъ Полабскихъ Сорабовъ; къ юго-востоку Чехи граничили (при впаденіи Моравы въ Дунай) съ Словаками, а къ югу, около Дуная, съ тѣми Словенцами, которые потомъ завоеваны Карломъ Великимъ, вошли въ составъ Восточной части его владѣній (Oestreich, Oesterreich), были постепенно онѣмечиваемы и наконецъ составили собственно такъ называемое Австрійское эрцгерцогство. На этомъ пространствѣ Чешское племя приняло многія мѣстныя названія; нѣкоторыя изъ нихъ удержались донынѣ: въ собственной Чехіи (Богеміи): *Подлѣси* (Подлѣсье) южная часть Прахенскаго края отъ Страконицъ и Прахатицъ къ Шумавѣ; *Чернавы* между Червеной Дубравицей, Нимбургомъ и Кржиницемъ, отчего тамошніе обитатели называются *Черноваки*, равно какъ *Заводаки* на Изерѣ и Лабѣ; далѣе, къ Востоку, *Моравы*, по рѣкѣ Моравѣ, *Ганаки* по обѣимъ сторонамъ рѣки Ганы отъ Вышкова черезъ Голешовъ и Пржеровъ по Холмуцъ (по-Нѣмецки Ollmütz), *Горяки* и *Подлуэжаки* въ округахъ Холмуцкомъ и Бърненскомъ (по-моравски Brno, по-нѣмецки Brünn), *Влахи* иначе *Волохи* (упоминаемые Преподобнымъ Несторомъ) въ Тѣшинскомъ Пржеровскомъ и Градиштскомъ краяхъ, именно въ гористой части со стороны Угріи (Венгріи), и подраздѣляемые на Залѣшаковъ, Копаничаровъ, Блатнаковъ, Подгараковъ и проч. ([79]). Само собою разумѣется, что иноплеменники, не обязанные ломать себѣ языкъ трудными для нихъ Чешскими прозвищами, охотнѣе употребляли тѣ *мѣстныя* названія, которыя имѣютъ смыслъ и потому легко могутъ

([77]) Tacit Germ. XLI.

([78]) Тамъ же, гл. XLV.

([79]) Славянское Народописаніе Шафарика, пер. О. М. Бодянскаго стр. 84.

быть переведены: такимъ образомъ, смѣтливый изыскатель, пріурочивъ извѣстія Тацита и повѣривъ ихъ настоящею этнографіею, тотчасъ догадается, что имя Hermunduri есть нѣмецкій переводъ чешскаго имени Гораковъ ([80]), Marcomanni переводъ чешскаго имени Моравовъ([81]), а Quadi переводъ чешскаго имени Полѣсянъ ([82]).

Жилища ихъ показаны у Тацита во внутренней Германіи слѣдующимъ образомъ: propior (ut quomodo paullo ante Rhenum, sic nunc Danubium sequar) Hermundurorum civitas... in Hermunduris Albis oritur, то есть: «слѣдуя по теченію Дуная, какъ прежде по теченію Рейна, ближайшіе Чехи-Гораки... у Гораковъ начинается Лаба» ([83]). Рѣка Лаба (Эльба) вытекаетъ изъ горъ сѣверо-восточной Богеміи; слѣдственно, именемъ Гораковъ, по-нѣмецки Hermundur'овъ, покрывалась большая часть нынѣшняго

([80]) Вильгельмъ прежде и удачнѣе всѣхъ объяснилъ значеніе имени Hermunduri, которое, по его мнѣнію, составлено изъ древнихъ Нѣмецкихъ словъ: Hehr (высокій, возвышенный, горный) и Mund (человѣкъ), слѣдственно означаетъ *людей на высотахъ*, *на горахъ*. Wilhelms German. 209. Нѣмецкимъ изыскателямъ оставалось только сравнить указанія древнихъ съ нынѣшнею этнографіею, и тотчасъ бы разъяснилось, что эти *нагорные люди* суть Чехи—*Гораки*.

([81]) См. выше стр. 105. 106.

([82]) Аделунгъ справедливо утверждалъ, что имя Quadi происходитъ отъ Кельтическаго и Валлизскаго слова Cold, Coad (лѣсъ) и означаетъ *лѣсныхъ жителей*. Adelungs Aelt. Gesch. d. Deutsch. V, 218. — Ошибка всѣхъ писателей, почитавшихъ это племя за Нѣмцевъ, произошла отъ незнанія мѣстности Чеховъ-*Полѣсянъ*. Удивительно, какъ и Шафарикъ впалъ въ ту же ошибку: онъ увлекся предположеніемъ, будто бы жилища всѣхъ Германо-Славянскихъ народовъ простирались на западъ только «чрезъ Вислу къ поречью Одера и частію за него» (кн. III, с. 57), и будто бы Sigi или Siginni были Индійцы-Цыганы (Слав. Древн. I, 52), тогда какъ иначе и произнесть Грекъ не могъ имени *Чеховъ*, по неимѣнію буквы *ч* (смотрите выше, стр. 99—104). Чехи-Полѣсяне получили названіе отъ хребта горъ, называемаго Богемскимъ Лѣсомъ; а между тѣмъ ученый Шафарикъ, повѣривъ на слово нѣмецкимъ изыскателямъ, увѣряетъ, будто бы «въ V столѣтіи Quadi (то есть Чехи-Полѣсяне) *захвачены были бурей*, произведенной Гунами, подъ начальствомъ Атилы, *и совершенно потерялись въ ней*, послѣ чего еще разъ имя ихъ *упоминается* въ Испаніи (!); жилища ихъ достались на нѣсколько времени Ругамъ, по коимъ онѣ и прозваны были Ругіей, Rugiland» (Слав. Древн. кн. III, 87). Примѣръ поучительный для юныхъ изыскателей, краснорѣчиво доказывающій, какъ строго надобно смотрѣть на прежнія гипотезы: славный ученый, принявъ на себя защиту прежнихъ несправедливыхъ теорій, принужденъ увѣрять въ томъ, въ чемъ разувѣряетъ Этнографія!

([83]) Тац. German. XLI.

Богемскаго или Чешскаго королевства, кромѣ западной части или Полѣсья, которое было извѣстно подъ собственнымъ именемъ, какъ видно изъ Тацита же: juxta Hermunduros Norisci (Norici), ac deinde Marcomanni et Quadi agunt (84), «подлѣ Гораковъ живутъ Норійцы» (къ югу, по Дунаю), «а потомъ Моравы» (къ востоку), «и Полѣсяне» (къ западу). Такъ какъ Чешское племя было по Дунаю сосѣдомъ съ Римскою, уже покоренною при Августѣ, Норійскою областью, то свѣденія о мѣстныхъ именахъ Чеховъ или Богемцевъ отличаются у Тацита вѣрностью; но, что̀ касается до этнографіи, славный писатель древности запутался въ именахъ и принялъ каждое имя за особенный народъ. Когда въ политическомъ отношеніи племя распадается на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, тогда мѣстныя имена получаютъ первенство передъ общимъ племеннымъ, которое почти совсѣмъ выходитъ на это время изъ употребленія: такъ у насъ, въ періодъ удѣльный, были государства Кіевское, Черниговское, Смоленское, Переяславское, Суздальское, Новгородское, но не было государства Русскаго; точно тоже явленіе видимъ у Чешскаго или Богемскаго племени, которое распалось на три части въ слѣдствіе политики Римлянъ, умѣвшихъ преклонить на свою сторону Гораковъ (Hermundur'овъ), между тѣмъ, какъ Полѣсяне (Quadi) и Моравы (Marcomanni) постоянно враждовали съ Имперіею; а когда между тремя единоплеменными частями Богемскаго или Чешскаго народа рушилось политическое единство, то и общее племенное имя, Чехи или Бойи, на время этого разъединенія должно было выйдти изъ употребленія. Тацитъ, ошибкою принявшій каждое мѣстное названіе Чеховъ за особенный, отдѣльный отъ Чеховъ народъ, временное уничтоженіе общаго племеннаго названія принялъ за уничтоженіе самаго народа, и въ силу того распорядился такимъ образомъ: precipua Marcomannorum gloria viresque, atque ipsa etiam sedes, *pulsis* olim *Boiis*, virtute parta, то есть: «особенно славны и сильны Моравы, которые храбростію пріобрѣли себѣ и жилище, *нѣкогда* выгнавъ оттуда Бойевъ», другими словами: Чехи-Моравы, за воинственность прозванные Бойями, нѣкогда выгнали Бойевъ (то есть самихъ себя), и заняли ихъ (то есть свои собственныя) жилища! (85) — А между тѣмъ, у писателей жившихъ послѣ Тацита, мы находимъ въ Чехіи, то есть у Моравовъ или Marco-

(84) Tacit. Germ. XLII.

(85) Tacit. German. XLII. — Авторъ Славянскихъ древностей, Шафарикъ, соглашается, что «Тацитовы слова pulsis *olim* Boiis сказаны въ духѣ Римлянъ и несогласны съ истиною, потому что имя ихъ нѣсколько разъ еще и въ позднѣйшее время упоминается въ этой землѣ, равно какъ на среднемъ Дунаѣ»; по его мнѣнію «*безъ сомнѣнія* цвѣтущее со-

манн'овъ, у Гораковъ или Hermundur'овъ, у Полѣсянъ или Quad'-овъ, — опять народъ Boii, Boemi, Baemi, Boiochemae, Boisci (86). Что это значитъ? то, что во время Тацита общее племенное названіе, Чехи или Бойи, вышло-было изъ употребленія, потомъ опять возобновилось, и такъ продолжается до нашихъ временъ; а совсѣмъ не то, будто бы народъ Бойи *нѣкогда* (olim) выгнанъ былъ изъ Чехіи, тогда какъ онъ является на томъ же самомъ мѣстѣ и гораздо послѣ Р. Х. (87)

Похваливъ мужество Чешскаго племени Моравовъ, Тацитъ продолжаетъ: «nec Norisci Quadive degenerant, «однакожъ Норійцы и

состояніе ихъ *мирной* жизни побудило короля Маркоманновъ, Моробуда, мужа великаго духа и властолюбиваго, *покорить* ихъ землю; онъ ударилъ на нихъ около 12 года предъ Р. Х. *безъ всякаго усилія одолѣлъ* и *покорилъ*» (Слав. Древн. III, стр. 22). Авторъ Славянскихъ Древностей ссылается на Tacit. An. II, 62; но у Тацита ничего объ этомъ не говорится; во II книгѣ Лѣтописей, въ главѣ 62, Тацитъ разсказываетъ, какъ удалось Друзу возбудить междоусобія между Германскими племенами, какъ на Моравовъ напалъ Хотѣвладъ или Годовладъ (Catualda) и овладѣлъ ихъ столицею; о покореніи же Бойевъ у Тацита не говорится ни полслова.

(86) Ptolem. Geogr. II, 11, 15; Зосима V, 26; Приска de leg. (ed. P.) 47 сравните выше, стр. 101, 102.

(87) Къ умноженію недоразумѣній присоединилось то, что Франконскіе или Баварскіе Славяне также называли себя Бойями; Сербы, сопредѣльно съ Хорватами жившіе при впаденіи рѣки Ваги въ Дунай, также называли свою родину Бойкою. Имя Бойевъ показываетъ не *племенное* отношеніе народа, а только *воинственность* его, почему и было принимаемо разными Славянскими племенами; донынѣ слово *бой* въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ однозначительно съ словомъ *война*, потому что понятіе о войнѣ неразлучно съ понятіемъ о боѣ (Корнесловъ Шимкевича, I, стр. 7.); такъ у Чеховъ wogowati (воевати) и bogowati (боевати) употребляются одно вмѣсто другаго; буква *б* часто замѣняется буквою *в*, и обратно: нашему слову *бояринъ* въ Виндскомъ нарѣчіи соотвѣтствуетъ woiar, а въ Кроатскомъ витязь значитъ wojnik и boynik. Находя извѣстія о Бойяхъ, должно обращать особенное вниманіе на мѣстность; тогда только возможно рѣшить, о комъ тутъ говорится: о Бойяхъ-Франкахъ, или о Бойяхъ-Чехахъ, или о Бойяхъ-Сербахъ? Не обративъ вниманія на этнографію и географію, историки вообразили, будто бы говорится объ одномъ народѣ, и пустились въ догадки: отчего Бойи являются сперва тутъ, тамъ и тамъ? Вотъ и пошли догадки, предположенія, гипотезы о небывалыхъ войнахъ, переселеніяхъ и покореніяхъ. — Ученый Шафарикъ, поговоривъ о Бойяхъ, сознался, что «коснулся исторіи ихъ только поверхностно» (Сл. Др. III, стр. 23, прим. 40); онъ догадывался о пути, которымъ должно слѣдовать для разъясненія древностей Бойевъ, но не пошелъ по немъ, потому что тогда пришлось бы

Полѣсяне имъ не уступаютъ.» Для объясненія этого мѣста должно припомнить отзывъ Веллея Патеркула о высокомъ состояніи военнаго искуства у Норійскихъ и Жупанскихъ Словенцевъ (88) Далѣе: eaque Germaniae velut frons est, quatenus Danubio protegitur. Marcomannis Quadisque usque ad nostram memoriam reges manserunt ex gente Marobodui et Tudri genus» (89), то есть: «однакожъ Морійцы и Полѣсяне не уступаютъ Моравамъ. Земли этихъ племенъ составляютъ передъ Германіи по протяженію Дуная. Цари Моравовъ и Полѣсянъ до нашего времени происходили изъ рода Міробуда и Дудра». Изъ лѣтописей Тацита (90) видно, что Міробудъ подъ конецъ жизни принужденъ былъ искать убѣжища въ Римской Имперіи; та же участь постигла и побѣдителя его, Хотѣвлада (91): воевода Гораковъ, Выбой (Vibius, Vibillius) принудилъ этого завоевателя также скрыться у Римлянъ. Но такъ какъ сопутники изгнанныхъ царей, Міробуда и Хотѣвлада, были довольно многочисленны и могли бы, соединившись, произвесть смятеніе въ недавно-завоеванныхъ при-Дунайскихъ земляхъ, то имъ отведены для жительства земли за-Дунаемъ, между Морошемъ и Кёрешемъ, а повелителемъ ихъ назначенъ Польсянинъ Ванушъ, Wannius (92). По-

---

ломать половину основанія своихъ Древностей: «исторія Бойевъ *навсегда останется* нѣсколько *темной* и *баснословной*, особенно потому, что никакъ нельзя *отдѣлить* сбивчивыхъ извѣстій древнихъ писателей о Бойяхъ Паннонскихъ, Баварскихъ и Богемскихъ», говоритъ онъ (тамъ же). Почему же никакъ нельзя отдѣлить? Можно и должно! Виноваты не древніе, писавшіе по слухамъ, а новые изыскатели, которые не хотятъ *критикою* отдѣлить истинное отъ *баснословнаго*, послѣ чего и *темнота* исчезла бы, не *нѣсколько*, а совершенно!

(88) Vell. Patercul. II cap. 110.

(89) Tacit. German. XL II. Славянское окончаніе на *міръ*, какъ мы видѣли выше (стр. 197), иноземцы обыкновенно писали *mer*, *mar*: Казимiръ Kasimarus, Яро-міръ Jaromarus, Веле-міръ Belimar; слѣдственно, Тацитовъ *Maro-boduus* есть *Міро-будъ* (сравните: Велебудъ, Милобудъ, Радобудъ, Цѣлибудъ, Яробудъ). Имя другаго родоначальника *Tudor* объясняется Славянскимъ именемъ *Дударь* (чешское Дуда), съ перемѣною *д* на *т* произносимый *Тудоръ*: это древнее языческое имя въ послѣдствіи было приравнено къ христіанскому греческому *Ѳеодоръ*; сравните выше, стр. 59.)

(90) Tacit Annal. II, 62, 63.

(91) См. выше, стр. 198 и 221. *Хотѣвладъ* есть сокращеніе *Хотѣвладъ*.

(92) Catualda.... pulsus Hermundurorum opibus et Vibio (Vibillio) duce, receptusque, Forum Julium, Narbonensis Galliae coloniam mittitur. Barbari utrumque comitati, ne quietas provincias immixti turbarent, Danubium ultra, inter flumina Marum et Cusum (правильнѣе Cresum или Crisium, какъ думалъ Jordan въ Orig. Slav. III, 183, то есть Морошъ и

видимому онъ пользовался царскимъ титуломъ, ибо Тацитъ, въ Лѣтописяхъ, приступая къ разсказу о гибели Ванушa называетъ его владѣніе царствомъ: per idem tempus Vannius, Svevis a Druso Caesare impositus, pellitur regno ([93]). Положеніе этого Царя Свевскаго, поставленнаго Римлянами на своихъ границахъ, по сосѣдству съ независимыми племенами Великой Братовщины (Germaniae Magnae), было точно таково жь, какъ и у насъ положеніе Царей Касимовскихъ, которыхъ утверждали наши Государи по сосѣдству съ враждебною Казанью.

Окончивъ описаніе трехъ племенъ Чешскихъ: *Гораковъ* (по-нѣмецки Hermundur'овъ) сосѣдившихъ къ югу съ Норійскими Словенцами, *Моравовъ* (Marcomann'овъ) и *Полѣсянъ* (Quad'овъ), Тацитъ переходитъ къ дальнѣйшимъ народамъ, слѣдственно опять къ странѣ между Лабою и Одрою (Рудою), другими словами къ Германской Сербіи, которой Поморскія (Wandal'скія) области уже описаны имъ выше подъ именемъ Велетскихъ Бородачей, Варновъ, Свеноновъ или собственно-Свевовъ, Рудичей или Рударей, и Вартинцевъ. Этотъ юго-западный *кутъ* (уголъ) Балтійскаго моря межь Лабою и Одрою, покоренный Нѣмцами во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, усиленными мѣрами завоевателей по большей части лишился уже Славянской народности. ([94]) О нынѣшнемъ состояніи того края Шафарикъ пишетъ: «рѣчь Лужицко-Сербская,—простиравшаяся прежде *по цѣлой родинѣ Полабскихъ Сербовъ, отъ Салы черезъ Лабу къ самой Одрѣ,* то есть въ Мишніи, Лужицахъ и смѣжномъ краѣ,—нынѣ употребляется только въ небольшей части Верхнихъ и Нижнихъ Лужицъ, въ длину отъ Любія до Любораса, въ ширину отъ Мужакова до Коморова; число говорящихъ ею доходитъ до 142,000 душъ, живущихъ какъ бы на нѣкоемъ островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ Нѣмецкимъ языкомъ» ([95]). Изъ древнихъ мѣстныхъ названій уцѣлѣли: *Голяне* (Голенё), жители горно-

---

Кёренъ, а не Морава и Гронъ, какъ ошибочно полагалъ Маннертъ, locantur, dato rege Vanio, gentis Quadorum, пишетъ Тацитъ. Annal. II 63.—Съ именемъ *Выбой, Wibius,* сравни Святобой; а съ именемъ *Vannius, Ванушъ,* сравните польское *Янушъ,* чешское *Вана* (Vana), *Ванекъ* (Vanek), и сложныя: Бранко*ванъ*, Добро*ванъ*, Мило*ванъ*, Разно*ванъ* и проч. Не понявъ какъ должно Тацита, который говоритъ только о *спутникахъ* Міробуда и Годовлада, историки вообразили тутъ переселеніе цѣлаго народа, и давай спорить: кто *переселялся на Римскія земли,* Marcomanni (Моравы) или Quadi (Полѣсяне), хотя, на бѣду спорщиковъ, оба народа и *донынѣ живутъ на прежнихъ мѣстахъ.*

([93]) Annal. XII, cap. 29, 30.

([94]) Сравните выше, стр. 77—78, прим. 15 и 16; стр. 151 и прим. 139.

([95]) Славян. Народопис. Шафарика. стр. 59.

лѣсныхъ мѣстъ, и *Поляне* (Полсцы, Полене), жители равнинъ, къ югу отъ первыхъ. Сорабскіе *Украинцы*, или *Древане*, занимавшіе низовье Лабы и порѣчье Есны (нынѣ Ецель), текущей въ Лабу слѣва, въ старой Прусской Крайнѣ (Altmark) и Ганноверскомъ Люнебургѣ, въ слабыхъ мало-извѣстныхъ Славянскихъ остаткахъ уцѣлѣли до нашихъ дней, хотя число ихъ достовѣрно неизвѣстно. Полагаясь на увѣренія Потоцкаго и Аделунга, ученые думали, будтобы языкъ Древанъ уже исчезъ; но Верзебе въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, равно какъ и многіе туземцы, единогласно утверждаютъ, что языкъ этотъ и теперь еще существуетъ въ тиши семействъ, скрываясь тамъ по деревнямъ ([96]). Перенесемся же мыслію за эпоху утвержденія Нѣмцевъ въ Балтійскомъ Кутѣ между Лабою и Одрою, — которому, сообразно мѣстному положенію, должно возвратить его древнее названіе *Сербіи Кутной*, для отличія отъ *Дунайской* — и, запасшись этими предварительными свѣденіями, обратимся опять къ Тациту, не забывая, что всѣ разсказы его о странахъ за-Лабскихъ основаны только на *слухахъ, разсказахъ*, и потому должны подлежать строгой критикѣ.

Тацитъ могъ получать свѣденія о внутренней Германіи двумя путями: отъ Nemet'скихъ или Teut'scher-скихъ, иначе Teut'on-скихъ племенъ по Рейну, либо отъ Rhet'овъ, иначе Словенцевъ, покоренныхъ Римлянами при Августѣ; Тацитовъ тесть, Агрикола, начальствовалъ то въ Аквитаніи, то въ Британіи, слѣдственно часто бывалъ въ Галліи близь Рейна, и, естественно, сообщалъ своему зятю преимущественно тѣ извѣстія, которыя получались съ береговъ Рейнскихъ. Но Рейнскіе Нѣмцы и Кельты не обязаны были употреблять тѣ названія, которыми сами себя именовали Славянскіе народы: если какое прозвище имѣетъ *смыслъ*, то, по большей части, у отдаленныхъ народовъ оно *переводится* ([97]); вотъ почему въ сочиненіи Тацита мы нашли донынѣ сохранившіяся Славянскія названія или въ Нѣмецкомъ переводѣ (Гораки Hermunduri, Моравы Marcomanni), или въ Кельтскомъ (Чешскіе Полѣсяне Quadi). Многочисленность *мѣстныхъ* и *прозвищныхъ* именъ, которыми Славянскія племена честили другъ друга, спутавшая большую часть новѣйшихъ историковъ, географовъ, этнографовъ, конечно должна была оказать точно такое же дѣйствіе и на Тацита. При-Балтійскій *Кутъ*

([96]) Славянское Народописаніе Шафарика, стр. 97 и 102.

([97]) Ученый Парижскій издатель Плинія, Бротье, давно уже замѣтилъ, что у древнихъ было въ обычаѣ *переводить имена* Graecis mos fuit interpretari nomina. —Смотри Caii Plinii Secundi Historiae Naturalis libri XXXVII, quos recensuit et notis illustravit Gabriel Brotier (Paris. MDCCLXXIX), кн. IV, примѣчаніе 66-ое.

Велико-Сербскій между Лабою и Одрою (Рудою), раздробленный на нѣсколько независимыхъ областей, разумѣется, долженъ былъ носить столько же названій; эти-то *областныя названія*, собственныя или переводныя, и показались Тациту *особыми народами*. Такъ на примѣръ, Егингардъ, жившій въ IX вѣкѣ, сохранилъ намъ важное извѣстіе, что Славяно-Сербскія Варнѣнскія или Варяжскія племена, населявшія Балтійское *поморье* сами себя называли *Велетами*, между тѣмъ какъ Франконскіе Славяне прозвали ихъ волками лютыми, *Вильцы Лютичи*, что́ и выражено Нѣмцами въ словѣ Wargr, или въ романизированной формѣ у Птоломея Wargiones (98); точно также ихъ мѣстное имя, *Поморяне*, выражено въ Датскомъ переводѣ Wandali и распространено потомъ не только весь Велико-Сербскій Балтійскій кутъ, но и на прочихъ Славянъ (99); такимъ же образомъ другое мѣстное имя полабскихъ-Сербовъ, *Древане* или *Боряне*, а по Верхне-Лужицкому нарѣчію, часто превращающему *о* въ *у* (100), *Буряне*, переведены были Нѣмцами среднихъ вѣковъ: Holzati a *sylvis* sic dicti. Южная часть этого Велико-Сербскаго кута (нынѣшняя Лузація и Силезія) по замѣчанію Шафарика «страна, братая *лугами*, по всей справедливости могла называться *Луги* отъ Славянскаго *лугъ*, по латинѣ lucus, то есть *лѣсъ или роща*, находящіеся на мѣстѣ *ровномъ, болотистомъ* (101)»; онъ справедливо доказываетъ, что «названіе Луги съ незапамятныхъ временъ употреблялось не одними Славянами при-Балтійскими: такъ на сѣверѣ, въ Новогородской губерніи, есть Луга, лежащая на одной съ нею по имени рѣкѣ, и извѣстная по Русскимъ лѣтописямъ въ 1242 году и въ 1346-мъ (102); у южныхъ Сербовъ (на Дунаѣ) въ половинѣ XII вѣка упоминается область Лугоміра (103), а рѣка, орошающая ее, по его пору сохранила это древнее свое названіе. Нынѣшнее названіе

---

(98) См. выше въ главѣ о Старобытности Славянъ въ Великой Германіи стр. 91, прим. 54, и далѣе.—Вотъ подлинныя слова Егингарда: Natio quaedam Sclavinorum est in Germania, sedens super litus oceani; quae *propria lingua* Veletabi (Велетове), *Francica* autem Viltzi (Вильцы, Вильки) vocatur.—Einh. Ann. подъ годомъ 789 (Pertz, I, 175, 445).

(99) См. выше, стр. 91—98. Діонъ Кассій выводитъ Лабу изъ горъ Вандальскихъ, Dio Cassius, l. LV, c. 2.

(100) По свидѣтельству Шафарика, это ихъ отличительная черта: вмѣсто вмѣсто *дворъ* Верхне-Лузацкіе Сербы говорятъ dvur, *полъ*—pul, см. Славян. Народопис. стр. 98.

(101) Славян. Древн. III, стр. 69.

(102) Соф. Времен. издан. П. М. Строевымъ, I, 258, 328.

(103) Cinnam. ed. Venet. 46. Striter, II, 177. Λογγομηρου вмѣсто Λουγομηρου исправильно. Этотъ край въ грамматахъ Сербскаго царя Стефана, 1222—1236, въ Жичан. надп. называется *жупа Лугоміра*: здѣсь

Лузаціи (Лужице) есть не что иное какъ *уменьшительная форма* названія Луги (сравн. Морава и Моравица), показывающее, что *Лужицкіе Сербы вышли изъ этого края* (на Дунай) *и перенесли любезное имъ названіе прежней своей родины на новую»* (104). Шафарикъ полагаетъ, что это имя, Луги принадлежало «обширной землѣ между Одеромъ и Вислою» (105); на это нѣтъ никакихъ доказательствъ: напротивъ, такъ какъ это имя Луги, въ уменьшительной формѣ, сохранилось не у Поляковъ, а у Сербовъ Лужицкихъ, и перенесено на Дунай не Поляками, а тѣми же Сербами, то есть причина возвратить имя Луги *Велико-Сербскому Куту,* странѣ между Одрою и Лабою; да и самъ Шафарикъ, какъ мы видѣли (106), уже признавалъ за истину, что «рѣчь *Лужицко-Сербская* простиралась по цѣлой *родинѣ Полабскихъ Сербовъ, отъ Салы черезъ Лабу къ самой Одрѣ»*: слѣдственно, *тутъ*, а не въ Польшѣ, была страна *Луга,* какъ свидѣтельствуютъ всѣ писатели среднихъ вѣковъ (107) вопреки Шафарику, отмежевавшему *всѣмъ* Германскимъ Славянамъ только лишь пространство между Вислою и Одрою, то есть землю *одного* Славянскаго племени, страну однихъ только Леховъ или Поляковъ.

Слово *лугъ* имѣетъ у Славянскихъ племенъ три значенія: во первыхъ —пространство земли безлѣсное, поросшее травою, и слу-

---

міръ, *міра* значитъ край, области, волость; сравните весь міръ = свѣтъ, міръ = край въ Русской правдѣ (Ewers Das aelt. Recht d. Russ. 268), Русскій міръ (Bauergemeine), также Влкоміръ, Житоміръ, Ушоміръ (на рѣкѣ Ушѣ), сперва края, округи, а потомъ города.

(104) Славян. Древ. III, стр. 70.

(105) Тамъ же.

(106) См. выше, стр. 223.

(107) In inferiore Lusatia Lutici consederunt, qui nunc Lusatii, ipsi quoque Heneta seu Slavica gens.—Comment. Rer. Lus. Christ. Manlii in Hofman. Script. c. V, § 5. Объ имени *Лютичей* или полномъ: *Вильковъ-Лютичей* я уже высказалъ свое мнѣніе, подтверждаемое свидѣтельствомъ Егингарда (см. выше стр. 91, 225); О. М. Бодянскій утверждалъ прежде, что имя *Лужичане* или *Лузичи* есть видоизмѣненіе имени *Лютичи*:« Верхне-Лузатцы въ своемъ языкѣ не имѣютъ слога *ti,* равно какъ и Нижне-Лузатцы, и перемѣняютъ *t* передъ *i* на какую нибудь другую букву: первые обыкновенно на *ц* (*c*), а послѣдніе на *ш* (*sz*); такъ произошли *Лу-(ю) цици, Лушицы* (см. О народн. поэз. Слав. плем. прим. къ стр. 140). Это весьма учено, но едва ли справедливо: Егингардъ прямо свидѣтельствуетъ, что Волками Лютыми (Wiltzi Lutici) прозвали Сербскихъ Велетовъ ихъ непріятели, Франконскіе Славяне; слѣдственно, сами себя Велетскіе Сербы конечно такъ не называли; имена *Лужице, Лужицы,* уменьшительныя отъ слова *лугъ,* имѣютъ только случайное созвучіе съ именемъ *Лютичи*, происходящимъ отъ слова *лютъ*.

жащее для сѣнокоса или пастбища; во вторыхъ—лѣсъ на низменномъ побережномъ мѣстѣ (108), и въ третьихъ—болото (109); отъ корня *луг* произошли, какъ доказано Шимкевичемъ, производныя: *лужа* — пространство занятое стоячею водою, стекшеюся на низменномъ мѣстѣ, и *калужница* — болотное растеніе (110). И такъ полное имя одной изъ областей Велико-Сербскаго Кута есть *Луга*, откуда названіе жителей *Лугари*, *Луговики*, а уменьшительное *Лужице*, откуда названіе *Лужичане*, *Лузики*.—Словенскія племена покоренныя Римлянами (Rheti, Norici), сосѣдившіе съ Чехами, разумѣется употребляли настоящее имя какъ Сербской страны *Луги*, такъ и Сербскихъ своихъ единоплеменниковъ, *Лугарей* или *Лужичанъ*, потому что корень этого слова и производныя отъ него есть въ ихъ языкѣ; но при-Рейнскіе Нѣмцы, слыша отъ Франконскихъ Славянъ, что за ними, отъ моря до Чеховъ, между Лабою и Одрою живутъ Волки Лютые, которые называютъ себя Лужичане, приняли это слово только въ третьемъ значеніи и перевели ихъ имя, Вильки-Лютичи, словомъ Wargiones, а мѣстное имя Лужичанъ словомъ Marsigni. Такимъ образомъ раскрывается значеніе именъ, находимыхъ у писателей древности: Lugii, Lygii, *Λοῦγοι* (Луги) *Λογίωνες* (Логіонесъ) — настоящее имя Велико-Сербскихъ Лугарей или Лу-

---

(108) У насъ въ Русскомъ языкѣ слово *лугъ* употребляется въ обоихъ значеніяхъ: въ первомъ у Великороссіянъ, во второмъ у Малороссіянъ. «По-Украински»,—пишетъ М. А. Максимовичъ,—«*лугомъ* называется собственно побережный лугъ, заросшій *лѣсомъ* или *дубровою*, а поемный или заливной лугъ называется *болоньемъ* и *лукою*; потому въ пѣсняхъ Украинскихъ встрѣчаете, на примѣръ: «Ой не шуми луже, Дубровою дуже», или: «Ой не шуми луже, ты зеленый гаю!» слышите луговый гомонъ (шумъ, гамъ); потому въ нихъ для *луга* постоянно эпитетъ *темный*, усвояемый часто и *лѣсу*, между тѣмъ какъ въ Великорусскихъ пѣсняхъ луга называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми*, ибо Великороссіяне подъ лугомъ разумѣютъ собственно безлѣсный лугъ». (Откуда ид. Рус. земля. Кіевъ, 1857, стр. 154, пр. 60)

(109) Въ значеніи *безлѣснаго пространства*, кромѣ Великороссіянъ, говорятъ Словаки luhi.—Въ значеніи *лѣса*, кромѣ Малороссіянъ, употребляется у Словенцевъ и Кроатовъ lug, у Дубровницкихъ Сербовъ (Рагузинцевъ) lugh, у Сербовъ Дунайскихъ *луг*, въ старомъ Чешскомъ и у Словаковъ luh, у Краинцевъ log (роща); у Поляковъ ląg, lęg.—Въ значеніи *болота:* у Чеховъ luh и у Поляковъ lug (красноватое болото)

(110) Кромѣ нашего Русскаго языка, у Верхне-Лужицкихъ Сербовъ luža, у Чеховъ luže и lauže, у Словенцевъ и Кроатовъ lusha, у Боснійскихъ Сербовъ lusgja, у Поляковъ luzina, luzina.—Въ словѣ *калужина* первый слогъ *ка* есть старинная приставка, которая употреблена также въ словѣ *ка*нура (вмѣсто нора).—Корнесловъ Русскаго языка, Шимкевича, часть, I, стр. 133.

жичанъ; Marsigni — нѣмецкій переводъ ихъ имени, принятаго въ значеніи жителей болотъ; *Λουτοι*, *Λουτοιοι* (Лути, Лутіи)—прозвищное имя, которымъ называли Сербскихъ Велетскихъ Лугарей ихъ непріятели, Франконскіе Славяне, какъ Вильцевъ — Лютичей, волковъ лютыхъ ([111]).

Всѣ эти племена Велето-Сербскаго народа, — Полабы, Варны или Варяги, Свеоны, или Свевы, Рудичи, Вартинцы, Древане или Боряне (Буряне), Лугари или Лужичане, — занимая Прибалтійскій *Кутъ,* уголъ ([112]) между Лабою и Одрою или Рудою,—разумѣется, должны были имѣть еще и общее *мѣстное* имя, *Кутовцы*, *Кутинцы*, *Кутичи*, почему сѣверо-западная часть Балтійскаго или Свевскаго моря, прилежавшая къ Велето-Сербскому Куту, называлась также *Заливомъ Кутнымъ* (Sinus Codanus). Отсюда же объясняется, почему тамъ, гдѣ находимъ Велето-Сербскихъ Кутичей,— сосѣдившихъ на востокѣ съ Ляхами и Пруссами или Эстами, а на сѣверо-западѣ съ Тевтонскимъ племенемъ Ютовъ или Цимбровъ, —Марсельскій Грекъ Пиѳій, посѣщавшій Балтійское море за 320 лѣтъ предъ Р. Х. помѣщаетъ народъ Cutones или Gutones, сосѣдей Пруссамъ или Эстамъ, торгующихъ янтаремъ и продающихъ его Тевтонскимъ племенамъ на сѣверо-западѣ ([113]); наконецъ, почему на Дунаѣ, гдѣ утвердились *Кутинцы* (Gutones), явилось вдругъ государство *Сербское,* когда древнее *мѣстное* названіе, принесенное съ Лабы на Дунай, но несоотвѣтственное *другой* мѣстности, замѣнилось *племеннымъ*. Древнѣйшее правописаніе эллинизированнаго имени Велето-Сербскихъ Кутичей или Кутинцевъ, *Κϐτονες* или *Γϐτονες*, должно признать правильнѣйшимъ, потому что оно ближе всѣхъ подходитъ къ Славянскому подлиннику; когда же Римляне покорили Словенцевъ, у которыхъ въ собственно-Словенскомъ (Виндскомъ) и Краинскомъ нарѣчіяхъ слово *кутъ* (съ измѣненіемъ *у* на *о*) произносится kot, то у Римскихъ писателей вошло въ употребленіе писать имя Кутичей по Словенскому выговору *Котинцы;* отсюда родились варіанты: Kothini, Gothini, Gothones ([114]), вмѣсто же *Γουτονες*

([111]) Отсюда понятно, что Страбоновы Mugilones есть просто варіантъ имени Lugiones, подобный Зосимовскому *Λογιωνες,* и произшедшій отъ недоразумѣнія переписчиковъ; а *Λουτοι* и *Λουγοι* (искаженно *Λογγοι*, *Λοΐοι*), напротивъ, не варіанты, какъ думалъ Шафарикъ (Слав. Древн. III, стр. 65 – 66), но *два разныхъ* имени *одного* впрочемъ народа.

([112]) См. выше, стр. 223, 224, 225 и 226.

([113]) Plin. Hist. Natur. XXXVII, c. 2: Gutones, Germaniae gens, accoli Aestuarium oceani....... proximisque Teutonis vendere.

([114]) Tacit. German. XLIII.

(Gutones [115]) *Γυθονες* (Gythones [116]), *Κοτενοι* (Koteni [117]), *Κοτηνσιοι* (Kotensii [118]), а у поздиѣйшихъ Византійцевъ *Γοτθοι* и *Γοθι* (Gothi). Соображеніе всего вышесказаннаго, надѣюсь, вполнѣ обнаружитъ односторонность прежнихъ мнѣній и оправдаетъ предлагаемое мною словопроизводство, подкрѣпляемое разсмотрѣніемъ мѣстности и здравою филологіей, показывающею намъ различное употребленіе слова *кутъ* или *kot* различными Славянскими племенами (119).

Древніе, говоря о племенахъ отдаленныхъ, рѣдко обращали вниманіе на роды и виды географическіе: по недостатку свѣдений, они часто принимали главное названіе за областное, областныя же имена одного народа за племенныя названія разныхъ народовъ, отчего и произвели такую сумятицу въ Древней Географіи, что мы уже не смѣемъ и не должны довѣрять слѣпо никакому древнему авторитету безъ повѣрки этнографіею историческаго (слѣдственно вполнѣ достовѣрнаго) времени. Впрочемъ данныхъ уже довольно оставлено древними; и, принявъ въ руководство этнографію историческаго времени, легко уже найдти Аріаднину нить въ лабиринтѣ именъ, сохраненныхъ Римскими писателями.

Тацитъ, имѣвшій о странахъ за-Лабскихъ весьма темное понятіе, разумѣется, долженъ былъ спутаться въ распредѣленіи названій, хотя вообще его указанія довольно вѣрны. Retro *Marsigni, Gothini, Osi* (по моему мнѣнію Osiani-Oravisci), Burii, terga Marcomanorum Quadorumque claudunt, говоритъ онъ, quibus Marsigni et Burii sermone cultuque Svevos referunt (120), то есть: «Моравовъ и (Чешскихъ) Полѣсянъ сзади окружаютъ *Лужичане*, Кутичи или *Ко-*

(115) Strabo, VII.

(116) Ptolem. l. III c. 8.

(117) Dio Cassius, l. LXXI, c. 12.

(118) Ptolem. l. III, c. 8.

(119) Слово *кутъ* употребляется у насъ въ Россіи въ двухъ значеніяхъ: 1. *уголъ въ избѣ*, 2. *конецъ залива* (см. Корнесловъ Шимкевича, ч. I, стр. 123). Въ значеніи *уголъ вообще* употребляется у всѣхъ Славянскихъ племенъ: у Сербовъ въ Сербіи, Босніи и Дубровникѣ или Рагузѣ *кутъ*, у Германскихъ Сербовъ или Сорабовъ Лужицкихъ *kut*, у Поляковъ kąt, у Чеховъ *kaut*, у Словенцевъ (Виндовъ и Краинцевъ) *kot*. Такимъ образомъ, слѣдуя нашему выговору, *Кутинцы*, Плиній писалъ Gutones (Cutones); а слѣдуя Словенскому произношенію, *Котенцы*, губернаторъ Жупной Словеніи, Діонъ Кассій, писалъ Koteni, Птоломей Kotensii; отсюда же объясняется названіе *Кутный* или *Котный Заливъ*, Sinus Codanus, какъ называли юго-западную часть Балтійскаго моря, омывающую берега Сербскаго Кута между Одрою или Рудою и Лабою (Эльбою).

(120) Tacit. German. XLIII; сравните упоминаемыя въ гл. XXVIII племена

тинцы, Осѣйско-Оравскіе Словаки, Древане или *Боряне;* изъ нихъ Лужичане и Древане языкомъ и одеждою сходны со Свевами», — по той простой причинѣ, что Древане или Боряне и Лужичане суть западные или Полабскіе *Сербскіе Кутинцы*, а Свевы (какъ жители нижней Одры или Руды) суть восточные или Порудинскіе *Сербскіе Кутинцы*. Не умѣя отличить *общее мѣстное* имя народа отъ *областныхъ* его названій, Тацитъ принялъ Кутинцевъ за особое племя отъ Лужичанъ, Борянъ и Свевовъ; а слыша, что послѣдніе, восточные Кутинцы, называются еще Рудичами, но не зная, что рѣка Свева и есть рукавъ нижней Одры или Руды, понялъ это въ томъ смыслѣ, будто они копаютъ руду ([121]). Языкъ обителей Велето-Сербскаго Кута разумѣется, долженъ былъ сходствовать съ языкомъ единоплеменныхъ южныхъ народовъ, именно: Словенскихъ Краинцевъ и Бенетянъ, которыхъ Римляне въ *насмѣшку* называли *плащеносными Пѣтухами*, Galli Togati, а не въ смыслѣ одинаковости происхожденія съ жителями Кельтики (между Пиринеями и Рейномъ), — ибо языкъ тѣхъ и другихъ былъ совершенно различный, по свидѣтельству Полибія, утверждающаго, что Veneti *gens vetustissima in Italia* et *alia a Gallis* utentes *lingua*, т. е. «Венеты *народъ древнѣйшій въ Италіи*, говорящій *другимъ языкомъ, нежели Галлы*». И такъ почему же этихъ туземцевъ Верхней Италіи прозвали Римляне *Галлами, Пѣтухами*, равно какъ и Кельтовъ между Пиринеями и Рейномъ? Просто, по причинѣ одинаковой *пѣтушиной задорности*, съ которою оба эти народа осмѣливались тревожить Римскія владѣнія; другая причина была слѣдующая: Верхнюю Италію прорѣзываетъ въ разныхъ направленіяхъ цѣпь высокихъ лѣсистыхъ Альповъ; а высокія горы, покрытыя лѣсомъ, выражаются у Славянскихъ народовъ однимъ словомъ: *голы*—это слово, донынѣ существующее у Карпатской Руси и Словенцевъ, дало производныя: *Голяне* или *Голенё*, мѣстное прозвище Лужицкихъ Сербовъ, и *Головитатели, Головиты* (обитатели голъ), мѣстное прозвище Альпійскихъ Словенцевъ, изъ чего Римляне сдѣлали имя Helveti, Helvetii а въ насмѣшку Galli т. е. пѣтухи ([122]). Но такъ какъ эти плащенос-

---

Osi, Aravisci, или по моему Osiani-Oravisci, Словацкій языкъ (народъ Оравскій, по рѣкѣ Оравѣ, извѣстный у древнихъ подъ именемъ *Jazyges Metanastae* (языкъ-переселенецъ) отъ Греческаго слова μεταναστάσις (переселеніе). Доказательства см. ниже.

([121]) Gothini, quo magis pudeat, et *ferrum effodiunt*, говоритъ Тацитъ (Germ. XLIII.), не понявъ, что имя Рудичей означаетъ не рабовъ-рудокопателей, но просто жителей рѣки Руды или Одры: сличите выше статью о Рудичахъ (Rudigni), стр. 213 214.

([122]) Sinistra parte Adriatici maris *Carni* et *Veneti* colunt Togatam *Gal-*

ные пѣтухи (Galli togati), Краинцы и Венетяне (Carni et Veneti) были уже покорены Римлянами, слѣдственно лишились свободы, то уже и не причислялись къ Германцамъ, ибо словомъ Germani у Тацита означались племена хотя совершенно различныя по имени и произхожденію (nationibus nominibusque discreti), но—свободныя, независимыя отъ Римлянъ. Вообразивъ же, что Кутинцы-Рудичи получили это названіе отъ рабскаго рудокопанія, Тацитъ рѣшился и ихъ отдѣлить отъ

---

liam, говоритъ Помп. Мела, II, cap. 4.—О различіи ихъ языка отъ настоящихъ Кельтовъ см. Polyb. II, 17.—Древніе любили давать сосѣдямъ прозвища насмѣшливыя; такъ на примѣръ, Греки *мирно* утвердившіеся на Аппеннискомъ полуостровѣ, назвали жителей *телятами*, Italia dicta, quod magnos *italos* i. e. boves habet (Festus); напротивъ, Латинскія племена назвали своихъ отважныхъ сосѣдей въ сѣверной или Верхней Италіи *Galli*, *Пѣтухи*. Эта Пѣтушья земля (Gallia) называлась *Плащеносною* (Gallia Togata, отъ toga, *плащъ*), *Ближнею*, (Gallia Citerior) и *Предъ-Альпійскою* (Gallia Cis-alpina), въ отличіе отъ настоящей Кельтической, которую Итальянцы прозвали Пѣтушьею землею *За-Альпійскою* (Gallia Trans-alpina), *Дальнею* (Ulterior), а жителей вообще *Шараварниками* (Galli Braccati) и *Длинноволосыми* (Comati). Завоеватель той отдаленной Пѣтушьей страны, Юлій Цезарь, основывалсь на *различіи языковъ*, раздѣлилъ ее на три части: I. Белгическую на сѣверо-востокѣ между Рейномъ и Секваною, II. Кельтическую (при Августѣ Лугдунскую) въ срединѣ до Родана и Гарумны, и III. Поморскую или Аквитанскую между Гарумною и Пиринеями на сѣверо-Западѣ; завоеванная прежде Римлянами IV. юго-восточная часть называлась Нарбонскою.—Страбонъ сохранилъ преданіе о родствѣ Дально-Пѣтушьихъ Венетовъ съ Адріатическими Венетянами; hos ego Venetos (ad Oceanum Belgiae) existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse autores (nam fere omnes Galli, qui in Italia sunt, ex Transalpinis eo immigraverint, ut Boji et Sennones) cum Paflagonis, quia illi quoque Heneti sive Veneti appellantur. (Strabo, I, 4; Caes. de Bel Gal. 3, 4, 7; Plin. IV 16, 18, 19; Ptol. II, 9; Tac. Ann. II.) Древніе не сохранили намъ изъ языка Адріатическихъ Венетовъ ничего кромѣ собственныхъ именъ, и то зѣло искаженныхъ — хотя каждый Славянинъ безъ долгаго изслѣдованія узнаетъ въ нихъ *свое*, опредѣлитъ корень и значеніе слова; только Плиній замѣтилъ, что растеніе halus у Венетовъ Адріатическихъ называется colones: у западныхъ Славянъ (какъ утверждаетъ Варшавскій ученый Суровецкій) это растеніе и донынѣ именуется kolowka. Не смотря на порчу именъ какъ Римлянами такъ и переписчиками среднихъ вѣковъ, Славянская форма названій Верхней Италіи и отчасти Галліи, засвидѣтельствованная Страбономъ, легко возстановляется въ первобытной ясности. Отмѣтимъ же родственныя намъ племена: въ Белгической Галліи—*Morini* (Поморяне), *Nervii* (у насъ въ Россіи, Славянскія племена также извѣстны были подъ именемъ Невровъ, см. выше стр. 32, 33), *Belovaci* (Бѣловаки, сравн. подобное названіе у Чеховъ: Черноваки, см. выше, стр. 218); города

свободныхъ или Германскихъ племенъ; и такъ выраженія Тацита: Gothini ferrum effodiunt, «Кутинцы копаютъ желѣзную руду» и другое: Gothinos Gallica lingua coarguit non esse Germanos «Пѣтушиный языкъ Кутинцевъ обличаетъ, что они не Германы», обнаруживаютъ: 1. ошибку Тацита, происшедшую отъ этимоло-

---

ихъ *Esoriacum* (Езерякъ), *Bogac* (Богакъ), *Bratuspantium* (Братуспанецъ или правильнѣе Брато-жпанецъ, ибо у Кроатовъ Span=жпанъ (жупанъ), староста, начальникъ округа, comes, отчего spanowati, начальствовать, управлять; пановать). Въ Лугдунской Галліи находились: *Boii* (Бойи), *Branovices* (Брановичи), *Eburovici* (Боровичи), *Curiosalites* (Куросалійцы), *Veneti* (Венеты), *Segisiani* (Жигузяне), *Turones* et *Andes*, (Туровцы и Анды); города: *Lugdunum* (Луг-дунь, нынѣ Ліонъ), *Mediolanum* (Миланъ), *Veneti* (нынѣ Ваннъ), Брестъ, *Alesia* (Олѣсье, нынѣ Ализъ), *Vindina* sive *Svindina* Виндина или Свиндина), *Eburobriga* (Боробрегъ), *Melodunum* (Милодунъ). Въ Поморской Галліи или Аквитаніи: *Convenae* (Сходники) съ г. *Lugdunum* Convenarum, *Tarbelli* (Требѣлы), *Rutheni* (Русь); города: *Divona* (Дѣвона), *Avaricum* (срав. наше имя Avari) послѣ *Biturigi*, нынѣ Буржъ, *Vesuna* (Везуна послѣ Петрогора, Перигё, *Limonum* (Лимонъ) или Pictavium, нынѣ Поатье. Въ Нарбонской Галліи: *Berbyces* или *Derbices* (Дебричи), *Volcae* (Βολκαι, Волки), *Comones* (Каменцы) *Salies*, Salyi, (Салійцы), или Transalpini Ligures (За-Альпійскіе Лугари), *Alobroges* (Голобреги=горно-лѣсные берега; слово *брегъ* у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ произносится иначе: у Босняковъ, Словенцевъ и Кроатовъ brig, въ Люнебургѣ brjik, въ Верхней Лузаціи broh, въ Нижней brog) по берегамъ Изары до озера Лимана; города: *Ruscinum* (Руссинъ) нынѣ Руссильонъ; *Telo*, иначе *Telo Martius* (Тѣло Марсово) нынѣ Тулонъ, *Viena* (Вѣна, нынѣ Віеннъ.—Вотъ сколько родственныхъ, Rhet'амъ (Словенцамъ) поколѣній жило въ дальней Пѣтушьей странѣ, Шароварной и Длинноволосой; отсюда же объясняется, какимъ образомъ въ языкѣ Кельтовъ очутились Славянскаго происхожденія слова jez (езыкъ, языкъ), aba (губа), glin, klin (колѣно), bru (брюхо), krau (кровь), reson (разумъ), son (сонъ), tsil (сила), liuni (лѣнивый, ljni ljeni), bran (брань), kurte (короткій), reza (рѣзать), bikon (быкъ), reak (рѣка), derew (дерево), keark (курица), gus (гусь), giarok (городокъ), bilica (былица-трава), belen (бѣлый), hon (онъ), po (подъ), na (на), wu (во въ), и проч. (Суровецкій и Потоцкій).—На юго-востокѣ, гдѣ оканчивалась эта Galli Ulaterior, Braccata et Comata, тамъ начиналася Пѣтушья земля Ближняя, Предъ-Альпійская, Плащеносная, Gallia Citerior, Cis-Alpina, Togata. Къ ней причислялись слѣдующія земли: I. *Пѣтушья земля За-паданская*, Gallia Trans-padana: здѣсь по сосѣдству съ Греческими Альпами, *Veneti Euganei*, *Венетяне Благорожденные*, оттѣсненные отъ Адріатическаго моря къ Альпамъ, какъ свидѣтельствуетъ Ливій (I), и жившіе между Бенецкимъ и Вербанскимъ озерами (lacus Verbanus, нынѣ Большое озеро, а lacus Benacus нынѣ Гардское); часть ихъ назывались *Горцами*, Orobii, отъ Греческихъ словъ ὄρος и βιος, Ве-

гическаго разбора имени Рудичей, и 2. *сродство языка Кутинцевъ и Плащеносныхъ Пѣтуховъ*, то есть *Словенскихъ Краинцевъ и Бенетянъ*.

Теперь мнѣ должно оправдать свое мнѣніе, почему вмѣсто обыкновеннаго чтенія XLIII главы: Retro Marsigni, Gothini, *Osi*, Burii terga Marcomannorum Quadorumque claudunt, я предложилъ

ликанами, *Обрами*, *Ισομβροι*, *Ινσομβρες*, часть *Залѣсцами*, Salassi, ибо слово «лѣсъ» произносится у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ какъ нашими Малоруссами «лисъ», а у другихъ (какъ Поляками) las; у Залѣсцевъ, на границахъ, начиналась рѣка Druentia (нынѣ Дюрансъ). которая вливалась въ Rhodanus (нынѣ Рона): Суровецкій удачно объяснилъ, что имя Druentia есть *Двренга* или *Древенца*, точно также какъ и на сѣверѣ есть Древенца, впадающая въ Вислу близъ Торна.

Залѣсцы иначе назывались *Лукарями* (луки=лѣса), изъ чего Латинцы сдѣлали Luceres; это племя упорно сопротивлялось полководцамъ Августа, между тѣмъ какъ *Жигузяне*, *Segusiani*, добровольно ему покорились, за что удержали себѣ князя, Хота (срав. Славянскія имена: Хотъ, Хотѣнъ, Хотѣшъ, Хотилъ, Хотѣборъ, Хотѣбудъ, Хотѣгость, Хотѣмиръ, Хотѣмыслъ, Хотѣродъ, Хотѣславъ, Хотивой). *Туровцы*, *Taurini*, заграждавшіе путь Аннибалу чрезъ Альпы, по свидѣтельству Страбона и Плинія, были одного происхожденія съ южными своими сосѣдями, *Лугарями*; на западѣ они граничили съ Греческими Альпами (Alpes Grajae). У этихъ За-паданскихъ Пѣтуховъ были города: Mantua (ср. Мунтиміръ и жен. Мáнта), Cremona (Кремнина, Кремль), Bedriacum (Бедрякъ), Comum (Холмъ), Mediolanum (Миланъ), Ticinum (Тычинъ, Течинъ) нынѣ Павія.—

II. *Пѣтушья земля Пред-Паданская*, Gallia Cis-padana, населена была на западѣ Пѣтухами Кельтическими, а на востокѣ Rhet'ійскими (Словенскими); къ послѣднимъ принадлежали *Древане*, которыхъ Итальянцы звали *Lignones* (отъ lignum, дерево) и *Бойи* (Boii); ихъ города: Ravenna (Равнина, Равенца), Belsina (Бѣлесина) потомъ Bonoma, съ *Лютанскимъ лѣсомъ* (Silvia Lytana, Lutana), въ которомъ Римляне два раза сражались съ Бойями; Mutina (Мутная). — III страна, *Liguria*, получила названіе отъ жителей, *Лугарей*, *Lygures*, которые были, по свидѣтельству Страбона, совершенно отличны отъ Кельтовъ. Лугари здѣсь распространились по морскому берегу до Альпійскихъ горъ; города Лугарскіе: Genua (сравните наши слова: жена, жнива); Luna (Луна нынѣ Каррара; Luca (лука=лѣсъ, у насъ Великіе Луки). Другіе Galli Rheti (Словенскіе Пѣтухи), — которые сами себя называли *Ρασηναι* (*Расины*, по Рейхлиновскому произношенію, *Rhasenae* по Эразмовскому), а у Латинскихъ племенъ слыли подъ именемъ Тусковъ (Tusci),— пробрались далѣе, покорили себѣ Тиррѣнію (Tyrsenia, Tyrrhenia) и основали тамъ 12 *воеводствъ*, какъ говоритъ Діонисій Галикарнасскій (*ηγεμονίαι*), въ числѣ которыхъ одно называлось прямо *Русскимъ*. Изъ нихъ 4 на сѣверо-востокѣ, къ Умбріи: *Aretium* за рѣкою Арно, просто Зарѣчье; *Cortona*, отъ древняго Славянскаго слова «корота», коего сложный видъ существуетъ у Рагузинцевъ: ukrota=укрощеніе; *Perusia*

свое чтеніе: «Retro Marsigni, Gothini, *Osiani-Oravisci*, Burii terga Marcomanorum claudunt,» то есть: Моравовъ и Полѣсянъ сзади окружаютъ Лужичапе, Кутинцы, *Осьяно-Оравскіе Словаки*, Древапе или Боряне».—Прежде всего я напомню читателямъ слѣдующее мѣсто изъ XXVIII главы Тацитовой Германіи: Utrum Aravisci in Pannoniam ab Osis, Germanorum natione, an Osi ab Araviscis *in Germaniam commigraverint*, quum *eodem* adhuc *sermone*, *institutis*, *moribus* utantur, incertum est: quia, pari olim inopia ac *libertate*, *eadem* utriusque ripae (Дунал) *bona maluque* erant, то есть: «неизвѣстно, Aravisci ли переселились въ Жупанію отъ Os'овъ, народа изъ Германіи, или Osi отъ Aravisc'овъ *переселились въ Германію*; ибо у нихъ донынѣ сохраняются *одинъ языкъ*, *одина-*

объясняется нашимъ старинпымъ выраженіемъ «перси у дѣтинца» (Ист. Гос. Росс. IV, пр. 328), т. е. передніл укрѣпленія; *Clusium* объясняютъ старинное наше «клюжій», хорошій, спокойный, и чешское klud, миръ, спокойствіе, klizenj, очищеніе мѣста, прибираніе;—4 на юго-западѣ: *Veletra* (въ надписяхъ Velatri, позднѣе передѣлано Латинцами въ Volaterae) Велетра, великая твердыня, отъ веле=велій, великій, и стариннаго глагола «траю, трáять», отъ котораго сохранились у Сербовъ «тралти», у Босняковъ trajati, у Рагузинцевъ trajatise, продолжаться, пребывать неизмѣннымъ; *Vetulonia*, *Veletulonia*, Веле-Тула, отъ древняго обще-Славянскаго слова тулъ=колчанъ; *Volsinii* про озерѣ Волжинскомъ (lacus Volsinus, нынѣ l. di Bolsena) отъ стариннаго *волога*—влага (откуда происходятъ: волгнуть, увлажать, влажный, и проч.) наконецъ воеводство *Rusellae* (Русское), въ которомъ очевидно сохранилось племенное имя Ρασηνοι (Расины) то есть какъ теперь уже ясно, Ρυσηνοι (Русины). На югѣ, ближе къ Риму, было также учреждено четыре воеводства: *Tarquinii*,—имя данное городу, по мнѣнію Страбона, отъ баснословнаго Лидіянина Таркона, который будто бы способствовалъ господину Тиррену построить 12 городовъ; по мнѣнію Цицерона и Овидія, имя Tarquinii произошло отъ небывалаго Таргеса, который будто бы родился отъ глыбы земли, отдѣленной плугомъ одного пахаря, и научилъ Этрусковъ предсказаніямъ; но мнѣ кажется, тутъ надобно вспомнить слова Тита Ливія (V, 33): eam gentem traditur fama, dulcedine frugum, maximeque *vini*, nova tum voluptate, captam, Alpes transisse, изъ которыхъ можно съ вѣроятностію заключать, что Galli-Rheti, Словенскіе пѣтухи, завоевавъ богатую *виномъ* и плодами часть Средней Италіи (Тиррепію), дозволили въ одномъ изъ покоренныхъ городовъ учредить *торгъ виномъ*, изъ чего Итальянцы и составили имя Torgvini (Torquinii); — второе южное воеводство находилось въ городѣ *Chaere* или *Caere*; это несклоняемое (indeclinabile) имя объясняютъ слѣдующею причиною: когда Rhet'ійскіе Пѣтухи овладѣли однимъ Греческимъ поселеніемъ и спрашивали имя города, то первые попавшіеся Греки, не понимая ихъ вопроса, почли его за привѣтствіе и отвѣчали Греческимъ привѣтствіемъ χαῖρε (хере т. е. радуйся): такимъ образомъ родилось имя Хере или Цере;—третье воеводство гор. Faliscum, по-нашему Хвалискъ, ибо наше слово «хвала» у Словенцевъ (въ Славоніи) произносится fala, а у Сербовъ vala; жители, Хва-

ковые постановленія и правы, оттого что живя (прежде) по обоимъ берегамъ (Дуная) въ равной бѣдности и *свободѣ,* дѣлили вмѣстѣ *и счастіе и бѣдствія.»* Pannonia какъ доказано выше, значитъ Жупанія Словенская поДунаю; слѣдственно эти Osi-Aravisci составляли прежде часть Жупныхъ (степныхъ) Словенцевъ: посмотримъ же, на какія *бѣдствія* (mala) намекаетъ Тацитъ? и могли-ль эти бѣдствія вынудить часть народа оставить свою родину и удалиться за Дунай?

Отвѣтъ намъ дадутъ, приведенные Катанчичемъ, Tabulae Ancyranae, въ которыхъ находимъ оффиціальное исчисленіе подвиговъ Октавія Августа. Между прочимъ, въ этой Анцирской надписи

лисцы назывались у Латинянъ Falisci и Falerii; — четвертое воеводство въ городѣ *Veji,* отъ общаго Славянскаго «вѣять», у Словенцевъ и Краинцевъ vejati.

Объяснивъ *племенное отношеніе* Пред- и За-Паданскихъ Rheti йскихъ (т. е. Словенскихъ) Плащеносныхъ Пѣтуховъ (по-латыни Galli Togati) къ Шараварнымъ Пѣтухамъ (Galli Comati), населявшимъ Дальнюю Пѣтушью землю (Galliam Ulteriorem), и *совершенное различіе* ихъ отъ настоящихъ Кельтовъ (Celtae),—хотя не только новѣйшіе писатели, но и древніе часто ихъ смѣшивали,—обращу вниманіе господъ историковъ на слѣдующее обстоятельство. Когда Римляне завоевали Фалиское и Вѣйское воеводства, то въ слѣдъ за тѣмъ Исторія представляетъ намъ нашествіе Галловъ на Римъ. Титъ Ливій (V, 34) пишетъ: Prisco Tarquinio Romae regnante..... Ambigatus..... exonerare praegravante turba regnum cupiens, Belovesum ac Sigovesum, sororis filios, impigros juvenes, missurum se esse in quas Dii dedissent auguriis sedes, ostendit; потомъ, сказавъ, что Бѣловезъ пошелъ чрезъ Альпы въ Италію, а Жиговезъ перейдя черезъ Рейнъ вступилъ въ Герцинскій лѣсъ, тотчасъ (V, 35 — 55) приступаетъ къ описанію разоренія Рима Бренномъ и дѣйствій Камилла. Нибуръ уже замѣтилъ несправедливость хронологіи Тита-Ливія, и отвергъ его разсказъ, будто бы походъ тѣхъ двухъ братьевъ относится ко временамъ Тарквинія Приска; дѣйствительно, самъ же Ливій называетъ Бренновыхъ Галловъ «врагами невиданными и неслыханными» (hostis invisitatus, inauditus); Полибій же (II, 17), Трогъ Помпей и его сократитель Юстинъ (XXIV, 4) говорятъ объ этихъ событіяхъ какъ современныхъ. Не должно забывать, 1.) что Ливій писалъ по слухамъ слишкомъ черезъ триста пятьдесятъ лѣтъ, и не столько обращалъ вниманіе на внутреннюю связь событій и отношенія *варваровъ,* сколько на славные подвиги Римлянъ; 2.) названіе Бреннъ не собственное имя, а титулъ, и значитъ по-кельтски Государь; 3.) вмѣстѣ съ Кельтами въ этомъ походѣ участвовали и Шараварники, наприм. Бойи съ Древанами (Boji Lignonesque), соплеменники Адріатическихъ Венетянъ (Veneti) и Словенцевъ (Rheti), а Фалиски и Вѣйи, какъ Etrusci, были Rheti или Rasenae, т. е. предки *Резіянъ,* Словенскихъ Россіянъ. Слѣд. впаденіе Шароварныхъ Пѣтуховъ и ихъ союзниковъ Кельтовъ было слѣдствіемъ желанія первыхъ помочь своимъ Италійскимъ соплеменникамъ, погибавшимъ отъ оружія и политики Римлянъ, которые, преклонивъ на

Августъ говоритъ: Pannoniarum gentes, quas *ante me* principem, *populi Romani exercitus nunquam adierant*, devictas per Tib. Neronem, qui tum erat privignus meus, *imperio populi Romani adjeci*, то есть: «племена Жупаняровъ, къ которымъ *до моего царствованія никогда не проникало Римское воинство*, побѣжденныхъ пасынкомъ Тиберіемъ Нерономъ, *я подчинилъ владычеству Римскаго народа.*» Какъ совершилось это завоеваніе, оставили намъ драгоцѣнныя свѣденія: Веллей Патеркулъ (Vellejus Paterculus), участникъ въ походѣ Тиберія, и Діонъ Кассій (Dio Cassius), бывшій потомъ правителемъ Жупаніи (227—229 г. по Р. Х.) По свидѣтельству Діона Кассія (кн. XLIX) въ 719 году отъ основанія Рима ([123]) (32-мъ предъ Р. Х.) Августъ, «не будучи оскорбленъ Жупанцами», началъ съ ними войну «единственно для упражненія войска и для прокормленія его въ чужихъ владѣніяхъ». Жители ровныхъ мѣстъ бросили свои жилища. Римляне осадили Сисекъ (Siscia) и начали жечь окрестныя нивы: жители, по совѣту старшинъ, сначала было изъявили согласіе покориться, и даже выдали аманатовъ, но послѣ передумали и рѣшились выдерживать осаду, въ надеждѣ на крѣпость стѣнъ и двѣ судоходныя рѣки, Колпу и впадающую въ нее Саву (Colapis et Savus). Цезарь велѣлъ своимъ судамъ подняться изъ Дуная въ Саву, а изъ Савы въ Колпу, чтобы напасть на городъ сухимъ путемъ и съ рѣки. Словенцы храбро защищались и отразили Римлянъ; но услышавъ, что союзники попали въ засаду и разбиты, сдались непріятелю. Въ слѣдъ за тѣмъ была занята и окрестная часть Жупаніи. Впрочемъ завоеванная страна скоро возстала: черезъ 19 лѣтъ, — въ 738 году отъ основанія Рима (или 13-мъ предъ Р. Х.) — Жупные и Норійскіе Словенцы (Pannonii cum Noricis) рѣшились избавить отъ Римскаго ига даже своихъ поморскихъ единоплеменниковъ, Истріянъ съ Краинцами; Римскіе полководцы отразили нападеніе враговъ на Истрію и принудили непріятеля просить мира. Но такъ какъ и горскіе Словенцы (Rheti) принимали участіе въ движеніи соплеменниковъ противъ Рима, и по свидѣтельству Діона Кассія «часто вторгались въ предѣлы Галліи и опустошали Италію», то Августъ принялъ намѣреніе обезопасить границы Имперіи завоеваніемъ Горскихъ и Жупныхъ Словенцевъ.

свою сторону Клюжинцевъ (Clusini), поселили раздоръ между Этрусками и тѣмъ облегчили себѣ завоеваніе страны, ослабленной отсутствіемъ единодушія.

([123]) Основаніе Рима, по лѣтосчисленію Варрона, приходится въ 753 году предъ Р. Х. (Aera Varroniana); но слѣдуя Катону, это событіе совершилось въ 751 году (Aera Catoniana). — Праздникъ Полевой богини, Pales, 21 Апрѣля, считался днемъ основанія державнаго города.

739 годъ отъ основанія Рима (12-й предъ Р. Х.) назначенъ для совершенія этого предпріятія. Пасынокъ Императора, Друзъ встрѣтилъ Словенское ополченіе у Древенскихъ (Тріентскихъ) горъ, разбилъ его и спасъ Италію отъ вторженія враговъ, между тѣмъ какъ нападеніе на Галлію было отражено другимъ пасынкомъ Императора, Тиберіемъ. Въ награду за мужество, Друзъ получилъ достоинство претора; Горацій прославлялъ торжество Римскаго оружія (lib. IV, od. 3), подвиги юнаго вождя и мудрость Августа. Но разбитые горцы не уныли и клялись до послѣдней крайности защищаться въ своихъ Словенскихъ Бенетскихъ Альпахъ (Alpes Rheticae, Veneticae); единоплеменные Франконскіе Славяне (Vindelici) обѣщали имъ помощь, и театръ войны значительно распространился. Однакожъ и Римское правительство не оставалось въ бездѣйствіи. Тиберій сосредоточилъ свои войска у озера Бреганца ([124]), въ то же время какъ братъ его дѣйствовалъ на другомъ концѣ; съ разныхъ сторонъ напали Римляне на своего отважнаго непріятеля, разбили и разсѣяли частыми стычками развлеченныя силы враговъ; наконецъ, послѣ упорнѣйшаго сопротивленія, ослабленныя потерями, нѣкоторыя племена покорились, и Горацій, уже воспѣвшій Друза, началъ теперь восхвалять (lib IV, od. 14) подвиги Тиберія въ борьбѣ съ Алпійскими Словенцами и ихъ Франконскими союзниками.

Завоеванныя земли объявлены Римскими провинціями: Горская Словенія сохранила свое названіе (въ греческомъ переводѣ) Rhetia,

---

([124]) То озеро, которое у Нѣмецкихъ племенъ издревле называется *Boden-See*, у Rhet'овъ по-Словенски всегда называлось *Бреганцемъ*, какъ свидѣтельствуетъ Амміанъ Марцеллинъ: «inter montium celsorum amfractus immani pulsu Rhenus exoriens.... jamque absolutus, altaque divortia riparum adradens, lacum invadit rotundum et vastum, quem *Brigantiam* accola Rhetus appellat» etc. (Ammiani Marcellini lib. XV, cap. 4, подъ годомъ 354-мъ). Замѣчательно, что наше слово *брегъ* у Словенцевъ въ Кроаціи и Славоніи донынѣ произносится *brig*. — На берегу озера Бреганца, составлявшаго предѣлъ Франковъ и Словенцевъ (Vindelicorum et Rhetorum), построенъ былъ городъ Бреганецъ, Brigantium, нынѣ Bregentz. Бреганское озеро, у Римскихъ писателей lacus Brigantinus, называется иногда Костницкимъ или Костанцкимъ, отъ города Костница (Костанца). — На югѣ Горской Словеніи (Rhetiae) находились: *Липинцы*, Lepontii, между истоками Родана, Рина (Рейна) и Вербанскимъ озеромъ (lacus Verbanus), пропускающимъ чрезъ себя рѣку Течинъ (Tecinum, Ticinum); *Виноицы* (Vennones) или Вининцы жили на сѣверовостокѣ Ларьскаго озера или Комскаго, то есть Холмскаго, (ибо наше слово *холмъ* у Сербовъ произносится—*хумъ*, у Далматовъ —humka, у Виндовъ hum, у Лужичанъ кхомъ) у древнихъ lacus Larius Comacensis; *Агновцы*, жители Агнцовой долины (Val d'Agno), у Латинцевъ Genauni; *Древцы* или *Тревтяне*, Treventini, Trientini, у позднѣйшихъ переписчи-

а верхняя Франконская Славія получила у Римлянъ то̀ названіе, подъ которымъ извѣстна была у своихъ Нѣмецкихъ сосѣдей, Vindelicia (ибо Нѣмцы вообще называютъ Германскихъ Славянъ Winden); въ административномъ отношеніи, при Августѣ, каждая область управля-

---

ковъ Tridentini (со вставочнымъ d), хотя въ народномъ употребленіи даже иноплеменники сохранили довольно правильно настоящую форму въ имени города Тріентъ или Тренто. — У Липинцевъ города: Oscela, Iscela, Исцѣла, (община посвященная Бѣл-богу, который владѣлъ цѣлительными источниками, какъ увидимъ далѣе), на з. Вербанскаго озера, нынѣ Домо-д'Осула; Бѣлица, Belelio, выше Вербацскаго озера на рѣкѣ Течинѣ; у Виноицевъ Клевенъ, Clavenna; у Агновцевъ Туроль, Turioli, Terioli; у Тревентянъ городъ Древентъ, Тревентъ, Truentum, Trientum, Tridentum. На сѣверѣ Горской Словеніи жили *Зàренцы*, Saruentes; у нихъ главный Курень стоялъ на правомъ берегу Рина (Рейна), Curia, нынѣ Куръ или Коаръ; у жителей *Бревненскаго* края (Breuni) былъ городъ Вель-дѣдина Veldedina, нынѣ Вельтенъ; въ *Брасквинскомъ* краѣ (Brescvintes, Brexintes, отъ Славянскаго «брасквина», названія дерева persicum malum) на сѣверо-западѣ городъ Забинъ, Sabio, нынѣ Севенъ въ Бриксенскомъ еписк. въ Тиролѣ, и Мостъ Инскій, Pons Oeni, переименованный потомъ Нѣмцами въ Инс-Брукъ.—Рѣка Ина, нынѣ Иннъ, по-Латинѣ Oenus, верхними частями составляла границу горскихъ Словенцевъ отъ Франковъ (Vindelici), а средними отъ Норійцевъ (Norici); по разсказамъ Римлянъ, Дунай былъ сѣверною границею Франконіи, но мы знаемъ уже, что эта была лишь верхняя Франконія, а нижняя тянулась вдоль Нѣмецкихъ владѣній къ самой Лабѣ. Въ этомъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ юго-восточную часть нынѣшняго Баварскаго королевства, протекаютъ: Езара или Изара (рыбообильная, отъ слова «езъ», употребляемаго у насъ въ значеніи перегородки черезъ рѣку для ловли рыбъ; у Краинцевъ jez, у Словенцевъ или Виндовъ jes, jies и проч.) у древнихъ Isarus, Isargus, у нѣмцевъ Изеръ; Лехъ, у древнихъ Licus, и вливающійся въ него Виртъ=омутъ, водоворотъ, (у насъ «виръ», старинное Польское wirt, wyrt) у древнихъ Virtus, у Нѣмцевъ Верта; но такъ какъ Нѣмцы вообще Славянъ называютъ Vinden, а жители верхней Франконіи были Славяне, то страну между Иною и Дунаемъ Нѣмцы называли Vindelicia, а Вирту (Virdus) присвоили имя Vindus рѣка Славянская: отсюда видна ошибка тѣхъ, которые производили названіе Vindelicia отъ Vindus и Licus, ибо Латинское прилагательное Vindel-icus явно заимствовано отъ употребляемой въ южныхъ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ уменьшительной формы Vindl (подобно Magdl вм. Magd, Jurgl вм. Jurge, какъ показано выше, стр. 79, прим. 17.) Жители этой Франконской Славіи (Vindeliciae) назывались у Римскихъ писателей настоящими Славянскими именами: *Бреганцы*, Brigantii, отъ озера Бреганца; ихъ восточные (Estiones) сосѣды, *Лехиты*, Licates, отъ рѣки Леха, Licus; далѣе за ними *Бойи*, Boji. Изъ городовъ, основанныхъ здѣсь до покоренія этой страны Римлянами, упоминаются: у Бреганцевъ городъ *Бреганецъ*, Bregantium; у Лехитовъ, при соединеніи Вирта съ Лехомъ, *Доманъ*, Domasia, впослѣдствіи Augusta Vindelicorum; у Бойевъ, при соединеніи рѣки Рѣзны или, по-та-

лась особымъ Императорскимъ Намѣстникомъ. Но такъ какъ впослѣдствіи Rhetia et Vindelicia поручаемы были одному Правителю, то и соединены подъ однимъ названіемъ: Иллирійскій Словенецъ Діоклетіанъ, сидѣвшій въ то время на Римскомъ императорскомъ престолѣ, назвалъ Горскую Словенію Rhetia Prima, а Франконію (вмѣсто Vindelicia) повелѣлъ именовать Словенею второю, Rhetia Secunda, почему съ того времени нерѣдко находимъ это имя во

мошнему выговору, Ржѣзны съ Дунаемъ, городъ *Ржѣзно*, Resno, изъ чего Латинцы сдѣлали Regina, а Нѣмцы впослѣдствіи превратили это имя, заимствованное отъ рѣки, въ Regensburg; въ древности этотъ же самый городъ Ржѣзно, по свидѣтельству Римлянъ, назывался иначе Artobriga, то есть *Радобрегъ*, ибо Славянскаго Радогостя чужеплеменники называли Ardagastos, а наше слово «брегъ» въ Кроаціи и Славоніи brig, у Босняковъ brigh, въ Люнебургѣ brjik. — Отъ рѣки Ины на востокъ начиналось Словенское Норійское царство, *regnum* Noricum, которое заключало въ себѣ нынѣшнее Эрцгерцогство Австрію и Стырію: послѣднее названіе, *Stiria*, происходитъ не отъ Латинскаго слова stiria (ледяныя сосульки), какъ думалъ П. Г. Бутковъ (Сын. Отеч. 1838, том. V. отд. 3, стр. 69) но есть мѣстное имя, заимствованное отъ протекающей тутъ рѣки Стыри, Styr, которую можете видѣть на картѣ Шафарика. По сѣверной части Норійскаго царства протекала рѣка Travnus, Травна, вливающаяся въ Дунай; югъ орошался верхними частями рѣкъ Дравы (Dravus), Мура (Murus) и Савы (Savus), донынѣ удержавшихъ прежнія имена. Жители, Норійцы или Турійцы, по воинственному характеру носили также еще названіе Боевъ, Boji: у нихъ въ изобиліи находились желѣзо и мѣдь, изъ которыхъ они ковали превосходные мечи и сабли, предпочитавшіеся всѣмъ прочимъ (Horat. Epod. 17). Цезарь сохранилъ намъ имя одного Норійскаго Царя, котораго сестра была замужемъ за Яровитомъ (De Bello Gall. I. 53); какъ Римлянинъ, Цезарь написалъ это имя Vocio, то есть *Войко* или *Вуйцо* (Voico, Vuico). У нихъ были города: *твердыня Боевъ* (Bojo-durum, Bojorum-castum) на правомъ берегу Ины близъ устья, *Линецъ*, Linec, при впаденіи Травны въ Дунай, у Римлянъ Lentia, (нынѣ у Нѣмцевъ Линцъ), *Лаврикъ*, у Римлянъ Lavriacum (у Нѣмцевъ нынѣ Лорхъ) при впаденіи въ Дунай рѣки Енжи Enže (у Нѣмцевъ нынѣ Энсъ, а въ среднихъ вѣкахъ Anisus), *Зета*, у Римлянъ Cetium, (ср. Сербское « Зета »), у Нѣмцевъ нынѣ Сентъ-Пелтенъ; внутри Норійскаго царства: *Норея (Noreja)*, столица, бывшая на границѣ Стыріи и Малой Крайны или Каринтіи; *Вирунъ* близъ Дравы, Virunum, нынѣ у Нѣмцевъ Фолькмарктъ въ нижней Каринтіи, *Цѣлея* (Celeja) донынѣ у Стырійскихъ Словенцевъ Celje, то есть нашими буквами Целѣ; Нѣмцы выговариваютъ это имя Циллей.

Таковъ былъ театръ второй Rhetійской (Словенской) войны.

Матеріалами мнѣ служили: Sveton. in Tiber.—Flor. lib. IV, cap. 12. —но важнѣе всего: Dioni Cassii Cocceiani Histor. Roman. (Leunclavii studio,—Francofurti, 1592) и C. Velleii Paterculi quae supersunt ex Histor. Rom. (curante Davide Ruhnkenio,—Lugduni Batavorum, MDCCLXXIX).

множественномъ числѣ (Rhetiae, arum). Но при Августѣ обѣ провинціи сохраняли отдѣльныя названія, и современникъ его, Веллей Патеркулъ, пишетъ: Rhetiam et Vindelicos, ac Noricos, Pannoniamque *novas* imperio nostro subjunxit (Augustus) *provincias*, т. е. «Словенію и Франковъ и Норійцевъ и Жупанію, *новыя провинціи*, Августъ подчинилъ нашему владычеству.» ([125]) — Для удержанія ихъ въ повиновеніи, обращены въ Римскія колоніи два Славянскихъ города на югѣ: Тревентъ, названный Tridentum (нынѣ Тріентъ) и Туролъ, Turioli, Tercoli, назначенный мѣстопребываніемъ третьяго Италійскаго Легіона, поставленнаго здѣсь для укрощенія туземцевъ; на сѣверѣ, въ Бревненскомъ краѣ, подъ Римское поселеніе обращена Словенская Вел-дѣдина, названная Veldidena. У Франконцевъ Домашъ (Domasia) переименованъ въ Augusta Vindelicorum, а Ржѣзно въ Regina, и также назначены подъ Римское поселеніе (coloniae militares). Когда же Августъ увидѣлъ, что, не смотря на потери, понесенныя въ послѣдней войнѣ, многочисленные Словенскіе горцы, жившіе между Норійскимъ царствомъ и Галліею по сосѣдственные съ Италію Альпы ([126]), начали опять усиливаться; тогда Римское правительство приняло рѣшительныя мѣры для подавленія возстаній: богатыхъ жителей начали выселять въ другіе города; бѣдныхъ, но здоровыхъ, крѣпкихъ, тысячами разводили въ рабство, на вѣчную неволю, по разнымъ провинціямъ Имперіи; а мѣсто убылыхъ замѣняли выходцами Итальянскими, для безопасности которыхъ ставили по городамъ легіоны, и частію склоняли туземцевъ вступать въ Римскую военную службу — остальные уже не смѣли и думать о возстаніяхъ.

Постоянно слѣдуя этой системѣ, Римляне успѣли уже, если не совершенно олатинить, по крайней мѣрѣ упрочить за собою Приморскую Словенію. *Бенетская* или при-островная земля, названная Venetiae, получила на—половину Итальянскихъ жителей; названія тамошнихъ Словенскихъ городовъ большею частію удержались, разумѣется нѣсколько потерпѣвъ отъ Латинскаго выговора: Spina, при рукавѣ рѣки Пада, какъ бы за спиною главной рѣки; Ядра, Adria, нѣкогда цвѣтущій приморской городъ, отъ имени котораго названо море Ядрійскимъ mare Adriaticum ([127]); Падуя, близь водопада, Patavium, Padua ([128]); Бероново, посвященное громовержцу Перуну (по краински Берону) Verona; Вѣче, въ уменьшительной формѣ, Вѣ-

---

([125]) Vell. Paterc. lib. II, cap 39.

([126]) Ср. выше стр. 124, 125, 131, 132.

([127]) Тамъ же стр. 133 и прим. 107.

([128]) Урожденцу этого Словено-Латинскаго города, знаменитому Титу-Ливію, обязаны и Римляне и потомство краснорѣчивѣйшею исторіею Рима.

ченце Vicentia; Ял-тынъ (129) Altinum, дѣйствительно слабая ограда противъ грознаго моря, близь котораго стоитъ (нынѣ деревня Алтино.)—Словенская *Крайна*, названная у побѣдителей Carnia, была точно также преобразована; одни города удержали древнее названіе, на пр. Торгъ-гость (130), Tergeste, при заливѣ того же имени (sinus Tergestinus), славный торговлею и хорошими укрѣпленіями (нынѣ Тріестъ); другихъ городовъ имена были переведены на Латинскій языкъ, на пр. Орелъ — Aquileja, куда стекались на поклоненіе Бѣляну или Бѣлъ-Богу, какъ видно изъ сохранившихся надписей; иные же города вновь были построены для Римскихъ поселеній, на пр. Forum Julii (нынѣ Фріуль).—Полуостровъ Истрія, Istria, хотя считался завоеваннымъ со временъ консула Аппія Клавдія Пульхра, который и почтенъ за то былъ тріумфомъ въ 577 году отъ основанія Рима или въ 174-мъ предъ Р. Х. (131); однакожъ покорность Истрійцевъ была очень и очень сомнительная: при каждомъ удобномъ случаѣ они возставали вмѣстѣ съ Краинцами и За-Паданцами противъ Римлянъ и окончательно покорены при Августѣ. Вотъ почему Римская политика постоянно стремилась прочно укрѣпить свое владычество надъ вольнолюбивою страною—мѣрами жестокими, но благоразумными: городъ Ножакъ (Nesac, Nesactium), пограничный съ Иллиріею, раззоренъ до основанія; городъ Полъ или по старо-Словенски Пола (Pola), обращенъ въ Римское поселеніе Pietas Julia и проч. Усилія туземцевъ возвратить утраченную свободу не имѣли успѣха; но и Римляне, олатинивъ нѣкоторые города, не могли однакожъ искоренить на Бенетскомъ поморьѣ Славянскую народность, Славянское богопочитаніе, и покоренные Словенцы (даже олатиненные) продолжали кланяться древнимъ бо-

---

(129) Отъ корня *ял* происходятъ: въ Русскомъ языкѣ *яловая* въ знач. безплодная (корова нетельная, рыба что не мечетъ икры), въ Болгарскомъ—*ялова* (безплодная женщина), въ Словенскомъ jalova, jala, въ Чешскомъ galowy, въ Польскомъ ialowy (о женщинѣ, птицѣ, деревѣ); въ послѣднихъ двухъ языкахъ слово jalowy употребляется и въ значеніи *слабый, нетвердый, не-настоящій* (на пр. день—свѣтъ во время мѣсячной ночи), отчего въ Кроатскомъ jalitisze, притворяться, jalen, нестарательный, небрежный.

(130) Слово *торгъ* употребляется у насъ въ трояковъ значеніи: 1. договоръ о цѣнѣ вещи; 2. промыселъ, состоящій въ покупкѣ и продажѣ товаровъ; 3. мѣсто, накоторомъ продаются товары; — кромѣ того, у Сербовъ слово *тргъ* значитъ и самый товаръ, а у Чеховъ и Кроатовъ торговый день. Слово *гость* въ древности означало купца ведущаго заграничную торговлю. — Слѣдственно, Краинскій городъ при заливѣ, какъ самый удобный для *торга* съ заграничными купцами или *гостями*, и получилъ имя Торгъ-гость.

(131) Въ фастахъ Appius Claudius Pulcher de Istreis, 577.

гамъ своимъ: Перуну, Бѣл-Богу, Черно-Богу, Бѣдаю, Ладѣ, Гуслящу, что неопровержимо доказывается уцѣлѣвшими надписями ([132]).

([132]) Трудами Грутера, Муратори, Катанчича и Венелина многія надписи, указывающія на содержаніе миѳологіи Словенцевъ, сохранены для потомства и объяснены какъ не льзя удовлетворительнѣе. Представляю сущность ихъ разысканій, съ нѣкоторыми дополненіями.

Подпавъ подъ власть Римскаго народа, Словенцы должны были употреблять въ оффиціальныхъ дѣлахъ Латинскій языкъ и принятыя на немъ выраженія; поэтому, надписи были всѣ на Латинскомъ языкѣ. Дать обѣщаніе воздвигнуть божеству алтарь, посвятить памятникъ, называлось vocem facere, дать обѣтъ; исполнившій обѣщаніе писалъ на храмѣ, алтарѣ или камнѣ v. s. то есть votum solvit, исполнилъ обѣтъ, или v. p. то есть voto posuit, воздвигнулъ по обѣту.

I. Бѣлъ-Богъ, по Словенски Бѣлянъ.—На островѣ Градѣ (Grado) есть памятникъ, на которомъ видимъ на первой строкѣ: *Belino. sacr* (um). — На Венеціанской, перевезенной изъ Аквилеи: *Bilieno Aug* (usto)—*Nalvius Pintitus—V. P.* (voto posuit.)—На другой Аквилейской, перевезенной въ Венецію: *Apollini—Beleno—Aug.—C. Volesius—v. s.*—Изъ третьей Аквилейской надписи *Fonti Beleni* (Кладезю Бѣляна) видно, что Бѣлянъ владѣлъ и священными источниками или родниками, куда приходили Краинцы для омовеній или для исцѣленія въ священной водѣ.—На четвертой Аквилейской: Beleno — Avg — P. Vibivs — Abascantus — Iiiil. vir. — Aqvil. — donvm dedit, то есть *Beleno* Augusto P. Vibius Abascantus Sexvir Aquilejensis donum dedit. На пятой Аквилейской: Apollini *Beleno* c. (civis) Aquilejens(is) Felix.—На шестой Аквилейской: *Belino* Aug (usto) Sac(rum) L. Iunius Successus, domu Altinas, votum solvit. Т. е. «*Бѣляну* или *Бѣл-Богу*, по обѣту, юный Сукцессъ, родомъ изъ Алтына,» мѣстечка въ землѣ Краинцевъ. — На седьмой Аквилейской: *Beleno* Aug (usto) Sacr(um) L(aelius) Cornelius L(aelii) f(ilius) (tribu) Velina L(aelius) Secundus Aqui(lejensis), evoc(atus) aug(ustam) (Romam), quod in Urb(e) donum vovit, Aquil(ejam) perlatum libens posuit *L(oco) D(ato) D(ecreta) D(ecurionum)*. То есть: «*Бѣляну* Лелій Корнелій, Аквилейскій, Леліевъ сынъ, въ родѣ Велиныхъ Лелій *второй*, бывши вызванъ (въ Римъ), заказанный имъ въ Городѣ (Римѣ) памятникъ, и привезенный въ Аквилею, усердно воздвигаетъ на *мѣстѣ указанномъ въ декретѣ Декуріоновъ.*»

На одной Краинской надписи, въ мѣстечкѣ *Julium Carnicum*, Муратори прочелъ на первой строкѣ C. . sss . . . на другой: aedem Belini, на третьей: pecvnia refecervnt, на четвертой a..inavrata in fastigio. v. на пятой: et signa dvo dedere, на шестой . . . . nio P. L. principe; на седьмой: . . ottio. Sex. L. Argentillo. mag. vic.—Въ первой строкѣ первое слово было CAESSS: такъ какъ Римляне, любившіе сокращать, вели свое лѣтосчисленіе именами своихъ консуловъ, то чаще всего Coss. встрѣчается въ ихъ хронологіи, на пр. Augusto Caesare XIII et L. Paullo Coss. и это сокращеніе значитъ Consulibus: «въ консульствованіе Августа Цезаря въ 13 разъ, и Л. Павла» (въ *первый* годъ по Р. *X*); два ss означаютъ двухъ

Если же Венетское поморье (Venetiae) съ Крайною (Carnia), находясь такъ сказать подъ глазами Римскаго правительства, не могли

Консуловъ. Такимъ точно образомъ въ словѣ CAESSS должно подразумѣвать *трехъ* Кесарей. *Катанчичъ* (t. I, p. 283) видѣлъ цѣльную *Падуанскую* надпись, на которой было выставлено CAESSS. т. е. *Caeseres*, именно: Diocletianus, Maximianus et Constantius Chlorus: *трехъ* Цезарей не было въ Римской Исторіи въ одно время, кромѣ этого разу. (Наконецъ присоединили четвертаго). И такъ должно читать: Caesares Diocletianus, Maximianus et Constantius aedem *Belini* pecunia refecerunt, ara inaurata in fastigio, et signa duo dedere Antonio praeside loci principe, Pottio Sexto, L. Argentillo magistris vici: т. е. «Цезари: Діоклетіанъ, Максиміанъ и Констанцій возобновили храмъ *Бѣляна (Бѣл-Бога)*, балдахинъ алтаря велѣли позлатить, и дали два *знамени*, въ градоначальничество Антонія, при старшинахъ Поттіи Секстѣ и Л. Аргентиллѣ.»

Есть еще Аквилейская надпись, также не вполнѣ сохранившаяся. Вотъ она: ...... Beleno... Caesares... ocletianvs... aximianvs... avgg... dicavervnt. Ее легко пополнить согласно съ обыкновеннымъ слогомъ Римскихъ надписей, а именно: Apollini или Augusto *Beleno* divi Caesares Diocletianus, Maximianus Augusto dono dicaverunt. «*Бѣляну* или Бѣл-Богу посвящаютъ Императоры *Діоклетіанъ* и *Максиміанъ*.» — Катанчичъ замѣчаетъ, что этотъ камень есть обломокъ изъ фронтисписа. Слѣдовательно императоры не простую надпись воздвигли *Бѣлъ-богу*, а соорудили *храмъ*; усѣченіе же надписи доказываетъ, что мраморъ *лѣпилъ высокаго мѣста*, какъ видно изъ описанія его у Катанчича.

Бѣлянъ былъ богъ *Свѣта*, т. е. почитался *началомъ добра*, что показываютъ приставленные къ его имени Латинскіе эпитеты *Apollini* и *Augusto*. *Діонъ* (кн. LV) такъ поясняетъ значеніе послѣдняго слова: «слово *Augustus* придается тому, что священнѣе всего, и достойнѣе почитанія: потому-то Греки это слово и переводятъ чрезъ σεβαστὸς.» — Значительное число надписей показываетъ, что Аквилея была главнымъ мѣстомъ поклоненія *Бѣлъ-богу*; а это опять значитъ, что Словенскіе города выбирали себѣ покровителя въ числѣ боговъ также, какъ и Греческіе: напр. Дельфы Аполлона, Аѳины Палладу, Еѳессъ Діану.

II. *Чернъ Богъ*, по-Словенски *Чартъ (Chartus)*. — На Видѣнской *(Neviodunum)* надписи, найденной у рѣки *Савы*, прочтено весьма любопытное посвященіе Invicto Deo *Charto* Neviod(unensium) Summ(ano). «Читать *Харто* не льзя,» — говоритъ Венелинъ, — «потому, что звука *Х* вовсе не было въ языкѣ Латинскомъ. Конечно придумали писать *ch* для выраженія *херя* въ принятыхъ Греческихъ словахъ; не смотря на это, жители Италіи, за исключеніемъ однихъ Цицероновъ, не знали этого звука и употребляли буквы *ch* для выраженія буквы *ша* или *ча*. Этому доказательствомъ выговоръ потомковъ Римскихъ въ Галліи въ словахъ *la charite* и проч. или то, что Британцы приняли за *ча* въ *change* (чит. *ченжъ*). Такимъ образомъ надпись, вырѣзанную неученымъ рѣщикомъ на землѣ Словенской, должно прочесть *Чарто*. — Такъ какъ у Славянскихъ племенъ господствовалъ *дуализмъ*, и какъ *Чертъ*, *Чартъ*, т. е. *Черно-богъ*, былъ

быть олатинены, не смотря на усилія Римлянъ, хотя были ближайшими къ Италіи; то горская и степная (жупная) Словенія (Rhetia, Noricum,

———————

началомъ зла, то это чтеніе подтверждается еще другою надписью Budинскою на капители круглой колонны, гдѣ сказано просто: Deo Arimanio. Такъ какъ здѣсь не сказано, кто воздвигъ, то надпись не вся; а такъ какъ одна колонна, уцѣлѣвшая, не составляетъ зданія, то видно, что она принадлежала къ храму, и что съ нимъ разрушена и остальная часть надписи. Такъ какъ надпись была на храмѣ, очевидно воздвигнутомъ значительною особою, то и затѣйна поученѣе. Извѣстно, что и у древнихъ Персовъ господствовалъ *дуализмъ*, и что начало зла (*чертъ*) называлось у нихъ Ариманомъ. Это имя во II-мъ и III-мъ вѣкахъ по сосѣдству съ Персіею было уже извѣстно по всей Имперіи. Вотъ почему знаменитый ктиторъ предпочелъ высокоученое слово *Arimanio* слову провинціальному. Но можетъ быть, кто либо возразитъ: вѣдь могъ это надписать и Персіанинъ. Отвѣчаемъ: Персы, всегда независимые, никогда не служили въ Римской службѣ; притомъ же есть много примѣровъ на надписяхъ Словенскихъ странъ, что, такъ какъ надписи должно было врѣзывать по латыни, то рѣщики, или же воздвигатели, переводили и имена Словенскихъ божествъ по Латинской номенклатурѣ: такъ, между прочимъ, мы видѣли, что *Бѣла-бога, т. е. бога свѣта*, переводили въ *Аполлономъ* по аналогіи на многихъ Аквилейскихъ надписяхъ; на другихъ же удовольствовались однимъ переводомъ Аполлона, не смотря на то, что Аквилея не была гнѣздомъ Греческаго Аполлона. Прибавленное *Invicto Deo т. е. непобѣдимому богу* явно доказываетъ, что его почитали за покровителя *войны*, за начало *зла* или *разрушенія.»*— (Древніе и нынѣшн. Болг. II, стр. 131—133).

III. Перунъ, по Словенски *Beron*, также является на многихъ надписяхъ. Въ Аквилейской, перевезенной въ Венецію, на первой строкѣ: Bono Deo, на другой: Bron. toni. На Римской надписи: Грутеръ прочелъ Iovi sancto— Bron.. tonti—avr. poplivs. Латинское поясненіе божества словами *Jovi Sancto* доказываетъ, что здѣсь говорится о *Перунѣ*, и потому не льзя не согласиться съ Венелинымъ, который читалъ: Jovi Sancto *Beroni* Tonanti: т. е. Юпитеру *Берону* (Перуну) Громовержцу.—Крайнскій миѳологическій *Ономастиконъ* объясняетъ *Berôn* переводомъ *Jupiter*. Сближеніе здѣсь можно сдѣлать филологически: Верхнекрайнцы весьма часто употребляютъ О вмѣсто У, напр. *кай мо е*, вмѣсто *кай му е* (какъ ему есть), и проч. слѣд. *Berôn=Berun;* работникъ же, по скорому выговору южныхъ Славянъ, *Beron* сократилъ въ *Bron*, какъ слово ему непонятное. Но какъ слѣдовало выразить это имя въ дательномъ падежѣ, то нашъ знахарь и ломалъ голову, какъ просклонять: *Beron, Beronti* или *Bron-Bronti*, и догадался наконецъ: *Brontoni*!! Къ счастію, вторая надпись начинается словами: *Jovi Sancto Brontonti*, и теперь ужъ понятно, что дѣло идетъ о нашемъ Громовержцѣ, имя котораго у разныхъ Славянскихъ племенъ произносилось различно: *Перунъ, Паролъ, Проне, Барамъ, Беронъ, Перонъ, Перкунъ* и проч. — *Верона* была главнымъ мѣстомъ почитанія *Перуна* или *Берона* (какъ произносятъ Крайнцы), отъ имени котораго оно и называлось *Бероново*: Латины же, из-

Pannonia), конечно, по естественному положенію страны, могли питать въ жителяхъ надежду на сверженіе Римскаго ига, которое съ каж-

---

мѣнивъ Бенетки въ *Venetiae*, точно также и *Туруново* превратили въ *Verona*.

IV-ое божество, Гуслянъ. На Веронской надписи Катанчичь прочелъ: Cvslano—sac.—L. Octavivs—C. F. Cassivs—L. C. Octavii f.—Martialis et — macer. Если *Cuslan* напоминаетъ *гусли* Словенскія, какъ думаетъ Катанчичь, то это, по мнѣнію Венелина, былъ идолецъ *веселія* и трепака. — Впрочемъ и безъ надписи можно догадаться, что такіе протекторы веселія у всѣхъ народовъ существовали въ умѣ простаго народа; этотъ *Гуслянъ* вѣроятно стоялъ ниже *Пуста*, о которомъ будетъ сказано далѣе, въ прим. подъ стр. 250, и слѣдующ.

V-ое божество, *Ладо*, также равно извѣстное всѣмъ племенамъ Славянскимъ.—Въ надписи, найденной въ монастырѣ *S. Pauli*, недалеко отъ Салцбурга: *Latobio* sac(rum) pro salute Nam. Sabiniani et Juliae Babillae Vindonia mater v(oto) s(olvit) l(oco) l(egitimo) m(onumentum), т. е. *Латобію* по обѣту соорудила мать Виндонія за здравіе Нам. Сабиніана и Юліи Бабиллы.»—Тамъ же на другой: *Latobio* Aug(usto) sac(rum) L. Cesernius Avitus v(oto) s(olvit) l(oco) legitimo m(onumentum).

Такъ какъ обѣ надписи отысканы въ одномъ мѣстѣ, то должно заключить, что одинъ и тотъ же мастеръ ихъ дѣлалъ. Если бы и въ другихъ еще мѣстахъ отыскались памятники этому божеству, то изъ разногласія въ правописаніи его имени скорѣе можно бы вывести, что это было за божество?—Такъ какъ памятники и надписи дѣлались полковыми каменьщиками, то само собою слѣдуетъ, что вѣрность правописанія этихъ знахарей очень подозрительна: они ставили и *Beleno*, и *Bileno* и *Bieleno*, *Brontoni* и *Brontonti*; точно то же было и тутъ. Славяне Задунайскіе много поютъ *Свадебныхъ* пѣсень въ честь богинѣ *Ладѣ*. Обыкновенно ее именуютъ въ звательномъ падежѣ: *Ладо, Ладо! Моличе младо*, т. е. дѣва младая. Римскій надписчикъ облатинилъ это имя наудачу, и Ладовъ алтарь посвятилъ божеству *Latobio*; но такъ какъ пѣсни *Ладѣ* суть свадебныя или любовныя, то Венелинъ и заключилъ весьма основательно, что *Лада* была богиня красоты и покровительница новобрачныхъ, послѣ чего надпись объясняется сама собою.

Замѣчу, съ своей стороны, въ подкрѣпленіе мысли Венелина, что въ Mat. Verb. слово *Lada* объяснена именемъ Venus, dea libidinis, Cytherea, а Латинское слово decor (красота, миловидность) переведено, въ Псалтирѣ XIV вѣка, на Чешскій языкъ словомъ ladnost (Die ält. Denkm. der böhm. Spr. 52); отсюда же объясняется прилагательное ладная (въ смыслѣ прекрасная), данное рѣкѣ Сазавѣ въ судѣ Любушиномъ: ot Sasavi ladni. Вотъ почему и Латинскіе переводчики объясняли Славянское слово ladni чрезъ nitens, serenus, эпитеты красоты рѣки. Такимъ образомъ объясняется, почему многія рѣки въ Польшѣ и у насъ (во Псковской губерніи и др.) носятъ имя Лады, равно какъ и городъ Ладога (Русск. Истор. Сборн. т. III, кн. 2.) Густинская же лѣтопись (256—257) прямо называетъ Ладу «богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія.» Въ доказательство правильности такого извѣстія лѣтописи, привожу изъ нашихъ

дымъ днемъ становилось все тягостнѣе. Римскія поселенія, уже давно утвердившіяся на Поморьѣ Венетскомъ и Крайнѣ, и вновь

Русскихъ хороводныхъ пѣсень (по изданію И. П. Сахарова, Сказ. Русск. Нар. 1841, т. I, кн. 3, стр. 27, 28): послѣ угрозъ вытоптать просо, перенять коней, поютъ:

А чѣмъ же вамъ *выкупить, выкупить?*
Ой Дидъ Ладо, выкупить, выкупить.
«А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
Ой Дидъ Ладо, сто рублей, сто рублей.»
Не надо намъ тысячи, тысячи.
Ой Дидъ Ладо, тысячи, тысячи.
«А что же вамъ надобно, надобно?
«Ой Дидъ Ладо, надобно, надобно«
Намъ-то надобно *дѣвицу, дѣвицу!*
Ой Дидъ Ладо, дѣвицу дѣвицу!

и потомъ, какъ бы торжествующіе, получивъ дѣвицу, поютъ:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ Ладо, прибыло, прибыло!

(Варіянты этой пѣсни, 47 и 48) А что въ этой пѣсни дѣйствительно видимъ остатокъ глубочайшей древности, свидѣтелемъ будетъ Несторъ: «Поляне.... брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра *приношаху по ней, что вдадуче.* А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ...и брака у нихъ не бываше, но *умыкиваху уводы дѣвиць.* И Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычаи имяху.... браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на *игрища,* на *плясанье,* и на вся бѣсовская игрища, и ту *умыкаху жены собѣ,* съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены.» (Лавр. стр. 8). —

У Богемцевъ *lada* значитъ красивая дѣвушка, а у Словаковъ распутная женщина; у насъ, въ Русскомъ языкѣ, *лада, ладушка,* значитъ мужъ, на пр. въ пѣсняхъ:

Покачу я колечко кругомъ города,
И за тѣмъ я колечкомъ сама пойду.
Я сама пойду, милу *ладу* найду.

Въ Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ (стр. 100) читаемъ:

И въ-та-поры его молода жена
Стала ему кланятися и передъ нимъ убиватися:
«Гой еси ты, мой любезный *ладушка*».

Въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ пѣсни 6 (по раздѣленію И. П. Сахарова): «Жены Русскія всплакашась, аркучи: уже намъ своихъ милыхъ *ладъ* ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати»; въ пѣсни 10-ой, Ярославна обращается къ вѣтру: «чему мычеши Хановьскыя стрѣлы на своею нетрудною крилцу на моея *лады* вои?» а Днѣпру говоритъ: «възлелѣй, господинѣ, мою *ладу* къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». Въ формѣ прилагательнаго *ладый,* значитъ у насъ милый, любезный, на пр. Ярославна укоряетъ солнце: «свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тепло и красно еси—чему

заведенныя въ Горской Словеніи, Норійской землѣ и Франконской Славіи, самымъ бытіемъ своимъ показывали, что и Степной Сло-

господние, простре горячую свою лучу на *ладѣ* вои?»—Сказанія Русскаго народа, собр. И. П. Сахаровымъ (изд. 3.) т. I, кн. IV, стр. 39. 41, 42.— Сравните еще въ обрядныхъ пѣсняхъ, кн. III, стр. 261. 262,

VI-ое божество Бѣдай. На Инихенской надписи находимъ слѣдующее посвященіе: *Bedajo* Aug(usto) et *Alovnis* sac(rum), C. Cattius Secundianus II vir (Duumvir) Imp(eratore) Antonino secundum et sacerdote consule т. е. «богу *Бѣдаю* и его *Аловнамъ*, К. Каттій Секундіанъ, во время втораго Антонинова главнокомандованія» и проч.

Такъ какъ Каттій сдѣлалъ и выполнилъ свой обѣтъ богу *Бѣдаю* и его *Аловнамъ*,—или лучше *Ловнамъ*, какъ замѣчаетъ Катанчичъ,—во время втораго похода Императора *Антонина*, то можно заключить, что *Бѣдай* былъ у Словенцевъ богъ *стрѣлянія* или *войны, добычи, охоты* и *разоренія*. Въ Краинскомъ Ономастиконѣ, *Jélovz* (*Еловцъ* или *Яловцъ*) переведенъ именемъ *Actaeon* (Правнукъ Зевеса, и покровитель охоты); толкованіе Миѳологич. Ономастикона подтверждается Римскою надписью.

Въ горахъ Кроаціи и Далмаціи, пишетъ Венелинъ, доселѣ еще празднуютъ *Бѣдая* наканунѣ Рождества Христова, точно также какъ и Русаки въ Карпатскихъ горахъ въ тотъ же день празднуютъ *Крачуна*: канунъ Рождества Христова называютъ Задунайцы *Беднимъ* или *Бадпимъ днемъ* потому, что въ тотъ вечеръ сожигаютъ *истуканъ* бадняка. Этихъ *бадняковъ* кладутъ въ печь: одинъ или два, или три. *Бадняки* должны быть въ тотъ же день срублены въ лѣсу и привезены. Когда кто либо изъ домашнихъ вноситъ *баднякъ* въ избу, то всѣхъ привѣтствуетъ словами: «*Добаръ вечеръ, и честитъ вамъ* Бадній *данъ*.» Тогда кто-либо осыпаетъ его хлѣбными плодами, и отвѣчаетъ на привѣтствіе: «*Дао* «(далъ) *ти Богъ сретьній, и честитьій*.» Въ Герцеговинѣ, гдѣ дома огромные и двери сѣней похожи на ворота съ обоихъ боковъ дома, бадняка привозятъ шестернею быковъ. На другой день никто не дѣлаетъ посѣщеній, кромѣ *полажайниковъ*. Это потому, что по посѣщенію толкуютъ, будутъ ли счастливы круглый годъ. Для избѣжанія непріятнаго посѣщенія, за нѣсколько дней приглашаютъ пріятнаго посѣтителя, а иные имѣютъ уже своего постояннаго: этотъ *полажайникъ*, отправлялсь на посѣщеніе, беретъ съ собою по горсти зеренъ разнаго хлѣба; у порога привѣтствуетъ хозяевъ: *Ристосъ се роди*, и пошелъ сѣять по избѣ. Ему отвѣчаютъ: *ва истину роди*, и его также осыпаютъ плодами. Послѣ этой церемоніи беретъ кочергу, и бьетъ головни догарающаго *бадняка*, что бы летѣли искры. Подъ всякій ударъ приговариваетъ: «*оволико говеда* (столько вамъ рогатаго скота), *оволико коня, оволико коза, оволико оваца, оволико кõрмака* (боровьевъ), *оволико кошница* (ульевъ), *оволико сретья и напредка* (счастья и успѣховъ).» Послѣ разгребаетъ золу, и бросаетъ туда нѣсколько денегъ, а кто позажиточнѣе, то и червонецъ, а иной еще вѣшаетъ на воротахъ *повѣсмо* (горсть пеньки — слово техническое отъ Вологодской губерніи до береговъ Синяго или Адріатическаго моря.)—Послѣ сажаютъ его, и накидываютъ ему на плечи

венін или Жупаніи не миновать той же участи; но съ другой стороны, крутыя мѣры побѣдителей, стремившихся олатинить завоеванныя

одѣяло (коверъ), чтобы у коровъ были густыя сливки; для этого подчиваютъ его завтракомъ и водкою. Позавтракавши, полажайникъ уходитъ домой, но послѣ обѣда опять возвращается; тогда угощаютъ его по *демьяновски* до темной ночи. Когда уходитъ домой, то дарятъ его или платкомъ или чулками хорошими, или исподнимъ платьемъ и, наконецъ, колачемъ. (*Сербскій Словарь Вука Стефановича Караджича.*)

Изъ этого обычая, оставшагося отъ язычества, видно, что въ это время нѣкогда торжествовали праздникъ *Бѣдая*. Такъ какъ всѣ Славянскія племена исповѣдывали *дуализмъ*, т. е. начало *добра* и *зла*, то *Бѣдай* очевидно принадлежалъ къ числу *злыхъ* божествъ: вотъ почему и сожигали его истуканъ., ибо замѣчено, что всегда люди слѣдуютъ поговоркѣ: *откуда вредъ, туда и нелюбовь*. У насъ *бѣда* означаетъ несчастіе, потерю; слово *бѣдный* — человѣка, у котораго нѣтъ ни быковъ, ни лошадей, ни козъ, ни овецъ. Что слово *бѣдный* произошло отъ названія злаго божества, можно увѣриться тѣмъ, что отъ него весьма немного словопроизводныхъ въ Велико-Русскомъ нарѣчіи, равно какъ и въ прочихъ Славянскихъ языкахъ Притомъ же въ Малороссіи и у Карпато-Россовъ *бѣда* имѣетъ тоже смыслъ миѳологическій. Въ Карпатскихъ горахъ Русаки никогда не говорятъ: *чортъ тебя побери*, но или «*Перунъ бы тя убилъ*», или «*Мара́ бы тя взяла*», или же «*Бѣда* бы тя взяла».

Такимъ же образомъ и прилагательное, противуположное *бѣдному*, а именно *богатый*, происхожденія миѳологическаго: нуждаясь для всякой хозяйственной вѣтви въ особенномъ божкѣ, Славяне по мѣрѣ своихъ нуждъ, въ своихъ огородахъ воздвигали имъ болвановъ. Чѣмъ болѣе у кого было хозяйственныхъ вѣтвей, тѣмъ болѣе было у него болвановъ на огородѣ. Вотъ по какой именно причинѣ простой народъ прозвалъ людей зажиточныхъ *богатыми* (отъ слова *богъ*). Если буквально перевести *богатый* по Французски, то придется сказать: *celui qui a le plus de dieux*. Да и дѣйствительно, тотъ больше нуждался въ божкахъ, у кого обширнѣе были владѣнія. Это между прочимъ засвидѣтельствовалъ Арабъ Ибнъ-Фодланъ о Русскихъ на Волгѣ.

Но обратимся къ *Бѣдаю*. Такъ какъ изъ упомянутаго обычая видно, что онъ имѣлъ право заставить процвѣтать стада, и какъ отъ состоянія стадъ зависѣло или богатство или бѣдность, то можно заключить, что Бѣдай мстилъ въ стадахъ людямъ, которые его не ублажали. Посему онъ вѣроятно командовалъ и волками, и медвѣдями. Подобный хватъ есть и у Карпато-Россовъ, которые празднуютъ ему въ тотъ же вечеръ. Это *Крачунъ* (отъ *кракать*, *крачу*, т. е. деру за волосы, выдергиваю шерсть на животномъ) богъ не только животныхъ, но и звѣрей, большихъ мастеровъ до *кракавія*.

Домашнія животныя у Карпатскихъ Русаковъ, при отличномъ содержаніи въ стойлахъ, съ Рождества Христова, или какъ говорятъ на Москвѣ, съ *поворота сонца на лѣто, а зимы на морозъ*, начинаютъ линять. И такъ, если великимъ постомъ животныя не ходятъ уже

страны искорененіемъ Славянства, необходимо должны были возбуждать въ побѣжденныхъ враждебное чувство къ Римскому Пра-

искраканья, т. е. въ висящихъ собственныхъ лохмотьяхъ, изъ-подъ которыхъ проявляется гладкая молодая шерсть, то это признакъ, что животнымъ придется занемочь, хозяину обѣднѣть, а всему-де этому виною *Крачунъ*: онъ каралъ животныхъ, а лѣтомъ даже насылалъ на стада *кракателей* медвѣдей и волковъ! Вотъ почему добрые Карпато-Россы, на *поворотъ солнца на лѣто*, наканунѣ Р. Х., задаютъ *Крачуну* пиръ горою. До звѣзды сами ни крошки въ ротъ; но за то цѣлый день происходитъ ужасная стряпня со *всего*, что только находится въ кладовыхъ, амбарахъ и въ погребахъ, слѣдовательно блюдъ у всякаго до двадцати Пропорціонально подбираются и разные напитки. Но главнѣе всего печеніе колачей. Около третьяго часа, сажаютъ въ печку сперва огромный бѣлый хлѣбъ съ короною, нѣчто въ родѣ нашего *кулича*: это называется *крачуный*, и короче *Крачунъ* (колачъ). А кругомъ него сажаютъ по чинамъ колачи, подколачи, колачики и подколачики; а бѣдные и колачушки. Когда уже смеркается, приступаютъ къ приготовленіямъ принять *Крачуна*. Отъ порога сѣней до главнаго стола (обыкновенно уже накрытаго) все устилаютъ самою лучшею соломою, т. е. развязанными снопами. Между тѣмъ сажаютъ на столъ большую миску, въ которой находятся въ смѣси всѣ плоды земледѣлія и садоводства. (Это постный день, потому-то и заставляютъ и *Крачуна* позабавиться постнымъ, даже и безъ рыбнаго!) Послѣ этого всѣ блюда переселяются на столъ, обыкновенно довольно длинный, и становятся во фрунтовую линію; вскорѣ задаютъ и маршъ колачамъ. Крачуновъ на центръ, а всѣ прочіе по чинамъ и по флангамъ.—Наконецъ, послѣ появленія звѣзды, если ясно, а то просто если уже темновато, возвѣщаютъ церемоніяльное шествіе *Крачуна*. Такъ какъ ему лѣнь шагать самому (это бываетъ обыкновенно огромный овсяной или ячменный снопъ, который приглашаютъ по неимѣнію болвановъ или кумировъ), его вносятъ почтительно двое откомандированныхъ, другіе встрѣчаютъ; такъ какъ онъ и сидѣть даже не умѣетъ, то ставятъ его въ уголъ, на самое почетное мѣсто; послѣ того осыпаютъ его всякою всячиною изъ знаменитаго блюда, и начинается *пиръ горою*. За одинъ и тотъ же столъ съ хозяевами или господами садятся и всѣ служители. Пированье оканчивается обыкновенно попойкою и шумною веселостію, которая довольно часто раздается въ пистолетныхъ выстрѣлахъ въ окошко въ честь *Крачуну*; храбрые Крачуновскіе воины часто только на другой день узнаютъ, кто гдѣ кончилъ свое идолослуженіе, т. е. кто подъ столомъ, а кто подъ прилавкомъ.

Между тѣмъ, какъ продолжается пиръ, нелѣнивые уже въ ходу: А) *бабы* съ чародѣйствами, а Б) *мальчики* съ побѣдною пѣснею *Крачуну* (NB. уже подкупленному):

Около дячища,
Была лозище.
Рочкенде,
Рочкенде кенде,
Рочкекуренде,
Рочкекуренде
Премендe.
На ту лозище
Взлѣзла козище.
Рочкенде и проч.

вительству, въ которомъ они видѣли губителя ихъ народности. Богатые Жупанцы и сильные Далматы рѣшились поднять оружіе для

Подъ ту лозище	Его ушица
Пришовъ волчище.	Якъ рукавица, и проч.
Рочкенде и проч.	Его хвостище
Его очища	Якъ помелище, и проч.
Якъ тарелица,	Его зубица
Рочкенде и проч.	Яко траблища, и проч.

по милости *Кратуна*, пѣсня отправляетъ волка въ его гористыя жилища неочень вѣжливо и довольно насмѣшливо . . . . . и коза спасена!

Изъ этого видно, что *Бадай* (Словенскій) и *Кратунъ* (Русскій), празднуемые у тѣхъ и у другихъ въ *одно и то же* время, были божества почти *одного и того же* свойства.

Къ Словенской Грамматикѣ по Краинскому нарѣчію, изданной (1783) въ *Люблянѣ* (Лайбахѣ), монахомъ *Marcusa S. Antonio Paduano* (стр. 226.) приложенъ слѣдующій любопытный Ономастиконъ Миѳологическій, заключающій въ себѣ *Краинскія имена Божествъ, употребляемыхъ въ поэзіи:* Iêlovz, *Aktäon*, по-Словенски Еловцъ.—Viharnek, Fertunz: *Aeolus*, Выгарнекъ. — Belin: *Apollo*, Белинъ. — Pust: *Bacchus*, Пустъ.—Tôrka: *Bellona*, Торка. — Sejvina: *Ceres*, Сѣйвина. Drushize: *Charites*, Дружице.—Lubizhek или Serzhek: *Cupido*, Любичекъ, Сердчекъ.—Marena, Nozhniza, Triglaw: *Diana*, Морена, Ночница, Триглавъ. — Ogglasuvavka: Echo, Огласувавка. — Roshnezvitarzn, Flora: Рожнецвитарца. — Srezha (Среча), Fortuna. — Drashêna, Drashnize, Strashnize: *Furiae*, Дражена, Страшнице. –Bratek: *Genius*, Братекъ.—Sidèk: Hausgötze, Сидекъ.— Skrytek, Shkratel, Hausgenius, Скрытекъ. — Vila, Vilna: *Hekate*, Вила. — Bogina, Slavina: *Juno*.—Berôn: *Jupiter*.—Ladon, Tor, Tôrk (?) *Mars*. - Shilôn, Sèlôn, *Mercurius*.—Modriza: *Minerva*, Модрица.—Marlivke: *Musae*, Марливке.—Muràn: *Neptunis*, Мурянъ.—Pan, Travnepân: *Pan*. – Sodize, Shivize: *Parcae*, Содице, Живице. — Meroth: *Pluto*, Моретъ. — Ninga, Hudina: *Proserpina*, Худина.—Dovji moshji, lesni Bogovi: *Satiri*, Довьи Мужьи. — Tribèk: Seichgott.—Smert, Rebreneza: *Dea mortis*.—Hromek, Slômek: *Vulcanus*.—Namarneza: *Vacuna*, Намарница.—Posvist: *malus aër*. Zhistika, Siba: *Venus*, Чистлика, Сиба.—Vrêmenek: Wetterglas.—Pahoda: *Dea bonae tempestatis*.—Grumina, Mozhirna: *Dea malae tempestatis* Мочирна.—Fertûna: *Dea Ventorum*.—Burovsh: Heerwagen.—Hervor Polstern. — Shmarn Krish: Haufstern.—

Желательно, чтобы у Словенцевъ *на мѣстѣ* любознательные ученые повѣрили Латинскій переводъ этихъ названій. Переводить прямо нельзя потому, что иные Словенскіе миѳы могли имѣть смыслъ *только приблизительный*, напр. *Bogina*, *Slavina*, *Torka* и проч. Притомъ же, съ вѣроятностію можно подозрѣвать, не придумывалъ ли самъ сочинитель Грамматики нѣкоторыя Словенскія слова, чтобы выразить смыслъ Латинскихъ миѳовъ, напр. *Рожнецвѣтарица*=Флорѣ, *Чистлика* Венерѣ, *Мудрица* Палладѣ? Конечно, названія миѳовъ *Belin*, *Jelovz*, *Berón*, оправданы Римскими надписями: по *Ladon*, какъ по смыслу надписей, такъ и по миѳологическому преданію прочихъ Славянскихъ племенъ,

спасенія единоплеменниковъ; Краинцы обѣщали возстать немедлен-

---

была не богъ войны, а *Лада*, божество любви, слѣдовательно и красоты; такая же ошибка можетъ быть и на счетъ *Триглава.*—*Сѣйвиною* Краинцы называютъ время *сѣянія*, а *Постъ* (*Pust*) у нихъ тоже значитъ, что у насъ *мясоѣдъ*, или лучше *carnival*. Это замѣчательное разнорѣчіе въ значеніи одного и того же слова должно имѣть свою причину, происходящую отъ *различія климата*, какъ объяснилъ Венелинъ, въ разсужденіи о Словенахъ, помѣщенномъ во 2 части его Древнихъ и нынѣшнихъ Болгаръ: (с. 147) «Извѣстно,—пишетъ онъ, — что зима снова сводитъ въ одну кучу людей, разбредшихся лѣтомъ на работу. Извѣстно, что всѣ народы одинаково склонны къ *Вакханаліямъ*. Весною пировать нельзя потому, что некогда, и потому, что въ это время года человѣкъ бываетъ бѣднѣе. Лѣто проходитъ въ собиранія хлѣба и разныхъ овощей; тутъ онъ ужъ богаче. Осень проходитъ въ собираніи овощей, въ очисткѣ, свозѣ хлѣбныхъ плодовъ; наконецъ въ Ноябрѣ предстоитъ собираніе винограда и дѣланіе вина. Въ зимніе мѣсяцы человѣкъ бываетъ самый богатый. Такъ какъ зима даетъ въ это время отдыхъ и самой природѣ и человѣку, то онъ вездѣ свои Вакханаліи исправлялъ посреди зимы потому, что *бездѣлье родитъ веселье*, какъ необходимое средство отъ скуки. Чѣмъ сѣвернѣе житель, тѣмъ больше было у него досугу, »справедливо утверждаетъ Венелинъ;« чѣмъ южнѣе, тѣмъ меньше. Судя по климату Словеніи, жители ея могли пировать только съ половины Декабря (когда вино стало поспѣвать) по половину Февраля (когда стало снова зеленѣть).—Правда, зима жителямъ Руси и Польши давала *шесть* мѣсяцовъ отдыха, однако они не такъ скоро могли обогатиться: неудобность грязнаго пути въ осеннюю слякоть заставляла ихъ *искони* дожидаться хорошаго снѣга, Рождественскихъ и Крещенскихъ морозовъ: отдаленность разстоянія тоже не мало, отнимала у нихъ времени для прибытія къ мѣсту, сбыта и возвращенія домой. Такимъ образомъ *искони* Русакъ и Ляхъ не прежде могъ приниматься за свои *Вакханаліи*, какъ съ начала Февраля, и продолжать по Апрѣль, во время испорченныхъ дорогъ и мартовскихъ мятелей. Но читателю извѣстно, что со времени обращенія, Церковь наложила запрещеніе на эти почти два мѣсяца, и, напротивъ, предписала *воздержаніе*. Не смотря на то, какъ Русаки, такъ и Ляхи удержали то названіе, подъ которымъ *искони* у нихъ слыло это *досужное* время. Христіанское названіе этого времени можетъ быть *пятидесятница* или 7 *недѣль воздержанія*, но не *постъ*, потому что ни какой филологъ въ мірѣ не въ состояніи доказать, что *постъ* и отъ него пр. *поститься*, значитъ *воздержаться*. Вотъ почему у Словенцевъ, у коихъ это досужное время совпадаетъ именно между двухъ *постовъ*, Рож. и В., это слово означаетъ именно *противное*. — Названіе *пустъ*,» заключаетъ Венелинъ, «какъ слово, этимологически собственно ничего не означаетъ, и потому можно принять съ сочинителемъ грамматики, что *Pust* былъ Богъ увеселеній, не только у *Словенцевъ*, но и у прочихъ Славянскихъ племенъ. — Простой народъ охотно называетъ извѣстное продолженіе времени именемъ совпадающихъ праздпествъ, напр. *Филиповка*, *Петровка* и проч. Онъ не любитъ именовать число и мѣсяцъ:

*

но ([133]); по свидѣтельству Веллея Патеркула, участника въ этой войнѣ, въ земляхъ, поднявшихъ оружіе, народонаселеніе было выше 800,000 жителей; изъ нихъ, до 200,000 могли стать въ строй и составить пѣхотное ополченіе, сверхъ 9000 уже готовой конницы ([134]). Начальство роздали опытнѣйшимъ и храбрѣйшимъ полководцамъ (acerrimis ac peritissimis ducibus); верховную же власть получили трое: Батьянъ Далматскій, Батьянъ Жупанскій и Пинята ([135]). Верхне-Жупанскій городъ, извѣстный у Римлянъ подъ име-

---

это слишкомъ астрономически точно; напротивъ, для него легче сказать *родился въ Филиповку, умеръ въ Петровку, пропадалъ всю Ильинскую* (ярмонку, т. е. 50 дней). Такимъ точно образомъ и язычники извѣстное время могли прозвать именами своихъ боговъ, какъ *Пустъ* и *Сѣйвина*, т. е. все время посѣванія хлѣба, въ честь богинѣ сего же имени, которой впрочемъ покланялись и Поморяне и Ляхи и Сорабы.»

Значеніе прочихъ миѳовъ лучше всѣхъ можно узнать, по мнѣнію Венелина, изъ простонародныхъ *волшебныхъ сказокъ*. Тамъ находимъ опущенныхъ авторомъ: *Вѣдомецъ* (у насъ *Вѣдьма*), *Цунерница*, *Вѣща* (у Болг. и Серб. *Вѣщица*). *Худичъ* больше *Скрителя*; *Злодій* меньше. — Вообще, миѳологію *каждаго Славянскаго племени не обходимо пояснять и излагать порознь:* во 1-хъ потому, что всякое Славянское племя почерпало свои миѳологическія названія изъ своего же нарѣчія, а какъ нарѣчіе нарѣчію розь, то и номенклатура миѳологическая каждаго племени можетъ представить точно такую разницу (на пр. Крачунъ и Бѣдай); во 2-хъ же потому, что если и встрѣтятся тожественныя названія, однако онѣ могутъ разниться въ смыслѣ, т. е. въ занятіяхъ божка. — Вотъ на что слѣдовало обратить вниманіе новѣйшему автору *Славянской миѳологіи*, М. И. Касторскому. Онъ разсматривалъ только нѣкоторыя главнѣйшія божества: за нимъ теперь долгъ разъяснить, показаннымъ выше способомъ, всю Миѳологію *каждаго* Славянскаго племени порознь, подобно тому, какъ здѣсь разъяснены древности каждаго Славянскаго племени порознь.

И кому же, какъ не профессорамъ, совершившимъ путешествіе по Славянщинѣ на счетъ правительства, кому какъ не имъ разработывать Славянскія древности?..

([133]) Vell. Patercul. II, c. 110: cum universa Pannonia *insolens* longae pacis *bonis* et *adulta viribus* Delmatia omnibusque tractus ejus gentibus in societatem adductis, constituto arma corripuit etc.—Эта и другія выписки изъ Веллея приведены мною по изданію Рункенія.

([134]) Тамъ же: Gentium nationumque, quae rebellaverant, omnis numerus DCCC milibus explebat; CC fere peditum colligebantur, armis habilia: equitum IX.

([135]) Тамъ же: proxima duobus *Batonibus* ac *Pineti* ducibus auctoritas erat.— Имя *Bato*, множ. *Batones*, сохранено Веллеемъ очень хорошо: это наше Славянское *Бать* (Bat) или *Батьянъ* (Batjan); того же корня: *Бачь* (Bac), женское *Бача* (Baca), или: *Бачинъ* (Bacin), жен. *Бачина* (Bacina).— Имя *Пинята* (ср. Вышата) происходитъ отъ *пну, пинаю*=попираю: Рункеній, въ примѣчаніи на стр. 425, справедливо замѣтилъ ошибку

немъ Nauportus, ([136]) приготовился къ возстанію; утѣсненные Краинцы только ждали знака со стороны единоплеменниковъ, и приморскій Торг-гость скрытно ковалъ на Римлянъ оружіе. И такъ, для вѣрнѣйшаго успѣха, положено было раздѣлить войско на три части: одной соединиться съ верхне-Жупанцами Nauport'а и Краинцами Торг-гостенскими, потомъ ударить на Италію, между тѣмъ какъ другая часть для развлеченія силъ непріятеля — нападетъ на Македонію; третья же предназначалась для прикрытія собственныхъ областей ([137]).

Такимъ образомъ возстаніе Словенцевъ противъ угнетающей силы Рима, казалось, должно было кончиться сверженіемъ ига, потому что поднималъ оружіе народъ опытный въ военномъ искуствѣ, богатый не смотря на грабежи Римскихъ правителей, и съ ненавистью къ утѣснителямъ Славянской народности соединявшій образованность. In omnibus Pannoniis,—пишетъ Веллей,—*non disciplinae tantummodo*, sed *linguae* quoque *notitia Romana*, plerisque etiam *litterarum usus*, et familiaris *animorum* erat *exercitatio*; itaque, Hercules, *nulla unquam natio tam mature consilio belli bellum junxit*, ac decreta partavit ([138]); т. е. «во всѣхъ жупанствахъ занимаются изученіемъ не только *военнаго искуства*, но и языка *Римскаго*, а многіе даже *науками* и *образованіемъ ума*; и потому, (свидѣтельствуюсь Геркулесомъ), *никогда на одинъ народъ не соединялъ съ храбростью такъ зрѣло обдуманнаго плана войны*, и такъ ловко не приводилъ его въ исполненіе».

Военныя дѣйствія открылись вдругъ въ разныхъ мѣстахъ: граждане Римскіе внезапно захвачены; купцы избиты; значительное число войскъ, отдалившихся отъ главныхъ силъ своихъ, подверглось той же участи; Македонія отнята и окрестныя страны опустошены огнемъ и мечемъ ([139]). Цезарь Тиверій, бывшій главноначальствующимъ въ Дунайскихъ земляхъ, пришелъ въ ужасъ ([140]).

писателей, смѣшивающихъ имена Батьяновъ: duo Batones erant, alter Desidiatum in Dalmatia, alter Breucorum in Pannonia dux, quos ipsi veteres interdum confundunt. Vide Puteanum ad h. l. et Jos. Scaligerum ad Euseb. Chron. n. MMXXII, p. 179,

(136) Объ этомъ городѣ упоминаетъ и Тацитъ, разсказывая о возмущеніи легіоновъ при Тиверіи: direptisque proximis vicis, ipsoque Nauporto, quod *municipii* instar, etc. Annal. I, cap. 20.

(137) Pars petere Italiam decreverat, juxto sibi Nauporti ac Tergestis confinio pars in Macedoniam eruperat; pars suis sedibus praesidium esse destinaverat.—Vell. Paterc. II, 110.

(138) Vell. Paterc. II, c. 110.

(139) Тамъ же.

(140) Тамъ же.

Августъ объявилъ Сенату: «если тотчасъ же не будутъ приняты дѣятельнѣйшія мѣры, то непріятели черезъ 10 дней могутъ явиться подъ Римомъ.» (141) Императоръ требовалъ вспоможеній и личнаго содѣйствія какъ сенаторовъ, такъ и всадниковъ. Они обѣщали. Быстро начали собирать ополченіе, чтобы заградить непріятелю входъ въ Италію: отовсюду вызвали всѣхъ ветерановъ, уже отслужившихъ свои лѣта; мужчины и женщины, по цензу, обязаны выставить воина-вольноотпущенника (142); Цецина и Сильванъ Плавтій отправлены во Ѳракію для набора войскъ (143). Веллей

(141) Audita in Senatu vox Principis, decima die, nisi caveretur, posse hostem in urbis Romae venire conspectum. Vell. Paterc. II, c. 111.

(142) Habiti itaque delectus; revocati undique et omnes veterani; viri foeminaeque ex censu libertinum coactae dare militem.—Тамъ же.

(143) Объ этомъ Веллей говоритъ далѣе въ гл. 112. — Къ Тиберію пришелъ самъ Rhoemetalces, Thraciae rex. — Какой народъ должно разумѣть подъ именемъ Ѳракійцевъ? Венелинъ утверждалъ, что «Болгарію, Сербію, Ѳракію, Македонію и Эпиръ искони населяли Албанцы или Арнауты (Скипетары), народъ совершенно отличный какъ отъ Славянъ и Грековъ, такъ и отъ прочихъ Европейскихъ племенъ. Весь этотъ Задунайскій полуостровъ, — отдѣленный отъ прочей Европы не только рѣкою Дунаемъ, но и по-Дунайскими степями, низменными, необозримыми и неудобонаселимыми, — весь этотъ полуостровъ, кромѣ Аттики и Пелопонеса (которой можно назвать Греческимъ полуостровомъ) былъ искони *Скиперія*.» И такъ, по мнѣнію Венелина, Эпироты, Македоняне, Ѳракійцы и Мизы, были не что иное какъ предки Албанцевъ или Арнаутовъ, которые сами себя зовутъ Скипетарами (О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ, М. 1835, стр. 112). — О. И. Сенковскій принимаетъ мнѣніе Эйхвальда о Славянствѣ Гетовъ или Даковъ, и думаетъ, что «Греческіе колонисты давали Славянамъ попеременно различныя названія *Даковъ* или Даіевъ, *Мызовъ* (Moesi, Mysii), Будиновъ, Вудиновъ, Видиновъ (сокращено Виновъ, Вине), Энетовъ, Генетовъ, Гентовъ или (сокращенно, съ пропускомъ носоваго звука, Гетовъ,) впослѣдствіи даже Андовъ», и что «въ наше время уже не подлежитъ никакому сомнѣнію ни спору, что *Геты и Даки* были *чистые Славяне*». (Библ. для чтен. 1838, т. XXVII, отд. 3. стр. 97)—Г. Чертковъ, въ изслѣдованіи о переводѣ Манассіиной лѣтописи (стр. 44) говоритъ, что у него составлено особое сочиненіе, въ которомъ доказывается, что «Славяне съ незапамятныхъ временъ обитали по обоимъ берегамъ Дуная, въ *Дакіи, Мизіи, Ѳракіи, Македоніи*, и едва ли еще не при Македонскихъ Царяхъ и владычествѣ Римлянъ, которымъ они извѣстны были подъ общимъ именемъ Иллирійцевъ, Македонянъ, Ѳракійцевъ, Мизянъ и проч. какъ это можно доказать названіями многихъ мѣстъ, хотя изуродованными Греческими и Римскими писателями». — Между прочимъ, онъ представляетъ свидѣтельство одного изъ современниковъ Царя Симеона, что «Ахиллесусъ имый вои своя, иже нарицахуся Мирьмидонесъ, нынѣ Болгаре» и на основаніи

Патеркулъ назначенъ квесторомъ; ему поручилъ Августъ отвесть изъ Рима находившіяся тамъ легіоны на помощь Тиверію.

Гомера (I, 684), Патеркула (l. I, c. 3) и Страбона (IX, 5, 11) рѣшительно утверждаетъ, что Ѳессалія была населена Славянами, предками нынѣшнихъ. (О переводѣ Манас. лѣт. стр. 13, 14, пр. 14).—Суровецкій признавалъ, что «между Ѳракійцами жили многочисленныя племена Венедовъ, которыхъ языкъ долженствовалъ сремѣшаться съ языкомъ другихъ». — Лелевель и нашъ ученый П. И. Кеппенъ (üb. Alterth. und Kunst in Russl. Wien. 1822. стр. 7) утверждали что Ѳракійскіе Krobysi или Krybisi были предками нашихъ Славяно-Русскихъ Кривичей. — Шафарикъ во II кн. Слав. Др. (с. 132—134) колеблется и сперва говоритъ: «*очень правдоподобно*, что нѣкоторыя вѣтви Славянъ, *удалившись во глубину Ѳракіи и Иллиріи*, долго въ тамошнихъ неприступныхъ горахъ удерживали свою народность. Это подтверждаютъ, во первыхъ *свидѣтельства древнихъ*, что въ тѣхъ краяхъ обитали люди, говорившіе разными языками: имена нѣкоторыхъ народовъ и *множество мѣстныхъ названій*, очевидно указывающихъ собой на Славянское происхожденіе и образованіе», но, не имѣя вѣрнаго логическаго мѣрила, на слѣдующей страницѣ (133) пишетъ, что «сходство это *можетъ быть* или случайное или мнимое»; а въ III книгѣ Славян. Древн. положительно выдаетъ ихъ за Не-Славянъ, и такимъ образомъ оставляетъ читателя въ совершенномъ недоумѣніи.

При такомъ разнообразіи мнѣній о Ѳракійскомъ племени, въ ожиданіи полнаго изслѣдованія, обѣщаннаго г. Чертковымъ, попытаемся рѣшить логическимъ образомъ спорный вопросъ, помощію извѣстныхъ *данныхъ*, представляемыхъ Этнографіею и Древностію.

I. На сѣверѣ отъ Эллады или собственной Греціи теперь находимъ два племени: Скипетаровъ (Албанцевъ) и Славянъ (Болгаръ съ Сербами). Скипетары составляютъ особенное племя, впрочемъ въ ихъ языкъ вошло довольно словъ Славянскихъ. Тунманъ (Oestl. Völk.—Alban.) собралъ много такихъ словъ: Peränti (Перунъ), pakki (покой, миръ), kalubi (хижина, ср. хлѣвъ), phagil (уголь), miekula (мгла, туманъ), kiuc (ключь), koska (кость), sumpul (шипъ), plucha (гной), ciuba (дѣва), trup (трупъ), proch (плугъ), derres (держать), miss (мясо), mpelte (блато, болото), wulk (волкъ), zelm (жаль), kurwar (блудникъ), ku (колъ), skok (скокъ — въ смыслѣ прохожу), pi (пью), paghaca (богатство), ssapke (шапка), skiure (шкура, или какъ въ древности скора, откуда скорнякъ) ciap, cap (кацапъ=козелъ), sberk, sberg (щитъ, какъ бы сберегатель), penton (по-польски: пендъ, пендзе, гоню), hsenes (по-польски ксенжицъ, по древне-Славянски княжичь=луна), ziar (жаръ, огонь), hump (гублю), dorog (дарую), pek (пеку, варю), chole (голый, бѣдный), zonha (жена, невѣста), и проч.—Явно, что *сосѣди, у которыхъ* Албанцы или Скипетары *заимствовали эти слова*, принадлежали къ *племенамъ Славянскимъ*: вотъ первый выводъ Филологіи и Этнографіи.

II. Суровецкій справедливо замѣтилъ, что изъ древнихъ писателей «одни причисляли народъ Ѳракійскій къ племенамъ *русоволосымъ* съ

Очень жаль, что Веллей Патеркулъ обратилъ все вниманіе только на заслуги Тиберія въ этомъ походѣ, и весьма поверхностно описалъ

голубыми глазами (Herod. l. 5; Xenoph. ap. Voss. Mit. Brief. t. I, 6, 3; Procop. B. V. l. 3); другіе къ темноволосымъ, съ цвѣтомъ лица румянымъ (Firm. Matern. l. I, cap. 1.)» Отсюда онъ весьма основательно заключилъ, что главное народонаселеніе Ѳракіи состояло изъ *двухъ племенъ;* и такъ, для полноты силлогизма, слѣдуетъ вспомнить, что высокій ростъ, голубые глаза и русые волосы издревле составляли отличительныя черты Славяно-Русскаго племени. Мы уже видѣли (см. выше у меня стр. 184, прим. 10) древнее положительное свидѣтельство Преподобнаго Нестора, что предки наши «ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь»; а вотъ и характеристика этихъ Скиѳовъ, находимая у Грековъ: qui aquilonem inhabitant, ut ipsi albi sunt corpore, sic oculos caeseos et capillum pyrron habent, «у обитателей сѣвера тѣло бѣлое, очи небесно-голубые и волосы на головѣ русые». Эти слова Аристотеля повторяли Иппократъ, Витрувій, Галенъ и другіе. У Геродота (въ лат. пер). читаемъ о Будинахъ, которыхъ древніе называютъ Скиѳами, и которыхъ новѣйшіе изыскатели единогласно уже признали Славянами: «Budini ingens natio, valde caescis oculis ac rufa»; а Римскіе писатели говорятъ о Скиѳахъ: sub septentrionibus nutriuntur gentes candidis coloribus, directo capillo et rufo, caeseis oculis; одно изъ Скиѳскихъ племенъ, извѣстное у Грековъ подъ именемъ Танаитовъ, иначе Алановъ, то есть Донскіе Козаки (какъ доказано профессоромъ Морошкинымъ, Истор. крит. Изслѣдован. стр. 145—157) такъ описаны у Аммiана Марцеллина: proceri autem Alani paene sunt omnes et pulchri, crinibus mediocriter flavis etc. (Ammiani Marcellini, XXXI, cap. 2.) Отсюда Физіологія и Этнографія выведутъ важное слѣдствіе, что Ѳракійскія племена черноволосые и черноличные были предками Скипетаровъ (Албанцевъ), а Ѳракійцы *русоволосые* и *голубоглазые* суть *предки Славянскихъ племенъ* Балканскаго полуострова.

III. Геты, безспорно племя Ѳракійское, у Ѳеофилакта прямо называются *Славянами*. За исключеніемъ Шафарика, ихъ уже признали Славянами всѣ новѣйшіе изыскатели: и Венелинъ, и Эйхвальдъ, и Сенковскій, и Морошкинъ, и Чертковъ. Сравнивъ же съ именемъ *Геты* то Славянское имя, подъ которымъ они извѣстны въ Несторовой лѣтописи, *Угличи*, легко дойдемъ до заключенія о тожественности обоихъ, какъ уже догадывался П. Г. Бутковъ (см. выше, стр. 24), то есть, что страна эта первоначально называлась *кутъ*, и это названіе сперва передѣлано Греками въ Getae, а потомъ распространено на Славяно-Русскія племена. Но такъ какъ подлѣ нашего Русскаго *кута* начинался *хребетъ* горъ, называемый у туземцевъ Русиновъ Татрами и просто Горбами или Хрбами (откуда чужеземцы составили имя Карпатъ), то мѣстное имя этой Карпатской Руси, *Хрваты* или *Горваты* (горовитатели) *переведено* иноземцами: вотъ почему и на жителей Русскаго Кута (по-гречески Get'овъ) распространено имя *Даковъ* (Daci). Когда же страна эта была покорена Римлянами, и Римскимъ правительствомъ обращена въ мѣсто ссылки, а впослѣдствіи при Траянѣ получила мно-

самую войну, тогда какъ отъ него, очевидца и участника, потомство болѣе всего ожидало бы подробнаго изображенія ожесточенной

жество Римскихъ военныхъ колоній: то Славянскій языкъ туземцевъ смѣшался съ Латинскимъ языкомъ поселенцевъ, и такимъ образомъ возникъ новый языкъ Ромунскій (Молдаво-Волошскій), составляющій собственно смѣсь Латинскихъ и Славянскихъ выраженій. Свидѣтелемъ этого смѣшенія былъ знаменитый Овидій, сосланный сюда императоромъ Августомъ; и такъ какъ языкъ жителей Хорвато-Русскаго Кута (Get'овъ), разумѣется, долженствовалъ сходствовать съ языкомъ ихъ единоплеменниковъ, Sauromat'овъ (ящероглазыхъ=голубоглазыхъ) Руссновъ, то ясно, что, выучившись по-Get'ски, онъ уже понималъ и по-Sarmat'-ски.

Ipse mihi videor jam dedidicisse Latina,
Jam didici Getice Sarmaticeque loqui.

«*Я* самъ», пишетъ онъ (V, 12) «какъ будто разучился Латинскому языку и уже выучился говорить по-Гетски и Сарматски». А сродство Славяно-Русскаго языка съ Эллинскимъ или Греческимъ, неоспоримо доказанное Экономидомъ, но превратно понятое Овидіемъ, выражено имъ въ слѣдующихъ стихахъ:

In paucis remanent Grajae vestigia linguae
Haec quoque jam Getico barbara facta sono.

то есть: «весьма немного остается слѣдовъ Греческаго языка, да и тѣ уже, передѣланные на Гетскій ладъ, превратились въ варварскіе звуки». — Слѣдственно, Археологія и Древняя Филологія представляютъ намъ свидѣтельство очевидца, Овидія, о *тождествѣ языка,* которымъ говорили *голубоглазые и русоволосые Ѳракійцы-Геты*, съ языкомъ *Славяно-Руссовъ,* которыхъ голубые глаза дали поводъ Грекамъ (привыкшимъ къ чернымъ глазамъ какъ у себя, такъ и у другихъ сосѣднихъ народовъ) придумать намъ прозвище Sauromata (сокращенно Sarmata) *Ящероглазые* (отъ σαυρός, ящерица, и ὄμμα, ὄμματος, глазъ), прозвище, объясненное Плиніемъ. Это важное свидѣтельство Овидія подтверждается съ одной стороны свидѣтельствомъ Византійца Ѳеофилакта, называющаго Гетовъ племенемъ Славянскимъ, а съ другой свидѣтельствомъ Халкокондила, называющаго Москву, Тверь и прочую Россію подвластную Татарамъ, Черною Сарматіей, Μέλαιναν Σαρματίαν, Бѣло-Руссію Λευκὴν Σαρματίαν, Бѣлою Сарматіей (кн. III), и продолжающаго эту Ящероглазію или Сарматію до Финскихъ или Чудскихъ поколѣній Перми: Πέρμιοι ὑπὲρ τοὺς Σαρμάτας, изъ-чего ясно, что Sarmatia=Русь. Отсюда же разкрывается: во первыхъ, ошибка Эйхвальда, который, признавъ Гетовъ за чистыхъ *Славянъ,* отказалъ въ *славянствѣ* Сарматамъ; и во вторыхъ, ошибка трудолюбиваго Шафарика который нѣкогда, по сходству звуковъ, выдавалъ *Сарматовъ* (голубоглазыхъ Руссновъ) за *Сербовъ* (!), а теперь, перемѣнивъ мнѣніе, но вращаясь въ прежней сферѣ созвучій, выдаетъ уже за какихъ-то *Азіятскихъ* степняковъ (!), Гетовъ же (Хорвато-Русскій Кутъ) за какихъ-то не-Славянъ.

IV. Заимствованіе Скипетарами-Ѳракійцами отъ русоволосыхъ и го-

борьбы Словенцевъ съ Римомъ, борьбы, которая вынудила Римлянъ употребить такія чрезвычайныя мѣры, и которую Светоній

лубоглазыхъ Ѳракійцевъ множества словъ Славянскихъ, физіологическое сходство тѣлосложенія этихъ Ѳракійцевъ съ Славянскою Русью и филологическое сродство ихъ языка, приводятъ къ тому необходимому выводу, что эти Ѳракійскія племена, отличавшіяся русыми волосами, голубыми глазами, говорившіе языкомъ сходнымъ съ Ящероглазымъ (Славяно-Русскимъ) и сообщившіе черноволосымъ Ѳракійцамъ или Скипетарамъ множество корней Славянскихъ—были сами Славяне: слѣдственно мѣстныя и племенныя *названія* ихъ должны быть Славянскія, равно какъ и *личныя имена*. При такомъ логическомъ построеніи силлогизма, историческая критика не допускаетъ ни *можетъ быть* ни *правдоподобно*, а говоритъ прямое заключеніе, слѣдственно—*истинное*. Дѣйствительно, въ Иллиріи, Ѳракіи, Македоніи и Ѳессаліи встрѣчается множество названій въ подкрѣпленіе этой, силлогистически выведенной, истины; не смотря на порчу именъ, каждый Славянинъ узнаетъ родное, читая слѣдующія *мѣстныя* имена: Alissa (Олѣсье, Олѣшье), Babas (Баба), Balesina (Бѣлѣсина), Banes (Бани), Bebii (Бабьи), Berhaea или Veria (Верея), Batua или Budva (Будва), Bogatskoe (Богатское), Bossigrad (Божеградъ), Bora (Боръ), Bylazora (Бѣлазоря), Catari, Cattarus (котора—вражда), Conisko (Кониска, Коневка), Debre (Дебри), Desnitza (Десница), Drinus (Дринъ), Gura (Гора), Klinovo (Клиново), Konitza (Коница), Labae или Libuvo (Любово), Labutza или Lobitze (Любечь), Metzovo (Мещово), Metubaris (Медоборъ), Miletes (Милетъ), Mucares (Мукарь), Oseriates (Озеряты), Salona (Солона), Scaplizo (Скаплица), Scopentiana (Скопичань), Scrina (Скриня), Stagyra (Стогоры, мѣсторожденіе Аристотеля), Smocovo (Смоково), Straden (Страдень), Stulpini (Столпины), Struas (Струй), Strimon (Струмень, и у насъ въ Припять впадаетъ рѣка Струмень), Tzierna (Черна), Vederiana (Ведряна), Veriniana (Вѣроньяна), Vetze (Вѣче), Vodas (Водань), Voinitza (Война́ца), Vola (Воля), Vratzista (Вратчище, или по туземному произношенію съ измѣненіемъ *щ* въ *шт*, Вратчиште), Zagoria (Загорье), Zdebrin (Задебринъ), Zethunium или Zeitun (Сѣтунь), и друг. Соотвѣтственно этимъ названіямъ представляется рядъ *племенныхъ названій* Ѳракійцевъ: Бѣссы, (Bessi), Бриги, Dersei и Trausi—у Иллирійцевъ Daorsii — имѣющіе прямое отношеніе къ нашему народному имени, превращенному изъ *Русь* въ Orsi, Aorsi; Κϱοβυζοι (Кровицы) или Κϱιβυζοὶ (Кривицы), по латинскому правописанію Krobisi и Krybisi, соотвѣтствующіе нашимъ Кривичамъ (ибо и у насъ буква *о* иногда замѣняется буквою *и*), Трибаллы (прямо называемые у Халкокондила Славянами), Тины (Thini), Коралы (то есть Горалы), Moesi или Mysii (Мызы, по объясненію Сенковскаго), Βελινοι (Вулины, то есть Волыняне, Волынцы), Kataransi (Которенцы), Корины, Mucareuses (Мукаренцы), Divitenses (Дѣвитенцы), Novenses (Новенцы), Risinites (Рязанцы) и проч.—Упоминаемое у Страбона имя Гетскаго (Хорвато-Кутскаго) Короля, *Бойревистъ*, объяснено ученымъ Эйхвальдомъ: «Это имя чисто-Славянское, долго упо-

назвалъ важнѣйшимъ событіемъ послѣ Пуническихъ войнъ. И такъ, мы должны принять въ руководители, главнѣйшимъ образомъ,

———

треблявшееся въ Польшѣ въ двойной формѣ: *Боривой* и *Боревистъ*, отъ котораго вѣроятно произошло *Боревичъ;* въ другомъ мѣстѣ онъ называется *Виревистъ*, въ нынѣшнемъ Польскомъ сокращеніи *Вырвичъ:* въ обоихъ именахъ корни чисто Славяно-Полянскіе или Польскіе.» Мудрецъ Кровичей или Кривичей, Σάμολξις, распространившій между ними ученіе о безмертіи души, по свидѣтельству Гелланикова сочиненія о законахъ иноплеменныхъ народахъ (Etymologicon magnum), былъ почитаемъ у Өракійцевъ за безсмертнаго: у Балканскихъ Славянъ дѣйствительно есть имя *Замукъ* (Zamuk), полное же, съ измѣненіемъ *у* на *ол* (вукъ=волкъ, дугъ=долгъ, ступъ=столпъ, вуна=волна, сунце=солнце) будетъ *Замолкъ*. Имя князя, который замучилъ Скиѳскаго царя Ariopyth'a (Яробуда), Славянское *Спрежибудъ* (ср. Спорышъ, Спорыша, Спредимилъ, Спредиславъ, Спредимиръ, Спрежимиръ, Спрежиславъ), по неимѣнію въ Греческомъ алфавитѣ ни *ж* ни *б*, превращено у Геродота (IV, 78) въ Spargapythes; по той же причинѣ, *Житоборинъ* и *Яроборинъ* названы Saetoparnes, Saetopharnes, Arioparnes, Ariopharnes. Имя Өракійскаго князя, пришедшаго по приказу Августа на помощь Римлянамъ, Ramentolces (какъ пишутъ нѣкоторые изыскатели древностей) есть наше Славянское *Раменъ-толкъ* (подобное Галицко-Русскому прозванію Ярослава «Осьмо-мыслъ», имѣющій разумъ такой, какъ бы у осьми мудрецовъ) отъ словъ: *толкъ*=смыслъ и *раменъ*=великій (ср. Чешское ramen, naramny), откуда объясняются выраженія нашихъ лѣтописей «раменъ дождь», «дороговь рамна», и проч. У Діона Кассія это имя пишется Rhymetalces, у Веллея Патеркула Rhoemetalces; сравните Славянскія имена Рамъ—Ram, Рамешъ—Rames, Рымешъ—Rymes; и такъ, отдавая предпочтеніе Діону и Веллею, какъ ближайшимъ свидѣтелямъ, бывшимъ на мѣстѣ, должно имя Өракійскаго Князя, помогавшаго Августу, писать *Рамеш-толкъ*, или *Рымеш-толкъ*. Имя брата его (у Діона Кассія подъ годомъ 760-мъ) Rascupolis есть также сложное; сравните Чешскія имена: *Расъ* — Ras, Расика — Rasica, Расо — Raso, Рашинъ — Rasjn, и общее славянское слово *купа*, съ производными: вкупѣ, куполъ и проч. Отсюда же объясняется имя, часто встрѣчаемое въ надписяхъ и у Тацита (Annal. II, 64, III, 38, 67) Rhescuporis, называемый братомъ Рамештолку; имя сына Рамештолкова, Cotys, Котишъ, упоминается Тацитомъ, Annal. II, 64, 66 (о его дѣтяхъ, An. 67; III, 38, IV, 5).—Отъ этого Котиша надобно отличать другаго Котиша, государя Киммерійскаго (Азовскаго), овладѣвшаго Арменіею (Annal. XI, 9), воевавшаго съ Митридатомъ (XII, 15) и погибшаго отъ измѣны брата (XII, 15, 18). Имя послѣдняго Дакійскаго Государя, который наложилъ дань на Римлянъ при Домиціянѣ, а наконецъ лишилъ себя жизни, когда его войско было разбито Траяномъ, Decebalus объясняется Славянскими именами: *Дѣшъ*—Djes, *Десъ* — Des, *Десанъ*—Desan, *Десило*—Desilo, *Десимиръ* —Desimir, *Десиславъ*— Desislav, *Деславъ* — Deslav, и слѣдственно есть *Дешевалъ* или *Дешехвалъ*, ибо у южныхъ Славянъ буква *х* часто опускается, почему Сербы вмѣсто *хвала* говорятъ и пишутъ *вала*.

ученаго Грека Діона Кассія: въ его Римской Исторіи находимъ обстоятельное описаніе всего хода военныхъ дѣйствій въ продол-

---

Эти многочисленныя племена Балканскихъ Славянъ, — по иностранному Ѳракійцы, а по туземному: Кривичи, Мызы, Вольпцы, Кутичи, и проч. — отличались чистотою нравовъ, трудолюбіемъ, были бѣдны, отважны въ бояхъ и неустрашимы, почитая смерть только переходомъ въ вѣчность, почему и названы απαθάνιζοντες, переходящими въ безсмертіе къ Замолку (Herod. IV, 94, Horat. l. III, од. 24). Нѣкоторыя племена на югѣ прославились грабежами и потому прозваны отъ сосѣдей Бѣсами (ср. Herod. l. 5, Plato de leg. l. I); но за то прочіе Кутичи (Getae и др.) пріобрѣли извѣстность сколько храбростію, столько же и земледѣліемъ: Геродотъ вообще очень хвалитъ холстъ, выдѣлываемый Ѳракійскими племенами; а ему, какъ смѣтливому купцу, бывшему во многихъ странахъ, не льзя не вѣрить. — Замѣтимъ, наконецъ, *разительное сходство* нѣкоторыхъ *обычаевъ, одеждъ, вооруженій* и проч. Римскій памятникъ Траяновъ, Columna Trajani, показываетъ, что Ѳракійцы брили себѣ голову, но отращивали бороду; носили широкія полукафтанья, доходившія до колѣнъ и перетянутыя поясомъ, а на спину накидывали бурку (pallium militare), которая на лѣвомъ плечѣ застегивалась пряжкою; на ногахъ носили полусапожки, а на головѣ лисьи продолговатыя шапки. Оружіемъ ихъ были: суковатыя палицы, сабли, щиты и луки; латъ и шлемовъ не носили. Вмѣсто знаменъ употреблялось древко съ изображеніемъ на верху дракона съ поднятою головою, или смерти, представленной въ видѣ скелета съ косою. Звукъ трубъ служилъ сигналомъ битвы. (Marcial. epigr. I. 7; — Энгеля Commentatio de expeditione Trajani ad Danubium et origine Valachorum, Vindob. 1794; — Herod. l. 7). Женщины также перевязывали свои длинныя платья съ рукавами на перехватѣ кушакомъ, а на головѣ носили холстинные платки, укрѣпленные перевязкою. (Рисунки одеждъ и вооруженій Гетовъ, снятые съ Траяновой колонны, не обходимо видѣть при книгѣ Манперта, удостоенной наградою Геттингенскимъ Обществомъ Наукъ: Res Trajani imperatoris ad Danubium gestae, auctore Conrad Mannert, Norimb. 1793.) Вельможи имѣли до 12 женъ, которыя были покупаемы отъ родителей; иные увѣряютъ, будто цѣломудріе у Ѳракіянъ было въ небреженіи и даже дѣтей иногда отцы продавали на рынкахъ; но если это и было, то безъ сомнѣнія, у однихъ лишь одичавшихъ горцевъ, а не у всѣхъ, ибо другіе же утверждаютъ противное и хвалятъ ихъ за простоту и невинность. — По смерти Ѳракіецъ былъ погребаемъ или сожигаемъ, впрочемъ одна изъ женъ должна была непремѣнно пожертвовать жизнію и слѣдовать за мужемъ въ могилу (Herod. l. 4, 5; Solin. c. 15, 16): точно такой же обычай существовалъ и въ нашей Руси на Волгѣ, какъ засвидѣтельствовалъ намъ очевидецъ, Арабъ Ибнъ-Фодланъ. — День рожденія былъ днемъ печали, а кончина днемъ веселія и радости (Herod. I. 5; Valer. Max. l. 2, c. 6; Mela, l. 2, c. 2; Solin. l. c.): это объясняется ихъ вѣрованіемъ въ безсмертіе души.

Показавъ такое близкое родство Балкано-Иллирійскихъ Славянъ съ нашею Русью, въ этнографическомъ, физіологическомъ и филологическомъ отношеніяхъ, мы теперь можемъ оправдать древнѣйшаго нашего

женіе трехъ-лѣтней Словенской войны, хотя къ сожалѣнію также весьма краткое: голосъ этого Историка и государственнаго мужа

лѣтописца, Преподобнаго Нестора, отъ нареканій Шафарика за перенесеніе имени Славянъ на Иллирикъ и Паннонію или (такъ какъ вм. *жупанъ*, *жпанъ* мы говоримъ о лицѣ *панъ*) по-русски по-несторовски Панію. Логическій разборъ древностей тѣхъ земель, оказавшихся *Славянскими*, вполнѣ дозволяетъ принять древнее преданіе, сохраненное Несторомъ, называющимъ епископскую каѳедру Меѳодія въ Моравѣ и Паніи *столомъ святаго Андроника, единаго отъ 70 учениковъ святаго Апостола Павла:* «Словѣньску языку учитель есть Анъдронигъ Апостолъ, въ Моравы бо ходилъ и Апостолъ Павелъ, училъ ту; ту бо есть Илюрикъ». (Лаврент. спис. стр. 17—18)—И такъ сѣмена Христіанства насаждены у Славянъ еще въ I-мъ вѣкѣ: у насъ на востокѣ, въ Руси, Андреемъ Первозваннымъ; а у нашихъ братій, на западѣ и югѣ, Апостоломъ Павломъ!

Вотъ мой отвѣтъ г. Смѣловскому, помѣстившему въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. 1841 года (ч. XXXII, Декабрь, отд. II, стр. 153—175) разысканіе «о распространеніи Христіанства въ Панноніи». Этотъ ученый противникъ мой упустилъ изъ виду то важное обстоятельство, что Rapiari или Rapponii значатъ собственно Жупаняры, или жупные Словенцы, и что они были туземцами Жупной Словеніи, которую Латины и Греки называли Рannonia; что, по завоеваніи Дунайскихъ странъ, хотя и поселились тамъ Латины и Греки, однакожъ страна та никогда не была олатинена, не смотря на усилія Римлянъ, потому что туземцы никогда не были тамъ искоренены; и потому, если Церковные писатели говорятъ о Христіанахъ *урожденцахъ Жупаніи*, ex Pannonia oriundi, не говоря, что это были Греки или Римляне, то тѣмъ самымъ утверждаютъ, что это были *Христіане-Словенцы*: такъ точно, еслибъ кто сказалъ, что *Кіевляне* при Владимірѣ Равноапостольномъ приняли крещеніе, то и безъ поясненія мы имѣли бы бы право заключить, что при Владимірѣ крестилась *южная Русь*. «Слѣды распространенія Христіанства между *обитателями Панноніи* въ началѣ IV-го и даже въ III-мъ столѣтіи заключаются въ актахъ, не оспориваемыхъ критикою,» пишетъ г-нъ Смѣловскій, думая опровергнуть мысль мою о давнемъ распространеніи истинной Вѣры между по-Дунайскими Славянами; «но въ этихъ актахъ нѣтъ ни слова о томъ, что Христіанство въ Панноніи распространялось именно между Славянами». Да, нѣтъ, потому что это уже очевидно, когда извѣстно, что обитатели Паноніи суть Жупные Словенцы, слѣд. одно изъ племенъ называемыхъ по ученому Славянами: обитатель Панноніи есть Жупной Словенецъ, а не Турокъ, не Грекъ, не Латинецъ — «Но имена мучениковъ Греческія:Ириней, Евсевій, и Латинскія: Пулліонъ, Монтанъ, Викторинъ», пишетъ г. Смѣловскій. Такъ что же? изъ этого обстоятельства видно лишь то, что Христіанство было проповѣдуемо Жупанцамъ какъ Римскою, такъ и Восточною Церковью, а совсѣмъ не то, будто бы «Христіанскіе мученики въ Панноніи въ IV вѣкѣ были не изъ Славянъ, а изъ Грековъ и Римлянъ:» Христіанство первоначально распространилось въ Римской Имперіи

заслуживаетъ уваженія, потому что, бывъ правителемъ Жупной Словеніи (227 — 229 г. по Р. Х. или 980 — 982 отъ О. Р.) Діонъ Кассій, какъ человѣкъ государственный, имѣлъ средства узнать, какими обстоятельствами сопровождалось завоеваніе страны, ввѣренной его управленію.

Прежде всего возстали Далматы: ихъ предводителемъ явился Батьянъ, въ 759 году (144); ободренные ихъ успѣхами, подняли оружіе противъ Рима Брайцы (Breuci, Pannonica gens) — подъ предводительствомъ другаго Словенскаго князя, также Батьяна; союзники бросились на Срѣмъ (Sirmium), гдѣ находился Римскій гарнизонъ (145). Тутъ Словенскіе предводители получили извѣстіе, что Цецинна и Сильванъ Плавтій успѣли набрать и уже ведутъ изъ областей Заморскихъ (ex Transmarinis provinciis) пять легіоновъ (въ которыхъ считалось 30500 пѣхоты и 2,310 конниковъ), вспомогательныя когорты (auxiliares) и конницу Θракійскаго царя Рымеш-толка; узнавъ объ этомъ, Словенцы отрядили часть своего ополченія встрѣтить непріятеля, а другую оставили защищаться отъ Римлянъ въ укрѣпленіи на Клавдіевомъ хребтѣ; по извѣстію Діона Кассія, Цецинна вступилъ въ сраженіе у рѣки Дравы. Не смотря на искуство и многочисленность враговъ, Словенское войско нанесло имъ почти совершенное пораженіе, paene exitiabilem omnibus cladem intulit, по словамъ Веллея Патеркула (l. II, 112): уже царская конница обратилась въ бѣгство; Римскія войска на правомъ и лѣвомъ крылѣ (alae) бѣжали отъ Словенцевъ; когорты бѣжали; легіоны трепетали за своихъ орловъ, потеря которыхъ равнялась потерѣ

между Греками и Латинами; въ честь этихъ первыхъ мучениковъ, обращаемые Римскими проповѣдниками принимали Латинскія имена, обращаемые Восточными проповѣдниками принимали Греческія имена: такъ на пр. у насъ, принявшихъ ученіе Восточной Церкви, вошли въ употребленіе Греческія имена; по ужели Кіевлянина Леонтія, принявшаго вѣнецъ мученическій въ Ростовѣ, г. Смѣловскій назоветъ Грекомъ или Римляниномъ, потому, что онъ носилъ иностранное имя? Точно то же и въ Жупной Словеніи, по-римски Панноніи, а по-русски Паніи, гдѣ *Словеньску языку* былъ учитель *Андроникъ Апостолъ, ученикъ Павловъ*, по свидѣтельству Преподобнаго Нестора....

(144) Primo pauci quidam rebellavere, Batone quodam Dysidiato eos maxime concitante, пишетъ Діонъ подъ годомъ 759-мъ отъ осн. Рима.

(145) Breuci, Pannonica gens, alio sibi quodam Batone duce sumpto, ad Sirmium, quod Romanorum tenebatur praesidio, accesserunt (тамъ же). — Замѣчательно, какъ долго сохраняются настоящія народныя имена (vera, antiqua): слишкомъ 1800 лѣтъ протекло съ временъ Августа, а жители верховьевъ Колпы и донынѣ еще называются *Брайцы*.— Sirmium (на нашихъ картахъ неправильно Сирмія) по-Словенски *Срьмъ*, см. въ Слав. Грамматикѣ Добровскаго предисловіе, стр. XVIII.

знаменъ въ наше время. Префектъ стана (praefestus castrorum, наблюдавшій за порядкомъ въ лагеряхъ и гарнизонахъ), нѣсколько военныхъ трибуновъ (tribunes militum, штабъ-офицеры) и префектовъ когортъ (praefecti cohortium, штабъ-офицеры вспомогательныхъ войскъ) были убиты, а центуріоны или сотники (centuriones, капитаны) перераны; первые ряды легіоновъ легли на полѣ битвы (equibus etiam primi ordines cecidere, invasere hostes). Но эта самая крайность возбудила упавшую бодрость въ потомкахъ Сципіоновъ; они устояли, дружнымъ натискомъ прорвали ряды Словенцевъ и—сверхъ чаянія, говоритъ Веллей (ex insperato) — одержали побѣду.

Однакожъ Словенцы знали, какъ дорого обошлась она Римлянамъ, и потому нисколько не отлагали своихъ намѣреній, послали за союзниками, и, когда ополченіе Ящероглазыхъ (голубоглазыхъ Русиновъ) и Хорватовъ направилось на Мизію, сами рѣшились осадить Салону. Батьянъ Далматскій управлялъ осадою; пораженный камнемъ (146), онъ передалъ начальство другимъ полководцамъ. Все приморье до Аполлоніи было опустошено. Перевѣсъ, сперва склонявшійся-было къ Римлянамъ, началъ клониться на сторону Словенцевъ, такъ что Тиберій изъявилъ опасеніе даже объ Италіи, по свидѣтельству Діона Кассія. Боязнь, чтобы непріятель, ободренный успѣхами, не вторгся въ Италію, сообщилась даже Риму, который давно привыкъ слышать только о побѣдахъ своихъ легіоновъ.

По соединеніи всѣхъ подкрѣпленій, пишетъ Веллей Патеркулъ, у Тиберія находилось подъ начальствомъ:

X легіоновъ = 61,000 пѣхоты и 4620 конницы, всего	65,620
болѣе LXX когортъ вспомогательныхъ войскъ	70,000
XIV фланговыхъ конныхъ полковъ, alares	14,000
ветерановъ болѣе	10,000
всего болѣе	159,620

если же, неопредѣленно назначенныя у Веллея Патеркула: многочисленную Өракійскую конницу положить въ 20,000

да значительное число волонтеровъ въ 17,000

то вся армія Тиберія заключала въ себѣ болѣе 196,620

почти двѣсти тысячъ воиновъ: «*такого ополченія*, мы *никогда* и *нигдѣ* не употребляли послѣ междуусобной войны», замѣчаетъ очевидецъ, Веллей Патеркулъ: «junctis exercitibus quique sub Caesare fuerant,

---

(146) Bato Dalmata ad Salonas agmine ducto..... graviter saxo ictus etc. — пишетъ Діонъ Кассій.

quique ad eum venerant, contractisque in una castra decem legionibus, LXX (septuaginta) amplius cohortibus, XIIII (quatuordecim) alis, sed pluribus quam decem veteranorum millibus, ad hoc magno voluntariorum numero, frequentique equite regio (то есть Рымештолка); *tanto denique exercitu,* quantus *nullo unquam loco post bella fuerat civilia»* *etc.* ([147]) Светоній полагаетъ то же число: nunciata Illyrici defectione , transiit (Тиберій) ad curam novi belli, quod *gravissimum omnium externorum bellorum post Punica* per XV legiones, paremque auxiliorum copiam triennio gessit, т. е. «послѣ возстанія Иллиріи, Тиберій три года велъ новую войну, *тягостнѣйшую изъ всѣхъ внѣшнихъ войнъ послѣ Пуническихъ;* подъ его начальствомъ было XV легіоновъ» (98,430 человѣкъ) «и столько же вспомогательныхъ войскъ» (98,430), слѣдственно, по счету Светонія, все Тиберіево ополченіе состояло изъ 196,860, безъ малаго изъ двухъ сотъ тысячь ([148]).—Самъ Августъ, по свидѣтельству Діона, переѣхалъ въ Римини (*Ἀρίμινον,* Ariminum), приморское мѣстечко на берегахъ Адріатическаго моря, чтобы, находясь ближе къ границамъ Словенцевъ, удобнѣе наблюдать за ходомъ военныхъ дѣйствій ([149]).

Но Римскій народъ, какъ видимъ изъ Діона Кассія, не надѣялся на счастливое окончаніе дѣлъ даже и отъ этихъ усиленныхъ мѣръ своего правительства въ борьбѣ со Словенцами. Хотя императору

([147]) Vell. Paterc. II, cap. 113.

([148]) Светон. Tiber. cap. 16.—Для исчисленія войскъ я принялъ руководствомъ *Обозрѣніе Исторіи Военнаго Искуства,* составленное Генералъ-Маіоромъ, Барономъ *Л. И. Зедделеромъ.* «При Августѣ,» пишетъ почтенный авторъ, «сила легіоновъ возрасла до 6,100 человѣкъ пѣхоты и 132 (или 462) конницы; но она иногда была еще увеличиваема помѣщеніемъ въ 5 когорты также 1,105 воиновъ. Въ числѣ отдѣльныхъ вспомогательныхъ когортъ (auxiliares) иныя составлялись изъ 1000, другія изъ 500 человѣкъ, съ конницею и безъ оной; сила и составъ войскъ, вооружаемыхъ подвластными народами (nationes), зависѣла отъ обстоятельствъ и воинскихъ ихъ обычаевъ. Что же касается до конницы, которая стала умножаться въ Римскихъ арміяхъ по мѣрѣ упадка мужества и военнаго искуства, то она составляла большею частію отдѣльные полки (alae, крылья) въ 500 и 1000 всадниковъ, дѣлившіеся на пять или десять турмъ.»—Обозр. Исторіи Воен. Иск. ч. I, стр. 167, 168.—Такъ какъ Августъ употреблялъ самыя крайнія мѣры, то и должно вездѣ полагать полный комплектъ полковъ; при изчисленіи воиновъ, я полагалъ каждый легіонъ въ 6562 человѣка (не включая туда пятую когорту изъ 1105 воиновъ), каждую вспомогательную когорту въ 1000 человѣкъ, каждый отдѣльный фланговый конный полкъ также въ 1000 чел.—О соотвѣтствіи Римскихъ военныхъ званій съ нашими чинами см. у ген. Зедделера, стр. 125—127.

([149]) Dio Cassius, l. 55.

хитрой политикой удалось преклонить на свою сторону Чеховъ-Гораковъ и завесть съ ними тѣснѣйшія связи ([150]); однакоже прочія племена Чеховъ, Полѣсяне (Quadi) и Моравы (Marcomanni), явно поддерживали своихъ Словенскихъ единоплеменниковъ. Знаменитый король Моравскій, Міробудъ, умѣлъ пріобрѣсть себѣ столько приверженцевъ между Словенцами, что многіе города передъ началомъ этой войны признали его своимъ государемъ. Веллей Патеркулъ, оставившій намъ прекрасное изображеніе благороднаго и отважнаго своего современника, славнаго короля Моравовъ ([151]), «варвара только по названію, не по разуму», прямо говоритъ, что съ-небольшимъ за 200,000 шаговъ отъ Италіи (то есть, около 134-ти верстъ, полагая 3 шага=1 саж.) уже начинались владѣнія Міробуда ([152]). Въ его земляхъ находили убѣжище всѣ враги Римлянъ; онъ охотно принималъ къ себѣ цѣлыя поколѣнія, избѣгавшія Римскаго ига, по свидѣтельству современниковъ ([153]), собралъ 70,000 пѣхоты, 4000 конницы, и не скрывалъ своей ненависти къ Риму, своего желанія помочь угнетеннымъ единоплеменникамъ, потому что съ удачнымъ окончаніемъ возстанія Словенцевъ связано было разширеніе его Моравскаго королевства. Честолюбіе и выгоды собственнаго государства должны были заставить Міробуда помогать Словенцамъ, какъ единоплеменникамъ, содѣйствуя имъ свергнуть Римское иго. Все это было извѣстно жителямъ Италіи, и они пришли въ уныніе, не смотря на счастливое начало похода и неожиданную побѣду Тиберія. Но Августъ зналъ, что многимъ не нравилось самодержавіе Міробуда, принявшаго *названіе Царя*, ненавистное тогдаш-

---

([150]) Тацитъ (German. XLI) такъ разсказываетъ о тѣсныхъ связяхъ съ Гораками: Hermundurorum civitas, fida Romanis, eoque solis Germanorum non in ripa (Дуная) commercium, sed penitus atque in splendissima Rhetiae provinciae colonia; passim et sine custode transeunt, et quum ceteris gentibus arma modo castraque nostra ostendamus, his domos villasque patefecimus, non concupiscentibus. То есть: Hermunduri (Гораки) вѣрны Римлянамъ, и за то изъ всѣхъ народовъ Братовщины однимъ Горакамъ дозволена торговля не только на берегу (Дуная), но даже и въ знаменитѣйшей (Римской) колоніи въ горской Словеніи или Rhetіи; всюду они безъ присмотра, и когда прочіе народы видятъ у насъ только оружіе и военные станы, Горакамъ открытъ входъ въ наши домы и мызы (виллы), хотя они и не добиваются того.»

([151]) Maroboduus genere nobilis, corpore praevalens, animo ferox, natione magis quam ratione barbarus. Vell. Pat. II, 108.

([152]) Initium ejus finium haud muto plus 200,000 passum abesset.—Vell. II, 109.

([153]) Gentibus hominibusque, a nobis descendentibus, erat apud eum perfugium, пишетъ Веллей; о числѣ же войскъ Міробуда: exercitumque LXX millium peditum, quatuor equitum fecerat.—

нимъ безразсуднымъ честолюбцамъ ([154]), не понимавшимъ, что именно только *самодержавная власть единаго* могла скрѣпить союзъ единоплеменныхъ народовъ съ Чехо-Моравскимъ государствомъ, и такимъ образомъ упрочить бытіе Славянскаго царства на Дунаѣ, которое не страшилось бы козней Рима. Августъ зналъ также, что Славянскія племена, не предчувствуя гибели, почти всегда чуждались единодушія, а по излишней ревности къ воинской чести, безпрерывно точили мечь на друга, и—по выраженію Тацита — какъ скоро имъ нечего было бояться извнѣ, тотчасъ же, *по привычкѣ* и по *совмѣстничеству въ славѣ,* обращали мечь на собственныхъ братій ([155]). Принимая въ уваженіе затруднительное положеніе, въ которыхъ обстоятельствами былъ поставленъ Міробудъ, Августъ твердо надѣялся на успѣхъ, и потому дѣйствовалъ рѣшительно; а *для* ободренія унывшихъ подданныхъ, велѣлъ совершать торжественныя молебствія и послѣ, на играхъ, являться одной мнимой пророчицѣ, которая должна была, какъ бы вдохновенная свыше, (*quasi* divino afflatu mota, пишетъ умный Грекъ, знавшій тайну Августа), ободрять Римскій народъ и обнадежить счастливымъ окончаніемъ борьбы съ Словенцами. «Августу»,— по словамъ Діона,—было довольно извѣстно, что она не вдохновенна; но, какъ народъ былъ сильно взволнованъ по причинѣ безпрестанныхъ *войнъ* и голода, то императоръ и притворялся будто бы вѣритъ прорицанію вѣщуньи и вообще дѣлалъ всето, что считалъ необходимымъ *для* утѣшенія народа» ([156]).

Три года продолжалась эта упорнѣйшая борьба Римской политики и храбрости съ неустрашимостью и любовью къ свободѣ от-

---

([154]) Припоминаю слова Тацита: Maroboduum *Regis nomen* invisum apud populares, см. Tac. Annal. II, cap. 44.

([155]) Сравните слѣдующія слова Тацита, жившаго въ I вѣкѣ по Р. X. «vacui externo metu, gentis *assetudine*, et tum *aemulatione gloriae*, arma in se vertebant» (Ann. II, 44) съ словами Нестора о нашей Руси въ IX-мъ вѣкѣ: «изгнаша Варязи за море, и не даша имъ дани, и начаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на *ся*.» (Лаврент. стр. 12. Глубокая, горестная истина, въ которой главнѣе всего скрывается причина бѣдствій, постигшихъ Славянское племя! Наша Русь первая сознала это: «поищемъ себѣ *Князя*,» а не многихъ князей, — говорили умные Новгородцы, и просто, но сильно сказали Варяжскому ясному соколу съ братьями: «вся земля наша велика и обильна, а *наряда* въ ней нѣтъ; да поидете княжить и володѣти нами!»—Вотъ почему и Синеуса съ Труворомъ не льзя считать самостоятельными владѣтелями, независимыми отъ Рюрика; сравните «въ Оборонѣ лѣтописи Русской,» П. Г. Буткова, прим. 160.

([156]) Dio Cassius, l. LV. Quamquam *satis ipse sciret* (Августъ), non numine correptam(!), sed ex composito id agere; tamen perturbato vehementer ob bel-

важныхъ, но несогласныхъ между собою Славянскихъ племенъ; весь 759 годъ, 760 и 761-й отъ основанія Рима, то есть: 6, 7 и 8 по Р. Х. слѣдуя Варроновой эрѣ, или же 8, 9 и 10, если примемъ за основаніе эру Катонову.—Чтобы предупредить вторженіе Словенцевъ въ Италію, Тиберій отрядилъ Мессалина, носившаго титулъ Римскаго правителя Дунайской Жупаніи въ годъ возстанія Словенцевъ; когда же они соединили свои силы и заняли montem Almam, Тиберій направилъ противъ нихъ Өракійскаго Князя Рымеш-толка, который въ этой сшибкѣ и одержалъ верхъ. Впрочемъ онъ долженъ былъ вскорѣ удалиться съ театра войны и спѣшить въ Мизію, противъ Хорватовъ и Голубоглазыхъ (Русиновъ); желая развлечь силы Римлянъ и ихъ союзниковъ, эти единоплеменники Словенцевъ переправились черезъ Дунай, начали раззорять Мизію, и тѣмъ принудили Тиберія отдѣлить Өракійцевъ для защиты по-Дунайскихъ областей (157).

Первый годъ войны уже истекалъ, а значительныхъ успѣховъ со стороны Римлянъ еще не было видно. Тиберій и Мессалинъ стали на зимнія квартиры въ Сисекѣ; но тутъ ихъ неблагоразумное обращеніе съ союзниками и недостатокъ дисциплины въ войскѣ увеличили только число враговъ Рима. Діонъ Кассій откровенно сознается въ этомъ, говоря, что легіоны Тиберія набѣгами на поля союзниковъ Римскихъ сами заставили многихъ пристать къ возставшимъ единоплеменникамъ (158). При наступленіи 760 года, эти *мирные* Словенцы (159), видя раззореніе своей родины союзниками, въ отчаяніи прямо отказались сражаться съ непріятелемъ-единоплеменникомъ, сами опустошили свои поля и приготовились къ защитѣ. А зима уже наступала, грозя голодомъ Римскому войску (160).

Такой ходъ военныхъ дѣйствій по рѣкамъ Колпѣ и Савѣ долженъ былъ озабочивать Августа, тѣмъ болѣе, что и въ Мизіи дѣла шли не лучше: Хорваты и Ящероглазые перешли Балканскій хребетъ и проникли въ Македонію (161). Наконецъ счастіе обернулось

---

la ac famem, quae rursum ingruerat, populo; se quoqne fidem ejus dictis adhibere simulavit, omniaque, quae ad consolandam plebem facerent, necessaria putans, egit.

(157) Qui quum in Mysiam propter Dacos Sauromatasque, eam infenstantes, rediisset, etc. пишетъ Діонъ Кассій (759); а что имя Daci = Хорваты, Sauromatae = Голубоглазые Русины, см. выше, прим. подъ 257 стр.

(158) Ipsi incursionibus in sociorum Romanorum agros factis multos ad rebellionis societatem pertraxerunt (760).

(159) Положеніе ихъ отчасти можно сравнить съ отношеніями Кавказскихъ *мирныхъ* горцевъ къ намъ.

(160) Multo jam hieme imminente, пишетъ Діонъ Кассій (760).

(161) Это видно изъ дальнѣйшаго разсказа Діонова, см. слѣдующее примѣчаніе.

къ прежнему любимцу и порадовало Августа: Рымеш-толкъ и Раскуполъ очистили Македонію отъ непріятеля ([162]); другіе полководцы съ равною удачею дѣйствовали противъ Словенцевъ: Цецилій Метеллъ Критскій, Лициній, Нерва Сильванъ овладѣли многими укрѣпленными городами непріятеля. Словенцы укрылись тогда въ мѣтахъ, защищенныхъ самою природою, и оттуда начали тревожить превозмогающаго непріятеля смѣлыми неожиданными набѣгами. Августъ полагалъ, что пришло время довершить войну нанесши Словенцамъ рѣшительный ударъ, и—не видя того—началъ подозрѣвать своего пасынка: не умышленно ль онъ тянетъ войну, желая такимъ способомъ долѣе удерживать власть надъ войскомъ? Діонъ Кассій утверждаетъ, что именно эта мысль заставила Августа послать новое ополченіе, набранное изъ свободныхъ и волноотпущенниковъ, подъ предводительствомъ Германика. Этотъ славный племянникъ Тиберія искусно умѣлъ поселить въ дѣдѣ самое выгодное мнѣніе о своихъ военныхъ способностяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, Августъ не ошибся: внукъ его оправдалъ надежды народа.

Прибывъ на мѣсто военныхъ дѣйствій, уже въ исходѣ 760 года, Германикъ собралъ войска, ввѣренныя его начальству, раздѣлилъ ихъ на нѣсколько отрядовъ и началъ опустошать земли непокорныхъ: Жупная Словенія и Далматія подверглись страшному раззоренію; поля Римлянами выжжены, и въ 761 году открылся ужасный голодъ, сопровождаемый повальными болѣзнями. Несчастные Словенцы, вытѣсняемые изъ городовъ и селъ, лишаемые стадъ, принуждены были укрываться въ лѣсахъ и степяхъ—ѣли траву — и сражались. Наконецъ бѣдствіе ихъ достигло крайняго предѣла; они стали просить мира.

Но переговоры вскорѣ были прерваны. Тѣ изъ Словенцевъ, которые нашли себѣ убѣжище въ областяхъ Міробуда, — именно, Словаки,—не надѣясь примириться съ Римскимъ правительствомъ, начали убѣждать своихъ единоплеменниковъ еще разъ попытаться оружіемъ проложить себѣ дорогу къ независимости. Далматы и Словенцы уже изнемогали подъ бременемъ бѣдствій; однакожъ любовь къ свободѣ проснулась въ сердцахъ ихъ, и съ новою силою возстали они противъ одолѣвающаго непріятеля. Отчаяніе замѣняло имъ недостатокъ средствъ, подобно тому, какъ въ древности оно одушевляло и другихъ противниковъ Рима, Карѳагенянъ. Обѣ стороны вновь устремились къ оружію. На берегахъ Батыня (Bathinum), —тамъ, гдѣ чрезъ XIX вѣковъ Славянское оружіе озарилось бли-

---

([162]) Caeterum hos jam in Macedoniam rursus invadentes Rhymitalces fraterque ejus Rascupolis pugna fuderunt. Діонъ Кассій (760).

стательной побѣдой Русскаго вождя надъ Турками ([163]), —Словенцы потерпѣли въ 10-мъ году по Р. Х. совершенное пораженіе: Батынскія воды напоены кровію нашихъ единоплеменниковъ; орлы Августовыхъ легіоновъ восторжествовали!

Участь Словенцевъ, послѣ того, была рѣшена: Словенія пала, хотя въ горахъ Далмаціи война продолжалась, но уже въ маломъ видѣ, и походила болѣе на частныя возстанія, нежели на отчаянную борьбу съ превозмогающею сила врага ([164]). Чешскіе союзни-

([163]) Въ 1810 году, 26 Августа, юный герой нашъ, Графъ Николай Михайловичь Каменскій съ двадцати-тысячнымъ войскомъ одержалъ знаменитую побѣду надъ 40,000 Турковъ: сраженіе происходило при деревнѣ Батынѣ (въ 25 верстахъ отъ Русчука), на берегахъ Батынскаго ручья, близь впаденія Ятры въ Дунай. На мѣстѣ, которое за 1800 лѣтъ до нашего времени было ознаменовано побѣдою Римлянъ и пораженіемъ нашихъ единоплеменниковъ, мы показали, какъ нужно разить враговъ племени Славянскаго!— Для подробностей Батынской побѣды см. *Военно-Энциклопедическій* Лексиконъ (том. II, стр. 186—188) и драгоцѣнное по множеству любопытнѣйшихъ свѣденій *Описаніе Турецкой войны, въ царствованіе Императора Александра*, изданное Генералъ-Лейтенантомъ А. И. *Михайловскимъ-Данилевскимъ* (ч. II, стр. 80-87).—У Веллея Патеркула Батынскій ручей названъ Bathinum: значитъ, даже мелочные ручьи носили въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. тѣ же названія, подъ которыми извѣстны и въ наше время!—Въ главѣ 114, кн. II, Веллей пишетъ: Ferocem illam tot millium juventutem, paullo ante servitutem minatam Italiae, conferentem arma, quibus usa erat, apud flumen nomine *Bathinum*, prosternentemque se universam genibus imperatoris, Batonemque et Pinetem, excelsissimos duces, captum alterum a se deditum, justis voluminibus ordine narrabimus, ut spero. — Діонъ Кассій разсказываетъ слѣдующія любопытныя подробности подъ годомъ 761-мъ: Germanico, Drusi filio, bellum iis faciente, urbemque validam obsidente, neque expugnare eam valente, Pulio (сравните Чешское имя Pul-pan, Пул-панъ), eques, Germanus natione, saxo in murum conjecto, ita propugnaculum concussit, ut statim id cum viro ei incumbente corruerit; id sic perterruit reliquos, ut muris relictis in arcem confugerint, ac post sese et eam dediderint.—Во время свиданія, Тиберій спросилъ Батьяна: что было причиною возстанія Словенцевъ? Тотъ отвѣчалъ: «Vos in culpa estis ipsi, quia ad vestros greges custodiendos non canes pastoresve, sed lupos mittitis.» Ita Dalmatia partim bello, partim pacificatione ad Romanos rediit.—Когда именно происходило это свиданіе: передъ Батынскою битвою, или, послѣ нея? Діонъ Кассій не говоритъ; но, соображая разсказъ Веллея, можно думать, что уже послѣ Батынской побѣды.

([164]) Vell. Paterc II, cap. 114, Dio Cassius, lib LV.—О судьбѣ Батьяновъ и Пиняты, Діонъ Кассій пишетъ: Bato Breucus, qui prodito Pinne mercedis loco regnum Breucorum receperat, captus ab altero Batone, occsusque est. Suspectam enim ille fidem subditorum habens, circum castella profectus, obsides postulabat: cumque alter re cognita insidiis inter-

ки Словенцевъ, Моравы и Полѣсяне, принуждены были очистить всю страну между рѣками Дунаемъ и Дравою; границею Имперіи со стороны Винделиціи, Норійской области, Жупаніи и Мизіи Августъ назначилъ рѣку Дунай ([165]). Свобода Словеніи кончилась, и навсегда.

Побѣдители впослѣдствіи раздѣлили завоеванную страну рѣкою Рабою ([166]) на двѣ губерніи: сосѣдственная съ Истріею, Крайною и Нореею, по устье Рабы, называлась Pannonia Superior (Жупанія Верхняя) или prima (первая); а на востокъ отъ устья Рабы, вдоль по теченію Дуная (Danubius) до впаденія въ него Савы (Savus), Pannonia Inferior (Жупанія Нижняя) или Secunda (вторая); послѣдняя была потомъ еще подраздѣлена: полосѣ между Савою и Дравою (Dravus) дали имя Междурѣчной; на сѣверъ отъ Дравы по Дунаю имя Валеріиной (Valeria), въ честь дочери Діоклетіановой, Валеріи.—Но при Августѣ всѣ эти земли составляли одну провинцію, Жупанію (Pannonia). Замѣчательнѣйшими городами считались: Vindobona (у Птоломея Juliobona, у Іорнанда Vindomina), нынѣшняя Вѣна, или какъ у Шафарика на Славянской картѣ Viden; Karnuntum, Крайнъ-тынъ, крайній-градъ ([167]) стоявшій на краю Жупаніи, у Дуная, близь нын. Петронеллы; Gerulata, Гора-Лады; Sabaria, нынѣ Сарваръ близь Рабы; Bregetio, Брегачь, также на Дунаѣ, близь Коморна; Aquincum или Acincum, названная такъ по причинѣ теплыхъ ключей Латинами, и переведенная по-нѣмецки Ofen, у

---

ceptum, proelioque superatum in arcem quandam compulit: traditumque ab iis qui arcem tenebant, in castra adduxit, et damnatum mori coegit. Quo facto, quum iterum permulti Pannonii rebellassent, Silvanus in eo exercitu ducto, Breucis victis, reliquorum nonnullos absque proelio recepit. Igitur Bato in Pannonia nihil spei reliquum videns, praesidiis aditus ex ea in Dalmatiam pertinentes munivit, Dalmatiamque vastavit. Sic reliqui etiam Pannonii, quum ager eorum a Silvano maleficiis infestaretur, pacis conditiones acceperunt; nisi quod latrocinia quaedam, ut quae in hujusmodi tumultu diu jam exercitata essent, superavere: (res nunquam non, praesertim apud istos populos usitata) ipsa etiam ab aliis deinde excisa.—

([165]) Marcomanni et Quadi de locis Valeriae, quae sunt inter Danubium et Dravum, pulsi sunt, et limes inter Romanos ac barbaros ab Augusto per Vindeliciam, Noricum, Pannoniam et Moesiam est constitutus,—пишетъ Sextus Rufus in Breviario, cap. 8.

([166]) Рѣка *Раба* или *Рабца*, у Римскихъ писателей Arabo и Araba;—у насъ въ Галиціи также есть Раба, побочная рѣка Вислы.

([167]) Словенская *Крайна* у Римлянъ (измѣнившихъ *кра* въ *кар*) произносилась *Carnia*: отсюда объясняется, почему и *Крайнъ-тынъ* передѣланъ въ *Karnuntum*.

Славянъ Будинъ; противолежащая крѣпость, Contra-Acincum, нынѣ Пестъ; Sogora, Загора; Altina, Ял-тынъ; Sopinae, Жупанство Печуй, по-нѣмецки Fünfkirchen; Lugio, Лугъ; Acumincum или Acimincum, нынѣ у Славянъ Варадинъ, у Нѣмцевъ Петервардейнъ;—города по теченію Мура и Дравы: Strido Stridon, Striton, на Мурѣ, Старъ-тынъ; Petovio или Poetovio, Птуй (Ptuj), на Дравѣ, передѣланный Нѣмцами въ Петтау; Serbinum, *Σέρβινον*, Сербинъ; Mursa, при впаденіи Дравы въ Дунай построенная Адріаномъ, нынѣ Осѣкъ, у Нѣмцевъ Essek;—по рѣкѣ Савѣ и впадающимъ въ нее притокамъ: Aemona, Amona, переводъ Словенскаго имени Любляна (Ljubljana), передѣланная Нѣмцами въ Лайбахъ; Nauport, Новопортъ (на югъ отъ Любляны), раззоренный при Тиверіи; Noviodunum, Новотынъ или Новемѣсто, у иноземцевъ донынѣ Citanuova (168), иначе Вѣденъ; Siscia, Сисекъ, при впаденіи Колпы въ Саву: во времена Страбона это былъ небольшой замокъ подлѣ города Segestica, *Σεγεστική πόλις* (или Segeste, по Плинію, упоминающему его въ числѣ раззоренныхъ военныхъ становъ); Serbetium или Servitium (на Певтинг. картахъ, въ Дорожникѣ Антоникѣ и у Гвидона Равенскаго), нынѣшній Сербецъ, на Савѣ; Sogora, Загора; Straviana, Стравяна (отъ слова strava=поминки); Celena, Цѣлена; Budalia, Буда (196), недалеко отъ Срѣма, небольшое мѣстечко, въ которомъ родился

---

(168) Этотъ самый городъ названъ у Іорнанда Civitas Nova, и назначенъ юго-западною границею Словенцевъ, а Мурза юго-восточною (срав. выше, стр. 110 и слѣд.) А что иноземцы называютъ донынѣ Нове-мѣсто Citanuova см. Шафариково Славянское Народописаніе, стр. 172.

(169) Имя Буда распространено по всѣмъ Славянскимъ странамъ: у насъ рѣчка *Буда* и слабода *Будище* около Мстиславля (Могилевской губ.), рѣчка *Будка* близь Полтавы и множество селеній на юго-западѣ, особенно въ Бѣлоруссіи; въ Галицко-Русскомъ королевствѣ болѣе 50 мѣстъ; въ Польшѣ около 178; въ Венгріи до 36 городовъ и селеній, въ томъ числѣ и самая столица (*Будинъ,* по-нѣмецки Офенъ); у Чеховъ до 8; у Болгаръ и Сербовъ также очень много: *Будинъ* (нынѣ Виднинъ) на нижнемъ Дунаѣ, *Будва* иначе Будимль въ Далматіи, бывшій столицею Герцеговинскихъ князей и проч. У Славянъ онѣмеченныхъ: рѣчка *Буда* (965 г.) передѣланная Нѣмцами въ *Boda* (Böhmer, Regesta), и городъ *Будици* (Budici, въ грамматѣ 937 года; въ другихъ Budisco, Budzec, нынѣ Grimmisleba при стеченіи Боды и Салы) упоминаемые и у Дитмара; въ грамматѣ 833 г. *Budinsvelt* (въ Tradit. Corvej. *Budinifeld*), у Дитмара *Budusin*, главный городъ Мильчанъ, въ жизнеописаніи Дитмара *Budegast*, въ грамматѣ 1112 года *Budenstide*, въ грамматѣ 1116 *Budestede* нынѣ Wendisch-Boddenstedt (Wersebe Beschreib. d. Gaue, p. 249, 250) — «Сюда же принадлежитъ», какъ доказалъ Шафарикъ, «названіе *Славянской земли Buzici* (tribus Buzici) *изъ коей произошелъ знаменитый Деди или Дедо,* то есть Дѣдъ, *родоначальникъ Саксонскаго Королевскаго Дома*

императоръ Декій, гонитель христіанъ; Sirmium, Срѣмъ, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ, разрушенный въ V вѣкѣ; Taurunum, Туровъ, на мѣстѣ нынѣшняго Землина.—Жители береговъ Колпы назывались *Colapini, Колпинцы* (отъ Новотына до Сисека), а въ верховьяхъ этой рѣки, какъ и донынѣ, *Breuci, Брайцы* (около Новотына, Novio-dun'a); обитатели Савы носили два имени: одно мѣстное, *Savaces, Саваци*, другое прозвищное *Latovici, Лютовичи, Лютичи*; часть ихъ, около Aciminc'a, по славянски Варадина, и на югъ Савы, извѣстна была подъ именемъ *Varciani, Варадчане.* Въ срединѣ между Савою и Дравою, *Oseriates* et *Andisetes* (Andi-Setes), *Озеряты* и *Анды-Зеты*, около Птуя, Сербина, Загоры, Стравяны; обитатели сихъ округовъ донынѣ удержали мѣстное имя Загорцевъ (170). По берегамъ Дравы жители назывались *Ambidravi*, и донынѣ называются *Подравляне* (171). Въ гористой странѣ, отъ Мура и Дравы къ Савѣ и Колпѣ, жители носятъ множество мѣстныхъ названій: *Корошцы* или *Корутанцы* (Горатанцы) въ Хорутаніи или Горатанѣ, *Погорцы* или *Погорянцы* въ горахъ на югъ отъ Муры, *Горенцы*, въ Горенскомъ краѣ въ Верхней Крайнѣ: изъ этихъ мѣстныхъ именъ образовано Римлянами общее названіе *Hercuniates*, которыхъ именно помѣщаютъ въ землѣ Корутанцевъ, Погорянцевъ, Горичанъ и Горенцевъ. Часть ихъ, *Люблянцы*, удержали свое настоящее имя, въ Латинскомъ переводѣ, *Amantes.*—Далѣе, къ сѣверу отъ Муры и Дравы, около озера Блатна, протекаетъ рѣка Сала, отъ имени которой Римляне распространили названіе *Sali, Zali, Azali*, т. е. *Салійцы*, на всю страну по обоимъ берегамъ Рабы; въ ихъ землѣ находились два озера: *Lugeus* lacus, *ἕλος Λυγεον, Луговое*, у Нѣмцевъ

(Dithmar, l. VI, p. 168, ed. Wagner). Копотливые Нѣмцы,» прибавляетъ авторъ Слав. Древн. (II, стр. 23) «самое очевидное измѣняютъ совсѣмъ въ другое и какъ можно болѣе затемняютъ.»

(170) Сравн. выше, на стр. 94—15 прим. 39, и стр. 239, прим.

(171) О Загорцахъ, Подравлянахъ и проч. названіяхъ Славян. Народ. стр. 60.

(172) Strabo, lib. VII.

(173) Это слово плесо = озеро донынѣ употребляется Моравами и Карпатскими Словаками; впрочемъ оно извѣстно Силезцамъ и Русскимъ (Слов. Академ. IV, 879). У насъ, въ Россіи, сосѣднее съ Чудскимъ озеро называлось просто *Плесу*, откуда и произошло названіе города *Плесковъ* (нынѣ Псковъ), при озерѣ и на рѣкѣ Великой; кромѣ того есть еще Никольская *Плеса*, деревня Новгородской губерніи, *Плесо*, городъ на Сурѣ, *Плесо* мѣст. на Мокшѣ, въ Пензенской г. *Плеса* селеіе Вологодской и Псковской губ. и проч. въ Чехіи: *Плесъ, Плесы*; въ Иллиріи; *Плесъ* на Сочи; въ Хорватіи: *Плесо, Плесмо* и проч. Шафарикъ справедливо утверждалъ, что Pelso есть выговоръ Нѣмцевъ и Римлянъ нашего слова *плесо*, подобно: кратокъ=curtus=curz, брада=barba=bart, холмъ, хлумъ=culmen=kulm,

Цирконкское ([172]) и lacus *Pelso*, *Плесо*, иначе Блатно ([173]), передѣланное Мадярами въ Balaton, а Нѣмцами въ Platten-See.

Такова была страна, завоеванная Римлянами, и племена, на ней обитавшія.

Какъ же поступили побѣдители съ покоренными? Діонъ Кассій откровенно такъ пишетъ, подъ годомъ 748-мъ, въ книгѣ LIV-ой, о слѣдствіяхъ второй войны съ Словенцами: quia vero *populosa* erat gens Rhetorum, videbaturque bellum denuo tentaturi, *maximam* ejus et *aetate validissimam partem, inde abduxerunt*, iis relictis, qui et colendae ei regioni sufficerent, et ad rebellandum non satis virium haberent, т. е. «такъ какъ Rheti (Словене) народъ *многочисленный* и, казалось, готовы опять возобновить войну, то *большую часть* людей возрастныхъ и крѣпкихъ *оттуда вывели*, оставивъ только такихъ, которые необходимы для обработанія той земли, но не имѣли бы достаточно силъ для возстанія».—Страбонъ подтверждаетъ все это разсказомъ объ истребленіи Залѣсцевъ, одного изъ племенъ Словено-Альпійскихъ: по свидѣтельству этого современника Августова, когда «Цезарь ихъ побѣдилъ, то всѣхъ отправилъ въ Эпоредію и продалъ съ молотка ([174]). Было сочтено всѣхъ 36,000 человѣкъ; а мужчинъ, способныхъ взяться за оружіе, 8,000: и всѣхъ продалъ съ молотка Теренцій Варронъ» ([175]).—По окончаніи послѣдней войны, для Тиберіева тріумфа еще тысячи Словенцевъ увлечены были въ Италію ([176]). Всѣхъ ихъ ожидало вѣчное рабство у Латиновъ, и самое имя *Словенецъ*, Sclavus, Sclavinus, стало равнозначительнымъ слову *рабъ*, во всѣхъ языкахъ Латинскаго корня ([177]).

Впрочемъ, изъ разсказа Діона Кассія видно, что духъ свободы не вдругъ погасъ у Словенцевъ: многія племена усиливались — но и тщетно—удержать въ горахъ свою независимость; другіе, по свидѣтельству Веллея Патеркула, нашли убѣжище въ областяхъ Мо-

---

и проч. — Названіе *Плесо* встрѣчаемъ у Аврелія Виктора, Pelso, у Іорнанда Pelsodis lacus, у Гвидона Равеннскаго Pelsois, у безъимяннаго Карантанца IX вѣка lacus Pelissa; отсюда ясно, что и у Плинія правильнѣйшее чтеніе будетъ Pelso (а не Peiso, какъ ошибочно писали, смѣшивая буквы *l* и *i*).

([174]) *Ὑστέρον μεντοι κατεστπέψατο ἀυτοὺς ἄρδην ὁ Σεβαβτός καὶ παντας ἐλαφυροπώλησε, κομισθέντας ἐις Εποραιδίαν.*

([175]) *Τῶν μὲν ὀῦν ἄλλων σωμότων τρεῖς μυριάδες ἐξητάσθησαν ἐπὶ τοῖς ἑξακισχιλίοις, τῶν δὲ μαχίμων ανδρῶν ὀκτακισχίλιοι; πάντας δε επώλησε Τερέντιος Ουαρρον.*

([176]) Triumphum egit Tiberius, пишетъ Веллей Patеркулъ II, 114.

([177]) У Римлянъ Sclavus, у Французовъ Esclave, у Итальянцевъ Schiave; отъ нихъ переняли и Нѣмцы, Sclave, что доказываетъ самое правописаніе этого слова.

равскаго Короля Міробуда ([178]):вотъ почему древняя Географія съ I-го вѣка нашей эры указываетъ въ сосѣдствѣ съ Моравами Jazyges Metanastae, *народъ* или *Языкъ переселенцевъ*, отъ греческаго слова *μεταναστασις* (переселеніе), а новѣйшая Этнографія въ 1842 году исчислила въ Моравіи и при Карпатской Венгріи 2,753,000 человѣкъ народа, который самъ себя называетъ *Словаками,* а языкъ свой Slovenski Jezyk, и тѣмъ подтверждаетъ свое происхожденіе изъ-за Дуная, отъ Словенъ, хотя нарѣчіе этихъ переселенцевъ къ Моравамъ сблизилось по большой части съ нарѣчіемъ Чехо-Моравскимъ, а на другой границѣ съ Польскимъ ([179]).

([178]) См. выше, стр. 265.

([179]) Слово *языкъ,*—какъ произносятъ Русскіе и Болгаре, въ Вер. Лужицѣ jasyk, Чеховъ gazyk (языкъ), у Словаковъ gazik, у Малороссовъ *язикъ*, у Кроатовъ jazik, jezik, у Босняковъ jazik, jeziek, у Сербовъ jeзик, въ Рагузѣ или Дубровникѣ jesik, у Краинцевъ и Словенцевъ jesik, въ Нижней Лужицѣ jesik, уПоляковъ ięsyk,—заключаетъ въ себѣ много значеній: 1.) *членъ тѣла,* орудіе вкуса и рѣчи, 2.) совокупность *словъ,* употребляемыхъ какимъ-либо народомъ, отчего въ старо-Болгарскомъ или Церковномъ, старо-Чешскомъ и старо-Польскомъ слово *языкъ* означало 3.) *народъ*, а въ церковномъ еще 4.) *иновѣрецъ*, идолопоклонникъ; у насъ кромѣ того, 5.) *колодникъ, оговаривающій* другихъ сообщниками въ своемъ преступленіи; у насъ въ древности, въ Богемскомъ и Польскомъ 6.) *плѣнникъ*, у котораго *выпдываютъ* о состояніи непріятельскаго войска; у Кроатовъ, и у насъ 7.) желѣзное орудіе, которымъ производятъ звукъ въ колоколѣ.

Чехи-Моравы, у которыхъ нашли убѣжище Словаки, назвали этихъ переселенцевъ *Языкъ* (= народъ) *Словацкій,* изъ чего Римляне и сдѣлали Jazyges; а ученый авторъ «Славянскихъ Древностей,» не сообразивъ ни хода ни послѣдствій Словенской войны, принудившей многихъ Словенцевъ переселиться за Дунай во владѣнія Міробуда Моравскаго, вздумалъ увѣрять, будто Jazyges-metanastae, Языкъ-переселенцевъ, были *Ятвяги*, которыхъ Шафарикъ выдаетъ уже не за Литовское племя, какъ до сихъ поръ думали всѣ о Ятвягахъ, но за какое-то Азіятско-Сарматское или степное; для того же, чтобы кто не добрался до дѣла путемъ филологіи и не обнаружилъ его ошибки, началъ положительно утверждать, будто бы «слово *языкъ* произносилось нѣкогда всѣми Славянами, какъ теперь Поляками, *ензыкъ*» (кн. II, 322).—*Какъ* произносили нѣкогда всѣ Славяне это слово, никто вѣдь не слыхалъ; и конечно самъ Шафарикъ, обсудивъ дѣло хладнокровнѣе, сознается, что онъ не можетъ услыхать въ древности, какъ ни прислушивайся: звуки исчезли—ихъ не уловишь. Остается одно средство: принять къ соображенію нынѣшнее произношеніе. Почти всѣ Славяне произносятъ или *языкъ* или *язикъ* или *езикъ,* а только одни Поляки *ензыкъ;* но 8 милліоновъ Поляковъ составляютъ только десятую долю всего Славянскаго народонаселенія, и потому, долгъ справедливости заставляетъ отдать предпочтеніе большинству, а не меньшему числу. Слѣдственно, пышный, но не подкрѣпленный никакими доказательствами, возгласъ Шафарика «только грубое невѣжество могло видѣть тождество въ

Обратимся теперь къ Тациту. Въ XXVIII главѣ своего сочиненія о Германіи онъ писалъ: sed utrum Aravisci in Pannoniam ab Osis, Germanorum natione, an Osi ab Araviscis in Germaniam commigraverint, quum eodem adhuc sermone, institutis, moribus utantur, *incertum est*, quia, pari olim inopia ac libertate, eadem utriusque ripae bona malaque erant,—и слѣдственно, самъ предложилъ задачу исторической критикѣ, давъ однакожъ свое свидѣтельство о

словахъ: *Язьги* и *языкъ*, столь *отличныхъ* между собою матеріей и формой» (II, 322) останется только пышнымъ восклицаніемъ, которымъ однакожъ ему не убѣдить ни одного безпристрастнаго человѣка....

Почему же такъ хотѣлось Шафарику объявить Словацкій языкъ-переселенцевъ (Jazyges Metanastae) за Ятвяговъ? Разумѣется, для того чтобъ не противорѣчить своей теоріи, будто бы Сарматы, «Азіятскіе *степняки*, раздѣлявшіеся на Алановъ, Роксалановъ и Языговъ,» были народы совсѣмъ не-Европейскаго происхожденія, но Мидійскаго, и что Ироны или Осетинцы суть ихъ потомки.

I. Утверждая, вопреки древнимъ, что Sauromatae есть слово не-Греческое, а составное, Шафарикъ говоритъ, что «Киргизъ-Казаки сами себя называютъ Sare-Kajsaka», и увѣряетъ, будто это значитъ *степные* козаки (II. 321). Но ученый нашъ соотечественникъ, П. Г. Бутковъ, справедливо обнаружилъ всю неосновательность такого предположенія: «Киргизъ-Кайсаки зовутъ себя не Саре-Кайсакъ, а *Сахра*-Кайсакъ» (см. Ежемѣсячн. Сочинен. Май, 1760 года, и Опис. обитающ. въ Россіи народовъ, II, 119),» и мы не знаемъ языка, на которомъ слово *сара* означало бы *степь*; не видимъ также доказательства, чтобы рѣченіе *мадъ* было Мидійское и знаменовало бы *родъ*, *народъ*: въ Осетинскомъ языкѣ слово *мадъ* означаетъ *мать*; впрочемъ авторъ Славянскихъ Древностей принимая Осетинцевъ (Иронъ) за своихъ степняковъ, конечно не вспомнилъ, что они народъ не кочевой, а осѣдлой.» (Сын. Отеч. 1839 г. кн. 8, Отд. Наук. стр. 79,80).—Тождество же Осетинцевъ или Ироновъ съ Мидійцами-Аріями Шафарикъ надѣется доказать *сходствомъ языка*, въ которыхъ найдено однакожъ только *два* словечка одинаковыхъ, *именами рѣкъ*, протекающихъ по Осетіи и объясняемыхъ не Мидійскимъ, а Грузинскимъ языкомъ, и вообще *образомъ жизни, нравами и обычаями*, хотя и на это не представилъ никакого поясненія, а положился во всемъ на Клапрота, увѣрявшаго даже, будто бы у Осетинцевъ каждой *замужней* женщинѣ поставляется въ *честь* имѣть *любовника!*—Приведя своихъ степняковъ изъ Азіи въ Европу въ I-мъ вѣкѣ предъ Р. Х., Шафарикъ заставляетъ ихъ въ IV-мъ столѣтіи «вдругъ *исчезнуть* съ поля Европейской Исторіи» (кн. II, стр. 274)—какъ будто это возможно!—

II. Разысканія объ Аланахъ и Роксаланахъ наполнены такими же логическими несообразностями, а иногда и противорѣчіями. Основаніемъ всего служитъ личное мнѣніе: «*Я полагаю*, что Сарматскіе Язьги проникли въ Полѣсье уже въ I-мъ вѣкѣ со стороны Днѣпра и Черноморскихъ краевъ, *раскинули* здѣсь свои *станы* средп Славянъ, и *питались*

единствѣ языка, обычаевъ и постановленій у обоихъ народовъ, а равно и о томъ, что эти Osi-Aravisci составляли прежде часть Жупныхъ (степныхъ) Словенцевъ по Дунаю. Какія бѣдствія (mala) постигли ихъ родину, намъ уже извѣстно, изъ сообриженія разсказовъ Веллея Патеркула и Діона Кассія; куда рѣшились удалиться и гдѣ нашли убѣжище племена Жупанцевъ, избѣгавшія Римскаго ига, также теперь извѣстно изъ яснаго свидѣтельства современника о Міробудѣ Моравскомъ. И такъ, для рѣшенія вопроса, предло-

---

либо данью и платой, налагаемой ими на незначительные окружные народы, *либо* грабежемъ, опустошеніемъ и раззореніемъ сосѣднихъ земель.... *Я увѣренъ*, что въ это же время, или нѣсколько прежде, въ I вѣкѣ предъ Р. Х. братья Языговъ, Сарматы, Алане, *пробравшись* черезъ *мирные* (!) и *тихіе* (!) Славянскіе и Чудскіе народы, заняли мѣсто для своихъ жилищъ *далеко на сѣверъ*, около истоковъ Волги и Днѣпра» (II, 288).— По мнѣнію Шафарика, въ концѣ II-го или въ началѣ III вѣка Нѣмцы «пришли въ Черноморье, покорили Аланъ между Дономъ и Дунаемъ и *слились* съ ними» (II, 298); но «эти *онѣмечавшіяся* полчища Аланъ составляли только одну часть огромнаго племени Аланъ за Дономъ, прежде прочихъ проникшую на юго-западъ: гнѣздо этого народа не трогалось изъ своихъ древне-Азіятскихъ жилищъ до самаго прибытія Гуновъ» (II, 299); а передъ этимъ событіемъ случились предивныя дѣла, какъ увѣряетъ Шафарикъ: «*можно полагать*, что одна часть Роксоланъ была *истреблена* Готами, а другая *Гунами*, остальные же соединились съ родственными себѣ Аланами» (II, стр. 281). — Однакожъ «могущество Аланъ *поколебали* Гуны, которые, перешедши черезъ Волгу *ударили* на Аланъ, и *покорили* ихъ себѣ» (II, стр. 300). Забывъ потомъ объ истребленіи Роксаланъ Гунами, а равно о покореніи Аланъ Готами Гунами, авторъ «Славянскихъ Древностей» совсѣмъ уже иначе говоритъ въ III книгѣ на стр. 95: «грозные Гуны, *соединясь* прежде съ *Аланами* и Роксаланами (N B. истребленными) ворвались черезъ Донъ въ Европу», а черезъ полтораста страницъ, «Гуны, *поразивши Аланъ* и Готовъ, освободили, *кажется*, Славянъ отъ обоихъ послѣднихъ, вступили съ ними въ мирныя отношенія и держали ихъ подъ своею рукою» (III, 260). Разверните же второй томъ и найдете важное сознаніе, которымъ уничтожаются всѣ эти выдумки, основанныя на «*кажется*,» «*я увѣренъ*»,«*я полагаю*», «*можно* полагать». На 308-ой страницѣ II книги читаете: «*нельзя* означить, *куда* Сѣверные Аланы *исчезли* и *куда дѣвались*. Впрочемъ, судя по яснымъ намекамъ Скандинавскихъ сагъ (т. е. сказокъ), *вѣроятно*, они еще до царствованія Эрманарика были изгнаны *усилившимися* (!) *Славянами* и Чудью, и воротились за Донъ въ главное гнѣздо своего народа»—Шафарикъ увѣряетъ, будто бы «Русскіе князья, 965—1116 г. *безпрестанно отправлялись* съ своими дружинами *за Донъ* для истребленія тамошнихъ *Ясовъ или Осовъ, потомковъ древнихъ Аланъ*» (II, 325); а Русскія лѣтописи знать про то не знаютъ и вѣдать о томъ не вѣдаютъ, утверждая, что князья наши предпринимали походы за

женнаго Тацитомъ, происходятъ ли Aravisci отъ Os'евъ или же Osi отъ Aravisc'овъ, стоитъ лишь взглянуть на Slovansky Zemevid od P. I. Safarika (v Prase, MLCCCLXLII) : разверните эту карту Славянскаго народонаселенія, вы увидите, что на востокъ отъ Моравовъ, сосѣдя на сѣверѣ съ *Ляхами*, на востокѣ съ Русью, а на югѣ съ Мадярами, живутъ Slovaci; что въ этой землѣ Словаковъ, вблизи хребта Татровъ (Карпата) протекаетъ рѣка Orava и при ней находится мѣстечко Orava. Эти-то жители Оравскаго округа, *Оравцы*, и названы у Тацита Aravisci или правильнѣе Oravisci: Оравскіе и

Донъ, но не противу Ясовъ, а на Половцевъ. (Кенигсберг. Лѣтоп. с. 175, 178, 179, 225.)

III. Съ какимъ произволомъ поступалъ Шафарикъ съ древними, довольно нѣсколькихъ примѣровъ. Страбонъ (VII, с. 10) говоритъ: Roxolani maxime septentrionales, qui campos inter Tanain et Boristhenem incolunt, «Роксаланы, весьма сѣверные, живутъ на поляхъ *между Дономъ и Борисѳеномъ* (Днѣпромъ);» въ другомъ мѣстѣ (l. II, cap. 28) онъ же говоритъ: «*за Борисѳеномъ живутъ* послѣдніе изъ извѣстныхъ Скиѳовъ, Роксаланы, болѣе южные, чѣмъ мѣсто извѣстныя за Британіей!» слѣд. это суть Скиѳы, Тавроскиѳы и Будины Геродота. Птоломей полагаетъ (l. III, cap. 5) «по *всему Меотійскому (Азовскому) поморью* языкъ Роксаланскій», Jazyges-Roxalani (а переписчики вмѣсто Ἰαζυγες—Ῥωξαλάνοι или Ἰαζυκαι—Ρωξαλανοι, въ Греческихъ авторахъ начали ставить Ἰαζυγες και Ρωξαλανοι, отчего одинъ этотъ народъ раздѣлился на-двое, Jazyges *et* Roxalani). Слѣд. эта Донская и Азовская Козацкая Русь есть земля Алановъ или Сарматовъ по Амміану Марцеллину (XXXII), а по Приску (секретарю Визант. посольства къ Атилѣ) земля народа Козарскаго. Далѣе Птоломей говоритъ, что «между Бастарнами (Галичемъ и Волынью) и Роксаланами (Азовскими) живутъ Хуны, Chuni»; слѣдовательно, Гуны суть Геродотовы Будины и Царскіе Скиѳы, Страбоновы Роксаланы и Аорсы, Плиніевы Сарматы. Слѣдовательно, Геродотовы Скиѳы-Георги (Поляне), Будины, Нуры или Невры, Аорсы или Роксаланы Страбона и Гуны Птоломея суть Россіяне или Руссы Моисея Хоренскаго (жившаго въ V вѣкѣ), Козаре и Тавроскиѳы-Русь позднѣйшихъ Византійцевъ. Моисей Хоренскій прямо говоритъ, что «Дунай у Россіянъ *Іозою* называется» (Армян. Исторія, пер. Іоанессова, ч. II, стр. 204)—У Босняковъ и Дубровничанъ jaz, бездна, jazni, бездонный, глубокій; слѣд. Дунай назывался Joza или jeza—рѣка, т. е. бездонная, глубокая такъ у Сербовъ рукавъ Моравы у города Смедерева (Семендріи) называется *Jезава;* у насъ въ Ярослав. губерн. озеро *Езино* (въ Моложскомъ уѣзд.). рѣка *Езучъ* въ Конотопѣ Черниrов. губ. и проч.—Шафарикъ перенесъ имя Joza съ Дуная на Днѣпръ, ибо *въ средніе вѣка Danubius* можетъ быть *употребляюсь вмѣсто Danapris* (III, 219), и увѣряетъ за Гаммеромъ, будто бы это имя произошло отъ Турецкаго народа Узовъ, поселившихся на Днѣпрѣ (III, 219). Почтенный авторъ Славян. Древн. забылъ при этомъ, 1.) что Турецкое племя Узовъ никогда на Днѣпрѣ не ко-

другіе Словаки суть братья Словенцевъ, какъ показываетъ самое имя того и другаго народа. Взглянемъ же на земли Словенцевъ, имѣющихъ много мѣстныхъ, областныхъ названій: *Словенцы* въ Угріи (Венгріи), Штиріи и Хорутаніи; *Корошцы* или *Корутанцы* (Горатанцы) въ Горатанѣ или Хорутаніи: часть ихъ на рѣкѣ Зилѣ называются Зилавцами; *Штаерцы*, въ Штиріи, подраздѣляемые на *Погорцевъ*, *Погорянцевъ* въ Погорьѣ на югъ отъ Дравы, *Горичанъ* въ Горицкѣ, или въ горахъ, называемыхъ Славянскія Горицы, на югъ отъ Муры; *Полянцевъ* Мурскихъ, на равнинахъ отъ Радгоны до Лотмерка, и Дравскихъ, на Птуйской равнинѣ у Дравы; *Холожанъ*, въ Холозахъ, на нижней Дравѣ; *Пѣсничаръ* на рѣкѣ Пѣсницѣ; *Шавничаръ* на Шавницѣ;—*Краинцы* подраздѣляются на *Горенцевъ* въ Горенскомъ краѣ, то есть въ Верхней Крайнѣ, въ Люблянскомъ округѣ, *Доленцевъ* въ Дольной (нижней) Крайнѣ, въ Новомѣстскомъ округѣ; — *Нотрайнцы*, въ Средней или внутренней Крайнѣ, именно: *Крашевцы* въ окрестностяхъ горы Краса, *Пивчане* на рѣкѣ Пивцѣ, *Випавцы* на рѣкѣ Випавѣ;—въ Альпійскомъ погорьѣ, гдѣ, по свидѣтельству Тита-Ливія, укрылись потомки Этрусковъ Rheti (Словенцы), сами себя называвшіе Rhasenae (какъ пишетъ Грекъ Діонисій), донынѣ живетъ отрасль Словенцевъ: въ Фурлянскихъ горахъ *Словины*, а подлѣ нихъ на рѣкѣ Резіи *Резіяне* между которыми донынѣ (увѣряли меня путешественники, бывшіе

чевало, а гонимое Печенегами только перебѣжало черезъ Днѣпръ за Дунай въ 1065 году, почти чрезъ шесть сотъ лѣтъ послѣ Моисея: какъ же бы могъ Моисей Хоренскій *предугадать*, что черезъ *шесть вѣковъ* послѣ его смерти Турки-Узы будутъ разбиты и перебѣгутъ черезъ Дунай? 2.) у восточныхъ писателей это племя называется *Огузами*, (см. Доссона Hist. des Mong. I, 178, 288, IV, 758, 761, Шерефседина Hist. de Timur-Beg, II, 360), а Днѣпръ извѣстенъ подъ именемъ *Узу*: гдѣ же тутъ сходство? Притомъ, 3). какъ Моисей Хоренскій могъ бы увѣрять, что *Дунай* называли *Россіяне* въ *Европѣ* Joza, потому что племя Узовъ тогда еще кочевало въ *Азійскихъ* степяхъ,—если принять, будто имя рѣки взято было отъ нихъ. Вотъ къ какимъ несообразностямъ доводитъ ученое пристрастіе къ теоріямъ, которыя уже пора бросить!—Вспомните, что Русскіе суть Славяне, и значеніе имени Joza легко объяснится Славянскими корнями.—Наконецъ, замѣтимъ, въ 4): свидѣтельство Моисея,—называющаго *Руссами* или *Россіянами* тотъ самый народъ, который его современники называли по-ученому Скиѳами, Сарматами, Гунами, Роксоланами, Алан-Орсами, — служитъ къ рѣшительному уничтоженію нелѣпостей Скандинавоманіи: Моисей Хоренскій, *въ V вѣкѣ*, живя на Кавказѣ, знаетъ имя *Русскаго* народа и даже эпитетъ Дуная у *Руссовъ* или *Россіянъ;* а приверженцы Байеровыхъ гипотезъ надѣются увѣрить всѣхъ, вопреки истинѣ, будто бы Русскій народъ началъ называть себя Русскимъ только съ половины IX вѣка, съ призванія Рюрика...

въ томъ краѣ) сохраняется преданіе, что предки ихъ въ незапамятной древности вышли изъ Руссіи, и что самое имя ихъ есть то̀ же что̀ «Россіяне». Въ этой Резіянской долинѣ Rheti-Rhasenae, или какъ сами себя называютъ, Словины-Резіяне, занимаютъ нѣсколько селеній, изъ которыхъ донынѣ еще принадлежатъ Славянскому міру, сохраняя славянскую народность: Бѣла (S. Giorgio), Липовцъ, Равенцъ, Нива, *Осеянъ*, Столбица ([180]). Ближайшіе сосѣди Латиновъ, эти племена Осеянъ и прочихъ Резіянъ-Словиновъ должны были испытать на себѣ сильнѣйшее давленіе Римской народности, слѣдовательно подчиниться вліянію преобладающаго Итальянскаго элемента; вотъ почему именно изъ этихъ, сосѣднихъ съ Италіею, племенъ должно было составиться наиболѣе переселенцевъ за Дунай, во владѣнія Міробуда Моравскаго, на Ораву: отсюда ясно, отчего у Оравскихъ Словаковъ и Осеянъ-Словинскихъ, или Резіянъ, во времена Тацита были: одинъ языкъ, одинаковыя постановленія и одинаковые нравы. Послѣ того, уже легко рѣшить недоумѣніе славнаго писателя древности, отдѣлились ли Оравцы (Aravisci) отъ Осеянъ (Osi) и пришли въ Жупную Словенію изъ Братовщины, или обратно—Осеяне (Osi) отдѣлились отъ Оравцевъ и ушли въ Братовщину, къ Моравамъ. Тяжкое иго, наложенное Римлянами на Жупную Словенію, разумѣется должно было заставить жителей бѣжать оттуда, какъ свидѣтельствуетъ Августовъ современникъ Веллей Патеркулъ; слѣдственно, обратное предположеніе о переселеніи Оравцевъ изъ Братовщины въ Жупанію,—какъ не оправдываемое современнымъ той эпохѣ состояніемъ политическаго міра,—должно быть отвергнуто: гдѣ жители терпятъ гоненіе и страдаютъ подъ игомъ, туда не переселятся единоплеменники страдальцевъ—это аксіома, не требующая доказательствъ... Если же историческая логика на вопросъ Тацита: utrum Aravisci in Pannoniam ab Osis, an Osi ab Araviscis in Germaniam commigraverint, заставляетъ отвѣчать: Oravisci in Germaniam ab Osis (Оравцы переселились въ Германію отъ Осеянъ); то ясно, что и въ XLIII главѣ Тацитовой Германіи вмѣсто нынѣшняго чтенія «retro Marsigni, Gotini, *Osi*, Burii terga Marcomannorum Quadorumque claudunt» необходимо допустить предложенное много и оправданное историческими соображеніями чтеніе «retro Gothini: Marsigni, Burii, *Osiani-Oravisci*, terga Marcomannorum Quadorumque claudunt», то есть; «Моравовъ и

([180]) Славян. Народописаніе Шафарика, стр. 64.—О нарѣчіи этихъ Словиновъ и Резіянъ см. статью профессора Срезневскаго (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1841, № 9).—Отсюда же объясняется, почему Rhetійскія Альпы, заселенныя *Словинами* и *Резіянами*, называются у Итальянцевъ Rosse-monte.

Полѣсянъ сзади окружаютъ Кутичи или Котинцы: Лужичане, Древане или Боряне, *Осеяне-Оравцы»*. Увѣреніе Тацита, что Славянскіе обители Велето-Сербскаго Кута между Лабой и Одрой, Голяне и прочіе Кутинцы, говорятъ такимъ же языкомъ, какъ и Словено-Альпійскіе Головиты, прозванные отъ Римлянъ по созвучію Gall'эми (пѣтухами)—совершенно справедливо; что Осеяне-Оравцы, какъ переселенцы изъ Жупаніи, говорятъ Жупанскимъ (Словенскимъ) языкомъ (pannonica lingua)—также справедливо, равно какъ и свидѣтельство, что переселенцы на землю Полѣсянъ и Моравовъ платили дань имъ и жалованье Сарматамъ, которыхъ призывали на Дунай воевать съ Римлянами: partem tributorum Sarmatae, partem Quadi, ut alienigenis, imponunt.

За тѣмъ Тацитъ переходитъ къ исчисленію другихъ племенъ, населявшихъ Велето-Сербскій кутъ между Лабой и Одрой. Показавъ на сѣверъ отъ Полѣсянъ и Моравовъ прежде всего племя *Луговъ* или *Лужичанъ*, въ Нѣмецкомъ переводѣ *Marsign*'овъ, онъ теперь начинаетъ ихъ описывать подъ настоящимъ, собственнымъ именемъ: dirimit scinditque Sveviam continuum montium jugum, ultra quod plurimae gentes agunt, ex quibus latissime patet *Lygiorum* nomen, in plures civitates diffusum; valentissimas nominasse sufficiet: Arios, Havelconas, Manimos, Elysios, Naharvalos, (181) то есть: «Хохлацкую землю (182) раздѣляетъ и разрѣзываетъ на значительномъ протяженіи цѣпь горъ, за которыми живутъ многіе народы. Между ними самое обширное имя *Луги* (183); это племя распадается на многія поколѣнія, а изъ нихъ довольно назвать сильнѣйшія: Arii, Havelcones, Manimi, Elysii, Naharvali».—Разберемъ значеніе этихъ именъ и опредѣлимъ положеніе каждаго племени.

Первое частное имя Лужичанъ, по свидѣтельству Тацита, было *Яры*, Arii. Они превосходили прочихъ силою, свирѣпостью, искуствомъ; носили черные щиты, выбирали для нападенія на враговъ темныя ночи и приводили непріятеля въ ужасъ однимъ видомъ своимъ: такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ Тацитъ. Имя ихъ есть мѣстное: слово *яръ* означаетъ 1. крутой берегъ рѣки, 2. утесъ, стремнину, 3. глубокое, обрывистое мѣсто въ рѣкѣ (184); слѣдовательно, самое имя Яровъ показываетъ, что они занимали крутые, утесистые берега Лабы въ Кърконошахъ (исполиновыхъ горахъ), и далѣе къ сѣверу; слѣдственно, именемъ *Яры, Arii*, покрывалась у Тацита собственно Сорабія, отъ Бобра и Квязи за Лабу и Салу, а на

---

(181) Tacit. Germ. XLIII.

(182) Сравн. выше, у меня, стр. 204—205.

(183) Объ этомъ имени подробно изложено у меня на стр. 223—228.

(184) Корнесловъ Русскаго языка Шимкевича, II. стр. 144.

сѣверъ до Бранниборскихъ рѣкъ Спревы и Габолы, или по-нынѣшнему Королевство Саксонское, *Лузація* и Бранденбургъ([185]).—Подлѣ *Яровъ* Тацитъ помѣщаетъ племя *Havelcones* (неправильно *Helvecones*). Это имя объясняется очень легко: стóитъ лишь вспомнить, что названіе Славяно-Сербской рѣки въ Бранниборѣ Habola (по-нашему *Яблоня*) иноземцы выговариваютъ Havel; слѣдственно, Тацитовы Havelcones суть Бранниборскіе Сорабы - Habolocani, *Габолочане*, Habolci, *Ябольцы*, по-нашему *Яблонцы*.—Что разумѣлъ Тацитъ подъ именемъ *Manimi*, объяснить не могу: нѣтъ ли какого подобнаго имени въ *Лужицкихъ* областяхъ, мнѣ неизвѣстно. — Племя *Elysii* обыкновенно помѣщаютъ на востокъ отъ Квязи, между Вратиславлемъ (Бреславлемъ) и Брегомъ, по ту сторону Одры, въ княжествѣ Олѣсницкомъ (Olesnica), которое по нѣмецки называютъ *Эльсъ;* слѣд. имя *Elysii=Олѣсяне*, Олѣсничане.—Племя *Naharvali* помѣщаютъ на сѣверо-востокъ отъ Олѣсянъ, около Калиша (въ древности Calisia): въ этой части Польши, въ землѣ Нурской, есть рѣка Ner (около Стрыкова, Ленчицы), а далѣе, перейдя на другой берегъ Вислы, встрѣчаемъ впадающія въ Бугъ рѣки: Narev, Nur и проч. Это Славяно-Польское племя, населяя землю Нуръ, имѣло главный городъ Нуръ, и потому называло себя Нуры, Нуралы, Нуряне; оно извѣстно было Геродоту подъ именемъ *Νευροί*, Neuri ([186]), а Птоломею подъ именемъ *Ναουάροι*, Navari ([187]). Сообразивъ это, должно придти къ тому заключенію, что и Тацитовы Naharvali суть Геродотовы Neuri, Птоломеевы Navari, то есть, что всѣ эти названія суть варіанты имени: *Нуры, Нуряне, Нуралы*, жители земли Нурской, племя Славяно-Польское.

Вслѣдъ за тѣмъ Тацитъ указываетъ къ сѣверу три племени: trans) Lygios *Gothones* regnantur. . . . Protinus deinde ab oceano *Rugii* et *Lemovii;* omnium harum gentium insigne rotunda scuta, breves gladii et erga reges obsequium ([188]), то есть: «за Лугами (Лужичанами

([185]) Имена этихъ рѣкъ нѣсколько измѣнены у Нѣмцевъ: Бобръ, впадающій въ Одру подъ Кросномъ, называется Bober, Спрева Spee, Габола—правильнѣе Ябола (Habola), то есть Яблонь (Слав. Народоп. стр. 174), передѣлана въ Havel; а Квязь (притокъ Бобра, выше Жегани) въ Queis.

([186]) Herod. кн. IV, гл. 105. Ему разсказывали, что эти Нуряне разъ въ годъ обращаются въ волковъ, т. е. зимою носятъ волчьи шубы.

([187]) Ptol. lib. III, cap. 5.—Что эти Neuri или Navari суть Нуряне, племя Славянское, доказано Шафарикомъ въ «Славянскихъ Древностяхъ» кн. II, стр. 25—34. Старинное Славянское слово *нуръ* значитъ *земля*, (Словарь Росс. Акад.); отъ него происходятъ: *нора, нырище, понурый* и проч.

([188]) Tacit. Germ. XLIII.

Gothones управляются царями....Потомъ, вдоль моря, живутъ *Rugi* (Rugiani) и *Lemovii;* отличительный признакъ этихъ племенъ— круглые щиты, короткіе мечи и повиновеніе царямъ.»

Не должно удивляться скудости извѣстій Тацита: если нѣкоторыя изъ странъ при-Рейнскихъ, не только по-Лабскихъ, почти неизвѣстны были Римлянамъ, по причинѣ прекращенія всѣхъ сношеній съ туземцами, то племена Велето-Сербскаго Кута и дальнѣйшія земли уже и подавно не могли быть извѣстны. Говорили, что тамъ у людей лице человѣческое, а станъ и члены звѣриные; и хотя славный историкъ древности не совсѣмъ этому вѣрилъ, однакожъ и не отвергалъ совершенно (189): дивиться ли послѣ того, что онъ смѣшивалъ названія племенъ? Имя Кутичей или Кутинцевъ, какъ выше объяснено, писали: Kothini, Gothini, Gotones, Gutones, Gytones, Koteni, Kotensi, и проч. Тацитъ употреблялъ двѣ формы: Gothini и Gothones (190), но принялъ ошибочно каждую форму за названіе особаго народа, и сперва поговорилъ Кутинцахъ-Рудинцахъ, подъ именемъ Gothin'овъ копающихъ руду, а потомъ описалъ ихъ же подъ именемъ Gothon'овъ, повинующихся своимъ государямъ...

Изъ двухъ другихъ именъ, Rugii et Lemovii, я могу объяснить только первое; второе не встрѣчается нигдѣ въ памятникахъ среднихъ вѣковъ, и потому остается необъяснимымъ.—Прежде всего замѣтимъ, что сосѣдній Поморянамъ островъ, передѣланный Нѣмцами въ Rügen, собственно у Славянъ назывался *Руя* (Ruja), или какъ на Славянской картѣ у Шафарика, *Руяна* (Rujana). Замѣтимъ еще, что у многихъ Славянъ, принявшихъ Латинскую азбуку, чрезъ *ga* выражается нашъ Славянскій звукъ *я;* божество, Rugaevit, которому поклонялись на этомъ островѣ, называлось по-славянски Руевитъ или Рьявитъ; это имя объяснятся корнемъ *руй*-ный, *рья*-ный, *ярый.* «Корень *ярь, яс*-(нъ), *рья*-нъ», замѣчаетъ г-нъ Касторскій, (191) «выражаетъ много предметовъ въ природѣ, которыхъ существо есть свѣтъ и сила растительная: *яро* у западныхъ Славянъ есть весна; наши *вес*-на и *осе*-нь, неизвѣстныя теперь для западныхъ Славянъ, суть того же производства; *ярь* называется у насъ жито, посѣваемое *вес*-ною (*яро*вой хлѣбъ то же) и связывается съ глаголомъ *ярить* и съ именемъ *Ярило;* другіе виды сего корня суть: *жаръ, жар-кій; заря, зар*-ница, *зрѣ*-ть (с. зерно, gra-

(189) Cetera jam *fabulosa,* Hellysios et Oxionas ora hominum vultusque, corpora atque artus ferarum gerere, quod ego, *ut incompertum,* in medium relinquam.—Germ. XLVI.

(190) Сравните выше, стр. 228, 229.

(191) Начертаніе Славянской Миѳологіи, стр. 169, 170.

num),» и проч.—И такъ, самое имя островитянъ: *Руйи* (Rugi, Rugii), *Руяне* (Rujani, Rugani), *Ряне* (Rani) означало руйныхъ рьяныхъ, ярыхъ) морскихъ витязей ([192]), почему лѣтописцы среднихъ вѣковъ и называли этотъ островъ сердцемъ *Славянскаго* идолослуженія и разбойничества, fomes errorum et sedes idolatriae—Rugi, gens fortissima Slavorum, а море Балтійское—моремъ Руянскимъ, mare Rugianorum, какъ видно изъ грамматы императора Оттона (946) на основаніе Гавельсбергскаго епископства.

Какое жь было *племенное* имя этихъ Руйныхъ островитянъ? Отвѣтъ намъ должны дать памятники вѣковъ совершенно историческихъ, слѣдственно вполнѣ достовѣрныхъ; а въ этихъ памятникахъ жители Руйнаго острова называются не только Rujani, Rojani, Rani, Verani, Rugiani, Rugi, но и Rutheni, Ruthi, Ruti, Russi, Rusci, Ruzen, Rusen, Reussen ([193]). Въ законахъ Вильгельма Завоевателя, въ XI вѣкѣ, находимъ важное извѣстіе, что Англійскіе принцы, Эдуардъ и Эдвинъ, по смерти отца своего, Эдмунда, боясь Канута, бѣжали ad regnum Rugorum, quod nos melius vocamus regnum Russorum, «въ царство Руговъ, которое мы правильнѣе называемъ царствомъ Руссовъ» ([194]). Ученый Пертцъ нашелъ житіе Се-

---

([192]) Сравните выше у меня, стр. 93 и 94.

([193]) Статья покойнаго М. Т. Каченовскаго о Русской Правдѣ въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (сент. и окт. 1835)—Incerti auctoris Chronica, cap. 1: Ruthi sive Rutheni, de Rutzen; cap. 2: Rutzia. Allgemeine Nordische Geschichte, 502.—Neanders Allg. Geschichte der christl. Religion (IV,80): Die Bewohner der Insel Rügen werden zuweilen *Rugi* zuweilen aber auch die *Russen*, *Russi*, *Rusciae gens* genannt werden.

([194]) Traité sur les coutumes des Anglo-Normands, par Hovard (Paris, 1776) I, t. I, p. 182.—Это Велетское царство Руговъ или Руссовъ называлось еще Holmgard, Holmgardia (островное государство) и regnum Hunnorum (царство великановъ), ибо имя *Велетъ*, какъ и наше Новгородское *волотъ*, значитъ *великанъ*, по-нѣмецки hun, hune (ср. выше, стр. 25-30), почему и Волинъ (Юлинъ) или Винету называли также Hunnisburg, Hynnisburg (Thunmann, Unters. nörd. Völk. S. 131), равно и въ Эддѣ Гунами называются Велеты (Вилки-Лютики), вообще Поморскіе Славяне (Vilkinga Saga 58). Названія Гунскихъ богатырей Jarizlleifr (Ярославъ), Jarizcar (Ярожиръ) объяснены Шафарикомъ (II, 258). Невѣжественные лѣтописцы смѣшали имена: Hunigard, regnum Hunnorum (царство Гуновъ=великановъ=Велетовъ, то есть Поморскихъ Славянъ) и Hungaria (Угрія, Венгрія, царство Мадяровъ), и заставили Англійскихъ Принцевъ отправиться въ Венгрію, къ Мадярскому Королю Соломону, котораго тогда не было на свѣтѣ (см. Прая Annal. reg. Hung. кн. I, стр. 28). Юмъ, а за нимъ и Тьерри, въ славныхъ своихъ твореніяхъ повторили мнѣніе, будто бы несчастные изгнанники бѣжали на югъ Германіи въ Венгрію. Карамзинъ (т. II, стр. 43 полагалъ), что они «искали безопасности въ *на-*

верина, писанное во второй половинѣ XI вѣка или въ началѣ XII вѣка: тамъ Латинское regnum Rugorum поясняется простонароднымъ Нѣмецкимъ Ruzen и Rucen ([195]). Въ жизнеописаніи Оттона Бамбергскаго, просвѣтителя Славяно-Сербскаго Поморья, находимъ (1124 г.), что отчизнѣ крещаемыхъ, т. е. Поморянъ Балтійскихъ, сопредѣльны: съ востока Prussia, а съ сѣвера Russia ([196]); ясно, что тутъ разумѣется не наша Новгородская или Кіевская Русь, а Русь Варяжская, Руйный островъ, именуемый у аббата Андрея въ Житіи Оттона terra barbarorum qui Rutheni dicuntur ([197]) «землею варваровъ, которые называются Русью». Въ грамматѣ 1165 года, отъ Кельнскаго архіепископа Рейнольда Вестфальскому городу Мадебаху, Руяна прямо названа Rutia ([198]). Во второй половинѣ XII вѣка, когда Поморье принадлежало Полякамъ, ихъ сѣверными сосѣдями стали Руссы при-Балтійскіе, жители Руйнаго ост-

шемъ отечествѣ» и что это безъ сомнѣнія было въ княженіи *Ярослава Владиміровича*. Впрочемъ,—далѣе пишетъ Карамзинъ, желая согласить всѣ мнѣнія, — «*быть можетъ*, что Англійскіе принцы выѣхали послѣ изъ Россіи въ Венгрію» (прим. 59). П. Г. Бутковъ принялъ мнѣніе Карамзина (Обор. лѣт. Рус. с. 452). Напротивъ, профессоръ Морошкинъ думаетъ, что они бѣжали въ Моравію, ибо «Моравія *въ V-мъ вѣкѣ* называлась Rugiland, слѣд. regnum Rugorum sive Russorum означаетъ *Моравію*», или же Венгерскихъ *Сербовъ*, ибо «сынъ Венгерскаго короля Стефана, разтерзанный на охотѣ вепремъ въ 1031 году, Генрихъ, былъ dux Ruizorum, князь Руссовъ, какъ свидѣтельствуютъ Гильдесгеймскія лѣтописи» (Истор.-крит. изслѣд. стр. 54, 55.) Правда, что Моравія въ V вѣкѣ называлась Rugiland, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она носила это имя и въ XI вѣкѣ, равно какъ и земля Венгерскихъ Сербовъ. Правда, что современникъ-почти, Адамъ Бременскій, пишетъ о дѣтяхъ Эдмунда: filii ejus in Ruzziam exilio sunt damnati (Lindenbr. p. 26), но никто не говорилъ, что Англійскіе принцы нашли убѣжище у *нашего Ярослава*. Притомъ же въ XI вѣкѣ, ни у насъ, ни въ Моравіи, ни въ Венгріи, не было царя *Малосокола*, а Вильгельмъ Завоеватель именно пишетъ, что когда они убѣжали въ царство Руговъ или Руссовъ, то «царь этой земли, по имени Malesclotus (Малосоколъ, Малесоколъ) принялъ честно Эдуарда». И такъ остается одна только *Велетская* (великанская) Руйная Русь, которая потому и называлась Huni-gard, Hungardia (великаніей), по мѣстоположенію—*островнымъ* государствомъ, Holmgard, Holmgardia, а отъ племеннаго частнаго имени—землею *Руссовъ*, Reussen-land, до самаго XVI вѣка.

([195]) Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte, herausg. von Buchler und Dümge (Франкфуртъ на Майнѣ, 1831) III.

([196]) Статья Каченовскаго; также Gebhardi's Gesch. aller wend. St. II, 40, 41.

([197]) Andreas abbas de vita S. Ottonis, l. III, cap. X.

([198]) Qui peciniam suam dat alicui concivi suo, ut inde negotietur in Datia vel in Rutia....

рова, какъ видимъ изъ свидѣтельства Радевика Фризингенскаго, секретаря Фридриха I: «Polonia habet ab occidente Oderam fluvium, ab oriente Vistulam, a septentrione Ruthenos et mare Scythicum» ([199]), т. е. «Польша граничитъ къ западу Одрою, къ востоку Вислою, къ сѣверу же Русью и Скиоскимъ моремъ». Нѣмцы даже въ исходѣ XVI вѣка называли островъ Rügen землею Руссовъ, Reussenland ([200]).—

Въ слѣдствіе завоеваній этихъ Руйныхъ Руссовъ и обширнаго политически-религіознаго вліянія, равно какъ и единоплеменности съ ними прочихъ Балтійскихъ Славянъ, имя первыхъ было перенесено почти на весь южный берегъ Балтики: не только на Велето-Сербскій Кутъ между Лабою и Одрою, но и даже за предѣлы его — на страну между Одрою и Вислою, какъ видно изъ Птоломея: *ειτα Σιδονοι ὑπ᾽ αυτοῦς Ρϐτί-κλειοι μέχρι Ουιστϐλα ποταμϐ* ([201]). Имя *Ρϐτι-κλειοι* (Рути-кліи), позднѣйщіе Doxani, по-Латинѣ Rutheni gloriosi, значитъ *славные Руссы*, то есть *Славяно-Руссы*. Отсюда раскрывается, что Балтійскія племена между Одрой и Вислой, въ странѣ Велико-Полянской, справедливо названы и у Равенскаго географа Roxolani: они были не только Doxani (Славяне) но именно, Ruti-clii, Русскіе Славяне. Отсюда же объясняется одинаковость племенныхъ и мѣстныхъ названій у насъ и у Балтійскихъ Славянъ ([202]), и оправдывается мысль, высказанная еще Ломоносовымъ, и подкрѣпленная Ѳ. Л. Морошкиныхъ, о бытіи Славянской Руси на южныхъ берегахъ Балтики ([203]): такъ въ Уставѣ Генриха I-го Птицелова о Магдебургскихъ турнирахъ (935) въ числѣ вассаловъ Императора упоминаются: съ Поморскимъ княземъ Баринмомъ, (Браннмъ) Велеміръ князь *Русскій*, Belimarus princeps Russiae, и далѣе подъ знаменами Турингскаго герцога Оттона, брата императора, рядомъ

([199]) Radevici Frisingensis de gest Frider. imper. 477—479; Hartknochs Altes und Neues Preussen, I, 2, S. 71.

([200]) Нѣмецкій переводъ Olai Magni, Erzbischoffen zu Upsal u s. w. Von Gelegenheit der mittelnächtlichen Länder, (Базель 1567) кн. III. гл. 20, стр. CVII: Saxo (l. XIV, p. 325) schreibt von einem Betrug der Teufel welcher sich in dem unseligen Reussenland (Rugia) in der Stadt Karentina zugetragen habe.—Kanzows' Pomerania I, 179—181. Balt. Studien (1832) S. 58, 59. — Имя, подъ которымъ это *Островное государство*, извѣстно было у Скандинавовъ (Holmgard, Holmgardia), перенесено было въ Скадинавскихъ сагахъ и на наше отечество, котораго жители также были Славяно-Руссы, Rutheni, Rutzen, Ruzzi, Russi.

([201]) Ptol. II, 10.

([202]) Сравн. выше, стр. 91, прим. 34; стр. 215, прим. 75.

([203]) Историко-Критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ, гл. 1 и 3; полезно бы перевесть Geschichte von Rügen und Pommern, von Barthold.

съ Ютландскимъ герцогомъ герцогъ *Русскій*, Радеботто, и Вѣнцеславъ князь Руяны ([204]), Radebotto dux *Russiae* et Wenceslaus princeps Rugiae. Изъ Энея Сильвія мы знаемъ, что Велико-Моравскому государству повиновались Russani: наша Кіевско-Новгород-

([204]) Collectio constitutionum imperialium (Francofurdi ad Moenum, 1715), см. Statuta et privilegia ludorum equestrium sive hastiludiorum; или: Des Deutschen Reichs-Archiv patris generalis oder Corpus juris publici Romano-Germanici, Continuatio II (Leipzig, 1720) pag. 56. Въ Уставѣ о турнирахъ выставленъ 938 годъ; но такъ какъ императоръ Генрихъ Птицеловъ умеръ въ 936 году, то правильнѣйшимъ должно признать показаніе Крамера, въ Pommerische Kirchen-Chronica (1603, Stettin), что Магдебургскіе турниры учреждены въ 935 году. — См. также Melchioris Goldasti Heiminsfeldi de regni Bohemiae juribus et previlegiis (Francofurti ad Moenum, 1719) p. 294.—Оффиціальный актъ X вѣка, извѣстный Крамеру, Гольдасту, Георгію Рюкснеру и Герольду Цезарею, долженъ бы рѣшительно уничтожить всѣ сомнѣнія о бытіи Славянской Руси на южныхъ берегахъ Балтійскаго; но защитники Скандинавскаго происхожденія вооружились противъ акта X вѣка, въ надеждѣ какъ нибудь *перетолковать* его неопровержимое свидѣтельство, уничтожающее громовымъ ударомъ систему Байеро-Шлёцерову. . . . .

Умышленно забывъ, что лѣтописцы среднихъ вѣковъ искажали Славянскіе звуки: вмѣсто *Казиміръ* писали Casimarus, вм. *Яроміръ* Jaromarus, вм. *Владиміръ* Waldemar, *Велеміръ*, Welimar, Welimarus, Belimarus,—противники Морошкина сковали небывалое имя *Бильмаръ*, послѣ чего и стали утверждать, что оный-де Бильмаръ конечно былъ Нѣмецъ, а не Славянинъ. Трудолюбивый П. Г. Бутковъ отыскалъ въ это время, что «въ Швейцарскомъ нынѣшнемъ кантонѣ Луцернѣ графство Ротенбургское называлось Russia, по рѣкѣ Русѣ (Русіи, Рисѣ, Урсѣ), при которой и теперь стоятъ селенія Руспахть, Рушъ, Руссвейль, Рути, и отъ которой страна та еще въ 782 году писана Russia, Ruza, Ruzano» (Обор. лѣт. Рус. 437). Такъ что жь отсюда слѣдуетъ? А то, по мнѣнію гна Буткова, что *можетъ быть* тамъ жилъ Belimarus Princeps Russiae, и *слѣд.* его владѣнія были въ Нѣмецкой землѣ. «Радеботтова же Руссія занимала занимала Турингское княжество Рейсъ (Reussen), которое уже и въ X вѣкѣ, при Генрихѣ Птицеловѣ, существовало подъ именемъ *баронства* де Rutze». Справедливо; но вѣдь отсюда выходитъ только то, что въ Grosses Universal-Lexikon aller Wissenschaft und Künste (B. XXXI) несправедливо утверждали, будто бы это княжество названо Русскимъ лишь въ XIII вѣкѣ, оттого, что мать Генриха Плавенскаго была Русская княжна Марія; пожалуй, другой выводъ будетъ тотъ, что гнъ Морошкинъ ошибся, будто «въ X вѣкѣ въ Турингіи не было совсѣмъ земли Reuss» (Ист.-крит. изсл. с. 26). Но признавъ, что въ Турингіи издревле существовало княжество и баронство *Русское* (Reusen, Rutze), въ которомъ жилъ Radebotto dux Russiae, вы сами утверждаете бытіе Славянской Руси при-Балтійской, ибо Турииская (Туровская) земля, по-Латинѣ Turingia, издревле была населена Славянами, и только со времени завоеванія Саксонами населилась Тевтонами или Нѣмцами.

ская Русь никогда не входила въ составъ Моравскаго государства; слѣдственно, тутъ разумѣется Русь Ту́рингская (Turingia), въ которой дѣйствительно является земля Руссовъ (Reussen). Это подтверждается и рѣчью Императора Генриха IV на Могутинскомъ сеймѣ, (comitiis Moguntinis, 1086), сохраненною Гагеціемъ. Генрихъ IV прямо утверждаетъ, что Моравское государство нѣкогда было весьма славно и заключало въ своемъ подданствѣ Богемцевъ, Лужичанъ, Вендовъ (Поморянъ), Руссовъ и Поляковъ; но такъ какъ Польша составляла уже самобытное королевство, а Венды или Поморскіе Славяне безпрерывно возставали противъ Нѣмцевъ, то Императоръ и могъ подчинилъ Вратиславу Богемскому только маркграфовъ: Моравскаго, Силезскаго, Лужицкаго и Русскаго (Reussen): такимъ образомъ изъ самыхъ событій раскрывается, что Russani, подвластные нѣкогда Чехо-Моравскому государству, суть западные сосѣди Чеховъ, Ту́рингскіе Русины, обитатели Turingiae, именно княжества Reuss. ([205]).—Но и въ Силезіи была также своя Русь, простиравшаяся по теченію Одры, какъ видимъ изъ грамматы Владислава Краковскаго, утверждающаго Любецкое общежитіе (1305): мѣстоположеніе этой Одрской Руси поясняется тѣмъ, что Силезскій городъ Krossen (на картѣ Шафарика Krosno) смеженъ съ *Росcieto*, versus Rusiam ([206]). Тамъ же былъ и лѣсъ Русскій, названный въ Силезской грамматѣ 1326 года sylva Rusk. Въ грамматѣ Любецкаго епископа Петра I-го, 1373 года, подтвержденной Іоанномъ въ 1385

Замѣтимъ, что княжество Reuss находилось въ Турингіи, и Radebotto dux Russiae стоитъ подъ знаменами Оттона Турингскаго; а Belimarus princeps Russiae упомятутъ на ряду съ Барнимомъ Поморскимъ (Вендскимъ): не ясно ли что эта Велемірова Russia находилась вблизи отъ Поморія? Но гна Буткова смущаютъ эти названія; ему кажется, что если въ Уставѣ упомянуты: Барнимъ, князь Поморія и Поморянъ (Вендовъ), и Венцеславъ Руенскій, то уже «въ при-Балтійскихъ Славянскихъ земляхъ Радеботтова и Велемірова Руссія не могла имѣть мѣста» (Обор. с. 438) —Какъ вѣренъ такой выводъ, объясню примѣромъ: у нашего Владиміра Святославича было 12 сыновей; если я назову Ярослава Новгородскаго княземъ Русскимъ, Глѣба Муромскаго княземъ Русскимъ, Бориса Ростовскаго княземъ Русскимъ, то неужели я имѣю право сказать: такъ какъ уже упомянуты трое Русскихъ князей, то Русь, принадлежавшая Изяславу Владиміровичу Полоцкому, Русь Святослава Владиміровича Древлянскаго и прочихъ его братьевъ въ нашихъ земляхъ Русскихъ «уже не могла имѣть мѣста?»

([205]) Энея Сильвія Historia Bohemorum (Francof. 1687) cap. 13; — Гагеція Chronica Bohemorum, I, 686, fol. 179;—Goldasti de reg. Bohem. jur. I. p. 456.

([206]) Des Deutschen Reichs-Archiv, Specil. Eccles. I Theil, XVI Band, ст. 81.

году, о перенесеніи церкви въ Любечь (Lubus близь Франкфурта, внизъ по теченію Одры, верстъ на 20, на лѣвомъ берегу ея) изъ *Россіи* (Russia), указывается эта Русская отчизна Любецкой церкви въ Горицін *близь Франкфурта* (in Goritia prope Francoforde), по теченію Одры ([207]). Узнавъ же изъ оффиціальныхъ документовъ, что Русь находилась по Одрѣ, мы поймемъ, какимъ образомъ папъ Исидоръ, выѣхавъ изъ Риги, прибылъ сперва въ *Русь*, а потомъ въ Любекъ; конечно, митрополитъ ѣхалъ *не назадъ*, если дѣйствительно изъ Риги пріѣзжалъ въ Любекъ, замѣчаетъ профессоръ Морошкинъ.—Наконецъ, припомнивъ, что на западъ отъ лѣсистой страны Поморскихъ Славянъ, среди которой донынѣ уцѣлѣли сотни названій напоминающихъ имя Руси, лежитъ Датскій полуостровъ,—взглянемъ на слѣдующее замѣчательное извѣстіе, сохраненное Арабомъ Ибнъ-Эль-Варди, и мѣстность Балтійскихъ Варяговъ-Руси для насъ уяснится совершенно: «есть островъ Дармуша или Даремарка (Danemark), на западъ отъ земли Руссовъ, гдѣ ростутъ огромныя деревья» ([208]); слѣдственно, земля этихъ Руссовъ находится на востокъ отъ Даніи, слѣдственно — на Балтійскомъ Славянскомъ поморьѣ, которое дѣйствительно называлось также и Русскою землею, и Древлянскою, и Столпенскою, и Верейскою, Rossen-wälde, Drevan, terra nemorosa, Holzatia, altitudo sylvae, Sylvia ([209]), страною ужаса terra horroris ([210]), а жители носили слѣдующія *листныя* имена: Slavi Haisti, *Славяне рощевики* ([211]) отъ hai=*гай*=роща, *Вербинцы*, Palmi et Verbiani (подлинникъ и переводъ), *Вѣтячи* или *Вятичи* Rami et Vitici (тоже), *Столпенцы*, Stolpi, Stlupi, Slupi, Slupei, *Верейцы*, Vehrei, отчего и Балтійское море называлось также Верейскимъ ([212]). Эти Верейскіе Руссы, или Варяги, по свидѣтельству Шемсед-

---

([207]) Тамъ же, ст. 10, 14, 16, 18, 19.

([208]) М. П. Погодина «О происхожденіи Руси,» с. 107;—Ѳ. Л. Морошкина «Историко-Критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ», с. 116.

([209]) Holzati a sylvis (holz) sic dicti, или: Holzati loca nemorosa locati, говорятъ лѣтописцы среднихъ вѣковъ. Scriptores rerum Brunswic. Leibnitii, t. I, p. 774—780, in Vita Vicelini Archiepiscopi;—Erpoldi Lindenbrogii Script. rer. German. 1706 (Adam. Bremen. p. 18); — Annalista Saxo ad 803; сравни. Шлёцерова «Нестора», т. I, 148.

([210]) Erpoldi Lindenbrogii, Hist. Archiepiscorum Bremens. p. 55, 165: «terra horroris Trans—albina.»

([211]) Тамъ же, Adami Bremen. p. 58.

([212]) Тамъ же, Hist. Archiep. Bremen. p. 82, 83—incerti autoris Chronica Slavica, p. 197;—Helmoldi Chronica Slavica въ Script. Rer. Brunsw. t. II, p. 594;—Annalista Saxo, ad an. 945, 955; — сравните Шлёцерова «Нестора,» т. I, 102-28, и слова простонародной нашей пѣсни: «Ужь како по морю морюшку, По синю морю Верейскому» (И. М. Снегирева, о Русскихъ праздникахъ и суевѣрныхъ обрядахъ).

дина Димешки, были славнѣйшими изъ всѣхъ племенъ Славянскихъ: «Варенги суть Славяне изъ Славянъ» ([213]); комментаторъ Назира называетъ ихъ «людьми рослыми и сварливыми» ([214]), а западные лѣтописцы—«народомъ свирѣпымъ и страшнымъ» ([215]), хотя эти же самые *мужи дикіе и невѣжды* (буяны), подобно нашимъ Новгородцамъ, бывъ ужасомъ враговъ—въ тоже время отличались дома патріархальностью нравовъ, гостепріимствомъ и общительность къ путникамъ, посѣтившимъ ихъ землю. Страшнвъ сосѣдей въ среднихъ вѣкахъ, эти Славянскіе витязи-Вятичи въ III вѣкѣ вмѣстѣ съ прочими соплеменниками выступили изъ своего Велето-Сербскаго Кута, и оставивъ Прибалтійскій край свой, опустошали Римскіе предѣлы, 269 года ([216]).

Такимъ образомъ, согласное свидѣтельство оффиціальныхъ актовъ и лѣтописей убѣждаетъ въ томъ выводѣ, который неизбѣжно вытекаетъ изъ разсмотрѣнія мѣстности южно-Балтійской, а именно: что *по теченію Лабы,* на западъ, въ Турингіи, на сѣверъ, въ Поморьѣ, равно *и по теченію Одры,* въ Силезіи, и далѣе *на Руйномъ островѣ,* жили *Ρϋτι-κλειοι* по-латинѣ Rutheni gloriosi, а въ переводѣ на нашъ языкъ *Славяно-Руссы* ([217]).

([213]) По переводу Академика Френа.

([214]) М. П. Погодинъ «О происхожденіи Руси,» с. 104.

([215]) Vitici gens effera et immanis, Hist. Archiep. Bremen. in Erpoldi Lindenbr. ad an. 1057.—

([216]) Славянскому *язъ* или *ягъ* соотвѣтствуетъ Нѣмецкое ing, почему эти прибалтійскіе *витязи* у Нѣмцевъ слыли подъ именемъ Vitingi. Они упоминаются вмѣстѣ съ прочими поколѣніями Кутинцевъ (Guton'овъ, Gothовъ), смотри *Trebell. Pollio:* Vit. Clandian. c. 6. (въ рукописяхъ Wittingui, а въ печатномъ ошибкою Wirtingui), *Sidon. Apoll.* VII (Withungi); они завоевали, между прочимъ, Самбію, почему эта землица и называлась Witland, Witagola (*Voigt*'s Gesch. Preussens, B. I, S. 101, 107-110, 114-120, 236-238). Нѣкоторые писатели, по *созвучію,* смѣшивали этихъ Славянскихъ Витязей съ Ютландцами (Цимбрами), и ввели тѣмъ въ ошибку Гаттерера, Тунмана, а изъ новѣйшихъ писателей—Шафарика, который въ своихъ «Славянскихъ» Древностяхъ написалъ: «*безъ сомнѣнія,* эти Витинги вышли изъ Скандинавіи» (кн. III, с. 102), а «безъ сомнѣнія» потому, что никто изъ древнихъ не говоритъ ни пол-слова объ этомъ.

([217]) Въ этихъ-то странахъ жила та Helena, regina Rugorum sive Russorum, которая присылала пословъ къ Оттону І-му, прося крещенія. Нѣкоторые видѣли въ этой Еленѣ, царицѣ Руговъ или Руссовъ, нашу Кіевско-Новгородскую Великую Княгиню Ольгу; ошибочность такого мнѣнія достаточно обнаружена профессоромъ Морошкинымъ, но такъ какъ гнъ Крузе вновь рѣшился Адальберта сдѣлать *нашимъ* апостоломъ, а Св. Ольгу объявить Римскою католичкою, то и необходимо войти въ подробно-

Разительно сходство народныхъ обычаевъ островной Руйной Руси съ тѣми, какіе извѣстны были Тациту. По свидѣтельству Гельмольда, «Руйные Славяне почитаютъ сильнѣйшимъ богомъ Святовита, потому что онъ дѣйствительнѣе другихъ въ отвѣтахъ» (inter multiformia Slavorum numina praepollet Zwantewith, deus terrae Rugianorum, utpote efficacior in responsis. I, 13), «первосвященника Свя-

---

сти мнѣній гг. Морошкина, Буткова и Крузе, обративъ особенное вниманіе: во I-хъ, на *молчаніе* Русскихъ лѣтописей, во II-хъ на *мѣстность* дѣйствія, изображаемую западными хрониками.

I. По соображеніямъ Карамзина (т. I, пр. 378) наша Великая Княгиня *Ольга* крестилась въ 957 году; а царица Руговъ или Руссовъ, Елена, отправила пословъ къ Оттону 959 или 960 года.—Замѣтимъ вмѣстѣ съ профессоромъ Морошкинымъ, что «ни одинъ изъ западныхъ лѣтописцевъ не называетъ сіе посольство отъ великой княгини Ольги, а отъ Елены, которая по однимъ была царица Руговъ, по другимъ царица Русскаго народа, Regina Rugorum, Rusciae gentis regina. Изгнаніе епископа Адальберта Руссами, упоминаемое у лѣтописцевъ безъ поясненія причинъ, тогда какъ самое посольство объясняется «общимъ желаніемъ Руссовъ отстать отъ служенія идоламъ», если причислить его къ *нашей* исторіи, также остается неразрѣшимымъ событіемъ. Если бъ это было такъ, то набожный инокъ, между сказаніемъ о саняхъ, мостахъ и перевѣсищахъ, вѣрно помѣстилъ бы важное извѣстіе объ отступничествѣ Руссовъ отъ христіанской вѣры и покушеніи на жизнь перваго епископа Русской церкви.» (стр. 32).—Притомъ, же «въ 959 году наша в. к. Ольга была уже христіанкою Греческаго исповѣданія, слѣд. не-для-чего было ей *вторично креститься,* и притомъ отъ Католическаго епископа; и мы достовѣрное имѣемъ свѣдѣніе, что она умерла христіанской *Греческаго,* а не Римско-католическаго исповѣданія. Объ этомъ величайшемъ происшествіи нѣтъ *ни малѣйшаго намека* ни въ Несторѣ, ни въ одномъ изъ его продолжателей, нѣтъ *ни малѣйшаго слѣда во всей древности,*—тогда какъ крещеніе Владиміра и самой княгини Ольги у Нестора занимаетъ обширное описаніе, которое подъ конецъ переходитъ въ священный восторгъ и умиленіе. Наконецъ, о самомъ лицѣ Адальберта епископа, посланнаго къ Русскому народу для вѣрообращенія, объ его опасностяхъ, его бѣгствѣ изъ земли Руговъ или Руссовъ, о вѣроломномъ отступничествѣ и возстаніи Руссовъ противъ духовенства, нѣтъ ни малѣйшаго извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ. Здѣсь *молчаніе* само по себѣ составляетъ опроверженіе мнѣнія историковъ о посольствѣ будто бы вел. кн. Ольги къ императору Оттону.» (стр. 46-47)—Къ тому же не должно упускать изъ виду, что раздѣленіе Церквей посеяло между ними *ожесточенную ненависть,* какъ видно изъ тогдашнихъ событій (см. также посланіе Папы 967 года объ учрежденіи епископской каѳедры въ Прагѣ, Goldasti de regni Bohem. jur. et priv. II. p. 170): если бы въ самомъ дѣлѣ наша Ольга перешла въ нѣдра Католической церкви, то неужели *отступницу* отъ уставовъ Восточной Церкви причли бы къ лику *Святыхъ* не паписты, а послѣдователи Восточнаго Православія?....

товитова чтутъ больше, чѣмъ царя: царь у нихъ пользуется не большимъ уваженіемъ въ сравненіи съ первосвященникомъ; потому что первосвященникъ даетъ отвѣты, изрекая опредѣленія судьбы, и покоряется только ея волѣ, а царь и народъ зависятъ отъ изреченій первосвященника» (magis flaminis, quam regis veneratio apud ipsos est: rex apud eos modicae aestimationis est, comparatione flaminis; ille enim responsa perquirit et eventus sortium explorat; ille ad nutum sortium, et porro rex et populus ad illius nutum pendent, II, 12); «изъ всѣхъ областей Славянскихъ приходятъ сюда за отвѣтами, и въ дань приносятъ ежегодныя жертвы» (de omnibus quoque provinciis Slavo-

---

11. Южное Балтійское поморье, вообще страна за-Лабская, населенная воинственнымъ племенемъ Велето-Сербскимъ, упорно державшимся идолослуженія, «была ужасомъ для имперіи, terra horroris,» по выраженію современниковъ. Политика императоровъ со временъ Карла Великаго не находила другаго средства къ обузданію Славянъ, кромѣ Христіанской вѣры; а потому *насильство, обманъ и даже вѣроломство признаны позволенными средствами* для достиженія сей цѣли, и послужили *началомъ опмѣченія и порабощенья Балтійскихъ Славянъ.* Славянскія племена грабили имперію, были побѣждаемы, посольствами свидѣтельствовали свою покорность императору и снова бунтовали. Генрихъ Птицеловъ въ 932 году маркграфомъ Лузаціи поставилъ храбраго и вѣрнаго Славянина Геро, поручивъ ему распространять христіанство въ Лузаціи и Бранденбургѣ. Геро оказалъ важныя услуги и имѣлъ значительный успѣхъ въ семъ дѣлѣ. Но «адскій духъ», по выраженію лѣтописцевъ, подавилъ сѣмя спасительнаго ученія, и по смерти *апостола вооруженнаго бердышемъ* (965 года) произвелъ страшное возстаніе по Эльбѣ, по Одрѣ и по всей Поморіи. Нашествіе Мадяровъ, т. е. Угровъ или Венгровъ, на восточную часть имперіи, для Поморскихъ Славянъ было весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ; до 985 года произведены ими ужасныя опустошенія въ Гамбургѣ, Бранденбургѣ, Богеміи, Лузаціи и другихъ мѣстахъ. Мало, что покушались на жизнь епископовъ: даже мертвыхъ вырывали и выкидывали изъ гробовъ.—Съ такимъ «прискорбіемъ» воспоминаемое Любецкимъ епископомъ гоненіе на Церковь въ Россіи, едва ли не относится къ бѣдственному ея состоянію съ 965 года.» (стр. 33-34)—Вообще, замѣчаетъ г. Морошкинъ (стр 47-49),—и съ нимъ не льзя не согласиться,—«Балтійскіе Славяне много разъ принимали Христіанство и много разъ возвращались къ своему язычеству: они не терпѣли Римскаго духовенства за его любостяжаніе, за его десятины, и во время возстаній, всю ярость свою изливали на это сословіе. (Incerti autoris Chronica Slavica въ Erpoldi Lindenbrogii Scriptores Rerum Germanicarum etc. Hamburgi, 1706, p. 1702). Все это показываетъ возможность отступничества народа Ругійскаго или Русскаго; а вотъ обстоятельства и мѣстность этого вѣрообращенія. Хронологическій сборникъ отъ временъ Карла Великаго до 910 года, подъ годомъ 936, упоминаетъ: Оттонъ Великій *Славянскій народъ* обратилъ въ христіанскую вѣру и поставилъ ему архіепископа Адальберта, и вѣра хри-

rum illic responsa petunt et sacrificiorum exhibentur annuae solutiones, I, 6). Саксонъ Грамматикъ, описывая Арконскій храмъ Поморскихъ Славянъ, разсказываетъ въ VI книгѣ, что «у Святовита былъ конь, весь бѣлый; выдернуть у него волосъ изъ хвоста или гривы почиталось нечестіемъ. Его кормить и на немъ ѣздить—могъ только верховный жрецъ, дабы частою ѣздою не унизить божественное животное. На этомъ конѣ, по мнѣнію Руянъ, Святовитъ ѣздитъ на войну противу своихъ враговъ» (pecurialem albi coloris equum ti-

---

стіанская во время трехъ Отоновъ столько возрасла, что не было угла во всей *Славіи*, который бы не былъ покрытъ селами, городами и монастырями. (Leibnitfii Scriptor, Rerum Brunsw.—t. II, Compil. chronologica a temp. Caroli ad an 910, p. 64). И такъ здѣсь вмѣсто *народа Русскаго* являются *Славы, имя, которымъ назывались Саксонскіе Славяне, и никогда не назывались у западныхъ лѣтописцевъ сего времени Славяне Новгородскіе и Кіевскіе*. Хроника Кведлинбургская (p. 280) для слова Rusciae ставитъ варіантъ Pruscíae подъ 960 годомъ: venerunt legati Prusiae gentis ad regem Ottonem. Хроника Энгельгузія, подъ 977 годомъ, упоминаетъ: что Св. Адальбертъ, первый архіепископъ Магдебургскій (тотъ самый, котораго Оттонъ I отправилъ къ народу Ругійскому), отошелъ изъ здѣшняго міра; *народы За-Лабскіе*, всегда неукротимые, недавно обращенные въ вѣру христіанскую, снова отпали и много зла причинили: взяли городъ *Гавельбергъ*, и резеденцію (sedem) епископскую тамъ разрушили, напали на *Бранденбургское* епископство, и пр. (Leibnitzii Script. Rer. Brunsw.—t. II, Chronicon Engelhusi, p. 1078)—Когда же въ *нашей* исторіи случилось подобное происшествіе?—Его *нигдѣ нѣтъ въ нашихъ* лѣтописяхъ! —Сборникъ хронологическій (Compilatio Chronolog. Leibn.—t. II, p. 65) подъ 994-мъ годомъ упоминаетъ, что святый Адалбертъ (не тотъ, который посланъ къ Ругамъ, а другой), епископъ Пражскій, претерпѣлъ мученіе *въ Пруссіи отъ Руссовъ* (patitur in Prussia a Ruthenis). Адамъ Бременскій, лѣтописецъ Саксонскій, исчисляя епископства Ругійскаго апостола Адальберта имъ основанныя, ограничивается городами и землями *Саксо-Славянскими;* ни Кіевскаго, ни Новгородскаго епископства, которое бы подчинено было Адальберту, нигдѣ не приводится. Адамъ Бременскій исчисляетъ эти епископства *между Эльбой, Эйдеромъ и рѣкою Пѣной*, слѣд. всѣ *къ западу отъ рѣки Одера.* Въ числѣ его епископствъ былъ Старгардъ Вагрійскій, а Гамбургъ истребленъ отпадшими отъ христіанства Славянами въ концѣ X вѣка: эпоха, весьма близко подходящая къ обстоятельствамъ отпаденія Руссовъ и царицы Елены отъ христіанства. Всѣ лѣтописцы согласно упоминаютъ о вѣрообращеніи и вѣроломномъ отступничествѣ за-Лабскихъ Славянъ, и именно около этого времени. Хроника епископовъ Верденскихъ, (Leibn. Scr. r. Br. II, 263) возстаніе *Славянъ Вагрскихъ*, т. е. Старградцевъ, и *Славянъ Прусскихъ города Данцига* соединяетъ въ одну эпоху и говоритъ: въ сіи времена Славянскій народъ всюду свирѣпствовалъ на христіанскую Церковь, въ безчисленномъ множествѣ устремившись отъ Старгарда и Данцига, безжалостно опустошилъ страны, лежащія по Эльбѣ.—Наконецъ мѣсто апостоль-

tulo possidebat, cujus iubae aut caudae pilos convellere nefarium ducebatur. Hunc soli sacerdoti pascendi insidendique jus erat, ne divini animalis usus, quo frequentior, hoc vilior haberetur. In hoc equo, opinione Rugiae, Svantovitus, id simulacro vocabulum erat, adversum sacrorum suorum hostes bella gerere credebatur). Гаданія объ успѣхѣ войны описаны у Саксона такимъ образомъ: «когда предполагали начать войну, служители бога втыкали передъ храмомъ въ землю тройной рядъ копій, острымъ концемъ; ряды копій, связанныхъ по два на крестъ, равно отстояли одинъ отъ другаго. По совершеніи тор-

---

ства Адальберта яснѣйшимъ образомъ обозначено въ хроникѣ Германа Корнера, подъ 962-мъ годомъ: (Hermani Corneri chronicon въ Corpus Historiarum medii aevi, t. II; 536) Адальбертъ архіепископъ 12 лѣтъ проповѣдывалъ *на Эльбѣ* христіанскую вѣру. Между прочими суффраганъ-епископами были: Бранденбургскій, Гавельбергскій, Мерзебургскій, Познанскій и др. Наконецъ папа, возводя его на Магдебургскую митрополію, и исчисляя его подвиги, ясно говоритъ, что онъ проповѣдывалъ *за Лабой и Салой сосѣднимъ Славянамъ* (vicinae Slavorum gentis) *на границахъ Саксоніи* (in confinio Saxoniae).— (Des Deutschen Reichs-Archiv, Specileg. Eccles. I Theil, XVI Band, стр. 10, 14, 16 18, 19) Въ другомъ мѣстѣ своихъ Истор.-Крит. изслѣдованій, стр. 33 (прим.) гнъ Морошкинъ замѣчаетъ: «грамматы Магдебургской каѳедры подтверждаютъ свидѣтельствъ продолжателя Регинона (ad an. 959), который Елену, отправившую посольство къ Оттону, называетъ царицей Руговъ. Граммата Папы Іоанна XXIII-го (968 г.) и граммата Императора Оттона I-го (968 г.) ясно доказываютъ, что Адальбертъ — по мнѣнію Шлёцера, первый епископъ у *насъ* — былъ проповѣдникомъ у Славянъ, обитавшихъ *ultra Albiam et Salam;* въ грамматѣ Оттона именно сказано: «virum venerabilem Adalbertum episcopum olim *Rugis praedicatorem destinatum et missum*, archiepicopum et metropolitanum totius *ultra Albiam et Salam Slavorum gentis* modo ad Deum conversae et Romam pro pallio a domino Papa suscipiendo direximus.» Далѣе сказано: et quia vir venerabilis Buso multum *in eadem gente Slavorum* ad Deum convertenda sudavit и проч.— Достопримѣчательно также и то, что имъ содѣйствовали въ вѣрообращеніи маркграфы (marchiones) сихъ краевъ: Вигбертъ, Виггеръ и Гинтеръ. Елена дважды названа царицей Руговъ; прочіе лѣтописцы, и въ томъ числѣ Дитмаръ, сей край Славянъ назвали Russi, Russia, Ruscia. Это оффиціально и неопровержимо! См. Specilegium Eccelsias. in Reichs-Archiv».

И такъ молчаніе Нестора и положительное свидѣтельство западныхъ лѣтописцевъ, что мѣстомъ проповѣди Адальберта были страны по-Лабскія, достаточно опровергаютъ писателей, смѣшивающихъ Великую княгиню Кіевскую, *Ольгу*, съ *Еленою*, царицею Руговъ или Руссовъ (Браниборскихъ и по-Одерскихъ, или же Руйныхъ островитянъ).

Не принявъ ничего этого въ разсчетъ,—не сообразивъ, что еслибы Ольга измѣнила Восточному Православію переходомъ въ нѣдра Римской Церкви, то уже никакъ не была бы причислена къ лику святыхъ Восточною Церковію; но желая подкрѣпить мнѣніе, будто бы «Ру-

жественнаго моленія, жрецъ выводитъ изъ стойла коня за узду: если конь ступалъ черезъ копья прежде правою ногою, а потомъ уже лѣвою, то почитали это счастливымъ признакомъ; если же конь шагалъ сперва лѣвою ногою, или, ступивъ правою, останавливался, то война отлагалась» (cum bellum adversum aliquam provinciam suscipi placuisset, ante fanum triplex hastarum ordo, ministrorum opera, disponi solebat; in quorum quolibet binae e transverso junctae, conversis in terram cuspidibus, figebantur, aequali spatiorum magnitudine ordines disparante. Ad quos equus ductandae expe-

———————

гія никогда Руссіею не называлась»,—почтенный оборонитель Несторовой лѣтописи, рѣшился, вопреки Нестору, соединить въ одно лице Елену царицу Руговъ и Великую Княгиню Ольгу Кіевскую. «Царица Рюгенская Елена»—говоритъ онъ (Обор. лѣт. Рус. 445)—«еслибъ и была тамъ, то *не имѣла бы повода* испрашивать себѣ у Оттона I вѣропроповѣдника» (а Кіевская, уже Христіанка, развѣ имѣла нужду въ Латинскомъ вѣропроповѣдникѣ?). «Сей императоръ около 955 года покоривъ оружіемъ Ободритовъ, Вулковъ (Вильковъ-Лютичей), Цирципановъ (Чрезпѣнянъ), Толенцевъ (Долинцевъ), *обратилъ* ихъ въ *то* же время *къ Христіанству* и *учредилъ* тамъ *епископство*, которое, устроивъ каѳедру свою въ Вагирскомъ Алденбургѣ, въ Старградѣ Славянскомъ, простирало паству свою на Шлезвигъ, на Вагрію и на всѣ земли Славянскія до рѣки Пѣны и до города Дивина». Правда, но это обращеніе было такъ непрочно, что Бранборскій и Лузацкій апостолъ Геро не переставалъ бердышемъ распространять Вѣру, а язычники ожидали только случая къ общему возстанію и повсюдному истребленію Христіанства между Лабой и Одрой. Исторія показываетъ, что черезъ десять лѣтъ послѣ того какъ Оттонъ обратилъ поморскихъ Славянъ къ Христіанству, едва только умеръ грозный Лузацкій Маркграфъ Геро (965), почти вся Балтійская Славянщина опять возвратилась къ идолослуженію. Если же Любецкій епископъ Петръ писалъ въ 1373 году: «Любецкая церковь, которая прежде имѣла резиденцію *въ Россіи* (quae olim in Russia sedem habebat cathedralem) и оттуда язычниками и невѣрными *изгнана и жестоко преслѣдуема отъ древнихъ временъ*, и какъ бы корабль, обуреваемый морскими волнами, *долго и даже до настоящаго времени изъ мѣста въ мѣсто блуждала*, о чемъ съ прискорбіемъ извѣщаемъ.... Подлинно, древле (olim) каѳедральная Любецкая церковь въ Горицін близь Франкфурта (in Goritia prope Francoforde) во время тишины и мира *какъ бы въ осадѣ* находилась, и потомъ гражданами Франкфурта *раззорена* и *до основанія срыта*» (Des Deutschen Reichs-Archivs spicileg. Ecclesiast. anderer Theil, von Hofstiftern); если съ половины X вѣка въ Поморской Славіи воздвигнуто было жестокое и долговременное гоненіе, то усерднымъ Христіанамъ, — а въ числѣ ихъ и Еленѣ, — *былъ поводъ* испрашивать себѣ вѣропроповѣдника у Оттона, для искорененія язычества.

Теперь обратимся къ гну Крузе; но прежде всего пожалѣемъ, что онъ не хотѣлъ познакомиться съ сочиненіями Буткова и Руссова, ко-

ditionis tempore, solenni praecatione praemissa, a sacerdote e vestibulo cum loramentis productus, si propositos ordines ante dextro quam laevo pede transcenderet, faustum gerendi belli omen accipiebatur; sin laevum vel semel dextro praetulisset, petendae provinciae propositum mutabatur). Отъ этихъ современниковъ обратимся къ Тациту, и послушаемъ его разсказы, припомнивъ, какъ ограниченны были его свѣденія о странахъ по-Лабскихъ, послѣ чего надобно будетъ еще дивиться и тѣмъ его извѣстіямъ, которыя находимъ въ его сочиненіи. Такъ въ VII главѣ онъ разсказываетъ, что «власть царей не безпредѣльна и не самодержавна» (nec regibus infinita aut libera potestas) что «одни только жрецы могли наказывать, заключать въ оковы и бить, но не какъ въ наказаніе, и не по приказу полководца, а какъ бы по волѣ бога, который, по ихъ мнѣнію, присутствуетъ на войнѣ» (ceterum neque animadvertere, neque vincire, ne verberare

---

торыя для него весьма *поучительны*, и потому—надѣемся — гнъ Крузе приметъ на себя трудъ прочесть небольшую, но весьма умную книжку покойнаго члена Россійской Академіи, С. В. Руссова «*О древностяхъ Россіи новые толки и разборъ ихъ*» (СПБ. 1836): тамъ, на страницахъ 57—78, помѣщено разысканіе «*О происхожденіи Рюрика*»; исправленное и дополненное авторомъ не задолго передъ кончиною, оно возобновлено въ журналѣ «Маякъ» (1844, Апрѣль, т. XIV, гл. IV, стр. 56—66) подъ названіемъ: *Опроверженіе мнѣній гна Крузе о мнимо-Ютландскомъ происхожденіи Рюрика.* Въ книгѣ же «*Оборона лѣтописи Русской*» одно изъ лучшихъ мѣстъ составляетъ разборъ гипотезъ о Рюрикѣ (стр. 360 — 385) при чемъ весьма удачно обнаружены Бутковымъ тѣ многочисленныя натяжки, которыми отличаются изысканія гна Крузе, приписавшаго *одному* лицу дѣйствія *нѣсколькихъ* Рюриковъ и переселявшаго Руссовъ то изъ Ютландіи въ Шведскій Рослагенъ, то въ Норвежскую Вермеландію . . . .

Если бы гнъ Крузе внимательно и хладнокровно изучилъ трактаты Руссова и Буткова, то безъ сомнѣнія давно уже оставилъ бы гипотезу, противную всѣмъ соображеніямъ исторической критики; а если бы рѣшился безпристрастно смотрѣть на событія древности, то призналъ бы, что *кромѣ Славянскихъ племенъ* никто не назывался *Русью*, и что въ каждой почти-Славянской странѣ была своя Русь, преимущественно же это имя принадлежало странамъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, въ томъ числѣ и Руйнымъ или Рьянымъ островитянамъ, по имени которыхъ и Балтійское море въ X вѣкѣ называлось mare Rugianorum.

Не составивъ себѣ опредѣленной теоріи, которая вполнѣ удовлетворяла бы требованіямъ исторической логики и подлинному смыслу источниковъ, гнъ Крузе безпрерывно впадаетъ въ противорѣчія: въ Мартѣ 1838 года, въ статьѣ «о древнѣйшемъ существованіи Руссовъ въ Россіи» (Ж. М. Н. Пр. с. 519, 526) онъ увѣрялъ, будто *Славяне пришли въ VIII вѣкѣ съ береговъ Салы*, изъ Германіи, и заняли Новгородъ, построен-

quidem, nisi sacerdotibus permissum; non quasi in poenam, nec ducis jussu, sed velut deo imperante, quem adesse bellantibus credunt; что «у этого народа есть особенный обычай—гадать о будущемъ по предзнаменованіямъ бѣлыхъ коней, которые содержатся на общественномъ иждивеніи въ лѣсахъ и рощахъ, и никогда не употребляются на работу людямъ. Этихъ коней впрягаютъ въ колесницу и сопровождаютъ: Первосвященникъ, Царь или князь,—примѣчая у нихъ ржаніе и храпѣніе. Это гаданіе важнѣе всѣхъ прочихъ, не только по мнѣнію черни, но и по мнѣнію вельможъ и жрецовъ, которые почитаютъ себя служителями боговъ, а коней—постигающими ихъ таинства» (proprium gentis equorum quoque praesagia ac monitus experiri: publice aluntur, iisdem nemoribus ac lucis candidi et nullo mortali

ный будто бы Скандинавами (сыномъ Одина, Сигурламомъ, либо самимъ Одиномъ); слѣд. что Славяне были туземцы Балтійскихъ странъ Германіи и позднѣйшіе пришельцы въ Россію, первоначально будто бы населенную Нѣмцами-Скандинавами; въ Іюлѣ же 1843 года (*Ж. М. Н. Пр.* отд. II, с. 54, 56) онъ пишетъ совсѣмъ наоборотъ, и выдаетъ Славянъ уже за туземцевъ Россіи, удалившихся потомъ въ Германію. Не понявъ, что у древнихъ подъ именемъ Германовъ разумѣлись племена независимыя отъ Рима,—на западѣ Германіи: Тейтшеры, Тевтоны, Нѣмцы, а на востокѣ Германіи: Славянскія племена Франковъ, Чеховъ, Словенъ, Поморскихъ Сорабовъ, Ляховъ, искони тутъ жившія,—Крузе приходитъ въ недоумѣніе, не видя *когда* и *какимъ образомъ* они тутъ явились; не зная же, что подъ именемъ Wenden у всѣхъ вообще Нѣмецкихъ племенъ разумѣются именно *Славяне*—гнъ Крузе заставляетъ Славянъ *и Вендовъ* совершать удивительнѣйшія похожденія: «въ древнѣйшія времена берегъ сѣверной Германіи былъ обитаемъ Германцами» (NB. сирѣчь-де Нѣмцами), «*уступившими мѣсто,* при *переселеніи* народовъ, Славянамъ *и Вендамъ*» (т. е. *и Славянамъ*). Вы скажете: пресловутое переселеніе народовъ по мнѣнію господъ историковъ было въ IV, V, VI и VII вѣкахъ; но вѣдь ни одинъ писатель IV-го вѣка, V-го, VI-го или VII-го не говоритъ объ этомъ: откуда же взяли господа историки такую неправдоподобную сказку, будто бы Германцы въ качествѣ Нѣмцевъ вдругъ всѣ рѣшились бросить отчизну и *уступить мѣсто* въ IV-мъ вѣкѣ, либо въ V-мъ, а можетъ быть въ VI или VII-мъ столѣтіи, *Славянамъ* и *Wend*'амъ (=Славянамъ)? Не самъ ли гнъ Крузе въ 1838 году признавалъ этихъ Балтійскихъ Славянъ или (по-нѣмецки) Wend'овъ за туземцевъ восточной Германіи по берегамъ Лабы и Салы? Но гнъ Крузе, не замѣчая своего противорѣчія, смѣло продолжаетъ *сочинять* историческій *романъ:* «когда сѣверъ Германіи былъ уже завоеванъ (!?) Свевами и Готами, *вторглись* Славянскія *и* Вендскія (=Славянскія) племена и *завладѣли* въ Германіи всею землею *до Эльбы и Салы*». Помилуйте, Тацитъ жилъ въ I-мъ вѣкѣ нашей эры; а вѣдь онъ всю сѣверную Германію заселяетъ Свевами, принимая это слово въ значеніи хохловъ или чубоносцевъ—о *завоеваніи* жъ сѣвера Германіи Свевами не говоритъ ни

opere contacti; quos pressos sacro curru sacerdos ac rex vel princeps civitatis comitantur, hinnitusque ac fremitus observant. Nec ulli auspicio major fides, non solum apud plebem, sed apud proceres apud sacerdotes: se enim ministros deorum, illos conscios putant). Читая эту X главу Тацитовой Германіи, невольно сравниваешь его слова: auspicia sortesque, ut qui maxime, observant: «гаданія и метаніе жеребьевъ наблюдаютъ болѣе всѣхъ», съ извѣстіемъ Саксона Грамматика о Поморскихъ Славянахъ, что ad varia quoque negotia profecturi ex primo animalis occursu votorum auspicia capiebant (*loc. c.*) «на какое бы они дѣло ни шли, по первому встрѣтившемуся животному заключали объ опредѣленіи судьбы». Гельмольдъ «самъ на опытѣ узналъ то́, что́ прежде зналъ только по слуху, именно—что нѣтъ на свѣтѣ народа гостепріимнѣе Славянъ» (illic experimento didici, quod ante fama vulgante cognovi, quia nulla gens honestior Slavis in hospitalitatis gratia,—I, 83); а Тацитъ говоритъ въ XXI главѣ, что «ни одинъ народъ въ свѣтѣ не поступаетъ такъ щедро, прини-

Тацитъ и никто изъ предшественниковъ его; но, положимъ, что кто-нибудь сообщилъ съ того свѣта любопытное извѣстіе о завоеваніи сѣверной Германіи Свевами: такъ какъ во времена Тацита она уже принадлежала Свевамъ, слѣдуетъ заключить, что это завоеваніе совершилось по крайней мѣрѣ въ началѣ I-го вѣка нашей эры—слѣдственно, говоря вашими словами, Славянскія и Wend'скія (=Славянскія) племена *вторглись въ Германію и завладѣли ею* до Лабы и Салы *въ I-мъ вѣкѣ:* а какъ же вы давича утверждали, что Нѣмцы *уступили свое мѣсто* Славянамъ въ восточной Германіи при *переселеніи* народовъ, въ IV-мъ, или V-мъ, или VI-мъ, или VII-мъ вѣкѣ?

Не примѣчая несообразности, гнъ Крузе отважно повѣствуетъ: «около сего времени» (какого же — говорите яснѣй: I-го столѣтія или IV-VII?) «появилось Славянское народонаселеніе на Рюгенѣ.» Опять ваша, извините, выдумка: современники знать этого не знаютъ. А поводомъ къ *сочиненію* этого никому въ мірѣ неизвѣстнаго происшествія было то, что гну Крузе казались непонятными имена Rugiani, Rujani, Rani, въ слѣдствіе чего Rugiani объявлены Нѣмцами, а Rujani Славянами; различными жъ эти два имени показались по той простой причинѣ, что профессору Крузе неизвѣстенъ ключь къ чтенію Славянскихъ именъ, написанныхъ по-Славянски Латинскими буквами: у Германскихъ Славянъ чрезъ ha, ga, gia часто выражается нашъ Славянскій звукъ *я* (на пр. mater moga=матерь моя, pokog=покой, vogna=война), слѣд. Rugiani = Rujani, *Руяне,* или по другому нарѣчію Rani = *Рьяны.*

Приведя Балтійскихъ Славянъ Рьяныхъ на островъ Руйный, профессоръ Крузе никакъ однакожъ не позволяетъ имъ называться Русью, хотя сами Нѣмцы до XVI вѣка звали этотъ Руйный островъ Reussenland (земля Руссовъ); а для того, чтобы удобнѣе достигнуть предположенной цѣли, переселяетъ Елену съ острова Руяны (по-нѣмецки Rügen'а) къ намъ въ Кіевскую Русь, увѣряя, будто бы наша Ольга и Helena

мая и угощая гостей» (convictibus et hospitiis non alia gens effusius indulget). Безъимянный жизнеописатель свят. Оттона разсказываетъ о Поморскихъ Славянахъ, что у нихъ «каждый отецъ семейства имѣетъ свой отдѣльный домъ, опрятный и честный, посвященный гостепріимству: здѣсь всегда стоитъ столъ, съ яствами и питіемъ; если что будетъ снято, то немедленно ставится другое. Въ какой часъ вамъ угодно искать гостепріимства—будьте гостями, будьте домашними; сѣвъ за столъ, вы все найдете готовымъ» (quilibet pater familias domum habet seorsum, mundam et honestam, tantum refectioni vacantem: illic mensa cum omnibus, quae bibi ac

---

regina Rugorum — одно и то же лице, то есть, будто бы Св. Ольга Римская католичка и Адальбертъ Русскій Кіевскій епископъ.

Если бъ эта Helena regina Rugorum была наша Ольга, то ее за присоединеніе къ Латинской церкви могъ бы присоединить къ лику святыхъ Папа, а не Восточные іерархи; но мы видимъ, что не Римская Церковь, а Восточная признала Ольгу за праведницу; слѣдственно, тутъ само дѣло говоритъ за себя, и всякое убѣжденіе въ противномъ явится передъ всѣми не чѣмъ инымъ какъ софизмомъ: за отступничество отъ Православія предаютъ анаоемѣ, а не причисляютъ къ лику Святыхъ. . . Умный историкъ Церкви, Неандеръ, справедливо отклонилъ Ольгу отъ присоединенія къ Римской Церкви: «удивительно,»—говоритъ онъ,—«что многіе Нѣмецкіе лѣтописатели такъ рѣшительно утверждаютъ, будто бы посольство это отправила приплывшая въ Константинополь св. крещеніе Елена (Ольга). Но трудно, чтобъ такой фактъ упалъ съ неба. Остается только принять, *если не хотятъ приписать это исключительно Русскимъ,* что къ Императору прибыли два посольства, отъ Руговъ и Руссовъ, съ различною цѣлью; въ повѣствованіи жь оба смѣшаны, одно съ другимъ» (IV, стр. 116). Такъ судилъ благоразумный Неандеръ, и всякій безпристрастный изыскатель согласится съ церковнымъ историкомъ. Однакожь гнъ Крузе стоитъ на-своемъ; соглашается, что въ граммотѣ Оттона 968 года къ Саксонскимъ князьямъ «какъ будто упоминается объ этомъ посольствѣ» (стр. 47); но такъ какъ въ ней императоръ напрямки пишетъ, что назначилъ Ругамъ Трирскаго монаха Адальберта епископомъ всѣхъ Славянскихъ земель между Лабой и Салой (episcopum olim *Rugis* destinatum totius *ultra Albiam et Salam* Slavorum gentis), послѣ чего не можетъ оставаться и тѣни сомнѣнія, что тутъ разумѣется не наша Днѣпровская Русь, а Балтійская по Лабѣ и Салѣ; то гнъ Крузе обращаетъ вниманіе на продолжателя Региона. Тамъ сказано: anno D. 959, iterum *Sclavos* invasit (Otto). Legati Helenae reginae *Rugorum,* quae sub Romano imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptisata est, ficte, ut post claruit, ad regem venientes episcopum et presbyteros eidem genti petebant, то есть: «959 года, Оттонъ опять предпринялъ походъ на *Славянъ.* Послы отъ Елены, царицы *Руянъ* (Руговъ), которая при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополѣ, притворно, какъ послѣ обнаружилось, прибыли къ Оттону

mandi possunt, nunquam vacuatur, sed aliis absumptis, alia subrogantur .... Quacunque ergo hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inveniunt, intromissi ad mensam (Anonym. Vita Sancti Ottonis, p. 691). Тацитъ же въ XXI главѣ говоритъ: «всякій подчиваетъ своего гостя тѣмъ, что есть въ запасѣ. Ежели запасъ съѣденъ, то хозяинъ поведетъ гостя и покажетъ ему другое мѣсто, и такъ приходятъ незваные въ ближайшій домъ; но до это-

Елены находится въ связи съ походомъ Оттона для обращенія Славянъ въ христіанство—спрашивается: какихъ Славянъ? разумѣется, не нашихъ Кіевскихъ-Днѣпровскихъ, ибо онъ воевалъ съ Прибалтійскими, а не съ нашими. Это неоспоримо. Если же театромъ его дѣйствій была *не наша* страна, то ясно, что и посольство Елены о епископѣ и священникахъ было *не изъ нашей стороны*, а изъ Прибалтійской: продолжатель Регинона такъ и говоритъ, указывая на Руянъ (gens Rugianorum, Rugorum). Но такъ какъ Руйные островитяне носили племенное имя *Русь*, то Ламбертъ Ашаффенбургскій (пис. до 1077 года), говоритъ, что пришли къ Оттону послы Русскаго народа: venerunt legati Russiae gentis; лѣтопись Гильдесгейская, продолжающаяся до 1138 года, повторяетъ тоже: venerunt legati Russiae gentis; анналистъ Саксо, котораго хроника доведена до 1139 года, говоритъ опять, что къ Оттону приходили послы отъ Елены Руянской, legati Helenae, reginae Ruhorum; напротивъ, въ Annales antiqui Corbejae Saxoniae, оканчивающихся 1572 годомъ, читаемъ: Otto rex Russorum reginae etc. Что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что *Руяне* также назывались *Руссами*; а гнъ Крузе, не обративъ вниманія на *мѣстность* дѣйствій Оттона, ухватился только за свидѣтельство продолжателя Регинона, что Елена приняла крещеніе въ Константинополѣ въ царствованіе Романа, и вообразилъ, что она-то и есть Ольга, великая княгиня Кіевская крестившаяся въ Константинополѣ въ царствованіе Константина Багрянороднаго, какъ будто кромѣ нашей Ольги никто уже и не крестился въ Константинополѣ! Кедринъ, историкъ XI вѣка, сказавъ, что Императоръ Константинъ Багрянородный взялъ себѣ (въ 945 году) Романа въ соправители, пишетъ, что двое князей Турецкихъ (Мадярскихъ или Венгерскихъ) приняли Христіанскую вѣру въ Царьградѣ; а изъ лѣтописей западныхъ извѣстно, что именно въ этотъ періодъ процвѣтала ученостію и мудростью постригшаяся въ Гандерсгеймскую обитель Helena von Rossow, иначе Rhoswilda или Roswida (920-985), бывшая прежде въ Константинополѣ и научившаяся тамъ Греческому языку. Она принадлежала къ числу знаменитыхъ Бранборскихъ фамилій, между которыми было много Князей, и состояла въ родствѣ съ Императоромъ Оттономъ. Впрочемъ исторія этой Елены изъ Россовъ (Helena von Rossov) еще не разъяснена критикою въ надлежащей мѣрѣ, и объ ней столько же находимъ разногласій, какъ и о Гидѣ, странницѣ ко Св. мѣстамъ, которую одною называютъ женою, а другіе (Дитмаръ) матерью Геро. (Lusatische Merkwurdigkeiten von S. Grössern, Leipzig, 1714, Th. 1, S. 13, 14; Rerum Brunswic. t. II, 336; ibidem, Histor. abbatiss. Handersheim). Профессоръ Морошкинъ догадывается, не была ль эта Еле-

го и нужды нѣтъ — съ равною ласкою ихъ принимаютъ: знакомаго и незнакомаго угощаютъ безъ разбора» (pro fortuna quisque apparatis epulis excipit. Quum defecere, qui modo hospes fuerat, monstrator hospitii et comes, proximam domum non invitati adeunt, nec interest—pari humanitate accipiuntur: notum ignotumque, quantum ad jus hospitii, nemo discernit). Питьемъ у нихъ

на, ѣздившая въ Константинополь и состоявшая въ родствѣ съ Оттономъ, царицею Старгарда въ Вагріи, въ которой дѣйствительно есть и Русскій городъ (Rasseburg, Ratzeburg), и Русскіе лѣса (Rossewälde, потомъ Herzwälde близь Гамбурга) и древнее селеніе Rossov.—(Истор. критич. изслѣдованія Ѳ. Л. Морошкина, стр. 49, 50).

Одумавшись и, по видимому, сообразивъ логическую и фактически-историческую невозможность своего предположенія, гнъ Крузе самъ сознается въ томъ, говоря: «можетъ показаться *страннымъ*, что Елена, послѣ принятія *Греческой* Вѣры, требовала *Латинскихъ* священниковъ». Но вѣдь за признаніемъ, что Елена Руянская-Русская и Ольга Кіевская Русская два лица различныя, должно слѣдовать другое признаніе, что Руяне также назывались Руссами, а этимъ въ-конецъ подрывается Скандинавоманія и неопровержимо подтверждается бытіе Славянской Руси Прибалтійской. Въ силу таковыхъ причинностей, гнъ Крузе, какъ защитникъ Скандинаво-Ютландскаго происхожденія Руссовъ изъ Ютландіи (потому-де, что тамъ есть Розовая волость, Rosen-gau, имя которой похоже (!!) на имя Руси) рѣшился все-таки поддерживать *странность* или, точнѣе сказать, логическо-историческую несообразность, будто бы наша Св. Ольга сдѣлалась католичкою. Причиною же будто бы перехода ея въ нѣдра Католической Церкви,—увѣряетъ гнъ Крузе,—былъ «возникшій тотчасъ по крещеніи Ольги споръ о томъ, чтобы Россія, въ *слѣдствіе этого крещенія*, не была обязана платить *дани* Константинополю»; а слѣдствіемъ отступничества Ольги отъ Восточной Церкви была будто бы «война съ Византійцами, которую объявилъ *вскорѣ* послѣ того ея воинственный сынъ ея, Святославъ, пребывшій въ язычествѣ» (51). Авторъ ссылается въ этомъ на Несторову лѣтопись подъ годомъ 955, а между тѣмъ все это *сочинено* имъ же самимъ, ибо у Нестора даже намека нѣтъ на мнимое отступничество Ольги отъ Православія. И такъ, во I-хъ: молчаніе Нестора о мнимомъ отступничествѣ святой Ольги и переходѣ ея въ лоно Римской Церкви доказываетъ, что это отступничество совершилось не въ дѣйствительности, а только въ головѣ людей чуждыхъ исторической логики;—во II-хъ: внукъ Ольгинъ, Владиміръ, напрямки отвѣчалъ католикамъ: «идѣте опять, яко отці наши сего не пріяли суть» (Лаврент. спис. стр. 53) и бояре точно также, совѣтуя Владиміру обратиться къ Восточной Церкви, указывали на примѣръ Ольги: «аще бы лихъ законъ Гречьскии, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ» (стр. 74);—въ III-хъ: преподобный Несторъ не оказываетъ расположенія къ Римскому Католичеству, которое называетъ Папежемъ (стр. 53), и заставляетъ философа говорить Владиміру, что «католики служать опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же Богъ не преда»

было пиво, или брага, вмѣстѣ съ медомъ—любимый напитокъ Славянскихъ племенъ: potui humor ex hordeo aut frumento, in quamdam similitudinem vini corruptus: «питье ихъ, изъ ячменя или ржи, нѣсколько уподобляется вину», замѣчаетъ Тацитъ (Germ. XXIII).—Относительно одежды, любопытно извѣстіе, что жители при-Рейнской Братовщины (слѣдственно, Тевтоны или Нѣмцы) носили грубыя звѣриныя шкуры; обитатели жь дальнѣйшей Братовщины (слѣдственно, племена Германо-Славянскія) носили щеголеватыя шубы

стр. 54), а Ольгу вездѣ называетъ Блаженною и Праведною (стр. 33, 38, 39), имена, которыя не даются отступницамъ;—въ IV-хъ: Кедринъ и Зонара говорятъ утвердительно, что «Ольга, супруга князя Россійскаго, который со флотомъ ходилъ противъ Грековъ, по смерти мужа была въ Царьградѣ, крестилась тамъ и оказывала великое усердіе къ Вѣрѣ истинной» (Memor. popul. II, 976), чего также не сказали бы они объ отступницѣ;—въ V-хъ: крещеніе по обряду Восточной Церкви не обязывало крещаемыхъ платить дань Греческому Императору, и спора о томъ никогда не было. Греческій Императоръ, черезъ пословъ, говорилъ: «много *дарихъ* тя,» напоминалъ Ольгѣ обѣщаніе ея «прислать многи дары — челядь, воскъ и скъру, и вои въ помощь»; но въ сущности дѣло было не такъ: 9-го Сентября въ Царьградѣ, послѣ великолѣпнаго обѣда, ей поднесли въ даръ на золотомъ блюдѣ 500 миліарезій (41 червонецъ), а потомъ 18-го Октября 200 миліарезій (16 червонцевъ); племяннику, духовнику и приближеннымъ ея подарки были очень незначительны, и Карамзинъ справедливо говорилъ, что «одна *учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила Великую Княгиню принять въ даръ шестьнадцать червонцевъ» (т. I, стр. 168). И за *это*, Константинъ желалъ, чтобы его отдарили *многими дарами* и дали бы войско въ помощь... Но Ольга, съ своей стороны хотѣла напомнить Императору его неумѣстную подозрительность, въ слѣдствіе которой ее не скоро впустили въ городъ, и отвѣчала Константину: «аще ты такоже постоиши у мене въ Почаинѣ, яко же азъ въ Суду, то тогда ти дамъ» (Лаврент. списокъ, стр. 34). Дѣло шло о *дарахъ*, а гну Крузе показалось, будто бы о *дани;* отвѣтъ Ольгинъ обнаруживалъ скупость и подозрительность Византійцевъ, а гну Крузе показался онъ споромъ за выполненіе обязанностей, налагаемыхъ будто бы за крещеніе народа по обряду Восточной церкви.—Наконецъ, въ VI-хъ: никакой войны Византійцамъ *вскорѣ* послѣ крещенія Ольги (955 по Нестору, 957 г. по Кедрину) Святославъ не объявлялъ, да и не могъ объявлять, ибо еще былъ малолѣтенъ. Напротивъ, *дружескія* сношенія Кіевскаго Двора съ Византійскимъ произвели (черезъ 12 *лѣтъ* по Нестору, или черезъ 10 лѣтъ по Греческимъ лѣтописцамъ) походъ Святослава на Болгаръ; а война съ Греками вспыхнула уже въ 970 году, въ слѣдствіе желанія ихъ остановить успѣхи Русскаго оружія въ Болгаріи.

Такимъ образомъ, историческая критика заставляетъ признать, что Елена regina Rugorum sive Russorum и Кіевская великая княгиня Ольга суть два лица отдѣльныя: обѣ онѣ были современницы, но Ольга княжила въ Днѣпровской Руси, а Елена въ Прибалтійской Руси.

изъ дорогихъ звѣрей, родящихся за дальнимъ и неизвѣстнымъ моремъ (изъ соболей?): gerunt et ferarum pelles, proximi ripae negligenter ulteriores exquisitius .... eligunt feras, et detracta velamina spargunt maculis pellibusque belluarum, quos exterior oceanus atque ignotum mare gignit (Germ. cap. XVII). — Сличая эти разсказы Тацита и писателей среднихъ вѣковъ, о власти первосвященника и могущественномъ вліяніи религіи на народъ, о гаданіяхъ посредствомъ бѣлаго коня, о необычайномъ гостепріимствѣ, и вообще о всѣхъ нравственно-политическихъ обычаяхъ Восточной Братовщины или Германіи, какой Славянинъ по этимъ чертамъ не узнаетъ своихъ предковъ? кто не убѣдится, что Тацитовскіе *восточные Германы* суть тѣ же *Балтійскіе Славяне* анналистовъ среднихъ вѣковъ: Гельмольдовы и Саксоновы Руяне (Rugiani, Rujani), Оттоновы Поморяне-Славяне (Slavi), Бонифаціевы Венеды (Venedi, Vinadi), Вандалы западныхъ лѣтописцевъ, Ваны сагъ Скандинавскихъ?

Рьяные обитатели острова Руяны и прочіе туземцы Балтійскаго Поморья издревле у Нѣмецкихъ племенъ извѣстны были подъ именемъ Венедовъ, Вендовъ, Виндовъ; а это имя всегда означало только племена Славянскія, какъ видимъ изъ Іорнанда, который Словенскія племена до истоковъ Вислы называетъ Sclav'ами, восточныхъ сосѣдовъ ихъ до Чернаго моря, въ Дакіи или Хорватіи, Ant'ами, а на сѣверъ до Балтійскаго моря показываетъ многочисленный народъ Венедовъ (Vinedarum natio populosa), увѣряя однакожь, что всѣ три эти имени означаютъ племена родственыя, происходящія *отъ одного корня:* ab *una stirpe* exorti tria nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Sclavi. Такое положительное свидѣтельство Іорнанда подтверждается всѣми памятниками среднихъ вѣковъ. На примѣръ, Фредегарій пишетъ (650), что Samo in Sclavos cognomento Winidos perrexit, «Само удалился къ Славянамъ, по прозванію Винидамъ,» или Sclavi cognomento Winidi «Славяне по прозванію Виниды» (218); Іона, аббатъ Бобійскій, въ Италіи, въ VII вѣкѣ, говоритъ о св. Колумбанѣ: «Пришла ему мысль отправиться въ предѣлы Венетовъ, называющихся еще и Славянами» (219). Святый Бонифацій, архіепископъ Майнцкій (умершій 755 года), Славянъ между Лабой и Салой именуетъ Венедами (220). Въ такъ называе-

(218) *Fredegar* Chronic. c. 48, 67.

(219) *Jonas* Vita s. 53. «Ei cogitatio in mentem ruit, ut *Veneticorum* qui et *Sclavi* dicebantur, terminos adiret, caecasque mentes evangelica luce illustraret.»

(220) *S. Bonifacii* Epist. ad Athelbaldum in *Serrarii* Bibl. max. patrum (Lugd. 1677, T. 23. p. 77): «Et Wenedi ... tam magno zelo matrinonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset:»

мой Вессобрунской рукописи, хранящейся теперь въ Мюнхенѣ, и принадлежащей къ VIII-му вѣку, имя Winidi приписывается только Славянамъ (221), равно въ грамматахъ Нѣмецкихъ государей VIII-го, IX и X столѣтій, напр. у императора Лудвига (832 г.) Славяне называются Winades, въ грамматѣ же 846 года, Славяне на Моганѣ и Радницѣ названы по-латинѣ Moin-winidi, Ratanz-winidi (222); въ X-мъ вѣкѣ и XI-мъ множество мѣстечекъ, деревень, монастырей названы Венедскими по своимъ Славянскимъ обитателямъ, какъ видно изъ граммать 863, 889, 905, 908, 932, 936, 937, 979, 999 и 1036 г. (223). Въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ (съ VIII вѣка по XII-й) извѣстныхъ подъ именемъ Временниковъ св. Амапда, Петавіанскихъ, Лавресгамскихъ, Моиссіаценскихъ, Бертиніанскихъ, Лобіенскихъ, Ксантенскихъ, Лавриссенскихъ, Гвельфербитанскихъ, Гинкмара Ремскаго, Пруденція Треценскаго, и проч. въ Житіи Карла Великаго, описанномъ Сангалльскимъ монахомъ, и въ другихъ твореніяхъ среднихъ вѣковъ, Славяне Балтійскіе называются: Winedi, Winidi, Winitha, Winethi, Winnetes, Winodi, Winedi, Hwinidi, Guinidini, Gunedes, а земля ихъ—Wenedonia, Wenedum. Гербертъ (впослѣдствіи папа Сильверстъ II), говоря о походѣ имп. Оттона противъ по-Лабскихъ Славянъ (988), называетъ ихъ Гвинидами, т. е. Винидами (224). Альфредъ, въ переводѣ Орозія (900), землю Славянъ Балтійскихъ называетъ Winedaland, а Славянъ тамошнихъ Winedas. Вульфстанъ, въ дорожникѣ (890), дважды называетъ Балтійское поморье, отъ устья Вислы черезъ Мекленбургъ, по Вагрію, Weonodland, а разъ Winodland. Точно также употребляетъ имя Winedum и современникъ его, Отеръ (225) Древнія Исландскія географическія записки, изданныя Лангебекомъ и Верлауфомъ, называютъ Славянскій край, граничащій съ Пруссіей, Саксоніей и Даніей, Pulina-land et Vindland, а въ отрывкѣ од-

---

(221) *Hormayr* Herzog Luitpold. S. 24.

(222) D. Ludov 846: In terra Sclavorum ... qui vocautur Moinvinidi et Ratanzvinidi (Моганскіе и Радницкіе Виниды). «Sive Bojoarii, sive Sclavi vel Vinades.» *Horm.* I. c. p. 57; сравните выше, у меня, с. 221 прим. 87.

(223) *Böhmer* Regesta chron. diplom. Frkf. 1831—33. 4. 2 части;—*Raumer* Regesta Histor. Brandend. Berl 1836. 4.;—*Leutsch* Markgraf Gero. Lpz. 1828. 8;—*Koch-Sternfeld* Beiträge 1. 17, 166;—*Wersebe* Bechreib. der Gaue an der Weser. 1829. 4.

(224) Legiones militum duxit (caesar Otto III) in Sarmatas, quos ea lingua Guinidos dicunt. Bibl. max patr. T. 17. *Gerberti* ep. XCI.

(225) Сравн. Шлёцерова. и «Нестора» и Шафарика Слав. Древн. I, стр. 123;—*Dahlmann's*, Forschungen, Bd. 1, S. 422—430; — *Langebeck*, t. II. p. 36;—*Voigt*, Gesch. Preussens I. 208;—*Werlauff* Symbolae ad georg. med. aevi e mon.Is landicis. Havniae, 1821. p. 10, 15;—*Bergmann*, Fragm. c. Urk. d. ält. liefl. Gesch. Riga, 1818. 8. p. 25;—Geschichte Schwed. Bd. I, S. 96.

ной древней Ливонской грамматы, изданной Бергманомъ, Wentlande. Это же Поморское побережье, по Рюсу, у Скандинавовъ всегда называлось Wendland: Бориславъ, князь Поморскій, у Снорро Стурлезона называется королемъ Винланда, а у Флодоарда — королемъ Сарматскимъ (226). Вагрія, или восточная часть Голштиніи по рѣку Траву, занятая Славянами, называлась у Датчанъ, которымъ тоже платила дань, Wanland (227). Въ Соломоновомъ словарѣ (конца IX-го вѣка) слово Wandalus объясняется словомъ Wint, а въ рукописи этого словаря, принадлежащей Чешскому Музею (1102) къ послѣднему слову приписано еще Zlouenin, т. е., Славянинъ (228). Также и въ словарѣ Тревирскомъ (Трирскомъ) читаемъ Winida Sclavi (229). Въ историческихъ запискахъ начала XII-го вѣка, изданныхъ Эйхгорномъ и Раумеромъ, имя Slavia переведено по-Нѣмецки Winden (230).—

Узнавъ одноплеменность Балтійскихъ Поморянъ и прочихъ обитателей Велето-Сербскаго Кута съ Поляками, Русью, Чехами и Словенцами, примыкающими къ Синему морю (Адріатикѣ) и заселяющими все тамошнее Бенетское поморье (см. выше, стр. 120),—имя Вендовъ переносили иногда и на эти Славянскія племена: такъ Польскій Боровъ, Borow Polonicale, Нѣмцы назвали Wendisch-borau (231), въ Отеровомъ путешествіи Висла выводится изъ земли Вендовъ, Алберихъ (Albericus, 1241) называетъ Чеховъ Виндами, а Тіодулфъ (Thiodulf) у Сноро Стурлезона присвоиваетъ намъ, Русскимъ, названіе Восточныхъ Вендовъ (232);—Словенцевъ же и донынѣ всѣ Нѣмцы зовутъ Виндами.

Скандинавы: Датчане и Шведы, часто опускающіе звукъ *д* (233),

---

(226) *Snorro* Tryggwasons Saga, c. 15 p. 227;—*Kanngiesser* Gesch. Pommerns I. 38, 55.

(227) *Pischon's* Weltgesch. in Tafeln II. 12.

(228) Wandalus Wint Zlouenin: Cod. mus. Boh. (1102) p. 359. col. 3.

(229) *Hofmann* Althochd. Glossen. Bresl. 1826.

(230) *Raumer* Reg. Brand. I, p. 121. N. 669. in Poloniam, Slaviam et Bohemiam, по-Нѣмецки переведено: zu Winden, zu Polandt und zu Behem. улица въ Стендалѣ (1475) Slavorum platea, въ 1567 году названа по-Нѣмецки Wendenstrasse.

(231) См. грам. Вратиславскаго епископа Ѳомы II-го, въ 1295 году;—Worbs Archiv. II, 12;—Bantdkie Dzieje król. Polsk. 3 wyd. I. 133.—«Славянск. Древности» Шафарика I, 150.

(232) Слав. Древн. Шафарика, кн. I, стр. 151, прим. 44.

(233) Древне-Скандинавскій языкъ и произшедшіе отъ него, Датскій и Шведскій, отличаются опущеніемъ согласной *д*, на пр. Skane (вмѣсто Skande), Sweon, Swealand (вм. Swedaland), Norrige, Norge (вм. Nordweg), Normann (вм. Nordmann) и проч.

измѣнили Нѣмецкое прозвище Славянъ, Wend, Wind, Wand, и по свойству Скандинавскихъ нарѣчій, вмѣсто Wand начали употреблять имя Wan.

Отъ Скандинавскихъ или Сѣверо-Тевтонскихъ племенъ заимствовали это имя ихъ Финскіе или Чудскіе сосѣди и живущее съ ними въ при-Балтійскомъ краѣ Литовское племя. Такимъ образомъ становится понятнымъ, отчего съ незапамятныхъ временъ Чудь называетъ Славяно-Руссовъ Венами (Wäne, Wene, Wenne); Чухонцы въ Финляндіи говорятъ въ единственномъ числѣ Wenelainen, а во множественномъ Wenelaiset; тамошніе обитатели называютъ Русскаго Славянина Wenemees, а нашу Русь (Русскую землю) Weneje, Wenemaa, Wenaheinmaa; Эстонская же Чудь называетъ Русскаго Wennelane, Wennemees, нашу Русскую землю Wenne, Wennema, а Ладожское озеро всѣ Чудскія поколѣнія называютъ Weneenmjeri (Вендское море). Чудское названіе, Wäni или Weni, тождественно съ Скандинавскимъ Wan, Wanaheimr, потому что опущеніе согласной *d* послѣ согласной *n* равно свойственно Чудскому языку и Скандинавскому: вмѣсто Санскр. und вода, Латин. unda, Литов. wanduo, древне-Славян. онда, Сканд. unn (wann, wanda) Финны говоритъ *wenna*, и Ливонскій городъ Венденъ называютъ Wenno, Wönnolin.

Отъ Финновъ, или Чудскаго племени, либо отъ поселившихся въ Ливоніи Нѣмцевъ, заимствовали это имя ихъ Литовскіе сосѣди. Такъ Генрихъ Лотышъ, древнѣйшій историкъ своего парода (1226 г.), упоминая о Славянахъ, живущихъ въ тѣхъ краяхъ между Латышами, называетъ ихъ Вендами; въ землѣ ихъ и донынѣ еще находятся въ разныхъ мѣстахъ селенія, издревле называемыя Вендскими, по прежнимъ своимъ обитателямъ, Славянамъ, напр. Wendowiśki (т. е., Wèndśtj или Wendićtj), Wendzegola, конецъ Вендовъ.

Конецъ I и II выпусковъ.

Окончаніе историко-этнографическаго обозрѣнія Тацитовой Германіи, рѣшеніе вопроса о Wandal'ахъ и Guton'ахъ или позднѣйшихъ Goth'ахъ, и полное изслѣдованіе о Hun'ахъ или Obr'ахъ — въ третьмъ выпускѣ.

—

Опечатки будуть указаны въ III-мъ же выпускѣ; здѣсь замѣтимъ только: на стр. 129 вм. *Саласцы* должно читать «Залѣсцы»; на на стр. 131 вм. *Липонтцы* читай «Ли́пинцы»; на стр. 205 вм. «рукавъ нижней Одры назывался Свевою (какъ бы овѣваемою)» читай: «Свевою (какъ бы излучиною рѣки, *свиваемою, извивающеюся*).

